

СУРЕН
ЦОРМУДЯН

ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ

СУРЕН ЦОРМУДЯН

АЗБУКА

ФАНТАСТИКА

Мир кромешного отчаяния
и беспредельного зла...
В нем мы окажемся завтра,
если не опомнимся сегодня.

ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ

АЗБУКА

СУРЕН
ЦОРМУДЯН

ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ

АЗБУКА
Санкт-Петербург
2013

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Ц 81

Оформление Ильи Кучмы

Цормудян С.

Ц 81 Второго шанса не будет: Роман. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — 1056 с. — (Азбука-фантастика).

ISBN 978-5-389-05256-7

Когда-то ядерная война ввергла планету в ледяной ад, заставив тех, кто пережил катастрофу, завидовать мертвым. За многие годы люди успели забыть о том, как выглядит мир без снега и туч. Они влачат жалкое существование в подвалах своих разбитых домов, но продолжают истреблять друг друга.

А где-то далеко, на другом континенте, чудовищный механизм, созданный и запущенный еще до войны, продолжает свою работу — медленно, но верно уничтожает то, что осталось от человечества. Чтобы обезвредить адскую машину, команде отчаянных смельчаков нужно пройти немыслимый путь по окутанным вечными снегами Земле. У них только один шанс, да и тот призрачный, почти неисполнимый. И никакого другого шанса не будет.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

© С. Цормудян, 2013
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-05256-7

Книга первая

КОГДА ЗАВИДУЮТ МЕРТВЫМ

ПРОЛОГ ПОСЛЕ ЭПИЛОГА

Странное существо человек. Вроде разумное. Как будто бы. А что на поверку оказалось? Ведь сколько книг было написано. Сколько фильмов снято. С апокалиптическими картинками будущего. Вот вам, дескать, люди. Внемлите предупреждениям. И вроде понимали все. Знали, что угрожает цивилизации. Я снова спрашиваю себя: «А как так вышло?» Разве не знали мы, к чему приведут эксперименты с силами природы? Разве не знали мы, что такое атомная бомба? Разве не видели мы, что делалось с окружающей средой? Мы с удовольствием покупали билет в кино, отпечатанный на яркой глянцевой бумаге. И, сидя в кинотеатре, жрали попкорн из огромных картонных ведер или чипсы из пакетиков, которые двести лет будут лежать в земле и не сгниют. А потом выходили из кинотеатра, бурно обсуждая актуальность фильма о последних днях мира, и швыряли в урну, а то и мимо нее пакетики от чипсов, от этих сушеных соплей, называемых кальмарами. Кто считал, сколько пластика и полиэтилена мы выбрасывали? Кто считал, сколько леса ушло на никому не нужные рекламные проспектики, которые нам на тротуарах всовывали в руки молодые подрабатывающие студенты в ярких майках? Мы потребляли бензин и пресную воду в непомерных количествах. Жрали, пили, курили, гадили, жгли костры в лесу и смывали в унитаз презервативы. Сливали отработанное масло из своих легковушек прямо в канаву. Равнодушно смотрели на жирные пятна мазута в наших портах, реках, морях. Разве никто не помнил тогда слова из фильма «Через тернии к звездам», которые произнес Ракан: «„Сегодня еще шумят наши леса и смеются наши дети. Сегодня еще богаты наши недра и поют птицы. На наш век хватит“, — говорили мы. А вот не хватило!!!»

Я эти слова помню очень хорошо. И больно мне. Нам было мало предупреждений от самих себя. От тех из нас, кто писал об этом. Кто снимал об этом. Нам было мало зловещих предвестников апокалипсиса. Нам было мало Хиросимы. Мало

Нагасаки. Нам оказалось мало Чернобыля. Мы отмахивались от случающихся все чаще природных катастроф и от выпадающего все реже снега. Нам всего этого оказалось мало, и мы получили все сразу. Скопом!!!

Так разве можно после всего этого сказать, что это странное существо человек было разумным? Или самоуничтожение и разрушение собственной среды обитания и есть квинтэссенция разума?

Ведь все шло по логической цепочке. Мы угробили окружающую среду и истощили ресурсы Земли. А за этим неминуема война.

Да, человек живет, как ему хочется, и получает в итоге то, чего заслуживает. На наш век хватит, думали мы... А вот не хватило...

Получили то, что заслужили.

Из найденного в Уральских горах дневника неизвестного искателя

1
СНЕГ

— Ну, вставай! Хватит дрыхнуть! — Слава Сквернослов еще раз толкнул спящего Николая. — Подъем!

— Да встаю уже, — раздраженно пробормотал Николай, нервно дергая левой ногой. — В чем дело?

— Как это? — усмехнулся Слава. — Наша смена. Пора на пост. — Он похлопал по прикладу калашникова, который висел у него на плече. — Забыл, что ли?

— Ах да. Конечно. — Николай Васнецов стал растирать заспанное лицо холодными сухими ладонями. — Иду.

Они жили в одном подвале и делили его с двумя десятками человек. Это были довольно комфортные условия, хотя и ближе к окраине Надеждинска. Подвал обширный, достаточно глубокий. И в нем можно было выживать многие годы, что и старались делать люди последние двадцать лет — с тех пор, как случилось то, что положило конец всему. По странному и счастливому стечению обстоятельств во время всеобщего конца городок Надеждинск не пострадал. Ближайший ядерный удар пришелся по Калуге. А это почти сорок километров западнее. И бомба там была относительно маломощная. Все в этом мире,

наверное, относительно. В том числе и деление на десятки либо сотни килотонн тротилового эквивалента. Не говоря уже о мегатоннах. Маломощная... Относительно... Во всяком случае, по сравнению с той, что рванула много севернее, в Москве. Николай практически ничего не помнил о том времени. Когда все случилось, ему было три года. Скверослову было девять, и он, бывший воспитанник детского дома, иногда начинал рассказывать своему соседу, двадцатитрехлетнему Коле Васнецову, разные истории о жизни «до того как» и о том, что происходило, когда все началось. Славик был тот еще баламут, и всерьез его рассказы Николай не воспринимал, однако всегда слушал с интересом и гордился тем, что он и этот молодой человек, помнивший совершенно другую эпоху, закадычные друзья. Коля часто спрашивал у друга, ставшего ему названым братом, как вышло, что Надеждинск, в котором располагалась воздушно-десантная дивизия, военный аэродром и уйма военных складов, не пострадал от воздушного удара. У Вячеслава было три варианта ответа, которые зависели от его настроения. Когда у Скверослова настроение было плохое, он говорил: «Просто нашего городка ни на одной карте не было». Если он был чем-то озабочен и обеспокоен, то говорил: «Радуйся, дурак, что не ударили». Если Скверослову было весело, а это, несмотря на окружающую действительность, бывало довольно часто, то он хлопал друга по плечу и отвечал: «Так не успели они, мы по ним тоже шмальнули будь здоров!» Такие ответы, впрочем, давал любой житель Надеждинска. Но каждый понимал, что истинная причина, наверное, совсем иная. Может, просто счастливая случайность. Во всяком случае, когда начался эпилог человечества, город уцелел — уцелели и его жители, около девяти тысяч человек. И детдомовец Слава Скверослов уцелел.

В тот день приехала экскурсия с детьми из калужского детского дома. Их привезли в большом желтом автобусе на экскурсию в ту самую дивизию ВДВ, где служил отец Коли. Было лето. Очень жаркое лето. Тогда все говорили о глобальном потеплении. Николай из всех своих детских воспоминаний хорошо помнил только снег, который выпал под Новый год. И все этому снегу очень радовались. То был последний новогодний праздник человечества. Снега в том году было мало. Нетипично мало для России и для этих краев. А лето было непривычно жарким. После полудня весь городок заполонил шум самолетов с расположенного рядом военного аэродрома. По городу

носились «уазики», собирая всех военных, кто по разным причинам был не на службе. В Надеждинске, который по сути своей был военной базой и чье население так или иначе было связано с военной службой и деятельностью базы, поползли тревожные слухи. В Москве какой-то мощный взрыв. Террористы? Авария? Никто толком ничего не знал. Военные тщетно пытались связаться с Генштабом. Но телевещание, радио, сотовая и всякая другая связь в одночасье перестали работать. Потом на аэродром вернулся первый самолет. Истребитель. Его выбросило с полосы на большой скорости. Тяжелораненого пилота сумели достать из горящей боевой машины. Когда «скорая» везла его в госпиталь, он повторял одно и то же: «Москвы нет больше! Там только огонь! В Обнинске огненный смерч! Калуги нет! Я видел гриб! Я его видел! Это конец!!!»

Когда «скорая» приехала в госпиталь, то на носилках, которые достали из машины, лежал уже мертвый пилот.

Николай все это знал из рассказов старшего поколения. Знал он, что в тот день вернулось еще несколько самолетов. Два разбились при посадке. Люди потом поняли почему: оттого, что пилотам довелось увидеть своими глазами, оттого, что они осознали страшную истину, они буквально сходили с ума. Те, кто все же благополучно приземлился, говорили одно и то же. Началась тотальная ядерная война.

Слава и Николай прошли мимо огороженных досками, кирпичом или железными листами кабинок, служащих квартирами надеждинцам. Молодые люди старались не шуметь. Была глубокая ночь, и жители подвала отдыхали. У входа в подвал их ждали три вооруженных автоматами человека. Вахтер — пожилой Игорь Леонидович. Бывший летчик. Один из тех немногих, кто видел своими глазами ядерный взрыв. Благо светофильтры шлема и внушительное расстояние уберегли его зрение, которое тем не менее с годами резко упало. Он охранял вход в это жилище. В каждом подвале Надеждинска были вахтеры. Двое других — Эмиль Казанов и капитан Гусляков. Обоим было уже за сорок, оба из бывших десантников. С ними Николаю и Вячеславу предстояло выходить сегодня в дозор.

— Вы чего так долго, салаги? — хмуро произнес капитан, натягивая на лысую голову обшитый волчьим мехом капюшон своего бушлата. — Коля, ты, что ли, опять никак не проснешься?

— Проснулся уже, — проворчал Васнецов.

— Готовы? — В тоне капитана продолжало сквозить недовольство.

— Всегда готовы, — кивнул Сквернослов. Никто уже и не помнил, было ли это фамилией светловолосого и высокого Славы или его прозвищем. Но его манера выражать свои эмоции нецензурной бранью объясняла все.

Они двинулись по прорытой в земле траншее, застланной сверху досками и чем попадется. Большинство домов Надеждинска соединялись между собой такими ходами, чтобы людям без особой нужды не приходилось перемещаться по улицам. В мире царили вечная зима и жгучий холод. Иногда выпадали химические или радиоактивные осадки. Ураганы были в порядке вещей. В такой обстановке выходить на улицу было очень опасно. Но людям приходилось делать и это. Нужно было охотиться. Добывать древесину для отопления. Искать разные полезные вещи. Ходить к реке за рыбой. Ремонтировать ветряной генератор, дававший электричество. Иногда воевать...

Земляная траншея кончилась. Вернее, она сворачивала к центру города. Дальнейший путь к блокпосту шел сквозь прорытый в покрывавшем землю трехметровом слое снега тоннеле. Капитан приказал остановиться и, поднявшись из траншеи, заглянул в снежный тоннель. Посветив в него фонариком, он махнул подчиненным рукой и пошел вперед. Остальные двинулись следом. В снежных тоннелях необходимо было соблюдать меры предосторожности. И дело тут не только в возможных обвалах. От них бывали пострадавшие, но никто еще не погиб. Была и другая опасность. Несколько лет назад к дозору с Артиллерийской улицы шла смена. Тоже четыре человека. Они двигались по такому же прорытому в снеге коридору, когда увидели, что в нем появилось ответвление. Их командир взял с собой одного бойца и двинулся в этот новый, идеально ровный тоннель, приказав остальным идти на пост и ждать их там. Тех, кто пошел на разведку, больше никто не видел. И само ответвление исчезло, будто и не было его никогда. Поиски людей и неизвестного коридора не дали никаких результатов. Никто так и не узнал, что стало с двумя дозорными и кем был вырыт этот странно исчезнувший ход. Больше такого не повторялось, но память о том случае пугала людей...

— Пароль! — послышался окрик из глубин снежного тоннеля.

— Курение вредит вашему здоровью! — ответил командир. — Отзыв?

— Прилежный ученик! Опаздываете, ребята!

Капитан Василий Гусляков со своими дозорными вошел в собранный из бетонных плит и отделанный изнутри звериными шкурами блокпост. Там в тусклом свете горящей лучины их ждали четыре человека из предыдущей смены.

— Молодежь опять проспала, — махнул рукой начальник новой смены.

— Да ладно, не кусайте мне промежности, всего на пару минут задержались! — воскликнул Слава.

Все засмеялись. Только Эмиль поморщился и легонько толкнул Сквернослова ладонью по затылку.

— Ну, как обстановка? — спросил Гусляков у сменяющихся дозорных.

— Все спокойно. За шесть часов ничего не произошло. На том берегу видели стаю волков. Шесть особей. Не похоже было, что они охотились. Скорее всего, опять мигрируют из леса ближе к нам.

Капитан нахмурился.

— Что же в лесу происходит, если все звери в город бегут? Не нравится мне все это.

— Через пару дней искатели должны вернуться из рейда, — пожал плечами командир предыдущей смены, — спросим у них, что там происходит.

— Если вернутся, — покачал головой самый молодой из меняющихся дозорных. Это был его первый дозор, поскольку ему только исполнилось шестнадцать лет.

— Сплюнь, ушлепок! — рявкнул на него Сквернослов. — Еще беду накликаешь своим говнистым языком.

— Тихо! — повысил голос капитан. — Угомонись, Слава. А ты, салага, мотай на ус, нельзя так говорить об искателях, когда они в рейде. Ясно? Вообще не говори так никогда.

— Ясно, — сконфуженно кивнул подросток.

Дозорные сдали Гуслякову, как и было положено, большой военный бинокль, ящик с гранатами и рацию. Бинокль был цел, гранаты на месте, рация исправна. Смена произошла.

— Тоннель чист, — сказал на прощание капитан уходящим дозорным.

— Спокойной вам смены, — ответили они и ушли.

Николай уселся на большой деревянный ящик и посмотрел сквозь узкую щель бойницы на внешний мир. Город накрывали сумерки. Но самого Надеждинска из этого блокпоста видно не

было. Это был самый южный блокпост. По крайней мере, до того как все случилось, эта сторона была югом. А сейчас такие понятия, как «стороны света», растворились в непонимании того, что случилось с магнитным полем планеты, если все имеющиеся у людей компасы показывали совершенно разные направления. Два компаса никогда не покажут в одну и ту же сторону — это люди знали. Но направление они называли по старинке южным, потому что были еще люди, которые помнили, где когда-то был юг, где север, где восток, а где запад.

Прямо за бетонной стеной начинался пологий берег замерзшей реки Оки. На другом берегу начинался лес. Небо было затянуто темно-серыми тучами. Так было всегда. Прошло совсем немного времени после ядерного погрома, и, наверное, весь земной шар был затянут в свинцовую мантию вечной низкой облачности. Люди уже забыли, как светит солнце, как выглядят звезды и луна. Были только эти мрачные тучи над мрачным постапокалиптическим миром. С неба посыпались крупные снежинки. Сначала редкие, потом их стало больше. В отсутствие ветра они падали медленно, и эта картина умиротворяла. Снег был совершенно белый. Без оттенков. Это значило, что в нем не было токсинов и радиации. Хотя проверить, конечно, надо. Благодаря обилию снега от нехватки пресной воды люди не страдали.

Николай снял с головы старую военную ушанку и почесал свои темные волосы. Надо после дозора ванну принять. Благо снег свежий и чистый падает. Совсем голова грязная. Чешется постоянно.

— Может, в картишки перекинемся? — спросил Слава, достав из своего бушлата колоду потрепанных карт с голыми девицами.

— По шее получишь, — тихо ответил Гусляков, прильнувший к биноклю, — на посту или где находишься?

— Да ладно. Скукотица. — Вячеслав стал перебирать в руках карты и хмыкать над каждой картинкой. — Слышь, Колян, после вахты давай махнем в центр?

Васнецов понимал, к чему клонит его друг. В центре города жили старики, женщины и дети. Там было более безопасно, чем на окраинах. Конечно, многие семьи жили и у границ этой маленькой цивилизации, но больше всего шансов найти себе какое-нибудь романтическое приключение было именно в центре. Там, где была наиболее высокая плотность населения. Где

были большие подземные оранжереи, куриные и кроличьи фермы, где трудились женщины и девушки.

— Выйди на мороз на пару минут — сразу дурные мысли из головы улетучатся, — пошутил капитан.

— Михалыч, а ты всегда так делаешь? — спросил у него засмеявшийся Сквернослов.

Казанов снова отвесил ему отеческий подзатыльник.

— Сейчас точно по шее получишь, — обернулся капитан.

— Уже получил, — вздохнул Слава, взглянув на Эмиля.

Николай почувствовал, что засыпает, и, поднявшись, стал ходить по тесному помещению.

— Коль, ты чего?

— Да ноги затекли.

Васнецов не любил дозоров. Это действительно было скучно. Хотя редкий случай, когда ничего не надо делать. Все остальное время совершеннолетних жителей Надеждинска было расписано нормами трудовой повинности. Работать должны были все начиная с шестнадцати лет. А до того надо было усердно учиться, ограничиваясь работами в своем подвале. От трудовой повинности освобождались только женщины с грудными детьми, которые должны были растить здоровое потомство. Николая угнетала рутина. Но и редкое безделье ему не нравилось. Он мечтал стать искателем. Как его отец. Необходимость в таком ремесле назрела почти сразу после катастрофы. Кто-то должен был отправляться в далекие рейды, исследовать то, что стало с миром, налаживать контакты с подобными оставшимися островками жизни и цивилизации, выяснять, какие потенциальные опасности могут грозить общине. Его отец, майор ВДВ, был одним из первых искателей. Он уходил со своей группой в долгие рейды. Возвращаясь, он мало что рассказывал своему сыну. Коля только замечал, что с каждым разом в глазах отца появлялось все больше обреченности. Что такое обреченность во взгляде, Николай понял очень рано, когда после радиоактивного дождя, еще до начала вечной зимы, заболела его мать. Мальчика всегда интересовало: что же видел его отец в мире, что он все больше и больше замыкался? Когда он решался спросить, то отец всегда отвечал одно и то же: «Ты, сынок, живешь в раю, и это главное». А потом он не вернулся. Не вернулся никто из его отряда. И даже сейчас, по прошествии семи лет, Коля надеялся, что отец его жив. Может, он просто в далекой колонии нашел себе женщину, завел семью и остался там?

Ведь его сын жил в райском месте и заботился о нем детдомовец Слава, которого приютили после того страшного дня Колины родители и который стал ему старшим братом. Нет. Не мог он так поступить. Но он жив. Все равно жив. Просто он ушел в далекий рейд. Ему, наверное, совет поручил очень важную и секретную миссию. И он все еще в процессе ее выполнения. Он вернется! Однако тот же самый разум говорил ему, что он сирота. И никого, кроме Славика, у него больше нет. Девушками он особо не интересовался, считая все это ненужными глупостями. Тогда что его держит в городе? Он очень хотел стать искателем. Это была работа для настоящих мужчин. Но совет очень строго подходил к вопросу формирования искательских групп, и стать искателем было непросто. А если кто-то самовольно пытался покинуть город, то его могли наказать. Во-первых, за дезертирство. А во-вторых, за попытку вынести из общины оружие и снаряжение. Ведь никто в здравом уме не покинет общину без оружия...

— Стой, кто идет! Пароль! — крикнул Эмиль, наводя автомат на снежный тоннель, из которого они сюда пришли.

— А я пароля не знаю! Это я, Третьяков! Голос мой не узнаете, что ли? — послышался из коридора возглас.

— Имя-отчество назовите свое, — сказал Гусляков.

— Михаил Вениаминович. Адрес говорить?

— Заходите, профессор, — вздохнул капитан.

В помещение вошел седой человек в очках и старой, бывшей когда-то весьма солидной заячьей шубе. На голове вязаная шапочка. На ногах валенки с калошами.

— Михаил Вениаминович, — Гусляков покачал головой, — опять вы режим нарушаете? Вам же совет запретил покидать центр, тем более в ночное время.

— Ну, пока еще не ночь, а вечер. Да и сколько можно под домашним арестом находиться? — Профессор присел на пустующий ящик.

— Ну какой домашний арест, что вы говорите, ей-богу. Это же для вашей безопасности. Вы носитель стольких знаний и обладатель такого ума. На вас вся наша общеобразовательная система держится. Совет за вас беспокоится — и правильно делает. Ваша жизнь и здоровье очень важны для нашей общины.

— Каждый человек важен, — вздохнул старик. — Разве ты, Василий Михалыч, менее важен с твоей военной подготовкой?

Или ребята вон? Они разве не важны? Я, кстати, котлет вам горячих принес и чай в термосе.

Он достал из-за пазухи пакет и емкость с чаем.

— Спасибо, конечно, вам большое, — улыбнулся капитан, — но и мы не с пустыми руками тут. Сдается мне, вы не просто покормить нас пришли?

— Да нет, конечно, — хмыкнул старик. — Я слышал, ваши предшественники засекли группу волков, шедших из леса.

— Однако быстро слухи распространяются. — Гусляков покачал головой. — Действительно, были волки. Они вышли к реке и пошли по тому берегу на запад.

— Вот то-то и оно. — Профессор оживился. — Миграцию мы уже третий год наблюдаем. Сначала, как вы помните, единичные особи из леса в город приходили. Потом многие лоси да кабаны обосновались в пустынных районах города. Поначалу мы радовались. Дескать, на охоту далеко ходить не надо. Но охота на животных не отпугнула их. Они почему-то предпочитают соседствовать с людьми, но леса избегают. И миграция нарастает, сами знаете. А теперь еще и хищники.

— Ну так они за добычей следуют. Это логично, — пожал плечами Эмиль.

— Логично, конечно. Но в чем первопричина? Я очень хочу поглядеть на этих волков, если они появятся. Или на других. Мне интересно заметить что-то в их поведении. Почему звери уходят из леса? Что может заставить животных идти к самому страшному существу в природе?

— Что еще за страшное существо? — Сквернослов удивленно посмотрел на профессора.

— Человек, разумеется.

После этих слов все молча взглянули на старика.

— Кто-то возразить хочет? — вздохнул профессор. — Разве я сказал неправду? Или кто-то забыл, что произошло на планете, населенной людьми, двадцать лет назад? — Старик говорил с горечью в голосе. — Мы самые страшные чудовища в природе. И это факт. Мы планомерно шли к той развязке, которая в итоге и случилась. Теперь, конечно, мы ближе к природе стали. Женщины уже не борются с целлюлитом. — Он усмехнулся. — Вспомнили, что это вовсе не болезнь или дефект, а защитная система для выживания в суровых климатических условиях. Природа берет свое. Делает так, как ею и было задумано. Включает защитные механизмы человеческого организ-

ма. Словно второй шанс на выживание дает. Больше полагаться на инстинкты стали люди. Хватаются за тонкую соломинку выживания. Да только кто виноват в том, что стало с миром? Конечно, человек и есть самое страшное существо. А теперь выходит, что там, — он кивнул в сторону леса, — появился кто-то пострашней. Нашей хищнической монополии кто-то теперь угрожает. И я, если честно, удивлен, что так долго этот кто-то не появлялся.

— Вы сгущаете краски, профессор. И пугаете молодежь. Я, как офицер, вынужден вам напомнить, что паникерство очень даже не поощряется в нашей общине.

— Сгущаю краски? — Глаза старика расширились. Он снял очки и протер их мятым носовым платком. Затем снова одел и, подойдя к щели бойницы, посмотрел на падающий снаружи снег. — Что может быть гуще этого холода? Этих бесконечных туч? И той безысходности, в которой мы живем? Существуем, вернее. Подумайте. Первое время на нас чаще нападали бандиты. Потом на нас чаще нападали людоеды. Потом — мутировавшие крысы и прочие твари. Последняя война у нас была три года назад. Вам не кажется, что мирная пауза затянулась? Вопрос только в том, чьего нападения нам теперь ждать.

Снаружи стал дуть ветер. Как это обычно случалось, резко и с все нарастающей силой. Как будто совсем рядом включили огромную реактивную турбину и постепенно увеличивали ее тягу. Снег перестал падать вертикально и завертелся в вихре, не в силах достичь поверхности. Он залетал в бойницы и хлестал сидящих там людей по лицам. Капитан опустил стеклянные заслонки. Видимость стала практически нулевой, и эффективность наблюдения с блокпоста сошла на нет. Однако можно быть точно уверенным, что в такую погоду никто на город не нападет. Во всяком случае, никто из людей. А если и нападет кто-то, то это будет... Все сейчас думали о словах Третьякова. Чего боятся животные, бегущие из леса? И спасались ли от этого нечто прошедшие днем волки, или они просто расширяли свой охотничий ареал? Было очевидно, что под воздействием радиации и климатического хаоса должны появиться новые виды. Люди в Надеждинске уже сталкивались с крысами-мутантами. Крысы быстро двигаются, быстро живут, быстро размножаются. Естественно, что за прошедшие со времени того рокового дня годы уже сменилось множество поколений этих грызунов. И естественно, что они по этой причине лучше при-

способливаются, так как быстрее эволюционируют. Новые крысы были крупнее. Шерсть у них была гуще. Хвосты короче и толще — для экономии тепла. Носы шире — для согрева вдыхаемого воздуха. Они нападали на одиноких людей, бродячих собак и даже на лосят. Они селились в снегу, выкапывая разветвленную сеть нор и галерей. Но едва ли они могли стать причиной все нарастающей миграции животных. Люди уже сталкивались и с новым видом волков. С широкими лапами для лучшего передвижения по снегу. С большими ноздрями и укороченными мордами. Они потеряли свой стайный инстинкт и по повадкам больше походили на росомах. Это были свирепые звери, но и они не могли глобально влиять на расстановку сил в пищевой пирамиде обширных лесов вокруг Надеждинска.

— В такую погоду, профессор, волков вы не увидите, даже если они пройдут в паре метров от нас, — сказал наконец Гусляков.

Все были рады, что хоть кто-то заговорил. Воющий снаружи ветер подавлял людей, словно напевая им жутким басом песню о том, что человек ничтожен пред силами природы и давно уже отжил свое на этой планете. Ветер затягивал в сумасшедший вихрь не только снежинки, но и мысли о том, что действительно нет ничего гуще этого холода, отчаяния и безысходности. Но слова капитана подействовали на замолчавших людей ободряюще.

— Так что зря вы пришли, Михаил Вениаминович. Но и уходить теперь вам нежелательно. Дождитесь, пока непогода утихнет. Либо когда смена наша кончится. Одного я вас не отпущу.

— А я и не спешу никуда, — устало вздохнул старик.

Лучина догорела, и в бункере стало совсем темно. Завывания урагана продолжали усиливаться, словно он задался целью усилить апатию и страх людей, слышавших его. Теперь к ним прибавился еще и рев.

— Что это было? — встревоженным голосом спросил Николай.

— Да это ветер, — послышался ответ Эмиля.

— Черта с два это ветер, — возразил Слава.

Рев повторился совсем рядом. Это был жуткий клич, должно быть, очень большого зверя. Все прильнули к стеклам, но они уже были залеплены снегом. Капитан осторожно поднял одно стекло. По лицам, как плетка, хлестнул ледяной ветер

с острыми, будто осколки хрусталя, снежинками. В безумном хаосе кружащего снега прямо перед блокпостом виднелась огромная белая фигура. Может, это кучу снега просто намело? Нет. Фигура двигалась. И тут в ней разверзлась огромная черная бездна раскрытой пасти, и снова раздался рев. Даже такой бывалый и видавший виды человек, как капитан Гусляков, испуганно отпрянул от бойницы, отпустив стеклянную заслонку. Она хлопнула по смотровой щели, и только волчий мех, которым было отделано помещение, не дал стеклу разбиться от удара.

2
ПРИШЕЛЬЦЫ

— Кордон-девять! Я Кордон-восемь! Как слышно меня, прием! Кордон-девять! Я Кордон-восемь! Как слышно меня, прием!

— Кордон-девять на связи, — ответил капитан, потянув на себя микрофон старой полевой рации.

— Вы видели эту хреновину?

— Какую хреновину мы должны были увидеть? — Гусляков взглянул в сторону смотровых щелей.

— Медведя. Белого медведя. Он должен был в вашу сторону пойти. Огромный такой.

— Так это белый медведь был? — облегченно вздохнул Слава.

— Ты уверен, что это белый медведь? — настороженно спросил капитан.

— Ну, точно не панда, — засмеялся восьмой. — Мы час наблюдали за ним. Он из лесу приперся. Со стороны Висляева. Спину чесал о дерево долго. Как снег повалил, поперся сначала к реке, а потом вроде в вашу сторону завернул.

— Откуда здесь белый медведь вообще взялся?

— Так ледниковый период, однако. Я и мамонтам не удивлюсь. Так видели или нет?

— Ну, метрах в пяти от нас беснуется какая-то тварь. Из-за метели не поймем, что это.

— Да мишка это, хе. Может, это он разогнал всю живность в лесу? Ладно. Смотрите, чтоб он в город не полез. Конец связи.

— Ursus Maritimus, — тихо пробормотал Третьяков.

— Чего? — Николай попытался в темноте разглядеть профессора.

— Это по-латыни. Морской медведь. Ну, или белый, как нам привычнее. Действительно, как он сюда попал? И он ли это за окном?

Прямо перед фронтальной смотровой щелью снова замаячила большая рычащая туша.

Теперь, когда разуму людей было от чего отталкиваться в восприятии этого нечеткого, тонущего в вихрях пурги силуэта, он уже не казался им неописуемым монстром. Он действительно очень сильно напоминал белого медведя. И похоже, им и являлся.

— Центральный пост! Я Кордон-девять, прошу на связь! — крикнул в рацию капитан.

— На связи центральный пост.

— Вы мои переговоры с восьмым слышали?

— Про медведя? Слышал.

— Дай свет перед моим постом.

— Хорошо. Сейчас.

На одном из зданий позади блокпоста вспыхнул прожектор. Его мощный свет сильно ослаб, пробиваясь сквозь завесу кружащего снега, но все-таки осветил фигуру полярного медведя. Его устрашающий рев сменился недовольным ворчанием, и животное попятилось в темноту, в сторону Оки.

— Его вальнуть надо! — воскликнул Слава.

— Зачем? Он уходит, — возразил Казанов.

— Да представьте, какая у него теплая шкура! Не то что эти волчьи, кроличьи и кабаньи ошметки. Нельзя его упускать!

— Вот же люди, — вздохнул Третьяков. — Все меняется, но только не люди.

— Вы, конечно, извините, Михаил Вениаминович, я понял, к чему вы сейчас клоните, — говорил Сквернослов. — Но вот совершенно не к месту. Мне не для того, чтобы эту шкуру у камина бросить для красоты, пришла в голову такая мысль. Людям выживать надо. И нам нужны звериные шкуры. И лучше всего шкуры полярных животных.

— Да об этом и не думал никто, пока белого медведя не увидели. Но стоило ему появиться, как человеку сразу вздумалось его убить, и при этом мотивировка нашлась моментально. — Старик сердился. Это явно слышалось в его голосе.

— Михаил Вениаминович, все-таки Слава прав. Хотя, конечно, ваши доводы я тоже могу понять, — сказал Гусляков, продолжавший наблюдать в смотровую щель. — Да и спорить не о чем. Зверь ушел.

— В какую сторону? — послышался голос Эмиля.

— В сторону Висляева.

В Надеждинске хорошо знали это название. Небольшой поселок Висляево находился километрах в семи за Окой. На юго-востоке. Сейчас он был совершенно безжизненным. Но раньше там обитали людоеды. Они постоянно устраивали засады на группы искателей, охотников и деревозаготовщиков из Надеждинска. Бывало, что и устраивали атаки на сам город, в надежде добыть оружие и людей для пищи. А еще им нужны были женщины. Каннибализм превратил этих тварей в настоящих сексуальных маньяков. Гормональная активность и уровень тестостерона у людоедов были чрезвычайно высоки. Так не могло долго продолжаться, и военная дружина Надеждинска устроила крупномасштабную военную операцию. Применили даже тяжелую артиллерию и бронетехнику, несмотря на жесткую экономию топлива. Но это был именно тот случай, для каких и берегли горючее. Это была единственная не оборонительная, а наступательная акция общины. В Висляево устроили настоящую бойню и избавили Надеждинск от такого жуткого соседства. Военные мало говорили о подробностях той операции. Но ходили слухи, что им было приказано истребить всех до единого. В том числе и каннибальских детей, что и было сделано.

— Ты что, Эмиль, догнать его решил? — спросил Сквернослов.

— Я что, на ненормального похож?

— Ну, если честно, то есть немного, — хихикнул Слава, после чего снова послышался звук подзатыльника.

— Что за молодежь пошла. Совсем старших не уважают, — вздохнул Казанов.

— Мне тридцатник скоро, — возразил Слава.

— Годов у тебя как у взрослого, а ума как у семилетнего.

— Кордон-девять! Я центральный пост! Ну что там у вас? Прожектор нужен? — заговорила рация.

— Нет. Зверь ушел. Выключайте, — ответил капитан.

— Понял. Выключаю. Конец связи.

Свет снаружи погас. Гусляков достал из ящика, на котором сидел, лучину и зажег, заменив ею давно догоревшую. В поме-

щении снова воцарилось тусклое освещение. Оно хоть немного растворяло подавленность людей от шума вьюги снаружи.

Вячеслав снова вытащил карты.

— Кому фокус показать?

— Ты достал уже, — сурово ответил капитан.

Профессор стал откручивать крышку термоса.

— Кружки есть? Давайте чай пить.

Казанов достал из ящика, на котором сидел, алюминиевые кружки.

— Только четыре, — сказал он.

— Ничего, — махнул рукой Третьяков, — я из крышки от термоса попью.

Он стал разливать напиток, который только условно можно было назвать чаем. Это была заваренная древесная кора, подслащенная заменителем сахара, который в изобилии имелся на продовольственных складах военного гарнизона. Однако и этот напиток дозорные пили с удовольствием. Горячий отвар хорошо согревал.

— Могу предположить, — начал говорить профессор, смакуя так называемый чай, — что, скорее всего, миграция северных животных расшатала и без того нестабильную местную экосистему. Если все дело в белых медведях, то все еще не так плохо. Я вообще полагаю, что за прошедшие годы должны были появиться совершенно новые виды животных. Конечно, раньше люди могли только гадать о последствиях гипотетической ядерной войны. Одни считали возникновение новых видов за короткий срок абсурдом. Другие реальностью. Я всегда относился к последним. Ведь даже в былые времена ежегодно исчезали сотни видов живых существ. И появлялось не меньше новых. Причем все это проходило практически незаметно для увлеченного собой человечества. А теперь вот... — Он задумчиво потер ладони о горячую крышку. — Но до сих пор мы сталкивались только с крысами-мутантами и люпусами. То есть мутировавшей разновидностью волков.

— А люди? — спросил вдруг Николай. — Разве людоеды не есть мутанты?

— Не обязательно. Это продукт глубокой деградации социума. Определенные личности или даже слои населения, в обычное время склонные к девиантному поведению и сколачиванию маргинальных группировок, в той обстановке, какая сложилась на Земле, создают именно такие явления, как людо-

едские общины. В прошлом это, как правило, малообразованные люди, слабо приспособленные к жизни в связанном рамками законов и определенных экономических условий обществе. В прошлой эпохе из них получались маньяки, насильники, убийцы, наркоманы. Не все они способны стать людоедами. И не все стали. Но, как правило, именно из таких и получается то, что получилось. Глобальная катастрофа возвела их на качественно новый уровень жизнедеятельности. Организовала, заставив создавать свой мир, подчиняющийся их законам. И кстати, само общество во многом виновато в том, что после краха этого самого общества на высшую ступень поднимаются именно такие массы. Ведь сколько людей в свое время было выброшено на обочину жизни экономическим беспределом, отсутствием или крахом системы социальной защищенности. Разложившейся шкалой моральных ценностей. Сколько беспризорников и бомжей сделались никому не нужными в свое время. И теперь они оказались более приспособленными. Ведь еще до всеобщего краха они жили в подвалах. В руинах. На свалках. Питались чем попало. Боролись за жизнь и ненавидели всех, кто жил лучше. Но и мы их слепо ненавидим, даже не понимая, что мы, как часть того общества, повинны в случившемся. А они все больше подчиняют себе окружающий мир.

— Но ведь мы победили людоедов в Висляеве, — возразил Эмиль.

— Мы победили определенную банду в определенном месте. Мы победили благодаря обилию оружия и людей с военной подготовкой в нашем городе. Но двадцать лет назад здесь обитало девять с лишним тысяч человек. Сейчас семьсот пятьдесят. А свирепые банды и людоедские племена встречаются все чаще. Так кто проигрывает эту гонку за выживание?

— Опять вы читаете пораженческие прокламации, — недовольно фыркнул Гусляков.

— Я объясняю суть вещей. Вся проблема человечества в том, что никто не хочет понимать природы и причин происходящего. Раньше от проблем просто отмахивались. Сейчас отстреливаются.

— Так что же, вы предлагаете заключить всех этих отморозков в крепкие объятия человеколюбия? — Капитан усмехнулся.

— Нет. Это, увы, невозможно. Но если каким-то фантастическим способом человечеству удастся возродиться из пепла

и воссоздать цивилизованное общество, то оно должно помнить об ошибках прошлого, дабы не пережить это прошлое вновь. Хотя лично я все меньше верю в возрождение. Нам был уже дарован шанс жить на этой планете. Мы этот шанс проворонили самым диким способом. А второго шанса природа, как правило, не дает. Эволюция идет вперед, несмотря ни на что. А мы отброшены назад. Назад и в сторону. Едва ли догоним.

— При всем моем уважении, Михаил Вениаминович, — строго сказал Гусляков, — я никак не могу согласиться с вами. Вон сидит девиантный маргинал с низким уровнем образования. — Капитан кивнул на Сквернослова.

— Спасибо, блин, — огрызнулся тот в ответ, но как-то без злобы и без тени обиды.

— Ну так он не бандит какой. Не людоед, — продолжал капитан.

— Во-первых, он уже достаточно образован. Он с Николаем — одни из самых способных учеников у меня были. Хотя у Вячеслава всегда хромало поведение и дисциплина была никакой. Во-вторых. Я ведь не навешиваю ярлыков. Я говорю о предпосылках.

— Так он мог стать людоедом?

— Мог и я стать. Поймите, есть незримая грань, которую трудно уловить самому. Это на простом языке называется — куда лукавый поведет. Но если в социуме еще и четкие границы между определенными социальными группами, то при первой возможности любые противоречия выльются в кровавую непримиримость. В страшные искривления норм поведения. — Профессор тяжело вздохнул, глядя в наполненную горячим напитком крышку от термоса, которую сжимал ладонями. — Никто не знает, кем он может стать при определенных обстоятельствах. А если попадет в эти обстоятельства, то и не задумается над тем, кем он стал. Думаете, людоеды считают себя отморозками? Они просто жить хотят. Как и мы.

— Прекратите сейчас же! — Капитан разозлился. — Ваши симпатии каждой живой твари и сочувствие любому, кто хочет жить, разлагают мозги!

— Эх, Василий Михайлович, не хочешь ты меня слышать. Ты не задумывался над тем, кем бы ты стал, нанеси они удар и по Надеждинску?

— Если бы бомба упала и сюда, я бы уже не думал.

— Не факт, Михалыч. Не факт. Ты мог выжить. Но во что ты превратился бы?

— Я никогда не стал бы мразью! — Гусляков стал кричать на старика, чего никто себе не позволял. — При такой альтернативе лучше пустить себе пулю в висок! Я русский офицер, черт вас возьми!

Профессор закивал головой. Его руки, сжимающие крышку от термоса, задрожали.

— А вот мой младший... Тоже офицер... Сошел с ума и умер от того, что увидел... А старший, с детьми... Я надеюсь, что они сразу сгорели тогда, в Калуге... Сразу сгорели, чем... чем... — Он выронил чай и, закрыв лицо ладонями, заплакал.

Всем стало не по себе. Профессора еще никто не видел таким. Хотя все знали, что бывший лектор Калужского государственного педагогического университета имени К. Э. Циолковского потерял всех родных в результате нанесенного по Калуге удара. А сам он выжил благодаря тому, что приехал в Надеждинск погостить к младшему сыну. Тот самый пилот, первым вернувшийся в тот далекий жаркий день, разбившийся при посадке и скончавшийся по дороге в госпиталь, и был его младшим сыном.

— Михаил Вениаминович. — Гусляков подошел к старику. — Успокойтесь, прошу вас. Вы уж извините, что я голос повысил. Это я дурканул что-то. Я сейчас патруль вызову, вас домой проводят.

— Капитан! — крикнул Эмиль.

Дозорные резко уставились на Казанова. Тот пристально смотрел в щель, приподняв стекло. Буря ослабла, и в помещение уже не с такой яростью врывался ветер. Хотя лучину он все-таки задул.

— Что там? — Гусляков сразу понял, что к чему, и прильнул к смотровой щели рядом со своим товарищем.

— Свет. Видишь, там, среди деревьев за рекой? Движется. Две точки света. Видишь?

— Фонарики?

— Движутся совершенно синхронно. И очень ярко светят. Сдается мне, что это фары одной машины.

Василий Михайлович уставился на товарища.

— Не может быть такого. Да на сто километров ни у кого, кроме нас, ходовой техники не осталось.

— Да я не спорю. Но только это явно какая-то машина. Причем фары ксеноновые. Таких и у нас нет.

— С чего ты взял, что ксеноновые?

— Помню, — вздохнул Эмиль. — У отца на джипе ксеноновые стояли. Я хорошо это помню. Он очень хвастался, когда я в отпуск приезжал домой в Чистополь.

Эмиль последний раз в родном Татарстане был еще до катастрофы. Ему воспоминания об отце дались очень тяжело.

Ярко-голубой свет фар хаотично гулял среди черных силуэтов деревьев. Лучи били то в небо, то в сторону, то вниз, то один становился выше другого, то они били прямо в глаза дозорных, заставляя жмуриться. Из этого хаоса четко явствовало, что это действительно машина, которая движется по очень пересеченной местности. И движется прямиком в их сторону.

— На чем могут стоять ксеноновые прожектора? — спросил Николай.

— На бронетехнике, — мрачно ответил Гусляков. — Ничто другое по этому лесу двигаться не сможет. — Он снова потянул на себя микрофон рации. — Центральный пост! Я Кордон-девять! Срочно прошу на связь!

— Я центральный пост. Что случилось опять?

— Общая тревога!

Странного вида вездеход вырвался наконец из лабиринта деревьев и медленно стал спускаться по пологому склону берега закованной в лед и покрытой снегом реки. У вездехода были очень широкие гусеницы и легкие, ажурные опорные катки, совсем не похожие на колеса от бронетехники. Размером машина была почти с БМП. Разве что заметно выше. Однако никаких признаков вооружения на ней не было видно. Остатки давно облезшей краски на корпусе говорили о том, что когда-то он был покрыт хромом. Сам корпус имел угловатую трапециевидную форму, чья ровная крыша представляла собой разделенную на одинаковые квадратные секции матовую поверхность какого-то черного материала. С обоих бортов корпуса имелись два странных цилиндра, направленных вверх. В передней части виднелись прикрытые защитными козырьками смотровые щели из черного непроницаемого стекла. Машина двигалась практически бесшумно. Хруст снега под широкими траками гусениц был громче, чем тихое монотонное урчание силовой установки. Вездеход остановился у реки. Его фары стали поворачиваться в своих глазницах, прощупывая темноту снежной ночи. Затем снова начал движение. Удельное давление машины

было очень мало. Она буквально скользила по снегу, совсем не проваливаясь в него своими широкими гусеницами.

Вездеход быстро пересек Оку и стал подниматься по склону противоположного берега. Далеко впереди свет фар выхватил из темноты призрачные силуэты строений. На пути явно был город. Можно было подумать, что он заброшенный, но когда машина выбралась на ровную поверхность, то в свежевыпавшем снегу отчетливо виднелись следы проваливающихся ног и лыжная колея. Кто-то совсем недавно тут прошел. Причем не один. Но по крайней мере один из них был на лыжах. Вездеход снова остановился и стал шарить фарами. Ярко-голубой свет выхватил из темноты большой фанерный щит, воткнутый в снег. На щите красовалась наспех сделанная охрой надпись: «ЕСЛИ ТЫ ПРИШЕЛ С МИРОМ, ОСТАНОВИСЬ И ПОГАСИ СВЕТ».

Вездеход перестал гудеть двигателем. Фары погасли. Внезапно со стороны призрачного города вспыхнуло несколько прожекторов, чьи лучи были направлены прямо на машину.

Гранатометчик Степан подпер фанерный щит своими лыжами, которые не давали ему упасть от ветра. Гусляков, Васнецов, Слава Сквернослов и трое патрульных, включая Степана, прятались за надписью на фанерном щите.

— Я никогда ничего подобного не видел, — произнес сквозь защищающую, в том числе и от холода, ватно-марлевую повязку Слава, который глядел на странную машину через дырку, вокруг которой была намалевана последняя в надписи буква «О».

— Я тоже, — кивнул капитан. У него было свое смотровое отверстие.

Николаю было очень любопытно тоже посмотреть, но больше отверстий в щите не было. Он поднял воротник своего бушлата и стер рукавицей налипший на пластмассовое стекло защитных очков снег.

Когда машина погасила фары и поднятые по тревоге дружинники на боевых постах включили прожектора, капитан обратился к прятавшимся за щитом людям:

— Я выхожу. Степан, бери его на прицел. Остальным оставаться на месте и быть готовыми ко всему.

Гусляков вышел из укрытия, держа автомат наготове, но направив ствол вниз. Он встал перед странной машиной и, медленно подняв одну руку, помахал ею. В корпусе вездехода отво-

рилась дверь, и оттуда стал выбираться человек в странном белом облачении.

— Ядрить твою... — воскликнул Слава, толкая Николая. — Это же скафандр! Падлой буду! Натуральный скафандр!

Человек действительно был облачен в белый пухлый скафандр. На голове был шлем. Человек вдруг быстро двинулся в сторону капитана. Тот машинально схватился рукой, которой только что приветливо махал, за цевье калашникова. Человек в скафандре понял свою оплошность и остановился, подняв руки. Затем судорожно стал что-то нащупывать у себя на шее и наконец снял с себя шлем, открыв взору людей уже немолодое, заросшее бородой лицо. Глаза у него слезились. То ли от света прожекторов, то ли по какой-то другой причине.

— Это Россия?! Вы русский?! Это Калужская область?! — воскликнул он.

— Да. — Капитан кивнул.

С правой стороны вездехода вышел еще один человек в скафандре. Он подошел к своему товарищу.

— Юра! Мы дошли! Ты понимаешь! Мы дошли! Мы нашли их, Юра!!! — радостно вопил он и тряс своего напарника за плечи. Теперь было ясно, отчего он плакал.

Николай не стал дожидаться приказов командира и вышел из укрытия. Он подошел к капитану и с любопытством разглядывал эту странную пару.

Второй человек из вездехода тоже снял шлем. Он был ровесником первого и тоже очень давно не брился. Человек как-то смущенно посмотрел на стоявших перед ним вооруженных людей и, кивнув, сказал:

— Здравствуйте.

— Откуда вы? — спросил капитан.

— Из космоса, — ответил Юрий.

— Откуда?!

— Из космоса, — повторил тот. — Мы российские космонавты.

3
ВСЕМИ ЗАБЫТЫЕ

За поворотом освещенной гирляндой тускло светящих ламп траншеи что-то загрохотало.

— Какой мутант кастрюлю в проходе поставил, а?! — раздался возглас.

— Кто там орет? — Другой голос.

Молодой худющий часовой, чей пост был в траншее, ведущей в подземелье гарнизонного Дома офицеров, встрепенулся и вскочил с ящика, поправляя висящий на плече карабин. Траншея сворачивала к казармам дружинников, и что происходило в пяти метрах от него, часовой видеть не мог. Правда, он должен был ходить по этим поворотам от одного поста к другому, но после двух часов у него заболели застуженные ноги.

— На хрена кастрюлю поставили тут, спрашиваю?! И что за дерьмо в ней?!

— Да кто разорался там? Славик, это ты, что ли, мать твою?!

— Да нет, родной, это твою мать! Что это за баррикады?!

— Щас уберу, не кипиши!

— Фу! А вонизма какая! Вы в нее гадите, что ли?

— Дайте поспать, уроды!!! — раздался бас откуда-то из глубины.

В траншее наконец показались два одетых в камуфляж молодых человека. Высокий блондин с улыбчивым и обветренным лицом и среднего роста брюнет помоложе, с большими, вечно задумчивыми черными глазами и щетиной на лице.

— Опа! — воскликнул блондин, глядя на юного часового. — Слышь, Колян, а тут засада поджидает!

— Прохода нет! — деловито заявил юноша с карабином.

— Погляди, Колян, еще одна кастрюля на дороге. На сей раз говорящая и с пушкой.

Часовой снял с плеча карабин.

— Валите отсюда.

— Ты чего, салабон, вообще рамцы попутал? Перед тобой сам Славик Сквернослов и Коля Васнецов.

— Да мне параллельно, — с вызовом бросил юнец.

— Щас будет перпендикулярно. Уйди с дороги, — нахмурился Сквернослов.

— Запрещено! Карантин! Я при исполнении! Я стрелять буду!

— Да в голову себе выстрели! Какой, к лешему, карантин?!

— Инопланетян поймали! Секретно! Валите отсюда!

Молодые люди какое-то время молча и с изумлением смотрели на часового, пока наконец Слава не схватил Николая за плечо и, согнувшись, стал громко хохотать.

— Нет, ты слышал это, Колян?! А-ха-ха! Инопланетян поймали! Ой, нимагу-у!!! Ой, я щас обделаюсь от смеха!!! Ой, блин, Петренко, тащи сюда свою кастрюлю, я в нее навалю щас!!!

— Да ладно тебе, Славик, — вздохнул Николай.

Ему было неловко за своего названого брата. Юнец с карабином был из немногочисленного поколения людей, родившихся после катастрофы. Николай всегда сочувствовал им. Они не знали солнца. Не знали весны. Не знали купания в реке. Они не знали ничего, кроме жгучего холода, подвалов и этих накрытых досками траншей. Новое поколение рождалось с множеством врожденных болезней. Многие рождались мертвыми. Многие умирали вскоре. Николай знал, что и до катастрофы проблемы с окружающей средой и некачественными продуктами привели к тому, что большинство новорожденных имели те или иные патологии, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что ждало рожденных в новой эре. Но иногда Николай завидовал им. Они знали только один мир. И им не о чем было тосковать, так как им не с чем было сравнить окружающую действительность. И хотя Васнецов очень смутно помнил прошлое, в силу своего малого возраста тогда, он всегда ощущал непрекращающуюся тоску по утерянному безвозвратно.

— Это не инопланетяне. Это космонавты, — пояснил Николай бледному и худому часовому. — Мы их задержали сегодня. Хотим поговорить с ними. А то их сразу увели.

Раздраженный юнец, после того как с ним стали нормально разговаривать, немного смягчился и снова повесил карабин на плечо.

— Ну, я в самом деле не имею права. Там дальше вообще спецназ охраняет. Говорю же, карантин. Запрещено до выяснения.

— Что тут у вас, ребята? — За спиной часового появился профессор Третьяков, сразу удалившийся с блокпоста вместе с космонавтами, которых дружинники повели прямиком в штаб.

— Да мы с задержанными пообщаться хотели, — сказал Сквернослов.

— Нельзя, ребята. Они в карантине.

— Я же говорил! — воскликнул юнец.

— Сейчас их моют, бреют, кормят. В общем, в порядок приводят. Потом их врачи осматривать будут. Мало ли что. Ну и до выяснения личностей никаких контактов. Сами понимаете, они лазутчиками чьими-нибудь могут вполне оказаться.

— А скафандры где они взяли? — скептически покачал головой Слава.

— Пойдемте ко мне. Там поговорим, — махнул морщинистой рукой Третьяков. В другой руке он держал какой-то бумажный пакет.

Профессор жил в подвале городской библиотеки. Здесь обитала вся так называемая интеллигенция Надеждинска. Те, кто обучал молодежь, не давая в этом крохотном мирке прорасти зернам безграмотности и невежества. Старались они на совесть, насколько это было возможно в сложившихся условиях. Учебные классы были для удобства организованы рядом. Комната профессора оказалась довольно большой. Здесь было хорошее освещение. Много книг на деревянных стеллажах. На столе тоже были книги, в центре стоял большой, побледневший от времени глобус. Под армейской железной кроватью проходила труба с водой. Она опоясывала весь подвал, проходя по жилищам людей, и у входа прогревалась печкой, возле которой находился внутренний пост охраны.

— Вы чего после вахты не отдыхаете? — спросил профессор, вешая пальто на ржавый гвоздь у двери. — Вам же с утра в лес идти на заготовку дров.

— Так, любопытство, — улыбнулся Николай. — Такое событие все-таки. Космонавты. А мы как-никак к этому событию причастны.

— Понятно, — хмыкнул старик. — Ну, присаживайтесь. Есть не хотите?

— Нет, спасибо. — Молодые люди замотали головой. — А вы разговаривали с космонавтами? Вы же у нас главный по науке. Вам сам Бог велел.

— Разумеется, — улыбнулся профессор. — Есть у меня такие полномочия. И я с ними немного пообщался. Предварительная беседа, так сказать.

— Ну и!.. — Глаза молодых людей заблестели от нетерпения.

— Давайте по порядку. Мы ведь совсем забыли, что незадолго до войны, буквально за считаные дни, отправили в космос специальную экспедицию для подготовки освоения Луны. Уже в начале нашего трагического века стало ясно, что предстоит нешуточная борьба за Луну. Китай, США и Россия объявили о своих интересах на этом небесном теле уже давно. И тут

дело уже не просто в соревновательном духе, который царил во времена Сергея Павловича Королева, Юрия Гагарина или Нила Армстронга. Тут уже стратегия и долгосрочная перспектива. И хотя СССР и США в свое время объявили космос мирной зоной, на практике каждый думал о военном потенциале космоса. Все запускали спутники двойного назначения. А то и сугубо для военных целей. Американцы готовили программу звездных войн. Разрабатывали орбитальные электромагнитные пушки и боевые лазеры космического назначения. Мы запускали вооруженный пилотируемый корабль. Изготавливали спутники-истребители. Позже в гонку вступил Китай. В две тысячи седьмом году они провели успешное испытание по уничтожению орбитального спутника. Космос был не просто сферой интересов науки. Это был военный приоритет. Кто имеет инфраструктуру в космосе, тот владеет всем миром. — Профессор с грустью взглянул на глобус. — Всем миром, — повторил он, вздохнув.

— Так они на Луну летали? — спросил Слава.

— Не совсем. И да и нет. Сначала на Луну отправили грузовой корабль. Там было много оборудования. Даже специальный луноход для передвижения в нем людей. Это было сделано для того, чтобы облегчить предстоящий пилотируемый полет космонавтов и не перегружать корабль. Все оборудование ждало на Луне в посадочном модуле, который мог взлететь и доставить грузы на орбиту Луны. Потом был запущен специальный автоматический грузовой корабль. Это своего рода грузовой лифт между Землей и Луной. Он летел по орбите Земли, потом по баллистической траектории, — Третьяков провел рукой вокруг глобуса, — улетал к Луне, сбрасывал туда необходимый груз или пристыковывал к себе грузы с Луны, снова летел к Земле, огибая ее спутник, сбрасывал грузы на нашу планету и пристыковывал к себе модуль с грузами для Луны. Он, наверное, так и летает, описывая восьмерку вокруг наших небесных тел. Никому не нужный и всеми забытый. Сейчас все это звучит как-то дико и фантастично. Неужели когда-то все было по-другому? Неужели мы когда-то летали в космос и даже замахнулись на Луну? А сейчас выйти в ближайший лес — невероятный подвиг...

— М-да, — задумчиво кивнул Николай. Как раз поход до окраины леса ему скоро и предстоял.

— Потом наконец отправили на Луну людей. Взлетали с космодрома в Индии. Проект у нас был совместный. Да

и взлетать оттуда дешевле и легче. Ближе к экватору все-таки. Летели три космонавта. Один из них индус. На следующий день случилось в Индийском океане сильнейшее цунами. Еще более мощное, чем в две тысячи четвертом году. Это небывалая катастрофа, после которой случилось то, по сравнению с чем это цунами просто недоразумение. Все кончилось. И эти люди видели все из космоса. Как это, наверное, ужасно. Что хуже: находиться в рушащемся доме или смотреть, как твой дом со всеми близкими тебе людьми рушится, а ты ничего с этим не можешь поделать? Не можешь помочь. И тебе некуда больше идти. Они провели в космосе больше года. Наблюдали за тем, что стало с их миром. Смотрели, как планету затянуло бесконечной пеленой облаков. На Луну они, разумеется, не полетели. Не до этого. Но выбор был невелик. Доживать свои дни на орбите или вернуться на Землю. Они выбрали второе. Вызвали при помощи курсировавшего вокруг Земли и Луны грузового корабля модуль с луноходом. Сбросили его на Землю и сами отправились вниз. Приземлились они где-то в Индии. Им повезло, они наткнулись на группу выживших местных жителей. Те, узнав, что среди трех пришельцев их национальный герой, выходили отвыкших от земной гравитации людей. Потом они долго искали место посадки грузового модуля с луноходом. Потом индус остался на родине, а наши отправились в Россию. Это невероятно, но они добирались сюда почти пятнадцать лет!

— Так это они на луноходе приехали?! — воскликнул Слава.

— Совершенно верно. Я всех остальных подробностей не знаю пока. Это просто предварительная беседа была. Все подробности они поведают нам завтра, точнее, сегодня вечером, на экстренном заседании совета.

— А нам можно будет на этом заседании присутствовать? — спросил вдруг Сквернослов.

— Даже не знаю. — Профессор потер подбородок. — Я поговорю с командующим. Думаю, моего авторитета хватит, чтобы его убедить. — Он улыбнулся.

— А это вам они дали? — Николай кивнул на бумажный пакет, который профессор принес с собой и положил на стол возле глобуса.

— Ты, как всегда, очень наблюдателен, — кивнул Третьяков и извлек из пакета пачку снимков. — Вот, взгляни. Это снимки, которые они делали из космоса, на полпути к Луне. Снимали дневную сторону. Эволюция конца цивилизации.

Николай осторожно взял в руки снимки. На первом была прекрасная планета, покрытая синевой океанов, сочными и живыми зелеными и желтыми оттенками континентов. Бархатными лоскутками белых облаков. Это был еще тот мир. Конечно, он уже имел массу проблем с экологией. В нем уже царила политическая нестабильность, накопились и экономические проблемы. Но он еще не сорвался в пропасть. У мира еще был шанс найти путь для решения всех этих проблем. Этот мир еще жив. На следующем снимке была та же благодать живых цветов обитаемой планеты. Но было одно, бросающееся в глаза несколькими яркими пятнами, отличие.

— Это...

— Ядерные взрывы, — подтвердил догадку Николая профессор.

В нескольких уголках планеты замерли яркие вспышки, словно пытавшиеся прожечь бумагу снимков. Камера запечатлела на века мгновение, поглотившее в ядерном огне миллионы душ. Снимок завибрировал. Васнецов понял, что это дрожат его руки. Следующий лист явил взору Землю, где светились вспышки взрывов в три раза больше, чем на предыдущем фото. Еще одно фото показывало не меньшее количество взрывов в других местах. А там, где были нанесены удары раньше, виднелись облака черной копоти. Картинка поплыла. Наворачивались слезы. Однако Николай продолжал перебирать снимки. Очередное фото было серым с черными разводами над Землей.

— Это цветное фото, — вздохнул профессор, — просто мир покрыт сажей и пеплом.

Черные разводы заставили думать Николая о миллионах и даже миллиардах жизней, превращенных в пепел и развеянных над родным, погрязшим в апокалиптическом безумии миром. Это фото было красноречивой иллюстрацией самого страшного кошмара, до которого только мог дойти человек.

На остальных снимках была уже покрытая сплошной серой облачностью планета. На нескольких виднелось странное красноватое пятно на севере.

— А это что? Тоже взрыв?

— Это какая-то аномалия в ионосфере, я полагаю. У меня есть кое-какие догадки на сей счет. Но я пока оставлю их при себе, — ответил Третьяков. — Завтра на совете, я думаю, это прояснится. И еще. Вот два снимка. На них весь земной шар не охвачен, так как снимали с близкой орбиты. Их корабль до сих

пор там летает. Несколько недель назад они смогли наладить с ним связь и получить эти снимки. Как видите, ребята, наши надежды на то, что где-то бывают просветы в облаках, не оправдались. Сплошная серая завеса. И вот. Опять это овальное красное пятно. Напоминаю, что этим двум снимкам не годы, а всего несколько недель. Пятно не изменилось. И координаты у него одни и те же.

Он задумчиво взглянул на эти фотографии и, перевернув их, тихо произнес:

— Как странно, очень похоже на Юпитер.

— Так что это? И над каким местом, если одни и те же координаты? — произнес Слава.

— Если мои догадки верны, — старик провернул глобус и ткнул куда-то пальцем, — то это наверняка здесь.

Молодые люди взглянули на едва читаемую надпись там, куда указал профессор.

— Ал... Але... Аляска?

— Аляска, — кивнул Третьяков. — Но это пока только мои предположения. Завтра, думаю, многое прояснится.

Они шли домой совершенно подавленные. Просмотр этих фотографий заставил их пережить тот далекий и страшный день снова. Но тогда они не видели взрывов. Тогда они столкнулись только с последствиями случившегося. А сейчас они увидели все со стороны. Как на ладони. Вячеслав и Николай шли молча, обращая в никуда вопрос: «ЗАЧЕМ?»

Зачем это нужно было? Неужели человек настолько глуп и недальновиден? Во имя чего? И где сейчас те, кто все это заварил? Хотя степень ответственности, наверное, надо разделить между всеми. Люди жили на планете, потребляли ее как вздумается и угробили безвозвратно. Одни люди планомерно ковали катастрофу, другие были к этому равнодушны, третьи не были достаточно настойчивы и сильны, чтобы это предотвратить...

— И получили все, по самые помидоры, — продолжил вслух Вячеслав.

Николай остановился в темном, вырытом в земле коридоре. В дальнем конце уже виднелась обитая звериной шкурой дверь их подвала. «Как странно, — подумал он. — Мы думаем об одном и том же. Даже мою мысль он высказал».

— Слава.

— Чего?

— Неужели все действительно кончено? Все двадцать лет я думал, что все-таки для чего-то мы живем. Что еще что-то может быть в будущем. Но сегодня я вдруг осознал, что все это пустое. Что мы лишь глупо цепляемся за давно закончившуюся жизнь и лишь продолжаем болезненную агонию. А зачем?

— Ты охренел? Еще раз такое от тебя услышу — в репу получишь...

— А разве ты так не думаешь? Ведь все твое постоянное веселье, все твое чувство юмора — это лишь маска! Ты отгораживаешься от своих страхов, потому что боишься признаться самому себе, что думаешь точно так же!

— Сейчас врежу...

— Да оглянись вокруг!

— Оглянулся! Я оглянулся, истеричка ты эдакая! И знаешь, что я увидел?! Я увидел двух людей, на глазах у которых весь мир канул в бездну! Но они спустились в этот серый мир из безмятежного космоса и за каким-то хреном двадцать лет искали дорогу к нам! Потому что они не потеряли в себе человеческое! Потому что они не размазывают сопли по собственной морде, а верят в жизнь. Верят в то, что, пока они живут, жизнь продолжается! Черт тебя подери, Коля! Человечество уже пережило один ледниковый период! И тогда люди даже писать не умели. У них автоматов не было! Охотились с палками на мамонтов и жили. И верили в жизнь! Рисовали кабанчиков в пещерах какими-то какашками и построили цивилизацию!

— И что с ней стало?! Тот холод был естественным! Он наступал тысячелетия! Люди не замечали его, успевая привыкнуть! Это не их рук дело было! А сейчас? Да люди должны исчезнуть с Земли за то, что они с ней сделали! — Николай вдруг зарыдал. Совсем по-детски. Отчаянно.

— Коль. Колька. — Вячеслав с сочувствием посмотрел на давно ставшего ему младшим братом человека. — Братишка, успокойся. Я бы обнял тебя, но если кто увидит, подумают, что мы эти...

— Иди ты к черту! — дернул плечом Васнецов. Ему просто захотелось оказаться в далекой и безлюдной глуши, чтобы никто не видел происходящего с ним. Было очень стыдно. Было безнадежно больно.

Дверь подвала приоткрылась, и оттуда показался часовой из внутреннего поста охраны.

— Ребята, ну имейте совесть, сами не спите и другим не дайте! — недовольно произнес он. — Люди уже жалуются.

— Калитку закрой! — огрызнулся Сквернослов.

Часовой запер дверь, что-то бормоча в адрес Вячеслава.

— Коля. Я кое-что странное заметил во взгляде профессора.

— Чего? — всхлипнул, утирая слезы, Николай.

— Какой-то живой огонек. Я не помню его таким. И я это заметил, когда мы у него сидели.

— К чему ты клонишь, не пойму.

— В его взгляде я прочитал НАДЕЖДУ! Понимаешь? И сдается мне, что это как-то связано с тем красным пятном над Аляской! Он ведь очень умный человек! И просто так у него надежда во взгляде не появится! И космонавты не зря сюда ехали! Они что-то знают!

— Что тут знать? Планету ядерными ракетами разутюжили. Какая, к чертям собачьим, надежда?

— Пока мы живем, жизнь продолжается. А если есть жизнь, есть и надежда. Пошли. Скоро подъем, а мы еще не спали.

Они тихо прошли в свое жилище, стараясь не обращать внимания на злобное ворчание часового, обещавшего доложить коменданту о нарушении режима и об оскорблении при исполнении. Из некоторых «квартир» тоже доносилось недовольное ворчание. Молодые люди вошли в свое жилище и как есть, в одежде, улеглись на свои койки. Не прошло и пяти минут, как Сквернослов захрапел. Коля уснуть не мог. Он ворочался некоторое время на предательски скрипящей койке и затем сел, уткнувшись лицом в ладони. Он понимал, что не уснет. Его съедала депрессия. Тревожные мысли рвали душу. Да и храп этот доканывал. Васнецов вышел из своего жилища и направился к выходу из подвала.

— Ты куда? — спросил часовой внутреннего поста.

— Я на блокпост. Я там рукавицы сегодня забыл.

— Ты спятил? Нельзя одному через снежный тоннель. Потерпи до утра.

— Руки мерзнут.

— Я сейчас дров подкину в печку. Иди спать.

— Я схожу, — настаивал Николай тоном, не терпящим возражений.

— Эх, влетит мне за это, — недовольно вздохнул часовой и, поднявшись, зазвенел связкой ключей. Он открыл стоявший рядом оружейный шкаф и достал оттуда автомат. — Это твой?

— Мой, — кивнул Васнецов.

— Держи. И давай осторожней там.

— Спасибо.

Васнецов двинулся по привычной траншее в сторону блокпоста. Освещение в переходах было практически все погашено ночью. Горела лишь каждая десятая лампа в вереницах гирлянд. Однако Николай знал этот коридор наизусть и в темноте ориентировался неплохо, как и должен ориентироваться человек, всегда живший в полумраке подвалов, лишь изредка выходящий на сумеречную поверхность, спрятанную навеки от яркого солнца тяжелой, непроницаемой завесой свинцовых туч. Он шел довольно уверенно, пока не достиг резкого поворота траншеи, протянувшейся к центру города. В сторону блокпоста уходил резкий подъем с обложенными досками земляными ступенями, которые вели в снежный коридор. Там не было даже этих редких и тусклых ламп. И стало страшно. Он вспомнил историю с пропавшими дозорными. Теми, что пошли в странным образом появившийся снежный коридор. Николай медленно поднялся по ступенькам и в нерешительности смотрел в чернеющую пустоту перед собой. Фонаря у него не было. Это непозволительная роскошь в их мире. Фонарями обладали только искатели и старшие офицеры. Еще патруль и командиры дозоров. Можно было пойти с лучиной, но прихватить ее дома Коля не догадался. А идти в темный коридор было страшно. Что, если вдруг там появилось загадочное ответвление? В темноте он запросто может его не заметить и войти в него машинально.

Поколебавшись, он все же двинулся в темноту. Он вдруг ощутил удовольствие от собственного страха. И еще большее удовольствие ему дарило то, что вопреки страху он идет вперед. Однако эта эйфория резко закончилась, когда он почувствовал острый холод справа. Оттуда тянуло слабым ветром. Николай медленно вытянул в ту сторону руку и ощутил пустоту. Стенки снежного тоннеля не было. Теперь страх не дарил удовольствия выбросом адреналина. Теперь страх бил по коленям и неприятно щекотал спину. И словно ведомый некой гипнотической силой, он шагнул в темноту. Он не понимал, что заставляет его идти вперед, в неизвестный тоннель, но шел, пока не услышал какие-то звуки. Кто-то шепчется? Николай передернул затвор автомата.

— Стоять! Пароль! — раздался крик откуда-то из глубины.

Васнецов опешил. Люди? И голос знакомый.

— Я не знаю нового пароля! — не своим голосом воскликнул Николай.

— Тогда лови гранату!

— Стойте! Это я, Васнецов!

В лицо ударил яркий свет фонаря.

— Черт! Колька! Ты какого рожна тут бродишь?

— Бессонница замучила, — ответил Николай.

Оказывается, не было никакого загадочного ответвления. Он все это время шел на блокпост, а все эти фокусы с ощущениями провела его собственная психика.

— Заходи.

Николай вошел в знакомое помещение и споткнулся о гитару. Та вздрогнула характерным звуком.

— Осторожнее.

— Ладно. — Васнецов сел на свободный ящик и вздохнул с облегчением. Все лица, которые можно было разглядеть в свете горящей лучины, были знакомыми и совсем родными.

— Ну что, Колька, думаешь, еще космонавты прилетят? — засмеялся начальник смены.

Николай лишь улыбнулся в ответ.

— А вы серьезно белого медведя видели?

— Да. — Васнецов кивнул.

— Вот чудеса. А у нас все спокойно. Даже вьюга стихла.

— Это хорошо. Нам сегодня за дровами идти, — вздохнул Николай и взял в руки гитару.

Это была видавшая виды семиструнка, уже очень давно потерявшая свой лакированный лоск. Из семи струн настоящими были только две. Вместо остальных были натянуты жилы из полевки и лески разной толщины. Николай провел по струнам. Гитара жутко расстроенная.

— А ну, сбацай чего-нибудь, раз уж пришел. Ты же умеешь.

— Сейчас, настрою только.

Николай принялся терпеливо настраивать гитару, думая тем временем о тех космонавтах. Всеми забытые люди. Какой неведомый путь прошли они от этой далекой Индии? Что довелось им увидеть за время их странствий? И что странно, они ведь будто целенаправленно двигались сюда, в бывшую Калужскую область. Один из них ведь так и сказал: «Это Калужская область?» Каким образом они дорогу нашли? Ведь в новом мире компасы показывали куда попало. А два компаса никогда не покажут одно и то же направление. Что-то странное во всем

этом. Что двигало этими людьми? Отчаяние? Надежда? Какая-то важная миссия? Какие знания они принесли? Что поведают?

Он еще раз провел по струнам рукой. Теперь гораздо лучше. Душевное состояние Николая напомнило ему только одну песню, и он неторопливо затянул:

Аго-о-о-ния!
Огонь.
И я!
Когда сверкнет вдалеке яркий свет,
когда понимаешь, что это рассвет,
хочется выть,
водку литрами хочется пить.
Но так делать нельзя,
ведь я не слабак,
я повелитель диких собак,
принесем мы жертву адскому костру,
я семя дьявола, и я прорасту!

Я ненавижу ныть!
Я ненавижу лишним быть!
Я ненавижу чувствовать-жить!
И по теченью плыть!!!
Я обожаю жрать!
Я обожаю шлюх таскать!
Точеную сталь обожаю ласкать!
И в плоть ее вонзать!!!

Когда перед тьмою меркнет закат,
когда города превращаются в ад,
Хочется петь,
на агонию добра охота смотреть.
Ведь я не добро,
я лютое зло,
я заклинатель ядерной смеси,
я повелитель яростной мести.
Принесу я жертву адскому костру,
я семя дьявола, и я прорасту!

Я ненавижу ныть!
Я ненавижу лишним быть!
Я ненавижу чувствовать-жить!
И по теченью плыть!!!
Я обожаю жрать!
Я обожаю шлюх таскать!

Точеную сталь обожаю ласкать!
И в плоть ее вонзать!!!

Когда вырастает ядерный гриб,
когда понимаешь, что ты погиб,
хочется жить,
ближнего хочется возлюбить.
Но уже не судьба,
ведь планета мертва.
Все мы стали жертвами адского костра,
принесли мы в жертву сами себя.
А ведь жизнь так прекрасна...
Почему нам тогда это не было ясно?

Как хочется жить,
как хочется быть,
как хочется верить
и любить.
Как хочется всем детишек растить,
как хочется мне цветы посадить
на нашей братской могиле...
Но уже не судьба...
Аго-о-о-ния!
Огонь.
И я!

Он играл на гитаре с каким-то ожесточением, стараясь делать упор на басах. В итоге лопнула струна. Но песня уже закончилась.

Все дозорные молча смотрели на Николая какими-то пустыми глазами. Наконец старший тихо заговорил:

— Знаешь, Николай, если бы не уважение к тебе и к памяти твоего отца, то дал бы тебе по башке сейчас этой гитарой.

— За что?

— За эту хрень. И так на душе всю жизнь такое, что хоть вешайся, еще и ты тут эту гадость поешь. Иди-ка ты домой спать...

4
НОВЫЙ ДЕНЬ

— Вы, конечно, выходите на дровозаготовку не в первый раз и должны основные правила знать, как собственное имя. Но устав нашей общины предписывает проводить инструктаж

всегда и со всеми, невзирая на опыт. И я вам в очередной раз повторяю.

Гусляков ходил перед строем из восьми человек. Сам он был одет в ватники и теплый бушлат. На голове меховая шапка. Защитные спортивные очки. Шерстяной шарф. На ногах валенки. Рядом, в снегу торчали укороченные широкие лыжи и пара лыжных палок. За спиной автомат. Все эти люди, в том числе капитан и Николай Васнецов, жили в одном подвале. И именно для своего подвала они сегодня должны были заготавливать дрова. Все были одеты подобно Гуслякову.

— Итак, — продолжал капитан. — В первую очередь мы собираем валежник. Во вторую очередь сухие и мертвые деревья. Живые деревья рубить запрещено. Хвойные деревья рубить запрещено. Сухие деревья, на которых есть гнезда птиц, рубить запрещено...

Сквернослов, стоявший в общем строю, усмехнулся. Последний раз люди видели живых птиц лет десять назад. Но инструкции были написаны гораздо раньше.

— Дерево, даже сухое, в котором есть большое дупло, может быть домом для рыси. Такие деревья рубить запрещено. Стрелять животных, кроме случаев нападения зверей, запрещено. Можно стрелять только крыс и люпусов. Других животных можно убивать только в городской черте и на территории бывшего аэродрома. Дразнить и провоцировать животных в лесу запрещено. Собирая деревья, внимательно смотрите на срубы и спилы. Если годовые кольца имеют оранжевые или красные прослойки и при этом очень неровные и с внутренними язвами — такие деревья брать запрещено. В них концентрация радионуклидов. Их нельзя жечь. Их нельзя использовать. Их кора не годится для отваров, так как опасна для человека. Вопросы есть? Вопросов нет. Вперед.

Капитан надел лыжи и двинулся впереди процессии. Семь человек двинулись следом, таща за собой большие сани, полозья которых предварительно смазали воском. Эмиль Казанов был замыкающим. У него на плече висел АКСУ и на портупее болтались пять ручных гранат. В лесу могло произойти всякое.

— А если мы того белого медведя встретим? — спросил Слава у идущего впереди командира.

— Нам его шкура пригодится. — Этот ответ был исчерпывающим.

Погода была спокойная. Без ветра. Небо было привычно серым. Пейзаж был, как всегда, белым. Свежий снег хрустел под ногами и своей белизной не давал быть дню совсем темным. Николай оглянулся назад. Из снежного покрова торчали серые дома с пустыми глазницами окон. Некоторые здания были частично разрушены. Последствия боев с теми, кто нападал на общину. Последствия того, что никто больше дома не ремонтировал. Ветра подтачивали их, и здания неминуемо уступали силам природы. Сейчас этот пейзаж был каким-то неестественным. Торчащие из снега дома казались совсем лишними и никак не гармонировали со скупым на цвета миром вечной зимы. Только вращающиеся лопасти ветряного генератора в центре напоминали о том, что в этом мертвом городе есть какая-то жизнь. Он видел свою пятиэтажку. Там когда-то жил он. Там когда-то жили его родители. Теперь остался только он и его названый брат Слава. И все, что они могли себе позволить, это темный подвал, где хоть как-то можно было не замерзнуть.

Николай вздохнул, продолжая идти и тащить сани. Ему было трудно думать о чем-либо. Сейчас он очень хотел спать. Он ругал себя за то, что не отдохнул после дозора на блокпосту. Славик выглядел бодрее. Он хоть пару часов поспал. А вот Николаю было совсем тяжело. Он чувствовал непреодолимое желание упасть в снег и уснуть. Сняв рукавицу, зачерпнув ладонью свежий снег и растерев его по лицу, он почувствовал некоторое облегчение. Однако длилось это чуть больше минуты, и он снова потянулся за снегом.

— Что, братишка, колбасит? — ухмыльнулся Сквернослов.

— Спать хочу, — простонал Николай.

— На том свете выспимся.

— А мы на каком свете?

— Ты опять за свое, нытик?

— Иди к черту.

— Да ладно, Колян. Сейчас дровишек соберем. Вернемся, и спи. До завтра у нас работы не будет. — Вячеслав хлопнул Васнецова по плечу, и тот едва удержался на ногах. — Э, брат, совсем плохо дело. А ну полезай в сани. Ребята не против?

Он обратился к остальным дровозаготовщикам, которые тянули сани. Те замотали головами.

— Пусть ложится в сани и поспит. Дорога немного вниз уходит. Тащить не тяжело пока, — сказал кто-то.

Николай даже голосов не различал.

— Я в порядке, — пробормотал он.

— Как какашка в кофеварке, — срифмовал Сквернослов. — Ложись в сани и спи!

— Отвали. Сказал, я в норме.

Николай не хотел мириться со своей слабостью. И если он поддастся уговорам брата и своему непреодолимому желанию поспать, то никогда себе этого не простит.

Васнецов еще раз посмотрел назад. Оказывается, они прошли уже приличное расстояние. Виднелись темные точки идущих от города групп дровозаготовщиков из других домов. Это немного скрасило гнетущее ощущение того, что во всей вселенной он и несколько человек, идущих рядом, единственные живые существа.

Он снова вздохнул, растер по лицу снег и опустил голову. Какое-то время Николай смотрел, как его лыжи обгоняют друг друга. Он не заметил, когда все остановились, и стукнулся головой о спину впередидущего.

Оказывается, они уже на окраине леса. На пути было много валежника, после ночной бури.

— Так, — сказал Гусляков. — Берем инструменты и начинаем работу. Далеко не расходиться. Всем быть на виду друг у друга. Славик. Присматривай за братом. Он вообще что-то никакой.

— Я в порядке, — буркнул Васнецов.

Все принялись разбирать лежащие в санях инструменты. Началась работа. Тихий и неуютный лес наполнился звуком топоров и взвизгиванием ручных пил. Вооружившийся топором Николай бессмысленно бродил между поваленными деревьями, не зная, с чего начать. Тогда он решил собирать ветки поменьше, которые не надо рубить или пилить. Собрав одну вязанку, он свалил ее в сани.

— Коля! Да ты даже на годовые кольца не посмотрел! — окрикнул его Вячеслав.

Николай молча вернулся и принялся перебирать собранные им ветки. Следов радионуклидов не было. Он побрел за следующей партией. Теперь он был более внимательным. Свалив вторую вязанку, он отправился за третьей. Пришлось отойти подальше. Николай собирал ветки, отходя все дальше и дальше, делая свою работу без всякого энтузиазма, автоматически, как сомнамбула. Он даже не заметил, как оказался в небольшой ложбине. И некоторое несоответствие царившей в окружаю-

щем мире цветовой гамме он тоже не сразу заметил. Очень много красного цвета было в этой ложбине. Николай снова растер снегом лицо. Ветки посыпались под ноги. Из глотки накатил рвотный спазм. Вокруг был окрашенный кровью снег. Чуть подтопив теплом снежный покров, лежали куски разорванной плоти. Местами виднелись клочья густого меха, бывшего, видимо, еще недавно белым. Прямо на Николая смотрела окровавленная голова могучего полярного медведя. Только одна голова. Все туловище зверя было разорвано в клочья. Пасть животного была распахнута в последнем предсмертном агонизирующем реве. Глаза, полные животного страха, не свойственного такому зверю, были широко открыты.

— Ничего себе!

Сквернослов, заметив, что Николай пропал из поля зрения, бросился его искать. И нашел. Теперь он стоял позади Васнецова.

— Уж не наш ли это медведь?

Николай ничего не ответил. Только сделал шаг назад.

— Михалыч! — крикнул Вячеслав.

Капитан не заставил себя долго ждать. Следом за ним шел Эмиль.

— Кто такое мог сделать с медведем? — испуганно заговорил Николай.

— Может, люпусы? — предположил Казанов, с изумлением и тревогой глядя на эту жуткую картину.

— Люпусы вроде поодиночке охотятся, — мотнул головой капитан. — В стае они друг друга жрать начинают. А один люпус не в силах справиться с таким зверем. Мне так кажется.

Гусляков принялся медленно ходить между останками белого медведя, озадаченно глядя на кровавый снег.

— Да тут даже следов никаких! Он будто просто взорвался изнутри! — Капитан стал тыкать в снег лыжной палкой. — Чертовщина какая-то!

Внезапно в одном месте после удара палкой снежный наст осыпался, открыв широкую и глубокую нору. Все сразу вспомнили историю с загадочным тоннелем, в котором пропали дозорные несколько лет назад.

— Эмиль, остаешься со мной. Ребята, быстро возвращайтесь к саням, собирайте остальных — и в город. Немедленно! Сообщите первому дозору. Пусть сразу сюда вышлют штурмовой отряд! Живее! И сани с собой прихватите!

— Но, Михалыч! А как же вы тут... — возразил было Вячеслав.

— Я два раза повторять не буду! Это приказ! — рявкнул капитан.

Васнецов и Сквернослов бросились прочь из ложбины.

— Думаешь, это то самое? — спросил Казанов у Гуслякова. Он явно имел в виду эту историю с загадочным снежным тоннелем.

— А черт его знает.

Капитан осторожно заглянул внутрь. Нора была такая, что в нее мог свободно войти человек. И конца ее видно не было.

Вдруг снег за спиной Гуслякова брызнул фонтаном в разные стороны и в спину ему вонзился длинный и острый клюв какого-то лоснящегося желтоватого червя небывалых размеров.

— Михалыч!

Эмиль бросился к товарищу, пытаясь снять его с этой пики. Он взял капитана за руки и потянул на себя, но в этот момент, разрывая живот, из Гуслякова показался этот чудовищный клюв, который стал раскрываться тремя челюстями. Сейчас он разорвет капитана на части. Эмиль это понял.

Превозмогая невероятную боль, Гусляков схватил обеими руками висящие на портупее Казанова две гранаты и, прохрипев: «Беги», рванул их на себя.

Эмиль не мог бросить друга, с которым был все эти годы, с которым они служили в одной роте еще до катастрофы. Но он понимал, что сейчас произойдет взрыв. Он отпрыгнул в сторону, и взрыв произошел. Казанов почувствовал, как обожгло осколками ноги и как увлажняются в том месте его ватники от крови.

Капитана разорвало на части взрывом. Но он, пронзенный страшным жалом, был уже обречен. Червь дергал своей узкой головой и уже полностью вылез из снежного укрытия. Он был колоссальных размеров. Около шести метров в длину. Неприятного желчного цвета, покрытый какой-то полупрозрачной шерстью. Взрыв все-таки ранил его. У основания клюва зияло несколько рваных ран, откуда сочилась густая светло-оранжевая субстанция. Существо рванулось к Эмилю. Он перекатился и принялся стрелять из автомата по твари. Червь не издавал никаких звуков. Только снег шуршал от его судорожных движений, вызванных новыми ранами.

Рядом загрохотали еще два автомата. Николай и Вячеслав вернулись. Существо то сворачивалось кольцом, то выпрямлялось, как пружина. Подоспели остальные члены группы и открыли огонь...

— Две гранаты РГД-пять. Пять полных рожков. Четыре из них калибра пять сорок пять, один семь шестьдесят два. Только тогда эта тварь издохла. — У Сквернослова был совсем мрачный вид. Перед глазами все еще стояла картина с растерзанным телом командира. — Капитан Гусляков погиб. Эмиль Казанов ранен.

Председатель совета, командующий гарнизоном общины, генерал Басов слушал молча. Ему было уже под шестьдесят. Черная повязка скрывала правый глаз. Он был когда-то летчиком. Он пролетал возле Обнинска, когда справа сверкнула вспышка взрыва, выжегшая ему глаз и превратившая всю правую сторону лица в сплошной ожог.

Вышло так, что профессору не пришлось просить совет о присутствии Николая и Вячеслава на экстренном заседании совета. Руководство общины само настояло на этом ввиду последних событий сегодня в лесу. Когда Сквернослов закончил свой доклад, генерал кивнул ему, дав понять, что он может садиться.

Заседания совета проходили в бомбоубежище, расположенном под гарнизонным Домом офицеров в центре города. Здесь был просторный и хорошо освещенный зал и когда-то были созданы все условия для деятельности командования в случае большой войны. Правда, никто тогда не пытался предсказать, сколько этот период будет длиться.

— Что скажет ученый совет? Вы уже провели осмотр существа?

Басов ходил из стороны в сторону между массивным столом и стеной, на которой висела большая карта мира. Того мира, который был когда-то.

С места поднялся профессор Третьяков, который возглавлял ученый совет общины. В городе он ныне обладал самой высокой ученой степенью.

— Не вставайте, Михаил Вениаминович. Говорите с места, пожалуйста, — попросил генерал.

— Хорошо. — Третьяков сел на свой стул. — Мы провели тщательный внешний осмотр и препарирование этого червя.

— И с чем мы имеем дело?

— Точного ответа мы не можем дать. Если с эволюционным предшественником крыс-мутантов и люпусов все ясно, то это существо полная загадка. Мы знаем только, что он передвигается под снегом. Причем делает очень хитрые ловушки. Полагаем, что к исчезновению дозорных несколько лет назад причастно подобное существо. Его кровь весьма токсична. А сам червь очень живуч. Что подтверждают слова Вячеслава и Николая. В связи с этим вспоминаются рассказы искателей, которые встречали кочевников на востоке, рассказывающих о странных больших снежных червях в районе Новомосковска. Раньше этим байкам никто не верил, поскольку никто этих червей не встречал. Но сейчас следует воспринимать эти истории иначе. Давайте вспомним, что было в Новомосковске до войны. Это многое может объяснить.

— И что там было? — спросил один из членов военного совета общины, облаченный в старую полковничью парадную форму.

— Огромный химический комбинат. Там производились минеральные удобрения, аммиак, продукты органического синтеза, хлор, каустическая сода, азотная кислота, метанол и еще много чего. Да я и сейчас могу с десяток подобных предприятий вспомнить. В районе города имеются карстовые пещеры, в которых под воздействием не только радиации, но и обилия химических выбросов вполне могла зародиться эта новая форма жизни.

— Что вы можете предложить? — Басов остановился и взглянул на профессора.

— Определить вероятные пути проникновения червя в город и установить с равным интервалом частокол. Нужны длинные ровные палки, которые можно воткнуть в снег до самого грунта. Осмотр тела существа позволяет нам предполагать, что в твердом грунте черви передвигаться не могут. Частокол должен торчать из снега на метр. Чтобы легче было заметить, если какие-то прутья исчезли или погнуты. Двигаясь в снегу, черви непременно наткнутся на эти палки, что будет заметно. По крайней мере, можно хоть как-то узнать, если такая тварь проникнет в город. В лес теперь следует ходить с тяжелым вооружением. Думаю, дровозаготовщики во время работы в лесу должны расстилать вокруг себя листы железа.

— Вы представляете, какой это объем работы — установить частокол? — взмахнул руками полковник.

— А у вас есть лучше предложения?

Полковник ничего не ответил.

— Михаил Вениаминович, у вас есть что добавить по этому вопросу? — спросил генерал.

— Пока нет, — мотнул головой профессор.

— Хорошо. Частоколом займемся завтра же. Думаю, целесообразно будет отправить людей для разбора полуразрушенных зданий. Там много арматуры и старых прохудившихся труб. Железные листы можно взять с самолетов на аэродроме. Теперь перейдем к следующему вопросу повестки дня. Старшина, — генерал обратился к охраннику, сидящему у входа в зал, — пригласите наших гостей.

— Есть! — Старшина резко поднялся и исчез за дверью.

Через несколько секунд он появился в сопровождении двух космонавтов. Им дали самую распространенную в Надеждинске одежду. Солдатский камуфляж. Теперь, после того как их подстригли, побрили и дали возможность принять ванну, их было практически не узнать. Николай с интересом взглянул в сторону пришельцев. Оба были невысокого роста, что и понятно, поскольку в космических кораблях острый дефицит свободного места.

— Прошу, присаживайтесь. — Басов указал на два приготовленных для гостей стула.

Космонавты кивнули и сели на свои места.

— Пожалуйста, представьтесь. Я и профессор Третьяков уже знакомы с вами. А вот остальная аудитория — нет.

— Юрий Алексеев, — встал круглолицый человек с седыми волосами. Он кивнул всем присутствующим и сел.

— Андрей Макаров. — Второй был совсем лысым, с вытянутым скуластым лицом. Он повторил жест своего товарища.

— Вчера мы просили вас подготовить подробный доклад для нашего совета. Вы говорили, что имеете очень важную информацию. Пожалуйста, мы готовы вас выслушать, но в процессе вашего доклада у нас возникнут к вам некоторые вопросы. Надеюсь на ваше понимание и искренность. Прошу, начинайте. — Генерал наконец присел на свой стул.

Макаров поднялся, осмотрел всех каким-то почти растерянным взглядом, потер подбородок, еще не отвыкший от только что сбритой бороды, и медленно заговорил.

— Вчера мы сказали вам, кто мы. Рассказали о своей незаконченной экспедиции на Луну. Я думаю, повторяться смысла

нет. Вы, товарищ генерал, настаивали, чтоб мы рассказали вам все от начала нашей посадки. Мы так и сделаем. Итак, мы приземлились в районе города Бхиванди на западе Индии. У самого побережья. Нам повезло, в городке было много людей, которые после случившегося цунами и последовавшей за этим войны нашли в себе силы не скатиться в варварство. Они помогли нам, поскольку мы перед этим полтора года были в космосе и наши мышцы сильно атрофировались. В корабле у нас были специальные тренажеры для поддержания себя в норме, но невесомость есть невесомость. В общем, провели мы там три с лишним года. Попутно искали наш груз, где был луноход. Когда нашли, мы с Юрием решили отправиться на родину.

— А где вы жили до катастрофы? — спросил Басов.

— В Москве. Мы не коренные москвичи, конечно. Но после зачисления в отряд космонавтов нам предоставили жилье в столице.

— Вы направлялись в Москву?

— Да. Но по пути мы хотели найти этот уцелевший от воздушных ударов город.

— Как вы узнали о Надеждинске? Его даже на картах нет.

— Мы, еще на орбите когда были, получили сигнал. Это была секретная частота по системе ГЛОНАСС. У российских космонавтов есть возможность на ней работать. Вернее, была. Для докладов на Землю по военному ведомству или в случае фиксирования НЛО и прочей чертовщины. Сообщение нам слал какой-то сверхсекретный объект системы противоракетной обороны Москвы. Вы же знаете, что еще по советскому договору с США мы и они могли оснастить только один объект системой ПРО. Они защитили какую-то базу НОРАД, мы — Москву. Этот секретный объект назывался как-то... «Тихий вечер»... как-то так...

— «Субботний вечер», — поправил Юрий.

— Да! Именно так. Они адресовали послание не именно нам. Думаю, они сообщали это всем стратегическим объектам России. Но откликнулись только мы. Они говорили, что защитить Москву не смогли, поскольку удар был нанесен оттуда, откуда никто не ждал. Но спасли от воздушного удара какой-то небольшой городок Надеждинск, недалеко от Калуги. Сказали, что там военные. Элита. Авиаторы и десантники. Надеялись, что они, то есть вы, смогут сохранить государственность.

— Что значит — удар нанесли не оттуда?

— Ни одна ракета не ударила по столице. Противник знал о сильнейшем ПРО в регионе и не бил по Москве ракетами.

— И что это было тогда? Ведь мы точно знаем, что ядерный удар по Москве был нанесен. И не один.

— Совершенно верно. Но это были заложенные в городе фугасы.

— Что? Фугасы? — Военные в зале оживились и принялись перешептываться.

— Тише! — Басов поднял руку. — Тишина!

Все послушно притихли.

— Мы не знаем подробностей, — продолжал Макаров. — Даже «Субботний вечер» подробностей не знал. Это потом по Москве запустили ракету, но система ПРО смогла ее отклонить, и она ударила по Калуге. Потом они засекли четыре бомбардировщика. Они сначала ударили по Обнинску, Туле и какому-то химическому объекту в Тульской области. А еще по Рязани, кажется. И вроде собирались бить по Москве или ее стратегическим объектам. Но два самолета сбили защитники столицы, а два — летчики недалеко от Обнинска.

— А зачем им бомбардировщики, если они все ракетами сожгли? — не удержался от вопроса Николай.

— Ракеты делают грубую работу, бомбардировщики ювелирную, — пояснил генерал. — И пожалуйста, молодой человек, не перебивайте. Продолжайте, товарищ Макаров.

Николай виновато посмотрел на генерала. Значит, не было никакой счастливой случайности, что город оказался невредим во время катастрофы. Значит, его защитили. Хоть кого-то они хотели защитить. Ему вдруг очень захотелось найти этих безымянных героев противоракетной обороны. Но где они сейчас, живы ли? Может, они так и живут в своем секретном бункере? И без лишних слов Николай понял, что значит грубая и ювелирная работа. Ракеты бьют по площадям. Уничтожают аэродромы, военные базы, системы ПВО, промышленные центры. Бьют по густонаселенным районам. Подавляют людскую волю, низводя все способности человека к деструктивной панике и безумию. А потом гордо, без всякого противодействия летят огромные крылатые монстры и добивают то, что осталось. Ювелирная работа...

— Сигналы от «Субботнего вечера» перестали идти примерно за два месяца до нашей посадки.

— А почему вы все-таки приземлиться решили?

— А как иначе? Наши тюбики с пищей уже кончались. Конечно, рециркуляция воды еще работала, но с воздухом проблемы начались. Регенерация сбои давать стала, туалет из строя вот-вот выйдет, — усмехнулся Макаров. — Да и другие причины. Просто представьте, каково болтаться над мертвым миром. Это не орбиту безжизненной Луны облетать, зная, что позади свой обитаемый дом. Это Земля, которая превратилась в ад. И все, что мы имели от прошлого, это этот призрачный голос на секретной радиочастоте. И если помирать, то дома, а не там, в пустоте. Да и не просто так мы в космосе кружили. Изучали, что с Землей происходит. Надо было хоть кому-то эту информацию донести. А человек, что слал по закрытой связи сообщения, говорил, что они выйти на поверхность не могут. Снаружи все заражено. Да и аварийные выходы завалены снаружи. А главный путь на их базу лежал через московское метро. Но как я понял из его слов, в метро вообще какая-то чертовщина творится. Те, кто в бункере остался, держали какое-то время оборону. На них именно из метро нападали. Потом у них боеприпасы кончаться стали, и они взорвали тоннель, замуровав себя.

— А кто нападал?

— Да мы не поняли толком. Он только и говорил: «мрази». Вообще, насколько можно было судить, люди в бункере не совсем вменяемые были. Причем с каждым сеансом связи это чувствовалось все больше. У многих наверху семьи остались. Кто-то вообще двинулся умом от того, что произошло. Кто-то сдвинулся из-за того, что, отвернув ракеты от уже пылающей Москвы, враги сожгли еще невредимую Калугу. У меня такое ощущение возникло, что они там боялись всех, кто не в бункере. Кто снаружи. Считали их мутантами или еще чем-то. Или что им отомстить хотели за то, что Москву проворонили и Калугу сами уничтожили. И насколько мы могли судить по голосу, они очень много пили. Да еще с какими-то препаратами сильнодействующими из военных аптечек, я полагаю, алкоголь мешали. Иногда на этой частоте мы молитвы слышали. Кто-то мольбы к Господу обращал. Видимо, думали, что по спецсвязи Всевышний их лучше расслышит. Кто-то начинал говорить что-то и тут же срывался на истерический плач. Бывало, что кто-то включал рацию и начинал хохотать в нее. Мы только с одним человеком могли общаться. Остальные нас просто пугали своим безумием...

Николай слушал, и его разум стал менять образы героев противоракетчиков, спасших Надеждинск, на потерявших чело-

веческий облик, спившихся субъектов, которые в безумии метались по замкнутому пространству, боясь каждой тени, и только у одного хватило рассудка, чтобы выйти в эфир и случайно связаться с космонавтами. Идеалистические образы исчезли, и осталась горькая и страшная правда.

— А как связь прекратилась? — спросил генерал после некоторой паузы. Он и сам, видимо, прокручивал в сознании то, что могло твориться в том бункере.

— Во-первых, с каждым разом все больше атмосферных помех было в связи. А потом однажды в эфире воцарилась тишина, и все. Мы ждали пару недель и поняли, что с этими людьми все кончено. Однажды, правда, мы поймали какой-то сигнал. Но он был кодированный. И причем код совершенно незнакомый. Мы думаем, это вообще не наши были. Сигнал был один раз, и потом тоже тишина. Ну, после этого мы долго возились с нашим грузом на Луне. Естественно, на Луне-то мы не были. Груз там наш был. Мы дистанционно с ним, конечно, возились. В итоге отправили его на Землю. Кое-какие технические проблемы возникли, и груз упал куда-то в Индию. Мы-то хотели сразу в Россию, но так вышло. Решили и сами в Индию садиться. Тем более что у нас такая орбита была. Короче, тут много технических тонкостей.

— А вот скажите, — поднял руку тот самый полковник в старом мундире. — У нашей службы безопасности много вопросов к вам. Сами понимаете. История ваша несколько фантастическая, особенно та ее часть, которая касается вашего путешествия из Индии в Россию. Как так вышло, что вы целых пятнадцать лет ехали сюда? Да еще ваш луноход сейчас в исправном состоянии. Как такое может быть? На чем работает ваш луноход?

— Понятно, — покачал головой Юрий Алексеев. — Подозреваете, что мы вражеские шпионы, значит?

— А как бы вы на нашем месте поступили? Вы же сами офицеры, если вы те, за кого себя выдаете.

— Офицеры, — вздохнул Алексеев, — подполковники. Только вот разве ваши инженеры не осмотрели за сутки нашу машину?

— Ну, это внешний осмотр, так сказать, был. В ходовую часть и в силовую установку никто не лез. Ждем ваших пояснений.

— Так вы что, думаете, мы все пятнадцать лет ехали в луноходе? Да бывало, что мы после пары суток пути потом по во-

семь месяцев искали дорогу, пряча нашу машину в каком-нибудь укромном месте. Мы в Гималаях года два провели. Если не больше. Сдуру думали напрямик прорваться. А там не просто горы высоченные. Половина из них вдруг вулканами стали. Потом четыре года в рабстве у «Священного джихада» были. Год с лишним думали, как Черное море обойти, там вообще ужас что творится.

— Давайте по порядку, — нахмурил единственную бровь генерал. — Что за джихад?

— На Ближнем Востоке нарвались на какое-то племя радикалов. Точнее, нет. Это, кажется, бывший Пакистан был. Да. Пакистан. Они там воевали со всеми. Даже со своими. Их главным врагом было «Мусульманское братство». Выжившие беженцы из Ирана. Те нормальные. Традиционные. Они воевали между собой. «Джихад» хотел захватить весь мир и оставшихся в живых на колени поставить. «Мусульманское братство» хотело возродить цивилизацию и проповедовало человеколюбие и философский образ жизни в традициях ислама. А еще там «Шайтан-легион» орудовал. «Джихады» нас пленили. Мы думали, все. Конец. Но нет. Они, узнав, что мы космонавты, видимо, обменять нас хотели на что-то. Все искали, кому нас сплавить. А мы все это время батрачили на них. Землянки рыли. Траншеи. Дрова собирали и прочее. Снег чистили. А потом «Мусульмане» и «Шайтан-легион» объединились и побили хозяев наших. — Юрий усмехнулся. — Это мы потом узнали, что за легион такой в тех краях ужас на всех наводил. Это вообще анекдот. Смех сквозь слезы.

— И что за легион?

— Это были экипажи нашей атомной подлодки и американского авианосца. Разбойничали они там на совесть. Робин Гуд просто отдыхает.

Офицеры в недоумении стали переглядываться. Даже на изуродованном лице генерала застыла гримаса удивления.

— Как так? — спросил он.

— Да, в общем, история на грани фарса. Где-то в тех морях, то ли в районе Красного моря, то ли в Аравийском море, была уцелевшая авианосная группа США. Однажды они засекли какую-то неизвестную лодку поблизости. По шуму винтов установили, что это ударный атомный ракетоносец российского флота. Эскорт тут же сбежал от своего авианосца. По идее, в ядерной войне лодка должна ударить именно по авианосцу

и именно торпедой с ядерной боевой частью. Либо ракетой «Гранит». Тоже не с тротилом, сами понимаете. Посерьезнее начинка. От этой ракеты спасения нет. Шансов она не дает. Ну, они испугались и ушли на всех парах. Авианосец сначала за ними плыть пытался, но те тогда веером разошлись. С авианосца отправили самолеты вдогонку. Так один из эсминцев сбил один такой самолет. Вы можете себе такое представить? Своего же. Братья по оружию называется. Потом он, то есть авианосец, за лодкой начал охоту. Бомбили. Лодка получила повреждения, но пустила торпеду. Однако с простой боевой частью. Тротиловой. А рядом отмели были. Лодка на одну ушла, чтоб не утонуть. Авианосец на другую. Установили радиосвязь между собой. Начали ругаться. Угрожать друг другу. Потом решили перемирие заключить и провести переговоры. Наши поплыли на моторной лодке к их бандуре. Перед этим поддали для смелости. Боялись, что американцы обманут. Убьют или в плен возьмут. Потом во время переговоров на авианосце вообще пьянка вышла грандиозная. Брататься стали. Дескать, если сволочные политики кашу такую заварили, то чего им убивать друг друга. Вспомнили про морское братство. Решили, что делить им нечего. Лодка ведь ударная была, а не стратег. У нее не баллистические ракеты, а крылатые. То есть по территории она не работала. Геноцидом не занималась. Ну и авианосец к тому, что в России творилось, причастен не был. Ну и объединились в целях выживания. Занялись откровенным пиратством. Ходили по тем землям. Находили выживших. Одних под опеку брали — за плату, естественно. Других, кто им казался отмороженными врагами, крушили. Так и в нашем случае. Договорились они с «Мусульманским братством» и разбили этот «Джихад», который всем вменяемым выжившим в регионе покоя не давал. И нас из долгого плена освободили. — Юрий улыбнулся. — Вот такая невероятная история.

— Знаете, Алексеев. То, о чем вы сейчас с таким умилением рассказывали, иначе как измена не назовешь, — сурово заметил генерал, поднявшись со стула. Он снова принялся ходить, скрестив на груди руки.

— Какая измена? — удивленно посмотрел на него космонавт.

— Измена присяге, долгу и Родине! А что это, по-вашему? Целый экипаж, и не БТРа какого-нибудь, а ядерного ракетоносца! Брататься с врагом!!!

— Да что вы говорите такое? Война весь божий мир сожгла! Нет победителей! Нет проигравших! Точнее, все проиграли! И что теперь, последние горстки выживших должны рвать друг другу глотки? Это и так продолжается! Но эти моряки не стали оглядываться назад! Они подумали о будущем! А взгляд в прошлое лишь укрепляет в очевидном факте! Факт в том, что мы были варварами!

— Мы, значит, были варварами?! Мы, а не они?! — Басов кивнул куда-то в сторону.

— Мы — это все человечество!!!

Наступила тишина. Два человека сверлили друг друга взглядами. Николаю казалось, что они сейчас с кулаками кинутся друг на друга. Но он сам не мог решить, кто из них прав. Он понимал генерала, но он и космонавта понимал. А может быть так, что оба правы?..

— Ладно, оставим этот спор, — вздохнул генерал. — Но не дай вам бог подумать, что я оправдываю поступок тех подводников.

— Это ваше право.

— Что было после освобождения?

— Где-то год мы провели с легионом. Луноход потом искали. Мы же его перед пленом в ущелье одном оставили. А потом снега стали сыпать. Долго искали то место. Нашли. Сказали командирам легиона о нашем плане прорваться в Россию. Они вроде и хотели, но, видимо, боялись, что тут их именно как предателей встретят. Да и нереальным они такой путь считали. Лодка их едва ли могла поход выдержать, после полученных повреждений. Авианосец вообще дырявый, на мели стоял. Снарядили они нас оружием и провизией и перекрестили на дорогу. С нами только особист подался с подводной лодки. Кречетов Борис.

— А что с ним стало?

— Погиб. На Балканах уже. Там на людоедов мы напоролись в горах. Он их вместе с собой похоронил. Лавину вызвал гранатами.

— Что еще у вас в пути было?

— Да много чего. Например, обширные участки на Ближнем Востоке просто провалились. Целые плато. Непролазные места совершенно. Мы думаем, что под этими территориями пустоты от выкачанной нефти. После катастрофы в тех краях очень частыми сильные землетрясения стали. Вот и начались

обвалы грунта. В иных местах зоны сплошных пожаров. Нефтяные вышки годами там горят. В Турции вообще огромный разлом в земной коре. Мы в этот разлом камни кидали и так и не услышали, как они упали. Глубина невероятная.

— А с Черным морем что, вы говорили?

— Там очень дела плохи. Когда война началась, в пролив Босфор кто-то бросил водородную бомбу. Мы полагаем, что это наши, чтоб обеспечить беспрепятственный вывод Черноморского флота на позиции. Но вышел обратный эффект. Пролив закупорился. Уж как, я не знаю. Потом, когда ледниковый период этот начался, Мировой океан, моря, озера мельчать стали. А ведь в Черном море на глубине сероводород. Когда уровень моря резко упал, начались выбросы сероводорода. Там вообще ничего живого не осталось. Все ядовитое. Там мы тоже застряли надолго. С одной стороны разлом, дальше на севере Черное море. Мертвый регион. Мы ушли на запад и несколько лет жили там. Пока Мраморное море не замерзло наглухо. Потом двинулись дальше. В Европе много радиации. Досталось ей сильно. Мы выживших встретили только на Балканах. И те совсем дикие были. Потом по ошибке чуть на Кавказ не забрели. Потом в России оказались. Думали, что Россия. А там, на юге, нам и сказали: «Нет больше вашей немощной России! Теперь тут великое княжество Инфернис!»

— Что еще за Инфернис?

— Царство антихриста, — пояснил Макаров. — Один чудак так и спросил у нас: «Вы не антихристы?» Видите ли, они его ждут, так как царствие его давно пришло, а он все никак их не почтит своим присутствием. А я возьми да ляпни, что мы с небес спустились, а антихрист должен из недр земных появиться. Пошутил, блин. Еле ноги унесли. Они ведь своих врагов собакам скармливают. Очень много у них собак. И инвалидов и больных тоже скармливают. У них и девиз такой: «Немощные и убогие и да стерты будут с лица земли!» Жуткое место. Потому я и спросил у вас первое — это Россия или нет? Мало ли в какой психушке окажемся на этот раз. А дорогу искать действительно трудно. Компас правильного направления не показывает. Вот и вышло, что мы пятнадцать лет добирались. Но с очень долгими остановками. Дошли. До сих пор не верится.

— А насчет лунохода — не правы вы, — продолжил Юрий. — Ломался он. Дважды. Но поломки были незначительные. Устранимые. Благо комплект запчастей из грузового мо-

дуля мы прихватили. Вот «Вояджер» уже сколько лет летит в космосе — и работает, наверное. Во всяком случае, на момент всеобщего конца он еще сигналы на Землю слал. И ведь никто в нем несколько десятилетий ничего не чинил. А станция «Мир» сколько летала?

— Но ее эксплуатировали. Следили за ней. Ремонтировали.

— Да я не спорю. Но и технологии те были старее. Но насколько она свой ресурс переработала? А машина наша для экстремальных условий предназначена. На Луне сильные перепады температур. Скалы и пыль. А мы большую часть пути по снегу. Снег — более щадящий для ходовой части. Но вот ее и чинили в основном. А силовая установка там двойная. Солнечная панель на крыше, с высокой светочувствительностью. И бета-гальванический аккумулятор. Работает на изотопе водорода. Тритий. Ресурс батареи тридцать лет. Тогда это была новинка наших нанотехнологий. Первыми подобный аккумулятор сделали американцы еще в две тысячи седьмом году. Вот и думайте, фантастическим было наше путешествие или чем-то реальным.

В зале воцарилась гробовая тишина. Два десятилетия люди жили в этой общине, имея смутное представление о том, что происходит в мире, за пределами окружающего их леса. Все, что им удавалось узнать, приносили в своих впечатлениях группы искателей. Весь мир, даже вся вселенная сузилась до рамок этого крохотного городка и видимого в щели блокпостов горизонта. Но теперь на этих людей свалился небывалый поток информации, и все, словно околдованные, молча сидели на своих местах. Кто-то смотрел на висящую карту, рисуя в воображении этот невероятный путь, который проделали космонавты.

— Кто нанес первый удар? — спросил вдруг генерал.

— Что?

— Вы все видели из космоса. Кто нанес первый удар?

— Мы не знаем, — развел руками космонавт.

— То есть?

— Сначала был цунами. Потом мировой скандал в связи с тем, что он, вероятно, был вызван испытанием некой державой климатического оружия. Потом серия терактов в мире. И началось. А кто первый... Я не знаю. Цепочка событий, и все...

— Хорошо. Но мы нанесли равноценный удар по врагу?

— Вы о чем?! — воскликнул Юрий.

— Я об ответном ударе, черт побери! Я хочу знать, мы выпотрошили наших врагов так же, как они нашу страну?! Я говорю о той добродетели, в которую свято верю! Я говорю о добродетели отмщения!

— Да вы в своем уме?! Какой мести вы жаждете?! За лежащую в руинах Родину? За близких? Или за изуродованное лицо?!

Всем показалось, что генерал изготовился для звериного прыжка через стол на этого дерзкого человека.

— Мы нанесли равноценный урон?! — заорал он. — Отвечай!!!

Космонавт вдруг выхватил из-за пазухи пачку фотографий, которые накануне показывал Николаю и Вячеславу профессор, и швырнул их на стол.

— На, генерал! Любуйся! Весь мир в огне! ВЕСЬ! Вот твоя добродетель! Нет никакого равноценного удара! Нет никакого возмездия! Только самоистребление! Посади кучку психов, которые прячут за пазухой пистолет, в одну комнату и скажи им, что каждый из них друг другу враг. И что будет? Если человек прячет за пазухой заряженный пистолет, он рано или поздно выстрелит — по дурости или по необходимости! Руки-то чешутся! Весь наш мир этой комнатой с психами был! Ядерный пистолет за пазухой прятали МЫ, Америка, Англия, Франция, Китай, Израиль, Индия, Пакистан, Северная Корея, Иран, ЮАР и еще бог знает кто! И все друг другу отомстили! Рад?!

Никто не помнил генерала таким. Его кулаки, которыми он оперся на стол, побелели. Ожог на лице стал бордовым. Из-под повязки потекла струйка крови. Он вдруг зажмурился. Сделал глубокий вдох и, достав платок, вытер кровь.

— Давай по фотографиям рассказывай. Что это за красная область? Вы вчера говорили, что это очень важная информация. — Он вдруг смягчился.

— Пожалуй, я расскажу, — сказал Макаров, который хлопком по плечу своего товарища предложил ему присесть и успокоиться. — Когда мы покинули Землю, то на следующий день наша аппаратура зафиксировала сильнейшую ионизацию в атмосфере. И странные возмущения в магнитном поле. Через пару часов случился цунами. Источник ионных и магнитных аномалий находился где-то в Северном полушарии. В районе Аляски. Когда над Аляской была ночь, мы наблюдали странное

электрическое свечение над той областью. Потом война. Свечение продолжалось и после нее. Потом в том районе начали формироваться сильные циклоны. Началась конденсация облаков по всему миру. Но наиболее интенсивно это происходило опять над Аляской. И мы заметили, что это свечение в атмосфере из голубоватого приобретает красный оттенок. Мы долго наблюдали, пока были в космосе. Это звучит невероятно, но движение материковых плит Земли изменилось, и они стали все двигаться к Аляске. А возмущения в магнитном поле вообще приобрели характер настоящего магнитосферного хаоса.

— ХАРП! — воскликнул вдруг профессор Третьяков. — Это ведь ХАРП?!

— Мы тоже об этом подумали, — кивнул космонавт. — Других вариантов нет. Это ХАРП.

— Это еще что такое? — Басов устало потер лоб кончиками пальцев.

— High Frequency Active Auroral Research Program, — пояснил профессор, явно довольный подтверждением своей догадки. — Проект «Аврора».

— Проект «Аврора» — это разработка стратосферного гиперзвукового бомбардировщика, — мотнул головой генерал.

— Не совсем. Это, скорее, дезинформация для масс и иностранных разведок, — возразил Макаров.

— Допустим. И чем это грозит? И что это вообще такое, если не проект самолета?

— Это испытательный стенд для отработки возможностей перспективного геофизического оружия, которое основано на использовании средств воздействия в военных целях на процессы, происходящие в твердой, жидкой и газообразной оболочках Земли, — сказал Юрий. — В свое время много публикаций в прессе было по этому поводу. Много ученые по этому поводу выступали. Особенно после цунами две тысячи четвертого года, что Юго-Восточную Азию накрыл.

— Ну а чем грозит это?

— Континенты продолжают двигаться в одном направлении. Это может привести к критическому нарушению центра масс планеты. Тогда, как вариант, она сходит с орбиты. Это конец. Конец даже бактериям. Другой вариант. На оголенных участках происходят гигантские выбросы магмы. Мы уже говорили, что кое-где началась вулканическая активность и участились сильные землетрясения. Под действием собственных

центробежных сил Земля разваливается на части, и в Солнечной системе появляется второй пояс астероидов. Это тоже конец всем формам жизни. Конечно, может это и не произойдет. Может, ХАРП сам выйдет из строя. Все может быть. Но на данный момент ситуация неутешительная. Может, наши данные неточны. Ведь наша информация — это мизер. Но надеяться на авось больше нельзя.

— И что вы предлагаете?

— Выключить ХАРП.

Генерал усмехнулся.

— Ну и где этот долбаный рубильник?

— На Аляске, разумеется.

— Еще лет сорок ехать будете? — Басов уже еле сдерживал смех.

— Не обязательно, — мрачно произнес Алексеев. — У вас ядерное оружие осталось?

— Чего?

— Нам нужно ядерное оружие.

— Эка ты заговорил как, пацифист ты наш, — съязвил Басов. — Только что мне эти фотки в морду тыкал. А что теперь? У нас нет ядерного оружия. Но если бы и было. Как его туда доставить? На самолете, который почти двадцать лет в сугробах гнил? У которого топлива нет? Дальность полета которого много меньше, чем расстояние до Аляски? Как? Да еще в неблагоприятных метеоусловиях и бардаке в магнитном поле!

— Можем отправиться в Москву.

— Ее тоже взорвать? — хихикнул генерал.

— Да не паясничайте вы, — досадливо поморщился Юрий. — Там бункеры генштабовские. Там кто-то должен был выжить. Мы не все ракеты использовали. При всем том кошмаре, в который превратили Землю, главные участники ядерного клуба использовали не весь свой арсенал.

— Во-первых, Москвы нет больше. Только мертвые руины. Я в этом уверен. Во-вторых, как вы собираетесь искать там бункеры?

— Там надо искать выживших. А выжить могли только в бункерах. Следовательно, найти кого-то из генштаба не так сложно, как кажется.

— Ну, допустим. Нашли вы там некоего старого одичавшего человека в маршальском мундире, жрущего чей-то труп. Допустим, он в полубреду расскажет вам о какой-то ракете, кото-

рая тоже гнила двадцать лет в шахте. И из этой шахты давно все, что можно, утащили выжившие ракетчики. У ракеты топливо протухло давно. Как вы запустите ее? Как нацелите на Аляску?

— Мы все это понимаем. Но мы не знаем, что под этой завесой красного сияния. Нам необходим ядерный заряд. Мы отправимся на Аляску.

— Да вы психи. Как вы туда доберетесь? Вы пятнадцать лет сюда ехали. А туда как?

— У нас впереди Уральские горы. А это совсем не Гималаи. За Уралом самая большая и самая стабильная тектоническая плита. А там дальше Сибирь. Это много проще. Тоже довольно стабильный регион. Мы думали над этим годы. Но снимки, которые мы смогли недавно получить с нашего покинутого корабля на орбите, окончательно поставили нас перед фактом. ХАРП до сих пор активен. Значит, разрушительные процессы продолжаются. Что-то все равно надо делать. А никаких вариантов, кроме путешествия на Аляску, нет. Это единственный шанс для выживания того, что осталось, понимаете? Пусть призрачный, но шанс. И он всего один! Поймите! Второго шанса не будет! Дайте нам оружие. Дайте нам пару-тройку смельчаков добровольцев. Мы все сделаем! Второго шанса не будет! — повторил Юрий.

Генерал вздохнул. Лицо его снова стало суровым и мрачным. Он поднялся со стула и опять стал ходить по залу. Смотрел на карту. Затем на фотографии.

— Что скажет совет? — произнес наконец он.

— Надо обдумать все. Сейчас никто, наверное, ничего не скажет. Очень много информации, — сказал один из членов совета.

— Понятно. Тогда решим так. Ученый совет проработает этот план. Через двое суток мы должны принять окончательное решение.

— Значит, как мир уничтожать, так военные тут как тут, а как его спасать, должны ученые голову ломать? — сказал вдруг один из сидящих рядом с Третьяковым пожилых людей.

— Разумеется, — усмехнулся генерал. — На том и держалась наша цивилизация. Лучшего так никто и не придумал. Только на этот раз... — Басов окинул взором единственного глаза всех присутствующих, — на этот раз военные все-таки прислушаются к мнению ученых. Заседание совета окончено.

5
ВАРЯГ

Николай и Вячеслав молча приближались к своему жилищу. На этот раз шок и потрясение были гораздо сильнее, чем накануне, когда они возвращались от профессора. Раньше казалось, что все просто кончилось. Люди испепелили свой мир и заковали его в лед. Но нет. Оказывается, планету еще и какой-то ХАРП разрывал на части. Все эти бандиты, людоеды, люпусы и даже этот жуткий червь, убивший капитана, были такими несерьезными и мелкими проблемами, что было тошно оттого, что еще пару часов назад люди не знали других страхов. Все оказалось гораздо хуже. Николай угрюмо смотрел на бурый грунт траншеи. На доски и бетонные блоки, которыми она была накрыта. Сколько их в свое время вырыли, чтоб соединить все обитаемые подвалы города? И зачем?

— Завтра Михалыча хоронят, — тихо произнес Вячеслав.

— Надо проводить его, — кивнул Николай. — Какие у нас завтра наряды на работу?

— До обеда по дому работы. Шкуры снимать со стен и вытряхивать на улице. Вон, в подвале одном на улице Некрасова в шкурах вши завелись. После обеда идем на реку лед долбить да ловушки от пойманной рыбы освобождать. Ничего серьезного, короче. Ночью опять в дозор.

— С кем мы теперь в дозор пойдем? — вздохнул Васнецов.

— С Седым и Бесовским.

— Терпеть не могу Седого.

— Да ладно. Баклан он, конечно, тот еще. Просто поменьше на его тупой треп обращай внимания.

— Что ты думаешь по поводу рассказа космонавтов?

— Да голова пухнет, — махнул рукой Вячеслав. — Столько информации. Я понял, что счастье — это когда ничего этого не знаешь. Вот жили мы, не тужили. Выращивали морковку, свеколку да картофан в оранжереях. Кроликов да кабанчиков с курями разводили. Охотились помалу. А теперь все как-то мелко. Противно. Неестественно. Безнадежно все как-то.

— А если все-таки решат экспедицию отправить? — Николай взглянул на Сквернослова.

— Куда, на Аляску?

— Да. Я хочу с ними. А ты?

Сквернослов остановился.

— Не знаю я. Безнадежно все это.

— Но представь, если это действительно единственный шанс на спасение? Что мы теряем в любом случае?

— Теряем возможность дожить наши дни в этих теплых подвалах. А в пути такого комфорта не будет. А тут...

— Как крысы? Мы должны прожить наши жизни, как крысы? Ты же сам говорил прошлой ночью, что, пока мы живем, жизнь продолжается. И надежда остается. А выключить этот шарп...

— ХАРП...

— Ну, ХАРП. Выключить этот ХАРП, быть может, наша единственная надежда. Так что же ты? Ты и в глазах профессора надежду какую-то увидел. Что с тобой теперь стало?

— Я не думал, что все так плохо. Я думал, что где-то в мире все в порядке. А оказывается, везде так, как у нас. Все разрушено. Весь мир. А профессор... Теперь я его не понимаю. Темнит он что-то. Откуда он-то про этот ХАРП знает? Или просто умом старик тронулся. Так ведь бывает. И очень часто.

— Может, спросим сходим? — предложил Николай.

— Да у них там сейчас дел столько. Генерал же сказал проработать этот вопрос. Сейчас не до нас ему будет.

Молодые люди вошли в свой подвал. У входа, как обычно, сидел вахтер внутреннего поста. На такую вахту обычно назначали людей больных и старых, чтоб не вынуждать их выходить в холодный блокпост или патрулировать траншеи. Он тоскливо смотрел в горящий в большой печке-буржуйке огонь, греющий помещение и трубу, этот подвал опоясывающую. Иногда вахтеру приходилось проворачивать рукоятку ручной помпы, разгоняющей воду по трубе для распределения тепла.

Вахтер ничего не сказал молодым людям. Только посмотрел в их сторону и угрюмо принялся крутить помпу. Казалось, что он совсем не хочет разговаривать.

Время было еще не позднее, и двери или заменяющие их шкуры, в жилища людей были открыты. Однако дверь в квартиру капитана была заперта, и оттуда доносился плач. И еще несколько голосов женщин, пытающихся успокоить овдовевшую Гуслякову.

За большим столом в центре подвала никто не играл в домино или нарды, как это иногда случается по вечерам. Шума детей, а их в этом подвале было трое, тоже слышно не было. Сегодня тут была одна скорбь. И слышался только плач.

Николай взглянул на дверь в квартиру капитана и вдруг выскочил из подвала обратно в земляной коридор. Сквернослов рванул следом.

— Я не могу! Я виноватым себя чувствую! — прохрипел Николай догнавшему его Вячеславу.

Тот что-то хотел сказать, но, поджав губу и прикрыв глаза, молча закивал головой. Он чувствовал то же самое.

Васнецова охватила горечь от бессмысленной гибели Михалыча. Но еще больше горечи было в том, что и жизнь-то вся их была, оказывается, бессмысленной. Пустой и бессмысленной. Впереди ничего. Либо медленное вымирание. Либо скорая — а может, и не очень — гибель планеты. Но главное-то он понял. Незачем жить. Люди умирают. А тех, кто родился после войны, можно по пальцам пересчитать. И это за двадцать лет! Да кому захочется выпускать свое чадо в этот одичавший и безнадежный мир? Это ведь преступление перед маленьким ребенком, родить его на свет в таких условиях. А если он и вырастет, то непременно проклянет родителей своих, осознав, что жить незачем. Васнецов быстро брел по траншее, пока не наткнулся на постового, стоявшего у массивной деревянной двери, обитой кабаньими шкурами. Эта дверь вела на поверхность. Сквернослов молча следовал за ним.

— Парни, вы чего? — спросил охранявший дверь постовой.

— На воздух охота чего-то, — задыхаясь, пробормотал Николай. — Выпусти.

— Так не положено ведь! Темнеет уже! И там мороз за тридцать!

— Пусти, как человека прошу. Мы только подышим и назад. Мы тут. У входа будем.

— Ну ладно. Только недолго, — вздохнул молодой постовой и, загремев ключами, снял с засова большой амбарный замок.

Васнецов бросился по земляным, а чуть выше и по снежным ступенькам наверх. На их мир опустились черные сумерки. Во мраке виднелись мрачные силуэты необитаемых зданий, так противоестественно торчащих из снега. Он упал на колени и, зарывшись лицом в холодный снег, зарыдал.

— Не могу я так больше, Славик! Не могу! Жить не хочу! Зачем жить?! Мы же вымираем! А кто последним подохнет, того и похоронить некому! Закопать, как Михалыча завтра закопают! На хрена, Славик!

— Кончай, Коля. Говорят же, что радиации меньше становится. Годы идут. Перестань, — как-то неуверенно бормотал Вячеслав.

— Да потому что всё! Радиация не нужна больше! Она свое дело сделала! Мы, люди, свое дело сделали на этой земле! Все! И хватит себя всякими сказками утешать!

— Коля, хватит, — прошептал сквозь слезы Вячеслав. Затем схватил Николая за грудки и стал трясти его. — Хватит, Коля! — заорал он. — Ну не рви ты душу мне! Всем тяжело! Не тебе одному! А мне каково?! А?! Что ж ты делаешь, скотина! Мне же тоже! Погано! Ты же знаешь Аленку из подвала на Советской! Знаешь, что любовь у нас была! И знаешь, что я отвадил ее от себя! Я боюсь, понимаешь? А если она родит! Как я ребеночку своему в глаза смотреть буду?! Что за землю я ему оставлю в наследство?! Что я ему скажу?! Вот, сынок, посмотри, как мы тут все обосрали! А Аленке каково?! Ей двадцать пять уже, а она все куклу украдкой пеленает, поет колыбельные и плачет! Плачет, плачет, плачет! — Он с силой окунул Николая лицом в снег. — Вот как ты сейчас плачешь! Что же ты делаешь, гад! Что же ты душу и себе и мне рвешь!

Васнецов вырвался и врезал Вячеславу кулаком по лицу. Ответный удар последовал незамедлительно. Они сцепились в какой-то сумасшедшей дикой ярости и, катаясь по снегу, колотили друг друга.

— Ни хрена себе, они воздухом дышат! — закричал выбравшийся на шум постовой. — А ну, разойдись!

— Пошел ты... — прорычал кто-то из дерущихся.

— Я сейчас патруль вызову! Месяц потом говно из уборных в оранжереи таскать будете!

Постовой скомкал крепкий снежный ком и метнул в дерущихся. Попал Сквернослову в ухо. Николай вырвался и кинулся на постового.

— Караул! — завопил тот, прыгая обратно в подземелье. — Нападение на часового!

Сквернослов успел схватить Васнецова за ноги, и тот снова рухнул в снег.

— Колян! Угомонись! Мы уже по пятнадцать суток таскания говна заработали!

Васнецов перевернулся на спину и уставился на затянутое тучами небо.

— Ты помнишь, как выглядят звезды? — спросил он, тяжело дыша.

— Нет уже. Не помню. Их последними эти космонавты и видели. Да и те наверняка позабыли.

— Прости меня, брат, — вздохнул Николай.

— То, что ты мне врезал, я прощаю. А вот то, что нам теперь две недели какашки из уборных таскать да смешивать их с золой, землей и снегом... Этого тебе я никогда не прощу. Придурок.

— Вот эти ненормальные!

Из снега показалась голова постового. Следом трое патрульных.

— Вы чего тут творите, а? — сурово заговорил пожилой начальник патруля.

— Тихо! — поднял руку Сквернослов.

— Чего тихо! А ну, встать!

— Да тихо вы! Слышите? Собаки! Собаки лают!

Собаки в Надеждинске были редкостью. Бродячие давно стали пищей для более свирепых хищников. А приручённые были настоящей роскошью. Люди не сразу поняли, как могут быть полезны собаки в таком мире. Сейчас собак держали в специальных питомниках возле подвалов, в которых жили искатели. Сами искатели использовали этих животных в качестве тягловой силы для своих саней. И в качестве надежного союзника и опасного оружия. Сейчас все отчетливей слышался собачий лай. Причем не со стороны городских подвалов, а со стороны леса. Это был лай не одной собаки. Голосила целая дюжина. Или больше. Затем послышался разнесшийся эхом свист, и лай стих. Но зато до ушей находившихся на поверхности людей донесся отчетливый человеческий крик: «Полундра! Волки!» И тут же крику вторила автоматная очередь. Затем пронзительный вой.

— Левченя, — обратился патрульный к молодому постовому. — Давай бегом вниз и объявляй общую тревогу. А вы двое быстро за оружием...

— Славик, сколько у тебя патронов? — спросил бегущий в траншее Николай.

Бегущий впереди него Сквернослов ответил:

— Половина рожка еще где-то. А у тебя?

— Я вообще пустой! У меня всего один рожок был! Я его сегодня в червя весь выпустил!

Они ворвались в родной подвал.

— Петро! Автоматы наши, срочно! — крикнул Сквернослов вахтенному.

— Чего там случилось? — спросил вахтенный, торопливо открывая оружейный шкафчик.

— Кажись, волки напали! Петро! Дай еще один рожок!

— Без «добра» коменданта не имею права! — возразил старик.

— Да как так?! — раздраженно бросил Николай.

— А чего, правил не знаете? Патроны не снег! С неба не сыплются! Обоснуй рапортом, куда свои патроны дел! Комендант ознакомится и решение примет!

— Да знаю я! Но времени сейчас нет!

— Да не имею права! Вы не состоите в военной дружине. Это им патроны дают чаще, чем жрачку. И в дозоре не находитесь! Не могу!

— Волки, понимаешь! — заорал Вячеслав.

На их крики и доносившийся из траншеи тревожный звук ударов железной трубой по пустой артиллерийской гильзе из своих жилищ стали выскакивать перепуганные жители. К молодым людям вдруг подбежала заплаканная вдова Гуслякова и протянула им два рожка от калашникова.

— Мальчики, вот! От Васьки остались! Берите!

— Спасибо вам, — кивнул Николай и бросился на выход.

Оказавшись снова на поверхности, они обнаружили там уже три десятка вооруженных людей, которые лежали на снегу, приготовившись к стрельбе. Братья быстро заняли позиции.

Уже отчетливо было видно три собачьи упряжки, которые неслись к Надеждинску. Они были уже близко. В каждых санях сидел человек и, развернувшись назад, вел огонь. С домов ударил свет прожекторов, и в поле позади собачьих упряжек стали видны серые силуэты волков, которые неслись следом.

— Группа Варяга вернулась! — крикнул кто-то из занявших оборону людей. — Наконец-то!

Варяг Яхонтов был одним из самых опытных и авторитетных искателей Надеждинска. Он несколько раз ходил в рейды вместе с отцом Николая. Они как-никак были старыми друзьями. Две недели назад он отправился с двумя своими товарищами в очередной рейд. И вот теперь он возвращался, преследуемый стаей волков.

— Черт! Сколько их! Да больше полусотни! — воскликнул Сквернослов, пытаясь сосчитать маячившие в лучах прожекторов серые силуэты. — Таких стай не бывает!

Собачьи упряжки наконец пересекли линию обороны.

— Распрягите собак и уводите их в укрытие! — закричал, спрыгивая на ходу с саней, Варяг своим людям. Это был невысокий, крепко сложенный человек сорока восьми лет. Его старила густая борода, торчащая на длину ладони из капюшона его белого маскхалата. — И зовите еще стрелков! Там этих тварей просто море!

Он прыгнул в снег и принялся стрелять.

Николай посмотрел на этого человека с нескрываемым восхищением и стал выбирать себе цель среди упорно приближающихся волков.

«Это патроны Михалыча, — думал он. — Бережнее с ними надо». Он отчетливо видел в прицел свирепого хищника, бегущего прямо на него. Он ясно видел блеск его желтых глаз. Вокруг уже вовсю шла стрельба. Кто-то стрелял длинными очередями, кто-то короткими. Николай же отчего-то зациклился на мысли, что надо беречь патроны.

— Я не боюсь тебя, — прошептал Васнецов и стал ползти вперед.

— Куда! — послышался крик Вячеслава.

Преодолев несколько метров, он снова прицелился. Казалось, что до этого упрямого волка можно дотянуться рукой.

— Я не боюсь тебя, — не менее упрямо бормотал Николай. — Я буду сильным, как мой отец. Я буду сильным, как Михалыч. Я буду сильным, как Варяг. Я — человек!

Он отпустил курок и переключил автомат на одиночный выстрел.

— Коля! Стреляй!

Он выстрелил. Пуля пробила лобную кость волка, и тот взвизгнул, перекувырнулся и рухнул перед Васнецовым. Николай подполз к нему и стал использовать мертвого зверя как бруствер. Еще выстрел. И снова попадание. Очередной зверь упал и задергал лапами. Не мертв, но ранен.

Теперь на Николая, который был ближе других к волкам, несся большой хищник с крупными клыками и взъерошенной холкой. Он начал петлять. Умный зверь. Остальные стали повторять его маневры. Вожак!

Выстрел. Мимо! Николай ругал себя за промах и впустую потраченную пулю.

Пусть подойдет ближе. Пусть! Тогда наверняка...

Он подпустил зверя непростительно близко. Николай уже видел, как волк прыгнул на него. Все вокруг померкло. Время

стало невероятно долго тянуться, превращая этот наблюдаемый Колей прыжок в какое-то нереальное действо, как во сне. Вдруг что-то отбросило волка в сторону. Зверь упал на снег и стал хрипеть и биться в судорогах, окрашивая под собой снег в красный цвет.

Перед глазами Николая промелькнула белая фигура. Это был Варяг. Это он метнул в волка огромный охотничий нож, проткнувший глотку зверя. Искатель схватился за рукоятку своего ножа и ловко отрезал хищнику голову. Затем поднял ее и туловище и, размахнувшись, кинул в сторону смертоносной стаи. Среди волков, увидевших останки своего вожака, началось смятение. Их упорядоченная и организованная атака превратилась в хаотичное метание под ураганным огнем людей. Волки стали поворачивать обратно, в сторону леса. Уже через пару минут стало ясно, что атака отбита. Звери потеряли своего вожака, и, пока в стае не обозначится новый лидер, они не будут так организованны, как пару минут назад. Николай встал и осмотрел поле битвы. Свет прожекторов позволял отчетливо разглядеть десятки звериных туш на красном снегу. Среди людей жертв не было.

— Колька, ну ты и псих! — воскликнул улыбающийся Яхонтов. — Ты чего вперед полез? А?

Он подошел к Васнецову и обнял его.

— Ну здравствуй, Коля.

— Здорово, борода! — хлопнул Варяга по плечу подошедший к ним Вячеслав. — Ну и подарочек ты нам приволок!

— Привет, матершинник, — усмехнулся Яхонтов и пожал Вячеславу руку.

— Сквернослов, — поправил тот.

— Да не один ли черт?! — рассмеялся искатель. — А где Михалыч? Он же с вами возится постоянно, как нянька.

Братья молча переглянулись. Улыбки исчезли с их лиц.

— Нет больше Михалыча, — вздохнул Вячеслав.

«Спать как убитый» — это про Николая. Он всегда спал крепко, вымотанный тревожными мыслями, которые были его неизменными спутниками. Вчерашние сутки были одними из самых эмоциональных за последнее время. Во всяком случае, для него. Цепочка странных, трагических и трудно поддающихся осмыслению событий вымотала его как никогда. Однако крепкий и долгий сон позволил ему немного прийти

в себя и успокоиться. Хотя тяжесть потери Гуслякова сдавливала сердце.

Провожать капитана в последний путь вышло около полусотни человек. После того как черная ночь сменилась серым рассветом, за которым наступил серый сумеречный день, люди вышли хоронить Василия Михайловича Гуслякова. Траурная процессия медленно двигалась по закатанным в трехметровый слой снега улицам Надеждинска. Они шли к городскому стадиону, на котором было организовано кладбище. Четыре бойца военной дружины несли носилки, на которых покоился сшитый из парашюта мешок. Это и был гроб, в коем покоились останки капитана.

Всем, кто вышел на похороны, было приказано взять с собой оружие. Ведь они находились на поверхности. А на поверхности могло всякое случиться. Впереди похоронной колонны двигался усиленный до пяти человек патруль. Они осматривали перекрестки и дома, мимо которых должна была пройти процессия. Все было спокойно. Только пару раз они спугнули несколько кабанов, нашедших убежище в заброшенных домах. И встретили молодого лося, который объедал труп волка на центральной улице. Это было жуткое и противоестественное зрелище — видеть, как травоядный лось поедает плотоядного волка. Однако зрелище уже не новое. Копать снег в поисках растительной пищи травоядным бывало очень непросто, и они все чаще не брезговали и падалью. Патрульные прогнали лося и закидали изуродованный труп волка снегом.

Надетые на обувь людей снегоступы оставляли причудливые овальные следы. Следы от похорон, бывших на прошлой неделе, давно уже погребены прошедшими снегопадами и заметены метелями. Николай и Вячеслав шли позади процессии. Васнецов сквозь маячившие спины других людей смотрел на идущую за носилками с капитаном вдову. Она плакала. Ее поддерживали другие женщины, подвывавшие ей своим плачем, который должен был хоть немного утешить несчастную женщину, дав понять ей, что она в своем горе осталась не одна.

Варяг шел впереди братьев. Теперь на нем не было военного ватника с бушлатом, обтянутых поверх белым маскхалатом. На сей раз на нем был теплый комбинезон альпиниста, темно-синего цвета. Шапку он не одел. Как не натянул и капюшон. Слабый ветер, гуляющий между давно покинутых домов, лениво шевелил его давно не стриженные соломенные волосы.

Обычно искатели очень редко стриглись и почти не брились, только иногда подправляя прическу и придавая бороде более эстетический вид. В рейдах такая растительность была необходима, поскольку не всегда удавалось найти или организовать место, где можно переждать ночь, погреться или укрыться от бури. Волосы были дополнительной защитой от стужи. Людям же, которые постоянно находились в общине, наоборот, предписывалось оставлять поменьше шансов для появления вшей на их телах.

— Эх, Михалыч. Ну как же ты так... — тяжело вздохнул Яхонтов.

— А ты разве не знаешь, что произошло? — тихо спросил его Сквернослов.

— Да знаю, конечно. — Искатель обернулся, не прекращая движения. — Просто в голове не укладывается. До сих пор поверить не могу, что его нет. А про все ваши последние истории я уже в курсе.

— Про космонавтов слыхал?

— Конечно. И, чую, дело мне серьезное предстоит скоро.

— Какое дело? — спросил Николай.

— Загранкомандировка, — совсем невесело улыбнулся Варяг. Он чуть замедлил шаг и двигался теперь вровень с молодыми людьми.

— Уж не на Аляску ли? — Сквернослов вопросительно уставился на искателя.

— Как догадался?

— Да мы были на совещании, когда этот вопрос подняли. Мы с Колей тоже в экспедицию хотим.

Николай удивился. Накануне Славик еще не горел желанием поддержать его затею. Но теперь он говорил с твердой уверенностью в своем решении. Васнецову это было приятно.

— Значит, решение нашлось само собой, — кивнул Яхонтов.

— Какое решение? — поинтересовался Васнецов.

— Понимайте это как хотите, но Басов мне сказал, что община не может себе позволить растрачивать профессионалов. Поэтому если экспедицию все-таки отправят, то с ней пойдет только один искатель, а не группа. И этот искатель, коим я и вызвался, кстати, может взять с собой двух толковых парней, но только не из числа военной дружины или моих коллег. Понимаете? А тут вы сами напрашиваетесь. Мне и агитировать

никого не пришлось. Сегодня вечером приходите ко мне в берлогу. Все обсудим.

— Нам в дозор сегодня с вечера в ночь, — вздохнул Сквернослов.

— Если вы твердо решились на участие в экспедиции, то я этот вопрос улажу с комендантом. В дозор вы не пойдете. Но если это пустой треп...

— Мы твердо решили, — перебил его Николай.

Он почувствовал, что это единственный шанс найти себя. И когда жизнь видится лишь чередой явных признаков своей бессмысленности, за такой шанс надо хвататься обеими руками. Он почувствовал, что его мечта стать искателем, как отец, наконец может исполниться. И с первого своего рейда он должен будет не опустошать брошенные здания ближайших городов, а отправиться, быть может, на самую важную миссию из всех возможных.

— Везет нам, братец. — Вячеслав толкнул его локтем в бок. — Про нашу драку все забыли из-за волков. А теперь и от дозора откосим...

Процессия пришла на стадион. Снег был расчищен на небольшом участке, и там вырыта неглубокая яма в грунте. Люди уже давно не делали гробы для покойных. Останки капитана так и опустили в окровавленном мешке из парашютной ткани. Вместо надгробия или креста в могилы усопших клали гильзы, в которые запаивали написанные на клочке бумаги данные об усопшем и обстоятельства смерти. Быть может, случится невероятное и человечество когда-нибудь возродится. Тогда люди найдут эти могилы и достойно перезахоронят их. Тех, кто умер от жутких болезней. От радиации. От голода. От страшных морозов или нападения зверей либо подобных зверям людей. Достойно предадут земле тех, кто жил и боролся с последствиями недальновидности, беспечности и преступности своего утерянного мира, превратившегося в руины и мрак.

Провожавшие капитана люди обступили могилу. Среди них был и командующий, который всегда присутствовал на похоронах своих солдат.

— Друзья, — начал говорить он своим громовым басом. — Сегодня мы провожаем в последний путь нашего надежного и смелого товарища, павшего в бою с чудовищем, которого породила в нашем израненном мире былая катастрофа. Он был настоящим офицером во времена мира. Никогда не сетовал на

все тяжести и лишения военной службы. Он служил во имя Родины и нас с вами, друзья. Когда весь наш мир провалился в бездну, он оставался настоящим мужчиной и верным присяге воином. Он не бросил свое подразделение. Не стал искать убежища или возможности создания банды, как это делали многие в те трагические дни. Он стоял у истоков создания в нашем городе неприступной твердыни, защищающей, быть может, последний и единственный островок цивилизации и законности на нашей земле. Он всегда смело шел в бой, кто бы ни был врагом по ту сторону нашего вечного фронта в войне за жизнь. Но такова наша реальность. Мы боремся, и многие из нас гибнут. Погиб и наш товарищ, Василий Михайлович Гусляков. Верю я, что есть по ту сторону смерти рай для лучших из людей. Рай, который он заслужил по праву. И пусть эта холодная земля будет ему пухом. Пусть его прах обретет вечный мир. А душа отправится в царствие небесное. Спи спокойно, дорогой Василий. Твоя жизнь продолжается в наших сердцах.

Генерал закончил говорить и бросил в яму горсть земли, перемешанной со снегом. Один за другим люди, пришедшие провожать капитана, кидали в могилу эти горсти. Вдова медленно села на снег и пустыми, ничего не выражающими глазами смотрела на заполняющуюся яму. Потом она запрокинула голову и закричала. Другие женщины бросились к ней, пытаясь успокоить. Но она стала рваться к могиле.

— Пустите! Пустите меня к нему! Не хочу! Похороните меня с ним! Я не хочу больше оставаться в этом проклятом мире!!!

Ее муж был единственной ниточкой, связывающей всю ее жизнь, состоящую из «до» и жизни «после». Он грел ей душу, напоминая о теплом весеннем дне, когда они познакомились. О солнечном летнем дне, когда они сыграли свадьбу. Когда свадебный кортеж мчался в Калугу по дороге, вокруг которой были чудесные зеленые леса. Она помнила запах полевых цветов, которые он всегда привозил ей, возвращаясь с учений. И теперь эта ниточка оборвалась. Никакого прошлого словно и не было. А будущего не будет никогда. Все, что было, теперь лежало в ледяной яме, в которую ей хотелось прыгнуть. Даже когда много лет назад умер от болезней их ребенок, она находила в себе силы жить дальше. Но сейчас ее единственной опоры не стало. Все вокруг ощущалось таким кошмаром, что быть зарытой в ледяной земле с разорванным на части мужем было самым лучшим выходом.

— Пустите меня!!!

Сослуживцы капитана крепко держали вдову. Женщины успокаивали. Кто-то дал ей выпить заранее приготовленное успокоительное. Через несколько минут она перестала кричать, но продолжала плакать.

Николаю было не по себе. Нет, это не первые похороны, на которых он присутствовал. Первые похороны он помнил хорошо. Тогда еще не было столько снега. Тогда еще люди не перебрались окончательно в подвалы. В тот день хоронили его мать, умершую от черного дождя, состоящего из воды и радиоактивного пепла. Тот дождь погубил тогда полторы тысячи человек. Их всех хоронили вместе с его матерью. В одной глубокой яме, далеко в лесу. И все, кто провожал их в последний путь, лили слезы в маски противогазов, без которых нельзя было хоронить убитых радиацией. Потом прошло много времени, и радиоактивные и токсичные осадки стали выпадать все реже. Но и мир стал мертвым и закованным в холод. И только копошащиеся, как муравьи, люди в своих подвалах и норах да бродячие банды отморозков и людоедов напоминали о том, что на этой планете была когда-то разумная жизнь.

Разумная?

Николай никогда не мог понять, почему человечеству надо было сотворить такое с собственным миром. Сейчас он снова почувствовал остро пульсирующий в голове вопрос «ПОЧЕМУ?». Но вопрос этот всегда оставался без ответа, насаждая в душе только неописуемую горечь.

Нет, конечно, люди умирали и гибли всегда. Но сейчас люди и не жили вовсе. И особо остро он это ощущал на похоронах.

6
РЕШЕНИЕ

Места, где были установлены ловушки, были отмечены флажками. Кусок тряпки на длинном шесте с написанной на ней цифрой девять означал девятый кордон. Место, где жил Николай. Ловушки с другими номерами они не имели права очищать. Метрах в ста работали двое с пятого кордона. Еще дальше — группа из центра. Васнецов и Сквернослов принялись разгребать снег лопатами, то и дело поглядывая по сторонам. В носу все еще чувствовалась пыль, которую они выбивали

до обеда из звериных шкур, после того как вернулись домой с похорон капитана. Николай морщился от неприятных ощущений, но продолжал убирать снег. Щелчок затвора автомата заставил его оторваться от работы. Он взглянул на Вячеслава. Тот смотрел в сторону леса, начинавшегося на том берегу Оки, и держал свой калашников наготове.

— Ты чего?

— Рысь, — коротко ответил Сквернослов.

Николай проследил за его взглядом и увидел вдалеке это животное. Совет общины строго-настрого запрещал убивать этих хищников. Даже в случае нападения предписывалось делать выстрел не по зверю, а рядом, чтоб отпугнуть. Только в крайнем случае человек мог покончить с рысью. Эти хищники успешно охотились на крыс, даже на крыс-мутантов. Бывало, что разоряли берлогу люпуса, похищая его детенышей. В сложившихся условиях рысь оказалась союзником человека, уничтожая злейших его врагов в животном царстве. В Надеждинске даже практиковался уход за найденными в лесу ранеными рысями. То же самое относилось и к лисицам.

— Не вздумай стрелять, — предупредил брата Николай.

— Да знаю я. Мало ли что.

Рысь некоторое время внимательно смотрела в их сторону. Затем понюхала снег вокруг себя и, развернувшись, медленно побрела в сторону леса. Эти дикие кошки с годами все больше чувствовали особое отношение людей к себе. Двуногие, оказавшись по собственной вине на грани вымирания, вдруг стали проявлять небывалую заботу о существах, которых когда-то бездумно истребляли. И животные словно понимали это. Бывали случаи, когда рыси приходили к деревозаготовщикам и демонстративно наваливали прямо перед ними кучу. Или мочились на их сани. А потом так же медленно, как сейчас, с гордо поднятой головой убирались восвояси. Но стоило человеку появиться одному, и рысь непременно нападет. Природа никогда не упускала возможности нанести удар по человеку, словно мстила за все проступки его вида против окружающей среды.

Проводив хищника взглядом, молодые люди продолжили откапывать ловушку. Это была обычная железная бочка с приваренными тремя ножками. Люди продалбливали в полуметровом слое льда полыньи и опускали туда эти бочки, которые наполовину уходили в лед, до воды, а другая половина торчала на поверхности, опираясь на ножки. Потом их обкладывали меш-

ками с древесными опилками и золой и засыпали снегом. Такая защита позволяла несильно промерзнуть сетчатому чехлу, который крепился внутри бочки и уходил под воду. Чехол был около пяти метров в длину, и через каждые полметра его опоясывало стальное кольцо. Во многих местах к ячейкам сетки были привязаны крючки с наживкой в виде крохотных кусков мяса. В чехле имелось отверстие, и ловушку устанавливали этим отверстием против течения. Аккуратно очистив внутренность бочки ото льда, Вячеслав опустил в полынью багор. Нащупал первое кольцо и стал тянуть. Вторым багром Николай подхватил это кольцо, и, втянув его в бочку, они насадили кольцо на специальные крюки, приваренные внутри бочки. Теперь надо было вынимать из ловушки рыбу и потом вытягивать следующую секцию.

— Коля, вылезь из ямы и смотри, чтобы зверье не набежало. А я рыбу буду тебе кидать.

— Погоди, Слава, надо эколога позвать. Вдруг радиация.

— Да, блин, ну в прошлый раз ведь не было. И в позапрошлый раз тоже не было.

— Славик, ты же знаешь правила. Тем более что река-то течет подо льдом. Мало ли какую гадость течением принесет.

— Ладно. Зови. Но это пустая трата времени.

Николай выбрался из снежной ямы, подошел к саням для рыбы, которые представляли собой таз на лыжах, достал из кармана пустую автоматную гильзу и, прижав ее к нижней губе, со всей силы дунул. Раздался пронзительный и громкий свист.

Теперь стало видно, что под одиноким деревом на берегу реки сидел человек. Он медленно поднялся на ноги и побрел в их сторону. Это был эколог Матвеев. Когда-то он работал в местном лесничестве, и, когда все началось, он, на свое счастье, решил перебраться в Надеждинск. Он был совсем старым, и единственной обязанностью его было проверять своим дозиметром добычу из реки и то, что привезут в общину дровозаготовщики, охотники и искатели. Хотя у искателей были свои дозиметры, но дополнительная проверка уже в самой общине была обязательна. Когда-то на военных складах было море таких приборов, но в первые годы после катастрофы многие из них пришли в негодность. А многие были негодными еще задолго до войны. Еще однажды большую партию дозиметров похитила группа офицеров и прапорщиков и обменяла бандитам на еду и драгоценности. Очевидно, они полагали, что сложный

послевоенный период быстро пройдет и они окажутся на вершине благосостояния со своим никому теперь не нужным золотом, серебром и драгоценными камнями. Их ожидания не оправдались. И еда оказалась не пригодной для пищи. Некоторые из этой преступной группы отравились и умерли. Погибли и некоторые члены их семей. Когда началось разбирательство, то их кража всплыла наружу. Зачинщиков преступления совет общины приговорил к смерти по законам военного времени. И с тех пор дозиметры стали оборудованием строгой отчетности. Их доверяли только командирам подразделений. Постам радиационного наблюдения. Искателям и экологической службе.

— Чего, ребятки, откопали уже ловушку? — прокряхтел облаченный в армейский караульный тулуп, валенки со снегоступами и распущенную ушанку на голове старик. — Ну, давайте проверим.

Он положил возле большого овального таза с приделанными к нему лыжами небольшой чемоданчик и достал из кармана продолговатый стальной предмет, похожий на толстую авторучку. К предмету была привязана бечевка. Он снял теплую рукавицу с правой руки и, достав из чемоданчика резиновую перчатку от комплекта химзащиты, одел ее. Затем спустился к ловушке и рукой в резиновой перчатке опустил прибор в воду, придерживая за бечевку.

Поболтав ею несколько секунд в воде, он вернулся к своему чемоданчику и снова открыл его. Внутри лежал небольшой прибор зеленого цвета. Матвеев стряхнул с левой руки варежку и щелкнул парой переключателей. Тонкая стрелка на шкале прибора дернулась. После этого он вставил побывавший в воде предмет в специальное отверстие. Стрелка чуть качнулась.

— Норма, — удовлетворенно кивнул Матвеев.

— Точно? — переспросил Николай.

— Да точно, я говорю. Норма. — Старик присел на край ямы. — Можете доставать.

Сквернослов натянул на руки резиновые перчатки и принялся опустошать ловушку. К Николаю падала брошенная Вячеславом рыба. Васнецов внимательно осматривал ее и кидал в таз. Вот эта без чешуи. Мутант какой-то скользкий. Не годится. Эта нормальная с виду. Пойдет. Эту с двумя хвостами долой. Опять нормальная. И эта нормальная. Эта без глаз...

— Безглазые рыбы бывают? — спросил Николай у эколога.

— Теперь бывают, — вздохнул Матвеев. — Выкинь ее от греха подальше.

— А это что за тварь? — Сквернослов вытянул что-то лохматое и бурое с длинным и узким носом.

— На выхухоля похоже, — крякнул старик, щурясь.

— Его едят?

— Да выкинь ее к черту. Как она подо льдом теперь дышит, непонятно. Тоже мутант небось. Выкинь.

Вячеслав отшвырнул существо в сторону.

— Ну, вроде пока все. Колян, иди помоги второе кольцо вытянуть.

Васнецов спустился, и они насадили на внутренние крюки второе кольцо. Затем Николай снова вернулся к саням. Полетела очередная партия рыбы. Еще в ловушке оказался кирзовый сапог и безголовая кукла.

— А это что такое? — Вячеслав показал что-то длинное и полупрозрачное.

Старик пригляделся и вдруг залился кашляющим смехом.

— Выкинь сейчас же! — прокашлял он сквозь смех.

— Да что это? — нахмурился Славик.

— Презерватив это!

Сквернослов резко отбросил его в сторону.

— Тьфу, зараза. Коля, давай теперь я покараулю, а ты повытаскиваешь. У меня руки уже задубели.

Николай улыбнулся, что, кстати, бывало с ним нечасто.

— Ладно. Если руки задубели, то так и быть, — кивнул он.

Братья поменялись местами.

— Вот ведь штука какая. Когда еще использовали, а до сих пор плавает, — хмыкнул Матвеев, успокоившись. — И сколько еще дерьма там, в реке. — Это он произнес уже невесело. — Эх, парни, какая тут рыбалка раньше была. Просто сказка. Любил я это дело. Очень радовался, когда в лесничество работать пошел. Я ведь как с Афгана вернулся, так нигде работать не мог. То брать не хотели, то возьмут, а я ужиться в коллективе не мог. Ну и подался сюда, в леса эти, подальше от людей. И чую, мое это. Природа. Река. Вот сядешь с удочкой на прогретый солнцем камень и сидишь. Лес слушаешь. Реку. Как же раньше было здорово! А теперь вот... Лес молчит. Только мертвый треск деревьев. Бочки во льду. Дозиметр. И наследство нашего прошлого в сетях. Хреново-то как. — Он вздохнул.

— А Афган, это далеко? — спросил Николай, вытаскивая очередную рыбину. Ему было интересно слушать о прошлом. О какой-то совершенно другой жизни, которую он совсем не помнил. Но в последнее время такие разговоры почему-то навевали на него сильнейшую тоску и какую-то странную, почти детскую тревогу, от которой без конца хотелось плакать. А в этом самому себе признаться стыдно было. Он и так сквозь землю провалиться хотел из-за своих недавних истерик. Сейчас он слушать о мире солнца и зеленой листвы не хотел и решил перевести разговор в другое русло.

Старик неопределенно махнул рукой:

— Там. Далеко.

— И как там?

— А никак. Горы и дикари. Сейчас небось то же самое. Только холоднее. Эти духи, наверное, и не заметили, что цивилизация кончилась. Я когда там был, думал, что это настоящий ад. Черта с два. Вот оглядываюсь сейчас на последние двадцать лет и понимаю, что пределы человеческих возможностей по созданию ада безграничны. — Старик вдруг замолчал и вопросительно уставился сначала на Сквернослова, затем на Николая. — Что это было?

— Вы тоже почувствовали? — Васнецов прекратил работу и взглянул на Матвеева.

Дрожание льда снова повторилось. На сей раз сильнее. И послышался жуткий гул, разнесшийся эхом над рекой. На секунду стихнув, все вокруг снова загудело с большей силой. К гулу прибавился звук трескающегося льда. Николай выскочил из ямы, в которой находилась их ловушка. На снежной глади то тут, то там появлялись фонтанчики снега. Очевидно, там ломался лед.

— Быстро на берег! — заорал Сквернослов. Он кричал это не своим спутникам, которые и так поняли, что назревает беда. Он кричал это другим людям, которые вдали очищали свои ловушки. Те уже быстро двигались в сторону города.

— Старый, давай в сани садись! — хлопнул Матвеева по плечу Вячеслав.

— Ты чего, парень, там рыба. Я же провоняю!

— Ты до берега до Восьмой мировой войны ковылять будешь! Коля, хватай его!

Братья усадили негодующего эколога в таз, кинули ему его чемоданчик, свои автоматы и, схватив за привязанную к саням

веревку, быстро двинулись в сторону Надеждинска. Впереди взметнулся снег и, разбрызгивая воду, встала на дыбы льдина.

— Правее! — крикнул Николай.

Они преодолели опасный участок. Сзади усиливался гул и треск. Теперь к ним присоединился шум освобождающейся от многолетнего льда Оки. Они выбрались из реки и, обессиленные, рухнули в сугроб.

— Что же это такое? — тяжело дыша, проговорил Сквернослов.

— Сдается мне, братцы, что это землетрясение, — ответил сидящий в тазу Матвеев.

Николай поднялся на ноги. Он взглянул на реку. Она изменилась до неузнаваемости. Огромные глыбы льда, толкаясь, вздымались ввысь и медленно ползли по течению. Вода, которую люди последние пятнадцать или даже больше лет видели только в маленьких лунках своих ловушек, бурлила. Было непонятно, трясется ли покрытый снегом грунт под ногами сам по себе или его сотрясает взбесившаяся Ока. Стихия снова показала человеку свою непреодолимую силу. Теперь Николай осознал, что у стихии было множество обличий. Что, кроме привычных уже страшных метелей, бывает и такое. И если это действительно землетрясение, то это в какой-то степени подтверждает рассказ космонавтов о движении материковых плит к этому ХАРПу. Теперь Васнецова осенила совершенно логичная мысль. Если это землетрясение, нетипичное, кстати, для этих краев, то, значит, экспедиция, которая до сих пор была под вопросом, состоится. Ее отправят, поскольку медлить больше нельзя. Совет, скорее всего, примет решение незамедлительно. Вячеслав, похоже, думал о том же.

Позади послышался раскатистый грохот. Все обернулись. Среди зданий Надеждинска клубилось облако серой пыли.

— Твою мать! — закричал Вячеслав. — Что это?! Что это такое еще?!

— Дома рушатся! — дрожащим голосом воскликнул Матвеев.

Клубы пыли заворачивались в вихрях, быстро расстилаясь среди строений города, словно костлявая смерть укутывала своим грязным плащом последний очаг жизни.

Все в общине сошлись на мнении, что это было землетрясение. Река освободилась ото льда, поглотив в бушующих водах ловушки. Кто-то видел, как в неспокойных бурунах пере-

катывался искореженный бензовоз, который унесло течением дальше.

Пострадал и Надеждинск. Полностью рухнуло два девятиэтажных здания, погребя под своими руинами тех, кто находился в подвалах. Много обвалов было в соединяющих общину в одно целое траншеях. Еще в двух подвалах были частичные обрушения. Один блокпост на втором кордоне сложился как карточный домик.

Подвал, где жили братья, не пострадал. Но сам дом над ними покрылся трещинами во многих местах. Николай и Вячеслав по возвращении в город сразу бросились на разбор завалов. Они проработали без передышки несколько часов, расчищая ведущие в их жилище траншеи, пока наконец их не нашел вестовой. Молодой болезненный парень постъядерного года рождения.

— Еле вас нашел! — крикнул он, пребывая в явно возбужденном состоянии и пытаясь перекричать шум ручных инструментов, которыми работали люди. — Хорошо, что живы! Вам обоим надлежит явиться к подполковнику Яхонтову!

— Ты, сопляк, не видишь, чем мы тут занимаемся? — рявкнул на него Сквернослов, орудуя киркой. — Некогда нам!

— Это приказ коменданта. И самого Басова! — обиженно нахмурился вестовой. — Не пойдете сами, патруль за вами пришлю!..

Было очевидно, что им действительно надлежит поступить именно так. Видимо, что-то важное предстояло, если власти Надеждинска отрывали их от восстановительных работ...

Все искатели жили обособленно. Они занимали подземные помещения бывшей гарнизонной комендатуры. Землетрясение пощадило эти бетонные стены. Либо они оказались ему не по зубам. Единственным искателем, который тут не жил, был когда-то отец Николая. Он был тогда одним-единственным искателем с семьей. Сыном Колей и приемышем Славиком. Все остальные были одиночками. Большинство из них потому и занялись этим непростым ремеслом, что хотели проведать края, где когда-то проживали их родные и близкие. И когда кто-то из искателей не возвращался, то говорили о них, что они нашли свою родню и живут теперь с ними. Но скорее всего, так говорили оттого, что никто не хотел думать об их гибели. Искатели пользовались особым вниманием женщин, так как мужчины это были наиболее сильные, выносливые и, ра-

зумеется, мужественные. Однако семьи они не заводили, поскольку тогда их ремеслу придет конец. За все эти годы только четыре искателя решили остепениться и жить как все, в общине. Остальные расставаться с волей не спешили и пользовались своим магнетизмом по отношению к женскому полу только для кратковременных связей. Поэтому от мужской половины общины они заработали недобрую репутацию, недоверие и зависть. Хотя, безусловно, мужчины искателей уважали, но пропитывали уважение завистью, ревностью и скрытой злобой. Однако если кто-то из искателей прелюбодействовал с замужней женщиной, то от него отворачивались все коллеги. Это было неписаным правилом. Но сомнительным утешением для ревнивых мужей.

Вестовой провел молодых людей по мрачному бетонному коридору. Потом они оказались в просторном и хорошо освещенном помещении, заставленном какими-то ящиками, с большим количеством сложенных у стен дров и десятком дверей. Они вошли в одну из них, следуя за вестовым. Снова длинный темный коридор. Потом большая комната с аккуратно сложенными на полу частями саней для собачьих упряжек, сухими дровами и опять двери. На одной была приклеена уже растерявшая многие цвета картинка с изображением старого военного корабля. На ней помимо корабля были надписи: «Модель сборная. Масштаб 1:350. Крейсер ВАРЯГЪ». Видимо, эта картонка была когда-то крышкой коробки с этой моделью.

— Вам сюда, — кивнул вестовой на картинку и удалился.

Николай постучал в дверь.

— Да! — послышался легкоузнаваемый голос Яхонтова.

Когда они вошли в его жилище, то пришлось сразу же зажмуриться от непривычно яркого света в просторной комнате. Они давно привыкли к свету лучины в своем жилище. Но тут было электрическое освещение.

— Ну, наконец-то! — воскликнул Варяг. — Я уж, грешным делом, подумал, случилось с вами чего.

Молодые люди осмотрели комнату. Это было по нынешним меркам роскошное жилище. Во-первых, большая комната. Примерно четыре на шесть метров. Потолок гораздо выше, чем в обитаемых подвалах некогда жилых домов, где таким высоким, как, например, Сквернослов, часто приходилось нагибаться. Привычных шкур на стенах и на полу не было. Бетон был выкрашен белой известью, и на двух противоположных

стенах висели большие ковры. Пол тоже был застелен коврами. Стена напротив входа была скрыта рядом шкафов. В их дверях уже не было стекол. В одном шкафу были заставленные книгами полки. Во втором — различная одежда и даже пилотский комбинезон. В третьем было оружие. Рядом стояла тумба без двери. Внутри посуда. На тумбе какой-то ящик. Николай не сразу узнал в нем давно забытый телевизор. Вернее, пустой корпус без кинескопа. Внутри стоял макет того корабля, что был изображен на картинке, приклеенной к двери. Слева стояла по-военному заправленная армейская кровать, под которой виднелись аккуратно сложенные дрова, придающие помещению своеобразный аромат. У кровати, ближе к двери, была железная печка, на которой грелась кастрюля, источая аппетитный запах. Труба от печи уходила в одну из двух вентиляционных отдушин. У другой стены с ковром стоял большой стол, за которым сидел Варяг, а рядом с ним профессор Третьяков. Они пили чай.

— Вы чего не приходили? Мы же договаривались. Я и с комендантом вопрос о вашем дозоре давно решил. И чего вы такие чумазые и взъерошенные? — Варяг взглянул на молодых людей.

— Вообще-то беда в общине, — угрюмо заметил Вячеслав. — Землетрясение. Мы завалы помогали разбирать. А вы тут чаи гоняете.

Яхонтов поднялся с места. Подошел к Сквернослову.

— Ты меня не стыди, Славик, — сказал он, глядя снизу вверх. — Я знаю, что случилось. Но каждый должен делать то, что должен. На том наша община и держится.

— Вот именно. — Вячеслав продолжал выражать недовольство. — И именно поэтому мы помогали разбирать завалы. Потому что должны. Даже если никто нас и не просил об этом.

— С той самой минуты, как вы решили участвовать в экспедиции, вы должны были думать только о том, как ее успешно провести. Теперь ЭТО ваш долг.

Яхонтов взглянул на наручные часы. Еще одна сказочная роскошь. Со временем часы у людей выходили из строя. Чинить их возможности не было. Теперь этими бесценными счетчиками времени обладали лишь немногие. Старосты подвалов. Командиры. Искатели.

— У нас очень мало времени, ребятки. Уже меньше восьми часов.

— Как это? — развел перепачканными руками Сквернослов. — Но ведь только послезавтра ученый совет...

— Сразу после землетрясения было решено, что медлить и взвешивать шансы более нельзя. Возможно, что уже давно все стало необратимо. Но полагаться на всякие «авось», «может быть» и «а что, если» преступно. Это критерии мышления иной эпохи, непозволительные нам, живущим в настоящей действительности. Любой, даже призрачный шанс надо использовать. Мы уходим на рассвете. И за это время вам надо помыться, поспать и собрать вещи. Сейчас придут космонавты. Они занимались подготовкой своего вездехода. Каждый занимается своим делом, несмотря ни на что. Мне горько от того, что произошло сегодня. Я тоже скорблю о жертвах бедствия. Но во имя живых и во имя памяти мертвых мы должны сделать нашу миссию выполнимой и продуктивной. Так что садитесь за стол.

Молодые люди сели. Варяг снял с печки кастрюлю и поставил на стол. Затем налил братьям чай из стоящего на полу чайника и положил перед ними две вилки.

— С тарелками у меня напряженка. Поэтому ешьте прямо из кастрюли.

Это была вареная картошка и тушеное кроличье мясо.

Николай только сейчас, вдыхая аромат горячей пищи, понял, как он хочет есть. Он насадил на вилку большую дымящуюся картофелину, но, попытавшись откусить кусок, обжегся и уронил ее на стол.

— Не спеши, Коля, — улыбнулся Варяг.

— Но ты сам говорил, что времени мало.

— Покушать хватит. Поспать и в дороге сможете, надеюсь.

— Профессор. — Сквернослов подул на свою вилку с маленьким куском мяса и взглянул на Третьякова. — Вы что, тоже едете с нами?

— Нет, ребята, что вы. Боюсь, я такого путешествия не перенесу. Старый я для этого. Старый и больной. А жаль...

В комнату вошли космонавты.

— Ну вот. Теперь все в сборе. — Яхонтов погладил свою бороду. — Садитесь. Поешьте. Вот вилки. Сейчас чай вам налью.

— Здравствуйте, ребята, — кивнул братьям Макаров.

Они сели рядом.

— Беда-то какая случилась, — продолжал космонавт Андрей. — Мы же говорили, что с геологической активностью Земли вакханалия полная творится.

— Как вы думаете? — обратился Николай к космонавтам. — Может быть так, что уже поздно пытаться что-то исправить?

— Коля! — Яхонтов поставил пришедшим людям кружки с чаем и строго посмотрел на Васнецова. — Я же сказал, что времена гадания на кофейной гуще и рассусоливания всяких альтернатив кончились двадцать лет назад. Сейчас надо только действовать. Сейчас у нас только два пути. Первый — это смерть. А второй надо искать. Мы нашли его с приходом наших новых друзей. Другой возможности не будет. Значит, надо действовать. Оставь сомнения. Ты верить в нашу миссию должен. И ты, Слава, тоже.

— Но как же больно будет, если она действительно окажется бесполезной, — пробормотал Сквернослов. — И в тысячу раз будет больнее, если верить в нее безоговорочно.

— Если она будет бесполезной, то уже не будет важно, какую боль мы все испытаем. Тогда уже все будет не важно. Так что оставьте все ваши «если». Мы еще не начали нашу миссию, а вы ее хороните, пораженцы. Сейчас отправлю вас домой, и дело с концом.

Николай ел молча. У него была еще тысяча вопросов, но он не решался их задать. Потому что в каждом из них сквозили сомнение и неуверенность. Он всегда считал себя человеком хладнокровным и серьезным. Но сейчас он понимал, насколько он слабый. Нет, не физически. Гораздо хуже быть слабым духом. И это он отчетливо в себе увидел. Было тяжело разочаровываться в жизни, с годами понимая, что в лучшую сторону ничего после катастрофы измениться не может. Но еще хуже было разочароваться в самом себе, вместо каких-то новых положительных качеств открывая только слабость и безволие.

— Вы по-прежнему настаиваете на походе через Москву? — спросил Яхонтов у Юрия.

Тот как-то нервно дернул плечами, продолжая небольшими глотками пить горячий чай.

— Ну да. Мы вроде с этим вопросом определились окончательно. Вас смущает что-то?

— Крюк немалый получается. Это прямиком на север. Это во-первых. Во-вторых, рейдов в Москву я не совершал. На запад я до Великих Лук ходил. На восток почти до Урала. На юге и севере дела обстоят скверно, если верить тем, кого я встречал за все эти годы во время рейдов. По Москве, Обнинску, Серпу-

хову здорово ударили. Конечно, на востоке, в Туле и Новомосковске, тоже страшные дела. Особенно в Новомосковске с его бывшими производствами. Но можно было пойти через... Минутку. — Варяг порылся в какой-то коробке под столом и достал оттуда кожаный офицерский планшет. Затем извлек из него потрепанную, перетянутую скотчем в нескольких местах карту с массой сделанных химическим карандашом пометок. — Вот. Смотрим. Можно пойти сначала на восток, потом на северо-восток...

— А как восток да северо-восток определить, Варяг? — хмыкнул Сквернослов. — Компасы уже много лет глючат.

— А то я не знаю! У искателей свои хитрости. Надо знать ориентиры. И слухом хорошим обладать. И прибором нехитрым. Мы из пластиковых бутылок гудки делаем и вешаем на деревьях в определенных местах. Этого добра, в смысле бутылок, навалом повсюду. Если правильно смастерить и десяток высоко на дереве повесить, далеко слышно. А, скажем, до Борщевки и далее к Дугне или Алексину каждый искатель дорогу с закрытыми глазами найдет. А в Дугне сейчас язычники обосновались. Для нас они не опасные.

— Что за язычники? — Сквернослов взглянул на искателя.

— Да обыкновенные. Древнерусским богам покланяются. «Круг Сварога» у них община зовется. Мы когда туда сунулись, не знали, что там теперь живет кто-то. И перепугались, когда увидели, что там кругом истуканы деревянные и полотнища со свастиками. Подумали, что там фашисты какие-то, а это язычники. С северо-востока откуда-то пришли. Свастика у них — это знак солнца. Они все ждут, что оно появится. Короче, странные они немного. Но для нас безобидные. Они вообще всех людей любят, кто к ним с миром и кто природу чтит. Но ежели что̀, подготовка у них боевая не хуже нашей. Сам видел, как они голые, в одних кальсонах, босиком на снегу учебные бои на мечах устраивают. И кстати, они хорошие мечи и арбалеты из автомобильных рессор делают. Даже бумеранги. Мы могли бы у них разжиться таким добром.

— Ну решили ведь до Москвы идти, — недовольно проворчал Юрий. — И тем более у нас автоматы. Зачем архаизмы эти? И как вообще можно ловить железный бумеранг? Ну, ведь договорились же насчет Москвы! И генерал ваш одобрил!

— Ну, до Москвы так до Москвы. Но мне эта идея не нравится. Ладно. — Яхонтов внимательно посмотрел на карту. —

Значит, идем на север. Через Кольцово. Там пусто. Нет никого. С востока от нас Ферзиково будет. Туда лучше не соваться. Да и нам не надо туда.

— А что там? — спросил Николай.

— Там люпусы. И не такие, как тут, в лесу. Там новые. Стайные. Дальше Аристово, Сугоново. Давно я там не был. Но вроде там сейчас спокойно. Безжизненно. Нет, с Аристово берем правее и идем на Барятино. До Сугоново мы не дойдем.

— А в Барятино что? — снова задал вопрос Николай.

— Там все вымерли еще после черных дождей, насколько я знаю. И дозиметры до сих пор зашкаливает. Много осадков туда выпало. Но если там не задерживаться, то не страшно. Одним словом, путь нам непростой предстоит. И Москва добавит сложностей.

— После того, какой путь мы уже прошли, — многозначительно покачал головой Андрей Макаров, — это не страшно. Теперь хотя бы мы на своей земле.

— Рамки понятия «своя земля» давно сузились до объема подвала, — вздохнул профессор. — Не надо быть наивными в таких вещах.

— Мы это понимаем. — Юрий взглянул на Третьякова. — Мы это уже давно поняли. Чего мы только не видели по пути.

— Ладно, в сторону лирику, — вмешался в разговор Варяг. — Вы лучше скажите, сколько еще выдержит ваш луноход?

— Бета-гальванический аккумулятор выработал свой ресурс на две трети примерно. Около десяти лет он может давать энергию. Солнечные панели еще работают. Системы ручного управления дублированы. Это очень надежная машина. Ходовая часть, самое уязвимое и подверженное износу место. Амортизаторы, а их там двенадцать штук, могут выйти из строя скоро. В запасе у нас еще пяток имеется. Но можно и на сломанных идти. Только ход станет жестче и траки ломаться чаще станут. Жесткий ход мы переживем, конечно. Но вот траки... У нас их всего сорок штук осталось в ремкомплекте. Ваши техники, правда, обещали собрать траки от ваших БМД. У них как раз размеры... Только узкие они. Но можно два соединить валетом. Катки тоже от БМД по размеру подходят. Тоже у́же, конечно. И тяжелее. Но это не страшно. Ходовые качества ухудшатся с ростом веса, и потребление энергии возрастет. Даже с учетом того, что на Земле сила тяжести больше, чем на Луне, тягловая сила у машины высокая. Дотянуть до Берингова пролива шан-

сы есть. А там до Аляски рукой подать. Пролив наверняка льдом скован. Перейдем его, и мы там. От мыса Дежнева до Северной Америки в узком месте всего девяносто километров.

— Есть одна сложность. — Третьяков взглянул на космонавтов.

— Какая?

— Еще тысяча сто с лишним километров, — нехотя произнес профессор. По всему было видно, что он не очень хотел делиться такой удручающей информацией. — Надеюсь, вы не думали, что ХАРП находится сразу на том берегу? Он в укромном месте, неподалеку от городка Гакона к северу от Анкориджа. А это ближе к канадской границе. Вам еще через всю Аляску идти. А там уже не наша земля. И очень много гор. И тысяча сто с лишним километров, это прямая линия на карте от Берингова пролива до объекта. На деле путь окажется еще дольше, длиннее и сложнее. Вы уж простите. Не очень мне хочется вас пугать. Но и скрыть от вас права не имею.

Алексеев провел по седым волосам растопыренной пятерней и вздохнул.

— Мы, конечно, понимали, что объект в глубине штата. Но не думали, что такое расстояние. Н-да. Плохо дело.

— А чего панику поднимать раньше времени? — встрепенулся вдруг Николай. — Если мы такое расстояние пройдем до Аляски, неужто какие-то одиннадцать сотен километров помехой окажутся? Вы чего?

— Орел, — усмехнулся Варяг. — Ни дать ни взять. Орел.

— Да при чем тут орел? — Васнецов разозлился. — Что я не так сказал? Вот ты, Варяг, сколько в своих походах километров намотал? А вы? — Он обратился к космонавтам. — Чего вы проблему делаете из этой тысячи километров?

— Мы будем за Полярным кругом. Понимаешь, насколько упадут наши и без того небольшие шансы? — покачал головой Андрей Макаров.

— И понимать не хочу! Дойдем!

— Хороший настрой, — хмыкнул профессор. — Но только если это просто бравада, то это хуже всего.

Николай чувствовал, что это именно бравада, но она была ему необходима, чтоб придавить вылезающего из подсознания голодного и всепожирающего червя сомнения. Васнецов боялся. И страх его злил. Он хотел отправиться в это путешествие, но когда понял, что именно он и отправится, то стало страшно.

Стали появляться мысли о том, что, быть может, лучше остаться в своем теплом подвале и смиренно проживать свой век там, выполняя рутинную работу до конца своих дней. Он понял, что он не герой. И отец не стал бы им гордиться. А такой крах своего «я» был похож на мучительную смерть.

— Мы дойдем, — сказал он снова. И похоже, говорил это не окружающим, а самому себе.

— Правильно, — кивнул Третьяков. — Дойдете. И не только потому, что выбора у нас нет. Просто... Если надо... Русский человек и своего коня на плечах через Альпы пронесет, и до Берлина дойдет, и в космос полетит, и аварийный реактор голыми руками заглушит, и ХАРП, конечно же, вырубит. — Профессор улыбнулся. — И если не вы, то кто тогда?

— Скажите, Михаил Вениаминович. — Сквернослов произнес это, глядя на опустевшую кружку, которую вертел в руках. — А откуда вы столько об этом ХАРПе знаете?

В голосе молодого человека сквозило что-то странное, похожее на подозрительность. Ему действительно казалось подозрительным то, какой уровень осведомленности был у профессора насчет объекта. Он даже точное местонахождение знал.

— А я работал на таком объекте, — невозмутимо ответил профессор.

Вячеслав удивленно уставился на старика.

— Как это? На ХАРПе?

— Да нет. — Третьяков мотнул головой. — Таких установок в мире было три. Собственно сам ХАРП, потом одна в Скандинавии, в Норвегии, около Тромса. Это объект ЕИСКАТ. Но он не был доведен до нужных мощностей. Ну и конечно, был такой объект и у нас. Первый наш объект был в Капачах, под Чернобылем, но после чернобыльской катастрофы его ликвидировали. Потом соорудили в Нижегородской области, в глухом лесу. Объект «Сура», по названию реки, которая неподалеку протекает. Вот на «Суре» я несколько месяцев и проработал. Даже подписку о неразглашении давал. Только что толку сейчас...

— И что вы делали там?

— Да расчеты в основном. Измерения. Наблюдения. Все, что с физикой связано. Да объект-то этот в полузаброшенном состоянии был. После развала Союза у нас и наука, и подобные исследовательские центры тоже развалились. Там мародеры, искатели цветных металлов, сильно потрудились. Это потом, в начале века, когда мы узнали, что ХАРП у американцев вовсю

функционирует, решили вести параллельные исследования. Кое-как у властей крохи выбивали. Пытались объяснить этим мудрым государственным мужам, что нам надо вести работы, чтобы понимать возможности ХАРПа и чего от него можно ждать. Работали, как могли. А могли немногое. То кабель где-нибудь украдут. То электрогенератор скрутят. То еще что. Бардак, одним словом. Но поняли, конечно, кое-что.

— Например? — спросил Варяг. — Неужели действительно куча железок может так влиять на планету?

— Ну, в теории. В расчетах. Да. Влиять на магнитное поле и ионосферу. Причем как локально, так и глобально. Мы, например, вызывали полярное сияние над объектом. Aurora borealis, как говорят на латыни. А в расчетах перспективы были ошеломительные. Этим ведь еще Никола Тесла занимался в свое время. Вы, молодые, и не знаете, кто это. А ведь был такой великий человек. Американец сербского происхождения. Он понимал, что у Земли колоссальный потенциал, который можно использовать. Брать, например, немыслимые количества электроэнергии просто, грубо говоря, из воздуха. Но он понял, к чему могут привести эти игры с такими силами. Он свернул свои работы. Но жил-то он в Америке. Видимо, что-то из его записей осталось. Одним словом, у американцев было больше знаний и денег для реализации этого проекта. Вот они его и реализовали. А мы со своими ржавыми арматуринами в лесу только понять пытались, чем это чревато.

— А суть в чем? — Варяг развел руками. — Для чего эта установка вообще могла пригодиться?

— Если перед человеком возникает новое, революционное открытие, то он непременно думает о его военном использовании. — Профессор невесело улыбнулся. — Как вы думаете, для чего какой-нибудь питекантроп поднял с земли камень? Чтобы дом себе построить? Полюбоваться на камешек этот? Нет, конечно. Чтобы долбануть им по башке другой такой обезьяне. А с ХАРПом... Представьте, что вы можете наслать на территорию противника ураган, цунами, землетрясение. Сбить с толку его запущенные ракеты. Уничтожить летящие самолеты. Атомная бомба — это варварский архаизм. Тут перспективы могущества самого Господа Бога! И дешевле. И никто не догадается. Не будет ответного удара. Ведь ответить не на что. Землетрясения и ураганы — обычное явление. Даже если оно случилось там, где и не бывает, как правило. Мало ли что там, в недрах земных,

творится. А не была ли чернобыльская авария следствием неудачного эксперимента на нашей установке в Капачах? Кто теперь разберет? Был когда-то западный рубеж России. Калининградская область. Это бывшая Восточная Пруссия. Так вот, в две тысячи четвертом году там случилось землетрясение. И это в центре Европы! В глубине континентальной плиты. И это было не эхо землетрясения в районе трения континентов. Эпицентр находился там же! Откуда? Как? А может, это рукотворное? Это было в сентябре две тысячи четвертого. В конце того же года в Юго-Восточной Азии случилось страшное цунами, унесшее жизни сотен тысяч человек. Оно обрушилось на берега множества стран. Что это было? Ни у кого не могло возникнуть и мысли, что это дело рук человека. Ведь все возможности подобных установок были только фантастической теорией. И мы так думали. По нашим расчетам, для реализации проекта нужно невероятное количество энергии. Такую все атомные станции Земли не могли дать. Но в том-то и соль, что источником энергии ХАРПа и является сам ХАРП! И это я понял только теперь. Ему не нужна электростанция. Ему нужен только стартер. Как в автомобиле. Только запустить стенд, и все. Дальше он будет черпать энергию из атмосферы планеты, как и задумывал Тесла! И объемы этой энергии будут только расти. Теперь весь земной шар — это гигантская динамо-машина, питающая монстра!

— Охренеть, — вздохнул Сквернослов. — Ну неужели люди не понимали, что творят?

— Думаю, нет. — Профессор пожал плечами. — Часто бывает так, что человек поздно спохватывается. Недаром пословица гласит, что, пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Оппенгеймер сотворил атомную бомбу, а потом была Хиросима, Нагасаки. Он и сказал, дескать, мы сделали работу за дьявола. Но даже если и понимают люди, что творят, то что толку? Отцы атомной бомбы всерьез полагали, что ее взрыв приведет к цепной реакции и уничтожит Землю, но тем не менее из-за собственного тщеславия рискнули провести свой чертов «Тринити-тест». А разве они не понимали, чем они рискуют? Да таков человек. Все понимали, что сбрасывают отходы в моря, коптят трубами небо, вырубают леса, выкачивают недра. Только все думали, что на их век хватит. Ведь пока гром не грянет... А вот не хватило ничего... Все кончилось...

— «Еще шумят наши леса и смеются наши дети. Сегодня еще богаты наши недра и поют птицы. На наш век хватит, го-

ворили мы. А вот не хватило...» — задумчиво покачал головой Николай. — Я эти слова хорошо помню. Их отец говорил. Причем он сказал, что произнес эти слова кто-то еще в те времена, когда действительно были богаты недра и шумели леса... И никто не прислушался...

— Я не пойму что-то! — нахмурился Вячеслав. — А при чем тут трубы коптящие, недра и этот ХАРП? Ведь была ядерная война. Она всему конец положила! Чего я не догоняю, а?

— А ты причинно-следственной связи не видишь? — Профессор уставился на него.

— Ну вот не вижу, хоть убейте!

— Слава, ты знаешь, что такое пищевая пирамида?

— Ну, это нам хорошо объяснили, — хмыкнул Сквернослов.

— Ну так вот, было нечто подобное в общечеловеческом социуме. Сильными в мире были те, кто владел нефтью, газом, недрами. Те, кто владел всеми этими ресурсами и мог диктовать свою волю. В этих условиях, даже при понимании того, что ресурсы иссякнут скоро, те, кто был на вершине данной пирамиды, не позволяли производить исследования в тех областях, которые могли позволить человеку избавиться от нефтяной и прочей зависимости. Это ведь удар по их могуществу. Потеря прибыли. Крах устоявшегося мироустройства, где они правили всем. И естественно, шло оскудение недр. Ведь с каждым годом потребление человеком ресурсов росло в прогрессии. И те, кто сильнее в военном и экономическом плане, должны были расширять свое влияние на ресурсоемкие территории. А ведь это другие, суверенные страны. В совокупности усиливалось не только военно-политическое напряжение в мире. Росли социальные проблемы повсюду из-за экономических потрясений. А все возрастающее потребление человечеством земных богатств и сопутствующие отходы привели к резкому изменению климата. Вернее, к первым его тревожным признакам. Надо было что-то делать. А ХАРП мог не только быть боевым средством, им можно было влиять и на климат. Быть может, и хотели остановить глобальное потепление или еще бог знает что. Вот вся эта совокупность факторов, похожих на какой-то сюрреалистический сумбур, привела, на мой взгляд, к тому, что кто-то из этих психов в комнате, про которую так метко заметили наши друзья-космонавты на заседании совета, и нажал первым на курок. Тотальная война была логическим

следствием того, что творило человечество. Не берусь утверждать, что все мною сказанное есть истина в последней инстанции, но за годы раздумий над тем, что случилось, я сделал именно такие выводы, которые мне кажутся наиболее логически обоснованными. Одним словом, доигрались.

— Да чего уж тут гадать теперь, — произнес Яхонтов. — Нам теперь только и остается, что ХАРП этот вырубить.

— Надо попытаться разобраться в причинах, — снова вздохнул профессор. — Вот вчера я узнал, что мою Калугу уничтожили наши противоракетчики. Не враг. А НАШИ! Убили, — у старика задрожал голос, — убили мою семью, моих студентов, коллег, тысячи людей. Просто взяли и отвели ракету от Москвы... А какой тут может быть выбор?.. Я... Я давно ни на кого не держу зла... Я только... Мне... Горько мне... И все, чего я хочу, чтоб у оставшегося человечества был шанс. Но если человек не извлечет уроков... Не разберется в причинах всего... То пропади оно все пропадом, человечество это...

Дежуривший на внутреннем посту одноногий старик Кучеренко, по прозвищу Пират, сурово посмотрел на молодых людей. Он не потерял ногу в бою. Не подвергся нападению хищника. Он просто отморозил ногу, и ее пришлось отпилить.

— Это кто явиться соизволил? А? Все вкалывали, завалы разбирали, а вас где черт носил? Мало того что от дозора откосили, так еще и забили болт на все остальное!

— Приказ коменданта был. Не рычи, — оскалился Сквернослов. — Люди спят уже, а ты орешь.

— Да люди так навкалывались, что хоть из пушки стреляй. А вот вы, бездельники, прохлаждались где-то.

— Да завали ты хайло свое! — рявкнул Вячеслав. — И без твоей словесной дристни тошно! Автоматы наши давай!

— А вот иди на хрен, откуда пришел, ублюдок!

Последнее слово, обращенное к детдомовцу, было произнесено опрометчиво. Удар был совершенно неожиданным, и Кучеренко повалился на пол, опрокинув свой вахтерский стол.

— Я тебя сейчас урою, огрызок человеческий, — зашипел Сквернослов.

Николай, как обычно погруженный в свои мысли, даже не заметил, как завязалась драка. Он попытался разнять Славика и Пирата, но тут кто-то схватил его за ворот бушлата и с неимоверной легкостью выкинул из подвала в ведущий в их жилище

коридор траншеи. Васнецов в недоумении взглянул в дверной проем, и следом вылетел Вячеслав. Затем появилась голова невесть откуда взявшегося Яхонтова.

— Стойте тут и ждите меня, бакланы!

Массивная, утепленная шкурами дверь в подвал захлопнулась. Ждать пришлось несколько минут. Наконец Варяг вышел из их подвала и швырнул братьям их автоматы и подсумки с оставшимися патронами.

— Оружие на плечо! Живо! Вы что там, сучата, устроили, а? — Он угрожающе посмотрел на молодых людей.

— Да он за базаром своим не следит, хрыч старый! — огрызнулся Славик. — И вообще, Варяг, ты сам виноват. Не надо было нас от работ на завалах отрывать. Теперь всякая мразь на нас как на крыс шхерных смотрит!

— Ну-ка пасть закрой! — рявкнул искатель. — Еще такое устроите, башку отвинчу! Шагом марш за мной!

— Но мы не все вещи забрали! — возразил Николай.

— Все, что вы должны были взять, вы взяли. Это ваши стволы. Шмотки специальные для вас я давно приготовил, и они уже в луноходе.

— А проститься с соседями?

— Спят все давно. И запомните, искатели никогда перед рейдом не прощаются. Это плохая примета. Вы вон уже с Кучеренко простились, идиоты. За мной, я сказал!

Яхонтов двинулся по траншее. Братья пошли следом. Николай украдкой улыбнулся. Варяг назвал их искателями. И это ничего, что при этом он назвал их еще и бакланами, сучатами и идиотами. Главное — они теперь искатели! Это было в высшей степени лестно. Искатели — элита. Искателей любили женщины, уважали мужчины и боялись даже медведи.

— Слышал, как он нас назвал? — шепнул Николай, толкая локтем Сквернослова.

— За сучат обидно, конечно, — буркнул в ответ тот.

— Да нет. Искатели!

— Да из вас искатели, как из поноса вертолет. Ишь губу раскатали, — сказал, не оборачиваясь, Яхонтов.

Это была неприятная оплеуха.

Они шли долго. Луноход находился в ангарах ремонтной базы для обслуживания боевой техники десантников. Три ангара были единственными надземными строениями, кроме блокпостов, которыми постоянно пользовались люди. С наступлением

холодов эти полукруглые здания из рифленого железа были утеплены мешками с опилками и шкурами. Однако все равно в них было довольно холодно. Поэтому и саму технику накрывали несколькими слоями брезента и звериных шкур.

В ста метрах от рембазы траншея была обрушена. Ее еще не расчистили, и пришлось дальше идти, выбравшись на поверхность. Братья были одеты недостаточно тепло для улицы, и их мгновенно пробрал озноб. Радовало лишь то, что не было ветра. Ночную темноту и безветренную тишь разрубал скрип снега под ногами, которые без снегоступов проваливались по самые бедра. Эта короткая дистанция отняла больше сил, чем утомительная ходьба по километровым траншеям. Николай, преодолевая последние метры, подумал о тех одиннадцати сотнях километров, которые им предстояло пройти по чужой Аляске. Быть может, они без особых усилий пересекут всю Россию с запада на восток, но чего им будет стоить оставшийся путь до ХАРПа?

Перед входом в ангар на уложенных железных листах лежали какие-то большие продолговатые свертки. Их охраняли два укутанных в тулупы бойца. Свертки очень походили на тот, что в первой половине дня братьям довелось провожать до стадиона.

— Что это? — спросил Николай у Варяга. Однако он догадывался, что за ответ последует.

— Это те, кто погиб от землетрясения, — ответил Яхонтов. — Сегодня днем хоронить их будут.

— Мужики, вы идите, я сейчас, — сказал вдруг Сквернослов и направился к охранникам.

— Две минуты тебе, — коротко отрезал искатель. — Скоро рассвет. Нам пора.

Николай очень замерз и спешил в помещение. Он не стал оборачиваться и ждать Вячеслава. Поэтому он не увидел, как тот что-то спросил у людей в тулупах. И не видел, как он, услышав ответ, бросился к мертвым и попытался обнять одного из них. Но замотанные в материю трупы смерзлись между собой, и это ему не удалось...

В ангаре находились несколько техников, вооруженный патруль, оба космонавта, снова облачившиеся в свои потрепанные скафандры, но пока без шлемов. Тут же стояли профессор Третьяков и генерал Басов. Над солнечной батареей лунохода были подвешены дефицитные лампы дневного света, которые

не только хорошо освещали ангар, но и подпитывали машину энергией.

— Все готово? — спросил Яхонтов у Алексеева.

— Да. — Космонавт кивнул. — Вас ждем.

— Товарищ генерал. — Теперь Варяг обратился к Басову. — Я же просил без церемоний и проводов. Не принято это у искателей, вы же знаете.

— Да ладно, брат, не будет никаких церемоний, — махнул рукой Басов. — У меня только просьба к вам одна. Вон, видишь будку от кунга? Зацепите ее на буксир и вытащите на улицу. Мы туда тела погибших сложим. Люди долго не смогут их охранять. А оставить на улице нельзя. Зверье набежит. И в помещение тоже нельзя. Сам понимаешь.

— Да я не против. А что космонавты скажут? Потянет луноход?

— Потянет, конечно, — ответил Андрей.

— Ну, тогда сделаем дело — и в путь.

7
В ПУТЬ

Где-то там, за непроницаемым сводом свинцовых облаков наступил рассвет. Лучи солнца безуспешно пытались пронзить плотный серый саван, в который укутали землю много лет назад. Светило, словно плачущая мать, лило яркие слезы на свое безжизненное чадо, которое впало в ко́му от чьих-то преступных действий. Чадо умирало. А тучи морщились от яркого света, но у них хватало силы этот свет растворять в себе и посылать к поверхности планеты только мертвый сумеречный блик, словно насмехаясь над теми, кто еще был жив там, внизу. Как обычно, утро с рассветом становилось самым холодным временем суток. За пределами лунохода температура опустилась до минус сорока пяти градусов. Однако термоизоляционный корпус машины, предназначенный для экстремальных температур луны, надежно защищал своих пассажиров. Тихо урча двигателем, луноход удалялся от Надеждинска.

В машине было две кабины. Кабина управления, где расположились оба космонавта, и грузопассажирский отсек, в котором находились Васнецов, Сквернослов и Яхонтов. Здесь было довольно просторно. Один из двух компрессоров техники

удалили, поскольку он давно вышел из строя. Два из четырех баллонов для сжатого воздуха также были удалены. Во всю длину отсека по обоим бортам находились сиденья, на которых можно было спать. Под сиденьями, в ящиках, размещался ремкомплект, провизия, боеприпасы, дополнительное оружие, мешки с различным инвентарем искателей и еще один скафандр. Тот, что остался от индийского космонавта. На стенках висели приборы, три аптечки с различным содержимым, переговорное устройство для связи с кабиной управления, которая была изолирована от грузопассажирского отсека. Дополнительная радиостанция, дублирующая ту, что была у пилотов. Кормовая аппарель была снабжена выдвижным шлюзовым отсеком телескопического типа. Через шлюз можно было выходить по одному, предварительно выкачивая оттуда компрессором воздух в специальные резервуары. Если же за бортом была пригодная для дыхания среда, то шлюз можно было не выдвигать, а просто опустить аппарель и выйти всем вместе. По бортам имелись узкие смотровые иллюминаторы со светофильтрами. Большое герметичное окно выходило в кабину управления. При необходимости его можно было открыть и общаться с пилотами без помощи переговорного устройства. Если надо было посмотреть назад, то можно воспользоваться панорамным перископом с двадцатикратным оптическим увеличением.

Сквернослов сидел какой-то подавленный, с отрешенным выражением лица. Погруженный в собственные мысли Николай не обращал на это внимания. Тем более что тусклый красноватый свет внутри отсека не позволял оценить душевное состояние человека только по выражению лица. Сам Васнецов чувствовал озноб. Он впервые покидал Надеждинск. Хотя вроде бы в другой жизни и в другом мире он ездил с родителями в Калугу. Но он был тогда настолько мал, что этого путешествия, можно считать, и не было для него никогда. Теперь он сирота. А Калуга была испепелена. Николай прильнул к перископу и смотрел на удаляющиеся строения родного городка. Это совсем не то ощущение, когда смотришь на удаляющийся дом, идя в лес за дровами. Сейчас он был весь переполнен сильными и противоречивыми эмоциями. Его охватывало волнение от предвкушения предстоящего им путешествия. Но его наполнял и страх перед неизвестностью. Мысли о том, что еще не поздно выбраться из этого лунохода и броситься обратно, в родной и теплый подвал, злили его.

Варяг тоже смотрел на улицу. Он взирал на внешний мир сквозь смотровую щель в правом борту. Луноход добрался до аэродрома. Вернее, когда-то это был аэродром. Сейчас это было большое, покрытое снегом поле. Только очень правильной формы холмы выдавали ангары и капониры. Вышка с давно исчезнувшим остеклением, в помещениях которой только гулял ледяной ветер. Теперь стали видны запорошенные многолетним снегом боевые машины. Вот стоит пять двадцать первых МиГов. Были видны фонари кабин и вертикальное хвостовое оперение с красными звездами. Следом стояли двухкилевые «наташки» — двадцать девятые МиГи, которым летчики полка дали такое ласковое прозвище за женский голос бортового компьютера, снабжающего пилотов необходимой информацией. Все это было когда-то. Когда-то они разговаривали. Когда-то они летали. Когда-то было небо...

— Привет, родная, — тихо шепнул Варяг, обращаясь к седьмому по счету МиГ-29 с бортовым номером пятьдесят два. Это был его самолет. Ведь Варяг Елисеевич Яхонтов в прошлой жизни был пилотом...

...Гнездо-гнездо! Я полста второй! Гнездо-гнездо! Ответьте!

Связи не было. В динамиках стоял только какой-то шум.

— Я полста второй! Кто меня слышит! Наблюдаю грибовидное облако! Квадрат тридцать три-шестнадцать! Это Калуга! Гнездо-гнездо!

Черный султан взрыва завораживал. Варяг не сразу понял, что он видит. Вспышки он не наблюдал. Огня тоже. Только выйдя из облачности и снизившись, он увидел на горизонте это странное явление. Но что это? Единственное приходящее на ум объяснение было слишком невероятным и страшным. Это остатки ядерного взрыва?

— Внимание! Критический угол атаки. Критический угол атаки, — ласково пропел голос бортового компьютера.

Варяг и не заметил, что, заглядевшись на это чудовищное облако справа по борту, он потянул штурвал на себя почти до отказа. Еще немного, и воздушный поток сорвется с крыла боевой машины и самолет начнет падать. Варяг выровнял самолет и перешел на бреющий полет. Летного опыта у него было еще мало. В шуме динамиков послышался голос.

— ...шесть... кто ни...ть... я... Ответьте...

На радаре показалась быстро приближающаяся воздушная цель. Система «свой — чужой» мгновенно идентифицировала его как МиГ-29 номер 56. Однополчанин.

Когда они оказались всего в десятке километров друг от друга, то его стало слышно отчетливо.

— Варяг! Это ты?!

— Да! — ответил Яхонтов. — Что происходит, я не пойму?

— Это конец, Варяг! Это все! По нам нанесли ядерный удар!..

...Яхонтов открыл глаза и бросил прощальный взгляд на свой заваленный снегом самолет. Воспоминания о том дне кольнули сердце. Его однополчанин, «полста шестой», погиб при посадке, вернувшись в Надеждинск. Что он увидел тогда из своего МиГа? Что чувствовал в последние мгновения своей жизни? Может, ему повезло, что он погиб? Где-то на окраине леса до сих пор, похороненные в снегу, лежат обломки его самолета. И его прах. Варяг пытался вспомнить его имя, но, к своему стыду, сделать этого не смог.

— Твой дом сгорел, твой мир истлел, но ты на праздник смерти не успел. Твой дом могила, твой мир лишь тьма, но ты, отсчитывая годы, плетешься прямо в никуда, — пробормотал Сквернослов, пусто глядя перед собой.

— Славик, ты чего? — Яхонтов взглянул на молодого человека.

— Да так, — пожал он плечами в ответ. — Стишок на ум пришел.

Он достал из кармана бушлата колоду все тех же потрепанных карт с голыми девицами.

— Может, сыграем?

— Да иди ты, — усмехнулся искатель. — Вся община знает, что ты шельмуешь.

— Брешут.

Он вздохнул и принялся снова разглядывать девиц. Но на сей раз его взгляд не был ехидным и презрительно-высокомерным. Теперь он на этих красоток смотрел с какой-то грустью и сочувствием.

— Ребята, держитесь там! — послышался из кабины голос Юрия Алексеева. — Сейчас крутой спуск будет!

Луноход клюнул носом и резко заскользил вниз. Это был действительно крутой спуск, и очень хорошо, что космонавт предупредил о нем. Получить увечья в этот момент было делом пустяковым. Когда машина наконец снова приняла горизонтальное положение, Яхонтов глянул на лобовое стекло кабины. Впереди маячил склон холма, который до самой вершины был густо утыкан мертвыми деревьями. Васнецов снова прильнул

к перископу и взглянул назад, но увидел только белый склон, с которого они сейчас спустились, и свежие следы лунохода на снегу. Город исчез из видимости. Быть может, навсегда...

— Жуть, сколько снега, — заговорил Андрей Макаров. — Но с другой стороны, это хорошо. По снегу машинка наша идет лучше, и гусеницы целее будут.

— Н-да, и не только гусеницы снежок бережет, — хмыкнул Яхонтов.

— А что еще?

— Психику...

— В каком смысле? — Васнецов взглянул на искателя.

— А ты представь только, что снег скрывает от наших взоров. Особенно в вымерших населенных пунктах. Я хорошо помню свой первый рейд. Мы с твоим отцом тогда ходили. Снега тогда было еще мало. Что за город был... Не помню... Тула, кажется. Или под Тулой что-то. Дома. Сотни домов. Их будто из песка построили. С такой легкостью их смахнуло ударной волной в каменную пыль. А там ведь люди жили. Старушка, сидя в кресле перед телевизором, вязала внуку носочки шерстяные. В другой квартире пятиклассник сидел и торопливо делал уроки, заданные на лето, чтоб успеть выскочить во двор к друзьям. Где-то слышен звук дрели. Это один из жильцов дырки в стене сверлил для плазменного телевизора, на который черт знает сколько копил. В другой квартире молодые супруги любовью занимаются. Еще в одной уже позанимались и теперь с ребеночком нянчатся. Женщина вышла на балкон и зовет прыгающую во дворе со скакалкой дочку к обеду. В подъезде пожилой близорукий пенсионер перебирает связку ключей, чтоб открыть свой почтовый ящик. Во дворе скрипят качели. Шумит детвора. На скамейке бабки сидят и ругают власти за очередное повышение цен на коммунальные услуги и хвалят президента за то, что он не пьет. А потом дружно заключают, что сильной руки на них на всех нет. Работяга ковыряется под капотом своей старенькой «копейки» и с завистью поглядывает на стоящую рядом новенькую «аудюху» соседа-коммерсанта. У «аудюхи» завыла сирена оттого, что пара дворняг загнала под машину рыжего кота. Коммерсант нервно выскакивает во двор и начинает кричать на детей, думая, что пацанва залепила мячом по сокровенной машине. Бабульки говорят, что и на него, окаянного, сильной руки не хватает. Начинают перечислять, где и сколько этот коммерсант украл и женщины из каких

квартир являются его любовницами. А на березовых ветках рядом щебечут птицы, которым радостно, что этого гадкого кота загнали под машину... И тут — р-р-р-р-р-раз!!! Яркий свет! Даже вообразить такой невозможно! Люди жмурятся, но не успевают прикрыть глаза рукой. Бабульки, коммерсант, девочка со скакалкой, пацаны с мячом, которые ждут своего друга-пятиклассника, женщина на балконе, «ауди» и «жигули», работяга с накидным гаечным ключом в руке, береза и щебечущие птицы, собаки и перепуганный ими рыжий кот... Все превращается в пепел! Грохот! Страшный удар сотрясает землю, и сокрушительная волна сметает занявшиеся черным дымом здания в мелкую крошку!

А потом в этот город пришли мы. Мы видели руины. В ветвях обгоревшего, но устоявшего могучего дуба застряли искореженная детская коляска и велосипед. Проезжая часть, заставленная машинами. Дальше от эпицентра, многие из них вроде не сгорели. Кто-то из водителей мгновенно ослеп во время вспышки и столкнулся с другими. Многие машины просто встали из-за электромагнитного импульса, но потом некоторые из них перевернуло или врезало друг в друга ударной волной. Вокруг много изъеденных зверями и насекомыми трупов. Кости. Уже и не разобрать, человеческие или животные. Взъерошенный пес со следами ожогов тащит в зубах детскую ручонку. Где-то слышен жуткий вой и чьи-то крики. Ближе к эпицентру много обгоревших машин. Дома подверглись большему разрушению. На перекрестке лежит на боку смятый выгоревший автобус. Внутри какая-то черная труха. Это пассажиры, их скарб и сиденья, сгоревшие в мгновение ока и перемешавшиеся в один прах. На тротуарах тени. Людей нет, а их тени прикипели навеки. Вот это мама с дочкой шла куда-то. Человек с тростью. Вот еще тень. Кто это был, непонятно, но, судя по тени, он поднял руки. Почему? Его уже не спросишь. Все, что от него осталось, это тень на асфальте, как пятно на испорченной фотобумаге. Но теперь все это под снегом. Этот кошмар там, скрыт от наших глаз. Мы не видим теперь всего этого. Мы не видим эти тени, детские скелетики, труху, в которую превратились все эти здания и их жильцы. Бомба ведь не разбирает, кто ты: работяга, который не может купить себе новый карбюратор на старый «жигуль», или богатый коммерсант. Бомбе все равно, кто ты: невинный ребенок или вредная бабка, разносящая про всех подряд всякие сплетни. Ей все равно, старик ты с клюкой,

которому давно жизнь не мила, или молодой парень, спешащий на крыльях любви на свидание с самой красивой и самой замечательной девушкой на земле...

— Варяг! Прекрати! — крикнул Сквернослов. — Тебе это удовольствие доставляет, что ли?!

— Мне это удовольствие снится постоянно, — мрачно заметил Яхонтов. — И никак отделаться не могу. А вам это предупреждение. Чтоб голова не поехала, ежели что подобное увидите. А увидеть нам всякое доведется, я думаю. Так что будьте морально и психологически готовы.

Луноход наконец взобрался на поросший мертвым лесом холм.

— Там дома какие-то! — послышался голос Андрея Макарова.

— Кольцово проезжаем, — кивнул искатель.

— Что-то быстро очень.

— А до него километра три, не больше.

Справа от машины виднелись за деревьями крыши засыпанных снегом домов. Показался указательный столб с деревянной стрелкой, на которой были видны буквы «М...СКВ...». Над стрелкой щиток, на котором была цифра 7. Еще одной цифры не хватало. Луноход приближался к свободному от растительности участку, пересекающему путь машины.

— Это дорога на районный центр, Ферзиково. Поворачивайте направо, и едем по трассе, чтоб между деревьями не петлять. Перед Ферзиково возьмем левее, — пояснил Варяг.

— Неужели тут никто не живет? Что с людьми стало?

— Многие в Надеждинск подались. Многие остались и с наступлением холодов ушли в катакомбы. Тут много катакомб. Только не знали они, что после черных дождей там скопилось много радиоактивной воды. У нас, в Надеждинске, ведь тоже мысль была уйти в пещеры. Там, на Оке, возле нас раньше пристань была, так и называлась — «Кольцовские пещеры». Там и вход был в подземелье. Но, слава богу, мы догадались, что это может оказаться природной ловушкой. Вот и остались в городе. А тех кольцовцев, кто на поверхности жить пытался, бандиты в рабство угнали или поели людоеды. Маленькие поселки не подвергались ударам, но если там было мало людей с военной подготовкой, то у них судьба, как правило, одна была.

— А что теперь в этих пещерах творится, интересно? — спросил Николай, глядя в перископ на мертвый поселок.

— Да кто его знает. Они под землей, а теперь и под снегом.

Луноход стал ехать быстрее. Деревьев на дороге не было. Только один раз машине пришлось объехать сгнившую фуру, стоявшую возле автобусной остановки. Дальше миновали поворот на турбазу, где из снега торчала хвостовая балка разбившегося вертолета, и поехали прямо.

— Следы какие-то справа от нас, — подал голос Юрий.

Варяг взглянул в смотровую щель.

— Не человеческие, — сказал он. — Вроде зверь какой-то. Только понять не могу какой.

Следы пересекали дорогу и резко обрывались в гладком снежном покрове слева от движения лунохода.

— Чертовщина какая-то, — нахмурился Яхонтов.

Дальше двигались спокойно. Странных следов видно не было. Пару раз натыкались на перебегавших дорогу кабанов.

За несколько километров до Ферзикова Яхонтов приказал повернуть налево и ехать через лес.

— Чего нам этих люпусов бояться? Мы же в машине, — спросил Вячеслав у Варяга, вспомнив его предостережения о люпусах, обосновавшихся в Ферзикове.

— Ну, вот тебе встречный вопрос: чего нам ехать через город, если мы можем его миновать? И еще подумай, вот полетел трак на гусенице в городе. Там на фонарный столб наткнулись под снегом или машину какую. Ну, всякое может быть. Только выйди из нашего вездехода, и поминай как звали. Говорят, эти новые люпусы гипнотизировать умеют.

— И ты в это веришь?

— Я это учитываю.

Васнецов продолжал наблюдать в перископ за панорамой их пути. Он отчетливо видел мертвый город Ферзиково. И когда он увидел, что где-то из центра поднимается столб серого дыма, то очень удивился. Что могло быть источником? Ведь не люпусы же разожгли там огонь?

— Варяг, ты уверен, что там никто из людей не живет? — Николай на секунду оторвался от смотрового прибора и взглянул на Яхонтова.

— Там орды стайных люпусов. Какие уж тут люди?

— Я дым вижу. Будто из трубы валит. Что это значит? Звери костры жгут, что ли?

— А ну-ка дай гляну. — Варяг прильнул к перископу. — Н-да. Действительно. Дым. И вроде не от пожарища. Будто в самом деле там за домами труба какая-то чадит, — бормотал он.

— И как такое может быть, если там людей нет?

— Понятия не имею. Да ты голову не забивай. У нас миссия на Аляску, а не в Ферзиково. Любопытно, конечно, до чертиков. Но не до этого нам. Загадка века, блин. О! А вот и наши милые зверушки!

Метрах в трехстах от лунохода шел огромный волк-мутант с желтоватой пышной шерстью. Он пристально смотрел в сторону путешественников, словно чувствовал взгляд человека на себе. Из сухих кустарников один за другим показывались люпусы поменьше и с белой шкурой, расчерченной черными тонкими полосами. Они все как один смотрели на луноход.

— Чуют, сукины отродья, мясо свежее. — Яхонтов зло улыбнулся.

Хищники некоторое время провожали луноход, затем повернули обратно к городу.

Передав так понравившийся ему перископ Варягу, Николай заскучал. Наблюдать в смотровые щели было не так интересно. Пейзаж был неизменно одинаков. Снег. Деревья. Плотный покров туч. Он не думал, что путешествие будет таким банально скучным. И странные обрывающиеся следы на дороге, и непонятный дым в Ферзикове не делали их путь каким-то особенным. Хотя чего он, собственно, мог ожидать? Да и путешествие только началось. Он еще думал какое-то время, пока напряжение и недосыпание последних дней не погрузили его в глубокий сон...

...Когти и клыки мутантов разрывали машину, словно армейский штык-нож старые консервы. Рычание люпусов оглушало. Николай не мог понять, куда делись его товарищи. Вокруг только буйство мутантов, скрежет разрываемого металла, сквозь который в салон пробивается невероятно яркий свет и тянутся мохнатые и когтистые лапы. Николай хочет закричать, но не может. Что-то давит на грудь, сминая легкие. В большую пробоину просовывается огромная голова вожака стайных люпусов. Тварь всего в паре сантиметров от лица Николая. Она источает смрадное дыхание и смотрит на жертву оранжевыми глазными яблоками с узкими черными зрачками.

— Ваше время на Земле давно вышло! Теперь миром правим мы! — заорал люпус страшным раскатистым и хрипящим басом.

Они умеют говорить? Нет! Это он передал свои мысли прямо в мозг!

Васнецов все-таки сумел вырваться из машины и оказался на заснеженном пустыре среди гор бетонных обломков, которые когда-то были домами. На пустыре было тихо. Только от ветра скрипели, раскачиваясь, ржавые качели. Рядом маленькая девочка пыталась прыгать со скакалкой, но все время проваливалась в снег.

— Мама, — жалобно плакала она. — Мама! — И снова проваливалась в снег.

Вдруг из сугроба рванулась узкая голова снежного червя и проткнула ребенка своим трехчелюстным клювом.

— Мама!!! — закричала девочка от ужаса и боли.

Николай бросился бежать по рыхлому снегу и провалился в подземные катакомбы. Он перекувырнулся несколько раз и с шумом рухнул в густую черную воду на дне узкой и тесной пещеры. Из глубины прямо на него брели, расплескивая изъеденными язвами голыми ногами радиоактивную воду, мертвые люди.

— Коля, холодно, — бормотали они, перебивая друг друга. — Коля, холодно!..

— Коля, проснись!

Васнецов наконец открыл глаза и почувствовал холод от собственного остывшего пота. Над ним склонился Славик.

— Ну ты даешь, братишка! Весь день проспал! — усмехнулся Сквернослов. — Давай приготовь оружие.

— А что случилось? Где мы? — прохрипел осипшим голосом Николай.

— Вроде пока ничего не случилось, — ответил Варяг, глядя в перископ. — Но впереди на дороге какая-то застава. Примерно в километре от нас.

— А где мы? — снова спросил Николай.

— В ближнем Подмосковье где-то. Может, около Климовска. Не уверен пока.

— Где-где?! — воскликнул Васнецов.

— Коль, ты не проснулся, что ли? — улыбнулся Сквернослов.

— Это сколько же я спал?!

— Говорю же тебе, весь день. Вечереет уже.

— Значит, так, космонавты, приготовьте автоматы. Но останетесь в машине. Вам бы переодеть скафандры свои неуклюжие... — сказал Яхонтов.

— Но в них тепло, — возразил Андрей.

— В наших комбезах тоже неплохо. Ну да ладно. Коля, Славик, надевайте снегоступы и маскхалаты. На заставу пойдем пешком. Надо выяснить, что это такое. Не исключено, что бандитская засада. Хотя я не припомню, чтобы бандиты делали заставы и блокпосты. Они предпочитают засады и ловушки.

— А может, это такая хитрая засада и ловушка, которая выглядит как застава? — предположил Сквернослов.

— Согласен. Для этого нам и надо разведать. Короче. Идем уступом вправо. Я направляющий, Славик, ты замыкающий. Я говорю, вы молчите. Если придется стрелять, то вы открываете огонь только после меня.

Варяг достал из-под сиденья широкий и короткий меч.

— Что это? — Николай с удивлением взглянул на холодное оружие.

— Подарок от язычников из Дугны. Иногда, бывает, надо кого-нибудь грохнуть, а патронов жалко. Можно вот этим рубануть. — Яхонтов улыбнулся и погладил свою соломенную бороду. — У меня в вещмешке еще арбалет и бумеранг имеются.

8
ГРАНИЦА СУМАСШЕСТВИЯ

— Если они дружелюбные, то можно тут и ночь переждать. Темнеет уже. — Яхонтов смотрел в бинокль, стоя за сухим кустарником.

— А чего время тратить? Луноход ведь и ночью ехать может. Он к нам ночью ведь приехал. А поспать и внутри можно. Вон Колян сколько дрых, — возразил Сквернослов.

— А космонавты, по-твоему, железные? Им тоже отдых нужен. Кто еще, кроме них, может вести эту машину? И еще неизвестно, реально тут проехать или нет. Вон, перегорожено все.

Широкую просеку перечеркивала грубая изгородь из деревянных кольев разной длины и толщины. На колья как попало была намотана ржавая колючая проволока с висящими на ней консервными и пивными банками. В лесу вообще царил бурелом, и пройти там, а тем более проехать не представлялось возможным. Единственный путь был через деревянный шлагбаум возле железнодорожного вагона, обложенного, судя по всему, перемешанной с соломой глиной. С двух концов вагона торчали дымящие железные трубы. Внимательнее приглядевшись,

Варяг заметил за этим своеобразным рубежом еще с десяток труб, торчащих прямо из снега. Видимо, там были обитаемые землянки. Вдали виднелась еще линия частокола и будка со шлагбаумом. Между двумя этими изгородями и были расположены землянки.

Из леса показалась группа людей. Их было около дюжины. В основном женщины. Они тащили дрова. Несколько подростков шли рядом, держа на поводках собак.

— Сейчас они пройдут, и двинем. С собаками связываться неохота, — покачал головой Яхонтов. — Это явно не бандиты. Какая-то община небольшая.

Группа дровозаготовщиков исчезла, зайдя за железнодорожный вагон. Видимо, там был вход в их жилища.

— За мной, — махнул рукой Варяг.

Пройти несколько сотен метров было непросто. Снег был влажный, быстро облеплял снегоступы и ноги. Постоянно приходилось отряхиваться. Когда они добрались до вагона, стало уже совсем темно.

— Стоять! — крикнул кто-то из темноты. Голос был словно через рупор.

— Стоим! — ответил Варяг.

Из вагона вышел пожилой бородатый человек в старом, много раз заштопанном пальто и вязаной шапке. В одной руке он держал горящий факел, в другой — обрез охотничьего ружья. На шее у него, привязанная пеньковой веревкой, висела обрезанная пластиковая канистра, которая, видимо, и являлась рупором. Человек приподнял факел и прищурился, разглядывая незваных гостей. Он с некоторой озабоченностью посмотрел на автоматы в их руках.

— И кто вы такие? — осторожно спросил он.

— Мы искатели, — ответил Яхонтов.

— И чего ищете?

— Уважаемый, вы не совсем поняли. Искатели мы. Ну, исследователи... Как еще понятней объяснить? У вас искателей, что ли, нет? Которые ходят в рейды, полезные вещи достают всякие, окружающий мир разведывают... Ну, так понятней?

Человек вдруг попятился.

— С...с...сталкеры? — выдавил он из себя вопросительным тоном странное слово.

— Какие еще сталкеры? Искатели мы, говорю, — нахмурился Яхонтов.

— Вы откуда? — Человек снова озабоченно взглянул на автоматы. — И куда? А?

— Мы из Калужской области. Нам в сторону Москвы надо.

Человек вдруг отбросил факел и, вскинув обрез, заорал:

— Тревога! Сталкеры из Москвы!

— В стороны, — тихо сказал Яхонтов и отпрыгнул влево.

Вячеслав последовал его примеру и, увлекая за собой Николая, нырнул в темноту справа.

— Падлы! — заорал странный человек, и раздался выстрел обреза.

Николаю показалось, что он услышал свист пролетающей рядом картечи, и он прижался к снегу.

— Чего Варяг не стреляет? — спросил он у Славика. — Чего он медлит? Может, мы его снимем? — Васнецов почувствовал жгучее желание применить свое оружие.

— Он же велел не стрелять, пока он не начнет, — шепнул в ответ Сквернослов.

— А если он убит...

— Ты чего мелешь, идиот? Как он убит? Этот придурок один раз только пальнул, и то в нашу сторону!

— Мужик! Ты вообще на голову больной?! — послышался крик Яхонтова из темноты. — Я же русским языком тебе говорю, мы из Калужской области, в сторону Москвы идем.

— Дыбецкий, в чем дело? — послышался строгий голос со стороны вагона.

— Там сталкеры! — возбужденно проговорил человек с обрезом.

— Где?

— В снегу. Рядом. Трое их. С автоматами!

— Я что-то не слышал, чтоб кто-то из автоматов стрелял.

— Дык... Я их...

— Дыбецкий, ты дурак! — снова послышался голос Яхонтова.

— А вот иди сюда, падла!

— Угомонись! — снова строгий голос в темноте. — Кто там прячется в снегу?

— Искатели мы!

— Какие еще искатели?

— Твою мать, — устало проговорил Варяг. — Я уже одному объяснил, кто такие искатели, так он нас подстрелить теперь хочет. Теперь эту бодягу по второму кругу запустим?

— Так вы не сталкеры?

— Тьфу. Сказал же, нет!

— А откуда вы?

— Ой, блин... Как легка и беззаботна жизнь простого идиота... — вздохнул Яхонтов.

— Чего? Откуда?

— С юга мы! В сторону Москвы идем!

— Зачем вам в Москву?

— Я не сказал, что нам в Москву. Нам в ту сторону надо.

— Зачем?

— Да какая разница?

— А то не знаешь? — усмехнулся строгий голос.

— Вот представь себе, понятия не имею.

— А обратно как?

— Что значит — как? Как туда, так и обратно.

— Ишь ты, шустрый какой. В ту сторону мы, может, и пропустим, а вот обратно хода нет.

— Почему? — поинтересовался Варяг.

— Вы что, в самом деле не знаете? Откуда вы такие странные взялись? Нельзя никого из Москвы выпускать.

— Да почему?

— Потому что они там, в своей дыре, должны сдохнуть. Внешний мир не для них!

— Слышь, как тебя...

— Тимофей Бражник.

— Слышь, Тимофей, может, усмиришь своего лихого Дыбецкого и я выйду — нормально поговорим?

— Ну выходи, — согласился Бражник.

— Только имейте в виду. Мы пришли с миром. Но ежели что, там, в темноте, мои ребята вас на мушке держат.

— Да ладно. Нормально все. Недоразумение вышло. Дыба, факел принеси.

Дыбецкий что-то недовольно проворчал и, подняв свой первый факел, который потух, упав в снег, скрылся в вагоне. Он снова появился как раз тогда, когда Варяг подошел к Бражнику. Теперь, при свете факела, можно было разглядеть этого человека. Одет он был в телогрейку и ватники, которые бесчисленное количество раз были заштопаны нитками разных цветов. На голове серая ушанка с опущенными козырьком и ушами. Неухоженная жидкая борода до груди, черного цвета с двумя седыми полосками, делающими ее вид еще более неприятным.

Красный нос был свернут и перебит. На ногах кирзовые сапоги, обмотанные скотчем и тряпками. В руках Тимофей держал охотничье ружье, к стволу которого была приделана заточка из трехгранного напильника, видимо играющая роль штыка. При малейшем движении Бражник и Дыбецкий издавали характерный хруст и шорох, по которым Варяг сделал вывод, что они запихивали под одежду или в подкладки скомканную бумагу или древесную бересту, помогающую спасаться от холода.

— Тебя как звать, искатель? — спросил, ухмыльнувшись, Тимофей.

— Варяг.

— Кликуха, что ли?

— Это имя. У меня отец морским офицером был, — ответил Яхонтов.

— Военный. — Бражник как-то презрительно поморщился.

— А что, проблемы с военными?

— Мы их не любим. Так же как и москвичей. Ладно. Пошли в хижину. Погутарим за жизнь.

— Ну пошли. Всяко лучше, чем на холоде.

— А твои архаровцы где? Замерзнут ведь.

— Парни! — крикнул Яхонтов в темноту. — Пошли погреемся.

Бывший когда-то плацкартным вагон разделяла надвое кирпичная стена с фанерной дверью. Пройдя через тамбур, люди оказались в первой его части. Внутри воняло грязными ногами и плохо выделанной звериной шкурой. Еще стойкий запах гари от стоявшей в центре печки. Снаружи вагон действительно был обложен глиной с соломой, и для окон оставались только узкие щели. Внутри стены были увешаны разным тряпьем и шкурами. Стояли две койки, сделанные из шлакоблоков и досок. Гнилые матрасы на койках. Вместо подушек свернутые телогрейки. Куда подевались сиденья вагона, было непонятно. Купейные перегородки тоже отсутствовали. Большой стол возле печки был сделан из одной из таких пластиковых перегородок. Всюду стояли различные ящики и мешки. Вместо стульев все те же шлакоблоки и пара перевернутых ведер. Скудный свет в помещении давали три лучины на столе. Возле входа в дырявом ведре находилось несколько палок с тряпичными обмотками на конце, измазанными хвойной смолой. Факелы. На полу без всякого порядка валялись дрова.

Бражник с Дыбецким, Яхонтов со своими спутниками расселись вокруг стола. Тимофей поднял с пола какую-то обго-

ревшую кастрюлю и ударил ею несколько раз по своему так называемому стулу. После этого дверь, ведущая во вторую часть вагона, приоткрылась.

— Поесть принеси. И сэма пузырь, — сказал Бражник, затем обратился к гостям: — Ну что, потрапезничаем?

— А что у вас из еды? — поинтересовался Варяг.

— Да рыба в основном. Сушеная, вяленая и копченая. Немного мяса.

Дверь снова открылась. Из нее вышла девушка в каком-то подобии платья из мешковины поверх шерстяных чулок и толстого свитера. Обута она была в обрезанные валенки. Левая ладонь перемотана грязной тряпкой, и было видно, что у нее не хватает пары пальцев на руке. Когда она склонилась над столом, чтобы поставить на него большую алюминиевую кастрюлю и литровую бутылку с мутной жидкостью, путешественники разглядели ее лицо. Оно было все в оспинах и морщинах. Как у старухи. Николай и Вячеслав украдкой переглянулись.

Варяг взглянул на хозяина, коим, очевидно, и был Бражник. Однако задавать вопросы по поводу этой женщины он посчитал невежливым. Когда она ушла в свою часть вагона, Тимофей сам заговорил.

— Дочка. Я ее Раной назвал. Видно, сильно жену мою покойную облучило. Она тогда на сносях была. Умерла, рожая... Пока ребенка из нее доставали... Подумали сначала, что ребенок мертвый. Даже пуповину отрезать не стали. Бросили в яму и начали закапывать. А она как заорет... Это единственный звук, который она издала в своей жизни. С тех пор молчит. — Тимофей устало глянул на свою бутылку. — Вот такие дела, — вздохнул он.

— А что у нее с рукой? — Варяг сочувственно покачал головой.

— Крысы два пальца отгрызли, пока она спала. Но это давно было. Просто у нее свертываемость крови плохая. Раны часто открываются. — Бражник как-то потерянно уставился на гостей. — А когда у нее месячные... это просто ужас...

— Тимофей! Какого хрена! — поморщился Дыбецкий. — Ну не к столу же!

— Заткнись. — Бражник открыл кастрюлю. Там было сухое мясо вперемешку с копченой рыбой. — Мужики. Вы это... не берите в голову. Угощайтесь. Так на вкус не очень, но под самогон...

Николаю не совсем хотелось это есть. И по взгляду сидящего напротив Яхонтова он понял, что их командир настроен так же. Люди здесь жили в дичайших условиях, и неизвестно, какое качество было у местной еды. В Надеждинске контроль качества был очень строгий, и люди, привыкшие к относительно здоровой пище, могли за чужим столом просто отравиться. Хотя, конечно, искатели были приучены есть в случае острой необходимости все, что угодно. Такая необходимость бывала в рейдах. Равно как и десантников раньше обучали добывать подножный корм, и эти навыки очень пригодились после катастрофы. Но тут другое дело. Это мясо могло принадлежать ядовитому животному со скрытыми формами мутации или просто пораженному радиацией или бактериологическим оружием. Хотя никто точно не знал, применяли такое оружие или нет. Все это смущало гостей, но еще больше смущала бутылка самогона. Конечно, в Надеждинске не было полного сухого закона. Те, кто был старше тридцати, могли употреблять алкоголь в умеренных количествах и не очень часто. Иногда это бывало полезно. Чаще — просто необходимо. Но в первые годы отчаявшиеся люди искали спасения именно в этом зелье, которое и унесло сотни жизней. Многие замерзли по пьяни. Многие травились. Умирали во сне, захлебываясь собственной блевотиной. Погибали от поножовщины в пьяных драках. Умирали от болезней, вызванных алкоголизмом. Сводили счеты с жизнью, когда пьянство усугубляло ощущение безнадежности. Потом употребление и производство самогона в общине было взято под особый контроль, ибо алкоголизм уносил больше жизней, чем нападения бандитов, людоедов и зверей. По законам общины ни Васнецов, ни Сквернослов не имели права употреблять алкоголь. Им не было еще тридцати лет. Но сейчас они не в общине. Что скажет Варяг по этому поводу?

Лично Николай чувствовал, что не против залить в себя немного зелья. Он помнил, как однажды, когда отец был в очередном рейде, он и Славик нашли в отцовских вещах старую армейскую флягу, в которой был спирт. Конечно, спирт от времени подрастерял свои градусы, но когда они выпили по стакану... Сколько ему было тогда лет? Кажется, двенадцать. И он был пьяный. Славик тогда просто вырубился и уснул. А Николай без верхней одежды пытался выйти в пургу и доказать природе, что ему на ее буйство наплевать. Сейчас-то он понимал, что тогда остался в живых по чистой случайности. Была ночь,

но по тому земляному тоннелю, где он карабкался наверх, шла какая-то девушка. Он даже лица ее не запомнил. Просто не смог разглядеть мутными глазами. Она пыталась отвести его в родной подвал, но он вырывался. Ругал ее. Угрожал. Тогда она на ушко шепнула ему, что если он подчинится ей и позволит отвести себя домой, то она покажет ему свою грудь. Это он хорошо запомнил. Настолько неожиданным и завораживающим было это обещание. Он подчинился. Но когда оказался в своей каморке, то его в тепле стало рвать и он описался. Конечно, она ничего ему не показала. Он не помнил той ночи с той минуты, как ощутил, что моча сама растекается по его штанам. Но был совершенно уверен, что девушка его просто «купила». И ему было горько не за ее обман, а за то, что в тот миг, когда он услышал от нее это обещание, у него наверняка был самый жалкий и беспомощно покорный вид ничтожества. И он еще и опозорился перед ней таким постыдным образом. Утром он обнаружил, что возле его и Славика коек всю ночь дежурил вернувшийся из дозора Василий Гусляков, который не давал им захлебнуться собственной рвотой, постоянно переворачивая на бок. Когда они немного пришли в себя, капитан устроил им то, что называл «прокачкой». Он выгнал неразумных отроков на улицу и заставил бегать, отжиматься и ходить гуськом, выветривая из организма всю эту дурь. Гусляков тогда никому ничего не рассказал, ведь за оставленную в комнате с детьми флягу со спиртным могли наказать и отца. Он и отцу ничего не рассказал. Заполнил флягу до прежнего уровня спиртом из своих запасов и пригрозил молодым людям, что если они опять возьмутся за нее, то их ничто уже не спасет. С тех пор Николай сторонился девушек, видя в каждой из них ту, что поймала его пьяным и стала свидетельницей его позора и глупости. Он всегда в присутствии девушек ощущал присутствие той неизвестной, что заманила его таким интригующим обещанием и потом наверняка презрительно смотрела на него, когда изо рта у него рвалась вонючая масса и когда увлажнялись его штаны.

Тогда он поклялся себе, что никогда не притронется к алкоголю. Но сейчас он хотел выпить. Просто чтобы помянуть Гуслякова, отца и ту жизнь. Теперь ведь он никогда не будет чувствовать присутствие той девушки. Он покинул родной дом, и теперь наверняка ему предстоит видеть только девушек со старческими лицами и отгрызенными крысами пальцами.

— Ты, хозяин, не серчай. И пойми меня правильно. Мы со своей едой. И бухло у нас свое. Давай лучше мы вас угостим, — сказал Яхонтов.

Бражник нахмурился и недобро посмотрел на Варяга. Дыбецкий наклонился и что-то шепнул ему на ухо. Однако Яхонтов отчетливо расслышал снова произнесенное слово «сталкер».

— Больше двух говорят вслух, — проворчал Сквернослов.

Варяг взглядом дал ему понять, чтобы тот молчал.

— Сталкеры всегда едят только свою еду. Никогда не берут чужую. Или проверяют ее по-всякому, — угрожающе произнес Тимофей. — Кто вы, на хрен, такие?

— Я же уже объяснил.

— Но вы ведете себя как треклятые сталкеры!

— Ты сначала объясни нам, кто это такие. — Теперь нахмурился Варяг.

— А вы точно не они? — В тоне Бражника слышалась угроза.

— Ну как нам тебе это доказать?

— Вы одеты по-военному, у вас автоматы, своя еда и пойло. Может, и дозиметр у вас есть?

— Конечно. — Яхонтов кивнул. — Есть. А это что, преступление?

— Да нет. Но это указывает на то, что вы сталкеры. Они, правда, носят еще и бронежилеты. И безбородые они, в отличие от нас или конкретно тебя. Так как постоянно ходят в дыхательных масках или намордниках от этой игры... ну, когда краской друг в друга стреляли... Была такая забава, может, помнишь?

— Помню. Пейнтбол. И что дальше? У меня, как видишь, борода такая, что в ней медведь заблудится. Бронников мы не носим. И без них тяжело. Масок тоже нет. Только очки лыжные.

— Ну да, — хмыкнул Тимофей. — И вы с юга пришли. А эти гады с севера прут. Из Москвы.

— Ну вот видишь. Не сталкеры мы. Осторожничаем просто. Да вы ешьте, пейте. И зла не держите. Уж мы вашим гостеприимством не брезгуем. Наоборот.

— Ладно. Как хотите. Наше дело предложить... — Бражник поставил на стол железную кружку и фарфоровую чашку с отколотой ручкой и трещиной. — Наливай, Дыбецкий.

Тот кивнул и разлил по полной. Николай почувствовал резкий и неприятный запах. Может, оно и хорошо, что эту гадость пить не придется.

Хозяева залпом выпили и перекосились. Затем, кряхтя, принялись есть руками мясо из кастрюли. Глядя на выражения их лиц, Васнецов задался вопросом: ну зачем это пить, если настолько противно?

— А чего архаровцы твои молчат? — неприлично чавкая, спросил Тимофей.

— А все, что они могут сказать, я скажу понятней и короче, — усмехнулся Варяг. — Так что за чудища, эти ваши сталкеры?

— Да мрази. Одно слово. Москвичи. Просто в отличие от других у этих с боевой подготовкой все на высшем уровне. Что и говорить. Мастера они на засады и убийства. Тоже все ищут чего-то. Разведывают. Грабят. Сволочи, одним словом.

— Так они из Москвы?

— Ну, ясное дело, — кивнул Бражник. — Наливай, Дыба. Между первой и второй...

— Неужто в Москве еще кто-то живет? — Яхонтов с сомнением посмотрел на хозяина вагона.

— Хе! — Тимофей мотнул головой. — Ну ты чудак, однако! Да их там хренова прорва!

— А почему вы так москвичей не любите?

Бражник вдруг замер и уставился на гостя.

— А у вас, откуда вы там, что, как-то по-другому к ним относятся?

— Да мы, если честно, только от вас узнали, что в столице выжившие есть.

— Ну, разумеется...

Он и Дыбецкий снова выпили залпом, не чокаясь и без всяких тостов. Снова перекошенные лица, оханье и кряхтенье. Затем чавканье.

— Разумеется, есть. Эти твари живучие. Только вот скажи мне, мил человек: с какого перепугу мы к ним нормально относиться должны? А? Ну вспомни, как жилось раньше? Хорошо? Они же всю страну грабили и строили на народные деньги себе особняки и аквапарки. Назначали себе какие угодно зарплаты. Все лучшее для Москвы! А мы, простой люд, кого они обирали, приезжая туда, были чмом без регистрации. Они жировали, как хотели, а мы нищенствовали. Вся страна. Но как вдарили по

ним, так они с перепугу бросились из Москвы. А только на хрена они нам нужны? Их ведь и раньше не любили. Ну а после... Тащились колоннами на шикарных тачках с барахлом своим. — Тимофей усмехнулся. — Знаешь, сколько их там, под снегом? Мы, простой люд, что для них быдлом был, как поняли, что кончилась в стране власть московская, такие налеты на эти колонны беженцев устраивали, эх! До сих пор на десятки верст каждое шоссе усыпано трупами и сожженными машинами. Убивали их пачками. Семьями. Грабили, кто сколько унести мог.

Варяг вытаращил на Бражника глаза:

— То есть как? Вы убивали безоружных людей?

— А как ты думал? Справедливость ведь должна восторжествовать. Все им воздалось. А то, что мы у них отбирали, так это возмещения векового грабежа всей страны одним городом. Так они, суки, «градами», или что там у них было, два поселка сожгли. Военные падлы. Свою страну защитить не смогли, твари краснозвездные, так по нам бить начали. Дыба! Не спи, мать твою, наливай!

Налил. Новый залп. Жуткие физиономии. Кряхтенье. Закуска...

— Мрази они. Всех этих гадов надо свиньям скормить. У нас, кстати, свиньи живут... — Тимофей икнул.

— Да, я это заметил, — как-то странно произнес Яхонтов.

— Откуда?

— У тебя свинина в кастрюле.

— Глаз алмаз, хе-хе! — Он снова икнул и почесал бороду. — Тут ферма была. Ну и ветка железнодорожная. Мы поезд тормознули, что из Москвы шел. И загнали сюда. Вагоны с насыпи опустили. Обложили глиной. Они сейчас под снегом. Там и живем. И свиней разводим. Нормально живем. Только вот сталкеры эти. С-с-суки. Месяц назад из миномета по нам стреляли. Ну, мы их собаками затравили. Порвали в клочья. Хе-хе. И бронежилеты им не помогли. Тяжело в них убегать от голодных псов.

— Вот, значит, как тут, — вздохнул Варяг. — А военных вы почему не любите?

— Я же сказал. Они ведь нас атаковали...

— Но вы убивали и грабили беженцев...

Бражник стукнул кулаком по столу:

— Ты мне это брось! Нам их с хлебом-солью надо было встречать? Кончилось то время, что они на нашем горбу сидели! Все! Это ведь они нас втянули в эту заваруху! Кому, на хрен, эта

война нужна была? А? Тебе? Мне? Им она нужна была! Думали, попускают ракетки и все по-старому будет! Думали, что им не перепадет! Они же еще, черти, тогда, при коммуняках, системой противоракетной свой поганый город защитили! А вся остальная страна побоку! Они с нас только последние крохи снимали! И думали они, что бомбить только нас будут. Но не Москву! А вот хрена!

— Но это политики. При чем тут простые люди?

— А политики где?! В Сыктывкаре? Да в Москве все эти скоты обитали! И нет в Москве простых людей! Одни хозяева жизни, мать их! Не будет пощады!!! Дыба, наливай!!!

Дыбецкий разлил остатки самогона. Они снова выпили без всяких церемоний. Николай знал, что обычно люди чокались и пили за что-то. За здоровье там, например. Хотя это казалось абсурдом: желать здоровья, вливая в себя то, что это здоровье уничтожает. Но эти двое пили так, словно хотели как можно скорее довести себя до животного или хуже того состояния. И показавшийся вначале вменяемым Бражник теперь откровенно пугал своим поведением, блеском шальных и свирепых глаз, скрипением зубов и бескомпромиссной верой в то, что он говорил. Особенно страшно становилось оттого, что все его рассказы о налетах на беженцев из Москвы были очевидной правдой. А ведь там, в лесу, стоял луноход с их товарищами, которые являлись жителями этого ненавистного местной общине города. Как эти люди отреагируют на то, что с ними два москвича? Что будет с космонавтами, когда они узнают, что эти люди делали с беженцами, среди которых могли оказаться их родные, близкие и друзья?

— А эти долбаные квадратноголовые и толстобрюхие военные... — продолжал Бражник, — они ведь ни черта не умели. Им каждый месяц зарплату повышали, квартиры давали на халяву. А они пуза понаотращивали. Армию всю разворовали. Зато рапортовали, какие они подготовленные и профессиональные. Страна может спать спокойно. И все. Привет. Обгадились, как щенки. Только на кой черт нам надо было ввязываться в войну с голой задницей и такой армией? Да было бы лучше, если бы нас оккупировали.

— Что? — Яхонтов уже с трудом терпел все то, что говорил Тимофей.

— А что? Не так? Ну пусть нас оккупировали бы немцы, французы, американцы. Ну и что? Мы под пятой Москвы жи-

ли, и что? Ну, жили бы мы с немцами, французами, англосаксами и американосами всякими, что тут такого? Ведь со всякими чурками жили, и нормально. А эти чем хуже? Зато жрали б мы нормальную хавку, пили нормальную водку. Снега бы этого не было. Телевизоры бы смотрели, попивая пиво на диване после работы. Чем плохо?

Варяг смотрел на собеседника из-под бровей. Не надо было быть тонким знатоком человеческой души, чтобы понять очевидный факт. И факт этот был в том, что Яхонтов всем своим существом ненавидел Бражника и его безумный образ мыслей.

— Послушай, Тимофей, — начал говорить он. — Я жил в маленьком городке. В провинции. Мне неторопливым шагом надо было пройти минут пятнадцать до реки. Там можно было загорать, купаться или рыбу ловить. Рядом с городком шикарный лес. Хочешь — грибы собирай. Хочешь — в поход с друзьями сходи. Воздух чистый. Птички поют. А в Москве люди жили в каменной ловушке. В угаре выхлопных газов. В шуме, пыли и в автомобильных пробках. Когда до работы приходилось по два часа добираться. И с работы не меньше. Я никогда не завидовал москвичам. Я сочувствовал им. У нас у кого-нибудь во дворе ночью зеркала с машины украдут, так это жуткое преступление. А в Москве на каждом шагу человек рисковал нарваться на приезжих робингудов с пистолетами и ножами. За мобильник порезать готовы были. А ты мне про что тут рассказываешь? Вы же своих соотечественников убивали! Мы ведь одна страна! Один народ! И Москва лишь один из сотен городов, куда пришла беда. Так чем они хуже нас с тобой, что вы так к ним отнеслись?

— Ты что, — зашипел Бражник. — Ты что мелешь! Ты что, глухой? Ты не слышал, что я тебе сейчас рассказывал?! Ты почему защищаешь их?!

— Да потому, что так нельзя!

— Нельзя?! Это ты МНЕ говоришь?! — Тимофей облокотился на стол, засунув одну руку за пазуху. — Слушай, Варяг. Бери своих шавок и вали отсюда в свою Москву. Только обратной дороги тут вам не будет. Ясно?

— Вот как, значит, — вздохнул Яхонтов, поднимаясь со своего стула. — Ну пусть так. Однако ты не понял меня, Тимофей. Совсем не понял. Бог тебе судья.

— Погоди, родной, — ухмыльнулся Бражник, показывая зажатый в руке пистолет. — За проход по нашей территории

платить надо. Мы ведь кордон на границе между внешним миром и московской нечистью. Мы защищаем весь внешний мир от этой падали. И тебя, и таких, как ты, между прочим, защищаем. У нас очень мало автоматов. Так что оставляйте свое оружие тут. И проваливайте. И дозиметр, которым ты тут хвалился, тоже отдай.

— Ты уверен в своих силах? — Варяг прищурился и посмотрел сверху вниз на пьяного Бражника.

— Слушай, мил человек, у нас на кордоне сотня злых мужиков и полсотни голодных собак, которые порвут любого, кто пахнет не так, как мы. Так что подумай лучше о своих силах.

— Ладно. Забирайте. Только пистолет убери.

Варяг как-то сразу согласился с таким заявлением. Николай напряженно посмотрел на Вячеслава и Яхонтова. Вячеслав выглядел тоже растерянным и озабоченным, но искатель был сама невозмутимость. Однако отдавать с такой невозмутимостью оружие было чем-то из ряда вон выходящим для того Варяга, которого они знали.

— Автоматы на стол, — скомандовал Бражник.

Варяг медленно положил свое оружие и кивнул двум своим спутникам, чтобы они последовали его примеру. Когда все три калашникова оказались на столе, Тимофей убрал пистолет и потянул руки к трофеям.

— А дозитемер? — хрюкнул пьяный Дыбецкий.

— Дозиметр? Сейчас. — Яхонтов стал расстегивать бушлат и запустил руку за пазуху.

Николаю показалось, что Бражник хотел что-то сказать, но с изумлением обнаружил, что в этот момент взмах руки Варяга раскроил Тимофею череп. Короткий языческий меч разрубил голову, дойдя до переносицы. Левый глаз Тимофея выпал. На стол брызнула густая кровь. Дыбецкий попытался вскочить, но Варяг быстро высвободил свой меч из головы мертвого Бражника и воткнул Дыбецкому в горло.

— Берите автоматы и бегом к луноходу! — скомандовал Варяг, вынимая окровавленный меч из шеи второй жертвы. — Славик, бери кастрюлю с мясом!

— А зачем? — Сквернослов растерянно посмотрел на командира.

— Быстро! — зло прорычал Яхонтов. Он схватил свой автомат и достал пистолет Бражника, который тот перед смертью убрал обратно за пазуху. — Ну, живей, чего вы копаетесь!

Они выскочили на улицу. В темноту. Быстрее всех сориентировался с направлением Варяг, указав рукой, куда бежать. Братья наспех надели снегоступы и бросились в указанном направлении. Яхонтов следом. Он несколько раз воткнул меч в снег, смывая с оружия кровь, и вернул его в кожаные ножны, припрятанные под бушлатом.

С неба начали падать первые снежинки грядущего снегопада. Несмотря на царивший на улице холод, Николай чувствовал жар. Он был в шоке от того, что произошло. Человек, которого он знал с детства как веселого и доброго дядьку Варяга, на его глазах хладнокровно убил двух людей, пригласивших их в свой дом. Конечно, это были странные люди. Страшные люди. Судя по рассказам об участи несчастных беженцев и судя по попытке их ограбить. Но ведь эти люди были пьяны и не вполне владели своим рассудком. Неужели нельзя было обойтись без кровопролития? Васнецов даже забыл, что совсем недавно сам хотел применить оружие, когда перепуганный Дыбецкий стрелял в их сторону. Все происшедшее не укладывалось в голове молодого человека, который был уверен, что они почти договорились с этими людьми о проходе. В голове постоянно крутилась мысль о том, что оставшиеся в мире крохи выживших продолжают убивать друг друга. Эти убивали москвичей. Сталкеры убивали этих. Варяг зарезал двух человек... Почему? Неужели нельзя наконец понять, что эта человеческая тяга к вражде, непримиримости и применению оружия довела весь мир до того ада, что сейчас их окружает. Какой еще урок нужен людям, чтобы опомниться? Но с другой стороны, был ли у них выход в этой ситуации, когда человек наставил на них пистолет и требовал разоружиться?

Яхонтов вырвался вперед.

— Коля, не отставай! — бросил он.

Он не мог двигаться быстрее. Один снегоступ слетел с ноги и был потерян. Теперь он проваливался в сугроб одной ногой. Позади послышался какой-то звук. Это было похоже на мычание. Словно человек с заклеенным ртом пытался что-то сказать. Оглядываться нет времени. Николай попытался ускориться, но это у него не получалось. Мычание повторилось. Кто-то преследовал их и был довольно близко. Васнецов хотел было уже обернуться и попытаться разглядеть в темноте преследователя, но тут грянул выстрел. Что-то одернуло его левое плечо. Николай упал и наконец повернулся в сторону преследователя.

Вскинул свой автомат. Мыслей о том, что кровопролитие должно прекратиться, словно и не было только что. Васнецов нажал на курок, целясь в призрачный силуэт, маячивший перед ним и быстро сокращающий дистанцию. Раздался всхлип, потом хрип, и кто-то рухнул замертво рядом с ним. Внезапно возникший рядом с ним луч света фонаря едва не заставил Николая дать вторую очередь. Но Варяг вовремя произнес:

— Спокойно, сынок, это я.

Он осветил того, кого поразили пули Васнецова. В ногах молодого человека лежала мертвая Рана. Немая дочь Бражника, которая пыталась настичь убийц своего отца, прихватив его ружье.

— Господи! — закричал Николай. — Господи!!!

Он ожидал увидеть кого угодно, но только не эту несчастную девушку. Он не хотел верить в то, что убил ее, и сейчас, в панике перебирая ногами, отползал от своей жертвы.

— Вставай! Вставай живо!!! — закричал Яхонтов. — После будешь причитать! А сейчас беги!

— Господи! — повторял Васнецов. — Я не хотел!

— Заткнись и беги! — Командир толкнул его.

До их слуха донесся лай множества собак.

— Черт, я так и думал, — вздохнул Варяг. — Славка! Давай разбрасывай мясо и рыбу из кастрюли! Кидай в стороны, подальше! Это должно ненадолго отвлечь и задержать собак! Давай! Только все вместе не бросай!

Сквернослов принялся бросать куски еды вправо и влево от себя, при этом продолжая двигаться к спасительной машине. Когда кастрюля опустела, он зашвырнул ее в кусты. Лай собак неумолимо приближался. Оставалось надеяться, что разбросанная пища хоть немного отвлечет псов. Пусть не всех, но хоть какую-то их часть. Спасительный корпус лунохода наконец показался.

— Давайте назад по нашему следу! Только фары не включайте! — крикнул космонавтам Яхонтов, забравшись внутрь.

— А как машину вести? Ни зги не видно! — возмутился Алексеев.

Варяг порылся в своем вещмешке и протянул ему через внутреннее окно какой-то предмет.

— Это прибор ночного видения! Надевай! И давайте поскорее!

Луноход тронулся в обратном направлении. Падающий снег еще не припорошил оставшиеся следы.

— Что там случилось у вас? — спросил Андрей.

— После расскажу! — махнул рукой Яхонтов.

Затем он взглянул на забившегося в угол Николая. Он был потрясен. Он не просто впервые лишил человека жизни. Он убил несчастную больную девушку. Это сводило его с ума. Больше всего его мучило то, что, вероятно, такого поворота событий можно было избежать.

— Коля! Смотри на меня! На меня смотри!!! — крикнул на него Варяг.

Молодой человек поднял на него полные слез глаза.

— Что? — прохрипел он.

— Слушай меня внимательно. Береги свой рассудок. У нас очень важная миссия. Я сожалею, что так вышло. Я сожалею, что мы лишили жизни этих людей. Но у нас выбора не было!

— Разве...

— Не перебивай! Если бы я знал, как все обернется, то мы сделали бы большой крюк и ни при каких обстоятельствах не сунулись бы на этот кордон. Но так уж вышло! Мы не можем предвидеть всего. И нам еще не раз придется во время нашего путешествия убивать. Но нам надо выполнить нашу миссию!

— Для кого мы будем спасать Землю? Для трупов, которые оставляем после себя? — пробормотал Васнецов.

— Коля, тебе еще многое предстоит понять. И для этого ты должен обладать здравым и холодным рассудком. Эти люди убивали ни в чем не повинных беженцев. Они преступники. И мы не можем раздавать свое оружие первым встречным. Отдай мы им автоматы, сколько еще москвичей они убьют из них? Сколько наших соотечественников?

— А разве они не правы были насчет Москвы? — подал голос Сквернослов. — Ведь даже Калугу сожгли из-за Москвы!

— Слава! Калугу сожгли не из-за Москвы! А из-за того, что весь мир сошел с ума! Из-за чего сожгли саму Москву? Рязань? Омск? Тулу? Калининград? Питер? Париж? Лондон? Вашингтон? Тегеран? Весь мир! Но сейчас надо спасти все, что осталось! На кону последняя наша надежда на выживание! Но никто не поймет нашей миссии. Особенно те, кто живет приземленными мерками сиюминутности. Большинству людей важно их мнимое благополучие здесь и сейчас. Им важно, что в данный момент есть что пожрать, выпить и где поспать. Это те ценностные ориентации, которыми живет большинство выживших. Не ждите благодарности и помощи от всех в нашей миссии.

Никто не поймет нас. Никому не нужны наши благие намерения. Поэтому нас будут пытаться убить, ограбить, поработить. Мы будем огрызаться и стрелять. Это неизбежное зло! И мы не можем сторониться населенных пунктов, ведь нет компасов, чтобы показать направление. Мы не можем все время двигаться в глухом лесу. Нам надо знать, где мы и куда следовать дальше. Нам надо знать, что происходит в тех уголках, где еще есть люди. Но люди таковы, что стреляют друг в друга. Поэтому нам никак не обойтись без применения оружия, поймите!

— Я по-другому себе представлял нашу миссию, — мотнул головой Васнецов.

— Будь реалистом. Ты уже взрослый, Коля. Такова человеческая суть.

— Тогда зачем нам спасать остатки человечества?

— Да затем, что если мы даже всего одного хорошего человека встретим на нашем пути, то этот мир надо спасти. Даже ради одного человека!

Николай взглянул на свое плечо. Оказывается, выстрел Раны разорвал ему бушлат. Но к счастью, он не был ранен. Хотя сам Васнецов думал сейчас о том, что было бы неплохо, если бы она попала ему в сердце. Он совсем не хотел мириться с необходимостью убивать. Он не хотел думать о той моральной проблеме выбора, которая ему предстоит в их долгом путешествии. Они только начали свой путь и в первом же поселении пролили кровь. А что же будет дальше?

— Юра! Сколько мы проехали? — спросил Яхонтов у водителя лунохода.

— Пять километров.

— Сворачивай в лес, найди заросли погуще и паркуйся среди них. Далеко мародеры не пойдут. Это риск, да и непогода сейчас. А нам до утра надо передохнуть. Только сильно глубоко в лес не заезжай. Иначе мы заблудимся.

— Хорошо.

Машина плутала около получаса, пока наконец не нашлось подходящее укромное место в лесной ложбине.

— Все, ребята, — вздохнул Яхонтов. — Постарайтесь поспать. Я в дозоре побуду. Через три часа ты, Славик, меня сменишь. Я тебя разбужу. Коля, ты как?

— Я в порядке, — кивнул Николай.

— Точно?

— Да. Я все понимаю. Просто... жаль ее...

— Это правильно, Коля. Это хорошо, что ты способен на такие чувства. И я сожалею. Но есть вещи, которые мы не в силах исправить. А что-то исправить можно, и мы просто обязаны использовать такую возможность. Так что будь молодцом. Договорились?

— Конечно... — Васнецову было трудно говорить, но чувство долга перед своими товарищами и перед покинутым домом заставило его взять себя в руки.

— Вот и хорошо. А сейчас спи. Через шесть часов ты сменишь Славика. И утром будем искать безопасную дорогу на Москву. Все. Отбой.

9
ЗОНА ПОРАЖЕНИЯ

Вокруг царил кромешный мрак. Можно было поднести ладонь к лицу и ничего не увидеть. Где он? В вездеходе? Похоже на то. Снаружи выл ветер. Хотя не только. Скрипели ржавые качели. Еще завывания человека. Николай даже и не понял, как он очутился на улице. Как ни странно, там было светло. Хотя он был точно уверен, что сейчас ночь. На свободной от снега детской площадке скрипели те самые качели. Рядом стояла девушка с морщинистым лицом и без двух пальцев на руке. Рана. Та, которую он убил. Целой, но сильно исхудавшей бледной ладонью она сжимала скакалку.

— Ты жива? — вздохнул он.

— Нет, — услышал он в ответ печальный голос. Хотя Рана не разжимала губ.

— Но ведь ты...

— Я родилась мертвой.

— Как такое может быть?

— В нашем мире может быть все. Мы все рождаемся мертвыми. Ведь мы неживые уже потому, что кто-то далеко может взять да и положить конец жизни. Мы все мертвы, потому что наши жизни нам не принадлежат. За нас решали и решают они.

— Кто?

— Кеволеч!

— Кто это?

— Это человек. Только наоборот. — Девушка продолжала говорить, не раскрывая рта. — Ты когда-нибудь видел зеркало?

— Да. — Николай кивнул.

— Я ненавижу зеркало. Я вижу в нем правду. То, какая я есть. И каждый, кто смотрит в зеркало, видит античеловека. Себя! Каждый... Абсолютно каждый считает себя лучше, умнее, красивее, благороднее, достойнее других. Но если посмотреть в зеркало. Если приглядеться... Это кеволеч! Истина! Урод! Тот, что хуже, тупее, уродливее, примитивнее и жаднее... Каждый... Только мир таких существ мог превратиться в могилу для всех. Мы родились мертвыми. Мы — кеволеч... Смерть — это отражение жизни. И только в отражении, взглянув на себя со стороны, можно увидеть правду... Кеволеч...

Николай не понимал ее слов.

— Но я... я стрелял в тебя... Ты не держишь на меня зла?

— Моя смерть во время жизни закончилась. Настала очередь жизни после смерти. — Она протянула к нему обезображенную руку. — Пойдем со мной.

Он испуганно попятился.

— Нет! Я не могу!

Она опустила руку и грустно на него посмотрела.

— Я некрасивая. Да? Ты не думал, что встретишь такую уродину? А в нашем мире возможно все. Все! Только не чудеса...

...Николай вздрогнул и резко вскочил со своего сиденья, на котором спал. Тронувший его за плечо Сквернослов отпрянул.

— Колян, ты чего?! — спросил он.

Васнецов сидел и тяжело дышал, держась руками за голову.

— Что-то в последнее время мне снится всякое... Хоть вообще не спи...

— Ну да, — усмехнулся Вячеслав. — Это чтоб ты да не спал! Ладно, братишка, забудь. Это всего лишь сон. Взбодрись. Твоя очередь вахтить.

Васнецов кивнул и принялся одевать бушлат. Он с удивлением заметил новую заплатку на том месте, где одежда была разорвана недавним выстрелом Раны.

— Делать нечего было, вот я и заштопал, — подмигнул Сквернослов. — С тебя причитается.

— Спасибо, Славик.

— Да ладно. Должен будешь. Спокойной вахты тебе. Кстати. — Вячеслав как-то замялся и пристально посмотрел на Николая. — Мне Варяг рассказал про пистолет Бражника.

— И что?

— Это ненастоящий ПМ. Травматический.

— То есть?

— Ну, ствол у него ужатый. Только для стрельбы резиновыми шариками. Да и патронов в нем не было.

— То есть ты хочешь сказать, мы убили безоружных людей?

— Ну, какие же они безоружные. Да и кто знать-то мог, что Бражник блефует? Ладно. Не бери в голову. Просто... Ну просто... Такие вот дела. — Вячеслав вздохнул, явно жалея, что сказал об этом Николаю. — Спокойной вахты.

Он улегся на место Васнецова, положив под голову шапку и подняв воротник бушлата.

Тишина и ленивые минуты, которые тянулись, как густая липкая вязь, не желая давать времени течь как ему положено, угнетали, превратившись в настоящую пытку. Это оказалось еще хуже, чем так нелюбимые им дозоры в общине. Там хоть их было четверо бодрствующих. И было с кем поговорить. Николай вообще любил одиночество и тишину. Но только не сейчас. Сейчас одиночество стало для него медвежьим капканом. Той ловушкой, которую поставил страх. Причем страх этот, казалось, охотился именно на него. Ворох нехороших мыслей будоражил его, обрекая на постоянное смятение. Чтоб хоть как-то отвлечься, он стал тихо напевать:

Под черным небом
черной земли
черные люди, детища тьмы.
В черных людях черная кровь,
но они все равно ищут любовь.
Ту, что могла бы спасти от беды,
сделать цветными их черные дни.
Черным людям некогда жить,
они никогда не умели любить.
В черных людях злоба одна,
что в черных душах живет навсегда,
под черным небом
черной земли,
черные люди, это все мы...

Однако подобная примитивная песня делала еще хуже, но другой он сейчас вспомнить не мог. Он снова и снова прокручивал то, что случилось в том вагоне. И убийство девушки. Он

все больше склонялся к мысли, что такой исход действительно был неизбежен. И это могло послужить хоть слабым, но утешением. Но были и другие мысли. А не делает ли он выводы о неизбежности такого исхода лишь для собственного утешения? Не занимается ли он самообманом? Ведь когда-то кто-то принял решение нажать на пресловутую красную кнопку с мыслью, что это единственный и неизбежный выход. Какой выход? Куда? Что бы было, если бы люди не спешили бросаться своим страшным аргументом — оружием? Мир был бы жив. И эта девочка родилась бы наверняка нормальной. И он не отправился бы на Аляску. И не встретил бы ее. Такие, как ее отец, не убивали бы жителей Москвы. Варяг не убил бы его. Коля не убил бы Рану. Да и звали бы ее по-другому. Если бы... Так, может, и он поступил так, как те, что погубили мир? Хотя... Люди завидовали, убивали и воевали и без атомной бомбы. Всегда. Как это слово во сне... Кеволеч...

Николай снова взглянул в смотровую щель. На улице тьма. Падали редкие снежинки. Ему вдруг захотелось, чтобы что-то произошло. Что угодно. Но то, что отвлечет от увлекающих за собой, крутящихся в ледяном вихре мыслей. Он посмотрел в перископ. В него вообще ничего не было видно. Очевидно, снаружи он уже был заляпан снегом. В конце концов, на Луне никакого снега не существовало. И ни у кого из тех, кто сконструировал эту машину, не могло возникнуть и мысли, что перископ надо снабдить каким-то обогревом или иной системой защиты от снега. Васнецов твердо решил выйти из лунохода и очистить смотровой прибор. Он застегнул свой бушлат на все пуговицы, посильнее натянул на голову шапку и опустил на глаза пластмассовые очки. Взяв в руки свой автомат, он медленно, стараясь никого не разбудить, двинулся к кормовой двери. Аппарель открывать нельзя, иначе от нахлынувшего с улицы холода его товарищи проснутся и будут весьма недовольны. Поэтому он осторожно открыл в аппарели дверь и, потянув за ней рукоятку, заставил телескопический шлюз выдвинуться наружу. Затем он перешагнул в образовавшееся пространство шлюзовой камеры и закрыл за собой внутреннюю дверь. Теперь можно выходить. Приоткрыв наружную дверь, он почувствовал, как морозный воздух мгновенно заключил его в цепкие объятия. Николай выбрался наружу и стал осматривать луноход. Как ни странно, он так и не успел толком разглядеть эту машину. Ни в тот раз, когда она появилась впервые перед их

блокпостом, ни тогда, когда они пришли в ангар, ни во время вылазки к тому поселку, в котором им довелось пролить кровь. Теперь он внимательно осматривал этот вездеход, желая найти легкий путь на его крышу. Это оказалось не так сложно. Васнецов закинул одну ногу на гусеницу и ухватился за один из двух цилиндров, что находились по оба борта машины. В этих цилиндрах располагались выдвижные антенны для связи с Землей или космосом. Теперь он ступил на выступ левого борта и по двум поручням на цилиндре с легкостью взобрался на черную клетчатую крышу лунохода. В центре крыши была небольшая полусфера с круглым глазом перископа. Он действительно залеплен снегом. Николай очистил смотровой прибор и, усевшись на крыше поудобнее, принялся осматриваться. Все-таки это гораздо интереснее и продуктивнее, нежели смотреть через узкие щели машины. Луноход стоял в узкой и довольно глубокой лощине, хорошо скрывающей его. По склонам лощины из снега торчал кустарник. Чуть выше росли деревья. И вокруг густой лес. А на вершине правого склона...

Васнецов резко вскинул автомат и прицелился. На вершине правого склона кто-то стоял. Белый, как этот снег, силуэт в черноте ночи. Что или, вернее, кто это? Человек? Определенно, что-то похожее на человека. Сколько до него? Метров пятьдесят. Или меньше? Наверное, меньше. Ведь в темноте ночи далеко не разглядеть. И видно только в случае резкого цветового контраста. А этот призрачный силуэт вовсе не причудился. Вон он. Стоит. Не двигается. Наблюдает. Холод пронзил тело Николая тысячей ледяных клинков. Нет, это не от мороза. Это тот холод, что леденит душу и разум. Это страх.

— Э-э-эй... — попытался окрикнуть силуэт Николай, но услышал лишь собственный хрип, от которого сам испугался.

— Э-э-эй! — повторил он громче, проглотив нервный ком, застрявший в горле.

Силуэт не реагировал. Может, выстрелить? Силуэт на мушке. Но не торопится ли он с принятием решения? Ведь он недавно применил оружие и теперь горько сожалел об этом. А что на этот раз? Может, это вовсе не человек? В том смысле, что это вообще не живое существо... Просто коряга... Будить товарищей? Если это действительно коряга, то его засмеют, кроме того что будут недовольны тем, что он всех перебудил из-за ложной тревоги. Васнецов почувствовал, как страх стал завлекать его. Подмывало сделать шаг в сторону этого нечто. Как тогда,

в снежном тоннеле, когда страх заставил его идти в неизвестность и в итоге он просто вышел на свой блокпост. Адреналин наполнил кровь и сменил холодящий страх согревающим безрассудством, заставляющим спрыгнуть с машины и быстро направиться к этому силуэту, чтобы настичь его и спросить, какого хрена он там стоит и смотрит. Васнецов двигался, держа автомат наготове. Он проваливался в снег и жалел, что не прихватил снегоступы. Но возвращаться сейчас глупо. Эти меньше чем пятьдесят метров дались не просто. Вверх по склону да по рыхлому снегу...

Коряга. Николай нервно хихикнул и смахнул с нее снег. Обрубок ствола березы в человеческий рост, с обломанными ветками, свисающими подобно человеческим рукам. Это всего лишь коряга.

— Вот зараза, страху нагнала, — засмеялся Николай, почувствовав невероятное облегчение. Он похлопал облаченной в трехпалую рукавицу ладонью по коряге и покачал головой, вспоминая свои ощущения несколько минут назад, когда он дрожащими руками целился в это дерево.

Внезапно что-то ударилось ему в ноги и внизу, разбрасывая хлопья снега, промелькнула тень. Васнецов испуганно отпрыгнул, распластавшись на свежем слое снега. Быстро нащупав оброненный автомат, он вскочил на ноги и стал оглядываться. Там, где он секунду назад находился, возле этой коряги, была видна вереница следов. Осторожно подойдя ближе, он присмотрелся. Похоже, что это была лисица. Вполне возможно, что под этой корягой у нее гнездо. Николай растер ладонью снег по лицу и снова усмехнулся. То, что кажется пугающим и опасным в своей неизвестности, оказывается чем-то банальным и безобидным на поверку. Неизвестное, похожее на человека существо оказалось корягой. Что-то ударившее по ногам оказалось лисицей. Или нет? Он снова взглянул на следы. Все-таки похоже, что это лисица. Но очень захотелось удостовериться в этом, чтобы окончательно подтвердить свою теорию о том, что все страхи пустые и беспочвенные. И тогда он вообще перестанет чего-либо бояться, что, кстати, очень пригодится в их непростом походе на Аляску.

«Единственная вещь, которой надо бояться, это сам страх, — говорил когда-то его отец. — Страх разрушает человека, и тогда человек разрушает все, что окружает его. От страха теряется разум. От страха человек стреляет, запускает ракету и гибнет».

Да, с собственными фобиями надо бороться. Это Николай понимал. Ведь он постоянно ощущал переизбыток страха в своем разуме. И сейчас, идя по следу предполагаемой лисицы, он рассчитывал именно на такой тренинг по борьбе с фобиями. Идти одному, ночью, в лесу. В мире ядерной зимы, люпусов, крыс-мутантов и снежных червей. По соседству с кордоном безумных людей, ненавидящих бывших жителей бывшей столицы бывшей страны. Это ли не проверка на наличие мужества? И он не опасался заблудиться, так как оставлял за собой глубокие следы от проваливающихся в снег ног.

Николай шел долго. Следы все не кончались. Когда лес превратился в бурелом, следы зверя шли под поваленные деревья.

— Ну вот, — вздохнул Васнецов, — приплыли.

Он заглянул под бревна, но разглядеть что-то в темноте было нереально, даже с учетом того, что его глаза уже привыкли к мраку. Оставалось только жалеть, что он не прихватил с собой фонаря, и идти обратно к машине. Николай уже повернул было назад, но вдруг заметил вдалеке какой-то отблеск. Фонарь? Он снова его увидел. Крохотная точка света двигалась в поваленном лесу, постоянно вздрагивая и дергаясь. Это определенно фонарь в руках идущего человека. Николая распирало любопытство. В конце концов, для того он и в дозоре, чтобы выяснить, кто там бродит. Васнецов понимал свое преимущество. Сейчас он лучше ориентируется в темноте, чем человек с фонарем. И он меньше заметен, чем тот, кого из-за света видно на расстоянии нескольких сотен метров. Николай двинулся напрямик, через поваленные деревья, то взбираясь на могучие стволы, то пролезая под ними. Это оказалось совсем непросто. Ему казалось, что он прошел по этим сваленным деревьям километр, но на самом деле это едва ли была сотня шагов. Сосредоточенный на преодолении бесконечных препятствий, он бросал в сторону фонаря лишь редкие взгляды. И в очередной раз посмотрев туда, он ничего не обнаружил. Свет загадочного фонарика исчез.

— Зараза, — прорычал Николай, озадаченно вглядываясь в темноту леса.

Никаких признаков света он не обнаружил. Идти обратно через эту непролазную свалку совсем не хотелось. Николай решил поискать путь полегче. Только продвинувшись вперед еще на две сотни метров и оказавшись на местности, свободной от бурелома, он с ужасом осознал, что обратную дорогу найти не

сможет. Ведь более трехсот метров он двигался по сваленным стволам деревьев, на многих из которых даже снега не было, чтобы оставить там свои следы. Остро захотелось паниковать. Васнецов нервно замотал головой. Куда идти? Справа лес был реже, и там не видно было завалов. Возможно, там удастся обойти бурелом. Главное, помнить то направление, откуда он пришел. Николай старался двигаться как можно быстрее, чувствуя, что начинает замерзать. От усталости и тревоги видеть он стал хуже, и поэтому резкий обрыв стал для него полной неожиданностью. Он кубарем покатился вниз, успев только крепко прижать к себе автомат. Хуже всего в данной ситуации было потерять свое оружие. Николай катился вниз целую вечность, моля лишь об одном: чтобы на пути не было дерева, удар о которое мог переломать ему кости. При такой крутизне обрыва контролировать падение было практически невозможно. Наконец все прекратилось. Он благополучно достиг низины. Сверху навалилась куча запоздавшего снега, который он увлек за собой. Васнецов поднялся на ноги, отдышался и стал отряхиваться. Теперь надо осмотреться. Вокруг сугробы с какими-то длинными бугорками. Возможно, это опять бурелом, но уже старый, давно покрытый толстым слоем снега. Он подошел к ближайшему бугру и стал разметать прикладом автомата сугроб. Так и есть. Это дерево. Только какое-то странное. Внимательно приглядевшись, Васнецов понял, что это дерево было сильно обуглившимся. Подойдя к следующему бугру, он стал расчищать и его. Тоже дерево. И тоже совершенно обуглившееся. Причем было ясно, что оба ствола подверглись на короткий момент очень сильному температурному воздействию и потом их горение резко прекратилось. Вернее, самого горения наверняка и не было. А вот термическое воздействие... Он точно знал, что лежащие в костре толстые бревна выглядят по-другому. Может, когда-то тут был лесной пожар, но потом резко пошел дождь? Николай расчистил третье дерево, и оно оказалось идентично первым двум. Примечательным оказалось еще и то, что стволы были повалены в одном направлении. Беглый взгляд на другие снежные бугры, скрывающие деревья, подтвердил, что стволы падали в одном направлении. Это не бурелом, вызванный ураганным ветром. Это что-то иное. Какая сила могла так ровно их повалить и обжечь?

— Господи, — пробормотал Николай и зажал ладонью рот.

Ему вдруг стало страшно даже дышать в этом месте. Жуткая догадка осенила его. Эти деревья были свалены ядерным взры-

вом. Где-то недалеко эпицентр. И он сейчас находится в зоне поражения.

Николаю снова стало неописуемо страшно. Он не знал, какой тут радиационный фон. Он знал лишь одно — радиацию нельзя увидеть, почувствовать или понюхать. И когда человек узнает, что подвергся ее воздействию, то становится уже поздно. Он вспомнил погибшую от радиации мать. И сотни других жертв этого страшного последствия ядерного безумия. Николай боялся сделать даже вдох, думая о том, какие последствия это может принести. Его охватила паника, и он бросился к обрыву. Однако он был настолько крутым, что все его попытки взобраться наверх привели только к тому, что его стало заваливать падающими пластами снега. Васнецов яростно отмахивался от снега руками, словно на него напал рой ядовитых насекомых. Поняв тщетность своих попыток, Николай бросился прочь. Он проваливался в снег по пояс, но ему казалось, что он удаляется очень быстро, однако, обернувшись, каждый раз замечал, что эти страшные следы ядерного поражения в виде обугливших деревьев все еще рядом. Он рычал от ярости и ощущения собственного бессилия против невидимой радиоактивной смерти. Начав задыхаться, он подумал уже, что это радиация его убивает. Однако это сказывалась нехватка воздуха ввиду того, что он старался реже дышать и при этом выжимал из себя все силы в попытке убраться отсюда прочь. На его пути показались новые снежные бугры, явно скрывающие под собой пораженные деревья. Николай попытался их обогнуть, но внезапно перед ним разверзлась черная бездна, в которую он и полетел, увлекая за собой хлопья снега. Хруст ломающихся досок, грохот листового железа, шорох, звон в ушах... Все сознание Николая сжалось в крохотный, окруженный хаосом комок, который не мог даже понять, где его руки и ноги...

— Медведь! — заорал вдруг кто-то совсем рядом в темноте.

— Валите его! — вторил ему другой голос.

— Я не медведь! — истошно завопил Васнецов.

— Говорящий! — нервно хихикнул кто-то.

— Убери руку, это я...

— Да включите фонарь, черт вас возьми!

— Барс, урод, ты мне на руку наступил!

— Это не я!

— А кто?

— Медведь!

— Я не медведь!

— А кто ты тогда?!

— Черт, где мой автомат?..

— Лапы убери, это мой!

— Кто тут?

— Да включите фонарь, бараны!

— Сам баран!

— Я не медведь! — в третий раз повторил Николай, не понимая, где находится и кто это рядом кричит.

В лицо ему ударил яркий свет. После того как он давно привык к сумеречному дню и черной ночи, Васнецову показалось, что свет фонаря выжег ему не только глаза, но и мозг.

— Уберите! — крикнул он, закрывая лицо руками. — Вы кто такие?!

— Что это за отрок свалился к нам на голову? — произнес тот, кто настойчиво требовал включить фонарь. — Ты кто такой?

— Я первый спросил. — Васнецов продолжал прикрывать глаза руками.

— Ишь ты, — хмыкнул кто-то, — наглый.

— Мы сталкеры, а вот ты что за хрен с бугра?

— Сталкеры? — испуганно произнес Николай, вспоминая рассказ покойного Бражника.

— Ну. А ты кто? На медведя точно не похож...

— Я... Я искатель.

— Мужики, я же говорил, что за мной кто-то шел в лесу, — послышался другой голос.

— А ты поменьше фонариком свети, Армаген, — ответил первый.

— И что, на ощупь идти? — хмыкнул сталкер со странным прозвищем Армаген.

— А если он следил, то поучись у него. Пацан срисовал нас без всякого фонаря.

— Он наверняка из гадовника. Мочкануть его надо. — Третий голос.

— Да не похож он на людей с гадовника. Вон выбрит как. И с автоматом.

— Может, это он пальбу в гадовнике вечером устроил? Слышь, искатель, это твой танк в лесу стоит? — Голос принадлежал Армагену.

— Какой еще танк? Уберите фонарь! — огрызнулся Николай.

Фонарь наконец убрали, повесив его на какую-то арматуру. Немного помассировав лицо, Васнецов смог осмотреться. Это было подвальное помещение со следами разрушений. Наверху, в гнилом дощатом потолке, зияла дыра, в которую он провалился. Николай сидел на поломанных досках, какой-то трухе и упавшем сверху сугробе. Перед ним стояли четыре человека. Все они были облачены в военные комбинезоны. На шеях висели черные дыхательные маски с большими стеклами. Головы сталкеров венчали шлемы. У двоих шлемы типа «Сфера». У одного стальной шлем, но явно не российского производства. Где-то он такой видел. Еще у одного отечественный стальной шлем с лисьими хвостами на затылке. Всем четверым было примерно по сорок лет. Вооружены они были неплохо. У двоих АКМы с подствольниками. У одного ВСС, и еще у одного, самого здорового из этой компании, пулемет «Печенег». На всех легкие бронежилеты. Еще Николай заметил, что у каждого был портупейный ремень с кобурой на одной стороне и штык-ножом на другой. Хотя нет. У пулеметчика не штык-нож, а морской офицерский кортик. Примечательными были и нашивки на их рукавах. Черные круги с характерным и до боли знакомым желтым трилистником знака радиоактивности.

Вперед вышел человек с ВССом и глубоким шрамом на правой скуле.

— Я Аксай. Это Барс. — Он кивнул на стоящего слева от него человека с «калашом» и тонкими светлыми усами. — Это Сабзиро. Но мы его называем иногда Ниже Нуля, чего тебе, парень, не советую.

На угрюмом лице здоровяка с пулеметом появилась угрожающая ухмылка.

— А ты, значит, Армаген? — Николай обратился ко второму человеку с «калашом» и вытянутым большеносым лицом. Именно у него была эта странная, но знакомая нерусская каска.

— Ага. — Тот кивнул.

— Можешь называть его Хачиком.

— Слышь, Ниже Нуля, я тебя сейчас опущу ниже плинтуса, — огрызнулся Армаген.

— Да у тебя ж фамилия Хачикян...

— Зато у тебя фамилия Заткнись...

— Ну, тихо вы, — досадливо поморщился Аксай, который, очевидно, был главным.

— И что, в самом деле такая фамилия? — Васнецов уставился на Сабзиро.

— А по шее не хочешь? Сабитов я.

— Ну а ты кто есть такой? — Аксай снисходительно улыбнулся.

— Я Николай Васнецов.

Он покосился на лежавший рядом собственный автомат, который, как ни странно, сталкеры не подобрали. Может, потому, что их оружие смотрело холодными стволами на него и эти люди не чувствовали опасности?

— Откуда? Куда?

— Оттуда. Туда. — Николай ухмыльнулся, подражая амбалу с пулеметом.

— Не хами, парень. — Аксай нахмурился.

— Слушайте, ребята. В последний раз, когда мы сказали, куда путь держим, на нас сильно окрысились. Пришлось поубивать кое-кого. Так что я не знаю, как и сказать.

Николай даже сам удивлялся тому, как он держался, разговаривая с вооруженными людьми. Бражник сильно напугал своими рассказами о сталкерах, но перед Васнецовым стояли сейчас вовсе не безжалостные и кровожадные монстры, а вполне нормальные с виду люди. Они явно ухаживали за собой и за своим обмундированием, что напомнило Николаю своих более взрослых товарищей из родного Надеждинска. Это успокаивало и позволяло сделать вывод, что люди эти вполне лояльны и вреда ему не причинят.

— Мы? Так ты не один? — спросил Аксай.

— Да их целая банда, — махнул рукой Армаген. — Говорю, это они резню в гадовнике устроили.

— Это правда? — Старший с интересом смотрел на молодого человека.

— Что за гадовник? — поинтересовался Васнецов, усевшись поудобнее и растирая ушибленную ногу.

— Ну, поселение с кордоном на железной дороге. Там раньше зверосовхоз был. Свиноферма и кроличий питомник. После ядрены там эти гады падальщики поселились. Мы и зовем эту клоаку гадовником.

— Понятно. Да. Наша работа. — Николай, вздохнув, кивнул.

— Молодцы. — Аксай одобрительно хлопнул его по плечу.

— Я так не считаю, — мотнул головой Васнецов.

— Это почему?

— Плохо, когда приходится убивать.

— Толково, — хмыкнул Барс.

— А почему убили? — снова спросил Аксай.

— Мы в сторону Москвы пройти хотели. А они за это на нас обозлились. Москву они, оказывается, не любят. Оружие отнять хотели.

— А зачем вам в сторону Москвы?

— Надо.

— Ну, мы тоже завтра, точнее, сегодня утром в Москву уходим. Можем объединиться. Так зачем вам туда?

— Это вы с командиром нашим поговорите. Я не уполномочен.

— Да? А головорезы твои стрелять по нам не начнут? Армаген говорит, у вас целый танк.

— Так я же с вами. Дорогу к танку только покажите. Заплутал я малость. Вы нам путь на Москву покажете, мы вас на транспорте подвезем.

— Толково, — снова хмыкнул Барс.

— Ну ладно, пошли, — пожал плечами Аксай. — Ты только автоматик свой прибери, не забудь.

— Я думал, вы его забрать хотите. — Николай потянул к себе за ремень калашников, который лежал в метре от него.

— Да на кой? Ты же не пленник. Гадов стрелял в гадовнике. Союзник, значит. — Аксай подмигнул. — Но если шалить вздумаешь, он тебя не спасет, усекаешь?

— Само собой. Только это... Я на улице видел деревья обугленные. Чем это их?

— Атомным взрывом, конечно. Метрах в трехстах отсюда рванула.

— Так тут радиация! — Николая снова охватило забытое на время беспокойство.

— Да брось ты. Двадцать лет уже прошло. После гороха из сухпайка радиации больше. Ты, главное, деревья местные в костер не кидай и снег не жри, тот, что на глубине. А так в допустимых пределах. Мы же не самоубийцы.

— Правда? — Васнецов вздохнул с облегчением.

— Конечно нет, мы радиоактивные мутанты, — зловеще прохрипел Армаген и разразился нездоровым смехом.

— Не слушай его. — Старший махнул рукой. — Это он мутант. Мы нормальные.

Сталкеры рассмеялись.

— Шутки у вас, — покачал головой Николай. — А сами вы, кстати, откуда?

— Из Москвы, конечно, — пожал плечами Армаген. — Сталкеров больше нигде вроде нет. Это явление наше, столичное.

Этот странный подвал в лесу оказался куда больше, чем подумал сначала Николай. Он состоял из нескольких помещений. В одном были странные железные шкафы до потолка. У двух или трех были открыты двери, и внутри виднелись ряды ламп, тумблеров и каких-то приборов. Лестница из подвала выходила прямо в пространство между поваленными взрывом деревьями.

— А что тут было? — поинтересовался идущий между сталкерами Николай.

— Метеостанция. Это наверху, — пояснил Аксай. — А в подвале узел связи. Военный объект, короче. Там ложная стена есть. Этот вход в бункер секретный. Вскрыть не можем. Взрывчатка нужна. Вот обратно в Москву и собираемся за этим добром.

— Ясно. — Васнецов кивнул. — А я думал: с чего это ядерный удар по лесу наносить? Вон оно, оказывается, что.

В сотне шагов крутой склон обрыва стал пологим, и тут они без особого труда взобрались наверх. Процессию возглавил Армаген, который вел всех по своим старым следам.

— Так это ты бродил с фонарем по лесу? — обратился Васнецов к сталкеру в странном шлеме.

— Ага. — Хачикян кивнул. — Я ведь чувствовал, что кто-то следит за мной. Пошел ребят поднимать. А тут ты как снег на голову. — Он засмеялся.

— А что это за слово такое, «сталкеры»? Что обозначает?

— Ну, разведчики, типа. Это из английского языка. А что, красивое слово. В книжках да в кино такие были. Это ведь, брат, Москва. Там у нас кого только нет. И сталкеры, и тамплиеры всякие. Орки даже имеются. Это из толкиенистов. Всякие фашисты, масоны, мормоны, диггеры, сатанисты, горцы, амазонки, отморозки Судного дня...

— Адвентисты, — поправил Хачикяна Аксай.

— Ну да. Я и говорю. Еще самураи, псы-волки...

— Пси-волки.

— Да. Вот, даже терминаторы есть! — Армаген засмеялся. — Вообще клоуны, блин!

— Эти клоуны на той неделе сорок человек положили на Каширке, — мрачно заметил Барс.

— Да у вас там, я смотрю, вообще весело, — вздохнул Николай.

— Весьма. — Барс кивнул.

— А откуда все это? Это, я так понял, группировки у вас там такие?

— Кроме пси-волков, да, — сказал Аксай.

— А пси-волки — это что?

— Это волки. Мутанты. Подавляют волю ультразвуковым воем. Большие твари. Безлюдные районы города заселили. В зонах поражения.

— Люпусы?

— Что за люпусы?

— Ну, у нас, на Оке, тоже волки-мутанты имеются. Мы их люпусами зовем.

— Ну, может, такие. Может, другие. — Аксай пожал плечами.

— А все остальные? Все эти орки, амазонки, терминаторы?

— Это люди. Что-то вроде этого. Понимаешь, каждый с ума по-своему сходит. После ядрены такой хаос был...

— А что такое «ядрена»?

— Ядерная война. Ну вот. После войны ведь все разом рухнуло. Обмен ударами продолжался всего несколько дней или и того меньше, но рухнуло все, что складывалось столетиями. Общество, экономика, моральные устои. Градация слоев населения. Отношения между отдельными людьми и отдельными группами. Самое страшное воплощение полной свободы, являвшееся апофеозом хаоса и безумия. Сначала всеобщая паника. Истерия. Потом надо было как-то выживать. Люди сколачивать группировки стали. А обычно группы сколачиваются по интересам. По образу мышления. По складу ума и мировоззрения. Так легче взаимодействовать, понимаешь? Ну а рулить стали в основном молодые и сильные. Склонность к сколачиванию групп у молодых обычно сильнее. И пошли эти названия из книг, фильмов и игр, на которых выросли. Кто во что горазд. Кому что больше нравится. И подражают своим рисованным кумирам. Кто-то больше по религиозной линии идеологию строил. Кто-то по политическим взглядам. Сейчас в Москве хозяйничают те, кому на момент начала войны было по восем-

надцать, по двадцать лет. Старики там не в почете. Многие считают старшее поколение виновным во всем, что случилось.

— Так вы тоже подражаете?

— Да нет. У нас образ жизни такой. А потом как-то пошло, что нас сталкерами называть стали. Ну, понравилось. Прижилось. Нас таких много. Вообще, самые нормальные в Москве — это сталкеры.

— А фашисты тоже себя нормальными считают, — усмехнулся Армаген.

— Да ты сам фашист. Каску немецкую напялил и ходишь как этот, — буркнул Сабзиро.

Армаген похлопал рукавицей по своему шлему:

— Крупская сталь! Крупповская, точнее...

— Да иди ты. Склад мосфильмовский бомбанул и радуется.

— Пришли. Вон этот танк стоит внизу. — Армаген махнул рукой.

Николай только теперь заметил луноход. Странно, как быстро они дошли. Васнецову казалось, что путь до сталкеров был больше раз в десять. Однако заботило его другое. Его товарищи спят, ничего не подозревая, рассчитывая на бдительность дозорного Николая. Однако он мало того что покинул свой пост, но еще и привел к ним четверых вооруженных до зубов людей. Да, настроены они были дружелюбно. Но может, они на самом деле пускают пыль в глаза? Дыбецкий и Бражник тоже приветливыми казались. Едой и выпивкой угостить пытались. Но чем это обернулось?

— Мужики, постойте тут, на склоне. Я сейчас, — попросил Николай.

— Только без глупостей. Мы не простаки, если даже такими кажемся, — предупредил его Сабитов.

— Конечно. — Васнецов кивнул и двинулся к луноходу.

На удары кулаком по водительской двери никто не откликнулся. Тогда Николай как можно сильнее ударил прикладом автомата. Дверь приоткрылась, и оттуда показался ствол пистолета ТТ. Затем раздался сонный голос Юрия Алексеева:

— Коля? Ты, что ли?

— Я. Будите всех, и пусть оружие приготовят.

— Что случилось?

— Я сталкеров привел.

— Кого-кого?

— Сталкеров. Они вооружены. Будите всех. Мало ли что.

10
МОСКВА

Новый рассвет, как и просветлевший с рассветом свинцовый небосвод, не принес новых впечатлений. Все было как обычно. За бортом лунохода ниже тридцати по Цельсию. Ветер гонял снежную пыль над окрепшим настом. Косматые серые тучи совершали свой очередной виток над замерзшей и скрытой от солнечного света планетой. Новый день увеличивал расстояние от того страшного дня, когда миллионы душ взмыли в атмосферу черным пеплом, чтобы выпасть потом радиоактивным дождем, убившим водами многих из тех, что выжили в ядерном пожарище. Время шло неумолимо. Времени людские беды были нипочем. Оно шло вперед и тащило за собой остатки жизни в неизвестность беспросветного будущего. И только горстка людей знала причину, которая была весьма веской, чтобы бороться и надеяться. Экспедиция из Надеждинска продолжала свой путь с упрямством беспристрастного времени. В луноходе, который уже пересек погребенную под снегом Московскую кольцевую автодорогу, было уже не пять, а девять человек. Машина теперь двигалась по территории бывшего Битцевского парка. Четверо сталкеров были жителями Москвы, и пейзаж, видимый сейчас в смотровые щели и перископ машины, был им знаком. Однако остальные люди затаили дыхание. Они были уже в Москве. Это не просто город. Да, его ненавидели. Причем задолго до войны. И любили его. Это было и сердце России, и вместилище небывалой роскоши и безбедной жизни среди бедствующих регионов в лихие времена. Но если власть имущие своими деяниями обращали гневные взоры простого люда на Москву, то сам город, как дух былой истории и вереницы ушедших эпох, был чем-то священным для русского человека. Сюда вели за собой восставший народ Минин и Пожарский. Об этом городе слагал строки в 1837 году воин и поэт Лермонтов. Отсюда парадным строем уходили на бой с агрессорами полки Красной армии в 1941-м. Город противоречий и контрастов, как сама многовековая российская история, покоился в сугробах постъядерного мира. Еще одно свидетельство тому, что все кончилось. Однако они были еще в парке, где из-за туманной взвеси снежной пыльцы на горизонте не было видно строений. Они находились на задворках бывшей столицы. Но тяжелые, горькие и в то же время полные благоговения мысли уже овладели

путешественниками. Особо болезненно воспринимали унылый пейзаж разоренного и заснеженного парка два космонавта, которые двадцать лет назад покинули цветущую и полную жизни столицу, отправившись в свой давно забытый полет на Луну.

Парк был опустошен ураганами, нещадно валившими деревья, и людьми, которые эти деревья растаскивали для отопления своих жилищ. По какому-то странному стечению обстоятельств остался нетронутым большой славянский деревянный идол в виде мудрого старца, в чьей бороде виднелся меч с широким лезвием. Очень похожий на тот, который применил прошлым вечером Варяг. Яхонтов взглянул на сталкера по кличке Барс. Из всей четверки он один бодрствовал. Остальные мирно спали, продолжая прерванный вторжением Николая ночной сон.

— Что это за истукан? — спросил искатель.

— Сварог, или Хорс, или что-то в этом роде, — ответил Барс, посмотрев в щель. — Тут часто язычники собираются перед походом. Это место «Лысая гора» зовется.

— Это они сделали?

— Да нет. Идол еще до войны был сделан. Декоративное украшение парка. Но после того как он уцелел, стали думать, что в нем какая-то сверхъестественная сила. Вот и поклоняются. Я лично не верю во все это.

Яхонтов кивнул и продолжил наблюдение. Они ночью довольно долго общались со сталкерами, и было ясно, что эти москвичи — довольно дружелюбные и достаточно вменяемые люди. Объединение их групп оказалось весьма кстати сейчас. Сталкеры знали безопасную дорогу до Москвы, минуя поселения ненавидящих столицу мародеров. Варяг предполагал, что благодаря сталкерам они сэкономили как минимум день пути. Однако Яхонтов не говорил о цели их путешествия, считая, что такая информация будет лишней для ушей малознакомых людей. Причина, которую он назвал, была достаточно правдоподобной для похода в Москву: они хотели найти там родственников. Точнее, Алексеев и Макаров.

— А что за бункер там, в лесу, был? — спросил Варяг у Барса.

— Где? Куда молодчик ваш пришел?

— Ну, — кивнул Яхонтов.

— Стратегический объект там был. Метеостанция. А под землей запасной командный пункт противоракетной обороны. Мы в прошлом году наткнулись в Мытищах на одного старого

полковника. Он нам рассказал про некоторые такие объекты. Он уже при смерти был. Просил взять к себе сына в отряд. Вот и поделился информацией в качестве платы. Говорит, на таких объектах есть чем поживиться. Ну и отдал богу душу короче.

— Понятно. А что с сыном стало?

— Мы этот бункер долго искали. Во время очередного рейда напоролись на пси-волков. Двое наших погибли. Среди них и парень этот. Жаль, смышленый был... Ну да ладно. Возьмем динамит и вернемся. Дверь там, зараза, хитрая.

— А вы про объект «Субботний вечер» слышали? — спросил вдруг Сквернослов, вспомнивший рассказ космонавтов об их общении с Землей на орбите.

Барс удивленно уставился на Вячеслава, затем на Николая и их командира.

— Откуда знаете про него? — спросил он наконец.

— Да тоже военный один рассказывал, — пожал плечами Яхонтов и незаметно бросил злой взгляд на Вячеслава.

— Вообще-то это он и есть. «Субботний вечер».

Братья переглянулись.

— Вот уж мир тесен, — улыбнулся Варяг и снова зло посмотрел на Сквернослова. — Не думал я, что кто-то еще о нем слышал.

— Да, — кивнул Барс, явно чувствуя, что эти люди чего-то недоговаривают.

— Туда вроде еще один ход из метро ведет. Нет? — произнес Яхонтов.

— Вы даже и это знаете? Да, полковник это тоже рассказывал. И что?

— Ну, чего через метро не попробуете?

Барс изумился и рассмеялся.

— Ну, вы даете, ребята, вы что, с луны свалились?!

— В смысле?

— Да там, в метро, ад настоящий. Вы не знали?

— Вообще-то нет. — Варяг мотнул головой.

— Ну так знайте. Если есть на земле самое страшное место, то это именно московское метро.

— А что там случилось? — снова подал голос Сквернослов, считая, что этот вопрос не будет крамольным и Варяг не продолжит бросать на него злые взгляды.

— Ядерный удар по Москве нанесли из метро, — мрачным голосом ответил сталкер.

— Как это?

— Не знаю как. Но знаю, что в трех местах рвануло. Сначала один взрыв, люди подумали, что воздушный удар. Паника. Неразбериха. Полгорода ломанулось в метро. И после этого еще два взрыва. Хотя некоторые говорят, что взрывов было больше. Может, даже и пять. Но я думаю, что три. Хотя какая разница...

— Так зачем они в метро бежали все?! — воскликнул Николай, с интересом слушая сталкера.

— Как зачем? Я же говорю, после первого взрыва народ подумал, что это воздушный удар. А метро московское лучше всякого бомбоубежища было. — Барс задумчиво покачал головой и вздохнул. — Я помню, еще до ядрены, когда студентом был, книжку читал фантастическую. Про ядерную войну. Точнее, про жизнь после нее. Там люди выжили только в московском метро. Очень модная книжка была. До дыр зачитывали. Если бы я тогда на даче загородной у родителей не отдыхал, то, наверное, первым делом тоже в метро побежал бы. — На лице сталкера появилась горькая усмешка. — Знаете, где я эту книжку купил?

— Где? — спросил Варяг, с сочувствием глядя на Барса.

— В метро! — громко ответил сталкер и вдруг залился каким-то истерическим смехом.

— Черт! — Спящий Аксай вскочил со своего места и схватил Барса за плечи.

— Он про метро говорил? — спросил командир сталкеров у Яхонтова.

— Да. — Варяг кивнул. Было непонятно, что происходит с Барсом, который еще секунду назад казался вполне нормальным.

— Твою мать! Братишка, зачем ты! — закричал старший сталкер.

Остальные москвичи тоже проснулись.

— Что с ним? — тихо спросил Николай у Армагена, который спал на его сиденье.

— Да когда речь про метро заходит, с ним всегда такое. — Хачикян протер глаза и уселся рядом с Николаем.

— А из-за чего?

— Да, в общем... Девушка у него там погибла. Он сам метро любил раньше. Это ведь целая субкультура подземных романтиков в Москве раньше была. И на факультете учился метро-

строевском. И познакомился он с ней там, в метро. Она тоже студенткой была и в книжном ларьке подрабатывала продавщицей на одной из станций. «Охотный Ряд», кажется. Мы с ним тогда уже знакомы были. Помню, он полгода места себе не находил. Все время ездил на ту станцию и пытался заговорить с ней. Да только смущался, покупал книгу и обратно. А потом я помочь ему решил. Ну, физиономия у меня кавказская. И так люди косятся, так я еще пьяного из себя изобразил и приставать к ней начал. А тут он. Как дал мне в морду. Герой. — Армаген грустно улыбнулся. — Вот и познакомились. И книжка у нее в продаже появилась про метро. Она сама ее, сидя в ларьке, читала. Короче, нашли они общий интерес. Она славная была девчонка. Не пила, не курила. Не испорченная столичной жизнью, полной соблазнов. Она долго смеялась, когда выяснила, что мы все инсценировали. Катюшка. Я сам в нее тайно влюбился. Но они с Борькой, с Барсом то есть, хорошей парой были. Красивой. А потом поссорились. Глупость какая-то. По мелочи. Он на загородную дачу к родителям уехал. Я к нему. Не дури, мол, братец, вернись к ней. Он тогда собрал на даче самые красивые цветы, что мама его выращивала, и решил поехать к ней и сделать предложение. А на следующий день... Все кончено было... Тэр аствац[1], сколько же таких изорванных судеб...

Барс уже не смеялся. Истерика прекратилась. Он сидел на своем сиденье и, повернув голову, тоскливо глядел в смотровую щель. Аксай не убирал руку с его плеча и что-то тихо говорил товарищу. Барс в ответ лишь несколько раз кивнул. Затем повернул голову в сторону Николая и, вздохнув, сказал:

— Просто никогда не надо ссориться. Надо каждой секундой дорожить. Как последней. Я до сих пор простить себе не могу. И слезы ее забыть не могу в нашу последнюю встречу и первую ссору...

— С любимыми не расставайтесь. Всей кровью прорастайте в них. И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг, — сказал задумчиво Армаген.

Сквернослов сидел в каком-то напряжении и вдруг резко просунул руку в окно, соединяющее с кабиной водителя, и, толкнув сидевшего за штурвалом лунохода космонавта, громко произнес:

— Андрей, останови, пожалуйста.

---

[1] Господи Боже *(арм.)*.

— Что? Зачем?

— Останови. Мне до ветру надо.

Вездеход остановился. Яхонтов осмотрел в перископ местность вокруг. Никаких признаков наличия людей или животных поблизости.

— Можно выходить, — сказал он. — Оружие не забудь. Я с тобой.

— Не надо, — бросил Вячеслав и, схватив свой автомат, ловко и быстро выбрался через шлюз.

Яхонтов посмотрел ему вслед и хлопнул по плечу Васнецова.

— Коля, ну-ка за ним давай.

Выбравшись на улицу, Васнецов не увидел брата. Вокруг лежали поваленные деревья. Несколько ржавых остовов машин. Со стороны сгнившего грузовика с железным фургоном послышался всхлип. Осторожно зайдя за машину, Николай увидел Вячеслава. Он стоял, облокотившись на давно лишенный колес грузовик, и, закрыв ладонями лицо, тихо плакал.

— Слава, что случилось? — с тревогой в голосе спросил Николай, подскочив к Сквернослову.

— Аленка, — мотнул тот головой.

— Что? Что Аленка? С улицы Советской?

— Да. Ее плитой бетонной раздавило во время землетрясения. А я не знал ничего, понимаешь. Мы когда к ангару подошли, я только тогда узнал. Помнишь трупы в мешках? Там она была. Спала со своей куклой после ночной смены в оранжерее, и тут... Месиво... Ее вместе с этой куклой и похоронили, потому что там сплошное месиво... Все перемешалось... Господи, Коля, как же больно. Как больно-то! А тут эта история! Суки! Как так можно! Неужели они никогда никого не любили?! Сколько ненависти надо было, чтобы натворить такое с миром! С людьми! Суки!

— Славик, я...

— Коля, уйди! Уйди, как брата прошу! Дай одному побыть хоть несколько минут! Уйди, пожалуйста!

— Ладно. Ты это... Ты...

— Брат, все нормально, — махнул рукой Вячеслав, продолжая лить слезы. — Только дай мне пять минут. А сейчас уйди.

Николай нехотя побрел в сторону лунохода. Затем остановился в нескольких метрах от машины. Шар перископа медленно вращался на крыше. Задержал свой стеклянный глаз на нем и снова стал медленно поворачиваться. Это, судя по всему,

Варяг осматривал горизонт. Васнецов решил не возвращаться в луноход. Во-первых, оставлять Сквернослова одного на улице нельзя. Во-вторых, он вдруг сейчас наконец осознал, что находится в Москве. Он почувствовал какое-то непонятное чувство гордости. Однако вкусить в полной мере это ощущение не давала история Барса и горе Вячеслава. Николай не был близко знаком с той Аленой, но, когда его названый брат с ней общался, он часто ее видел. Сейчас Васнецов пытался вспомнить лицо девушки, но не мог. Он помнил, что она была красивая. Но черты ее лица ускользали от воспоминаний. Николай много слышал о любви, но отдавал себе отчет, что это чувство ему по-настоящему незнакомо. Он сторонился девушек из-за той истории с пьянкой. Он чувствовал, что неинтересен противоположному полу из-за своей молчаливости и неспособности быть грубым, безмерно веселым и общительным. Он иногда чувствовал, что какое-то странное наваждение влекло его к девушкам, но склонность его характера к отчужденности была гораздо сильнее инстинктивного влечения. Конечно, Николай часто испытывал сильные душевные муки оттого, что был лишен женского внимания и так необходимых порою ласк, но сейчас он был рад тому, что любви он не знал и ему не о ком было тосковать. Видя, как сейчас страдают Барс и Сквернослов, он, ощущая сочувствие к ним, одновременно радовался тому, что его сия чаша миновала. Зачем нужна любовь, если она делает такое с людьми? На ум снова пришла та песня про черных людей, не знающих любви, и ему стало стыдно: что в той боли, которую сейчас испытывал его названый брат, он умудрился найти для себя удовлетворение. Васнецов стал ругать себя за этот цинизм. Захотелось вернуться к Славику и обнять его. Но вдруг он услышал странный знакомый скрип. Что-то скрипнуло после порыва ледяного ветра, и звонкое эхо вспорхнуло над пустошью бывшего Битцевского парка. Еще порыв. Скрип повторился. Качели?!

Николай двинулся на звук. Обойдя луноход и толстый ствол поваленного и сгнившего дерева, он вдруг увидел, что это действительно качели. Как во сне. Только более ржавые и с погнутыми стойками. Метрах в пятидесяти от него. Здесь почему-то было не много снега. Вокруг виднелись остатки детских аттракционов. Лежащая на боку карусель. Во многих местах из клочков редкого снега торчали ржавые куски колясок и велосипедов. За скрипящими качелями виднелся остов повозки, в кото-

рую когда-то запрягали лошадей и они катали по парку детвору. Чуть дальше разбитая легковушка. Обгоревшие домики. Он сделал шаг вперед, и что-то хрустнуло. Николай опустил голову. Здесь много битого стекла и каких-то железок. Все это лежало на земле, и было странно, что тут практически нет снега. Были хорошо видны разбросанные предметы. Полуистлевшая корочка студенческого билета. Рваная милицейская фуражка. Пластиковая бутылочка с красочным узором из бабочек и соской на горлышке. Истрепанная кукла. Крохотный сандалик. Дамская сумочка. Связка ключей рядом. Разбитый мобильник. Кости. Человеческие? Разбитый игровой автомат и груда потерявших цвет плюшевых игрушек рядом. Большая детская коляска, видимо для двойняшек, придавленная какой-то трубой. Рваный рюкзак в виде кролика. Пластмассовый игрушечный автомат с торчащими из него проводами. Голова от большой куклы-младенца с пустыми глазницами. Велосипедное колесо. Кроссовка со следами крови и чьих-то клыков. Растоптанные очки. Большинство из этих предметов были давно забыты в мире подвалов Надеждинска, но Николай узнавал их. Он как завороженный смотрел на это немое свидетельство былой катастрофы, и одинокий монотонный скрип качелей, казалось, сводил его с ума. Васнецов все больше погружался в гипноз этого звука. Какая-то лень и полная апатия охватили тело. Даже моргал он как-то медленно. И, неторопливо подняв взгляд, совершенно автоматически и безразлично заметил, что качели не раскачиваются на ветру, так как порывы стихли уже. Но скрип продолжался, все больше сверля рассудок. Николай улыбнулся, чувствуя дурман в голове и отсутствие ощущения страха и холода. Тело все стало мягким и невесомым. Веки отяжелели и опустились, затягивая его в сон. Он так и уснул бы, стоя посреди этих разбросанных вещей и окутанный звуком, слышимым только им одним, но в чувство его привела автоматная очередь.

Николай упал наземь и, часто моргая, стал озираться, с удивлением понимая, что какая-то сила едва не утянула его в неизвестность. Он успел заметить люпуса. Раненный автоматной очередью мутант взвизгнул и, прихрамывая, пытался убраться прочь.

— Аксай! Вали его! Не дай уйти! — послышался крик Барса позади.

— Армаген! Возьми пацана на прицел! Глянь, что с ним! Он уже обращенный может быть! — услышал Николай голос Аксая.

Снова раздалась автоматная очередь. Ей вторили глухие щелчки ВСС.

— На меня смотреть! — Над Васнецовым склонился Армаген. Он наступил на выроненный Николаем автомат, прижимая его ногой, и целился своим оружием Васнецову прямо в лицо. — На меня смотреть!

Николай совершенно не понимал, что происходит. Откуда взялся люпус и почему Армаген в него теперь целится?

— Убери валыну, чурка! — послышался яростный вопль Сквернослова, показавшегося за стволом поваленного дерева и взявшего на мушку Армагена.

— Ты не понимаешь... И не называй меня чуркой, баран!

— Не цельсь в Хачика. — За спиной Вячеслава показался Сабзиро, который ткнул свой пулемет Вячеславу в спину. — Я за него порву любого.

— Ниже Нуля, ты тоже баран, не называй меня Хачиком! Парень, а ты в глаза мне смотри!

Глухой удар прикладом по затылку Сабзиро свалил его с ног. Варяг прижал ствол своего калашникова к шее пулеметчика и рявкнул:

— Не дергайся!

В этот момент между сгоревшими остатками декоративных домиков появились гонявшиеся за люпусом Аксай и Барс.

— Мужики! Спокойно! — крикнул командир сталкеров, поднимая свою ВСС стволом вверх.

— Какого хрена тут творится? — зло прокричал Яхонтов. — Почему ваш в нашего целится?

— Он обращенный может быть! — ответил Аксай.

— Что это значит?

— Армаген! Спроси его!

Хачикян, не сводивший ни взгляда, ни автомата с Николая, кивнул и четко проговорил:

— Парень, ты только не волнуйся. Просто ответь на мои вопросы. Ты понимаешь меня?

Недоумевающий Николай с удивлением обнаружил, что лежит на снегу. Вся эта детская площадка давно покрыта снегом, и нет тут тех предметов, которые он так завороженно разглядывал. По крайней мере, на поверхности нет. Он уставился на Армагена и кивнул.

— Как тебя зовут? — спросил Хачикян.

— Что?

В глазах Армагена появился испуг, и он отступил на полшага, увлекая ногой автомат Васнецова.

— Как зовут тебя?!

— Николай... Васнецов...

— Как меня зовут?

— Армаген! Да что происходит?

— А брата твоего как зовут? — продолжал спрашивать сталкер.

— Славик... Что тут такое?

— Какой это город?

— Москва.

Васнецова уже стало злить неведение. Что могло вызвать такое поведение сталкеров и куда подевалась площадка, не запорошенная снегом?

Армаген взял автомат левой рукой за цевье и опустил его, протянув правую руку Васнецову.

— Прости, брат. Проверить надо было.

— Что проверить? — Николай поднялся на ноги, приняв от сталкера помощь в виде протянутой руки.

— Аксай, вы его вальнули? — спросил Армаген, обращаясь к командиру.

— Да, — кивнул тот. — Добили.

Васнецов поднял свой автомат и толкнул прикладом Хачикяна.

— Я спрашиваю, что проверить?! Какого хрена тут происходит?!

— Спокойно, брат. — Армаген развел руки. — Это же пси-волк. Он тебя обратить мог.

— Куда обратить?!

— В свою веру, — хихикнул сталкер, но, поняв, что его шутка осталась непонятой, сделал снова серьезное лицо. — Ты что, про пси-волков не слыхал?

— Это люпус был!

— Люпус, мупус, какая разница? Пси-волк. Они ультразвуком волю человека подавляют и съедают его потом. Но иногда они просто глушат разум и не трогают жертву. А человек забывает все. Не соображает ничего и убивает всех подряд. Человечину жрать начинает, как волк. Зомби, понимаешь?

— Наши люпусы так не делали, верно, Варяг? — Николай взглянул в сторону Яхонтова.

Тот наконец убрал автомат от горла лежащего на снегу Сабзиро и ответил:

— Старые — да. Просто волки видоизмененные. Но другие, новые, про которых я слышал, вроде гипнотизировать умеют.

— Ну вот видишь. — Армаген хлопнул Николая по плечу и повернулся в сторону Сабзиро. — Ниже Нуля, брат, как ты там, живой?

— Башка болит, и жрать охота, — проворчал, вставая, здоровяк.

— Значит, все в порядке, — хмыкнул Хачикян.

К Васнецову подошел Аксай.

— Парень, тебе очень повезло. Лучше быть мертвым, чем обращенным.

— Я тут видел что-то. Снега не было. И все вещами всякими усыпано. И скрип постоянный такой и пронзительный. — Васнецов растерянно взглянул на командира сталкеров.

— Понимаю. Это все волчьи штучки. Ты на грани был. Смекаешь?

— Да тут все на грани были, — зло проговорил Варяг. — Предупреждать надо. Сейчас поубивали бы друг друга на радость волкам. Поехали дальше.

Луноход пересек кольцевую развязку, где сходились Севастопольский и Балаклавский проспекты и улица Обручева. Снежный покров здесь был грязного цвета и весь испещрен многочисленными вереницами следов. Тут были и снегоступы, и просто обутые ноги, и звериные лапы, и лыжи. Даже след от лыжно-гусеничного снегохода. Казалось, что тут бурлила жизнь, но, кроме этих следов, никаких иных признаков видно не было. Видимо, здесь давно не выпадал снег, и редкие путники оставляли следы, которые, скапливаясь, создали иллюзию интенсивного движения. Облака плыли совсем низко. Казалось, их рваные космы вот-вот заденут крыши некогда жилых многоэтажек, растянувшихся вдоль проспекта и уходящих к туманному горизонту.

Николай еще толком не пришел в себя, вспоминая недавний инцидент с мутантом. Сам факт того, что зверь может проецировать в разум человека какие-то реальные образы и делать из него покорного зомби, не укладывался в голове. И с трудом верилось, что именно он едва не стал жертвой мутанта. Казалось, может что-то произойти плохое с его спутниками, но только не с ним. Но именно с ним едва не случилось то, что было бы не просто смертью. Умер бы только его разум, но тело

жило бы дикими волчьими инстинктами. Каково это? Что бы он чувствовал, превратившись в зомби? Почему пси-волк внушал ему именно детскую площадку и откуда он знал о его снах со скрипящими качелями? Сталкеры сказали, что там была именно детская площадка и, возможно, он видел реальные вещи, скрытые снегом. Только теперь, снова и снова переосмысливая то, что с ним произошло, Николай стал отчетливо понимать, насколько он был близок к смерти. И не абстрактной, которой он боялся, как и любое живое существо, а реальной, которой и испугаться можно не успеть.

— Я думал, что город весь в сплошных руинах, — разорвал тишину голос Яхонтова, смотрящего в перископ на уцелевшие здания.

— Руины есть. И немало. Но там, где заряды взорвались, — кивнул Аксай. — В других местах либо от времени, либо от боев разрушения. А по площадям только в зонах поражения. Самые страшные разрушения в районе Курчатовского института. Там вроде самый мощный заряд был. На станции метро «Щукинская». Видимо, по институту и били. Там от парка Покровское-Стрешнево до улицы Паршина и от улицы Зорге до Строгинской поймы все снесло.

— А первый заряд где рванул?

— В Ботаническом саду. Ну, тоже в метро. Но заряд какой-то хитрый был. Он ближайшие станции только сжег, а все поражающие факторы в основном на поверхности были. Может, он и не в метро был, а в подвале каком. Вот тогда все и подумали, что ракету по Москве запустили. И весь город в метро бросился, искать спасения. И тогда одновременно рванули в глубине и на «Щукинской», и на станции «Лубянка». Хотя я слышал, что не на «Лубянке», а на станции «Охотный Ряд» было. Сейчас и не разобрать. Говорят, на улицу из многих станций и колодцев огненные фонтаны били на сотни метров. Вообрази, что с людьми было.

Снова услышав о метро, Барс вздохнул и повесил голову.

— А сколько вообще людей выжило в Москве? — спросил Варяг.

— Да кто его знает. Только в первые три удара, наверное, миллиона четыре убило. Там ведь после курчатовского взрыва пойма просела, и Химкинское водохранилище как цунами прошлось по многим районам города. А это еще жертвы. Сотни или даже тысячи в давке от паники погибли. Потом в тот же

день этнические чистки начались. Кто-то виноватых искал, кто-то город под контроль взять пытался. Всякие банды оживились. Черт, да тут такое творилось! Потом тысячи или сотни тысяч погибли во время исхода из Москвы. Короче, никто не считал. Сейчас во всем городе сотня или две тысячи людей.

— Ого! — Сквернослов присвистнул.

— Чего «ого»? С тем рвением, с которым они друг друга продолжают убивать, это ненадолго.

— А как живете теперь? В подвалах?

— Ну да. В подвалах. В подземных переходах, подземных гаражах. Некоторые умудрились здания утеплить. Но там, скорее, что-то вроде военных баз. А жилые поселения, как правило, под землей. Но не в метро. Хоть многие станции и уцелели, их замуровали довольно быстро. Оттуда и радиация, и еще черт знает что перло. Люди пораженные. В страшном сне такое не приснится. Сейчас, наверное, даже сам Всевышний не знает, что в метро творится. Дьявольщина одна. Морлоки.

— Морлоки? — переспросил Варяг.

— Ну «Машину времени» Герберта Уэллса читал?

— Фильм смотрел, кажется.

— Фильм ерунда. На книгу не похож был. А вот книга... Короче, кто-то периодически через завалы на станциях выходит в город по ночам. Людей похищают. Мы их морлоками зовем. Как в книге. Там тоже твари лезли из-под земли и людей воровали для пищи.

— Н-да. Хреновато тут у вас, — вздохнул Яхонтов.

— А где хорошо? — Аксай усмехнулся.

Слушавший этот разговор Николай вдруг вспомнил слова отца: «Ты, сынок, живешь в раю, и это главное». Что видел отец, если он называл унылый, холодный, загнанный в провонявшие спертым воздухом, звериными шкурами и копотью лучин подвалы Надеждинск раем? И что доведется увидеть ему, Николаю, покинувшему этот рай?

Луноход проехал по пустынному кварталу и двигался по сужению, образованному дугами Херсонской улицы и Научного проезда. Справа высилась пустующая высотка жилого дома. Слева тоже высотка, но этот дом, кажется, не был жилым и имел другие функции. Здание было с закругленными углами. Многие стены местами были обрушены. Стекла отсутствовали. У подножия этого здания виднелась припорошенная снегом груда искореженного металла, в которой с трудом угадывались десятки автомобилей.

— А в этом районе вообще люди есть? — снова задал вопрос Варяг, который так и не увидел ни одного признака жизни, кроме следов на перекрестке.

— Да есть. По норам своим сидят. Вам же к Воробьевым горам надо, ты говорил?

— Да. — Яхонтов кивнул.

Он помнил просьбу космонавтов попросить у сталкеров, чтоб те указали им путь до Воробьевых гор. На самом деле Алексееву и Макарову надо было в район Киевского вокзала, но от Воробьевых гор они дорогу, по их словам, могли найти с закрытыми глазами. Сам Варяг не совсем понимал, что космонавтам надо у Киевского вокзала, но просьбу их он исполнил.

— Ну, вот там народу побольше. Престижный район, так сказать. Там военных бывших много. Они стараются вместе держаться. Не любят их люди. Вот и кучкуются.

— И тут их не любят?

— Ну да. Не защитили ведь. Ну, мы, сталкеры, хорошо к военным относимся. Сотрудничаем с ними. А вот всякие там массы...

— В гадовнике их не любят, в Москве не любят. Ох и тяжко военным, — ухмыльнулся Варяг.

— Да кому сейчас легко? Тут, в столице, конечно, своя специфика. Многое поначалу непонятно будет. Но через пару-тройку дней понимать многое начнете. Кто чем дышит, кому симпатизирует. С кем можно дело иметь, а кому без предупреждения лучше сразу пулю в череп вогнать. Короче, нормальная цивилизованная жизнь кипит. — Аксай покачал головой и невесело улыбнулся. — Добро пожаловать в Москву.

11
ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

Газпромовский комплекс высоток проплыл слева от луноходa торчащими в небо огрызками полуосыпавшихся зданий. Доехав до перекрестка, где сходились улицы Перекопская и Каховка, машина повернула налево, как и указали сталкеры, и двинулась по широкому проспекту в сторону улицы Наметкина. Справа снова тянулась вереница огромных жилых домов. Николай видел их в смотровую щель. Пустые глазницы окон, давно лишенных остекления. Вроде ту же картину он наблюдал

и в Надеждинске, но здесь все было иначе. Мрачный лик родного города давно приелся. Стал обыденным. Но здесь что-то новое. И дома эти были несравнимо больше типовых панельных пятиэтажек Надеждинска. Огромные великаны, вмещавшие когда-то в своих чревах тысячи жильцов разных возрастов, профессий, национальностей, смотрели теперь на него мертвой пустотой. Когда-то в этих окнах горел свет. Кто-то на балкон покурить выходил. Каждая квартира — свой обособленный мирок с горсткой людей, называемой семьей. Там люди жили, влюблялись, женились, ссорились, разводились, смотрели телевизор, читали книги, пеленали детишек, устраивали застолья и умирали, конечно. Смерть была всегда. Но когда она являлась лишь неизбежным концом жизненного пути человека, то это было горем для близких. А когда смерть стала единственным и окончательным решением чьих-то безумных голов, решивших погубить всех и вся, то как это назвать? Неожиданно. Массово. Глобально. В ясный летний день мир погрузился во мглу и холод. Мир погрузился в смерть. Как-то странно в этом мире выглядели они, выжившие. Странно и противоестественно. Как будто их жизнь была теперь чьей-то преступной халатностью. Производственным браком творцов апокалипсиса или бездарностью всего людского вида, который даже собственную гибель не смог окончательно довести до конца и сделать на совесть. И противоестественно смотрелся этот человек в окне. Человек в окне? Николай присмотрелся. Да, действительно, в одном из окон на седьмом этаже маячил человек. Может, это обман зрения? Может, какой-то шутник поставил там чучело? Нет. Человек пристально смотрел на луноход. Затем отошел от окна и исчез во мраке квартиры.

— Там, кажется, есть кто-то, — сказал Николай. Ему пришлось заставить себя произнести это, так как сомнения еще были. А после галлюцинаций, вызванных пси-волком, он с трудом находил в себе силы верить своим глазам.

— Где? — Варяг оторвался от перископа.

— Там. В окно кто-то смотрел. Потом ушел.

— Мародеры, наверное. Или сталкеры, — махнул рукой Аксай.

— А что, еще не все из квартир повытаскивали за столько лет? — Яхонтов взглянул на командира сталкеров.

— Да в первые годы все ютились на окраинах. Тут ведь и радиация, и все радости жизни были. Это в последнее десятилетие дальше в центр снова селиться стали. Когда ясно стало,

что за пределами Москвы мы враги для всех. Да и попробуй обшарь все квартиры в городе. Их же миллионы. Так что вполне может быть, что там был человек.

— А чем сталкер от мародера отличается? — усмехнулся Сквернослов.

— Да ничем, — засмеялся Сабзиро.

— А чем искатели от сталкеров отличаются? — задал Вячеславу встречный вопрос Аксай.

— Искатели ищут. — Сквернослов пожал плечами.

— Ну вот, искатели ищут, сталкеры берут, а мародеры воруют. — Аксай улыбнулся. — А если серьезно, то есть, конечно, разница. Мы ведь связи налаживаем между поселениями разными. Информацию собираем всякую и потом делимся с теми, кто этого достоин. С другими информацией торгуем. Людям помогаем. А мародеры чисто для себя живут.

Из переулка между двух многоэтажек выскочил снегоход и пересек проспект прямо перед луноходом. Облаченный в дубленку и меховую шапку человек, сидевший за рулем, уставился на диковинного вида машину и едва не врезался в торчащий из сугроба фонарный столб. Он сделал резкий разворот на месте и, остановившись, принялся что-то кричать в адрес лунохода. Затем сделал неприличный жест двумя руками и помчался дальше своей дорогой.

— Какое движение тут у вас интенсивное, — хмыкнул Варяг. — А пробки автомобильные есть?

— Имеются. — Аксай как-то странно посмотрел на Яхонтова и кивнул. — На Садовом кольце ближайшая.

— То есть как? — Варяг удивился.

— Да очень просто. Как стояли в пробке машины в тот день, так и остались. Во многих даже останки людей найти можно.

— Слушайте, я не пойму. — Из передней кабины послышался голос Юрия Алексеева. — А где этот человек топливо взял для своего снегоцикла?

— Да тут этого добра навалом. Просто надо знать, где искать. Бензин есть. Это транспорт ходовой в большом дефиците. А горючее найти можно. У нас тут даже умельцы есть, которые мастерят что-то вроде самогонных аппаратов и бензин в них улучшают. Октановое число увеличивают. Горючее со временем поплохело ведь. Но выход нашли.

Луноход пересек большой перекресток. На высоком столбе висел человек. Верхней одежды и обуви на нем не было. Мо-

розный ветер раскачивал мертвое тело и висящую на его шее фанерную табличку со странной надписью: «Я чурбан! Увидишь подобного мне — удави!»

— Труп свежий, — покачал головой Аксай. — Видно, где-то поблизости фашины орудуют.

— Кто? — переспросил Васнецов.

— Фашины, или, как еще их называют, фаши. Ну, фашисты. Кажись, в Древнем Риме связки прутьев такие были. Фашины. У легионов ихних. И у фашистов принцип такой. Один человек — ничто, прутик, который легко ломается, но подчиненная высшей цели стая — это несгибаемая связка. Нация. Высшая раса. У них нет личного. Имущества или проблем. Все подчинено общему духу. Все общее. Одна жизнь — мелочь; существование и процветание стаи — высшая цель. Холод собачий, а они один хрен бошки налысо бреют. Вот мозги и поотмораживали. Кавказцев и азиатов ненавидят.

— За что?

— Ну, за это и ненавидят. За то, что кавказцы и азиаты.

— Да чего греха таить. Не все так просто, — вздохнул Армаген. — Раньше каких только этносов в Москве не было. Но только одни плитку тротуарную клали, работали, как могли, там, где москвичам работать западло. Не от хорошей жизни приезжали ведь. А другие этнические банды сколачивали. Страх на людей наводили, насаждая порядки свои бандитские. А что телевидение в былые времена творило! Вот в девяностые годы прошлого века как баран приезжий что-нибудь натворит, так все раз десять в криминальной сводке покажут. Будто десяток таких преступлений совершено. И акцент на этом делали. Дескать, вот сука какая, лицо кавказской национальности или залетный из Средней Азии. И еще смаковали так. В людях русских злобу сеяли. А потом в начале века все перевернулось вдруг. Где-то нашли труп нерусского и стали со всех экранов орать: караул, русские фашисты! Даже не разобравшись, кто и по какой причине убил. Стали страх на инородцев наводить. И злобу, конечно. Вот на хрена так делали? До того дошло, что если русский прилюдно скажет, что он русский, а не россиянин какой, то его сразу фашистом называли. Вот когда мы студентами были, случай с нами произошел. Несколько кавказцев сокурсницу нашу изнасиловали. Да так, что ей что-то удалить там пришлось в больнице. Бесплодной она стала. Она, конечно, тоже дуреха. Они на тачке шикарной подъехали, подвезти пред-

ложили. Она и согласилась. Но разве это дает им право? Так мы с Сабитом и Аксаем гнид этих нашли и так отделали, что один подох в реанимации. Нас, слава богу, не поймали. Да и папа у Аксая шишка в ментовке был. Но вони по телевизору было! Русские фашисты! Караул! Демократия в опасности! Да какие русские фашисты, если я армянин, Сабзиро татарин, а этот из терских казаков? Хоть и русский, но злой, как горец. И такое ощущение, что народы или специально стравливали, или по тупости и недальновидности. Ну, если кто-то в чем-то виноват, то пусть его покарают, а зачем такой кишмиш разводить? А если в том мире все как-то худо-бедно держалось при помощи милиции, то когда ядрена началась, то и эта пороховая бочка рванула. В Москве этнические чистки начались. Кавказская мафия править пыталась в городе. Резню учинили. Славяне искали виноватых в закладке фугасов среди нерусских. Тоже резня пошла. Все старое дерьмо всплыло. Вот и этот, что на столбе висит, может, и не виноват ни в чем. Но попал к фашинам, все, привет. Да что я вам объясняю тут? Неужто вы на другой планете жили? Да всюду так было. Просто у нас все как-то острее проявлялось. Москва — это город денег и возможностей был. Посему сюда и стекались отовсюду приезжие. И намерения у них разные были. И такие вещи тут имели, да и сейчас имеют, особый колорит. Каждый народ имеет свои особенности, менталитет и традиции, зачастую непонятные другим, и большая ошибка красить всех одним цветом в наивных попытках тем самым предотвратить межнациональные противоречия. Но еще большей ошибкой является мнение, что народы с разными традициями и историей должны непременно враждовать.

— А разве эти фашины не являются теми самыми русскими фашистами? — спросил Яхонтов. — Ты говорил, что это все телевидение придумало.

— А ты поди разбери. Тут есть всякие фашисты. Да и раньше были. И славянские, и кавказские, и еврейские. Просто называются по-разному. Главное — ненавидеть других. И есть кому подражать в этой ненависти, вспомним хотя бы Гитлера. Ненависть — одно из устойчивых человеческих качеств. И в любом народе есть такие элементы. Но к счастью, есть и другие. Как мы. Как вы. Но вражда является одним из ярчайших проявлений жизни во всей красе. В этом я давно убедился.

Юрий Алексеев повернулся и, глядя в кабину с пассажирами, слушал. Когда Армаген замолчал, он покачал головой.

— Давным-давно в Индии жил один мудрый человек, Махатма Ганди. Однажды он сказал одну умную вещь. Если следовать принципу «око за око», то мир ослепнет, — произнес космонавт. — Это к слову о вражде.

— А вот вышло так, что навраждовались. Ослепли либо зрячими и не были, — вздохнул Аксай. — Это в цивилизованном обществе мир прекрасен в своем разнообразии и многогранности. Но видимо, наш погибший мир цивилизованным не был, ежели закидать его пришлось ядерными бомбами. Никто не хотел разнообразия и пестроты. Все хотели, чтобы все кругом было одинаково. По их разумению. Одни хотели, чтобы всюду царили законы их племени. Другие хотели, чтобы весь мир понимал демократию именно так, как они. Третьи хотели, чтобы их суверенитет никто не трогал, и во имя этого готовы были посягнуть на суверенитет всего мира. Каждый хотел мир окрасить в один, сугубо свой цвет, вот и окропили его кровью. Одним цветом.

— Может, снимем его, а? — Васнецов провожал взглядом раскачивающийся на ветру труп.

— Это может быть ловушкой. Будем его снимать, и нас снайпер ихний сам снимет. Да и все равно ему уже, — махнул рукой Сабзиро.

Луноход приближался к очередному большому перекрестку. Хорошо был виден черный дым, валивший из здания, находящегося на углу этого перекрестка, слева от направления движения машины. Раньше это здание было явно не для жилых нужд. Об этом говорила и надпись из красных букв. Первое слово было, очевидно, «Фитнес». Хотя буква «е» отсутствовала, но другое слово подобрать было трудно. Буквы располагались вертикально. Сверху вниз. Из большинства окон вырывались языки пламени, которые венчал едкий дым, уходящий по наклонной вверх, к густым облакам.

— Я тут когда-то мойщиком стекол подрабатывал, — кивнул на горящее здание Армаген. — Бывало, трешь щеткой стекло и смотришь, что внутри. А там такие девочки на велотренажерах! Аж дух захватывает! Вспотевшие от нагрузок. Сосочки торчком, казалось, что сейчас их спортивную одежду проткнут и наружу! А тренер, скотина такая, ходит и за ляжки их щупает. Мол, еще тренировать надо. А сам щупает и щупает, подлюга.

— Заткнись, — усмехнувшись, поморщился Сабитов. — Еще одно слово про девочек, и я сам тебя щупать начну. Пойди амазонкам эту историю расскажи.

— А почему горит? — спросил глядящий на дым Сквернослов.

— Да черт его знает. — Армаген пожал плечами. — Может, там кто привал устроил и костер разжег для согрева. Или бой там был. Причин уйма может быть. Стоит только за огнем недоглядеть, и все. Пожарных ведь нет в наше замечательное время. Так и будет гореть. Тут много сгоревших зданий. Причем не все сгорели от ядерных ударов.

Луноход пересек Профсоюзную улицу и двигался по улице Наметкина. Справа виднелось очередное большое здание. Казалось, оно было полуразрушено, но два опрокинутых на это здание башенных крана говорили о том, что оно просто не достроено. Внутри лишенных внешних стен этажей в нескольких местах виднелись какие-то всполохи.

— Черт, да там, кажется, стреляют, — озабоченно проговорил Варяг, глядя на это строение в перископ.

Взглянув в смотровую щель в правом борту машины, Аксай кивнул.

— Да, перестрелка в здании.

— А кто с кем?

— А черт их знает. Этот район нейтральный. Его никто не контролирует. Кое-где в подвалах одиночки прячутся, и все. Так что это может быть кто угодно.

— Дальше еще пожар! — крикнул из передней кабины Андрей Макаров.

— Это супермаркет. — Акасай кивнул.

— Что-то жарковато тут у вас, — с тревогой в голосе произнес Яхонтов.

— Ну, ты ведь сам недавно жаловался, что никаких признаков жизни не видно. Вот, любуйся на здоровье.

Когда луноход миновал горящее здание супермаркета, путешественники увидели лежащие в снегу шесть обезглавленных тел, которые объедали взъерошенные собаки.

— Господи! Им же бошки отрезали! — воскликнул Сквернослов.

Чуть дальше виднелись торчащие из снега колья, на которые были насажены отделенные от тел головы.

— Кто такое мог сделать? — с дрожью в голосе пробормотал Николай. — Тоже фашины?

— Да нет, — вздохнул Барс. — У нас это дело любят совсем другие люди.

Возле кольев с головами на белом снегу кровью была выведена надпись: «Смерть неверным».

Два пса стали тянуть одно из тел в сторону от остальной голодной стаи, и в этот момент грянул взрыв, разметавший и тело, и собак, и большие комки грязного кровавого снега.

— Дьявол, что за черт! — воскликнул Яхонтов.

— Они трупы убитых ими людей минировать любят, — спокойно ответил Аксай и, тронув рукой спину водителя, добавил: — Эта штука быстрее ехать может? Эти головорезы запросто могут всадить по нам из гранатомета. Они могут быть еще поблизости.

Макаров не заставил повторять дважды. Луноход увеличил скорость почти вдвое. И хотя космонавты старались не выжимать максимум скорости из машины, чтобы не увеличивать ее износ, в этих обстоятельствах сокращение времени до следующего ремонта было меньшим из зол. И обезглавленные тела людей были самым красноречивым доказательством правильности увеличения скорости лунохода и желания поскорее убраться из этого жуткого района.

Машина быстро достигла Т-образного перекрестка, за которым виднелись остатки деревьев Воронцовского парка. В глубине парка была видна вереница медленно бредущих людей с большими вязанками дров за спиной. Николай вспомнил свой последний поход за дровами, окончившийся гибелью Гуслякова и ранением Казанова. Стало совсем тоскливо. Он тосковал по своей привычной жизни в подвале Надеждинска, которая кончилась с появлением этих странных молчаливых космонавтов.

Потрясенный увиденным, Сквернослов медленно мотал головой.

— Зачем же головы резать?.. — бормотал он, обращая свой вопрос в никуда.

— Армаген говорил, что у каждого народа свои традиции, — усмехнулся Аксай, — вот вам, пожалуйста. У некоторых есть и такие. Там дальше, на улице Пилюгина, притормозите, я покажу где. Там дозор у фашистов. Надо им сказать, что тут духи в районе. Пусть облаву устроят.

— Я не понял, вы с фашинами в союзе? — удивился Яхонтов.

— Общаемся. Мы со всеми общаемся. Мы же сталкеры. Подкину им информацию.

— Но вы же сами только что говорили о вражде. О том, что это плохо! — Варяг негодовал.

— А как ты хотел? С волками жить, по-волчьи выть. Ничего дурного в том, что мы руками фашистов подчистим Москву от всяких тварей, не вижу.

— И они, послушав тебя, пойдут устраивать облаву! Они же не будут разбирать, кто духи, а кто нет! Всех, кто под руку попадет, на столбах развешают! А если бы им попался ваш товарищ Армаген? Вы что же это творите?

— А Армаген сам фашист, — засмеялся Сабзиро, — глянь на каску его.

— Чего ты ржешь, Сабитов? — Яхонтов уставился на сталкера. — Ты же татарин, они и тебя повесят за милую душу!

— А у меня внешность славянская. — Сабзиро невозмутимо пожал плечами. — Среди фашистов и татары есть.

— Слушай, мил человек. — Аксай приблизился к Яхонтову. — Ты чего это расшумелся? Предлагаешь все оставить как есть? Эти звери обезглавили людей — и ладно? Пусть живут?

— Но ведь ты сам потакаешь той вражде, которую недавно проклинал. Хочешь избавиться от бандитов, давай развернемся и сами их поищем. Трупы свежие. Головорезы недалеко. Верно?

— Мы сталкеры, а не чистильщики. Это не наша работа. Я же говорил тебе. Наш столичный колорит будет вам поначалу непонятен. Потом многое поймете. А сейчас успокойся. Просто так надо.

Варяг зло посмотрел на командира сталкеров, затем обратился к Армагену:

— А ты чего молчишь, Хачикян?

— А я согласен с Аксаем. Надо дать фашам наводку на духов. Если хочешь знать, среди кавказцев и азиатов в Москве есть отряд «Ирбис». Они ловят своих земляков за преступления перед местными и отдают их на расправу чистильщикам, казакам, черносотенцам и даже фашинам. Сами очищают свои расы от всякого отребья.

— А братья-славяне свою расу от отребья очищают? — язвительно заметил Варяг.

— Очищают, — кивнул Аксай. — Тут у нас чистильщики-истребители и казаки, что-то вроде полиции. Они и очищают. Тормози у этого дома! — Сталкер хлопнул по плечу сидящего за рулем космонавта.

Высокое жилое строение стояло торцом к дороге. Барс и Аксай выбрались из лунохода через шлюз и отправились к этому дому.

— Неправильно это все, — вздохнул Яхонтов, глядя им вслед. — Ой как неправильно.

— Да ладно. Лучше всего со зверьем может справиться только зверье. Пусть фашисты порезвятся, — махнул рукой Сабзиро.

— Знаешь, когда Гитлер напал на нашу страну, в Советском Союзе были такие, кто был обижен на тогдашнюю власть. Они, наверное, тоже любили родину и свой народ, но грузина Сталина, мингрела Берию и евреев-комиссаров считали зверьем и потому помогали оккупантам. А оккупанты жгли города и деревни. Убивали и насиловали. Всех. И женщин, и детей, и стариков, и русских, и нерусских. Но это все ерунда. Главное, пусть фашисты порезвятся. Так?

— Слушай, Варяг, я же говорил. Здесь есть и нерусские фашисты. Это в некотором роде баланс сил, — начал говорить Армаген.

— Баланс сил? Баланс сил, говоришь? И этот баланс достигается взаимным истреблением? Давным-давно в мире существовал баланс сил. И этот баланс заключался в ядерных боеголовках ведущих держав мира. Ну и что вышло? Ты об этом балансе? А о каком балансе сил думали те, кто нажал на кнопку? А? Знаешь, Армаген, те отморозки, что режут головы, это волки. Фашины тоже волки. А вы, все остальные, просто бараны.

— Ну а ты что предлагаешь?! — не выдержал Хачикян и тоже завелся.

— Я предлагал вернуться, найти и убить духов. А фашисты сейчас устроят просто охоту на ведьм.

— Да бред это, понял? Мир таков, и мы должны поступить именно так, как сказал Аксай! Так устроен мир, понимаешь?!

— Мир таков, каким мы его делаем. И только. А вы руки умываете. Один такой умный руки уже умыл. И Христа после этого распяли, между прочим.

— Я мусульманин, — равнодушно пожал плечами Сабитов.

— А ты Коран открой и почитай повнимательнее. Может, найдешь упоминание о пророке по имени Исса? Угадай, кто это.

— Где я Коран найду? Я только про Мухаммеда слышал. А что за пророк Исса?

— Это и есть Иисус!

Николай слушал этот спор и чувствовал, как у него начинает болеть голова. Он не понимал сути этого спора. Не мог понять, кто тут прав, хотя его знакомство с Варягом с самого детства, конечно, могло послужить к принятию точки зрения Яхонтова, но Васнецов отчего-то не мог согласиться ни с кем из спорящих. Сейчас Варяг говорил как ярый противник убийств, но совсем недавно он хладнокровно расправился с людьми в старом вагоне, что в свою очередь привело к убийству невинной больной девушки. И убил ее он, Николай. Тогда Яхонтов, успокаивая его, говорил что-то о необходимости. О грядущих жертвах на их пути, но почему сейчас ему не остаться при той точке зрения? Что, если и тут у этих людей необходимость? Ведь они действительно ничего не знали о том, как живут люди в Москве. И идея вернуться и устроить охоту на головорезов была противоречивой. Васнецов хотел уже было напомнить Яхонтову об их важной миссии, которая не позволяет отвлекаться на посторонние события. Однако он решил промолчать, помня наказ командира не упоминать о путешествии на Аляску и про их странный вездеход говорить, что это машина, сделанная до войны по заказу одной крупной нефтедобывающей компании для геологоразведчиков в Сибири, а никакой не луноход. Николай промолчал, но его непонимание мотивации сталкеров и Яхонтова только крепло.

— В Коране есть Иисус?

Сабитов удивленно посмотрел на Армагена. Тот в ответ улыбнулся:

— Конечно есть. Только он там не Сын Божий, а пророк. Все религии имеют общие корни. Как и люди. Я же говорил, что все люди братья. — Хачикян похлопал Сабзиро по плечу.

— А фашисты и эти ваши духи тоже братья? — мрачным голосом спросил Сквернослов.

— Само собой. Только они братья, как Каин и Авель. Да если посудить, и те и другие живут стаей и ненавидят тех, кто на них не похож. Ну чем не братья? Но как Каин и Авель, — повторил эти странные имена Армаген.

— А кто это, Каин и Авель? — поинтересовался Николай.

— Э, брат, ты совсем необразованный. Это дети Адама и Евы. Один другого убил. Вот с тех пор и воюют люди.

Во дворе стоявшего к ним торцом здания показалась группа людей в белых маскхалатах с черными свастиками на рукавах.

Их было девять человек. У всех оружие. Винтовки и автоматы с короткими стволами. И у каждого на поясе висела полуметровая пика, сделанная из прута стальной арматуры, один конец которой был заострен, а другой обмотан изолентой, чтобы держать удобнее. Их лица скрывали черные вязаные маски с прорезями для глаз. Они прошли в ту сторону, откуда прибыли путешественники, и, проходя мимо лунохода, бросали на него любопытные взгляды.

Вскоре появились и Аксай с Барсом. Варяг помог им пробраться через шлюз, и те расселись на свои места.

— Армаген, тебе привет от фашистов, — усмехнулся командир сталкеров. — Они просили отдать им твою каску, когда тебя убьют.

— Пошли их в следующий раз на хрен.

Дальше долгое время ехали молча. Яхонтов продолжал злиться на сталкеров за их, по его мнению, неправильное решение спровоцировать фашистский рейд в том районе. Сталкеры сосредоточенно смотрели на город, видимо ловя взглядом возможные изменения, произошедшие за время их недолгого отсутствия в Москве. Космонавты вообще всегда молчали. Видимо, годы, что они были в пути, сказались на их общительности не лучшим образом. Вячеслав сидел, прикрыв глаза, то и дело мотая головой. Вся его веселость куда-то пропала. Он, судя по всему, думал о погибшей Алене. Николай поочередно, то одним виском, то другим прижимался к холодному стволу автомата, чувствуя, что это хоть немного помогает усмирить головную боль.

Луноход уже проехал по улице Вавилова, миновал улицы Панферова и Строителей, пересек Ломоносовский проспект, выйдя на Коперника, и по проспекту Вернадского подъехал к Лужнецкому мосту, проехав перед этим под мостом улицы Косыгина. Косыгинский мост был в плачевном состоянии. Сверху угрожающе свисали на деформированных арматурах огромные куски бетона. Вместе с этими кусками нависал разбитый бронетранспортер и несколько легковушек, которые когда-то провалились и так и висели, словно предупреждая об угрозе. Путешественникам пришлось прибавить ход, чтобы миновать опасное место. Всюду по пути они видели пустые дома, многие из которых уже подавали признаки скорого обрушения. Испещренные трещинами, со следами пожаров, гра-

бежей и стрельбы, они возбуждали самое пессимистическое настроение в путешественниках. Кое-где среди домов были видны группы людей. Кто-то тянул куда-то сани, груженные дровами и различным имуществом. Кто-то, также на санях или просто волоком, тащил в неизвестном направлении мертвые тела. Возможно, это были похороны. У Лужнецкого моста никого не было видно. В начале моста из снега торчал перевернутый автобус и уткнувшийся в парапет пожарный ЗИЛ. Вдалеке, на льду Москвы-реки, были видны проруби и много мусора вокруг.

— Воробьевы горы слева от нас, — сказал Аксай.

Сидевший за рулем Макаров остановил машину и посмотрел в указанном направлении.

— А где университет? — спросил он.

— Нет его давно. Разрушен, — ответил сталкер. — Ну что, куда вам дальше?

— А вам куда? — вопросом на вопрос ответил Андрей.

— Нам на стадион. Вон он за рекой, видите? Лужники. Неплохо сохранился. Там и живем. Там много сталкеров с семьями обитает.

— Мы вас подвезем, — ответил космонавт, и луноход снова тронулся с места. — Дальше дорогу знаем.

— Может, в гости к нам заскочите? — поинтересовался Армаген. — Будем рады. Погостите денек-другой. Куда вам спешить?

— Так вы же обратно в лес собирались. — Яхонтов взглянул на Хачикяна.

— Ну, не сразу ведь.

— Погостим. Но потом. В другой раз. Спасибо, что пригласили. — Варяг кивнул.

Луноход стал подниматься на мост. Он был целым, но годы подтачивали его, и тяжелый пласт снега давил на его поверхность. Однако следы лыж и снегоходов говорили о том, что им пользуются до сих пор. И возможно, он выдержит легкий, сделанный из передовых для своего времени композитных сплавов луноход. В некоторых местах край моста был обрушен. Николай смотрел на грязный лед Москвы-реки. Снега на нем было почему-то мало. Зато в изобилии хватало каких-то бурых мазков непонятной грязи. Много различного мусора. У набережной из речного льда вертикально торчал микроавтобус, наполовину скрытый в водах Москвы-реки. Возле прорубей копо-

шилась группа людей. Возможно, они добывали рыбу. Во всяком случае, Николаю подумалось именно это. Вдруг люди уставились на мост, и Васнецову подумалось даже, что они смотрят именно на луноход. Однако через несколько секунд выяснилось, что это не совсем так. В районе очередного обрушения мостового полотна вырвалась странная черная туча. Люди у проруби бросились прочь, а черная туча, подобно огромному рою пчел, стала клубиться у моста, все увеличиваясь в размерах и вытягивая невесомые черные щупальца в сторону убегающих людей.

— Что это? — Яхонтов взглянул на сталкеров.

— Выброс, — ответил Аксай. — Под нами второй ярус. Это метромост. Там стекла ударной волной повыбивало. А в метро, говорят, иногда какие-то подземные ветры бушуют. Вот в такие моменты происходит выброс. Через такие пробоины выдувает радиоактивный пепел. Он до сих пор очень опасен. Там черт-те что намешано.

— Это точно, — вздохнул Барс. — Там и раньше проблемы были. В метро ведь воздушные фильтры должны быть. Они там и наличествовали. И в былые годы справлялись с потоком пассажиров. Но когда Союз развалился, хлынули все и отовсюду в Москву. Пассажирские перевозки возросли с ростом населения и нелегалов. А фильтры все те же самые. Они были рассчитаны на количество людей в пять раз меньше. Вот и культивировались в трещинах и под всякими панно микробы. Там что хочешь. И туберкулезные палочки, и дизентерийные микробы, вирусы разные. Все, чем болел человек и что воздушно-капельным путем передается, копилось в укромных местах метро. А потом ядерная атака. Вот и выдувает периодически гремучую смесь из всяких дыр.

Туча отлетела от моста и стала медленно оседать на лед реки.

Машина наконец пошла на спуск. Слева проплывало огромное здание главного стадиона бывшего спорткомплекса Лужники. На спуске было видно много крыш легковушек, торчащих из-под покрывающего мост снега. Еще больше машин и автобусов было внизу, на стоянках возле длинных полуразрушенных рыночных павильонов. Многие были припорошены снегом. Другие нет. Видимо, кто-то раскапывал их в надежде чем-нибудь поживиться. Во многих машинах зияли старые пулевые отверстия.

— Мы сюда, на рынок, с женами ходили перед отлетом, — сдавленным голосом проговорил космонавт Юрий. — Как ужасно...

— Тут в первые дни бойня была страшная, — вздохнул Армаген. — Это когда чистки этнические начались. Столько людей полегло. Трупы потом в реку сбрасывали. Чтоб эпидемия не началась. Лето. Жара. Черт, сейчас бы эту жару.

Луноход продолжил путь к стадиону через остовы ржавых транспортных средств, кучи какого-то хлама, игравшего, видимо, роль баррикад, и через аллею, где когда-то росли деревья, уже давно срубленные и сожженные для согрева жилищ.

— А Краснолужский мост цел? — спросил Андрей Макаров.

— А там их два, — ответил Армаген. — Тот, что большой, давно обрушен. Малый еще цел. Можете по нему ехать. Только там блокпост. Но это ничего. Это наши там. За пять патронов от калашника пропустят без вопросов. — Хачикян вынул из кармана горсть патронов и протянул их Яхонтову. — Держи.

— Да зачем? У нас есть.

— Бери-бери. Вы же подвезли нас. Мы бы трое суток, наверное, добирались. Бери. На блокпосту заплатишь за проезд. Но если успеем, то сообщим им по рации про вас, чтоб вообще без заморочек дорогу вам открыли.

— Спасибо. — Варяг кивнул.

— Ближе к стадиону подъезжать не надо. Панику своим танком наведете. Мы тут выйдем, — произнес Аксай. — Имейте в виду, придете в гости, будем рады. В этом районе нас все знают. У любого спросите.

— Был рад знакомству. — Армаген улыбнулся. — Вы уж не серчайте, ежели что не так. И за ту историю с пси-волком.

— Ну, вы, ребята, тоже зла не держите, — кивнул Яхонтов, — особенно ты, Сабзиро. Прости, что я тебя прикладом...

— Да ничего. Я привык уже.

Они сухо, без лишних эмоций попрощались, и сталкеры покинули луноход через аппарель.

— Даже жаль как-то расставаться, — вздохнул Сквернослов. — Хорошие ребята оказались.

Луноход стоял некоторое время, и путешественники провожали взглядами эту колоритную четверку, затем наконец машина тронулась с места.

— Что дальше? — спросил Яхонтов у космонавтов.

— Едем к Киевскому вокзалу. Недалеко уже, — ответил Алексеев.

— А зачем нам туда, может, все-таки объясните?

— Надо, — угрюмо ответил Юрий.

Сталкеры не обманули. Они успели связаться с блокпостом. Подъехав к малому мосту, путешественники обнаружили, что шлагбаум там поднят, и из бойницы выложенного мешками и накрытого бревнами блокпоста луноходу только махнули рукой, давая понять, что они могут ехать без остановки. Луноход продолжил свой путь по мосту, обрамленному дугообразной поддерживающей конструкцией из покрытой ржавчиной стали.

12
МЕТРОПОЛИТЕН

Вереницы железнодорожных вагонов и цистерн тянулись слева от лунохода. Унылое зрелище заброшенности и нелепые напоминания о былой жизни. Вагоны, цистерны и локомотивы были утоплены в снегу. Многие из них, судя по сгнившим мешкам с песком и баррикадам из различного мусора, были когда-то превращены в опорные точки для обороны от кого-то. Некоторые такие опорные вагоны были сожжены или взорваны. На иных были видны отметины от выстрелов разного калибра. Ветер гонял среди этого мрачного пейзажа снежную пыль и обрывки бумаг да полиэтилена. Из дыры в крыше опрокинутого грузового вагона глядела взъерошенная голова большой собаки. Она смотрела безумными глазами на странную машину и едва заметно раскачивала головой, отчего длинная тягучая слюна, свисающая с челюсти зверя, колыхалась. Собака запрокинула вдруг голову и завыла. В луноходе этого слышно не было, но в смотровые щели, лобовые окна и перископ это мог увидеть каждый. На звериный зов сбежалось несколько десятков диких собак различных пород и размеров. Они стали подбегать к луноходу и яростно лаять, показывая жуткий плотоядный оскал. Звери сопровождали путников, изрыгая угрозы в адрес машины, на протяжении примерно трехсот метров, пока вдруг из очередного вагона не ударила яркая и горячая струя огнемета. Восемь псов было сожжено сразу же. Еще пять или шесть, объятые пламенем, бросились в разные стороны. Остальные кинулись к вагону, и их встретила еще одна струя. На крыше показались два

человека в теплых поношенных комбинезонах и масках от пожарных дыхательных аппаратов. Они накинули большую сеть на столпившихся у вагона выживших собак. Еще два человека выскочили из тамбура, откуда до этого бил огнемет. Один из них потянул специальные веревки и замкнул эту ловушку для зверей. Другой принялся яростно бить по этой живой дикой массе, попавшей в сети, двухметровым обрезком ржавой тонкой трубы. Грязный снег у вагона быстро окрашивался в алые тона. Люди не обращали никакого внимания на луноход. Машина удалялась от места бойни. Николай успел заметить, что люди стали собирать убитых собак в мешки. Это было несколько странно. Зачем собирать трупы собак? Хотя Васнецов слышал раньше истории от вернувшихся из глубоких рейдов искателей о том, что во многих местах люди едят собачатину. Чему тут удивляться, если люди даже иногда едят и людей?

Машина приближалась к зданию Киевского вокзала. Путешественники не сразу поняли, что́ с этим зданием не так. То, что оно почти все разрушено, было очевидно, но что-то в виде этих разрушений очень сильно бросалось в глаза своей неуместностью.

— Да это же самолет! — воскликнул Варяг.

Он оказался прав. Огромный пассажирский лайнер упал когда-то, врезавшись прямо в здание вокзала. Теперь над руинами высился гигантский хвост самолета, всюду валялись его обгоревшие обломки, среди руин виднелись кресла, куски фюзеляжа с дырами иллюминаторов и покореженная турбина.

— Почему он упал? — спросил Вячеслав.

— А кто его знает. Может, сбили. Может, электромагнитным импульсом приборы из строя вывело. — Яхонтов пожал плечами. Он внимательно посмотрел на вертикальное хвостовое перо, на котором еще можно было различить фрагменты какой-то эмблемы. — Авиакомпания, кажется, не наша.

— Да какая теперь разница, — угрюмо пробормотал ведущий машину Андрей.

— Слушайте, мужики. — Яхонтов обратился к космонавтам. — Вечереет уже. Может, расскажете, куда и сколько нам еще ехать?

— На Бородинскую улицу. Тут совсем рядом. Скоро, — как-то странно вздохнул Алексеев.

Васнецов посмотрел в их сторону. Он только сейчас стал понимать, что, с тех пор как их команда оказалась в Москве, эти

двое становятся все более и более странными. Раньше они были как-то более общительны. И между собой иногда переговаривались. Но теперь они все больше и больше уходят в себя, причем когда Николай видел их лица, а не затылки, то он отчетливо читал на этих лицах растущее напряжение. Было очевидно, что и пытливый, натренированный в различных рейдах ум Яхонтова тоже уцепился за очевидную метаморфозу в этих людях. Конечно, космонавты были и без того нелюдимыми и малоэмоциональными людьми, чтобы заметить явные перемены в них, но только не тогда, когда они постоянно на виду.

Разрушенное здание Киевского вокзала, как и останки авиалайнера, проплыло справа от лунохода, и теперь слева тянулись величественные руины бывшего торгового комплекса «Европейский». Возле покореженной сетчатой конструкции из металлических трубок из снега торчал огромный стенд для уличной рекламы. Естественно, никакой рекламы на нем уже давно не было, зато красной краской, словно кровью, на стенде красовалась надпись: «ВНИМАНИЕ! СТАНЦИЯ МЕТРО „КИЕВСКАЯ"! ОПАСНО!» Метрах в ста или более от этой надписи, в центре площади, из останков легковых автомобилей и автобусов было выстроено что-то вроде крепости. Крепость соорудили в кольце из погнутых ржавых флагштоков. На покрывающем площадь снегу было множество человеческих следов, однако самих людей нигде, даже у крепости, видно не было. Зато рядом с предупреждающей табличкой лежал обглоданный человеческий труп, вокруг которого копошились крысы.

Оказавшись на Бородинской улице, луноход двинулся к четырем высоткам, плотно примыкающим друг к другу диагоналями и стоящим в одну линию уступом. Во дворе когда-то был сквер и рядом невысокое «П»-образное здание с расположенным перед ним футбольным полем, о чем говорили торчащие из неглубокого в этом районе снега ржавые ворота.

— Они уцелели, Юра! — дрожащим голосом воскликнул Макаров, глядя на четыре дома. — Они еще стоят!

Луноход остановился перед второй высоткой, и космонавты вдруг выскочили из машины.

— Мужики, вы чего! — воскликнул Яхонтов. — Куда?!

Космонавты неуклюже семенили в своих скафандрах к чернеющей пасти лишенного двери подъезда дома.

— Варяг, да у них башню снесло! — крикнул Сквернослов.

— За ними! — скомандовал Яхонтов.

Аппарель откинулась, и путники бросились следом за космонавтами. Николай бежал последним. Он вдруг понял, что произошло с Алексеевым и Макаровым. Он понял, почему они бросились в это здание, забыв обо всем. Это был их дом. Оказавшись в подъезде, он некоторое время ничего не видел, пока глаза не привыкли к полумраку после белого снега. Он слышал только шуршание скафандров наверху и шаги своих товарищей на ступеньках. Васнецов сделал несколько неуверенных шагов, ища ногой ступеньки, пока наконец не стал различать детали в полумраке подъезда. На ступеньках было много пыли и различного мелкого мусора. Он неприятно хрустел под ногами. На втором этаже было светлее из-за выбитого окна. Можно было разглядеть различные надписи на обшарпанных стенах: «Света, я тебя люблю!», «Мариночка! Если ты жива, иди на Каховку к бабуле! Мы там!», «Борзов, ты чмом был, чмом и подохнешь! Я тебя, сука, найду!», «Витя, Кольку убили! Мы уехали в Кубинку к деду. Там его похороним. Ждем тебя. Молимся за тебя!», «Сурен, боеприпасы к твоей шайтан-трубе в подвале Лехиного дома. Место отмечено знаком солнца. Отомсти за нас!», «Дмитрий! Ты был прав, но в одном ошибся. В метро никто не спасся. Артем», «Welcome to HELL!!!».

Отсчитывая ногами ступени, Николай с каким-то благоговением читал эти надписи, нацарапанные острым предметом или написанные красками разных цветов. Короткие фразы, в которых умещались целые судьбы и жизни. Весь трагизм происшедшего много лет назад и призрачная, скупая надежда тех, кто это писал. Или ненависть. Николай бросал мимолетные взгляды и на дверные проемы квартир. У многих двери отсутствовали или были распахнуты и трещали да поскрипывали, раскачиваясь от сквозняка. Васнецов старался не думать о людях, которые тут когда-то жили. Он знал, что эти мысли способны унести далеко от действительности, способны заставить забыть о таящихся вокруг опасностях и погрузить в безграничную боль за утраченную жизнь и безысходное будущее. Он знал об этом, ибо в детстве тайком выходил из своего подвала и часами бродил по заброшенным домам Надеждинска, не столько для того, чтобы найти там что-то стоящее, сколько чтобы ощутить это странное, ни с чем не сравнимое чувство абсолютного одиночества, взирая на брошенные жилища и серое небо в окнах. В детстве такие ощущения будоражили разум, возбуждали фантазию, дарили неописуемую радость от возвращения в родной

подвал, к лицам знакомых людей. Но сейчас было все не так. Сейчас было страшно. По-настоящему страшно.

На четвертом этаже Николай наконец смог остановиться. Юрий Алексеев сидел на полу в прихожей полностью выгоревшей и лишенной двери квартиры. Он прикрыл глаза ладонью, и по вздрагиваниям его плеч можно было понять, что он плачет. У двери соседней квартиры стояли Сквернослов с Варягом и молча смотрели, как внутри мечется в поисках неизвестно чего Андрей Макаров. В его квартире не было пожара. Там вообще ничего не было. Даже паркет и обои давно выдрали.

— Ольга! — заорал вдруг он отчаянно. — Ульяна! Ольга! Ульяна! — Он вопил все сильнее и сильнее и, сжимая кулаки, в отчаянии бил себя ими по выбритой голове. — Оля!!! Оленька!!! Уля!!! Дочка!!!

— Андрей, — тихо проговорил Варяг. — Андрей! — повторил он громче, видя, что космонавт не обращает на него внимания. — Что вы ожидали тут увидеть? На что, извини, надеялись? Вы же сами говорили, что всюду так. Вы же полмира прошли, и всюду так. Что вы хотели увидеть?

— Полмира! Полмира прошли! Ради этого!!! — Макаров упал на колени и стал в кровь разбивать свои кулаки об пол. — Ради этого! Полмира прошли! Ради вот этого! Оля! Ульяна! Девочки мои! Нет! Не-е-ет! Ну почему? Почему-почему-почему?

Николай до боли прикусил губу, глядя на бившегося в страшной истерике Макарова и сдавливающего свои эмоции тихим плачем Алексеева. Двадцать лет они жили какой-то надеждой. Как их разум позволил этой надежде теплиться, после того что они видели? Как в таких условиях можно было надеяться увидеть свои семьи? Да и вообще на что-то надеяться. И какая все-таки это страшная и беспощадная штука, надежда. Циничная и злая. А может, надежда тут ни при чем? Может, надежда как раз помогла им выжить и пройти этот невероятный путь к дому? Но жестокая и циничная не она, а правда? Беспощадная действительность их мира...

Васнецов вздрогнул от собственного движения. Это было движение руки, приведшей флажок автомата в положение стрельбы короткими очередями и передернувшей затвор. Он сделал это машинально, как только до его слуха донесся звук медленных шагов. Кто-то неторопливо поднимался к ним.

Услышав щелчок, Варяг и Вячеслав уставились на Николая. Они вполне могли подумать, что ему взбрело в голову застре-

лить бившегося в агонии Макарова. Но это было бы полной дикостью, даже если такая идея могла прийти в голову из соображений милосердия. Поймав на себе взгляды товарищей, Николай молча указал пальцем вниз. Яхонтов и Сквернослов сразу все поняли и приготовили свое оружие. Варяг прикрыл металлическую дверь, чтоб хоть немного приглушить крики Макарова.

Шаги приближались раздражающе медленно. Кто-то совсем не торопился. Может, это старый или уставший человек? Но зачем ему подниматься в разграбленный и пустующий дом? Секунды ожидания казались невероятно долгими, пока наконец Николай не увидел поднимающегося человека в серой, изъеденной молью шинели, кирзовых сапогах и серой форменной шапке с вмятым следом от давно утерянной кокарды. Нижняя часть его лица была перемотана шерстяным шарфом, глаза спрятаны под круглыми сварочными очками, чьи черные стекла были подняты вверх. В скрытых шерстяными перчатками руках он держал АКСУ с двумя перемотанными белым пластырем рожками. Васнецов прицелился. Почувствовав это, человек остановился и медленно поднял голову. Теперь было видно, что из-под шарфа торчит седая неаккуратная борода старика. Он осторожно поднял одну руку, показывая жест дружелюбия, и оттянул ею шарф ото рта.

— Здрасьте, — хриплым и усталым голосом проговорил он. — Это ваша машина на улице?

— А ты кто? — Варяг спустился на пару ступенек и держал оружие наготове.

— Я? — Незнакомец как-то по-смешному пожал плечами и ответил: — Я милиционер.

— И что, ты нам штраф за неправильную парковку выписать решил? — Яхонтов усмехнулся.

— Ну шутник. — Незнакомец усмехнулся в ответ беззубой усмешкой. — Я говорю, чего вы ее без присмотра оставили?

— А что?

— Так это, украдут ведь. — Он снова пожал плечами.

— Кто? — поинтересовался Яхонтов.

— Да мало ли кто. Бандиты всякие. Но я там сынка оставил с парой овчарок. Они посторожат. Но вы это...

— А с чего ты взял, что мы не бандиты? — хмыкнул Вячеслав.

— Да брось. Какой уважающий себя бандит машину без присмотра оставит? Да и знают все, что в этих домах уже давно поживиться нечем. И кстати, бандиты на луноходах не ездят.

Искатели с изумлением взглянули на незнакомца.

— Чего ты сказал? — переспросил Варяг.

— Я говорю, бандиты на луноходах не ездят.

— А с чего ты взял, что это луноход?

— Так это. Его по телику показывали незадолго до ядрены. Я помню. У меня на всякую технику память хорошая. Хобби это мое. Было. А между прочим, в этом доме космонавты жили. Их аккурат перед войной в космос отправили. Так и болтаются, наверное, там, бедолаги.

— Что с их семьями стало? — Из-за спины Сквернослова появился Юрий.

Незнакомец уставился на него, затем оттянул рукой очки и приладил их к козырьку шапки. Прищурившись, он еще раз внимательно посмотрел на лицо Алексеева и его скафандр.

— Чтоб я сдох! — воскликнул наконец он и быстро стал подниматься по ступенькам к космонавту, которого, видимо, узнал.

— Это не обязательно, — усмехнулся Вячеслав, имея в виду последнюю фразу милиционера.

— Послушайте! Вы помните меня?! Я же участковый ваш! Дыбецкий Михаил! Старлей! — Он схватил космонавта за руку и стал трясти.

— Дыбецкий? — Яхонтов нахмурился, вспомнив стычку в гадовнике. — У тебя, часом, родственников в Подмосковье нет?

— Нет. Только сестра в Барнауле была, и все. А что?

— Да нет. Ничего. — Варяг махнул рукой.

— Простите, Михаил, я вас не помню что-то, — виновато проговорил Юрий, настойчиво пытаясь выдернуть ладонь из рук участкового. — Так что стало с семьями нашими?

Из квартиры вышел притихший Макаров и взглянул на Дыбецкого заплаканными глазами.

— Вы это. — Милиционер сделал шаг назад и опустился на две ступеньки. — Тут такое дело.

— Что?! — Алексеев повысил голос.

— Бойня тут была, вот что. Бандиты. Когда чистки были. Через несколько дней после атаки. Тут банда... Они женщин насиловали. Даже деток малых. А потом загнали всех на верх-

ний этаж, подожгли всякое тряпье и покидали в шахту лифта. А потом туда стали людей бросать живьем. И сверху опять горящие тряпки. Одна старушка выжила. Ее не тронули. Только ноги ей прикладами автоматов перебили. А их потом солдат какой-то сжег из гранатомета. Бандитов этих. Они в джип свой сели. Большой такой. «Хаммер» типа. А он из палисадника как захерачил! Молодец парень. Только это. Он тоже потом в шахту бросился. Он бегал тут по квартирам. Любимую свою искал. А как узнал от бабки, что случилось, то в шахту бросился.

— А ты, мент, где был, когда наших жен насиловали?! — заорал Алексеев.

— Вы это! Чего орешь-то! Мы, между прочим, в отделении четыре дня оборону держали! Носа высунуть не могли! Стреляли в нас почем зря! Это потом ОМОН к нам пробился с боем. Так я сразу сюда. А тут бабка эта. Все рассказала и отдала богу душу. А как солдатик тот бандитов поджарил, сынок мой видал. Он в подвале прятался. Десять годков ему было тогда. Чего, я виноват, что ли? Сынок мой, между прочим, машину вашу сейчас охраняет. Чего орать-то?! — Милиционер махнул рукой и стал спускаться вниз.

Варяг взглянул на раздавленных горем космонавтов.

— Мужики, я сочувствую. Но это всех коснулось. Всего мира. Идемте.

Яхонтов направился вниз, вслед за Дыбецким.

На улице стало заметно холодней и сумеречней. Снова падали редкие снежинки. Сын милиционера был одет в теплый костюм горнолыжника. Черная повязка на небритом и покрытом шрамами лице красноречиво свидетельствовала об отсутствии правого глаза. В руках он держал охотничью двустволку, а к железному карабину на пожарном ремне, которым он был опоясан, были присоединены две цепи из нержавейки, которые кончались шипованными ошейниками, ограничивающими свободу пары немецких овчарок.

— Это Борька. Сын мой, — сказал подошедший к нему милиционер. — Вы это. Трактор свой спрячьте там, между мусоровозом ржавым и стеной. Видите? У соседнего дома. Там в подвале мы и живем. Присоединяйтесь к нам. Вместе веселей. Безопасней да теплей. Сейчас ужинать будем.

— Спасибо. — Варяг кивнул. — И за гостеприимство, и за то, что машину посторожили. Мы сейчас к вам присоединимся. Договорились?

— Лады, — махнул рукой участковый. — Ждем у себя дома. Пошли, сынок.

Они двинулись к своему обжитому подвалу в соседней высотке, вход в которую был скрыт из поля зрения большим полусгнившим КамАЗом для перевозки мусора.

Яхонтов взглянул на дверной проем подъезда дома. Вячеслав и Николай уже были на улице, а вот космонавты совсем не торопились.

— Андрей! Юра! — окрикнул искатель своих товарищей. — Ну где вы там?!

Первым вышел Макаров. Следом Алексеев.

— Послушай, Варяг, — начал говорить Андрей. — Мы покажем вам, как управлять машиной. С вами мы не поедем.

— То есть как? — Яхонтов ошарашенно посмотрел на космонавтов.

— Мы в Москве останемся. Тут наш дом. Тут прах наших... наших... семей... Все. Мы только ради этого и ехали.

— То есть ты хочешь сказать, вы нам все это время голову морочили? И про ХАРП, и про все остальное? — нахмурился Варяг.

— Нам уже бороться не за что, пойми, — вздохнул Юрий.

— Не за что? А нам зачем надо было сюда тащиться? Зачем?! Вы обманом вытащили нас из Надеждинска! А теперь умываете руки!

— ХАРП существует и действует. Мы не лгали.

— А зачем нам нужен был этот крюк?! Потеря драгоценного времени! — Яхонтов был в ярости.

— А как бы ты поступил? Мы все эти годы жили надеждой, что наши близкие спаслись. Теперь все. Теперь все равно. Вы делайте свое дело. Забирайте луноход. А мы останемся здесь.

— Да вы... — Варяг сделал шаг в сторону космонавтов и сжал кулаки, но Сквернослов перегородил ему дорогу.

— Перестань, — сказал он. — Представь, каково им. Они жен своих потеряли. У Андрея еще и дочка была. У них же горе. Не дави на мужиков.

— Горе?! — воскликнул Яхонтов. — Сколько человек сгинуло? Четыре, пять миллиардов? Кто считал? А горе только у них? А как насчет оставшихся в живых? Кто еще в состоянии дать им второй шанс, если не мы?! Но нам вместе надо быть! А эти двое просто эгоисты! Всем плохо! Все кого-то потеряли! И что теперь, вешаться?! Надо дальше жить и жизни шанс дать! Черт вас всех подери!!!

Николай почувствовал, что у него снова начинает болеть голова, и побрел в сторону подвала, в котором жил милиционер с сыном. Он снова поймал себя на мысли, что не знает, кто в этом споре прав. Может, опять и те и другие? Это неуютное состояние неопределенности давило на психику, и Васнецов просто захотел убраться от источника головной боли, коим и являлся этот спор.

Жилище участкового было просторным. Но только потому, что этот подвал он делил лишь со своим сыном и его двадцатилетней подругой Аминат, которую они пару лет назад отбили ночью у каких-то людоедов. Хотя сам Борис был убежден, что они спасли ее не просто от плохих людей, а от морлоков. Тех самых, что в метро живут. Однако Михаил относился к этому предположению скептически. То, что они и даже Аминат не разглядели тех троих существ, которые в темноте московской ночи бросились прочь после первого выстрела из ружья, ни о чем еще не говорило. Да, это были три силуэта похожих на людей существ. Да, Аминат говорила, что они не проронили ни слова, когда похитили ее, вышедшую из своего подвала собирать свежевыпавший снег для заготовки питьевой воды. Но это не значит, что это были морлоки.

Помещение не было утеплено шкурами, как у жителей Надеждинска. Тут в ход пошли паласы и мешки с тряпьем, опилками и соломой. Освещение давал только огонь в самодельной каменной печи. Освещение и тепло, конечно. В подвале было отдельное помещение для собак. Эти овчарки были, так сказать, супружеской парой. В их «комнате» был слышен писк новорожденных щенков. Пол в жилище был застлан двумя слоями из кусков линолеума и различных ковров. Также тут было немного мебели, которую эти люди, судя по всему, перенесли из опустевших квартир наверху. По крайней мере, хозяева и гости ели за нормальным столом, сидя на стульях, которые хоть и скрипели да шатались от старости, но были достаточно удобными. Еще в жилище было очень много сложенных стопками газет. Участковый пояснил, что любит их перечитывать. Читая старые статьи, он забывал последние два десятка лет.

— Всякие отморозки не достают? — спросил Варяг, доев приличный кусок вяленого мяса из своих запасов. Он больше не старался спорить или просто говорить с космонавтами. Те молча сидели на большом мешке с песком у печи и задумчиво глядели на огонь.

— А кому мы нужны? — пожал плечами милиционер. — Это где большие общины, там есть интерес у бандюг всяких разных. Это как политика, понимаешь? Союзы там или, наоборот, вражда. Распространение идеологии или влияния одного лидера. Борьба за территории. За трофеи. За женщин. А тут три человека всего. Мы погоды в большой политике не делаем. Да и район этот не очень-то. Раньше-то вроде как ничего был. Но сейчас тут никто особо жить не хочет.

— Почему? Чем тут плохо?

— Так это. Метро рядом. А это, знаешь ли, та еще задница. И еще с двух сторон. Там, у площади, станция «Киевская», а там, за домами нашими, тоннель в метромост переходит. Свободный выход. Приятного мало. Хотя мы вроде живем, и ничего. Радиации вроде там уже мало. Но вот всякие твари, что там живут... Это если много народу тут поселится, то много сил и ресурсов уйдет на постройку обороны от метро. А мы здесь прячемся, и нормально. А так... Вон, на «Киевской» вход хоть и завалили, а один черт, твари оттуда умудряются выходить по ночам. Там крепость была у вояк. Ну, чего-то недоглядели или тупо задремали. Все. Привет. Шесть человек было в крепости. Шесть человек оттуда пропали. А кто мог сделать такое? — Дыбецкий усмехнулся и сам ответил на свой вопрос: — Ясное дело, морковки эти.

— Морлоки? — поправил Николай.

— Ну, я их морковками зову. Из-под земли ведь лезут. А вояки их тупо мразями зовут. Они сейчас на север переселились. В Белом доме обитают и вокруг. Там конфедерация.

— Мрази в Белом доме обитают? — Варяг уставился на милиционера.

— Да нет. Вояки. А мрази в метро живут. Только никто что-то их не видел. Нет, ну люди пропадают, да. И байки всякие травят, только поди разбери.

— А что, в метро никто не спускался? — спросил Вячеслав.

— А на хрена? Чего там делать? Нет, были, конечно, смельчаки. Были да сплыли. Это билет в один конец. Льготы для проезда больше не действуют. — Дыбецкий засмеялся. — Хотя говорят, что есть один такой. Он постоянно в метро спускается. Но говорят, что он и не человек вроде. Ну, это, типа, урбанистический миф. Понимаешь? Сказки про оборотня. Днем он как человек. А ночью в метро уходит. Да ерунда это. Кто-то придумал страшилку, вот и ходят слухи.

— А что за конфедерация в Белом доме? — поинтересовался Варяг, забивая ароматным табаком трубку с длинным костяным мундштуком.

Аминат убрала со стола грязную посуду и, сложив ее в ведро с водой и собрав остатки еды, понесла объедки в жилище собак.

— А, так там эти... военные, казаки и еще несколько малых группировок союз заключили. Красные там еще. Вместе держатся. Там они крепко обосновались. Контролируют территорию от Краснопресненской набережной до площади Восстания. Включая расстрельный стадион, конечно.

— Что за стадион? — Яхонтов прикурил от зажженной в печи щепки и бросил ее в огонь.

— Слушай, а ты табачком не богат? — Милиционер с завистью посмотрел на клуб дыма, выпорхнувший из трубки.

Искатель достал из кармана пластиковый пакет и высыпал половину на стол.

— Угощайся.

— Вот спасибо! Царский подарок! У нас туго с этим делом, а курить охота. — Дыбецкий оторвал кусок от газеты и принялся мастерить самокрутку. — Так ты что, про расстрельный стадион не знаешь? А помнишь, тут у нас война была в Москве в девяносто третьем году?

— Это когда парламент расстреляли?

— Вот-вот! Там стадион недалеко от Белого дома. Вот там тогда две ночи защитников парламента расстреливали всякие наемники. Да и чего греха таить, коллеги мои по линии МВД. Без суда и следствия. Там еще казачья застава была. Ее бэтээрами раскатали. Казаки стояли насмерть. А потом, когда ядрена случилась, они отомстили. Вот сколько лет прошло с тех событий, а нашлись те, кто словно ждал удобного часа для мести. Похватали всяких чиновников, согнали на тот стадион и в расход пустили. Правда, не думаю, что там кто-то в чем-то виноват был. Просто похватали кого попало — и в расход. Это ж мелкие клерки, которые небось никем были в девяносто третьем. Но злоба, знаешь, дело такое. А главные чинуши еще за неделю или за две в спецбункеры в метро подались.

— Я что-то не понял. Они за две недели до атаки в метро спрятались?

— Ну да.

— Погоди. — Яхонтов почесал бороду. — А с чего это они так?

— Как с чего? Чтоб уцелеть.

— Так все неожиданно случилось. Угрожаемого периода даже не было. Хлоп — и все. Был мир — и нет. Им что, гадалка нагадала?

— Наивный ты, Варяг, — усмехнулся Дыбецкий. — Дефолт тоже неожиданностью был, только не для тех, кто его сотворил, чтобы обогатиться. Это мы с тобой, простые смертные, ни черта не знаем. А они там, наверху, все знали. Они в полной тайне все барахло свое ночами в метро, в спецбункеры, отправляли. Золотишко, семейки свои, даже собак своих породистых и любовниц сисястых. У кого-то скакуны арабские были, так он и их пристроить пытался. Слухи пошли после, когда всякие блатные и олигархи то же самое делать начали. Половина Рублевки туда переехала. Некоторые даже свои крутые тачки туда спрятать до лучших времен хотели. А простой народ ничего не понимал. А эти, элита, мать их, все знали. Рай для избранных делали. Только обманулись они. Удар пришелся именно по ним. В метро. Грешно так говорить, конечно, но я даже рад, что в метро. Эти свиньи в свою ловушку и попались. Потом простые люди все поняли и уже никого из метро старались не выпускать. Дескать, эти скоты нас бросить хотели, а теперь вот пусть в своих подземельях остаются навеки.

Ощущение дежавю сдавило виски. Николай вспомнил рассказ мародеров в гадовнике. То же самое примерно говорили и они о москвичах. Так же ненавидели. А москвичи ненавидели тех, кто прятался в метро от апокалипсиса. Какой-то замкнутый порочный круг. И тихая, молчаливая девушка. Где Аминат? Она в другой комнате. Сейчас Варяг достанет свой меч и убьет хозяев, а ему, Николаю, потом придется убить девушку? И что потом? Уже сейчас Николай боится спать, потому что уверен в том, что ему снова приснится несчастная Рана. И теперь ему будет сниться и Аминат? Он поднялся со своего скрипящего стула.

— Туалет в той стороне. Шагов двадцать за дверью. В углу большая бадья, фанерой накрытая, — показал ему рукой одноглазый Борис.

— Да нет, я машину пойти проверить хочу, — мотнул головой Николай.

— Что с ней станется, — послышался угрюмый голос Алексеева. — Она закрыта. Ключ у нас. Никто его не откроет.

— Ну так это, она и спрятана. Никто издали да в темноте не увидит за мусоркой, — кивнул, соглашаясь, Дыбецкий.

— Да мало ли что? — Васнецов пожал плечами. — Всякое может случиться. На снегу следы от лунохода. Вдруг кто выйдет по ним.

— Ночью мало кто бродит по Москве. Все по норам сидят, — махнул рукой Борис.

— Наверное, оттого, что ночью бродят те, кого все остальные боятся? — мрачно пошутил Николай и сам почувствовал холод страха на спине от своих слов.

Жители подвала ничего на это не ответили.

— Значит, так, — заявил Варяг. — В шесть утра выдвигаемся. Сейчас отдыхать. Если ты, Коля, так хочешь к луноходу, то сейчас ты в дозоре. Меня разбудишь через два часа. Я тебя сменю. В кабине машины есть часы на приборной панели. По ним сориентируешься. Только находись либо в машине, либо тут, в подвале. Никуда не уходи и по улице не болтайся. Ясно?

— Ясно. — Васнецов кивнул.

— Хорошо. Андрей, дай ему ключ.

Макаров молча протянул ключ от машины Николаю. На луноходе не было предусмотрено замков, только предохраняющие от случайного открытия устройства. Но замки космонавты приладили уже на Земле, во время своего многолетнего путешествия в Россию.

Угрожаемого периода не было. Но власть знала о том, что грядет. Это было жутким откровением, рушащим все былые представления о том страшном дне. Вероломство врагов выглядело теперь иначе. Но почему ничего не удалось предотвратить, если были те, кто знал, что они у порога ядерной войны? Власть так была занята спасением своих жизней и ценностей, что им было некогда позаботиться о своем народе? Обо всем мире? Зная о надвигающейся катастрофе, никто не попытался это предотвратить. Даже военные были в неведении. Только стратегические силы, видимо, успели отреагировать и нанести ответный удар, умножая беду, объявшую всю планету. Выходит, эти люди, укрывшиеся в метро еще в дни безмятежности и мира, были теми самыми морлоками еще до взрывов в метрополитене. Как иначе назвать этих людей, что пожирали жизни своего народа, который в итоге бросили на произвол судьбы и собственной недальновидности? А может, ничего и нельзя было предотвратить? Или, может, пытались? До последней минуты

пытались и верили в то, что это получится, но не смогли? Николай не знал, что и думать обо всем этом. Как относиться к тому, что он узнавал. Их только начавшееся путешествие дарило жуткие впечатления. Ощущение пропитанности земной атмосферы всепоглощающей ненавистью росло с каждым новым знакомством. Коля никак не мог понять, для чего они спасают мир. Точнее, пытаются это сделать. Варяг говорил ему, что если хоть одного хорошего человека они встретят, то мир стоит спасти. А кого они встретили? Мародеров. Сталкеров, которые, при всей своей благопристойности, сами инициировали карательную операцию фашинов. Конфедерация с их расстрелами на стадионе. Теперь эти люди, которые ненавидели тех, кто ушел в метро. А они, спасители мира, хорошие? Кто способен судить о достойности жизни? Сам Николай лишил жизни несчастную девушку. Может, Рана и была той, единственно достойной? Единственным хорошим человеком? Она была несчастная и изуродованная, но сильная духом. Как иначе объяснить крик новорожденной девочки, которую, приняв за мертворожденную, бросили вместе с трупом матери в яму? Она тогда закричала, дав понять, что жива и хочет жить, несмотря ни на что. А он, хороший человек Николай, ее убил.

Прошло уже полчаса дозора. Тяжкие мысли одолевали Николая, и он не в силах был сидеть на месте. Снова захотелось на улицу. Но там было ниже сорока градусов. Он натянул на себя поверх бушлата и ватников костюм химзащиты, спрятанный под сиденьем пассажирского отсека лунохода. На лицо надел респиратор, который защищал лицо от мороза лучше, чем марлевая повязка. Распустил свою ушанку и, прихватив прибор ночного видения, вышел из машины. В таком наряде было не так холодно. Включив ПНВ, Николай осмотрелся. Силуэты пустых зданий в мерцающем зеленоватом свете выглядели еще более пугающе, чем обычно. Однако так можно было ориентироваться в кромешной тьме окружающего мира, погруженного в ночь. Васнецов стал медленно ходить по двору, стараясь отвлечься от тяжких мыслей лицезрением мрачного пейзажа. В столице было тихо. Только ледяной ветер подвывал, проносясь между зданий и пронзая мертвые дома сквозь выбитые окна. Именно гнетущая тишина, разбавляемая лишь периодическими монотонными подвываниями ветра, позволила отчетливо расслышать женский крик. Кричали явно не из подвала. Значит, это не Аминат. Но откуда? Кто?

Крик повторился. Это явно за домом. Николай осторожно двинулся в ту сторону, неуклюже перебирая ногами. В костюме химзащиты было неудобно. И его резина взвизгивала от трения ног друг о друга. Но так было теплее, и приходилось мириться с этими побочными эффектами.

Через тянущуюся вдоль улицы дорогу виднелась крыша тоннеля, который уходил в сторону реки, к метромосту.

— Помогите! — снова послышался крик.

Глядя в прибор ночного видения, Николай уловил какое-то призрачное движение. Прямо на крыше тоннеля. Васнецов двинулся следом, осторожно протискивая палец одетой в трехпалую рукавицу ладони в предохранительную скобу автомата. Осторожно, чтоб не нажать на спусковой крючок раньше времени.

Взобравшись на крышу и пройдя по ней метров сто в направлении замерзшей реки, он обнаружил свежие следы на снегу. Кажется, двое или трое что-то или кого-то тащили. Теперь Васнецов двигался по следу. Крыша кончилась неожиданно. Кусок обрушенного метромоста торчал из-под нее, нависая над набережной. Те, кто оставил следы, спрыгнули на полотно и направились в тоннель. Николай оценил высоту, присмотрел участок, где больше снега, и прыгнул. Оказавшись на железнодорожном полотне метрополитена, он только сейчас подумал, что делает то, чего делать вовсе не надо. До него, словно принесенный ветром крик, донеслись слова сталкеров и милиционера о том, что из себя сейчас представляет московское метро. Однако это был призрачный крик. Лишь следствие его мыслительного процесса. Но очередное «помогите!», донесшееся из черного тоннеля метрополитена, было криком настоящим. Васнецова снова охватил тот самый возбуждающий страх, который тянул за собой, в свои объятия. Николай, словно наркоман, который знает, какое страшное это зелье, но все равно с жадностью впрыскивает в себя очередную дозу, шагнул в тоннель. Он искренне надеялся, что спасение этой неизвестной женщины, молящей о помощи, позволит ему реабилитироваться перед собственной совестью и перед мертвой Раной за ее убийство.

Бесконечная вереница шпал и тянущиеся в неизвестность и тьму рельсы уходили влево. Ощущался уклон вниз. Под землю. Тут не было следов, так как отсутствовал снег. Только местами надолбы льда и длинные грязные сосульки, свисающие сверху. Казалось, что не он уходит дальше в черный зловещий

тоннель, а, наоборот, метро надвигается на идущего человека всей своей чернотой и пугающей неизвестностью. Казалось, что даже если повернуть обратно, к разрушенному метромосту, к поверхности, то метрополитен уже его не выпустит и будет продолжать глотать ничтожного и беспомощного человека. Может, поэтому, несмотря на съедающий психику страх, поворачивать назад не хотелось? Ощущение тщетности попытки вернуться не давало пойти на попятную. Дальше льда и сосулек становилось меньше, но вместо них со стен и потолка тоннеля свисали обрывки кабель-трасс и трубопроводов. Поворот налево казался бесконечным. Но вот наконец тоннель стал уходить в черноту прямой линией рельс. Эта геометрически правильная прямая пугала еще больше. Пока пространство тьмы было ограничено для зрения, весь этот ужас казался локальным и зацикленным. Но теперь он стал бесконечным, как это нескончаемое жерло впереди. Здесь царила сплошная тьма, и даже в приборе ночного видения все детали смешались в один черно-зеленый фон. Николай поднял ПНВ к козырьку своей шапки и включил пристегнутый к цевью автомата фонарь. Тьма впереди поглотила брошенный на растерзание ей беспомощный луч света. Васнецов опустил фонарь и стал светить на рельсы. Оказывается, под ногами все это время хрустели, разносясь в пустоте раскатистым эхом, кости. Здесь было много костей. И животных, и, наверное, человеческих. Даже думать не хотелось, кто их сюда принес. Они были перемешаны с осыпавшимися кусками бетона. Обрывки обгоревшего кабеля тоже валялись повсюду.

«АД УЖЕ ЗДЕСЬ!»

Эта белая надпись с крупными подтеками на черной стене словно выскочила из пустоты, материализовавшись зловещим предупредительным сигналом.

Николай снова вспомнил слова отца: «Ты, сынок, живешь в раю, и это главное».

Да, дома был рай. Теплый подвал. Ловушки на реке. Блокпост. Профессор Третьяков. Василий Гусляков...

Нет. Нет там уже рая. Капитан убит каким-то жутким червем. Землетрясение вскрыло реку, поглотив ловушки. Разрушения. Жертвы. Аленка с улицы Советской, которую уже похоронили вместе с ее куклой. Нет нигде рая. Ад уже здесь. Ад уже повсюду. ХАРП активен. Его надо остановить. Он должен был отправиться в путь. Если не они, то кто остановит неизбежное? И сейчас, если не он, то кто спасет...

— Помогите! — снова раздался крик из немыслимых глубин метрополитена, превратившего этот отчаянный вопль в уродливое и прошибающее потом эхо.

Он ускорил шаг. Идти по шпалам было неудобно, и Васнецов принялся мерить шагами край полотна. Быстрее. Вперед! Монотонная неизменная тьма впереди стала иной. Что это? На рельсах что-то стояло. Только подойдя ближе, Васнецов понял, что это состав. Перед ним стоял обгоревший вагон. Следом еще один. Дальше еще. Он казался бесконечным, как сам тоннель. Все вагоны были сгоревшими. Николай осторожно приблизился и посветил внутрь. На сиденьях сидели черные, обугливши еся человеческие скелеты с останками сгоревшей плоти на костях. Запрокинутые черепа с широко раскрытыми челюстями, зафиксировавшими навечно мгновение страшной агонии. Один вагон за другим являл собой эту страшную картину, на которую как зачарованный взирал Николай. Скелеты, черепа. С другой стороны вагонов лишь призрачные силуэты, до которых фонарю не хватало сил дотянуться своим лучом. Вагоны наконец кончились. Впереди виднелся последний. Или головной? Васнецов посветил в него фонарем, как вдруг один из черных скелетов в темноте вскочил и, бросившись в окно, скрылся в глубинах тьмы.

Все тело Николая вместе со всем его разумом словно зажали в ледяные тиски. Он упал на колени и, прижавшись к стене тоннеля, выставил перед собой ствол автомата, который трясся так, словно из него стреляли длинными очередями. Но это дрожали руки.

— Этого не может быть, — шептал сам себе Васнецов. — Так не бывает. Это показалось. Этого не может быть. Игра света и тени. Игры разума. Злая шутка психики... Этого не может быть...

На перроне стояли десятки человек. Кто-то в нетерпении смотрел на наручные часы. Кто-то был более терпелив и стоял у края перрона, сосредоточенно глядя в книгу с мягкой черно-синей обложкой. Кто-то читал газету. В коляске, которую медленно качала молодая женщина, кряхтел младенец, пытаясь дотянуться крохотными ладошками до разноцветных погремушек, висящих над ним. Странно одетый парень, с цепями на широких штанах и кольцом в ноздре, ритмично дергал головой в такт никому не слышимой музыке, которая лилась из науш-

ников его плеера. Два милиционера, медленно расхаживающие по перрону станции, остановились и принялись вслушиваться в голос их рации. Но сообщение прервал наполнивший динамик треск и свист. Они торопливо зашагали к милицейскому посту, где был телефон. Старушка с большим пакетом, из которого торчали газеты, которыми она тут торговала, посмотрела им вслед и двинулась своей дорогой. Люди были заняты ожиданием состава и погружены в свои мысли. Они, конечно, забыли, что несколько минут назад яркое освещение в этом подземелье как-то странно мерцало, словно готовясь потухнуть. Но никто не придал этому особого значения. И в этот момент из черного тоннеля донеся долгожданный шум электровоза и показался свет его фар. Нет. Не только фар. Свет был каким-то странным. И кроме гула состава слышался усиленный в десятки раз крик мужчин, женщин, стариков и детей. Вдоль перрона, не снижая скорости, выскочил объятый пламенем состав и умчался прочь, оглашая станцию истошным хором воплей горящих пассажиров и наполняя воздух едким дымом. Люди на перроне уставились в одну точку, словно их разум надолго завис, пытаясь осмыслить то, что они только что увидели. Но наконец едкий дым привел их в чувство. Люди торопливо направились к ведущим на поверхность эскалаторам, но доносившийся оттуда нарастающий гул заставил их замедлить шаг. Словно вода из прорванной плотины, сверху хлынула человеческая лавина. Сотни людей, толкая друг друга, мчались по эскалаторам вниз. Под землю. Кто-то катился по перилам. Девушки на высоких каблуках неизбежно падали, и здоровые мужики, которые при других обстоятельствах за этими девушками не прочь были приударить, сейчас в безумной панике втаптывали несчастных в ступеньки эскалаторов, ломая им кости, раздавливая черепа и не обращая никакого внимания на этот жуткий хруст и стоны под ногами. Падали старики. Кувыркались между ног обезумевших людей оступившиеся дети. Пытавшиеся куда-то дозвониться милиционеры выскочили из своей будки, непонимающе глядя на несущуюся массу.

— Война! — вопили десятки голосов.

Кто-то вторил им отборной нецензурной бранью. Сумасшедшая лавина разлилась по перрону. Люди метались в поисках своих родных. Кто-то прижимался к стене, чтобы не быть сметенным неудержимой массой.

— Это конец! — закричала женщина в очках, схватившая милиционера за плечи. — Это конец!!!

Люди не обращали внимания на дым, оставленный тем страшным электропоездом. Человеческая масса все увеличивалась, и с эскалатора лились все новые волны живой лавины. Женщину, которая качала коляску, давно уже столкнули на пути вместе с ее младенцем. Никому сейчас и в голову не могло прийти броситься ей на помощь. Да и таких, как она, на путях с каждой секундой становилось все больше.

— Это конец!!!

Мраморный пол под ногами задрожал. Может, от топота безумной массы людей? Или...

Из тоннеля снова показался яркий свет. Тот, кто был ближе, бросил взгляд туда и в ужасе бросился назад. Мечущаяся толпа пыталась теперь пробиться обратно к эскалатору, но оттуда по-прежнему рвались вниз сотни людей. Это была ловушка.

Заполнившая весь тоннель огненная струя ворвалась на перрон станции, превратив людей в тысячи живых свечей. Весь воздух превратился в раскаленную плазму. Отдельные крики слились в единую страшную какофонию. Река огня мгновенно заполнила всю станцию, унося дальше по метро в поисках новых жертв...

Николай тряс головой. Он не мог понять, откуда перед его глазами возникло подобное видение. Он никогда тут не был. Он вообще никогда в жизни не видел метро. Но на какие-то несколько минут он словно перенесся в прошлое. В тот страшный день, когда все началось и закончилось. Что могло вызвать подобное видение? Может, его снова взял в оборот люпус, пси-волк? Осмотревшись, Николай обнаружил, что поблизости нет никаких волков. Но свет фонаря вырывал из темноты детали того самого перрона. Все вокруг было черно не только от отсутствия света, но и от копоти. От бушующего здесь огня много лет назад. Васнецов поднялся и осторожно вышел на перрон станции. На эскалаторах виднелись жуткие завалы из человеческих костей и черепов. Весь пол был покрыт пеплом и какой-то странной трухой, где иногда встречались и кости. Однако дальше, в арках обгоревших стен, виднелись и не обгоревшие предметы. Мусор. Куски материи, бывшие когда-то элементами одежды. Обломки торговых лотков. Все это было принесено сюда кем-то, видимо, после удара и угасания огня. В темноте

одной из арок Николай уловил какое-то движение. Осторожно посветив туда, он замер, объятый ужасом, чувствуя, как из горла накатывает рвотный спазм. На полу, среди мусора и клочков одежды лежала полуобнаженная девушка. Пять странных черных существ держали ее еще вздрагивающее тело и с жадностью откусывали куски плоти из кровоточащего живота и объедали сочащуюся кровью грудь. Существа, заметив свет фонаря, уставились на непрошеного гостя. Возможно, когда-то они были людьми. В черных, пропитанных сажей, как и их кожа, обносках, с жидкими и очень длинными волосами на голове, которые почему-то не выпали от радиации, с огромными, привыкшими к тьме глазами и диким блеском крупных черных зрачков, словно нарисованных углем на желтых белках глаз. Они смотрели на Васнецова без всякого выражения и даже не щурились от света. Но было заметно по раздувающимся ноздрям, что они нюхают воздух.

«Да они слепые!» — осенила Николая догадка. Но в этот момент эта группа странных существ синхронно бросилась на непрошеного гостя. Васнецов с силой вдавил спусковой крючок автомата. Время словно замерло. Казалось, выстрела не произойдет никогда, но вдруг безотказный калашников разорвал тишину грохотом выстрелов. Пули кромсали черные, засаленные тела существ и отбрасывали нападающих. Но ликовать и праздновать свое спасение было рано. Чернота и мусор в арках зашевелились. Теперь было очевидно, что вокруг затаились десятки, а может, и сотни подобных существ. Такую атаку отразить ему не удастся, и Николай это понял. Он развернулся и бросился бежать. Однако всего через несколько шагов он оступился и упал, взметнув вокруг себя невесомую сажу. Подняв голову, в которой пульсировал гулом собственного сердцебиения всепожирающий страх, он увидел нечто невероятное. Прямо на него медленными шагами шло какое-то существо, показавшееся настоящим монстром. Но только на первый взгляд. Все-таки было похоже, что это человек. Но сейчас он казался настоящим великаном. Огромного роста, облаченный в странные черные доспехи, покрытые рельефом и мерцанием стальных пластин. Голова была заточена в капюшон и черную маску с двумя большими, шипящими от дыхания фильтрами под скулами и парой больших круглых, выпуклых глаз черного матового стекла. Какой-то сложный механизм, приделанный к могучему торсу, поддерживал огромный шестиствольный пулемет,

направленный в сторону шевелящихся и преследующих Николая тварей. Из большого ранца с твердым каркасом на спине у великана к пулемету тянулась лента блестящих, словно начищенных войлоком, патронов большого калибра.

Великан ничего не говорил. Только шипели и урчали его фильтры. Яркая вспышка осветила адскую станцию дьявольского метрополитена, и грохот выстрелов, перемешанный с жужжанием и свистом от вращения стволов, привел Васнецова в чувство. ОНО стреляло не в него. Лавина пуль подобно урагану обрушилась на тварей, разрывая их на части и перемалывая в кровавый фарш.

Васнецов спрыгнул с перрона на пути и бросился прочь, в ту сторону, откуда пришел. Мимо сожженного состава. Прочь! На поверхность! Мимо промелькнула белеющая надпись «АД УЖЕ ЗДЕСЬ!» Значит, можно выбраться из этого проклятого заколдованного места?! Скорее! Прочь! На поверхность! Вон из метро!

Еще долго его догоняли разносящиеся эхом выстрелы пулемета, пока впереди не замаячила чернеющая дыра, за которой была ночная, скованная холодом Москва...

Николай сделал один-единственный выстрел в воздух, и всего через дюжину секунд из подвала на улицу выскочили люди, целящиеся в него из оружия.

— Это я! Васнецов! — закричал Николай сквозь свой респиратор. Сердце его все еще бешено колотилось. А разум был в плену у страха. И страх этот был вызван не только тем, с чем он столкнулся в московской подземке...

— Ребята, не подходите! Я, наверное, радиоактивный! — едва сдерживая слезы, закричал он. — Варяг! У тебя дозиметр! Замерь меня!

— В чем дело, Коля! Что за вид у тебя? Что случилось?! Откуда радиация?! — воскликнул Яхонтов, опустив автомат.

— Я был в метро!

— Что-о?!

— Мужики! Я был там! Я спускался в метро!

— Да ты совсем с ума сошел?! — закричал Варяг.

Сквернослов хлопнул себя ладонью по лбу и обреченно покачал головой.

— Беда, — пробормотал участковый милиционер и взглянул на одноглазого сына.

Тот пожал плечами.

— Может, и нет, — тихо сказал он.

— Коля, ты дурак, что ли? Зачем ты полез туда? Какого хрена? — продолжал негодовать Яхонтов.

— Варяг, ради бога, достань, пожалуйста, дозиметр! — умоляющим тоном крикнул Васнецов.

Искатель наконец подошел к нему и стал водить рукой с дозиметром вокруг облаченного в костюм химзащиты тела. Затем взглянул на дозиметр и покачал головой.

— Сорок шесть бэр. Ты труп, Коля.

— Что-о-о-о?!

— Да ничего. — Яхонтов усмехнулся. — Еще столько же, и заработал бы себе лимфому. А так, считай, отделаешься легким мордобоем с моей тяжелой руки.

— Варяг, я не понял!..

— Чего ты не понял, дубина? Жить будешь, я сказал! — рявкнул искатель и повернулся к Скверослову. — Славик, залезь в луноход. Там под сиденьем в белом ящике найдешь большую жесткую щетку и в пакете белый порошок. Дыбецкий, принеси, пожалуйста, с сыном пару ведер воды. Надо отмыть этого идиота.

13
ПЛЕН?

Николай лежал на сиденье внутри лунохода и тоскливо смотрел в потолок. В ушах еще звенели выстрелы огромного, вращающего стволами пулемета и женский крик, молящий о помощи. А перед глазами снова вставали образы безумной толпы, ринувшейся в ловушку метрополитена. И чумазые волосатые твари, которые, очевидно, и были теми самыми пресловутыми морлоками. Изуродованное, вздрагивающее тело девушки и жуткий великан, отливающий блеском вороненой стали своей брони и разносящий по тоннелю громогласное шипение своего дыхания. А еще бросившаяся из сожженного вагона тень, похожая на скелет. Что все это было? Может, весь поход в метро ему причудился?

— Так ты из-за бабы, значит, туда полез? — хмыкнул расположившийся на другом сиденье Вячеслав.

— Да. Хотел помочь. Но не смог. Не успел. Замешкался. А ведь я мог спасти. Но не успел, — тихо говорил Николай.

— Думал, она в знак благодарности поможет тебе расстаться наконец с твоей невинностью? — Сквернослов усмехнулся.

Васнецов уставился на своего названого брата. Тот сидел рядом с милиционером Дыбецким, который с интересом рассматривал внутреннее убранство лунохода, и снова перебирал свою колоду карт.

— Славик, ты что, больной? — спросил наконец Николай.

— В чем дело? Ты шуток, что ли, не понимаешь?

— А ты вернись в Надеждинск и пошути над могилкой своей Алены, — зло проговорил Васнецов.

— Что ты сказал? — Вячеслав вытаращил на него глаза, полные изумления, шока и злобы.

— А ты что, думаешь, ты один имеешь монополию на чувства? Я видел, как эту несчастную рвали на части живьем. Ты бы хоть думал иногда, прежде чем отпускать свои тупые шутки!

— Заткнитесь оба, — проворчал Варяг, который смотрел в перископ. — И вообще, валите в подвал и спите. Сейчас моя вахта, и мне совсем не улыбается слушать ваши пикировки.

— Послушай, Варяг, — обратился Николай к искателю. — Объясни, что происходит. Я совсем запутался. Ну сколько было шансов наткнуться в глухом лесу на сталкеров? А я наткнулся. А сколько было шансов наткнуться в метро на этого великана? Но я снова наткнулся. И это все случайности?

— Просто у тебя есть дурная привычка бросать пост и шляться где попало, — ответил Яхонтов. — Уже не в первый раз за тобой такое.

— Но разве встреча со сталкерами не пошла нам на пользу? А то, что мне в метро встретился этот великан, спасло мне жизнь! Он, получается, спас меня! Так? Дыбецкий, ты всю жизнь тут живешь. Кто это мог быть?

— А черт его знает. — Он снова смешно пожал плечами. — Может, тот самый оборотень, про которого я говорил?

— Но ты говорил, что это миф, — возразил Сквернослов.

— Правильно. Это каждый второй в Москве скажет. Но после того, что парень рассказал... Странно все это. И вот еще что. Такое дело, мужики, не очень хорошее...

— Что? — Яхонтов посмотрел на Дыбецкого.

— Ну, сталкеры там еще куда ни шло. Конфедераты тоже как-то так. А вот большинство других... Короче, никто в Москве теперь за ваши жизни и мазка, извините, не даст. Вот такие дела.

— Это почему еще?

— Так это. Тех, кто в метро ходит, убивают. Ну, они, дескать, заразу разносят да будят там всякое лихо, что после попыток людских залезть в метро потом по ночам еще больше морковок лезет оттуда. Короче, не трепитесь, что один из вас в метро был. Но паренек ваш следы оставил. А они аккурат от метромоста сюда ведут.

— Весело, — вздохнул Яхонтов. — Ну спасибо тебе, Коля, большое. Просто огромное, нечеловеческое спасибо. Чтоб тебя...

— Варяг, а ты как поступил бы? — раздраженно ответил Николай. — Вот честно скажи. Как? Она на помощь звала, понимаешь? Я спасти ее хотел!

Васнецов вдруг замолчал. Что-то явно осенило его и встревожило еще больше.

— Ребята, нам ехать надо. Прямо сейчас, — сказал наконец он.

— Ты чего это? С чего вдруг?

— Это же знак! Предупреждение! Я не смог ее спасти. Не успел. Замешкался. И все. Ее растерзали, понимаешь? Так и наша миссия. Каждая минута задержки подобна смерти. Мы можем не успеть. Чуть замешкаемся, и все! Это ведь сигнал нам поторапливаться. Мы сколько всего проехали? А до Аляски еще тысячи километров! Нам ехать надо, Варяг. Прямо сейчас. А мы в Москве торчим.

— А что за миссия у вас? Зачем вам на Аляску? — спросил Дыбецкий после некоторой паузы.

Варяг с укоризной посмотрел на Николая и покачал головой. Его наказ никому не говорить об их миссии все-таки был нарушен.

Чтобы не возникло ситуации взаимной неприязни, как с их стороны, так и со стороны радушного хозяина, Яхонтов все-таки решил поведать Дыбецкому о цели их путешествия. Участковый слушал молча и как-то без особого интереса. Казалось, что он совсем не понимает, о чем ведется речь. Не представляет себе, что такое ХАРП и чем он чреват для остатков жизни на всей планете. Он так и не смог понять, зачем тащиться в такую даль в попытке выключить установку, которая, может, уже сама сломалась или уничтожит Землю раньше, чем до нее смогут добраться. И не смог он понять, почему на всей планете из всех

остатков человечества только пятерым людям пришла в голову мысль о ХАРПе и идея его уничтожить. Дыбецкий, несмотря на свое добродушие, гостеприимство и какую-то детскую непосредственность, был человеком приземленным. И очевидно, мыслить широко он был неспособен. Он был озабочен лишь тем, как продлить свое существование. Как дать возможность своему сыну и его подруге прожить подольше и, быть может, подарить ему внуков. И был озабочен благополучием своих собак и неприступностью своей берлоги. Все остальное как-то выпадало из узкой орбиты его интересов и хлопот. Он даже не отдавал себе отчета в том, что угроза нависла и над ним и его близкими в том числе. Выслушав молча, он только пожал плечами и почесал свою бороду. Все поведанное показалось ему всего-навсего каким-то бредом или навязчивой идеей людей, которым просто больше заняться было нечем. А вот он, человек хлопотливый и хозяйственный, был куда серьезней и солидней этих странных искателей непонятных и опасных приключений, которые вместо того, чтобы добывать дрова, охотиться на животных, умножать свой арсенал оружия для выживания и обустраивать собственное жилище, занимаются совершеннейшей ерундой.

— Чудные вы, однако, — хмыкнул он. — Оно вам надо?

— То есть как? — изумился Варяг. — Ты же слышал, какая опасность над миром нависла.

— Да ну, брось ты. Опасность. Вот раньше тоже говорили: опасность. Там потепление глобальное, террористы, ядерное оружие. И чего? Ну обдерьмились все, как эти... Ну жить-то можно. Кто-то ведь живет. И я, и вы вон. А чего дергаться? У вас дома хлопот мало, что ли?

— Да не будет никакого дома, понимаешь? Всему конец придет.

— Да так или иначе всему конец придет. Ну и так почти все похерили. А ты сейчас жив, и радуйся. Есть пожрать что — радуйся. Нет, вы какую-то заботу себе придумали, и на тебе. Оно вам надо? Чего вам, мир спасти, что ли? Человечество оставшееся? Героями быть хотите? А на хрена? Ну ведь все умрем, а после нас хоть потоп. Разве нет? Вот далось вам это человечество? Ты, Варяг, хоть представляешь, сколько людей из тех, кого ты так спасти хочешь, на вертел тебя насадят и будут поджаривать на медленном огне? Вы задумывались, сколько людей охотно ваши кишки на свои ножи намотают? Что вы дурью ма-

етесь? Мне вон тоже человечество это, по-честному скажу, до одного места. Так что мне еще время свое драгоценное тратить, спасая кого-то? Да я что, их знаю, что ли? Чужие проблемы, знаешь ли... Вот, помню, раньше, после армии, пошел в органы. Ну там, туда-сюда, участковым стал. Спокойно делал свое дело, а люди в спину мне смотрят зло. Детишки кричат: мусор, мент, легавый. За что? Я ходил на участке, спрашивал, какие проблемы, а мне в ответ: да иди ты, ментяря, в эту самую... Чего, мол, толку от вас, нахлебников. А я думал, дело нужное делаю. Взяток никаких не брал, да и какие взятки у участкового? И жена потому ушла от меня да сыницку бросила. Дескать, я такой честный, что со мной жить противно. На «лексусах» не езжу, как некоторые коллеги. Ну и кому нужны мои благие намерения и чистые помыслы? А вы со своей миссией кому нужны? Вот у сестры моей, в Барнауле, муж в пожарниках работал. По молодости поначалу гордился. Вот, мол, работа какая благородная. Людей спасать. В огонь лезть. Но чем больше лет он служил на таком посту, тем больше злым становился. Вот иной раз приедут тушить, собирается толпа зевак, и понеслось! Эти пожарники, мол, ни хрена не умеют, только спят да жрут! Да они все пьяные! Да они без воды приехали! Представляешь? Это баранье стадо думало, что у них в пожарной машине Атлантический океан воды, не иначе. А в газетах борзописцы разные что писали?! Офисы горели, а вокруг стоянками с машинами все утыкано. Пожарная лестница подъехать никак не могла. И люди из окон стали выпрыгивать. Восемь человек убилось. А газеты писали, что пожарники ни хрена не могли, не хотели и вообще пьяные были. Сами ни хрена не разобравшись, писали такое. Алкаши горят и с топором на пожарных кидаются, которые их должны спасти. Люди просто плюют вслед. Иной раз кто-то брандспойт отобрать пытается, мол, какого хрена тут тушите, там искры на мой гараж летят. Я гостил у них однажды в Барнауле. Тушили они особняк у крутых каких-то, а там шлюхи в дорогих нарядах бегают и матерят пожарных, пинки им дают. Самим лет по шестнадцать, а изо ртов у них презиками воняет. Зато они, понимаешь, из элиты, высшая ступень общества! Как-никак подстилки коммерсантов да мафиозников. Это вам не хухры-мухры! И вот и позволяли себе такое в отношении огнеборцев. А те тушат и, наверное, думают, что было бы неплохо вместо пожарки сюда танк, а вместо брандспойтов автоматы калашникова. И вырезать на хрен ливер всему

этому отребью! А случай был: тушили гаражи, а там в одном из них баллоны ацетиленовые и бочки с бензином. Хозяин стоит рядом и не говорит ничего, сука, что у него там. Двоих пожарных из отряда родственничка моего поубивало взрывом. Он мне однажды сказал такую вещь. Ну, понимаю, что со зла и под водочку. Но вот ты подумай, Варяг, над его словами. Сказал он, что спасение людей — это преступление над эволюцией и противоестественный отбор. Смог сам выжить и спастись — достоин жизни. А нет, так и делать ему на этой земле нечего. Все. Понимаешь? Я-то раньше не согласен был. Еще была вера в какие-то добродетели. В долг. Да только пустое все это. После ядрены я понял: случилось то, что должно было. И прав был родственник мой. Были и среди ментов, и среди врачей, и среди пожарных да военных некоторые, кто в такой момент свой долг исполнить пытался. Немногие, но были. И что? Да их первых толпа, одуревшая и обгадившаяся от страха, разорвала на куски.

— Ишь как подробно рассказываешь. Наболело, смотрю? А что, плохих и никудышных пожарных да нечестных ментов не бывало? — усмехнулся Варяг. — Ты сам говорил и про своих коллег, которые защитников Дома Советов расстреливали на стадионе, и про тех, кто на «лексусах» ездил.

— Да везде тварей хватало. И врачи бывали, которые калечили и убивали своим непрофессионализмом. И такие, что на больного и не посмотрят, если он на стол пакет с шампанским и коробкой конфет не поставит как минимум. Только чего обобщать? Чего всех в одну кучу дерьма? Были благородные профессии. Конечно. Но и люди всякие были, которые эти должности занимали. Так что...

— А ты сам только что обобщал, говоря про человечество. Разве нет? Вот скажи, чего ради ты кинулся Аминат спасать тогда, если тебе по фиг на людей?

— Ну, по ситуации. Была возможность спасти. Вот и спасли. С нас не убудет. Да и девчонку жалко стало. Кричала. А это, знаешь... Ну, мужик по-любому кинется девчонку спасать. Это как в подсознании что-то. Типа расчет на особую форму благодарности от спасенной. Ну, понимаешь, о чем я? Ну, так и вышло. У сынка моего теперь спутница жизни. Чем плохо?

— Ах вон оно как. — Яхонтов покачал головой. — Корыстный интерес, значит?

— Да почему корыстный? Да хоть и корыстный? А в отношениях людских все на корысти, если так судить. И баба с му-

жиком живет тоже за интерес. И знаешь, не только за брючный интерес, если ты понимаешь, о чем я. Ну, пожрать мужик добудет. Дров принесет. А если сам здоровый да особо о проблемах своих не конопатит мозги бабе своей, то вообще замечательно. И потомство нормальное зачать сможет. А Борька мой вон амбал какой. Это ничего, что глаз один потерял. Зато силища у него — будь здоров. Если захочет, трубу железную в узелок завяжет. И молчит много. И охотник хороший. И между делом прижмет бабу так, что ее радостные визги в метро слышно будет. А ежели что, и в морду даст. Хозяином себя завсегда покажет.

— Неужели все так примитивно? — Варяг пристально посмотрел на собеседника.

— А ты как думал? Ты о высоких материях думал? — Дыбецкий засмеялся. — Да где они, материи эти? Вон, собак моих видал? Знаешь, какая разница между человеком и собакой?

— И какая же между ними разница?

— От собак природа не страдала. И все.

— Слышь, старлей, — послышался голос Сквернослова, который давно махнул рукой на этот спор и смотрел в перископ, о котором на время забыл Варяг.

— Чего?

— А ну глянь сюда, тут люди какие-то. Может, ты их знаешь?

Дыбецкий прильнул к смотровому прибору. На улице светало. Город еще был в одеянии сумерек, но трех вооруженных людей в перископ разглядеть было можно. Они были одеты в теплые спортивные костюмы. Лица их скрыты под поднятыми воротниками шерстяных свитеров. На головы натянуты капюшоны. В руках оружие. У одного калашников с оторванным прикладом, у других ружья. На одном ружье кустарным способом приделанная оптика для пневматики. Снайперский эффект такой сомнительный прицел едва ли давал, но добавлял внушительности оружию. Троица стояла в десятке метров перед луноходом и с интересом смотрела на машину.

— Ох, мужики, недоброе чую, — пробормотал милиционер. — Бандиты.

— Ты уверен? — нахмурился Варяг.

— Я же мент. — Дыбецкий усмехнулся. — Они себя кем угодно назовут. Но говорю вам, бандиты это. По следам пришли.

— Так, Славик, Коля, выходим через шлюз. Я первый. Если сзади кто-то есть и меня на выходе подстрелят, закрывайтесь наглухо. Если там нет никого, то я выхожу и становлюсь перед машиной. Буду говорить с ними. Вы носа не высовывайте. Как услышите выстрел, сразу выскакивайте — и на поражение. Славик, твой борт правый. Коля, левый. Ясно?

Братья закивали.

Луноход был припаркован таким образом, что кормовую часть держать снаружи под прицелом было сложно. Машина была в хорошем укрытии между домом и старым мусоровозом. А сразу за кормовой аппарелью была стена соседней высотки, стоящей уступом, как и все четыре здания. Варяг выбрался на улицу и, повесив на плечо свой автомат стволом вниз, вышел из укрытия и встал перед носом лунохода.

— Здорово, братцы, — кивнул он непрошеным гостям.

Бандиты, увидев человека, приготовили свое оружие. Однако то, что у него автомат просто болтался на плече, немного их успокоило, и они опустили стволы.

— И тебе не хворать, — угрюмо буркнул тот, что стоял впереди остальных. Это у него было ружье с оптикой.

— Вам чего? — Варяг улыбался, изображая непосредственность и дружелюбие.

— От метромоста сюда следы ведут. Ты в метро ходил? — В голосе бандита слышались нотки угрозы.

— Нет, конечно, что я, больной, что ли.

— А следы чьи?

— Да кто его знает? Мало ли кто ночью бродит.

— Слышь, фраерок, ты нам фуфло не гони тут. Следы здесь и заканчиваются. Ты про запрет на походы в метро не слыхал? Может, популярно растолковать?

— Парни, я что-то не понимаю, в чем причина кипеша? А? Я в метро не ходил. Еще вопросы есть?

— А ты не напрягайся, мужик. Есть следы, есть кипеш. Понятно? А тех, кто в метро лазит, кончают, ежели ты запамятовал. Так что давай ты нам хамить не будешь, а мы вместе подумаем, как тебе геморроя избежать. А то ведь ты ломом не подпоясанный. Как с тобой поступим?

— И как?

— Мзду плати. Тогда мы глаза на твои проделки закроем. И, глядишь, следы твои затопчем, чтоб другие с глупостями не приставали. Уразумел?

— И чем платить?

— Автоматик у тебя хороший.

— Мне тоже нравится, — усмехнулся Яхонтов.

— Ты не выеживайся. Давай автомат. Два рожка к нему. И сорок литров соляры.

— А где я вам солярку возьму?

— Слышь, дядя, ты нас совсем за лохов держишь? Твой тарантас святым духом питается, что ли? Если не соляра, то бензин. И давай мозги не парь. Торопимся мы. Так что, пока можем по-хорошему разойтись, давай так и поступим. А то просто завалим тут тебя, как и положено поступать со всякими метропроходцами. А если не сами завалим, то вертухаям шепнем. Закон блюсти надо.

— Ладно. По-хорошему так по-хорошему.

Варяг вздохнул и, заложив большой палец правой руки за лямку автомата, стал медленно опускать плечо, на котором тот висел. Затем резко дернул рукой, и оружие, кувырнувшись в воздухе, точно легло ему в ладонь рукояткой как раз в тот момент, когда Яхонтов стал падать на левый бок. Первые пули вырвались из ствола автомата еще до того, как Варяг упал. Он попал точно главарю в грудь. Другой бандит успел отреагировать и выстрелил, но Яхонтов не зря завалился на бок. Пуля врага лязгнула о корпус лунохода.

Сзади раздались характерные хлопки автоматных очередей. Николай и Вячеслав сделали все так, как и сказал им Варяг. Вражеский автоматчик рухнул в снег, разбрызгивая кровь из нескольких смертельных ран. Третий бандит успел перекувырнуться через небольшую снежную дюну, нанесенную ветром, и скрылся в темноте.

— Черт! Убейте же его кто-нибудь! — заорал Варяг и кинулся следом.

Братья бросились за скрывшимся в сумерках командиром. Впереди вспыхнули отсветы и три раза грохнули выстрелы. Затем раздались чертыханья Варяга.

— Пацаны! Ну, вашу мать! Чего вы упустили его?! Сейчас он сюда такую кодлу приведет! Будьте уверены! — сокрушался остановившийся Варяг. — Вы какого хрена вдвоем по одному били? Цели разделять между собой надо! А вы вдвоем по одному придурку лупили, а другой убежал!

— Да откуда я знал, что Колян в моего жмурика будет стрелять?! — огрызнулся Сквернослов.

— А на нем написано, что он твой?! — зло бросил в ответ Николай.

Новое убийство, совершенное Васнецовым, не вызвало на этот раз в нем ровным счетом никаких эмоций. Просто пустота и легкое удовлетворение оттого, что его выстрел достиг цели. Казалось, стрельба в людей становится для него чем-то обыденным. Если учесть, что в метро он тоже стрелял в людей, пусть и бывших.

К ним подошел Дыбецкий.

— Ну все, ребята, сейчас начнется, — вздохнул он.

— Что? — Яхонтов уставился на него.

— Так это. Он сейчас всех своих поднимет. Облава начнется. Вам к конфедератам уходить надо. Они бандитов не любят. Воюют с ними. Так что вас примут. Уходите за Новоарбатский мост. За ним сразу Белый дом. И поскорей сваливайте.

— А ты как же?

— А что я? Ежели вы уйдете сейчас, то нас беда минует. Они ведь по следу вашему пойдут. Не до обшариваний подвалов им будет. Отсидимся денек, и нормально.

— Хорошо. — Варяг кивнул. — Мы сейчас уйдем. Только...

Как ни странно, космонавтов долго уговаривать не пришлось. Их вообще не пришлось уговаривать. Узнав, что произошло на улице и что им срочно надо ретироваться, Андрей и Юрий молча вышли из подвала и уселись на свои места. Луноход снова тихо загудел своим двигателем и отправился в путь. Подавленные горем космонавты кинули прощальные взгляды на свой мертвый дом.

Новоарбатский мост оказался довольно близко. Они проехали еще несколько опустевших дворовых скверов, мимо жилых длинных высоток, и оказались на широком проспекте, по ту сторону которого виднелось полуразрушенное здание гостиницы «Украина». Выехав на заснеженный проспект, машина повернула направо. В сторону подъема на мост. Было очень хорошо видно знаменитый Белый дом, который находился на том берегу, слева от моста. Пять верхних этажей в здании отсутствовали. Однако следов разрушений вокруг здания видно не было. Видимо, обломки строения давно убрали. В самом Доме Советов мало что напоминало о той особенности, из-за которой его назвали Белым домом. Сейчас он был больше черным. Из подавляющего числа окон вверх тянулись мазки сажи и копоти

от бушевавших тут некогда пожаров. Однако, как ни странно, из верхнего этажа торчали длинные флагштоки, на которых развевались четыре знамени. Российский триколор, черно-желто-белый русский национальный флаг, красное советское полотнище с серпом и молотом и красное знамя Москвы со святым Георгием Победоносцем. Это было в некотором роде свидетельством наличия в данном районе хоть каких-то признаков активной жизни и элементов власти. Миновав самую высокую точку моста, путешественники увидели еще кое-что. На обширной бывшей автостоянке, перед изрядно обветшалым, но все еще целым зданием мэрии, стояло четыре танка и бронетранспортер, которые ощетинились стволами орудий и крупнокалиберного пулемета КПВТ в сторону моста. Боевая техника была аккуратно обложена кусками бетона, которые, видимо, были обломками верхних этажей Дома Советов.

Николай пытался разглядеть то, что было впереди, включая эти танки, но ему мешали затылки космонавтов и широкая спина Сквернослова, который загородил собой все окно в переднюю кабину. Ему тоже было любопытно посмотреть, и он опередил Николая. Как, впрочем, и Варяг, который даже на время оставил перископ, присоединившись к Вячеславу в его созерцании через лобовое стекло. Воспользовавшись случаем, Васнецов тут же прильнул к перископу и стал вертеть его, в поисках высоченного здания бывшей мэрии и танков перед ним. Линза перископа скользнула своим зорким глазом по замерзшей Москве-реке, над которой они сейчас проезжали. Николай продолжал вертеть перископом, как вдруг до его сознания наконец дошел тот зрительный образ, который показался настолько странным, что он даже не обратил на него никакого внимания. Снова поймав в объектив панораму реки слева от моста, он увидел это. На большом участке льда, расчищенном от снега, в гордом одиночестве рисовала безупречно ровные круги на ледяном поле молодая девушка в высоких, снабженных лезвиями белых сапожках, в которые были заправлены черные спортивные штаны. На девушке был бело-красный свитер в полоску и с высоким горлом. Из-под белой вязаной шапки с пышным красным помпоном свисала длинная русая коса с голубым бантом, который, раскачиваясь от ее движений, игриво терся о низ ее спины. Девушка рисовала очередной круг, затем восьмерку. Затем делала спираль, приближаясь к центру ранее нарисованного коньками круга. Потом вертелась на месте, то гордо и грациоз-

но заводя руки за спину, то разводя их в стороны. Снова круг. Восьмерка. Теперь она вертится на одной ноге, подхватив другую руками и вытянув вперед. Эта картина завораживала. Пьянили эти идеально отточенные движения красивого тела, чью грацию и привлекательность не могла скрыть теплая одежда. И все это было слишком невероятным, чтобы являться правдой. В жгучем холоде, на руинах цивилизации разве может прийти кому-то в голову кататься на коньках по вечному льду, среди разрухи и смерти?

Девушка остановилась. Она стояла спиной к движущемуся по мосту луноходу. Николай стал крутить ручную рукоятку зума на перископе, максимально приближая девушку, которая была примерно в пятистах метрах от моста. Теперь она казалась совсем рядом. Даже было видно, как приподнимаются ее плечи. Тяжело дышит. Устала.

Она вдруг повернулась вполоборота и посмотрела в сторону лунохода. Прямо ему, Николаю, в глаза. Бледное лицо, испещренное оспинами и морщинами. С большими черными глазами, как у морлоков в подземелье. С плотно сжатыми от постоянной боли губами...

— Рана! — воскликнул Николай и отпрянул от перископа.

— Ты чего, Коля? — Яхонтов уставился на молодого человека. — Ты ранен, что ли?

— Да нет же! Там она! Которую мы в питомнике... Которую я застрелил тогда на кордоне! Рана!

Варяг прильнул к перископу и стал смотреть. Затем немного повернул вправо, затем влево.

— Коля, тебе показалось.

Васнецов взглянул в смотровую щель. Там, где он увидел катающуюся на льду Рану, действительно ничего не было. Даже расчищенного от снега льда. Просто испещренные следами грязные сугробы.

— Но я же видел. Я своими глазами видел, — пробормотал он.

Варяг снял с ладони перчатку и потрогал лоб Васнецова.

— Парень, да у тебя, кажется, жар.

— Я в порядке.

— Да где же в порядке, если тебе мерещится всякое?

Луноход внезапно остановился. Он уже почти пересек мост и должен был выехать на площадь.

— В чем дело? — обратился искатель к Юрию Алексееву, который управлял машиной.

— На танке прожектор три раза моргнул. Наверное, предупреждение нам. Что скажешь, ехать дальше?

— Нет. Погоди-ка.

Варяг принялся рыться в вещах, уложенных под сиденьем. Вскоре он извлек оттуда лыжную палку и чистую белую майку. Привязав ее к палке, он протянул этот белый флаг через окно Алексееву.

— Приоткрой дверь и помаши этим.

Космонавт сделал так, как сказал Яхонтов. Прожектор на одном из танков зажегся и через несколько секунд потух. Затем его длинное орудие начало медленно опускаться вниз.

— Давай потихоньку езжай прямо и глаз с танка не своди.

Варяг хлопнул Юрия по плечу. Тот убрал белый флаг и, закрыв дверь, стал двигать луноход на самом малом ходу. Когда машина пересекла площадь, танковый прожектор снова зажегся и башня слегка повернулась, направив ствол прямо на луноход.

— Стой! — крикнул Яхонтов.

Машина остановилась. В снегу возле стоянки показался одетый в тулуп человек с красной повязкой на рукаве. На плечах тулупа красной краской были намалеваны лейтенантские погоны. На распущенную военную ушанку была натянута вымазанная известью армейская каска. Лицо человека скрывали респиратор и очки стрелка переносного зенитно-ракетного комплекса. В руках он держал оснащенный гранатометом и невероятно большим оптическим прицелом автомат, похожий на калашников. Вероятно, это был «Абакан».

Человек подошел к луноходу и с интересом осмотрел машину. Затем хлопнул ладонью по водительской двери. Алексеев приоткрыл ее.

— Вы кто такие? Откуда и куда направляетесь? — спросил лейтенант, опустив респиратор.

Яхонтов просунул голову в соединяющее два отсека машины окошко и произнес:

— Мы искатели.

— Какие еще искатели?

— Ну, это типа сталкеров. Только не местные мы. Из Калужской области.

— Не местные? Ишь, понаехали тут, — недовольно проворчал лейтенант. — А что за машина у вас странная?

— Вездеход для геологоразведки вроде. Я сам толком не знаю. Вон в танках ваших разбираюсь. А в такой спецтехнике не очень. Ездит, и ладно. Чего нам...

— Ну а в Москве чего вам надо, тем более на территории конфедеративного союза?

— Да мы проездом. И тут у нас стычка была у Киевского вокзала с бандитами. А мы слышали, что тут у вас военные. Ну, мы и решили к вам. Подумали, что безопаснее для нас будет. Мы трое тоже военные. Летчики бывшие. А со мной еще сыновья моего пропавшего без вести друга. Майора-десантника. Так что вроде как свои.

— Вроде как, говоришь? Какие же вы свои, если не из Москвы? Да тут и не каждый москвич свой.

— Так мы же русские. Соотечественники.

— А какая разница, русские или нет? Нам эти соотечественнички, на подступах к Москве, хуже Гитлера с Мамаем. Небось знаешь, как к москвичам относятся за сто первым километром, а? — Человек зло посмотрел на Яхонтова.

— А мне что? Ты не думай, что там все такие. Да и глупо это. Беда ведь общая.

— Все — не все. Глупо — не глупо. Беда — не беда... Это еще разобраться надо. Давайте малым ходом за мной. И без глупостей. Ты сказал, что в танках разбираешься. Значит, должен видеть, что тебя «Т-девяносто» на мушке держит. В момент от вас труху оставит.

— А он все равно выстрелит, даже если ты рядом с нами будешь? — Варяг улыбнулся.

Лейтенант, однако, таким чувством юмора не обладал. Он щелкнул затвором автомата и крикнул:

— Я сказал, без глупостей!

— Эй, ладно. Пошутил я! — махнул рукой искатель.

— За мной следовать, — зло прорычал лейтенант и двинулся в сторону Белого дома.

— Так ты садись, мы подвезем. Только скажи куда! — крикнул вслед Яхонтов.

— Я сказал, за мной! Вы задержанные теперь, до выяснения! Думаешь, шутки с вами шучу?! У нас законы военного времени действуют! За мной, вашу мать!

Луноход послушно покатил следом за проваливающимся в снег по колени лейтенантом.

Они долго плутали под конвоем с завязанными глазами. Пришлось подчиниться группе вооруженных до зубов военных, которые встретили луноход у самого парадного входа в Дом Советов. Было очевидно, что они внутри здания. Можно было понять по звукам шагов и слышимым разговорам, что тут весьма многолюдно. И казалось, что водить по коридорам подвала здания их будут бесконечно. Пока наконец их не завели в какое-то помещение и, усадив на диван, не сняли с них повязки.

Помещение оказалось просторным. Без окон, что неудивительно, поскольку, скорее всего, это был подвал. Внутри светили лампы дневного света. Поначалу пришлось зажмуриться. Они сидели на старом кожаном диване перед длинным столом, за которым восседали три человека в военных мундирах без погон. Это были уже пожилые люди, в которых еще осталась былая армейская выправка. Позади них, в углу, сидел человек помоложе. Ему было около сорока пяти лет. Он сидел в кресле, закинув обутые в высокие армейские ботинки ноги на стул. И если тройка за столом ничем примечательным не выделялась, обладая обычными, незапоминающимися лицами и будучи похожими друг на друга, то этот четвертый в углу имел более выразительную внешность. Он был одет в черный полушерстяной мундир морского пехотинца. Под стянутым на казачий манер портупеями кителем виднелась тельняшка. На рукаве самодельная нашивка с черепом и скрещенными за ним костями. На голове натянутый на лоб черный берет со знаком радиоактивности вместо кокарды. Из-под берета были видны темные, на удивление аккуратно стриженные волосы с седой челкой и седыми висками. Черные усы опускались к подбородку, а лицо его было покрыто темной щетиной. Он смотрел не так, как эти трое. Не усталыми глазами, а каким-то недобрым взглядом карих глаз из-под густых бровей. Взглянув на него, Николай почувствовал исходящую от этого человека угрозу.

— Назовите себя, — четко и властно произнес центральный из тройки в военных мундирах.

— Яхонтов Варяг. Это мои товарищи. Юрий Алексеев, Андрей Макаров, Вячеслав Сквернослов и Васнецов Николай.

— Кем были на момент катастрофы?

— Мы трое — военные летчики. А эти еще детьми были.

Сидевший справа за столом молча раскрыл планшет перед собой и стал производить на нем какие-то манипуляции, издавая при этом ритмичные щелчки.

— Да это у вас не иначе компьютер?! — воскликнул удивленно Варяг. — Ноутбук?!

— Совершенно верно, — кивнул тот, что в центре.

— И что, рабочий?

— А как вы думаете?

— Ничего себе!

— Так, — хмыкнул человек с ноутбуком. — Яхонтов. Назовите вашу часть и звание на момент катастрофы. И личный номер желательно.

Яхонтов назвал. Номер он тоже помнил.

Услышав это, человек с компьютером утвердительно кивнул своим товарищам, затем обратился к космонавтам:

— А вы двое служили в Энгельсе?

— Так точно, — угрюмо пробормотал Алексеев.

— И куда были переведены?

— Откуда вы все это знаете...

— Отвечайте, пожалуйста, на поставленный вопрос.

— В отряд космонавтов. Переподчинены в другое ведомство.

— Значит, вы космонавты?

— Совершенно верно.

— У вас там что, база данных на всех военных? — поинтересовался Варяг.

— Есть такое дело, — натянуто улыбнулся центральный. — Сейчас вас проводят в карантинный блок. Вы пройдете медосмотр. После, возможно, поговорим.

14
КВИНТЭССЕНЦИЯ ВОЙНЫ

Пройдя медицинский осмотр, они оказались заперты в большой карантинной комнате, где не было ничего, кроме десятка деревянных шезлонгов и решетки, разделяющей эту комнату на две половины. Путешественников завели за решетку и предложили отдохнуть на шезлонгах. В другой части комнаты стоял стул с маленьким столиком и на белой стене висела какая-то картина. В комнате с потолка в двух местах свисали две лампочки, но только одна из них горела. И то очень тускло. Разглядеть картину было сложно. Николаю медосмотр показался довольно унизительной процедурой, однако она выявила у него повышенную температуру. Врачи конфедерации дали ему какой-то

белый порошок, выпив который Васнецов почувствовал некоторое облегчение и сонливость. Он лежал в шезлонге в полудреме, однако слышал разговоры своих товарищей.

— Ну, попали мы, мужики, — вздохнул Сквернослов. — Чертов Дыбецкий насоветовал к конфедератам податься. Теперь мы в плену, не иначе.

— Слышь, Славик, — послышался голос Яхонтова. — Ты чего раньше времени воздух напрягаешь? Это карантин. Нормальное дело. Ребята вон из космоса к нам прилетели, и мы их тоже поначалу в карантин поместили. Забыл? И все это говорит о том, что тут серьезная сила и серьезные люди. Не одичавшие. Все правильно делают. Как у нас в Надеждинске. И электричество. И ноутбук у них даже рабочий есть. Даже с базой данных на военнослужащих. Я лично не вижу причин для тревоги. Мы сможем с ними договориться.

— Ну-ну. — Сквернослов скептически хмыкнул. — Мне тот дядя в черном мундире совсем не понравился.

— И с чего? — спросил Варяг. — Он вообще молча сидел и вопросов не задавал.

— Зато смотрел как... Нет, Колян прав был. Надо было валить из Москвы. Сразу.

— А мы что делаем? А? Только надо полгорода пропилить. И через чью территорию нам ехать? Душманов? Фашинов? Еще каких-нибудь бандерлогов? А тут свои вроде. Так что успокойся.

— Сколько мы тут уже взаперти? — тихо спросил Алексеев.

— Часа четыре, — ответил Яхонтов.

— И сколько еще торчать?

— Ну кто ж знает. Вы у нас вроде почти сутки в карантине были. Так?

— Ну, так.

Внезапно зажглась вторая лампа. Она оказалась гораздо ярче первой. В комнате стало совсем светло. Дверь открылась, и в комнату вошел тот самый человек в черном мундире и берете. Теперь было видно, что на ремне у него висели черные ножны, в которые был вложен самурайский меч. Он медленно прошел мимо решетки и, сев на стул, сурово взглянул на пятерку путешественников, развалившихся в шезлонгах.

— Какие новости, уважаемый? — спросил у него Яхонтов, поднявшись и сев на своем ложе.

Тот в ответ усмехнулся уголком рта и пощипал свой черный ус.

— Так это у вас геологический вездеход? — заговорил наконец он низким голосом.

— Ну да. — Варяг пожал плечами.

— На луне нефть добывать собирались? — В очередной усмешке человека теперь читалась издевка.

— Да луноход это, чего головы морочить друг другу, — проворчал Макаров, который секунду назад казался спящим.

— Почему сразу не сказали? — зло спросил усатый.

— А ты сразу поверил бы? — Теперь усмехнулся Варяг.

Человек в черном ничего не сказал в ответ, достал из кармана мятую пачку сигарет и закурил.

— Ну и что вы еще от нас утаили?

— Да ничего мы не утаиваем. Ты спрашивай, а мы ответим, — хмыкнул Яхонтов. — Хотя мне, конечно, интересно, что вы о нас еще узнали.

Усатый достал из кармана несколько сложенных листков пожелтевшей бумаги и, развернув их, хитро посмотрел на Яхонтова.

Николай медленно поднялся со своего ложа и взглянул на этого человека, затем на картину на стене за его спиной. Там была изображена островерхая гора из человеческих черепов, над которыми вилось черное воронье. Гора отбрасывала зловещую тень в сторону видневшегося на горизонте города, лежащего в руинах. Какой-то художник весьма красноречиво изобразил все то, что представлял собой нынешний мир. Но ясный солнечный день на картине и сухая пустыня были словно издевка над выжившими людьми, обитающими под серым и беспросветным сводом туч, среди холода и снега.

— А пока вы тут чалитесь, много чего интересного произошло, — продолжал усатый. — Во-первых, со стороны Киевского вокзала к нам пришел парламентер от бандитов и передал нам их ультиматум. Отдавайте, дескать, нам тех рукопомойников, что наших братков завалили. И еще сказали, что вы ходили в метро. Это так?

— Я. Я ходил в метро, — устало произнес Николай.

— Вот как? А зачем?

— Какие-то твари захватили где-то девушку и тащили ее туда. В метро. Я пытался спасти ее. Она на помощь звала. — У Васнецова больно кольнуло сердце, когда он снова вспомнил ее крики и зрелище ее истерзанного тела.

— Спас?

— Нет...

— А ты знал, что в метро ходить нельзя? Ты знал, что если каким-то чудом выберешься оттуда, то можешь подвергнуть смертельной опасности людей на поверхности?

— Нет. Не знал.

— И как тебе удалось вернуться оттуда?

— Я не так уж глубоко и заходил. Когда понял, что девушку не спасти, то вернулся.

— А что с ней стало? — Усатый снова усмехнулся с издевкой.

— Ее какие-то людоеды загрызли.

— Ну ладно. Допустим. Однако этим дело не кончилось. Сразу после бандитов со стороны Садового кольца приперлась делегация от душманов. И очень интересную вещь рассказала. И тоже с ультиматумом, кстати. Они сказали, что миссия по спасению Земли может быть возложена Всевышним только на правоверных. А нечестивые неверные не имеют права брать на себя ответственность за судьбу выживших людей. Но и это еще не все. После духов пришли представители одной из фашистских группировок. Они сказали, что нынешний мир есть чистилище для людей, которые, пройдя все эти испытания, должны очиститься от слабых и немощных, и тогда Земля достанется новому, совершенному и сильному человеку высшей расы. И поэтому нельзя допустить, чтобы вы выполнили свою миссию и прервали естественный отбор для сверхчеловеков. Потом пришли парламентеры от сектантов, которые потребовали вас казнить, так как земной Армагеддон есть Божий промысел и вы не имеете права идти против воли Бога, и посему они запросили ваши головы, как, впрочем, и все остальные отморозки. Ну и что вы скажете на это?

— А что сказать? — спросил в ответ Яхонтов.

— Что за миссия?

— Мы направляемся на Аляску. Там есть спецустановка ХАРП. Ее запустили еще до ядрены. Вероятно, что-то там не так пошло, но выключить ее уже никто не смог. Она продолжает работать. И она медленно, но верно уничтожает планету. И еще есть мнение, что облака сконденсированы ею. Пыль после ядерной войны давно должна была осесть. Но облака сковали всю Землю, как на Венере, и конца этому не видно. Мы решили уничтожить ХАРП и дать остаткам человечества еще один шанс. Во всяком случае, мы надеемся, что это поможет.

— Однако, — хмыкнул человек в черном. — Не перевелись еще на земле русской богатыри, да? Надо быть либо конченными идиотами, либо настоящими героями, чтобы пойти на такое.

— А каков все-таки окончательный вердикт вашего руководства? — Варяг выжидательно посмотрел на него.

Человек бросил сигарету на пол и медленно растер ее каблуком ботинка.

— Мы можем вас отдать. И выполнить условия ультиматума, тем самым отведя от нашей конфедерации беду. Но ультиматум нам поставили четыре группировки. Отдав вас одним, мы тем не менее можем все равно вызвать гнев остальных. Однако есть кое-что, делающее этот первый вариант невозможным. Во-первых, мы постоянно в состоянии войны с фашинами, которым не по нутру, что у нас в общине люди десятков национальностей, проживавших когда-то в России и даже за ее пределами. Мы всегда в состоянии войны с духами, для которых мы все нечестивые кафиры и потенциальные рабы. Мы всегда воюем с сектантами, которые хотят насаждать среди всех людей какие-то дикие культы и стремление к ритуальным самоубийствам. Мы воюем с бандитами, просто потому, что они бандиты и ничем не лучше ни первых, ни вторых, ни третьих. Тем не менее сейчас против нас готовы выступить все четыре группировки. Это плохо. Но, будучи непримиримыми врагами, они вполне могут вступить в бой и между собой. Такую возможность упускать нельзя. И наконец, здесь, в конфедеративном союзе, есть еще люди, которые помнят, что такое честь русского офицера. Так что никто вас просто так на растерзание зверью не отдаст. Тем более если учесть, что ваша миссия — не выдумка.

— Откуда они все могли узнать о нашей миссии? — Варяг по очереди взглянул на своих товарищей.

— Дыбецкий, сука, слил! — воскликнул Сквернослов. — Точно говорю. Мы только ему говорили! Вот падла!

— Тихо, Славик. — Николай мотнул головой. — Туда могли прийти бандиты, чьих людей мы убили. И эти бандиты могли сунуться в подвал. Милиционер мог не выдержать пыток или издевательств над своими близкими. Ведь может такое быть, а, Варяг?

— Очень может быть, — кивнул Яхонтов. — В таком случае очень мы подвели людей.

— Атаки можно ожидать в ближайшие пару часов, — заявил человек в черном. — Вы способны держать в руках оружие?

— С этим как раз проблем нет, — кивнул Варяг, затем указал рукой на картину. — Это ведь работа Верещагина, так?

Человек обернулся, взглянул на висящий холст, затем вновь обратил свой суровый взгляд на искателя и кивнул:

— Да. Василий Верещагин. «Апофеоз войны».

— А подлинник, кажется, в Третьяковской галерее был. Верно?

— Подлинник перед тобой. От Третьяковки мало что осталось. Мы перетащили сюда все, что смогли. Включая и это. Как-никак культурное наследие былого. — Усатый опять усмехнулся, показывая крупный клык.

Яхонтов прислонился лбом к решетке и пристально посмотрел на гору черепов.

— Вы специально ее тут повесили? Для душевного смятения задержанных? — Варяг грустно улыбнулся. — Мне пятнадцать было, когда я побывал в Третьяковской галерее. Я помню ее. Я ее видел там. Странно. Мне почему-то казалось всегда, что она зовется «Квинтэссенция войны». Разве нет?

— «Апофеоз войны». — Он мотнул головой и распахнул решетку, отперев ее большим флажковым ключом. — Идем. Вам вернут ваше оружие.

— Слушай, ты нам так и не представился. — Варяг внимательно посмотрел в черные глаза усатого.

— Меня обычно называют Людоед, — зло улыбнулся он и поправил свой берет, сместив его к затылку. — Да ты не очкуй, Яхонтов. Это меня не из-за гастрономических пристрастий так зовут. Просто характер у меня такой. А вообще я Илья. Фамилия Крест. Идем. Скоро время ультиматума выйдет.

— Эй! Ундерменьши! Ультиматум кончился, продавшиеся вы краснопузым и черномазым свиньи! Не слышим ответа! Недочеловеки хреновы!

Этот крик, усиленный рупором, донесся со стороны Рочдельской улицы и эхом пронесся над пустынной и широкой улицей с тыльной стороны Белого дома.

Не успели рассеяться в воздухе отголоски этого выкрика, как со стороны Садового кольца донесся другой возглас, также адресованный тем, кто был в Доме Советов:

— Урус! Ванючька! Сейчас ми вам башька рэзат будем как баранам, иншалла! Кафиры паганые!

Как и следовало ожидать, это была не последняя угроза.

— Овцы заблудшие! Да сметет вас пламя гнева Иеговы! Во грехе живете и подохнете как собаки! Кто смеет усомниться в промысле Божьем?! Смерть еретикам! Смерть богоотступникам! Ваше время вышло!

И наконец, со стороны Новоарбатского моста:

— Эй, фраера! Вы че себе думаете там на! У нас перьев хватит всякому из вас под каждое ребро ввинтить! Отдавайте петухов! Или кончен базар да пошла мазня по стенам! Думаете, мы тут шуткуем, а?!

На улице усилился ветер, который гудел в пустых окнах и трепал знамена на крыше здания. Скрипели раскручиваемые ветром вертолетные лопасти четырех ветряных электрогенераторов, установленных на обоих крыльях здания. Николай поежился, прижимая к себе автомат. Они находились на втором этаже основания Дома Советов в длинном, тянущемся вдоль огромных окон помещении. Окна были от пола, и поэтому их заложили на полтора метра бетонными блоками и мешками с песком. Кроме команды из Надеждинска тут было еще полсотни вооруженных бойцов. Это несколько успокаивало. Сложно было себе представить, какая сила сейчас кинется на них в атаку, но обилие изготовленных к шквальному огню стволов огнестрельного оружия вселяло уверенность в победе. Хотя воспоминания о висящей в карантинной комнате картине несколько отрезвляли воинственный пыл. Все-таки война — это в первую очередь смерть, а уж потом, быть может, победа.

— Слышь, Людоед, тебе не кажется, что эти отморозки действуют сообща? Может, они союз заключили? Как такое может быть? — Варяг толкнул Илью в плечо.

— История знала и более противоречивые и не поддающиеся логике союзы. Я не исключаю, что они объединились. И ничего удивительного. Есть кое-что, роднящее их между собой.

Людоед все-таки отказался от своего берета, который с удовольствием носил в помещении. Теперь на нем была черная кожаная ушанка, какие носили на флоте. И черная шинель без погон и со странными вышитыми надписями на обшлагах — «Got mit uns». Поверх шинели снова казачья портупея, на которой болталась самурайская катана с одной стороны и кобура — с другой.

— И что их роднит?

— Они уроды все.

— Дела плохи, если они объединились. — Варяг почесал бороду и поправил на лице защитные очки.

— Да ерунда. Если они объединились, значит, нам придется убить больше народу. Вот и вся разница.

Илья оскалился недобро и сменил шапку на выкрашенную в черный цвет армейскую каску с белой надписью: «Я ЛЮДОЕД! ПОСОЛИ СЕБЯ САМ!»

Стоявший рядом молодой боец нервно засмеялся.

— Людоеду только одно в жизни надо. Чтоб на него бежало как можно больше врагов, — сказал он.

— Кончай базар, — рыкнул на него Илья и подошел к высокому офицеру со снайперской винтовкой в руках и одноразовым гранатометом за спиной. На плечах его тулупа были нарисованы двуглавые орлы. Видимо, они говорили о генеральском звании.

— Что там казаки? — спросил он у офицера.

— Сидят по точкам. Ждут атаки. Отправили пластунов к «Ирбису» и к сталкерам. Может, подмога будет.

— Неплохо. Так, ну где там эти пионеры?! — крикнул Людоед в сторону ведущей к лестнице двери.

Оттуда показались пятеро мальчишек лет десяти или двенадцати. Николай с удивлением взглянул на них. Зачем здесь дети? У троих были как-то странно скрючены руки, и они прихрамывали. Васнецов видел уже такие симптомы в Надеждинске. Эти трое были больны рахитом, что неудивительно в тех условиях, в которых жили теперь люди.

— Так, мелкие, помните, чему я вас учил? Сейчас будет стрельба. Ползайте вдоль позиции и собирайте пустые магазины. Это будете делать вы трое. Вы все равно не сможете снаряжать их патронами. Подаете магазины и ленты этим двум. А вы быстро, как только возможно, снаряжаете их патронами. Вон ящики. На тренировках вы показали неплохие результаты. Сейчас надо сделать это еще лучше. Ясно?!

— Так точно, — пропели тонкие и хриплые голоса детей.

Взглянув в дальний конец этого длинного помещения (или коридора?), Николай увидел, что и там появилась группа детей, которых кто-то так же инструктировал.

— Эй! — воскликнул Варяг. — Илья! В чем дело?! Зачем тут дети?!

— Это гавроши. Слыхал про Гавроша во Французскую революцию? Они будут обеспечивать нас боеприпасами. А это будет поддерживать интенсивность и темп стрельбы.

— Да ты в своем уме? Это же дети! Да еще и больные! Отправь их в подвал! Они же погибнуть могут!

— В такое время мы живем. — Илья равнодушно махнул рукой.

— Ну, ты натуральный людоед, мать твою!

Крест подошел к Варягу вплотную и пристально посмотрел своими злыми глазами в глаза искателя.

— Слышь, яхонтовый ты мой, ты кто, вообще, тут есть? Ты здесь никто, и звать тебя никак. Понял? Сейчас будет бой во спасение ваших шкур, между прочим.

— Да я сейчас же пойду к тем уродам, что ультиматум вам ставили, и сдамся. Не хрен меня тут попрекать! Уж лучше, наверное, с ними, чем с тобой тут!

— Ну, вали, герой!

— Отставить! — рявкнул офицер со снайперской винтовкой. — Крест! Иди делом займись, чтоб тебя! Никто никуда не пойдет!

— Да не ори, генерал. Я доброволец. С меня взятки гладки, — досадливо бросил Людоед и направился к одной из множества дверей в обшарпанной стене.

С левого фланга послышался сдавленный крик одного из бойцов:

— Снайпер!

Все пригнулись, прячась за баррикады.

— Началось, — вздохнул космонавт Алексеев.

Где-то рядом о бетон лязгнула очередная пуля снайпера.

— Черт! Кто там высовывается! — крикнул генерал.

— Так это! Павел Васильевич! Нам же надо дать нашим стрелкам обнаружить его позицию! Вот я и высунулся на секунду! — ответил кто-то в стороне.

— Совсем дурак?! Шапку на прикладе подними!

— Так ведь там тоже не лох сидит. Что он, голову от манка не отличит?

— Ну и получишь пулю в тыкву! Я сказал манками его дразнить!

Где-то со стороны расстрельного стадиона раздался хлопок, и стало слышно приближающееся с невероятной скоростью шипение. Затем грохот, который сотряс пол.

— Гранатомет, — сплюнул Варяг. — Как у них с оружием?

— Видно, они где-то склад откопали, если лупят из гранатомета просто по стенам, — пожал плечами генерал. — Ну

ничего. Богаче нас на боеприпасы в Москве один хрен никого нет.

Он отодвинул мешок с песком, за которым была небольшая бойница в бетонных плитах, и стал наблюдать через оптический прицел своей винтовки.

Еще два гранатометных выстрела ударили рядом.

— Черт! Кто-нибудь что-нибудь видит?

— Нет пока. Прячутся, суки!

— Связь! Связь, оглох, что ли?!

— Я тут! — донеслось из ближайшего помещения.

— Что из здания мэрии докладывают?

— Наблюдают движение с четырех сторон. Это совместная атака. Движутся пока скрытно. Покуда позволяют сугробы, здания и прочий хлам. Их там очень много, товарищ генерал.

— Ничего. Потом все равно им почти сто метров по открытому пространству до здания. Тогда и накроем их. Попадут, суки, в клещи.

— Вижу шайтанщика с «Мухой»! — крикнули справа, и сразу раздался, словно удар плетки, одиночный выстрел из СВД. — Снял его!

— Меняй позицию! — скомандовал генерал.

Со стороны стадиона застрекотали автоматные очереди. Противник сильно обозлился после того, как снайпер конфедератов подстрелил их гранатометчика.

— Вижу пулеметчика! — крикнул генерал, глядя в прицел. — Работаю!

Еще один похожий на удар плетки выстрел унес еще одну жизнь.

— Есть!

— Генерал! «Браунинг М-два» у шестого ориентира! — закричали с радиопоста.

— Черт! Уйти от стены!

Бойцы прижались к полу и стали отползать. Где-то снаружи загрохотал крупнокалиберный пулемет. Пули стали крошить бетон и разрывать на части мешки с песком. Одна пуля прошла сквозь стык таких мешков и оторвала какому-то бойцу руку у плечевого сустава. Жуткий крик боли заглушил звуки пальбы.

— Медика сюда! Кто видит, где пулемет?! Я ничего у шестого ориентира не наблюдаю! Мешает самосвал! Связь! Скажи стрелкам в мэрии, чтоб работали по браунингу, если видят его! Людоед, черт, где ты есть!

— Да сейчас уже! Думаешь, это так просто?!

С улицы послышался хор криков. Противник, закидав открытое пространство впереди себя дымовыми пакетами и шашками, ринулся в атаку. Расстояние между границей дымовой завесы и зданием Дома Советов было в среднем около сорока метров. Так близко подпускать врага нельзя, и генерал отдал команду стрелять по дыму. Морозный воздух вокруг, рассекаемый до этого одиночными обменами выстрелов, наполнился звуками шквального огня. Полетели гранаты, многие из которых были самодельными.

Николай не торопился стрелять. Что-то заставило его смотреть на прижавшихся к своим укреплениям людей, с каким-то остервенением ведущих огонь. Почему они это делают? Ведь они, по сути, защищают пять незнакомых им человек из другого города с какой-то не понятной никому миссией. А ведь они просто могли отдать врагу и Николая, и его товарищей. Может, они рады возможности убивать или просто выполняют приказ? Назад полетели первые опустевшие рожки от автоматов. Больные мальчуганы, как могли, быстро кинулись их собирать и подносить тем, кто тут же заполнял их патронами.

Сзади брызнула кровь, и Васнецов резко обернулся. По мешкам с песком медленно сползало тело, обезглавленное крупнокалиберным патроном браунинга, которому еще не заткнули «рот». Еще одна пуля, попавшая уже в мертвое тело, опрокинула его назад.

— Твою мать... — прошептал Николай.

— Коля! Сука! Стреляй же, скотина! — кричал рядом Сквернослов, давивший на спусковой крючок и комментирующий каждую очередь отборным матом.

Со стороны помещений забряцало оружие. Николай дернул головой и увидел, как Людоед тащит огромный шестиствольный пулемет. Точь-в-точь как у великана, которого он встретил в метро. Пулемет был прикреплен к треногой станине. Илья установил ее перед бетонными блоками и нажал на гашетку. Доли секунд стволы раскручивались и наконец изрыгнули фонтан пламени.

— Жрите, падлы! — заорал Людоед. Лицо его перекосилось от какого-то дикого восторга, который дарила ему эта подчиненная его рукам смертоносная мощь.

Горячий ветер подул от крутящихся стволов. Николай прикрылся рукой от летящих в него раскаленных гильз и совсем машинально подобрал одну из гильз и сунул в карман.

— Стреляй, Васнецов! — заорал Андрей Макаров, чья позиция была рядом с Варягом.

Николай отодвинул мешок с песком и выставил в образовавшуюся щель свой автомат. Из начинающего рассеиваться дыма уже показались фигуры атакующих. Число их было гораздо больше, чем предполагал Васнецов. Их были не десятки и не сотня. Неслась лавина из многих сотен человек. И ведь это один рубеж. А еще атаковали с моста и с запада, и с востока. Однако шквальный огонь защитников Дома Советов настигал противников одного за другим. Но враг был опасно близко. Ревущий огонь, изрыгаемый жутким пулеметом Людоеда, исполосовал группу нападавших, разрезав нескольких из них на части, как огромная пила. Николай судорожно водил стволом то вправо, то влево и никак не мог сосредоточиться на одной цели. В кого стрелять? Стоило ему взять кого-то на мушку, как тот падал, сраженный чьим-то огнем. Один ловкач был довольно близко и уже занес руку для броска гранаты как раз в то место, где находился Васнецов. Николай дрожащим пальцем нажал на курок. Вокруг врага с гранатой заплясали фонтанчики снега, однако Васнецов никак не мог попасть в противника, не в силах унять дрожь в руках. Наконец одна пуля попала неприятелю в ногу. Тот закричал и упал на колени, но гранату не выронил. Он снова замахнулся, и тут рядом с Николаем снова раздался звук плетки. Пуля, пущенная из СВД генерала, пробила врагу лобную кость. Тот повалился на снег и разжал ладонь. Граната взорвалась, подбросив уже мертвое тело и разорвав его. Неистовый враг тоже вел огонь. Мимо свистели пули. Врезались в мешки с замерзшим песком. Откалывали крошки от бетонных плит. Врезались в стену позади. За спинами обороняющихся уже торопливо сновали женщины с большими сумками и оттаскивали во внутренние помещения убитых и раненых.

— Это санитарки? А чего они без красных крестов? — спросил Варяг, меняя пустой магазин на своем автомате.

— Ты что, Варяг, по санитарам в первую очередь стреляют! — крикнул в ответ генерал, ищущий новую жертву в перекрестии оптического прицела.

Выстрел.

— Готов, сука!

— Шайтанщики! — закричал боец справа.

К дому бежало два десятка врагов, приготовивших к стрельбе гранатометы. Зашипели реактивные снаряды. Всего в десят-

ке шагов от Николая раздался взрыв, разбросавший мешки и убивший нескольких бойцов. Еще несколько человек отскочили от своих позиций, растирая глаза от попавшего в них песка.

— Очки всем одеть, черт подери! — рявкнул генерал.

Где-то справа разнеслись над улицей раскаты грома. Это заговорили танки, стоящие у здания бывшей мэрии. Они вели огонь по тем, кто атаковал со стороны горбатого моста.

— Ядрить твою, неужто эта орда только из-за нас приперлась, а? — воскликнул Вячеслав, отстегивая пустой рожок и кидая его детям.

— Не много ли чести? — засмеялся пригнувшийся Илья, заряжая в свою адскую машину новую ленту. — Такое случается всегда, когда эти сволочи запасаются тоннами боеприпасов. Просто сейчас их во много раз больше! А значит, у нас есть шансы побольше этих скотов отправить в ад!

— Черт! — вскрикнул Алексеев и, распластавшись на полу, схватился за правое предплечье.

По рукаву его комбинезона сочилась кровь. К нему подбежали две санитарки. Но в этот момент в бойницу, из которой вел огонь Алексеев, влетела еще одна пуля и пробила одной из женщин горло. Она захрипела и, упав на пол, задергалась в судорогах.

— Ннна-а-а!!! — Лицо Людоеда снова перекосилось от ярости и желания убивать, и его пулемет, заряженный новой смертью, продолжил свою работу.

Он быстро очертил кривую полосу разлетающегося снежного наста и выпотрошил одного врага, затем другого, третьего. Николай дал очередь по какому-то боевику, но, прежде чем его пули настигли врага, голова того уже превратилась в кровавую взвесь от выстрелов Людоеда.

— Черт, да я впустую патроны трачу, — пробормотал Васнецов.

Снег перед позициями все больше приобретал красный цвет и был перемолот разрывами гранат, смешивающими снег с человеческой плотью и тряпьем их одежды. Трупов становилось все больше. Но казалось, врагов от этого меньше не становится. Вдруг где-то вдалеке, возле стадиона, со стороны расположенных там строений, засверкали всполохи автоматных очередей. И били они в спину нападавшим.

— Отлично! — радостно воскликнул генерал. — Казаки вышли из засады и захлопнули ловушку!

Ожесточение боя нарастало с каждой секундой. Враг, поняв, что оказался в котле, вел огонь во все стороны и искал укрытие. Со стороны опрокинутого самосвала, находящегося у часовни памяти жертв октября 93-го, снова загрохотал браунинг. Но на сей раз он стрелял по нападавшим. Видимо, казаки захватили его. Однако радость от осознания скорой победы была недолгой. Вдали показалось движение, эхом разнеслись хлопки выстрелов крупнокалиберного КПВТ. Глядя в прицел, генерал смог оценить, что за странное движение было за стадионом.

— Матерь Божья. У них ходовые бэтээры! Да сейчас казаков сметут. У них там только стрелковое оружие и подствольники! Связь! Связист, чтоб тебя!

— Я, товарищ генерал!

— Что с мэрии слышно?!

— Первую волну отбили благополучно. Сейчас наблюдают подготовку ко второй.

— Третий! Третий сектор запроси! Что в третьем секторе они видят? Я наблюдаю три бэтээра! Мать твою! Бээмпэ! Еще одна бээмпэ!

— Товарищ генерал! Они там наблюдают четыре бэтээра и две бээмпэ! Одна бээмпэ без башни, но вместо нее какая-то будка. Там, кажись, они зенитную спарку «ЗУ-двадцать три» установили!

Здание сотряслось. Где-то наверху послышались взрывы.

— Это еще что такое?!

— Генерал! От гостиницы «Украина» минометы бьют!

— Да твою же мать! Теперь мы в клещах оказались! Связист! Давай вызывай тяжелый резерв! Артподготовка! Потом по моей команде атака по ориентирам семь, восемь и девять. Передай кордону у моста, чтоб работали навесом по позициям минометчиков!

— Есть! Резерв на связи!

— Огонь по координатам двести пять-шестьдесят два, двести пять-шестьдесят три, двести шесть-тридцать один и триста-семьдесят!

— Передаю!

— Внимание! — Генерал сложил ладони рупором и закричал: — Всем открыть рты!

Николай не понял, что это значит, но увидел, что все беспрекословно выполнили приказ. Он последовал общему при-

меру. Пол задрожал, и снизу послышался пугающий рев. Затем оглушительный грохот. Оказывается, на первом этаже, прямо под ними, были спрятаны два танка. Они открыли огонь по указанным и, видимо, давно пристрелянным координатам. Теперь Васнецову было ясно, что, не открой он перед этим рот, непременно оглох бы. Вдалеке взметнулись ввысь взрывы. Еще один залп. Взмыл фонтан пламени. На сей раз выстрелы поразили одну вражескую БМП. Третий залп попал по БТР.

— Все, медлить нельзя! Казаков совсем зажали! — крикнул Людоед.

Он был прав. Атаковавшие боевики не просто отступали от Дома Советов. Они теснили тех, кто ударил им в тыл. И казаки оказались между ордой пеших боевиков и их бронетехникой.

— Связь! Резерв в атаку! — крикнул генерал.

— Есть!

— Людоед! Первый взвод бери и поддержите атаку танков!

— Сделаем.

— Мы тоже! — крикнул вдруг Яхонтов.

— Не следует вам этого делать! — Генерал мотнул головой.

— Это почему?! Мы не хуже и не лучше других! Из-за нас тут каша такая заварилась!

— Ладно, Варяг, с Богом. Тут под нами снег глубокий у стены. Можете прыгать прямо отсюда. Только когда танки пройдут. Ну и посмотрите, куда прыгаете. Может, там кирпич какой.

— Хорошо!

Пол задрожал еще сильней. Снизу показались длинные стволы танков. Затем и медленно выползающие могучие корпуса бронированных машин. Это была пара Т-72. Они медленно, но верно поползли на выручку к казакам.

— Паша, присмотри за моим пулеметом! — Людоед хлопнул генерала по плечу, затем вскинул калашников и во все горло закричал: — Эй, славяне! Первый взвод! За Родину, за Сталина! Слава России, слава империи! За мной, дармоеды! — Он ловко перепрыгнул через уложенные мешки с песком и полетел вниз.

— Маньяк, — хмыкнул Яхонтов и последовал его примеру, как и еще полтора десятка человек.

Николай немного замешкался. Ему показалось, что он слышит детский плач. Обернувшись, он понял, что не ошибся.

Один из больных рахитом мальчуганов лежал в луже собственной крови. Грудь его была пробита. Очевидно, вражеская пуля срикошетила от стены. Над ним склонились его маленькие друзья и плакали.

Николай встряхнул головой и прыгнул вниз.

Дым, крики, стрельба, вспышки, запах пороха, серы, крови и паленого мяса, карбида и танковых выхлопов. Все перемешалось со снегом, холодом и страхом, дав Николаю понять, что такое есть этот самый апофеоз войны, или квинтэссенция, или как там ее...

Это не просто гора черепов на старом холсте. Это что-то невидимое и пляшущее рядом. Одергивающее за рукав и бьющее током по оголенным струнам нервной системы. Вкручивающее в виски ржавые шурупы страха.

Спрыгнув со второго этажа, Васнецов ушел по пояс в снег. После танков из укрытия бросились в атаку несколько десятков вооруженных человек, которые должны были защищать бронетехнику от огня вражеских гранатометчиков, или, как они говорили, шайтанщиков. Двое бойцов помогли ему выбраться и бросились догонять своих. Николай обнаружил, что его сапог остался в снегу. Пришлось повозиться, чтобы его достать и натянуть на ногу, ругая при этом себя за неуклюжесть. Обувшись, он подхватил свой автомат и бросился следом за ушедшими вперед товарищами.

Ему приходилось обходить множество валяющихся повсюду трупов и останков тел. Где-то стонали раненые. На одного такого он наткнулся. Судя по оранжевому шарфу, это был сектант. Враг. Кто-то перед боем объяснял, что они вяжут шарфы для избегания дружественного огня. У сектантов оранжевые. У душманов зеленые или черно-белые в клеточку платки. У фашинов черные с белыми черепами. У бандитов белые шарфы с карточными мастями на концах.

Раненый кряхтел, выпуская изо рта кровавую пену, и дрожащими руками пытался запихнуть обратно вывалившиеся из рассеченного живота внутренности. Николай наставил на него автомат, не зная, что делать дальше.

— Патроны! — крикнул кто-то в стороне. — Патроны не трать! Добивай ножом или прикладом!

Васнецов понял, что не сможет этого сделать. Не сможет добить раненого. К нему подошел пожилой боец с седой бородой,

похожий на того эколога, которого они со Славиком тащили в санях, наполненных рыбой, по трещащей разрывающимся льдом Оке.

— Ты чего, парень? — спросил он и, достав из ножен длинный заточенный напильник, вонзил его раненому в основание черепа. Затем выдернул и вытер орудие убийства об одежду жертвы. — Делов-то.

Пораженный увиденным, Николай еще некоторое время смотрел ему вслед, затем двинулся дальше. Идя по оставленному танком следу, он быстро нагнал пустившуюся на выручку к казакам группу. Ревущие чадящими дизельными движками танки медленно двигались к часовне, иногда оглашая окрестности, и без того наполненные звуками войны, стрельбой из своих пулеметов и огнем орудий. Обе боевые машины были вымазаны известью и мелом для маскировки в снегу. На одном из них красной краской была выведена надпись: «За Русь!» На втором — черной краской: «За Человечество!» Обе надписи были исполнены на бортовых экранах из армированной резины, прикрывающих ходовую часть. В дымке пороховых газов и чада от пожарищ и взрывов были видны стреляющие из ручного оружия люди.

— Куда, куда лепите! Гранатометчиков первыми вышибайте! Они нам танки пожгут к чертям! — слышался знакомый низкий голос Людоеда. — Пленных не брать! Самим жрать нечего!

— Коля! — Откуда-то из дыма появился Вячеслав. — Блин, я уж дурное подумал. Ты куда пропал вообще?

— Да так...

Пустырь вокруг часовни был буквально устлан телами. Трудно было разобрать, у кого потери больше — у противника или казаков. Все они лежали вперемешку. Кажется, перед приходом танков здесь завязалась рукопашная. Танки остановились. Раздался выстрел. Потом взрыв в стороне. Было видно горящий БТР, который продолжал ехать. Через некоторое время он остановился. Николай увидел призрачный черный силуэт Людоеда. Тот, размахивая самурайским мечом, подбежал к горящей машине. Десантная дверь между колес открылась, и оттуда пытался выбраться раненый боевик. Взмах меча, и его голова отделилась от туловища. Из-за БТРа показались еще боевики, которые спешили на выручку своим. Но они нарвались на шквальный огонь подчиненного Илье взвода. Сам Людоед,

как одержимый, кинулся на врагов, совсем не думая, что их много и что он может попасть под пули своих. От часовни бежали уцелевшие казаки, они завели автоматы за спины и размахивали саблями. Холодное оружие было и у врагов. Началась настоящая мясорубка. Со стороны мэрии послышался усиливающийся шум стрельбы. Николай обернулся. От Дома Советов к мэрии бежали десятки людей, среди которых было видно и генерала. Один человек от цитадели конфедератов подбежал к Николаю и Сквернослову.

— Мужики, с Лужников сталкеры пришли. Они резню бандитам на мосту устроили и сейчас дожимают тех, кто мэрию осадил! А вон с севера Салах-Атдин со своим «Ирбисом». Побеждаем! — Радостный боец побежал дальше.

Когда теснимые батальоном «Ирбис» душманы и сектанты бросились бежать через большой снежный холм прямо на братьев, стало ясно, что повода для радости пока нет.

— Черт! Коля! Стреляй!

Сквернослов вскинул автомат и открыл огонь. Николай последовал его примеру. Срезаемые очередями боевики скатывались с холма.

— Я пустой! К танку, быстро! — крикнул Вячеслав и побежал за бронированную машину.

Т-72 разворачивал башню на бегущую лавину боевиков. Кто-то из них выстрелил из гранатомета. Реактивный снаряд ударил в коробку динамической защиты на башне. Динамит в коробке взорвался, рассеивая кумулятивную струю, не давая ей прожечь броню. Николай упал, прикрыв голову руками и слушая, как вокруг забарабанили дробью и зашипели в снегу мелкие осколки. Взглянув на холм, он увидел, как во фланг бегущим боевикам вклинилась толпа, ведомая Людоедом, и присоединившиеся к ним казаки. Началась рукопашная. Люди хлестали друг друга мечами, саблями, кусками арматуры. Вонзали друг в друга заточки. Сворачивали прикладами оружия челюсти и носы. Хватали друг друга руками. Выдавливали глаза. Проламывали черепа касками. Затаптывали тех, кто упал. И кричали, кричали, кричали. От этого шума у Николая зазвенело в ушах. Его стало тошнить от вида выплескивающихся из проломанных голов мозгов, вываливающихся из распоротых животов кишок и от всего того, что он видел, но разумом не воспринимал. Ему тоже захотелось кричать. Кричать, чтоб люди прекратили это безумие. Кричать, чтоб люди остановили хлещущие потоки крови...

Он поднял автомат, который обронил. Стал искать цель, надеясь, что его выстрел станет последним в этой бойне. Палец потянулся к спусковому крючку. Где-то в стороне хлестнула уже знакомая плетка СВД. Николай снова выронил автомат, потому что кто-то его толкнул. Но рядом никого не было. И вдруг Васнецов почувствовал, что в его теле появилось что-то постороннее, острое и горячее, от которого по всем клеткам его организма с безумной скоростью расходится ударная волна боли. Он медленно встал на колени и уставился на снег перед собою, окрашиваемый в красный цвет. Затем взглянул на свой бушлат, в котором зияла кровавая дырка, из которой шел дым и лилась кровь.

— Это что такое, — прохрипел Николай. — Что это... Я не могу... Только не со мной...

Тьма сгустилась над разумом. Все, что он видел перед своими глазами, померкло. Васнецов обмяк и уткнулся лицом в теплый от собственной крови снег.

15
СОН РАЗУМА

— Осторожно. Двери закрываются. Следующая станция...

Монотонный, ничего не выражающий женский голос послышался из динамиков, и, хлопнув дверьми, состав тронулся с места, быстро набирая скорость.

— Уважаемые пассажиры. Помните о случаях терроризма на транспорте... — продолжал неживой голос.

Он наконец открыл глаза и осмотрелся. В вагоне горел яркий свет. За стеклами чернота тоннеля. На пассажирских местах сидят по-летнему одетые люди. Кто-то читает газету. Кто-то разгадывает сканворд. У кого-то в руках книга. Впереди на сиденье в обнимку сидит молодая пара. Позади слышно, как плачет младенец и его убаюкивает нежный голос молодой мамы. Рядом сидел человек лет двадцати пяти и дремал. В руках у него была книга с темной обложкой. На обложке название: «Второго шанса...» Окончание надписи было прикрыто рукой.

— Черт, да мне все это приснилось? — озадаченно пробормотал Николай.

Он отчетливо понимал, что находится в вагоне электропоезда, мчащегося по московскому метро. И вокруг сидели безза-

ботные люди в легкой одежде. Значит, нет никакой ядерной зимы? Значит, не было никакой войны? Нет Надеждинска, Славика, Варяга, космонавтов и их миссии? Не было никакой Раны, которую он убил? А родители? Что с ними? И что было год назад, месяц назад, вчера или... Как он очутился в метро? Он совершенно ничего не помнил, кроме того жуткого сна о постъядерном мире, который ему приснился только что. И как это понимать? Что происходит с ним? Странное чувство охватило его. Или радоваться тому, что не было никакой катастрофы и мир жив, или печалиться тому, что нет ни Славика, ни Варяга, ни их спасительной миссии и его, Николая, особого предназначения, связанного с этой миссией. Но почему он ничего не помнит о своей мирной жизни, если все иное ему лишь приснилось за несколько минут, что он дремал в вагоне метро?

— Простите. Простите, уважаемый. — Васнецов легонько толкнул дремлющего соседа. Однако тот не отреагировал и продолжал спать.

Васнецов поднялся с места и пошел по вагону.

— Простите, извините...

Он обращался то к одному пассажиру, то к другому, но те оставались безучастны и не обращали на него никакого внимания. Каждый был погружен в себя. Николай махнул рукой и, отперев дверь, направился в следующий вагон. Там тоже сидели пассажиры. Живые. По-летнему одетые. С противоположной стороны двигалась группа смуглых мужчин в спортивных костюмах. Они громко разговаривали на непонятном языке. Смеялись, широко раскрывая рты и демонстративно показывая золотые зубы. Подойдя к скамейке, на которой сидели парень и миловидная девушка в короткой юбке, они остановились.

— Уйди, баран. — Один из смуглых схватил парня за воротник его рубашки и буквально вышвырнул его с места. Они расселись вокруг напуганной девушки.

— Эй, красавица. Зачем тебе этот ишак, а? Ми настаящие мужчины, слушай.

Один из них запустил усеянную перстнями ладонь ей под юбку. Девушка закричала, сжимая колени и отталкивая смуглого.

— Чито ты орешь, сучка? Тэбе с нами карашо будет!

Молодой парень стоял в стороне и не решался вступиться за свою девушку.

— Отвалите от нее, уроды! — крикнул Николай, но те не обратили никакого внимания. Тогда он посмотрел на пассажи-

ров. Те сидели, уткнувшись в свои книги, газеты, или просто смотрели в окна, за которыми была тьма. — Люди! Какого хрена вы сидите?! Вы что, не видите?! Вас же больше, чем их! Почему вы сидите молча?! Да кто-нибудь, отзовитесь! — Васнецов подбежал к этой группе, напавшей на девушку. — Отстаньте от нее!

Однако те продолжали к ней приставать и не обращали на него никакого внимания. Тогда Васнецов бросился в следующий вагон в надежде найти поддержку там, так как понимал, что с пятью крепкими бандитами не справиться в одиночку.

В следующем вагоне снова сидели погруженные каждый в себя люди. По проходу шли пять молодых и крепких парней в черных штанах, заправленных в высокие ботинки. На них были белые или камуфлированные майки и черные подтяжки. Головы бритые наголо. Они остановились возле одного человека. Тот дремал на скамейке. Усталый, в рабочей одежде. Тоже смуглый и черноволосый, но с натруженными руками и без всяких дорогих перстней.

— Опа, чурбан! — хмыкнул один из бритоголовых крепышей и с размаху ударил спящего ногой по голове. Тот свалился со скамейки и закричал. Молодые люди принялись методично его избивать.

— Вы что делаете?! — закричал Николай. Однако на него снова не обратили никакого внимания. — Оставьте его! В том вагоне бандиты на девушку напали! Идите их бейте!

Никакой реакции. Пассажиры и здесь отвернулись от происходящего и делали вид, что ничего не происходит.

— Люди! Да что ж вы сидите?! Они его убьют сейчас!

Никакой реакции...

Николай метался по вагону и кричал на каждого пассажира персонально. Но они прятали глаза, отворачивались и молчали.

В следующем вагоне шел совершенно пьяный человек в военной форме и бормотал что-то нелицеприятное в адрес сидящих людей. Те лишь отворачивались и бросали на него презрительные взгляды, когда он отдалялся от них. В другом вагоне катил в инвалидной коляске молодой мужчина. Обе ноги у него отсутствовали. Часть лица со следами ожогов. На старой камуфлированной куртке орден Мужества. В правой руке без указательного пальца он сжимал обрезанную пластиковую бутылку, на дне которой было немного монет.

— Я воевал, я был в плену, от меня отвернулось государство, меня бросила невеста, — бормотал он.

Люди морщились, глядя на него. Кто-то, однако, кидал ему в бутылку пригоршню монет, но только для того, чтобы он быстрее удалился от них. И вдруг его обступили с двух сторон. С одной стороны смуглые со странной речью, с другой стороны светлые с бритыми головами.

— Ти ваевал наша землиа! Ти жег наши села, свинья! — рычали на него смуглые.

— Ты хреново воевал, чинарик каличный. Ты так хреново воевал, что эти черти еще больше расплодились! За что тебе милостыню подавать, чмо? — наседали на него с другой стороны бритоголовые.

И те и другие даже не смотрели друг на друга. Но с дикой злобой шипели на беззащитного инвалида, который смотрел в пустоту перед собой, стиснув зубы, и молчал. Только монеты слегка звенели в его бутылке от дрожания руки и вздрагивания мчащегося состава.

— Идите между собой отношения выясняйте! — крикнул на них Васнецов. — Чего вы к нему пристали?!

Этот крик тоже ушел в никуда, не вызвав никакой реакции. Из соседнего вагона показался милиционер. Он взглянул на эти две группы воинственных людей и быстро ретировался, пока на него не обратили внимания.

Николая охватило отчаяние, и он бросился прочь. Васнецов наконец достиг головного вагона. Он стоял в проходе, совершенно растерянный, не зная, что делать, и не понимая, что вокруг происходит. Состав стал быстро замедлять темп и вынырнул в яркий свет. Это была станция. Васнецов смотрел в окно на перрон и ощущал это жутковатое чувство дежавю. Человек с книгой в мягкой темно-синей обложке. Женщина с коляской. Странно одетый парень в наушниках, дергающий головой. Два милиционера, медленно прохаживающиеся по перрону. Старушка с корзиной, в которой была кипа свежих газет. Он это уже видел. Он хорошо вспомнил. И что было сном? То видение или сейчас он спит? Поезд тронулся с места, в очередной раз хлопнув дверьми, о чем предупредил неживой женский голос в динамиках. Васнецов почувствовал тошноту и страх. Сейчас это случится!

— Стойте! Кто-нибудь! Как остановить поезд?! — закричал Николай во все горло. — Да послушайте же меня! Надо остановить поезд! Надо срочно на поверхность!

И снова его будто не существовало. Никто на него даже не посмотрел. Только кто-то ухмыльнулся и мотнул головой.

— Сейчас в метро будет ядерный взрыв! Люди! Мать вашу! Почему вы меня не слышите?! Сволочи! Сволочи вы все! Мрази!!!

Он остервенело кричал на пассажиров в надежде вызвать хоть какую-то реакцию, но и эта его попытка оказалась тщетной, усилив только отчаяние в нем самом.

— Люди-и-и!!!

— Ну что, Коля, когда мир был хуже, до или после? — услышал он монотонный женский голос, который еще недавно вещал из динамиков о дверях, станциях и случаях терроризма, а теперь этот голос было слышно совсем рядом. За спиной.

Васнецов резко обернулся. Оказывается, за его спиной стояла Рана. Молодая, но морщинистая, без двух пальцев на перемотанной грязной тряпкой руке. С бесцветными волосами, заплетенными в косу. В оспинах вместо веснушек и с большими черными глазами, полными боли и какой-то упрямой силы.

— Рана?! Это ты?! — с изумлением и испугом спросил Николай.

— Да. Это я. — Девушка кивнула. Она снова не шевелила губами, а голос ее звучал, словно в его голове.

— Что со мной? Что происходит?

— А ты как думаешь?

И после этих слов, превратившихся в зловещее эхо, свет погас и воцарилась кромешная тьма.

— Рана! Что происходит?! Рана, где ты?!

— Я тут, Коля. Не бойся.

Электровоз проезжал очередную станцию. Оттуда бил свет в черный вагон. Теперь стало видно, что на обуглившихся скамейках вагона сидят скелеты.

— А они почти не изменились, — с едва уловимым сарказмом сказала Рана. — Такие же равнодушные и безучастные. Только немного мертвее, чем раньше. Но были ли они живее?

На перроне царило что-то ужасное, но уже виденное Николаем. Огромная толпа лилась потоками с эскалаторов и уже наводнила всю станцию. Люди не удерживались на краю перрона и падали прямо на мчащийся поезд с мертвецами. Кого-то утягивало под колеса, и вагон чуть вздрагивал, перепиливая тело человека. Кто-то ударялся о корпус состава, и его отбрасывало назад в толпу, с переломанными костями.

Поезд проехал станцию на полном ходу. Не останавливаясь.

— Рана, ну скажи мне, что происходит? — умоляющим тоном произнес Николай. — Я сплю?

— А может, наоборот, Коля? Может, ты раньше спал, но сейчас проснулся и прозрел?

— Я не понимаю ничего. Я запутался, — вздохнул он.

— И ты не знаешь, для чего вам спасать Землю? Верно?

— Так это все правда? И ХАРП, и Надеждинск, и ядерная война, и угроза остаткам цивилизации? Все правда? Я подумал, что мне все это приснилось.

— А я? Я правда? — Девушка улыбнулась, и это было видно в отсветах пляшущих в тоннеле метро языков пламени.

— Я вижу тебя. Я слышу тебя. Я говорю с тобой. Но не знаю. Я не понимаю, Рана.

Она, улыбаясь, протянула к нему ладонь. Он отпрянул, увидев окровавленную повязку.

— Прости, — шепнула она и в этот раз наконец пошевелила тонкими, обесцвеченными губами. Рана убрала изувеченную руку и легонько провела по его щеке пальцами здоровой ладони.

Он не ощутил ее касания, но почувствовал какую-то легкость и покорность.

— А ты совсем не знаешь женской ласки. Да? Девичьей не знаешь. И материнскую едва ли помнишь, — тихо говорила она. — Но я страшная. Я некрасивая. И я... мертвая...

— Прости. Ты такая хорошая. Добрая. А я убил тебя.

— Ты знаешь, сколько таких, хороших и добрых, убили? А детишек безвинных? Скольких превратили в прах. Не дав насладиться жизнью. Не дав вкусить радости и одарить радостями других. Жаль их...

— Жаль. Но эти люди, что сидели и равнодушно отворачивались от чужой беды... Их мне не жаль. Тех, что затаптывали людей и сталкивали их с перрона в безумной панике, не жаль. Тех, кто слушать меня не хотел. Тех, кто... А кто тогда хороший?

— И все и никто. Самое страшное — лишить человека разума. Даже на миг. Даже если на мгновение разум уснет, из глубин человеческой души вырывается чудовище. Оно живет в каждом из людей. Каждый носит персонального монстра. Но он никогда не спит. Он сидит в клетке и ждет, когда часовые

разума задремлют. И тогда... Тогда все! Необратимость! Зло! Чудище рвет на части и душу и сердце. А иногда и весь мир. Страх может затмить твой разум и выпустить кровожадного дракона. Ненависть может затмить твой разум и обратить твоего монстра против истины и добра. И против тебя самого!

— А любовь? — спросил вдруг он. Он и сам не знал почему. Но почувствовал, что этот вопрос важен для него.

— Любовь? Она как любая страсть. Любовь может посеять в твоей душе и страх, и ненависть. А что из этого следует, я уже сказала. Берегись страстей, Коля. Береги свой разум.

— И любви беречься? — разочарованно произнес Васнецов.

Она снова провела кончиками худых пальцев по его щеке.

— Бедненький. Бедненький мой мальчик.

— Тогда ради чего спасать мир? Ради чего, если и любви надо беречься? Зачем тогда жить? Если бы люди больше любили, то и не произошло бы ничего такого со всем миром. Разве нет?

— А во имя любви что может натворить человек? Ты ведь не знаешь, что сделал Людоед. Ты не ведаешь, что он натворил!

— Кто?

— Людоед. Твой новый друг. Который всегда одет в черное. Ты забыл его? Тебе неведомо деяние, что он посвятил своей любви? Или то, во что его любовь превратила? Знаешь, был когда-то один художник, Гойя. Ему принадлежат слова: «El sueco de la razyn produce monstruos». Это означает: «Сон разума рождает чудовищ». Не люби, не бойся, не отдавайся в лапы гневу своему, Коля.

— И не жить, — покачал головой Николай. — Я ведь умер? Это ведь не сон, так? Это моя смерть? Ты моя смерть. В тот раз ты позвала меня за собой, но я отказался. То был лишь сон. Но в этот раз меня застрелили. Я помню. И ты утащила меня. Отомстила?

— Ты же сам не хотел жить. Вспомни. Зачем жить? Это ты постоянно вопрошал. Ну, вспомни.

— Откуда ты все это знаешь? Откуда? Ты всю жизнь провела на том кордоне в старом вагоне. Откуда ты знаешь про все? И про меня, и про Людоеда, и про художника этого, и языком его владеешь?

— Если ты пойдешь со мной, я покажу тебе грудь. — Она снова улыбнулась.

— Чего?

— Помнишь, как ты был маленьким и напился? Помнишь, как ты хотел выбраться на улицу, где мог погибнуть в считаные минуты на холоде? Но тебя заманила обещанием показать свою грудь девушка, чьего лица ты совсем не помнишь. Ты спасся.

Николай попятился.

— Кто ты?!

— Я Рана. Больная несчастная девушка, которую ты убил. Но здесь устами моими говорит с тобою ваша матушка. Земля. Живая планета, которая дала вам всем жизнь. Она знает все о своих чадах.

Николай смотрел на нее с нескрываемым страхом. Но когда заглянул в бездну ее черных глаз, то понял одну очевидную и неоспоримую вещь.

— Я знаю, ради кого надо выполнить нашу миссию. Я знаю, ради кого надо жить.

— И? — Она выжидающе на него посмотрела.

— Ради тебя! — воскликнул он.

— Да, — шепнула она и вздрогнула. Затем зажмурила глаза и вздрогнула еще раз. — Да! — Лицо ее вдруг перекосилось страшной гримасой. — Да-а-а!!!

Она схватила его своими руками и сильно их сжала, стараясь удержаться на ногах, найдя опору лишь в Николае. Но всю ее сводила судорога. Она дрожала и кричала от жуткой боли, терзающей все ее тело и разум.

— Да-а-а-а!!!

— Рана! Что с тобой! — Он подхватил ее руками и испуганно смотрел на ее перекошенное лицо, ощущая ладонями дрожь и судороги ее тела. — Что случилось?

— Этот ХАРП! Это... Это огромный раскаленный член насильника, разрывающий тело невинной девы! Мое тело! Землю! Избавь меня от этой муки! От этой боли! Вынь из меня это ядовитое жало! Помоги мне! Спаси меня!!!

Мчащийся поезд вдруг наполнился гулом и нарастающей вибрацией. Стал слышен скрип колес, и в окнах были видны отсветы летящих искр. Затем страшный удар. Все сорвалось со своих мест и полетело вперед. В том числе и Николай. Вокруг трещали летящие и рассыпающиеся в прах человеческие скелеты, сиденья, поручни, осколки стекол и пластика. Все вокруг загрохотало, и казалось, наступил конец. Но поезд вдруг остановился. Воцарилась гробовая тишина. Николай не чувствовал

боли. Это странно. При таком ударе невозможно было избежать как минимум переломов.

— Рана, — тихо позвал он, но ответа не последовало. — Рана!

Тишина.

— Рана!

Он вскочил на ноги и стал оглядываться. Странно. В подземелье метро, не знавшем солнечного света, должно быть непроницаемо темно, но он различал детали этого потустороннего мира. Словно глаза его были способны видеть там, где это практически невозможно. Он видел покореженный вагон, в котором находился. Видел останки людей, вернее, их перемолотые кости. Видел жутковатые ребра тоннеля снаружи и рельсы впереди. Он видел все, но только не ее.

— Рана!!!

Она бесследно исчезла.

Николай еще раз осмотрел вагон, затем выскочил из него и бросился вперед. Его шаги отдавались в пустоте тоннеля гулким пугающим эхом. Но чем дальше он бежал, тем отчетливее ощущал, что к этому эху добавляется еще какой-то звук.

Было сложно судить, как много проехал поезд. Но это место было мало похоже на обычное метро для обычных людей. Николай по-прежнему не мог понять, спит он или находится наяву. И ему было странно. Он же родом из Надеждинска, а стало быть, и знать ничего о метрополитене не может. Однако он почему-то твердо был уверен, что сейчас он не просто в метро. Это какая-то никому не известная ветка вдали от основных пассажирских линий. Огромная, но аскетично оформленная темная станция, на которую он вышел, была тому подтверждением. Здесь не было мозаик и мрамора, балюстрад и художественной лепнины. Перрон был огорожен стальной сеткой, на которой висели таблички, предупреждающие о том, что она под высоким напряжением. На потолке горели в маленьких круглых плафонах лампы, чьего света явно не хватало для станции. Под сводом висела табличка с надписью: «Д-6. ОБЪЕКТ МО РФ. ПОСТ-3». В электризованных сетках были видны двери с надписью: «Предъяви пропуск в развернутом виде». Никаких признаков жизни тут не было. Никаких, кроме разбросанных по путям предметов, которые обронили совсем недавно. Дамские сумочки. Туфелька. Телефон. Какие-то клочки бумаг и газет. Детская соска. Где-то впереди гуляли отголоски шума, источником коего могли быть люди. Васнецов направился впе-

ред. Через сотню шагов тоннель раздваивался, как и сами пути. Над разветвлением висела еще одна табличка: «Д-6. ОБЪЕКТ МО РФ. ПОСТ-2». С двух сторон виднелись утопленные в стены тоннеля массивные двери с бойницами. Николай направился в левое жерло метро. Он почти сразу заметил там серый силуэт бронированного вагона. Пройдя еще вперед, Васнецов обнаружил, что там стоит целый бронепоезд, уходящий вереницей вагонов в недра подземелья. Выглядел он внушительно, несмотря на то что уже очень давно покоился тут в бездействии и пугающей тишине. Того гула больше слышно не было, что могло означать лишь одно: он слышался из правой ветки. Николай вернулся к разветвлению и пошел в правый тоннель. Так и есть. Гул снова стал нарастать. Да и свежий мусор снова стал встречаться на пути.

Черный тоннель оканчивался бьющим обратно во тьму светом. Место, над которым висела табличка: «Д-6. ОБЪЕКТ МО РФ. ПОСТ-1», ощетинилось в черный метротоннель не только яркими лучами прожекторов, но и стволами оружия в руках военных, которые припали к баррикадам, собранным из наполненных песком мешков.

— Сюда нельзя! Это закрытая территория! — кричал офицер в громкоговоритель, чью рукоятку так сильно сжал, что рука его побелела. — Назад! Осади назад!

Он кричал на обезумевшую толпу из десятков, а то и сотен гражданских. Они вопили и толкались, продолжая медленно, но верно наседать на баррикады.

— Пустите нас! Пустите! — кричали люди.

— Назад!!! Я сказал, назад!!!

Какой-то хорошо одетый мужчина оттолкнул женщину с двумя детьми и вырвался вперед.

— Вы знаете, кто я такой?! А ну пустите, мать вашу! Или в двадцать четыре часа будете уволены!

— Плевать мне, кто такой! Назад!

Кто-то схватил этого хорошо одетого человека за воротник дорогого пиджака и повалил на шпалы. Женщина, с которой он так бесцеремонно обошелся, принялась бить его ногой по голове.

— Так ему! Так его! — кричали из толпы.

— Эй! — Еще один крик. — Я криминальный авторитет! Я вор в законе! Меня вся Москва знает! Живо дорогу дайте!

— И на твой авторитет мне тоже плевать! Еще шаг, и стреляю!

— Я заплачу, командир! — Спортивного вида высокий мужчина размахивал толстой золотой цепью. — Пропусти меня!

Он выглядел достаточно сильным и весьма привлекательным для женщин. Но сейчас он был жалок. Испуг в глазах. Дрожащий рот, выкрикивающий предложения о взятке. В голосе готовность на все ради спасения.

— Пусти, командир! Я заплачу!

— Мальчики! Вам же бабы нужны будут! Вы же долго сами не сможете! — завизжала вызывающе одетая девица в короткой юбке. — Пустите, я все, что хотите, для вас сделаю!

Какой-то мужчина в годах схватил ее за холку мелированных волос и ударил кулаком в затылок.

— Отвали, шлюха! Тут и подостойней тебя люди есть! Эй! Хоть детей с матерями заберите!

— Назад, я сказал! Мы имеем право открыть огонь! Вы мешаете закрыть ворота! Мы должны закрыть ворота! Назад отойдите! Вас раздавит! Назад!

— Будьте вы людьми! Пустите! Там весь город в огне! Не бросайте нас!

— Назад! Нельзя сюда! Режимный объект! Запрещено сюда! Идите обратно! Там бомбоубежища есть!

— Какие еще, к черту, убежища! К себе пустите!

— Я сотрудник службы безопасности! Пропусти, полковник!

Среди людей замаячила рука с красной корочкой удостоверения.

— А тебе тем более тут делать нечего! — крикнул военный. — Ты не хуже меня знаешь, что в особый период ты не шкуру спасать свою должен, а выполнять специальные предписания! Вали отсюда!

— Я ветеран! Пустите! — послышался еще крик.

— Да пошел ты! Вы свое уже прожили! Дайте нам! — завопила на него какая-то женщина.

Николай достиг наконец источника того шума, который слышал. Он с отрешенностью смотрел на эту шумящую толпу. Люди толкали друг друга. Били. Сбивали с ног и давили. Охваченные паникой и животным страхом, они старались устранить как можно больше конкурентов в вероятном спасении на секретном военном объекте. Военные за баррикадами водили

стволами автоматов, готовые в любой момент открыть огонь. Однако обезумевшая толпа продвигалась к ним очень медленно и гораздо быстрее выбивала из своих рядов тех, кто был один или кто был слаб. Среди толпы были и семьи, и какие-то группы, которые держались вместе и атаковали тех, кто рядом. Крики, женские проклятия и мольба, матерщинная брань, детский плач, угрозы в адрес военных — все перемешалось в жуткий сюрреалистический хор и отдавалось в голове Николая пульсирующей болью. Он взглядом искал среди людей Рану, но не мог найти. Больше никто и ничто его не интересовало. Это равнодушие к людям продолжалось до тех пор, пока взгляд не уцепился за семилетнюю девочку, стоящую среди беснующейся толпы. Она плакала и смотрела на обезумевших взрослых широко раскрытыми глазами. К себе она прижимала маленького и такого же напуганного щенка.

Девочка была похожа на ту, что прыгала на скакалке в его сне. Он хорошо вспомнил тот сон и убивающего ее червя.

— Мама, — шептала она. — Мамочка, мамочка. Тоби, не бойся.

Она поцеловала дрожащую собачонку и снова стала тихо звать свою пропавшую мать.

Николай шагнул в ее сторону. Он захотел взять ее за руку и вывести из этой безумной массы, но в этот момент ему перегородили дорогу дерущиеся мужчины. Васнецов закричал, пытаясь прорваться сквозь них:

— Люди! Что вы творите! Прекратите сейчас же! Вы же с ума сошли все! Что вы делаете! Прекратите! Вы же разум потеряли! Сон разума рождает чудовищ, как вы не понимаете! Не надо! Не надо так! Ну что же вы делаете!

Никто и в этот раз его не слушал. Дерущиеся мужчины повалились на рельсы, и Николай увидел ту девочку. Она, раздавленная взрослыми, лежала на шпалах, придавив собой щенка, которого продолжала обнимать. И ребенок, и его собачонка были уже мертвы.

Николай схватился за голову и заплакал от отчаяния.

— Скоты! Скоты вы все! Чудовища! Мрази! Ненавижу!

Он не сразу услышал приближающийся из темноты тоннеля топот тяжелых ботинок.

— Террористы! — закричал кто-то из толпы.

Целый отряд экипированных на военный манер вооруженных людей в черных масках выскочил из темноты и приготовился к стрельбе.

— Террористы! — подхватили остальные люди.

Толпа ринулась на баррикады военных. Кто-то схватился за ствол автомата, пытаясь его захватить. И вдруг все стало каким-то нереально медленным для взора Николая. Все движения окружающих его людей стали невероятно заторможенными. Словно кто-то схватил могучую цепь времени не менее могучими руками и задерживал ее естественную скорость движения. Офицер с рупором медленно отводил от своего рта громкоговоритель и поворачивал голову к своим бойцам. Закрыл глаза, из которых, казалось, потекли слезы.

— Огонь!

И тут могучие руки, удерживающие цепь времени, разжались и все рванулось с естественной скоростью. Загрохотали автоматы военных. С противоположной стороны от толпы загрохотали автоматы террористов. А между этих плюющихся смертью стволов оказались люди. И Васнецов. Пули рассекали воздух и кромсали людей. Пронизывали их, словно теплая игла прошивала кусок масла. Вопль ужаса слился воедино с автоматной стрельбой и предсмертными криками. Воздух вокруг наполнился кровавыми брызгами и хрипом людей. Николай как-то равнодушно отнесся к тому невероятному факту, что многие летящие с двух сторон пули проходили сквозь него, не причиняя ему никакого физического вреда. Словно здесь вообще не он находился. Только его нематериальное сознание, которое нельзя ничем убить. Однако что-то он все-таки чувствовал. Каждая пролетающая сквозь него пуля словно тянула за собой вырванную из чьего-то тела душу, которая пыталась ворваться в его, Николая, неуязвимую для автоматного огня плоть, как люди пытались ворваться в этот секретный объект минуту назад. Души рвались в его тело, стараясь закрепиться там и выжить. Но презрение Васнецова к людям и их действиям являлось непреодолимой монолитной стеной, разбивающей чужие души на атомы и брызги крови.

Террористы стали кидать в сторону военных гранаты. Загрохотали взрывы. Несколько бойцов упали замертво.

— Назад! — закричал офицер. — Отходим! Закрыть ставню!

Военные начали отступать.

Сверху раздался скрежет, и стала видна огромная створка метровой толщины, опускающаяся с потолка тоннеля и разрезающая его, как нож разрезает палку колбасы. Террористы бросились к ставне, двигаясь по трупам убитых людей. Многие из

уцелевших штатских кинулись под этот многотонный опускающийся рубеж. Кто-то успел на ту сторону, и оттуда послышались выстрелы. Но это не остановило других. Десятки тел, и уже мертвых, и живых, не успевших перебраться навстречу выстрелам военных, захрустели под тяжестью опустившейся ставни.

Террористы злобно забарабанили кулаками и прикладами по бронированной монолитной двери, перегородившей им путь к секретному бункеру, и кричали что-то непонятное. В этот момент произошел взрыв. Десятки заранее установленных на потолке тоннеля зарядов сдетонировали, выполнив команду военных, и обрушили на тех, кто остался снаружи, тонны бетона и грунта. Еще какое-то время сверху сыпались мелкие камни, и наконец воцарилась гробовая тишина в гигантской братской могиле.

Заполонившая тоннель пыль не стала помехой для дыхания. Николай смотрел на трупы и развалины породы и бетона и жалел, что пули не смогли его убить. Что взрыв не причинил ему вреда, а пыль не заставила его задохнуться. Он сделал несколько шагов в направлении, откуда пришел, и сел на рельс. Осознание собственной неуязвимости и бессмертности напугало его так, как не пугало, наверное, еще ничто в его жизни. Он понял, что обречен жить среди смерти вечно, взирая на деяния людей и плоды этих действий. И каждый раз умирать от ощущения собственной беспомощности в попытке предотвратить что-либо. Умирать, оставаясь живым. Он чувствовал абсолютные бессилие и безысходность, не оставляющие в душе места никаким другим чувствам.

Васнецов уткнулся лицом в сложенные на коленях руки и тяжело вздохнул. Что делать дальше? Куда идти? Где Рана и действительно ли он с ней говорил? Или его разум сыграл с ним злую шутку и ему просто привиделась она лишь потому, что он очень хотел ее увидеть? Сон разума рождает чудовищ... Может, и она порождение того, что его разум отключился? Уснул. Она чудовище?

— Коля...

Этот шепот был невероятно громким. И звук, словно что-то материальное и осязаемое, пронесся по тоннелю, царапая рельсы и задевая ребра подземелья, выбивая дробь.

Васнецов подскочил и осмотрелся. Что это было? Он по-прежнему мог видеть в кромешной тьме, и то, что открылось его взору сейчас, поражало.

Тоннель изменился. Он выглядел совсем ветхим. Стены и свод покрылись паутинами трещин. Кое-где тоннель осыпался. Рельсы ржавые. Между шпал грязные лужи. Казалось, что со времени произошедшей несколько минут назад бойни минули многие годы. Он взглянул в сторону образовавшегося в результате подрыва завала. Кто-то давно растащил обломки бетона и куски породы, освободив проход к монолитной ставне, в которой чернела пробитая дыра. Мертвых тел уже не было. Лишь изредка попадались среди куч старого мусора одиночные кости.

Изумленный Николай взглянул в другую сторону. Туда, откуда он пришел недавно... Или много лет назад?

В глубине тоннеля, там, где была граница видимого для него и скрытого от взора безжалостной тьмой, стоял он. Великан в черном панцире из темной вороненой стали и маске с шипящими от дыхания фильтрами под скулами. Он смотрел на Николая черными матовыми линзами своей маски и медленно раскачивал огромным шестиствольным пулеметом.

Они смотрели друг на друга, разделяемые расстоянием в полсотни шпал. Царившую тишину нарушал звук, вызванный загадочным подземным ветром, который скреб по трубам и рельсам метро, словно смычок по струнам скрипки, забираясь в самые высокие тона.

Каким-то особым, еще не понятным ему самому чувством Николай понимал, что находится за пределами объективной реальности. Но разум его воспринимал все происходящее именно как действительность. И нельзя было позволить себе мысль о том, что все происходящее лишь сон или галлюцинации. Страшно было даже подумать, что он не владеет своим разумом. Ведь сон разума...

Но чем тогда является здравый смысл? Ведь здравый смысл говорил о том, что за последний час или даже меньше Николай умудрился сделать несколько временны*х* скачков, охватывающих, судя по всему, два десятилетия. Уже не говоря о том, что он общался с девушкой, в гибели которой он не только мог убедиться, но и сам был повинен. Но она говорила с ним. Даже прикасалась... И пусть он не чувствовал ее касания на тактильном, физическом уровне, но он помнил ощущения, которые черпал из иных, не телесных сфер. Ощущения, вызванные ее прикосновением, были словно подтверждение реальности. Но она мертва. И это было очевидно. Равно как очевидно и то, что

в такие глубины метро он попасть, да еще на электричке, не мог. Что все-таки происходит? Где реальность? Что с разумом? Так, значит, это сон? Сон. И разум спит. И вот оно — чудовище.

Великан не двигался. Только шипение его фильтров было словно вокальным дополнением к пронзительному протяжному скрипичному звуку подземного ветра.

— Кто ты?! Человек?! — крикнул Васнецов этому существу.

Голос Николая врезался в свод тоннеля и, отразившись от него, ударился в железнодорожное полотно, снова взмыв к потолку. Это скачущее эхо заполнило все пространство, отчего, казалось, могло стать не по себе даже мертвым камням. В ответ Васнецов стал слышать раскатистый гул, как во время того землетрясения в Надеждинске. Гул усиливался, выталкивая из тоннеля эхо предыдущего крика. Размазывая искаженный голос Николая по стенам метро. Теперь, когда гул превратился в гром, стало ясно, что это невероятно замедленное слово:

— К Е В О Л Е Ч!!!

Внезапно обрушившийся страх ударил Николая жгучей плеткой. Он бросился бежать к расчищенному завалу, открывающему путь к дыре в опущенной когда-то военными ставне. Васнецов нырнул в пробоину, оказавшись там, попытка попасть куда стоила жизни десяткам людей. Он даже не хотел думать о том, был ли этот страшный звук голосом великана, или же это всего лишь причудливая игра загадочного тоннеля с голосом самого Николая, вызвавшая отраженное эхо, ударившее по нервам того, кто крикнул слово «человек». Он не желал задумываться над этим. Ведь думать страшно. И он сознавал, что в непонимании происходящего его страх находит благодатную почву для роста. Но все-таки Васнецов нашел в себе силы задаться вопросом: «А в чем причина этого страха?»

— Чего я боюсь? — бормотал он сам себе. — Я проехал в метро сквозь горящий тоннель и уцелел. Я уцелел при крушении электрички. Меня не убили сотни пролетевших пуль. Чего я тогда боюсь? Великан в прошлый раз не причинил мне зла. Он спас меня от морлоков. Наверное, это он расчистил завал и проделал отверстие в воротах... Чего же я боюсь? Это всего лишь страх перед неизвестностью. Перед незнакомым местом. Это лишь детские страхи перед темнотой и...

Он, пройдя через коридор, оказался в помещении, на стене которого висела таблица сигналов.

«1. Сигнал — „Трезубец". Циркулярно. Контрольное оповещение и сбор личного состава базы в режиме „В".

2. Сигнал — „Мутный вал". Циркулярно. Режим часовой готовности по отработке действий особого периода.

3. Сигнал — „Пасмурное настроение". Циркулярно. Режим „Б". Полная готовность личного состава к отработке действий особого периода, согласно табелю боевого расчета. Ожидание режима „А" в любой момент времени.

4. Сигнал — „Субботний вечер". Циркулярно. Режим „А". ВОЙНА!»

Ледяная дрожь пронзила колени и прошлась неприятной волной по спине. «Субботний вечер». Так это и есть тот самый бункер, с которым разговаривали космонавты? То самое место, над которым во время своей ночной вылазки Николай столкнулся со сталкерами. Это была сеть коридоров с множеством дверей. Как и в метро, тут давно уже было темно. Но странная способность видеть в темноте не покидала Николая и сейчас. Он осмотрел помещение. Оно было сравнительно небольшим. Два стола. Один рабочий. С десятком телефонов и большим коммутатором. Перед столом четыре давно потухших экрана. На другом столе находился электрический чайник. Микроволновая печь. Рядом небольшой холодильник и массивный сейф. На стене, возле таблицы с сигналами, большой динамик и белый плафон с красной надписью «Тревога». Николай вышел из помещения и только сейчас обратил внимание на открытую дверь. На двери была табличка с надписью «Рубка дежурного. Пост № 1. Посторонним вход воспрещен». Васнецов двинулся дальше по коридору. Масса закрытых дверей. Практически на каждой таблички. Караульное помещение № 1. Караульное помещение № 2. Оружейная комната. Спальное помещение № 1... № 2... Комната психологической разгрузки. Столовая. Душ. Комната дегазации. Комната дезактивации. Комната биологической защиты. Туалет. Лазарет. Операционная. Морг. Продовольственный склад. Вещевой склад. НЗ. Кладовая № 1... 2... 3... 4... Оперативный дежурный. Агитационная комната. Радиоузел. Карцер. Техническое помещение. Фильтрационная. Электрощитовая. Агрегатная. АХЧ. Комната вспомогательного персонала. Резерв 1. Резерв 2. Жилой блок. Библиотека. Субботний вечер...

Николай остановился перед этой дверью. Он словно ее и искал. Массивная толстая дверь была приоткрыта. Он потя-

нул ее на себя. Та, скрипя, нехотя поддалась. Васнецов вошел внутрь. Это был огромный зал с большим потухшим экраном на всю стену перед рядами пультов с массой кнопок и экранами мониторов. Очевидно, что это было помещение, где на десятках кресел перед пультами и сидел один из тех «оркестров», что играл реквием по жизни на Земле, нажимая кнопки и щелкая переключателями. А на огромном экране наверняка светилась карта всего мира, где были указаны точки нанесенных ударов и траектории ракет, еще не достигших цели. Что надо было сделать со своим разумом, чтобы беспристрастно смотреть на этот экран и делать свою работу за пультом? Что надо было сделать со своим разумом? Усыпить?

— Сон разума рождает чудовищ, — раздался сзади знакомый голос.

Николай вздрогнул и обернулся. Конечно, это была Рана.

— Я испугался за тебя. Куда ты пропала? — спросил Васнецов, чувствуя какое-то странное волнение оттого, что она снова рядом.

— Зачем за меня бояться? Я уже мертва, — равнодушно произнесла девушка.

— Там, в тоннеле... Там кто-то есть. Огромный. С большим пулеметом. Кто это?

— Я не знаю. — Она пожала плечами. — Тут уже давно никого нет.

— Но я видел его!

— Или хотел увидеть?

— Я тебя хотел увидеть. — Николай мотнул головой.

— И вот я здесь. — Она улыбнулась и протянула ему записную книжку с черной кожаной обложкой. — Возьми.

— Что это? — Васнецов принял этот предмет и провел кончиками пальцев по корешку.

— Это дневник одного из людей, что были здесь когда-то. Они уничтожили все вахтенные журналы и журналы событий, но один из них тайком вел дневник. Возьми. Может, найдешь там что-то для себя.

— Рана, ты так и не ответила, я умер? Скажи честно. Как я смогу помочь тебе, Земле, если я мертвый?

— Ты действительно хочешь помочь?

— Да. Хочу.

— Готов ли ты?

— Я буду стараться.

Она мотнула в ответ головой.

— Здесь мало попыток и предположений. Здесь мало просто желания. Это надо сделать, понимаешь? Во что бы то ни стало. Надо.

— Я сделаю это, Рана.

Девушка приблизилась к нему вплотную и осторожно забрала дневник.

— Ты не сможешь взять это с собой. Но эти записи до сих пор лежат здесь.

— Ты читала их?

— Я не умею читать. — Она снова улыбнулась. — В нашей общине грамотность, образование и знания считались злом. Люди веками развивались, накапливали знания, развивали науку только для того, чтобы сделать оружие небывалой мощи, огромные промышленные производства, ХАРП и еще многое другое, что погубило все... Я не умею читать. Странно, правда?

— Нет. Не странно. Страшно.

— Не бойся. Ничего не бойся. Возвращайся, мой мальчик. — Она провела ладонью по его щеке.

Яркий свет ударил в глаза. Трудно было разобрать, где он находится. Пришлось прищуриться. Ясно было только одно. Он лежит, а над ним склонилась темная фигура.

16
ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Живой?

Только теперь Николай разглядел в склонившейся над ним фигуре того самого Людоеда в черном берете и с опущенными к подбородку черными усами.

Васнецов с трудом разжал слипшиеся и пересохшие губы.

— А что... был мертвый? — медленно и тихо проговорил он.

— Ну... Мертвый не мертвый, но в отключке третьи сутки уже. — Илья усмехнулся. — С возвращением.

Он достал что-то из кармана и занес над Николаем руку. Перед лицом повисла цепочка для солдатских жетонов, на которой висела немного деформированная, но отшлифованная до блеска пуля.

— Это тебе сувенир.

— Что это? — Васнецов прищурился, глядя на пулю, которая висела над его лицом.

— Это то, что из тебя местные эскулапы вытащили. Калибра семь шестьдесят два. Из СВД в тебя шмальнули. Повезло, что не в голову. Считай, легким испугом отделался.

— Легким испугом?

— Ну да. Рана, в принципе, пустяковая. Просто ты часа два провалялся, пока тебя нашли. Крови много потерял. Да и переохладился сильно. Хотя если бы не мороз, то, может, и крови больше утекло. Так и помер бы.

Крест уселся на табуретку рядом с койкой и вложил свой подарок Николаю в руку.

— А мои... товарищи...

— Да живы они все. Космонавт один в руку ранен, но там тоже ерунда.

— А бой... чем все кончилось?..

— А все только начинается, парень. Тот бой-то мы выиграли. До следующего утра воевали. Потом устроили чистки по районам. Короче, вся Москва на ушах. На моей памяти это третья война таких масштабов в Москве после ядрены. Вот так вот.

— Почему на этот раз?..

— Из-за вас. Из-за миссии вашей. Я тут с пленными пообщался. — Людоед как-то злорадно усмехнулся. — Они говорят, как молва про вашу миссию по спасению Земли пошла, так все будто с цепи сорвались. Очень многие группировки помешать вам хотят. Во многих группировках раскол. Одни считают вашу миссию благой, другие опасной для их существования. Короче, растопили вы многолетний лед однообразия жизни.

— Да как они узнали все об этом?

— Сталкеры, которые к нам на помощь от Лужников пришли, рассказали, что когда они разбили бандитов в гостинице «Украина», то обнаружили там, в подвале, трех мертвых пленных со следами пыток. Мужик в годах. Парень одноглазый и женщина. Этот ваш Варяг ходил туда и опознал их. Говорит, это семья, у которой вы заночевали перед визитом к нам. И они знали о вашей миссии. Видимо, под пытками рассказали все, что надо и не надо.

Васнецов закрыл глаза. Ему стало стыдно и больно. Ведь это по его следам, ведущим от метромоста, пришли к ним тогда бандиты.

— Мы подставили их, — прохрипел он. — А ваших сколько полегло. И тоже из-за нас. Как погано все... почему так, Илья?

Почему они так отреагировали? Мы же благо для всех сделать хотим. Мы же всех спасаем. Почему они воспротивились?

— Ты понимаешь, Коля... Все выжившие последние двадцать лет живут в полном отсутствии какой-либо идеи. Ну не двадцать лет, а чуть поменьше. И я имею в виду идею четкую и конкретизированную. Не аморфных идолов и утопичные мечты. Первые годы хоть и считаются теперь самыми страшными из-за хаоса неопределенности, паники и неразберихи, но у большинства была надежда на то, что вскоре этот период пройдет. То есть была идея дождаться нормализации обстановки и возвращения к нормальной жизни. Четкая и ясная идея. Это потом стало ясно, что все. Конец и ледниковый мир, в котором только и остается, что выживать. И единственной идеей для людей стало добывать жратву и оружие. Согреваться и продлевать свое существование как можно дольше, цепляясь за пребывание в этом разрушенном мире когтями и зубами. То есть жизнь вошла в такое вот русло, и продолжалось так годами. И вдруг! Оказывается! Что-то может измениться! Представь себе, что люди почувствовали. Ведь этот мир уже стал привычным. Тот старый мир уже почти забыт и покрыт презрением оставшихся в живых, которые в связи с этим считают себя лучше тех, кто выжить не сумел. Многие не хотят никаких перемен. Другие верны фанатично своим чудаковатым идеалам и считают, что эту миссию должны исполнить они, а не вы. Третьи боятся потерять свободу, и в этом смысле они солидарны с первыми. То бишь они не хотят перемен.

— Боятся потерять свободу? Да какая это свобода — жить в подвалах и всего бояться? — Николай повернул голову и удивленно уставился на Людоеда.

— Мы живем в царстве зла, парень. Вот если раньше была какая-то борьба добра и зла, то сейчас... А что такое зло? Все очень просто. Зло — это неправильно понятая свобода. Я лично не вижу ничего удивительного в том, что именно сейчас люди свободны. Нет рамок и ограничений. Нет уставов, законов, уголовного кодекса и конституции. Нет милиции и прокуратуры. Нет больше дорожных знаков и бюрократии. Только рамки личной совести у каждого. Это может показаться тебе невероятным, но многие, очень многие категорически не хотят перемен. Прошло двадцать лет, парень. Все вроде устаканилось. Мало кто захочет новых потрясений. Они из кожи вон полезут, чтобы вам помешать. Только редкие очаги остатков былой ци-

вилизации могут согласиться с вами. Вроде этой конфедерации. Или вашего Надеждинска, который, судя по рассказам твоих товарищей, на этот союз похож. Так что не удивляйся.

— Это просто бред какой-то, — поморщился Николай. — Мы же благо для всех хотим сделать.

— А кто сказал тебе, что это благо абсолютно для всех? Кто тебя просил за всех решать? — Людоед усмехнулся. — Наивный какой.

— Разве люди не понимают, что иначе они погибнут!

— А кто сказал, что это факт? Ну, даже если и факт... Человеку свойственно разрушение. И саморазрушение. Ты еще этого не понял? Если ты не понял этой очевидной истины, живя в мире, разрушенном ядерной войной, то почему они должны понимать твои доводы? — Крест достал из кармана смятую пачку от сигарет. — Вот. Полюбуйся. Крупным шрифтом написано: «Курение вредит вашему здоровью». А на другой стороне: «Курение — причина раковых заболеваний». Люди все равно курят. И я курю. И Варяг твой трубкой пыхтит. Или вот помню, сколько по телевизору показывали аварий. Машина ехала на большой скорости и врезалась куда-то. Морду водителя по лобовому стеклу как морковку на терке размазало. А люди один хрен носились и бились. Человек забивает гвоздь, и вроде он понимает, что может долбануть себе по пальцу молотком. Но не думает об этом, пока не долбанет. А потом сразу кричит. Ненавидит и гвоздь, и молоток, и эту деревяшку, в которую забивал гвоздь, и эту суку жену, которая попросила его сей гвоздь забить. Но только не себя. Человеческое эго и его безмерная тупость хуже атомного оружия. Само по себе изделие, будь то сигарета, автомобиль, молоток или чертова ядерная бомба, совершенно ни черта не значит. Но вот в руках человечишки...

— Глупо. Как все мерзко и глупо.

Николай прикрыл глаза, вспоминая свое видение, в котором он ехал в поезде метро, где сидели равнодушные люди. Тоска сжала сердце. Стала болеть рана в боку. Рана... Он вдруг ощутил, как ему не хватает общения с этой девушкой. Снова захотелось уйти в небытие, где можно будет с ней пообщаться... Он тут же вспомнил великана и взглянул на Илью.

— Послушай, ты слышал истории про оборотня, который днем в городе, а ночью в метро уходит?

— Да кто этих небылиц не слышал, — хмыкнул Людоед, закуривая. — Конечно слыхал.

— У него пулемет как у тебя, — произнес Васнецов обличающим тоном. — Я видел его. У него точно такое оружие.

Людоед медленно повернул голову. Посмотрел Николаю в глаза и вдруг недобро засмеялся.

— Ты что, думаешь, он — это я? Ну, чудак. Эта пушка весит полтора пуда. Как с ней таскаться? Да и ростом я пониже намного...

— Погоди, а я ведь не говорил, что он ходит с этим пулеметом. И откуда ты знаешь, что он очень высокий? Как...

— Да успокойся ты, — перебил его Илья. — Знаю, потому что я видел его в прошлом году на станции «Полянка».

— Но ты только что сказал, что это небылица!

— То, что о нем рассказывают. Просто какой-то амбал смастерил себе хитрый костюм. Или умыкнул из какого-нибудь военного НИИ. И бродит по метро, морлоков истребляет. Он, наверное, умом двинутый. Мстит им за что-то. А из него чуть ли не полубога-полудьявола сделала народная молва.

— А ты не разговаривал с ним?

Людоед снова засмеялся.

— Мы тогда от него еле ноги унесли. Я ведь в то время с черными сталкерами был. С мародерами. Мы напоролись на его тайник. Он из темноты появился и очередь по нам дал. Может, упредить хотел просто. Но нам-то... Кто гарантию даст, что следующая очередь не будет на поражение?

— Ну а пулемет этот? Откуда у тебя такой?

— Слушай, ты достал уже. Такое оружие было в оружейных тайниках посольств некоторых натовских стран. И патронов в достатке. На всякий случай, как говорится. И в подвале, на складе центра Службы внешней разведки оружие всякое иностранное. В том числе и это. Там у них тир в подвале был оборудован. Короче, кончай тут на меня ярлыки навешивать. А то я начну навешивать оплеухи.

— Извини, — сконфуженно пробубнил Васнецов и умолк.

— На вот. Это тебе. — Людоед достал из висевшего у него на ремне планшета записную книжку с черной кожаной обложкой и положил ее на старое синее военное одеяло, которым был накрыт Николай.

Васнецов уставился на записную книжку и ощутил колики в животе. Это казалось невероятным, но перед ним лежало то, что пыталась дать ему Рана в последнем странном сне.

— Откуда... это?

— Вчера сталкеры приходили из Лужников. Армаген и Барс. Вы, оказывается, знакомы. Я-то их уже лет пять знаю. Они, между прочим, тебя проведать приходили. Это их группировка нам на помощь пришла во время обороны. Но их тогда не было. Они ходили за город в какой-то там военный бункер. Вернулись вчера утром и узнали, что случилось и из-за кого. Ну и пришли. Барс просил эту книжку тебе отдать, когда ты очухаешься. И просил пожелать тебе удачи в вашей миссии.

— Я видел эту записную книжку во сне! Как такое может быть?!

Людоед кашлянул и выпустил клуб сизого дыма.

— Да мы вчера тут возле твоей койки сидели и разговаривали, пока ты дрых. И про этот ежедневник в том числе. Вот тебе и приснилось.

— Но я видел его именно таким!

— Да брось. Это сейчас тебе так кажется. Сон — штука такая... Мне вот на той неделе приснилось, что я по Луне хожу. Ищу там какой-то луноход. И после этого вы появились. На луноходе. Так что ты сильно не заморачивайся на своих снах. Особенно после того, что с тобой приключилось в парке.

— В каком парке?

— В Битцевском. Сталкеры сказали, что тебя там чуть пси-волк не обратил. Было такое?

— Было.

— Ну, вот то-то же. Ты с мозгами своими осторожней теперь будь. А то сам с собою сделаешь то, что волк не успел.

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— До сумасшествия себя доведешь. Вот что. Года четыре назад, когда я мародерил, был у нас в группе один. Тоже на пси-волка наткнулся. Но мы успели зверя убить. Не обратил он подельника нашего. Однако тот всякое видеть стал. Мы по квартирам ходили, а он людей там видел. Конечно, никаких людей там давно не было, а он видел какие-то фантомы жильцов, на момент когда вся катавасия началась. Истерики жуткие закатывал. То где-то в квартиру бандиты врываются и насиловать да грабить начинают, а он помешать пытается, но, естественно, безрезультатно. Однажды он видел, как мамаша грудничка своего в ванной утопила и сама повесилась. Жуткое с ним после таких видений творилось. В один прекрасный день он увидел такое, что даже описать нам не смог, взял в той квартире да не выдержал и сиганул из окна. А между прочим, тринадцатый этаж был. Несчастливое, блин, число.

Васнецов смотрел на Илью со странной фамилией Крест и чувствовал полное разочарование. Теперь оказывается, что его видения и общение с Раной и ее просьба помочь планете — лишь плод его воображения, порожденный какими-то сдвигами в психике, вызванными люпусом. И только... только почему он видел во сне эту книжку именно такой, какая она есть? Если его подсознание слышало разговор Людоеда и сталкеров, которые принесли ежедневник, то видеть оно ничего не могло. Хотя, может быть, ему действительно только кажется, что он видел записную книжку именно такой.

— А что там написано? — вздохнул Николай.

— Черт ее знает. Там страницы слиплись от времени, сырости и холодов.

— И что тогда с ней делать?

— Я бы попробовал паром. Постепенно ее отпаривать надо. Осторожно и неторопливо. По листочку. Тогда, может, и получится что-либо прочитать.

Николай вздохнул, глядя на потрескавшийся переплет ежедневника. Было, конечно, интересно, что там написано, но он вовсе не думал, что там может быть что-то важное и стоящее.

— Значит, я трое суток пролежал, — пробормотал он. — Скверно. Мы и так в Москве задержались. А тут я еще... Времени совсем мало.

— Да ты не торопись, парень. После той заварухи, что началась, было бы нереально проехать спокойно по городу. Наши сейчас заканчивают безопасный маршрут. Мы думали ночью уходить. А тебя тут, в конфедерации, оставить. На излечении.

— Меня оставить?! И кто это — мы?! — возмущенно воскликнул Николай.

— Я к вашей группе присоединяюсь. Вам человек с иммунитетом от пси-волков не помешает. — Людоед усмехнулся. — А я как раз такой.

— Но как можно меня оставить?! Кто так решил?! — Васнецов поднялся с постели, несмотря на боль в боку.

— Эй, осади. Ты же раненый...

— Ты сам сказал, что рана пустяковая. Я не могу остаться! Я должен до конца дойти!

— Да чего ты разорался? — Людоед с некоторой надменностью посмотрел на раненого. — Пойдешь, никуда не денешься. Только если командир твой так решит.

— Варяг?! А где он вообще?!

Яхонтов словно ждал за дверью. Он вошел в комнату сразу после этого вопроса. Видимо, он находился в соседнем помещении и, услышав возглас, решил узнать, что происходит.

— Колька! Живой! — радостно воскликнул он.

— А я и не был мертвым! — зло бросил Николай, съедаемый обидой и ревностью за то, что его хотят отлучить от такой важной миссии. И от выполнения просьбы Раны. Пусть и приснившейся просьбы. — Я не был мертвым! Ясно, черт возьми?! Только вот мне что-то неясно, почему меня выкинули из нашей группы?!

— Да кто тебя выкинул? — опешил Яхонтов.

— Вы решили дальше идти без меня! Какого хрена?!

— Во-первых, не ори. Во-вторых, ты ранен. Тебе лечиться надо.

— Это ты решил или Людоед этот?!

— Слышь, тон свой поубавь! — рявкнул Крест.

— Да идите вы все в задницу! Надо будет, пешком пойду, без вас! Это предательство! Ясно вам?!

— Угомонись, — нахмурился Варяг.

— И не подумаю! Что, нашли мне замену получше, да?! Профессионала-воина?! А я теперь на хрен не нужен?!

— Ты ранен, чтоб тебя!

— Я здоров! Я в порядке! — Николай сжал кулаки.

— Голова у тебя точно не в порядке, — усмехнулся Людоед.

Васнецов посмотрел в его глаза и хотел ответить что-то резкое. Но взгляд Людоеда источал такую злобу и презрение, что весь боевой пыл Васнецова сразу сошел на нет.

— Пойдешь, — зло процедил сквозь зубы Варяг. — Но если я хоть один писк или жалобу на недомогание от тебя услышу, выкину к черту, где бы мы ни находились!

— Не услышишь!

— Тогда иди манатки свои собирай!

В пассажирском отсеке лунохода стало намного тесней. И не только из-за нового пассажира, коим являлся Илья Крест по прозвищу Людоед. У кормовой аппарели лежал его огромный шестиствольный пулемет и сложенная станина к нему. Плюс большой ящик с пулеметной лентой. Этот самый ящик Людоед использовал как персональную койку.

Никаких церемоний прощания не было. Машину загрузили боеприпасами, пищей, питьевой водой, медикаментами, дали

несколько дополнительных фонарей, пару приборов ночного видения и несколько географических карт разных масштабов. Потом подошел тот самый генерал и несколькими короткими фразами пожелал группе удачи.

Было около трех часов ночи, когда луноход отправился в путь по широченной улице Новый Арбат в сторону, которая когда-то была востоком. На ночном переходе настоял Крест, поскольку в ночное время город был пуст. Люди, и друзья, и враги, и те, от которых вообще неизвестно что можно было ожидать, прятались по своим убежищам. Конечно, луноход оставлял характерный след гусениц на снегу и кто-то мог пуститься в погоню, но это могло случиться не раньше рассвета. А за это время они должны были пройти приличное расстояние и вообще покинуть город.

Николай сидел в углу и молча наблюдал за своими товарищами. Он не только не перестал злиться, но еще более накручивал в себе чувство обиды за то, что его едва не оставили в лазарете конфедератов. Как назло, стала ныть еще не затянувшаяся рана в боку, словно проверяя его на верность данному слову — не жаловаться.

Людоед сидел на своем ящике и, разложив перед собой увесистый вещмешок с патронами от калашникова, откусывал плоскогубцами кончики пуль.

— Ты зачем это делаешь? — полюбопытствовал Сквернослов.

— Не хочу оставлять второго шанса тем, в кого придется стрелять. Такая пуля войдет в плоть и розочкой раскроется. Даже если пройдет навылет, вырвет фунт плоти, как в «Венецианском купце». — Илья снова улыбнулся своей фирменной циничной ухмылкой, предвкушающей чьи-то страдания.

— Это же изуверство, — поморщился Варяг.

— А я разве спорю? Как думаешь, за что меня Людоедом прозвали? — Крест засмеялся, продолжая свою работу.

— Так баллистика ни к черту! — Сквернослова не тронули слова об изуверских патронах, но интересовали их боевые качества, которые от такой процедуры, как грубое откусывание кончиков, могут снизиться.

— На хрена баллистика в бою на ближних и средних дистанциях? — Людоед пожал плечами и подбросил в ладони очередной патрон. — Там, где будет важна баллистика, я использую «Винторез» или СВД. А когда враг на расстоянии вонючего

дыхания изо рта, надо рвать его на куски. Автомат с такими малышками — самое то.

Николай, забившийся в неприступный мир своего крохотного уголка, прижавшись спиной к стенке, за которой находилась кабина космонавтов, пристально смотрел на Илью. Он завидовал его безупречной и какой-то первобытной злобе, делавшей его будто неуязвимым. Васнецов вспоминал бой у Дома Советов. Людоед там был воплощением смерти и уничтожения. И он словно сам являлся смертью, а посему погибнуть не мог. Он появлялся в дыму разрывов и яростно кричал, размахивая острой катаной, отсекающей конечности и головы, рубящий врагов от плеча и до живота. Он орал, поливая врагов свинцом из своего странного пулемета, и этот дуэт его вопля и звука вращающихся и изрыгающих смерть стволов словно был эхом прокатившейся много лет назад вокруг всей планеты стихии апокалипсиса. Во сне Рана почему-то упомянула о нем. Что таится в прошлом Людоеда? Что он натворил? Всегда ли он был таким зверем, смакующим рассказы о свойствах надкушенных пуль? Николай пристально посмотрел в лицо этого занятого своим делом человека. Что-то такое он уловил... Да, Николай был готов поклясться, что эти опускающиеся к подбородку черные усы были призваны скрыть смотрящие вверх уголки губ, говорящие о том, что когда-то этот человек был улыбчивым, а не цинично ухмыляющимся. И глаза у него постоянно прятались в тени нависших и нахмуренных бровей лишь для того, чтобы скрыть затаившуюся во взгляде бесконечную грусть и тоску.

Николай был удивлен своим открытием и пытался понять, какая связь между сделанными им сейчас наблюдениями и тем, что говорила Рана во сне.

Луноход качнулся и отвлек от этих мыслей. Что-то заскрежетало под гусеницами.

— В чем дело? — спросил Варяг у космонавтов, сидящих впереди.

— Легковушки под снегом. Задел одну. Тут сугробы большие. Не видно, что под снегом, — ответил сидящий за рулем Алексеев с прибором ночного видения на глазах, поскольку решили ехать без фар и не привлекать к себе лишнего внимания.

Машина проезжала пересечение Нового Арбата и Садового кольца. Садовое кольцо ныряло в короткий тоннель, проходящий под этим большим перекрестком. Яхонтов взглянул в пе-

рископ. Район был покрыт маревом осветительной ракеты. Цитадель конфедератов была еще совсем недалеко, и тут орудовали усиленные патрули казаков, призванные обезопасить путь лунохода на протяжении ближайших нескольких километров. В свете ракеты были видны бесконечные вереницы автомобилей, оставшихся на Садовом кольце с незапамятных времен. Это была та самая пробка, о которой говорил Аксай. Многих машин не было видно из-за скрывающего их слоя снега. Но автомобили покрупнее и повыше можно было разглядеть. Иные автомобили кто-то раскапывал. То тут, то там зияли в снегу неровные ямы. Возможно, это были следы деятельности мародеров или искателей топлива. А может, кто-то просто искал останки родных. Луноход проехал пересечение, когда осветительная ракета стала уже затухать.

Луноход качнуло еще несколько раз.

— Эдак мы гусеницу повредим, — пробормотал Алексеев.

— Центра улицы держись, — посоветовал Людоед.

Позади на здании бывшей мэрии вспыхнул прожектор. Он светил в сторону, куда ехал луноход.

— Спасибо генералу, — хмыкнул Варяг. — Только мы не для того фары не включаем, чтобы он нас обнаруживал прожектором.

— Надо было предупредить его, — равнодушно пожал плечами Людоед.

Впереди замаячили огромные бесформенные груды. Руины зданий. Высотки были разрушены. Те, что были ниже, уцелели, но хранили следы сильных пожаров. На подступах к Арбатской площади свет прожектора совсем ослаб, однако было заметно, что здесь разрушения сильнее. Дорога сузилась. Теперь машина двигалась по Воздвиженке. Свет прожектора уже утонул во тьме. Вокруг белели покрытые снегом сплошные руины.

— Что тут было? — спросил Макаров.

— Как — что? — хмыкнул Людоед. — Скоро Красная площадь, а за ней Лубянка. Эпицентр одного из четырех взрывов.

— Как это — четырех? — Варяг уставился на Илью. — Три взрыва ведь было.

— А кто считал? — засмеялся Крест. — Мне вообще один старый сталкер рассказывал как-то, что взрывов было пять. Просто было три мощных заряда, а два будто так себе. Кто его знает. Метро никто толком не изучал после ядрены. Может, и больше.

— Как такое вообще может быть! — закричал вдруг Андрей и повернулся. — Как, Илья! Как можно было начинить столичный метрополитен ядерными зарядами?!

— А ты слыхал про ранцевые диверсионные фугасы? — ответил Людоед.

— Говорили же, что все это сказки, — возразил Яхонтов.

— Ну, выгляни в окошко и увидишь сказку.

— Кто мог их туда установить?! — продолжал нервно кричать Макаров.

— А ты, друг ты мой ситный, вспомни конец прошлого века. — Людоед протянул в соединяющее две кабины окно свою руку и хлопнул по плечу космонавта. — Ну, вспомни. Вспомни, что в матушке России творилось. Развал. Грабеж огромного государства. В правительстве люди с двойным и тройным гражданством. Президент тогда был вообще зомби. Война еще. Вспомни. Ты не помнишь, как на наших рейдах безнаказанно шныряли ихние подлодки? Как отрубали электричество нашим стратегическим объектам? И не батальон стройбата какой-нибудь. А именно стратегические объекты. Как танки расстреливали конституцию, помнишь? Как бандиты наскоком город захватили на Ставрополье, а потом наша власть их торжественно проводила в их родовые аулы? Как школьников вчерашних отправили на отсечение голов под елочку новогоднюю, а потом кремлевские морлоки сдались тем головорезам? Твою мать, Андрей, ядерная держава капитулировала перед кучкой уголовников! Какого хрена ты удивляешься?! Кто мог это сделать, говоришь?! Да каждый второй, мать его, опустившийся гражданин этой изнасилованной всеми, кому не лень, страны мог за вонючую пачку говенных зеленых бумажек спуститься в метро и оставить там эти заряды, которые годами могли лежать и ждать своего часа! — Людоед вдруг вскочил со своего места, и казалось, что он совсем взбесился. — Чего уставились? Вы в какой стране жили вообще? В той, что во Второй мировой выиграла? Ни хрена, дорогие товарищи! В той, что проиграла третью мировую, мать ее, холодную войну! Так какого хрена вы тупые вопросы задаете такие?! Удивительно не то, что какая-то сука заминировала метро! Удивительно, что мы смогли в тот день запустить наши ракеты! Вот что удивительно! Удивительно, что у нас еще какие-то самолеты взлететь тогда смогли! Удивительно, что подлодки наши смогли отойти от пирсов своих! И это после перестройки и нашей славной демократии!

После того дикого разгрома и повального предательства мы еще что-то смогли сделать! Вот что удивительно!

Он наконец уселся на свое место и затих, нервно перебирая в руке очередную горсть патронов от калашникова. Никто ничего не мог сказать. И если Сквернослов и Васнецов были представителями более молодого поколения, то и Варяг и космонавты помнили еще то, о чем так эмоционально только что говорил Крест. И видимо, они понимали, что Людоед не так уж далек от истины.

Луноход остановился.

— Что там? — угрюмым голосом спросил Варяг у Юрия.

— Это... ведь... Красная площадь?.. — сдавленно проговорил Алексеев.

Московский Кремль и его знаменитая Спасская башня, собор Василия Блаженного и мавзолей давно исчезли. Они теперь были лишь легендой и частью воспоминаний тех, кто помнил, что они когда-то находились здесь. Теперь это была холмистая снежная пустошь, накрывающая саваном смерти руины сердца страны. Кремль, не как символ власти, какой бы она ни была, но как символ истории России и как сердце Родины, не существовал уже долгие годы. И это теперь было символом непоправимой катастрофы и невосполнимой утраты былого. Погибли ведь не только многие миллионы людей. Но и их достояние, неумолимо пересекающее границы эпох и делающее историю осязаемой и близкой. Но не теперь. В этой эпохе нет места связующим символам времен. Здесь лишь руины и призрачная надежда выжить.

— Туда, — со вздохом указал рукой Илья. — Через площадь Революции и Лубянку. Потом курс на Измайловский парк. На этих территориях только пси-волки и крысы-мутанты.

— Мы что, должны ехать через территорию чудовищ? — Сквернослов удивленно посмотрел на Людоеда.

— Поверь мне, парень, это гораздо лучше, чем идти через территорию людей, — усмехнулся Людоед. — Поехали. До рассвета нам надо покинуть Москву.

17
ЛИСТОПАД

Скрившийся обломок стены с зияющей пустотой дверного проема торчал из снега. Очевидно, это был второй этаж. Чем было это здание в те времена, когда оно существовало не как

одна потрескавшаяся стена, уже было не понять. Впрочем, огромному бородавочнику, который пролез в дверной проем и, присев, стал тереться спиной о стену, было совершенно наплевать на то, чем это было в иные времена. Почесавшись, животное стало усиленно нюхать холодный воздух, вглядываясь маленькими глазками в темноту ночи. Убегая от стаи диких собак, он отбился от своего семейства и теперь пытался уловить их запах. Но тщетно. Где-то рядом послышался шорох и писк. Кабан хрюкнул и затаился. Прямо перед ним появилась крыса. Она встала на задние лапы, уставилась на бородавочника и резко отпрыгнула назад. Затем снова встала на задние лапы и взглянула на огромного зверя. Кабану хотелось есть. В мире, скудном на пропитание, все и всегда хотели есть. Бородавочник бросился на крысу, не понимая, что колония мутантов-грызунов, находившихся поблизости, отправила эту особь специально для того, чтобы заманить его в ловушку. Преследуя крысу, кабан почувствовал, как что-то ужалило его заднюю лапу чуть выше копыта. Зверь остановился и завертелся на месте в поисках обидчика. Теперь его укусили за другую лапу. Кабан зло захрапел и снова повернулся. Крысы, сначала поодиночке, а затем группами, выскакивали из своих укрытий в грудах обломков и снегу и молниеносно прокусывали артерии над копытами бородавочника, а затем снова прятались. Это была верная тактика победить большого и сильного противника путем его обескровливания. Свои выпады крысам-мутантам пришлось повторять много раз, поскольку на морозе кровотечение могло остановиться. Кабан яростно прыгал на месте, пытаясь отогнать от себя этих жалящих грызунов. Он сумел в хаотических метаниях затоптать нескольких врагов. Обычное дело. Значит, они оказались недостаточно ловкими. Естественный отбор брал свое.

Крысы продолжали свои атаки. Большие самцы вели за собой молодняк, обучая их убивать большого зверя. Снег под кабаном окрасился алым, который в темноте казался черной бездной. Бородавочник упал. Он уже потерял много дающей жизнь алой субстанции и теперь лежал в собственной крови, тяжело дыша и жалобно повизгивая, предчувствуя скорую смерть. Крысы поняли, что время настало. Огромная лавина безжалостных грызунов ринулась со всех сторон, облепив обреченного зверя. Они рвали его шкуру, вгрызаясь в плоть, а он еще дышал... Многие крысы проникли в брюшную полость

и в глотку, поедая кабана изнутри. Зверь наконец перестал дышать и вздрагивал только от движения рвущей его тело на части голодной массы.

В темноте раздался похожий на раскаты грома рык, переходящий в какую-то жуткую вибрацию воздуха и протяжный вой, уходящий в сверхвысокие тона и закончившийся громким, режущим слух щелчком.

Крысы как по команде бросились врассыпную, оставляя свою недоеденную добычу на произвол судьбы. Возможно, они были способны обескровить и то существо, которое издало этот странный и жуткий звук, но в том-то и дело, что этот широкодиапазонный рык подавлял их волю и способность к организованным действиям, оставляя лишь инстинктивное желание бежать подальше.

Медленно переступая массивными толстыми лапами и злобно фыркая, выпуская из широкого носа пар, на место кровавой бани вышел огромный пси-волк. Размером он был с бурого медведя. Сверкая в темноте оранжевым блеском глаз, он осмотрелся и, клацнув зубами, впился в недоеденную тушу кабана. Из тьмы близлежащих руин показалась еще дюжина люпусов. Они были несколько меньше первого. Собравшись вокруг вожака, они стали терпеливо ждать, пока он насытится. Проявляя заботу о своих собратьях, большой люпус вырвал из туши кусок грудины вместе с парой ребер и, отойдя в сторону, начал жадно его поедать, перемалывая могучими челюстями кости. Его сородичи накинулись наконец на вожделенную тушу. Заснеженный пустырь наполнился чавкающими и хрустящими звуками, рычанием и сопением.

Что-то отвлекло вожака от пищи. Он поднял голову и уставился на большой заснеженный вал. Оттуда приближалось гудение. Пси-волк угрожающе зарычал, подняв свои треугольные уши, безупречно ловившие этот звук среди звуков возни его сородичей. Какая-то огромная масса выскочила с той стороны вала и, клюнув носом, устремилась прямо на волков, перемалывая под собой снежный наст. Вожак схватил свою пищу зубами и бросился в ту сторону, откуда пришел, пересекая путь этому странному механизму. Остальные звери бросились врассыпную. Однако машина все-таки задела люпуса. Он перекувырнулся и заскулил. Затем посмотрел вслед обидчику и издал протяжный, звенящий в воздухе клич. Удирающие сородичи резко развернулись и бросились к нему. Пси-волк отряхнулся

и бросился догонять обидевший его самоходный механизм. Стая последовала его примеру. Волки довольно быстро нагнали машину и продолжали ее преследование, думая, наверное, о том, как ее остановить и уничтожить. Машина повернула резко вправо, стараясь избежать соскальзывания в огромную яму, образовавшуюся из-за провала большого участка грунта. В другом конце ямы зияла большая черная дыра, открывающая вход в столичное подземелье. Вожак замедлил бег и уставился на странные черные холмики, которыми был усыпан пологий спуск к зияющей дыре. Возможно, инстинкт и характерный запах подсказали люпусу, что это, возможно, те существа, которые, несмотря на свою физическую недоразвитость, были невосприимчивы к гипнотическому зову пси-волков. Которые оставались безучастными к их подавляющим волю и разум кличам. Это те самые существа, из-за которых люпусы боялись спускаться в обширные подземелья города. Поскольку там их были несчетные количества и они в ярости подавляли массой любое существо, не имеющего иного оружия, кроме того, что было даровано природой.

Один черный холм резко распрямился, растопырив руки, и прыгнул на замешкавшегося люпуса. Волк раскрыл пасть и поймал врага в цепкие челюсти. Заверещавший морлок обнял голову люпуса, словно намордник. И в этот момент десятки холмиков кинулись на зверя. Пси-волк понял свою ошибку и стал трясти головой, но было уже поздно. Морлок-смертник, кинувшийся на него первым, пожертвовал собой и не дал зверю позвать своих сородичей, и теперь десятки рук и зубов рвали его, поваленного на бок непобедимого вожака, на части.

Остальные пси-волки продолжали преследовать машину, но ощутили, как ослабел запах их вожака. Значит, он по какой-то причине отстал. Волки остановились и бросились назад. Их незаменимое в ночи волчье зрение уловило, как жуткие, чумазые до черноты существа рвут их непобедимого лидера. Люпусы кинулись на выручку, и тут из подземелья ринулась яростная толпа морлоков. Началась поистине эпическая битва между волками-мутантами и теми, кто когда-то был человеком. Голод гнал физически слабых морлоков на смертельно опасных и сильных зверей.

— Чтоб я сдох, если видел когда-нибудь что-то подобное! — воскликнул Яхонтов, глядя в перископ, к которому умельцы конфедератов приладили танковый прицел ночного видения.

— Ночь, дружище, время зверушек! — усмехнулся Людоед.

— И это безопасный маршрут?! — Варяг уставился на Илью.

— Ну да, — развел тот руками. — Людей тут точно нет. А они, поверь мне, хуже. Много хуже.

— А если луноход сломается? Застрянет? Вот в этом зверинце. Что тогда?

— Да не очкуй, яхонтовый ты мой. Отстреляемся. Главное, в ответ никто стрелять не будет.

Луноход вдруг дернулся и встал.

— Что случилось? — крикнул Сквернослов Алексееву.

— Что-то в ходовую попало. Маховик закусил. Или камень, или бревно, или еще что-то, — ответил космонавт.

— И что? — поинтересовался Варяг.

— Двигаться дальше нельзя. Гусеницу порвем. Или звездочка раскрошится. Или трансмиссию пожжем к чертям, а это хуже всего.

— Варяг, ты накаркал, — подмигнул Яхонтову Людоед.

— Да иди ты, Крест. Юра, чего делать-то теперь?

— Надо выйти посмотреть. Может, чуток назад сдам и вытащим эту хрень?

— Добровольцы есть? — хмыкнул Сквернослов.

Все взглянули на Людоеда.

— Что, крайнего нашли? — оскалился Крест.

— Ну, ты же нас сюда затащил, — ехидно улыбнулся Варяг. — Иван Сусанин.

— Да вы радуйтесь, что это камень просто. Вы его в любом районе поймать могли. И выстрел от гранатомета могли поймать в любом районе. Только не в этом. Черт с вами. Пойду выйду, если вы такие очковые.

В этот момент в крышу лунохода что-то ударилось и послышался скрежет и царапанье.

— Только немного погодя... — пробормотал Людоед, уставившись в потолок.

— Что это еще такое? — Яхонтов нахмурился, прислушиваясь к возне на крыше.

— Морлок, может? — предположил до этого молчавший Николай.

— Сходи, Васнецов, проверь. Ты же теперь спец по морлокам у нас, — засмеялся Крест.

На крышу еще что-то упало. Возня усилилась.

— Их уже двое. Они луноход раскачивают, уроды, — произнес Алексеев.

— А солнечную батарею не повредят? — спросил Вячеслав.

— Сомневаюсь. Там покрытие особое. Хоть стреляй по нему.

Яхонтов прильнул к перископу.

— Ни черта не видно.

Он стал вращать его, и тут кто-то ударил сверху по сфере. Смотровой прибор дернулся влево.

— Вот суки! — Яхонтов схватился за глаз. — Черт, ну попали мы.

— А как луноход можно раскачивать? Он же на гусеницах! — Сквернослов чувствовал, что машина качается, и был, как, впрочем, и все, этим сильно обеспокоен.

— Да очень просто, — угрюмо ответил Алексеев. — Мы еще вдобавок на краю оврага стоим. Они нас, похоже, столкнуть хотят. А справа какое-то строение полуразрушенное. Они нам на крышу с него, наверное, прыгают.

В корпус со всех сторон забарабанило множество конечностей. Скрежет и шорох стали совсем невыносимыми. Казалось, существа облепили всю машину, кроме передней части, где сквозь лобовые стекла хоть что-то можно было разглядеть. Однако кто-то кинул обломок кирпича в стекло. Стекло выдержало и даже не треснуло, но космонавты тем не менее поспешно опустили ставни.

— Черт, надо было сразу выходить. Пока он один на крыше был, — вздохнул Крест.

Снаружи послышались хлопки. Что-то лязгнуло по корпусу. На луноходе вообще начало твориться что-то невообразимое.

— Погоди... Это же... Стреляют? Точно! Калашников! Нет. — Варяг прищурился, вслушиваясь в трескотню снаружи. — РПК! Точно! Пулемет! Слышь, Илья! И как это понимать? Ты же говорил, что тут людей нет!

— Только не бейте меня все сразу, — огрызнулся Людоед. Вид у него был озадаченный.

Возня вокруг машины стихла. Что-то грохнуло о крышу. Затем три шага к корме. Глухой удар. Звук соскользнувшего с крыши мертвого тела. Тишина.

— Ну что, хлопчики, страшно? — ухмыльнулся Людоед. — Что хуже, куча морлоков или один неизвестный человек с пулеметом на крыше? А я вам говорил!

— Хуже всего твоя болтовня, — покачал головой Варяг. — Ты уверен, что он еще там?

— Уверен. Добил кого-то на крыше и сидит.

— А чего сидит?

— А я почем знаю? Может, он гадит нам на крышу. — Крест засмеялся.

Варяг осторожно посмотрел в перископ.

— Точно. Кто-то на крыше. Сапоги вижу.

Сверху раздался стук. Словно кто-то стучался в дверь. Людоед пожал плечами и постучал в ответ прикладом автомата в потолок. Сверху снова постучались.

— Занятно, — хмыкнул Крест и, достав из своей кобуры пистолет, начал выбивать рукояткой на потолке какую-то странную дробь.

— Морзянка? — спросил Николай.

— Морзянка, — кивнул Илья, продолжая барабанить по потолку.

— Ты и азбуку Морзе знаешь? — ухмыльнулся Варяг.

— Я и крестиком вышивать могу, не мешай. — Людоед сделал еще несколько ударов и затих.

Тишина наверху затянулась. Затем послышалась ответная дробь морзянки. Людоед дослушал стуки до конца и улыбнулся. Затем повернулся к кормовой двери.

— Как ее открыть?

— Очумел, что ли? — дернул его за рукав Варяг. — Зачем открывать?

— Я знаю, кто наверху. Надо впустить.

— Кто там?

— Нордика.

— Кто? Какой еще Нордика?

— Не какой, а какая. Впустите ее. Как эту чертову дверь открыть?

— Погоди. — Макаров заглянул из своей кабины в пассажирский отсек. — Варяг, что скажешь, открыть?

— Ладно. — Яхонтов нацелил свой автомат на кормовую дверь и кивком головы приказал Скверослову и Николаю сделать то же самое. — Открывай.

Андрей вдавил нужную кнопку, и аппарель распахнулась. В отсек хлынули холод и ветер. Красный внутренний свет очертил несколько засаленных, пропитанных сажей и грязью черных мертвых тел за луноходом. Николай узнал их. Это морло-

ки. Сверху свесилась накрытая меховым капюшоном голова. Лицо скрыто дыхательной маской.

— Сдай назад чуточку! — послышался женский голос, приглушенный маской. — Эти твари трубу вам в гусеницу засунули. Я вытащу!

Луноход загудел и откатился на полметра назад. Женщина спрыгнула с крыши.

— Как они могли трубу в гусеницу засунуть? Они же не соображают ничего и слепые к тому же, — нахмурился Николай.

— Это ты зря думаешь, что они ничего не соображают, — усмехнулся Людоед. — На свой лад они даже очень сообразительные. И с чего ты взял, что они слепые? У них просто зрение не такое, как у нас.

Снаружи лязгнуло железо. После этого женщина забралась внутрь, затягивая за собой точно угаданный Яхонтовым ручной пулемет калашникова.

— Закрывайтесь. Можно ехать, — сказала она, стягивая с себя маску.

Аппарель закрылась, машина тронулась, и Варяг включил более яркое освещение, чтобы можно было получше разглядеть гостью.

На вид ей было, наверное, лет тридцать. Может, чуть больше. Выглядела она для тех условий, в которых жили теперь люди, достаточно хорошо и ухоженно. Ее можно было назвать красивой уже по первому взгляду на это скованное ободом меха от капюшона лицо. На лоб спадал желтый завитой локон. Черты лица ее были утонченными. Хотя выражение далеко не нежное. Прямая линия рта и тонкие, видимо, оттого что поджатые, губы. Сдвинутые темные стрелки бровей и огромные зеленые глаза. Они были невероятно зелеными и, казалось, светились каким-то ядовитым светом. И во взгляде было что-то похожее на первобытную ярость. Даже злобный и источающий угрозу взгляд Людоеда сразу забылся, когда она осмотрела всех присутствующих в пассажирском отсеке лунохода. Красота ее была какая-то хищная, и эти кошачьи глаза только подчеркивали ее.

Кирзовые сапоги, ватные штаны и подрезанный тулуп с пришитым к нему капюшоном не позволяли оценить фигуру девушки, но было ясно, что, скорее всего, у нее спортивное телосложение. А вот выдающийся вперед тулуп говорил либо о том, что у нее что-то за пазухой, либо о том, что у нее большая

грудь. Скорее всего, второе, так как свою ношу она таскала в висящей через плечо брезентовой сумке.

— Всем здрасьте, — кивнула она и, обратившись к Людоеду, произнесла: — Вот тебя, говнюка, совсем не ожидала тут увидеть.

— И я по тебе тоже соскучился, стерва, — кивнул он, зло улыбнувшись.

Яхонтов вопросительно уставился на Илью. Тот понял застывший во взгляде Варяга вопрос и махнул рукой.

— Да все в порядке. Просто мы ненавидим друг друга. Верно, зайка?

— Точно, — кивнула девушка. — Лютой пролетарской ненавистью.

— Это Нордика. Знакомьтесь. Зайка, это мои подельники. Вот этот лось волосатый — Варяг Яхонтов. Летчик-налетчик. Настоящий викинг. Ты таких любишь. Вот эта белокурая бестия — Славик Скверносло в. Истинный ариец. Тебе тоже понравится. Вон затылки двух космонавтов в окошечке.

— Космонавтов? — Она удивленно взглянула на Людоеда.

— Да. Я тебе потом объясню. Короче, тот седой — это Юра. Алексеев — фамилия. А вот этот лысый... Во. Повернулся. Это Макаров Андрей.

— А там кто в угол забился? — Нордика взглянула на Васнецова.

— О-о! — Крест сделал испуганное лицо и заговорщицким тоном произнес: — Этот у них самый главный. Коля Васнецов. Слышала истории про оборотня? Так вот это он!

— Ты чего болтаешь? — досадливо поморщился Николай.

— Да ладно. — Девушка улыбнулась. — Я понимаю, что он дурачится.

Улыбалась она как-то неестественно. Фальшиво. Видимо, нечасто ее лик посещала улыбка.

— Как вам удалось с морлоками справиться? — поинтересовался Николай, который чувствовал какое-то потаенное восхищение этой особой.

— Да ничего сложного. Опасен не морлок, а их количество и их засады. А в открытом бою все просто. Мочить актив. Тех, кто готов жертвовать собой ради победы остальных. Они распознаются по своему тупому упрямству и самоубийственным выходкам.

— А почему Илья вас назвал Нордика? — спросил Варяг. — Как вас зовут?

— Я Наталья Родионова, — ответила она.

— Нордика значит «нордическая женщина», — добавил Крест. — Она раньше в группировке фашинов была. Потом как-то обстоятельства сложились, и ей жизнь спас Салах-Атдин. Это который «Ирбисом» командует. Я тогда с «Ирбисом» был. Ну, так и познакомились. Она немного свои взгляды пересмотрела и ушла от фашинов.

— Мы и раньше были знакомы. Просто твой склероз не дает это признать, — ухмыльнулась женщина. — Иль забыл маньяков, от которых меня спасал еще малолеткой?

— С черными сталкерами ты был, с «Ирбисом» был, — хмыкнул Яхонтов. — А с кем еще был?

— Да легче сказать, с кем не был. Вот с морлоками и псиволками пока еще не был.

Он улыбнулся. На сей раз совершенно непринужденно. Казалось, присутствие Нордики его сильно радовало, и он с трудом это скрывал. Во всяком случае, Людоед сейчас выглядел не таким воплощением цинизма и злобы.

— Наташа, ты лучше скажи, каким ветром тебя занесло сюда?

— Так я ведь тут недалеко живу теперь. Забыл?

— В Лукино, верно? И это, ты хочешь сказать, недалеко?

— За парком. Что тут. Две версты от силы, и все. Я за группой одной следила. Короче, где-то тут они склад нашли большой. Оптовый, что ли. Там консервы, барахло всякое, сигареты и прочее. Ну, думала поживиться. Короче, на большую стаю собак чуть не нарвалась. Спряталась в доме каком-то. А разведчиков тех собаки порвали. Мне долго пришлось сидеть. Темнеть начало. Решила переждать до утра. А тут вы. Думаю, лучше к вам. А то холод невмоготу совсем стал. Ну, вот и все.

— Ладно, Нордика. Мы все равно мимо Лукино едем. Аккурат к дому подвезем. Там кто сейчас обитает?

— Да никого. Несколько семей по подвалам прячутся. Я к одной престарелой паре прибилась. Помогаю им. Там сейчас спокойно. А вот в Балашихе... — Она покачала головой и, ухмыльнувшись, передразнивая Людоеда, посмотрела ему в глаза.

— Что там? — напрягся Крест.

— Листопад, — ответила девушка.

Илья резко переменился в лице. Он снова стал тем свирепым и безжалостным убийцей, к которому путешественники уже успели привыкнуть.

— Юра! — крикнул Людоед в сторону передней кабины.

— Чего?

— Когда выедешь на поле с большим дубом в центре и крестом рядом с ним, остановись.

— Ладно.

— Что за листопад? — поинтересовался Варяг, которого, естественно, раздражало, когда в его присутствии говорили о чем-то, чего он не понимал.

— Листопад — это когда осенью листья с деревьев опадают, — угрюмо пробормотал Людоед.

— Ты что, издеваешься? Какая теперь осень с листьями?

— Да нет, Варяг. Просто там...

Луноход остановился.

— Улица, фонарь, аптека, — произнес Алексеев.

— Чего? — спросил Крест.

— Я говорю, поле, дуб, крест. Приехали.

Илья посмотрел в перископ.

— То самое место, — вздохнул он и, сев на свой ящик, достал карту. — Варяг, смотри. Вот мы здесь сейчас. Конец Измайловского парка. Сейчас поедете чуть направо, и будет шоссе. По столбам поймете, что это шоссе. Едете по нему прямо. Тут перекресток и гаражи. Гаражи раскопаны. Там снега мало. Встаньте среди них и ждите. Там встретимся через четыре часа. Или раньше. Но не позже.

— Ты что задумал? — злился Яхонтов.

— Так надо.

— Кому надо? Мы и так много времени потеряли.

— Варяг, мне сейчас к тому дубу надо на пять минут. Потом я Наташу провожу. Потом разведаю путь. Нам ведь через Балашиху надо. А выходит, что это опасный путь. Вы, главное, стойте на месте и ждите. Что бы ни случилось. Сколько на твоих часах времени?

Яхонтов недовольно вздохнул и посмотрел на часы.

— Половина шестого. Двадцать семь минут, точнее.

Людоед достал из кармана своего мундира круглые часы на цепочке. Раскрыл крышку, кивнул и немного подвел их.

— Хорошо. Девять часов двадцать минут крайний срок. Если я не приду к тому времени, то забудьте меня и двигайтесь дальше. Но не через Балашиху. Поедете на север и сделаете крюк через Лукино и дальше на восток. Андрей, открой! — Он поправил свой черный берет на голове.

— Мне это совсем не нравится, — заявил Варяг. — Ты бы шапку взял, что ли.

— Да ладно. Я и так на всю голову отмороженный. Вы просто сделайте все так, как я прошу, и будет нам счастье, — ничего не выражающим тоном ответил Крест и вышел через открывшуюся аппарель.

Нордика последовала за ним.

— Спасибо, что подвезли, — сказала она на прощание.

Когда аппарель уже почти закрылась, с улицы донесся возглас Людоеда:

— Опасайтесь листопада!

— Что за листопад, черт тебя дери! — крикнул Яхонтов, но дверь уже закрылась. — Нет, ну не козел, а? Что ему стоило объяснить?

— Зачем мы его вообще с собой взяли? — пробормотал Николай, прильнув к перископу. — Не нравится он мне. Странный он.

Васнецов видел, как Людоед пошел к большому раскидистому дубу, возле которого из снега торчал высокий деревянный крест, видимо обозначающий чью-то могилу. Нордика последовала сначала за ним. Однако Илья резко обернулся и велел ей стоять на месте и ждать его. Это было понятно из его жестикуляции. Луноход удалялся от их нового и странного попутчика, но Николай продолжал наблюдать за ним. Тот подошел к кресту. Постоял перед ним какое-то время, сняв с головы берет. Затем вдруг схватился за крест, выдернул его и, размахнувшись, со всей силы ударил по дубу, разломав на части.

— Вот псих! Он крест могильный разломал! — воскликнул Николай.

— Тот, что у дуба? — спросил Вячеслав.

— Ага... — Васнецов посмотрел на брата. — Я же говорю, на фиг он нам нужен?

— Я, кажется, понял, — покачал головой Сквернослов. — Я с ребятами-конфедератами разговаривал, пока ты в лазарете в себя приходил. Расспрашивал о том о сем, и про Людоеда этого. Они сначала говорить ничего не хотели про него. Но когда стало ясно, что он с нами уходит, то по секрету рассказали. Давным-давно он убил бабу какую-то возле большого дерева в каком-то парке. Голову ей отсек своим мечом. И там и похоронил. Вроде он любил ее. А потом, говорят, он ушел в подземе-

лья и жил там. Поговаривают, что тот оборотень, что в метро живет, он и есть.

— Прямо шекспировская история, — хмыкнул Варяг и протянул Алексееву карту с пометками Людоеда.

— Ну сам посуди. Вон дуб, крест и все такое. И в парке. Чем не подтверждение? И пулемет у него такой, как Коля вон рассказывал.

— Ерунда, — мотнул головой Васнецов. — Оборотень намного выше ростом был. Вот помнишь, какой отец высокий... — Николай осекся, едва не произнеся слово «был». Но он панически боялся говорить и даже думать об отце в прошедшем времени. — Так вот, тот человек в метро еще выше.

— Куда еще выше? Да тебе там, в темноте, с перепугу могло померещиться, что он размером с паровоз.

Дуб и Людоед с Нордикой уже исчезли из виду, и Николай снова уселся в свой утол.

— Если он любил ее, то зачем отсек голову? — пробормотал Васнецов, вспоминая, как он сам, упав в снег, дал очередь из автомата в упор по догоняющей его девушке Ране, о которой теперь тосковал и которую хотел увидеть, пусть даже во снах или каких-то бредовых галлюцинациях. — Зачем...

— Любовь и ненависть — две стороны одной монеты, — покачал головой Яхонтов, набивая табаком свою трубку. — Видно, что-то не так у них было.

— Ты что, курить тут собрался? — возмущенно произнес Вячеслав.

— Нет. Сейчас на место приедем, там выйду и покурю...

— Какой монеты? — с задумчивым видом спросил Николай. Он все еще строил ассоциации между собой и убийством Раны и тем, что рассказал про Людоеда Сквернослов.

— Монета. Ну, раньше железные деньги были, которыми люди расплачивались.

— Да-да, конечно, я помню...

— Коля, тебе нехорошо, что ли? — Яхонтов внимательно посмотрел на Васнецова.

— Да нет. — Тот резко дернул головой, вспомнив свое обещание не жаловаться. — Просто задумался. Любовь что, монетами измеряется?

— А это ты у него спроси, когда вернется. При его характере ты такой ответ услышишь, наверное, что больше спрашивать не захочется.

— Гаражи, — послышался голос Алексеева. — Кажется, это место он на карте отметил.

— Да, — согласился Яхонтов, посмотрев в перископ. — Вон перекресток. Давай между двух ближайших гаражей встань.

Луноход медленно заехал в укрытие и остановился.

— Я на улицу. Кто подышать хочет? — поинтересовался Варяг, беря в руки свое оружие.

Размять ноги после ночного марша по пересеченной местности решили все. Андрей и Юрий принялись сразу осматривать ходовую часть машины, ища возможные последствия затягивания в гусеницу железной трубы, подсунутой морлоками. Яхонтов закурил трубку. Вячеслав и Николай залезли на крышу гаража и стали наблюдать за окрестностями. Уже светало, и можно было видеть и без прибора ночного видения. За несколькими рядами гаражей были видны небольшие дома, давно уже разоренные.

На одном из ближайших домов было что-то написано. Виднелись только две последние буквы «АД». Начало надписи скрывал один из гаражей.

— Варяг, мы с Колей осмотримся вокруг? — спросил Сквернослов у курящего командира.

— Вы далеко только не отходите. И не долго.

— Ясно. Пошли, Коля, поглядим.

Они спрыгнули с гаража в небольшой сугроб и двинулись в сторону того дома. Когда они наконец подошли к нему, то надпись открылась им полностью. ЛИСТОПАД. Сквернослов подошел к стене совсем близко, чтобы рассмотреть, чем сделана эта неровная надпись с потекшими буквами, но вдруг Николай схватил брата за плечи и отбросил назад.

— Ты сдурел, а?! — крикнул на него Сквернослов.

— Не ори, — шепнул Васнецов. — Ты чуть на растяжку не наступил.

— Где?

— Вот, посмотри. Прямо у стены в мусоре.

Николай был прав. Среди припорошенных снегом груд осыпавшейся черепицы и обломков упавшей печной трубы и битого стекла была протянута тонкая проволока, цепляющаяся за трубу молниеотвода здания и другим концом примотанная к чеке осколочной гранаты, прижатой куском стены.

— Людоед это имел в виду, когда сказал остерегаться листопада? — задумчиво произнес Сквернослов, глядя на натянутую проволоку.

— Что случилось? Славик, ты орал? — Из-за одного из гаражей вышел Яхонтов.

— Да. Вырвалось.

— Вот так вот вы на разведку ходите, да? Орете так, что на всю Москву слыхать. Что тут у вас?

— Растяжка.

Варяг склонился над гранатой. Почесал свою соломенную бороду и стал производить какие-то манипуляции руками. Затем поднялся, вертя в ладони гранату.

— Ну, вот и все. Вас на боевой подготовке не учили, что ли, растяжки обезвреживать? Гусляков не объяснял?

— А вдруг это хитрая растяжка? — пожал плечами Вячеслав.

— А глаза и мозги тебе на что даны?

— Да ладно тебе. Вот, взгляни сюда. Видишь, что написано? — Сквернослов показал на стену дома.

— Листопад. И что? — хмыкнул Варяг.

— Как — что? А о чем Людоед говорил?

— Да если бы он еще удосужился объяснить. Погоди... — Яхонтов подошел ближе и присмотрелся. — Кровью написано.

— Ты уверен?

— Похоже на то.

— Тихо! — воскликнул Николай, подняв руку. Он ощутил волнение и чувство, что судьба подарила еще одну попытку...

— Слушайте! — взволнованно прошептал он.

— По-мо-ги-те! — Это был голос молодой женщины.

Коля вспомнил свою попытку спасти девушку, которую волокли морлоки в метро. Он вспомнил попытку спасти девочку со щенком во время бойни у «Субботнего вечера», что ему приснилась. Желание спасти кого-то было настолько навязчивым и непреодолимым, что Николай уже готов был кинуться на этот крик, невзирая на решение Варяга. Однако командир принял именно то решение, которого ждал от него Васнецов.

— За мной, — коротко скомандовал Яхонтов и, вскинув автомат и чуть пригнувшись, быстро двинулся в ту сторону, откуда слышался этот зов о помощи.

Они торопливо двигались между домами. Краем глаза Николай заметил на одном из отдаленных остатков частного дома еще одну странную надпись «Листопад». Он обернулся, услышав торопливые шаги. Это их догоняли космонавты.

— Мы думаем, куда вы пропали... — зашептал Алексеев. — Что случилось?

— На помощь кто-то зовет. Вы зачем машину бросили? — Варяг остановился и посмотрел на них.

— Она закрыта, — махнул рукой Андрей. — А помощь вам, наверное, не повредит.

— Ладно. За мной. Только тихо.

— По-мо-ги-те!!!

— Черт, ее тащат куда-то. Мы все никак не приблизимся, — бормотал Варяг. — Ускориться.

Они двинулись быстрее. Пересекли широкую дорогу и железнодорожную линию. Конечно, шпал и рельсов под снегом видно не было, но зато хорошо были видны несколько обгоревших цистерн и опрокинутый локомотив. Осторожно приблизившись к нему, Яхонтов выглянул.

— Следы, — шепнул он товарищам. — Кажется, четверо что-то или кого-то тащат. Видимо, в тот комплекс. — Он поднес к глазам бинокль. — Что это за строения, интересно. О! Кажется, табличка сохранилась. Полянка? Точно. Санаторно-лесная школа «Полянка». За мной.

Яхонтов сменил бинокль на автомат и осторожно двинулся дальше. Они вошли в торчащие из снега остатки некогда растущего тут палисадника и почти достигли того, что было некогда забором школьной территории, как вдруг со всех сторон послышался шорох и звон передергиваемых затворов оружия.

— Бросить оружие! Живо! — послышался женский крик.

Следом заголосил целый хор.

— Оружие на землю, твари! Мордой вниз, свиньи! Бросить оружие! Руки за голову, быдло! Живо! Быстрей! Откроем огонь! Мордой вниз! — кричали только женщины.

— Помогите! — раздался девичий крик совсем рядом, затем смех и тот же голос добавил: — Купились, придурки!

— Черт, — зло прорычал Варяг и бросил автомат в снег. — Делайте, что они говорят. Их тут человек двадцать или больше.

— И одни бабы, — досадливо вздохнул Сквернослов.

Из-за покосившегося древесного ствола вышла одна из женщин. Она была облачена в теплые спортивные штаны и дамскую шубу. На голове большая белая меховая шапка. В руках самозарядный карабин.

— Все-таки все мужики — это тупой скот, — засмеялась она. — Для вас, дебилов, везде написано, что тут территория Листопада. Ох, красавчики. — Она причмокнула. — Пчелка, где ты, сучка маленькая! Иди погляди, сколько хмырей тебя

спасать кинулось на твой голосок! А ведь они еще твоей попки румяной не видели!

Со стороны школы послышался смех.

— Сейчас иду! Оставь мне кого-нибудь!

— Сестрички! Идите сюда! Поглядите на это жалкое зрелище! — Она подошла к Варягу. — А ты вроде ничего мужчинка.

— Вы кто такие? — прорычал Яхонтов.

— Мы? Листопад! А ты, ублюдок, теперь мой! — Она с размаху ударила его прикладом по лицу.

18
АМАЗОНКИ

— Хорошо, что мама меня в детстве творогом кормила. — Он растирал ладонью болящую скулу.

— А что с того? — Сквернослов взглянул на Варяга.

— Кости у меня крепкие. Правда, если бы по носу заехала... снесла бы к ядрене фене.

Они сидели на холодном полу подвала школы, достаточно хорошо освещаемого факелами на стенах. Еще бил утренний свет из небольших подвальных окон под потолком помещения. Видимо, вокруг здания снег расчищен, и окна оставались свободны. Внутри было просторно. Наверное, тут находился тренажерный зал в былые времена. В дальнем углу лежали какие-то изъеденные коррозией металлические части и блины от штанги. Как и во время визита в конфедерацию, им завязали глаза и повязки сняли уже тут. И в этом случае они оказались в клетке. Правда, шезлонгов не было, и прием оказался очень враждебным. Весь путь до подвала они слушали насмешки и издевки со стороны этих воинственных женщин и девушек, и то и дело кто-то тыкал в спину и ниже стволами оружия. Толстые прутья клетки были хоть и покрыты ржавчиной, но оставались очень прочными. Во всяком случае, попытку пленников разом навалиться на нее и сломать она выдержала с непоколебимым спокойствием.

— Как глупо попались, — продолжал ворчать Яхонтов. — Вот правду говорят, что благими намерениями устлана дорога в ад.

— Кто это такие? — Николай взглянул на Варяга.

— Я так думаю, что это амазонки. Андрей, Юра, ну вы-то какого лешего поперлись с нами? Остались бы в луноходе, до-

ждались бы Людоеда. Глядишь, отбили бы нас. Там и пулемет этот остался.

— Да ладно. Чего уж теперь, — вздохнул Макаров.

— Людоед, скотина, кинул нас, — пробормотал Сквернослов.

— Амазонки. А чем это нам грозит? — продолжал спрашивать Васнецов.

— Да ничем хорошим. Это, я так понимаю, одна из самых нехороших банд. Я расспрашивал у конфедератов. Они рассказывали. Амазонки всякие бывают. Эти, скорее всего, из тех, кто ловит мужиков, использует их по прямому назначению, а потом убивает. А тех, кто слабый и в ком они могут быть уверены, что ни одна из амазонок в него ненароком не влюбится, превращают в рабов.

— И зачем они их используют по прямому назначению?

— Для осеменения, неужели не понятно? — Варяг усмехнулся, потирая болящую скулу.

— Да это я понял. А смысл?

— Удовольствие и потомство. Вот и весь смысл.

— А что, если у них мальчик родится? — Теперь усмехнулся Сквернослов.

— Ну, воспитают по своему разумению. Сделают из него послушную овцу. Исполнителя желаний и добытчика пищи. Ну и работника для тяжелого труда. Наверное, так. — Яхонтов пожал плечами.

Николай поежился. У них не только отобрали оружие, но еще и бушлаты и шапки. В подвале было довольно холодно. И ему было обидно, что естественный и благородный порыв помочь зовущей на помощь девушке обернулся такой бедой для них.

Дверь у дальней стены открылась, и в помещение вошли шесть амазонок, вооруженных огнестрельным оружием и висящими на поясах битами. Среди них и та, что ударила Яхонтова прикладом. Она по-прежнему была в роскошной белой меховой шапке. Выглядела она старше других. На вид ей примерно лет сорок или чуть больше. Вся левая щека ее была стянута, как от ожога. Возможно, это и был ожог. На улице этого шрама не было видно из-за шарфа, которым она укутала свое лицо от холода. Все были облачены в спортивные костюмы, у всех короткие стрижки, кроме одной. Самой молодой. Круглолицая блондинка с голубыми глазами навыкате и тонкими бесцветными бровями. Примерно ровесница Николая.

Старшая показала пленникам колоду карт.

— Чье это? — строго спросила она.

Николай узнал их. Это были те самые карты с голыми девицами, которые Вячеслав постоянно таскал с собой в кармане бушлата.

— Я спрашиваю, чье это дерьмо, свиньи! — крикнула женщина. — У кого из вас, скотов, это было в кармане?!

— Это мое, — тихо сказал Сквернослов.

— Тащите его сюда, сестры! — рявкнула она своим спутницам.

Две амазонки наставили на путников автоматы, в то время как остальные открыли клетку и выволокли оттуда Вячеслава.

Сквернослов практически не сопротивлялся скорее не из-за боязни, а больше из-за недоумения и непонимания того, что хотят от него эти женщины и при чем тут эти карты.

Клетка снова закрылась. Вячеслав оказался в окружении амазонок.

— Ну, мои это карты. Дальше что? Сыграем, что ли, в перекидного или в очко? — попытался пошутить Сквернослов.

Однако вместо ответа старшая амазонка нанесла ему удар ногой в пах.

— Животное! — закричала она.

Вячеслав упал, скорчившись от боли и не в силах оказать какое-либо сопротивление из-за охвативших его судорог. Остальные амазонки принялись с каким-то звериным удовольствием избивать его ногами, повизгивая и покрикивая от удовольствия.

— Мразь! Чмо поганое! Ты и такие, как ты, эксплуататоры женского тела, видите в нас только сиськи и гениталии, скотина! Над каждой картинкой облизывался, как пес шелудивый, да?! Бейте его, сестры! Бейте этот скот!

Она сама ограничилась только одним, первым ударом, предоставив дальнейшую расправу своим подельницам.

— Прекратите! Прекратите сейчас же! Что он вам сделал! — Варяг и остальные схватились за решетку и стали кричать.

Женщина со шрамом подошла к решетке и наставила на пленников пистолет.

— Что разгавкались, выродки? Вы такие же скоты, как он. Хотите на его место? Кто хочет? Мужчины, на хрен. Сильный

пол, мать вашу. Да кто вы такие? Отребье вонючее. Животные. Дерьмо! Такие, как он, да и все вы, создавали спрос! Твари!

— Слышь, ты, — зарычал Варяг, тяжело дыша от волнения и злобы. — Ну, допустим, я. Давай. Со мной справитесь? Я хочу на его место!

— Ох мужчинка. Ох хорош. — Она повертела пистолет на пальце. — А ты ничего. Брутальненький ты мой. Мне такие нравятся.

— Иди сюда, сука! — заорал Яхонтов, пытаясь дотянуться до амазонки рукой.

Она отпрянула и захохотала, раскидывая размашистым движением руки колоду карт.

— Девочки! Да бросьте вы это мясо пинать. Гляньте лучше на эту обезьяну в клетке!

Ее сообщницы наконец перестали бить Сквернослова и взглянули на остальных пленных. Разразившись смехом, они стали комментировать каждого из них различными унизительными репликами, не стесняясь на самые резкие слова.

— Да, Пентиселея, забавные зверушки, — хихикнула самая молодая. Та, что с длинными светлыми волосами.

— А ну, Пчелка, покажи им класс! — Лицо старшей амазонки перекосилось от усмешки, которая не могла превратиться в улыбку из-за травмы лица.

Пчелка пристально осмотрела пленников, включая лежащего у ее ног в полубессознательном состоянии Вячеслава, затем распахнула свою куртку и, задрав свитер вместе с одетой под ним теплой майкой, обнажила свои груди. Старшая амазонка со странным именем Пентиселея принялась водить по ее оголившемуся телу ладонью и при этом не сводила глаз с пленников.

— Что, козлики, нравится? Может, тоже покажете что-нибудь? — ухмылялась она.

— А им нечего показывать, — хихикнула Пчелка, — на холоде только воротнички стоят.

Все амазонки разразились полным презрения и ощущения собственного превосходства смехом.

Пчелка взглядом победительницы и хозяйки смотрела в глаза каждому из пленников. Васнецову, чей пристальный взгляд был устремлен на ее грудь, Яхонтову, который с отвращением смотрел на эту мерзкую компанию, Алексееву, который равнодушно взирал на движения руки старшей амазонки и потом

повернул голову и вовсе уставился на окно под потолком. Макарову. Тот внимательно и как-то странно смотрел в глаза девице. Она задержала на нем взгляд и резко опустила свой свитер.

— Хватит с них. А то слишком много чести, — произнесла она, застегивая куртку. — Что с этим лохом делать будем?

Пчелка кивнула на Сквернослова. Тот продолжал лежать на полу, скрючившись от нанесенных ему ударов.

— Киньте его обратно в этот обезьянник, да пойдем в трапезную. Уже скоро Минерва с сестрами подойти должна. Вечером займемся этими неудачниками вплотную.

Амазонки грубо подхватили Сквернослова и так же грубо закинули его в клетку, продолжая хихикать и насмехаться. Затем удалились из помещения, комментируя в разговоре между собой все то, что произошло в этом подвале за последние четверть часа.

— Ну и твари, — пробормотал Варяг, глядя на закрывшуюся наружную дверь. — Уж лучше бы мы к людоедам каким в плен попали. Славик, ты живой?

Он склонился над товарищем.

— Да лучше бы я сдох, — простонал тот. — Как унизительно... Бабы отделали... Суки... Профурсетки хреновы...

В Надеждинске отношение к женщинам было особое. Да, они такие же полноправные члены общины. Но все-таки женщины. Их старались оградить от тяжелых работ, и особенно от работ на улице, предоставив им заботу о животных в подземном питомнике и возложив на них уход за оранжереями, где выращивалась растительная пища. Политика общины в отношении женщин строилась на том, что их надо всячески оберегать и относиться к ним обходительно и с уважением. И не скупиться на необходимую им помощь в быту и на работах. Женщины были таким же ключом к выживанию, как и тепло в жилищах и решение продовольственного вопроса. Женщины — это матери. Будущие или уже состоявшиеся. Женщины, даже пожилые и старые, — это помощницы в уходе за молодыми мамами и их детьми. Женщина — это святое.

Однако, несмотря на такое преклонение перед представительницами прекрасного пола, власть все-таки в общине принадлежала мужчинам, а разгульное поведение некоторых дам в общине не приветствовалось. Вообще подобные вещи были

весьма щекотливым и сложным вопросом для их социума, но такое кажущееся ханжество было необходимо для успешного функционирования общины. Далеко не секрет, что разврат в обществе разлагает его, и в итоге общество обречено на упадок и забвение. В новых реалиях постъядерного мира и постоянной зимы это было недопустимо, ибо влекло за собой не просто распад социума, но и гибель большинства его членов. Падение нравов влекло за собой неизбежные конфликты, что тоже было фактом и горьким опытом Надеждинска, да и других подобных общин, наверное, в первые годы после ядерной катастрофы. Именно на первые годы пришелся резкий упадок в общественной морали, которая и до войны переживала не лучшие свои времена повсеместно. Первый период после катастрофы был отмечен повальной беспорядочностью в отношениях между мужчинами и женщинами и нередкими случаями насилия и убийств, едва не ставшими нормой. Это унесло множество жизней, но научило забытым понятиям сдержанности, морали и чести. Те, кто был не способен соблюдать моральные устои общества, просто были неспособны в этом обществе существовать.

Все это Николай знал с детства, потому что так воспитывали их наставники, учителя и так воспитывал его отец. Для него отношения с женщиной не могли быть чем-то иным, кроме возвышенных чувств, взаимоуважения и полного взаимного доверия. Даже мучившие его иногда инстинктивные желания побуждали в нем тягу не просто найти спутницу, но в первую очередь окружить ее заботой, нежностью и лаской. Он просто молча боготворил женский пол. И возможно, в том числе и эти его представления делали его робким в общении с девушками. Ведь так непросто начать общение с королевой или богиней. Куда проще завязать отношения, видя в женщине в первую очередь самку или охотничий трофей. Но Николай был не таким, и сейчас все происходившее с момента пленения их группы бандой амазонок сильно било по его идеалистическим взглядам, мировоззрению и полученному в родной общине воспитанию. Он был шокирован и потрясен. Он никак не мог понять, почему женщины, которые, по его понятиям, должны были олицетворять все прекрасное в оставшихся очагах сознания и разума лежащего в руинах мира, вели себя таким диким образом. И казалось, эти девицы старались перещеголять друг друга в мерзости и им явно нравилось выглядеть в глазах как

подруг, так и пленников как можно большей дрянью. Что побуждало их быть такими? Его даже не столько поражала дикая злоба к москвичам жителей гадовника. Он меньше удивлялся не поддающемуся разумному объяснению поведению и непонятной мотивировке тех, кто заключил краткосрочный союз ради уничтожения миссии к ХАРПу. Острее всего его шокировали амазонки.

Васнецов больше всего думал о Пчелке. Она была его ровесницей и выделялась среди амазонок не только самым юным возрастом и длинными волосами, но и наиболее вульгарным поведением. Перед его взором она снова и снова задирала одежду, показывая свое тело и возбуждая раздражающие и злящие Николая мысли о том, что можно с этим телом сделать. Он злился на себя, презирал ее, но ее грудь и худую ладонь Пентиселеи, массирующую упругие прелести Пчелки и заставляющую его чувствовать что-то вроде перемешанного с ревностью отвращения, он забыть никак не мог. И тогда он ощущал сильно учащенное сердцебиение и не поддающееся воле разума волнение.

— Сон разума рождает чудовищ, — тихо, одними губами проговорил он сам себе. — Надо взять себя в руки. Надо. Надо взять себя в руки.

Он уже почти справился с собой, как вдруг наружная дверь со скрипом отворилась и в подвал вошла Пчелка, снова заставив Николая чувствовать назойливое возбуждение и учащенный пульс.

Девица несла большую старую плетеную корзину, наполненную сомнительного вида пищей и парой помутневших пластиковых бутылок с водой. Она бросила корзину на пол, держась от клетки подальше. Затем толкнула корзину ногой, подвинув ее так, чтобы пленники смогли дотянуться до нее рукой.

— Жрите, уроды, — пробормотала она и, бросив взгляд на космонавтов, пошла обратно к двери.

— Пчелка! Постой! — воскликнул вскочивший с места Андрей Макаров. — Погоди! — Он протянул через ржавые прутья решетки свои руки.

— Тебе чего, старый? — Она повернулась и уставилась на него взглядом, выражающим раздражение и вопрос.

— Почему тебя так называют? — дрожащим голосом спросил Андрей.

— Чего? — нахмурилась молодая амазонка.

— Почему тебя называют Пчелкой? Тебя мама так называла? Верно?

— Ты меня достал уже. — Она вытащила из кармана куртки газовый баллончик.

— Постой! Ведь правильно? Пчелка, потому что Уля... Это как улей. А Уля, потому что тебя Ульяна зовут! Ведь так?! Ульяна! А маму звали Ольга! Ты очень на нее похожа! Правильно?!

— Ты кто такой? — выдохнула девица, опустив свое газовое оружие.

— Неужели ты не помнишь меня? Девочка! Ну, подумай! Я отец твой!

Амазонка смотрела на него с сомнением, злостью и какой-то растерянностью. Копалась в воспоминаниях своего детства и медленно, едва заметно качала головой.

— Ты помнишь дядю Юру, соседа нашего и друга? — продолжал Андрей, показав на недоумевающего Алексеева. — Помнишь, как перед тем, как я и дядя Юра полетели в космос, мы вместе с мамой и Юриной женой, тетей Мариной, ходили в парк на аттракционы?

— Отец, — прохрипела Ульяна. — А я все думала, кого ты мне напоминаешь... Какой же ты старый стал...

— Доченька, милая. — По щекам Макарова потекли слезы. — Как я счастлив, что встретил тебя. Ребята! — Он обернулся к своим товарищам. — Это дочка моя! Я нашел ее! Юра! Ты разве не помнишь крошку Ульяну? Посмотри, как она на Оленьку мою похожа стала!

— Я лица своей жены даже не помню уже, — вздохнул Алексеев.

Сквернослов, стиснув зубы и поджав окровавленные от побоев губы, смотрел на девушку. Судя по выражению его лица, Вячеславу было абсолютно наплевать на то, кто она. Для него было важно лишь то, что совсем недавно она, радостно визжа, наносила ему удары своими ногами.

Сама девушка выглядела растерянной. Она не знала, радоваться или нет тому, что перед ней возник отец. Она, возможно, стыдилась своего поведения в свой прошлый визит в этот подвал. Сложно было разобрать, какие мысли роятся в голове Пчелки, но с ней явно что-то происходило. Она даже не обратила внимания, как позади нее открылась дверь и в помещение вошла Пентиселея и с ней две вооруженные амазонки.

— Пчелка. Пчелка! — окрикнула она свою послушницу.

Ульяна обернулась.

— Наставница!

— Почему ты задержалась? Кинь этим животным объедки, и все. Почему ты еще не ушла? — Наставница строго на нее взглянула.

— Среди пленников мой отец! — воскликнула она. В ее возгласе был и вопрос, как ей теперь быть.

— Вот как? — нахмурилась старшая амазонка, встав рядом с девушкой. — Кто из них?

— Вот. — Молодая амазонка указала рукой.

— Ясно. А ну выведите его из клетки, — приказала Пентиселея своим вооруженным спутницам.

Никто не пытался предпринять попытку освободиться, когда дверь клетки снова открылась. Ведь сейчас казалось, что они могут освободиться благодаря такой счастливой встрече. Или, по крайней мере, мог освободиться Макаров.

Андрей попытался сделать шаг к своей дочери, но амазонки, ударив его по ногам, заставили повалиться на колени. Наставница зашла Пчелке за спину и, взяв ее рукой за горло, стала тихо говорить:

— Послушай меня, маленькая. Ты, мне кажется, забыла, что у нас нет отцов, нет братьев и нет сыновей. Мы — амазонки. Понимаешь? Мужчины — это животные. Мужчины — это похотливые скоты, которым нужно от нас только одно. Им чуждо созидание. Они могут только разрушать. Мужчины придумали оружие. Мужчины его развивали. Мужчины придумали атомную бомбу. Мужчины ее применили. А теперь вспомни, что твой отец бросил вас. А что было потом? Пришли другие мужчины и насиловали твою мать у тебя на глазах. А потом они насиловали и тебя, четырехлетнюю крошку. Они забили твою мать до смерти. Увели тебя в рабство. А где твой отец был? Мужчины называли себя сильным полом, и для них было проявлением в высшей степени мужской силы отпускать шуточки по поводу наших менструаций, походки беременной и всего того, что нас отличает от этих мразей. Они сильный пол? Но они не стремились защитить нас. Тех, кого считали полом слабых. При первой возможности остаться безнаказанным они брали нас силой. Они рвали нас. Унижали. Это сила? Нам ничего не надо от мужчин. Только их семя, для продолжения нашего рода. Так что подбери свои эмоции, скомкай их, как туалетную бумагу. Брось под ноги и растопчи. Ты — амазонка.

Ты — ведьма. Ты — стерва. Мы не возьмем семя этого ничтожества, которого ты назвала отцом. Оно нам не нужно. Если у тебя родится сестра, это хорошо. Но если родится брат? У нас нет братьев, нет отцов, нет мужей и сыновей. Но в тебе снова могут зародиться мерзкие ростки сомнения в правильности нашего пути и идеологии. Так нельзя, деточка. Это губительно для нашего царства. Это губительно для всех нас. Это смерть для тебя. Если ты хочешь расшатать общину вдруг проснувшимися и, поверь мне, совсем не нужными родственными чувствами к мужику, ты умрешь вместе с ним. Но если ты хочешь жить, умрет он один. Я пойду тебе навстречу и позволю тебе проявить милосердие к нему. Мы не будем резать его живьем, как это обычно делаем. Ты сама лишишь его жизни. Но быстро и безболезненно. Гуманно. Пулей в голову. Он не познает таких мук, которые ждут его подельников. И мы его похороним, а не скормим в нашем зверинце. Каков твой ответ?

— Но он же мой... — сквозь слезы начала говорить Пчелка.

— Это неправильный ответ, девочка. — Щелкнул предохранитель пистолета, и Пентиселея приставила оружие к виску девушки. Она сильнее сжала горло Ульяны. — Это очень неправильный ответ.

— Послушай, дочка, — дрожащим голосом заговорил стоящий на коленях Макаров. — Если это спасет тебе жизнь, то стреляй в меня. Слышишь? Прости, что я не оказался рядом, когда на вас обрушилась беда. Прости. Убей меня и живи. Я умру спокойно. Ведь я знаю, что моя деточка жива. А большего мне не надо.

— Наставница... — прохрипела Пчелка. — Дай мне хоть поговорить с ним. Я двадцать лет его не видела...

— НЕТ!!! Нет, дрянь ты такая! Я знаю, что потом твои сомнения усилятся и ты предашь нас! Сейчас решай, или умрете вместе прямо здесь!

— Соглашайся! — воскликнул Макаров.

— Я согласна, — прошептала девушка.

Наставница вытащила из пистолета обойму и вложила его в руку послушнице.

— Там один патрон, деточка. Захочешь убить меня или кого-то из сестер, умрешь все равно. Помни, самоубийство несвойственно женщинам. Самоубийство, как любое разрушение, путь мужчин. Женщина никогда не пойдет на самоубийство. Никакие цели, никакие идеалы ее на это не толкнут.

Женщина сильна инстинктом самосохранения и способностью выживать. Это наш путь.

Ульяна медленно подошла на два шага к Макарову...

— Нет! Не делай этого! — закричал Алексеев.

— Черт вас возьми! Можно же как-то договориться! — вторил ему Яхонтов.

— Заткнитесь, ничтожества, — презрительно бросила Пентиселея.

— Не бойся... — прошептал Андрей.

Это были его последние слова. Раздавшийся выстрел оборвал космонавту жизнь. Его тело завалилось на спину от удара пробившей лоб пули.

— Нет! — закричал Юрий.

Андрей не просто был его коллегой и другом. Они прошли через невероятные испытания, которые невозможно себе вообразить. Они прошли долгий путь, держась всегда вместе. Они исколесили полмира ради призрачных целей, которые казались им самым главным, что может быть в жизни. И теперь Андрей Макаров умер. Так просто, нелогично и глупо. И страшно. От руки собственной дочери...

Она стояла молча. Прикрыв глаза. На лице ее не дрогнул ни один мускул. Она сделала свой выбор. Наставница резко развернула ее к себе лицом и влепила звонкую пощечину.

— Это тебе за то, что колебалась, сучка. За сомнения твои. За твои чувства. Сегодняшнюю ночь проведешь в моей спальне, дрянь. Буду тебя воспитывать.

Пентиселея говорила пугающе спокойно. Но еще больше пугала покорность и какая-то зомбированность Ульяны.

— Да, наставница...

В подвал ворвалась еще одна вооруженная амазонка. Вид у нее был очень возбужденный. Она бегло окинула помещение взглядом и обратилась к старшей:

— Пентиселея! Кажется, прояснилась ситуация с Минервой и Лерой!

— Что там? — Наставница уставилась на нее.

— Ахиллес!

— Не может быть! Так, сестры, уберите отсюда труп! — Наставница бросилась к выходу.

Амазонки подхватили мертвое тело Андрея Макарова и потащили следом. Последней вышла идущая медленной поступью, глядя на полосу крови своего отца, молодая амазонка Ульяна.

Корзина так и осталась стоять у клетки нетронутой. Юрий сел на пол и тихо плакал, не в силах поверить в гибель своего единственного оставшегося в этом мире близкого человека. Варяг продолжал сжимать побелевшими кулаками прутья решетки. Вячеслав грустно смотрел на Алексеева и тихо бормотал:

— Дайте только до них добраться... Я им устрою...

— Неужели все это не сон? — вздохнул Николай.

Холод продолжал хлестать пленников ознобом. А на полу лежали разбросанные карты с голыми девицами, и тянулась к двери бурая лента крови их товарища, который еще несколько минут назад был жив и не знал, сколько времени ему уготовано судьбой до того момента, когда все для него закончится раз и навсегда.

19
АХИЛЛЕС И ПЕНТИСЕЛЕЯ

— Жизнь полна потерь. И тебе не меньше это известно, чем мне. Я тоже потрясен и скорблю вместе с тобой. Но нам надо выжить и довести наше дело до конца. Понимаешь?

Николай проснулся и взглянул на говорившего Варяга. Тот сидел на полу рядом с Юрием и пытался его утешить. Алексеев молчал, смотрел на засохшие пятна крови на полу и хмурился, стиснув зубы. Слабость, вызванная недавним ранением, склонила Васнецова в дремоту, но долго спать он не мог из-за холода. И теперь, проснувшись, он чувствовал разочарование. Ему ничего не приснилось. Не было девушки Раны. Не было никаких новых откровений. Это был сон без сновидений. Как сон мертвеца. Может, его судьба предрешена и он вскоре умрет, как и его товарищи? Может, поэтому ему ничего не приснилось? Земля-Рана покинула его, поняв, что он уже не в состоянии ей помочь, так как обречен.

— Как думаешь, Славик, нам конец? — спросил Николай у брата.

Тот кряхтел от ушибов и побоев и морщился от злобы и боли.

— Черта с два. Я еще побарахтаюсь. Будут нас убивать, порву хоть одну. Твари.

В окнах под потолком уже стемнело. Вот и прошел еще один день, и эта чернота в крохотных прямоугольниках мутного, потрескавшегося и перетянутого скотчем стекла, как и холод

в подвале, была словно предвестником скорой смерти, которая уже ждет за порогом той ржавой, скрипучей двери.

Васнецов взглянул на эту дверь, и она, словно повинуясь какой-то нечаянно отданной им мысленной команде, издав жуткий и угрожающий скрип, открылась.

Пленники ожидали увидеть кого угодно. Пентиселею. Пчелку. Группу пьяных амазонок, предвкушающих свальную оргию со смертельным исходом...

Но только не того, кто вошел в подвал. И не с завязанными глазами. Не как пленник. Людоед шел к клетке, держа руки в карманах своего черного мундира. Шинели на нем не было. Однако на голове, как обычно, черный берет со знаком радиоактивности вместо кокарды.

Яхонтов вскочил и схватился за решетку.

— Какого хрена, Илья?! — зарычал он. — Что здесь происходит и как ты тут оказался?!

— Тихо, брат. Не торопись, — спокойно ответил Крест, разглядывая пол со следами свежей крови и разбросанными картами.

Следом за ним вошли две вооруженные амазонки, которые встали по обе стороны от двери, и наставница по прозвищу Пентиселея.

— Ба! — с вызовом захлопала она в ладони. — Сам великий Ахиллес к нам пожаловал! Я потрясена твоим безрассудством, которое ты, наверное, считаешь за смелость! Уж после того, что ты сделал.

— Здорово, гадина, — ухмыльнулся Крест, обернувшись. — Почему не ты вела переговоры, а прислала какую-то тупую овцу, которая двух слов связать не может? Я рассчитывал пообщаться с какой-нибудь стервой поважней. А большей стервы на этой планете не сыскать. Кстати, мне очень понравилось, как твои воительницы меня обыскивали. Пусть еще пару раз обыщут, вдруг я где ножичек припрятал.

— Оставь свои шуточки, ничтожество, — скривилась Пентиселея. — У тебя статус не тот, чтобы с тобой переговоры королева вела. Мне бы отправить на переговоры с тобой больную крысу, но уж извини. Не оказалось под рукой. А так вонючая крыса — самый твой уровень.

— Ишь ты. А кто только что меня назвал великим Ахиллесом?

— Да ты не обольщайся. Подонок он и есть подонок. А ты самое оно.

— Да я хуже, чем подонок. И не скрываю этого. Ладно. — Крест покачал головой. — Любезностями обменялись. Теперь, может, к делу перейдем?

— Ты лучше объясни, как у тебя наглости хватило явиться сюда? Ты же прекрасно знаешь, что мы уже много лет за твоей поганой головой охотимся. С тех самых пор, как ты нашу основательницу и ведунью Ирочку Листопад убил. Как ты посмел сюда припереться, да еще оскорбления свои мужицкие сыпешь и требования какие-то выдвигаешь?

— Во-первых. Наши былые разборки между мной и Ириной Листопад никого, кроме нас двоих, не касались. И не касаются. Если вы так скорбите по ней, то почему у нее могила неухоженная? Во-вторых. Я пришел с белым флагом. Я парламентер. А ты знаешь правила. И эти правила в этом городе соблюдают все. Парламентер неприкосновенен. Все эти правила чтят. Даже бандиты, терминаторы и душманы. Даже сектанты проклятые. И ты знаешь, что если вы эти правила нарушите, то через три часа здесь будут и казаки, и «Ирбис», и сталкеры, и националисты, и еще бог знает кто. Им только повод дай. А самый лучший повод — это убить парламентера. Убить парламентера — более тяжкое преступление, чем шляться по метро. У тебя еще будут вопросы по поводу моей наглости?

— Ну ладно. Допустим, ты парламентер. Только имей в виду, смертный приговор тебе тут никто не отменял. И при первой возможности...

— Да при первой возможности я сам ваш поганый курятник вырежу.

— Посмотрим. И с чем ты пожаловал к нам, Ахиллес?

— Я уже давно не Ахиллес. Меня уже много лет вся Москва знает как Людоеда. А пришел я за вашими пленниками. Ясно?

Пентиселея ухмыльнулась и покачала головой.

— А с чего ты думаешь, что я пленников тебе отдам? Они наш трофей, и у нас свои планы на их счет.

— Я твои планы обломаю малость. Ваш патруль у меня. Минерва, Лера и Марго. Это их вы не дождались, верно? — Настала очередь ухмыльнуться Людоеду.

— Три сестры за четверых твоих козлов? Неравноценный обмен...

— За пятерых. Где пятый? — Крест нахмурился.

— Эти суки Андрея убили! — крикнул из клетки Сквернослов.

— Пасть закрой! — рявкнула Пентиселея, обращаясь к Вячеславу.

Крест шагнул к амазонке и угрожающим тоном произнес:

— Что это значит?

— Твоего друга убила его дочь. Одна из моих послушниц. Это их семейные разборки и наших переговоров не касаются.

— Да врет она все! — снова крикнул Вячеслав. — Это она все подначивала!

— Я сказала, заткнись!

— Нет, зайка, так дело не пойдет, — со злобой в голосе прошипел Людоед. — Их разборки или нет, но он погиб у тебя в плену. Теперь решай, кто из твоих трех шавок, что я в плен взял, умрет, отдав свою жизнь за его.

— Ты не посмеешь...

— Я посмею. Я самое отвратительное существо на этой долбаной планете. Я еще как посмею. И ты это знаешь. И еще. Я вижу, что один из моих товарищей избит сильно. Это значит, я убиваю одну пленницу за Андрея Макарова. А еще одной за побои, причиненные моему другому товарищу, я отрезаю ухо, и рублю на хрен указательный палец.

— Ты совсем озверел?! — воскликнула старшая амазонка.

— Я Людоед, деточка.

— Да ты кем себя возомнил, ублюдок?! Я сейчас прикажу прирезать и тебя и твоих подельников, и разговору конец! И пусть приходят потом, кто хочет. Отобьемся! Не впервой!

— Да ты погоди, зайка, не суетись. Расклад таков. Вас тут тридцать две особи. Так? Это без тех дурочек, что в плену у меня. Сколько сейчас человек ждут моего возвращения и смотрят на ваш домик в прицелы, тебе неведомо. Второе. В Балашихе, на Заречной улице, у вас база. Питомник для поросят и кроликов с курями. Оранжереи всякие и самое главное. Ясли. Сколько там будущих стерв у вас на воспитании? Пятнадцать? А взрослых около сорока. Верно? Вот теперь напряги свое воображение и представь, что с ними будет, если я отсюда не выйду. А потом можешь убивать, если мозгов нет.

— Это тебе пленницы рассказали? Ты пытал их, скотина?

— Ну, я не склонен называть это пытками. Но они мне очень много рассказали, — улыбнулся Крест.

— А ты не думаешь, что они обманули тебя?

— Я спрашиваю так, что врать при этом трудно. — Он подмигнул амазонке. — Не надо меня недооценивать. Ирина меня

недооценила, думая, что мое благородство не позволит мне ответить на ее давление. Она думала, что смиренно приму от нее все удары. Вы ведь все так любите поступать. Давите тех, кто по глупым идеалистическим причинам не в силах вам ответить. Но я сам удавил в себе благородство. Благородство — удел слабых и убогих. Ты прекрасно знаешь, на что я способен теперь. Так что не надо меня недооценивать.

— Блефуешь, Ахиллес, — прорычала Пентиселея.

— Хочешь проверить? — Людоед еще ближе подошел к ней и стал что-то шептать.

Николай понял, что Илья не хотел, чтобы его кто-то слышал, кроме этой амазонки. Но сам Васнецов, с детства играющий на гитаре, обладал отменным слухом. И он отчетливо расслышал слова Людоеда:

— Я сжег миллионы людей. Неужели ты думаешь, что у меня возникнут колебания при мысли о том, чтобы вырезать ваш поганый выводок?

— Мразь, — презрительно бросила она.

— Конечно мразь, — кивнул Крест, — именно поэтому ты должна быть уверена в том, на что я способен.

— Мне нужно подумать. Ты не просто требуешь отдать тебе пленников. Ты хочешь забрать жизнь моей послушницы и покалечить другую. Мне нужно подумать.

Илья достал из кармана часы и взглянул на них.

— Думай быстро. Пятнадцать минут у тебя. Потом поздно будет для нас обоих.

— Ладно, — угрюмо бросила Пентиселея и направилась к выходу.

Людоед проводил ее взглядом. Затем посмотрел на оставшихся у дверей стражниц. Подмигнул им и усмехнулся. Затем подошел к клетке.

— Варяг, вот ты вроде умный мужик, объясни, какого рожна ты тут оказался? Я же сказал сидеть, как мыши, у гаражей и ждать меня. Сказал вам, бойтесь Листопада. И вот тебе здрасьте. Сидите в клетке, как макаки.

— Тебе, Людоед, в морду дать надо, — ответил Яхонтов.

— О как. Ну спасибо, брат.

— Я тебе не брат, черт тебя дери. Почему ты не объяснил нам, что за Листопад такой? Взял и слинял с этой Нордикой.

— Я вам сказал достаточно. Вы же какого-то черта поперлись в ловушку. Дай угадаю. Наверное, услыхали, как какая-то

баба на помощь зовет? И наверное, наш благородный рыцарь Васнецов кинулся на помощь. Вы как из гаражей вышли, так вас дозор ихний в бинокли срисовал и начал манить. Так?

— Так, да не так. Коля тут ни при чем. Это я пошел на зов о помощи, — ответил Яхонтов.

— Да? Так, значит, это ты лоханулся? Вот от тебя такой глупости не ожидал.

— А ты бы как поступил, если бы кто-то звал на помощь?

— Прошел бы мимо с невозмутимым выражением лица, — улыбнулся Крест.

— Другого я от тебя не ожидал. Но мы не такие, как ты, слава богу.

— Не такие. Именно поэтому вы в клетке. Именно поэтому Макаров мертв, а Славик побитый как собака.

— Сам ты собака, — огрызнулся Вячеслав.

— Что у тебя за дела с этими стервами? — спросил Варяг.

— Никаких дел. Мы злейшие враги. — Людоед пожал плечами.

— А чья могила у дуба была? — заговорил Николай. — Этой? Ирины Листопад?

— Это никого не касается.

— Опять секреты и недомолвки? — поморщился Яхонтов. — Это уже раздражает, знаешь ли.

— Это действительно не имеет значения для нашего дела. Так что больше не касаемся этой темы.

— А крест ты зачем сломал? — продолжал Васнецов.

— Крест — это я. Все, я сказал. Закрыли тему, — разозлился Илья.

— Ну ладно, каков твой план?

— Значит, так. Королева пошла разобраться, что происходит вокруг этого лагеря. Через минут пятнадцать, что я ей дал, она поймет, что никто базу не окружил и я тут один. Тогда она спустится сюда и начнет стебаться, как они это любят. Будет упиваться своим превосходством... Они далеко не сразу с нами расправятся.

— Погоди, так это... Ты действительно блефовал? Ты что, псих, что ли?

Людоед обернулся на амазонок. До них метров двадцать. Едва ли они слышат.

— Тише, Варяг. Скоро на эту базу нападут. Когда я вам кину ключи, откройте клетку, но ни в коем случае не выходите из нее.

— У тебя есть ключи?

— Нет. Но думаю, будут.

— Как?..

Дверь заскрипела, и в подвал снова вошла Пентиселея. Она медленно, но уверенно вышагивала в сторону Людоеда. Взгляд ее был не таким, как четверть часа назад. Взгляд ее сверкал хищнической злобой и предвкушением расправы. Она улыбалась одним уголком рта и делала движения губами, подбирая лучшую фразу для момента.

— Ахиллес, Ахиллес, — покачала она головой. — Ты меня окончательно разочаровал. Ты такой же тупой, как все мужики. Тупой и неоригинальный. Мои разведчицы проверили все на два километра вокруг. Никого. Только в гаражном обществе трактор какой-то, на котором, наверное, вы и приехали. Как ты додумался в одиночку пытаться спасти своих дружков, да еще сам угодил в ловушку? — Амазонка засмеялась. — Ну ты и дурак!

Людоед медленно стянул с головы берет и улыбнулся, отойдя от клетки и приблизившись к амазонкам.

— Однако твои девочки все-таки у меня в плену, — сказал он.

— А теперь это дело нескольких минут, узнать, где ты их держишь. Я не склонна называть это пытками, но на вопросы мои ты ответишь, скотина.

— Да я и так скажу, — пожал он плечами. — Я их связал и в снежной норе спрятал у дуба, где Листопад похоронена. Только не торопись отправлять туда своих девочек. К пленницам бомба привязана, а обезвредить ее только я смогу.

— Опять блефуешь? — засмеялась Пентиселея.

— Ну неужели ты думаешь, что я настолько глуп, что пришел сюда, не имея козыря в рукаве?

— Да. Я так думаю. Ты мужик, а значит, тупица. Хотя, конечно, это в характере мужчин — привязать к беззащитной женщине бомбу.

— Это с каких пор твои боевики беззащитными женщинами стали?

— А наша непримиримая воинственность — лишь ответ на мужской беспредел и насильнические амбиции. Видишь уродство на моем лице? Это ведь не ожог от вспышки ядерного взрыва и не поражение кожи радиацией. Много лет назад, перед Судным днем, один ревнивый ублюдок плеснул мне в лицо

кислотой. Потому что он был ничтожеством. Как и ты, что берешь в плен женщин и привязываешь к ним бомбу.

— Женщин я в плен не беру. И с женщинами не воюю. Я борюсь со всякой нечистью и скверной. А у нечисти отсутствуют и половые признаки, и национальность, и расовая принадлежность. Нечисть — это нечисть. Нечисть — это ты.

— Это мужики все нечисть. Кто, как не мужчины, создал оружие? Кто придумал атомную бомбу? Кто применил ее? Только мир патриархата способен был закончиться так бесславно. Вам неведомо чувство созидания, ибо это материнская прерогатива. Если бы миром правили женщины...

— То мир утоп бы в крови по-любому, — усмехнулся Крест. — Поговаривали, что Маргарет Тэтчер развязала фолклендскую войну из-за менструального невроза. Можем еще вспомнить тетушку Мадлен, которая инициировала наравне с кровожадными мужиками геноцид сербов. А еще эта черная бестия Кондолиза, которая, наверное, облизывалась, глядя на трупы иракских детей, к гибели которых имела непосредственное отношение. И кстати, детей Геббельса убил не кто-нибудь, а их собственная мать. Я уже не говорю про десятки миллионов абортов ежегодно в том замечательном довоенном мире.

— Я понятия не имею, о каких женщинах ты говоришь. Небось сам повыдумывал все эти истории про черных бестий, детей и геноцид. Но в абортах как смеешь ты нас винить? Это из-за мужчин...

— Ну, ясен пень, из-за мужчин. Не из-за женщин, само собой, — засмеялся Илья. — Что с тобой разговаривать? У тебя в голове тоже кто-то аборт мозга произвел, и теперь там пусто!

— Не испытывай мое терпение, падаль!

— Если бы у тебя были мозги, то ты понимала бы одну простую вещь. Человек у власти определяется по половому признаку лишь визуально. Человек у власти — это есть инструмент воплощения концепции власти. А власть — это возвышение, доминирование и диктат. При любом режиме. Демократия, диктатура или еще что-то в этом роде. Даже при анархии непременно произойдет деление на власть и чернь. Неважно, кто придет к власти. Главное, что будет запущен маховик подавления и конфронтации. Столкновение интересов и борьба за сферы влияния. Это суть человеческая. Но тебе, корова тупая, это не понять. Твой уровень — это поделить весь мир на фаллосы и матки и офигевать от того, какая ты умная. Окрасить мир в чер-

ное и белое и перекладывать ответственность с больной головы на здоровую.

— А ты злишься, — ухмыльнулась Пентиселея. — Ты выходишь из себя. Мне это нравится, черт возьми. Только ты тоже уясни, дурачок, что власть всецело может принадлежать мужчинам, но это лишь иллюзия. Ты бы хоть Троянскую войну вспомнил! Женщина всегда имела и будет иметь неограниченную власть над самцом. Мимолетное кокетство, маслянистый взгляд, игривая улыбка, легкий флирт — и мужчина одет в оковы повиновения и рабства. И ты лучше других это должен понимать, выродок! Капитан той подлодки решил не запускать свои ракеты по заданным целям, так как на него нашла меланхолия, вызванная лицезрением фотографии любимой молодой жены. Этого оказалось достаточно, чтобы он не запустил ракеты и вывел свою лодку из войны. Но нашелся на этой лодке другой человек. Который от ревности и осознания собственной ничтожности и недостойности объекта своего обожания спятил и организовал мятеж против капитана-пацифиста. И он все-таки запустил ракеты и сжег миллионы людей. Уж кому, как не тебе, это знать, Ахиллес!

На лице Людоеда заиграли желваки. Брови нависли над злобными глазами. Пальцы Ильи затеребили берет. Казалось, это вызвано сильным неврозом.

— Слушай, Анжела, почему ты взяла себе прозвище Пентиселея? — спросил вдруг он.

— Ну, раз ты считаешь себя таким умным, то должен знать, что так звали королеву воинственных амазонок из античной мифологии.

— Я знаю кое-что из мифологии, — улыбнулся Крест, и в его пальцах, теребивших берет, блеснуло метательное лезвие. — Ты не учла одного. В бою шею амазонской царицы Пентиселеи пронзило копье непобедимого воина Ахиллеса!

Резкий удар кулаком в горло. Затем захват. Он сцепил пятерню пальцев на глотке амазонки, которая беспомощно повисла у него в руке, забившись в судорогах и захрипев. Другая рука Людоеда выпустила берет и метнула лезвие, которое вонзилось прямо в глаз одной из стражниц. Та упала на пол, схватившись руками за лицо, и страшно закричала, дергая ногами. Вторая стражница попыталась выстрелить в Илью из автомата, но он прикрывался королевой. Сам Крест времени даром не терял и нащупал в одежде Пентиселеи пистолет. Выстрел про-

бил голову второй воительнице. Еще один выстрел добил ту, которая была поражена метательным лезвием в глаз. Теперь Людоед со всей силы ударил обессиленное тело захваченной амазонки об пол. Та продолжала хрипеть, испуганно глядя на своего врага и пытаясь глотать ртом воздух.

— Ахиллес убил Пентиселею, сука! — прорычал Людоед, прижав к ее шее пистолет.

Выстрел...

Крест обыскал тело мертвой королевы и швырнул в клетку связку ключей.

— Варяг! Открой клетку! Только не вздумайте выходить!

Крикнув это, он бросился к мертвым стражницам. Обыскав их, он собрал все имеющееся при них оружие. Грубо извлек из глазницы своей жертвы лезвие, которое ловко прятал в жесткой подкладке берета, и бросился к клетке.

Николай как завороженный наблюдал за действиями Людоеда, не зная, восхищаться ими или ужасаться. Он услышал доносившийся сверху и с улицы шум. Жуткий вой слившихся в единый унисон звериных голосов. Неописуемый визг и раскатистое рычание. Затем выстрелы. Много выстрелов. Женские крики. Пальба становилась все хаотичнее. Крики все более паническими. Вой нарастал.

— Люпусы, — прошептал Варяг. — Сколько же их там?

Он уже открыл клетку и стоял в дверном проеме, когда Людоед кинулся к нему.

— Зайди обратно! — крикнул он и ворвался в клетку, когда Варяг послушно отступил.

Людоед бросил на пол два пистолета, три ножа, биту и один автомат. Другой автомат остался у него в руках. Он бесцеремонно выхватил у Яхонтова ключи и запер клетку, после чего положил связку в карман.

— Ты это зачем?! — воскликнул Яхонтов.

— Кто-то из вас может попытаться выйти!

— Я не понял!

— Не время объяснять! После! Так, Варяг, бери автомат! Остальные, разбирайте оружие! Теперь отойдите к стене! Поскорее! Сядьте на пол и прижмитесь друг к другу, уткнувшись лицом в свои колени и накрыв голову руками! Поживее! Что бы ни случилось, головы не поднимать! На то, что будет здесь происходить, ни в коем случае не смотреть! Сидите смирно и считайте мысленно. Или сами с собой в города играйте. Главное,

продолжайте держать под контролем свои мысли и не издавайте звуков! Не шевелитесь! Ничего не делайте, пока не скажу! Кто башку поднимет, получит по носу моим ботинком! Варяг! Ты погоди пока! Цельсь в дверь и мочи любого, кто войдет! Если появятся волки, сразу мордой в колени, руки на голову и думай о чем-нибудь сосредоточенно!

Он не зря сказал об этом. Дверь открылась, и в ней показались две вооруженные амазонки. Едва это произошло, как заговорили автоматы Варяга и Людоеда. Стрельба снаружи и где-то в здании продолжалась, равно как вопли и чудовищный хор пси-волков. Амазонки продолжали рваться в подвал, но казалось, что они вовсе не думали о том, что там их поджидает опасность. Было очевидно, что женщины рвались сюда в поисках спасения. Они были охвачены паникой, и выстрелы пленников были для них полной неожиданностью. Даже на трупы у входа они не сразу обращали внимание.

— Все, Варяг! Мордой вниз! Дальше я сам! — крикнул Илья.

Он сделал еще несколько выстрелов и, бросив свой автомат с опустевшим рожком, взял оружие Яхонтова. Еще две амазонки забежали в дверь, и следом прыгнул огромный полосатый пси-волк. За ним еще один. Они впились клыками в шеи воительниц. Помещение наполнилось хрипом и рычанием. Звуками разрываемой плоти и захлебывающихся кровью глоток. С этими амазонками было покончено уже без помощи оружия пленников и Людоеда. Выстрелы стихли, но продолжался вой и давящий на уши свист. В подвале было уже шесть люпусов. Они подошли к клетке. Обнюхали ее и стали угрожающе рычать. Людоед взглянул на хищников и улыбнулся. Волки некоторое время метались у клетки. Затем встали в одну шеренгу и успокоились. Николай усиленно считал в уме, вспоминая таблицу умножения, и чувствовал, как откуда-то извне в его разум пытается ворваться внушающий смятение и страх звон, сквозь который слышался скрип ржавых качелей. Он не выдержал и, повернув голову, украдкой взглянул на Людоеда. Тот присел на корточки и наблюдал за люпусами. Звери спокойно стояли и смотрели затуманенным взором на Людоеда, медленно покачиваясь. Казалось, они вошли в транс. Сам Илья невозмутимо улыбался. Затем он медленно открыл клетку и вышел. Волки лениво повернули свои косматые головы в его сторону. Крест подошел к одному из них и, схватив одной рукой за холку, вонзил ему снизу в основание черепа трофейный нож. Люпусы ста-

ли медленно расходиться, как-то неуверенно перебирая лапами, которые, казалось, не слушались их. Людоед поочередно подходил к каждому из них и повторял свой удар ножом. Наконец в подвале остался один мутант. Он вроде пришел в себя и пытался броситься к выходу, но Крест настиг и его. Из открытой двери послышались возня и рычание. Приближались еще волки. Людоед кинулся к двери и закрыл ее. С улицы послышался звук, еще более ужасный, чем все, что пленники слышали за последние полчаса. Это походило на раскаты грома, смешанные со звуком урагана. Это казалось невероятным, но похоже, что звук издавало живое существо. Ему вторил пронзительный свист. Похоже, человеческий. Затем несколько пулеметных очередей, и все наконец стихло.

— Васнецов, мать твою! — рявкнул Людоед. — Ты какого хрена голову поднял?! Они же обратить вас пытались! Я же сказал, морду не поднимать!

Николай что-то хотел ответить, но тут же получил затрещину от Варяга.

— Коля, тебе мало было того, что в Битцевском парке произошло? Мало было приключений в метро? Ты всех нас подвести хочешь? Сколько можно уже со смертью играть?!

Васнецов чувствовал сдавливающую горло обиду. Получил подзатыльник, как какой-то мальчишка. Но разве вся его инициативность, которая так не нравилась товарищам, не вела его и всю группу по правильному пути? Взять хотя бы случайную и такую полезную встречу со сталкерами в лесу. Разве он не стал кем-то особенным в этой жизни и чем-то значимым в их миссии, если к нему обратилась сама Земля? Зачем его так третировать? Тем более что он не чувствовал больше психоволн этих зверей. Он ощущал их попытки овладеть разумом, но на этот раз он оказался устойчив к подобному воздействию. Ведь он поднял голову. Он смотрел на пси-волков. И он не стал зомби при этом.

— Все, выходите из клетки, — махнул рукой Людоед.

Пленники наконец вышли из своего заточения и подошли к Илье.

— Может, объяснишь, что тут произошло? — Яхонтов уставился на Людоеда.

В этот момент кто-то сильно стукнул в дверь три раза. Все напряглись. Все, кроме самого Людоеда. Он приоткрыл дверь.

— Твою мать! — воскликнул Сквернослов, вскинув руку с пистолетом, но Крест оттолкнул его.

В дверь вошел люпус в половину человеческого роста. Он был серого цвета, с белоснежными полосами на шкуре. И самое странное... На его шее был кожаный шипованный ошейник.

— Не бойтесь. Это Ахиллес. Он ручной, — улыбнулся Крест.

Мутант обнюхал людей и, сев на пол, непринужденно стал чесать задней лапой шею.

— Ахиллес? — Варяг взглянул на Илью. — Я вроде подумал, что Ахиллес — это ты. Нет?

— Я был когда-то Ахиллесом. А этого зверька в честь меня назвали.

— Кто?

— Я, — послышался уже знакомый голос Нордики. Она с трудом протиснулась в дверной проем, который загородил сидящий на полу пси-волк. — Это мой песик.

— Да что за хрень тут происходит?! — воскликнул Яхонтов.

— Мы инициировали нападение пси-волков на этот курятник, — развел руками Людоед. — Неужели непонятно?

— Да? Охренеть. И как?

— Знаешь, как Гензель и Гретта делали дорожку из хлебных крошек в той сказке? Вот примерно так я сделал дорожку из окровавленных тряпок, пропитанных человеческой кровью.

— А кровь ты где взял?

— Так те три амазонки, которых я взял в плен, мертвы уже. — Людоед оскалился.

— Ты чудовище, — устало вздохнул Васнецов.

— Я Людоед, детка!

20
ДИССОНАНС

— Я его щенком спасла от морлоков, — говорила Нордика.

Они медленно шли по темному коридору. Надо было быть осторожными. Где-то могла остаться выжившая амазонка. Мог притаиться люпус. Или они могли встретить зомби. Обращенную пси-волком. Возглавлял процессию Людоед. Следом Варяг и Юрий. За ними огромный волк, Нордика и Вячеслав с Николаем.

— Первые волки-мутанты просто выглядели по-другому. Потом появились эти псионики. Сначала они были одиночками, — продолжала рассказ женщина. — Потом стали сбиваться в стаи. Принцип простой. Чем больше стая, тем больше шансов

на выживание. Они воюют своими кланами. У побежденных съедают детенышей и самцов. Покоряют самок.

— Короче, все как у людей, — послышался голос Ильи.

— Ну да, — покачала головой Наталья. — Вот он из одиночек. — Она потрепала шерсть на спине у пси-волка, и тот завилял хвостом. — Вообще он, судя по размерам и четким линиям, скорее всего, мог бы стать вожаком. Но он из поколения одиночек. Ему уже семь лет. А попал ко мне трехмесячным где-то. Он умеет рычать так, что это пугает целую стаю. Мы с ним охотились на вожака ближайшей большой стаи. Ахиллес его победил. Потом, конечно, у них появился новый вожак, но моего песика они не забыли и боятся как черт ладана. Вот и разбежались сразу, как он зарычал на улице. В том и план состоял. Сначала мы завели сюда зверей, потом разогнали их. Кажется, стая двинулась в сторону Заречной.

— Теперь на второй базе кровавую баню устроят, — удовлетворенно произнес Людоед. — Будет там весна на Заречной улице.

— Там же дети, — пробормотал Юрий.

— Это уже не дети. Это мусор человеческий, — резко ответил Крест.

— Слушай, ну нельзя же так, в самом деле, — нахмурился Варяг.

— Яхонтовый ты мой. Ты хоть представляешь, какое воспитание они уже получили? Ты представляешь, кто из них вырастет? Они же сыновей убивают либо воспитывают в своих извращенных понятиях. А если он подрастет и разочарует? Сын, в смысле. Не оправдает надежд? Тогда его убивают без зазрения совести. А представь, что они из своих дочерей лепят? Пусть подыхают там все. Да ты Макарова вспомни и его замечательную дочурку.

— Надо его тело найти, — вздохнул Алексеев. — Похоронить по-людски.

— Мало шансов, — мотнул головой Людоед. — Тут двадцать минут все было во власти пси-волков. Сожрать могли запросто.

— И тем не менее, — поморщился Юрий.

— Для начала нам наши вещи найти надо, — сказал Варяг. — Я замерз совсем, да и оружие наше там должно быть.

— Туда. Там я ваши вещи видела. — Нордика указала в правое ответвление коридора.

— А ты тут хорошо ориентируешься. Бывала тут? — спросил Варяг.

— Я училась здесь пару лет.

— У амазонок?! — удивился Яхонтов.

— Да нет. До ядрены еще. В школе этой.

Они остановились на распутье. Коридор уходил вправо и прямо. Слева еще один спуск в другой подвал.

— Я думаю, надо на время разделиться. Пацаны тут пусть стоят, а мы за вещами сходим, — предложил Крест. — Мало ли кто из подвала покажется. Пусть сразу стреляют на поражение. Варяг, ты не возражаешь?

— Думаю, ты прав, — кивнул Яхонтов.

Они двинулись вправо. Сквернослов и Васнецов остались их ждать.

— Все-таки Людоед молодец, — хмыкнул Вячеслав. — Такую операцию провернул.

— А мне вообще кажется, что он нас специально отправил в плен к амазонкам, чтоб бойню у них устроить, — пожал плечами Николай. — Учитывая, какой он циничный человек, я думаю, что это так и есть.

— Глупости. Хотя злодей он тот еще. Этого не отнять. И откуда у него иммунитет к пси-волкам?

— А почему волки ему почти не сопротивлялись, когда он их резал?

— Так это... Они же свои пси-способности включили. Мне ребята в конфедерации рассказывали. Когда они зомбируют, то в трансе находятся. Тот, что тебя в парке обращал, тоже вялый был и от сталкеров уйти не смог. Помнишь? — Сквернослов задумчиво посмотрел под ноги и замолчал.

Николай посветил факелом. На полу кровавый след. Словно тащили кого-то, истекающего кровью. След уходил вниз по лестнице.

— Может, туда Андрея утащили? — задумчиво произнес Вячеслав.

— Да это может быть кровь кого угодно. Тут же бойня была.

— Пошли, проверим? — Вячеслав взглянул на брата.

— Ну уж нет. Я по башке уже получил от Варяга за самодеятельность. Хватит.

— Тогда стой тут, а я спущусь. Дай факел.

— Ну чего тебе неймется? — поморщился Васнецов. — Давай остальных подождем?

— Струсил, что ли? — усмехнулся Вячеслав.

— Да иди ты, — буркнул обиженно Николай и зашагал по лестнице вниз.

Этот подвал, в отличие от их темницы, был куда меньше. На полу лежало несколько растерзанных волками тел и мертвый люпус. В стене две двери. Одна распахнутая. Внутри крохотного помещения лежал всякий хлам. Разломанная мебель, тюки из мешковины. Веники. Разбитая стиральная машина и сваленные в кучу книги. Вторая дверь была закрыта, и следы крови, по которым братья сюда пришли, уходили под нее.

Сквернослов жестом дал понять Николаю, чтобы тот взял дверь на мушку. Васнецов кивнул и прицелился своим трофейным пистолетом. Вячеслав со всей силы ударил ногой по двери, и та, не выдержав, слетела со своих ржавых изношенных петель и рухнула на пол. Это была небольшая комната с маленьким столиком внутри, на котором стояла зажженная керосиновая лампа. На грязном полу лежал мертвый Андрей Макаров и рядом сидела измазанная кровью Ульяна. Она практически никак не отреагировала на то, что кто-то внезапно вышиб дверь в помещение, ставшее для нее убежищем. Девица только медленно подняла опустошенный стеклянный взгляд, скрывающийся за свисающими, хаотическим образом взъерошенными волосами.

Вячеслав сначала замер, глядя на нее, а потом вдруг злорадно произнес:

— Вот это удача! — Он вошел в помещение и, схватив девушку за волосы, выволок из комнатки. — Все, тварь. Сейчас я тебя так оприходую, что ты подохнешь.

Она даже не сопротивлялась. Только постанывала и лениво водила перед собой руками, словно искала, за что ухватиться. Николай растерянно смотрел на происходящее. Вот Сквернослов притащил Пчелку к соседней комнате и, свалив на пол один большой тюк, швырнул девушку на него. Затем навалился на нее и стал рвать одежду. Васнецов наконец пришел в себя и шагнул в сторону своего названого брата. Руки Васнецова были заняты оружием и факелом, поэтому он оттолкнул Вячеслава от Ульяны ногой.

— Ты что? — зло зарычал Сквернослов.

— Это ты что? Ты что задумал? — бормотал Николай, не веря в то, что его брат действительно мог задумать такое.

— Да пошел ты на хрен, Коля! Она не тебя ногами пинала! Я ее сейчас поимею! И если ты не будешь ослом, то и тебе оставлю, прежде чем ее тут кончить!

— Не смей этого делать! Ты спятил совсем?! Ты же потом жалеть всю жизнь будешь об этом!

Васнецов вдруг вспомнил, как он убил Рану. Потом вспомнил свой сон, в котором она кричала от боли и говорила о насильнике, рвущем ее тело на части. Он не мог допустить, чтобы близкий ему человек совершил нечто подобное.

— Я буду жалеть, если сейчас не воспользуюсь случаем, идиот! Уйди к черту! Не хочешь сам, не мешай другим!

Сквернослов шагнул к свернувшейся калачиком и закрывшей лицо руками Пчелке.

Николай навел на него пистолет.

— Стой, Славик. Я не позволю тебе, — тихо, но убедительно сказал он.

— Ты что? Ты выстрелишь в меня из-за этой шлюхи?

— Почему это она шлюха?

— Потому что шлюха!

— Это ни фига не убедительно, Славик. Я сказал, я не позволю тебе.

— Тварь. Ну ты и тварь, Коля. Не думал я...

— А ты подумай. Это же дочь Андрея. Вон он лежит. Наш товарищ. Как ты можешь?

— Дочь нашего товарища, которого она убила. Я лишь мщу!

— Чушь. Ты чушь городишь...

Выстрел! Еще выстрел! И третий...

Людоед, затаившийся на лестнице, наконец вышел на освещенный факелом участок. Взглянул презрительно на Славика. Затем на Николая. Оба были испуганы и растеряны. Затем он шагнул между ними и сделал последний, четвертый выстрел из пистолета в голову уже мертвой Пчелке.

— А теперь оба пошли вон отсюда, — процедил сквозь зубы Крест.

Боль, обида и отчаяние толкнули Николая в спину. Он швырнул в стороны оружие и факел и схватил Людоеда за ворот его черного морпеховского мундира.

— Гнида! Что ты наделал! — заорал Васнецов, но резкий удар ладонью в ухо отшвырнул его к стене.

— И что я наделал? — насмешливо произнес Крест. — Не позволил твоему братику ее изнасиловать? Или не дал тебе ее спасти, чтоб она тебя своими прелестями наградила в знак благодарности?!

— Скотина, зачем ты ее убил?! Тебе лишь бы убивать! — причитал Васнецов, опершись на стену и еле сдерживая слезы.

— Ага. Я же чертов Людоед, — засмеялся Илья. — Да ты сопли свои подотри, в конце концов! Вокруг уже скользко от них! Ты что, не видел, что она зомби? Ее пси-волки уже обратили!

— Ты врешь! Ты все врешь! Тебе удовольствие доставляет убивать всех без разбору! Ты даже свою возлюбленную прикончил! Думаешь, я не знаю?!

После этих слов Илья схватил его за грудки и врезал ему головой по переносице. Васнецов рухнул на пол.

— Отвали от него, придурок!

Сквернослов оттолкнул Людоеда, но тут же отлетел от удара ногой в живот.

Крест подпрыгнул к нему и добавил кулаком по скуле.

— Ты, парашник, вообще заткнись! Я насильников морлокам скармливаю, дерьма кусок! Самое поганое существо на Земле — это вонючий насильник вроде тебя, мразь! Я вас ненавижу! И вашу ублюдочную психологию, и мотивацию ненавижу! Вы такие жалкие ничтожества, что блевать охота! — кричал Людоед, выкручивая упавшему Сквернослову руку.

Упершийся в подбородок Ильи языческий меч заставил его подняться и отпустить Вячеслава.

— Крест, ты меня достал уже своими выходками. Девку убил. Теперь пацанов моих прессуешь. Ты вообще на всю башку отмороженный? — спокойно сказал Варяг, держащий свой меч.

Людоед, пристально глядя в глаза Яхонтову, лишь нагло ухмылялся.

— Эх, Варяг, я был лучшего о тебе мнения. Думал, ты умней. Кстати, одна из моих последних выходок — это спасение ваших жалких жизней.

— Спасибо, чувак. Теперь мы квиты? — невозмутимо ответил Яхонтов.

— А вот хрена. С тебя литр самогона, — продолжал шутить с мечом у горла Людоед.

— Слушай, псих, ты зачем в нашу миссию ввязался? Чтобы трупы размножать по пути?

— Э нет, брат. Чтоб по пути ваших трупов не было. А вы из-за своего идиотства одного человека лишились уже.

По языческому мечу заскользило лезвие катаны Людоеда, отодвигая оружие Варяга от шеи Ильи.

Нордика оказалась намного сильней, чем можно было подумать. Эта с виду хрупкая женщина смогла-таки отодвинуть меч Яхонтова от своего друга.

— Не дури, Варяг, — тихо сказала Нордика. — Илья прав. Девку шлепнуть надо было. Она обращенная.

— Да с чего вы взяли? — нахмурился Яхонтов.

— Крест в этом толк знает.

— Он в резне толк знает. Какие симптомы?

— Да какая разница теперь? — послышался угрюмый голос Юрия.

Он стоял на последней ступеньке лестницы и молча наблюдал за происходящим. Рядом сидел и лениво зевал люпус по кличке Ахиллес. Запах человеческой крови его не привлекал. Возможно, он уже был сыт.

— А я эту девочку трех лет от роду помню. Славная... — Алексеев замолк от застрявшего в горле комка. — Что с нами всеми стало... — прохрипел он. — Надо их похоронить. Вместе. Пусть хоть мертвые они будут вместе.

Людоед окинул всех взглядом. С какой-то насмешкой посмотрел на Варяга, подошел к пси-волку и, потрепав его шерсть, кивнул.

— Ладно, Юра. Я помогу тебе их похоронить. А ты, Яхонтов, лучше своих псов на поводок посади. Как вернемся в машину, глянь на карту. Сколько вы проехали, и сколько еще ехать. А они уже друг друга порвать готовы за кусок мяса.

— По праву лучший мир ты заслужил. На поле брани голову сложил. Оставил нас одних в холодной тьме. Вернулся ты домой. К родной земле, — тихо произнес Варяг над могилой Макарова, в которой покоилась и его дочь.

Рыть промерзшую землю оказалось настоящим испытанием. Хотя с этим занятием в новом мире каждый был знаком. Люди рыли траншеи, соединяя свои жилища. Рыли хранилища для запасов мяса. Рыли в поисках кореньев для дополнительного корма себе и животным. Но это все делалось ради жизни. А тут рытье ледяной земли было посвящено смерти. Им пришлось отойти от здания, вокруг которого практически не было снега, и искать подходящее место под сутробом. Скрытый снегом грунт не такой твердый, и его копать легче.

Где-то вдалеке слышался уже знакомый вой люпусов и эхо выстрелов. Вероятно, пси-волки действительно напали на вто-

рую базу амазонок в Балашихе. Ахиллес сидел, навострив уши, и смотрел в сторону, откуда доносились эти далекие звуки. Его присутствие и пугало, и успокаивало Николая одновременно. Он был действительно большим и страшным. Тем более никто в здравом уме и вообразить не мог, что вот так запросто можно стоять рядом с настоящим люпусом. Однако он вел себя совершенно добродушно по отношению к их компании и даже забавлял иногда, потирая передней лапой нос и виляя коротким, но толстым лохматым хвостом, поглядывая умным взглядом на людей, наклонив голову набок.

— Славик. Неужели ты это сделал бы? — тихо спросил Николай у Сквернослова, когда они чуть отошли от могилы.

— Даже не знаю, что на меня нашло. Я не знаю, Коля. Может, да, а может, нет. Подумать даже об этом теперь жутко, — вздохнул Сквернослов. — Ты знаешь, там, в Надеждинске, было все как-то просто и легко. Все на виду. Все знакомы. У всех одно дело. Со всеми все ясно. Этот умный, этот глупый. Но все свои. Все привычно. А теперь. Все как-то... И облик человеческий теряешь. Прямо чувствуешь, как иной раз кожа облазит и вырастает шкура. Или чешуя. Или еще хрен знает что. Не взаправду, конечно. Но чувствуешь. Звереешь.

— Так нельзя, Славик. Надо человеком оставаться в любой ситуации. Понимаешь?

— Ой, ладно тебе, — досадливо поморщился Сквернослов. — Ты моложе меня и еще учить будешь. — Он махнул рукой.

— Это ведь не я тут девчонку изнасиловать пытался! — нахмурился Васнецов.

— А забыл, как ты эту инвалидку грохнул? А?!

Это был удар ниже пояса. Николай не знал, что ответить на это. Он скорбел о Ране каждую минуту. И все время думал, что если бы она осталась жива, то не приходила бы к нему во снах и не открыла бы ему глаза на многие вещи. Это было странно — думать о том, что было бы, если...

— Мы ведь благое дело для всех делаем. Нам надо оставаться людьми, — пробормотал наконец он.

— Опять ты со своими благими целями, — ухмыльнулся подошедший к ним Людоед. — Что дает тебе право отличать благое от худого? Чем отличается добро от зла? Вот подумай. Почему ты так в этом уверен? Может, есть незыблемые каноны? Может, есть истина? В чем она? Она определяется христиан-

скими догматами? Или законами шариата? Может, протоколами сионских мудрецов или книжкой «Майн кампф»? А может, космополитским журналом? Торжеством демократии на человеческих костях или мировой пролетарской революцией? А может, атомной бомбой? Ну что ты уставился на меня, Васнецов? Можешь ответить? Просто если ты сам для себя определяешь истину и правоту, то это лишь твоя правота, которая будет кривдой для многих других. А истина знаешь в чем?

— В чем? — Николай недовольно посмотрел на Илью.

— Да в том, что ее нет. Истина лишь в хаосе. Хаосом определяется все в этом мире. Хаос — это краеугольный камень всего сущего в мироздании. Нет одинаковых камней. Нет одинаковых людей. Два раза не войти в одну и ту же реку. И даже одинаковые идеи каждый понимает по-своему. Даже в закономерностях есть погрешности. Вот есть Солнце, и вокруг него вращаются планеты. Они расположены от Солнца с математической закономерностью, но расстояние не является постоянным. И после четвертой планеты, Марса, вместо следующей по закономерности планеты лишь груда камней. Что это? Хаос. Все планеты, по идее, должны вращаться в одну сторону, подчиняясь истине небесной механики, но Венера вертится в обратную от других. Уран вообще катится, лежа на боку. Что это? Хаос. Все находится в движении. В хаотическом движении. Красивая и умная женщина выбирает спутником жизни глупого и неблагородного человека. Наглого и беспринципного. Тут есть гармония? Хрен там. Это хаос. Добрый и романтичный мужчина теряет голову от шлюхи. Это любовь? Нет, это хаос. Родители возлагают надежды на родившееся чадо, но он вырастает совсем другим человеком. И это хаос. Непонимание между людьми. Хаос. Политическая конфронтация и вооруженное противостояние. Хаос. И все добродетели, такие как любовь, Божьи заповеди и все прочее, людьми придуманы лишь от страха перед хаосом, который не обуздать. Который безмерно правит вселенной. Мы чуть друг друга не поубивали в подвале недавно. Разве это не хаос и диссонанс? Оно самое!

— Тогда зачем ты примкнул к нам? — произнес Николай, чувствуя подавленность от слов Людоеда.

Он ощущал его правоту, но этому ощущению изо всех сил сопротивлялся. Он хотел верить в хорошее. Он хотел быть уверенным, что Людоед лукавит и говорит так от злобы. Но стоило задуматься над его примерами, как выходило, что он прав.

Однако если все хаос, то и правота его лишь относительна и убедительна лишь для него. А это значило... И все равно это значило, что все в мире — это хаос. Замкнутый круг получился. Но если истина в хаосе, то и круг этот порочный можно разорвать. Или нет?

— Я пошел с вами, потому что люблю бросать вызов. Всегда и везде. А это сильный вызов тому, что сделал сам человек. И может, это даст мне шанс снова увидеть солнце, если тучи расступятся. И может, снега сойдут и когда-нибудь я сяду на поросший зеленой травой и одуванчиками берег реки, разожгу мангал и буду есть шашлык, попивая березовый сок, и смотреть на закат. Мне плевать на людей. Мне природу жаль.

— Тебе знакома жалость? — усмехнулся Николай.

— Конечно. Жалость как элемент хаоса. Человеку надо что-то сделать, чтобы почувствовать жалость. Мы угробили наш мир. И жалеем теперь. Ты слышал мой разговор с этой дрянью, амазонской королевой? Мы заговорили о древней легенде, про Ахиллеса и Пентиселею. Эта история, конечно, нереальная. Но это притча. Это предупреждение людям. Ахиллес сразился с воинственной царицей древних амазонок по имени Пентиселея. Он победил ее, пронзив копьем шею девице. И в этот момент он заглянул ей в глаза. Пока она умирала. Этого оказалось достаточно, чтобы он понял, что безмерно любит ее. Какая ирония, правда? — Людоед усмехнулся. — Представь, каково ему было. Он полюбил и одновременно потерял ее. Он сам ее убил. И она угасла у него на руках. А он и хотел повернуть все вспять, но не мог. Это необратимо. Так вот, Ахиллес — это все человечество. А Пентиселея — не та сука, которую я в подвале грохнул, а истинная Пентиселея — это наша планета. Земля. Человек думал, что он царь природы. Что он особенный. Он боролся с силами природы для удовлетворения своих потребностей. И? Он пронзил Землю своим копьем, и теперь она умирает. Ахиллес не смог спасти свою возлюбленную. А мы, быть может, имеем такую возможность. И это вызов самой истории. Вызов мифу и самому хаосу. Понятно тебе?

— Наверное, да, — пожал Николай плечами. — Скажи, а ты... Ты тоже жалеешь о том, что убил Ирину Листопад?

— Ох, какие же вы все-таки неугомонные, — зло улыбнулся Крест. — Я уже раз двадцать сказал, что этой темы никто касаться не должен. Нет, пацан. Я ни о чем никогда не жалею. И, упреждая твой следующий идиотский вопрос, я тебе скажу

еще одну вещь. Я никого никогда не любил. Я — Людоед. Все, пошли к луноходу. Пора уходить.

— Но...

— Без всяких «но»! — рявкнул Илья. — Я сказал, хватит. Не знаю, кто и что тебе наплел, но я, черт возьми, Людоед! Ни о чем не жалею и никого не люблю! Или ты заткнись уже, или посоли себя сам! Эй, Варяг, пошли уже! Скоро рассвет! Досветла лучше покинуть городскую черту!

Все бросили прощальный взгляд на свежий холмик могилы отца и дочери и направились в сторону гаражей. Пси-волк еще какое-то время слушал далекие звуки, уже недосягаемые для слуха людей, а затем, когда Нордика позвала его коротким свистом, бросился их догонять.

Николай шел медленно. Он чувствовал страшное и болезненное прозрение. Он окончательно и бесповоротно понял, что безумно любит Рану. Любит так, как мужчина может любить женщину. И он ее убил. Как Ахиллес Пентиселею. И ничего не исправить. Можно лишь надеяться на ее прикосновения и объятия только во снах, если она еще придет к нему... Или... достигнув смерти, если после нее что-то есть... Это было настолько больно, что Николай с трудом передвигал ноги.

— Может, с нами? — спросил Варяг у стоявшей позади открытой аппарели Нордики.

— Нет, мальчики. Спасибо за приглашение, — улыбнулась она. — Но мне за стариками, что меня приютили, ухаживать надо. Да и места тут для песика моего мало. К тому же Илья не позволит присоединиться к вашей группе женщине.

— Точно, — кивнул стоявший рядом с ней Крест.

— Почему это? — Яхонтов посмотрел на Людоеда.

— Он считает, что женщина в мужском коллективе сделает этот коллектив недееспособным и создаст конфликтную ситуацию, — за него ответила Наталья.

— Точно, — повторил Людоед.

— Так что прощайте. Удачи вам и счастливой дороги.

Она махнула им рукой, и они вместе с Ильей отошли от машины.

— Зачем тебе ехать? — тихо спросила она, пристально глядя ему в глаза.

— Чтобы твоим детям было где жить.

— У меня нет детей.

— Но они будут. — Он улыбнулся.

— Откуда им взяться, если ты погибнешь? — с дрожью в голосе проговорила Нордика.

— Не надо так. Перестань, — вздохнул Илья.

— Ах. Ну да. У тебя же вместо сердца обогащенный плутоний. — Она горько усмехнулась. — Ладно, не обо мне речь сейчас, а о тебе. Ты разве не понимаешь, что можешь погибнуть?

— Наташа, я могу погибнуть в любой момент. Я мог погибнуть в лодке, в метро, в городе и когда сунулся к амазонкам, чтоб ребят спасти. Но я не погибну. Для меня нет смерти. Я отрубил своей смерти голову, ты разве не помнишь?

Она положила руки ему на плечи и еще пристальней посмотрела ему в глаза.

— Почему, Илья? Почему ты такой? Ну сними ты маску. Я же чувствую, что ты другой. Хороший. Я чувствую тебя. Даже если ты не останешься, то хотя бы покажи мне себя настоящего. Мы ведь больше не увидимся!

— Ты ошибаешься. Я таков, каков я есть...

— Нет. Нет! Женское сердце не обманешь! Ну есть у тебя чувства! Я знаю!

— Я убил миллионы людей. Я убил ее. Какие могут быть чувства, — монотонно проговорил он, и вдруг на его левой щеке заблестела бегущая к усам одинокая слезинка. Он схватил женщину рукой за горло и сильно сжал пальцы.

— Не делай так больше, — зло сказал Людоед и, слегка оттолкнув ее, направился к луноходу. — Прощай, — крикнул он, не оборачиваясь.

Аппарель закрылась за ним, и Нордика, вздохнув, тихо произнесла:

— Ненавижу тебя. — Затем она перекрестила отъезжающую машину. — Храни вас Бог.

Она пошла прочь, поправляя висящий на плече пулемет и свистом подозвав гуляющего в стороне пси-волка.

21
ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Сквернослов занял место Макарова. Юрий вел луноход и иногда бросал ему короткие фразы, объясняя, как управлять машиной. Они уже давно покинули столицу и двигались по ка-

кой-то просеке среди зарослей мертвого подмосковного леса. Варяг, как обычно, наблюдал в перископ.

— На следующем привале надо Андрея помянуть, — вздохнул он. — У меня есть кое-что.

— У меня тоже, — устало произнес Людоед, глядя в потолок и скрестив руки на груди.

— Хотел бы я знать что, — хмыкнул Варяг. — Ты, наверное, пьешь только серную кислоту.

— Ой, ну пошутил. Остроумный.

Николай пристально смотрел на Людоеда, пытаясь понять, что вообще это за человек. Он был жесток и циничен. Он презирал всех вокруг и источал постоянную угрозу. Но когда это приводило к какому-то пику, грозившему перерасти в серьезный конфликт, он менял линию поведения, разряжал обстановку и при этом все равно оставался победителем. Достаточно было вспомнить момент, когда он вдруг первым вызвался помочь похоронить Андрея и Ульяну. Определенно Крест был умный человек. И его внутренний мир был куда глубже, чем его показная нарочитая звериная злость, обволакивающая его, как этот черный мундир.

— Чего смотришь, блаженный? — равнодушным голосом спросил Илья у Николая.

— Какой?

— Блаженный.

— Что это значит?

Людоед лениво покрутил пальцем у виска.

— Это значит такой, — ухмыльнулся он.

— Почему это? — нахмурился Васнецов.

— Да ладно. Шучу.

— Слушай. Может, стоило Нордику с собой взять? — осторожно спросил Николай.

Крест взглянул на него, наклонившись и упершись локтями в колени.

— Что, понравилась?

— Да нет. Ты не думай... Я же понимаю... Между вами что-то есть... — сконфуженно начал оправдываться Васнецов.

— Ничего нет, — мотнул головой Крест, оборвав его на полуслове.

— Но как же. Я же видел. Когда вы прощались...

— Просто она меня любит. Хотя вслух об этом не говорит. Бедняжка. — Крест вздохнул, покачав головой. — А женщина

в группе — это очевидная предтеча дисбаланса среди нас. Знаешь, почему у моряков издревле считалось, что женщина на корабле к несчастью? Вот по той же причине.

— Любит, говоришь? За что, интересно, — хихикнул Яхонтов.

— А все очень просто, Варяг. Я сволочь. А сволочей бабы любят. Вот ты, Коля, хороший, добрый парень. Вот тебя бабы никогда любить не будут.

— Почему это? Что же мне, в сволочь превратиться? — удивленно спросил Николай.

— Нет. Ни в коем случае. Любовь того не стоит, чтобы убить в себе себя и стать мутантом. — Он снова облокотился на стенку и уставился в потолок. — Есть два типа мужчин. Один тип — это донжуаны, ловеласы, казановы и прочие бабские угодники и охотники за плотью. А есть романтики и поэты. Не в смысле, что они обязательно стихи сочиняют. А по сути, их души. Первым нужны победы. Нужны женщины у их ног, готовые отдаться им по одному зову инстинкта и похоти. Им нужно удовольствие и грех. Вторым не нужно от женщин ничего. Им нужна одна. И от этой одной им нужна ее чистота, доброта, улыбка и искренность. Робкое прикосновение руки. У таких мужчин душа живет в сердце. А у других... Наверное, в штанах. — Он засмеялся. — Хотя сейчас все по-другому. Сейчас все честней. Как и положено быть в первобытном мире.

— А у тебя где душа? — снова хихикнул Варяг.

Илья задумчиво покачал головой и монотонно заговорил:

Где была твоя душа...
Шепчет сердце мозгу не спеша.
Где была она тогда,
в день, что сжег меня дотла.
Как тебе позволить я смогла,
чтоб обрушил в бездну небеса,
чем не угодила тебе я?
Разве я неправильно жила?
Разве не пульсировала я?
Так зачем теперь мне пустота
там, где жить должна твоя душа,
а теперь там лишь ютится боль.
Еще раз теперь спросить тебя позволь,
чем повинен мир в твоей беде?
Где была душа твоя, ну где?

Крест пробормотал неторопливо это стихотворение и презрительно фыркнул:

— У меня вообще нет души. И вообще, кто сказал, что она существует?

— Ты это сам сочинил? — Варяг уставился на Людоеда.

— Да брось ты. Нет, конечно. Так. Один парень.

— И что с ним?

— Он умер двадцать лет назад. Как и большинство на этой планете. Все, ребята, идите к черту. Я спать хочу. Пока вы в подвале у баб этих прохлаждались, я, между прочим, умаялся сильно. — Он разлегся на сиденье и укрылся своей черной шинелью, повернувшись лицом к стенке. — Слышь, Варяг. Я пока спать буду, ты мне своим мечом голову не отрубишь?

— Есть такая мысль. Но боюсь салон испачкать твоей кровью. У тебя вообще кровь есть или в твоих жилах полоний течет?

— Свинцово-висмутовая смесь для охлаждения реактора. Как в подводных лодках, — устало ответил Крест.

— Ты подводник? — спросил вдруг Николай, вспомнив разговор Пентиселеи и Людоеда.

— Нет. Я «парусник», — не поворачиваясь, ответил тот.

— Как это?

— Морской диверсант-водолаз. Спецподразделение «Парус». Ты никогда о нем не слышал. Да и никто не слышал. Все, Васнецов. Иди в задницу. Я сплю.

Николай вздохнул и уставился в смотровую щель. У него была масса вопросов к Людоеду, но тот не давал даже шанс их озвучить. Хотя его признание о том, что он какой-то особый диверсант, было очевидным прогрессом. Но получит ли он ответы на другие вопросы? Ведь они так и не узнали многого, что было на их пути. Остался тайной странный дым в наводненном люпусами Ферзикове. Осталось тайной видение Раны, катающейся на коньках возле конфедерации. Остался тайной этот загадочный великан в метро, что спас ему жизнь. Остался тайной «Субботний вечер»...

Стоп! Николай стал водить ладонью за своим сиденьем. Там, где проходила пластина обогревателя. Он вспомнил, что положил в узкую щель между сиденьем и бортом записную книжку, которую принесли из бункера сталкеры и просили передать ему. Вот она...

Он извлек потрепанную книжку. Она хорошо просохла. Внимательно осмотрев ее, Николай осторожно попытался ее

раскрыть. Поддалась. Возможно, даже не придется ее отпаривать, хотя некоторые страницы были все же слипшимися. Однако первые раскрылись довольно легко. Васнецов сел поудобнее, чтобы утренний свет из смотровой щели позволял читать, не напрягая зрения. Чернила растеклись от сырости. Некоторые буквы были нечитаемы. Но Николай решил, что, возможно, он сможет понять смысл написанного хотя бы по тому, что удастся прочитать. Итак...

Мне трудно понять, зачем была необходимость в приказе об уничтожении всех рабочих записей и всей дежурной и оперативной документации, которая сухим текстом фиксировала происходящее. Мы люди военные и приказы исполняем, не задумываясь над их смыслом. Но мы все-таки люди. Теперь, когда события последнего месяца и то, что произошло неделю назад, начинают доходить до сознания, я решил все-таки завести этот дневник, чтобы сохранить хотя бы крупицы информации для истории. Я не тешу себя иллюзиями по поводу того, что кто-то наверху выжил. Я сам не знаю, для кого я это пишу. Быть может, для себя. Это несколько упорядочивает тот хаос, который творится в моей голове, равно как и в головах моих сослуживцев. Быть может, пока я пишу, я не позволю себе застрелиться, как это сделал Лишенко в первый же день войны. У меня была зависть к нему, что он решился. Что у него хватило мужества. Но сейчас, когда я сижу и пишу, я думаю, как это глупо. Глупо и зря. Торопиться на тот свет не стоит. Все равно мы все умрем. А мне даже интересно, что будет дальше. Поэтому я планирую выжать из оставшихся мне дней все и постараться это зафиксировать для того, кто это, быть может, когда-нибудь прочитает. Какой ты будешь, читатель будущего? Мутант? Человек? И сможешь ли ты это прочитать? Кто научит тебя грамоте и алфавиту? Я, наверное, цепляюсь за какую-то соломинку, которой даже нет. Но все-таки есть призрачная надежда. Это даже символично. Мы не смогли уберечь Москву от ударов. Но зато оградили от массированного удара Надеждинск. Небольшой военный городок в Калужской области. Наша призрачная надежда в Надеждинске. Вот такой каламбур получился. Надеюсь, там выжило много людей. И там много военных. Десантура, летчики. По крайней мере, я уверен, что есть еще люди там, наверху. И это наши люди.

Калуга. Мне больно писать об этом. Но мы, перехватив вражескую ракету с термоядерной начинкой, смогли отвести ее от

Москвы, и она ударила по Калуге. Наверное, это был основной мотив самоубийства Лишенко. Ведь это было произведено его расчетом. По Калуге, конечно, ударили и без нас. Но единожды. Сколько там могло выжить людей? Да сколько бы ни выжило. Не имеет значения. Мы их добили. Ведь у боеголовки, летящей на Москву, должно было быть не менее пяти мегатонн смерти. А может, это лучший вариант для тех, кто не погиб сразу? Это очень страшно, так думать. Ты, читатель, даже не представляешь, насколько это страшно...

Николай вздохнул. Дальше текст был неразборчивый. Целый абзац расплылся синей кляксой. Он взглянул в смотровую щель. Пейзаж был все тот же.

Упоминание о родном Надеждинске заставило сжаться сердце. Как там теперь? Что происходит? Не было ли землетрясений? Он ощутил тоску по родному городу. По теплому подвалу, ставшему давно его постоянным домом. Куда можно было прийти после рутинной работы или дозора и спокойно лечь на скрипучую кровать, растянувшись и чувствуя облегчение в мышцах. И там можно было услышать смех детворы. Он тосковал по профессору Третьякову. По Эмилю Казанову и по погибшему в схватке с червем Гуслякову. Нет, он не жалел, что отправился в экспедицию, но скучал по покинутому отчему дому, чувствуя, что если он и вернется туда, то очень нескоро.

Николай осторожно перелистнул хрустящую страницу. Вверху текст разборчивый более-менее. Ниже снова клякса размытого текста, пропитавшая лист насквозь. Придется читать то, что возможно.

...За месяц до этого страшного дня к нам приехала инспекция. На сей раз не крысы кабинетные. Эти были куда более серьезные. И их заботила не покраска плинтусов в помещениях или отсутствие портрета президента за спиной командира. Они проверяли работу аппаратуры, системы очистки и регенерации воздуха. Давно мы не припоминали такой проверки. Обычно приезжают треклятые бюрократы в погонах, которые готовы докопаться до цвета кафельной плитки в сортире, лишь бы мы нарубили им «поляну» и сварганили баньку с русалками за положительную оценку. Однако мы не сильно удивились этой внеплановой и такой нетипичной проверке. Даже не удивило то, что они были на самом деле озабочены состоянием объекта

и нашими нуждами. Нас удивило, что они все в штатском были. Однако у каждого была серьезная ксива. Так называемый «вездеход», с тремя подписями самых главных силовиков, включая верховного. Вот это было необычно. Звания у них были засекречены, и обращаться нам к ним нужно было — «товарищ контролер». Всего пять человек. Один из них — товарищ старший контролер. Три дня они рыскали по объекту с озабоченными лицами и проверяли все, включая работоспособность сливных бачков и уровень пылеобразования в помещениях. Но они не кричали на нас, какие мы тут бездельники и как тут у нас все запущено. Они спрашивали, что конкретно нам нужно для устранения того или иного замечания в пятидневный срок. Это тоже было удивительно и непривычно...

Дальше снова неразборчивый текст, и Николай стал читать на следующей странице...

...Остался старший контролер. Он не мешал нам и старался не смущать своим присутствием. Но и мы и другие смены чувствовали его присутствие остро. Он дотошно наблюдал за каждой мелочью, которая могла иметь отношение к работоспособности объекта в особый период. Его абсолютно не интересовали нарушения формы одежды некоторыми нашими товарищами. Его не беспокоили другие вещи, которые не имели отношения к работоспособности коллектива. Видимо, это был не помешанный на уставе штабной строевик. Тогда мы не особо задумывались, что назревает что-то серьезное. Мы подготовили резервные помещения, как и требовала эта группа контролеров. И вскоре к нам начали завозить через «метро-2» различные грузы, новые электрогенераторы. Разговоры о чем-то нехорошем и о предчувствиях начались после того, как завезли целый состав нового стрелкового и тяжелого ручного оружия. Там были образцы, которые мы только в компьютерных играх увидеть могли. «Абаканы», «Грозы», «Винтари». Даже западное оружие. Немецкие штурмовые винтовки G-36 и еще много чего. Боеприпасов много. Напряжение в наших умах усилилось, когда спецтранспортом из метро прибыли три человека со взводом охраны и с какими-то ящиками и, заняв одно из помещений, провели из него через специальный портал для кабельтрасс спецсвязи какой-то странный толстый армированный кабель. Вывели они его в тоннель. И если оружие вроде как предназначалось для всего нашего состава и для трех других дежурных смен, то с этим все обстояло иначе. Нам категорически

запретил старший контролер приближаться к занятому ими помещению и к этому кабелю. Но мы тоже не ваньки какие-нибудь. Мои ребята (на всякий случай называть их не буду) разнюхали кое-что. Этот кабель провели до второго поста в метро и интегрировали его во все линии. Включая правительственную, генштабовскую и ФСБшную связь. Также в резервный кабель связи особого периода. Порталы, выходившие на метеостанцию и антенны ГЛОНАССа. Все это датчиками какими-то усыпали. Мне потом рассказывали, что взвод охраны на втором посту всем составом мучился головными болями через день, когда эти странные связисты закончили монтаж своего кабеля. Их заменили на амбалов из ФСО, а ребят вроде отправили в «Бурденко» на внеплановую диспансеризацию. Сейчас я на сто процентов уверен, что...

Что? Николай досадливо дернул записной книжкой. Дальше текст прочитать было невозможно. Что он там писал? В чем он уверен?

— Это что, Монино? — послышался голос Яхонтова, наблюдавшего в перископ.

— Монино, — угрюмым голосом ответил Юрий. — Севернее Звездный городок, где нас готовили с Андреем.

— Черт. Я всю жизнь хотел в Мининском авиамузее побывать, — вздохнул Варяг.

— Там не осталось ничего, — сонно пробормотал Людоед. Что и говорить, спал он чутко. Если, конечно, спал. — Скажи Юре, чтоб ходу прибавил. Нельзя тут задерживаться. Тут банда терминаторов базу держит неподалеку.

— А что это за терминаторы? — спросил Николай.

Людоед наконец повернулся и взглянул на него.

— Как чтиво? Интересная книжка?

— Да тут размыто много. Пока толком не пойму ничего. Так что за терминаторы?

— Ну, придурки. Нарекли себя так устрашающе. Это в основном отморозки из числа бывших военных и прочих силовиков. Те, кому присяга не присяга, а родина — это там, где ширева в достатке. В их руках много складов оказалось с препаратами сильнодействующими для армейских спецаптечек. Они их жрут килограммами, а потом творят черт знает что. Я с ними сталкивался. В такого даже если очередь из автомата выпустишь, он орать от ран не будет. До того накачиваются. И атакуют они часто строевым шагом и в полный рост. Типа роботы.

Вроде стреляй по ним в свое удовольствие, но у противника нервы не выдерживают. Бегут от них. Это действительно по нервам бьет, когда они идут молча, и если ты попал в кого, то он, так же молча, падает или присядет и начинает ковыряться пальцами в ране и вытаскивать рукой или ножом пулю. Ну, они, конечно, тоже не дураки. На сильные группировки не нападают. Если бы на Лужники или на Белый дом поперли бы так, то сталкеры и конфедераты места мокрого от них не оставили бы. А на мелкие общины постоянно лезут. Там дух боевой слабый. Мне как-то одна такая община предложила ящик сигарет и трех девиц на неделю, если я помогу им отбиться. — Людоед засмеялся. — Ну, держим оборону. Ждем. И эти нарколыги поперли, как обычно, в полный рост и строевым шагом. Через пятнадцать минут все наше ополчение обделалось и бежало, только пятки засверкали. А ведь всего одного человека убитым потеряли. Я сижу как дурак один. Вот тебе и сигареты с девственницами. Нет, все-таки на войне без заградотрядов никак не обойтись. Чего делать, думаю. Ну и начал из СВД по одному выбивать. Прямо в голову. Пятерых положил, и эти сразу понты свои кибернетические позабыли. Деранули как собаки. Правильно сталкеры их клоунами зовут.

— И чего нам их бояться тогда, если они так легко отступают и атакуют глупо? — Варяг взглянул на Илью.

Крест убрал шинель и уселся на сиденье.

— Это они со всякими слабаками так себя ведут. Психологические атаки устраивают. Но если кто-то вторгается на их территорию, то они тут уже совсем иначе поступают. Тут и тактику применяют, и хитрости всякие, и тяжелое оружие. Так что резче нам надо отсюда сваливать.

— А ты девиц в награду получил тогда? — Сквернослов повернулся из водительской кабины.

— Вот кто про что, а вшивый про баню, — хмыкнул Людоед. — Я как их увидел, ошалел. Им лет по пятнадцать. Это во-первых. Во-вторых, они рахитом и белокровием больные. Не заразно, конечно, но дело не в этом. Дело в том, что та община использовала их как живой товар. Они стояли на какой-то дороге, через которую постоянно различные группы проходят. Ну и девочек этих предлагали в обмен на товары различные. Типа, все равно от этих девочек толку никакого. Они и бесплодные, и помрут скоро, а так хоть какая-то польза. Даже родители одной из них не против были. Остальные две сироты. Ну, короче,

я как обычно. Старосте общины выбил глаз и поломал нос. Прочих всяких там поколотил здорово. Они мне смертный приговор объявили.

— И что дальше было? — Николаю эта история показалась насколько шокирующей, настолько и интересной.

— Дальше. — Людоед зло улыбнулся. — Через три дня на них опять терминаторы напали. На сей раз в этих стройных рядах был и я.

— Ты присоединился к терминаторам?!

— Ну, на один раз. Чтоб общину эту грязную подчистить.

— А что дальше? Что с девушками этими стало?

— Я их увел оттуда и отдал на попечение амазонкам.

— Кому?!

Все с недоверием посмотрели на Илью. Только Алексеев продолжал вести луноход, прибавив скорости.

— Да не этим, с которыми вы имели счастье общаться. Есть группировка амазонок под названием «Таня». Это в честь немки одной. Любовницы и боевого товарища Че Гевары, которую в Боливии убили поганые империалисты. Между прочим, она имя Таня взяла в честь Зои Космодемьянской, которая на допросе Таней назвалась. Эти женщины нормальные. Мужчин, конечно, тоже не жалуют. Однако по более понятным причинам. Но нормально с ними контактируют. Без резни. Даже семьи некоторые из них заводят. Это, по сути, сталкеры женского пола. Они таких несчастных и угнетенных девчонок на попечение берут. Даже похищают рабынь у сутенерских банд. Вот им я этих девиц и отдал. А что с ними стало теперь, я не знаю. Это было лет пять назад. Наверное, умерли. Болели ведь очень.

Николаю стало не по себе от этой истории. Наверное, ему было не так скверно от визита в метро и от той иррациональной свирепости пленивших их амазонок. То, что рассказал сейчас Людоед, выглядело настолько житейским и обыденным, что пугало еще больше. Это не что-то локальное. Это жизнь множества маленьких общин, которые ради выживания превращают своих близких в продукты потребления. И сколько еще грязи подобной вокруг? И что еще может поведать Илья? А то, с какой легкостью он рассказывал о своих присоединениях к таким разным, странным и страшным группам, тоже шокировало. Неужели он действительно такой? Все-таки иногда казалось, что это человек с четкими принципами. Но так беспринципно себя вести... Или он врет, чтобы произвести впечатление? Да нет, не похоже.

Яхонтов задумчиво смотрел на Людоеда. Казалось, он думал то же самое, что и Васнецов.

— Ну, ты выспался? — наконец произнес Варяг.

— С вами выспишься, — усмехнулся Крест. — А что? Поменяться хочешь?

— Ну, в общем, да, — кивнул Яхонтов.

— Ладно. Отдыхай. А я понаблюдаю. — Крест прильнул к перископу, уступив место на сиденье Варягу.

Николай вздохнул и мотнул головой, отгоняя тяжелые мысли. Интересно, что там дальше написано в записной книжке...

...Они вроде флотский спецназ. Двенадцать человек. Все офицеры. Точнее, девять офицеров и три прапора. Вернее, мичмана. Вообще, с недавней реорганизацией в этих званиях ни черта не разобрать. Прапоров да мичманов вроде как отменили. Ну да не важно. Мы все думали, чего им у нас делать? Но вроде они какую-то спецподготовку проходили на полигоне ГРУ. И похоже, их готовили к серьезной акции. И с ними три дня старший контролер брифинги за закрытыми дверями проводил. Тоже все жутко секретное. Даже обидно нам стало совсем. Вроде база наша. Мы тут хозяева как-никак. А теперь то эти странные связисты, то эти моряки. И рулит всем этот контролер без имени. А они сами по себе ничего такие ребята. Моряки эти. Я всегда к флотским с особым уважением относился. Правда, был среди них один. Нервный какой-то. Молодой капитан-лейтенант. Фамилия, кажется...

Опять потекшие буквы. Николай нахмурился и стал напрягать зрение. Нет. Не прочесть. Одна буква «К» в начале, и все. Хотя, может быть, это «Н». Ладно. Что там дальше?..

...когда эти фээсбэшники с собаками начали прочесывать метро. Что они там искали, никто из нас представить не мог. Примечательно, что примерно в это время в Москве начались одна за другой различные акции. Сначала шествия различных неправительственных организаций. Потом несанкционированные марши различных меньшинств. Причем всегда это оканчивалось беспорядками. Впрочем, как и в другие годы. Однако я не припомню, чтобы за несколько дней было сразу столько акций совершенно разных сил. Были бесчинства футбольных фанатов. Потом погром на рынке. Несколько крупных пожаров в центре. Создавалось ощущение, что все эти на первый взгляд никоим образом не связанные события кем-то дирижирова-

лись, чтобы отвлечь на них как можно больше спецслужб. В том числе и тех, которые занимались этими поисками в метро. В ту неделю у нас пять раз циркулярно объявляли тревоги. Причем трижды в режиме «Б». Но потом нам объявляли, что это были учения. Мы совершенно справедливо полагали, что это полный идиотизм. Для учений существуют другие сигналы. Но когда за неделю нам три раза объявляли боевую, а потом говорили, что, так сказать, шутка, то это сыграло с нами всеми именно злую шутку. Ведь восприятие этого сигнала притупилось. И когда его объявили через неделю в четвертый раз, то все к нему и отнеслись как к очередным учениям. То есть формально. И горько просчитались. Но до этого еще...

И снова размытый текст. Николай оторвался от записей и потер уставшие глаза. Нечасто приходилось читать в этом мире. Да и редко попадалось что-то, что можно было читать.

Что-то лязгнуло о корпус. Варяг резко поднялся и посмотрел на Людоеда. Тот развернул перископ. Затем стал вертеть им.

— Что это было? — спросил Яхонтов.

— Стреляли, не иначе, — пробормотал Крест. — По корпусу попали.

— Кто?!

— Вот ищу. Пока ничего не видно. Может, снайпер.

— Мы проехали Монино?

— Почти. Черт... Что за... Твою мать! — воскликнул Людоед. — Юра! Этот тазик быстрее ехать может?!

— Попробую, — ответил космонавт.

Луноход загудел и ощутимо прибавил в скорости.

— Ни хрена. Они быстрее, — мотнул головой Крест, глядя в перископ, направленный назад.

— Да кто там?

— Думаю, что эти самые терминаторы.

Еще несколько пуль лязгнуло по корпусу.

— Варяг, можно открыть оба шлюзовых люка одновременно? — спросил Крест, отпустив перископ и хватая автомат.

Николай сразу прильнул к смотровому прибору.

— Нет. Они открываются по очереди.

— Хреново. А аппарель на ходу открыть можно?

— Можно, — послышался голос Алексеева.

— Как только скажу, открывай. Только не до конца, а то он снег бороздить будет и ход замедлит.

— Ладно.

Крест отложил автомат и подвинул свой огромный железный ящик так, чтобы он стоял поперек заднего края салона. Затем он стал монтировать на нем свой жуткий пулемет.

По следам лунохода, разметая снег, мчались шесть снегоходов. Оседлавшие их люди были вооружены и одеты в черные одежды. На трех скоростных машинах сидели по два человека. Пассажиры вели одиночный огонь из автоматов. Расстояние между преследователями и луноходом быстро сокращалось.

Крест обернулся. На его лице снова, как и во время боя у Белого дома, Николай увидел это жуткое выражение. Смесь восторга и ярости. Предвкушение схватки и презрение как к смерти, так и к жизни.

— Юра! Открывай! Варяг, Коля, на пол ложитесь! Мой ящик от пуль защитит! Васнецов! Я сказал, на пол, что уставился?!

Николай подчинился и лег на пол рядом с Яхонтовым, прижимая к себе записную книжку. Аппарель медленно пошла книзу, впуская в салон дневной свет и пронзительный холод.

— Аллилуйя возлюбленной паре! — заорал Людоед. — Мы, забыли, бранясь и пируя, для чего мы на Землю попали! Аллилуйя ВОЙНЕ, аллилуйя!!! Аллилуйя всем умершим детям! Наша жизнь, пролетая аллюром! На вопрос непроглядный ответит! Аллилуйя ВОЙНЕ, аллилуйя!!! «Юнона и Авось», мать вашу!

— Господи, какой же он псих, — вздохнул Варяг, глядя на Николая.

Снегоходы мчались совсем рядом. В луноходе уже было слышно рычание двигателей. Терминаторы стали стрелять чаще, так как шансы на попадание увеличились.

Засвистел раскручивающий стволы мотор, и пассажирский салон наполнился оглушающей дробью выстрелов.

— Аста ла виста, падлы! — радостно воскликнул Людоед, сжимая гашетку с такой силой, что у него побелели руки.

Дорожка фонтанирующего снега описала кривую, и от первого снегохода отлетели капот и стекло, разлетаясь в полете вдребезги. Закувыркалась в снегу оторванная рука водителя, а там, где была его одетая в каску голова, остался лишь рваный пень шеи со свисающими кровавыми лохмотьями. Снегоход задымил и перевернулся. Второй бандит получил порцию пуль в грудь, отчего вылетел из седла и, перекувырнувшись в воздухе, ударился о стекло следующего за ним снегохода, выбив оттуда водителя. Оставшийся в седле пассажир попытался взять управ-

ление на себя, но не справился, и машина завалилась набок. Еще один снегоход Людоед просто раскрошил на мелкие части вместе с двумя людьми, находящимися на нем. Оставшиеся преследователи резко повернули в сторону и стали удаляться.

— Не ожидали, да, уроды?! — засмеялся Крест, прекратив стрельбу.

Однако отпустил он гашетку лишь для того, чтобы вести теперь огонь из калашникова. Он прицелился. Короткая очередь. Мимо. Еще одна очередь. По склону, через который пытались перемахнуть в поисках спасения бандиты, покатился один из них.

— Юра! Закрывай!

Крест распластался на полу, облокотившись спиной на свой ящик, и улыбнулся.

— Ну, как я их, а? — усмехнувшись, спросил он, когда аппарель закрылась.

— Молодец, — спокойно кивнул Варяг, садясь. — Эдак ты все патроны потратишь. А где их для такого пулемета взять?

— Слушай, Яхонтов, — махнул рукой Илья, — патроны для того и сделаны, чтобы вылетать через ствол оружия и пробивать чей-нибудь череп. Чего их беречь? У меня еще полный ящик. Кстати, о пулях. У меня мыслишка одна любопытная зародилась.

— Какая? — поинтересовался Варяг.

— Вот ты летчик. Верно?

— Ну, был когда-то. А что?

— Был когда-то, — хмыкнул, кивнув, Крест. — И Юра тоже был когда-то. Да, Юра? Значит, вам известно, что такое «Шилка» или «Тунгуска»?

— Зенитные самоходные установки. Ты про них? — Варяг явно не понимал, к чему клонит Людоед.

— Именно. Именно про них. А ты, яхонтовый ты мой, знаешь, что они являются бронетехникой?

— Ну разумеется. — Яхонтов нахмурился, поскольку эти словесные пляски вокруг да около ему никогда не нравились.

— А знаешь ли ты, что их броню можно пробить из СВД или пулемета? А?

— Да к чему ты клонишь, черт тебя дери?!

— Ты понимаешь, Варяг. Бронетехнику некоторую это стрелковое оружие пробивает. Но вот наш замечательный луноход отчего-то никак. Ну не странно, а? Вот Нордика сшибала мордоков с этой машины и лупила из пулемета. Пара пуль по-

пала по корпусу, и ничего. Ну да это ладно. Может, они в ребро жесткости попали и не пробили. Бывает. А ведь я кучу отметин заметил на корпусе, еще когда осматривал этот тарантас. И относительно свежих. И очень старых. Ну не придал значения. А сейчас, когда эти уроды стреляли по нам, задумался. Что за ерунда такая? Это ведь луноход. Зачем луноходу броня? А? Юра, вы с кем там воевать собирались на Луне?

Алексеев ничего не ответил.

— И все-таки я не пойму, к чему ты клонишь? — пожал плечами Яхонтов.

— Да мне самому интересно. Что за чудо-машина такая? Вот когда «Шаттл» американский при посадке развалился... как его... «Колумбия», кажется. Так вот, выяснилось, что он развалился при входе в атмосферу оттого, что его крыло пробил кусок пенопласта из обшивки ракеты-носителя. А ведь это был космический корабль, рассчитанный на сильнейшие перегрузки и трение об атмосферу. А что такое луноход? Жестяная коробочка. Но! Наша замечательная машинка оказалась прочнее некоторых видов бронетехники. Юра, может, объяснишь?

— А мне нечего объяснять. Не я конструировал этот луноход. Так что можешь думать, что хочешь, — резко ответил Алексеев.

— Ну-ну, — скептически покачал головой Людоед. — Ладно. У меня вопросов больше нет. — Он склонился к Яхонтову и тихо произнес: — А вот ты подумай над этим...

...а мы думали, куда он пропал. Даже скучно как-то стало без этого нервного капитан-лейтенанта. А он, оказывается, в самоволке был трое суток. Как он умудрился пройти через посты, вообще загадка. Хотя. Все-таки профессионал. Диверсант. Уходил в город вроде через метро. Скандал был нешуточный. Однако все быстро забылось. На следующий день их отправили на аэродром. Какая-то срочная командировка. В тот же день спецсоставом из метро прибыли какие-то люди под усиленной охраной. Восемь человек в масках и, по-моему, даже в гриме. Охраны человек сорок. Со своей едой и со своими медиками. Перекантовались сутки у нас и тоже на поверхность, к метеостанции. Там вертолетная площадка была. За ними вроде Ми-26 прилетел. Я сейчас думаю, что это были не кто-нибудь, а руководство страны. Хотя, может, ошибаюсь? Неужели у них не было специального узла в «метро-2» для таких случаев? Мо-

жет, просто это такой спектакль для дезинформации или проверки вероятной утечки информации в нашей базе? Как бы там ни было, через сутки все уехали. Даже старший контролер. Остались только эти странные связисты с их установкой, которые заперлись в своей автономной комнате, и их охрана. Кутерьма вся вроде улеглась. Мы вздохнули свободно. Только кто бы мог подумать тогда, что миру осталось всего два дня...

22
ДЕНЬ ИКС

— Вот, Вовчик, посмотри. Десять мегапикселей. Двадцатикратный оптический зум. И с виду симпатичный такой аппарат. — Майор Жилин показал сидевшему рядом подполковнику журнал, в котором были описания различной цифровой техники. — Как тебе?

— Так это профессиональный? Ну и цена какая, представь.

— Так в кредит можно. Да и не профессиональный он. Ультразум. Не зеркалка. Дешевле на порядок.

— Слушай, Миша, ты на шестнадцатилетие дочери хочешь такой подарок сделать? Купи ей обычную мыльницу цифровую, и все. Или телефон новый с камерой. Зачем ей такой аппарат? У нее в этом возрасте все равно одни парни на уме. — Подполковник Владимир Васнецов махнул рукой.

— Да нет. Она в учебе вся. Хочет на факультет журналистики потом поступить. Вот, думаю, пусть фотографирует.

— Это хорошо, что она у тебя такая. А вот моя Настена... просто не знаю, что с ней и делать. В школе одни прогулы. Дома не появляется почти. Жена говорила, что за ней по вечерам то джип дорогой приезжает, то «бумер» черный тонированный. Как вспомню, что нам, парням, в молодости от таких, как моя дочь, надо было, так оторопь берет. Грешки старые мучают. А она вообще ничего не соображает, нимфетка. Вся в мать пошла, зараза.

— Ты все-таки думаешь, что жена твоя... — Жилин с сочувствием посмотрел на Васнецова.

— Да я уверен. Шеф ее жарит, и уже давно. Просто уверен. — Подполковник поморщился. — Мне эта Вика, что с ней в одном офисе работает, рассказала недавно, как у них корпоративные вечеринки проходят. В последний раз моя вообще там

на столе босиком отплясывала да юбку задирала, дрянь. Я не удивлюсь, если ее помимо шефа еще охранник его и водитель...

— Да перестань. Просто накручиваешь себя...

— Нет, Миша. У меня такие рога, что голова зудит. — Он горько усмехнулся. — И поделом мне. Боженька наказал за то, что в молодости невесту у родного брата увел. Вот теперь мучаюсь с ней. И еще с дочкой в придачу.

— А ты не говорил, что у тебя брат есть.

— Да вспоминать совестно. Он отрекся от меня вообще. С курсантских лет не общались. Я по распределению в Москву служить попал. Она ко мне от него и переметнулась. Перспектива. А я тогда, дурак, думал, любовь. Стыдно перед братом. А он мужик хоть куда. Тоже военный сейчас. И повоевать успел уже. А я крыса тыловая. Сижу в этом вонючем бункере из года в год, а дома просто бедлам. Одно радует, Коля не живет с этой дрянью. Только все равно стыдно перед ним. Я только через мать узнаю, как он поживает. Женился. Сынишка у него родился. Тоже Колей назвал. В честь деда. Дед наш под Краковом погиб. Герой посмертно. Так племяша хочется увидеть иной раз. Чего у меня сын не родился? Морока с этими бабами.

— Ну, у меня ведь с моей дочкой мороки нет.

— Повезло, значит, тебе. И совесть у тебя, значит, чиста.

— Совесть чиста, — усмехнулся Жилин. — Потому в майорах до сих пор хожу.

В дверях дежурки показался низкорослый и тучный подполковник Лишенко.

— Мужики, у вас сахарку нет? — Он демонстративно выставил вперед руку, сжимающую большую дымящую кружку, источающую аромат растворимого кофе.

— Свой иметь надо, Степан, — усмехнулся Васнецов.

— Да весь мой сахар извел этот чертов старший контролер, — скривился Лишенко.

— Ты потише, Степан, — погрозил ему пальцем майор. — Они тут небось жучков понатыкали. Сидит сейчас на Лубянке и слушает. На благонадежность проверяет.

Они засмеялись.

— Да не с Лубянки они. Что-то более серьезное, мне кажется. — Лишенко махнул рукой.

— У меня только заменитель. Будешь? — спросил Владимир.

— Нет. Меня пучит от заменителя. — Степан вздохнул и стал уходить.

— Зайди в караулку! — крикнул ему Жилин. — Там у стрелков варенье есть!

— Ладно, — послышалось из коридора.

— Кофе с вареньем? Жестоко, — хихикнул Васнецов.

Вдруг затрещал динамик на стене и замерцала контрольная лампа.

— Внимание! Циркулярно! Девять тридцать пять! «Пасмурное настроение»! «Пасмурное настроение»! Повторяю! Внимание! Циркулярно! Девять тридцать пять! «Пасмурное настроение»! «Пасмурное настроение»! — возвестил хриплый бас из громкоговорителя.

— Твою мать. Опять двадцать пять, — вздохнул Жилин.

— Как же они надоели. Вот уроды. — Васнецов запустил в волосы пальцы обеих ладоней. — Все не наиграются никак, скоты. Черт, да за этот месяц всего два выходных было! Ну какого хрена, а, Миша? А потом удивляемся, что от нас жены гуляют! Ненавижу все это! Достало! Блин, скорей бы уже на пенсию и к черту всю эту службу!

— И опять первых двух сигналов не было. Ни тебе «Трезубца», ни «Мутного вала». Они там, наверное, даже не знают, какой сигнал что означает, — вздохнул Михаил. — Ладно, Вова. Успокойся и давай работать.

— Запиши в журнал событий о получении сигнала, — проворчал подполковник и поднял трубку телефонного аппарата без наборного диска и без кнопок.

— Букварь, — послышался в трубке женский голос.

— Девяносто девять, будьте добры.

— Соединяю.

— Девяносто девять. Полковник Васильев.

— Сто шестой. Подполковник Васнецов. В девять тридцать пять циркулярно получен сигнал «Пасмурное настроение». Прошу подтвердить.

— Циркулярный сигнал «Пасмурное настроение» на девять тридцать пять подтверждаю.

— Есть. Подтверждение принял. — Владимир положил трубку. — Миша, запиши в журнал подтверждение. Девять тридцать семь.

— Хорошо...

Подполковник поднял трубку коммутатора и нажал одну из кнопок.

— Комаров. Начинай оповещение в режиме «Б»... Да... Да, всех... Ну да, контрольный срок прибытия полтора часа. Как

обычно... Да я понимаю, что они уже на хрен посылать будут. Ну, пусть звонят в Генеральный штаб и их посылают... Все, давай. — Положив трубку, он обратился к своему товарищу: — Миша. Запиши оповещение тоже.

— Уже записал.

— Ну вот и славно. — Васнецов взял со стола пульт и включил телевизор, стоявший на полке у входной двери. — Посмотрим, что там по дебилизору кажут.

— ...участвует девять пожарных расчетов. Силы и средства продолжают прибывать, — вещал диктор теленовостей. — Из управления по ГО и ЧС нам сообщили, что угроза выброса аммиака сведена на нет. По предварительным данным, погибли два человека. Один пожарный с сильными ожогами госпитализирован.

— Это уже какой крупный пожар в столице за последнюю неделю? — покачал головой Жилин.

— Я уже со счету сбился. Вчера под Питером склад с боеприпасами рванул... Погоди. Мобильник. — Васнецов достал из кармана телефон. — Алло. Да, Палыч... Да ничего... Ну так тебе ведь сообщили. Сбор личного состава в режиме «Б»... Да, ушел этот контролер еще два дня назад, а что?.. Да я понимаю, что они там наверху балуются... Как это прикрыть?.. А что у тебя случилось?.. С женой на «Юнону и Авось»?.. Ну, Палыч, ты даешь. Я думал, что-то серьезное у тебя... Да ладно, ладно. Отмечу, что ты прибыл. Хорошо... Будь...

— Чего там у Палыча?

— Хочет отмазаться от оповещения, но чтоб мы его прибытие отметили. Дескать, контролера нет и проверить некому.

— Ну у него как всегда... Слушай, Вова, как это у тебя тут мобильник сеть ловит?

— Так я антенну на метеостанцию вывел через трубку, идущую к внешнему дозиметру. Кабель, зараза, дорогой, но зато связь постоянная.

— Особисты за это по головке не погладят. Тут сотовая связь запрещена, ты же знаешь.

— Да ну их в баню. Нам и предпринимательской деятельностью заниматься запрещено. А вон у Крапивина три ларька своих. На какие шиши он жене операцию сделал, по-твоему?

— Ну, это одно...

— Да ладно тебе. Вон, генералу во время визита норвежского атташе они коммуникатор подарили новенький. Я не удив-

люсь, если там жучков напихано на полмиллиона баксов. Так ведь дела никакого нет никому. Он и на совещание его с собой берет. А там, бывает, и о таких вещах говорят, что даже нам с тобой знать не положено. А Мищенко из своего кабинета в Интернет выходит постоянно, играется как дите малое и уже весь винч загадил вирусами.

— ...МИД Белоруссии высказал серьезную озабоченность в связи с недавним инцидентом в небе республики, — продолжал диктор. — Напомним, что два дня назад истребитель «Ф-шестнадцать» польских ВВС нарушил воздушное пространство Белоруссии и находился в небе республики более тридцати минут. Польская сторона заявила, что это произошло по вине пилота, который в силу своей слабой подготовки заблудился. Однако следует отметить, что данный инцидент произошел именно тогда, когда вдоль белорусско-польской границы барражировал разведывательный самолет АВАКС ВВС США, вылетевший с территории Латвии тремя часами ранее. В Министерстве обороны Республики Беларусь считают, что данный инцидент был не чем иным, как разведывательной акцией сил НАТО с целью проверки возможностей и действий как ПВО республики, так и коллективной системы ПВО стран СНГ, участниц коллективного договора. Напомним, что на прошлой неделе неизвестный самолет, вылетевший предположительно с территории Грузии, вторгся в воздушное пространство Ирана, при этом сделав крюк над территорией Армении и непосредственно над российской военно-воздушной базой в Гюмри. По факту данного инцидента президент Белоруссии заявил, что им отдано распоряжение республиканским силам ПВО при идентификации в следующий раз самолета-нарушителя как боевого сбивать его всеми силами и средствами без предупреждения...

— Вот молодец. Вот это я понимаю. А наши бы начали рассусоливать опять. Дескать, ребята, давайте жить дружно, — произнес Васнецов.

— ...инцидент другого рода. На сей раз озабоченность высказал генсек НАТО и правительство Норвегии. Как стало известно, сегодня в полночь по среднеевропейскому времени в закрытой для иностранных судов территории военно-морской базы на острове Ян-Майен была замечена атомная подводная лодка Российских военно-морских сил. Пресс-служба ВМФ России опровергла данную информацию, заявив, что никаких российских подлодок в районе острова Ян-Майен быть не могло.

Однако есть сведения, что боевые корабли НАТО устроили настоящую охоту за неизвестной субмариной. И норвежский МИД связывает именно с этим случаем сегодняшнее вторжение в воздушное пространство этой страны самолета «Ту-сто шестьдесят». Напомним, что это самый мощный в мире сверхзвуковой стратегический бомбардировщик, предназначенный для нанесения ядерных ударов. На Западе его почтительно называют «Блэк Джек». Однако и тут официальные лица Российской Федерации заявили, что в это время в воздухе был только один такой самолет и он находился над полигоном Новая Земля, где проводил учебные стрельбы...

— Неужели и наши стали хулиганить, — усмехнулся Жилин. — Ну, правильно делают. А то только и слышишь об их провокациях.

— Только это в любом случае дурно пахнет. Хотя я не верю ни СМИ, ни пресс-службам, ни всяким там правительствам, — махнул рукой Васнецов.

— ...число жертв цунами, произошедшего на прошлой неделе, продолжает расти. По последним данным, их количество превысило четыреста пятьдесят тысяч человек...

— Твою мать... — Жилин покачал головой. — Полмиллиона человек.

— Знаешь, что моя жена по этому поводу сказала? — усмехнулся подполковник.

— Что?

— Мол, ничего страшного. Все равно они там как кролики плодятся.

— Слушай, ты, конечно, извини, но она...

— Знаю. Можешь не договаривать.

На столе зазвонил один из трех телефонов.

— Подполковник Васнецов слушает. Да... Здорово, Петро... Да ничего. Дежурим помаленьку... Ну разумеется... А что у тебя стряслось?.. Ну, вы сговорились, что ли?.. Да просто Палыч звонил, то же самое просил... Ну хоть кто-то по оповещению должен явиться?.. Да я понимаю, что им там делать нечего наверху, но мы же военные люди, в конце концов... Да нормальная зарплата, брось ты. Получаем как подводники, однако шкурой своей не рискуем... Ну ладно, черт с тобой. Но с тебя магарыч... Пока...

— Что, Петро тоже косит от оповещения и сбора?

— Конечно. Да ребят тоже понять можно. Весь месяц без выходных продержали с этими учениями и инспекцией этой.

Снова затрещал динамик, и загорелась контрольная лампа.

— Внимание! Циркулярно! Десять ноль одна! «Субботний вечер»! Повторяю! «Субботний вечер»! Это не учебная тревога! Десять ноль одна! «Субботний вечер»! — Голос был тот же, но интонация совершенно другая. В голосе слышался страх и сильное напряжение.

Жилин и Васнецов уставились друг на друга.

— Володя, это же... это же война... Они там совсем умом тронулись? Что за учения такие?

Васнецов ничего не ответил. Только нахмурился и схватил трубку оперативной связи.

— Букварь? Это подполковник Васнецов. Дайте девяносто девять. Жду... Алло. Девяносто девять? Это сто шестой! В десять ноль одну получен сигнал... Что? Вы подтверждаете? Черт возьми, согласно инструкции я должен запросить подтверждение! Возьмите себя в руки!.. Все. Все понятно. — Он бросил трубку на место и взглянул на майора. — Записывай, чего смотришь! — рявкнул он.

В помещениях бункера завыла сирена и замигали белые круглые плафоны с красной надписью «Тревога». Подполковник схватил трубку коммутатора.

— Комаров! «Субботний вечер»! Общий сбор немедленно!.. Какие шутки, на хрен! Выполняй!

Телепрограмма на экране телевизора замерцала и сменилась сеткой для настройки четкости.

— Внимание! — заговорил голос из динамика телевизионного приемника. — Говорит штаб по делам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций Москвы и Московской области. Прослушайте...

Голос смолк. На экране пошла рябь, и послышалось шипение. Затем лампы освещения заморгали в помещениях, и люди почувствовали дрожь бетонного пола, покрытого линолеумом.

— Что это такое?..

В коридоре послышался топот. Кто-то торопился на свои боевые посты.

— Они задолбали уже своими учениями! — раздался возглас Лишенко в дверях.

— Это не учения, — крикнул Васнецов. — Иди на пост!

— Да ну, и ты туда же, — махнул рукой Лишенко и ушел.

— Алло! Букварь! Букварь! — крикнул Владимир в телефон. — Алло! Черт, Миша, что со связью?!

— А я почем знаю, — нервно отозвался Жилин. — Попробуй по внутренней узнать. Может, с какого-то поста могут дозвониться?

— Ладно. Алло! Семен! У тебя связь с Букварем есть? Нет? Черт! — Подполковник положил трубку. — Миша, сиди тут, я на центральный сбегаю...

— Букварь!
— Связи нет!
— Квазар!
— Связи нет!
— Оперативный девятого района наблюдения?
— Связи нет!
— Генштаб!
— Связи нет!
— Оперативный ФСБ?
— Связи нет!
— Оперативный по ГО и ЧС?
— Связи нет!
— Штаб РВСН?
— Связи нет!
— Штаб ПВО Московского округа?
— Связи нет!
— Да твою же мать!

В центральном операционном пункте, которым являлся большой зал за массивной дверью с надписью «Субботний вечер», царил хаос. Офицеры перебегали от пульта к пульту и перекрикивались тревожными фразами. Разрывались телефоны от звонков с внутренних постов, однако связь с внешним миром полностью исчезла. Васнецов подбежал к начальнику смены полковнику Коновалову.

— Гриша, что за чертовщина такая? Это же война или я сплю и мне кошмар снится?

— Война, Володя! — хмуро ответил полковник. — Связаться не могу ни с кем. Черт. Мне доложили с первого и второго постов из метро, что в подземке был взрыв. А сейсмографы докладывают, что зафиксировали четыре или пять взрывов по городу. Самый слабый около десяти килотонн.

— Как такое может быть?! — воскликнул Васнецов. — Мы же никаких ракет не наблюдали и самолетов тоже!

— Это не ракеты, Вова, это диверсионные фугасы. Они нас без связи оставили. Черт знает, что там творится от электромаг-

нитного импульса. Господи, все не так должно было быть. — Полковник потер лоб. — Все совсем не так.

— Ребята, вы совсем охренели! — раздался позади крик Лишенко. — У меня сын в этом году в первый класс идет! У меня племянница замуж выходит! Вы чего?!

— Лишенко, возьми себя в руки! Ты еще не понял, что происходит?! — рявкнул полковник.

— Да у меня сын в первый класс пойдет в этом году! — Его словно заклинило.

Оглушительный гул пронесся по помещениям бункера, и кое-где потух свет. На сей раз пол трясся намного сильнее. Шум людей усилился.

— Черт возьми! Кто-нибудь наблюдает ракеты? Что это вообще было?

— Есть! Минитмен! Тридцать три сорок четыре! — послышалось с одного из пультов. На большом экране загорелась первая красная нить траектории вражеской ракеты.

— Цель?

— Москва.

— Связь с Антеем еще есть?

— Так точно!

— На громкую!

— Есть!

— Антей-четыреста!

— Антей-четыреста слушает! — разнесся по залу голос из громкоговорителей.

— Зафиксирована первая цель!

— Принято!

— Цель уничтожить!

— Есть!

— Товарищ полковник! Цель разделилась!

— Вижу. — Коновалов стиснул зубы, глядя на большой экран, где одна красная нить разделилась веером на пять. — Лишенко! Лишенко, черт тебя дери! Сядь за пульт и руководи боевым расчетом! Приготовь к залпу противоракеты внутреннего периметра!

— Цели два и три уничтожены! Цели один и пять уничтожены! — доложили с пульта.

— Так... Так! Внимание! Четвертая цель прошла через пояс Антея! Лишенко!

— Цель веду, расчет произведен!

— Уничтожить!

— Есть!

Из глухого уголка подмосковного леса взмыла в небо противоракета.

— Гриша, они на нас напали... Зачем? — Васнецов уставился на полковника.

— Сейчас уже не разберешь, кто на кого напал. Наверное, у них такой же бардак, как и у нас сейчас...

— Товарищ полковник! Цель не поражена! Но траектория изменилась, видимо, из-за воздействия импульса!

— Куда... Куда летит боеголовка?!

— Калуга! Коэффициент вероятного отклонения восемьсот метров!

— Все равно... Все равно ударит по Калуге... — пробормотал полковник.

— У меня старики в Калуге живут!!! — заорал один из офицеров и вскочил со своего места. — Лишенко, тварь! Ты как расчеты производил, сука?!

— А ну сесть и успокоиться! — прокричал Коновалов.

— Да какой, на хрен...

— Я сказал успокоиться и заниматься своим делом, черт вас всех дери!

— Но ведь можно еще раз попробовать?! Товарищ командир!

— Она вышла из нашей зоны досягаемости! Все!

— Командир! Ракеты! Девять штук!

— Цели?!

— Рассчитываю... Есть! Обнинск! Тула и область! Нижний Новгород и область! Новомосковск! Рязань и область! Калуга и область!

— Есть цели, которые пересекают наш сектор?

— Нет, товарищ полковник. Они все вне зоны нашего воздействия.

— Есть! Есть одна! — крикнули с соседнего пульта. — Одна неклассифицированная ракета пройдет между поясом Антея и нашим сектором!

— Цель!

— Но какая разница?

— Я спрашиваю — цель! Она, может, в Китай вообще летит откуда-нибудь из Северного моря или из Англии!

— Калужская область! Надеждинск!

Услышав это название, подполковник Васнецов дернул командира за рукав.

— Гриша! Там мой брат! И племянник!

— Володя, успокойся! Мы в любом случае попробуем ее перехватить! Внимание! Взять цель! Вести до оптимального участка и уничтожить!

Васнецов как завороженный смотрел на удлиняющуюся нить летящей в Надеждинск ракеты. Сейчас это было самым главным для него.

— Антей-четыреста!

— Антей-четыреста на связи!

— Цель наблюдаете?

— Ведем!

— Двухракетный залп по цели!

— Есть!

— Лишенко! Лишенко, черт!!! Не спать!!!

— Я... Есть...

— С нашей стороны тоже двухракетный залп по цели!

— Есть, — подавленным голосом пробормотал Лишенко.

Красная нить продолжала угрожающе расти и двигаться в сторону маленького городка на берегу Оки. Вдруг рост полоски прекратился.

— Цель уничтожена!

— Ну, Володя, ты доволен? Цел твой Надеждинск...

— Командир! Ракета, бьющая по Обнинску, разделилась! Двадцать боевых частей!

— Двадцать? — Полковник нервно потер подбородок. — Понятно. Половина из них, скорее всего, ложные цели. Они распознаются?

— Нет!

— Черт. А куда летят?

— Четыре части летят прямо сюда!!! Черт!!!

— Ну-ка без паники! Бункер выдержит! Но мы должны их сбить!

— Товарищ полковник, вас к телефону со второго поста! — Молодой капитан, сидевший за ближайшим пультом, протянул ему трубку.

— Полковник Коновалов. Да... Я понял... Добро... — Он вернул трубку офицеру и взглянул на Васнецова. — Слушай, там из метро бронедрезина приехала. Там этот старший контролер опять. Иди встреть его...

Михаил сидел совершенно бледный. Капилляры в глазных яблоках полопались от нервного напряжения, и белки стали совсем красными. Он потерянным взглядом уставился на вошедшего в дежурную комнату Васнецова.

— Вова. Я все внутренние посты обзвонил. Это... Это, оказывается, не просто война... Это...

— Это ядерная война, — закончил за него Васнецов.

— Зачем?

— Ты меня спрашиваешь? Боюсь, Миша, нашего с тобой мнения на этот счет не учли.

— Но это же безумие...

— Как и любая другая война. Ну, где этот контролер?

— Со второго поста сюда движутся... Володя... Что теперь будет?

— Будет планета обезьян. — Васнецов невесело усмехнулся.

— Внимание! — захрипел динамик на стене. — Задраить все гермодвери! Задраить все гермодвери! Ядерный удар по поверхности через пятнадцать, четырнадцать, тринадцать...

— Все-таки пропустили боеголовку, — вздохнул подполковник.

— Что? Какую... Куда удар?! — Жилин вскочил со своего кресла.

— По нам, дружище. По нам...

— ...три, два, один, взрыв!

— Варяг! Варяг!!!

— Ну... Ну Коля... Ну чего ты спать не даешь?

Яхонтов повернулся на другой бок. Луноход продолжал свой путь. Теперь за рулем сидел Вячеслав, который старался четко выполнять команды обучающего его Алексеева.

— Варяг, да проснись же!

— Чтоб тебя... Ну чего? — Искатель взглянул на Николая.

— У отца был брат?

— У моего отца был брат? — Яхонтов еще не до конца проснулся и не совсем понимал заданного взволнованным голосом вопроса.

— Да нет. У моего отца был брат? Ты же с отцом дружил еще до ядрены.

— Ишь, слов каких нахватался в столице. Ядрена. — Варяг ухмыльнулся. — Если честно, то не знаю. А что?

— А ты еще людей с фамилией Васнецов в Надеждинске не знал?

— Был прапор на рембазе. Алкоголик жуткий. Никита Васнецов. Он пропал после первого черного дождя, насколько я помню. А в чем, собственно, дело?

— В бункере «Субботний вечер» был офицер. Владимир Васнецов. Его брат Николай служил в Надеждинске. И сын у его брата родился. Тоже Николаем назвали. Это же мой дядя, понимаешь, Варяг?! — Васнецов потряс записной книжкой. — Я тут десять листов отпарил! И вот посмотри, что тут пишется! У меня был дядя, а я ничего не знал!

Наблюдающий в перископ Людоед бросил взгляд на эту потрепанную книжку, и на его лице появилось озадаченное выражение. Однако когда Васнецов повернулся к нему, Крест сразу уткнулся в перископ.

— Теперь ты знаешь, что у тебя был дядя. Тебе легче? — сказал он.

— Но... Это ведь важно... Для меня... Надо было нам в тот бункер...

— А зачем, скажи на милость? Сталкеры там побывали. Там нет никого, кроме крыс. И чего ради нам надо было забыть про миссию и идти в это затхлое подземелье?

— Илья прав, — кивнул Варяг, беря в руки записную книжку. — А ты мог и ошибиться. Насчет дяди, я имею в виду.

— Да нет тут никакой ошибки. У меня был дядя. И он был там...

Николай вздохнул и отвернулся, уставившись в смотровую щель за своей спиной. На самом деле он вовсе не собирался смотреть на что-то снаружи. Просто не хотел, чтобы Крест или Варяг видели его слезы.

23
ПИКНИК НА СНЕГУ

Спускающиеся на землю сумерки словно прижали к земле тяжелые свинцовые облака, неутомимо кружившие непроницаемым покровом вокруг погибающей планеты. Серая дымка заполонила все вокруг, и видимость упала до минимума. В совокупности с приближающейся ночной темнотой это делало дальнейшее движение, да еще по пересеченной местности, совершенно неприемлемым. Каждый по отдельности, внутренне, наверное, был рад тому, что погодные условия заставили их

временно остановиться, поскольку привала жаждал каждый, хоть и старались об этом не говорить. Но путь на сей раз они проделали весьма длительный и без единой остановки. Луноход остановился среди нескольких одиноких деревьев, торчащих из снега на вершине высокой насыпи. Путники не сразу поняли, что здесь некогда проходила железная дорога. Скорее всего, она и осталась, но была погребена под внушительным слоем снега. Заметив в этом странном снежном тумане погнутый столб с семафором и остатки мачт линий электропередач, Людоед, наблюдавший в перископ, заключил, что они остановились на путях.

— Интересно, а где мы конкретно? — Варяг развернул карту. — Илья, давай покумекаем.

— А чего тут думать? — Крест уселся рядом с искателем. — Электросталь и Ногинск проехали. Они были южнее нашего пути. По правую руку. Вот. — Он ткнул пальцем в карту и провел воображаемую линию. — Там врезали капитально. Районы, насыщенные стратегическими объектами. Много «трехсоток» там располагалось. Кое-что замыкалось на систему ПРО Москвы.

— «С-триста»? Зенитные ракеты? — Яхонтов взглянул на Людоеда.

— Именно. И вроде даже «С-четыреста», «Триумф». Вот, скорее всего, они и были частью столичной противоракетной обороны. Конечно, многое они отбили, но на них напустили настоящий град. Да и сами, конечно... Тоже... Говорят, что даже некоторые полки стреляли зенитными ракетами со специальной боевой частью.

— С ядерной, что ли?

— Она самая. Одна ракета поражает большую площадь воздушного пространства и все, что там летит. Ну а какой ущерб себе?

— Ну, ладно. Это мы проехали те места. А теперь где мы все-таки?

— Так. Вот те истлевшие избушки, что мы видели справа пару часов назад, это, я так полагаю, пригороды Электрогорска были. Ну, значит, сейчас мы где-то тут. Уже во Владимирской области.

— Ну, если так, то мы немало проехали. Можно передохнуть.

— Даже нужно, — ухмыльнулся Крест. — Ладно. Может, помянем Андрея?

— Ты хвастал, что у тебя что-то есть, — кивнул Варяг.

— Именно. — Людоед порылся в своем рюкзаке и извлек оттуда бутылку коньяка.

— Ого! — Яхонтов покачал головой. — Неужели настоящий армянский коньяк?

— Ага, раскатал губу, — засмеялся Илья. — Был когда-то. Подарок от Армагена. Вы его знаете. Давно уже выпито. Сейчас тут настоящий термоядерный реагент.

— Чего?

— Да самогон это. А вот это видал? — Он показал банку соленых огурцов.

— Господи, откуда ты их взял? Сколько им лет?

— Не очкуй, Яхонтов, они в этом году закатаны. Конфедератские Мичурины вывели давно сорт, который можно в подвалах выращивать. Маленькие, конечно, вырастают и горькие, зато в соленом виде живое напоминание о прошлом.

Он поставил банку на свой ящик и откупорил бутылку. В салоне стал ощущаться резкий запах, который напомнил Николаю о вагоне на кордоне мародеров, где он убил Рану.

— У нас в Надеждинске попроще культуры выращивают. Морковку, картофель, свеклу, редис, лук, черемшу. С огурцами не вышло.

— А в конфедерации селекционеры просто чудеса творят. Весь город семена клянчит. Торговля там серьезная. Они только сталкерам из Лужников и «Ирбису» поставляют за символическую плату, в качестве союзнической помощи. Остальные за одно семечко один патрон дают. Правда, однажды отморозки какие-то вареные патроны за семена дали. Которыми стрелять нельзя. Ну, дорого это им обошлось!

— Как? Неужто воевали из-за этого?

— Сами нет. Снарядили меня. У меня старые связи с бандитами одного района. Те еще до ядрены бандитами были. С понятиями своими воровскими. Ну, короче, расклад такой. Я к ним. Дескать, фраера кинули при честном обмене. Устроите им замес, семена ваши. А я возьму причитающуюся плату за наш товар. Ну, вот и все. Сказано — сделано. Так-то вот. Эй, ребята, перебирайтесь к нам в кабину! — Людоед похлопал по окну, ведущему в водительский отсек.

— Другого повода для пьянки не нашли, да? — послышался резкий голос Алексеева.

Варяг и Крест переглянулись. Яхонтов пожал плечами.

— Юра, ты чего? — спросил он.

— Да ничего. Лишь бы жрать. Охрененно замечательный повод, — зло ответил космонавт.

— Ты не с той ноги встал, что ли? Или обозлился на меня за неудобные вопросы по поводу технических характеристик твоей машины? — произнес Людоед. В его тоне, в отличие от Яхонтова, слышалась не то угроза, не то злость.

— Да отстаньте вы от него, — тихо пробормотал Николай. — Вы же взрослые мужики, по полвека прожили. Неужели не понимаете, что для него значил Макаров после всего, что было?

— О, блаженный очнулся. — Крест взглянул на Васнецова. — Ты сам-то хоть будешь?

— Поесть поем. А пойло это не буду.

— Слышь, Варяг. — Илья толкнул искателя локтем. — Не уважает совсем. Есть нечего, блаженный. Это не еда. Это закуска.

— У меня свои запасы.

— Да ладно, Коля. Он шутит. — Варяг хлопнул по плечу Васнецова. — Ну, что там еще пишут в ежедневнике этом? Что там про однофамильца твоего?

— Это не однофамилец, а дядя, — упрямо проворчал Николай.

— Ну, пусть так. Так что еще пишут?

— Не знаю. Отпаривать надо. Дальше листы слипшиеся.

— Дай сюда. — Людоед протянул руку.

Васнецов нехотя отдал записную книжку. Крест достал из своего рюкзака небольшой прямоугольный металлический предмет. В нем были разрезы, делившие его на восемь лепестков. Илья выгнул их по очереди в разные стороны. Получилось что-то с четырьмя ножками, направленными вверх и вниз. Он поставил эту маленькую конструкцию на свой металлический ящик и установил в центр выгнутых вверх лепестков большую белую таблетку. Затем чиркнул спичкой, и эта странная таблетка загорелась синим пламенем.

— Сухой спирт? — спросил Варяг.

— Точно, — кивнул Людоед. Он поставил сверху на огонь плошку, сделанную из плоской консервной банки, и залил в нее воду. Затем приладил сверху записную книжку.

— Эй! Не разводите огонь внутри машины! Совсем ума нет?! — воскликнул обернувшийся Алексеев.

— Спокойно, Юра. Все под контролем, — отмахнулся Крест.

— Да тут есть электрочайник, питающийся от бортовой сети, черт подери вас всех!

— Ну а раньше ты чего молчал? Пусть теперь уже догорает. Ладно, Варяг, давай кружки.

— Слава, вали к ним, я спать лягу тут, — пробормотал Алексеев, толкая сидящего рядом Сквернослова.

— Матюгальник, ты пить будешь? — крикнул Илья.

— Да! — ответил Вячеслав, выходя из лунохода.

Яхонтов поставил на ящик три кружки. Крест стал разливать. Николай смотрел на это действо и почувствовал, что тоже хочет. Его воротило от запаха, но жгучее желание забыться поглотило все. Наверное, в этом есть какой-то смысл? Ведь пили зачем-то люди. Пили зачем-то те люди, которых зарубил Варяг. Да и если вспомнить, как он сам однажды напился... Если отбросить то, что он обмочился, что его рвало, что у него болела голова... Перед всем этим было какое-то блаженство и совершеннейшая беспристрастность в отношении того, что мир вокруг одна огромная могила.

— Налей и мне, — вздохнул он.

Варяг и Крест уставились на Николая. Людоед ухмыльнулся.

— Ну, блаженный. В тебе зверь проснулся?

— Не называй меня так. Просто выпить захотелось.

— Как скажешь, братец. Варяг, подай еще чарочку.

— Держи. — Яхонтов поставил еще одну алюминиевую кружку. — Я что-то не понял. Где там Славик пропал? Юра, открой аппарель!

Кормовая дверь зажужжала и стала опускаться. Вместе с холодом в нее влетел и Сквернослов.

— Ты чего там так долго? Мы уж подумали, что тебя зверьки покушали, — хихикнул Крест.

— Отливал. Надо же место под бухло освободить, — дрожащим от холода голосом ответил Вячеслав.

— Пьянь подзаборная, — еле слышно пробормотал Юрий и, закрыв аппарель, лег спать, растянувшись на сиденьях передней кабины.

— Ну... — Крест поднял свою кружку.

— Ты погоди. Огурцы-то открой. — Яхонтов кивнул на стеклянную банку с закуской.

— Славик, открой. — Илья подвинул банку к Сквернослову. — Ладно, други. Неведомо нам, что есть по ту сторону жизни. Неведомо нам и все, что есть по эту сторону. Но чем больше

познаем, тем больше надежд на то, что есть загробный мир. И что он много лучше. Как бы там ни было, ежели и существует рай, мне в него точно никогда не попасть. Но Андрей. Настоящий русский офицер. Человек благородной и возвышенной профессии — космонавт. Рыцарь, одержимый благородной идеей спасения мира, этот рай по праву заслужил. Давайте выпьем за то, чтобы он обрел долгожданный покой и не волновался за цель его жизни. Ибо мы сделаем то, что задумано. Даже если нам неведомо, ради чего это делать, но во имя его памяти мы обязаны. Будем.

Он качнул рукой и выпил залпом.

— Будем, — кивнул Варяг и повторил его жест.

Вячеслав и Николай выпили молча.

Жуткое жжение охватило рот и пищевод Васнецова. Он открыл рот, пытаясь глотать воздух, но почувствовал, что сейчас все, что он в себя влил, выплеснется наружу, прихватив с собой все то, что он за сегодня съел.

— Ну-ка закуси, быстро! — Людоед ткнул ему огурцом в нос. — Давай! Понюхай и заешь!

Николай сделал все, как сказал Крест, и ему стало легче.

— Может, Юру все-таки позовем? — спросил Вячеслав, морщась от выпитого.

Алексеев задвинул стекло, закрывая соединяющее отсеки окно, и зашторил его со своей стороны плотной матерчатой шторой.

— Это было его категорическое «нет», — покачал головой Илья. — Ну да ладно.

Он стал снова разливать.

— Там еще на два раза осталось? — поинтересовался Сквернослов, глядя на бутылку.

— Не бойся. У меня еще есть. Да и у Варяга что-то в загашниках имеется. Так?

— А мы что, вусмерть упиться должны? — хмыкнул Яхонтов.

— Это как получится.

Варяг покачал головой и взял вновь наполненную кружку.

— Я мало знал Андрея. Он всегда был неразговорчив и сосредоточен. Однако я сразу понял, насколько это сильный духом человек. И горе его... Его дочь, Ульяна... Пусть на том свете они будут вместе. И пусть высшая сила примирит их. Пусть он обретет там потерянную семью. Спи спокойно, Андрей.

Варяг выпил залпом и даже не поморщился. Только закусил густые соломенные усы, крякнул и закинул в рот соленый огурец.

Сквернослова перекосило, и он дернул головой. Николай поднес кружку ко рту и взглянул на Людоеда. Тот задумчиво смотрел в свою чарку. Потом мотнул головой и выпил. Васнецов наконец сделал невыносимо трудный глоток и, закусив, снова взглянул на Людоеда. Тот поймал на себе его взгляд.

— Ну и что ты так смотришь, будто я тебе денег должен? А? — тихо спросил Илья.

— А чего это ты помрачнел и осунулся? — хмельно улыбнулся Николай. — Имя Ульяны тебе покоя не дает?

— А ты все не угомонишься, блаженный? Я спокоен как дерево. Так что не суетись. И вот еще что. Я убил зомби, которая была врагом и убийцей Андрея. Это она в другом мире и в другой жизни была славной девочкой Ульяной. А вот ты, блаженный. Кого ты убил? Инвалидку, у которой никого, кроме ее отморозка отца, не было. Несчастную девку взял и грохнул. Так что не надо скрипеть зубами и изображать из себя святую невинность. Понял?

— Откуда ты... Славик, ты ему рассказал?!

— Чего? — Сквернослов устало и отчужденно посмотрел на брата.

— Ну-ка угомонитесь все, — нахмурился Варяг. — Коля, тебе, по-моему, хватит.

— Что? Да я только начал. А ну, Ахиллес, налей мне еще.

— Ну ладно, — захихикал Крест, наливая ему самогон.

— Васнецов! — Яхонтов повысил голос. — Ты забыл, что в общине до тридцати лет алкоголь употреблять запрещено, если радиации не подвергся?!

— Мы не в Надеждинске, Варяг, — огрызнулся Николай. — И быть может, уже никогда туда не вернемся. Тем более я в зоне поражения был. И в метро. Мне положено.

Он выпил налитое залпом и зажмурился. Затем открыл глаза и почувствовал, как все вокруг плывет. Это забавно... Он усмехнулся, чувствуя, что ему, быть может, впервые по-настоящему хорошо. Жизнь прекрасна... Мир... Ну какой бы он ни был... Все так здорово... Все равно все здорово...

— Не очкуй, Яхонтов, все ништяк, — сказал вдруг он.

— А ну следи за базаром, юноша. — Варяг зло посмотрел на Николая. Затем взглянул на Людоеда. — Он же готов уже. И зачем надо было это делать?

— Делать что? Я что, насильно в него заливал? Сам захотел. Да чего ты переживаешь? Пусть расслабится малец.

— Я вам не малец! — крикнул Васнецов. — Ишь... Нашли маленького...

— Успокойся, салага, годковщину на флоте никто еще не отменял, — засмеялся Крест.

— Да иди ты... Наливай еще.

— Да, давай, — поддержал брата Вячеслав.

— Куда гоните, бесы? — Яхонтов посмотрел на них осуждающе.

Николай махнул рукой и поднял кружку.

— Мы все умрем, вопрос лишь в том, как встретим эту смерть. Упавши на колени иль гордо ей в глаза смотреть. — Васнецов вздохнул и с силой потер лицо свободной ладонью. — Мир его праху. Будем.

Он снова выпил и, прислонившись спиной к стенке, прикрыл глаза. Дурман окончательно окутал его сознание.

Он чувствовал гамму странных ощущений, тягучих как смола. Какая-то странная радость, овладевшая им минуту назад, растворилась. Все звуки стали слышаться откуда-то издалека. Даже сложно было понять, что говорит сидящий рядом Варяг. Мысли погрузились в эту тягучую смолу и лениво там плавали. Иные затягивало в бездну. А иные вытягивали оттуда горькое воспоминание похорон умерших от черного дождя людей. Образ отца. Высокого. Сильного. Но очень грустного и задумчивого. Профессор Третьяков. Старый тщедушный человек, который так надеялся на успех их миссии. Погибающий Гусляков. Раненый Эмиль в лазарете. Славик... Что там Славик... Ах да... Вот он обнимает грязный сверток перед отбытием из Надеждинска. А в свертке перемешанные с бетонной пылью и куклой останки Алены... Черная тень, выпрыгнувшая из сгоревшего вагона. Морлоки. Жуткие и грязные... Их жертва... Глаза Нордики... Ее ручной люпус... Пчелка... Андрей... Какой во всем этом смысл? Какой, к черту, смысл во всем этом? Какой урод стрелял в него возле Дома Советов? Николай запустил руку под одежду и нащупал висящую на груди пулю, которую из него извлекли. Почему не в сердце? Почему не в голову? Как погано...

— Черт... Выпустите меня наружу... — прошипел Васнецов, сжав зубы.

— Блеванет сейчас, — покачал головой Людоед и стал открывать шлюз.

Николай зажал ладонью рот и быстро нырнул в люк. Судорожно нащупал рычаг и стал открывать внешнюю дверь. Ледяной холод ударил в лицо и мгновенно пронзил его миллионом игл. Васнецов вывалился из лунохода, и жуткий спазм, словно разрывающий его спину, выплеснул из него содержимое желудка.

Позади послышался скрип снега. Щелчок затвора автомата. Еще один. Какая-то возня. Николай слышал это, но сейчас ему было совершенно наплевать на то, что происходит за его спиной. Его снова и снова рвало.

— И этому тоже хреново, — послышался знакомый голос Людоеда.

— Нормально-о-о... блин... — Это был голос, похожий на Вячеслава. Кажется, он был пьян.

— Погляди за этими дураками. Я вокруг осмотрюсь, — сказал Варяг.

Все в порядке. За спиной свои.

— Эх, блаженный. — Крест оттащил Николая в сторону, поскольку на старом месте все было забрызгано рвотной массой. — Пить ни хрена не умеешь. Экую мозаику ты тут выложил. Прямо картина Пикассо. — Он засмеялся.

— Иди к черту, — нашел в себе силы сказать Васнецов, и его снова свела судорога и рвотный спазм.

— Ну, ты пока порыгай. А я отолью. Я же говорил, что это настоящий ядерный реагент. Вот если им помочиться, то прожжет землю до ее ядра. — Он снова засмеялся и отошел в сторону.

— Землю... Землю... говоришь... прожжет... ах ты скотина...

Николай перевернулся на спину и распластался на снегу. Он взглянул на черное небо. Потом на луноход. Все плыло перед глазами, но ему показалось, что из двух цилиндров на корпусе сейчас торчат антенны, которых раньше он не видел. Да какая, собственно, разница... Он прикрыл глаза.

— Рана... — прошептал Николай. — Рана, почему ты меня покинула... Рана... Я люблю тебя... Где же ты... Почему больше не приходишь? Почему? Ты тоже любишь сволочей... А я не сволочь... Хоть и убил тебя...

Он услышал шипение. Очень знакомое громовое и шипящее дыхание. А еще звон в ушах, сквозь который доносился скрип качелей. Николай снова открыл глаза и оторопел. Возле лунохода стоял Людоед и о чем-то разговаривал с Нордикой,

сидящей верхом на люпусе. Рядом находился Варяг, который беседовал с... с великаном из метро. Яхонтов что-то говорил, а этот монстр только кивал заключенной в дыхательную маску и капюшон головой и шипел, бряцая своим пулеметом. В стороне живой Андрей Макаров обнимал свою живую дочку Ульяну, а та улыбалась и плакала. А возле открытого шлюза ворковали Вячеслав и Рана...

— Как это... — пробормотал Васнецов. — Как это? Вы разыграли меня все? Вы все сговорились? Суки-твари-мрази-падлы!!! Ненавижу!!! — заорал он.

Рана обернулась и бросила на него презрительный взгляд. Затем вернулась к общению со Сквернословом.

— Убью, гнида! — Он вскочил и кинулся на Вячеслава, но тут же упал.

— Коля, ты что творишь?! — Людоед схватил его и стал растирать по лицу Николая снег. — А ну, угомонись.

— Вы все меня как лоха развели, скоты! Я вас всех ненавижу! Убью!

— Убьешь, только завтра. А сейчас угомонись и в себя приди!

— Да пошел ты! Пошел ты!

Он даже не обращал внимания на то, что все эти призраки в виде Раны, Пчелки, Андрея, Нордики и оборотня исчезли. И Сквернослов скрылся уже в луноходе. Николай был одержим, а все остальное было не важно.

— Что за хрень с ним такая! — воскликнул подбежавший Варяг.

— А что, непонятно? Парня посетила синяя белка. Пить ему нельзя совершенно.

— А я что говорил?!

— Допились, бараны? — послышался голос Юрия.

Из шлюза снова показался Сквернослов. Это было странным, но в его руках плясали языки пламени.

— Записная книжка горит! — закричал он и кинул горящий блокнот на снег.

— Сволочи! — кричал Николай и, закидав огонь снегом, схватил записную книжку и прижал ее к себе. — Ты! Ты, Людоед! Ты специально ее на огонь положил! Ты сжечь ее хотел!

— Да ты умом совсем тронулся, блаженный.

— А вот идите вы все к такой-то матери! — Васнецов вскочил и бросился бежать, по пояс проваливаясь в снег.

— Куда! Стой, дурак! — вдогонку ему кричал Яхонтов.

Не видя ничего вокруг и перед собой, он бежал, казалось, целую вечность. Пока что-то гулко не громыхнуло под утопающими в снегу ногами и он не поскользнулся на каком-то металлическом листе. Упав в снег, он машинально стал щупать рукой, в надежде понять, что это такое. Когда до его сознания стала пробиваться мысль, что это погребенный под снегом автомобиль, Николай окончательно провалился в пьяное небытие...

— ...Весело погудели, — раздался голос Людоеда.

— Зато сейчас как хреново, — простонал Сквернослов.

— Ну, братец. Два раза хорошо не бывает.

Николай приоткрыл глаза. Он лежал внутри лунохода, все еще прижимая к себе обгоревшую записную книжку. В смотровые щели уже пробивался дневной свет. Варяга не было видно. Хотя нет. Вот он, лезет в шлюз.

— Ну что, Яхонтов? — Людоед взглянул на него.

— Так и есть. Там джип под снегом. Сейчас погреюсь, возьму лопаты и опять с Юрой пойдем. Попробуем откопать. Может, что полезное там.

— А следы крови? Я точно видел неподалеку следы крови.

— Как ты вообще мог что-то в темноте разглядеть?

— Ну, сейчас ведь день, — усмехнулся Крест.

— Но ты заметил их ночью.

— Ну так что. Была кровь?

— Да, есть. И свежая. Пока мы тут бухали, кого-то в полусотне метров от нас растерзали. Крови много. И потом оттуда дорожка человеческих следов уходит. Вроде двое.

— Может, охотники зверя завалили?

— Там Юра нашел рукавицу. А я окровавленный кусок пальто.

— Ну... Может, они поцапались с этим зверем?

— Да, но только... Похоже, зверь этот на лыжах шел.

— То есть?

— Лыжная колея и следы двух пар человеческих ног сходятся на одном месте. А уходят оттуда только две пары ног. Что с лыжником? Его это растерзали. Как пить дать, — ответил Варяг. — И утащили с собой. Но кровь ему на месте слили всю.

— Так. Это уже интересно, — хмыкнул Крест. — Славик. Але, Славик, слышишь?

— Ну... — нехотя отозвался Сквернослов.

— Вот ты скажи, ты когда из водительской кабины к нам переходил, отчего на улице задержался?

— Я же сказал. По нужде.

— А вот я что-то следов твоей жизнедеятельности возле луноход не наблюдал. Ты ведь слышал что-то?

— Ну, слышал, — вздохнул Вячеслав.

— И что ты слышал?

— Кто-то вдалеке звал на помощь. Или просто кричал. О пощаде молил. Не разобрать было.

— Славик, скотина ты эдакая! — воскликнул Яхонтов. — И ты только сейчас об этом говоришь?

— А что мне было делать? Ты вспомни, Варяг. Нас уже один раз позвали на помощь. Возле Балашихи. И что в итоге? Попали в плен к этим стервам, и Андрей погиб. Ну и на кой черт мне было суетиться?

— Идиот, ты хоть понимаешь, что из-за тебя человек погиб? — рявкнул Варяг.

— Из-за меня?

— Из-за бездействия твоего!

— А зачем надо человеку кровь сливать? — подал наконец голос Николай.

Все посмотрели на него.

— В гастрономических целях, — ответил ему Яхонтов. — Так людоеды обычно поступают. Верно, Людоед?

Крест усмехнулся.

— Ну да, — кивнул он. — Только не такие, как я, конечно. А те, что людей едят.

— А что, бывают и такие, как ты? — скривился Варяг.

— Да нет. Я такой один. Двум таким будет слишком тесно на этой планете. Был подобный мне... Ну да не важно. Пошли джип раскапывать.

— Да. Только надо начеку быть. Если в этом районе орудуют людоеды.

— В этом районе теперь я орудую, — усмехнулся Крест. — Вообще странно. Вроде кругом леса. Хотя, может, деревушка тут какая поблизости. И может, не одна. Если сунутся к нам, пожалеют. Но тем не менее надо осмотреть поскорее джип и убираться отсюда дальше. Меня еще один вопрос занимает.

— Какой?

— Юра в кабине?

— Нет. На улице. Этот вопрос или какой? — Яхонтов засунул в карманы пару гранат и еще один рожок к автомату.

— Ты ночью не обратил внимания, что на луноходе антенны были выдвинуты?

— Нет. Все внимание на этих алкашей ушло. — Он кивнул на Николая.

— Я заметил, — буркнул Васнецов.

— Ты еще мог что-то замечать? — засмеялся Илья.

— Вообще-то я ничего толком не помню. Но это запомнил. А джип... Я там упал, да?

— Верно. А говоришь, не помнишь. Ну, это все мелочи. А вот антенны, это интересно. Их ведь никто, кроме Юры, выдвинуть не мог, так?

— Да, — кивнул Яхонтов.

— Ну и зачем он это сделал?

— Да откуда я знаю? После спросим. Ты идешь?

— Много вопросов к Юре, — хмыкнул Людоед, вставая. — И про броню эту странную, и про все другое прочее. Ладно. Пошли.

— Я с вами, — буркнул Николай.

— Да на тебе лица нет, — поморщился Варяг.

— А зачем лицо... Я же не рожей откапывать этот джип буду. Просто, может, на холоде мне полегчает.

— Разумно, — кивнул Илья. — Только автоматик прихвати.

Кровавые следы напоминали о растерзанном червем белом медведе. Только в меньших масштабах. Тут действительно произошло что-то странное. И буквально в десяти шагах от погребенного под снегом автомобиля. Если бы Николай не побежал сюда, то путешественники так и не узнали бы, что здесь произошло какое-то жуткое действо.

— Да, Коля, ну и везунчик ты, — хмыкнул Крест, откидывая саперной лопаткой снег от машины.

— Это почему?

— На сто верст вокруг одна глухомань. Но ты умудрился наступить на этот джип. Шанс один из миллиона. В другом мире тебе лотерейные билеты покупать стоило бы. Непременно бы выиграл...

— Там есть кто-то, — пробормотал остановивший раскопки Варяг.

Все заглянули в раскопанное ветровое стекло. На переднем сиденье виднелись разложившиеся останки человека за рулем. На заднем сиденье тоже останки. Похоже, это мать, прижимающая к себе ребенка. Такое жуткое зрелище снова вызвало в Николае рвотные позывы. Он отвернулся.

— Они что, так прямо и умерли в машине? — спросил Людоед, глядя внутрь.

— Похоже. Только от чего? Она заперта. И стекла целы.

— Ты фон замерил?

— На поверхности в норме. Сейчас машину замерю. — Яхонтов достал дозиметр.

— Ну что? — качнул головой Илья спустя некоторое время.

— Завышен. До сих пор выше нормы. Но нам не опасно, если мы жить в этой тачке не останемся. Я думаю, это смерть под лучом. Мгновенная смертельная доза.

— Наверное, ты прав. Хотя не пойму, что тут бомбить. Лес кругом.

— Может, тут бункер какой или что-то в этом роде?

— Не исключено... Глянь! — Крест ткнул пальцем в стекло.

— Что там?

— Фотоаппарат. Видишь? Да это же «Зенит». Ей-богу! — Людоед улыбнулся. — Я в детстве фотографией увлекался. У меня старенький «ФЭД» был и крохотный такой «Агат». А о «Зените» я все детство мечтал.

— Ну, забирай. — Варяг вздохнул. — Этой семье он уже не понадобится.

— Простите, усопшие друзья, — произнес Крест и выбил прикладом лобовое стекло. Затем пролез в него и достал фотоаппарат. — Опа!

— Что там еще?

— У водилы в ногах видеокамера валяется. Похоже, семья на отдыхе была. — Илья выбрался из машины, держа в руках оба предмета. — Камера цифровая. На дисках маленьких.

— Рабочая? — спросил Николай.

— Да ты что, парень. Нет, конечно. А вот фотоаппарату ничего, я думаю, не сделалось. Может, только экспонометр накрылся. — Крест ковырнул ножом крышку видеокамеры. — Тут диск есть. Интересно, что на нем?

— У Юры в кабине привод есть в бортовом компьютере, — сказал Яхонтов.

— Точно?

— Ну, вроде да. Там и принтер у них, и еще бог знает что. У него, вернее...

— Так. Может, и сможем посмотреть. Хотя на морозе диск давно мог испортиться. А вот пленка в «Зените»... Эх, все равно проявлять негде.

Он открыл крышку. Как и предполагалось, внутри была фотопленка. Она, естественно, засветилась. Крест вытянул ее и внимательно осмотрел.

— Глянь, Варяг. В трех кадрах прогоревшие дырки. Как это так? С чего внутри пленка прогорела?

Яхонтов внимательно осмотрел пленку и нахмурился.

— Знаешь, что он фотографировал?

— Что?.. О господи... Неужели... — Теперь нахмурился и Крест. — Это ядерный взрыв...

24
АРТЕЛЬ

Огонь пощадил бесценные страницы дневника офицера объекта противоракетной обороны Москвы под названием «Субботний вечер». Обуглились края страниц, и немного обгорел корешок. Николай благодарил судьбу за то, что дневник уцелел. Он не только не сгорел, но и не потерялся, когда пьяный Васнецов бросился бежать неизвестно куда. Варяг нашел этот ежедневник и вернул его Николаю. Для Васнецова это был не просто старый блокнот. Он являлся хрупким и тонким мостком между прошлым и настоящим. Ключик к пониманию многого из того, что еще недавно понять было невозможно. Связующая нить между ним и родным дядей, который, как оказалось, когда-то у него был. В эти расплывшиеся строки и потрепанные временем страницы неизвестный человек вложил столько своих чувств и переживаний, что они казались осязаемыми. Для Николая это воспринималось как Священное Писание, открывающее сакральные тайны их мрачного бытия и порождающее новые вопросы и эмоции, которые помогали видеть смысл в своем существовании. Как ни странно, огонь, в совокупности с паром, помог раскрыть слипшиеся страницы. Теперь Васнецов осторожно перелистывал их, с удовлетворением отмечая, что текста там еще в достатке и чтение закончится нескоро. Однако он не торопился читать. Сказывалось плохое самочувствие после пьянки. И хотелось дождаться того душевного состояния, которое будет располагать к чтению и лучшему восприятию того, что хотел сказать этот человек. Ведь в этих строках была заложена не просто хронология событий и взгляд на них автора, но и некая, как считал Николай, духовная сила, которая подобно притче помогала лучше понимать события дней сегодняшних и весь окружающий мир.

— Мужики вернулись. Юра, открывай, — послышался из передней кабины голос Сквернослова.

Аппарель опустилась, и в луноход забрались Людоед и Варяг, которые решили дополнительно исследовать оставленные в снегу следы людей, напавших на лыжника.

— Метрах в пятистах от того места их собачья упряжка поджидала и еще один человек, — сказал Яхонтов своим товарищам.

— Да, — кивнул Крест. — А эти двое, пока жертву тащили, потеряли одну его лыжу. Видимо, в темноте не заметили пропажу да так и уехали. Лыжа хорошая. Спортивная. Норвежская. На ней, кстати, тоже следы крови.

— И где она? — спросил Николай.

— Да выкинули. Куда ее? Одна ведь. Была бы пара, так цены не было бы. А так... Ладно, Юра, поехали. — Крест, по обыкновению, хлопнул ладонью по окошку и стал расстегивать свою черную шинель.

Алексеев повернулся и взглянул на Людоеда.

— Вообще-то, у нас изначально командиром является Варяг, — недобрым тоном произнес космонавт. — Чего ты раскомандывался?

— Ох, как меня тут все любят, — покачал головой Крест и усмехнулся. Затем взглянул на Яхонтова. — Какие будут распоряжения, командир?

— Поехали, Юра.

Машина тихо заурчала и продолжила свой путь на восток. Точнее, в ту сторону, которая когда-то была востоком.

— А может, Варяг, ты по праву командира все-таки задашь товарищу Алексееву вопрос: какого лешего из машины ночью антенны торчали?

— Ты, Людоед, уличить меня в чем-то хочешь? — резко сказал Юрий. — Я пытался связаться с нашим кораблем и никакого секрета из этого не делаю.

— Ну и как? Связался?

— Был очень слабый сигнал. Но ничем иным, кроме нашего корабля, это и не могло быть.

— Почему?

— На орбите нет больше ничего, кроме мусора. С началом глобальной войны важно было немедленно вывести из строя всю спутниковую группировку противника для каждой из сторон. Особенно болезненно это сказалось на военном потенциале

НАТО. Уж очень они продвинуты были по части высоких технологий и глобальной спутниковой связи. А значит, и зависели от этого. Короче, людям мало было воевать на Земле. Им вздумалось выжечь и орбиту тоже. Все этим охотно занялись. А мы на своем корабле были достаточно далеко от Земли, чтобы уцелеть.

— А мы с Надеждинском связаться можем при помощи этой рации? — спросил Сквернослов.

— Нет, конечно. Здесь-то рация достаточно мощная, но у вас в общине мощности поменьше. Там радиостанции полевые. И не забывай, что наша планета круглая, а не плоская. Нам помешает поверхность Земли. Конечно, можно по формуле вычислить, на какую высоту надо поднять антенну, чтобы послать сигнал в Надеждинск, с учетом пройденного от него расстояния. Но помимо этого, еще между нами есть холмы, а это тоже препятствие для радиоволн.

— А через твой звездолет нельзя вещать на тот город? — поинтересовался Людоед.

— Нет. Там частоты другие. Закрытые. Можно включить режим общих частот, но для этого надо находиться на корабле. А это невозможно.

— Ну а зачем ты хотел с кораблем связаться?

— Он продолжает в автоматическом режиме наблюдать за планетой. Интересно, какие изменения произошли после нашего последнего сеанса связи.

— И что?

— Да ничего. Сигнал битый был. Слабый. Много помех в атмосфере. Магнитные бури или еще черт знает что.

— А может, ты что-то недоговариваешь? — Людоед как-то лукаво посмотрел на космонавта.

— А что мне утаивать? — зло ответил Юрий. — Тебе кругом заговоры мерещатся. Ты в своей жизни вообще кому-нибудь доверял хоть раз?

— Разумеется, нет, — усмехнулся Илья, — потому и выжил.

— Примерно такой ответ я и ожидал услышать, — вздохнул Алексеев.

— Ты еще планируешь связываться? — вмешался в разговор Яхонтов.

— Завтра попробую. По моим подсчетам, корабль должен будет пролетать как раз над нами.

— А почему он не падает? Он же все мыслимые рекорды побил, — продолжал расспросы Людоед.

— Орбита высокая. Он упадет, но не скоро.

— Понятно. — Крест снял берет и почесал свои темные с сединой волосы. — Эх, помыться бы сейчас. Может, попадется какой-нибудь городок с выжившими. Надо там себя немного в порядок привести. А то еще вшами обрастем, чего доброго.

— Откуда им тут взяться? — проворчал Алексеев.

— От людей, дружище, — усмехнулся Крест. — Или твоя чудо-машина и от паразитов защищена? После того, что я узнал о ее броне, я и этому не удивлюсь. — Он снова лукаво взглянул на космонавта.

Николай понял, что Илья пытается разговорить Юрия и выведать у него интересующую информацию. Однако Юрий был тоже не прост.

— Я тебе уже говорил. Не я создавал эту машину. Так что вопросы по ее характеристикам не по адресу.

Людоед покачал головой.

— Ну-ну...

Вопрос по луноходу так и остался пока открытым.

Васнецову стал неинтересен этот разговор, и он вернулся к изучению записной книжки...

...Электроэнергия вновь стала подаваться в полном объеме примерно через пятнадцать минут после удара. Сейсмографы доложили, что взрыв был в полукилометре от нас и мощность его составила более ста килотонн. Хотя это далеко не точные расчеты. Аппаратура старая. Какие-то узлы вышли из строя в момент взрыва. Однако теперь это имело лишь второстепенное значение. Ясно одно, военный городок рядом с нами стерт с лица земли. Метеостанции больше не существует, и выход на нее из нашего бункера завален, что, в принципе, и должно было произойти по плану в случае удара. Теперь все, что нас связывало с внешним миром, это тоннель метрополитена...

Васнецов остановился, вперив взгляд в последнее слово. Метрополитена... Что-то магическое было в этом. Он не мог заставить себя читать дальше, переживая вновь и вновь свой визит в московское метро и странный сон, в котором ему явилась Рана, устроившая ему что-то вроде экскурсии по часу заката цивилизации. Вернее, ее полного краха, ознаменовавшегося всеобщим безумием и всполохами термоядерного пожарища...

— ...И что дальше? — Полковник Коновалов пристально посмотрел на старшего контролера, который сидел за столом в кабинете старшего дежурной смены и, вонзив пальцы левой руки в свои светло-русые волосы, угрюмо смотрел в паркетный узор покрывающего пол линолеума.

— Все вышло из-под контроля, — вздохнул он. — Все пошло далеко не по плану.

— У этого безумия еще и план был? — усмехнулся подполковник Владимир Васнецов.

— Разумеется, — устало кивнул контролер. — Просто все предусмотреть не вышло. Нам поступила оперативная информация. Но мы не успели ее разработать до конца.

— Что там было? — спросил Коновалов.

— Помните, в две тысячи втором году террористы захватили театр в столице? Три дня весь мир смотрел за этим чудовищным представлением. Все службы были брошены на разрешение ситуации. Весь город... Да что там. Вся страна во всех тяжких подозревала южан. А в это время люди с внешностью отнюдь не кавказской закладывали некие устройства в столичном метро. Никто не обращал на них внимания. Некому и проверять их было. Все умы были заняты театром, приезжими с юга и сотнями заложников. Что и говорить. Весьма грамотная и далеко идущая акция.

— Так что, это все дело рук террористов? — удивился Васнецов.

— Нет. Террористы лишь инструмент. Расходный материал. Патроны в обойме. А вот за спусковой крючок кто дергает, это совсем другой уровень. Бедолаги даже не подозревают, каким целям и идеалам они иной раз служат.

— Вы что, террористам сочувствуете?

— Вовсе нет. Но если бы люди часто прислушивались к голосу разума и здравого смысла, то террористов было бы гораздо меньше. Наша страна после поражения в холодной войне оказалась в очень бедственном положении. Десятилетия на железный занавес давила лавина разрушительных процессов и замыслов. И когда этот занавес открылся, она хлынула внутрь. На нашу Родину. В наши дома. Какова плотность иностранной разведывательной и диверсионной агентуры на постсоветском пространстве, сложно вообразить даже мне, офицеру самой могущественной и засекреченной спецслужбы страны. И они, эти агенты, взяли в оборот наших доморощенных террористов.

Обиженных на жизнь. Опустившихся до низшего уровня. Агенты разные. Даже из захудалых стран третьего мира или бывших «братских» республик и государств. Все, кому не лень. У нас в стране после пресловутых очередей за колбасой, нищеты и постперестроечного мракобесия образовалась не просто пятая колонна. Это настоящий пятый легион.

В дверь кабинета постучали.

— Да! — громко ответил Коновалов.

— Товарищ полковник! — В открывшейся двери показался молодой испуганный офицер с погонами старшего лейтенанта. — Разрешите?

— Что случилось?

— Появилась связь с объектом «Среда» и с двумя подлодками в Северной Атлантике.

— Иду, — кивнул полковник. — Разрешите? — Он взглянул на контролера.

— Да. Конечно, — качнул рукой тот. — Занимайтесь своим делом.

Старший контролер проводил взглядом Коновалова и, когда за ним закрылась дверь, обратился к Васнецову.

— Наверное, хорошо, Владимир, что мы сейчас одни остались.

— Да? — удивился подполковник. — Что же вы хотите мне сказать такого, что не хотели говорить при моем начальнике?

— Я хочу вас завербовать, — прямо и честно заявил старший контролер.

— Что? Как это? Разве мы не одному делу служим?

— Это само собой. Но кто и как понимает суть службы? Мы служим нашему работодателю, то есть своим министерствам? Мы служим политическому режиму? Или все-таки России?

— А как вы думаете? — нахмурился Владимир Васнецов.

— Послушайте. Все, что я вам сейчас скажу, должно остаться тайной, невзирая на ваше решение.

— Любопытно...

— Не перебивайте. Ваше легкомысленное отношение к секретности может повлечь вашу гибель. И вы должны это четко осознавать.

— Вы угрожаете мне?

— Я предупреждаю. Сейчас особый период и властвуют особые законы и правила. Война внесла свои коррективы в нашу жизнь.

— Я офицер. Офицер режимного объекта. Я знаю, что значит держать язык за зубами.

— Вот и славно, — кивнул контролер. — Так вот. Есть определенный список людей, составленный нами довольно давно и лишь корректируемый со временем. Этот список сделан на случай большой войны, которая, увы, началась. Так вот, все эти люди подлежат уничтожению. Разумеется, негласно.

— И кто это? — Васнецов был озадачен таким поворотом.

— Среди них политики. Даже представители правительства, Государственной думы, министерств и ведомств. Местных властей в регионах. Неправительственных организаций. Влиятельные журналисты и даже некоторые деятели культуры, кое-кто из олигархов. Есть и высшие военные чиновники, и представители силовых структур. Ну, с силовиками разберутся наши люди в этих ведомствах. А вот в этом блокнотике, — контролер достал небольшой блокнот из внутреннего кармана своего пиджака, — тут люди, которых вы имеете право ликвидировать, если даете согласие стать одним из наших чистильщиков. Это люди, которые в мирное время, мягко говоря, бесполезны, а в военное — опасны. Нами давно проанализированы их взгляды на жизнь и возможные модели поведения в особый период, который настал. Это пятая колонна. Пятый легион.

— Вы хоть понимаете, что предлагаете мне? — нахмурился Васнецов.

— Разумеется, понимаю. Главное, чтобы вы меня поняли. И поняли правильно.

— Я офицер, а не убийца!

— Вы военный, Владимир. А военный — убийца по определению. Вы ведь с тем же успехом, с каким являетесь офицером объекта противоракетной обороны Москвы, могли быть дежурным в ракетной шахте, где покоится, ожидая черного дня, десятиголовый «Сатана» — «СС-восемнадцать». Или командиром расчета передвижной пусковой установки «Тополь-М». Или пилотом бомбардировщика. Выполнение вами в тех условиях своего долга не делало бы вас убийцей? Да и простой солдат, вжимающий спусковой крючок своего АКМ?

— Вы передергиваете, товарищ, не знаю, как там вас по званию. То верность присяге... Война... Солдатский долг...

— Война. Совершенно верно. Война, — спокойно кивнул контролер. — Именно война и началась. Но разве не должен верный присяге и Родине воин уничтожать как внешних вра-

гов, так и внутренних во имя достижения победы и спасения своей страны? Неужели эти несколько десятков аморальных человек достойны вашего сочувствия, а миллионы безвинных иностранцев, на кого падут наши ракеты, недостойны этого? Или знать в лицо человека, которого должен убить, и смотреть ему в глаза намного тяжелее, чем нажать на кнопку и не видеть, сколько детей, женщин, стариков и домашних кошечек с попугайчиками это действие превратит в пепел?

— Я не нажимал кнопку!

— Но если бы вы были дежурным в ракетной шахте или командиром «Тополя», разве вы не нажали бы ее, как того требует от вас долг перед Родиной и данная ей клятва?

— Почему вы сами этого не сделаете? У вас же такая могущественная спецслужба, как вы говорите...

— Знаете, Владимир, в чем импотенция власти и внешней политики в нашей стране? — Контролер усмехнулся. — В маленьких размерах главного органа. Органа насилия. У нас, при огромных размерах страны, безобразно маленькая армия. Маленький бюджет спецслужб. Маленький штат этих самых служб. И оклады, простите, несоразмерны задачам. Кто-то у нас боится, что большая и сильная армия и гигантский монстр, подобный былому КГБ, снова подорвут экономику страны. Хотя это еще вопрос, что именно подорвало экономику былого СССР. Огромная и мощная армия и военные расходы? Воздействие внешних подрывных сил с привлечением внутренних подрывных элементов или откровенная тупость, пассивность, инертность и маразм провонявших нафталином кремлевских старцев, которые похоронили великую идею под грудами блестящих побрякушек, торжественно навешиваемых друг на друга, и под тоннами макулатуры с победными прокламациями в честь достижений очередной пятилетки? Именно слабость нашей страны в военно-политическом и разведывательном отношении привела нас к тому, что сегодня произошло. Нет в мире баланса. Нет равновесия. Никто не спорит с тем, что в Союзе была уйма проблем и недостатков. Но теперь-то все иллюзии насчет того, что нашу жизнь хотели сделать лучше, рассеялись окончательно. Нас должны были выбить из седла, и они это сделали. И дело не в идеологии. Наша страна при любой власти и во все времена была бельмом на глазу для тех, кто жаждал мирового господства. Наша утраченная сила могла бы удержать некоторые горячие головы от этого хаоса. И поэтому нам не

удалось вовремя предотвратить удары по метро, а значит, и по столице, которые буквально нас обезглавили. Именно предчувствуя это, нами был разработан план создания специального резерва из числа патриотов. Мы занимались этим последний год и особенно этот месяц. И продолжаем, как видите. Нам нужна помощь наших благонадежных граждан. Не думайте, что мы хотим сделать кровавую работу чужими руками. Мы тоже в этой связке. Но любая помощь, особенно от военных профессионалов, нам просто необходима. Этот секретный план носил безобидное название «Артель». Но цели широки. Подумайте, после наступившего периода кто-то должен будет брать бразды правления в свои руки. Кто-то должен будет повести за собой народ и возрождать разрушенное. И кто это будет? Может, эти люди? — Он кивнул на блокнот. — Те, кто может вообще нас привести к полному и безоговорочному поражению. Или другие? Истинные граждане своей страны, для которых существует понятие «Родина» и кто не продался с потрохами золотому тельцу и собственным алчным амбициям?

— Могу я взглянуть?

— Конечно. Посмотрите. На каждой странице фотография и краткое досье. Только открывается он при помощи маленького замка. Если попытаться вскрыть блокнот, минуя его, то в обложке и корешке лопнут микрокапсулы и кислота уничтожит страницы из специальной бумаги раньше, чем вы успеете на них взглянуть. Код замка — два-два-ноль-шесть-два-ноль-один-два.

Подполковник осторожно набрал цифры и стал листать блокнот, глядя на легко узнаваемые лица довольно известных людей. Он иногда качал головой, в такой сдержанной форме выражая свой шок от того, кто был занесен в этот список приговоренных.

— Постойте, но из-за этого человека посадили в тюрьму офицера, который покушался на его жизнь! — Он указал на одну из фотографий.

Контролер лишь улыбнулся.

— Теперь другие времена. Теперь не посадят. К тому же многие из них, наверное, уже мертвы, попав под удары. Но если кто-то из них вдруг заявит о себе, он должен быть вычеркнут из списка живых немедленно. И вам удобнее это потому, что многие из них будут здесь. В специальных укрытиях метрополитена. Кто-то из них приготовился к концу света

заблаговременно, забронировав престижные убежища. А некоторые даже знали о том, что грядет, раньше, чем мы. Это хоть и косвенно, но указывает на их связь с враждебными нашей стране силами или некими тайными обществами, имеющими отношение к мифическому конгломерату сильнейших людей мира, мнивших из себя тайное мировое правительство. Не стоит их жалеть. Отбросьте ненужную в данном вопросе химеру совести.

— Отбросить химеру совести? — Брови Васнецова поднялись вверх. — Вы мне проповедуете гитлеровский постулат! Вы хоть понимаете, что сейчас сказали?!

— Разве у злодеев нечему поучиться? Гитлер не был идиотом...

Подполковник резко поднялся со стула.

— Я русский офицер! А русский офицер, настоящий, а не гуттаперчевый мордатый жиробрюх в погонах, которому солдаты моют машину и строят особняк, силен своим духом и совестью! Кто вы в таком случае?!

Теперь поднялся и старший контролер.

— Я такой же российский офицер, как и вы. Мне не моют машины солдаты. Мне не строят особняки. Я не таскаю со склада тушенку и не склоняю к интиму подчиненных женского пола, пользуясь своим служебным положением. Для меня превыше всего Родина. Но я не идеалист, а прагматик. Идеализм сродни слепоте. А завязанные глаза позволительны лишь Фемиде. — Он запустил руку во внутренний карман и извлек оттуда толстый белый конверт. — Вот. Взгляните. Тут досье на вашу жену и трех ее любовников. А также на одного криминального авторитета, который, уж простите за прямоту, трахает вашу несовершеннолетнюю дочь. Тут их адреса и прочая полезная информация. Если вам вздумается намотать им, включая вашу жену, кишки на кухонный нож, никто вас за это не осудит. Никакому уголовному преследованию вы не подвергнетесь. Войдя в нашу «Артель», вы встанете над законом. Вы станете карающим мечом державы...

— Ах вот оно что! — воскликнул Васнецов. — Вы только что говорили громкие слова о долге, присяге, патриотизме и Родине! Но теперь вы просто растоптали весь этот пафос! Вы суете мне эту грязь в надежде купить меня за возможность кровавой мести?

— Дополнительная мотивация не будет лишней...

— Да черт вас подери! Вы, вместо того чтобы заниматься разведкой и контрразведкой, пресекать любые угрозы, собирали грязный компромат на людей, которых планировали завербовать! Это ваши методы?!

— Это не самые грязные наши методы, да будет вам известно...

— Да кто вам право дал?..

— А вот ваш брат согласился. Без всяких компроматов и дополнительных мотиваций. Идейно согласился. За Родину.

— Что?..

— Ваш брат. Николай Васнецов. Майор ВДВ. Участник боевых действий на Северном Кавказе. Проходит службу в городе Надеждинск Калужской области. Он уже полгода с нами в связке.

— Я вам не верю... — вздохнул Владимир, пристально глядя на контролера.

— Я понимаю вас. Но, кстати, он отказался от мести вам за то, что вы увели у него невесту. Не скрою, наш сотрудник намекал на такую возможность и получил за это, извините, в рыло. Однако ваш брат согласился войти в «Артель». Более того. Он поведал нам, что у вас превосходная боевая подготовка и великолепные физические данные. Он порекомендовал нам поговорить и с вами, что я сейчас и делаю.

Васнецов задумался и уставился на лежащие на столе блокнот и белый конверт.

— А как же моя служба здесь? Я нужен на своем месте.

— Само собой. Я ведь не предлагаю вам немедленно выйти на поверхность и начать отстрел. — Контролер усмехнулся. — Вы же сами знаете, что по плану особого периода жизнедеятельность «Субботнего вечера» функционально необходима в течение полугода максимум. В иных оговоренных директивами случаях год и два. А дальше согласно новым распоряжениям командования. Но думается мне, что командовать уже завтра будет некому. Нас обезглавили. А значит, брать в свои руки все придется нам. Так что по окончании работы этого объекта вы сможете начать новую работу. За это время вы пройдете дополнительную подготовку и изучите специальную экипировку, которую мы разработали для членов «Артели». Так что? Вы согласны?

Владимир еще раз задумчиво взглянул на блокнот и конверт.

— Да, — сказал наконец он. — Я согласен.

Он положил блокнот в карман и через несколько секунд отправил следом и белый конверт...

Николай прислонился спиной к стене отсека и прикрыл глаза, стараясь унять охватившее его волнение. Теперь он точно знал, кто вел записи в этой записной книжке. Это был его родной дядя Владимир. Все тут было написано его рукой. Более того. Оказывается, что и отец был членом этой тайной ассоциации убийц-ликвидаторов. Быть может, он и стал искателем по этой причине? Уходя в рейды, искал приговоренных, чтобы привести приговор в исполнение? Васнецов в очередной раз поблагодарил судьбу за то, что она уберегла записную книжку от времени, сохранила от огня и вообще вложила эти бесценные страницы ему в руки.

Луноход остановился перед железнодорожным мостом, который был разрушен. Поначалу показалось, что мост нависал над широким оврагом. Но в спускающихся вечерних сумерках удалось разобрать, что внизу проходило шоссе. Теперь все это, конечно, было погребено под снегом.

— Склон очень крутой, — сказал Алексеев. — Надо искать безопасное место, чтобы дальше проехать.

— Поворачивай налево, — произнес Варяг, смотрящий в перископ.

Машина повернула и двинула в указанном направлении. Темнота быстро овладела миром, прогнав скоротечный серый день и вновь взяв власть над большей частью суток. Юрий включил фары. Машина ехала довольно долго, пока наконец Яхонтов не приказал остановиться.

— Что ты там увидел? — поинтересовался Людоед.

— Табличка на дереве. Вроде свежая.

— И что на ней?

— Погоди. Юра, фары чуть левее. Вот так. Написано что-то. Ага. «Охотничья артель "Три свиньи". Свободная от радиации зона. Натуральный обмен. Баня. Ночлег. Услуги массажисток. Полная безопасность для путника».

Николай напрягся. После прочитанного в записной книжке текста слово «Артель» приобрело для него совершенно новый смысл. Конечно, и в родном Надеждинске существовали артели. Тоже охотничья, строительная и прочие, в которые норма-

ми трудовой повинности были включены его соплеменники, обладающие теми или иными навыками и умениями. Но после тех впечатлений, что подарило ему чтение диалога между дядей Владимиром и безымянным контролером, в этом слове звучало что-то зловещее и благоговейное одновременно.

— Вот и место для привала. Заодно и помоемся, — хмыкнул Людоед. — Никто возражать не будет?

Стрелка на табличке указывала направление, по которому луноход подъехал к какому-то комплексу. Очевидно, когда-то здесь был придорожный мотель преимущественно для дальнобойщиков. Кафе и автозаправочная станция. Крытая автостоянка и мойка. Шиномонтаж. Все это, видимо, располагалось компактно и позволило людям объединить все строения в единый комплекс, обнеся территорию бревенчатым срубом, железными контейнерами и прицепами автопоездов, и накрыть сверху бревнами, сделав крышу, на которой возвышались сделанные из утепленных кабин грузовиков и корпуса от БРДМ наблюдательные посты и сторожевые вышки. Похоже, люди в этой артели приспособили под свои нужды электропотребление и солнечные панели с придорожных столбов, оснащенных когда-то автономными милицейскими радарами и электрифицированными дорожными знаками. В радиусе сотни метров от комплекса территория была очищена от деревьев и создан рубеж из массивных бревенчатых «ежей», между которых была беспорядочным образом натянута ржавая колючая проволока и спирали так называемой «егозы». К ним в большом количестве были привязаны пустые консервные банки и стеклянные бутылки. Перед входом в комплекс стояли три цистерны от бензовозов, превращенные в ДОТы, чьи бойницы и нарисованные вокруг рисунки делали их похожими на тучных свиней. У одной цистерны под «пятачком» была выведена буквами «НИФ НИФ» улыбка, похожая на оскал. У другой — «НАФ НАФ», и у третьей — «НАХ НАХ».

— А тут ребята с чувством юмора живут, — усмехнулся Сквернослов, когда луноход остановился перед ограждением.

— Следы. Кажется, собачьи упряжки. — Юрий кивнул в сторону разрыва в периметре, который сейчас был перегорожен примитивным бревенчатым шлагбаумом, обмотанным колючей бухтой «егозы».

Весь периметр был достаточно надежным прикрытием от визитов животных, если только тут не водились те загадочные

черви, с одним из которых довелось столкнуться Николаю. Однако бревна периметра могли вполне уходить в снег вплоть до поверхности земли и предохранять и от червей. Но вот от крыс этот рубеж точно не спасал.

Между свиноподобными ДОТами показались три человека. Они были одеты в теплые одежды, обшитые звериными шкурами. На валенки одеты короткие и широкие самодельные лыжи, для более комфортного передвижения по снегу. Люди направились к луноходу.

— Юра, ну-ка выпусти, я с ними потолкую, — сказал Людоед, накидывая шинель, беря в руки автомат.

— Хватит уже аппарель без крайней нужды открывать. Холод собачий. Через шлюз лезь, — ответил космонавт.

— Спасибо, что не отказал, — проворчал Крест, открывая внутренний люк.

— Я с тобой, — подал голос Николай.

— Давай, блаженный. — Людоед кивнул.

— Не называй меня так, — буркнул Васнецов, одевая бушлат.

— Хорошо, блаженный. Не буду.

Выйдя на холод позднего вечера, они пошли вперед и остановились между шлагбаумом и носовой частью лунохода. Позади захрустел снег от шагов Варяга.

— Здрасьте вам, — махнул рукой тот из местных людей, что шел в авангарде.

В руках он держал автомат калашникова с уменьшенным магазином и оптическим прицелом. Ствол, цевье, ложе и приклад с оптикой были аккуратно перемотаны белым бинтом, видимо для лучшей маскировки в снегу.

— С чем пожаловали?

— С миром, конечно, — великодушно улыбнулся Людоед. — Там табличка. Мы подумали, что у вас можно передохнуть.

— Правильно подумали, — кивнул человек. — Мы даем временный приют путникам.

— А какие условия?

— Условия простые. С собой никакого оружия. У нас надежное хранилище, куда его можно сдать на время постоя. Никаких курительных и зажигательных принадлежностей. Людей с проказой и лучевой болезнью на территорию не пускаем.

— А расплачиваться чем?

— А что есть? Берем патроны. Десять патронов к «калашу» 5,45 равняются двум патронам к СВД или одному патрону

к ВСС. Один патрон к «калашу» 7,62 равняется двум патронам 5,45. Натовские и охотничьи патроны дешевле. Берем хорошо выделанные звериные шкуры. Оружие любое в рабочем состоянии. Гранаты, взрывчатку, топливо, мясо, овощи, семена к морозостойким культурам. Амуниция, бронники, дозиметры, армейские аптечки, шприцы в упаковке, сахар, соль, сигареты или табак. Запчасти для снегоходов и квадроциклов. Оптика. Столярный и слесарный инструмент. Если среди вас есть женщины, то могут оплачивать телом. Если есть мальчики, то можем подобрать клиентов и для них. С вашего согласия, конечно. Короче, все, что угодно. У нас есть еще и магазинчик, где можно выменять что-нибудь. Оплата по нашим девочкам и их услугам отдельная.

— А вам фотоаппарат «Зенит» не нужен? — спросил Крест.

— Да на кой? Хотя наш босс фанат этого дела. Переговорите с ним. Может, он вам отвалит за него горсть патронов или еще чего, а этим вы уже с нашим комендантом расплатитесь.

— А мы можем оружие не сдавать, а оставить в нашей машине? — поинтересовался Варяг.

— Конечно. Только брать его оттуда нельзя, пока вы на постое. А машину загоните в бокс под охрану.

— Помыться у вас можно будет?

— Конечно. Даже попариться. Даже с бабами. — Человек усмехнулся. — За вашу оплату любой каприз.

— Ну что, Варяг? — Крест взглянул на Яхонтова.

— Годится, — кивнул тот. И обратился к местному: — Куда машину подогнать?

— Сейчас покажем, — ответил тот и обернулся к своим бойцам. — Тура, Ферзота, откройте шлагбаум.

— Меня смущает то, что мы будем там без оружия, — вздохнул Николай, когда луноход тронулся к гаражу, у которого встал старший, встретивший их.

— А руки, ноги и голова разве не оружие? — усмехнулся Людоед. — Не дрейфь. Их тоже понять можно. Пустить к себе в крепость вооруженных незнакомцев в наше время весьма глупо. А нам главное — держаться всегда вместе. Нас пять здоровых мужиков. Я подозреваю, что тут много топлива у них. Недаром они запретили курительные принадлежности. Если так, то они сами особо шалить оружием не будут. А если так, то стоит опасаться только их ножей. А холодным оружием меня не

очень напугаешь. — Илья подмигнул. — Главное, меня держитесь. Если что, я полон сюрпризов. Но, думаю, все обойдется. Мужики вроде дружелюбные. Да и какой резон им клиентуру отпугивать? Нужное дело делают.

25
ГОЛОСА МЕРТВЫХ

— Господи, глаза-то как болят, — дрожащим голосом произнес Константин, растирая одной рукой лицо, а другой крепко вцепившись в руль прыгающего на ухабах внедорожника.

— Ну зачем тебе надо было фотографировать? Вот скажи? Один снимок сделал, так тебе еще два надо было? Зачем, Костя? — причитала его супруга Надя, сидевшая на заднем сиденье машины и крепко прижимающая к себе их четырехлетнего перепуганного сына Егора.

— Ничего ты не понимаешь. Знаешь, сколько получил человек, который сфотографировал момент взрыва горы Святой Елены? Много получил! А ведь он тоже еле ноги унес!

— Ты псих, Костя! Ты же чуть не ослеп!

— Да ерунда. Пройдет. Все равно что на сварку смотреть. Тем более что я зажмурился.

— А что это было вообще?

— Как будто атомный взрыв, — пожал отец семейства плечами, продолжая вести автомобиль.

— О господи! — закричала супруга. — Как такое вообще может быть?! Как?!

— Не ори! Ты Егорку пугаешь!

— А что ты сам говоришь? Атомный взрыв! Откуда?

— Да я могу ошибаться. Может, электроподстанция рванула. Ну там искры и все такое прочее. Ведь машина работает. Электромагнитного импульса, значит, не было. И камера вон работает. Хотя, может, просто далеко до эпицентра... — Последнюю фразу он сказал тихо и сам себе.

— А зачем ты камеру включил? — растерянным голосом спросила жена.

— Да что ей будет? Вдруг что-то еще интересное произойдет. А ее пока включишь, пока она к съемке приготовится. Хренота вся эта цифровая техника.

— Но это наш последний диск.

— Ага. И шанс отснять эксклюзив.

Машина подпрыгнула.

— Господи, да куда ты гонишь так? — воскликнула Надя.

— Подальше от той вспышки. Надо до ближайшего населенного пункта добраться и узнать, что случилось. Радио шипит только. И у мобилы сеть потеряна.

— Но оно ловило ведь? И я всего час назад Вике звонила...

— Ну, если подстанция жахнула, то, может, и ретрансляторы обесточены. Да успокойся ты!

— Тебе легко говорить!..

— Почему это мне легко? Черт!

Внедорожник влетел в прикрытую травой яму у большого дуба.

— Застряли! Довольна?!

— А я при чем тут?

— Ты меня отвлекала!

Мальчик наконец заплакал, не выдержав напряжения.

— Тихо, Егорка. Успокойся. Надя, да успокой ты его!

— Не ори!

— Да я не ору!.. Тихо!.. — Константин поднял руку.

— Ты это мне или себе говоришь?

— Помолчи минутку! Слышишь? Поезд.

— Тут железная дорога рядом?

— Да. Вроде вон насыпь впереди.

— Вижу! Вижу поезд! — воскликнула Надя. — Господи! Что это?

Константин схватил камеру и стал снимать.

Железнодорожный состав шел совсем медленно и вдруг остановился. Это были два спаренных локомотива, за которыми тянулась вереница рефрижераторных вагонов. Однако что-то тут было не так. В каждом четвертом вагоне вдруг стали распахиваться крыши, и оттуда медленно поднимались какие-то продолговатые остроносые предметы.

— Надя! Это... Это ракеты!

Пуск. Одна за другой принявшие вертикальное положение ракеты стали вырываться из этого странного состава и, устремившись в небо, исчезали на все увеличивающейся скорости, оставляя за собой густой шлейф дыма. Всего было три ракеты. Крыши вагонов стали закрываться, когда локомотив уже тронулся с места.

— Как это понимать, Костя? — обратилась супруга к мужу, который продолжал снимать поезд.

— Я не знаю. Но это... Я что-то слышал о таких поездах. Типа, аналогов в мире нет...

— Костя, это что, война началась?

— Я не знаю. Может, учения?

С противоположной стороны насыпи сквозь лязг железнодорожного состава послышалась стрельба. Состав замыкали еще два спаренных локомотива, и в один из них ударилась реактивная граната от ручного гранатомета. Раздался взрыв. Однако это не помешало поезду двигаться дальше и набирать скорость. Он стал все быстрее удаляться, и на железнодорожной насыпи показались вооруженные люди. Они были одеты в лохматые маскхалаты. Видимо, эти люди должны были помешать пуску ракет из вагонов, но подоспели слишком поздно.

— Костя, я боюсь...

— Тихо. Они, может быть, нас не заметят.

Вооруженные люди вдруг повернулись в ту сторону, откуда совсем недавно приехал упущенный ими поезд. В небе стрекотали вертолеты. Боевики бросились с насыпи в ближайшие кусты.

— Костя! Они сюда бегут!

— Замолкни, прошу тебя! Не кричи!

В небе наконец показалась дюжина вертолетов. Пять Ми-8, или, быть может, это были Ми-17? Их сопровождали устрашающего вида пять Ми-24 и пара Ми-28. Ми-8, казалось, были повреждены, поскольку за ними тянулись дымные шлейфы. Но этот дым как-то быстро оседал, веером разносясь по воздуху.

— Опыляют?.. — пробормотал Константин, продолжая снимать.

Когда эта странная взвесь накрыла заросли, раздались душераздирающие крики. Совсем рядом с машиной из кустов выскочил один из нападавших на поезд людей. Он бросил оружие и стал вертеться на месте, хватаясь руками за лицо. Затем как-то конвульсивно принялся рвать на себе одежду, и вдруг из его рта хлынула густая кровавая пена. Человек задергался и впился пальцами в собственные глаза.

— Боже! Господи! Что с ним?! Что это, Костя!!! Егор, не смотри! Не смотри на это!!!

— Он глаза себе выдирает... — отрешенно пробормотал Константин. — Это же боевой газ...

— Егор! Егор! Костя! Егору плохо! Боже!

Отец семейства бросил камеру на пол, но она продолжала снимать. И хотя картинка показывала лишь консоль с рукоят-

кой переключения передач, звук происходящего красноречиво говорил о том, что происходило в машине. Сначала родители панически кричали, пытаясь чем-то помочь сыну, которого стало рвать кровью и который страшно кричал. Затем рвотные спазмы охватили и отца с матерью. Дальше речи уже не было. Только вопли ужаса и предсмертная агония. Звуки непрекращающейся обильной рвоты. Треск разрываемой в агонии одежды. Затем тишина. Камера записывала звук еще минут десять. За это время в машине кто-то всхлипнул. Несколько раз кто-то дернулся. И свободное пространство на диске закончилось.

— Россия, двадцать лет спустя. Все мы в полной заднице и завидуем тем, кто помер тогда, — проворчал Людоед, когда экран монитора погас.

Все молча глядели на экран, не в силах отвести взгляд после увиденного. Только Варяг повернул голову и, взглянув на Людоеда, произнес:

— Кончай уже свои шуточки.

— А кто сказал, что это шутка?

Николай вздохнул и покачал головой. Это было в высшей степени странно — смотреть на экран, где что-то происходило. Где двигались и разговаривали люди, которые давно уже мертвы. Мир выживших давно позабыл, что значит смотреть на экран и видеть на нем живую картину. Исключение, наверное, составляли сохранившие остатки былого общины. Вроде Надеждинска с их несколькими проекторами для учебных целей и конфедерации Дома Советов с их рабочим ноутбуком.

— Ну что они там делают? — снова заговорил Варяг.

— Я же сказал, они просили подождать, пока разгребут хлам в гараже. У них очень давно никто на транспорте не останавливался. А тут мы. Сейчас вычистят гараж, и мы там луноход припаркуем, — ответил Крест.

— Слушай, Илья. Ты не много патронов им отвалил?

— Все по таксе. Ночлег на уютных койках. Душ, который нам всем не помешает. От еды я отказался. Мало ли чем они там накормят. Ну и девочки.

— Что? Ты совсем офонарел? Зачем на это патроны тратить?

— Во-первых, патроны я отдал свои...

— Да какая разница! Мы сейчас одна команда, или ты забыл? Боеприпасам цены нет! Потом от бандитов матом отбиваться будем или вонью изо рта?!

— Успокойся, яхонтовый ты мой. — Крест усмехнулся. — Скоро у нас будет очень много боеприпасов. Только дай до Уральских гор добраться.

— Откуда такая уверенность?

— Интуиция. — Он подмигнул Варягу. — Во-вторых. Ты, дорогой мой искатель, в своих рейдах отморозил хозяйство, что ли? Мы ведь живые люди. Пацанам тоже расслабиться надо. Особенно после их стычки из-за мухи этой... пчелки, или как там ее...

— А как насчет контролировать себя? Или ты раб своих инстинктов?

— А ты, Варяг, в туалет ходишь? — усмехнулся Людоед.

— А при чем тут это?

— Ходишь?

— Ну...

— Э, брат. Да ты раб своих инстинктов! — засмеялся Крест.

— Ну ты и дурак, ей-богу! — нахмурился Яхонтов. — Нашел с чем сравнивать.

— А что, я не против, — сказал вдруг Вячеслав.

— Не против чего? В туалет сходить? — Варяг взглянул на него.

— Да нет. Не против девочек.

— Тебя, мил человек, вообще никто не спрашивает, — резко ответил командир.

— Это еще почему?

— Угомонитесь, — проворчал Юрий. — Нам рукой машут. Сейчас ворота откроют, наверное.

Он оказался прав. Большой утепленный лист рифленого железа при помощи лебедки подняли к потолку гаража. Луноход медленно въехал внутрь. Этот гараж, видимо, был когда-то стоянкой перед придорожным мотелем. Территория давно была обнесена стенами и накрыта бревенчатой кровлей. И мотель, и кафе, и заправка, и сервисный пункт были заключены в единый комплекс, который мог сойти за неплохую крепость. Вдоль стен гаража стояли снегоходы и распряженные сани для собачьих упряжек. Видимо, они стояли тут беспорядочно и их оттаскивали, дабы освободить место для лунохода. Освещался гараж двумя керосиновыми лампами, которые местные люди принесли с собой.

— Может, машину не стоит оставлять? — спросил Николай. — Мы же совсем не знаем этих людей.

— Тут ты прав, — кивнул Варяг.

— Я ночевать в машине буду, — заявил Алексеев.

— А мыться ты не будешь, что ли? — Людоед уставился на него.

— Помоетесь, Варяг или ты подмените меня.

— А мы что, рыжие? — обиженно воскликнул Сквернослов.

— Вы неопытные, — отмахнулся космонавт.

— А как Колька в метро ходил! — не унимался Вячеслав.

— Потому его, да и тебя, оставлять нельзя. Опять на приключения потянет. Нет уж.

— А чего вы от наших продуктов отказались?

Быковатого вида массивный мужчина лет пятидесяти сидел за столом напротив и пристально смотрел на трех гостей, кушающих принесенную из лунохода провизию.

У Людоеда был очень довольный вид после принятого душа. Он сидел между Николаем и Вячеславом, облаченный в чистый мундир, и медленно жевал вяленое мясо, запивая водой.

— Так экономия в чистом виде, — подмигнул он собеседнику. — Своей жратве не пропадать ведь, верно?

Трапезное помещение было небольшим и довольно уютным. Освещалось оно тремя лампами. Двумя керосиновыми и одной самоделкой, где внутри трехлитровой банки горела лучина.

Местный был в легком подпитии и продолжал неторопливо отпивать из большой кружки самогон. Он уже познакомился с путешественниками, представившись Слоном.

— А кудой путь держите?

— Ну, до Катина города добраться хотим, — пожал плечами Людоед.

— Кудой?

— Ну, в Екатеринбург. Родню ищем.

— Так разбомбили его в первый же день, хе, чудаки вы, однако.

— Да нам не в сам. Нам в Алапаевск.

— А-а-а.

— Слушай, Слон, а чего тут кругом знаки висят, типа огнеопасно, а сами керосинками пользуетесь?

— Так енто для гостей знаки-то. Сами-то мы знаем, как с огнем обращаться. Тут строго вообще. У нас топлива до хрена. Кстати, вам не нужно? Двадцать патронов за литр.

— Спасибо. Обойдемся. А вот у вас вроде солнечные батареи с дорожных столбов. Да?

— Ну. Так ночь на дворе. Электричество кончилось пока. По надобности керосинки зажигаем. У нас, говорю, топлива до черта. И заправка тут. И недалеко ветка железнодорожная. Там состав с цистернами встал, когда хрень вся случилась. Не тужим, короче. У нас и отопление на том основано. Типа котел на дровах и мазуте. Да трубы с водой. Паровое. Сами сварганили.

— А вон печка у тебя за спиной.

— А. Так это для разогрева там и приготовки жрачки. Трапезная ведь тут.

— А-а-а, ну понятно, — кивнул Людоед и продолжил свой поздний ужин.

В помещение вошел Варяг.

— Приятного аппетита, — произнес он. — Колька, подвинься, я присяду.

— Что, Юра помылся? — спросил Крест.

— Да. В машину вернулся. Дай поесть, кстати.

— На. Держи. — Людоед подвинул тарелку.

— Может, вмажем горилочки местной, а, бородатый? — Слон уставился на Варяга.

— Ну, если только по пять капель, — кивнул Яхонтов.

— Добре. Щас принесу бутыль еще. — Местный вышел через вторую дверь.

— Варяг, — тихо сказал Крест. — Быстро посмотри на кучу дров возле печки.

Искатель не стал задавать лишних вопросов и взглянул туда, куда просил Илья.

— Лыжа. Норвежская. Кажись, такая, как та, что мы нашли утром.

— Именно. Та была с замком для ботинка левой ноги. Эта с замком для правой. И подумай, на кой хрен в условиях ядерной зимы пускать на дрова лыжу? Только если к ней нет пары. А тогда ее только в печку. Опять-таки из-за постоянной зимы. Так что будь уверен. Пары нет, так как они ее потеряли там. Следовательно, это они напали на того человека. И уж если они выпустили ему кровь на месте...

Николай вдруг вздрогнул и перестал жевать. До него дошел смысл произнесенных Ильей слов.

— Мы в логове людоедов! — закончил мысль Крест.

— Я думаю, ты краски сгущаешь, — мотнул головой Сквернослов.

— Славик, ты не думай. Тебе это не идет, — огрызнулся Крест. — Варяг, что скажешь?

— Ну, наблюдательность и логика у тебя, конечно, выше всяких похвал. Но фактов тем не менее мало.

— Ладно, хлопчики. Как скажете. Только когда вам в задницу шампур вставят и поволокут вас всех на костер, то не кричите, чтоб я вас спас.

— А тебя самого не зажарят? — хмыкнул Вячеслав. — Или ты с ними договоришься? Ты людоед. Они людоеды. Какая идиллия...

— Вот, мужики. Принес. — Слон наконец вернулся и сел обратно за стол, поставив перед собой бутылку с мутной жидкостью. — Ну, это из моих запасов. А то ведь так-то платное все. Но это мое личное. Так что выпьем просто по-товарищески. Ага?

— Ну, наливай, ежели бесплатно, — хмыкнул Варяг, подставляя свою кружку.

Слон разлил напиток и чокнулся с Яхонтовым.

— За знакомство. Нечасто к нам гости стали захаживать.

Варяг кивнул и подождал, пока тот выпьет. Затем сделал глоток и сам.

— А что так? Отчего нечасто? — спросил Людоед.

— Дык... — закряхтел Слон. — Вымирают-то людишки помаленьку. Раньше вот поначалу все воевать со всякими приходилось. Потом холода настали. Мы тут обосновались, отстроились. Ну, иногда всякие путники у нас останавливались. Кто куда шел. Кто родню, как вы, искал, кто подальше от радиации, от химикатов и прочего. А сейчас все реже и реже. Да и зверя совсем мало стало. Ну, мы тут оранжерейку сварганили. Выращиваем кое-что. И пожрать чего, и покурить. — Он подмигнул. — Дурь, кстати, не нужна?

— Нет. Не нужна. Кстати, я слыхал, тут у вас кому-то фотоаппарат загнать можно. Правда, что ли? — спросил Крест.

— А. Ну да. У нас Олигарх тут скупкой-продажей заведует. Ну, сами тоже торгуемся, кто чем может и кому что надо. Но по-крупному и со всяким барахлом — это к нему.

— А он сейчас не спит?

— Да нет. Чего ему. Он на охоту не ходит. За дровами тоже. Он у нас тут из элиты. Из основателей. Так что спит, когда хочет, и подолгу в своем магазинчике сидит, барахлишко перебирает. Одно слово — Олигарх.

— Обо мне речь ведете?

В помещение вошел пожилой человек небольшого роста. Он выглядел весьма упитанным для тех условий, в которых теперь пребывали остатки человечества. Гладкую плешь на голове окаймляли седые волосы. Мясистый нос нависал над слюнявым и пухлым ртом.

— О! Олигархич! А мы тут... Это... Выпьешь?

— Нет. — Тот недовольно мотнул головой и присел за стол рядом со Слоном.

— Чего вы мной интересуетесь? — Он уставился на Людоеда.

— Ну, вам, наверное, уже сказали. Я хочу фотоаппарат продать. И видеокамеру заодно. Не интересует?

— Покажи.

В тоне Олигарха была нескрываемая надменность. Он всем видом будто хотел показать, что гости отнимают у него драгоценное время впустую.

Крест порылся в своем вещмешке, в котором они принесли еду, и выложил на стол оба упомянутых предмета.

Сделав презрительное лицо, старик повертел фотоаппарат и камеру в руках. Осмотрел оптику. Открыл крышки. Скептически покачал головой.

— А пленка в фотоаппарате была? — спросил наконец он.

— А пленка тебе зачем?

— Я мог бы ее проявить и распечатать.

— Нет. — Илья мотнул головой.

Николай взглянул на Людоеда, задумавшись, почему тот обманул про пленку. И почему он так внимательно разглядывает лицо Олигарха?

— В камере крышка взломана. Короче, восемь патронов для «калаша» за обе безделушки.

Он оставил предметы на столе и откинулся на спинку жалобно заскрипевшего стула.

— И все? — поморщился Крест. — Восемь патронов?

— А чем ты недоволен? Восемь патронов — это восемь жизней. Но я сомневаюсь, чтобы этот товар еще кого-нибудь сейчас мог заинтересовать на нашей жалкой Земле. Ты же сам потом это выкинешь и будешь жалеть, что не согласился.

— А оптика? — нахмурился Крест.

— Вот за линзы я и предлагаю тебе восемь патронов. Думай.

— Ладно. Забирай, — вздохнул Илья.

Олигарх достал из кармана своей спортивной куртки патроны и высыпал их на стол.

— Держи.

— Теперь я понимаю, отчего тебя Олигархом кличут, — усмехнулся Людоед, сгребая ладонью патроны. — Небось успешным коммерсантом был в прошлой жизни?

Олигарх угрюмо посмотрел на гостя.

— Далась тебе эта прошлая жизнь? Я же не спрашиваю, кем ты в прошлом был.

— Да ладно тебе. Это я так. Для поддержания разговора. Неприятно вспоминать?

— А зачем вспоминать? Того мира давно нет. Похерили, идиоты.

— Ты о ком?

— Да обо всех.

— Да ладно тебе, — непринужденно махнул рукой Илья. — При чем тут все? Политики все это развязали. А ты всех...

— Да брось ты, — поморщился Олигарх. — Что за плебейская привычка всегда и во всем винить политиков? Политики... Я имею в виду настоящих политиков из элиты, а не выскочек... Так вот, политики были самой здравомыслящей частью любого общества. Политики всегда могли договориться. Но вот, мать его, общественное мнение висело над ними как дамоклов меч.

— Да политикам всегда было наплевать на общественное мнение. Они только и делали, что голову морочили своими лозунгами популистскими.

— А зачем популистские лозунги выдвигать, если плевать на общественное мнение, по-твоему? — усмехнулся старик. — Да просто политику все время надо было ублажать быдло. Быдлу ведь много не надо, чтобы вывалить на улицы с лозунгами и протестами. Или просто считать того вором, того иностранным агентом и прочее. Народ всегда мыслил какими-то аморфными, искривленными понятиями. Именно поэтому в элите быть дано единицам. Тем, кто выделялся из серой массы. Кто мог мыслить прагматично, по-деловому и креативно. А народу что надо? Какое-то абстрактное чувство гордости. Достоинство национальное. Победы им подавай. Патриотизма хотелось. А что общего все это имело со здравым смыслом? Да вот этот тупой квасной патриотизм провонявшего водкой быдла и загубил все. Наши идиоты никогда не хотели диалога с Западом. То им Наполеон не нравился, то еще кто. То сами с голой задницей

сидели, а Америке кулаком грозили. А за каким чертом? Вон японцы. Тоже гордые были и нищие. В итоге получили двумя атомными бомбами. Наплевали на эту глупую гордость и патриотизм и зажили припеваючи. Надо было дружить с сильными и богатыми и преклоняться перед ними. И жили бы по-человечески. А мы чего? То НАТО расширяется, нас это напрягает. То они там каких-то папуасов плодам цивилизации, пусть и через бомбы, учат. Нас опять это напрягает. А сами-то мы кем были? Оборванцами. Пьяными ваньками. Тупой, ленивой нацией. Надо было дружить с Западом. Надо было подчиниться им. И нормально бы сейчас жили. Закон эволюции. Ну что, не прав я?

Людоед сжал свою кружку и стал медленно пить воду. Николай понял, что он пытается скрыть выражение лица от собеседника. Наконец, сделав большой глоток, Илья убрал кружку и улыбнулся. Хорошо так улыбнулся. Улыбкой Людоеда. Но тут совершенно неожиданно напомнил о себе Сквернослов.

— А ты в прошлом проституткой был! Шлюхой продажной, да? Дружил с богатыми и сильными! Отса...

Людоед схватил его ладонью за горло и не дал договорить.

— Заткнись, Славик. Клянусь, я тебе кадык вырву, — зашипел Крест. Затем он повернулся к Слону и Олигарху. — Вы уж не серчайте. Он у нас контуженый. Нервы вообще ни к черту.

Людоед разжал ладонь. Вячеслав принялся растирать шею и испепеляюще смотрел на Илью.

— Ладно. Пойдем мы в апартаменты наши. Отдохнуть перед дорогой надо. — Крест кивнул Варягу. — Идем?

— Да. — Яхонтов поднялся. — Поздний час уже. Пошли.

— Кстати, Слон. Ты не забыл, что я за девочку заплатил? Пусть в номер наш придет. И подбери, дружище, кусочек полакомей. — Илья подмигнул и улыбнулся.

— Сделаем, — хмыкнул Слон.

— И все-таки я прав! — крикнул им вслед Олигарх.

— Так ведь я и не спорю! — махнул ему рукой Людоед.

Это была не большая, но уютная комната, пусть и скромно обставленная только необходимой мебелью. Койками, стульями и парой тумбочек. Окон не было, поскольку апартаменты находились в глубине комплекса. Однако имелся душ с туалетом за небольшой фанерной дверью. В углу стояли ящик с песком и ведро с водой на случай пожара. Прямо над ведром висела керосиновая лампа.

— Ну ты сволочь, Крест! — воскликнул Сквернослов, усевшись на свою койку.

— Угомонись, Славик. — Варяг хмуро посмотрел на него. — Нельзя было себя так вести. Тут кругом их люди, а наше оружие в машине. Зачем на скандал нарываться?

— Варяг! Ты послушай себя! Может, ты еще и согласен с тем, что этот упырь там говорил? А? — не унимался Вячеслав.

— Разумеется, нет. Конечно, он тварь бесхребетная. Шкура и, как ты сказал, проститутка. Но ты себя повел тактически глупо. Нельзя на рожон лезть. Надо правильно оценивать ситуацию. Понимаешь?

— Слушай, матюгальник. Ты, может, мне не поверишь, но то, что он там говорил, противно и мне. А Варяг тут прав на сто процентов, — добавил Людоед.

— Да неужели? — огрызнулся Сквернослов. — Да ты его там чуть в задницу не целовал!

— Славик, не будь дураком. Я таких клещей всегда ненавидел. Такие, как он, думают не о благе общества, а о благополучии исключительно своей собственной шкуры. Это человек-вирус. Сорняк. Он, не задумываясь, продал бы собственный народ в рабство иноземцам и с искренними глазами говорил бы, что это во благо обществу. Да и понятия собственного народа, национальной идентификации, родины, чести или совести для него размыты водяными знаками конвертируемой валюты. Он сволочь. Но ты должен держать себя в руках в таких ситуациях. Так что я прошу прощения за то, что схватил тебя за горло. Но на будущее имей в виду, что в подобной ситуации я поступлю так же или еще хуже. Не ставь под удар товарищей своей несдержанностью.

— Такие, как этот старик, в мирное время бесполезны, а в военное опасны, — пробормотал лежавший на своей койке Николай.

Он вспомнил эту фразу из записной книжки. Именно ее произнес старший контролер его дяде, когда вербовал его в «Артель». Было ясно, что эта фраза была частью вербовочного монолога, который контролер говорил каждому избранному в ликвидаторы «Артели». Николай ждал реакцию старших. Реакция последовала только от Людоеда. Он повернулся и посмотрел на Васнецова. Во взгляде бывалого диверсанта читалось завуалированное, как всегда, опущенными бровями удивление. Он знал эту фразу. Он точно ее слышал и помнил. По крайней

мере, сейчас ее вспомнил. Николай отчего-то ждал реакции от Варяга. Варяг искатель, как и отец. Варяг дружил с отцом. И логично было предположить, что он, как и отец, тоже состоял в «Артели». Но Варяг вообще не обратил внимания на сказанное. Что это? Профессиональная выдержка или действительно непричастность к «Артели»? А вот для Людоеда фраза, брошенная Николаем, была полной неожиданностью. Он только сейчас снова непринужденно отвернулся. Только сейчас с запозданием включился профессиональный рефлекс скрытности. Людоед в связке! Он в «Артели»! Это же очевидно!

Его размышления прервал стук в дверь. Людоед приоткрыл ее и впустил кого-то в их апартаменты. Это была молоденькая миловидная девушка в теплом халате. С круглым лицом, которое обрамляли светлые волосы до шеи.

— Я ваш заказ, — тихо произнесла она, окинув всех взглядом.

Людоед отпрянул.

— Деточка, сколько тебе лет? — спросил он, нахмурившись.

— Я не знаю. — Она робко пожала плечами. — А что?

— А родители у тебя есть?

— Нет. — Она мотнула головой.

Выглядела она действительно еще ребенком. Ну, во всяком случае, подростком. У нее были большие глаза с совершенно детским выражением постоянного удивления и боязливости. Под вздернутым и немного смешным носиком маленький рот с алыми, не знающими косметики губами. Причем нижняя губа была заметно крупнее, что лишь подчеркивало ее детскую внешность.

Яхонтов внимательно на нее посмотрел и угрожающим тоном произнес одно-единственное слово:

— Илья!

Крест подошел к Варягу и шепнул ему что-то на ухо. После этого командир вдруг смягчился.

— Точно? — спросил он.

— Да. — Илья кивнул.

Тогда Яхонтов лишь пожал плечами и улегся на своей койке, удовлетворенно вздохнув.

— Вот она, личина нашего замечательного Ильи, — проворчал Сквернослов, — неужели ты посмеешь? Она же ребенок еще.

— И это говорит насильник? — усмехнулся Людоед. — Ты недавно сам не против девочек был.

— Я не насильник! И я не педофил!

— Пожалуйста, не ссорьтесь. Я всех обслужу. Мне хозяин сказал, что уплачено за всю ночь, — произнесла она.

— Ладно, деточка. Иди в душевую. Я сейчас подойду, — кивнул ей Людоед.

Она послушно проследовала в небольшое помещение и закрыла за собой дверь.

— Крест! — Сквернослов вскочил со своей постели. — Будь ты человеком. Отпусти ее.

— Что это на тебя нашло, Славик? — Крест насмешливо улыбнулся.

— Он прав. Я не хочу, чтоб кто-то из нас ее пользовал, — произнес Николай.

— Это почему? Вы разве не заметили, какая она красивая?

— Вот именно, — нахмурился Васнецов. — Она слишком красивая. Она такая хорошенькая, что ее хочется взять на руки и убаюкивать колыбельной песенкой, нежно гладя по головке... И только. Нельзя с ней так, как ты хочешь...

Людоед повесил голову и тихо засмеялся, мотая головой.

— Ну, блин, вы даете, ребята. Конечно, примерно этого я от тебя и ожидал, блаженный. Но ты, Славик, меня приятно удивил. Все-таки ты не конченый негодяй, как можно было подумать там, в подвале амазонок.

— Да кончай ты ерничать! Она же тебе в дочери годится, если не во внучки! — зло проговорил Сквернослов.

— А может, ты первым хочешь? Так я не против. Иди. — Крест хлопнул его по плечу.

— Я не притронусь к ней!

— Ну, вот на том и порешим. Ложитесь спать.

Крест усмехнулся и зажег стоявшую на тумбе свечку. Затем, зайдя в душевую, закрыл за собой дверь.

— Каков подонок! — прошипел Вячеслав. — Варяг, Варяг!

— Ну чего тебе? — устало проворчал Яхонтов.

— Неужели ты это допустишь?

— Угомонись. Он ничего ей не сделает. Он нанял проститутку, чтобы допросить ее про эту общину...

Николай практически сразу осторожно прильнул к двери. Было довольно неплохо слышно, что там происходило.

— Ты чего! Оденься немедленно! — Это был голос Людоеда.

— Но как же... Вы, наверное, хотите, чтобы я при вас разделась? Или вы сами хотите раздеть меня? — спросила девушка.

— Нет. Надень халат. Вот так. Садись сюда. Мне просто надо с тобой поговорить.

— Что?

— А что, клиенты никогда не говорили с тобой?

— Почему, говорили. Гадости всякие. Ну, это ведь нравится людям.

— И как долго ты этим занимаешься?

— Ну, когда первые месячные начались. Тогда уже можно.

— И почему ты это делаешь?

— Так ведь это моя обязанность. Каждый в нашей артели должен приносить пользу коллективу.

— И тебе нравится, что ты делаешь?

— Ну... не всегда, конечно. Клиенты ведь разные бывают. Лучше, конечно, с нашими, местными мужчинами. Но это моя обязанность. Я не думаю, что охотникам нашим нравится мерзнуть в погоне за добычей. Но они ведь это делают. Так и я.

Молчание Людоеда несколько затянулось. Затем он произнес:

— Все понятно. А что с родителями твоими?

— Я не знаю. Я, сколько себя помню, живу в этой общине на попечении у охотников.

— А ты не интересовалась?

— Да я только пару лет назад узнала, что у каждого человека бывают родители. Но мне как-то неинтересно.

— Скажи, деточка, а человеческое мясо вкусное? — спросил вдруг Людоед.

Ответа не последовало.

— Да ладно тебе. Я же знаю, что у вас его едят. А что, запрещено говорить об этом с постояльцами? Мне вот Слон человечину предложил. Но я отказался. Дорого очень. А теперь думаю, может, зря? Может, вкусно на самом деле? Не пробовал никогда.

Николай удивился. Слон ничего подобного не предлагал. Но было очевидно, что Крест просто морочит девице голову.

— Ну, если правильно приготовить, то вкусно. Вообще у нас человечину мужчины готовят. Женщинам не доверяют. Но я слышала, что если вовремя кровь не слить с тела, то плохое мясо получится. Жесткое и невкусное. А вот если правильно приготовить...

— А каких людей вы едите?

— Ну, кого охотники притащат. И если кто из постояльцев плохо себя ведет. Пытаются обокрасть или избивают девочек заказанных, но за избиение не платят. Ну, нарушителей всяких. А кто нормально на постое себя ведет, тех не трогают.

— Ну, мы себя хорошо вести будем, — засмеялся Крест.

Васнецов почувствовал на спине холодный пот. Они действительно угодили в логово к настоящим людоедам. И та девочка тоже ела людей, как и все тут...

— Слушай. А вот этот Олигарх ваш. Мне его лицо знакомым кажется. Он вроде в прошлой жизни знаменитым был? Да? У него неудобно как-то спрашивать. Многие прошлое вспоминать не любят. Болезненно это. Вот у тебя хочу спросить.

— Ну, вроде да. Он вроде каким-то влиятельным... как это слово...

— Политиком?

— Да, политиком был. А тут заправка и все, что на этом месте, ему принадлежало. Вообще он эту общину и организовал. Тут большинство охотников из его этих... охранников и соратников... Он строгий, конечно, но о нас, о женщинах, хорошо заботится. Плату за нас хорошую берет. Если кто обижает нас бесплатно, то он им этого не прощает, а нам больше мяса достается от обидчиков...

— Вот, посмотри. Вот фотография. Тут он, конечно, молодой по сравнению с тем, какой он сейчас. Это он?

— Да. Да, он. А что?

— Да нет, деточка. Ничего. Просто так. Любопытно.

Николай расхотел слушать их дальнейший разговор. Ему было просто противно, что эта ангельского вида девочка ела людей. Он даже не задумался над тем, откуда у Ильи фотография Олигарха. Васнецов просто улегся на свою кровать и попытался уснуть. У него это долго не получалось. Уже был слышен докучающий храп Славика, который всегда быстро засыпал и быстро просыпался. Николай этим похвастать не мог. Сон приходил к нему обычно медленно и мучительно. А просыпаться потом очень не хотелось. Васнецов так и лежал в раздумьях. Он чувствовал угрозу от хозяев этой общины, которым могло вздуматься их съесть. Он размышлял о том, в каком скверном месте они по доброй воле оказались. И еще о том, что для них совсем не стоит спасать мир...

Людоед и девушка вышли тихо. Крест осторожно прикрыл дверь.

— Ложись на свободную койку, девочка. Вот сюда. Ложись и спи.

— Но как же? Вы ведь заплатили.

— Да, но ты просто поспи. Отдыхай.

— Я вам не понравилась? Может, другую девочку прислать? Я скажу хозяину...

— Нет, деточка. Ты славная. Просто мы все очень устали и не хотим. Ты уже отработала. Ты поговорила со мной. Мне было приятно с тобой поговорить. Просто отдыхай то время, что я оплатил. А если ты боишься, что тебя накажут, я скажу, что ты всю ночь нас ублажала и делала это великолепно.

— Правда?

— Конечно. Спи.

— Спасибо вам.

— Отдыхай. Тебя никто тут не тронет. Никто не обидит.

— Спасибо...

Николай напрягся. Уже улеглась на соседней с ним койке девушка. Крест затушил керосинку и, поставив горящую свечу на тумбу, тоже лег в свою постель у входа в помещение. Все вроде было спокойно. Однако Васнецов чувствовал какой-то озноб. И он понимал, что это вызвано присутствием этой красотки. Он дождался, когда послышится сопение спящего Людоеда, и медленно сполз с кровати. Затем подкрался к девице и осторожно тронул ее ладонь. Девушка вздрогнула.

— Тише, — прошептал Николай. — Я не причиню тебе зла.

— Ваш человек сказал, что меня никто не тронет и я могу отдыхать, — испуганно зашептала она.

— Да. Я знаю. Я хочу освободить тебя. Поедешь с нами?

— Куда?

— Просто с нами. Тебе не придется жить такой жизнью и быть проституткой. Ты будешь свободна.

— Мне не придется жить такой жизнью? Но тут я в полной безопасности. И это моя свобода. У нас всегда есть еда и тепло. У нас много мужчин, которые защитят нас и от зверей и от врагов. Зачем ты мне говоришь это? Вы хотите меня похитить?

Васнецов опешил...

— Но... Но ведь... Но ведь ты... Тебя заставляют ложиться под всяких мужиков! Это же ненормально!

— Почему? Это мои обязательства перед нашей общиной. Почему это ненормально? У нас все женщины это делают.

И ведь это иногда приятно... Пожалуйста, оставьте меня в покое... Я тут всех знаю. А из вас — никого. Вы пугаете меня...

— Но мы хорошие...

— А наши люди разве плохие?.. Я не хочу ничего менять в своей жизни. Пожалуйста, уйдите...

— Прости за беспокойство, — пробормотал подавленно он и вернулся на свою койку.

Он лег и схватился за голову. «Она мертвая, — думал он. — Она мертвее, чем Рана. Мертвее, чем те люди, что погибли в джипе и остались лишь на том крохотном диске. Она просто ходячий труп».

Николай был в шоке и так и уснул в этом состоянии.

— Она отказалась?

Васнецов вздрогнул и открыл глаза. Над ним склонился Людоед.

— Что?

— Она отказалась ехать с тобой? — Крест ухмылялся.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышал. Я еще знаю, что ты подслушивал наш разговор. Ты бы не предложил ей бежать, если бы знал, что я поимел ее, верно? Ведь если бы она поехала с нами, то ты сгорал бы от ревности, понимая, что она принадлежит мне. Я правильно говорю? Именно зная, что я не прикасался к ней, ты предложил ей бежать, надеясь, что в итоге она достанется тебе. Точно?

— Чего ты хочешь от меня? — недоуменно проговорил Васнецов и вдруг заметил, какие большие у Людоеда клыки, когда он так зло улыбается.

— Знаешь, блаженный, если правильно приготовить человека, то он очень вкусный! — Крест приблизился к Николаю.

— Кто ты? — испуганно вскрикнул Васнецов.

— Я? КЕВОЛЕЧ!!!

— Что?

— Я МОРЛОК!!!

Васнецов свалился с койки на дощатый пол. Была кромешная тьма. Свеча уже давно потухла. Теперь было ясно, что этот ужас ему лишь приснился.

— Черт... — вздохнул Николай, тяжело дыша. — Да что за хренота со мной происходит постоянно...

Вспоминая планировку комнаты, он осторожно пополз по полу, в надежде найти во тьме рюкзак, который должен лежать

у койки Варяга. А койка Варяга за Славкиной койкой. Пришлось повозиться, однако Васнецов все же нащупал рюкзак и достал оттуда увесистый фонарь. Зажав стекло фонаря ладонью, он включил его и чуть отжал руку, чтобы только слабый лучик света пробивался наружу и не разбудил никого. Этого слабого лучика оказалось достаточно, чтобы разглядеть спящую на своем месте девушку. Дальше опустевшая кровать Николая. Потом Славик. Вот он спит. Вот могучая спина спящего Варяга. Последняя кровать была пуста. Людоеда не было. Николай осторожно пробрался в душевую. Там тоже никого. Тогда Васнецов подкрался к двери выхода, и тут снаружи в коридоре послышался едва различимый шорох. Николай выключил фонарь и замер. Шорох приблизился. Наконец кто-то осторожно приоткрыл дверь в их апартаменты. Васнецов прижался к стене и медленно поднял руку с фонарем, чтобы нанести удар. Неизвестный вошел в комнату и замер у двери.

Бить? А если кто-то дверью в темноте ошибся? Тогда их съедят за плохое поведение. А если это Людоед вернулся? Куда он вообще ушел? Секунды раздумья превратились в бесконечность. Он слышал только биение собственного сердца, которое сейчас казалось оглушительным, и тихое дыхание неизвестного человека, вошедшего в комнату. Стоп! А как он в темноте ориентируется?

Вдруг кто-то схватил сжимающую фонарь ладонь Николая и другой рукой зажал ему рот.

Николай попытался вырваться и закричать, зовя на помощь спящих товарищей, но это ему не удалось.

— Коля, твою мать... — послышался шепот совсем рядом с лицом. — Какого хрена ты делаешь? — Он убрал руку ото рта Васнецова.

— Илья! — Васнецов чуть не закричал от радости. — Илья, с... с... сука... Как же ты меня напугал...

— Как ты меня назвал, салабон?

— П... прости. Это я от радости. Блин. Где ты был?

Крест выхватил у Николая фонарь и включил его.

— Буди Славика. Я бужу Варяга. Только тихо. Девку не разбудите. Пусть спит. Уходим. Срочно.

— Илья, что за спешка такая? — недовольно ворчал сонный Варяг, который шел по узкому темному коридору следом за Людоедом.

— После объясню. Некогда.

Вся община еще спала. На часах Яхонтова было четыре часа утра. Они вышли наконец к гаражу. Укутавшись в тулуп, возле лунохода сидел часовой и листал старый потрепанный порножурнал, разглядывая похабные картинки в свете керосиновой лампы.

— Вы чего это? — Он уставился на четверых путников.

— Ну, погостили — и хватит. Дорога дальняя. Уезжаем мы, — улыбнулся Крест.

— А. Понятно. А девка наша где?

— Там. В комнате нашей. Спит. Умаялась, бедняжка.

— Ага, а сами не умаялись? — Часовой усмехнулся и подмигнул Людоеду.

— Ну, не без этого, — озорно кивнул Илья.

— Так вы это. Нам проверить надобно, что вы не набедокурили. И ничего не украли. И после можете уезжать, ежели все нормально.

— Разумеется. Проверяй, — согласился Крест, стягивая с головы берет.

— Сейчас, мужиков разбужу, — вздохнул часовой и успел сделать только один шаг.

Ловким и привычным движением руки, в которой оказалось припрятанное в берете метательное лезвие, Крест разрезал ему горло и затем свернул несчастному шею. Уже мертвое тело он аккуратно усадил обратно на стул и вложил ему в руки журнал.

— Ты какого хрена делаешь! — зашипел Яхонтов.

— После, Варяг, после! Коля, Славик. Быстро к лебедке. Поднимайте воротину. Варяг, буди Юрия.

Людоед взял автомат мертвого часового и подсумок с рожками и гранатами.

Яхонтов постучал фонариком в дверь лунохода. Она приоткрылась.

— Что такое? — послышался сонный голос Алексеева.

— Заводись, — коротко ответил Варяг. — И аппарель открывай.

— Только ни в коем случае не включай фары, пока не скажу! — громко шепнул подбежавший Людоед.

Машина попятилась задом через открытую воротину.

— Не разворачивайся. Задом поезжай, и быстрее, — произнес Илья, усевшийся рядом с Юрием в передней кабине.

— А если в дерево врежусь?

— Варяг в перископ смотрит. Он скажет, если что.
— А что вообще происходит?
— Потом все объясню. Так. Сколько отъехали?
Юрий взглянул на приборную панель.
— Сто пятьдесят метров.
— Отлично! Включай теперь фары!
Алексеев включил.
— И что дальше?
— Они же в поворотных шарнирах, правильно?
— Ну.
— Видишь на крыше панели солнечных батарей у них?
— Ну вижу.
— Направь свет фар на них.

Два ксеноновых прожектора задвигались в своих шарнирах, и ослепительно яркие лучи света ударились в панели солнечных батарей на крыше комплекса охотничьей артели «Три свиньи». Прошло несколько секунд, и всем в луноходе, кто смотрел в сторону комплекса, пришлось зажмуриться.

Яркая вспышка, возникшая словно из ничего, мгновенно выросла до огромного огненного шара невероятных размеров. Раздался оглушительный грохот. Огромный шторм огня продолжал расти, пожирая те остатки строения, которые не разлетелись в стороны в первые доли секунды взрыва. В разные стороны летели горящие бревна и объятые пламенем остатки машин, приспособленные для нужд этой общины. Весь комплекс превратился в бушующее море огня, который разбрасывал свои горячие сгустки на ближайшие деревья, и те послушно вспыхивали. И казалось, среди этого адского бушующего действа были слышны голоса сгорающих заживо людей, которые, впрочем, уже должны были быть мертвы.

26
НЕБО

— Илья, ты больной?! Ну, просто скажи, что ты больной, и все станет понятно! Скажи, что ты патологически не можешь жить без убийств! — Варяг нервно топтался на снегу и часто затягивался своей трубкой, то и дело выпуская сизый дым в ледяной утренний воздух.

Крест стоял, облокотившись на корпус лунохода, и исподлобья смотрел на Яхонтова.

— Тебе легче считать меня больным маньяком?

— А ты не маньяк?! Получается, что, пока все спали, ты незаметно шнырял по этому комплексу, нашел их топливное хранилище на заправке, выдрал электрический кабель где-то на потолке и сунул его туда, в емкость. А потом заставил светом наших фар пустить электричество со световых батарей и произвести детонацию нескольких десятков тонн горючего?!

— Ну, именно так я все и рассказал, — равнодушно пожал плечами Илья.

— А на хрена?!

— Они там все людоеды...

— Людоеды? Людоед, да ведь ты тоже людоед!

— Несмешной каламбур.

— А кто тут шутит? Кто, Илья?

— Я единственный людоед, который не ест людей.

— Правильно. Ты их просто убиваешь. Пачками!

— Миллионами, — ухмыльнувшись, кивнул Крест.

— Они не от хорошей жизни каннибализмом занимаются! Занимались, вернее!

— А ты? Почему ты человечину не ешь? Почему конфедераты и сталкеры людей не едят? Почему Колька от одной мысли о каннибализме бледнеет? Вы на другой планете живете? Сытой и благоденствующей?

— Они не причинили нам вреда!

— Но ели других. А на других нам плевать. Нам ведь хорошо, и ладно. Так? — кивнул Людоед. — А теперь представь такую ситуацию. Вы добрались до ХАРПа и взорвали его к чертям. Наверное, он перестанет влиять на погоду. Наверное, облака расступятся. Наверное, климат смягчится. И все выжившие повылазят из своих нор. Если сейчас все действуют на ближайшей к их жилищу территории, кроме нескольких психов, решивших проехать полмира ради призрачной надежды, то потом они, все остальные, ринутся на обширные пустующие территории. На своих соседей. И что эти «три свиньи» принесут людям? Как ты думаешь?

— Это сомнительное оправдание.

— А я не оправдываюсь. Мне не в чем оправдываться. И к тому же я сначала зарезал Олигарха. Нам все равно не дали бы уйти оттуда.

— А зачем ты его зарезал? Просто из-за того, что его взгляды на жизнь противоположны нашим? Только из-за этого?

— Взгляды на жизнь, говоришь... — улыбнулся Крест. — Ну, были причины убить его. Тебе не понять, раз ты такой либерал.

— Илья... — подал наконец голос стоявший в стороне и ежившийся от холода Николай. — Илья!

— Ну, чего тебе?

— Расскажи Варягу. Расскажи ему про «Артель».

Людоед уставился на Николая, затем устало повесил голову и тихо засмеялся.

— Однако... — пробормотал он. — Парень совсем не промах...

— Про какую еще артель? — нахмурился Варяг. — Про ту, что он взорвал?

— Нет. — Васнецов мотнул головой и поправил шапку. — Другая артель. Некое тайное общество... Неужели ты не знаешь, Варяг? Ты ведь дружил с моим отцом. А он был в этом обществе. Это люди, имевшие на руках списки влиятельных в стране людей, подлежащих уничтожению в случае большой войны.

— Что за бред. — Яхонтов недоумевал. — Откуда ты вообще взял это?

— Дядя рассказал.

— Кто рассказал?

— Эту записную книжку, что сталкеры мне просили передать, вел мой дядя. Владимир Васнецов. Его завербовали в «Артель».

— Ассасины, — хмыкнул Людоед.

— Ассасины? Это же древнее тайное исламское движение. — Яхонтов взглянул на Илью. — При чем тут это?

— Хашашины. Типа, употребляющие гашиш или одурманенные гашишем. Завербованные духовным лидером и фанатично преданные ему боевики. Ассасины — это уже европейская транскрипция. Синоним скрытных профессиональных убийц, для которых не существует преград и от которых практически нельзя ни скрыться, ни защититься. Вербовщик именно так нас и называл.

— Так ты ассасин? — Удивлению Варяга не было предела.

— Да. Он самый... В том числе и ассасин. — Крест лукаво улыбнулся. — Именно поэтому я и грохнул этого олигарха. Он был в черном списке.

— Господи, Илья, столько лет уже прошло. Все в прах превратилось. На кой черт тебе это надо было сейчас?

— У преступлений нераскаявшихся врагов народа и страны срока давности нет, — нахмурившись, ответил Людоед.

— Врагов народа? У нас тут что, тридцать седьмой год?

— Знаешь, Яхонтов. Если бы мы повторили этот самый тридцать седьмой год своевременно, то, может, и катастрофы общемировой не случилось бы. Слишком поздно мы стали отстреливать тех, кто своими деяниями позволил противнику думать, что война будет легкой прогулкой. А оно вон как вышло. Давили нас, дробили. Разваливали и опускали. Потом решили сделать контрольный выстрел, а мы, оказывается, были в состоянии дать сдачи. И так дали... Сам видишь.

— Черт... Да ты сам понимаешь, что говоришь?

— Возможно, если бы мы пошли на сознательные жертвы заблаговременно, то других, гораздо больших жертв избежать смогли бы...

— А кто... кому дано определять списки жертв? Чья это привилегия? Твоя? Ты же сам говорил Николаю, что он напрасно решает за других, что для них благо, а что нет. А сам? Кем ты вообще себя возомнил? А эта несчастная девочка в чем провинилась? Она ведь тоже сгорела, как и все, в той общине. Ее за что?

— А она выбрала свой путь. Верно, Николай? — Крест посмотрел на Васнецова.

— Ты что, подслушивал мой с ней разговор? — вздохнул тот.

— Ну, ты ведь позволил себе подслушать мой разговор, — подмигнул ему Крест.

— Откуда ты знаешь?

— Догадался, — хмыкнул Крест. — Ты весьма предсказуем.

— Она выбрала свой путь, — угрюмо кивнул Яхонтов. — Просто она не знала, что в их дом пришел человек, который всех их приговорил. Который сожжет их всех заживо. Она ведь не знала, что ей осталось жить пару часов. Потому и выбрала тот путь. Что ты за человек, Илья?! Что ты за псих такой?!

— Мне ее жаль, конечно. Вообще много кого стоит пожалеть на этой планете. Но! Когда лес рубят, щепки летят.

— Да пошел ты! — рявкнул Варяг и полез обратно в шлюз.

Людоед какое-то время задумчиво смотрел на снег перед собой, потом медленно повернулся к Николаю.

— Ну что, блаженный. Пора ехать дальше.

— Мне до ветру надо, — ответил Васнецов, переминаясь с ноги на ногу, отчего под ногами раздавался хруст снежного наста.

— Ну так чего ты ждешь? Иди.

— Ладно.

— Только далеко не отходи. Опять вляпаешься во что-нибудь, — улыбнулся Крест.

— Хорошо.

Николай направился к накренившемуся дереву, одиноко торчащему из сугроба. Он встал за дерево спиной к луноходу и сделал свои дела. Уже когда он заправил одежду, его взгляд уловил что-то странное. Это была тень. Сумрачный мир не знал теней на улице. Солнечный свет растворялся в вечных облаках, и те равномерно освещали днем поверхность земли. Но сейчас Васнецов увидел, как перед ним медленно очерчивается его собственная тень. И тень наклонившегося мертвого дерева. Николай замер, не понимая, что происходит. Тень становилась все темнее, и ее размытые границы постепенно приобретали все более четкие очертания. Дневной свет становился все интенсивнее. И вдруг мириады кристалликов снега засверкали вокруг, играя лучами света. Ничего подобного он никогда не видел. Во всяком случае, не помнил. Васнецов медленно повернулся и оторопел. Туманная дымка мутного, как грязная вода, горизонта расступилась, и в непроницаемом своде лениво плывущих облаков образовалась огромная круглая брешь. Николай задрожал от волнения. В этой бреши, разогнавшей вокруг себя тучные, пышные облака, каскадом спускающиеся почти к самой земле, зияла невероятная голубизна чистого неба. Васнецов зажмурился от яркого нестерпимого света, когда наконец солнце выглянуло из-за края гигантской воронки. Он прикрыл лицо руками, отгораживаясь от этого фантасмагорического зрелища, поскольку солнце било даже сквозь прикрытые веки. И больно было смотреть на сверкающий снег. Это было совершенно невероятно. С тех самых пор, как тучи затянули небо и началась ядерная зима, выжившие надеялись, что это временно. Это ненадолго. Что облака расступятся, как это обычно бывает в природе, и люди снова увидят солнечный свет и чистое небо. Но этого не происходило. И давно уже всем казалось, что теперь так будет всегда. Остатки людей, зажатые между промерзшей и покрытой снегом землей и низкими тяжелыми свинцовыми облаками... Но сейчас... Может, все это лишь почудилось? Ведь мерещилась ему Рана, катающаяся на коньках, и еще всякое прочее...

Николай осторожно приоткрыл глаза. Нет. Это действительно разрыв в облаках. Это действительно синее небо и то

самое солнце, с которым человечество в разлуке уже долгие годы. Васнецов бросился бежать к луноходу. Людоед стоял возле машины, задрав голову. Непривычно было видеть его таким. Лицо удивленное, и во взгляде что-то благоговейное. Даже рот от удивления приоткрыл. Берет, отягченный спрятанным в нем метательным лезвием, упал с головы в снег и так и лежал позади Ильи, который на это не обратил никакого внимания. Он продолжал смотреть на это невероятное и красивое зрелище. Гигантская воронка в серых тучах медленно, но верно приближалась.

— Крест! Ты видишь это?! Или я сплю?! — Николай подбежал к Людоеду и схватил его за плечи.

— Небо, — с каким-то трепетом в голосе прошептал Крест. — Надеюсь, что ты не спишь. Тогда и я, значит, не сплю. Господи, а я и забыл, как оно красиво...

— Илья, надо ребят позвать! Они должны это увидеть!

Людоед ничего не отвечал. Только смотрел на разверзшуюся бездну чистоты и света. Словно сам Всевышний разогнал ладонями грязную пену облаков и взирал сверху на то, как там поживают те немногие из его питомцев, что умудрились остаться в живых после своего глобального суицидального шабаша.

— Илья! Ты слышишь меня?!

— Погоди. — Крест наконец пришел в себя и поднял свой берет. — Что-то тут не так. Разрыв почти идеально круглый. Километров пятьсот в диаметре. Или около того.

— И что ты думаешь?

Васнецов с тревогой взглянул на товарища. Неужели это фантастическое, великолепное зрелище, пробуждающее желание жить, таит в себе какой-то подвох?

— Такой ровный круг в облаках можно проделать термоядерным взрывом.

— Что?! — воскликнул Николай.

— Но посмотри. Облачный каскад по краю воронки медленно, по спирали закручивается. Да и вспышки взрыва с эхом мы не наблюдали. Значит, это не взрыв.

Внезапно дверь водительской кабины открылась и оттуда выскочил Юрий. Николай только сейчас заметил, что антенны на луноходе снова выдвинуты.

— Вы какого хрена стоите?! — воскликнул космонавт. — Быстро в машину!

— Юра, ты видишь это?! — крикнул ему в ответ Николай.

— Вижу, черт вас подери! Именно поэтому вам надо срочно в машину!

— А что...

— Быстрее, вашу мать!!!

Николай и Крест залезли через шлюз и уселись на сиденья. Варяг наблюдал за небом в перископ. Сквернослов продолжал спать, но от начавшейся суеты вроде стал просыпаться.

— Ну, теперь растолкуй, — обратился Крест к Алексееву.

— Я связался наконец с нашим космическим кораблем, — ответил Юрий.

— Ну, это я понял по антеннам.

— Короче, этот разрыв — формирующийся циклон. А воронка — область сверхнизкого давления. Там буквально спускается холод из самого космоса, если грубо говорить. В любой момент здесь может случиться резкий температурный перепад. Если находиться на улице, то даже глаза не успеете закрыть, как в лед превратитесь. Температура резко упадет в два-три раза. А сейчас за бортом минус тридцать. Никакая одежда не спасет.

— И такое бывает? — спросил Варяг.

— Бывает. Но не с такими температурными скачками. Это аномальный циклон. Формировались два фронта. Один естественный, а другой, похоже, был вызван ХАРПом. Он оттуда шел. От Аляски. И мощнее. Короче, два фронта столкнулись и начало формироваться вот это.

— Чертов ХАРП, — проворчал Яхонтов.

— Я что-то пропустил? — вздохнул сонный Вячеслав.

— Иди погляди. — Варяг пригласил его к перископу. — Пока есть возможность увидеть чистое небо, сделай это. Другой возможности, может, и не будет.

— Ты все это от корабля своего узнал? — поинтересовался Крест.

— Разумеется. Он в автоматическом режиме работает как геодезический спутник.

— Господи... Красота какая... Невероятно... — бормотал Сквернослов, глядя в перископ.

— Что еще передал корабль? — задал очередной вопрос Илья.

— Да мало утешительного, — вздохнул Юрий.

— А конкретнее?

— На Урале вулканическая активность. Две горы превратились в действующие вулканы. Но это полбеды. Три вулкана активны на севере Аляски. Это тоже терпимо. Нам надо южнее той зоны. Самое хреновое — это вулканическая активность в национальном парке Йелоустоун, на территории бывших Соединенных Штатов.

— Что это еще за такое? — нахмурился Варяг.

— Это, по сути, гигантский вулкан. Самый крупный, известный науке. Уже давно ученые выяснили, что его активность циклична с периодом примерно в шестьсот тысяч лет. И после последнего извержения прошло примерно шестьсот двадцать тысяч лет. То есть очередной цикл ожидался в нашу эпоху. Может, в нашем веке, а может, и в течение ближайших двух тысяч лет. Или завтра... Но хомосапиенсы не стали дожидаться природного апокалипсиса, а устроили свой. Рукотворный. Этот вулкан начал просыпаться. Быть может, катализатором послужили ядерные удары. Быть может, воздействие ХАРПа на планету. Это уже не важно. Важно то, что сначала было одно извержение. Теперь их там пять. Они идут по кромке древнего жерла. Если эта пунктирная линия вулканов опишет круг по периметру древнего вулкана, то мы получим кальдеру диаметром около ста километров.

— Господи, Юра, ты по-русски можешь говорить? — нахмурился Людоед.

— Ну... Под землей, под этим национальным парком, гигантский магматический мешок. Представь, что ты на льду по кругу сверлишь лунки, а потом прыгаешь в центр круга. Лед проваливается, и большая масса воды выплескивается из бреши. Если вулканы очертят законченный круг по периметру древнего жерла, то есть магматической камеры, то огромное плато провалится в магму и может произойти гигантское извержение единого супервулкана.

— И чем это грозит?

— Выбросом большого количества пепла в атмосферу. Один такой вулкан может погрузить землю в ядерную зиму на несколько лет.

— Так уже почти два десятилетия ядерная зима. И что?

— Илья, ты совсем не понимаешь? Сейчас ядерная зима и поверхность земли скрыта от солнца. Если к этому прибавится еще и колоссальный выброс пепла, то пропускная способность облаков снизится, быть может, вдвое. Наступит ночь. И темпе-

ратуры упадут до шестидесяти или восьмидесяти градусов. Если конденсацию облаков ХАРПом остановить, то, быть может, тучи рассеются и пагубный эффект от извержения, возможно, минимизируется. Хотя было мнение, что подобное извержение способно сместить земную ось. Короче, хорошего мало.

— Твою мать. Ну, час от часу не легче, — потер ладонью свой подбородок Илья.

— Но может, извержения и не произойдет. Если напряжение в магматической камере выйдет через мелкие вулканы по периметру, то беда, может, и минует.

— Может? Это окрыляет, знаешь ли, — покачал головой Варяг.

— А я при чем? — Юрий пожал плечами. — В конце концов, есть и хорошие новости.

— И какие?

— Мы еще живы. — Алексеев невесело усмехнулся.

— После всего того, что ты наговорил сейчас, уже и не знаю, радоваться или плакать по этому поводу... — пробормотал Сквернослов, отойдя от перископа.

Его место занял Яхонтов.

— Есть резкое снижение температуры, — произнес Юрий, глядя на приборы. — Мы в воронке.

— Сколько? — спросил Людоед.

— Минус пятьдесят четыре, — ответил космонавт. Затем покачал головой и добавил: — Минус шестьдесят семь.

— Так быстро? — изумился Яхонтов.

— Именно. И это еще не предел. — Алексеев вздохнул.

— А наша машина выдержит? — с тревогой в голосе спросил Вячеслав.

— Должна. Но лучше пока постоим. Двигаться не будем.

— Чего? — Крест уставился на космонавта. — Что за ахинею ты сейчас сказал, Юра? На Луне перепады между днем и ночью и между светом и тенью в сто — двести градусов. Что может сейчас повредить эту машину, кроме гранатомета, который на таком морозе даже не выстрелит. А?

Космонавт устало посмотрел на Людоеда.

— Ты опять со своими подозрениями? Ты хоть представляешь, сколько этой машине лет и какой путь она уже прошла? Это чудо, что она еще движется.

— Чудо? — Николай взглянул на повернувшегося к ним лицом Алексеева. — А там, в Надеждинске, ты был намного более уверен в этом луноходе.

— Тогда я во многом был уверен. Тогда я еще не представлял себе, что родная дочь может выстрелить в голову своему отцу. Сейчас я не уверен ни в чем.

Николай замолк. На это ответить было нечего. Молчал и Людоед. Славик стыдливо отвернулся, очевидно ощутив неловкость за свой поступок в подвале амазонок, когда он пытался изнасиловать Пчелку.

Яхонтов продолжал смотреть в перископ.

— А вот и циклон, — вздохнул искатель.

Николай прильнул к смотровой щели. Воздух за бортом машины наполнился хаосом снежной взвеси, которая закручивалась в неистовой ярости, словно желая стереть машину в порошок. Сточить ее, как наждаком стачивают шероховатости на древесине, будто машина с пятеркой отчаянных людей была ненужной шероховатостью на бескрайней снежной глади закованной в холод планеты.

Отчего-то страх перед стихией заставил чувствовать себя уютно в этом замкнутом пространстве, где было тепло и тихо. А ведь от ледяного ада их отделяли лишь стенки корпуса в несколько сантиметров толщиной. Какой странный контраст...

— А все-таки оно прекрасно... Небо... — вздохнул, обращаясь скорее к самому себе, Вячеслав.

— У нас получится? — Николай взглянул на вышедшую из снежной бури Рану, которой все это буйство стихии было словно нипочем.

— Это ведь от вас зависит, — улыбнулась она. — Я могу лишь пожелать вам удачи.

— Ты так долго не приходила ко мне...

— А ты хотел? Ты был очарован силой Нордики, телом Ульяны, ангельским ликом той людоедской проститутки... Разве ты хотел увидеть безобразную мертвую калеку? — спросила она.

— Зачем ты так? Ты... мне нравишься...

— А когда ты был пьян, то говорил, что любишь. Чего только спьяну не скажешь, правда? — Она укоризненно покачала головой. — Или это просто жалость и чувство вины?

— Я запутался, Рана... Я ничего не понимаю. Где мы правы, а где нет? Как правильнее поступать? Мы усыпаем нашу дорогу трупами... А можно иначе?

— Становиться мертвыми — бремя живых. Страх перед смертью призывает эту смерть. Это страсти человеческие.

— Я не понимаю...

— Только потому, что ты живой. Но смерть...

В объятьях Смерти столько страсти,
в них позабудешь про ненастье,
забудешь в них про страх и счастье,
забудешь в них, что значит быть живым,
а значит, сразу станешь ты иным.

О Смерть! Ты любишь благородных!
Ты не берешь к себе безродных,
мерзавцев алчных и тупых,
крадущих счастье у других.

Ты обнимаешь лучших из людей!
И оставляешь жить полузверей,
тех, кто достоин смерти как никто другой,
кого бы стоило отправить в мир иной.

Так почему ты так несправедлива?
Иль я не знаю, что ты так красива,
что награждаешь своим телом лучшего из нас?
Но только лишь один,
единый раз...

Она пропела грустным голосом и смолкла.

Он задумчиво смотрел на девушку. Эта песня тронула его сердце... Нет, не просто тронула. Пронзила его насквозь...

— Тогда какой в этом смысл?

— Смысл есть во всем. Если есть жизнь, значит, так надо. Если есть смерть, значит, и это надо. Но только не тогда, когда жизнь одних питается смертью других. И не тогда, когда смерть изливается рукотворными потоками крови и огня, извращая вечное таинство смерти насилием и войной.

— Таинство смерти? А когда от болезней умирают маленькие дети... Это замечательное такое таинство? — воскликнул Николай.

— Это грустно.

— Это несправедливо!

— Справедливость лишь в том, что умрут все.

— Одни проживут в достатке и тепле, эксплуатируя других, а для других вся жизнь сплошная борьба и потери! Боль и страдания! В чем справедливость?!

— В том, что будет потом.

— А что будет потом, черт возьми?!

— А вот это уже зависит не от меня. От вас. — Она снова улыбнулась. — А я лишь могу пожелать вам удачи.

— Я не желаю тебя слушать! Поди ты к черту! — разозлился Васнецов.

Рана сделала грустные глаза.

— Не убивай меня второй раз. Тебе это больше не удастся. Но ты делаешь мне больно. — Она исчезла в снежном вихре.

— Рана! Прости, Рана, я не хотел! Но ты такие вещи говорила! — закричал он в ураган.

— Не зови ее. Ты выглядишь глупо и слабо, — послышался голос за спиной.

Николай повернулся. Нордика теребила гриву ручного люпуса и с жалостью смотрела на Васнецова.

— Ты? Ты тоже умерла?

— С чего ты взял?

— Но... Все девушки, что мне встретились в экспедиции, погибли... — Он развел руками.

— А я нет. У меня прекрасные защитники. Ахиллес. — Она поцеловала пси-волка в нос. — И Людоед. Пусть он и не рядом.

Васнецов уставился на люпуса. Тот пристально смотрел своими умными глазами на молодого человека.

— Он не попытается меня обратить? — тихо спросил Николай.

Нордика засмеялась.

— А там, в подвале амазонок, когда ты подглядывал за тем, как Илья расправляется с волками, ты разве не понял, что больше не подвержен влиянию пси-волков?

— Не подвержен? Почему?

Нордика ничего не сказала и, потянув зверя за ошейник, стала уходить в снежную бурю. Люпус последовал за ней.

— Наташа! Почему?!

— Вообще-то иммунитет против пси-волков есть только у морлоков! — донеслось из снежной завесы.

— Чего?

— ...И почему ты сразу об этом не сказал? — Людоед уставился на Юрия, который вел луноход.

— А мы вообще-то не об этом говорили, — ответил космонавт.

— Юра, как ты вообще мог подумать, что идущий от Уральских гор радиосигнал не настолько значим, чтоб о нем не говорить? — поддержал Людоеда Варяг.

— Вы что, думаете, что я пытаюсь это от вас утаить? Я же сам рассказал про этот сигнал, пойманный нашим кораблем на орбите.

— Да просто у тебя выбора особого нет, — нахмурился Крест.

— Выбора нет? Пожалуй, ты не прав. Он был в Москве, когда мы с Андреем решили там остаться. Но вот поперлись с вами за каким-то хреном, и Андрея нет, — резко ответил Алексеев.

— Ты нас, что ли, винишь в его смерти? — теперь нахмурился Яхонтов.

— Нет. Просто констатирую. И меня уже задолбали подозрения Людоеда. А теперь еще и твои, Варяг.

— Что за сигнал? — пробормотал проснувшийся Николай.

— Где-то на Урале. — Яхонтов повернулся к Васнецову. — Космический корабль уловил слабый сигнал. Либо кто-то посылает оттуда сигналы, либо это локальные радиопереговоры, которые уловил корабль.

— А вот у меня встречный вопрос, Людоед, — оживился Юрий. — Ты говорил, что у нас будет куча боеприпасов, когда до Уральских гор дойдем. Откуда ты это взял? Недоговариваешь что-то, любезный! А как ты скрывал от нас свою принадлежность к этим ассасинам? И еще бог знает что скрываешь. И ты смеешь меня в чем-то подозревать?! А?! А откуда у тебя иммунитет к пси-волкам?!

— Вообще-то иммунитет против пси-волков есть только у морлоков! — пробормотал Николай. И привлек к себе недоуменные взгляды своих спутников. Всех, кроме Юрия, который продолжал вести луноход, приближая путников к хребту Уральских гор.

27
ГЕНЕРАТОР ЧУДЕС

Машину сильно трясло. Последние события заставили Алексеева ехать гораздо быстрее, выбирая для этого запорошенные снегом железнодорожные пути. Однако и на них было достаточно неровностей, вызванных снежными барханами и наледью, чтобы движение явно ощущалось пассажирами.

— Как ты меня вычислил? — тихо спросил Людоед у листающего записную книжку Николая.

— Я вообще-то про Варяга подумал. Он ведь дружил с отцом. А как я узнал из этого блокнота, отец был в «Артели» еще до войны. Ну, я сказал фразу, которой вербовщик пользовался. А отреагировал не Варяг, а ты.

— Хитер, бобер, — как-то досадливо фыркнул Крест. Казалось, он был очень недоволен собой и тем, что позволил себя раскрыть. — Вот уж не думал, что в этой книженции что-то подобное можно было вычитать.

— А зачем надо было от нас это скрывать?

— А зачем вам это надо было знать? Если это строжайшая тайна, то я обязан молчать. Я военный человек. А понятие «умеет хранить государственную и военную тайну» подразумевает, что я молоть языком и среди своих не буду. Да и права не имею.

— Понятно. А про иммунитет к пси-волкам? Это тоже секрет? — Васнецов уставился на собеседника.

— А что ты ляпнул тогда про морлоков? — вопросом на вопрос ответил Людоед.

— Ну, что иммунитет только у них. А что, это так?

— Видишь ли. Раньше, когда было еще тепло, были такие маленькие летающие хреновины. Пчелами назывались...

— Да знаю я, что такое пчелы, — досадливо поморщился Николай. — Чего ты со мной как с дураком разговариваешь?

— Ну молодец, что знаешь. Так вот. Они кусались. Одни люди могли от одного укуса коньки отбросить. А другим и десять пчелиных жал нипочем. Свойства организма. Понимаешь?

— Но ты ведь единственный человек, у которого такой иммунитет от люпусов.

— Да с чего ты взял? — засмеялся Крест. — Ты что, всех людей знаешь?

— Пока я в лазарете у конфедератов парился, Славик многое про тебя услышал от бойцов. И они говорили, что нет больше людей, на которых пси-волки не могут воздействовать своим обращением.

— Идиоты... — хмыкнул Илья. — Ну, мало ли кто что болтает. Нет больше, говоришь? А вот в этой кабине уже сидят как минимум два человека, у кого этот иммунитет есть.

— Чего? — удивился Николай.

— В Битцевском парке тебя волк не успел обратить. А на базе Листопада они просто не смогли. Ты же подглядывал за мной. Ты не выполнил моих рекомендаций и мог стать обращенным. Но несколько пси-волков так и не смогли ничего с тобой сделать? Что за фигня, а, Коля? — Крест лукаво на него посмотрел.

— Я... Я не знаю. — Васнецов растерянно пожал плечами.

— Ну так и я не знаю.

— А откуда вообще эти волки появились? Невероятно просто.

— Почему невероятно? Ты просто мало знаешь о животном мире. Вот, например, зверек один. Куница, кажется, или что-то в этом роде. Охотится на зайца. И гипнотизирует его. Выскакивает перед зайцем и начинает танцевать. Самым натуральным образом. А заяц тупо смотрит на это, пока охотник не схватит его за горло. Были в живой природе жуки, которые имели всегда при себе химическое оружие. Вот у Саддама его не оказалось, а у этих жуков запросто. Так они защищались от врагов. Смешивались в брюхе два компонента, и он под большим давлением выстреливал из собственной задницы раскаленную струю химиката в назойливого супостата. Вот бы Саддаму так, верно?

— Кому?

— Да ладно. Неважно теперь уже. Слушай дальше. Крабы в морях жили с похожим свойством. Тоже стреляли. Взводили клешню, как курок револьвера, и хлоп! Противник оглушен на расстоянии. А были еще рыбки, которые знали законы баллистики. Они плевались водой в мух и жуков, которые сидели на веточках над водоемом, и сбивали их, чтобы съесть. При этом рыбка каким-то образом учитывала преломление лучей, проходящих через воду. Ведь целились они из-под воды. Ты такое можешь себе представить? Наверное, нет.

— Это что, правда?

— Правда. И далеко не предел. Природа творила настоящие чудеса. Один человек чего стоит. Далеко не совершенное в биологическом плане существо умудрилось добиться небывалых успехов в развитии и вдобавок захреначить эти успехи тотальным ядерным погромом. А теперь человек сидит и башкой мотает. Во, блин, облажался-то как. Вот тебе и чудеса природы. И пока природа жива, она продолжает творить, естественно подстраиваясь под сложившиеся условия. Конечно, странно,

что такие звери появились всего за считаные годы. Может, радиация и прочая гадость тому виной. Кто его знает? Может, объяснение в том, что природа очень нами недовольна. Вот и наслала на нас всю эту заразу. Хотя по мне... Крысы-мутанты, черви, про которых вы рассказывали, и пси-волки куда меньшее зло, чем иные представители нашего с тобой вида.

— Природа недовольна? По-твоему, она обладает разумом? — Николай скептически посмотрел на Людоеда.

— Природа живая. Она создала растения. Животных. Нас. Разум... Конечно, после всего, что произошло, это с натяжкой можно назвать разумом... То, что в наших головах. Может, разум поразумнее был в головах дельфинов? И тем не менее мы тоже разумны... Худо-бедно... Но появление разума из того, что дала природа, разве не говорит о разумности ее самой? О разумности всей материи, из которой состоит вселенная? Не это ли есть тот самый Бог-создатель?

— Инквизиции на тебя нет, еретик, — пробормотал Варяг, глядя в перископ.

— Это, надеюсь, шутка? — Людоед посмотрел на искателя.

— Разумеется, шутка. Вообще, тебя иногда интересно слушать. Даже иной раз не верится, что такие вещи говорит серийный убийца. — Яхонтов не отрывался от наблюдения.

— Это тоже, надеюсь, шутка?

— А вот это хрен его знает. — Варяг пожал плечами.

— Да ну тебя, в самом деле, — махнул рукой Илья и разлегся на сиденье. — Я спать. Если кого грохнуть надо, будите. Я завсегда...

— Гриша, может, объявишь приказ сдать всем оружие?

Подполковник Васнецов вложил написанную от руки записку, констатирующую смерть Лишенко, в его личное дело, закрыл красную папку, завязал белые тесемки.

— Эх, Степан, Степан, — вздохнул Коновалов и убрал личное дело в сейф. — Нет, Володя. Боюсь, не так поймут. Наверху война, а я приказываю сдать оружие. Все на взводе, сам видишь. Чего доброго, палить и по мне начнут.

Полковник покачал головой и горько усмехнулся.

— Ну, как знаешь. Может, ты и прав. — Владимир вздохнул.

— Да я не знаю, прав я или нет. Сам ни в чем не уверен. Выбраться отсюда охота. Своих повидать. Что с ними... Но нельзя. Да и не один я такой. У всех кто-то там остался...

Подполковник, соглашаясь, покачал головой. Он, к своему стыду, гнал от себя мысли о своей семье. Жене и непутевой дочери.

— А что там, вроде две лодки и объект «Среда» на связь выходили? Да? — Васнецов решил уйти от разговора о родных.

— Да. Было дело.

— И что там?

— Одна лодка доложила, что благополучно выпустила все ракеты по заданным целям. Торпедировала лодку противника и какой-то транспорт. Но вроде нейтральный. Вот со второй лодкой что-то непонятное. Сбивчивая информация. Вроде на ней конфликт какой-то вспыхнул. Там капитан отказался работать по целям. Сказал, что военные конвои топить будет, а ядерные ракеты по городам противника не запустит. Мол, они засекли три вражеских стратегических бомбардировщика, которые выбросили свои ракеты в океан и повернули обратно. И дескать, надо так же поступить. Ну и на борту там какой-то отряд морских диверсантов, которых они на Ян-Майен вроде высаживали для закладки особых фугасов у военной базы. Они, эти диверсанты, пытаются теперь взять контроль над лодкой в свои руки.

— Зачем?

— Как зачем? Отстранить капитана и запустить ракеты. Короче, дело дрянь. И знаешь, что самое интересное?

— Что?

— Похоже, что там, на лодке, те самые моряки, что у нас недавно были. И вроде основную бучу против капитана поднял этот нервный... Кап-лей. Помнишь его? Который в самоволку еще в метро бегал. Фамилия у него еще такая интересная...

— Крест?

— Да. Крест.

Николай чуть не поперхнулся слюной и уставился на спящего Людоеда. Капитан-лейтенант Крест? Морской диверсант? Да вот же он. Перед ним. Спит безмятежно. Это наверняка он. Васнецов судорожно перевернул страницу и стал читать дальше...

— А с чего ты взял, что это именно они?

Коновалов пожал плечами:

— Ну, они же вроде назывались «Парус». А речь на лодке идет именно о каких-то парусниках. И что какой-то Крест за-

хватил оружейку на лодке и заминировал реактор. Дескать, если их сомнут сторонники капитана лодки, он взорвет ее. И вроде у него не простая мина. А ядерный диверсионный фугас. Из тех, что они на Ян-Майене закладывали. Представь, что там будет. Сам фугас. Плюс два реактора. Плюс ракеты с ядерной боевой частью. Плюс у них четыре торпеды оснащены ядерными головками. Рванет на полсотни мегатонн...

Николай продолжал читать дневник, каждый раз даривший ему новые шокирующие откровения. Но даже в тот миг, когда он понял, что у него был дядя, и тогда, когда он понял, что именно его дядя вел записи в этом ежедневнике, он не испытал того шока, как сейчас. Расплывчатые строки о людях, которых он не знал. Которых давно не было. И чьи образы трудно было себе представить, и приходилось уповать лишь на свое богатое воображение, чтобы хоть как-то вдохнуть жизнь в эти холодные, потускневшие от времени строки. И вдруг строки ожили образом реального и знакомого человека, который, стоит поднять глаза повыше строк, окажется в поле зрения. Спящий и, видимо, не подозревающий, что за записи находятся в блокноте, который он сам передал по просьбе сталкеров Николаю.

— Варяг, — тихо позвал Николай.

— Чего? — Яхонтов оторвался от перископа и обернулся.

— Варяг, скажи Юре, чтоб остановился. Мне облегчиться надо.

— А чего ты шепотом?

— Да чтоб Илью не разбудить. Попроси Юру, а?

— Ладно. Юра. — Яхонтов тронул плечо космонавта. — Притормози на пяток минут.

Луноход остановился.

— Варяг, пошли со мной, покараулишь.

Искатель кивнул, подбирая стоящий в углу автомат.

На улице уже стемнело. Николай даже не мог вспомнить, какой день они уже в пути. В дороге сложно было уследить за временем. Казалось, что привал у каннибалов был уже очень давно. Хотя, может, прошел день или два. В стороне от железнодорожной насыпи, по которой они ехали, виднелись торчащие из сугробов обгоревшие остатки крыш деревенских домиков. Никаких признаков жизни тут не было. Только несколько верениц звериных следов, пересекающих друг друга.

— Слушай, Варяг. Я... Я тут такое вычитал. Вот, взгляни.

— Так темно уже на улице. Я не прочту. Что там?

— Короче, Людоед был на подводной лодке. Их на какой-то остров с натовской базой высаживали. Он закладывал там ядерные диверсионные фугасы, — сбивчиво и на одном дыхании принялся рассказывать Васнецов.

Варяг слушал спокойно и терпеливо, то хмурясь, то поднимая одну бровь, то щурясь, то качая головой. Наконец, когда Николай закончил говорить, он медленно оперся спиной на луноход и посмотрел на вершину одинокого дерева неподалеку.

— Значит, он застрелил капитана субмарины, овладел ключом для запуска ракет и произвел пуск по целям?

— Именно!

— Ну... Вообще-то он правильно поступил. — Варяг пожал плечами.

— Что? Как же... Как же так? — изумился Николай.

— Коля, есть солдат, есть приказ, есть война. Капитан лодки совершил не простое воинское преступление. Он нарушил присягу. Человек, которому вверено стратегическое оружие, нарушил свою главную обязанность применить его согласно концепции ядерного сдерживания.

— Я не понимаю.

— Ядерное оружие было создано для разрушения и подавления воли того, на кого обладатель этого оружия оказывал давление. Но позже, когда ядерная монополия была нарушена, появилась эта самая концепция ядерного сдерживания. То есть это чудовищное оружие, как ни парадоксально это звучит, было призвано удерживать мир без войны. Поскольку тот, кто решит применить атомную бомбу, не будет уверен в том, что такую же бомбу не применят в ответ против него. Мир зиждился на страхе возможного в случае нарушения этого мира апокалипсиса. Можно, конечно, воздержаться в ядерной войне от применения ядерного оружия. Но никто не воспримет это как акт гуманизма и доброй воли. Это будет восприниматься исключительно как слабость, безволие и трусость. И в этом случае удары будут наноситься с большей силой и ожесточенностью. Слабых презирают. Тех, кто не дает сдачи, опускают. И еще, представь, что кто-то воздержался от пуска ракет. И эти ракеты не поразили аэродром, с которого позже взлетят стратегические ракетоносцы. Незапущенные ракеты не поразили базу атомных подводных лодок, командный пункт стратегическими силами, ракетные шахты. Десять незапущенных ракет стали

причиной того, что были запущены сто ракет. Ты не думал об этом? — Варяг принялся забивать свою трубку табаком.

— Нет. Не думал. Я думал о том, что если бы все те, в чьих руках было это оружие, разом отказались бы его применить, то ничего бы не произошло. Катастрофы бы не случилось.

— Это, к сожалению, невозможно. На тот момент уже весь мир полыхал.

— Вот именно. И каждый у пульта, может, и думал, что не стоит нажимать кнопку. Но потом решал, что невозможен единогласный отказ всех сторон выполнять приказ на применение ядерного оружия. И один за другим начинали нажимать кнопки. Каждый подумал: если не я запущу ракеты, то другие запустят, и все это безумие нарастало как снежный ком. Вот о чем я думал.

— Я тебе о реальных вещах говорю, Коля. А ты мне об утопичной гуманистической сказке. Чудес не бывает.

— Только потому, что люди не дают им случиться. Чудесам этим. Только потому, что люди делают реальное нереальным. Но невозможное, что не должно случиться, воплощают в жизнь.

— Спустись на землю, Коля. Не витай в облаках. Я понимаю, о чем ты говоришь. Но когда начинается война, уже поздно думать о том, а что, если бы... Думать надо было до войны. Но когда она началась, надо действовать. Воевать.

— Только не в этом случае. В обычной войне — да. Надо стремиться к победе. Но в той войне победителей быть не могло.

— Даже в ядерной войне мог быть победитель. В ядерной войне способен победить тот, у кого в руках есть средства для снижения возможности ответного удара до минимального уровня. В ядерной войне мог победить тот, кто внезапным массированным ударом был способен испепелить ядерный потенциал противника. Кто был способен отгородиться от ответного удара масштабной, современной и хорошо налаженной системой противоракетной обороны. Тот, кто имеет на территории противника агентуру, способную точнее определять цели для поражения. Тот, кто имел на территории противника подконтрольную пятую колону предателей. Кто подкармливал на территории противника террористов, способных нанести удары туда, куда не достанут ракеты. Вот кто способен победить в ядерной войне. Мы казались легкой добычей. Но каким-то образом мы не дали никому победить. Я не знаю как. Может, мы нанесли упреждающий удар. Может, и мы имели в стане врага агентуру и террори-

стов. В любом случае мы смогли ответить. И в этом заслуга в том числе и Людоеда. Если это действительно он был на той лодке.

— А как же та лодка наша и американский авианосец, про которые космонавты рассказывали? Помнишь? Они ведь отказались стрелять друг в друга и стали вместе бороться за выживание.

— Они были ответственны лишь за свои судьбы. И когда мир был похоронен, они обратились к голосу разума. Уже не было смысла продолжать войну. Задачи были другие уже. Выжить. С самого начала к голосу разума должны были обратиться сильные мира сего и не допустить катастрофы. Но когда случилось страшное и человечество пересекло границу необратимости, то очень скоро каждый стал предоставлен сам себе. Каждый, кто выжил. Я не говорю, что Крест поступил замечательно и героически. Нет. Но он поступил согласно долгу и присяге. Согласно обстановке военного времени. А самое страшное не то, что он сделал. А то, что человечество пришло к тому, что и он, и многие другие были вынуждены так поступать.

Николай слушал Варяга и понимал логику его рассуждений. Но он категорически не хотел соглашаться с его, пусть и логически обоснованными, доводами. Васнецов чувствовал, что где-то все-таки был прав он, а не Яхонтов. Но потом вдруг снова вспомнил блокпост мародеров. Как Варяг расправился с двумя пьяными бандитами. А был ли у него выбор? Потом Николай убил Рану. Очевидно, в противном случае она убила бы его или кого-то из его товарищей. Потом они бились в стане конфедератов. А те могли просто выдворить незваных гостей и избежать бойни, в которой потеряли многих своих воинов. Но конфедераты схватились в битве с бандитами, духами, фашинами, сектантами, защищая призрачный шанс, который несли эти люди в луноходе. А был ли выбор? Был ли выбор в подвале амазонок? В придорожном мотеле каннибалов был выбор? Да, конечно, был. Но любой другой выбор мог привести к их гибели, провалу миссии, к поражению. Так, может, действительно Крест поступил правильно, взяв в свои руки пульт управления баллистическими ракетами той лодки? И все же Васнецов не хотел соглашаться с тем, что иначе нельзя было поступить.

Шлюзовой люк открылся, и из него показался Илья. Он вышел на улицу, поднял воротник своей шинели и закурил.

— О чем вы тут спорите? — спросил он, с каким-то странным выражением лица глядя на Варяга и Николая.

— Да вот, узнали кое-что интересное. — Варяг прищурился и внимательно посмотрел на Илью. — Про одного морского диверсанта, который с началом ядерной войны взорвал ко всем чертям натовскую базу на острове Ян-Майен. А потом застрелил пацифистски настроенного капитана подлодки, которая доставляла его группу на вышеозначенный остров, и запустил ракеты. Ты не слышал такую занимательную историю?

Людоед медленно поднес руку с сигаретой к лицу и сделал сильную затяжку. Он тянул время, подыскивая нужный ответ.

— Откуда такая занятная информация? — спросил наконец он, выпуская изо рта дым.

— Скажи, Крест, ты знаешь о секретном объекте под названием «Субботний вечер»?

— Слушай, Яхонтов, я что-то не пойму, к чему ты клонишь.

Варяг улыбнулся и показал рукой на записную книжку, которую сжимал замерзшими руками Николай.

— Ты хоть знаешь, что этот блокнот именно из этого бункера? Из «Субботнего вечера».

Крест вдруг сильно сжал зубами фильтр сигареты и нахмурился.

— Мать вашу, — все же вырвалось сквозь зубы.

— Илья. Давай уже в кошки-мышки играть перестанем.

— Я ведь чувствовал, что что-то не так с этим ежедневником, — усмехнулся Людоед, мотнув головой. — Это был я на той лодке.

— Расскажешь? — кивнул Варяг. — Зачем скрывать?

— А по-твоему, я всем должен трубить, что я один из тех, кто на кнопки нажимал? К чему это? Знаешь, какое к ним отношение среди выживших?

— Ты боишься?

— Нет. Страх тут ни при чем. Это просто здравый смысл. И привычка, выработанная годами. Мы не приучены были распространяться о той деятельности, которую выполняли на своих заданиях.

— Ну и как это все было?

— Ну, черт с вами. Полагаю, в этой хреновой книжке вы такого понавычитывали, что навоображали себе всякого. Лучше бы она тогда сгорела. Черт бы ее побрал... Короче... Мы проходили тренировку по минированию на Новой Земле. Потом кутерьма какая-то началась наверху. Нас то в Питер, то в Москву перебрасывали. Потом в этот бункер. У меня тогда

были серьезные проблемы личного характера. Об этом уж я точно говорить не буду. Слишком интимная сфера, знаете ли. В общем, банальная и глупая история, когда вокруг мужчины рушится мир из-за женщины. Она как раз в Москву переехала. И я тут оказался. Я ушел в самоволку из режимного объекта, хоть это и строго воспрещалось. Нашел ее, но... Не ваше дело, короче. Скажу только, что крыша у меня тогда поехала капитально. Прозрение дается очень болезненно. По возвращении в бункер я оказался в еще более неприятной ситуации. Наш куратор, контролер из спецслужб, вызвал меня на ковер и сказал, что террористы какие-то заминировали несколько станций метро. И я теперь под подозрением. Короче, взяли меня за шары крепкой хваткой. И предложили мне вступить в этот клан ассасинов. Завербовали меня, словом. Даже, так сказать, дали лицензию на убийство близкого мне человека, ставшего моим злейшим врагом. Дали мне оперативный псевдоним Ахиллес. Дескать, я такой сильный воин, но есть у меня ахиллесова пята. Эта роковая в моей жизни женщина. В общем, попал я в переплет, но в силу моего душевного состояния я был просто пластилином. Лепи что хочешь.

Дальше дело было так. Командир получил там какой-то инвентарь. Это потом мы узнали, что эти пять предметов — ранцевые переносные ядерные заряды. Потом минировали Ян-Майен. Мы даже не знали, что за мины закладывали по обе стороны фарватера. Заложили три заряда. Два осталось. Сделали дело и возвращались домой. И вдруг получаем сообщение, что началась война. Лодке было предписано всплыть. Нам было предписано послать кодовый сигнал на активацию и подрыв наших фугасов. Что и сделали. Там ведь были корабли новейшие с системой ПРО. С воздуха базу могли и не поразить. Поразили фугасами. Потом лодка пошла в зону пуска своих ракет. Но на капитана меланхолия какая-то нашла. Он женился буквально за месяц до этой автономки. Говорил нам, что нельзя делать эту дьявольскую работу. Людям надо заниматься любовью, а не войной. Тоже мне Джон Леннон. Короче, вакханалия какая-то началась на лодке. И я со своим нервным срывом как нельзя кстати оказался. Я тогда о долге в последнюю очередь, наверное, думал. В первую очередь я хотел выпотрошить весь этот мир. Дескать, на, получи, стерва. Вот я какой могу быть. Я убил этого капитана. До сих пор жалею. Ведь мог просто его изолировать. Но я убил. Я совершал куда более нехорошие по-

ступки потом. Но его жалею. До сих пор перед глазами этот влюбленный глупец, который, даже мертвый, прижимал к сердцу ее, жены, фотографию. Ракеты мы, естественно, запустили. Я там рулил этим делом. Потом был долгий переход домой. До Питера добрался. Потом дальше. Уж как я до Москвы добирался, я рассказывать не буду. Это не столь существенно. Но добирался долго. Потом нашел ее. Нашел и убил...

— И звали ее? — покачал головой Варяг, который уже знал ответ.

Николай раскрыл рот. Он только сейчас понял, кто эта зловещая женщина.

— Ирина Листопад, — вздохнул Людоед. — По сути, мы с ней одинаковые. Поэтому я и сказал, что двум таким, как я, будет тесно на этой планете. Я поначалу был в жуткой фрустрации оттого, что запустил целый букет ядерных боеголовок и уж наверняка уничтожил миллионы людей. Но потом нашел лекарство. Винил ее в этом. И был одержим идеей мести. Но когда убил... Стало только хуже. Хотя ощутил некоторое освобождение от психологической ловушки, в которой из-за этих тупых эмоциональных дел оказался. Я потом осознал, что она могла быть каким угодно человеком, но за запуск ракет и гибель миллионов несу ответственность исключительно я. Сейчас-то я понимаю, какой я тогда был молодой и глупый болван.

— Ты жалеешь о запуске ракет? — спросил Николай.

— Любой вменяемый человек будет об этом жалеть. Но окажись я в той ситуации сейчас, я снова запустил бы ракеты. Потому как ситуация была такой, не оставляющей альтернативы. Но я сожалею, что мир пришел к такой развязке своей истории. Я сожалею о гибели людей. Гордиться тут нечем. Однако свой долг надо выполнять. Иначе зачем тогда военные профессионалы? Зачем планирование обороны и стратегические планы на случай войны? Ведь если хочешь мира, то готовься к войне. А готовность к войне солдата есть готовность нажать на кнопку, когда это необходимо. Дико звучит, да?

— А что дальше с тобой было? — задал вопрос Яхонтов.

— Я ушел в метро. Причин было несколько. Во-первых, я хотел скрыться от людей. Во-вторых, я узнал, что многие из списка приговоренных, который давали ассасинам, ушли в метро еще перед началом войны. Хотелось крови. В метро оказалось куда многолюдней, чем могло показаться поначалу. Казалось, что удары не оставили там никому шанса на выживание.

Но люди во многих местах выжили. Однако с большинством из них происходили странные вещи. Какая-то странная психическая деградация происходила. Многие люди превращались в гиперагрессивных зомби. Процветал каннибализм. Среди других были телепаты и гипнотизеры. Едва ли это было следствием мутации из-за радиоактивности. Мутация, по идее, проявляется в следующем поколении. Живой индивид способен мутировать только в комиксах дурацких. Тут была какая-то иная причина. Я стал серьезно изучать этот вопрос. Изменения происходили под воздействием какого-то излучения. Я и сам попал под него. Вероятно, мой иммунитет к воздействию пси-волков я приобрел именно тогда. И способность видеть в темноте у меня аномальная. Короче... — Крест лукаво улыбнулся. — Вы только не пугайтесь...

— Ты морлок? — вырвалось у Николая.

Илья внимательно посмотрел на него и утвердительно кивнул.

— Да. Я морлок.

— Вот тебе раз... — пробормотал Варяг.

— Только я не мразевидный морлок, — усмехнулся Людоед.

— Как это?

— Ну, пока люди на поверхности всех, кто в метро, приговорили, под землей текла своя, совершенно иная жизнь. Странное излучение породило несколько видов людей-морлоков. Самый многочисленный — мразевидный. По сути, зомби. Чудовища. Это с ними столкнулся Коля, когда его оборотень спас. И это они на нас напали, когда на выручку Нордика пришла.

— А кто этот оборотень? — Николай вспомнил тот жуткий эпизод в метро.

— Я же говорил, что не знаю. Сначала появился один. Наводил ужас на весь метрополитен. На мразей в том числе. Хотя вроде они чувство страха потеряли, но его тем не менее боялись очень. Потом он пропал. А несколько лет назад снова появился. Хотя, может быть, это другой.

— Так что там с морлоками? — кивнул Варяг, попыхивая трубкой.

— Короче, были и другие морлоки. Излучение пробудило в них паранормальные способности. Человеческий облик они не теряли. Но носились с бредовыми идеями о новом мире новой расы людей, не способной на разрушение мира и решающей все противоречия путем силы своей духовности. А тех, кто

на поверхности, считали злодеями и мутантами. Некоторые из них помогли мне разобраться с источниками излучения. Это были установки психотронного оружия. Их называли «Генераторы чудес», поскольку люди, находящиеся под их воздействием, видели различные галлюцинации. В том числе и коллективные. Генераторы установили наши спецслужбы перед войной. Группы под видом связистов прокладывали особые кабели от своих излучателей.

— А зачем это?

— Ну, планировалось почти всю столицу укрыть в метро. Но во избежание беспорядков и прочих ожидаемых от толпы эксцессов эти установки должны были умиротворить их и успокоить. Но эффект получился, как всегда, совершенно иной. Психика человека процентов на семьдесят состоит из бессознательного. И вот заложенный в бессознательное потенциал и всплыл наружу. Люди превратились в экспериментальных мутантов, чьи особенности зависели от характера, внутреннего «я» и духовного мира. Как оказалось, плохих, маргинальных, беспринципных и бездуховных людей было куда больше, чем представлялось раньше. Вот и появились мразевидные морлоки. Позже, уже после того, как я ушел из метрополитена на поверхность, я узнал, что в конце концов мразевидные морлоки одержали верх. Там теперь, кроме них, никто не живет. В метро никто не спасся. Постепенно обычные морлоки тоже превращались в мразей, поскольку темное, как правило, сильнее из-за своей беспринципности. Темное стремится к достижению целей и при этом использует любые средства. Темное одерживает верх над человеком. Излучатели со временем вышли из строя. Некоторые уничтожил я. Но то, что они сделали, было уже необратимо.

Николай растерянно смотрел на Людоеда. Молодой человек был в высшей степени потрясен услышанным. Но странное дело. Казалось, он все это уже давно знал. Просто не думал о том, куда эти знания деть, и они пылились на задворках разума. А тут все обрело логический вид. Разрозненные куски стекла всех цветов радуги сложились в мозаику, представшую пред взором понимания ясной и четкой картинкой. Илья Крест, он же Ахиллес, он же Людоед, он же профессиональный диверсант-«парусник», убежденный ассасин, оказался плюс ко всему еще и морлоком. Эта мысль леденила душу своей невероятностью и в то же время незыблемой чистотой истины. И тем

страшнее ощущалось то, что случилось со всем человечеством много лет назад.

— Чудеса, да и только, — задумчиво пробормотал Варяг. — Какого дерьма люди напридумывали...

— Именно поэтому эти чертовы установки и называли «Генераторы чудес», — усмехнулся Ахиллес-Людоед-Морлок. — Поехали. А то Юра и Славик там изнервничались, наверное, совсем.

28
ЦАРСТВО РЕНТГЕН

Вот так. Вся ожидаемая страшная правда о Людоеде оказалась сплошь лирико-драматической банальщиной. Причем легко предсказуемой. А чего в этом смысле стоило ждать? Человек, всего лишь человек. И на те или иные его действия влияют сиюминутные и мелкие по своей сути человеческие слабости. Людоед оказался не исключением, а правилом. Интересно, какая нелепая причина побудила первого безумца нажать кнопку? Теперь это уже никогда не узнать. Но понимание того, что любое душевное состояние не должно брать верх над разумом и здравым рассудком, к Николаю пришло окончательно. Только вот... Не всегда бывает время подумать и взять себя в руки... А что Крест? Это просто человек, вошедший во вкус крови давным-давно и не знающий другой жизни и других целей. К тому же его именно этому и учили. Человеческая жизнь для него девальвирована до нулевой отметки. Его, наверное, и не очень заботила судьба тех несчастных мальчуганов, которые во время конфедератского сражения собирали пустые рожки от автоматов и заряжали их патронами. Стоит ли его винить за это? Он привлекал к борьбе за существование всех живых и понимал, что это порождает новых мертвецов. В этом его вина или обстоятельства снова не оставляют выбора? Почему-то вспомнилась та девица на постое у людоедов. Крест обошелся с ней деликатно и вежливо. А потом хладнокровно сжег ее вместе со всем поселением. Это нормально? Для хладнокровного и циничного человека, коим являлся Людоед, наверное, да. Может, его хладнокровие и делало его таким непобедимым? Но все-таки он не хладнокровен. Непоколебимого человека одна-единственная женщина не способна толкнуть на убийство собрата по оружию и запуск ядерных ракет. Неспособна заставить его пройти дол-

гий путь до нее, чтобы отсечь голову. И так далее... Нет, он не хладнокровен. Там, прощаясь с Нордикой, он точно не был хладнокровен. И как он смотрел на чистое небо. С каким душевным трепетом... Он точно не безжалостная машина для убийств. Во всяком случае, не был таковой когда-то. Но когда пути назад уже не было и невозможно стало что-то исправить, он, видимо, смиренно принял такую участь и посвятил свою жизнь смерти. Это лишь порождение эпохи. Все зло не взялось ниоткуда. Все зло таилось в глубинах человеческих душ, и нужен был лишь катализатор, который разбросает эти зерна в благодатную почву хаоса и анархии. И все самое отвратительное, что нес в себе каждый человек, выплеснулось наружу. Каннибализм, жестокость, насилие, нацизм и религиозный фанатизм, зависть и злоба, беспечность, глупость и недальновидность... Все это не было порождением ядерной войны. Все это было всегда, сколько был человек. И ядерная война не стала порождением всех этих внутренних человеческих бесов. Лишь сейчас это приняло такие острые и яркие формы. Но даже теперешний Илья Крест наверняка в некотором смысле рад, что настали такие темные времена. Ведь сейчас он может вершить свой собственный суд и уничтожать все, что не согласуется с его мировоззрением. И наказать за это его некому. И никого это не шокирует. Это лишь норма. Символ эпохи. Теперь уже и невозможно себе представить, что в их агонизирующем постапокалиптическом мире не могло бы появиться такое явление, как Илья Крест-Людоед-Морлок. Естественный отбор оскалил клыки с того самого рокового дня двадцать лет назад.

Если вдуматься, то об этом красноречиво говорили и строки записной книжки. То, что писал его дядя Владимир. Каждый новый абзац обрисовывал все более безрадостную картину. С каждым днем гнетущая обстановка неопределенности и нарастающего как снежный ком ощущения всеобщего конца вышибала из рядов личного состава бункера одного за другим. Нестабильность там, в бункере, стала очевидной уже на второй неделе. Но больше всего истинное положение вещей било по тем, кто жил еще вчера в относительном благополучии. У кого были крепкие семьи и родня. Квартира и уютный быт. У кого были деньги для потребительского образа жизни. Купил ковер, домашний кинотеатр, ноутбук себе и икс-бокс детям. Жене шубу и дорогущие сексуальные стринги. Купил тачку и поставил в нее ЖК-дисплей и дорогую магнитолу. Вот кому было больнее.

Ибо все это — тлен. Даже семья и родня. Не только вещи. Но Владимир Васнецов оставался в здравом уме, ибо он, имея жену и дочь, понимал, что давно потерял их. И мысли об их беспутстве отягощали его разум до того момента, пока не стало ясно, что удары поглотили их в огне. Так и Людоед. Он разорвал своим мечом нить, ведущую к чувствам и ощущениям сопричастности к чьей-то душе. Разорвал для себя понятие жизни вне выживания. Борьба и выживание для него теперь чуть ли не религия. Сжигая за собой все мосты, человек в такой обстановке становился сильным через свой цинизм и чувство одиночки и бойца. На звериный оскал естественного отбора те, кто мог, скалились в ответ. Иным просто не находилось места среди живых. И сколько таких, как Людоед, в итоге появилось, наверное, не счесть. Но одни служили целям каннибалов, другие мародеров, третьи были с фанатиками. Сам же Крест вобрал в себя все их признаки и повадки. Недаром он был причастен к различным по целям, идеалам и деяниям группировкам. Но он тем не менее всегда помнил, что он солдат своей страны...

Васнецов задумался над тем, сколько суждено протянуть в этом мире конкретно ему, Николаю. Ведь он далеко не такой, как Людоед или Варяг, который во многом с Ильей не был согласен, но, по сути, был тем самым бойцом-одиночкой, вцепившимся мертвой хваткой в выживание. Нет, Николай совсем другой. Слабый, ранимый меланхолик, который при своей тяге к одиночеству все больше стал ощущать потребность в человеке. Он всем постоянно сочувствовал. Сопереживал посторонним людям. Видимо, для того, чтобы стать им ближе. Не быть одиноким. Неужели это плохо для выживания? Неужели в самих фундаментальных основах жизни нет места участию и милосердию? Ибо выживает сильнейший и циничный. Тогда чего стоит такая жизнь, если в ней все должны постоянно между собой драться, кровью доказывая свое право на жизнь и расписываясь в том, что ты прошел этот самый отбор достойных жизни? Милосердие не добродетель, а фетиш слабаков? До сих пор Николай жил только потому, что ему это позволила их крепкая община. Нет. Николаи Васнецовы обречены. Будущее за Людоедами. За Крестами...

— Ну, чего ты смотришь так, блаженный? — устало вздохнул Крест.

— Ты говорил, что было пять фугасов. Верно? — ответил Васнецов.

— Ну. Говорил.

— Три вы подорвали на том острове. Так?

Людоед кивнул равнодушно.

— Так.

— А еще два?

— Один в реакторном отсеке так и остался, который я заминировал. А другой, — он похлопал ладонью по своему огромному железному ящику, — я приберег для особого случая.

Васнецов резко отшатнулся от ящика и сел на спящего Варяга.

— Ты хочешь сказать, что он здесь?!

— Ну да, — невозмутимо пожал плечами Илья.

— Кто здесь? — пробормотал проснувшийся Яхонтов.

— «ОИК-шестьдесят четыре». Мы его еще называли «спиногрыз», потому как это ранец. Иногда называли «ослик». Созвучно.

— Чего-чего? — поморщился Варяг. — Ты о чем сейчас?

— Особое изделие. Компактное. Мощностью шестьдесят четыре килотонны.

— Твою мать. — Яхонтов покачал головой. — А чего молчал?

— Я вообще никому о нем не говорю. Это ведь какой соблазн, представляешь?

— Ага. Представляю. Двадцать лет назад насоблазнялись, — проворчал искатель. — Он же там фонит, наверное, все это время.

— Не пугайся, Яхонтов, — махнул рукой Илья. — Он и так не сильно излучает, как ты мог бы подумать. Так еще и в саркофаге свинцовом лежит. Опасаться нечего.

— А ты еще загораживался этим ящиком от тех отморозков на снегоходах! — воскликнул Николай. — А если бы они попали?

— Чем? — усмехнулся Крест. — Патроны этот ящик не возьмут. И саркофаг тоже. А гранатомет... Ну, нам в таком случае так и так кранты настали бы. Пусть и их тоже в таком случае... И вообще. Я детонатор отдельно храню. А без специального детонатора тротиловая сфера не взорвется. А если и сдетонирует от попадания из гранатомета, то не синхронно. Давление не вызовет критической массы, поскольку будет давить на ядро неравномерно. Чего вы нервничаете? Будет чем ХАРП выключить. — Он снова усмехнулся.

— Еще один ядерный взрыв, — нахмурился Варяг. — Человеку не суждено угомониться, пока он существует?

— Всего один. Последний, — возразил Людоед.

— А может, этот последний и поставит жирную точку на нашей истории?

— Ну, если будет другая возможность выключить ХАРП, то вам и карты в руки, — махнул рукой Крест.

Сидящий рядом с ведущим луноход Сквернослов Юрий открыл окошко, соединяющее обе кабины.

— Слушайте, что это за город? Мы вообще правильно едем? Крест, ты когда на карту в последний раз смотрел?

Илья взглянул на Алексеева, видимо желая сделать ему замечание по поводу неприветливого тона, но промолчал. Он раскрыл карту и стал ее разглядывать. Затем посмотрел в смотровую щель.

Снаружи был очередной рассвет в их путешествии. Неизвестный город был накрыт плотной завесой ледяного тумана. Хотя больше было похоже, что это свинцовые тучи под собственной тяжестью спустились к самой поверхности земли. Видимость была менее пятидесяти метров, и можно было разглядеть только ближайшие строения. Но едва ли они могли подсказать, в какой город въехали путешественники. Здания практически все были разрушены и торчали из снега огрызками стен. Никаких следов жизни тоже не было видно. Ни на снегу, ни в виде какого-либо дыма от согреваемых жилищ выживших.

— Посмотри, Юра, кажется, к вокзалу подъезжаем, — произнес Варяг и указал рукой.

Слева стоял локомотив и несколько грузовых платформ за ним. На платформах покоились припорошенные снегом разграбленные мародерами гусеничные трактора. Справа из снега торчало длинное одноэтажное здание, которое, судя по выцветшей краске, было некогда зеленым. Здание было деревянным, и многие доски давно были вырваны. Окна практически полностью утонули в снегу. Фасадное крыльцо в центре длинного строения скрывалось за высоким сугробом. Но возможно, там и была табличка с надписью станции, которая могла помочь путникам сориентироваться.

— Тормози, Славик. — Яхонтов тронул плечо Сквернослова.

Машина остановилась.

— Ну, други, пошли осмотрим достопримечательности. — Людоед одел бушлат и взял в руки оружие.

Из лунохода вышли все, кроме Вячеслава, которому Варяг велел оставаться в машине. Холод щипал не защищенные одеждой участки кожи. Радовало, что совершенно нет ветра. Туман, казалось, стал плотнее. Алексеев побрел к зданию. Он был ближе к заваленному сугробом входу. Яхонтов медленно водил головой, осматривая снежный покров вокруг в поисках хоть каких-нибудь следов. Но было ясно, что пару дней назад случился обильный снегопад, и если и были тут чьи-то следы, то теперь они скрыты от внимательного взора искателя.

— Варяг, что ты думаешь о такой пронзительной тишине? — тихо спросил Крест, хмуро вглядываясь в туман.

— То же, что и ты. Ничего хорошего, — проворчал искатель. — Тишина напрягает.

— До усрачки, — с серьезным видом добавил Илья. — Тут кто-то есть.

— Чего? Откуда ты это взял? — Яхонтов посмотрел в сторону здания вокзала.

— Бонус от генератора чудес. Я ведь морлок. У всего живого, даже у крыс, есть биополе. Я иногда его чую. Как иголка чует присутствие магнита. Или океаны чувствуют гравитацию Луны. Не всегда это почему-то работает. Но сейчас...

— А ты не такой смелый, каким хочешь казаться! — крикнул Людоеду Юрий, разгребая ногой сугроб.

— Не говори глупостей, Юра. Тут речь о другом...

— Илья, — шепнул Николай, — я тоже что-то ощущаю. Что-то большое... Даже объяснить не могу, как это... Будто в чистом поле стоишь и знаешь, что за спиной большая гора...

Крест уставился на Васнецова.

— Однако, блаженный... Похоже, тот битцевский волк крепко тебе флюиды прополоскал перед смертью.

— Чего?

— Млекопитающие иногда чуют присутствие другого зверя, — пожал плечами Яхонтов. — Чего страху сами на себя нагоняете?

— А ты? — Крест посмотрел на искателя.

— Нет. Только тишина мне не нравится. Даже ветра нет, чтобы в пустых окнах погудеть.

— Эй! — снова крикнул Алексеев, который склонился над ямой, которую сам только что вырыл, распинав ногами снег. — Тут и правда табличка над входом!

— Что там написано? — Варяг направился к космонавту.

— Сейчас. — Он еще раз склонился. Поковырял снег прикладом. Затем поднялся во весь рост и произнес: — Котельнич. Это Котельнич!

Раздался грохот и треск. В мгновение ока что-то проломило доски в стене, на которой, видимо, и находилась эта скрытая от остальных глаз табличка. Алексеев только успел вскрикнуть, как вдруг рухнул лицом в снег, и его тут же затянуло в образовавшуюся в стене дыру. Уже из глубины здания раздался крик Алексеева.

Яхонтов вскинул автомат и бросился к зданию.

— Юра! — воскликнул Яхонтов.

Людоед кинулся следом, и Николай бросился за ним.

— Эй! Что случилось! — Сквернослов распахнул пассажирскую дверь лунохода.

— Закройся изнутри! — рявкнул на него Варяг, чуть обернувшись.

— С-у-у-ука!!! — Вопль космонавта был еще дальше в глубине старого здания вокзала.

— Юра! Что там за хрень?! — заорал Яхонтов, ворвавшись в разлом в деревянной стене над входом.

В ответ лишь гробовая тишина.

— Твою мать. Он автомат свой обронил, — досадливо пробормотал Людоед, поднимая оружие космонавта из снега.

— У него «Стечкин» должен быть еще, — послышался изнутри голос Варяга. — Илья, пошли со мной. Коля, будь у входа. Если никто из нас не вернется, валите отсюда со Славиком дальше на восток. Ясно?

— Нет, — резко ответил Васнецов.

— Я полтора раза повторять не буду, салага! — крикнул Варяг.

В глубине здания раздалась серия хлопков.

— Точно, «Стечкин», — усмехнулся Крест и нырнул в проем.

— Хватит мною помыкать, — проворчал Николай и, слепив крепкий снежок, швырнул его в луноход. Оттуда снова появился Сквернослов.

— Чего там, Колян? — с тревогой в голосе спросил он.

— Возьми пулемет, гранат побольше и тащи свою задницу сюда, — заявил Васнецов.

— Ишь ты, — хмыкнул Вячеслав и, выскочив из машины, кинулся к открывающейся аппарели.

Внутри загрохотал автомат.

— Черт! Подсвети! — послышался приглушенный голос Людоеда.

Снова хлопки пистолета.

Вячеслав наконец подбежал к Николаю.

— Что случилось-то?

— Что-то утащило Юру внутрь. Мужики полезли его выручать. Дай пару гранат.

— Держи. Вот еще осколочная.

— Ага. Короче, Славик. Ты с пулеметом тут будь. Я на ту сторону здания.

— А на хрена?

— Так надо, Славик!

Васнецов вскочил на крышу и побежал по ней, ощущая, как давно прогнившая крыша угрожающе скрипит и прогибается под ногами.

Еще одна автоматная очередь прошила пунктирную линию в крыше рядом с Николаем.

— Черт! Мужики! Это я! Не стреляйте!

Васнецов разбежался и нырнул в сугроб с тыльной стороны здания.

Внутри что-то громыхнуло. Нет... Вроде это не взрыв. Николай поднялся и стал искать хоть одно свободное от снега окно. В этот момент участок крыши взметнулся ввысь и в стороны. Ломая гнилую крышу здания, на улицу выскочило какое-то существо, покрытое белесо-бурой шерстью. Поначалу было похоже, что это очень крупный медведь. Но что-то в пропорциях его строения было человеческое. Смущало только отсутствие шеи и крохотные красные глаза, которые существо резко прикрыло лапами, оказавшись на освещенной улице. Огромными прыжками-шагами оно пронеслось мимо Николая и стало быстро удаляться. Опешивший было Васнецов наконец опомнился и, вскинув автомат, дал длинную очередь. Несколько пуль попало в зверя. Но он не замедлил своего движения и не издал ни звука. Николай вдруг ощутил азарт охотника и ощущение того, что он сильнее этого странного существа. Ведь существо убегает. Это вселяло уверенность. А еще вселял уверенность автомат. Васнецов бросился вдогонку.

— Стой, хреновина непонятная!

Силуэт существа стал растворяться в тумане. Еще можно было разглядеть кровоточащие раны от пуль на спине. Вот оно нырнуло в зияющее чернотой окно ближайшего здания.

Подбежав к зданию, Васнецов дал длинную очередь в окно и, сменив рожок, осторожно просунул внутрь голову. В помещении было совсем темно, но узкая полоска света от окна позволила разглядеть то, чем был завален пол. Бесчисленное количество обглоданных и ломаных костей. Только обилие черепов позволило безошибочно определить, что это все человеческие кости. Васнецов отпрянул в ужасе и трясущейся рукой достал из подсумка гранату. Быстро выдернул чеку и швырнул ее внутрь. Громыхнул взрыв и последовавший за ним неприятный, бьющий по нервам звук разметаемых костей. Николай выхватил еще одну гранату и повторил свои действия. Но граната стукнулась в оконную раму и, отскочив, упала прямо в ногах у Васнецова.

— Бл...

Вдруг кто-то подхватил Васнецова, и он почувствовал, что летит. Секундный полет позволил ему вспомнить все крепкие выражения, употребляемые Сквернословом, и прокричать едва ли не половину из них. Затем раздался взрыв и снова звук падающих костей.

Ошарашенный Николай поднял голову и увидел стоящего в нескольких шагах перед ним Варяга. Это он отшвырнул нерадивого отрока и успел закинуть гранату в дом.

— Что, козел, всех убил?! — рявкнул Яхонтов.

— Послушай. Я...

— Чешуя!!! — Варяг вдруг подбежал к Васнецову и со всей силы пнул его в бедро. — Сука!!!

Николай скорчился от боли.

— Ты чего... — простонал он, схватившись за ногу.

— Ты достал меня уже простотой своей, муфлон вонючий!

Последовала крепкая затрещина.

— Я что тебе, барану, сказал делать, а?!

Еще один пинок.

— Варяг, перестань! — К нему подбежал Людоед. — Оставь. Пацанчик в раж вошел. Себя в его годы вспомни!

— Да иди ты тоже на хрен! — Варяг оттолкнул Илью и побрел в сторону здания вокзала.

Людоед помог Николаю подняться.

— Знаешь, блаженный, если бы тебя Варяг не стал бить, то это я сделал бы, — сказал он строго.

— Да чего... — всхлипнул Николай, сдерживая слезы.

Он никогда не видел Варяга таким. И никак не мог бы от него ожидать подобной жестокости именно к нему. Он вдруг

вспомнил, как Яхонтов играл с ним, когда Васнецов был еще ребенком, и сейчас эти воспоминания казались совсем неправдоподобными. Или словно о другом человеке.

— Он только что жизнь тебе спас. И сам чуть не погиб. Граната могла бы рвануть у него в руках. Мы Андрея потеряли. Теперь с Юрой беда. Еще тебя по глупости потерять и Варяга?

— Что с Юрой? — Васнецов побрел по следам Яхонтова.

— Ноги у него просто в клочья изодраны. И переломы. Его в порядок могут только в конфедератском госпитале привести. Но обратная дорога у нас уйму времени займет. Не перенесет он дороги.

— Может... нам поселение какое попадется скоро? Может, там помогут?

— Только на это и вся надежда, — вздохнул Людоед, идя рядом.

— А что это было?

— Зверя имеешь в виду?

— Да.

— А черт его знает. То ли медведь, то ли снежный человек. Я после морлоков и пси-волков ничему не удивлюсь. Даже химерам и саблезубым бобрам.

Они осторожно погрузили Алексеева в пассажирский отсек. Варяг и Илья сделали перевязку и наложили шины. Яхонтов вколол что-то из армейской аптечки в каждую ногу космонавта, и тот быстро задремал. Понимая, что Николаю будет теперь не по себе от присутствия Варяга, тот перебрался в переднюю кабину и велел Сквернослову ехать дальше, комментируя все свои действия и объясняя Яхонтову все, чему Славика научил Юрий.

Николай с сочувствием смотрел на лежащего Алексеева и угрюмого Людоеда, который сидел рядом с раненым. Теперь вторая потеря в их группе лишь дело времени.

— Коля, — послышался голос Яхонтова.

Васнецов вздрогнул. Ни отвечать, ни смотреть на Варяга не хотелось.

— Прости, Коля. Но ты просто довел меня. Нельзя так, пойми же ты. Надо четко делать, что говорят старшие и опытные. Иначе все погибнем рано или поздно. По глупости погибнем. Не держи зла. Прости и пойми.

— Варяг. Я полезным быть хочу. Нужным. А не этим... «Стой тут и не мешай», — вздохнул Николай.

— А кто сказал, что ты не полезен? Ты вон сталкеров нашел. Вообще не знаю, как бы мы без них по Москве пробирались. Но не лезь ты куда не просят. И ладно, если первый раз ты так. Но нет. Ты постоянно делаешь совсем не то, что надо. Полезность заключается в самодисциплине и умении выполнять приказы командира. А ты будто все назло делаешь.

— Не назло. Просто... Ну, Славик вон луноход водит. Ты самый опытный искатель. В авторитете. Людоед вообще дьявол какой-то непобедимый. А я кто?

— А ты блаженный, — хмыкнул Крест.

— Не называй меня так.

— Может, просто твое время еще не пришло? — Илья улыбнулся и хлопнул Николая по плечу. — Может, ты сделаешь самое важное в нашей миссии? Может, именно от тебя зависит будущее Земли?

— Ты издеваешься, что ли? — поморщился Васнецов. Однако он почувствовал в душе теплоту от этих слов.

— Слушайте, а что за хрень это вообще была? Кто на Юру напал? — заговорил наконец Сквернослов.

— Да медведь это был, — отмахнулся Яхонтов. — Медведь-альбинос. Со светлой шерстью.

— Какой медведь, к черту? — возразил Николай. — Ты видел его? У него руки и ноги длинные. И шерсть густая.

— Слушай, я на медведя раз двадцать ходил. Медведь это, — настаивал Варяг. — Просто генетический урод из-за радиации получился.

— А сколько раз ты видел бегающего на двух ногах медведя? — усмехнулся Людоед.

— Ни разу, — кивнул Яхонтов. — Но однажды видел, как медведь водит мотоцикл.

— Чего? Как это?

— Ты что, Илья, в Московском цирке никогда не был?

— Был. Там база душманов... была... Пока я туда не пришел с «Ирбисом».

— Варяг, глянь, это что, мост впереди? — произнес Вячеслав.

— Точно. Железнодорожный мост. Через... Илья, какая тут река течет?

— Вятка, кажется. — Людоед стал разглядывать карту. — Да. Вятка. Что-то мы на север сильно взяли. Котельнич севернее того маршрута, который я предполагал.

— Ну так мы по железной дороге едем. Так легче ориентироваться.

— Где-то развилку проморгали. Это не совсем тот путь. Хотя... — Он провел пальцем по карте до Уральских гор. — Ничего. В принципе нормально.

— Ну что, махнем через мост? — Сквернослов уставился на командира.

— Давай медленно.

— А если он разрушен?

— Ну так вернемся обратно и поищем другой путь. Ты видишь, какой тут берег? Обрыв метров тридцать, наверное, будет. Как тут на лед спускаться? Давай помалу через мост.

— Ладно. — Вячеслав кивнул.

Машина неторопливо двинулась вперед. Густая туманная взвесь не позволяла видеть дальше чем на полсотни метров. Однако все надеялись, что мост целый и не придется искать обходной путь, тратя на это драгоценное время, которого было мало теперь не только у всей Земли в целом, но и у Юрия Алексеева в частности...

Страшный гул донесся из тумана, когда они преодолели пару сотен метров. Это было похоже либо на утробный рык неведомого существа небывалых размеров, либо на стон высокого коллапсирующего здания.

— Что за херня?! — воскликнул Сквернослов. — Все это слышали?!

— Да, — нахмурился Людоед и уставился в лобовое стекло.

Гул повторился уже ближе. Машина завибрировала. Вибрация становилась все сильнее. Казалось, что на них несся огромный монстр, издающий устрашающие рыки, накрывающие все вокруг плотной завесой страха.

— Славик! Задний ход! — заорал Яхонтов.

Это не просто луноход вибрировал. Это дрожал весь мост. Причем с каждой секундой все сильнее и сильнее. Словно от тяжелых шагов гигантского левиафана. Машина неслась на максимально возможной скорости назад. А впереди сквозь белесо-серый туман был виден огромный черный силуэт настигающего рычащего существа. Он занимал шириной почти весь мост.

— Господи, что еще это такое... — пробормотал Варяг, глядя на это приближающееся нечто.

В машине уже все чувствовали, что мост накренился вперед и вот-вот рухнет, не выдержав тяжести рычащего чудовища.

— Быстрее, Славик! Быстрее!

Луноход уже выскочил на твердую землю, и в этот момент и мост, и скрытое туманом черное нечто вдруг сорвались в падение. Грохот, рычащий стон, оглушительный треск ломаемого падающей массой льда, всплеск холодной воды заполнили собой все пространство. Еще некоторое время отголоски случившегося метались в густых клубах тумана и слышался всплеск от запоздалых обломков моста. Потом все стихло.

— А это что было? — Сквернослов уставился на Яхонтова. — Тоже медведь-перероcток?

— Да пес его знает, — вздохнул Варяг.

— Я, кажется, понял, — пробормотал Крест и, открыв шлюз, выбрался наружу.

Остальные последовали его примеру. Осторожно подойдя к обрыву моста, они взглянули вниз. Сквозь туманную дымку отчетливо виднелась неровная черная полоса, пересекающая белый лед. Это были воды реки, освободившиеся в узком участке от своего многолетнего ледового плена обрушившейся на лед массой. Первый пролет моста, по которому они успели проехать, торчал из воды и криво лежал на крутом берегу реки.

— И что ты понял? — Варяг взглянул на Людоеда.

— На той стороне стоял железнодорожный состав с цистернами, — начал говорить Крест. — А мост за эти годы сильно прохудился. Осталось малое: чтобы он рухнул. И этим малым оказался наш луноход. Когда мы ехали по мосту, он стал дрожать и прогибаться. Получив уклон, цистерны покатились нам навстречу, и в конце концов мост рухнул. Вот что мы слышали, и вот что неслось нам навстречу. Все очень просто.

— Илья, погляди, какие тут сугробы. И на мосту то же самое творилось. Этот снег не дал бы цистернам двигаться, — возразил Яхонтов.

— Очень может быть, что более частый ветер на середине реки не давал скопиться снегу в центре моста. А растущий в прогрессии уклон увеличивал и давление, и скорость состава, — пожал плечами Крест. — Во всяком случае, это выглядит более логично, чем какое-то огромное чудище, несущееся нам навстречу.

— Илья, ты же сам говорил, что ничему не удивишься после морлоков и пси-волков. — Николай взглянул на Людоеда.

— Слушай, блаженный. Всякой чертовщине есть предел. Лично я предпочитаю думать, что это были цистерны. Ибо так

оно и есть, скорее всего. А ты предпочитаешь рисовать в уме чудовище и получать кайф от собственного страха?

— Нет вообще-то.

— Ну вот то-то же.

Сквернослов встал на краю обрушенного моста и смачно харкнул вниз. Проводив собственную слюну взглядом, он пробормотал:

— Да ладно. С этим ясно все. Но нам ведь другую дорогу теперь искать надо.

— Поразительная наблюдательность, — усмехнулся Крест. — Ты, Славик, с рождения такой проницательный или научился где этому?

— Отвали, Крест, — огрызнулся Вячеслав.

— Щас отвалю. Люлей по шее.

— Да что вы опять лаетесь? — поморщился Яхонтов. — Поехали уже. Не забывайте, нам как можно скорее нужно найти мало-мальски цивилизованное поселение. Юру спасать надо.

Казалось, что этим блужданиям не будет конца. Луноход рассекал своими следами снег вдоль берега реки до самого вечера, пока они наконец не нашли подходящее место для дальнейшего пути. Углубившись в лес на другом берегу реки, луноход продолжил свои бесплодные блуждания, и тогда ко всем пришло неприятное осознание того, что они заблудились. Судорожные поиски пути продолжались и ночью, пока наконец луноход снова не оказался у берега знакомой уже реки. Проехав в сторону предполагаемого юга, путники обнаружили и обрушенный мост, где над пропастью нависал локомотив, служивший в некотором роде подтверждением версии Людоеда о цистернах. Выехав на скрытые снегом, но выдаваемые периодически встречающимися характерными столбами железнодорожные пути, луноход уже уверенно двинулся в сторону востока. На рассвете обнаружилось, что гнетущий туман исчез. Воздух стал совершенно прозрачным, и видно было очень далеко. Когда наступил день, то стало очевидно, что местность уже не такая равнинная, как раньше. А далеко на горизонте забрезжили подпирающие свод тяжелых и ленивых туч силуэты гор.

— Урал, — с трепетом в голосе произнес Варяг.

И было от чего трепетать. Этот хребет был символической отметкой на их пути. Континент, именуемый Европой, заканчивался. Впереди огромная Азия. Сибирь. Чукотка. Берингов пролив. Северная Америка. Аляска. ХАРП!

...Эта группа связистов стала из-за своего прибора настолько невменяемой, что нам пришлось забаррикадироваться от них гермодверью и отгородиться от того узла нашего бункера, наверное, навечно. Наше жизненное пространство становится все уже. Сначала ведь мы, точнее, спецназеры контролера взорвали ход в метро. Куда во всей царившей после этой эпидемии безумия кутерьме делся старший контролер, вообще непонятно. Он бы, может, и мог пролить свет на это странное сумасшествие, которому подверглись не только его якобы связисты, но и многие из нас. Все это напоминало сюжет какого-то хренового голливудского триллера про зомби и прочую нереальную ерунду. Вон вчера Крыжовников Витя насмерть загрыз Уткина Виталю. В Витю словно бес вселился. Да не один, а целая чертова армия бесов. Что оставалось делать? Коновалов застрелил его. Некоторые офицеры считают, что Коновалов сам умом тронулся, если подчиненных отстреливает. Пусть и таких омразевших. Массовые головные боли продолжаются. Сегодня утром (если верить часам, то было утро) я думал, что у меня мозг окончательно разжиженным стал и через ноздри вытечет. А нет. Отпустило малость. Хотя писать тяжело. Виски давит. Глазное давление повысилось. Иногда просто закрываю глаза, чтоб легче стало. И пишу на ощупь. Так что не обессудьте за хреновый почерк. Сколько протяну, понятия не имею. Но я покрепче других оказался. Может, это и плохо? Загнулся бы в числе первых и обрел бы вечный покой. Сегодня продолжил попытки связаться с кем-нибудь по спецсвязи. Тишина в эфире. Однако «Янус» по ГЛОНАССу снова вышел на связь...

Николай потер подбородок. Что за «Янус»? Раньше в тексте он про него упоминания не встречал. А тут дядя пишет «снова». Ах да. Две страницы напрочь нечитаемые из-за воздействия влаги. Наверное, там и упоминалось...

...Странно как-то. Даже не верится. Весь мир замогилил сам себя, а они все это время болтаются преспокойно в космосе. Третий сеанс связи с ними был куда устойчивее предыдущих.

Я вот все думаю, а что лучше: быть среди выживших в нашем бункере или находиться там, в космосе, и наблюдать, как копоть затягивает родную планету? Но они ничего. Держатся молодцом. С ними еще индус. Двое наших и индус. Неплохо по-русски разговаривает. Говорят, на Луну должны были лететь. Что-то припоминаю. Как-то скромно это по телевизору прошло. Наверное, из-за этого приграничного конфликта да еще цунами и терактов, которые на уши весь мир поставили. Вот и прошел этот запуск как-то тихо. Без пафоса. А ведь событие какое. На Луну полетели. Да не судьба, однако. Но много чего интересного поведали. Например, оказывается, американцы готовили в течение ближайшей пары лет ядерные испытания на Луне. И был у них какой-то секретный меморандум о военно-экономическом потенциале спутника. Там гелий-3 для реакторов нового типа добывать или что-то в этом роде. А после того как несколько лет назад Министерство обороны Израиля заявило о приобретении для перспективной военной базы участка лунной поверхности, все загорелись заполучить клочок и себе. Я вот одно не пойму: как это кто-то может купить участок Луны? У кого? У Господа Бога? Луна никому не принадлежит. А тут мало того что всякие богатеи себе там места прикупают. И вон фараону этому нашему кусок Луны на юбилей подарили, помню. Так еще и военные базы. Человек вообще попутал всякие ориентиры и реальность с идиотией хронической! Как так можно? Короче, о секретном меморандуме. Совместный проект там у них. С Англией и еще кем-то. Да, наверное, с Израилем. Ну, понятно, установить сверхмощный телескоп для исследований глубокого космоса, поиска жизни во вселенной. Это я понимаю. Метеориты высматривать, которые долбануть по Земле могли. Благое дело. Но ядерные испытания! А смысл в чем. В перспективе они собирались там установить какие-то бункерные суперлазеры. Суть в том, чтобы держать под прицелом земной шар. Но чтобы получить такой боевой лазер, который мог поражать цели на Земле, нужна колоссальная энергия. Так вот, генерироваться она должна была подрывом ядерного фугаса определенной мощности в спецбункере. Идея не нова. Эту хрень придумали янки еще при шизофренике Рейгане, который все носился с этой пафосной херней про империю зла. Только лазеры должны были быть тогда на Земле, и они там били в зеркало на орбите, и зеркало отражало луч в летящую советскую ракету и поражало ее. Ну бред пол-

ный. Это если они немного не угадали с мощностью заряда, то лазер просто превращался в большой фонарик. Если переборщили с мощностью, то лазер сжигал зеркало к хренам собачьим. Попробуй рассчитать мощность ядерного заряда до тонны тротила. А там, наверное, погрешность в центнер могла быть роковой. Это вам не Хиросиму бомбить. Да и взрывы эти. Американцы перепахали бы свою территорию ядерными взрывами и без атаки советских ракет. А вот Луна — совсем другое дело. И если не ядерными зарядами, то энергией Солнца могли воспользоваться. Наши наковыряли где-то денег, наверное, опять у какого-нибудь олигарха по сусекам поскребли. Короче, подготовили асимметричный ответ. Конечно, в силу нищеты нашей... Хотя какая, к лешему, нищета. Если бы все это наше ворье на Колыму свезти да под расстрельный взвод поставить, то деньги и на марсианскую экспедицию, и на жилье военным нашлись бы сразу. И еще осталось бы купить всю Европу с потрохами... Да не об этом речь. Сами мы проект не могли потянуть в одиночку. Не те времена уже. Работали с Индией. Мы им за участие ихнее вроде два полка ПРО поставили для обороны от пакистанских ядерных ракет. Нам, в принципе, от Индии нужна была только территория для космодрома. Из околоэкваториальных широт легче и дешевле тяжеловесные ракеты запускать в космос. А грузы были серьезные и тяжелые. Дело не только в том, что надо было отправить пилотируемый модуль. Наши ведь для этого дела разработали еще какой-то лунный танк! Фантастическая машина. Могла работать как робот, а могла и людьми непосредственно управляться. Ну, во-первых, чтобы проводить наблюдения за американскими испытаниями. Нам ведь тоже данные нужны, но сами мы подрывать атомные бомбы на Луне не собирались. А во-вторых, несколько таких машин — а может, и одна — были в состоянии изрядно покуролесить на Луне и свести все потуги оппонента к нулю. Это должен был быть наш козырь в торге с Америкой. Дескать, не дурите. Космос — мирная территория. Хотя, в принципе, и мы, и они, и все развитые страны готовились вооружить космос для защиты своих интересов. Да вот вышло так, что поставили жирную точку на своем существовании раньше. Все. Баста...

Николай еще раз прошел взглядом по тексту. Лунный танк? Даже гадать не надо, о чем речь. Даже сомнений нет в том, с какими космонавтами разговаривал родной дядя Николая Вас-

нецова. Все выстраивалось в крепкую логическую цепь. Николай даже закричать от радости захотел, ибо сделано очередное открытие. Он взглянул на лежащего Алексеева. Эх, сколько вопросов в одночасье появилось у Васнецова к этому человеку. Но Юрий снова дремал после очередной серии уколов, которые сделал ему Варяг. Космонавт буквально час назад пришел в себя и сильно кричал от боли, а потом начал бредить из-за поднявшегося в организме жара.

Холмы становились все выше. Склоны все круче. А маячившие на горизонте Уральские горы отчего-то ближе никак не становились. Луноход продолжал держаться железнодорожных путей. Проехав очередную ложбину, он обогнул холм справа, и впереди стали виднеться торчащие из снега опрокинутые вагоны.

— Эшелон какой-то разбитый? — спросил Варяг, пытаясь разглядеть то, что ждало их впереди.

— Пассажирский состав, — ответил Людоед, который следил в перископ. — Думаю, его прошмонать следует, — добавил он, подумав.

— Зачем? — спросил Васнецов.

— Эх, Коля, а еще искателем хотел стать, — усмехнулся Яхонтов. — В поисках полезных вещей. Медикаменты. Шмотки. Информация. Медикаменты сейчас очень кстати будут. Пусть и просроченные. Кое-чем еще можно воспользоваться. Юра плох совсем. Наших запасов может не хватить. Те же бинты.

— Можно старые бинты в самогоне простирнуть и прокипятить потом в воде, — предложил Илья.

— Брось. Они и так от старости расползаются в руках. Представь, что с ними станет после такой агрессивной процедуры.

— Да нет, Варяг, я не против прошмонать поезд. Так просто, предложил. — Людоед пожал плечами.

— Ну, значит, решено.

Достигнув первого вагона, луноход остановился.

— Славик. Ты в машине останешься. Поглядывай за Юрой. Если что, зови сразу. Если проснется или бредить начнет.

— Опять оставаться? — возмутился Сквернослов.

— Я полтора раза повторять не буду. Все, — отрезал Варяг.

Земной шар завершал очередной цикл. Снова спускались ледяные сумерки, сменявшие на посту морозный день. Снег под ногами громко хрустел. Вагоны на две трети были утоплены

в снегу. Все были либо опрокинуты, либо накренились. Только после тщательного осмотра ложбины стало ясно, что послужило причиной крушения поезда. Столкнулись два состава. Один пассажирский, другой очень похож на тот, что они видели на записи с видеокамеры, которую обнаружили в погребенном под снегом джипе.

— Вы этот состав посмотрите, я пойду погляжу на тот, — произнес Варяг и двинулся вперед.

— Только не задерживайся, — сказал ему Людоед.

— Само собой.

Николай и Крест проникли в первый вагон пассажирского состава. Окна давно отсутствовали, и это было совсем не сложно. Первым спрыгнул в опрокинутый вагон Илья. Он проверил радиационный фон счетчиком Гейгера и утвердительно кивнул Васнецову. Фон в норме. Это был плацкартный вагон. Беглый осмотр позволил быстро сделать выводы, что поживиться тут нечем. Никаких полезных вещей, кроме разнообразного мусора, они не обнаружили. Кто-то уже давно вынес отсюда даже все сиденья.

— Опоздали мы. Лет на двадцать, — пробормотал Людоед. — Давай вылазь. Дальше пойдем.

Выбраться наружу оказалось несколько сложнее, чем проникнуть внутрь. Тем не менее они это сделали. В следующем вагоне картина была схожая.

— Слышь, блаженный. Давай так. Смотрим в окна. Без нужды не лезем. А то так до утра копошиться будем.

— Согласен. И хватит называть меня блаженным, — буркнул Николай.

— Ладно, блаженный. Не буду.

Они двинулись к следующему вагону.

— Слышь, Людоед...

— Чего.

— А у тебя есть какое-нибудь прозвище, которое тебе не нравится?

— Терпеть не могу, когда меня называют зайкой, — ответил Людоед.

— Слышь, зайка...

— Я тебе, Коля, сейчас ноздри вырву! — Крест угрожающе посмотрел на Васнецова.

— Да ладно. Пошутил я, — развел руками тот. — Кстати, ты все интересовался секретом нашего лунохода, помнишь?

— Ну.

— Это машина для наблюдения за ядерными испытаниями.

— Чего?

— Ну, американцы собирались проводить на Луне ядерные испытания. Какие-то там лазеры хотели ставить, чтоб Землю под прицелом держать. А это наш типа асимметричный ответ. Если что, подъезжает эта машина и ломает все их конструкции. Лунный танк, понимаешь?

— И откуда ты это взял?

— Да все из дневника того.

— Блин. Ну просто библия какая-то. Про все там есть, — хмыкнул Людоед.

— А чему удивляться. Я бы на месте дяди тоже все, что знал, записал бы. Для будущих поколений. Да и через бункер тот много информации проходило.

— Что-то не вяжется. Танк, а без оружия. Хотя... Перископ там интересный. Насколько я понял, его снять можно легко и установить что-то другое.

— Что именно?

— Да хоть пушку. Ладно. Стой тут. Я быстро.

Крест полез в очередной вагон. Посветив туда фонарем, он, видимо, увидел что-то заслуживающее внимания.

Изнутри послышались шаги Ильи. Затем тишина, сменившаяся какой-то возней. Потом жуткий грохот и треск.

— Людоед! Что случилось?! — крикнул в окно Николай, приготовив оружие.

— Ничего, — прокряхтел Илья, — перегородку плечом задел.

Снова послышался грохот. Удар. Треск. Возня. И обратные шаги. Из окна вылетел старый матрац. Следом еще один. За ним завернутые в старое одеяло упаковки бинтов, ваты и флаконы с йодом и зеленкой. Последней вылетела потрепанная книжка со сканвордами. Наконец показался и сам Людоед. Он засунул сканворды в карман шинели и стал стряхивать с себя изрядное количество пыли, которое собрал своей одеждой внутри.

— Собирай барахлишко да дальше пойдем. Тут больше ничего интересного.

— А матрацы нам зачем? — недовольным тоном спросил Васнецов. Лишний груз тащить не хотелось. А тащить явно ему, так как Крест был заинтересован лишь той потрепанной книжкой.

— Может, встретим кого. Обменяем на что-нибудь. Пригодится, короче. Пошли.

Еще один вагон был пуст. В другой Людоед снова полез. Немного повозившись внутри, он выругался из-за того, что там нечего было взять, и вылез наружу. В руках он держал выцветшего плюшевого медведя. Бросив его на снег, Людоед вздохнул и, достав из кобуры пистолет, протянул его Николаю.

— На. Добей бедолагу. У меня рука не поднимется.

— Крест, как это понимать? — Васнецов в недоумении посмотрел на Илью.

— Да ладно. Пошутил я. Пойдем дальше. — Людоед убрал оружие обратно в кобуру и двинулся к следующему вагону.

Николай последовал было за ним, но вдруг остановился и взглянул на мягкую игрушку. Обветшалый. Сотню раз промокший и обледеневший. Брошенный на долгие годы. Он был словно живой и всем своим видом вызывал сострадание до рези в сердце. Николай осторожно поднял его и стряхнул с него свежий снег. Затем заглянул в окно вагона и, найдя что-то оставшееся от сиденья рядом с окном, аккуратно усадил туда плюшевого медведя. Двинувшись по следам Людоеда, Васнецов снова остановился и вздохнул. Перед глазами все еще был этот жалкий плюшевый медведь с грустными глазками-пуговками.

— Я совсем рехнулся, — мотнул головой Николай и вернулся к игрушке. Заглянул в окно. Тот сидел на своем месте и выглядел так жалко и одиноко, что Васнецов почувствовал ком в горле. Даже в глазах защипало. Он схватил игрушку и, завернув ее в один из матрацев, которые тащил, бросился догонять Илью.

Людоед уже вовсю орудовал в очередном вагоне. В отличие от предыдущих в нем не было окон. Зато был сильно раскурочен бок, в котором зияла большая рваная дыра. Внутри слышалась возня Людоеда.

— Твою мать, — досадливо бросил он.

— Чего там, Илья? — спросил Николай, заглянув внутрь.

— Это почтовый вагон. Ну, думаю, поживимся сейчас. А хрен там. Все посылки давно растащили. Даже ни одной бандероли не оставили, мародеры хреновы. Зато мешков с письмами столько, что хоть пирамиду Хеопса складывай... На кой хрен они... На. Лови.

Он кинул два мешка.

— А это зачем? — возмутился Николай.

— Почитаем на досуге. — Крест выбрался из вагона. — Твоя записная книжка убедила меня, что чтение великое, мать его, благо. Черт, порвался один. — Он поднял несколько выпавших писем. Конверты были одинаковые. Белые с красным окаймлением. — Воинская почта. Конверты у писем солдатские.

На крыше вагона послышались шаги. Затем сверху упала обветшалая военная кепка из камуфлированной ткани, вещмешок и портупейный ремень с кобурой.

— Ну, как тут у вас?

Это был голос Яхонтова. Он спрыгнул с крыши и стал стряхивать с себя снег.

— Кисло, — пожал плечами Крест. — Ничего толкового. А у тебя?

— Да так. Два цинка для калашника. Странно, что их до нас никто не нашел. Полдюжины индивидуальных армейских аптечек для условий ядерной и биологической войны. Пистолет Макарова заклинивший. Там, в кобуре. Это состав с пусковыми установками баллистических ракет был.

— А ракеты? — оживился Крест.

— Ну, само собой, их там нет уже давно. Наверное, успели запустить. Фонит там, зараза. В двух вагонах до двухсот рентген.

— Ну, это еще не фонит, — махнул рукой Илья. — Если ты имел в виду микро.

— А у вас тут сколько?

— Восемьдесят максимум. Как на белых песках Бразилии. Я не пойму, какой идиот допустил, чтобы поезда столкнулись?

— Как всегда, виноват стрелочник. Я так думаю, — усмехнулся Варяг. — Слушайте. Тут ерунда за теми холмами какая-то творится.

— Чего там? — насторожился Крест.

— Вы звук такой не слышали? Как раскаты грома и хлопок?

— Нет. А что?

— А я вот услышал. Наверное, оттого что я ближе был и там более-менее ровное место и звук дошел. Короче, громыхнуло далеко и хлопнуло одновременно. Смотрю в бинокль и вижу — туман расползается. Вот словно ниоткуда взялся. Расходится в стороны, а в центре клубится ввысь. Километров пять до того места, наверное.

— Туман говоришь? Как в Котельниче, что ли? — спросил Крест.

— А черт его знает. — Яхонтов почесал бороду. — Думаю, небольшой крюк сделаем и поглядим. Как считаешь?

— Разведать, конечно, надо. Да мне не нравится все это. Чем дальше, тем больше непоняток. В Москве все ясно. Морлоки, пси-волки, амазонки, люди. А тут... Увидел бы пси-волка сейчас, кинулся бы с ним обниматься на радостях. Родное что-то.

— Ага. Морлоки особенно... Родные... — усмехнулся Варяг, поднимая свои трофеи. — Ладно, пошли к луноходу.

Оставляя позади застывшее, словно вмерзшее в пространство и время крушение поездов, луноход двигался, ведомый Варягом, в направлении странного явления. Того, что описывал искатель, видно уже не было. Но воздух действительно затянуло туманом. Видимость упала совсем. Туман и сумерки сделали свое дело.

— Думаешь, на Котельнич отсюда тянет? — спросил Крест у Яхонтова.

— Да я не уверен, что и тут и там одно и то же явление. Хотя вроде похоже, — ответил Варяг. — Но до Котельнича далековато уже.

— Кажется, с прибором что-то, — заявил сидящий рядом с искателем Вячеслав.

— Что такое?

— Датчик наружной температуры. Вот, — ткнул Сквернослов пальцем в панель. — Минус пятнадцать показывает. Такого быть не может. Там минус сорок или около того.

— Да. Действительно странно. — Продолжая вести луноход, он посмотрел на панель и постучал пальцем по стеклу прибора.

— Варяг, стой!!! — заорал Крест.

— Твою мать! — воскликнул Яхонтов.

Машина успела остановиться в метре от внезапно возникшей впереди пропасти.

— Ох, сейчас бы кувыркались, — нервно засмеялся Людоед. — Сдай мальца назад.

— Эх ты, старый, глаза твои слепые, — попытался сострить Вячеслав, но, почувствовав угрожающе близко от своего лица кулак Яхонтова, умолк.

Только выбравшись из машины, они обнаружили, что тут практически нет снега. Только наледь. И температура была действительно около пятнадцати градусов мороза. В одежде,

предназначенной для более экстремальных температур, путники сразу стали потеть.

— Что за чертовщина, — пробормотал Людоед.

Однако порыв ледяного ветра заставил их вспомнить, что они живут в мире вечной зимы.

Ветер погнал туман от пропасти, в которую они чуть не угодили, в сторону далекого уже Котельнича. Перед ними открылась огромная котловина, дно которой не просматривалось из-за сумерек и клубящегося внизу тумана. Однако иногда казалось, что где-то на немыслимой глубине иногда вспыхивают оранжевые всполохи. Над всей этой странной местностью стоял какой-то гул. Край котловины был изогнут и, похоже, стремился к окружности, охватить которую было невозможно взглядом. Почти идеальная линия края была изъедена эрозией и некогда обильными ливнями.

— Я что-то не пойму, — пробормотал Варяг и, наклонившись, поднял какой-то кусок. — Что за...

Это был бесформенный слиток расплавленного стекла размером с два кулака. Варяг пристально посмотрел на него и вдруг отшвырнул от себя.

— Крест! Быстро дозиметр достань! — воскликнул Яхонтов.

— Это не может быть воронкой от взрыва, — пробормотал Илья, засунув руку в подсумок, где хранился его дозиметр.

— Только если тут не полсотни мегатонн, — мрачно ответил Варяг, вглядываясь в клубящийся туман в глубине котловины. — Похоже, там, внизу, лава бурлит. Вулкан... Или кальдера... Как там Юра говорил...

— Кто мог применить такой заряд? У кого была пятидесятимегатонная бомба? Если это только не кузькина мама Хрущева? — Людоед включил дозиметр.

— Возможно, заряд вызвал реакцию чего-то. Атомную станцию или ядерные боеприпасы поразили и в совокупности...

Примерно в километре раздался похожий на раскаты грома грохот и шипение. Все резко повернули головы. Из низко плывущего слоя тумана вырвался на несколько сотен метров вверх гигантский фонтан пара и кипящей воды.

— Гейзер! — воскликнул Илья. — Так вот что конденсирует туман и почему тут теплее!

— Илья, что с дозиметром? — Тревога в голосе искателя увеличивалась.

— Погоди... Черт...

— Что?

— У меня потолок — тысяча рентген, — проворчал Людоед.

— Ну и?..

— Зашкалило.

— Быстро в машину!!! — закричал Варяг, кинувшись к луноходу.

Вездеход мчался в обратном направлении. Вячеслав выжимал из машины все, что можно. Все были озабочены одной мыслью — убраться подальше от того жуткого места.

Николай придерживал стонущего Алексеева, чтобы тот не свалился со своего ложа, нанеся себе при этом дополнительные травмы.

— Нам конец, да? — Васнецов уставился на Людоеда испуганными глазами.

— Тысяча микрорентген... неприятно, конечно, но мы там минут пять были. Не больше. Проблема в другом. — Илья судорожно разворачивал большую карту.

— В чем?

— В том, что там было больше тысячи. У меня максимум на дозиметре — это тысяча. Но прибор зашкалило. Может, там тысяча сто. А может, десять тысяч. Вот это совсем погано... Никого, кстати, не тошнит?

Если бы Людоед не спросил, то, наверное, Николай и не почувствовал бы приступа тошноты. Но именно после этого вопроса его посетил рвотный спазм. Из-за чего это? Страх? Мнительная реакция после вопроса? Укачало таким экстремальным движением лунохода? Или... началось убийственное действие радиации?..

— Меня не тошнит! — крикнул Варяг.

— Меня тоже! — вторил ему Вячеслав.

Это несколько успокаивало.

— А меня... — Васнецов уставился на Илью.

— А тебя, блаженный, по-любому тошнить будет. Так что без паники...

Луноход подпрыгнул на очередном ухабе. Он неумолимо несся к железной дороге, где по-прежнему лежали два столкнувшихся состава.

Крест наконец развернул карту и стал ее изучать.

— Варят! — крикнул он спустя несколько минут.

— Чего?!
— Мне кажется, это был Киров!
— Что? Где?
— Где воронка. Там, по-моему, раньше был Киров!
— Ты уверен? Я думал, что... Слава!!! Что за...
Раздался скрежет и сильный удар.

Николай понял, что луноход снова подпрыгнул. Но вместо очередного удара пола по ногам резко врезала стена. Васнецов со всей силы вжал космонавта в сиденье, не давая ему упасть. Сбоку зашелестел картой и выматерился Людоед. Его повело куда-то в сторону.

— Гусеницу порвало! — завопил Сквернослов.

Николай понял, что машина больше не едет, а с невероятной скоростью куда-то кувыркается. Вот он заметил, как в него летит его же автомат. «Что ж я его не закрепил?» — подумал Васнецов, и сильный удар прикладом в лоб прервал его размышления.

29
ПИСЬМА

Луноход лежал на боку. Всего в двадцати шагах от столкнувшихся поездов. Благо что в наборе инструментов, которые путешественники прихватили с собой в Надеждинске, была и ручная лебедка. Шансы поставить машину «на ноги» были большие. Однако перед этим было необходимо произвести ремонт левой гусеницы, два трака которой рассыпались от удара по массивному куску гранита, оказавшемуся на пути под тонким слоем снега. Производить ремонтные работы ночью было сопряжено с определенными трудностями и риском. Но если с темнотой можно было справиться при помощи фонарей и переноски, подключенной к бортовой электросети лунохода, то нападение зверей могло осложнить и так не простую ситуацию. Но вскоре стало ясно, что эта местность совсем необитаема. Никаких следов на снегу после тщательного осмотра найти не удалось. Никаких нор. Ничего живого. Отчего животные сторонятся этих краев, стало ясно около полуночи. Когда всем путникам стало очень трудно дышать. Стелящийся туман и ленивый ветер покрыли все вокруг шалью углекислого газа, сочащегося из котловины и разломов в районе гейзеров. К счастью, ветер вскоре усилился и стал дуть под другим углом. Пусть

и стало холодней, но углекислоту начало гнать в другую сторону и угроза задохнуться миновала. Теперь можно было покинуть аварийную машину...

Васнецов подбросил еще пачку конвертов с письмами в костер, который разожгли Варяг и Людоед во втором почтовом вагоне, который был практически пуст. Сделав из трубы локомотива нехитрый дымоотвод, они притащили две вязанки дров, что были припасены в луноходе на всякий случай. Костер был необходим, чтобы Юрий не замерз. Пока шел ремонт машины, после которого необходимо было ее опрокинуть и привести в нормальное положение, было решено поместить раненого космонавта сюда. Васнецову, поскольку он и сам пострадал от удара по голове собственным оружием, было велено в ремонт лунохода не вмешиваться, а следить за костром в этом вагоне и присматривать за Юрием.

Он осторожно потрогал ноющий лоб, замотанный бинтом. Бинт был теплый и липкий от пропитавшей его крови. Николай осторожно, чтобы не провоцировать новых болезненных ощущений, повернул голову и взглянул на Алексеева. Тот лежал с закрытыми глазами на тех самых матрацах, что недавно извлек из вагона Людоед. Снаружи слышались стуки и позвякивание инструментов. Полным ходом шел ремонт. У машины оставались Крест и Яхонтов. Только их голоса были слышны. Славику, судя по всему, велели прочесать все вагоны и собрать оттуда все деревянное, что может гореть. Офицеры только и говорили, что о той загадочной котловине, продолжая спорить о том, что ее могло породить. И если это был сверхмощный взрыв, то поезда, скорее всего, должны были полностью сгореть. Но следы горения обнаружены лишь на столкнувшихся локомотивах и на двух вагонах военного состава. И причиной этого пожара было само столкновение, но не тепловое воздействие термоядерного взрыва. И тогда, если поезда появились тут после взрыва, то могли ли уцелеть пути, учитывая, что эта жуткая воронка находится менее чем в десяти километрах от места крушения? Спорили они долго и горячо. У каждого находились веские доводы в пользу той или иной версии, но поставить точку они так и не могли. Так и осталось загадкой, что послужило причиной появления этой котловины и что происходит на ее дне. Варяг и Илья так и продолжали бы свой спор, но послышался хруст снега от шагов и голос Скверослова:

— Вот. Проверяйте...

Затем характерный звук падающей охапки деревянных реек и брусков. Да. Конечно. Все надо было проверить дозиметром, прежде чем кидать в огонь. Николай хорошо помнил занятия по выживанию, что проводили с ними в родном Надеждинске. Он знал о дозах радиации. О рентгенах и микрорентгенах. Знал, чем чреваты определенные дозы этих самых рентген. Понимал он и то, что со временем приставка «микро» практически исчезла из лексикона. По привычке. Ведь в первые годы не было никаких «микро». Были рентгены. Бешеные. Беспощадные... Убийственное излучение. В почве, в растениях, в дожде, в могилах умерших от лучевой болезни. Практически всюду... Радиации с той поры стало много меньше, но микрорентгены так и называли — рентгены. Более старшие люди, особенно преподаватели, иногда отмечали, что в лексиконе человека произошли пусть не всегда заметные, но четко характеризующие новые условия жизни изменения. Даже это московское слово «ядрена» было чем-то особенным. Мало кто помнил, что это слово когда-то означало. Но теперь в этом коротком и неуклюжем наборе букв было зажато все то, что произошло всего за несколько летних дней двадцать лет тому назад. По всему миру...

Николай достал из рюкзака плюшевого мишку и разгладил полинявший и давно осыпавшийся ворс. Посмотрел в его грустные пластмассовые глазки. Сколько в нем рентген? Дозиметры были лишь у Варяга и Людоеда. Попросить их произвести замеры... Так ведь на смех поднимут. Глупо, конечно. Глупо, если исходить из соображений разума. А с чувствами что? Эта неживая игрушка в один миг стала для него родной, и отказываться... выбросить... От одной этой мысли стало ныть сердце.

— Что же с хозяином твоим? Или хозяйкой... — вздохнул Васнецов и прижал к себе медвежонка. — Ну и пусть ты радиоактивный. Ну и пусть...

Вдруг лист железа отогнулся и в вагон вошел Людоед. Он свалил перед собой охапку реек и кусков фанеры. Отряхнулся и взглянул на Николая. Почему-то именно ему надо было занести дрова. Хотя собирал их Славик.

Васнецов вдруг остро ощутил, как глупо он выглядит. Но еще глупее было бы сейчас прятать медвежонка и вести себя как нашкодивший подросток. Пусть смеется. Плевать. Хотя в глубине души Николай восхищался Людоедом, даже когда совершенно не принимал его противоречивые и жестокие по-

ступки. И слышать насмешки от человека, которого уважаешь, особенно больно.

Крест не смеялся. Он молча посмотрел на плюшевого медведя. Затем прямо в глаза Николая.

— Как голова? — спросил он, кивнув и бросив мимолетный взгляд на лежащего Юрия.

— Полегче.

— Хорошо, — кивнул Людоед и снова посмотрел на медвежонка. — Решил его забрать?

— Я... Илья... просто...

Николай не знал, что ответить, и чувствовал, что сейчас Крест наконец разразится хохотом и позовет остальных поглядеть на эту нелепую сцену.

— Не надо оправдываться, — нахмурился вдруг Илья. — Я все понимаю. Если ты будешь искать оправданий, то обидишь его.

— Кого? — удивился Васнецов.

— Медвежонка.

Крест говорил совершенно серьезно, и это обескураживало. Именно такой реакции Николай никак не ожидал.

— Илья... У тебя дозиметр с собой? — тихо спросил он.

— Да. — Крест кивнул. — Давай его сюда.

Он без лишних слов понял, что хотел от него Николай.

Васнецов протянул медвежонка. Илья принял его очень осторожно. Замерив уровень радиации, он улыбнулся и вернул игрушку Николаю.

— Норма.

— Спасибо. — От волнения голос Васнецова стал хриплым. — Спасибо тебе, Илья.

— Да не за что. Кстати, у него скоро лапа отвалится. — Людоед достал из кармана шинели тряпичный сверток и протянул его. — Держи. Тут нитки и иголка. Пришей.

— Спасибо.

Больше Николай ничего не мог сказать. Он чувствовал, что сейчас расплачется. Но в этот момент в вагон вошел Сквернослов.

— Крест! Ну где ты пропал? Варяг там матюгается вовсю, — сказал Вячеслав и вдруг уставился на своего младшего брата. — Опа! — усмехнулся он. — Коль, ну ты даешь. Это что такое... Головой сильно тюкнулся? — Он перешел на смех. — Ну детский сад, ей-богу!

Васнецов растерянно посмотрел на Людоеда. Тот прищурился, жуя кончик черного уса. Он иронично посмотрел на Сквернослова, затем перевел взгляд на Николая и поднял бровь. Он ждал реакции Николая.

— И что ты смешного увидел, Славик? Отчего над Аленкой не смеялся, которая старше меня, но в куклы до смерти играла? — резко ответил Васнецов.

Сквернослов побагровел, нахмурился и сжал кулаки.

— Чего молчишь? — Неожиданно и резко Крест хлопнул Вячеслава по спине. — Тебе очень дельный вопрос задали. Ну?

Сквернослов молча посмотрел на Людоеда.

— Нечего сказать? Ну, так я скажу, дружок. Когда рядом старший брат, который, может, и питает к младшему любовь, но камуфлирует сантименты под постоянными насмешками и глупыми и часто неуместными шутками, то становится обидно. Когда рядом старший наставник, который дошел до того, что избил руками и ногами, пусть и за реальный проступок, но нереально больно, становится горько. Когда рядом умирающий товарищ, которому не можешь ничем помочь, становится стыдно. А когда еще и рядом злой морлок, у которого на счету столько человеческих жизней, что и вообразить фантазии не хватает, то вообще хочется отгородиться от всего мира. И все это называется очень просто. Одиночество.

— Да вы вообще шуток не понимаете, что ли?! — воскликнул Сквернослов.

— Только если им время и место. А пока захлопни пасть и пошли работать.

Людоед подтолкнул Славика к выходу и пошел следом.

— Ну вы даете ребята! — взмахнул руками Сквернослов и покинул вагон.

— Ахиллес! — воскликнул Николай осипшим голосом, торопясь, пока Крест не вышел.

Тот обернулся. Такого обращения, судя по удивленному взгляду, он не ожидал.

— Что, блаженный?

— Я не считаю тебя злым морлоком.

Тот задумчиво покачал головой и, глядя в пол, ответил:

— Но я такой и есть. — И он ушел.

Николай крепко прижал к себе медвежонка и, уткнувшись в него лицом, зарыдал. Горько и отчаянно. Он оплакивал потерянное в дыму ядерного пожарища детство, о котором напо-

мнила эта игрушка. Оплакивал мать, чьей ласки ему всегда не хватало. Оплакивал миллионы людей, которых не стало в один миг. И среди которых, возможно, был тот ребенок, который когда-то радовался покупке родителями этого медвежонка. Оплакивал Аленку с Советской улицы, о которой так неделикатно напомнил названому брату. Оплакивал Рану, которая тоже лишилась детства еще до рождения, а потом и жизни лишилась из-за его рокового выстрела. Оплакивал молоденькую безымянную людоедку, которая не знала ничего, кроме потакания грязным желаниям своих клиентов и хозяев, и которая сгорела по прихоти Людоеда. Оплакивал девицу, которую сожрали заживо морлоки и которую он не смог спасти. Участкового Дыбецкого и его семью... Конфедератских ребятишек, собиравших в бою опустевшие автоматные рожки... Андрея и Ульяну... И никого роднее, ближе и живее, чем этот плюшевый мишка, для него не было сейчас. Но в этих слезах горя и безысходности несколько капель были радостными. От той затерявшейся в боли радости, которую подарил ему Людоед своим участием и пониманием...

...Здравствуйте. Данным письмом спешу сообщить, что, на мой взгляд, Вы (уж простите за дерзость) не в полной мере владеете обстановкой. Текст данного письма я продублировал и электронной почтой. Хотя гложут меня сильные сомнения, что если и не затеряется и это письмо и то, что я отправил по электронной почте, в Вашем секретариате, то некоторые люди, перебирающие Вашу почту, уж точно застопорят его. И хуже всего — натравят на меня, извините за такую формулировку, узаконенных опричников, коим никакие законы не писаны. Надеюсь, что принятые мною меры предосторожности позволят все-таки мне избежать больших неприятностей. Но моя боль и обида за нашу державу заставляют меня сделать данный шаг. Несмотря на то, что это может повлечь угрозу моей жизни или Вы просто сочтете меня за сумасшедшего, если прочтете его.

Вот несколько тезисов, которые я хочу изложить. Для начала хочу сказать, что, чего уж греха таить, в Вашем окружении достаточно лизоблюдов и подхалимов, которые будут рапортовать Вам об успехах. О небывалом подъеме. О том, что все мы идем правильным путем. Стоит включить главные каналы на телевидении, и сплошь одни успехи и благодать, за исключением постоянных пожаров в домах престарелых и прочих интернатах. Вы,

несмотря на занимаемый Вами высокий пост, всего лишь простой смертный человек и не можете объять необъятное. Вам лгут. Вам затуманивают взор показухой. Ибо, куда бы Вы ни поехали, там за считаные дни перед Вашим приездом кладут новый асфальт, красят стены и дома, а военным даже дают на время новую форму. Но только голос адекватного представителя простого люда может пробиться сквозь толщу победных реляций (если, конечно, он действительно может пробиться) и донести Вам некоторые факты, которые несколько разнятся с тем, что Вам говорят Ваши подчиненные.

Первое. Вы очень много и красиво говорили о борьбе с коррупцией. Может, результаты и не могут иметь место так скоро, но Вы-то должны понимать, что это настоящая и безжалостная борьба. И каждый день этой борьбы, в котором Ваш крестовый поход на коррупционеров не приносит никаких результатов, наносит огромный урон нашей стране. Взять, к примеру, мэра нашего маленького городка П. У нас каждый дворник знает, что выиграл он выборы подтасовкой бюллетеней. У него административный ресурс, поскольку он член правящей партии. У него возможности подкупа, поскольку он бизнесмен и, уж чего греха таить, вор. Он снабдил неблагополучные районы нашего города и городского округа водкой, и спившиеся в силу общего упадка общества субъекты отдали ему свои голоса. Он пообещал командирам частей содействие в улучшении жилищных условий, и те обеспечили голосование солдатами в его пользу. А солдаты из разных регионов страны. Им, честно говоря, наплевать, за кого отдавать голос, поскольку им тут не жить. Явка избирателей в провинциальных городках, где нет никакой культурной жизни и плохо с нормальной работой, очень невелика. И я знаю конкретно от человека из избирательной комиссии, что им было дано указание (на нескольких подконтрольных участках) после закрытия избирательных участков заполнять пустые бланки в пользу именно кандидата Ш. Не прошло и двух лет, как группа противников данного субъекта все-таки добилась того, что дело о правомочности его полномочий и о его сомнительных делишках пошло в конституционный суд. Однако, как мне удалось выяснить, Ш. сам лично отправился в столицу и уплатил порядка восьми миллионов рублей за то, чтобы в секретариате суда конверт с документами ушел в бумагорезательный аппарат. Мыслимо ли такое в стране, где идет борьба с коррупцией? Мыслимо ли, что его жена, став виновницей ДТП, в котором один пострадавший впал в кому, не понесла никакого наказания? Более того, по документам расследования, она вообще якобы находи-

лась в трехстах километрах от места ДТП, у своих родителей, а ее джип оказался на месте ДТП только потому, что его якобы угнали. Хотя все свидетели опознали жену мэра за рулем. Так вот, я отвечу. В нашей стране это, увы, система. Это в порядке вещей. Еще хочу сказать вот что. У нас есть одна частная строительная фирма. Руководит ею бывший офицер Советской армии. В год, когда развалился Союз, он просто бросил службу. Не уволился, а именно бросил. Перестал ходить на службу и выполнять свои обязанности. Никакого наказания он не понес. Но это полбеды. Он практически сразу занялся бизнесом. Откуда у него начальный капитал взялся, вопрос серьезный. На данный момент он имеет двойное гражданство. Одно наше, другое одной из бывших республик, которая сейчас состоит в НАТО. И это полбеды. Но его фирма имеет эксклюзивные права на ремонтные работы в воинских частях нашего городка и близлежащих окрестностей. На объектах всех категорий секретности. Причем некоторые его работники — иностранцы. Что можно ждать от этого человека? Помимо установки жучков и прочего шпионского оборудования, замеров радиационного фона и подсчета личного состава можно просто в стены бомбы замуровывать. И взорвать их, когда нужно. Вы скажете, что это невозможно? Так невозможно это лишь потому, что Вы не хотите в это верить. А нормально, что постоянные визиты в воинские части устраивает так называемый комитет солдатских матерей? Они лезут всюду. Они грозятся санкциями, когда узнают, что у солдат конфискуются мобильные телефоны, хотя в уставе прописано, что магнитофоны, радиоприемники, фотоаппараты и прочее (а к прочему, естественно, надо отнести мобильные телефоны) должны храниться в сейфе командира и выдаваться только командиром в выходные и праздничные дни. И самое смешное, что председателем нашего областного комитета солдатских матерей является особа, у которой нет сыновей. У нее одна-единственная дочь. И та, простите, уже лет семь в Израиле живет. Скажите, это нормально? Более того, она по совместительству покровительствует какой-то религиозной организации, которая не имеет никакого отношения к традиционным религиям, таким как православие, ислам, иудаизм, католицизм или буддизм. Проще говоря — это секта. Это нормально?..

— Нет, — пробормотал Николай и, скомкав письмо, швырнул его в костер. — Что толку теперь. Нормально или нет... Не то донос, не то крик души чей-то...

Васнецов разорвал еще один конверт и бросил его в огонь, оставив в руках бумажку с текстом.

...Здорово, Баклан! Пишет тебе, если ты еще не допер, Димка Вандал. Охрененный тебе армейский привет, шкера ты зачуханная! Как сам? Как Толик, Жбан, Валет и Димедрол? Все по подвалам отдупляетесь? А я вам вот что скажу. Харэ повестками задницу подтирать. Идите в армию. Тут клево! На вафла отвечаю!

Кстати, передай Валету, что у нас в армии слово «валет» означает типа «тупой лох»! Так ему и передай! Никакой дедовщины тут нет. Все это выгон. Главное, мужиком быть, а не петушком. Я вот с учебки в часть приехал, захожу в казарму. Там типа перцы на койках лежат в дневное время. Трое. Я громко так говорю: «Кто тут основной дед?» Встает так лениво лошара один. Подходит, мизинцем, падла, в зубе ковыряется. Смотрит на меня что на хамно и отвечает: «Ну, типа, я. А те чо?» А ему с ходу в морду. Теперь, говорю, я тут основной. Носки мне постирай, высерок!..

— Тьфу ты. Славику бы понравилось это письмо. — Николай отправил и его в костер. — Что там дальше?

...Здравствуйте, дорогие родители. Как там у вас дела? К сожалению, мы не сможем приехать к вам в июле, как обещали. Цены на билеты снова выросли. Того, что нам удалось скопить, хватит теперь только в одну сторону...

...Привет, сестренка. Очень рад, что ты нашла достойного парня. Увы. На свадьбу приехать мне не судьба. Отпуска зарубили опять. Контрактников даже за пределы гарнизона теперь не выпускают. Расторгнуть контракт пока не получается. Сказали, что неустойку большую платить придется. Хотя все это словоблудие о престижности службы запарило капитально. Платят более чем в два раза меньше, чем обещали. Многие хотят расторгнуть контракт. Несколько ребят из батальона вообще уехали в отпуск и не вернулись. Забили на службу. На них дело уголовное завели. Платили бы нормально, так и не было бы такого. Прости, сестренка. Не смогу на твоей свадьбе погулять...

...Лизка! Никита мне все про тебя написал! И про тебя, и про Семена. Я не думал, что ты такая лживая тварь. Дембельнусь, приеду, отрежу вам обоим бошки на...

...Здравствуй, мама! Я попал в очень хорошую часть. Нас тут всего человек тридцать срочников. Никто не обижает. Кормят хорошо. Я после учебки три кило веса набрал! А еще у нас очень хороший старшина. С ним всегда можно поговорить о чем угодно. Такое ощущение, что он знает все. Приносит постоянно на дежурство камеру и фотоаппарат. Снимает наш быт. Службу. Приколы всякие. Обещал каждому записать все на диски. Хороший он, в общем, человек. Он нам как старший брат. Только помешанный он немного на войне. Говорит, что скоро будет большая война. Иногда страшно от его слов становится. Хотя, может, у него просто работа такая, морально нас готовить...

...Здорово, братан! Прости за неровный почерк! Пишу из горящего танка на сапоге убитого товарища! Нога у него еще дергается! Гы-гы-гы!!! Это шутка такая!..

...Знала бы ты, какая тут великолепная природа! И поскольку места эти совсем не тронуты человеческой деятельностью, то даже сотовая связь тут не работает. Вот и пишу тебе по старинке. Уже сделал более двух сотен фотографий. Печатать и выслать возможности нет. Пока закидываю на диски. Хорошо, что ноутбук прихватить с собой догадался. Как приеду, покажу...

...Здравствуй, любимый. Ты говорил мне по телефону, что получить письмо, которое можно держать в руках, ощущая исходящий от него запах возлюбленной, писавшей его, великое счастье. И вот я решила тебе написать. Я, если честно, очень волнуюсь. Волнуюсь оттого, что знаю: мое письмо не может быть таким красивым, какие слал мне ты. Я знаю это. Я перечитываю твои письма постоянно, и сердце рвется наружу от радости, что ты у меня есть, и боли, что ты так далеко...

— Письма... — Это был голос Юрия.

Николай повернулся. Алексеев смотрел на ворох конвертов, что был свален рядом с ним.

— Странно. В эпоху Интернета, мобильных телефонов и эсэмэсок еще кто-то писал письма, — устало проговорил он.

— Юра. Как ты? — участливо спросил Васнецов.

— Как я? Разве ты не чувствуешь запах сыра? Такой режущий и навязчивый запах. Да ты, конечно, не знаешь, как пахнет сыр. Сколько тебе было, когда все началось? А потом...

Никакого сыра. Никакого молока. Они несли в себе столько радионуклидов... Так пахнет смерть, Коля. Теперь так пахнет смерть. Это гангрена.

— Может, все еще... — Николай отчего-то не знал, как лучше докончить фразу.

— Знаешь, когда я совсем был маленький, крепко запал мне в память один фильм. В то время был еще СССР. И мир тогда был очень близок к мировой войне. И вышел на экраны такой фильм. «Письма мертвого человека». Я хорошо помню, как, затаив дыхание, смотрел его на экране старенького черно-белого «Рекорда». Мне было страшно. Но я смотрел как завороженный. Ведь это был фильм о последствиях ядерной катастрофы. А самым большим моим страхом тогда была ядерная война. Причем я больше всего боялся, что она случится, когда родителей не будет дома. Где мне их тогда искать? Куда идти? Я отчего-то был уверен, что останусь жить. Ведь человек до конца не верит в смерть, пока она не придет за ним. Как за мной сейчас. Хотя все мы мертвы уже давно. И он был таким. Главный персонаж, старый профессор. Он мысленно писал письма своему пропавшему сыну. И в одном из них он говорил о своих детских страхах. Этим страхом был поезд. Приближающийся поезд. Многие дети во сне видят похожие кошмары, как что-то огромное на них надвигается. Тот самый поезд. А знаешь, что это? Это символ. Квинтэссенция всего рукотворного. Технический прогресс. Все, что сотворил человек, обрушилось на него огромным поездом, сметающим все на своем пути. Весь наш прогресс обрушился на нас, как тот поезд. И вот смотрю на эти письма сейчас. Как символично. Мой оживший детский страх. Письма мертвого человека. И я понимаю, что вся наша жизнь, не только детство, — это шаткое здание на фундаменте страха. Мы всегда и всего боимся. Мы, маленькие, боимся темноты. Войны. Поезда. Отцовского гнева. Боимся злых собак. Подрастаем. Узнаем о смерти. Боимся, что она унесет кого-то из близких. Нет, своей смерти так до конца и не осознаем. Но смерти близких боимся. Боимся в школе остаться на второй год. Влюбляемся. Боимся, что не полюбят нас. Нас любят. Боимся, что разлюбят. Боимся жениться. Женимся. Боимся потерять семью. Боимся дефолта. Боимся террористов, землетрясения, СПИДа, туберкулеза, импотенции, пожара, наводнения, цунами. Боимся, что на дом упадет самолет. Покупаем машину и боимся, что ее угонят. Сами делаем новое оружие, а потом хором его боимся.

Боимся, что после нашей смерти кто-то продаст участок с нашими могилами под строительство офисов. Боимся гнева Божьего и происков дьявола. Боимся потерять веру и, веря, боимся своих страхов. Боимся потерять работу. Боимся хулиганов. Боимся, что иссякнет нефть. Боимся холода и голода. Боимся ХАРПа и морлоков. Фашинов и духов. Боимся, что все, что вокруг, — правда. Боимся, что эта еда ядовита. Боимся сами себя, своего «я» или подсознания. Боимся того, на что способен человек... боимся жизни. Мы же все боимся жизни. Но никогда наша смерть не может стать полноценным страхом. Ибо когда она приходит, уже не страшно. А воину страшно лишь стать не воином, но обузой. И заживо гнить пожираемым гангреной. Умирать не страшно, Коля. Страшно жить...

Раздался щелчок. Правая рука космонавта, до этого спокойно лежавшая под одеялом, которым был укрыт Юрий, приставила к собственному рту ствол пистолета.

— Юра, нет!!! — завопил Васнецов, вскочив на ноги.

— Простите...

Раздался выстрел. Он словно хотел что-то еще сказать, но уже нажал на курок. Пуля прошла через голову и разворотила затылок, разбрызгивая части скальпа, кровь и мозг.

— Господи... — Васнецов смотрел на мертвого Алексеева и тряс перед собой руками. — Господи... Ну зачем... Зачем... Зачем!!! Зачем ты!!!

В вагон ворвались Варяг, Людоед и Сквернослов.

— Что случилось?! — крикнул Яхонтов.

— Юра... Юра застрелился... — бормотал Васнецов, все еще не веря в произошедшее. Это было совсем недосягаемо для разума. Ведь вот он только что говорил. Вспоминал что-то. Живым был. Но теперь его голова буквально вывернута наизнанку и он больше не издаст ни единого звука. Никогда. Был Юра Алексеев, и нет его...

— Откуда у него пистолет? — вздохнул Крест.

— Черт... Юра... Твою же мать! — сокрушался Варяг. — А ты куда смотрел?! — Рявкнул он на Васнецова.

— Но я... я же...

— Что! Что — я же?! Ты хоть понимаешь, что значит присматривать?! Тебе было велено присматривать за ним, а он застрелился у тебя на глазах! Как ты вообще мог допустить такое?!

— Осади, Яхонтов. — Крест встал между ним и Васнецовым. — Выхватить пистолет и всадить в себя пулю — дело двух секунд.

— Да откуда у него вообще пистолет взялся?! — не унимался Варяг.

— Он же в луноходе несколько раз приходил в себя. А рядом его рюкзак с вещами. Он мог достать оттуда свой пистолет и спрятать под одеждой. И никто из нас на это не обратил внимания. Так что пацана не надо крайним делать. И вообще. Надо похоронить Юру. И чем скорее, тем лучше. Убираться из этого места надо.

Николай исподлобья смотрел на Варяга. Он еще не отошел от того, как Яхонтов набросился на него в Котельниче. Теперь он, и без того снедаемый чувством вины за гибель Алексеева, ощущал сильнейшую душевную боль, подкрепляемую обвинениями Варяга. И думал он сейчас о том, что Варяга он не простит за это никогда...

Хоронить было решено на холме. Ведь если когда-нибудь на этой планете наступит весна, то могилу в низине неминуемо размоет. Рыть могилу в окоченевшей от вечного холода земле было трудно. Но у них уже был печальный опыт. Когда они хоронили Андрея Макарова. Копать они начали после рассвета, а сейчас уже темнело. Очередной день прошел, как его и не было.

Людоед смастерил из каких-то железных труб, что взял в разбитом локомотиве, могильный крест и установил его у изголовья погребального холма. Варяг не забыл положить в могилу гильзу, в которой хранилась записка с именем и званием космонавта. Они стояли втроем и смотрели на могилу своего товарища. Снизу к ним медленно двигался ведомый Вячеславом луноход.

— Ну, что говорят, когда хоронят самоубийц? — вздохнул Яхонтов.

— Да какая разница. — Людоед пожал плечами. — Человечество само по себе самоубийца. — Он снял с плеча автомат. — Может, отсалютуем? Офицер все-таки. Положено воинские почести отдать.

— А Макарову не отдали, — покачал головой Варяг. — Да и не те времена сейчас, чтобы пули в воздух выпускать. Мы им потом отсалютуем. Обоим. Когда на Аляску приедем. Такой салют в их честь устроим...

— Мужики. — Николай вытянул руку в направлении Уральского хребта. — Смотрите.

Далеко на пригорке стоял едва различимый в сумерках снегоход. Два человека на нем пристально смотрели в сторону путешественников. Похоже, они переговаривались. И вроде у одного был бинокль. Звука снегохода они не услышали из-за начавшегося порывистого ветра, гнавшего снежную пыль низко над белым настом. Двое уселись на свою машину и двинулись в их сторону.

— Кто это такие, интересно? — нахмурился Варяг.

— Сейчас узнаем. — Людоед щелкнул затвором автомата. — Вам обоим тоже не мешало бы оружие приготовить.

Снегоход неторопливо двигался в их сторону. Уже было слышно жужжание мотора. Отремонтированный луноход наконец достиг вершины холма, где похоронили Юрия, и остановился возле путников.

— Ну что, поехали? — спросил Сквернослов, приоткрыв свою дверь.

В этот момент с двумя незнакомцами на снегоходе произошла резкая метаморфоза. Как только в поле их зрения попал луноход, водитель резко вывернул руль и, прибавив скорости, стал экстренно разворачиваться. Его пассажир даже едва не слетел с кресла. Он хлопал рукой водителю по спине и что-то кричал. Возможно, он подгонял своего напарника, так как тот, казалось, выжал из своей машины все, что мог. Ревя двигателем, снегоход уносился прочь.

— Что сие значит? — хмыкнул Илья.

Варяг взглянул на Людоеда, затем на луноход.

— Странно. Нас они, значит, не испугались. А вот машину нашу... Ломанулись, как черт от ладана. Странно все это.

— Твоя правда, Варяг. Странно. Очень... Но значит, впереди есть какое-то поселение. Эх... Если бы Юра потерпел...

— Не надо уже, — махнул рукой Яхонтов. — Юры уже нет. Поехали.

30
ВАВИЛОН

— Ну, что там? — Варяг повернулся из передней кабины и уставился на Людоеда. Тот смотрел в перископ и крутил рукоятку зума.

— Сейчас. Погоди.

Луноход стоял в низине, скрытый большим снежным барханом. И только показавшиеся в темноте далекие огни на го-

ризонте заставили путников остановиться, спрятавшись, и вести скрытное наблюдение. Ночная тьма не позволяла прийти к каким-нибудь внятным выводам, и наблюдения продолжились, когда уже рассвело. Пока было ясно, что они находятся у самого подножия Уральской гряды.

— Ого! — воскликнул наконец Илья.

— Ну что? — нетерпеливо повторил Варяг.

— Да там целый замок какой-то. Не иначе. Комплекс отгрохали наподобие той людоедской артели, что я взорвал. Только раз в десять, а то и в двадцать больше. И в несколько этажей. Пять ветряков у них. Нет... Вру. Семь. Электричества, наверное, в полном достатке. Вокруг несколько хижин еще. Вроде тоже обитаемые. Трубы коптят. Серьезная контора. Опа... Танк!

— Танк? — Яхонтов нахмурился.

— Ага. Мешками обложенный. Видимо, там главные ворота. Что за танк, не пойму. Весь шкурами обшит. Хотя пушка вот. Нет, это не из последних наших танков. Судя по кончику ствола, хотя отсюда трудно судить, это вроде «ИС» какой-нибудь. Или «Т-десять». Тяжелый. Хотя, может, самоходка. Типа «Акации» или «Гвоздики». Но уж больно башня низкая. Как блин. Нет. Скорее всего, не самоходка, а старый танк.

— Откуда они могли взять «ИС» или «Т-десять»? — скептически вопрошал Варяг.

— Да я тебя умоляю, — усмехнулся Крест. — Этого добра у нас на консервации за Уралом тысячами было. Даже «тридцатьчетверки». Это потом, в девяностые годы все это резать стали да металл за бугор, коммерсанты хреновы, увозить. А иногда и некоторые генералы мордатые танки эти целиком гнали. Эшелонами. И кстати, бывало, что, по накладной, это списанные «Т-десять», а на платформах в реальности «Т-семьдесят два» новенькие. А ты говоришь...

— Да ладно с танком этим. Что там еще видно?

— Следы вижу. Вокруг там просто весь снег следами разными перепахан. А вот от нашей стороны вижу только следы того снегохода. Видимо, мужички туда подались. А комплекс этот... Вроде его собирали из здоровенных бетонных блоков и железнодорожных вагонов. Блин, как они их друг на друга ставили? Это какой кран надо было?

— А пирамиды египетские как строили? — усмехнулся Сквернослов. — Тогда и кранов не было.

— Ну вот этого мы точно уже никогда не узнаем, — ответил Людоед. — Стоп... Флаг вижу. Точно. Вот сейчас ветер подул, и он теперь развевается.

— Чей флаг?

Яхонтов насторожился. Оно и понятно. По флагу можно было многое узнать о тамошних обитателях.

— Погоди... Сейчас... Американский.

На лице Варяга застыло не то недоумение, не то злость, не то сильное разочарование. Сквернослов присвистнул. Николай откинулся на сиденье и, стукнув затылком по стенке, вздохнул:

— Неужели они все-таки нас оккупировали?

Людоед на секунду оторвался от перископа и, посмотрев на реакцию товарищей, улыбнулся.

— Что, коллеги, испугались? — засмеялся он.

— Я не понял, Крест, ты пошутил, что ли? — разозлился искатель.

— Да нет. Конфедератский флаг это.

— Какой?

— Ну, знаешь, война у них в штатах была. Гражданская. Севера и Юга. У северян звездно-полосатый флаг был. У конфедерации южных штатов такой... красный с синим крестом типа Андреевского и белые звезды по всему кресту. Этот флаг еще байкеры на своих «харлеях» рисовали и косухи свои кожаные изнутри обшивали им. Вспомнил?

— Вспомнил, — проворчал Яхонтов, — так и сказал бы сразу.

— Ну, что делать-то будем теперь?

— Предлагаю объехать, — заявил Сквернослов.

— Оно, конечно, можно, но как разузнать об обстановке? Что в горах происходит? Что за хребтом? Какие опасности? — Яхонтов покачал головой. — Нет. Думаю, надо посетить это место. Разведать. Пообщаться с местными.

— На луноходе поедем? — вздохнул Николай. — Вспомни реакцию тех на снегоходе. Чего они так машины нашей испугались? Вот поедем, а они в нас из гранатомета. Тут уж броня наша не спасет.

— Блаженный дело говорит, — кивнул Людоед. — Пешком надо к ним идти. Да ты, Варяг, сам вспомни, что космонавты, мир их праху, про свое путешествие рассказывали. Они постоянно прятали луноход и разведывали дорогу впереди пешком.

Яхонтов вздохнул и покачал головой, соглашаясь.

— А если те двое тут, в поселении, они нас узнать могут и так.

— Не факт, — махнул рукой Крест. — Во-первых, мы в намордниках были. С такого расстояния они даже в бинокль никаких примет наших запомнить не могли. Да и таких, как ты, бородатых да волосатых а-ля русский витязь или викинг скандинавский, нынче пруд пруди.

— А шинель твоя флотская и берет? — усмехнулся Варяг. — Я таких прикидов больше не встречал.

— Так переоденусь. Какие проблемы?

— Ну, положим, мы спрячем машину. Кто охранять останется? — Он оглядел всех испытующим взглядом.

— Я не останусь, — поморщился Сквернослов. — Хватит уже. Все я да я.

— Ну и Кольку оставлять нельзя. Опять заклинит его и попрется черт-те куда и неизвестно за чем. — Яхонтов с укором посмотрел на Васнецова.

— Да пойдем все вместе. Вон, глянь на небо. Снег скоро повалит нам в подмогу, да еще, кажись, с метелью. Спрячем машину. Подождем, пока следы снегом заметет, и пойдем, — заявил Людоед. — Я тут пару растяжек хитрых вокруг машины поставлю. Только прятать надо в том леске справа.

— Может, тебя караулить оставим? — Яхонтов лукаво посмотрел на Людоеда.

— Ну, ты ведь это не серьезно? — засмеялся Крест. — Ты не хуже меня знаешь, что без такого бойца никуда. Да я один взвода стою, и ты не раз в том убедиться имел возможность.

— А уж какой скромный... Ну допустим, стоишь. И что? Опять там все взорвешь?

— А вот это уж зависит от того, как они себя там вести будут, — продолжал смеяться Людоед.

— Ладно, — кивнул Варяг. — Решено. Но только я тебя, Илья, по-человечески, как морлока прошу. Давай там без лишних фокусов.

— Какие фокусы, брат. Я же не Копперфилд какой-нибудь...

Поднявшаяся буря нещадно хлестала в лицо. Четверым путникам на лыжах пришлось низко склонить головы, лишь иногда поднимая их и оглядываясь, чтобы убедиться, что они все еще вместе и идут в правильном направлении. Двигаться при-

шлось по наклонной вверх, что вкупе с встречным ветром создавало трудности. После теплого уюта и постоянного сидения или лежания в луноходе эти считаные сотни метров давались очень трудно. Николаю стало не по себе от мысли, что, если вдруг что-то случится с луноходом и им придется двигаться вот так, на лыжах, это станет концом. Не только для четверых путников, но и для всего оставшегося мира. Он снова поднял глаза, чтобы сквозь бьющиеся в стекло защитных очков острые снежинки разглядеть то, к чему они приближались. Это было колоссальное сооружение, построенное из всего, что попало под руку его строителям. Оно высилось над белизной окружающего мира, выделяясь преимущественно бурыми и серыми цветами тронутого ржавчиной металла и сырого бетона. Где-то в стороне послышался гул. Васнецов повернул голову и увидел неторопливо движущийся к комплексу гусеничный вездеход.

— МТЛБ, да еще на ходу, неплохо совсем, — послышался голос Варяга.

— В Москве этого добра навалом. У одних сталкеров из Лужников штук пять ходовых, — ответил ему сквозь ветер Людоед.

— Гляньте! Дед Мороз! — Сквернослов указал в другую сторону палкой.

С соседнего склона спускалась повозка, которую тянул усталый олень с огромными рогами. В повозке виднелся укутавшийся в тулуп человек.

— Чем он оленя своего кормит в наше лихое время, интересно? — пробормотал Крест.

— Да какие проблемы. Под снегом соломы завались. И мухоморы полярные, наверное, так и растут, как и раньше, — пояснил Варяг.

И повозка и МТЛБ остановились у торчащего из своего укрытия танка. Из комплекса через небольшую дверь вышла группа людей. Они что-то долго смотрели и в санях и в машине, пока наконец не открылись большие ворота, поднявшиеся вверх. Визитеры заехали внутрь, и ворота снова опустились.

Над воротами красовалась огромная надпись «ВАВИЛОН». Очевидно, ее сняли с какого-нибудь довоенного строения. Ибо буквы были исполнены не грубо и вручную, как в артели «Три свиньи», а весьма приличным образом.

— Варяг, я же говорил, что это «ИС»! Точно! «ИС-три»! — воскликнул Людоед, указывая на танк.

— Я рад за тебя, — пробормотал Яхонтов.

Они остановились перед огромным строением. Стена перед ними была около двухсот метров в длину и в высоту была с пятиэтажный дом. Собирали этот колосс из контейнеров и грузовых вагонов, бетонных плит и массивных древесных стволов. Из крыши торчали мачты ветряной электростанции. Лопасти быстро вращались. У самой крыши из огромных труб были сооружены еще и дополнительные турбины. В трубах были лопасти поменьше и, видимо, тоже играли роль ветряных генераторов. Они были направлены в разные стороны и ловили ветер в расширяющиеся широкими парусами из листового железа раструбами. Во многих местах в стене зияли небольшие окошки, бывшие, видимо, бойницами. Рядом с некоторыми бойницами были лючки, в которых, очевидно, скрывались прожектора. Даже сквозь завывающий ветер и гудение лопастей было слышно, что внутри кипит жизнь, доносящаяся различными шумами, стуками и иногда даже музыкой.

Людоед задрал голову и смотрел на ветряки. Марлевая повязка для согрева лица сползла, и было видно его ухмылку.

— Надо было сильно ужалить человека, чтобы он наконец перешел на экологически чистый источник энергии, — заметил он.

— А чему ты так ухмыляешься? — спросил Варяг.

— Радуюсь за человека. Что он получил урок. Получил по заслугам.

— А ты сам?

— А что я сам? Я всем доволен. Меня нынешние времена устраивают. Людей мало. Нет потребительства. Только выживание. Нет индивидуализма, ибо это смерть. Даже такие одинокие волки, как мы с тобой, всегда в какой-нибудь связке. Нет этого проклятого телевидения с лживыми новостями, псевдодокументалистами, опостылевшими мордами элиты, растлевающими молодежь передачами и прочей херней. Нет говенного гламура и лирических соплей. Эволюция стряхнула с себя весь этот шлак. Нынче времена сильных. Опытных. Таких, как мы с тобой, Варяг. Если кто-то плохо себя ведет, ты не ждешь, что власти на это отреагируют. Не зовешь милицию, которой не очень хочется возиться с твоими проблемами. Не сетуешь на несправедливость в разговорах на кухне за чаркой водки и не жалуешься в Европейский суд по правам, мать его, человека. Берешь автомат и валишь тех, кто не прав. Правосу-

дие в его первозданном, не замутненном коростой цивилизации виде.

— А если кто-то решит, что ты не прав? Что тогда?

— Так ведь нынче времена равных возможностей. Пусть берет оружие и придет ко мне. — Людоед недобро засмеялся. — Знаешь, сколько таких было? Не сосчитать. Да только где они? А я вот жив еще. Значит, я кругом прав.

— Сомнительная логика.

— Да. Но она ведь работает. — Крест оскалился. — Еще как работает.

— Сплюнь...

— Да хорош трындеть, старперы! Пошли уже! — поморщился Сквернослов и двинулся к двери в массивных воротах.

Варяг и Людоед посмотрели ему вслед.

— Слышь, Яхонтов, ты не сильно обидишься, если я его замочу? — спросил Крест, смеясь.

— Я, пожалуй, еще раньше его замочу, — хихикнул в ответ Варяг.

Не успел Вячеслав стукнуть кулаком по железу, как дверь открылась.

— Заходим быстро! Заходим! Тепло вылетает! — послышалось изнутри.

Путники вошли в дверь. Это было что-то вроде огромного и хорошо освещенного холла. Внутренний простор поражал воображение. Справа была стоянка, где находились различные машины и телеги. Тут был и тот МТЛБ, что они видели совсем недавно. Таявший снег капал с него свежими каплями воды. Еще две подобные машины. Пара гражданских гусеничных вездеходов. БТР с обмотанными железными цепями колесами. Танковое шасси без башни. Вместо нее был установлен утепленный кунг. Дюжина различных снегоходов. За вездеходами виднелось стойло с парой оленей и загон, где отдыхали собаки из упряжек. Слева была будка с большими внутренними окнами, где находились вооруженные и тепло одетые люди. Видимо, пост охраны. Доносившиеся оттуда характерные стуки позволяли судить, что охранники играли в нарды. Человек, впустивший их, был уже стариком. Одет он был в теплый комбинезон и меховую шапку. Лицо скрыто густой седой бородой, начинавшейся уже от скул. На плече висел АКСУ с приделанным к цевью фонариком. Из будки вышла пара бойцов помоложе, одетых и вооруженных подобным образом.

— Здрасьте вам. Откуда, куда? — произнес деловито старик, потирая рукой красный нос.

— Да мы тут думали, что в этом месте перекантоваться денек можно. Ошиблись? — ответил ему Варяг.

— Да нет, вообще-то. — Старик снова почесал нос. — Вавилон — самое то место. А чего у парня с головой? — Он указал на перебинтованного Николая.

— Так это он с горки на лыжах спускался и головой в дерево, — засмеялся Сквернослов.

— Ага. Понятно. Только чего тут смешного, не пойму. Вы, кстати, что, впервые тут?

— Ну да. — Яхонтов кивнул.

— А откуда вы?

— Из-под Калуги.

— Чего? — скептически прищурился охранник. — Откуда, откуда? Это вы, что же, из самой Калуги на лыжах шли?

— Да нет, конечно. Подвезли нас. Санями шли. А километрах в пятнадцати отсюда пути-дорожки разошлись. Дальше на лыжах.

— А... Понятно. И куда путь держите?

— Мы думали в Киров заглянуть. А там чертовщина какая-то... Решили идти дальше на восток.

— Ух... — Старик повесил голову и вздохнул. — В Киров, значит, говоришь... Понятно. Родня там была?

— Да, — кивнул Варяг.

— Соболезную. Крепко там врезали. А потом земля провалилась. Там ад настоящий. Ну ладно. Коли впервые у нас... Я вам сейчас правила объясню...

Его речь прервал какой-то шум и крики. В проходе между машинами показалась группа людей. Один пожилой мужчина. Он плакал и о чем-то умолял. Его толкали ружьями двое крепких парней лет тридцати.

— Топай на выход, чмо! Живее, мать твою!

— Ребята! Ну я же!.. Ну пьяный был!.. Ну с кем не бывает!.. — причитал мужчина.

Все лицо его было залито слезами и кровью, сочащейся из ожога на лбу. Ожог был в виде латинской буквы W.

— Рот закрой! Правила для всех! Вали отсюда!

Затем один из них крикнул старику из охраны:

— Шум! Отдай ему его барахло! Пусть проваливает!

— Это какой номер? — спросил Шум.

— Сорок первый!

— Ага. Пацаны! Сорок первая ячейка!

Из будки спустя минуту вышел еще один охранник и бросил плачущему мужчине вещмешок и охотничье ружье с обледенелым стволом.

— Забирай и катись, — проворчал старик.

— Мужики! Ну вы чего?! Ну простите!!! — закричал тот.

— Поздно уже каяться. Ты уже клейменый. — Шум передернул затвор своего автомата. — Р-рраз! — угрожающе произнес он, целясь.

Двое охранников подхватили его и, открыв дверь, вышвырнули на улицу, бросив следом мешок и ружье.

— У тебя есть десять минут, чтобы отойти на расстояние выстрела! Или смерть! — крикнул один из охранников и закрыл дверь.

Тридцатилетние молодчики оценивающе посмотрели на группу Яхонтова и молча ушли, двигаясь походкой вразвалочку, красноречиво говорящей о том, какой высокий у них тут статус.

— За что его так? — спросил Людоед у старика. — И что за прозвище у тебя такое?

— Шум? Да Шумаков моя фамилия. Он правила нарушил. Короче, у нас есть правила поведения. Не воровать. Местные деньги не подделывать. Не дебоширить. Драк не затевать. Тут все равны. Никаких выяснений отношений по национальному или религиозному признаку. Если кто-то вас провоцирует, доложите смотрящему. Сами проблему не решайте. Шлюх можно бить только по договору с их хозяином. И только до первой крови. Калечить и выбивать зубы нельзя. Наркоту продавать можно только администратору. Незаконный оборот наркоты тоже нарушение правил. Если что-то сломали, то должны сообщить об этом смотрящему. Он поможет вам работягами, чтобы отремонтировали. Наказания за нарушения разные. Штраф, если есть что взять. Хозяйственные работы. От двенадцати до двухсот часов. Участие в бою на арене в качестве наказания тоже практикуем. Из суровых — клеймо на лбу выжигаем. Те, кто с клеймом, как у этого неудачника, больше не имеют права приходить в Вавилон и наши филиалы. Бывает и смертная казнь. Как наш суд постановит.

— Вот как... А что, есть еще такие комплексы? — поднял бровь Людоед.

— Есть. Два поменьше. Иерихон и Назарет. Они южнее. Ну, в смысле... В той стороне, где, по идее, должен быть юг.

— Понятно. А что этот натворил?

— Подделал временную регистрацию на целых двое суток. И цепочку золотую с ноги у шлюхи украл. Причем усыпил ее дурью какой-то. И вдобавок обоссал ее шинично, придурок. Еле откачали. Так вы какой срок планируете тут быть?

— Ну, сутки. Не более, — пожал плечами Варяг. — Если это, конечно, не дорого.

— Да нет. Десяток патронов за каждого в сутки. Если двое суток, то по девять патронов за день. Три дня по восемь патронов. Патроны любые для нарезного огнестрельного оружия. Или одна медвежья шкура за двоих. Короче, я вам дам квитки. Это временная регистрация. Там печать моя и дата и время. И срок постоя. Превысить срок можно не более чем на два часа. Если хотите продлить, подойдите к любому патрулю или идите прямиком сюда. На пост. Носите их всегда с собой и показывайте патрулю по первому требованию. Смотрите, чтоб не спер никто. Хотя суточные квитки не нужны никому. Вот недельный могут спереть. Таких ворюг мы сразу на арену. Да, для внутреннего потребления вам нужны наши местные деньги. За один патрон даем либо два условных рубля, это белые монетки, либо двадцать желтых. При уходе можете остаток обменять у нас. Но уже пять рублей за патрон. Такие правила.

— А зачем эти деньги? — спросил Варяг.

— Ну, мало ли что. Купить что захотите. Или услуги дополнительные. Там... Дополнительный рацион воды для душа. Зубы у дантиста нашего подлечить. Хороший, кстати, дантист. Одежку подлатать у швеек наших. Проститутку заказать. Ну, еще за садомазо отдельная плата. Ну, отдельная плата там за экзотику. — Он поморщился. — Золотой дождь... шоколадный омлет... тьфу... Можно примочки к оружию приладить. Недавно появились у нас лазерные подсветки для прицела. Ночная оптика для автоматов. Дороговато, правда. Но это на ваше усмотрение. Только оружие надо у нас в камере хранения оставить под опись. Патроны можно брать с собой для торговли. Гранаты и ножи — нет. Ежели нужна работа мастера, приходите с его человеком, говорите, какой ствол взять, он берет и относит мастеру. Потом можно в тире опробовать. Никакого кидалова. Гарантия качества. Можете, кстати, сами торговать. Рынок у нас большой. Да и так сделки можно проворачивать.

В баре, например. Торговать можно чем угодно. Хоть собственной задницей. Только не наркотой. Это через администратора рынка, и только через него. Если оружие свое продать захотите, то приходите с клиентом сюда, в камеру хранения. И тут решайте под нашим присмотром. Кстати, если вас выгоняют за нарушения, то мы ваше оружие суем дулом в ведро с водой и на мороз. Отдаем заледенелое, чтобы от злости пальбу тут не начали. Потом где-нибудь разморозите. Мы ведь тоже не звери. Вдруг кто нападет, а вы без волын. Ну что. Вроде все рассказал. Вы вещи отдельно сдать хотите или все в одну ячейку?

— В одну, пожалуй, — качнул головой Яхонтов.

— Ну ладно. Давайте. Ваш номер будет пятьдесят два.

Сервис приятно удивил. Охранники не только составили опись оставляемого путниками имущества, но еще и записали в описи номера оружия, количество патронов в магазинах этого самого оружия. Они даже записали, какие надписи на оставляемых в камере хранения лыжах. После процедуры со сдачей вещей на хранение, получением временной регистрации и энного количества местных денег путники направились в глубину комплекса, откуда доносился давно забытый шум городской суеты, голоса множества людей, шуршание множества ног снующих постояльцев и местных жителей. Местными деньгами являлись старые центробанковские монеты, обе стороны которых были сточены, а на них и начеканены заново гербы в виде скрещенных автоматов с одной стороны и надписью «Вавилон» и чьего-то профиля с другой.

Поселение встретило музыкой, что было небывалой роскошью. Шумом мастерских. Криками торговцев-зазывал. Рекламными возгласами. Николай задрал голову. Потолок, накрывающий весь этот мир, скрытый от агрессивной и неприветливой внешней среды, терялся высоко за мостиками и переходами верхних этажей и за разнообразными гирляндами ламп и полотен с указателями и напоминаниями о необходимости соблюдения правил и законов Вавилона. Вообще такого скопления людей он не мог припомнить. Даже в Надеждинске. Люди, которые там жили, не находились компактно. Они были разделены своими подвалами, соединяющимися траншеями, и вместе столько людей там не собиралось. Возможно, такую суету он мог наблюдать только у Дома Советов. Но там была бойня. Большая масса людей была озабочена лишь взаимным истреблением. Но тут кипела жизнь. Это даже в некотором роде при-

поднимало настроение, ведь тут всеобщим упадком вроде и не пахло. Всюду царила суета жизни. И все было бы совсем хорошо, но омрачала действительность: гибель Юрия и неприятная сцена с плачущим мужчиной, которому на лбу выжгли букву W.

— Хлопцы! Стойте!

Путники обернулись на возглас. Их догонял один из охранников ворот. Довольно молодой. Тот, что все время молча стоял за спиной Шумакова.

— Чего, братишка? — Людоед по выработанной годами привычке напрягся.

— Слушайте. Я спросить хотел.

— Ну, спрашивай...

— Вы... Это... — Он посмотрел по сторонам и стал говорить совсем тихо. — Вы рейдеров не видели в этих краях?

— Кого? — удивился Варяг.

— Рейдеров... — Он перешел уже на шепот.

— А кто это? — спросил Людоед.

— Вы не знаете, кто такие рейдеры? — Теперь удивился охранник.

— Нет, вообще-то.

— Ах... Ну да... Вы же с запада. Ну... А следы не видели? От очень широких гусениц. Или машину такую гусеничную... Как МТЛБ, только выше и короче. Серебристая такая...

— Нет, не видели. — Варяг мотнул головой и украдкой посмотрел на своих спутников.

— Ну ладно. Извините. — Он стал отходить. — Просто говорят, что они уже на эту сторону от хребта перебрались. И что они в людей переодеваться стали. Брешут, может...

— Кто?

— Кто брешет?

— Нет. Кто перебрался?

— Да рейдеры эти... Как через молохитов прошли... Или в обход... Черт их знает... — Это уже он говорил сам с собой.

— Так они что, не люди, если ты говоришь, что в людей переодеваются?

— Нет. Не люди. Я же говорю. Рейдеры.

— Слушай, ты уж расскажи нам, о чем речь-то, — развел руками недоумевающий Варяг.

— Да вы это... Не берите в голову... Да и некогда мне... Вы ежели в баре будете, там поспрошайте... Мужики потрепаться

любят. Чего, может, и расскажут. Ладно. Пока, ребята. Извините, что задержал.

Охранник ушел.

— Варяг, дай мне по морде, если он не о нашем луноходе говорил. Ну точно по описанию подходит, — сказал тихо Крест.

— Ты прав, — пробормотал Яхонтов. — Но по морде я тебе все равно двину...

— А я тебя всучу смотрящему, и тебе клеймо на лоб поставят, — засмеялся Людоед.

— Угу... — задумчиво пробубнил Варяг.

— Ты чего это? — нахмурился Илья.

— Нечисто что-то. Рейдеры какие-то. И луноход. Его же ни с чем не спутать. Что тут за дела?

— Ну так у нас есть возможность все разузнать. Где, этот Шум сказал, у них бар?

— За рынком. Налево.

— Налево гостиница, — поправил Сквернослов.

— А. Ну да. Направо. Пошли.

Двигаясь мимо добротно сколоченных деревянных лотков местного рынка, путники с интересом разглядывали ассортимент здешней торговли. Обилие товара поражало. Различные шкуры зверей. Книги и журналы. Одежда различной степени изношенности и даже с виду новая. Алкогольные напитки как в оригинальной таре, еще довоенного производства, так и кустарно изготовленное пойло, разлитое в стеклянные и пластиковые бутылки. Зажигалки. Особенно много было бензиновых зажигалок, сделанных из гильз и подобий «Зиппо». Мотки проводов. Сигареты и табак. Курительные трубки различного вида. В том числе вручную изготовленные из костей. Керосиновые лампы. Диодные фонарики. Картофель, морковь и все то, что удается вырастить в суровых условиях современной реальности. Дрова. Семена растений. Весьма, кстати, дорогие. Драгоценные украшения. Совсем не дорогие, кстати. Болты, гайки, шурупы, электронные платы. Ржавые и гнутые гвозди. Зеркала и стекла. Очки и оправы к ним. Сказочно дорогая туалетная бумага. Соль. Кактусы в горшочках. Различный инструмент. В том числе даже и электродрели. Географические карты и атласы. Плакаты порнографического содержания. Игральные кости, нарды, шахматы и шашки, домино, настольный хоккей, кубики Рубика, гексостратегии. Часы, как рабочие, так и раз-

битые... Ручные и настенные. Барометры и дозиметры. Респираторы и противогазы. Рукавицы и шерстяные носки. Военная амуниция. У данного торговца еще красовалась табличка «Есть холодное и огнестрельное оружие в ассортименте». А у торговца свечами зажигания и запчастями для снегоходов был широкий выбор лыж и табличка «Продаю танк Т-64 с боекомплектом. Пулеметы демонтированы. Не на ходу». Дальше был торговец, у которого весь товар был завешан простынями и на пустом прилавке была табличка «Продаю картины и фотообои с пейзажами сгинувшего времени. Будь оно проклято».

Людоед взглянул на табличку и усмехнулся.

— И что у тебя есть? — спросил он у торговца.

— Да много чего. Картины маслом. Фотоплакаты и фотообои, — ответил угрюмый седой старик.

— Какая тематика?

— Так тут же написано. Закат на тропическом пляже. Березовая роща. Пруды всякие с лебедями. Панорама Москвы и других городов. Горные пейзажи. Все то, чего больше никогда не увидите...

— А чего напоказ не выставляешь?

Торговец ухмыльнулся:

— Так запрещено на всеобщее обозрение это выставлять.

— Почему? Вон порнуху в открытую поразвешивали. А что тут такого? — удивился Крест.

— Так то порнуха. Она всем нравится. А это... Очень многих злят эти картинки. Бесятся многие. Нервы сдают. Особенно у тех, кто другие времена еще помнит. Мне раз за это морду набили. Дескать, плюнул им в душу. Ну вот, администратор приказал мне их, картины, с глаз долой. Ежели интересует что, заходи за ширму, выбирай. Только если купишь, упакую, чтоб видно не было. У меня тут газетки старые. Замотать можно. На людях в открытую с этим не ходи. И кстати. — Он встал и, наклонившись ближе к Людоеду, тихо проговорил: — Есть цветные фотографии ядерных взрывов. Иногда извращенцы всякие спрашивают... Не нужно? Дешево отдаю.

— Прости, брат, — засмеялся Крест. — Мы не извращенцы.

— Есть фотки Эйнштейна и Оппенгеймера. Их заместо мишеней покупают с удовольствием, кстати.

— Почему?

— То есть как? — Торговец сделал очень удивленное лицо. — Ведь это они атомную бомбу придумали и прочую херню. Суки... Физики, мать их...

— Да нет. Не нужно ничего, — махнул рукой вмешавшийся в разговор Варяг. — Илья, пошли.

— Оно и правильно! — крикнул торговец вдогонку уходящим путникам. — Оно и верно! Я сам на все это дерьмо смотреть ненавижу! Но торговать чем-то надо ведь!

Николай обернулся и бросил на этого старика, показавшегося ему несчастным, прощальный взгляд. И тут его взор уцепился за второй ряд торговых лотков. Точнее, за один из прилавков, прямо позади торговца картинами. Там был большой стеллаж с какими-то странными, но показавшимися ему знакомыми предметами. И огромная масса разноцветных коробок. Васнецову понадобилось несколько секунд, чтобы из глубин памяти всплыло подходящее название. Магнитофоны. Да, за тем лотком продавали магнитофоны и большое количество аудиокассет и компакт-дисков. Но больше всего его заинтриговал торговец. Это была девушка в разноцветном шерстяном свитере и ватных штанах, лет восемнадцати, с очень короткой стрижкой русых волос. Она ладонями придерживала одетые на голову большие наушники и, глядя перед собой большими голубыми глазами, медленно раскачивала широкими бедрами. Вдруг подняла взгляд и мимолетно взглянула на Николая. Затем снова ушла в себя и погрузилась в ощущения, что дарила ей музыка в наушниках. Но лицо ее как-то переменилось, словно до ее сознания дошло что-то важное. Она снова подняла взгляд и уставилась на пару секунд на Васнецова. Посмотрела оценивающе и вроде, как показалось Николаю, удивилась. Затем улыбнулась сама себе, пожала плечами и, повернувшись спиной, снова стала раскачивать бедрами в такт слышимой ей одной музыке.

— Блаженный! Уснул, что ли? — окликнул его Людоед.

— Иду, — буркнул Васнецов и стал догонять товарищей, поймав себя на мысли, что ее продолговатое задумчивое лицо с умным взглядом показалось ему очень красивым.

Они прошли торговые лотки и оказались на большом перекрестке. Тут можно было оценить то, чем этот Вавилон был раньше. Очевидно, как и в случае с людоедской артелью, взорванной Людоедом, на этом месте был придорожный мотель. Автосервис и база отдыха для дальнобойщиков. Возможно, еще какой-то железнодорожный терминал или провинциальная станция. Компактность размещения этих объектов позволяла все скрыть общими стенами и крышей, использовав для этого

контейнеры, вагоны и пущенные на строительные материалы здания, находящиеся на удалении. Оставалось поражаться тому титаническому труду, который вложили создатели Вавилона в сие творение, оказавшееся на огромной вымершей снежной пустоши таким ярким и монументальным очагом цивилизации. И оставалось надеяться, что люди, находящиеся тут, не людоеды, как в той артели. Где-то наверху, затерянный среди мостиков и переходов верхних этажей, находился мощный репродуктор, из которого лилась бодрая музыка. Николай очень давно не слышал музыки. Только если сам не бренчал на гитаре. Но здесь вся обстановка и обилие людей и музыки дарили ощущение цветущей жизни. И только серьезно задумавшись и вспомнив все, что с ними происходило в пути, Николай с горечью осознавал, что это лишь остатки былой жизни, которые, как и все на этой планете, шли к окончательному, затянувшемуся, словно замороженному на годы, финалу.

Музыка вдруг смолкла, и из репродуктора заголосил баситый мужской голос:

— Внимание! Жители Вавилона и гости нашего города! Благородные охотники и скупые торгаши! Баловни судьбы и ублюдки ядерной зимы! Сегодня вечером на нашей арене состоится бой века! Не пропустите! В красном углу ринга будет троекратный победитель боев Гиви Мизандали по кличке Мимино! Да-да, дорогие слушатели, вы не ослышались! Этот грузин опять опарафинился и заслужил привычное уже для себя наказание! Бой насмерть! В синем углу ринга гость из великого Китая Лао-Чан по кличке Чунга-Чанга! Этот лузер додумался сказать командиру нашего вездесущего и наделенного неограниченными полномочиями патруля слово из трех букв! И не важно, что это слово означает по-китайски. Но для нашего слуха это именно... — Диктор задорно кашлянул. — Ну, вы поняли. Получив замечание по шее, он оказал воистину шаолиньское сопротивление патрулю и приговорен к бою насмерть. Хотите выступить на арене? Тогда забудьте наши строгие правила и пошлите патруль матом. И добро пожаловать на ринг, покойнички! Но если у вас голова на плечах и если вы рассчитываете на то, чтобы она еще долго там оставалась, то просто приходите посмотреть на бой этих двух отморозков уже сегодня вечером! Билет всего два вавилонских рубля! Детям скидки! Ставки можно делать уже сейчас. Кто победит в этой смертельной схватке? Потомок Брюса Ли, Джеки Чана и Мао Цзэдуна

или порядком уже надоевший, но пока еще непобедимый Мимино? Гиви, если ты проиграешь, мы будем скучать по тебе! Но не пора ли тебе уже отправиться в ад, скотина?! Аха-ха-ха! Так кто сегодня победит? Приходите и увидьте все своими глазами, мать вашу! Делайте ваши ставки, господа, черт бы вас всех побрал! Спонсор боев на ринге — ювелирная лавка Шлемазла Шнобельблюма. Информационная поддержка — газета «Вавилонский абзац»!

Крикливый голос в динамике наконец умолк, и снова полилась музыка.

— У них что, и газета своя есть? — удивленно хмыкнул Варяг.

— Нет, вы слышали весь этот бред? Ушам своим не верю, — засмеялся Людоед. — Цирк шапито какой-то.

— Это у них от безысходности такой юмор или здесь действительно так весело? — Яхонтов покачал головой, соглашаясь с Людоедом.

— Эй, мальчики, поразвлечься не хотите? — окликнул их прокуренный женский бас.

Путники обернулись. Из сновавших вдоль торговых рядов людей выделилась женщина неопределенного возраста с морщинистым лицом и синяком под левым глазом. Волосы были длинные, но спутавшиеся и торчали из-под широкополой шляпы с вуалью и каким-то бумажным подобием цветка. Одета она была во что-то мешкообразное, и доканчивали все это нелицеприятное зрелище кирзовые сапоги с самодельными латунными шпорами для красоты.

— Хотим, деточка, но не с тобой, — еле сдерживая смех, выдавил Людоед.

— Хамло, — с вызовом сказала она и стала отходить.

— Знаю и горжусь этим! — Крест расхохотался.

— Н-да, я столько не выпью, — пробормотал Вячеслав, глядя ей вслед.

— Ну в самом деле, зачем хамить надо было? Сказал бы просто — нет, — поморщился Васнецов.

— Блаженный, я тебе, дураку, уже объяснял. Будешь себя вести как овца, шерсть быстро состригут. Ты кого тут хорошими манерами поразить хочешь? Перед кем тут чиниться? Запомни одну простую истину. Тряпки существуют для того, чтобы об них вытирать ноги. Так что будь циничной сволочью и не впадай в дурную меланхолию. Человек не то существо, чтобы относиться к нему по-человечески.

— Илья, ты его плохому научишь, — хмыкнул Варяг.

— Придется мне его учить, ежели ты момент воспитательный упустил, — покачал головой Крест.

Они двинулись дальше, но буквально через десяток шагов история повторилась.

— Мальчики, не хотите поразвлечься?

На сей раз перед ними стояла особа помоложе, хотя и весьма помятая. У этой волосы были помыты и возле ушей перетянуты двумя бантами, видимо, чтобы придать ее внешности более молодой вид. На девице была белая меховая шуба и потертые джинсы с отпечатком измазанной белой краской здоровенной ладони на обеих ягодицах.

Васнецову было обидно за насмешку Людоеда и за то, что те нормы поведения, которые он считал правильными и естественными, никому, оказывается, не нужны и оценить их никто не в состоянии, не то что следовать им. Он набрал побольше воздуха в грудь и выдавил сквозь зубы, но достаточно громко:

— Пошла на хрен.

— Ты чего, козел, — поморщилась она, и стало видно, что у нее не хватает доброй половины зубов.

— Я сказал, отвали, тварь! — повысил голос Николай, стараясь выглядеть при этом как можно злее.

— Тебе, чмо, трусы жмут или ты из гомиков? — фыркнула она.

— Эй! — Откуда ни возьмись за спиной проститутки появился карлик с бейсбольной битой. — Я тебе, гнида, сколько раз говорил, чтобы ты клиентам не хамила?! — воскликнул он и ударил своим орудием девицу по бедру.

— Да какие они клиенты? Им, наверное, мальчики нужны, — обиженно пробубнила она, потирая бедро.

— Эй! — снова крикнул карлик. — А вы чего кочевряжитесь? Это элитная баба, мать вашу! Вы гляньте! Ей всего двадцать пять! И ничего, что зубов не хватает! Так в работе даже удобнее! И вот, гляньте, дойки какие! — Он стал тыкать снизу битой в ее груди, которые действительно были совсем немаленькие. — Потрогайте сами! Пощупайте руками!

— А ты сам чего руками не щупаешь? Без лестницы достать никак не можешь? — усмехнулся Васнецов, продолжая нарочито демонстрировать хамство и недоброжелательность.

— Ах ты урод, — взвизгнул карлик и ткнул битой Николая в пах.

— С-с-сука... — прошипел Васнецов, согнувшись и скорчившись от боли.

Варяг вырвал у сутенера биту и поднял его за шиворот одной рукой.

— Слышь, верзила, я же тебя положу сейчас в карман, вынесу на улицу и закопаю. Никто и не заметит, — спокойно проговорил Яхонтов.

— Пусти, чмо мохнатое! Пусти, говорю! — закричал сутенер, брыкаясь.

— В чем дело?!

К ним подошел патруль. Трое рослых парней в камуфлированной одежде с демонстративно распахнутой грудью, чтобы было хорошо видно голубые вэдэвэшные тельняшки. Один, что постарше, взглянул на висящего в руке Яхонтова карлика.

— Здоровяк, поставь-ка его на пол, — сказал патрульный.

Николай уже выпрямился, хотя и продолжал морщиться от испытываемой боли. Он заметил, как напряглись Варяг и Людоед. Причем Крест сделал шаг назад и в сторону, образуя с Яхонтовым полукруг. Видимо, так удобнее будет принять рукопашный бой. А дальше... У патрульных висели на плечах автоматы. Останется только завладеть ими и пробиваться к выходу. Ситуация неприятная, если не сказать больше, и Васнецов понял, что он опять в чем-то виноват...

Бойцы никак не отреагировали на то, какую позицию заняли Варяг и Крест, однако старший патруля обратил свой взор на сутенера.

— Туранчокс, ты опять тут скандал учинил? — ухмыляясь, спросил старший.

— Эй, да что сразу Туранчокс? — огрызнулся сутенер.

— Не знал бы тебя, подумал бы на них. Иди отсюда. И не забывай, что ты нам уже два субботника должен.

Карлик от досады еще раз ударил свою девицу битой по бедру и побрел прочь, что-то бормоча ей ругательное.

— А ты силен, — ухмыльнулся патрульный, обращаясь теперь к Варягу. — Одной рукой поднял.

— Да там поднимать нечего, — пожал тот плечами.

— Карликов не любишь? — Старший прищурился.

— Я к ним ровно отношусь. Как к обычным людям. И не сочувствую. Знаю, что они этого в основном не любят. Но этот уж больно вредный.

— Да. Есть такое дело. Только вам наверняка говорили, что, если кто-то вас на скандал провоцирует, не надо вестись на это.

Надо сразу доложить первому патрулю. На сей раз отделаемся устным предупреждением. Договорились?

— Само собой, — хмыкнул Варяг и пожал старшему патруля руку.

Бойцы удалились.

— Да, Коля, что-то ты маху дал, — вздохнул Сквернослов, хлопая Васнецова по плечу.

Яхонтов зло посмотрел на Николая.

— Слушай, ходячая неприятность, не смотри ни на кого. Не делай ничего! Не говори ничего! Вообще рот не открывай. А ты, Людоед, не подначивай его!

— Яволь, майн фюрер. — Крест принял строевую стойку.

— Да пошел ты, — досадливо поморщился Яхонтов.

Они дошли наконец до пресловутого перекрестка и стали оглядываться. Тут было менее многолюдно, чем у рыночных рядов. В центре перекрестка стояла высокая труба с указателями и написанными на ней мелом объявлениями.

— Пошли сначала комнату для ночлега снимем да помоемся, а уж потом в бар, — предложил Илья.

— Разумно, — кивнул Варяг.

— Ну пошли. — Сквернослов потер руки.

Николай ничего не сказал. Его съедала злоба. Он злился и на Варяга, и на Людоеда, и на того сутенера...

Гостиница оказалась на самом деле гостиницей. Это был придорожный мотель, стоящий на улице, пока вокруг не вырос этот купол-город. Баром оказался самый настоящий придорожный бар рядом с этим мотелем. И убранство в баре было соответствующим. Только вся мебель носила множество следов ремонта, и вместо иллюминации на потолке висело несколько ламп, а стены были завешаны звериными шкурами. Путники пришли сюда через два часа, после того как оформились в гостинице и, приняв душ, немного отдохнули. За стойкой стоял массивный бармен в годах с черной, будто крашеной бородой, заплетенной в косу. На голове черная бандана с белыми черепами. Видимо, в прошлом он был байкером и привычкам не изменял до сих пор. Он читал какую-то потрепанную книгу. Взглянув на новых посетителей, лишь приподняв слегка взгляд, он угрюмо буркнул:

— Добро пожаловать. Выбирайте свободный столик. Меню на стене. Свинина, крольчатина, курятина. Водка, самогон, чай. Картофель на пару или жареный. Яичница. Шампиньоны. Сигареты.

— Ого! — Людоед облокотился на стойку бара, буквально перевалившись через нее, и уставился на заполненную разными бутылками стенку за спиной бармена. — Роскошная коллекция.

— Да это так. Пустые бутылки водой залил и для красоты поставил. От былой роскоши мало что осталось. Все, что есть, в меню. — Он снова уставился в свою потрепанную книгу.

— Что читаешь?

— Ницше, — коротко ответил бармен.

— О, уважаю. Типа... Если идешь к женщине, не забудь плетку!

— Точно, — усмехнулся здоровяк, показывая золотые зубы.

— И это еще. — Крест щелкнул пальцами. — Что не убивает меня, то делает сильнее.

— Да-да! Точно! Отличные слова. — Бармен кивнул.

— Ну ладно, братан. Я к своим. Будем с заказом определяться.

— Ага. Давай.

Людоед подошел к своим товарищам, стоящим возле написанного на стене мелом меню.

— Чего ты там лясы точишь? — тихо спросил Варяг.

— Мог бы и догадаться. Я за стойку заглянул.

— И что?

— Под стойкой охотничья двустволка. Вертикалка. Еще бита и кастет. На полке слева от бутылок нож для колки коктейльного льда. Так, на всякий случай надо знать.

Яхонтов покачал головой.

— Молодец, однако.

— Были сомнения?

— Ладно, что кушать будем? Шампиньоны они, наверное, сами выращивают?

— Наверняка. Не в лесу ведь собирают. Конфедераты и сталкеры тоже выращивают, там, в Москве. Но я грибам никогда не доверял. Вот картофан — другое дело. Никакая гадость не пристает. Даже в зараженной радиацией земле картофель радионуклиды практически не впитывает.

— Да. Знаю. Значит, берем четыре картошки на пару. Так? Яичницу возьмем?

— Давай. — Людоед кивнул.

— Ну и литр водки, наверное. Юру помянем. Ты как? — Варяг вопросительно посмотрел на Илью.

— Не возражаю.

Людоед сделал бармену заказ, и все расселись за пустой столик. Строго говоря, тут только один столик был занят. Там, в углу, сидели две женщины и двое мужчин и тихо о чем-то разговаривали. Бармен крикнул заказ в приоткрывшуюся за его спиной едва заметную дверь и, обратившись к новым посетителям, произнес:

— Пяток минут обождите.

— Спасибо, — кивнул в ответ Яхонтов.

Бармен снова уткнулся в книгу и вдруг опять поднял взгляд и уставился на Николая. Посмотрел пару секунд и, пожав плечами, вернулся к чтению.

Его реакция напомнила Николаю о той девушке, что на рынке торговала кассетами. Они реагировали на Васнецова практически одинаково. Почему? Может, из-за этой дурацкой повязки на голове? Николай со злостью сорвал с головы бинт и потрогал пальцами свернувшуюся на лбу кровь.

— Ты чего, Колян? — спросил Сквернослов.

— Да так. Ничего. Слушайте. Помните, Юра говорил, что их корабль поймал радиосигнал? Может, сигнал отсюда?

— Да вроде сигнал шел то ли от гор, то ли с той стороны от хребта, — пожал плечами Крест.

В бар вошел еще один человек. Высокий. В черном свитере с горлом и в очках. На вид ему было лет пятьдесят или около того. Коротко и аккуратно стриженный. Он не сутулился и отличался хорошей выправкой, что среди людей в нынешние времена не так часто встречалось. Хотя кто его знает, как часто они встречались раньше?

— Привет, Кабан. — Он махнул рукой бармену и, взяв свободный стул, присел у стойки.

— Здорово, Ветер. Тебе как всегда?

— Да, — кивнул гость.

Бармен поколдовал у себя за стойкой и выставил Ветру дымящуюся кружку с чаем.

— Держи. Кипяток. Как любишь.

— Спасибо.

— Ну, ходил куда?

— Да нет пока. Непогода. Думаю, может, через пару дней с красными в оренбургскую пустошь махнуть. Они там работорговцев каких-то вычислили. Поедут громить. А я с ними. Погляжу, что там к чему. Хотя куда ни кинь, кругом одно и то же.

— Ясно. Ну, путь туда неблизкий.

— Да ерунда это. Я ведь и дальше ходил. А тут... Да еще в такой компании. — Ветер усмехнулся. — Нормально.

Наконец принесли заказ. Пожилая женщина поставила на столик поднос с расчерченными черными трещинами тарелками, на которых были небольшие порции пареной картошки и яичницы. Также на столе появилась бутылка без этикетки и четыре железные кружки. Еще и пустая консервная банка.

— А это зачем? — спросил Людоед.

— Это пепельница. — Сказав это, она ушла.

В заведение вошли еще двое. Один высокий и худой. Другой низкий и немного полноватый. Обоим чуть больше тридцати. У высокого вместо правого глаза была черная повязка. У низкого перебитый давным-давно нос и так называемая заячья губа.

— Опа! — воскликнул бармен. — Никак Гнус и Шнифер пожаловали!

— Здорово, — буркнул низкий, шепелявя.

Они уселись за столик позади Варяга.

— Дай нам бухнуть и отбивной. Как всегда, короче.

— Ладно, Шнифер. — Бармен весело кивнул.

Значит, высокий и одноглазый — это Гнус.

— Так, может, расскажете, что у вас там стряслось? По всему Вавилону слухи ходят, один невероятнее другого.

— Задолбались уже каждому встречному рассказывать, — гортанным басом пробубнил высокий. — Еще комендант битых два часа мурыжил со своими расспросами. Дай просто молча и спокойно бухнуть и пожрать, Кабан.

— Вот как? Задолбались, значит? — Бармен достал какой-то листок. — Вот тут у меня записано, что на вас долгу сорок четыре рубля. Опять в долг жрать будете? Не дошли до того эшелона, про который вам Курбаши нашептал?

— Блин... — Шнифер сконфуженно развел руками. — Кабан, старина, ну в последний раз. Вернем долг, честное благородное. Клык даю. Ну не дошли мы до этого чертова эшелона. Рейдеры там.

— Рейдеры? — Кабан скептически покачал головой. — А не брешете ли вы, ребятки?

— Брешем?! — Высокий вскочил. — Да ты чего, в натуре! Иди на «ямаху» нашу посмотри! Был полный бак, стал пустой! Плюс две канистры еще! Мы чего, ради шутки топливо сожгли, по-твоему?!

— А ну, перья свои опусти, орел комнатный! — нахмурился бармен.

Гнус притих и сел на свое место.

— Ну, короче, рассказываю, — продолжал Шнифер. — Прем мы на снегокате своем туда. В сторону Адских ворот. Курбаши сказал, что в том районе видал эшелон разбитый. Или даже два. Типа, они там когда-то столкнулись и так и лежат. Катим, катим. Вдруг. На дальнем холме людей видим. Ну, люди как люди. Трое их. В бинокль смотрю, ничего особенного. Не молохиты, да они с гор вроде и не спускаются. Не вандалы. Тех ты хрен заметишь. А если и спалятся, то ведь, сам знаешь, ховаться в снегу сразу начинают. А эти просто стоят и в нашу сторону смотрят. Ну, думаем, небось мародеры. Или просто путники. Или эти. Как их. Искатели. Ну, один хрен, короче. Ну, думаю, сейчас подкатим и спросим, как этот чертов эшелон найти. Может, они его видали. Едем дальше. Все ближе и ближе. И тут — хлоп! Я, вот мамой клянусь, чуть не обгадился прямо в кресле! Танк рейдерский выскакивает на холм и останавливается прямо рядом с этой троицей! А эти ведь не бегут! И тут я понимаю! Они и есть рейдеры! Они теперь как люди одеваются, чтобы никто не заподозрил! И ты понимаешь, Кабан! Они теперь по эту сторону хребта!

— Да откуда тебе знать, как их танк выглядит? — усмехнулся бармен. — Кто вообще видел рейдеров вживую?

— Да я видел! — снова вскочил Гнус. — Я видел, когда они перебили за хребтом наш караван. Я ведь один тогда выжил, и то чудом! А уж следы рейдерских машин многие видели, когда натыкались на вырезанные караваны!

— Да, точно! — вставил свое слово один из сидящей в углу компании. — Мы вчера, когда из Иерихона шли, встретили мародеров. Ну, тройка эта, Паука компания. Паука ведь знаете? Всегда втроем ходят всюду.

— Да знаю, знаю, — махнул рукой Кабан. — И чего?

— Он рассказал, что они возвращались с запада и заходили в кантину Олигарха. Ну, ведь слышали про нее от искателей с запада? Людоеды там обитают. «Три свиньи» называется.

— Конечно знаю. Слыхал. Красные все порывались дойти до них и резню там учинить. — Бармен кивнул. — Они вроде когда-то какого-то ихнего камрада сожрали.

— Так вот. Мародеры решили там часть добычи сбагрить да отдохнуть. Но вместо кантины нашли только пепелище. Гово-

рит, там вообще ничего не осталось от их крепости. Даже лес вокруг выгорел! И всюду следы широких гусениц. Там тоже рейдеры побывали! А Паук ведь хорошо знает. Их банда долго лютовала под Первоуральском, пока на рейдеров этих не напоролась. Вот их трое только и осталось и сейчас как падальщики промышляют.

— Тенденцию не улавливаете? — Ветер развернулся на стуле и окинул всех присутствующих взглядом. — Если все это правда, хотя у меня сомнения, поскольку я знаю, что рейдеры только с молохитами воюют, но тем не менее если это правда, то вот какая тенденция. Ты, Гнус, шел с караваном, который опий тащил. Причем огромную партию. Банда, в которой Паук состоял, вообще зверствами всякими занималась. В кантине Олигарха одни каннибалы жили. То есть если все это дело рук рейдеров, то они каким-то образом взяли на себя функции правоохранительной структуры.

— А, типа, они, значит, хорошие, а мы, типа, козлы, да? — оскорбленно взвизгнул Шнифер. — Ветер, ты, как всегда, пургу гонишь, ботаник чертов!

— Я биолог, мать твою, — нахмурился Ветер.

— Тише! — предупредительно воскликнул Кабан.

— Слушайте, — наконец подал голос Варяг, обернувшись, — о чем вообще толкуете? Что за рейдеры, малахиты?

— Не малахиты, а молохиты. Молохи, — поправил биолог.

— Вы что, не в курсе? — удивился бармен.

— Да нет, если честно, — развел руками Яхонтов.

— Ну, блин. — Кабан почесал затылок. — Ветер, расскажи им. У тебя это хорошо получается.

— Ладно. — Биолог отпил чай и начал объяснять. — Рейдеры, наверное, одни из самых загадочных существ, что мы встречали. Не знаю, как там в других местах, но в наших краях точно. Потому я и сомневаюсь, что они дошли до базы Олигарха. Уж очень далеко. А они контролируют сравнительно небольшой район в горах. Хотя у них есть возможность для дальних путешествий. Это их мифические машины. Ничего толком о них сказать невозможно. Мало кто видел рейдеров. А из тех, кто видел, мало кто выжил. Поговаривают разное. Кто-то говорит, что это, дескать, армия боевых роботов. Но это, на мой взгляд, полная чепуха. Наши технологии хоть и давно достигли уровня развития, достаточного для уничтожения планеты, но к производству подобных изделий мы далеко еще не подошли тогда.

Лично мое мнение, что это какое-то спецподразделение военных с защитной экипировкой. Очень секретное. Именно для действий в условиях постъядерного мира. В таких условиях, какие мы имеем сейчас. Это более реально. И их машины... Их условно танками называют. Это не танки. Это специальные вездеходы для экстремальных условий. Сейчас ведь от тех танков мало проку. Да и броня такая не особо нужна. Большая часть сохранившихся кумулятивных боеприпасов потеряла свою годность. Сейчас актуальны машины с высокой проходимостью, альтернативной силовой установкой, защитой от холода и радиации. Ну и противопульная броня. Следы я видел. По описаниям очевидцев можно сделать вывод, что это что-то похожее на МТЛБ, но более высокий и с укороченной базой. Трапециевидные формы бортов. Широкие гусеницы. Серебристый цвет, хорошо маскирующий в вечной зиме. Я готов поклясться, что что-то такое видел незадолго до войны. Может, даже по телевизору. Что-то похожее. Но вот вспомнить не могу, что это было. Короче, мое мнение, а я основываюсь на фактах и обобщенном материале, а не на суеверных бреднях и страхах, — это военное спецподразделение. Вопрос только в том, чье оно. Наше или нет? Первые упоминания о них приходятся на период десятилетней давности. Значит, они появились не сразу после войны. Во всяком случае, в наших краях появились не сразу.

— А малахиты — это кто? — спросил Варяг.

— Ну, вот тут все несколько понятнее, хотя куда неприятнее. Правильно их называть — молохиты. Или молохи. Ну, назвали вроде как в честь самоцвета уральского и одновременно молохи — это от уэллсовских морлоков...

Николай чуть не подавился картофелиной и уставился на ведущего свой рассказ биолога.

— Это либо мутанты, либо искусственно созданный биологический вид, — продолжал тот. — Там, в горах, вроде какой-то сверхсекретный комплекс был. Да, наверное, и есть. Целый город подземный. Еще, говорят, при Сталине строить начинали. И даже говорят, что первый в СССР ядерный реактор Курчатов запустил там. Во всяком случае, у этого горного комплекса своя атомная станция. Там были автоматизированные цеха по сборке боеприпасов и исследовательские центры. Бункеры и убежища. Биолаборатория, сами понимаете для чего. Химическая лаборатория. Лаборатория ядерной физики, само собой. В биолабораторию входил комплекс генной инженерии. Клонирование там изучалось. Короче, там совсем другой мир...

— А откуда ты все это знаешь? — поинтересовался Людоед.

— Я тут главный мозг, — усмехнулся Ветер. — Вся наука и исследования в Вавилоне на мне держатся. Собираю информацию. Хожу в рейды. Лет двенадцать назад я лечил одного пораженного лучевухой. Вылечить не смог. Сильную дозу он схватил. Но перед смертью рассказал мне про этот город что знал. Называется вроде как «Объект Аркаим-тринадцать». Он вроде в тамошней охране состоял.

— Ну так, а молохи эти?

— Ну, я же говорю, мутанты или выведенный там вид. Сейчас все это подземное царство им принадлежит. Сами они черные. Можно спутать с прямоходящим медведем или со снежным человеком. Бывают и альбиносы. Шерсть серая или коричнево-белая. Вот такие покидают свою обитель, в отличие от черных. Видимо, не приживаются среди своих. Уходят.

— Котельнич... — шепнул Сквернослов Варягу, напомнив о том существе, что нанесло Алексееву раны.

Яхонтов слегка кивнул.

— Очень живучие, — продолжал биолог. — Но они в основном далеко от Аркаима не уходят. Видимо, там пока есть все для их жизнедеятельности. А рейдеры, я так полагаю, хотят захватить этот город. Поэтому и сказал, что они только с молохитами воюют. А молохи вроде звери, но бывали случаи, что они пользовались холодным оружием и дубинками. Кто-то рассказывал, что в последнее время молохиты научились и стрелковым оружием пользоваться, но подтверждения тому я не нашел. Посему в это не верю. В общем, пока нам ни рейдеры, ни молохиты особо не угрожали. Опасаться приходилось только молохов-альбиносов. Они как медведь-шатун... А главной угрозой для нас пока являются вандалы.

— А это кто?

— Это люди. Но самые отмороженные из всех отмороженных. Их идеология основана на том, что все, что напоминает о минувшей эпохе, должно быть уничтожено. Остатки городов, памятников, предметы искусства, фасон одежды, имена, религии. Все. Должен возникнуть их новый мир. У них даже язык свой, таралбанский.

— Это как? — усмехнулся Варяг.

— Ну, в стародавние времена был такой язык — тарабарский. Это еще в петровские времена. Им иногда купцы-коробейщики пользовались. Еще офеня какая-то была и тарабар-

ский вот этот. Обычные слова задом наперед проговаривались, чтобы сразу не догадались, о чем речь. И был язык... Как его... В Интернете еще... Падонкский, что ли. — Он потер лоб. — Его еще в шутку албанским называли. Исковерканный русский язык, короче. Так вот, у вандалов помесь этих двух языков. Вандалы мечтают обратить всех в свою идеологию. Кто не согласен, тот должен умереть. Оружием они, однако, той эпохи пользуются с удовольствием. На сам Вавилон они не нападают, а вот на людей наших постоянно устраивают засады. Человечиной иногда не брезгуют.

— Про вандерлогов этих вонючих рассказываешь? — весело воскликнул вошедший в бар довольно молодой человек.

На вид ему было лет двадцать пять. За ним вошли еще четверо. У всех на рукавах были красные повязки с серпом и молотом.

— О, а вот и наши доморощенные красные, — улыбнулся Кабан. — Куда ходили на этот раз, что так скоро вернулись?

— Да искали этих рейдеров, про которых Шнифер наплел...

— Ничего я не наплел! — воскликнул тот.

— Пасть закрой, — огрызнулся один из красных бойцов. — Разделились. Группа Санька пошла в сторону Иерихона. А мы хотели до Адских ворот дойти, но тут вьюга. Плюнули. Следов все равно никаких уже не видно. А на обратном пути заплутали малость и к поселению вандалов вышли. И представляешь, удача какая! Там в поселении только десять охранников было да старики ихние, бабы да весь их выводок! Короче, основная масса куда-то в поход двинулась и поселок практически пустой. Да охрана еще у них то ли пьяная, то ли под наркотой. Ну, мы, недолго думая, устроили там резню и сожгли все их жилища к чертовой бабушке. Два мешка патронов и десяток стволов оттуда приволокли. Теперь вандалам оставшимся жить негде будет. — Боец усмехнулся. — Передохнут все или уйдут подальше от нас.

— Или прямо к вам, — покачал головой Людоед.

— Чего? — Красный вопросительно уставился на него.

— Ты не подумал, что они придут прямо сюда, в поисках нового жилища взамен утерянного и в поисках мести?

— Эй, приятель, да брось ты. Они уже лет шесть не нападают на Вавилон. Это неприступная крепость! — Боец засмеялся, и его товарищи стали ему поддакивать. — Это самоубийство для них будет! Ладно, Кабан, ты нам банкетик в честь победы

над этими ублюдками сваргань пока, ладно? А мы сейчас пойдем помоемся — и к тебе. В деталях все расскажем.

— Договорились, — кивнул бармен.

Красные ушли.

— Салаги... Стратеги, мать их, — зло процедил Людоед.

— Ты чего? — Сквернослов вопросительно на него посмотрел.

— Ох, ребята, чую, накликали эти сопляки беду на этот Вавилон и на нас с вами. Придут эти вандалы сюда.

— Да брось, — махнул рукой Варяг. — Сколько народу надо, чтобы штурмовать такую цитадель?

— Если это фанатики, гонимые к тому же безвыходностью своего положения, то много меньше, чем ты думаешь. Уж поверь тому, что я видел в Москве за все годы. Как морлоки оккупировали все метро, выдавливая вооруженных до зубов выживших, как ветер выдувает сажу... А сейчас, наверное, полгорода будет сидеть на арене и смотреть этот бой грузина с китайцем. Самое время для нападения.

— Да откуда они узнают? — усмехнулся Вячеслав.

— Помнишь того лоха, которому они клеймо на лоб поставили и выгнали?

— Ну...

— Я бы на его месте пошел к злейшим врагам своих обидчиков. А это вандалы и есть. И все бы им слил, что внутри происходит.

— Крест, что-то ты так не напрягался, когда на Дом Советов напали, — сказал Варяг.

— Там я знал потенциал войск конфедерации. Знал наши возможности. А тут? Бравада одна. Ты этих патрульных вспомни. Кичатся тельняшками, а как я боевую стойку принял, даже не заметили...

31
У ТЕБЯ ЕГО ГЛАЗА

Они продолжили трапезу молча. Варяг ясно дал понять, что обсуждать все услышанное от биолога по имени Ветер надо без свидетелей, ибо очень много странного они услышали и от него, и от Шнифера, и от компании в углу. Путники сразу вспомнили охотничью артель людоедов, которую взорвал Крест. Так называемая кантина Олигарха. И отчего описание рейдер-

ской машины так четко совпадало с луноходом, было непонятно. Но ясно одно: малейшего намека на то, что и кантину взорвали, и на холме стояли одни и те же люди, а именно они, во что бы то ни стало надо избежать. Иначе последствия могут быть весьма плачевными.

— Варяг, они про искателей говорили. Ты же сам рассказывал, что почти до Урала дошел, — прошептал Сквернослов. — Ты разве раньше про Вавилон ничего не слыхал?

— Нет. Не слыхал. А почти — это трехсот или четырехсот километров не дошел. И то много южнее было. А искатели не только в Надеждинске есть. В Рязанской области среди выживших тоже есть искатели...

В бар вошла группа из четырех женщин. Одеты они были по-военному. На портупейных ремнях ножны с армейскими ножами. Видимо, женщины были из местных, если им было разрешено ношение оружия. У каждой на рукаве белой краской была выведена лисица. На вид им было около сорока. Но они явно за собой ухаживали. Аккуратные прически, хорошо скроенная и ухоженная одежда. Им недоставало лишь макияжа для выразительности лиц. Но последние двадцать лет как-то было, видимо, не до этой самой выразительности...

— Ух ты, — хмыкнул Сквернослов.

Давно отвыкнув от женщин, разрисованных дорогой косметикой, которые теперь лишь изредка позволяли себе проколоть иглой палец, чтобы навести кровью румянец на щеках, мужчины постепенно научились ценить естественную красоту женщин, если, конечно, они ею обладали. Ну или в крайнем случае старались эту красоту найти.

— Шнифер, Гнус, на выход. Вас комендант срочно вызывает, — строго сказала рыжеволосая, с треугольным лицом, которое делало ее действительно похожей на лисицу.

— Опять?! — возмутился Шнифер.

— Не опять, а снова. Топайте давайте шибче.

— Нам что, делать больше нечего?! — воскликнул Гнус, обернувшись. — Мы же только от него!

— Значит, надо, — нахмурилась рыжая. — И ребятки, давайте без вони. Вы тут на птичьих правах. Так что или топайте, или клеймо на лоб схлопочете за неподчинение.

— Чертовы рейдеры, на хрен мы вообще про это кому-то рассказали, — пробормотал Гнус, вставая.

Они ушли с недовольным видом. Их столик заняли воинственные женщины.

— Ну, здрасьте вам, амазоночки знойные, — широко улыбнулся Кабан. — Чего нового, девчонки, расскажете?

— Да ничего, заяц, нового. По дрова пока ходили. Покормишь изголодавшихся стервочек? — улыбнулась в ответ светловолосая, с тугой косой, собранной на затылке. — Ветер, привет, красавчик!

Ветер слегка улыбнулся и кивнул, приподняв свою кружку с чаем.

— Амазонкам, как всегда, — подмигнул бармен, — за счет заведения...

— Насколько скудоумна человеческая фантазия. И тут амазонки, — пробормотал Людоед.

— А кто тут у нас? — Рыжеволосая демонстративно откинулась на спинку своего стула и, причмокнув, взглянула на Варяга. — Какие-то новые интересные личности. Эй, богатырь, как звать тебя?

Яхонтов обернулся.

— Варяг.

— Ух ты! — Рыжая облокотилась подбородком на ладонь и стала медленно теребить пальцами спадающий до шеи локон. — А я ведь что-то такое предполагала. К такому парню другое имя и не пристанет. Разве что Геркулес. — Она подмигнула.

— Лизка, стерва, — хихикнула светловолосая. — Опять своей киске компанию нашла.

Остальные амазонки озорно засмеялись.

Сквернослов тихо присвистнул и подмигнул Николаю.

Васнецов никак на это не отреагировал. Ему эта компания совсем не нравилась. Он сидел и хмурился. Причем хмурился так, как даже Людоед, наверное, не хмурился никогда. Николаю все это показалось настолько противным, что даже запах пареной картошки вызывал теперь тошноту.

— Ну а тебя, огненная нимфа, как звать? — спросил, улыбаясь, Варяг.

— Лиза, — томно проговорила рыжая, — но вообще меня называют Лиса.

— Такая же хитрая? — подмигнул Яхонтов.

— А-ха, — медленно и интригующе кивнула она, — и проворная, кстати.

— А как звать черноусого мачо? — подала голос брюнетка с короткой стрижкой ровных волос, аккуратно обрамляющих круглое большеглазое лицо.

— Лю... — начал говорить Сквернослов, который, видимо, хотел обратить на себя внимание.

— Сердцеед, — громко представился Крест, наступив под столом на ногу Вячеслава и заставив его тем самым заткнуться.

— Сердцеед. — Брюнетка словно смаковала это слово. — А тебе идет, зайка.

Людоед чуть скривился, но быстро вернул своему лицу дружелюбное выражение. Да, он же не любил, когда его называли зайкой.

Сквернослов громко и наигранно кашлянул. Теперь наконец обратили внимание и на него.

— А ты, блондинчик, как прикажешь тебя величать? — Светловолосая с закрученной косой обратилась к нему.

— Славик! Славный, значит! — гордо произнес он, широко улыбаясь.

— Ну, это мы посмотрим, какой ты славный, — подмигнула ему светловолосая, и женщины снова засмеялись.

— Ну что, девушки, может, сдвинем столы? — продолжал улыбаться Варяг.

— Начнем со столов, — подмигнула ему рыжая.

— Сначала сдвинем столы. А потом полы, — хихикнула светловолосая, и ее подруги снова разразились веселым, даже сверх меры, смехом.

— Твою мать, попали кролики в силки, — совсем тихо проговорил Николай.

Его никто не услышал, ибо говорил он это самому себе. Он резко поднялся и направился к выходу.

— Эй, малыш, а ты куда? — воскликнула четвертая, кудрявая шатенка с татуировкой на шее в виде разбитого сердца.

— Да иди ты ко всем чертям, — зло проговорил Васнецов, но так, чтобы ни она, ни ее подруги не услышали сказанное.

— Эй, блаженный, куда это ты намылился? — нахмурился Людоед и вытянул в его сторону руку.

— В сортир, — резко ответил Николай, продолжая движение.

— Туалет слева от входа, — сказал ему вдогонку бармен.

— Знаю. Видел.

— А почему блаженный? — спросила одна из женщин.

— Он у нас святой, — послышался ответ Людоеда.

— Жаль, — продолжал женский голос. — С нами, грешницами, ему...

Что еще она сказала, Васнецов не услышал, так как выскочил из бара. Постояв секунду, сжимая кулаки, он решительным шагом направился без всякой цели к перекрестку.

— Идите вы все на хрен, — зло, с ожесточением в голосе шептал он самому себе. — Пропадите вы пропадом. Ненавижу вас всех. И ты, Людоед, козел вонючий, с этим прозвищем... блаженный... Хрен с тобой. Я блаженный. А ты... ты говенный. Варяг, ты просто паскудник и вообще тупой амбал. А ты, Славик, просто... просто баран. Баран, он и есть баран. Ишь ты, мясо бабское увидели... Вы еще, придурки, языки высуньте и лезгинку вокруг этих шлюх спляшите, бараны... Те шлюхи им не понравились, а от этих ум за разум зашел. Вот же уроды... Интересно, чем это те шлюхи хуже этих, а эти лучше тех? Те хоть честные. Сразу скажут, что им надо, и цену назовут. А эти сидят и цену себе набивают. А назови их шлюхами, так за ножики свои схватятся сразу. И Варяг оплеуху отвесит, и Крест что-нибудь эдакое выкинет, и Славик... Все-таки ты, Славик, просто баран... Как же я вас ненавижу... Да идите вы со своими бабами к чертям свинячьим... И вы, и ваши лисички, амазонки, грешницы, красотки, стервочки, чтоб вас всех... Фурсетки недожаренные... Быдло вонючее...

Он остановился на перекрестке и облокотился на столб с указателями. Закрыв глаза и растирая лицо ладонями, он вдруг испугался своего состояния. Вместо сновавших по первому ярусу Вавилона людей он видел лишь размытые тени, и вместо звуков их шагов и шума суеты он слышал лишь свое пропитанное бесконечной ненавистью и злобой бормотание, пробивающееся сквозь далекий скрип несуществующих качелей. Он сам вводил себя в какой-то невероятный транс дикой, первобытной ярости. Попадись ему сейчас тот плюшевый медведь, он изодрал бы его в клочья. Встреться ему Рана, он изрешетил бы ее пулями с головы до пят. Попадись та молоденькая людоедка, он с остервенением и ощущением экстаза стал бы бить ее кулаками и ногами, превращая в кровавое месиво. А попадись ему пресловутая красная кнопка! Он вдруг четко осознал пробившимся сквозь эту бурю абсолютной ненависти и тяги к разрушению разумом, что он превратился во что-то страшное. В нечто подобное тому, кто крадет по ночам людей и тащит их в метро, чтобы заживо сожрать. Кто кидается на пси-волков, не зная страха, а лишь желание уничтожить живое... Наверное, именно так себя ощущали те самые морлоки, каждый день,

каждый час и даже каждая секунда жизни которых были пропитаны лишь всепоглощающей ненавистью и злобой. Именно так себя ощущали существа, в которых превратились люди. Просто когда-то люди не смогли вовремя остановиться, введя себя в такой транс, и нажали эту чертову кнопку...

— Ох я и псих, — вздохнул он и, сделав глубокий вдох, осмотрелся.

Люди снова стали людьми. Предвестник чего-то нехорошего, коим являлся скрип качелей, исчез. Агрессия прошла. Николай посмотрел в сторону бара.

— И все-таки вы свиньи. Из-за этих баб забыли, что надо Юру помянуть. — Покачав головой, Васнецов пошел на рынок.

Девушка с короткой стрижкой и в разноцветном свитере крутила рукоятку лебедки, и ее торговый лоток с кассетами и старыми магнитофонами медленно, словно нехотя, со скрипом опускался в пол. Когда он наконец опустился полностью, она закрыла железную крышку и защелкнула на проушинах амбарный замок. Девушка выпрямилась и, слегка опешив, сделала полшага назад. Перед ней стоял молодой темноволосый человек с колючей щетиной на лице, в теплом свитере, одетом под камуфлированной курткой.

— Привет, — улыбнулся Николай.

— Привет, — настороженно ответила она, с любопытством глядя на незваного гостя.

Васнецов почувствовал, как его тело наполняется приятным теплом от вида ее больших, немного грустных и умных голубых глаз. И он с восхищением и некоторым стеснением отметил про себя, что у нее удивительно красивые губы. Да и все ее лицо было для него живым воплощением идеала из самых смелых и фантастических грез.

— Ты купить что-то хотел? А я закрылась уже. Сейчас вон все закрываются. Торговцы оружием только до конца сидят. Народ в основном уже весь на арене собрался. Скоро начнется бой. Ты арену не любишь?

— Нет. — Он мотнул головой, ответив совершенно машинально. Он ведь понятия не имел о том, что такое местная арена.

— Я тоже. Вот... Домой собралась... Книжку почитаю. Спать пораньше лягу. — Она наклонила голову, словно задумалась, что еще сказать.

— Интересная книжка? — спросил Васнецов, а сам думал, как он, наверное, глупо сейчас выглядит. Ему казалось, что он говорит без всякого смысла, но он отчаянно хотел с ней говорить.

— Ну да. Я, правда... Мне, кстати, в ту сторону идти.

Она указала рукой в направлении виднеющейся невдалеке крутой железной лестницы, уходящей высоко вверх.

— Мне тоже. — Николай кивнул как завороженный.

— Ну, пойдем? Проводишь, раз пришел. — Девушка улыбнулась.

— Конечно...

Они неторопливо зашагали в указанном направлении.

— Ну так вот. О чем я... А, о книге. Ты умеешь читать?

— Конечно...

— А у нас из молодежи мало кто грамоте обучен. Сейчас главное — с оружием обращаться уметь. И уметь от холода спасаться. А ты сам книги любишь?

— Да, конечно...

— Ну вот. Я, правда, названия той книги не знаю. У нее обложка рваная и нескольких страниц не хватает. Ее мне дружинники подарили. Нашли где-то в рейде, а я книги очень люблю. Весь Вавилон знает об этом. — Она тихо засмеялась. — Но книга мне интересна тем, что она про мир как наш. После ядерной войны. Я вот читаю эту книгу, и немного настроение улучшается оттого, что в нашем, настоящем мире все не так плохо, как в том, написанном. Там люди погибли всюду, и только в одном городе, под землей, они выжили. Да и то там их какие-то жуткие мутанты осаждают. А у нас все еще не так плохо. — Девушка снова улыбнулась, взглянув на Васнецова. — Можно сказать, процветаем.

«Ты просто про ХАРП еще не знаешь, наивная», — подумал Николай.

— А я вот давно уже ничего не читал, — добавил он вслух, стараясь поддерживать разговор.

Металл крутой лестницы, ведущей на верхний уровень, брящал под ногами, когда они стали подниматься вверх. Васнецов, дабы не разводить неловкого молчания, хотел было предостеречь ее, мол, аккуратнее на ступеньках, не ушибись, но она довольно ловко оказалась наверху. А вот Николаю казалось, что он взбирается неуклюже. Все-таки для него это было непривычно. Взобравшись на второй уровень города, он даже почув-

ствовал легкое головокружение. Прожив всю жизнь в подвале, Васнецов только сейчас понял, что боится высоты, хоть он и бродил в детстве по этажам заброшенных зданий Надеждинска. Но там глухие стены и типовые окна не позволяли ощутить то, что он ощущал сейчас, когда под ним раскинулся первый этаж Вавилона.

— Ты у нас впервые? — спросила девушка.

— Да. Никогда тут не был раньше.

Он, конечно, лукавил и понимал это. Он вообще нигде никогда не был, и только это путешествие позволило ему увидеть то, что осталось от Москвы, Котельнича и еще многих мест по дороге. И все это, как и сам Вавилон, он видел, конечно, впервые.

— Ну и как, нравится у нас?

— Да. Интересно. Необычно. Город под куполом... Ни на что не похоже...

— Да, отстроились капитально. Живем, можно сказать, не тужим. Ты, наверное, много мест повидал. Завидую. А я вот всю жизнь тут, — вздохнула она.

Они прошли по деревянному мостику и по крыше какого-то ангара. Затем снова лестница. На сей раз не такая высокая и менее экстремальная.

— Не завидуй. Нечего кругом видеть. Кругом смерть, снег и запустение.

— Да, конечно, я понимаю. — Она снова вздохнула. — Слушай. — Она слегка хлопнула себя по лбу. — А как звать тебя? Совсем из головы вылетело спросить.

Девушка остановилась и, виновато улыбаясь, посмотрела на него.

— Николай.

— Николай? — Выражение ее лица стало немного удивленным, как тогда, когда она слушала музыку и бросила на него мимолетный взгляд. — Коля, значит? Как интересно. А я Лера.

— Очень приятно, Лера. А почему тебе мое имя таким интересным показалось?

— Да так.

Она пожала плечами и вошла в узкий и тускло освещенный редкими лампами коридор. Справа от них шла стена из рифленого железа, в которой через равные промежутки находились закрытые деревянные двери с номерами и пара дверей с надписью «туалет». В левой стене дверей не было, но метров через двадцать была ниша, где на табуретке сидел пожилой мужчина

в тулупе и дремал. За ним находилась массивная дверь с небольшим стеклянным окошком. Дверь выходила на улицу. Васнецов обратил внимание, что там какая-то открытая площадка, огороженная мешками, видимо наполненными песком. Они опоясывали что-то массивное, стоящее на треноге и накрытое большим и добротным чехлом из звериных шкур.

— Дядя Петя, опять спишь на посту? — звонко смеясь, сказала Лера, проходя мимо.

Тот зашевелился, закряхтел и потер глаза.

— Эх, егоза. Ну, постой сама. Чего я там не видел, на улице? Метель началась.

— Да ладно, дядь Петь, не сердись. Я шучу. А то заходи, чаю налью.

— У меня свой в термосочке. Да и ты вон не одна. Ишь ты...

— Ну что ты болтаешь? — Девушка обернулась и укоризненно посмотрела на старика. И на ее бледных и худых щеках проступил румянец.

— Ладно-ладно, ступай, — махнул он рукой, тихо смеясь.

Идти оставалось недолго. Возле очередной двери девушка остановилась.

— Ну, вот и мое жилище. — Она облокотилась локтями о стену, заведя назад руки. — Спасибо, что проводил.

— Послушай, Лера, я ведь спросить хотел кое о чем.

Она открыла дверь и вошла в нее.

— Ну, заходи тогда. Поболтаем, — кивнула она.

Жилищем был железный контейнер с отверстием для вентиляции и одиноко свисающей лампочкой под низким потолком. Одна широкая кровать и небольшой столик. Деревянный ящик, видимо, с домашней утварью. Все свободное пространство было заставлено стопками книг и различной разобранной или разбитой аудиоаппаратурой. Коробки с дисками и кассетами. Небольшая тумбочка с электросамоваром на ней и один стул возле койки.

— Где ты все это берешь? — спросил Васнецов, искренне удивляясь такому обилию кассет, магнитофонов и книг.

— Иногда в поход с амазонками нашими хожу. Ну, если недалеко. В ближайшие поселки. Кое-что из техники починить приносят. Я умею.

— Так ты живешь этим? Ну, торговлей и ремонтом?

— Да нет. Не совсем. Это дополнительный заработок. А так... Я ведь грамоте обучена. Мама, спасибо ей, научила. Ну,

я вот иногда всякие статейки для нашей газетки «Вавилонский абзац» стряпаю. Ну и комиксы туда рисую, для неграмотных. Картинки всякие на заказ. Короче, не голодаю. И право на электричество имею. А это не каждому дано. Ну и гостиница. Она ведь мамина была. Родителей, точнее. Но отца я совсем не помню. Он давно погиб в какой-то стычке. Ну, я дела по гостинице Матвею передала, а сама стабильную долю за это имею. Я тут типа из зажиточных. — Она лукаво улыбнулась.

— Понятно. — Николай кивнул.

— Чаю хочешь? Из сушеных ягод шиповника. Редкая вещь.

— Нет, спасибо. — Он мотнул головой и продолжил осматривать обилие книг. — И ты все это перечитала?

— Нет. — Она засмеялась. — Это все я мечтаю прочитать. Так ты о чем меня спросить хотел?

— Ах... Да... Слушай. — Он почесал затылок. — Вот ты когда в первый раз меня увидела, ты как-то посмотрела странно...

— Ну да. — Она кивнула и снова улыбнулась. На сей раз грустно. — Ну, это так. Всколыхнули что-то в тебе мои детские воспоминания.

— Детские воспоминания? О чем я тебе мог напомнить? — удивился Васнецов.

— Ты понимаешь, я ведь росла без отца. Мать сильно маялась. Да и болела она. Однажды в Вавилон пришел человек один. Да на постой остановился в гостинице нашей. Это было лет шесть назад. Или больше. Он не похожий был на других. Не было в нем никакой напыщенности и хвастовства. И хамом он не был. Ну, это вроде как не мужской характер. Такие мужики и не запоминаются, и не привлекают ничем. Но тут другое. Он был огромный просто. Великан. Сильный. Суровый. И добрый одновременно. Умный и грустный немного. Вот такой человек, с такими качествами, запоминается надолго. Да на всю жизнь, чего уж там... Я ведь... Пацанка мелкая, влюбилась в него просто. Ну как в такого не влюбиться? Ну а мама моя вообще голову потеряла. Так и увивалась вокруг него. Я даже ревновала немного. — Лера хихикнула. — Он-то сразу понял, чего от него хотят. Чтоб под крыло свое могучее взял нас. Чтобы остался. Но он сразу сказал, что не останется. И что никаких отношений... В общем... Но меня, покуда жил у нас, рукопашному бою поучил чуток. Научил этому, паяльному делу. — Она кивнула на магнитофоны. — Он где-то месяц у нас жил или чуть больше.

Николай недоумевал. Отчего он напомнил ей этого человека? Конечно, лестно такое сравнение, но он ощущал себя не могучим великаном, влюбляющим в себя своей безграничной силой настоящего мужчины. Он ощущал себя неприметным и непутевым блаженным, как метко заметил Людоед... Даже в баре эти женщины не обратили на него никакого внимания, пока он не стал демонстративно уходить. Так кого он мог ей напомнить? Что вообще может быть общего у них, у двух молодых людей, всю жизнь проживших в узких рамках своих обителей, между которыми бездна накрытых снегом руин цивилизации?

— А тут вижу, ты идешь, — продолжала она. — И ловлю твой взгляд. Я чуть в обморок не рухнула. У тебя его глаза. Ну, в точности. Такой же пронзительный черный взгляд. Вроде как звериное что-то в нем. Но такая глубина в нем, если присмотреться. Глубина, ум и печаль какая-то. Надо же, думаю, как похож...

Левая рука задрожала и нащупала спинку кровати. Васнецов медленно на нее сел. Он вдруг представил себе огромного сильного великана. Умный и добрый... И такие же, как у него, Николая, глаза. Он очень хорошо себе представил этого человека. Прошло семь лет, но он его помнил. Ведь он всегда бережно хранил его фотографию. Это был его отец.

— Как его звали? — совсем тихо спросил Васнецов.

— Так в том-то и дело! — воскликнула Лера. — В том-то все и дело! Я чего так удивилась, когда ты сказал, что тебя Николаем зовут! Его ведь тоже так звали. Дядька Колька, я его называла!

— Фамилия... — прохрипел он.

Он вдруг вспомнил последнее утро в Надеждинске. Тогда Варяг обругал их сильно за скандал, который устроил на посту Славик. Они так и не успели собрать личные вещи. Взяли только оружие. И все это время не покидала Николая мысль, что он забыл что-то важное. Но в суматохе их путешествия это как-то померкло и почти вылетело из головы. Но теперь он понял, что он забыл. Фотографию отца. Возьми он ее с собой тогда, то стоило лишь показать ее Лере. И ответ был очевиден. Она обязательно сказала бы: «Да, это он».

— Я не знаю, какая у него была фамилия. — Девушка пожала плечами и уставилась на гостя. — Чего это с тобой? На тебе лица нет. Тебе плохо?

— А откуда он?

— Да издалека... Что-то... Надежда... Что-то такое. Да не помню я...

— Надеждинск! — Васнецов вдруг вскочил. — Надеждинск! Ну, вспомни! И он бывший десантник! Майор!

— Ты чего это кричишь? — Она опешила. — И чего ты... Откуда ты знаешь? Он в самом деле майор ВДВ в прошлом...

— Это мой отец! — Николай схватил ее за руки. — Лера! Это мой отец! Он пропал семь лет назад! Ушел в поход и не вернулся больше!

— Правда? — Она с недоверием посмотрела в его глаза.

— Где он сейчас?!

— Я не знаю. Он же ушел тогда, и все. Больше никто ничего о нем не слышал.

— Куда ушел?!

— В горы. Он сказал, что должен найти Аркаим этот. Тут все его отговаривали. Говорили, что если этот город и существует на самом деле, то он оккупирован молохитами. Что идти туда — это смерть. А он и сказал, что любая жизнь — это смерть, только отложенная на черный день... Коля, отпусти, ты мне больно делаешь...

— В чем дело!

Этот разгневанный возглас за спиной заставил Николая резко развернуться.

На пороге стоял молодой человек, лет двадцати шести или около того. В теплом военном комбинезоне, на котором еще не растаял снег, налипший от метели. Он свирепо смотрел на Васнецова и то и дело переводил взгляд на Леру.

— Иван? — удивленно проговорила девушка. — Вы же в Иерихон ушли...

— Да, ушли, — буквально прорычал тот. — Но метель настигла. Вернулись. Как видно, не зря метель нам все планы спутала. Значит, пока я в деле, ты тут шашни с этим уродом крутишь?

— Перестань, Ваня, это не то, что ты думаешь, — ответила Лера.

— Не то, что я думаю? — зло усмехнулся Иван. — А что тут вообще думать? Зайди я на десять минут позже, то имел бы счастье видеть, как он уже тебе вставляет, ага?

— Да как ты вообще можешь такое говорить своей девушке? — пробормотал Николай.

Он был подавлен. У нее, оказывается, есть парень. Конечно, есть парень. Она ведь такая красивая, что просто не может быть одна. Не то что изуродованная Рана... А у красивой Леры есть парень. Да еще с таким скотским выражением лица. Ну конечно, Людоед ведь говорил, что женщины любят сволочей. Обидно-то как...

— Ты вообще, задрот, пасть свою поганую закрой. Ты что, чмо, не понимаешь, что сейчас на волосок от смерти? — Лерин парень приблизился к Васнецову совсем близко.

— Иван, прекрати! Это сын дяди Коли! Я же рассказывала тебе когда-то!

— Заткнись, — рявкнул Иван. — Я с тобой, сучкой, позже поговорю!

Молодой человек отлетел назад и с силой ударился о железную стену возле двери. Сполз и, прикрывая лицо, по которому растекалась кровь, испуганно смотрел на Николая, который еще держал перед собой сжатый кулак, отбросивший обидчика. Спесь и агрессия у вошедшего сменились сильным испугом. Васнецов чувствовал дрожь во всем теле и непреодолимую тягу растоптать этого, теперь уже жалкого человечишку. Мимолетный взгляд на неровный кусок зеркала, висящего в углу над упавшим Иваном, позволил Николаю заметить, что у него теперь вовсе не отцовские глаза. Это были черные глаза морлока. Не реагирующие на свет и не знающие сострадания. Возможно, этого каннибальского взгляда так испугался Иван? Васнецов навалился на поверженного противника и яростно зашипел:

— Я, Николай Васнецов, сын Николая Васнецова. Майора ВДВ! Кавалера Георгиевского креста и ордена Мужества! Почетного искателя! На меня возложена величайшая в истории миссия! От меня зависят все ваши жалкие жизни! Неужели ты, говно, думаешь, что можешь стоять у меня на пути!!!

— Лерка, что за херня тут происходит? — жалобно проскулил Иван.

— Ты что творишь?! — воскликнула Лера и, с силой вытолкнув Васнецова за дверь, прильнула к своему парню. — Ваня, Ванечка, прости... прости меня... — Она целовала его рассеченную и сочащуюся кровью скулу. — Милый, тебе больно?..

Николай с презрением посмотрел на нее. Захотелось наступить тяжелым армейским ботинком ей на голову и почувствовать, как хрустит под каблуком череп. Но... он бросился прочь. Удалялся торопливым шагом и отчаянно себя ругал: «Все пра-

вильно. Все, блин, правильно. Он ее парень. Она, конечно, его любит. А я дурак... Дурак! Дурак!!! Заступился... Черт тебя дери... На хрена? Чего ради?..»

Старик дядя Петя сидел на своем стуле, возле большого железного ящика и ведущей наружу двери. Руки свисали вдоль тела. Голова запрокинута. Рот открыт. И изо рта изрыгался отвратительный по своей интенсивности и громкости храп.

— Вообще-то у нас в Надеждинске за сон на посту сутки потом дерьмо в уборных месят, — пробормотал Николай, глядя на этого старика.

Он подошел к двери, рванул ее на себя и вышел на открытую площадку, обложенную мешками и представляющую собой огневую точку. Мороз и вьюга мгновенно схватили его в объятия беспощадного холода. Без шапки, без верхней теплой одежды, без марлевой повязки, согревающей лицо собственным дыханием, тут долго не продержаться. Но Васнецову было сейчас на это наплевать. Смятение мыслей и эмоций подавляло чувство холода. На улице уже занялись вечерние сумерки. Только теперь можно было оценить, насколько высоко он сейчас находится. Это практически верхний этаж Вавилона. Что, впрочем, не так уж удивительно, учитывая, как долго они шли сюда по переходам и поднимались по лестницам. Захотелось прыгнуть вниз. Там снег, может, и не получится разбиться. Но просто захотелось уйти. Идти дальше одному. И не до этого чертова ХАРПа, до которого, возможно, и добраться-то нереально. А уйти в Уральские горы и найти там если не самого отца, то хоть какой-нибудь его след. Но это, наверное, менее реально, чем дойти до ХАРПа. Ведь прошло семь лет. Семь бесконечно долгих лет. Николай вздохнул и взглянул на большой холм, высившийся прямо перед ним.

— Ах ты говнюк! — воскликнул выскочивший на площадку старик. Ворвавшийся в открытую дверь холод разбудил его. — А ну вон отсюда! Запретная зона!

— Я что-то никаких запрещающих знаков там не видел, — невозмутимо ответил Васнецов, не оборачиваясь.

— Тут охранный пост! Это само собой подразумевается! Пошел вон отсюда, я тебе сказал! Сейчас патрулю тебя сдам, и пойдешь на арену, сучонок!

Васнецов наконец обернулся и взглянул на этого часового. Может, и ему тоже врезать? Терять уже особо нечего. Нарушений и так по самые уши...

— Ну что вылупился?! Убирайся, я сказал!

— Разуй глаза, старый...

— Чего?!

— Я говорю, разуй глаза и туда смотри. — Николай указал рукой на холм.

— И чего?

Часовой нервно дернул головой и посмотрел в указанном направлении.

— И чего? — повторил он.

— Слушай, у тебя хоть бинокль есть?

— Чего? — Старик быстро захлопал глазами.

— Я говорю, бинокль у тебя есть, тетеря глухая!!! — закричал Васнецов.

— Ах ты... — Петр полез в карман, что-то бормоча себе под нос. — Вот говнюк, раскомандовался тут. — Он извлек из кармана тулупа обломок бинокля и приставил его к глазу. — Ну и чего? Телега едет с холма. И чего?

— А ну дай сюда! — Николай выхватил этот оптический прибор из рук часового и стал смотреть.

— Вот наглец, вот говнюк, — продолжал бормотать старик.

С холма неслась большая телега на широких лыжах. Подобная тем, с которыми они в Надеждинске отправлялись в лес на заготовку дров. В нее не было запряжено никакое животное. И люди в ней отсутствовали. Но были сложены мешки, и среди них что-то мерцало.

— Черт подери. Да это же фитиль! — воскликнул Николай. — Фитиль горит!

— Чего? — Старик снова захлопал глазами.

— Стреляй, старый! Стреляй по телеге!

— Так это...

— Где оружие твое, черт тебя дери!

— Так вот оружие.

Часовой растерянно указал на укутанный в чехол из звериных шкур большой предмет на треноге, намертво привинченной к металлическому полу площадки.

— Твою мать.

Васнецов стал быстро разматывать шкуры, разметая своими движениями налипший на них снег, пока наконец его взору не предстал внушительного вида, оснащенный оптикой крупнокалиберный пулемет «Утес».

Николай прильнул к прицелу и нащупал окоченевшими от холода пальцами рукоятку и спусковой крючок. Поймал телегу в прицел. Нажал на спуск и... Ничего не произошло.

— Что за мать твою. — Николай озадаченно стал рассматривать оружие. — А лента пулеметная где?! — воскликнул он.

— Отдельно хранится она! В ящике!

— Почему так?!

— Комендантом так предписано! Нельзя патроны на холоде подолгу держать!

— А пулемет можно?!

— А он в мехах!

— А патроны не в мехах были бы?! А?!

— Воруют патроны! Вот всякие ушлепки вроде тебя ходют и воруют! Иди отсюда! Подумаешь, фитиль горит! И что?!

— Это же бомба, баран старый!

— Что?!

— Иди тревогу объяви быстро! Пока пулемет зарядим, телега в мертвой зоне будет! Не достать пулеметом! Да что ты стоишь, немощь старая! Я говорю, тревогу объяви!

Васнецов схватил старика за тулуп и затолкал внутрь, дав ему еще и пинка в придачу.

— Ах ты, щенок, — бормотал старик, сбрасывая с себя сковывающий движения тулуп. — Вот же говнюк. Ну погоди, разберемся с этой телегой, и я тебе устрою... Попомни мои слова, щенок...

Он выхватил стоявшее под стулом ведро из нержавейки и большой разводной гаечный ключ. Затем засеменил по коридору, стуча ключом по ведру, и закричал:

— Тревога! Тревога всем!

Николай бросился к ящику. Тот был заперт навесным замком.

— Черт тебя дери, а ключ-то где? Может, тут?

Он судорожно схватил тулуп и стал шарить по карманам. Так и есть. В одном из них обнаружилась связка ключей. Они зазвенели в дрожащих от волнения руках, пока он не подобрал нужный. Схватил пулеметную ленту и, выскочив обратно на площадку, стал заряжать оружие. Замерзшие руки никак не хотели слушаться и делали порой совсем не то, что он от них требовал. Но пулемет все-таки удалось зарядить. Телега уже пропала из виду. Васнецов перевалился через стенку из наполненных песком мешков и стал искать ее взглядом. Телега уперлась

в стену Вавилона метрах в семидесяти слева. В сгущающихся сумерках было видно, что фитиль еще горит. Догорает, вернее. Николай накинул на себя брошенный стариком тулуп и прижался к пулемету. Сейчас громыхнет. Сколько там? Килограммов сто или двести? Только бы в живых остаться после взрыва. Только бы удержаться на площадке. Только бы не сорвало «Утес». Ведь должны же сейчас появиться те, кто запустил эту телегу. Они непременно появятся. А я их встречу. Я — Николай Васнецов. Сын майора ВДВ. Кавалера ордена Мужества и Георгиевского креста. Искателя. Могучего воина. Я сын своего отца. Я должен выжить. В моих руках судьбы всех этих ничтожных людишек...

Грянул взрыв. Словно огромный великан, лишь немного припорошенный снегом, резко вскочил на ноги и, изрыгая огонь, разбрасывал бетон и металл так, словно это были картон и фанера. Казалось, что весь Вавилон подбросило в воздух, а обратно он приземлился уже по частям. Нестерпимый жар пришел на смену невероятному холоду. Скрежет металла и грохот взрыва, бурлящее пламя и крики позади пронзали уши, как огромная спица. Основная энергия взрыва ушла в стену перёд телегой. Видимо, там была не просто навалена взрывчатка, но она была направленного действия. Основные разрушения пришлись на область вокруг эпицентра. До площадки дошла лишь теплая ударная волна, куски кипящего снега и льда и небольшие раскаленные куски железа. «Я еще жив?» — подумал Васнецов, отброшенный на мешки. Те полетели вниз, но замедлили скольжение человека к краю площадки. Николай быстро отпрыгнул от пропасти и с радостью заметил, что пулемет стоит на месте.

— Я жив! — воскликнул он, вставая к оружию и приготовившись к бою. — Я жив, черт подери! Я сын своего отца! Я вам сейчас устрою, свиньи, кто бы вы ни были! Аллилуйя всем умершим детям! Аллилуйя войне! Аллилуйя!

32
ТРИУМФ НЕНАВИСТИ

Ветер продолжал гонять снежную пыль. В нынешние времена обильных снегопадов практически уже не бывало. Иначе сугробы стали бы скрывать и многоэтажные дома. Просто иногда начинал валить снег, и длилось это лишь минуты, но

ветер часами не давал упасть этим снежинкам и вертел их в вихрях своей страсти подолгу. Сейчас снег не шел, но ветер поднимал снежные гранулы с крепкого наста и тянул их низко над поверхностью, образуя новые барханы снега.

Как некстати разболелась голова. Где-то слева слышалось пение огня, порожденного взрывом. Какие-то крики. Суета. Николаю не было до этого никакого дела. Он был поглощен ожиданием. Он отчего-то точно знал, что с этой вершины появятся те, кто запустил эти сани с бомбой. Васнецов вдруг уверовал в то, что он может знать наверняка. Он уверовал в то, что он особенный. Избранный. Всевышний издевался над ним, лишая простых человеческих радостей? Нет! Это была плата за особый дар. Васнецов чувствовал себя сейчас совершенно иным человеком. Обновленным. Перешедшим на качественно новый уровень эволюции. Изменившимся до неузнавания. Это было странное чувство, даже в рамки разумного не укладывающееся. Удар по лицу обидчика или резкий разговор с часовым тому виной? Он вел себя не как робкий блаженный или как серая мышь подвалов Надеждинска... Он вел себя как и подобает человеку, прошедшему огромное расстояние и суровые испытания. Как и подобает сыну своего отца... И он теперь точно был уверен, что его вовлечение в миссию являлось крайне необходимым. Как бы они пробирались по Москве без сталкеров? Но именно он их нашел. Возможно, если бы не Николай, то Варяг был бы убит Раной. Ответы на многие вопросы они получили благодаря ему, Николаю. Это и дневник дяди Владимира из бункера «Субботний вечер», это и диск в случайно найденном им джипе. Это обращенное на Леру внимание. Шутка ли! Он впервые за столько лет узнал что-то об отце! И Всевышний указал ему на эту телегу. И высшая сила поставила его теперь за станок «Утеса». Васнецов был взбудоражен таким умозаключением, чувствуя себя едва ли не мессией. И теперь он ни на секунду не сомневался, что его предчувствие того, что там, на вершине, кто-то есть, вот-вот оправдается.

И он не ошибся. После взрыва сотни людей в белых маскхалатах и с оружием, выкрашенным в белый цвет либо перемотанным медицинскими бинтами и пластырями, приготовились к атаке. Они искусно умели прятаться в снегу. Они были полны решимости смести ненавистный им Вавилон. Боевики приготовили лыжи. Кто-то сани. У кого-то детский снегокат «Аргамак». Несколько групп выкатывали еще телеги, подобные тем,

что спустили с горы, оснастив взрывчаткой. Кое-кто изготовился к спуску на накачанной камере от грузовой машины. В ход шли изогнутые куски листового железа, большие фрагменты линолеума. Вершина кишела людьми. Николай этого не видел, но чувствовал отчетливо. Словно в нем появились какие-то рецепторы, способные улавливать волны ненависти, если, конечно, такие волны существовали. Но если эти психоволны ненависти действительно есть, то сколько их может источать целая армия, изготовившаяся к решительному броску? Немыслимая энергия деструктивности способна пронзить и камень... А уж что до того, что ее почувствовал живой человек? Уж в этом нет совершенно никакой мистики...

Первыми взяли старт лыжники. Видимо, они были грамотно обучены спуску с горы. Уверенно лавируя и отталкиваясь лыжными палками, при этом избегая лишних движений, они мчались к пробитой стене Вавилона, в которой еще виднелись сполохи огня от взрыва. Следом за авангардом лыжников ринулись все остальные. С вершины горы неслась белая живая лавина. Оптика «Утеса» уже видела их своим зорким безжизненным взглядом. Николай в очередной раз прильнул к оптическому прицелу и наконец увидел то, что с таким нетерпением ждал.

— Гос-с-поди! — громко прошептал он, видя нескончаемую живую массу.

Он испытал еще одно странное чувство. Волнение, предвкушение и какой-то иррациональный восторг. Накопленная злоба от осознания несправедливости к нему судьбы сменилась ощущением своей значимости, и вспорхнувшие в высшие сферы сознания безмерная гордыня и презрение к окружающим его людям взбудоражили в душе ураган ненависти. Он лишь на секунду задумался над тем, что, возможно, он не на той стороне. Какая-то крохотная искорка сомнения. Кто атакует Вавилон? Что это за армада, мчащаяся с горы? Те самые вандалы, которых бойцы Вавилона оставили без жилища, пока те были в походе, и чьи семьи были безжалостно перебиты? Что заставило их атаковать? Злоба и жажда убивать и грабить либо безвыходность положения оставшихся без крова в суровых условиях вечной зимы людей, стремление воплотить добродетель отмщения, о которой когда-то говорил погибшим космонавтам нынешний лидер Надеждинска генерал Басов? Но нет. Искорка сомнения погасла, как огонек лучины от порыва ледяного ветра. Никаких сомнений. Он выбрал сейчас сторону Вавилона не

из-за личных симпатий, а по наитию. Но теперь он знал одну простую истину. Его самый верный друг и союзник — его интуиция. А значит, никаких более сомнений. Никакой жалости. Никакой альтернативы! Все явно и очевидно!

— Раз на марше нам дали приказ, — бормотал он, водя стволом пулемета и выбирая цель. — До Ла-Манша добраться за час. Командира как папу любить. А противника в море топить.

Он бормотал строки из старой песенки десантников, не совсем помня, что такое Ла-Манш, но четко осознавая, что он сейчас решает, кто в той толпе умрет первым, а кто проживет еще какое-то время. И самое странное в его мыслях было то, что он ощущал себя бессмертным.

Те, кто выбрал спуск на накачанных камерах от грузовых машин, сделали неудачный выбор. Вот уже третий боевик подпрыгнул на снежной кочке и приземлился на холодный белый наст. Камера мчалась дальше уже без седока. Боевик вскочил и бросился следом, то и дело проваливаясь по колено. Нет, эти неудачники ни внимания стрелка, ни патронов «Утеса» пока не заслуживают. Надо что-то более значимое. Вот! Огромный кусок линолеума, на котором, словно на ковре-самолете из старой сказки, мчалось около дюжины вооруженных людей.

— Да будет так, — выдохнул Васнецов и нажал на спусковой крючок.

Завывания ветра утонули в грохочущем клекоте «Утеса». Каждый пятый патрон оказался трассирующим, и Николай отчетливо видел, как мчится в ту сторону посылаемая им свинцовая смерть. Холодный ствол разбросал первые два десятка пуль куда попало, но дальше, разогревшись, он стал послушнее. Очередь сразу прошила троих. Двое слетели со своего транспортного средства. Несколько лыжников от неожиданности повалились на снег. На них налетели пять человек на санях, образовав свалку. Васнецов продолжал кромсать первую цель и оставшихся на ней людей. Даже в сгущавшихся сумерках было хорошо видно, как на облаченных в белые маскхалаты телах мгновенно образуются большие темные пятна. Явный признак пораженной цели. Признак смерти. Это еще больше подстегивало обуреваемого яростью стрелка, пока наконец пуля не попала одному в голову. Голова лопнула как-то странно и неестественно. Была — и нет. Обезглавленный человек, вскинув руки, перекувырнулся и каким-то чудом встал на колени. Он так и стоял бы, наверное, и дальше, но тут на него налетел другой боевик на

«Аргамаке», и они полетели дальше кубарем. А за обезглавленным телом на снегу оставались черные пятна крови...

— Мамочки.

Николай отпрянул от прицела, наклонился и стал растирать лицо ладонями. Увиденное стало для него на какой-то миг отрезвляющей пощечиной.

— Люди-люди-люди, — бормотал он, тяжело дыша. — Зачем вы такие? Почему вы такие? Почему всегда и везде надо друг друга убивать? Неужели было мало того, что случилось? Вы перестанете сеять смерть, только когда все умрете?

Он встряхнул головой и вернулся к оружию.

— Ну так умрите. Все!!! — Он снова нажал на курок. — Все-е-е-е!!!

Равнодушный к жизни или смерти, но делающий эту смерть массовой, «Утес» продолжил исполнять волю Николая и убивать спускающихся с горы людей. Вот один лыжник лишился ноги и повалился на снег. Забился в судорогах, сжимая руками кровоточащую культю. Кто-то бросился ему на помощь. Васнецов решил расстрелять и их, но тут справа, совсем рядом, вздрогнул мешок с песком и до слуха Васнецова донесся отдаленный и хлесткий звук. СВД! Николай хорошо помнил и знал этот звук. Полученная в Москве рана от неизвестного снайпера вдруг резко заныла.

— Где ты, тварь!

Васнецов стал водить стволом и искать того, кто стрелял по нему. Некоторые вооруженные снайперскими винтовками боевики прекратили движение и стремились избавить свое войско от огня «Утеса».

— Ну где ты!

Совсем рядом пролетела пуля и лязгнула позади о металл стены. Снова донесся звук далекого выстрела. Вдруг метрах в двадцати слева раздался раскатистый и громкий выстрел. Николай дернул головой. На крыше виднелся силуэт лежащего человека. А дальше торчал невероятно длинный ствол. Он медленно, но уверенно двигался, меняя угол. Снова лязгающий спусковым механизмом и грохочущий выстрелом звук. Что это? КСВК? Конечно! Кто-то на крыше поддерживает его огнем из крупнокалиберной снайперской винтовки. После второго выстрела человек перекатился и снова стал искать цель. Скорее всего, он работал по вражеским снайперам. Это несколько вселяло уверенность. Васнецов вернулся к ведению огня из пуле-

мета и за грохотом выстрелов не услышал, как кто-то бежит по крыше.

— Петро! Слышь, Петро! Эй!

— Блин, да это, кажись, не Петя...

— А кто? Эй! Мужик! Слышь! Мужик!!!

В спину Николая врезался комок снега.

— Какого хрена вам надо?! — заорал Васнецов, резко обернувшись.

— Опа... Пацанчик, слышь, а ты кто такой?

На крыше помимо стрелка с КСВК появились еще два человека в тулупах и с автоматами. Они стояли прямо позади Николая и смотрели на него с высоты пяти метров.

— Я Николай Васнецов! — с гордостью и презрением ответил он.

— Кто?

— Николай Васнецов! Вы мне мешаете!

— А Петро где, который тут вахту нес?

— Сдриснул ваш Петро! С ведром убежал! Все у вас?!

— Слышь, у тебя как с патронами?

— Половины ленты уже нет! Дальше что?!

— Ну, ты это. Дефицит, патроны для «Утеса».

— И что? Вы, чем болтать да мне мешать, тоже стреляйте!

— У нас акаэмы. Что толку с такого расстояния? Только боезапас в воздух выпускать.

— И что? Будете ждать, когда они в город ворвутся? — Николай зло усмехнулся.

— А какие тут варианты? Их вон тьма.

— Да, в самом деле, хорош болтать! — подал голос снайпер с КСВК после очередного выстрела. — Идите вниз к пробоине. Там сейчас такое начнется!

— Савва, пошли с нами, — обратился к нему один из автоматчиков. — Ты тут себе все хозяйство отморозишь.

— Я скорее тебе, салага, твое хозяйство сейчас отстрелю. Валите. Я успею.

Автоматчики опустили на площадку с Николаем трубу и соскользнули по ней, спустились. Один сразу нырнул внутрь Вавилона, а второй порылся в подсумке и, достав оттуда две осколочные гранаты, к которым синей изолентой были еще примотаны мелкие гвозди, протянул их Васнецову.

— На, пацанчик, кинешь, когда эти уроды совсем близко будут. А как патроны кончатся, давай вниз. Там сейчас основной кипеш начнется. Лишняя пара рук не помешает.

— Кто это вообще напал? — спросил Николай, принимая этот дар.

— Вандалы, понятное дело. Только вот чего это они... Лет шесть уже напрямую на Вавилон не нападали. Только караваны наши бомбили, суки. А тут... Силенки, наверное, скоты, копили. Ну ладно, я побежал. Удачи!

Васнецов вернулся к «Утесу». В оптический прицел уже были видны белые и черные шерстяные маски, скрывающие лица вандалов и делающие их обезличенными. А значит, убивая их, стрелок испытает меньше эмоций. Ведь нет никаких человеческих лиц. Враг был уже совсем близко, и они мчались к заветной пробоине, не сбавляя темпа. Внизу застрекотали автоматы. Это стреляли и враги, и защитники Вавилона из пробоины. В сумерках отчетливо были видны всполохи изрыгающего смерть оружия.

— Просто мистика какая-то, — послышался возглас снайпера. Он снова выстрелил из КСВК и продолжил: — Я помню, несколько лет назад к нам в Вавилон уже приходил один великий воин, Николай Васнецов. Я бы подумал, что это ты, но уж больно ты молод для него! Да и ростом мал для того богатыря!

— Я его сын!!! — воскликнул Николай и в очередной раз вжал курок «Утеса», поливая противника свинцом.

Волна нападающих была уже внизу, у подножия Вавилона. Патроны кончились лишь за пару минут до того, как враг оказался в мертвой зоне. Ниже ствол опускать было невозможно. Да и стрелять нечем. Зато у противника, казалось, нужды особой в боеприпасах не было. Внизу грохотал бой. Слившиеся в единую какофонию звуки стрельбы били по нервам. Памятуя о снайпере и пулеметчике, многие вандалы стреляли вверх. В их сторону. Однако Николай был в относительной безопасности. Пулями его не достать. Если только кто-то не закинет сюда гранату. Но он высоко. Мало кто способен забросить гранату на эту площадку. Разве что метнуть боеприпас из подствольного гранатомета. Васнецов вспомнил про гранаты, что дал ему недавно местный житель, и, недолго думая, швырнул их вниз. В шуме битвы едва ли удалось различить звуки их взрывов. Сверху застрекотал автомат. КСВК уже была мало полезна, и снайпер, склонившись над краем крыши, стрелял из калашникова. Неподалеку громыхнул взрыв. Кто-то пытался снять этого стрелка подствольником. Савва схватил лежавший КСВК и сделал несколько шагов к трубе, по которой спустились те двое.

Еще один взрыв. Вспышка на миг ослепила Васнецова. Он упал ничком и почувствовал, как что-то врезается в одетый на него тулуп. Придя в себя, Николай осмотрелся. Тулуп спас его от осколков гранаты, которые застряли в толстой коже. Снайпер лежал на краю крыши. Его голова и сжимающая винтовку рука свисали вниз. Савва был мертв. Рядом с его телом лежал автомат. Приклад торчал с края крыши. Васнецов взял трубу и попытался придвинуть его ближе, чтобы калашников упал на площадку. Однако он потерпел неудачу. Автомат сорвался и полетел вниз, на беснующуюся у подножия Вавилона толпу вандалов.

— Черт, — выругался Николай.

Попытка выбить трубой из руки мертвеца КСВК оказалась удачной. Винтовка рухнула на площадку. Васнецов осмотрел ее. Отстегнул магазин. Там оставался всего один патрон. — Ну что за непруха, — пробормотал он, вздохнув.

Тем не менее другого оружия сейчас у него не было. Да и этим в ближнем бою мало что сделаешь. Разве что размахивать им как секирой и разбивать врагам головы. Васнецов сбросил мешающий быстро двигаться тулуп и устремился внутрь. С трудом вспоминая тот путь, который они проделали наверх вместе с Лерой, он бежал по узким коридорам и мостикам. Хуже всего было то, что, вероятно, из-за взрыва часть электросети города вышла из строя и освещение было еще более скудным, а местами вообще отсутствовало. Приходилось ориентироваться на далекие звуки стрельбы. Спускаясь все ниже, он отчетливее слышал разгоревшийся внизу бой, и его сердце билось все сильнее, то ли от волнения и предвкушения схватки, то ли просто от бега. Голова продолжала насылать волны боли, бившей по глазам и вискам, и он то и дело ощущал неведомым ему доселе чувством, как внизу умирают люди. И ему снова казалось, что он слышит эти чертовы ржавые качели.

Пробираясь все ближе к битве, Васнецов стал замечать следы разрушений. Где-то виднелись всполохи пожаров. Некоторые мостики и трапы были сорваны со своих мест. Контейнеры сдвинуты или опрокинуты. Двигаться становилось все труднее. Вот раздавленное упавшим трапом тело. Васнецов узнал в нем того человека, что дал ему там, наверху, две гранаты. Видимо, он двигался по этому трапу, но тот рухнул. Как жаль. И снайпера того жаль. С ним было о чем поговорить. Об отце, конечно.

Из окна гостиницы короткими очередями бил пулемет. Он держал на мушке узкий проход между двумя железными ангарами, один из которых был сильно деформирован и смят от взрыва. Через проход пыталась пробиться группа в белых маскхалатах. Однако от огня пулемета в этом месте вандалы потеряли уже пятерых.

— Нёмес, одан утэ улдап зи атемотанарг тунабе.

«Черт, о чем они говорят?» — подумал Николай. Он вжался в стенку контейнера и отчетливо слышал голос одного из двух вандалов, что находились в паре метров от него, за углом. Эти двое смогли незаметно просочиться меж больших железных блоков, в которых, видимо, были склады, и оказались вне зоны видимости пулеметчика.

— Ошорох. Анах митэ мародип, — ответил второй.

«Стоп, что там говорили в баре про вандалов? Они используют какой-то тарабарский язык вперемешку с каким-то падонским. И зовется все это таралбанским... Как разобраться? Задом наперед? Темотанарга... Что это? Агранато... Гранатомета! Семен, надо эту улдап... падлу! Из гранатомета... дальше понятно... Ответ был: хорошо, хана этим...» Николай осторожно высунулся из-за угла. Эти двое присели на одно колено. Один из них водрузил на плечо РПГ-7. Они не видели Николая. Даже не подозревали о его присутствии. Васнецов ткнул длинным стволом КСВК гранатометчику под мышку. Тот удивленно повернул голову, и Николай нажал на курок. Громыхнул выстрел. Ружье сильно дернулось в руках Васнецова, повинуясь законам физики и изрыгая из своего жерла могучую силу. Руку вандала подбросило вверх, и она, описав дугу, повисла на сухожилиях. Пуля прошла через плечевую область, вошла в шею и разорвала ему горло. Второй боевик, забрызганный кровью первого, от неожиданности и испуга распластался на полу, затем, увидев, что стало с его товарищем, вскочил на ноги и стал вскидывать свой автомат.

— Сссцуко, чорд!!! — заорал он, и в этот момент Васнецов, приблизившись к нему на шаг, вонзил боевику окровавленный ствол КСВК прямо в рот, разрывая ткань черной маски и проламывая зубы.

Николай воткнул ему горячий металл настолько, насколько позволяли силы, и затем рванул винтовку в сторону, выворачивая жертве челюсть и разрывая рот. Вандал снова упал и задергался в судорогах, захлебываясь собственной кровью. Васнецов

облегчил ему страдания, размахнувшись винтовкой и проломив череп. Затем он отбросил КСВК в сторону. Винтовка теперь не нужна. Он схватил автомат и гранатомет. Надо найти относительно безопасный путь и двигаться дальше. Скрытно пробираясь между контейнерами, он вдруг ощутил запоздалое чувство ужаса от того, что он сделал с этими двумя боевиками. Он ведь действовал совершенно машинально. Словно какая-то неведомая и безжалостная сила сама водила его руками, а он был лишь послушным исполнителем. Стало страшно... На что он способен? Что творится с его разумом, который и в страшном сне еще недавно не мог вообразить, чтобы сделать с людьми что-то подобное? Грянул взрыв. Совсем рядом. Раздались крики. Выстрел. Удар... Кто-то замычал, не в силах кричать... Николай упал, сбитый взрывной волной, и выронил оружие. Он принялся растирать глаза от пыли и бетонных крошек, что ударились в лицо от взрыва. Из прохода между ближайшими строениями быстро полз один из бойцов Вавилона.

— Не надо! — кричал он, быстро перебирая руками и отталкиваясь ногами.

На него прыгнул облаченный в белое боевик. Уползающий в панике боец вырвался на секунду, однако вандал уже занес руку с большим ножом. Лезвие вонзилось жертве прямо в копчик. Боец истошно заорал, хлопая ладонями по полу и мотая головой. Враг выдернул нож и нанес удар в область селезенки, затем вонзил его жертве в шею. Крик человека утонул в крови, превратившись в визжащее бульканье и хрип. Услышав щелчок автоматного затвора, боевик резко повернул голову направо. Короткая очередь из калашникова отбросила его к стенке позади. Боевик выронил нож и прижал ладони к прошитой очередью груди. Он уставился на Николая глазами, полными неописуемой боли. Кричать он отчего-то не мог, только дергал левой ногой и продолжал смотреть на своего убийцу.

— Не смотри! — воскликнул Васнецов. — Не смотри на меня так!!!

Он дал еще одну очередь, выпустив три пули врагу прямо в голову.

Николай достаточно насмотрелся на искромсанные пулями тела еще в Москве, во время боя за Дом Советов, но сейчас, видя, в какое месиво превратилось тело боевика от его выстрелов, он не понимал, чем вызваны такие безобразные травмы в его голове, которую тремя пулями буквально раскроило на

части. Что за чертовщина... Васнецов быстро отстегнул рожок автомата и взглянул на пули, ловя свет уцелевших еще наверху ламп. У патронов были надпилены кончики. Примерно так, как это делал Людоед в начале путешествия.

— Твою... Дурной пример заразителен. — Васнецов вздохнул и снова снарядил автомат.

Со стороны большого ангара веяло холодом. Видимо, большой пролом в стене города находился там. Да и интенсивность боя была слышна оттуда. Значит, там происходит самая ожесточенная схватка. Что там было? Насколько он помнил, за ангаром позади рынка был большой, огороженный массивными стенами участок. Там находилась арена. Точно. Сани взорвались как раз у наружной стены арены. И это в тот момент, когда там была масса зрителей. Если основная масса врагов там, то обороняющиеся находятся в районе стоянки и ведут бой со стороны бара. Надо пробиваться туда... Мимо засвистели шальные пули. Николай вжался в пол. Что-то взорвалось за ближайшим контейнером. Снова крики. Васнецов пополз. Махнуть по кратчайшей прямой через перекресток? Рискованно. Обогнуть гостиницу? Наверное... Медленные, шаркающие шаги рядом заставили его обернуться. Это брел пожилой мужчина. Одет он был не для улицы. Значит, это кто-то из горожан. Человек был весь в крови и придерживал одной рукой разорванный живот, из которого вот-вот вывалятся внутренности. Он медленно опустился на колени и молящими о помощи глазами посмотрел на Васнецова.

— Добей, — одними губами проговорил он.

— Чего? — пробормотал Николай, пятясь назад.

— Добей, — захрипел человек.

— Я не могу!

Васнецов вскочил и бросился прочь. Рядом просвистели пули. Он снова припал к земле и пополз к гостинице.

— Давайте! У оген нортап кончились! — закричали позади.

«Патроны кончились? У кого? У пулеметчика в гостинице?» Николай посмотрел в сторону этого крика. В узком и темном проходе, где он убил последнего вандала, белели маскхалаты. Там группа нападающих. Николай закинул на плечо гранатомет и выстрелил. Узконосый боеприпас влетел в толпу людей в белом и, не разорвавшись и пробив кому-то грудную клетку, там и застрял. Подельники убитого бросились в разные стороны, ожидая, что сейчас произойдет взрыв, и те, кто выскочил вперед, ближе

к гостинице, попали под огонь автомата, снаряженного надпиленными пулями. Стрелял Николай. У одного противника начисто оторвало кисть. Другому пуля вошла в ногу выше колена, и его бедро словно взорвалось изнутри. Патроны кончились очень быстро, и Васнецову пришлось ретироваться за угол гостиницы. Оказавшись с тыльной стороны здания, он тряхнул головой и растер виски. Какие-то всхлипывания он услышал не сразу. Среди расставленных беспорядочным образом деревянных ящиков сидел молодой и довольно крепкий боец Вавилона. Вроде один из патрульных. Сейчас весь бравый вид, который демонстрировали местные бойцы всем гостям, испарился. Даже тельняшка десантника не спасала. Он сжался в комок и дрожал. Приглядевшись, Николай понял, что он еще и плакал. Однако никаких признаков ранения на этом человеке не было. Зато был разгрузочный жилет с боеприпасами и рядом лежал АКМ.

— Эй, парень, ты патронами не богат? У меня кончились, — спросил Васнецов, осторожно подойдя к бойцу.

Тот нервно и даже как-то панически сорвал с себя разгрузку и кинул Николаю.

— На! Забирай! Забирай все! — истерично воскликнул он.

Николай выбрал два перемотанных скотчем рожка и снарядил этим свой трофейный автомат, затем еще раз взглянул на бойца. Тот сидел, обхватив голову ладонями, и вздрагивал и подпрыгивал от не прекращающейся, а, наоборот, усиливающейся стрельбы. По своему обыкновению и в силу своего характера Васнецов должен был наполниться жалостью к этому перепуганному до смерти человеку. Тот буквально был на грани безумия от собственного страха перед тем адом, который ворвался в его казавшееся совсем недавно неприступным жилище. Но нет. Жалость не дала о себе знать. Отчего-то появилось любопытство. Николай присел рядом с бойцом и стал его разглядывать. Тот, почувствовав рядом с собой горячее дыхание незнакомца, медленно убрал руки от своего лица и уставился на Николая. Секундное недоумение сменилось очевидным ужасом во взгляде, когда он заглянул в глаза Васнецова. Сам Николай сидел прямо напротив него и разглядывал, немного наклонив голову набок, и как-то странно улыбался.

— Значит, — начал спокойно говорить он, — пока твои собратья воюют, и воюют даже мимолетные гости этого города, до которого им по большому счету нет никакого дела, ты тут отсиживаешься и пускаешь сопли?

— Что? — испуганно, дрожащим голосом пробормотал боец.

Николай резко поднялся и, щелкнув затвором, наставил на него свой автомат.

— А ну встать!!! — заорал он.

Боец послушно вскочил, однако в его взгляде к страху прибавилось еще и недоумение.

— Чего... — снова пробормотал он.

— Подбери свое оружие и иди воюй! Иди убивай!!!

Боец послушно схватил свой автомат и бросился прочь, не совсем понимая, куда и зачем. Однако, как только он выбежал из тыльной стороны гостиницы, его сразила одна из бесчисленного количества грохочущих автоматных очередей. Он успел сделать несколько шагов, когда пули уже кромсали его тело, и упал замертво.

— Нет! Господи! — Васнецов больно ударил себя кулаком по голове. — Господи, нет!!! — Он опустился на колени и сильно зажмурился. — Черт бы меня побрал, что же я творю!

Он четко осознал, что бóльшим убийцей явился для этого парня не тот, кто стрелял, а он, Николай, который выгнал испуганного до смерти человека из своего укрытия.

Где-то близко заревел танковый двигатель. Пробираясь между ящиков, Васнецов наконец увидел стоянку. Т-72 без башни, с будкой кунга вместо нее, сорвался со своего места и резко сдал назад, к большому деревянному боксу. Будка слетела со скрежетом с танкового шасси, ударившись о низкую металлическую конструкцию, соединяющую между собой две бетонные опоры, на которых держалась одна из секций второго яруса. Кунг упал впереди танка весьма кстати. Пущенный кем-то из вандалов реактивный снаряд из гранатомета врезался не в танк, а в будку. Грянул взрыв. Стоянку заволокло дымом. Было слышно, как Т-72 ломает корпусом деревянное строение. От рынка рванулась толпа в белом. Около двадцати вандалов. Они решили расширить свой плацдарм под покровом дыма. Однако вылившийся из загоревшегося кунга чад не помог им, а сыграл роковую роль. Со стоянки из дыма вырвался другой гусеничный транспорт. Это был МТЛБ. Он, свистя двигателем и добавляя дыма из своей выхлопной трубы, врезался в передовой отряд вандалов, наматывая их тела на гусеницы. Пять боевиков сумели отскочить и бросились обратно к рыночным лоткам, перепрыгивая через разбросанные повсюду трупы. Еще один выстрел из гранатомета поразил МТЛБ в борт. Машина остано-

вилась, хотя двигатель продолжал гудеть. Спасшиеся вандалы, уже с подкреплением, бросились к пораженной машине, надеясь использовать ее корпус теперь как укрытие. Люк МТЛБ откинулся, и оттуда, выплевывая кровь, показалась женская голова. Затем туловище. Похоже, это была одна из местных лисиц-амазонок. Очевидно, она была контужена взрывом и сильно обожжена. Судорожно водя руками, она искала, за что зацепиться и помочь себе выбраться из пораженной машины. Один из подбежавших вандалов со всей силы ударил ее прикладом автомата по голове. Другой схватил ее за руки и стал тянуть обмякшее тело. Третий пырнул ее ножом в живот и стал вспарывать его. Васнецов дал длинную очередь и срезал двоих. Сейчас он жалел, что его автомат изрыгал обычные пули, а не надпиленные. Очень хотелось видеть, как у этих бандитов отлетают куски плоти. Остальные вандалы открыли в его сторону огонь. Васнецов припал к земле, прячась за ящиками. Что-то заставило его схватить один из деревянных ящиков и, размахнувшись, кинуть в сторону нападавших. Лишь мгновение спустя до его сознания донеслось понимание этого, на первый взгляд странного поступка. Краем глаза он заметил, что один из вандалов замахивается для броска гранаты. Брошенный им ящик точно встретился с гранатой и заставил ее упасть в стороне. Взрыв. Васнецов накрыл голову ладонями, спасаясь от града падающих на него щепок, одна из которых вонзилась в руку.

Надрывно ревя двигателем, безбашенный Т-72 тащил на буксире тот самый танк Т-64, который был не на ходу. Это он находился в том деревянном боксе. Под прикрытием двух бронированных корпусов наступал отряд из вооруженных защитников Вавилона, мужчин и женщин. Несколько человек взобрались на Т-64 и вели с него огонь, уничтожая скопившихся у МТЛБ врагов. Пользуясь сменой обстановки, Николай бросился к стоянке и, спрятавшись за большими деревянными санями, выдернул из руки острую щепку. Рана несерьезная, но кровь заструилась по ладони. Он прижал руку к губам и вдруг почувствовал эйфорию от вкуса собственной крови и хаоса смертоубийства, царившего вокруг.

Семьдесятдвойка остановилась, дотащив Т-64 до перекрестка. Со стороны пролома в стене города загрохотал крупнокалиберный пулемет. Одному из бойцов, что были на броне, совсем не повезло. Очередь оторвала у него руку, голову, а затем отшвырнула и тело с танка. Остальные бойцы попрыгали с бро-

нированной машины, и двое тут же упали, пораженные автоматным огнем. Один сломал ногу и так и лежал, крича. Никто не решался прийти ему на помощь. Или просто на его крик никто не обращал внимания, поскольку среди грохота стрельбы, свиста пуль и десятков предсмертных криков и криков ужаса этот вопль сломавшего ногу человека был просто незаметен.

Раздался оглушительный выстрел из танковой пушки, взметнувший вокруг Т-64 пыль и грязь. Стрелок целился в скопление вандалов у пробитой взрывом саней бреши. Он стрелял практически в упор, поскольку расстояние до них было едва ли больше семи десятков шагов. Взметнулись вверх тела врагов. В облаке взрыва кувыркались обломки, останки тел, искореженный крупнокалиберный пулемет, из которого стреляли по оседлавшим танк бойцам.

Вандалы бросились в разные стороны. Некоторые из них попали под прицельный огонь защитников Вавилона. Однако, находясь в отчаянном положении из-за появившегося танка, боевики проявили небывалую прыть. Большая группа обогнула Т-64, и часть из них кинулась к танку, а другая часть на стоянку. Николай встрепенулся и встретил их очередями из своего калашникова. Сразил одного. Второго. Патроны кончились. Он скрылся за санями и быстро перевернул рожок.

Снова оглушительный выстрел из танка. От гостиницы забили охотничьи ружья и отогнали группу вандалов от стоянки. Те бросились к танку, который не мог стрелять по всем сразу. Ладонь продолжала кровоточить. Васнецов подполз к одному из сраженных им вандалов. К тому, что был ближе. Он вытащил из ножен на ремне своей жертвы большой тесак и стал отрезать наиболее чистый кусок от его белого маскхалата. Вандал оказался жив и неожиданно вцепился Васнецову в левую руку. Перепуганный Николай машинально всадил бандиту тесак в шею и, рванув кусок материи, бросился обратно к саням, спрятавшись за которыми он стал бинтовать свою рану. Мимо засвистели пули. Стреляли вандалы у танка. Однако очередной выстрел из Т-64 оглушил их, и они попадали на землю. Кто-то из местных, вооруженный ручным пулеметом, взобрался на танк и сверху стал поливать вандалов свинцом. Выстрелом со стороны рыночных лотков он был убит. Теперь на танк полезли вандалы. Одни отсекали огнем автоматов защитников Вавилона, другие пытались открыть люк башни и закрывали собой смотровые приборы. Один из них бросил гранату в большое

отверстие подбашенного погона семьдесятдвойки, что стояла рядом. Оттуда выскочили двое, но взрыв настиг их, и изувеченные и уже мертвые тела отлетели в сторону. Башенный люк Т-64 был надежно закрыт изнутри, и открыть его не удалось. Однако стрелок, находившийся в танке, понял, что на его боевой машине враг. Он снова выстрелил, и три боевика слетели с танка. Оставшиеся вандалы стали в упор стрелять по смотровым приборам. Башня начала поворачиваться, и неожиданно ствол орудия резко опустился, прижав одного вандала к левому крылу. Тот завопил, но башня продолжала делать оборот, размазывая живого человека по корпусу танка. Вот растянулась его рука, и из плечевого сустава хлынула кровь, и, как лопнувшие струны, дернулись сухожилия. А он все еще вопил. Группа местных выскочила из-за танка и принялась расстреливать находившихся на Т-64 бандитов из охотничьих ружей и добивать пиками, сделанными из кусков арматуры. Со стороны рыночных рядов в их сторону полетели гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

Николай хотел открыть огонь по тем вандалам, что были на рынке, но только теперь понял, что его автомат остался у того трупа. Броситься за оружием? Самоубийство. Это место теперь было хорошо освещено всполохами огня, расползающегося по танку. Его заметят и убьют. Что делать дальше? Николай стал вертеть головой в поисках решения и вдруг заметил, что с тыльной стороны гостиницы в стене уже зияет дыра. Из нее выскочила женщина, прижимавшая к себе ребенка, которому от силы было два годика. Она сделала несколько шагов, ища спасения, и следом за ней выскочил вандал. Он схватил один из множества деревянных ящиков, сложенных за гостиницей, и метнул в женщину. Сбил ее с ног. Она упала, выронив ребенка. Бандит подбежал и, схватив малыша за ноги, со всей силы ударил его головой о бетонный пол. Женщина закричала, потянувшись за своим мертвым чадом. Вандал ударил ее ногой в живот. Затем по голове. Затем разбил ей висок прикладом автомата.

Голова сильно запульсировала. В ушах зазвенело. Заскрипели качели... Чертовы качели... Ведь их здесь нет... За что? За что ребенка? Мать за что? Он мотал головой, не в силах отвести взгляд от этого детоубийцы, что продолжал вбивать приклад автомата в тело женщины. А... что там говорили, когда военная дружина Надеждинска устроила рейд на поселение людоедов в Висляево? Ведь им было приказано уничтожить всех. И жен-

щин, и детей. Дети — это поколение мстителей, а войны не кончатся, пока есть кому мстить за прошлые войны. Разве жалели бойцы Вавилона детей вандалов? Они ведь так хвастались недавно, что устроили резню в лагере вандалов, где оставались старики, женщины и дети. Никто не жалеет детей. Или получает удовольствие от жалости. Но чтоб жалеть, их надо убивать... Вспомни, как обезумевшая толпа в метро столкнула женщину с коляской на рельсы... А сколько детей убил Людоед, запустив те ракеты? Маленькая девочка прыгает возле скрипучих качелей и проваливается в снег... Маленькая девочка искала своего щенка среди обгадившихся от страха взрослых, и ее затоптали... Детей надо убивать? Чтоб никто потом, через много лет не пришел мстить... Дети — это поколение мстителей. Все так думают. Нет в этом мире правых и виноватых, если все убивают детей. Нет правых и виноватых... Среди... Среди людей!!! Звон в ушах, скрип, боль в висках — все это слилось в пронзительный визг, слышимый им одним. Но это действовало на него как что-то вдохновляющее. Лишающее страха. Дающее безграничную силу. Мешающая сосредоточиться какофония боя ушла на второй план. Да и все расплылось перед глазами, кроме этого вандала, который один был в поле зрения, как цель в перекрестье прицела оптики снайпера. Люди-люди-люди... Почему вы такие? «Они все такие, — шипел незнакомый, но отчего-то такой родной голос из глубин сознания. — Они, люди, отжили свое. Они прошлое. Вы не встретите достойного того, чтобы ради него уничтожить ХАРП. Только не среди людей...»

Николай встал на четвереньки. Его лицо перекосилось от страшной гримасы, которая для него была улыбкой. А по губам стекала тягучая, красная от высосанной из раны в ладони крови слюна.

— Никто из людей, — прошипел он. — Теперь миром править будем МЫ!

И он бросился в атаку. Он старался быть незаметным, но он не полз. Он быстро перебирал руками и ногами, неумолимо приближаясь к намеченной цели. Все вокруг замедлилось. Только он один был стремительным...

Ужас наполнил глаза вандала, когда он увидел, как, перепрыгивая ящики, на него неистово мчится исчадие ада. Если бы на него мчался человек, то вандал вскинул бы оружие и нажал на курок. Но от этого существа исходила такая ненависть, что она не умещалась в разуме этого существа. Да и во всем те-

ле. Она заполнила все вокруг и подавила волю бандита к объективному восприятию того, что он видит. Ненависть нападающего существа оставила жертве право лишь на всепоглощающий ужас. Вандал истошно завопил, пятясь назад.

— Сдохни!!! — разнесся победный рык, и пальцы Васнецова проткнули выпученные от страха глаза боевика.

Он взмахивал руками, растопыривая пальцы, словно это были острые ножи, и, только увидев, что лицо уже мертвого вандала изодрано в клочья, он осознал, что побывал не просто по ту сторону безумия. Он был кем-то другим...

Человеческое естество вернулось к Николаю, и его вырвало. Прямо на изуродованное лицо мертвого вандала.

— Ни хренашечки себе, — пробормотал кто-то, ползущий в его сторону. — Тебе что, мало было? Ну так ты еще поссы на него и обосри в придачу. Хе-хе.

Это был пожилой вавилонец с обрезом двустволки.

— Ну-ка, ну-ка. — Он потянул руку мертвеца к себе. Казалось, его совсем не заботило то, что рядом лежит мертвый ребенок и его забитая до смерти мать. — Ни хренашечки себе, — повторил он. — Да у этого фраера котлы нехилые! — Он снял с руки убитого часы и напялил их на свое запястье. Затем довольно хмыкнул. — «Радо», мать его!

Из отверстия в стене раздалась автоматная очередь, и пожилой вавилонец рухнул на мертвого вандала. Николай прижался к стене, успев схватить обрез.

— Охит, мат кто-то еще едорв тсе, — послышался шепот.

«Боитесь? Правильно, бойтесь меня», — подумал Николай и, перекатившись за трупы, дважды выстрелил в темноту пробоины в стене...

Горящий Т-64 продолжал стрелять. Надо отдать должное тому, кто закрылся в танке. Бронированная машина уже вся была объята огнем, а он продолжал вести бой. Танк был неким рубежом между толпой вандалов и отрядами защитников Вавилона.

— Он же сгорит там! — разнесся вопль Варяга. — Вперед, мать вашу! Или вы вечно будете держать оборону, пока вас всех не перебьют?!

— Мужики! Сверху Кабан с отрядом и с агээсами засели! — закричал кто-то. — Если мы пойдем в атаку, они поддержат нас огнем! А если нет, то начнут нас расстреливать как трусов и дезертиров!

— Какого хрена?!

— Вперед, я сказал! За мной!!! — заорал Варяг и бросился в атаку.

Следом за ним побежал Сквернослов.

— Мужики! Да неужто мы свой город не отстоим! — вскочил боец с красной звездой на рукаве. — Вперед! За Вавилон!

Воодушевленная тремя смельчаками, а может, в большей степени угрозой расстрела из АГСов, толпа вооруженных вавилонцев поднялась в атаку. Они вопили «ура!» для собственного приободрения и неслись на врага. Многие падали, сраженные выстрелами. Сверху закашляли АГСы, разнося тылы вандалов в клочья. Наконец две армии схлестнулись в рукопашной схватке. Жуткое зрелище проламываемых черепов, разрываемых железными прутами и ножами животов. Живая масса заливала все пространство вокруг себя кровью.

— Илья! Держись! Через нижний люк вылазь! — закричал бросившийся к танку Яхонтов.

— Варяг! Под танком обломки какие-то! — воскликнул Сквернослов. — Он не сможет вылезти!

— Черт! — Яхонтов лихо вскочил на семьдесятдвойку, к которой все еще был прицеплен массивным тросом Т-64.

— Погоди! Погоди! — кричал лежавший у входа в гостиницу вандал. Он держал своими руками нож, который пытался вонзить в него навалившийся вавилонец. — Не надо! Хватит! Не надо! Пожалуйста!

Кончик ножа вонзился в шею и стал медленно, по мере того как вандал терял силы, входить все глубже. Из его рта забил фонтан крови. Вандал закатил глаза и судорожно забился в агонии.

— Я по-таралбански не понимаю, сука, — прорычал вавилонец и, выдернув свой нож, бросился в сторону основной схватки.

Николай вышел из темноты гостиницы, держа в руках очередной трофейный автомат, и с сочувствием посмотрел на все еще живого вандала.

— На, не мучайся. — Васнецов выстрелил ему в голову.

— Колян! Твою мать! Ты где был все это время?! Мы думали, тебе шандец полный настал! Тут такое творится! — закричал подбежавший к нему Сквернослов.

— Я знаю, — равнодушно пожал плечами Васнецов.

— Слушай, там Людоед в танке горит!

— Надо его на улицу оттащить и снегом закидать.

— Да ты в своем уме? Танк снегом закидать?

Тягач вытянул Т-64 на ровное, не захламленное обломками место. Сцепка продолжала двигаться, но тут догонявшие оба танка Николай и Сквернослов увидели распластавшегося на снегу Илью. Одежда на нем дымилась.

— Крест! — Вячеслав подбежал к нему и помог подняться.

— Я теперь знаю, что чувствовали куры гриль, — пробормотал Людоед, устало улыбнувшись. На его черном от копоти лице были видны только зубы. — Я в порядке. Идите убейте кого-нибудь. Я за Варягом. Там снаряды в башне. Рванет сейчас. Не подходите к танку и не пускайте никого.

Он, хромая, побежал к тягачу.

Защитники неумолимо теснили врага обратно к пробоине, которую проделали вандалы в самом начале. Схватка продолжалась на обломках арены, похоронивших под собой зрителей того рокового боя.

— Слушай, Колян, мы тут и так изрядно повозились. Может, хватит? Теперь и без нас справятся. Это их дело, в конце концов.

— А ты, Славик, убивай не ради кого-то. Не ради того, чтобы помочь кому-то...

— А ради чего?

— Просто ради того, чтобы убивать, — угрюмо пробормотал Николай.

— Чего? — поморщился Вячеслав.

Позади раздался оглушительный взрыв, и горячая волна сбила их с ног. Внутренним взрывом сорвало с горящего Т-64 башню, и та, полыхая, упала на Т-72...

33
НЕДРА

Испуг прошел, когда в клубах дыма и пыли показались Варяг и Крест. Яхонтов держался руками за голову, а Людоед помогал ему идти. Варяг был контужен. Но во всяком случае, они оба живы. А дальнейший путь без них немыслим.

Теперь они вчетвером сидели на большом обломке бетонного блока, который, кажется, был стеной большого помещения, являвшегося местной ареной. Вокруг царила суета. Убирали завалы. Убирали трупы. Таскали раненых. Собирали гильзы и оружие.

— Вовремя мы смотались от танков, а, Варяг? — устало произнес чумазый Илья.

— Угу, — простонал лежавший на плите Яхонтов.

— Ему совсем худо? — озабоченно спросил Сквернослов.

— Да ерунда. Оклемается скоро, — махнул рукой Людоед. — У меня четыре контузии, и ничего. Как живой. А у него легкая форма.

— Четыре контузии? — пробормотал Варяг. — По тебе заметно, Людоед.

— Я же говорю, что с ним все в порядке.

Вячеслав кивнул и принялся усердно ковыряться в носу. После взрыва танка у него обильно шла носом кровь. И теперь он занимался извлечением из ноздрей кровавых соплей.

— Ого, как это там поместилось? — тихо воскликнул он, глядя на то, что налипло на его палец.

— Славик, прекрати, это отвратительно, — поморщился Николай. — Тебе уже тридцать, а ведешь себя как...

— Брось, Колян. Мне было девять, когда все случилось. А тем летним днем все наше летоисчисление закончилось.

— И все равно...

— Перестань, брат. Неужто это отвратительнее того, что мы тут делали? Черт... Доковырялся... Опять кровь пошла...

— Ложись, — сказал ему Крест. — Тут холодно. Сейчас пройдет.

— Эй!!! — К ним подошел патруль из трех бойцов. Старший, с черной бородой, сурово взглянул на них. — И какого черта вы тут сидите? Почему не работаете, как все?

— А мы не местные, — пробубнил Варяг. — Нам не положено.

— Это кем не положено? А ну встать, когда с вами старший патруля разговаривает!

Поднялся один лишь Васнецов. Но не выполняя приказ, а для того, чтобы на шаг приблизиться к этому бородачу и бросить на него презрительный взгляд. Стало очень противно видеть их снова в таком бравом виде. Но он хорошо помнил того бойца, что прятался в ящиках и плакал. Помнил ту неразбериху среди местных и халатность постового дяди Пети, что прозевал сани с бомбой. Он помнил, как в атаку поднимал все это отребье не местный, такой вот бравый патрульный, а чужой здесь Варяг. Как горел в танке Людоед...

— Завали свое хлебало! — зашипел на него Васнецов.

Лицо старшего вытянулось. Двое его подручных удивленно переглянулись. Бородач выхватил из кобуры пистолет и ткнул его Николаю в грудь.

— Что ты сказал, недоносок?

Николай опустил взгляд. Посмотрел на пистолет. Почувствовал, как накатывается волна страха, но он мысленно схватил этот страх руками и разорвал, как лицо того вандала. Затем вперил свой взгляд в глаза патрульного.

— Слышь, дядя, в меня снайперы стреляли. В меня гранатометчики стреляли. В меня целились сотни стволов. А я голыми руками ваших врагов рвал, защищая этот Вавилон. Ты думаешь своей херней меня напугать? Ты мне скажи-ка, дядя, какого хрена у вас постовые спят на посту? Почему я первый заметил нападение вандалов? Почему я первый принял бой? Почему, пока ваши перцы гадили от страха по углам, только мои товарищи додумались выкатить танк на перекресток и драться так, словно тут их дом и их семьи? И ты теперь что-то нам еще предъявляешь?

— Да, кстати! — Теперь поднялся Людоед и хлопнул бородатого по плечу. — Блин, только ведь душ принял, — вздохнул он, проведя ладонью по своему лицу и глядя на почерневшую еще больше ладонь. — Ну да ладно. Вот еще один момент. Ваши лихие и бравые вояки устроили недавно резню в беззащитном селении вандалов, пока те орудовали где-то. Почему после этого вы не приняли никаких дополнительных мер для защиты? Ведь ваши не оставили вандалам другого выбора, кроме как напасть на вашу богадельню. А? Вы че как овцы, в натуре, себя ведете? А? Ну че ты вылупился на меня, как баран на новые ворота? Вы в своем курятнике разберитесь для начала, а потом тут перед нами волыной своей размахивай, если будет на то веское основание.

— Вы что, мрази, совсем страх потеряли? — захрипел растерянным голосом старший.

— Нет. Не теряли. Мы вообще не знаем, что такое страх, в отличие от вашей местной солдатни. Верно, блаженный? — Крест подмигнул Николаю.

— Ну, так мы сейчас вам покажем, что такое страх! — рыкнул патрульный. — Парни!

Его подельники подняли стволы автоматов.

— Стойте! Уже страшно! — воскликнул Илья и развел руками.

Однако страх застыл в глазах тех, кто хотел напугать его. Трое патрульных с ужасом смотрели на правую ладонь Людоеда.

— Ой, — как-то смешно произнес Крест, уставившись на гранату в своей ладони. — Блаженный, ты не видел кольца? Нет? А вы, братцы? — Илья обернулся к своим товарищам.

Варяг прикрыл лицо ладонью и тихо засмеялся. Сквернослов мотнул головой, зажимая рукой нос и недоумевающе глядя на все происходящее.

— А вы, хлопчики, кольца не видали? — обратился Крест к патрульным.

— Ты что, псих, что ли? — воскликнул бородатый.

— Конечно псих. У меня и справка была, да я ею давно подтерся.

— Убери сейчас же!

— Да как же я уберу без кольца? Хочешь, тебе отдам? — Людоед протянул руку бородатому.

— Убери!!! — Тот в страхе попятился.

— Эй! Стой! Не отходи! Я же разожму! Я ведь дурак. И ребята мои подтвердят. Скажи, блаженный...

— Дурак и отморозок, — кивнул Васнецов.

— Слыхали?! Так вот, ты, синяя борода, стой тут. Поболтаем. А хлопчики твои пусть приведут вашего старшего. С ним будем разговаривать по поводу вашего поведения. Ясно?

— Кабана, — вздохнул Яхонтов, — Кабана пусть приведут. Он рассудит.

— Эй! — Бармена по кличке Кабан звать не пришлось. Он сам направлялся к ним. Вид у него был усталый, к тому же на плече у него висели целых три автомата. Видимо, подобрал среди трупов. — Мищенко, в чем тут дело?

— Эти скоты вообще законы наши не чтут! Не работают, как все сейчас! — воскликнул старший патруля, надеясь на поддержку бармена. — А этот еще и гранатой угрожает. Да за такое у нас...

— А ты сам что же не работаешь? — усмехнулся Кабан, подойдя.

— Как это? — опешил Мищенко. — Я же в патруле.

— В патруле? А что я тебя во время боя не видел? Я тут сектор от бара до перекрестка держал. А эти четверо вообще линию фронта создали и вандалов столько покрошили, сколько ты и не видел. Так где ты был?

— Так у меня же своя зона ответственности, — пробормотал старший патруля.

— Это мы разберемся на сходе, у кого, где и какая зона ответственности была и почему такое случилось. Понял меня?

— Кабан, ты ведь знаешь правила...

— А ты знаешь меня. Этим парням весь оставшийся Вавилон в ноги кланяться должен, а ты, чмо, тут пальцы растопыриваешь.

— Зачем ты так при них...

— Затем, чтоб ты знал свое место. А теперь пшел отсюда.

Патрульные убрались восвояси, при этом Мищенко что-то бормотал, оглядываясь на Кабана.

— Спасибо за помощь, — усмехнулся Людоед и разжал ладонь с гранатой.

Кабан нахмурился и покачал головой.

— Ты совсем, что ли?

— Да она учебная! — засмеялся Крест. — В танке их десяток был.

— Учебные черного цвета. А эта хаки. Как узнал, что она учебная?

— Так если поскрести краску, под черной и есть хаки. Там половина была с содранной черной краской. Наверное, впарить кому-то собирались за боевые. Ну, я сувенирчик и прихватил. И они там все без чеки.

Теперь усмехнулся Кабан.

— Да, это у нас могут. И снаряды после выварки тола продают. И пули, бывает, стреляные. Насыплют песок в гильзу, впаяют пулю, насечки от ствола зашлифовав войлоком, законопатят капсюль и продают. Только не каждому. Лохам всяким.

— Кое-где за такое вешают, — хмыкнул Людоед, видимо имея в виду Москву.

— И правильно делают. Но... Не будь лохом, и все будет на мази. Ладно, лирика все это. Сами-то как? Рад, что все живы, но вот насчет здоровья, что у вас?

— Нормалек, — махнул рукой Варяг.

— А парень, — Кабан кивнул на Николая, — он же весь в крови.

— Это не его кровь, — усмехнулся Крест и, прищурившись, посмотрел на Васнецова.

— Ну, слава богу. На самом деле если бы у вас со здоровьем проблемы были, то помочь мне реально нечем. Аптечку бы свою дал, конечно, но этого ведь мало.

— А что, у вас врачей тут нет? — спросил Вячеслав.

— Да есть, конечно. Но они не станут вам помогать. По крайней мере, пока вавилонцев всех не обслужат. А раненых у нас и изувеченных очень и очень много.

— Ну, на том спасибо. А как насчет помыться да постираться? — поинтересовался Илья.

— Ну, это я вам организую. Только не сейчас. Часика через полтора приходите ко мне в бар. Там у меня две кабинки есть и небольшая прачечная. Сейчас, извини, не могу. Дел по горло. А через полтора часа — пожалуйста. — Бармен перевел взгляд на Николая. — Ты Васнецов?

— Я. — Николай устало кивнул.

— Тебя видеть хотели.

— Меня? — Васнецов едва не удивился, но вдруг вспомнил Леру, ее парня, которого он взгрел, часового Петра. Наверняка кто-то из них или все вместе претензии предъявить хотят. — Кто? — Он все-таки решил уточнить.

— Ветер, — ответил Кабан.

— Ветер? Зачем? — Это было совсем неожиданно.

— Ну, это ты у него спроси. Он в гостинице сейчас. На вот. — Бармен протянул листок пожелтевшей бумаги с каким-то штампом и надписью, сделанной от руки. — Это «вездеход». С такой бумажкой любой патруль можешь матерно посылать в любую сторону света или часть тела. Только потом мне ее обязательно верни, когда в бар придете.

— Спасибо...

— Все, парни, пока, до встречи. Жду вас в баре через полтора часа. — Бармен стал уходить и, на секунду повернув голову, сказал через плечо: — А ты глазами на отца очень похож.

Николай проводил его взглядом, потом посмотрел на товарищей.

— Схожу я к этому Ветру.

— Погоди. — Варяг приподнялся и стал растирать ладонью лоб. — Погоди, я что-то не понял. Он что-то про отца твоего сказал?

— Отец был здесь. В свой последний поход он пришел сюда. В Вавилон, — угрюмо проговорил Васнецов.

— Ты уверен в этом? — удивленно спросил Вячеслав.

— Майор ВДВ. Николай Васнецов. Искатель из Надеждинска. Был тут шесть или семь лет назад. Тебе какие еще доказательства нужны? Меня по глазам узнали. У меня его глаза.

Болезненное состояние, вызванное пусть легкой, но все-таки контузией, не давало Варягу в полной мере выглядеть удивленным. По крайней мере, настолько, насколько удивленным был сейчас Сквернослов. Что до Людоеда, то тот безучастно смотрел в сторону снующих вавилонцев, занятых ликвидацией последствий нападения. Он из оставшихся членов группы единственный не был знаком с отцом Николая и ничего о нем не знал.

— Короче, я пошел, — вздохнул Николай.

— Хватит уже бродить, Коля, сколько можно, в самом деле, — поморщился Сквернослов.

— Пусть идет, — махнул рукой Людоед. — Ничего с ним не случится.

— И с чего ты так уверен? — зло бросил Вячеслав, повернувшись к Илье.

— Хватит его опекать как маленького. Не забывай, что он первым вандалов заметил и на подходе положил их немало.

— Варяг! — Теперь Сквернослов обратился к Яхонтову.

Искатель снова разлегся на бетонной плите и вздохнул:

— Пусть сходит, поговорит с Ветром. Может, об отце что узнает. Только, Коля, потом сразу иди в бар. Там встретимся. Никуда больше не встревай.

— Да уж, — устало кивнул Васнецов. — Хватит с меня. На сегодня, по крайней мере.

В душе царило полное опустошение. Тот эмоциональный всплеск, который поглотил его разум без остатка во время боя, оставил даже не смятение, а полную пустоту. Он словно выдохся. И только лишь как-то вяло и скудно пробуждались на короткие доли секунды образы тех, кого он с такой жестокостью лишал жизни. Трудно поверить, что он, всегда даже чрезмерно добрый и меланхоличный, способен был вытворять то, что в другое время просто не укладывалось бы у него в голове. Кем он стал? Или во что превращался? Николай угрюмо брел в сторону гостиницы, размышляя о том, что может выйти наружу из недр его сознания.

За рынком медленно росли две горы трупов. Одна гора состояла из поверженных вандалов, другая из тех, кто подвергся нападению. Из пролома в стене города тащили еще трупы нападавших. Когда вандалов вытеснили обратно в ту дыру, через которую они проникли в город, то сверху их забросали само-

дельными осколочными бомбами, увеличив потери среди противника. Вавилонцы раздевали мертвые тела, не оставляя ничего из одежды. Даже сбривали с голов мертвецов волосы. Оказывается, среди вандалов хватало женщин. Трудно это было разобрать в горячке боя, когда на них были маски. Некоторые вавилонцы раскрывали убитым, как своим, так и чужим, рты и выдергивали золотые зубы и коронки.

— Зачем вы это делаете? — поморщившись, спросил Николай у старого жителя Вавилона, который бережливо складывал золотые зубы в тряпичный мешочек.

— Чудак ты, хе, — усмехнулся старик. — С этим приду к дантисту нашему, так он обслужит не за деньги, а за пару коронок или зубов. Да те же зубы мне вставит взамен прогнивших.

— А трупы вам зачем? Ну, своих, понятно, похороните, наверное. А вандалы зачем вам?

— А что им валяться кругом? Так одежды вон сколько. На некоторых даже броники. Это же сколько добра! А трупы ихние свиньям нашим на звероферме скормим да собакам. А кости перемелем, да на удобрения в оранжерею пойдут. Чего пропадать добру?

— А волосы зачем?

— Как зачем? Стельки для обуви делать. Хорошо тепло держат. Ну, подкладки для бушлатов и фуфаек набивать. У нас даром ничего не пропадает, хе-хе.

Васнецов прибавил шагу, желая побыстрее удалиться от этого жуткого действа. Сейчас Николай думал об одном: стал бы он воевать за Вавилон, узнай он заранее, как тут поступают с мертвецами? Можно было только порадоваться, что Надеждинск до такого не скатился. И удивляться, почему не скатился. А ведь поначалу Вавилон показался Николаю более светлым и наполненным жизнью местом, нежели унылые подвалы Надеждинска, пропитанные духом безысходности. Хотя, быть может, только он видел там безысходность в силу своего характера?

Он остановился и уставился на ровные ряды тел жителей Вавилона. Их, оказывается, погибло гораздо больше, нежели можно было подумать, глядя на кучу возле рынка. Ближе всего к нему лежал мертвый карлик Туранчокс и его девка. Та, что с бантами в волосах.

Увидев, что на них обратил взор Николай, молодой боец с перебинтованной головой тихо произнес:

— Он своей битой четверых забил, пока в него полрожка не всадили. До последнего защищал девицу свою. А она еще двоих зарезать успела. И Туранчокса, уже мертвого, на руки взяла и потащила в укрытие. А ее снайпер в голову... Жалко их...

Действительно жалко. Васнецову стало горько оттого, что он с ними тогда повздорил. Но ведь кроме них еще много кого стоило пожалеть. Он медленно скользил взглядом по рядам убитых...

— Она жива, — послышался голос за спиной.

Васнецов обернулся. Там стоял Иван. Тот самый, парень Леры. Лицо его было иссечено царапинами и ссадинами. Нос перебит. В бою или от того удара Николая?

— С чего ты взял, что я ее ищу? — спросил Николай.

— Ты взгляд задержал вон на той женщине. У нее свитер похож на Лерин. Лера в порядке. Не переживай.

— Я рад, — проворчал Васнецов и побрел дальше.

— Постой!

— Чего тебе?

— Послушай, Николай... Извини меня, что я там... Ну, ревность. Сам пойми. Я ведь сразу не понял, кто ты такой. Чей сын. Но я знаю, как тот человек... Твой отец... Что он значил для Леры, в общем... Не держи зла. Я слышал, ты дрался так, как не всякий вавилонец удосужился...

— Все нормально. — Васнецов кивнул. — Ты тоже зла не держи. Погорячился я... А что с вахтенным этим? Дядя Петя, который...

— Убили его, — развел руками Иван.

Николай кивнул и произнес:

— Нельзя спать на посту. Нельзя.

Ветер стоял у входа в гостиницу и внимательно разглядывал четыре трупа вандалов. Лица их были страшно изуродованы. Как-то смутно Николай, глядя на них, вспомнил, что так обезобразил их не кто иной, как он сам. Подкатил рвотный спазм, и Васнецов обернулся.

— Мне сказали, что это ты с ними такое сделал, — сказал Ветер.

— А я тут уже известная личность? — горько ухмыльнулся Николай.

— Так все-таки?

— Ну, вроде да.

— Занятно, — сделал задумчивое лицо Ветер.

— Чего тут занятного? Я сейчас сам понять не могу, как я вообще мог сделать такое. — Васнецов поморщился.

— Знаешь, я как-то имел удовольствие лицезреть несколько трупов людей, на которых напали молохиты. Вообще, если на человека нападет молох, то от него уже и следа не останется. От человека. Но в тот раз повезло. Что-то спугнуло этих тварей. Так вот. Эти трупы очень похожи на те. Если бы я не знал, что это ты сделал, то мог бы подумать, что в Вавилоне орудует молох.

— Бред какой-то, — пробормотал Васнецов, говоря это скорее самому себе. — То в морлоки меня запишут, теперь молохиты эти. Чушь какая-то.

— Морлоки? — Ветер удивился. — Ты сказал, морлоки?

Николай замолчал и уставился на этого человека, думая, не сболтнул ли он чего лишнего.

— Ты был в Москве? — тихо спросил Ветер.

Теперь настала очередь удивляться Васнецову.

— С чего ты взял?

— Да потому, что я из метро, — шепнул тот. — Я там года три прятался, после того как все началось. А когда выбрался, то мне пришлось бежать из Москвы, потому что за мной охота началась. Для людей на поверхности я был морлоком. Мразью! И то, что ты сделал с этими вандалами, походит не только на почерк молохитов, но и на морлочий почерк. Но я ведь не думал, что ты был в Москве и знаешь о морлоках.

— Ничего себе...

— Так это за тобой отец в Москву собирался?

— Что? — Николай вздрогнул, услышав об отце.

— Я батю твоего хорошо знал. И знал, что он собирается в Москву. А зачем, не говорил. Но все у меня расспрашивал и про метро, и про город, и про морлоков.

— Нет, я там совсем недавно был... Постой, так ведь брат у него там! — Васнецов вспомнил о записной книжке и о собственном дяде.

— Брат?

— Да! Мой родной дядя! Но погоди, мне ведь сказали, что отец ушел в горы! А это ведь в стороне, противоположной Москве.

— Ну, вот именно. Ему непременно надо было в Аркаим попасть перед походом в Москву. Они и ушли туда. В горы.

— Они?

— Да. С твоим отцом пошел еще один... Краповый берет, что ли. Спецназовец, короче. Он тут на постое был, а как отец твой появился, они как-то быстро общий язык нашли. Дмитрий его звали. И профессор тут был, малость с головой у него того. — Ветер покрутил пальцем у виска. — Лодзинский. Он тоже с ними пошел. И все. Больше никто о них ничего не слышал.

— А ты как считаешь, что с ними стало? — с дрожью в голосе спросил Николай.

— Тут, в Вавилоне, считается, что поход в Уральские горы — это билет в один конец. Но это от страха люди так говорят. Я настолько категоричен не буду. Но то, что они пропали, это факт. Только вот отец твой... До сего дня в последний раз большая атака вандалов на Вавилон была именно тогда, когда он был здесь. Так вот, он тогда организовал оборону так, что они шесть лет и не помышляли больше нападать на нас. И сам вел заградительный огонь из танка. Видел танк у входа? Старый ИС.

— Видел. — Васнецов кивнул.

— Ну, вот из него он и вел огонь. Вандалы даже к городу подойти не смогли. Понесли огромные потери и отступили. Отец твой тогда весь боезапас того ИСа израсходовал, но оно того стоило. Он потом рассказал, что ему такое уже приходилось делать. Еще до ядерной войны. И за это орден Мужества получил.

— Так оно и было. — Варяг появился совершенно неожиданно и сразу уловил суть разговора. — Он в Цхинвале залез во вражеский танк, который бросил экипаж, так как осетины пробили ему двигатель выстрелом РПГ, и вел из него огонь. Два часа долбил по позициям неприятеля, пока основные силы не подошли.

Ветер взглянул на Варяга, затем на подошедших Илью и Вячеслава.

— Ребята, мне надо с вами поговорить, — сказал Ветер.

— И что за имя такое, Ветер? — спросил Людоед, отпив из кружки кипятку.

Они расположились в баре, сев за пустой столик в углу. Вообще-то тут все столики пустовали, поскольку практически все вавилонцы были заняты на работах по очистке города и восстановлению разрушенного.

— Меня девушка так моя называла. Она умерла давно, — вздохнул он в ответ.

— А имя у тебя есть? — поинтересовался Варяг, прижимающий к голове мокрое полотенце.

— Артем.

— Понятно. — Яхонтов лениво кивнул и взглянул на свои наручные часы. — Ну где этот Кабан? Говорил, через полтора часа подойдет. Уже прошло полтора часа.

— Да ты не спеши, Варяг, — сказал Ветер. — Он, между прочим, вашу проблему улаживает сейчас.

— Это какую еще проблему? — нахмурился Крест.

— Вам местная торговая гильдия претензии предъявить хочет.

— Что? — поморщился Вячеслав. — Они что, совсем ох...

— Погоди, Славик, — легонько толкнул его Варяг. — Говори, Артем, в чем проблема.

— Вы ведь танк угробили, Т-шестьдесят четыре. Я, конечно, понимаю, что вы действовали во благо не только себе, но и в большей степени всему Вавилону. Но танк этот был на продаже, и они очень недовольны тем, что вы без спросу его взяли. Тут ведь правила очень простые. Бизнес есть бизнес. Они хотят возмещения ущерба. У Кабана большой авторитет в Вавилоне, и он пытается уладить этот вопрос и отвести от вас неприятности.

— Нет, я не ослышался? — прорычал Крест. — Это что, шутка? Мы тут потом и кровью зарабатывали для этого курятника победу, а местные петушки еще нам предъяву кинуть хотят? Скажи, где этих уродов найти, и я с ними потолкую! Знал бы, какое тут мракобесие, воевал бы за вандалов.

— Да ни к чему это, — мотнул головой Артем. — Я же говорю, Кабан уладит.

— А с чего он так суетится за нас? — спросил Вячеслав.

— Да кое-какие виды он на вас имеет, — тихо ответил Ветер, оглянувшись.

— То есть?

— Короче. На вашей стороне Кабан, красные, а с ними и отряд китайцев, ну и амазонки из лисьего отряда, скорее всего. У Кабана тоже банда своя имеется. Еще вы заслужили уважение среди местных вояк. А те, кто постарше, помнят еще его отца. — Ветер кивнул на Васнецова. — Вы теперь, в сложившихся условиях, настоящий подарок для Кабана.

— Дай угадаю, — усмехнулся Крест. — Кабан затеял в Вавилоне государственный переворот?

— Именно так. И вы теперь для него нешуточное подспорье, если он, конечно, сможет вас уговорить. Вы не просто четыре человека. В сложившихся условиях вы просто революционный символ.

— Твою мать. — Сквернослов хлопнул себя по лбу. — Вот нам только этого не хватало.

— Зачем тут революция? — спросил Варяг.

— Ну, терки между Кабаном и администратором были уже давно, и истоки их только им двоим известны. Но ясно, что Кабан с его непререкаемым авторитетом и в Вавилоне, и в колониях наших не вмещается в рамки обычного бармена и командира боевого резерва. Очевидно, что его естество требует большего. А сегодняшние события показали несостоятельность нынешней власти Вавилона. Тот урон, который понес город, и те потери — это катастрофа. В такой ситуации самое время взять власть в свои руки более решительным и харизматичным людям.

— А вроде все у вас так благополучно было. Просто цветущий оазис среди ледникового периода, — усмехнулся Варяг.

— Да, но это лишь вершина айсберга. У нас тут вроде как главенство закона. Личные свободы граждан. Свобода совести, свобода слова. У нас уживаются красные, монархисты, националисты, кавказцы, русские, евреи, нации Центральной Азии. Таков закон. Внутри Вавилона мир. Иначе клеймо или ринг. У людей развит досуг. В том числе и сексуальный. Причем человек любой ориентации имеет право на жизнь и может найти себе, так сказать, постельный досуг. Есть, точнее, была до взрыва арена для утехи публики. Есть музыка. Стремная, но все-таки своя газета. Комиксы для безграмотных. Мир свободы и, можно сказать, демократии. Телевидения для полного счастья не хватает. Но есть этому замена. — Артем усмехнулся. — Есть относительная сплоченность перед внешними угрозами. Вандалы, молохи, мифические рейдеры. Но если посмотреть в корень? Всем заправляет так называемая торговая аристократия. Торгаши, нувориши, дельцы. Остальную популяцию прикармливают сладостью личной свободы. Хочешь пить — пей, но помни, что можешь по пьяни нарушить закон и получить наказание. Хочешь проститутку, снимай, если есть чем платить, но помни, что настоящая медицина тут только для зажиточных,

а остальным окажут помощь только для поддержания трудоспособности, если они имеют значение для местных работ. Образование тут просто служит интересам элиты, и молодежь обучают так, чтобы она была полезна в качестве рабочей силы и кое-как справлялась с обязанностями защиты и охраны Вавилона. И самое главное. Наркотики. Тут, конечно, вроде жесткий контроль за оборотом наркотиков, но только для того, чтобы популяция не лишилась дееспособности. И только для того, чтобы контролировать эту самую популяцию этими самыми наркотиками. Наркотики в Вавилоне и его колониях и есть тот самый эрзац телевидения. Некоторые из нас видят истинное положение вещей, но основной массе людей вся ситуация по душе, ибо они боятся потерять и это. Ведь там, за стенами Вавилона, настоящая реальность. Мир, закованный в снег и похороненный глобальным ядерным погромом. Кабан и его сторонники давно поняли, что пытаться образумить остальную массу не имеет смысла. Имеет смысл взять власть в свои руки и подчинить популяцию себе. Только вот боюсь я, что подчинять новая власть будет теми же самыми методами. Играя на людских слабостях. Даря им иллюзию свободного общества и наркотический дурман благоденствия. Хотя, конечно, Кабан говорит о том, что надо расти и развиваться. Надо вновь осваивать потерянный мир и возрождать цивилизацию уже вне рамок одного Вавилона и двух его колоний. Но бремя власти таково, что, получив ее, едва ли захочешь работать над тем, что обещал своим последователям. И последователи погрязнут в сладостном дурмане власти.

— А зачем ты нам все это рассказываешь? — спросил Людоед. — Такое ощущение, что ты нас предостеречь хочешь от помощи Кабану.

— Так и есть. — Ветер кивнул. — Предостеречь хочу. Вы мне сразу по сердцу пришлись. Интуиция, наверное. И я не хочу, чтоб вы стали инструментом в руках алчущих власти и орудием в грядущей борьбе, которая, скорее всего, станет вооруженной. Я чувствую, что у вас какая-то особая и важная цель. И я хочу, чтоб вы следовали своим путем.

— Значит, говоришь, Артем, ты в метро три года жил? — прищурился Крест.

— Да. А что?

— Вот откуда твоя интуиция. Подарок от «генератора чудес».

— Я не понял.

— Да ладно. Потом объясню.

— Послушай, — начал говорить Варяг. — Пошли с нами. Я вижу, тебе жить тут не очень нравится. Так присоединяйся к нам. У нас действительно очень важная миссия.

— И какая? — спросил Ветер.

— Ты слышал о ХАРПе?

— О ХАРПе? Ну-ка, ну-ка?

— В США. На Аляске установка такая.

— Слышал. — Артем кивнул. — Очень давно. Об этом говорилось незадолго до войны. Некоторые ученые тревогу били по поводу всех этих ХАРПов, коллайдеров и прочих игр человека в бога. А что?

— Не зря били, как оказалось, — продолжал Яхонтов. — Его включили накануне ядерной катастрофы. А выключить забыли. Как тот утюг. И он до сих пор работает. Он уничтожает планету. Очень скоро придет всему конец. Контрольный выстрел в голову жизни на этой планете. Понимаешь? Мы направляемся туда, чтобы его уничтожить. Ты умный, толковый и крепкий мужик. Ты бы очень нам пригодился в походе.

— Вы что, на лыжах туда идете? — скептически усмехнулся Ветер.

— Мы сейчас не об этом говорим, — мотнул головой Яхонтов.

Артем откинулся на спинку стула и нахмурил брови, задумавшись.

— Это многое объясняет в тех странностях, что происходят с атмосферой, климатом и общей психосферой. Но... никому об этом не рассказывайте, — вымолвил он через минуту. — Слышите? Никому больше об этом не рассказывайте здесь.

— Почему? — удивился Сквернослов.

— Это же крах. Власти быстро заткнут вам рот.

— Да почему? — не унимался Славик. — Мы же для всех стараемся! Они что, не понимают, что погибнут?

— Знаешь, двадцать лет назад люди были вроде как цивилизованней и образованней, чем сейчас. И неужели они не понимали, что погибнут, губя окружающую среду, играя с силами природы, нажимая на кнопку? Но что в итоге сделали? Угроза Армагеддона аморфна, в отличие от мирового терроризма, чей образ можно было обрисовать при помощи массмедиа. И сейчас угроза ХАРПа аморфна по сравнению с вандалами и моло-

хитами. Эти близкие и реальные угрозы помогают сплачивать популяцию и держать подданных в узде. Но если толпа уверует в окончательный конец всему живому, то она пустится во все тяжкие и станет совершенно неуправляемой. А что до власти, так им главное одно. Чтоб на их век хватило. А дальше... Какая разница? Таково странное свойство человеческой психики. Если вы заговорите об этом, вам конец. И думаю, что даже в случае с Кабаном. Вы, даже если поможете ему, погибнете как герои и никогда уже не будете будоражить население этими угрозами. Ведь лучшие герои для любой власти — это мертвые герои. Ничто не придает достойному человеку героизма, как его смерть, которую власть обложит в угоду себе красивыми легендами и будет на этих мертвых героях строить фундамент своего могущества. Из вас сделают иконы и напишут о вас баллады. Но вы нужны такие лишь мертвые. Тогда никто не сможет увидеть вас воочию. Поговорить с вами. Спросить — а что вы обо всем этом думаете? И вы никому не расскажете о каком-то далеком и нереальном ХАРПе.

— Гребаный Экибастуз, — выдохнул Сквернослов. — Да как же так?

— А вот так, — пожал плечами Ветер.

— Хрен с ними, с людишками, — махнул рукой Людоед. — Лично я не для людей хочу этот ХАРП укантропупить. Я хочу, чтоб цветы на полях росли и бабочки вокруг них порхали. Черт возьми, я хочу сидеть на пикнике у костра с этими ребятами, слушать, как Колян трындит на гитаре, и слушать, как над ухом пищит надоедливый комар. Кроме людей, на этой планете есть что спасать.

— Морлоков... — прохрипел Николай, усмехнувшись.

— А пусть даже и так, — кивнул Крест. — Так что, Артем, ты с нами?

— Меня и отец Николая с собой когда-то звал, — вздохнул Ветер. — Но я не мог тогда. И по той же причине не могу и сейчас.

— Почему?

— Сын у меня. Инвалид. Прикован к постели. Даже говорить не может. Полностью парализованный. На кого я его оставлю? Ему девять лет всего...

Васнецов представил себе эту картину, и сердце защемило от жалости и боли за этого мальчишку.

— Так зачем ты его мучаешь? — тихо спросил Николай.

— Что? — Ветер уставился на него.

— Почему не избавишь от мучений?

Теперь все недоуменно уставились на него.

— Что это значит? — нахмурился Артем.

— Блаженный, я тебе сейчас калитку вынесу, — прорычал Крест.

— Разве это жизнь? — продолжал Николай, не обращая внимания на угрозу Людоеда.

— Ты... ты хочешь сказать, что я должен убить своего сына? Уж такого мне моя возлюбленная оставила, а он, несмотря ни на что, живой. И я должен его лишить жизни? Ты что такое говоришь?

— Эй! — рявкнул Людоед. — Ну-ка в глаза мне посмотри, фашист хренов!

Васнецов повернул голову и поймал на себе испепеляющий взгляд Ильи. Вдруг стало холодно и все вокруг померкло. И... Рана... Ее бросили с матерью в могилу, даже пуповину не обрезав. И новорожденная, которую приняли за мертворожденную, закричала. Жизнь пробивалась из могилы. Желание жить во что бы то ни стало. ЖИТЬ!

— Ветер, прости... — Он встряхнул головой, освобождаясь от этого странного гипноза, в который Людоед его как будто погрузил. — Я не то хотел сказать...

— А как иначе прикажешь тебя понимать? — резко бросил Артем. Затем он поднялся со своего стула и добавил: — Знаешь, ты действительно глазами на отца своего похож. Но и только... — Обратившись к Варягу, он сказал: — Скоро Кабан придет. Помоетесь, поедите и отдыхайте. Вербовку вашу он на следующее утро отложит. К тому времени его соратники освободятся от сегодняшних хлопот. Да и он сам. К тому времени настоятельно рекомендую вам покинуть Вавилон.

Сказав это, Ветер быстро ушел.

— Я же из лучших побуждений, — растерянно пробормотал Николай.

— Поверь мне, говнюк, тот, кто первым нажал на кнопку, тоже руководствовался лучшими побуждениями. На свой лад, конечно, — усмехнулся Людоед. — И как, нравится тебе результат? Не решай за других их судьбу.

— Что? — Васнецов уставился на Людоеда. — Что ты сказал? Не решать за других их судьбу? А как насчет Ирочки Листопад? А? А как насчет Пчелки? А как насчет той девочки, в кантине Олигарха? А? Не ты ли за них решил?

Людоед неторопливо встал со стула, подошел к Николаю и, наклонившись, зашипел:

— Это бремя, этот крест и этот грех я несу на своих плечах и на чужие не перекладываю. Когда станешь умнее, свистни, и я тебе популярно объясню. А сейчас заткнись. И еще раз упомянешь Ирину Листопад, я избавлю тебя от мук. Ведь мне кажется, что ты не живешь, а мучаешься.

Произнеся это, он отвесил Васнецову подзатыльник.

Текущая ситуация скупо бросила им несколько часов на отдых. Крохотное время на драгоценный сон перед очередным рывком на восток, в сторону фантастически далекой заветной цели. И пусть этот рывок был одним из многих в долгом и почти безумном путешествии, что-то делало предстоящий путь особым, наполненным определенными символами. Ведь позади был весь европейский континент. Масса перепаханных обоюдными ядерными ударами стран Евросоюза. Мертвое Черное море, изрыгающее из своих вод гремучую смесь сероводорода. Мистический западный рубеж в далеком Калининграде, о котором Николай знал лишь понаслышке, что была такая крохотная местность в России, окруженная со всех сторон недружественными странами. Сожженная Калуга, уцелевший Надеждинск, разрушенная Москва с ее метрополитеном, в котором бродит огромный оборотень... Все. Европа кончилась. Дальше гряда Уральских гор, за которыми огромная Азия. И пусть большая часть пути еще впереди. Пусть Европа была малой долей их путешествия. Осознание, что этот этап уже пройден, давало некоторое облегчение. Облегчение и тревогу одновременно. Ведь что-то ждало еще впереди, на бескрайних просторах Азии. А дальше — Северная Америка. Аляска. ХАРП.

Книга вторая
АД УЖЕ ЗДЕСЬ

Не война делает воина благородным,
а сохраненный им мир

1
УРАЛ

Он никак не мог уснуть. Давило все. Холод от нарушенной взрывом и боем системы теплоснабжения Вавилона. Давила пульсирующая боль в висках. Мысли об отце. Мысли о пройденном этапе и о том, что Европа осталась позади. Мысли о том, сколько еще пути предстоит им дальше. Всплывающие кровавые картинки недавнего боя и шок от самого себя в том бою. Давила кромешная тьма в этом помещении и храп Сквернослова. Не давали покоя ссора с Людоедом и сама мысль об убийстве ради милосердия, которая, скорее всего, в лучшем случае была кощунственной. Мысли и образы проносились в голове, словно горящие вагоны метропоезда, который он наблюдал в своем странном видении тогда, в метрополитене Москвы.

Он думал о том, что было бы для него предпочтительнее, будь он прикованным к постели девятилетним сыном Артема-Ветра. Николай часто ловил себя на мысли о тщетности жизни. Точнее, не жизни, а существования, которое они все влачили последние два десятка лет. Но разве мало было людей, обреченных и выброшенных на обочину жизни до ядерной войны? Помнится, профессор Третьяков говорил о таких людях, тогда, ночью, на девятом посту. Перед тем как в их жизнь вторглись два теперь уже мертвых космонавта на своей чудо-машине. Он говорил об отвергнутых обществом людях — имя им легион. Которые, несмотря ни на что, цеплялись за жизнь и после ядерной войны оказались наиболее приспособленными к новым условиям, обуреваемые жаждой мести к выжившим представителям отвергнувшего их когда-то общества. Но что значит быть парализованным и обездвиженным? Это неописуемо страшно, но разве он позволил бы кому-то другому решать за него, жить ему или нет? Даже не в силах свести счеты с собственной жизнью, он вряд ли желал бы возложить право решать за него на кого-то другого. Даже на собственного отца. Но его отец и не стал бы даже задумываться о таком. Нет. Только не его отец.

«Ты, сынок, живешь в раю, и это главное», — говорил он когда-то. Да. Там, в Надеждинске, рай по сравнению с тем, что он видел всю дорогу. Даже по сравнению с шумным и наполненным жизнью до нападения вандалов Вавилоном. Нет. Он, Николай, был не прав. Даже больше чем не прав. Он теперь стал ощущать чувство стыда, которое за последние дни стал совсем забывать. И Николай поймал себя на мысли, что он испытывал сочувствие либо к уже мертвым, таким как Рана, Ульяна, безымянная проститутка-людоедка, Андрей Макаров и Юрий Алексеев, Туранчокс и его девица, вавилонский боец, выгнанный им под пули, либо вообще к неодушевленным вещам. К тому же плюшевому медведю. Но к живым он не питал столько сострадания. И казалось, мысль о том, чтобы лишить инвалида жизни, родилась лишь для того, чтобы потом жалеть уже мертвого мальчугана в полную силу. Он вдруг понял, что видит в живых не то чтобы конкурентов, но угрозу. В нем проснулся какой-то дикий инстинкт борьбы и естественного отбора... Как же прав был Людоед, когда говорил, что брать в путешествие женщину гибельно для самой миссии. Теперь это очевидно. Отношения и так в группе напряжены, хоть группа и поредела на треть. Но появись среди них женщина — это стало бы концом для всей миссии, а может, и для них для всех. Хотя провал миссии и есть конец всему. Да, в прозорливости Ильи можно не сомневаться. Да ведь он сам весьма бурно отреагировал на появление в баре лисиц-амазонок и оставил своих товарищей, чувствуя растущую в нем, как снежный ком, волну агрессии.

Как же медленно тянется время... И как же громко храпит Славик... Черт побери...

Оставалось сожалеть, что он не прихватил из лунохода записную книжку дяди Володи. Можно было скоротать время за чтением. Хотя в такой темноте...

Он уже не знал, какой по счету час всматривается в потолок этого гостиничного номера. Однако, к своему удивлению, он отметил про себя, что стал различать детали интерьера. И это в абсолютной темноте. Может, это просто мозг рисует в воображении то, что охватил взгляд, когда они вошли в комнату с керосиновой лампой? Может, он вовсе не видит, а лишь рисует проекции в сознании? Но нет. Вот на соседней койке лежит на боку Варяг. За ним Сквернослов. Койка Людоеда пустовала. Где его носит опять? Ах да... Он же вроде собирался потолковать с Ветром... Он вроде выходил... Выходил...

Дремота наконец вошла и в сознание Николая. Даже страх перед тем, что он увидит во сне всех, кого убил сегодня (или уже вчера?), не помог бодрствовать. Он провалился в сон, как тогда в подмосковном лесу провалился в подвал метеостанции. И там встретил сталкеров...

— Куда мне идти? Что делать? — Тот вавилонец, которого он обругал и, отправив воевать, кинул в объятия смерти, возник из ниоткуда.

— Что ж ты так неосторожно, — лениво пробормотал Васнецов. — От тебя живого толку больше было бы.

— А куда идти? Что делать? — повторил боец.

— Ну, теперь уже не знаю. Извини.

Вавилонец исчез. Но в темноте теперь проявлялась ровная шеренга незнакомых ему людей. Видны были только лица. Мужские и несколько женских. Разных возрастов, но с одинаково пустым взглядом. Ничего не выражающие лица мертвецов. Это убитые им вандалы? Кто-то шел за их спинами, проводя забинтованной в грязную тряпку рукой по плечам мертвых.

— Рана! — взволнованно прошептал Николай.

Она вышла вперед, держа в другой руке большую плетеную корзину.

— Рана, что это у тебя?

— Это колыбель...

— Что?

— Колыбель новой жизни, — шептала девушка. — Дай жизни шанс.

— Но ведь за этим мы и идем на Аляску, — развел руками Васнецов.

— Только не забывай о том, что вы должны сделать. Сделать... Колыбель новой жизни...

Она теперь держала корзину на вытянутых руках.

Николай осторожно приблизился к ней и заглянул в корзину. Там, накрытый белым теплым одеяльцем, лежал тот самый плюшевый мишка. Васнецов осторожно потянул одеяло на себя, и вдруг в мгновение ока корзина превратилась в сгоревший вагон и из него выскочила черная тень и бросилась прочь. Николай в ужасе отпрянул, вспомнив, как он ходил в метро и как из вагона выскочил черный обугливщийся скелет... Или ему тогда показалось, что это скелет?

— Что за чертовщина! Что это?! Рана! Рана, где ты?!

— Я тут, мой мальчик... — защипела она прямо в ухо. — Я тут...

— Это что, такой... такой жизни я должен дать шанс?

Девушка обняла его, сковав мертвецким холодом.

— Жизнь, Коленька, какой бы она ни была, лучше смерти. Жизнь — это жизнь!

— Ты о чем вообще? О сыне Артема?

— Я о жизни. Дай жизни шанс. Смерть неизбежна, но жизнь должна жить...

— Перестань! — Он вырвался из объятий. — Прекрати сейчас же! Перестань меня мучить! Я не понимаю, что ты говоришь!

Он сильно надавил ладонями на глаза, надеясь проснуться, но вдруг услышал скрип. Качели, черт их подери!

Васнецов осмотрелся. Он стоял на улице какого-то города. Точнее, среди тлеющих руин. Вокруг груды бетона и кирпича. Огрызки стен домов. Столбы черного дыма то тут, то там тянулись ввысь, к еще не затянутому вечными тучами, но уже измазанному пеплом ядерного удара небу. Всюду люди. Или обезображенные обгоревшие тела, беспорядочно лежащие в руинах и среди улиц. Многие обгоревшие до костей. Есть и живые. Их тоже немало. Одни сидят на обломках кирпича и бетона и смотрят в пустоту. Кто-то бродит в дыму и что-то ищет. Все в лохмотьях, изранены, кто-то с вытекшими глазами и выгоревшими волосами. Слышен плач. Зов. Крики боли. В центре просторного дворика скрипят погнутые от жара качели. Обгоревший, но еще живой пес. Контуженный и ошарашенный произошедшим, стоит и шатается, как пси-волк, пытающийся обратить жертву. Вся эта картина свершившегося апокалипсиса пугала так, словно он и не жил вовсе в условиях, порожденных этим самым апокалипсисом.

— Коля? Коля, это ты?

Васнецов обернулся. К нему подошел Андрей Макаров.

— Колька, ты что, тоже умер? — удивленно спросил космонавт.

— Я... — Васнецов опешил. — Нет, вроде... Не собирался, во всяком случае...

— А я вот... Да ты и сам все видел тогда... Горько погибнуть от рук родной кровинки. — Он вздохнул. — Я искал ее, искал тут. А ее нет нигде. Не могу найти. Представляешь... Я вот даже жену свою нашел... Только вот... Она меня не узнает совсем.

Смотрит мимо. В пустоту. И совсем не признает. Больно-то как. Вот живешь с болью и терпишь. Думаешь, ничего, боль преодолею. А ежели что, то у каждого из нас есть козырь в рукаве, который бьет любую боль и страдания.

— Что за козырь?

— Смерть, Коля. Для живого смерть — это еще и средство против боли. Но это пока ты жив. А после смерти боль — это страшно... Ведь после смерти небытия нет. Есть только вечность, и никуда ты от этого не денешься. Вот что такое настоящая боль. Больно, что дочку найти не могу. Больно, что жена меня не признает. Эх, ладно. Что я о себе все. Как вы там без меня? Докуда добрались?

— На Урале вроде как...

— И только? Хотя... У меня тут чувство времени... Нет, точнее, тут никакого времени. Я же говорю, вечность. А как Юрка там?

— Юра? — Николай тяжело вздохнул. — Юра погиб.

— Погиб?! — воскликнул Андрей. — Как же... А почему я его тут не встречал? Как он погиб?

— Ранен был, тяжело. Гангрена началась. Он застрелился.

— Ах вот оно что... Так он, наверное, сразу в ад попал... Самоубийца...

— Что?! Как так? Он же уже, по сути, мертв был! Только от мучений себя избавил! — разозлился Васнецов.

— Не шуми, Колька. Человек предполагает, а Господь располагает.

— Чушь! Чушь это все, понял?! И если он попал в ад, то где ты сейчас находишься?! Это что, рай?!

— А рая нет, братец, — усмехнулся космонавт.

— То есть?

— Рай мы сожгли. Это, что ты сейчас видишь, это день икс. Тот самый чертов день. Это стало нашим чистилищем. А рай мы сожгли. Во всяком случае, закидали дорожку трупами, и ходу туда человекам больше нет.

— Это все неправда. Я ведь сплю, — поморщился Николай.

— И сколько людей так думали, когда все началось? Да ладно, ты, главное, не бери в голову. Ты, главное, закончи то, что мы начали. Дойди до этой установки.

— Ага, дать жизни шанс...

— Да. Жизни... Шанс... А я вот тут не знаю, куда мне теперь идти. И что делать...

Земля под ногами завибрировала. Послышался приближающийся гул.

— Это еще что такое? Эй... Андрей!

Макаров уже уходил по руинам куда-то в дым.

— Счастливо тебе, Коля! — кричал он сквозь гул. — Мы еще увидимся! Только пусть для тебя это будет не скоро! Живи, пока жив!

Улицы разрушенного города разверзлись, как клубы дыма и пара, и сквозь туман на Васнецова мчался огромный поезд. Подобный тому, что катил на мосту в Котельниче, или из детских кошмаров, о которых перед смертью поведал Алексеев.

Николай бросился прочь, но ужас был в том, что, куда бы он ни бежал, невидимые и затерянные в дымке железнодорожные пути все равно оказывались под его ногами и поезд неумолимо мчался на него.

— Нет! Нет!!! Не-е-ет!!!

Огромная масса настигла его и слилась с ним, давя немыслимой тяжестью и свербя разум грохотом и лязгом колес.

— Черт! — Васнецов уселся на койке, растирая лицо холодными ладонями. — Черт тебя подери! — Он огляделся. Кромешная тьма комнаты... Хотя... Нет, это огромное помещение. Какие-то столы массивные... Шкафы... Колбы... Большие колбы... Вдалеке здоровенная гермодверь...

— Где я? — пробормотал он. — Что это?

— Ко-о-ля... — эхом пронесся под потолком знакомый голос.

— Кто здесь?

— Коля! Смотри, чтоб эта дверь была закрыта! Всегда! Не открывай ее!

— Что? Отец!!! Папа!!! Это ты?!

— Не открывай эту дверь!!!

— Что за дверь?!

— Коля! Коля! Да проснись же уже наконец, черт тебя дери! — Людоед еще раз тряхнул спящего Васнецова.

— А?

— Бэ! Просыпайся! Пора уходить!

— Фу... — выдохнул Васнецов и уселся на край кровати, глядя на керосиновую лампу.

— Что, опять приснилось что-то? — усмехнулся Вячеслав.

— Н-да... — Николай кивнул.

— Бабы? — Сквернослов подмигнул.

— Да иди ты к черту.

— Да лучше бы бабы, — покачал головой Варяг. — Судя по твоему выражению лица, лучше вообще ничего бы не снилось...

— Это точно, — вздохнул Васнецов.

— Так, камрады, последняя возможность, — произнес Крест, оглядев всех.

— Слушай, Илья, ну ведь уже все решили. Забыл, что Ветер сказал?

— А ты забыл, кто я есть? Вот этого Ветер совсем не учел. Он же не знает, с кем имеет дело. Я тут могу за сутки все уладить.

— Вот завелся-то! — нахмурился Яхонтов. — Ну мы ведь все решили!

— Ну, спалим этот ХАРП. А порядок навести? Так если по пути и сподручно...

— Какой, к хаосу, порядок?! А?! Может, хватит распылять свои силы и время? Далась тебе местная революция! Или жажда крови опять? — поморщился Варяг.

— Я крови насмотрелся, брат. И нахлебался — будь здоров. А справедливость?

— Наша цель — вот справедливость. Остальное — мышиная возня. Тем более мы и так сделали им большое одолжение, воевав за них. Чего, по сути, делать были не обязаны.

— Да ты погоди, яхонтовый мой. Не торопись. Я выяснил, что тутошний администратор в моем черном списке. Ну, помнишь про артель ассасинов? Это что же получается, кто был в князьях до заварухи, тот у руля и остался? Как это, справедливо? Да была бы не Россия, так черт с ними. Их проблемы. Но это все наша страна...

— Илья, Кабан сам справится. Не лезь. Я согласен с Варягом, — вставил реплику Сквернослов.

— Слушай, Ахиллес, — пробормотал Николай. — Мой отец тоже ведь в артели вашей состоял... Состоит, точнее. И когда он был тут, он отчего-то не убил администратора. Значит, и нам не стоит. Пусть сами разбираются в своей кухне.

— Три голоса против одного, — усмехнулся Варяг. — Так что, брат, собирай вещички.

— Ну вы и амебы, — хмыкнул Крест. — Ну да черт с вами. Вещички уже собраны. Прем через горы?

— А молохиты эти? — возразил Вячеслав.

— Чего, испугался баек местных? — покачал головой Илья. — Надо через горы напрямик. Во-первых, так короче...

— Конечно, через горы, — кивнул Васнецов. — Отец туда ушел.

— Коля, твой отец был моим другом, но мы сейчас не его ищем. Ты это понимаешь? — вздохнул Яхонтов.

— Не был. Есть.

В комнату вошел Ветер.

— Ну что, готовы?

— Да, Артем, выходим уже, — кивнул Людоед.

Они двинулись по расчищенным от трупов, но не освобожденным пока от завалов и обломков улочкам Вавилона к выходу. Уставшие от последних событий охранники на входе были предупреждены Ветром об уходе группы его товарищей и сидели в своей каморке.

— Ну что, Артем, спасибо тебе за все, — вздохнул Варяг, протягивая ему руку.

— Это мне-то? Ребята, вам спасибо. Очень вы Вавилону помогли.

— Ветер, — пробормотал немного сконфуженно Николай. — Ты это... Прости за мои слова. Насчет сынишки твоего.

— Да ладно, Коля. Бог простит. А я и подавно. — Он улыбнулся.

— Ты что, веришь в Бога после всего?

— После чего именно? — удивился Ветер.

— После всего, что произошло и происходит. После того, как он отнял у тебя супругу, и после болезни твоего сына.

— А в этом виноват Бог или люди? А? — Артем невесело усмехнулся.

— Но страдает невинное дитя. Он в чем виноват?

— Страдания, именно невинных, помогают людям задуматься о себе. И быть человечнее. В хорошем, конечно, смысле этого слова. Понимаешь?

— Нет, — категорично мотнул головой Васнецов.

— Ну-у... — Ветер развел руками.

— Да ладно вам, — хмыкнул Людоед. — Не знаю, как насчет Бога, но дьявол точно существует.

— Да? С чего ты взял? — Сквернослов уставился на Илью, уже, очевидно, зная ответ.

— Да я и есть Сатана! — засмеялся Людоед.

— Креста на тебе нет, — покачал головой Яхонтов.

— Хорошая шутка. Ценю. — Крест подмигнул ему и, хлопнув по плечу Артема, добавил: — Спасибо, брат, за участие. Удачи тебе и сынишке.

Они направились к двери. Замыкал процессию Васнецов.

— Коля! — окликнул его женский голос.

Он обернулся. Это была Лера. Она терла ладошкой свой кулак и с волнением смотрела на Николая.

— Коля... Вот и ты уходишь, как твой отец, — вздохнула она.

— Как ты узнала?

— Ветер сказал.

— Неосторожно с его стороны. — Васнецов бросил на Артема осуждающий взгляд.

— Коля... Коленька... Ты береги себя, ладно?

— А тебе-то что? — пробормотал Николай.

— Зачем ты так? — Она обиженно отшатнулась. — Ты мне добрее показался...

— Был бы я добрее, вы бы проиграли вашу битву за Вавилон.

— Ты что же, думаешь, мы победили только благодаря тебе? — Лера усмехнулась.

— На кону стоят все, кто остался жив. И жизни все зависят от меня. Ваш город на фоне этого лишь крохотный мазок. Так-то, деточка. — Васнецов недобро оскалился.

— Ну что ж, удачи тебе в твоей великой миссии, — с иронией сказала она и, повернувшись, пошла прочь.

— Удача нужна убогим! Я без нее справлюсь! — огрызнулся Николай и быстро направился к выходу, желая выйти из города раньше, чем искушение догнать ее и извиниться за грубость переборет его.

— Н-да, Коля, экая ты циничная скотина, — хмыкнул Людоед, почесав затылок.

— Просто ему есть у кого поучиться. — Варяг хлопнул Илью ладонью по спине, и они оба засмеялись.

— Мужики, я вас ненавижу, — беззлобно проворчал Сквернослов.

* * *

Они добрались до спрятанного в лесу лунохода быстрее, чем шли от него к Вавилону. Благо теперь надо было не идти в гору, а наоборот. Тщательный осмотр местности вокруг машины и самого лунохода показал, что все чисто и никого тут не было,

кто бы мог оставить неприятный сюрприз в виде засады или банальной мины-растяжки.

Варяг сел за руль. Рядом расположился Людоед. Николай и Вячеслав заняли пассажирский отсек. Странное и приятное чувство охватило Николая. «Я дома», — мысленно повторял он, с удовлетворением отметив, что и записная книжка его дяди, и потерянный кем-то плюшевый мишка лежат на месте. Луноход, лесом обходя Вавилон, двинулся в горы. Наконец-то они достигли Уральских гор, которые, как оказалось, прятали в себе много тайн, опасностей и, быть может, историю последних дней жизни Николая Васнецова-старшего.

— Как думаешь, Колян, отец еще жив? — тихо спросил Сквернослов.

— Верю в это, — пробормотал он в ответ.

— Странно как-то. Вроде смирились. Столько лет прошло. А тут растеребили рану. Посеяли в душе надежду. Только как нам его найти?

— А никак. С другой стороны, шансов услышать о нем ведь тоже не было. А мы услышали. Если повезет... Ну а если нет, так будем жить с мыслью, что и он жив. Во всяком случае, среди мертвых я его не видел.

— Что?

— Да так. — Васнецов отмахнулся. — Сон дурной приснился.

Луноход медленно поднимался по заснеженному склону, который становился все круче. Уже занялся отгороженный от людей тучами рассвет. Николай почувствовал, что из-за уклона машины начинает соскальзывать по сиденью к корме, и уселся у аппарели.

— Варяг! Справа! — послышался возглас Людоеда.

— Вижу, — ответил Яхонтов.

— Давай газку подбавь!

— Да не может он в горку быстрее.

Николай и Вячеслав прильнули к смотровой щели. Метрах в ста или меньше они увидели колонну людей. Их было несколько десятков. Часть на паре больших саней. Остальные эти сани тянули. Многие, видимо, были ранены. Белые маскхалаты и маски говорили красноречиво, что это вандалы. Только вид у них был сейчас не воинственный. Вся процессия представляла собой жалкое зрелище мигрирующих людей, покинувших дом из-за безвыходности своего положения. Сейчас колонна оста-

новилась, видимо услышав позади гул луноход. Они смотрели на странную машину с недоумением и, возможно, страхом. Кто-то быстро достал из саней гранатомет, но другой, положив ему ладони на оружие, упредил от опрометчивых действий. Гранатометчик опустил руки и смотрел вслед луноходу.

— Слышишь, Колян, а может, мы не за тех воевали? — тихо пробормотал Сквернослов. — Тебе сейчас так не кажется?

— Мы воевали за себя, — ответил Васнецов.

Машина перекатила за большой выступ на склоне, и растерянные вандалы пропали из виду.

— Кажется, пронесло, — пробормотал Варяг.

— Наверное, — ответил Людоед. — Как тут антенны выдвигаются?

— Зачем?

— Помнишь про радиосигнал, о котором говорил Юра? Ну, тот, что корабль их засек?

— Помню, и что?

— Он ведь отсюда, из гор шел. Так? У меня есть мыслишка. Это закрытая глонассовская частота. Обычной радиостанцией его не запеленгуешь. Я пообщался с Ветром насчет того, не ловили ли они сигналов каких случайно. Короче, обычные рации у них есть, но они далеко не бьют. Много помех в атмосфере. И не ловят они ни черта. Следовательно, сигнал не их был.

— Ну, понятно. И что дальше?

— Так вот, на случай особого периода руководством нашего тайного общества были заблаговременно сделаны схроны по всей стране. И маячки в них на особой глонассовской частоте. Я знаю, что на Урале есть такой схрон. Никому обо всех тайниках не говорили. Только тайники в зонах ответственности. Моей зоной был Северо-Западный регион. Но пока я из лодки выбрался, в Питере отвисал да в метро ошивался, разорили их коллеги мои по артели. Однако мне перед смертью один товарищ рассказал о тайнике на Урале. Тут была зона его ответственности, но он на задачи артели наплевал и в Москву подался, как все началось. Мать с отцом искал. Облучило его в метро сильно. Но он мне рассказал о тайнике. Успел. Тут плотность населения небольшая была и выживших тоже мало, по сравнению с Северо-Западом. Следовательно, и тайники уцелели. Вот это и был сигнал от тайника. Тайник где-то в этом районе. Я же говорил, помнишь? На Урале боеприпасами разжиться сможем. Мы должны были находить тайники через персональные портатив-

ные глонассовские передатчики. А связь-то спутниковая, но спутники все сразу посшибали. Только этот лунный модуль и остался. Понимаешь?

— Ты хочешь запеленговать напрямую?

— Конечно. Тут уже близко. Может, и напрямую получится. Тем более что спецсвязь этому аппарату доступна, учитывая то, что он должен был на самом деле делать на Луне. А если напрямую не получится, то, может, с кораблем свяжемся.

— Толково задумано, странно, правда, что маяк до сих пор работает, — хмыкнул Варяг. — Вот эти две кнопки.

— Так. Сейчас.

В корме зажужжали приводы выдвижных антенн.

— Ну что? — спросил Яхонтов.

— Погоди. Не так быстро.

— А что там вообще в схронах?

— Да в том-то все и дело, что я ни до одного целого схрона не добрался. Вроде в метро был еще схрон, но его не то морлоки, не то оборотни разорили. Знаю, что там экипировка, боеприпасы, оружие, приборы, медикаменты. Все для сказочной жизни, короче. Ну и функционирования в особых условиях. Слушай, давай на тот хребет заедем. Может, гора мешает. Оттуда просканируем.

* * *

Величие гор не могло не завораживать. Вершины тонули в серых тучах, которые стали еще ближе. Огромные массивы вырастали, повинуясь титаническим силам природы, и самые высокие пронзали непроницаемый свинцовый свод, выпуская свои вершины в царство солнечного света. Крохотная машина терялась в неровностях и замерзшей хвойной тайге на поверхности гор, подтверждая ничтожность человека перед могуществом природы. Но когда-то человек смог доказать, что он способен нанести сокрушительный удар всему живому... Однако сейчас величавые Уральские горы равнодушно взирали на крохотную коробочку, ползущую по склону одной из них. Эти горы простояли тут сотни миллионов лет. И для этого срока возраст человечества — лишь краткий миг. Но сейчас все могло завершиться. И для людей, и для гор, и для всей планеты.

Но они продолжали невозмутимо выситься над миром и встречать гостей в гордом безмолвии. Безмолвии?..

— Есть!!!

Николай вздрогнул и через окошко уставился на Людоеда.

— Есть сигнал!!! — кричал тот. — Соседняя гора, Варяг! Вот это удача!

Луноход помчался по склону вниз к соседней горе. Приходилось замедлять ход, поскольку заросли хвойного леса, давно растерявшего хвою, становились все гуще. Еще пару часов ушло на подъем. Они оказались на массивном скальном уступе, торчащем в сторону большой Азии. Склон с той стороны был практически свободен от растительности. Только небольшие рощи клочками торчали из снега. Но здесь густота деревьев уже не позволяла двигать дальше на машине. Найдя подходящую расщелину перед уступом, Варяг припарковал машину там, и дальше они пошли пешком. Идти пришлось еще полтораста метров, пока их не встретил запорошенный снегом и почти незаметный вход в пещеру среди скальных образований. Людоед посветил внутрь фонарем.

— Оружие приготовьте. Не забывайте про этих молохитов, — сказал он, обернувшись, и двинулся в пещеру.

* * *

Каждый следующий шаг в темноту добавлял напряжения. Тишина давила на психику, но и говорить отчего-то не хотелось. Луч света от фонаря скользил по неровным заледенелым стенкам пещеры, то и дело отбрасывая причудливые тени, каждый раз дарящие воображению странные образы страшных существ. Но все это было лишь воображением.

— А передатчик-то где? — нарушил гнетущую тишину Варяг.

— Наверное, в одном из деревьев у входа, — пожал плечами Людоед. — Обычное дело. Помню, нашли пень и ветку возле базы подлодок на севере. Они там лет пять сканировали все на полсотни миль вокруг. Да и наши молодчики года за два до всеобщего трандеца нечто подобное понатыкали и у Скапа-Флоу, и на Ян-Майене, и в Гренландии. Вроде пень. Даже грибы и мох на нем растут. А это передатчик. А тут столько деревьев, что хоть сколько их понаставь. Хрен найдешь без пеленгатора специального.

— И как он столько лет работает?

— Да с этим тоже проблем не было. Были у нас специальные жучки размером с пуговицу. Даже меньше. Автономный ресурс несколько лет. А для долговременных маяков элементы

и посерьезней делались. Хотя двадцать лет, конечно, многовато. Но черт их знает...

Фонарь потух.

— Черт, — пробормотал Крест. — Вот для фонариков ничего такого придумать не могли, бараны.

Стало совсем темно. Свет от входа сюда уже не пробивался. Насколько они углубились в недра горы, было теперь трудно понять. Кромешная тьма набросилась на них, как хищный и голодный зверь.

— Погоди, сейчас свой достану, — послышался голос Яхонтова.

Темнота, холод и страх придавали вроде знакомому голосу жутковатые оттенки. Или это так шутили стены и свод пещеры, звуки в которой метались от одного угла к другому, наматывая огромный клубок искажений.

— А у тебя жучок этот, фонарик, от жима работает?

— Да.

— Хреново.

— Почему?

— Да шумит он. Тут надо хорошенько прислушиваться. Мало ли что.

— Ты что, в молохитов этих веришь? — послышался смешок Сквернослова.

— А ты, дурак, в морлоков веришь? — ответил вопросом на вопрос Крест.

— Я их не видел.

— Так ты у блаженного спроси.

Наконец-то зажужжал фонарь Варяга, и в пещере стало хоть немного светло. Они медленно двинулись дальше. Если в самом начале, после относительно узкого входа, было довольно просторно для четырех людей, то сейчас пещера становилась все меньше и меньше. Может, с одной стороны, это и хорошо, поскольку не оставляло воображаемым чудовищам пространства для возникновения, но где в таком случае тайник, о котором говорил Людоед? Этот вопрос наконец вырвался из уст Николая, когда они дошли до тупика.

— Где тайник, Илья?

Крест озадаченно смотрел на стену перед собой и хмурился.

— Не спеши. А то успеешь, — пробормотал он и стал медленно двигаться назад.

— Так, может, тут дверь, замаскированная под породу? — предположил Сквернослов.

— Никто не будет делать скрытую дверь в самом тупике. Это слишком очевидно, и ее скорее найдут те, кто найти не должен, — ответил Людоед, рассматривая стены и пятясь назад. Варяг следовал за ним, освещая участки, на которые падал взгляд Ильи.

Николай медленно брел, равнодушно глядя в неровный пол пещеры, усыпанный кусками породы и местами покрытый многолетней наледью. Унылая картина первозданности. Тут, наверное, миллионы лет ничего не менялось и тайника никакого нет. Им уже полностью овладело чувство полного разочарования от бесплодности их визита во чрево этой горы, но тут взгляд выхватил в тени Варяга, отбрасываемой от света его фонаря, какой-то маленький предмет, своими правильными формами не вписывающийся в весь этот первозданный антураж пещеры. Николай наклонился и пощупал пальцем. В темноте трудно было разобрать, но это какой-то цилиндр, вмерзший в лед наполовину. Васнецов ковырнул пальцем, но безрезультатно. Тогда он аккуратно ткнул в предмет стволом своего автомата и легонько ударил по прикладу. Что-то звякнуло и покатилось в темноту. Николай принялся судорожно шарить ладонью по льду и нащупал предмет, но он по-прежнему был наполовину утоплен в лед... Как же так? Он ведь только что покатился... Кажется, вот сюда...

Васнецов стал шарить ладонью дальше и вдруг обнаружил, что тут не один такой вмерзший цилиндр. Он наконец нашел самый первый, и только после того, как он оказался в ладони, Николай понял на ощупь, что это гильза.

— Ты чего застрял там? — окликнул его Яхонтов.

— Посвети сюда на минутку, Варяг, — попросил Васнецов.

Свет жужжащего фонаря выхватил из мглы сначала полдюжины торчащих изо льда гильз. Очевидно, кто-то тут стрелял, и горячие гильзы растопили лед в местах своего падения, а затем холод сковал их. Все они были идентичны, и, скорее всего, их выпустили из одного оружия. Но вот калибр... Васнецов разглядывал гильзу в своей ладони и, повесив автомат на плечо, полез другой рукой в карман бушлата. Он вспомнил, что что-то подобное у него лежит там еще с Москвы. Достав ее, он понял, что они идентичны.

— Блаженный, ты что там, помет летучих мышей нашел? — Крест подошел к нему и посмотрел на предметы в руках Николая.

— Илья, тут гильзы от твоего пулемета, — пробормотал Васнецов и, уставившись на Людоеда, добавил: — Это как понимать?

Глядя на найденные Васнецовым предметы, Крест хмыкнул:

— Во-первых, не от моего, а от такого, как у меня. — Он взял гильзы в руки. — Ну да. Такие.

Затем Людоед посмотрел под ноги.

— Всего восемь штук?

— Семь, — мотнул головой Васнецов. — Одна моя. Точнее, твоя. Я в Москве прихватил, когда ты стрелял.

— Семь? Странно.

— Почему?

— Ну, если огонь вели из такого оружия, то, учитывая его скорострельность, их должно было быть хотя бы двадцать или больше.

— Да может, это другое оружие с теми же боеприпасами, — пожал плечами Варяг.

— Может, и так. — Илья кивнул. — Отметин от пуль никто не видел?

— Да нет вроде. — Яхонтов обвел лучом фонаря все вокруг. — Хотя нет. Вот сколы какие-то старые. — Он подошел к стене напротив. — Нет, это не от пуль.

— А от чего? — спросил Крест.

— Топором или киркой кто-то тут ударил несколько раз. Но очень давно.

— Слушай, Варяг, я думаю, что вот тут и есть потайная дверь. Ну-ка дай фонарь. — Людоед принялся тщательно осматривать стену возле того места, где лежали гильзы. — Ну точно!

Он дернул какой-то небольшой уступ, и тот отодвинулся, к всеобщему удивлению обнажив небольшую нишу, в которой находилась небольшая металлическая панель с ухватом для руки и восемью круглыми ручками и цифрами вокруг каждой из них.

— Кодовый замок? — спросил Варяг.

— Да. — Илья кивнул.

— А ты комбинацию знаешь?

— Разумеется. — Крест принялся набирать шифр. — Это же наш, артельский замок. Кому, как не мне, знать?

После того как он провернул последнюю, восьмую ручку, внутри камня раздался глухой щелчок. Людоед взялся за ухват и потянул на себя. Однако ничего не произошло.

— Примерзла, наверное, — произнес Варяг.

— Да, так оно и есть, — согласился Крест, доставая нож. — Ну ничего. Сейчас. Не в первый раз такие двери открываю.

Теперь, когда он стал орудовать внушительным армейским ножом по периметру, стало видно, что это средних размеров каменная плита, испещренная неровностями. Хотя это было что-то более легкое, замаскированное под камень. После получаса скалывания льда потайная дверь наконец со скрипом поддалась. Она выдвинулась чуть вперед и откинулась в сторону, обнажив прямоугольное отверстие входа, в который можно было проникнуть наклонившись. Оттуда повеяло неприятным запахом и пылью. Людоед посветил внутрь.

— Я захожу, — сказал он и двинулся в открывшееся тайное помещение.

Это была сравнительно небольшая комната с такими же неровными стенами, как и в самой пещере. Вдоль стен стояли железные шкафы с кодовыми замками. Всего десять штук. Примерно половина распахнута настежь. На полу снова гильзы. Те самые. На сей раз гораздо больше.

— Значит, стрелять начали тут и отстреливались выходя. Затем закрыли дверь, — предположил Крест.

— Да от кого отстреливались? Тут и останков никаких, — пробормотал Варяг, вглядываясь в то, что выхватывал свет фонаря.

— А ты глянь на шкафы. Как их в ту маленькую дверь протащили? Нереально, — покачал головой Людоед и снова стал шарить по стенам фонарем. — Тут должна быть еще... Точно. Вот она.

В помещении была еще одна дверь, у противоположной от входа стены. Она была железной и значительно больше первой, и на сей раз она не имела вида камня. Просто была выкрашена в цвет окружающей породы, и на нее были искусно нанесены узоры, маскирующие под неровности стен. Рядом с дверью — поворачивающийся выключатель.

— А ну. Чем черт не шутит, — усмехнулся Людоед и, подойдя к двери, повернул ручку выключателя.

К всеобщему удивлению, под потолком загорелась спрятанная в мутный плафон из толстого, защищенного стальной решеткой стекла лампа.

— Вот это да, — нахмурился Варяг. — Откуда тут электричество?

— Это уже интересно, — хмыкнул Крест. Он выключил фонарь и отдал его Варягу. — Хотел бы и сам знать откуда.

— А калитка куда ведет? — Сквернослов качнул стволом автомата в сторону второй двери.

— Сейчас узнаем. Погоди.

Илья принялся осматривать шкафы, с каждым разом хмурясь все больше и больше. Те, чьи двери казались закрытыми, были на самом деле отпертыми. И все оказались пусты.

— Твою мать. Обчистили тут все до нас. Только вот замки не взломаны. Кто-то знал коды.

Он склонился у одного из шкафчиков.

— Чего ты там нашел? — поинтересовался Варяг.

— Бинт окровавленный. Тут кто-то перевязывался. И вот. — Он показал одноразовый шприц из индивидуальной военной аптечки. — Промедолом кто-то вмазался. Тут еще окурок и карандаш химический.

Людоед достал из кармана шинели сигарету и закурил.

— Вот гады, — продолжал сокрушаться он, затягиваясь.

— Илья, тут и так дышать нечем, а ты еще смолишь, — пожаловался Вячеслав.

— Ну выйди, если дышать нечем, — зло ответил Крест.

— А что за надписи на шкафчиках? — спросил Варяг.

— Имена. Каждый шкаф персонально для определенного ассасина. Тут их артельские кликухи написаны. Вот это Одиссей, видишь? От него я узнал про этот тайник. Ну и коды соответственно. Вот Византиец. Не знал о нем, но слыхал. Он в охране «Тополей» был. Спецназ армейский. Вроде погиб в самом начале. Сталин. Не знал такого, но кликуха забавная. Росич. Якут. Ильма. Рюрик. Оборотень. Серба. Терек. Не слыхал про таких. — Он вздохнул и затянулся сигаретой, облокотившись на шкаф. — Зря только время потратили. Блин, за столько лет ни разу целый ассасинский тайник не нашел. Что за невезуха. Даже три моих именных тайника кто-то ломанул под Мурманском и под Питером.

— Да ладно сокрушаться, — махнул рукой Яхонтов. — Как-нибудь и без этого казенного добра дотянем до цели.

— Н-да, — устало кивнул Крест и еще раз посмотрел на мусор на дне шкафчика.

Он снова наклонился. Отбросил бинт и еще кусок какой-то пыльной материи и поднял старую запылившуюся тетрадь. Прошуршал страницами и кинул ее Николаю.

— На, блаженный. Тебе такие артефакты нравятся.

Васнецов поднял ее. Она не была слипшаяся, как дядина записная книжка. Наоборот. Страницы очень сухие. Исписанные химическим карандашом. Многих листов явно не хватало. В том числе и в самом начале. Не было также и обложки. Он взглянул на первый лист. То, с чего начинался текст...

* * *

«...И было время думать, и было над чем думать. Уж чего-чего, но сейчас на нехватку свободного времени грех жаловаться. Да. Мы трудимся. Выживаем. Ищем пропитание и проводим разведку нового, враждебного мира. Но есть и досуг. И наш досуг больше не занят лицезрением футбольного матча или игрой на компьютере. Мы не ходим в бары и не забавляемся рыбалкой. Не смотрим киноновинок на своем DVD за бутылкой пива. У нас теперь есть время подумать. И очень жаль, что не было времени подумать раньше. Особенно у тех, кто довел всех нас до этого края. И в эти часы раздумий я думаю именно о нем. О нас. О себе. О человеке. Странное существо человек. Вроде разумное. Как будто бы. А что на поверку оказалось? Ведь сколько книжек было написано. Сколько фильмов снято, за коими, бывало, коротали это самое свободное время. Тут вам и апокалиптические картинки будущего. Вот вам, дескать, люди. Внемлите предупреждениям. И вроде понимали все. Знали, что угрожает цивилизации. И снова спрашиваю сам себя: а как так вышло? Разве не знали мы, к чему приведут всякие эксперименты с силами природы? Разве не знали мы, что такое атомная бомба? Разве не видели мы, что делали с окружающей средой? Мы с удовольствием покупали билет в кино, отпечатанный на яркой глянцевой бумаге. И, сидя в кинотеатре, жрали попкорн в огромных картонных ведрах или чипсы из пакетиков, которые двести лет будут лежать в земле и не сгниют. А потом выходили из кинотеатра, бурно обсуждая всю актуальность этого фильма о последних днях мира, и швыряли в урну, а то и мимо нее, эти самые пакетики от чипсов, от этих сушеных соплей, называемых кальмарами. Кто считал, сколько пластика и полиэтилена мы выбрасывали? Кто считал, сколько леса ушло на всякие никому не нужные рекламные проспектики, которые нам всовывали в руки на тротуарах молодые подрабатывающие студенты в ярких майках? Мы потребляли бензин и пресную воду в непомерных количествах. Жрали, пили, курили, гадили,

жгли костры в лесу и смывали в унитаз презервативы. Сливали отработанное масло из своих легковушек прямо в канаву. Равнодушно смотрели на жирные пятна мазута в наших портах, реках, морях. Разве никто не помнил тогда слова из фильма „Через тернии к звездам", которые произнес Ракан?

„Сегодня еще шумят наши леса и смеются наши дети. Сегодня еще богаты наши недра и поют птицы. На наш век хватит, говорили мы. А вот не хватило!!!"

Я эти слова помню очень хорошо. И больно мне. Нам было мало предупреждений от самих себя. От тех из нас, кто писал об этом. Кто снимал об этом. Нам было мало зловещих предвестников апокалипсиса. Нам было мало Хиросимы. Было мало Нагасаки. Нам оказалось мало Чернобыля. Мы отмахивались от все чаще случающихся природных катастроф и от все реже выпадающего снега. Нам всего этого оказалось мало, и мы получили все сразу. Скопом!!!

Так разве можно после всего этого сказать, что это странное существо, человек, было разумным? Или самоуничтожение и разрушение собственной среды обитания и есть квинтэссенция разума?

Ведь все шло по логической цепочке. Мы угробили природу и истощили ресурсы земли. А за этим неминуема война.

Да, человек живет, как ему хочется, и получает в итоге то, что заслуживает. На наш век хватит, думали мы... А вот не хватило... Получили то, что заслужили.

И после похода в этот мифический подземный город я упрочился во мнении, что человек не странное существо, а страшное...»

* * *

— Коля, ты идешь? Уснул, что ли? — Сквернослов толкнул Николая.

— Чего? Куда? — Васнецов оторвался от чтения. Он заметил, что та, вторая дверь уже открыта и Варяг светит внутрь фонарем.

— Дальше. В глубину горы. Пошли. — Сквернослов поманил его рукой. — Потом почитаешь.

— Кто замыкающим будет, пусть свет вырубит в этой комнате, — сказал Яхонтов и шагнул в темноту. За ним Людоед.

Замыкающим был Николай. Он спрятал тетрадь за пазуху, выключил свет и медленно пошел за своими товарищами. За

второй дверью, как оказалось, скрывался длинный коридор. Они осторожно шли по нему, тщательно осматривая стены и пол. Тут не было шероховатостей и неровностей. Ровные бетонные стены и ровный пол. Под потолком тянулись кабель-трассы, прерываемые периодически плафонами, аналогичными тому, что был в разоренном тайнике. Еще у стыка стены и потолка тянулась труба, которая примерно через каждые двадцать шагов имела небольшое зарешеченное окошко.

— Видимо, вентиляция, — предположил Варяг.

— Ну да, — кивнул Людоед. — Но, судя по смраду, давно не работает.

Под ногами раздался знакомый лязг.

— Опять гильзы! — воскликнул Вячеслав.

— Такие же? — Варяг наклонился и посветил под ноги. — Да. Точно такие. Что же тут произошло?

— А ну дальше. — Людоед махнул рукой вперед. — Туда посвети.

В глубине коридора на полу и стенах виднелись темные пятна. Приблизившись, путники поняли, что это давно засохшая кровь. И пролили ее тут немало.

— Интересно, а останки куда делись? — пробормотал Варяг, разглядывая пятна. — Ну должны же были остаться хоть кости.

— Может, крысы утащили? — предположил Сквернослов.

— Зачем крысам кости?

— Ну, от голода... или... мало ли что...

— Мы ни одной норы не видели. Если крысы и могли появиться из вентиляционных отдушин, то как им подняться и опуститься по стене? Это ведь не тараканы. Да и решетки пока на всех отдушинах были.

— Занятно все это, — хмыкнул Людоед. — Хотя, может, норы дальше будут. Коридор ведь еще не кончился.

— Послушайте, может, дальше не пойдем? — сказал наконец Сквернослов. — Ну чего нам там делать? Тайник разорен до нас. Тут замочили кого-то. Так нам чего тут ловить, а?

— Тихо, матерщинник, не очкуй, — ответил Крест. — Мы тут не задержимся. Но раз пришли, надо осмотреться. Мало ли что найдем. Пошли...

Еще полсотни шагов закончились очередной дверью. Идентичной второй.

— Опять двадцать пять, — проворчал Варяг.

— Тут тоже выключатель.

Людоед подошел к двери и повернул «флажок». В длинной веренице плафонов загорелись три. Пусть света совсем немного, но все-таки больше, чем от карманного фонаря, который надо было постоянно сжимать.

— Да откуда тут электричество? — озадаченно воскликнул Яхонтов.

— Оттуда же, откуда и там, в схроне, я думаю, — ответил Крест.

— Ну ладно. А там откуда?

— Помнишь, что там про секретный комплекс и ядерный реактор говорил Ветер? Может, все это правда?

— Ядерный реактор? — усмехнулся Варяг. — А градирни? А воду откуда для охлаждения брать? А цикл какой у него на одной заправке? Туда уран запихивать надо каждые полтора-два года. Разве нет?

— Слушай, чего ты ко мне пристал? Я откуда знаю? На лодках нет никаких градирен, зато по два реактора стоят. И еще лет шестьдесят назад проектировали танк с ядерной силовой установкой.

— Ну, допустим. И самолет экспериментальный испытывали. Но заправка-то?

— Да вы еще подеритесь, — буркнул Николай. — Откройте дверь и идите дальше. Может, там и ответ найдете.

За очередной дверью оказался огромный зал. У входа стояли колесные тележки как раз таких размеров, чтобы на них можно было что-то транспортировать по коридору, который они только что миновали. Вдоль стен зала стояли какие-то кабинки и контейнеры. В центре пара десятков массивных железных столов в два ряда. На всех столах, смонтированные на кронштейнах, какие-то агрегаты. Микроскопы. Много вращающихся кресел. Всюду разбросаны листы бумаги, белые халаты. Разбитые колбы. Стреляные гильзы. Несколько пустых рожков от автомата. Все это постепенно выхватывал тусклый свет фонаря, пока они не отыскали очередной выключатель. На потолке загорелось две лампы дневного света. Их было явно недостаточно для такого большого помещения, но остальные лампы, видимо, давно вышли из строя. Еще одна постоянно и назойливо моргала, пытаясь включиться. Путники осмотрелись.

— Ничего себе мы местечко нашли, — пробормотал Крест. — А тут достаточно тепло. Тут и жить можно очень долго. Электричество в наличии. Что тут было?

— И чем все это закончилось, вот еще вопрос, — кивнул Варяг и подошел к одному из столов. — Посмотри. Кровь.

На столе действительно было большое бурое пятно засохшей крови. На полу тоже. Видимо, она капала туда, растекаясь по керамической плитке.

— Точно, кровь, — нахмурился Людоед. — И на тех двух столах тоже. Зато никаких останков и тут нет. Хлама много, но никакой органики.

Он прошел вдоль столов и поднял с пола разбитые очки. Посмотрел на них и положил на стол.

— Чертовщина какая-то.

— Мужики, гляньте! — крикнул Сквернослов.

Он указал на дальнюю стену. Там была массивная гермодверь примерно три на четыре метра, состоящая из двух створок, на одной из которых была большая круглая ручка вроде штурвала. Самым примечательным было то, что дверь забаррикадирована сваленными возле нее столами и шкафами.

— Может, это место и есть тот самый Аркаим-тринадцать? — предположил Крест.

— И мы так легко его нашли? — скептически покачал головой Яхонтов.

— Легко? — Людоед усмехнулся и сел на один из стульев. — Думаешь, легко найти это место, не зная о маячке и не поймав его сигнал? Черта с два, вот что я тебе скажу. — Он снова осмотрелся. — Нет, тут явно какая-то лаборатория. И очевидно, что это не единственное помещение. Коля, ну-ка дай эту тетрадь. Может, там что написано об этом месте?

Николай нехотя достал из-за пазухи находку и протянул ее Илье. Тот принялся быстро ее просматривать и хмуриться.

— Черт, да тут больше половины страниц отсутствует. А ну... Вот что-то... «В шестом блоке мы нашли легендарную Чандарскую карту. Я, если честно, думал, что все это выдумки. Но она существует...» Что за карта? «Кыштымский карлик находится на объекте „Колыбель“...» Какой еще карлик? Абракадабра какая-то... «Боевой костюм, что был в тайнике, пришелся мне впору. Теперь я понимаю, зачем вербовщик затребовал тогда размеры одежды, во́рота, маски противогаза и обуви. Даже талию и ширину плеч. Непросто им было сделать такой костюм для такого великана, как я...»

— Что ты сказал? — Николай вдруг уставился на Людоеда.

— Чего? Костюм для... для великана... — Крест вдруг и сам опешил и уставился на строки дневника.

— Ну-ка дай сюда!

Варяг выхватил тетрадь и, подойдя под светящуюся лампу, стал пристально смотреть на текст.

— Твою мать! — воскликнул наконец он.

— Мужики, вы чего? — непонимающим тоном спросил Вячеслав.

— Коля, ты почерк отца помнишь? — спросил Варяг у Васнецова.

— Нет... вообще-то... а что?

— Да это же его почерк! Это его дневник, черт побери!

— Ты уверен?! — Васнецов вырвал тетрадь из рук Яхонтова. — Ты точно уверен?!

— Да конечно! Мы столько лет с ним знакомы были! Да и химический карандаш! Все искатели в Надеждинске химическими карандашами для записей пользуются! Он же безотказный в таких условиях. Не мерзнет, как шариковая или гелевая ручка! И грифель не крошится, как у обычного карандаша!

* * *

«...однако нам пришлось уходить в спешном порядке. Конечно, никто не ожидал того, что выкинул этот свихнувшийся профессор Лодзинский. В этой ситуации костюм, конечно, хорошо. Однако костюм всего один. И Дима совсем плох. Ранение тяжелое. Его нужно доставить в ближайшее поселение, способное оказать ему помощь. Мы отходили с боем. Молохи не просто дикие животные. Это нечто большее в плане разумности. Они пользовались укрытиями, и кто-то из них даже стрелял по нам. Хотя не исключено, что это был профессор. Только дойдя до тайника, я понял, что мы забыли тот письменный материал, что я собрал в лабораториях и в архиве. Большая кипа отобранных мною бумаг осталась в первом зале, в картонной коробке под одним из столов. Тот, кто прочтет эти строки, должен добыть их. Это очень важно для понимания того, что сейчас происходит всюду. И для понимания природы многих биологических аномалий, с которыми мы все чаще сталкиваемся. Дело не только в ядерной войне. Это было бы слишком просто. Да и нереально. Тут целый комплекс рукотворных факторов. Но помните, что там эти твари. И они, кстати, тоже загадка, на которую можно найти ответы в тех бумагах. Я, конечно, закрыл

дверь и забаррикадировал ее, и лишь несколько из них затаились в первом зале и потом преследовали нас. Но они, должно быть, уже мертвы. Тот шквал огня, который я посылал на них из обнаруженного в тайнике ручного шестиствольника, не мог оставить им шансов. Однако у меня нет времени возвращаться за бумагами. Дима очень плох. А потом я должен отправиться в Москву. С таким костюмом и оружием я могу рассчитывать на успех задуманного. Я знаю, что где-то там, в московском метрополитене, бункер, где служил мой брат Володя. Я не знаю, насколько велики шансы найти его, но этого я не узнаю никогда, если не попытаюсь. А если не попытаюсь, то буду жалеть всю оставшуюся жизнь. Я должен его найти. Он мой брат. А старые обиды остались в прошлой жизни...»

* * *

...Прямо на него медленными шагами шло какое-то существо, показавшееся настоящим монстром. Но только на первый взгляд. Все-таки было похоже, что это человек. Но сейчас он выглядел великаном. Огромного роста, облаченный в странные черные доспехи, покрытые рельефом и мерцанием стальных пластин. Голова была заточена в капюшон и черную маску с двумя большими, шипящими от дыхания фильтрами под скулами и парой больших круглых выпуклых глаз черного матового стекла. Какой-то сложный механизм, приделанный к могучему торсу, поддерживал огромный шестиствольный пулемет, направленный в сторону шевелящихся и преследующих Николая тварей. Из большого ранца с твердым каркасом на спине у великана к пулемету тянулась лента блестящих, словно начищенных войлоком, патронов большого калибра.

Великан ничего не говорил. Только шипели и урчали его фильтры. Яркая вспышка осветила адскую станцию дьявольского метрополитена, и грохот выстрелов, перемешанный с жужжанием и свистом от вращения стволов, привел Васнецова в чувство. ОНО стреляло не в него. Лавина пуль, подобно урагану, обрушилась на тварей, разрывая их на части и перемалывая в кровавый фарш.

Васнецов спрыгнул с перрона на пути и бросился прочь, в ту сторону, откуда пришел. Мимо сожженного состава. Прочь! На поверхность!!! Мимо промелькнула белеющая надпись «АД УЖЕ ЗДЕСЬ!». Значит, можно выбраться из этого проклятого, заколдованного места! Скорее! Прочь! На поверхность! Вон из метро!

Еще долго его догоняли разносящиеся эхом выстрелы пулемета, пока впереди не замаячила чернеющая дыра, за которой была ночная, скованная холодом Москва...

Так это был... ОТЕЦ?! Николай выронил тетрадь и схватился за голову.

— Господи! Я был в полуметре от него! И я не знал, что это мой отец! ОБОРОТЕНЬ!!!

Васнецов бросился к выходу, снося на своем пути стулья.

— Держите его!!! — заорал Людоед, вскакивая со своего места.

Ближе всех оказался Сквернослов. Он кинулся Николаю наперерез и сбил его с ног, но тут же получил удар локтем в голову.

— Уйди, тварь!!! — рычал Васнецов и полз к двери.

— Да ты совсем рехнулся!

Славик снова навалился на него и тут же заорал, так как Васнецов вцепился ему зубами в ладонь.

Наконец обезумевшего Николая настиг Варяг. Он попытался схватить его, но Васнецов увернулся и, схватив стул, ударил им Яхонтова по голове. Варяг отпрянул, тряся головой и убирая ладонью копну соломенных волос от глаз.

— Ну, щегол... мать твою... я аж звезды увидел... сука, контуженного по голове бить... баран... — бормотал он, шатаясь.

Васнецов поднял свой автомат и щелкнул затвором.

— Мне нужен луноход! Мне нужно в Москву! В метро! Мне нужно туда!

— Конечно, — услышал он в ответ голос, который не просто доносился до его ушей, но и пронзал все тело, разносясь волнами волнующего озноба. — Конечно тебе надо туда. Ты раскрыл секрет истребителя морлоков... Нашего злейшего врага... С твоей помощью мы одолеем его... С твоей помощью он станет уязвим...

— Что? — Николай стал в недоумении озираться, глядя на то, как все вокруг расплывается. — Что это значит? Кто это говорит?

— Я! — Перед ним стоял Людоед. Он улыбался и пристально смотрел черными глазами, казалось, прямо в душу.

— Что? — снова пробормотал Васнецов.

— Мы вернемся в Москву. В метро. Только опусти оружие. Оно тебе не нужно.

Николай послушно опустил автомат и почувствовал какой-то дурман в сознании. Ноги стали ватными, и захотелось улыбаться. Однако Людоед ударил его кулаком в лоб, и Васнецов потерял сознание.

— Ловко, — простонал Варяг, все еще держась за голову. — Как ты его так?

— Да есть такие способности с некоторых пор.

Крест медленно стал оседать на пол и, нащупав рукой стул, уселся на него.

— Чего это с тобой?

— Это много сил отнимает сразу... Сейчас передохну и приду в норму, — устало и сонно проговорил Илья.

— А что с Николаем будет?

— Все нормально будет. Придет в себя человеком. Бывает такое... Отец все-таки...

Людоед уснул.

— Н-да, Славик, ох и повезло нам с тобой с попутчиками, — усмехнулся и поморщился одновременно Варяг.

— Долбаные морлоки, — сплюнул Сквернослов.

2
ЭХО БЫЛОГО

— Н-да, интересное чтиво. Особенно на ночь, — усмехнулся Дмитрий Ермаков, широкоплечий невысокий крепыш с наголо бритой головой, что было очень неактуально в последнее десятилетие постоянной зимы. — Вот послушай, майор. Читаю... Mesenchytraeus solifugus, блин, да язык сломаешь ко всем чертям. И кто-то эту латынь наизусть учил? Короче, ледяные черви. Считались ненаучными до начала тысяча девятьсот девяностых годов с точки зрения биологии. Пока не были открыты в ледниках Аляски. Также обнаружена колония на дне Мексиканского залива. В местах наиболее низких температур. Оптимальные температурные условия жизни — ноль градусов. При замерзании черви впадают в анабиоз и способны находиться в нем годами. Послушайте, профессор, неужели такие черви существуют?

— Конечно. — Сидящий, как и его вооруженные спутники, на полу столовой профессор Глеб Лодзинский протер очки и, надев их, посмотрел на Ермакова. — Конечно существуют. Вы же читаете. Ведь существуют организмы, которые живут в ки-

пящей, пропитанной сернистыми испарениями воде у жерл подводных вулканов. Так почему не могут существовать такие черви? Они из семейства энтихреид. Правда, вам это мало что скажет, конечно. Мы их изучали тут. Проводили эксперименты.

— А смысл?

— Ну как же, — вздохнул Лодзинский. — Это ведь научное открытие. Тут перспективы. Например, исследование возможности глубокой заморозки клеток без нанесения им необратимого ущерба. НАСА сразу обратило внимание на это. Это ведь перспектива для дальних космических перелетов. Заморозили астронавта и отправили куда-то, куда лететь много лет. А он не стареет. Мы тоже поначалу ухватились за эти исследования. Потом открылись новые возможности. Например, использовать этих червей в военных целях в областях с низкими температурами — на Аляске, в арктической тундре, в Гренландии, в Антарктиде.

— И что может сделать полусантиметровый червячок? — засмеялся Дмитрий.

— А есть особый гормон принудительного роста. Вообще, давно известны онкологические функции гормонов и их влияние на рост и трансформацию клеток. В том числе и на их мутацию. Мы исследовали рак. Да-да. Самый настоящий рак. Болезнь, а не то, что вы с пивом любите.

— Насколько я понимаю, вас тут заботило не лечение рака? — Прочищающий шомполом ствол своего автомата майор Николай Васнецов взглянул на профессора.

— Ну что вы. Рак можно вылечить. Рейгана ведь вылечили, — усмехнулся Лодзинский.

— А сколько умерло?

— Не повезло, — цинично заметил профессор. — Однако вы совершенно правильно подметили. Нас другой аспект интересовал. Рак — это, по сути, ураганное деление клеток. Мы хотели замахнуться не на лечение. Мы предполагали, что это дарованная человеку, но непонятая им возможность к регенерации. Да-да, такой вот нетривиальный подход к этой страшной болезни мы избрали. Что, если возможно обуздать этот губительный механизм и сделать его управляемым? Наряду с клонной трансплантологией можно было бы вырастить у человека утраченный по какой-либо причине орган. Даже целую ногу! Можете представить?

— Вы бы лучше мозги себе вырастили, — поморщившись, пробормотал Ермаков. — Черви тут эти при чем?

— О, это просто подарок свыше. Мы проводили опыты обычно на лабораторных мышках. Они быстро плодятся, и легко за относительно короткий промежуток времени проследить наследственность. Воздействие эксперимента на следующее поколение. Но тут эти червячки. Мы за то же время, что и с мышами, могли проследить гораздо больше поколений. И при этом еще и уникальные физиологические возможности червей в плане их выносливости и живучести. Уже в пятом поколении мы получили метрового червя! И он был устойчив к более низким температурам, чем первичный образец. При помощи таких червей, но еще больших размеров, предполагалось проводить разминирование. Скрытые атаки на патрули и посты, естественно в заснеженных районах. А четырехметровый червь, двигаясь в глубоком снегу, мог оставлять ходы для скрытного продвижения под снегом диверсионных групп. Уже были подготовлены испытания на Новой Земле метровых экземпляров. Погрузили их на самолет. Отправили в наш филиал в Подмосковье, но... детки Ферми и Оппенгеймера внесли существенные коррективы во все наши планы. — Профессор усмехнулся.

— Кто внесли? — непонимающе поморщился Ермаков.

— Ядерные ракеты, — тихо сказал ему Васнецов.

— Как это все у вас, у ученых яйцеголовых, лирично и трогательно. Детки. Атомная бомба... деточка... Сынуля, дочурка... Отцы атомной бомбы, папочки водородной. И червячки ваши эти, тоже детки? Да? Что за сюрпризы вы еще приготовили нам, простым смертным? А? Какие еще ваши дети и внуки нас поджидают в этом мире? — Ермаков злился.

Лодзинский снял очки и, наклонившись ближе к Дмитрию, злорадно прошипел:

— Ты себе даже не представляешь, мент!

Ермаков схватил его за ворот тулупа.

— Я краповый берет, придурок ты чокнутый!

— Дим, пусти его. Не надо. — Васнецов одернул товарища. — У него же опять это. — Он покрутил растопыренной пятерней у виска. — Эй, профессор. Что там с центрифугой?

Лодзинский облокотился на стол, у которого сидел, и взглянул на часы.

— Еще часа два ей крутиться. А что?

— Мне кажется, у вас приступ опять начинается.

— Брось, майор. Потерплю пару часов. Два года ведь както без лекарства этого обходился. Тяжко бывало, конечно, но кому сейчас легко?

— Нет, Коля, ты только подумай. Они, вместо того чтобы лечить людей от рака, делали из него оружие, — хмурился Дмитрий. — А что еще? Может, и из СПИДа что-то смастерили? А? Ну давай, профессор, поведай.

— А нет никакого СПИДа, — ухмыльнулся Лодзинский. — СПИД — это проблемы с иммунитетом. От наркомании, бесконтрольного прелюбодейства и, простите, задолюбства. Откуда все это пошло, вы вспомните? Есть комплексная проблема, а не один мифический и неизлечимый вирус. Но кому-то надо было напугать весь белый свет конкретной болезнью. Эдакой чумой нового времени. И знаете зачем? Бизнес! Чистый бизнес! Вы знаете, сколько сделали производители презервативов на рекламе своей продукции? Сотни миллиардов! И это при том, что поры латекса в тридцать, а то и в пятьдесят раз больше самого вируса! То есть просочиться через поры латекса ему легче, чем Чкалову пролететь под мостом! — Профессор засмеялся. — Но главное не в этом, а в том, что люди со страху покупали резинки пачками. Вот где собачка-то зарыта! А самым эффективным лекарством от этой болезни могло быть только нравственное общество! Где мораль — это не то, о чем с экрана теледилдо могла учить общество какая-то псевдообразованная тварь. Это нечто большее. Тысячелетний опыт знаний и воспитания духовности. Это не только мораль человека, но и следование, например, врачом данной им клятве Гиппократа, а не халатность, способная заразить или убить. Но в безнравственном обществе даже мифическая болезнь грозила обернуться пандемией! Но! Все оказалось проще. Содом сожгли. И поделом. — Лодзинский улыбнулся.

— Вы говорите как проповедник, — хмыкнул Васнецов. — И это человек науки. Нелогично. Или в вас говорит болезнь?

— Да бросьте вы, майор! — разозлился профессор. — Болезнь! — презрительно фыркнул он. — Я в здравом уме, да будет вам известно. Но что есть наука? Официальная наука — для непосвященных! Но мы, засекреченные, лучшие умы человечества, по всему миру, каждый во благо своего режима, соприкасались с такими тайнами бытия, которые тысячу раз противоречили той науке, которую вам скармливали с пеленок! Мы — прогресс! Мы — знания! А вы, все остальные, лишь потребители! Мы даем вам понемногу то, что считаем нужным!

— Да-да. — Майор покачал головой. — Мы потребители. Мы потребляли электричество от атомных станций, после того

как вы смогли сделать рукотворный ад возможным. Мы потребляли морфий, придуманный вами как обезболивающее, а когда стало ясно, что он вызывает привыкание, то вы придумали лекарство от привыкания к морфию. И лекарство это называется...

— Героин! — закончил за него Лодзинский. — Совершенно верно. Мы ставили опыты над вами десятилетиями. Скидывали обществу диковинную новинку, а общество потребляло его с жадностью, даже не подозревая, что они все есть наши любимые лабораторные мышки. Черт возьми! Да по всему миру целые районы стерилизовывали, скармливая глупому плебсу генно-модифицированные продукты!

— За что вы так людей ненавидите? — спросил Ермаков.

— Людей? — Профессор закинул голову и уставился в потолок. — Людей... — задумчиво пробормотал он. — Я родился очень болезненным ребенком. Еле выжил. Но часто жалел об этом. С самого детства. Со школы. В школе меня обижали. Дразнили дохляком. И еще по-всякому. Друзей не было. Весь в учебу сублимировался от боли и одиночества. Вырос. К армии оказался негодным. Девушки на меня не смотрели. Это ведь в советские времена было. Если ты негоден по здоровью, то служить не будешь. А девушки считали тех, кто не служил, ущербными. Но тем не менее в институте нашел свою половину. Любил ее. Души не чаял. Поженились... Потом перестройка, потом свобода, — с иронией вымолвил он. — Что значит — хаос. Мы, люди науки, оказались не у дел. Развал во всем. А я ведь знал близко таких талантливых ученых-самородков. У нас в России могли быть свои мобильные телефоны. Свои компьютеры на субмикронных чипах. Дисковые летательные аппараты. Столько умов! Столько идей! Но все оказались ненужными обществу и власти. Многие разъехались в страны западного рая. А я вот остался. Идеалистом был. Верил во что-то. Катался по стране на последние крохи со своими изобретениями и идеями по всяким НИИ. Но они отмахивались от меня. Куда там с твоими идеями, приятель, сами не знаем, как прокормиться, на рынке сторожами подрабатываем. И, вернувшись однажды из одной такой поездки, я узнаю, что мою... мою любимую жену сбил автомобиль. Так называемый новоявленный хозяин жизни, пьяный до того, что стоять на ногах не мог, вел свой «шестисотый» на полной скорости. И сбил ее не на проезжей части, а на остановке троллейбуса. Средь бела дня. Как потом мне расска-

зали, он еще вышел и орал на нее, лежащую в крови. Ходит тут всякое быдло. Реальным пацанам проехать негде. Фару, дескать, из-за нее разбил. Милиция связываться даже не стала. Уж очень крут был этот выродок. Люди вокруг не спешили на помощь умирающей женщине. Подумаешь. Кто она им? А тут этот еще, на своей тачке. «Скорая» приехала через полтора часа. Стояла в пробке половину времени из-за того, что должен был проехать кортеж высокого чиновника. Умерла по дороге в больницу. Да ее и спасать никто не собирался. Нет человека, нет проблем. Горе страшное. Но осталась отрада. Дети. Сын и дочь. Да вот только... Когда вся страна во главе с самым главным «рассеянином», панимашь, жрала водку под новогоднюю елочку и тупо пялилась на этих обезьян, визжащих какие-то там песни о главном, мой сын оказался в адском котле вместе со всей печально известной Майкопской бригадой. Славный Новый год выдался... Те, кто выжил, прятались в каком-то подвале и отстреливались как могли. Пытались связаться со своими. С командованием. Хоть какую-нибудь помощь запросить. Но свои молчали. То ли от пьяного угара еще не отошли. То ли ужаснулись тому, что натворили, и оттого молчали, но на связь вышел кое-кто другой. Плешивый вонючий депутатишка, нацепивший на себя непорочную сутану правозащитника. Вышел на связь из цитадели боевиков на частоте наших парнишек, покинутых всеми. И сказал им: за что вы, мальчики, воюете тут? Вы же не за родину воюете, вы уже столько мирных жителей погубили! Не марайтесь в крови, в которой вас изваляло ваше правительство. Сдавайтесь. И я гарантирую, что завтра вы поедете домой. Не в казарму, а именно домой! Я гарантирую вам жизнь! И ребятки стали сдаваться. Они ведь не понимали, зачем там воюют... И потом, в плену, их насиловали. Резали им уши. Многих обезглавили. Я ведь... — Он сильно сжал веки. — Я ведь только голову своего сына смог похоронить. И то она провалялась в рефрижераторе под Ростовом четыре года среди сотен останков других безымянных сынов. Но пришло время, и рефрижераторы надо было освободить для останков новой войны. Дочка моя вышла замуж. Внучку мне подарила. Но уж так распорядилось ее сердце, что полюбила она... в мужья выбрала так называемое лицо кавказской национальности. Даже ссора у меня была с ней. Для меня ведь различий не было после того Нового года. Для меня они все были зверьми, что резали голову моему сыну. Конечно, я не прав был. А потом... Шли они вече-

ром из театра под руку. А навстречу полтора десятка отморозков, которые мнили себя поборниками расовой чистоты и защитниками Родины, а сами даже в армии не служили, потому как боялись ее как черт ладана, но зато чувствовали себя героями, напав толпой на беззащитную супружескую пару. И внучка моя осиротела. И я. Забили до смерти мою дочь и ее мужа железными прутьями. Но и этого оказалось мало. За пару лет до всеобщего конца похитили мою усладу, когда она шла из школы. Похитили последователи какого-то сатанинского культа, которым непременно надо было принести в жертву кровь невинного ребенка. Их так и не поймали. А тело девочки нашли через полгода только, в колодце заброшенном... Так ты спросил, почему я так ненавижу людей? — Профессор посмотрел на офицеров глазами, полными слез, вскочил и закричал: — Да потому что вы даже после ядерной войны умудрились не издохнуть все! Вы же как тараканы живучие! Как крысы! Никаких средств нет против вас?! Да нет, черт подери, есть!!!

— Ну вот, началось, — вздохнул Ермаков, повесив голову.

Васнецов поднялся, нависая над Лодзинским своим исполинским ростом. Он с сочувствием посмотрел в глаза профессору и деликатно, но не оставляя никакого выбора, положил ему свои ладони на плечи.

— Я очень прошу, чтоб вы взяли себя в руки. Скоро лекарство готово будет. Потерпите...

— Я... я в порядке, Николай... Я в порядке... — часто закивал он, и глаза его забегали. — Знаешь, я ведь смог воплотить свои детские мечты. Почти... В детстве я мечтал быть сильным и выносливым. Я мечтал быть сверхчеловеком. Конечно, я им не стал. Но я смог этой мечте все-таки дать телесное воплощение! Здесь, в этой цитадели науки и колыбели новой жизни, я смог создать сверхсущество... Целую расу сверхсуществ! И они получат вложенные в свой новорожденный разум все знания человечества и через пару десятков лет унаследуют планету, которой люди оказались недостойны!

Профессор расхохотался и опустился на пол. У него началась истерика...

* * *

— Помидор с геном скорпиона? За каким хреном в помидор вживлять ген скорпиона? — недоумевающим тоном спросил Сквернослов.

— Да я почем знаю. Но тут вот. Пожалуйста. Трансгенный продукт.

Людоед отложил очередной лист из большой стопки в маленькую, куда складывал уже просмотренные бумаги из той кипы, что была сложена в коробке под одним из столов. Именно за этим столом они втроем и сидели. На соседнем, укрытый Людоедовой черной шинелью, лежал Васнецов.

— Глянь, дебошир очнулся, — проворчал Варяг, посмотрев в его сторону.

— Эй, блаженный, ты как? — спросил Крест.

Николай медленно поднялся и уселся на столе. Огляделся.

— Что со мной было? — пробормотал он, еле разжав слипшиеся губы.

— Приход очередной поймал, — усмехнулся Людоед, покрутив пальцами кончик уса. — Хотел нас всех тут уконтропупить, забрать луноход и махнуть в Москву, в метро.

— Это я помню, — мотнул гудящей головой Васнецов.

— Да? А ты помнишь, что дядю Варяга отоварил баночкой по башке?

— Чем отоварил?

— Ну, стулом. По-флотски это называется «баночка».

— Мы что, в море? — проворчал Николай.

Сквернослов хлопнул Людоеда ладонью по плечу.

— Один-ноль, Ильюха. Он тебя сделал. Ну-ка врежь ему еще раз в отместку.

— Да ладно тебе, Славик, глумиться. Грешно над юродивыми-то, — хмыкнул Яхонтов.

— Ты со мной что сделал, я не пойму? — продолжал кряхтеть и ворчать Николай.

— Ну, прописал тебе нормального такого армейского «лося» в лоб. Вижу, помогло. — Крест подмигнул.

— Что еще... Это был гипноз?

— Типа того. Понравилось? Еще фокус какой выкинешь, я так наколдую, что в штаны ссаться будешь во сне.

— Что ты говорил про врага морлоков? А?

— Ты ведь в метро хотел. К папке. Если оборотень это он, конечно. Только вот морлоки эти никого и ничего не боятся. Даже пси-волки их боятся, а морлоки волков — нет. Но вот оборотень вселяет в них ужас. И истребляет систематически. А тут такой им подарок. Ты же недоморлоченый морлок, а ну как омразеешь?

— Ну, сказанул так сказанул, — хмыкнул Варяг, потирая лоб.

— Ну? — продолжал Людоед. — Он же вообще неуязвимый, как ломом подпоясанный. А тут появится его сын в метро. И все. Морлоки тебя в оборот возьмут и одолеют его, потому как ты его ахиллесова пята. Сечешь?

— Н-да... — вздохнул Николай. — Понимаю.

— Ну вот и молодец. И еще не забывай, что твоя встреча с отцом не будет иметь никакого значения, если ХАРП сделает свое черное дело. Главного не забывай. Да и не факт ведь, что он твой отец.

— Это почему? — нахмурился Васнецов.

— Я через несколько лет после ядрены в метро оказался. А уже тогда там легенды ходили про какого-то амбала в скафандре, который замесы учинял в подземелье. А отец твой семь лет тому назад ушел. Верно? Конечно, амбала того я не встречал, да и вообще мало кто видел. Он вроде если и был, то исчез в начале. Но легенды ходили. А потом, некоторое время назад, появился оборотень. Один в один подходил под описание. И я с ним столкнулся. Я рассказывал, если ты помнишь. Неувязочка, Коля.

— Это мой отец, — упрямо проговорил Васнецов.

— А как он был в самом начале?

— В самом начале не он был, — мотнул головой Николай.

— А кто тогда?

— Мой дядя. Владимир. Чей дневник сталкеры из «Субботнего вечера» принесли. Он ушел из бункера в метро. Может, погиб потом. А отец мстит морлокам за него...

— Логично. — Яхонтов кивнул и погладил бороду.

— А костюм? — развел руками Крест.

— Костюм этот из ассасинского тайника. Ты же сам говорил, что ни одного тайника целым не находил. Ты ведь не знаешь, что там именно. Понятно, амуниция. Но какая? — Васнецов пристально посмотрел Людоеду в глаза.

Тот хмыкнул и снова покрутил пальцами кончик уса.

— Н-да. Толково глаголешь. Что-то чуешь или простые думки?

— Нет... Не простые. Я чувствую. Объяснить не могу. Вот сейчас видение было. — Он слез со стола и прошелся по помещению. Осмотрелся внимательно. — Тут светлее было. И вот там, у того стола, на полу, сидели трое. Отец, краповый берет Ермаков и сумасшедший этот, Лодзинский. Про них ведь Ветер

рассказал, что они с отцом ушли. Они разговаривали. Перебирали вот эти самые бумаги, что сейчас читаешь. Да... Точно... тут они сидели.

— Ну, мало ли что приснится, — махнул рукой Сквернослов. — У тебя же это постоянно.

— Нет. Не сон это. Это как-то... Ну не могу объяснить толком... Как эхо прошлого...

— Уверен? — Людоед встал со стула и подошел к Николаю.

— Уверен. Абсолютно.

— Ну, знаешь, много всяких чудных я повидал, и обработанных генератором чудес, и пси-волками, и морлоками, но ты просто уникум какой-то.

— Это ты на него дурно влияешь, — послышался смешок Варяга.

Крест взял стул и поставил на указанное Васнецовым место.

— Ну-ка садись. Давай.

Николай сел, не понимая, что тот от него хочет.

— Давай, — кивнул Крест.

— Чего давать?

— Ну, видения свои увидь. Эхо былого услышь.

— И как я это сделаю?

— Без «лося» не получится, Илья, пробей ему еще раз в лоб! — снова ехидно захихикал Яхонтов.

— Варяг, может, хватит уже?! — Николай вскочил со стула и сжал кулаки.

Вдруг в глазах, наверное, оттого, что резко встал, пошли круги и стало совсем темно.

— Ты с кем говоришь? — послышался шепот Людоеда.

— Что? — пробормотал Николай, тряся головой. Он снова осмотрелся, но Варяг и Вячеслав исчезли.

— Ты с кем говоришь? — Людоед уже не шептал, а как-то шипел. — Тут нет никого. Разве что только твой отец, еще его товарищ из краповых беретов и профессор Лодзинский. Они где-то тут. Надо поискать, да?

* * *

— Вот, Коля, еще интересное. Они тут нейрочипы разрабатывали. Допустим, у человека поврежден позвоночник. Ходить не может, так как команда через спинной мозг из головного не проходит. Они, короче, делают такую штуку... Помнишь, рань-

ше в телефонах было такое? Телефон в кармане, а на ухе наушник и никаких проводов... Как это?..

— Блютуз, — ответил майор.

— Точно! Блютуз! Короче, вживляют нейрочип в шейный отдел спинного мозга. Другой — в отдел ниже поврежденного участка. И команда из мозга подается посредством чипов, как по блютузу, минуя травмированный участок. Представляешь? Паралитик может ходить и писает сам, а не под себя. Тут написано, что на Западе это средство даже прошло успешное испытание. Наши что-то там сперли. То ли технологию чипа, то ли программное что-то. Но опыт на животных удался. А на Западе на добровольцах из числа людей-инвалидов провели. Тоже успешно.

— Интересно, — хмыкнул Васнецов-старший. — Даже не то интересно, до чего они додумались, а то, какие цели преследовали. Хотели людям помочь? Или исследовали перспективный потенциал для создания киборгов?

— Ну, это уже совсем фантастика.

— А черви, про которых ты читал? А волновая генетика? Фантастика? Мы и знать ничего не знаем, а эксперименты по волновой генетике, оказывается, уже полвека назад, даже больше, в Китае провели. Ты же сам читал про куроуток и картофелины с цыплячьими генами. Помидоры со скорпионьими. Про передачу генетической информации волновым путем без всяких инъекций, а посредством облучений. И про то, что ДНК у всех живых существ структурно одинаковы и на девяносто девять процентов состоят из чертежей конкретного вида, из которого данный образец взят. Найдешь ключик, и лепи из ДНК что хочешь. Про телегонию читал?

— У меня сестра промышляла разведением породистых собак на продажу. Она и так про телегонию знала. Это вообще давно известно, только термин вроде недавно придумали. — Ермаков пожал плечами. — Черт его знает...

— Вот в том-то и дело, — кивнул майор. — Теперь уже едва ли чему-то можно удивляться.

— Слушай, а где это профессор? Чего он там, застрял, что ли, в сортире? Может, у него эпилептический припадок начался и он башкой об парашу торкнулся, а мы и не знаем?

— Твоя правда. Пошли проверим. Только бумаги эти сразу в коробку положи обратно. А то потом опять перепутаем с ненужными...

Они вошли в соседнюю лабораторию. Все помещение было заставлено массой различных приборов. И хотя помещение это было меньше предыдущего, но по оснащенности оно превосходило тот зал, откуда вошли два офицера, в разы.

В центре, на большом столе, жужжал большой белый агрегат. Та самая центрифуга, в которой Лодзинский готовил себе лекарство.

— Профессор! — крикнул Ермаков. — Вы где?

— Тут не должно быть туалета. Это помещение должно быть стерильным. Туалет, наверное, дальше.

— А вот еще две двери. — Дмитрий указал рукой.

— Давай ты в левую, я — в правую, — кивнул майор.

Они разделились. Васнецов вошел в очередное помещение. Оно было еще меньше. Скорее, длинный коридор, оканчивающийся еще одной дверью, на которой красовалась эмблема биологической опасности. Вдоль одной стены шкафы с костюмами биозащиты. Половина костюмов на месте. Вдоль левой стены большая приборная панель с двумя погашенными экранами и массой переключателей и датчиков. Внимание майора привлекла небольшая моргающая красная лампа. Он подошел к ней. Возле лампы надпись: «ЦИКЛ РАЗМОРОЗКИ ЗАВЕРШЕН».

— Какого черта тут...

Он боковым зрением заметил движение у той запретной двери и вскинул автомат.

— Кто из нас псих? — усмехнулся появившийся профессор. — Хочешь застрелить меня, майор?

— Черт подери, Глеб Михайлович. — Васнецов опустил автомат. — Вы что там делали? И что означает эта лампа?

— Ты очень наблюдателен, майор, но не сильно умен. Там же написано. «ЦИКЛ РАЗМОРОЗКИ ЗАВЕРШЕН».

— И что вы размораживали?

— Скоро узнаешь. — Профессор оскалился. — Это если повезет. А если нет, то ты... — он выдернул правую руку, которая все еще скрывалась за приоткрытой дверью со знаком биоопасности, — умрешь прямо сейчас!

В руке у него был автомат, невесть откуда взявшийся у больного Лодзинского. Он нажал на спуск, но ничего не произошло. Видимо, оружие привести в боевое состояние он забыл по неопытности. Чертыхнувшись, профессор спрятался за железный шкаф, и послышался щелчок затвора.

Васнецов тоже спрятался. Он едва втиснул свою двухметровую фигуру за уступ большой приборной панели с красной контрольной лампой.

— Глеб Михайлович! Что же это вы творите? — крикнул Васнецов, приготовившись применить свой автомат.

— Я — возмездие! — послышался ответ. — Ну давай, высунь голову!

— Вы не в себе, профессор! Перестаньте! Мы же одна команда!

— Нет у меня ничего общего с ничтожными человечишками! Одна команда? Ты, дурак, еще не понял, что я вызвался быть проводником на этот объект только из-за того, что вместе с двумя вооруженными идиотами у меня было больше шансов вернуться сюда, нежели в одиночку! Ты еще не понял, что я морочил вам голову с этой центрифугой только для того, чтобы запустить цикл разморозки криокамеры, где томятся в холодном сне мои детки!

— Перестаньте, профессор, я не хочу вас убивать. Я сочувствую вам. Я понимаю ваше горе...

— Иди ты на хрен, козел! Что ты можешь понимать?! Твоего сына резали живьем? Твою жену переехал на машине ублюдок? Твою дочь забили насмерть хулиганы? Твою внучку растерзали слуги антихриста? Что ты, сука, можешь понимать?!

— Мы все объединены общей бедой! Мы все пережили ядерный Армагеддон! Нам надо думать о выживании!

— Имел я вас и ваше выживание! Я приговорил человечество, и уже давно! Общей бедой объединены? Поэтому людишки продолжают убивать друг друга? Поэтому они друг друга жрут? Не смеши меня, майор! Кончился ваш век!

В двери показался Ермаков.

— Коля, я что-то...

Раздалась короткая очередь, и Дмитрий закричал, падая:

— Что за падла!!!

Васнецов выскочил в дверь, подхватив раненого товарища. Сзади снова раздалась очередь, но пули ударили в дверь.

— Что такое? — простонал Ермаков.

— Он окончательно из ума выжил, — коротко ответил майор. — Валить отсюда надо.

Раздался возглас Лодзинского:

— Не обманывайтесь! Бог поругаем не бывает! Что посеет человек, то и пожнет! Сеющий в плоть свою от плоти пожнет ТЛЕНИЕ!!!

Шум заполнил коридор, а разум заполнился каким-то неестественным визгом, сеющим страх и панику.

— Господи... Коля... что такое... — бормотал Ермаков и трясся.

— Терпи, братишка, — ответил Васнецов. Он взвалил товарища на плечи и бросился к выходу. — Терпи.

В лабораторию ворвалась, толкаясь и размахивая руками, группа волосатых человекоподобных существ. Они были покрыты черным густым, но коротким, влажным от разморозки мехом. Шея отсутствовала, и голова уходила в плечи, нависая над торсом, словно вершина горы. Широкий зубастый рот и крупные ноздри над ним. Вместо носа лишь бугор. Глубоко посаженные человеческие глаза с желтыми белками и огромными зрачками...

— Господи боже, — пробормотал Васнецов и вскинул дрожащей рукой автомат.

Существа, похоже, знали, что это оружие, и рванулись от линии огня. Васнецов дал очередь. Задел одного. Но тот не вскрикнул, не зарычал и вообще не издал никакого звука. Только схватился за рану в плече рукой и присел, прячась за столом. Другое существо схватило со стола монитор и швырнуло его с невероятной легкостью в сторону людей. Майор едва увернулся и выскочил в очередную дверь. Они оказались в первом зале. Николай опустил раненого товарища на пол, быстро задвинул массивную створку двери и провернул ручку до отказа как раз в тот момент, когда оттуда донеслась еще одна автоматная очередь. Кто это стрелял? Профессор? Существа его не трогают? Или сами умеют обращаться с оружием?..

— Коля... ты... они зовут... чувствуешь? Они в мозги лезут, как ложкой в сметану... мать их... — бормотал Ермаков.

— Да, Митя... Да... Потерпи...

— Дверь их не остановит...

— Хоть на минуту... хоть на пару...

Он снова взвалил раненого себе на плечи и побежал к выходу.

— Коля... документы... бумаги...

— Черт с ними. Самим бы ноги унести...

Они достигли тайника в пещере, и Васнецов опустил товарища на пол.

— Ты как?

— Хреновато...

— А паника?

— Отпускает... Досюда не достают эти черти...

— Ладно. — Майор быстро достал из рюкзака аптечку. — Дима, попробуй перевязаться и вколоть себе... Ну, ты сам знаешь все. Уже был ранен.

— А ты что?

— Я сейчас пойду обратно. Не знаю, сколько их. Если всех не перебью, то хотя бы дверь заблокирую. Заодно амуницию испытаю эту.

— Они же гипнотизируют. Ты что, не чувствовал?..

— Чувствовал. Но в инструкции к костюму написано, он предохраняет от психического воздействия...

Васнецов раскрыл большую прорезиненную сумку и стал доставать элементы костюма.

— А как? Может, батарейки давно издохли?

— Он потребляет электричество, вырабатываемое человеческим телом. Как альтернативный источник...

— Когда они тебя увидят, то передохнут от страха, — усмехнулся Ермаков через несколько минут, взглянув на переодетого майора.

Пещера наполнилась шипением дыхательных фильтров маски костюма. Вместо ответа, Васнецов только кивнул.

— Давай, Коля, с Богом. Но только недолго...

Васнецов бросился обратно, в недра горы. И вскоре оттуда донесся громовой бас его шестиствольного пулемета...

3
КОЛЫБЕЛЬ

Головная боль стала просто невыносимой. Николая рвало, и тело сводили судороги. Сейчас ему было наплевать на все. На видения, на миссию, на окружающих и даже на правду об отце. Им всецело овладели спазмы и желание, чтобы все это немедленно прекратилось.

— Да что это с ним? — воскликнул Варяг.

— Шок. Побочный эффект, — пробормотал Людоед и сунул под нос Николаю железную кружку с водой. — Выпей, Коля.

— Что это? — простонал Васнецов.

— Теплая вода с сахаром, — ответил Крест. — Сахар шоковое состояние снимает. Давай. Пей.

— Не могу...

— Через не могу. Пей!

Николая снова свело судорогой, но рвать уже было нечем. Он дрожащими руками схватил кружку и с большим трудом влил в себя жидкость.

— Извини... пока... не могу рассказать, что видел...

— И не надо. Сейчас ложись на стол и передохни. Мы все слышали. Ты комментировал свое видение в трансе.

— Людоед... не делай так больше... — выдохнул Васнецов.

— Ну, я не нарочно. Все. Ложись давай.

Товарищи уложили Николая на стол, и Людоед снова накрыл его своей шинелью.

— Ну, камрады, что скажете? — хмуро спросил Илья, отойдя от стола.

— Да ты его чуть не угробил! — Сквернослов негодовал.

— Я не об этом. А о том, что тут произошло шесть или семь лет назад.

— Чертовщина какая-то, — пожал плечами Варяг и взглянул на разложенные бумаги, которые они изучали. — Какие-то чудища.

— А они тебе не напоминают по описанию того утырка в Котельниче, что на Юру покойного напал? — усмехнулся Крест.

— Да медведь это был, — сам не уверенный в своих словах, снова пожал плечами Яхонтов.

— Да чего вы тут гадаете? — развел руками Вячеслав. — Пошли посмотрим бумаги. Там что-то, может, есть про этих...

Они расселись за соседним столом и снова принялись изучать бумаги, то и дело бросая взгляды на притихшего Николая.

— Слушай, Илья, вот еще интересно, — усмехнулся Варяг после продолжительного молчания и чтения документов. — Нет, все-таки русский человек и кашу из топора сварит, и блоху подкует.

— Чего там? — спросил Людоед.

— Проект «Ареал». Системное подключение к сети любого мобильного оператора и мобилизация сети его вышек по всей стране, как единовременная, так и каскадная.

— И что это? — Сквернослов посмотрел на бумаги, которые изучал Яхонтов.

— Разве не понятно? — снова усмехнулся Варяг. — Это же русский ХАРП!

— Толково, — хмыкнул Людоед. — Что и говорить. Толково.

— Минимум затрат. Ничего не надо строить. Только аппаратный центр, и все. ХАРП готов. Вместо излучателей вышки по всей стране, которые за них сделала фирма, поставлявшая услуги сотовой связи. Тут даже схемы есть. И самое интересное, расчетная мощность от 0,8 мощности «Авроры» до 3,2 мощности. А эта самая «Аврора» и есть тот ХАРП, к которому мы едем. При этом тут рассматривалось и психоволновое воздействие. Как локальное, так и в масштабах сети и экстерриториальное. Все гениальное просто...

— Н-да. — Крест с интересом смотрел на схемы. — Все гениальное просто, — задумчиво повторил он. — Но сейчас нам не это важно.

— Проект «Молох». Это не оно? — Сквернослов указал на ту часть бумаг, которую сам перебирал.

— Ну-ка. — Варяг взял у него листы. — Так-так... Волновая генетика. Черт, да проект еще лохматых годов. — Он стал пробегать взглядом по строкам. — Так... Вот, от теории к практике перешли в конце девяностых. До того лет пятнадцать только бредовые теории. Тут что-то про чернобыльских животных... «Наиболее устойчивыми к воздействию радиации и приспособленными к жизни и репродуктивной деятельности оказались черные куры. Во всех исследуемых случаях у оставшихся жить в зоне отчуждения людей в хозяйстве практически все куры с черным окрасом выжили, тогда как белые в разные сроки погибли. Более того, в данных условиях рождение именно черной домашней птицы стало более распространенным. Генетика вида адаптировала их под условия зараженной местности... Среди наблюдаемых в Припяти и окрестностях одичавших кошек чаще всего встречаются темные окрасы. Опыты на лабораторных мышах и крысах подтвердили давно выдвинутое предположение, что черные более живучи. Среди облученных при эксперименте белых крыс погибло двадцать из двадцати. Среди черных — семь из двадцати. У пяти родилось относительно здоровое потомство...»

— Эвон как, — хмыкнул Людоед. — Ну, я давно знал, что брюнеты более устойчивы. Собственно, мое житие-бытие в метро это в некотором роде подтвердило. Так что мне и блаженному особо нечего бояться. А вот ты, Варяг, и ты, Славик, поостерегитесь. Вас эта дрянь цепляет, блондинчики. — Он засмеялся.

— Зато мы не психи, как вы оба, — ответил Сквернослов.

— Ну. — Крест развел руками. — Это есть. Ни дать ни взять.

— Что там дальше? — послышался голос.

Все посмотрели в сторону Николая. Он бодрствовал. Смотрел в потолок и слушал.

— Что там дальше про «Молоха»?

— Ты сам-то как? — спросил Варяг.

— Никак, — коротко ответил Васнецов, продолжая смотреть в высокий, тонущий в темноте потолок.

— Ну, сейчас будем дальше бумаги эти ворошить. Услышишь, как что интересное нароем, — сказал ему Сквернослов.

— Угу, — устало буркнул Николай.

Он чувствовал, что тонет в своих мыслях, и хотел отвлечься от этого, слушая голоса товарищей. Ему не давали покоя последние видения и осмысление самого себя. Человек ли он теперь? Что с ним происходит? Быть может, его путь к достижению цели их важной миссии должен быть таким? Значит ли это, что он должен принести в жертву выполнению задуманного свою человечность? Каждый день, все чаще и чаще, он задавался вопросом — каким он станет, дойдя до ХАРПа? И как это поможет уничтожить продолжающую затянувшийся апокалипсис дьявольскую установку? Он уже уяснил, что при определенных, пока еще не поддающихся пониманию и контролю условиях он может заглядывать в прошлое, слушать эхо былого. А что с будущим? Может он предвидеть его и знать наверняка, насколько удачным окажется их поход? Он напрягся и попытался увидеть, что ждет их дальше. Через час. Через день. На той стороне от Уральской гряды. На Аляске. ХАРП. Он пытался разглядеть будущее, и воображение рисовало ему всякие картины, но он понимал, что это всего лишь игра этого самого воображения. А какова будет действительность?

— Не пытайся это делать... — услышал он голос внутри собственного разума.

— А ты еще кто? — спросил мысленно Николай.

— А с кем бы ты хотел говорить?

— Может, с Богом? — Васнецов мысленно пожал плечами.

— Ух ты. — В голосе слышалась усмешка. — Не много ли чести?

— Ну, раз он возложил на меня такую великую миссию...

— Он возложил? Оно ему надо вообще? Это ты просто возомнил.

— Ну, тогда с отцом. Хочу поговорить с отцом.

— Значит, представь, что я твой отец.

— Нет. Я не хочу представлять, что ты мой отец. Я с отцом хочу поговорить.

— Ты чего мне голову морочишь? — разозлился голос.

— Это ты мне голову морочишь. — Николай даже нахмурился. — Кто ты вообще? Рана? Это ты, да?

— Нет. Ты же не спишь. Она к тебе только во сне иногда приходит.

— Тогда кто ты такой, черт тебя дери?!

— Я — это ты.

— Чего?

— Я — это ты, говорю. Ты вот лежишь и сам с собой болтаешь.

— Да иди ты к черту!

— Не могу, — усмехнулся голос. — Я же лежу на столе, пялюсь в потолок и тихо сам с собою...

— Может, я с ума сошел? — подумал Николай, обращаясь уже к самому себе, а не к этому голосу в голове.

— Ну, похоже, — послышался ответ голоса. — Твое сознание разделилось. Во всяком случае, я наиболее вменяемая часть твоего сознания. И плохо, что ты меня, а значит, нормального себя, воспринимаешь как кого-то постороннего. Совсем башня уедет. А если башня уедет, то тебя твои дружки-товарищи вынуждены будут прикончить. Опасным и бесполезным для них станешь.

Николай медленно повернул голову и украдкой посмотрел на своих товарищей. Вспомнил, как легко и без всякой заминки расправляется со своими жертвами Людоед. Как его бил Варяг. Славик? Этот сделает, что ему скажут... Да. Он совсем ведомым стал. Убьют. Как пить дать убьют.

— И что мне делать теперь?

— Осторожней быть. И себя контролировать. Разум свой.

— Постой. Ты же меня против товарищей моих настраиваешь? Нет?

— Это ведь ты подумал. Значит, ты и настраиваешь себя. Я же говорю, следи за рассудком своим. Времена нынче такие. Они тебя грохнут, если что. Не со злобы, а во имя спасения миссии и из жалости к тебе. Как ты предлагал Ветру избавить от мучений его сына. Смекаешь?

— Черт... Нет, ты ерунду городишь... изыди...

— Вот-вот. Ты отделяешь себя от себя. Сознание твое двоится. Ты сейчас сойдешь с ума, и привет.

— Это что, и есть будущее, которое я хотел увидеть?

— Да нельзя увидеть будущее. Может, просчитать что-то, но это лишь спланированный сценарий, который не обязательно состоится. Будущее зависит от выбора в текущий момент. Так что смотри в него сколько угодно, но оно не есть фиксированная цепь событий с узнаваемым результатом. Твое будущее ты сам творишь. Но не оступись по дороге. Сейчас самое главное — не сойти с ума. Протопчешь себе дорожку в могилу.

— Блин... Нет, ну у меня ведь были предчувствия. Как в Вавилоне, когда напали на него. Разве я не видел будущего?

— Нет. То ощущение текущего момента. Восприятие психополя вокруг. Это не пророчество. Интуитивность не взгляд в будущее. Нечто другое.

— А что ты можешь сказать по текущему моменту сейчас? — спросил Васнецов сам у себя.

— А сам ты что чувствуешь?

— Это «Аркаим-тринадцать»?

— Ну да. Это же самоочевидно. Один из его комплексов подземных. Тут рядом объект «Колыбель».

— «Колыбель»? Что это?

— Генно-инженерная лаборатория. Там выстругали новое существо.

— Молохит?

— Конечно. Из кучи генов сложили совершенно новый вид. Выносила его вроде горилла какая-то подопытная. Потом долбали новорожденного гормонами принудительного роста и черт его знает еще чем. Потом стали его лабораторно плодить. Клонированием или как-то так. Изучали. Короче, три первых экземпляра издохли быстро. Потом вроде получилось.

— А зачем их создали?

— Ну как. Это же оружие. Существо с низкой формой интеллекта. Достаточной, чтоб понять свою задачу и выполнить. И быть послушным перед хозяевами. Подолгу без еды обходятся. Выносливые. Сверхвысокий болевой порог. Звуков не издают, значит малозаметны. Общаются друг с другом то ли телепатически, то ли ультразвуком. Могут влиять на человеческий мозг своим неслышным в обычном для нас диапазоне голосом. Устойчивы к радиации. Правда, бывали патологии. Появлялись альбиносы. Они светлые и радиации больше боятся. Альбиносы с остальными не уживались. Зато одна закономерность выяснилась. Основной вид не любит холода. Альбиносы к холоду

более устойчивы. Но на том преимущества альбиносов и кончались. Ставку ученые сделали на темных молохитов. Поначалу они были бесполыми, не способными к самостоятельному размножению и у них отсутствовал репродуктивный инстинкт. Зато росли они на гормонах и при помощи чего-то там, рака и стволовых клеток каких-то, очень быстро. Представь, таких зашлют на вражескую территорию. Они там посеют страх. Панику. А что на деле? Кто-то где-то видел снежного человека. Никто не поверит, а панику спишут, как обычно, на слухи и суеверные страхи перед неестественным. Пока будут разбираться, засланные сделают свое дело и сгинут в лесах, так как изначально жизненный цикл у них был короткий. Одноразовые существа, так сказать. Все очень просто и гениально. А представь армию таких? Но вот в один прекрасный момент кто-то из ученых, занятых в проекте, решил увеличить им жизнь, заменив ген быстрого старения. И заодно дал репродуктивные функции. Разделение по половому признаку не удалось, но удалось сделать из них гермафродитов. И теперь они способны жить годы. Плодиться, когда им взбредет в голову. Ни ревности, ни споров из-за самки, как это у зверушек и людей обычно бывает. Это наиболее дружное и устойчивое во всех отношениях сообщество. И еще они учатся...

— Черт... Погоди, а откуда ты все это знаешь?

— Ну, мы же говорили про текущий момент. Не я это знаю, а ты логическую цепь выстраиваешь. Ты же слышишь, что твои товарищи читают. Мозг воспринимает их речь, но ты будто слышишь это от меня. А на самом деле я — это ты и это твои умозаключения.

Николай поднялся и сел. Посмотрел на товарищей. Так и есть. Это все он услышал от них и лишь диктовал сам себе упорядоченный текст, собранный из разрозненных обрывков того, что читали вслух Варяг, Людоед и Вячеслав.

— Блин, а я думал, что это наше правительство все последние годы перед ядреной армию сокращало и сокращало, хотя НАТО расширялось и на границах наших неспокойно было, с каждым годом все больше, — усмехнулся Крест. — А тут вон оно что. Зверушками решили, оказывается, воевать. А что, толково. Квартирами их обеспечивать не надо. Отпуска оплачивать не надо. Пенсии не просят. Погиб, и хрен с ним. Никто шума не поднимет, и компенсацию родным платить не надо. Идеальные солдаты. Я вот думаю, Варяг, кто хуже, эти твари или те, кто их сотворил?

— Люди... — пробормотал Николай. — Люди хуже.

Он пристально смотрел на товарищей. Кто? Людоед? Да. Он убьет без колебания. Еще будет улыбаться и отпустит шутку по этому поводу, пока будет голову отрубать или еще что. Варяг? Тоже как два пальца... С мужественным лицом и суровым взглядом всадит пулю. Ну, может, скупую мужскую слезу на прощание пустит. Славик? Может и он. Только сначала убьет, а потом осознает, что убил. Как с Пчелкой. То хотел ее оприходовать, а потом за голову хватался. Мол, чего это я... Н-да... Остерегаться их надо.

— Узнаю мировоззрение морлока, — усмехнулся Людоед. — Хуже всего люди. Они так и считают. Слышь, блаженный, ты бесов внутренних поостерегись. Не то омразеешь, и что нам с тобой делать?

Васнецов вздрогнул. «Вот оно! Людоед! Ну конечно он! Словно мысли читает! Вот кто больше всех опасен!»

Размышления Николая наткнулись на внезапно возникшее чувство тревоги. Он что-то уловил боковым зрением. Дверь? Васнецов повернул голову и с ужасом обнаружил, что круглая ручка массивной двери очень медленно вращается. Точно! Надо очень внимательно на нее посмотреть, чтобы заметить это. Но он заметил. Ощущение текущего момента! Конечно!

Васнецов медленно соскользнул со стола и направился к двери. В баррикадах была брешь. Как раз на стыке створок и там, где эта ручка. Но разве двери распахиваются? Может, они раздвижные? Тогда эти завалы из столов, шкафов и всяких железок бесполезны.

— Колян, ты чего? — крикнул Сквернослов.

— Дверь. Кто-то ручку вращает, — тихо ответил Васнецов, глядя прямо перед собой на этот медленно крутящийся по часовой стрелке штурвал.

Его спутники повскакивали со стульев и бросились к нему. Николай же медленно опустил ладони на ручку, и вращение ее остановилось. Он смотрел на нее, но она больше не крутилась.

— Ну? — спросил подбежавший Варяг. — И где?

— Вот только что она открывалась.

— Может, показалось тебе это? — предположил Вячеслав.

— Ничего мне не показалось. Я ясно видел.

Людоед осмотрел завалы у дверей, взял какую-то железную трубу и, вставив ее в ручку, упер в пол под углом.

— Ну, теперь не откроют. Пошли, дальше почитаем.

— Может, сваливать пора? А? — раздраженно спросил Сквернослов.

Они направились к своему столу.

— Слышь, матюгальник. Нам ежели еще один замес типа вавилонского улыбнется, то воевать после него придется вонью изо рта и намотанными на хрен портянками. И мы ведь там в основном свои боеприпасы не тратили. Только ихние. Вавилонские. Ну ладно, у меня катана самурайская. У викинга мечкладенец. А ты чего с братиком будешь делать? Братик твой, сдается мне, в критической ситуации загрызть может. Он там, в Вавилоне, лихо несколько вандальчиков порвал, что тузик грелку. А ты что? Матом отбиваться станешь?

— И к чему ты это? Тайник твой хваленый разорили давно. Забыл? — возразил Вячеслав.

— Это же военный, мать его, объект. В дневнике этого неизвестного искателя, коим может действительно батя Колькин статься, он писал, что, по его предположению, тут есть оружейная. Где профессор автомат взял, из которого стрелял в Ермакова?

— Я не понял, — нахмурился Варяг. — Ты что, за дверь эту хочешь?

— Да не совсем. Ты видел, какая труба под потолком вентиляционная? Не то что в том коридоре. Тут помещение большое и объемы другие. Тут труба прямо как в кино. По ней человек может проползти. В любом случае надо разведать, что в других помещениях. Сдается мне, что эта хреновина опасна, как и ХАРП.

— Да у нас времени на это нету, — возразил Яхонтов.

— Всей возни на час от силы, — махнул рукой Крест.

— Я туда не полезу, — отрезал Сквернослов.

— А тебе и не надо. Уроды эти на мозги воздействуют. Ты же слышал видение блаженного. Туда я полезу. У меня иммунитет.

— У тебя от пси-волков иммунитет, — продолжал хмуриться Варяг.

— Да все эти психоштучки что у волков, что у морлоков, что у этих молохов одну природу имеют. Тут нет колдовства или чертовщины какой-то. Одна голимая наука. Меня это не цепляет. И блаженного, я уверен, тоже. Сам подумай, Варяг. Сколько у нас боеприпасов? Сотни три патронов к калашу. Штук сорок для СВД. Полсотни для винтаря. Полсотни для пистолетов. Две

тысячи для моей шестиствольки, а она их тратит, что министры госбюджет. Гранат у нас двадцать. Десять для подствольника. Это ничто, учитывая, какая нам дорога предстоит еще. И не факт, что будет где разжиться макаронами. Разве я не прав?

— Прав, конечно. — Яхонтов почесал бороду. — Но ведь и не факт, что там что-то есть.

— Не факт. А проверить? Вот я и проверю. — Людоед усмехнулся.

Сзади раздался скрип. Все обернулись.

Ручка снова вращалась по часовой стрелке. Труба, которую вставил в нее Крест, скрежетала об пол и гнулась от неумолимого вращения.

— Мать твою. Что за силища! — выдохнул Сквернослов.

— Быстрее! — Людоед снова кинулся к баррикадам и схватил еще одну трубу. — Вставляйте все, что можете, в эту хренову ручку! — крикнул он.

Товарищи последовали его примеру и стали запихивать в штурвал все обломки труб и железных ножек от столов, что смогли найти в завалах. Им все-таки удалось остановить вращение, когда вся ручка была до отказа утыкана железом, упирающимся и в пол, и в прислоненные к двери столы.

— Ты еще не передумал? — усмехнулся, вытирая пот со лба, Варяг.

— Брат, я несколько лет в метро прожил. Какого дьявола мне бояться? Короче. Поступим так. Сейчас составим столы пирамидой, чтоб до трубы вентиляционной можно было достать. Потом ты, Варяг, вместе со Славиком пойдете к луноходу. Все равно у вас иммунитета нет. Но только начеку будьте. Мало ли что. Тащите сюда мой пулемет и патроны к нему. И сами боеприпасов себе нахватайте. Варяг, у тебя веревка есть?

— Есть.

— Какая?

— У меня их три. С пожарных машин, что на аэродроме нашем были.

— Спасательные? Они метров по двадцать должны быть. Да?

— По двадцать пять. Еще бечевка, на которой искатели гудки из бутылок к деревьям привязывают. Метров пятьдесят, но она не такая толстая.

— Сложим вместе, будет толще. Итого у нас сто метров сигнального троса. Тоже тащите. И в моем ящике пистолет с глушителем. Его прихватите, и три обоймы с ним. И фонарик вместо моего потухшего.

— Слышь, Крест, может, это... — Сквернослов взмахнул руками.

— Чего? — поморщился Людоед.

— Ну, может, взорвем тут все к хренам? Притащим сюда твою атомную бомбу, и аставаляста, крошка?

— Ты дурак?

— Почему это?

— Бомба — десерт для ХАРПа. И забудь о ней! Все. Давайте. За работу.

— Вот тут мы точно все боеприпасы потратим, — вздохнул Варяг. — Овчинка выделки не стоит.

— Не потратим, — мотнул головой Людоед. — Я не думаю, что они через дверь прорвутся. Вы будете тут с основным оружием. На всякий пожарный. Все-таки риск — благородное дело. Начали...

* * *

Вентиляционный тоннель с прямоугольным сечением действительно позволял ползти по нему человеку. Стенки были достаточно толстыми, чтобы не грохотать от движения, и подвеска у вентиляции к потолку была весьма надежная, учитывая вес трубы. Людоед довольно легко снял заслонку из толстого оргстекла, наглухо закрывающую отдушину в трубе, и демонтировал скрывающуюся за ней решетку. Людоед полез первым. Следом — обвязавшийся веревкой Николай. Поскольку он обладал приобретенным иммунитетом к пси-воздействию, было решено, что работать в паре предпочтительней. Варяг оказался прав, когда притащил еще и респираторы из лунохода. Хотя догадаться, что в трубе будет очень много пыли, было несложно. Видимо, вентиляция весьма давно не работала, что неудивительно, учитывая, в какой эпохе они теперь все живут.

— А ведь совсем недавно помылись, — досадливо пробубнил Людоед и пополз вперед.

Практически сразу они достигли еще одной заслонки. Внутренней. Людоед, казалось, не удивился. Учитывая, что некоторые помещения должны были изолироваться друг от друга при определенных обстоятельствах, такие заслонки внутри трубы должны были быть. И поскольку требовалась от них полная безотказность, то и работали они на простейшем принципе. На перепадах давления. Крест без особого труда сорвал цинковую, с прорезиненными краями дверцу заслонки и двинулся дальше.

Вскоре был перекресток. Пересекались две трубы. Илья посмотрел по сторонам и двинулся дальше, светя принесенным из лунохода фонариком. Николай следом. Метров через пять был поворот. Протиснувшись туда, Илья выключил фонарь. Николай не сразу понял, в чем дело. Когда и он оказался за поворотом, то понял. В трубе зияло отверстие отдушины. Свет фонаря мог их выдать. Снизу, из помещения, било слабое сумрачное освещение. Людоед внимательно смотрел вниз. Затем сделал жест рукой, означающий, что надо двигаться дальше. Минуя отдушину, Николай бросил взгляд вниз. Это была комната, размеры которой оценить отсюда было трудно. Несколько столов, на одном из которых были смонтированы приборы. Горело несколько контрольных ламп, которые и давали этот мрачноватый скудный свет. Снова заслонка, и снова за ней оказался перекресток. На сей раз выбор был невелик, поскольку вперед и влево труба была настолько узкой, что по ней могли передвигаться только крысы. Оставалось двигаться вправо, что они и сделали.

Еще одна отдушина с вырванной решеткой. В помещении было совсем темно. Несколько минут Людоед вслушивался в тишину и всматривался в темноту, затем пополз дальше. Васнецов, как обычно, последовал за ним, но вдруг снизу донесся скрип открывшейся двери. Два человека в трубе замерли. Гнетущая тишина, лишь на миг разорванная скрипом двери, была недолгой. Теперь в темноте слышалось чье-то прерывистое дыхание. Кто-то стоял в дверях и также вслушивался в тишину. Затем дверь захлопнулась и послышались глухие, неровные, удаляющиеся шаги. Выждав немного, они снова поползли. Следующая отдушина была довольно близко. Видимо, предыдущее помещение оказалось не таким большим или по нему проходила еще одна труба. Людоед опять вслушивался и всматривался в темноту. Решетка тут была на месте, но наружная заслонка открыта. Васнецов подполз к нему, и вдруг веревка дернулась. Один раз и через короткую паузу три раза подряд. Это был условный сигнал от Варяга. Веревка кончилась.

— Илья, все, — шепнул Николай.

— Ладно, — послышался тихий шепот Людоеда.

Он еще какое-то время вслушивался в тишину, затем включил фонарь и посветил в помещение.

— Повезло. Под нами большой сейф. Обратно залезть легко будет, — сказал он, после чего уперся спиной в потолок трубы и надавил коленями на решетку. Решетка поддалась, и Крест

успел схватить ее рукой, чтоб она не зашумела, упав вниз. — Оставайся тут и будь начеку.

Крест спустился вниз. Послышалась какая-то возня. Затем снова тихий голос Людоеда:

— Ты часы у Варяга не забыл взять?

— Нет, — шепнул Николай. — У меня они.

— Ждешь меня двадцать минут. Потом уходи, и сваливайте отсюда. Ясно?

— Но как же...

— Все, я сказал. Засеки время...

Людоед двинулся практически бесшумно. Затем скрипнула дверь и воцарилась гробовая тишина. Николай посмотрел на светящиеся в темноте черточки на командирских часах Варяга и вздохнул. Перевернулся на спину и улегся поудобнее, чтобы дать телу передохнуть после напряженного движения. Взглянул еще раз на часы. Минута прошла. Всего минута или уже минута? Успеет Людоед? Вдруг стало стыдно за свои мысли о том, кто из товарищей убьет его. Какая чушь. Как подло так о них думать...

Веревка дернулась. Показалось? Снова дернулась. Нет, это не Варяг. Он бы дергал условным сигналом. Может, крыса задела? Николай напрягся. Веревка натянулась, затем ослабла. Что это? Васнецов приподнял голову и стал вглядываться в темноту пройденного им пути. Нет, эти твари не могут передвигаться по такой трубе. Они для этого слишком большие. А что, если они запустят сюда своего детеныша? Они ведь плодятся... Он почувствовал, как страх ползет по спине. Чертов страх. Нельзя... Нельзя бояться...

Скрипнула дверь. Совсем не в той стороне, куда ушел Илья. Васнецов стал медленно поворачиваться на живот, подтягивая к отверстию в трубе короткоствольный автомат, который был тут предпочтительней его обычного калашникова.

В помещении слышались шаркающие шаги. Все ближе и ближе. Николай почувствовал, как к страху примешалось что-то еще. Он разумом чувствовал тысячу невидимых щупалец, скользящих всюду и не знающих никаких преград в виде стенок этой трубы. Они искали его, Николая. Они пытались подавить его разум и волю. Пытались заставить его выдать себя. А там, внизу, под отверстием, возле сейфа, кто-то дышал. И... человек так не дышит. Это не человек. Щупальца продолжали хлестать его психику, но Васнецов всем своим естеством пытался пропустить их сквозь себя. Словно его тут не было.

«Нет. Ты не властен надо мной. На меня это не действует. Уйди. Тут нет никого. Нет тут никого», — думал он.

Звук дыхания изменил направление. Существо смотрит вверх? Подняло голову? Но если верить видению, то у них нет шеи. Да. Нет у них шеи. Он помнил того альбиноса в Котельниче. Как он может поднять голову, если у него нет шеи? Черт... Темно как... Я же морлок... Морлоки видят в темноте... почему я не вижу? Васнецов что есть силы зажмурился. Так сильно, что глаза заболели.

«Я морлок! — говорил он себе. — Я морлок! Мне все по фигу! Я ни хрена не боюсь! Кроме... оборотня...»

Он открыл глаза и... стал видеть в темноте. Неясно, в черно-белых тонах. Но он видел. Огромный молох стоял под отдушиной и, изогнув тело назад, смотрел прямо на него. Пасть приоткрыта, видны ровные ряды белых зубов и огромные клыки. Во взгляде бесконечная злоба и... удивление? Да. Молохит увидел вторгшегося в его владения человека и был поражен тем, что человек остался глух и невосприимчив к тому психовоздействию, которым наградили его и его сородичей создатели.

— Здравствуй, чмо, — прорычал Николай не своим голосом, и в тот же миг молох, вытянув вверх руки, прыгнул к отдушине.

Васнецов отпрянул, выставляя перед собой автомат. Существо ухватилось огромными волосатыми руками за края отверстия. Молох быстро подтянулся, просунул голову и одну руку. Попытался схватить Николая, но не дотянулся. Он продолжал бесплодные попытки, наполняя трубу своим зловонным дыханием, а Васнецов продолжал пятиться назад.

— Ну что, козлина, момент истины, да? — злорадно хрипел Васнецов. — Морлок против молоха, кто кого? Только не забывай, урод, что я еще и человек! А хуже и страшнее человека, — он щелкнул затвором, — нет никого!

Одиночный выстрел пробил лобную кость чудовища, и молох рухнул вниз. Николай тряхнул головой несколько раз. Выстрел в трубе сильно ударил по ушам.

— И все-таки я победил, — снова зарычал Николай. — Кто еще на меня?

Снова скрип двери. Снова какие-то не осязаемые, а распознаваемые только внутренним чутьем щупальца. Но на сей раз они не пугали. Только щекотали психику. И... Николай почувствовал скорбь... Второй молох, ворвавшийся в помещение,

увидев убитого сородича, скорбел... Есть чему поучиться... людям...

— Эй! — крикнул Васнецов. — Сюда иди, урод! Я тебя к твоему братцу отправлю! Или к сестре, или как это у вас, уродов, на хрен...

Сильный удар по трубе сбил с Николая весь боевой пыл. Молох понял практически сразу, что к отдушине подходить нельзя. Там смерть. Но того, кто в трубе, надо выкурить. Существо стучало чем-то тяжелым по трубе, действуя шумом на нервы врагу и давя на его барабанные перепонки.

— Вот же дрянь какая, — прорычал, жмурясь и закрывая ладонями уши, Николай.

Послышались три глухих, с лязгом щелчка. Удары по трубе прекратились, зато донесся звук падающей массивной туши. Что это было?

— Коля! Ты там как? — раздался окрик Людоеда.

— Жив пока! — радостно ответил Васнецов.

— Высунься из трубы и развернись головой в обратную сторону!

— Зачем?

— Дубина, чтоб ползти быстрее головой вперед! Сваливать надо отсюда!

Николай осторожно высунул голову и стал искать взглядом Людоеда.

— Твою мать! Да я это! Чтоб тебя! Быстрее давай!

Кряхтя и чертыхаясь, Васнецов выполнил команду Ильи и пополз в обратном направлении, перебирая рукой веревку.

— Блаженный, если ты пукнешь мне в рыло, я тебя убью, — послышался голос ползущего позади Людоеда.

Николай усмехнулся. Крест в своем репертуаре.

— А что с оружием и боеприпасами, Илья?

— Тут целый город, Коля. Ангары, залы, коридоры, склады. Ядерный реактор и станционные помещения. Убежища и еще черт знает что. Чтоб все тут прошмонать, и дня не хватит. И это в случае, если бы тут не было никого. Но там этих тварей сотни, если не тысячи. Сваливать надо по-быстрому.

— А Варяг что говорил? — хмыкнул Васнецов.

— Проверить все равно надо было. И не умничай. Быстрее шевели задницей.

Николай миновал предыдущую отдушину. За ним Крест...

— Черт!

— Что! Что такое, Илья? — Васнецов попытался обернуться, но в узкой трубе это было нереально.

— Ползи дальше!

— Что случилось-то?

— Сука, дальше ползи! — заорал Людоед, и послышались уже знакомые щелчки пистолета с глушителем. Затем звук падающей туши и снова щелчки. Васнецов отполз и по следующему звуку понял, что Илью выволокли из трубы в помещение.

— Крест! Ахиллес!!!

— Уходи, баран, мать твою!!! — раздался уже далекий крик.

Васнецов стиснул зубы и пополз.

— Нет. Нет-нет-нет. Илья. Не может быть этого! — бормотал он.

Но долг перед оставшимися товарищами заставлял его ползти обратно, несмотря на жгучее и всепоглощающее желание нырнуть в ту дыру, куда утащили Людоеда, и убивать там все живое, даже если его товарищ уже мертв. Но нет. Есть миссия. Остались еще товарищи.

Снова удар по трубе. И еще один. Молохи... Твари мерзкие... Бьют по трубе чем-то. Началась настоящая какофония. Сотни ударов сыпались дробью, сводя с ума. Николай теперь понял, что, во всяком случае для него, ультразвук ничто. Но обычные звуки, такие как эти, просто сводят с ума, деморализуют и подавляют...

— Ну, суки. — Николай уже плакал и от боли в ушах, и от отчаяния, что пришлось так вот бросить Людоеда. — Ну, гниды, погодите. Дайте только вылезти из этой кишки. Я так просто не уйду... Твари...

Впереди замаячил свет. Затем какая-то тень показалась в трубе. Чья-то голова. Васнецов хотел уже выстрелить, но тут в него ударил луч фонаря.

— Коля! — Это кричал Варяг.

— Я! Уже... Сейчас!

Вот и заветный выход. Яхонтов подхватил Николая и помог выбраться.

— Нож! Отрежь! — нервно и торопливо рычал Васнецов, дергая за веревку.

— Зачем портить? Отвяжи! Где Крест, я не понял?!

Николай наконец сорвал с себя веревку и, едва не падая, помчался по составленной из столов и шкафов пирамиде вниз. Затем, достигнув пола, бросился к двери.

— Ты что делаешь?! — заорал Сквернослов, видя, как его брат начал судорожно выдергивать трубы из ручки. Вячеслав бросился к Николаю и попытался его оттащить. — Ты что, с ума сошел?!

Васнецов сорвал с себя респиратор и, поднимая своими движениями облако собранной в вентиляционной трубе пыли, продолжал высвобождать ручку-штурвал.

— В чем дело? Где Илья?! — воскликнул подбежавший Яхонтов.

— Он там! Они его сцапали! Надо помочь!

— Твою мать! Славик, к пулемету, быстро!

Варяг принялся помогать вынимать железки. Наконец ручка освободилась и стала крутиться с бешеной скоростью. Кто-то вращал ее с той стороны. Все приготовили оружие.

— Блин, да сколько ей оборотов надо? — пробормотал Яхонтов, и створка наконец со скрипом стала отъезжать в сторону.

— Аллилуйя! — раздался из щели вопль Людоеда. Он вывалился в открывшийся проем, весь в крови, и одежда его была изодрана в клочья. — Закрывайте! Быстро!

Николай и Варяг, задвинув дверь, стали проворачивать ручку обратно. Вдруг Яхонтов зашатался и схватился за голову.

— Черт, что такое... — пробормотал он.

— Это они, — выдохнул Крест. — Все, Коля, уводи ребят. Сейчас им худо будет. Они не выдержат. Давай живее.

— А ты? — Васнецов схватил Варяга под руку.

— Пулемет. Я один задолбаюсь его тащить. Это ведь не в амбальском костюме, где кронштейны, которые массу этого ствола по телу распределяют. Поэтому выпущу в них все, что есть, когда они ворвутся. Напомню им про резню, что батя твой учинил. Ну а потом догоню вас. Валите к луноходу и ждите там меня. Но если услышите взрыв, значит ждать не надо. У меня две гранаты. Значит, я и себя, и их... Понял?

— Да...

— Все! Валите, быстро!

Сквернослов уже корчился на полу, хватаясь за виски, и стонал. Увлекая за собой Яхонтова, Васнецов подхватил и Славика. Варяг, который оказался выносливее, хоть и с трудом, но помог ему идти.

Они бросились к выходу. Позади раздался скрип открывающейся двери.

— Коля, спасибо, что дверь открыл! Глупо, но благородно! — раздался крик Людоеда. Затем свист раскручивающихся стволов. — И-и-и-и... Начали!!!

Пулемет загрохотал, поливая ворвавшихся в зал молохитов свинцом, как когда-то это делал его отец, майор Николай Васнецов.

* * *

— Говорил же я, сваливать надо без всяких приключений, — пробормотал Варяг, когда они оказались на улице.

Сквернослов, похоже, тоже пришел в себя и шел уже сам.

Облака спустились совсем низко и окутывали все вокруг. Холод снова, как обычно, ударил по телу. Но он был теперь приятен. Это лучше, чем там, в подземелье, среди этих тварей.

— Вы как? — спросил Николай.

— Лучше уже, — пробормотал Сквернослов.

— Идите к машине, а я обратно. Помогу Людоеду, — торопливо сказал Васнецов.

И раздался взрыв...

Все замерли.

— Нет, — выдохнул Васнецов. — Это ведь не он.

— Да, громыхнуло не внутри, — прокряхтел Варяг. — Это, кажется, на восточном склоне.

— Точно?!

Николай обрадовался, что это не тот взрыв, о котором говорил Илья, и бросился в сторону восточного склона. Он услышал еще один взрыв. Да. Это не в подземелье. Но что это тогда?

— Стой, Коля! Там обрыв! — услышал он вопль Славика и почувствовал, как снег, в который он проваливался только что по пояс, уходит у него из-под ног.

Огромный сугроб сорвался вниз, увлекая за собой Николая.

«Что, все?» — пронеслась одна-единственная мысль, и он почувствовал, как врезается в пласт ползущего снега и кубарем катится по практически отвесному склону вниз, вперемешку со снежными комьями.

Трудно было оценить, какое расстояние он так пролетел, но через какое-то время он осознал, что остановился и завален снегом. Васнецов стал судорожно работать руками, пытаясь разгрести то, что его завалило. Он не боялся так молохитов, как боялся сейчас снега. Он работал все быстрее и быстрее, пока силы не стали покидать его. Но когда он понял, что больше не

может выкапывать самого себя, то почувствовал морозный ветер и ледяной воздух. Руки, плечи и голова торчали из сугроба. Он свободен. Почти. Осталось выбраться полностью. Но сил на это уже нет. И снег очень рыхлый и вязкий. Где-то очень далеко грянул еще один взрыв. Васнецов несколько раз попытался вылезти из объятий этого сугроба, но безрезультатно. Он уткнулся лицом в снег и захныкал совсем как ребенок.

— Как глупо-то... — простонал он в отчаянии.

Устало подняв голову, он увидел нечто странное. Пятна света вырисовывались из серого тумана низкой облачности и становились все ближе и отчетливей. Свет был парным. Стало ясно, что это фары. И... к нему шел оборотень. Тот же самый костюм с пластинами вороненой стали. Маска с черными матовыми линзами глаз и фильтрами на скулах. Натянутый на голову капюшон. Вместо пресловутого пулемета какой-то странный автомат с оптикой. Он шел прямо к нему, Николаю.

— Не может быть, — прошептал сам себе Васнецов.

Еще невероятнее было то, что следом шли еще трое таких же, облаченных в броню, существ! Но фантасмагоричность и нереальность картины довершили те самые фары. Из тумана показался луноход... и еще один... третий... четвертый... пятый... Они ползли вверх по склону. Вот из одного вместо перископа торчит еще один оборотень. С пулеметом.

Куча оборотней, куча луноходов...

— А-а-а-а, — выдохнул Николай и расхохотался, — так это я опять брежу! Глюки текущего момента! Чертовы видения!

Он откинул голову назад и залился истерическим хохотом. Оборотни подхватили его за руки и вытащили из сугроба. Васнецов продолжал хохотать и отмахиваться от них.

— Чертовы глюки! Подите вы прочь! — смеялся он, не в силах устоять на ногах и чувствуя, что скоро потеряет сознание от чудовищного напряжения сил, от нереальности происходящего.

Фильтры оборотней загудели. И только отдаленные уголки разума позволили ему понять, что они разговаривают. Причем на понятном ему языке.

— Что это с ним?

— Похоже на нервный шок. Сделай ему укол.

Укол последовал незамедлительно. Прямо в шею. Николай упал на колени.

У кого-то из них зашипела на груди рация.

— Командир, наблюдаю точно такую машину, как у нас. У них точно такой транспорт.

— Не может быть.

— Говорит пятый, подтверждаю. Совершенно идентичная машина. Они там, похоже, все осиное гнездо разворошили.

— Будьте внимательны. Это что-то странное.

— Говорит отряд «Плутоний». Восточный вход расчищен. Начинаем зачистку.

— Принято.

Васнецов, чувствуя, что теряет сознание, из последних сил поднял голову.

— Вы кто, мать вашу, такие? — выдохнул он.

Тот, что стоял перед ним и кого рация назвала командиром, опустил голову и посмотрел на Николая своими выпуклыми круглыми черными линзами. Из его фильтров донесся громовой бас:

— Рейдеры.

4
БРАТСТВО

Он проснулся. Казалось, его разбудил запах. Рядом с кроватью на столике стояла фарфоровая чашка, источающая приятный аромат, и свежее печенье в маленькой тарелке. Он лежал в теплой постели, пахнущей свежестью выстиранного белья. В комнате было очень светло и слышалась музыка. Николай приподнял голову, оторвав ее от непривычно мягкой пуховой подушки, и посмотрел поверх чашки. Рядом добротная деревянная кровать с новым бельем. На ней лежал Сквернослов. Он, видимо, листал какой-то журнал да так и уснул, так как в руках он еще держал это чтиво с красочными картинками. Дальше койка, на которой дремал Варяг. Васнецов медленно повернул голову. Спиной к нему стоял человек в спортивном костюме. Он тер ладонью затылок и разглядывал висящий на стене прибор, из которого доносилась музыка. Почувствовав на себе взгляд, человек обернулся. Это был Людоед.

— Здорово, блаженный, — подмигнул он и снова уставился на прибор. — Черт, да как тут... — Он легонько стукнул по динамику. — Достали уже.

Музыка прекратилась.

— Ты чего аппаратуру ломаешь? — послышался оттуда голос.

— Ничего я не ломаю, — ответил Крест.

— А чего стучишь по динамику?

— Ты бы пластинку сменил. Достали ваши блюзы уже.

— А что поставить?

— А что есть?

В динамике послышалась возня. Затем снова голос:

— «На прекрасном голубом Дунае». Пойдет?

— Штраус?

— Он самый.

— Давай, только негромко. Мои архаровцы спят.

— Ладно.

Из динамиков послышался вальс.

— Видал? — Людоед снова повернулся к Васнецову. — У них тут даже радио свое есть. — Он взял из рук Вячеслава журнал и улегся на свою кровать. — В эфире радио «Маяк», — пробормотал он, листая глянцевые страницы. — Такие вот дела, брат. И спасибо еще раз, что вытащил меня.

— Да ничего, — вздохнул Николай. — Мне, кстати, кажется, что это ты мне как-то внушил дверь открыть. Нет?

— Я, конечно, в тот момент хотел, чтобы кто-нибудь из вас догадался. Видимо, ты на каком-то уровне это уловил.

— А как ты мне на мозги действуешь, если у меня иммунитет от всего этого?

— Так ведь от чего иммунитет? — улыбнулся Крест. — Есть такая сила. А есть разум. У меня и то и другое, чего недостает и пси-волкам, и молохитам, и нашим старым добрым морлокам. Во всяком случае, я так думаю. На самом деле мне самому многое интересно. Но на все вопросы ответы, наверное, не получить.

— Ясно. — Васнецов вздохнул. — Мы где вообще?

— На базе рейдеров, я полагаю. Ты пей чай. Остыл уже. И кстати, это настоящий чай. И печенье только испекли недавно. Вкусное.

— Мы в карантине?

— Ну да. Типа того. Забрали все. Помыли. Дали спортивные костюмы и заперли тут. Принесли чаю и журнальчиков всяких, чтоб скучно не было.

— Про что журнал?

— Про военных. «Братишка» называется. Там еще, на тумбе, «Солдат удачи». Русское издание. «Военный парад». «Популярная механика». Ну, короче, все такое. С военным и техни-

ческим уклоном. Старое, конечно. Довоенное. А с бабцами нету. Славик очень расстроился по этому поводу. — Крест тихо засмеялся. — Ох и покуражили мы в этом «Аркаиме». Упыри эти, оказывается, еще и стрелять из автоматов умеют.

— Молохи?

— Они самые. Двое там шмаляли по мне. Только они не могут целиться. Лепят от бедра. Видимо, недоэволюционировали еще. Но уже и то хреново, что могут оружие в руках держать.

В комнату вошел человек. Ему было лет пятьдесят или около того. Аккуратная короткая стрижка. Военная выправка и черный мундир без погон и шевронов. Вообще без отличительных знаков.

Николая даже посетило чувство дежавю. Он вспомнил, как они находились в карантине конфедератов в Москве. Еще Макаров и Алексеев были живы. И так же вошел к ним некто в черном мундире, представившийся Людоедом. Только сейчас космонавтов с ними уже не было. А на стене вместо картины «Апофеоз войны» висело радио. И помещение более комфортное.

Человек держал в руках маленький красный блокнот. Он посмотрел сначала на Николая. Затем на Илью.

— Это ваше? — негромко спросил он Людоеда, показывая красную записную книжку.

— А что? — пожал плечами Крест.

— Простите, я бы хотел, чтобы вы ответили. И не вопросом на вопрос, а прямо. Это ваше?

— Ну, мое. А что? — Людоед насмешливо улыбнулся.

— Откуда это у вас?

— А тебе вообще какое дело? — ехидно спросил Крест.

Человек вздохнул в сторону, повел седыми бровями и снова вперил в Людоеда терпеливый взгляд.

— Пожалуйста, не надо с нами играть в игры. Я повторяю вопрос. Откуда это у вас?

— Чиновник один дал. Перед войной еще. Что дальше?

— Вот как? И вы можете сказать, что обозначает вот эта колонка цифр на корешке?

— Это мой личный код, означающий мой позывной.

— Значит, вы утверждаете, что состоите в артели?

— Я так полагаю, что и ты тоже, если книжка вызвала у тебя интерес и ты не пытался ее раскрыть, зная, что без кода содержимое зальется кислотой.

— Ну что ж. Рад встрече, Ахиллес. — Человек пристально посмотрел на Илью.

— Совершенно верно. Именно это имя и значится в цифровой колонке. А ты?

— Пересвет, — ответил человек в черном.

— Вот как? А Челубей тут есть? — Илья улыбнулся.

Незнакомец даже бровью не повел и не отреагировал на шутку.

— Нам бы очень хотелось со всеми вами побеседовать. Когда вы будете готовы? — спросил он.

— Да хоть сейчас, — пробормотал Варяг. Он открыл глаза и посмотрел на гостя. — У вас тут мило очень, конечно.

Пересвет повернул голову и посмотрел на Яхонтова.

— Вот и хорошо. Я приду за вами через пятнадцать минут.

* * *

Это было похоже на столовую. Как и в предыдущей комнате, тут не было окон, но имелось хорошее электрическое освещение. На большом столе стояло несколько бутылок с водой. Стаканы. Блюдо с нарезанными свежими овощами. Кофейник и все то же печенье в вазе.

Кроме Варяга, Вячеслава, Ильи и Николая, за столом сидели уже знакомый Пересвет и еще трое. Одеты они были одинаково, в черные мундиры. Коротко, по-военному подстриженные и гладко выбритые, они были практически ровесниками Варяга и Людоеда. Представились они как Дитрих, Вайнах и Святогор. Очевидно, Святогор был главным, и Николая не покидало ощущение, что это он сказал ему своим громовым басом сквозь фильтры маски: рейдеры...

— Значит, ХАРП, — вздохнул он, выслушав рассказ Людоеда и Варяга.

Покрутив в руке опустевший стакан, из которого он только что выпил воду, Святогор достал из нагрудного кармана пачку папирос и закурил.

— Мог бы и сам, конечно, догадаться, — снова вздохнул он, выпустив клуб дыма. — А ведь эту установку должен был уничтожить Колесников.

— Колесников погиб в первый же день. Его лодку накрыли прямо на выходе из Авачинской бухты, — заметил светловолосый Дитрих. У него даже бровь была светлая. Только одна. Над правым глазом. Вместо второй брови глубокий шрам, из-за которого один глаз всегда казался прищуренным.

— Но я надеялся, что залп он произвести успел все-таки. Н-да. — Святогор поднялся и стал медленно расхаживать за спинами своих соратников. — Однако то, что вы пустились в этот поход на Аляску, делает вам честь. Это более чем достойно уважения.

— Разумеется, — развел руками Людоед. — В санаториях нам прохлаждаться некогда.

Святогор остановился и уставился своими большими, болотного цвета глазами на Илью.

— Это что, камень в мой огород? — спросил он спокойно.

— А в чей же еще? Живете тут как у Христа за пазухой.

— Ты не владеешь обстановкой, капитан.

— Я капитан-лейтенант. И обстановку я оценил. Тепло. Сухо. Электричества вдоволь. Со шмотками, смотрю, проблем никаких. Жрачки вдоволь. Пекарня своя. Белье, мебель. Радио. Штраусы, блюзы. Журнальчики. Как и не было ничего. Никакой ядерной войны. Просто рай земной. Хорошая очень обстановочка такая.

— Эй, слушай, брат. Не надо так, да? — Вайнах нахмурился и выставил перед собой ладонь. — Мы тут тоже делом заняты.

— Ну так поведайте свою историю, — усмехнулся Варяг. — Мы ведь разоткровенничались с вами. А это, знаете ли, не просто. Всю дорогу мало кто испытывал чувство гордости и энтузиазма по поводу нашей миссии. Нас все больше грохнуть пытались. Мы и так треть своей группы потеряли.

— Хорошо. Признаюсь честно, вам повезло, что среди вас человек из артели. Иначе ваш статус был бы тут иным, — кивнул Святогор. — Вы должны понимать, что мы сверхсекретная структура. Основана в самом начале группой артельщиков. Мной в том числе. Непрошеных гостей мы не очень жалуем. Но вы пришли на передатчик системы ГЛОНАСС, работоспособность которого мы поддерживаем долгие годы. Он приманивает к себе артельщиков, и мы вербуем их в наше братство. Кстати, Ахиллес, где ваш «Кулон»?

— Что такое «Кулон»? — тихо спросил у Ильи Васнецов.

— Портативный передатчик глонассовский. Типа карманного компьютера. Хорошая штука. — Затем Крест обратился к Святогору: — Я его потерял. Давно уже. Много лет назад.

— Очень халатное обращение с таким ценным имуществом...

— Слушай, генерал, я же сказал уже, что в санаториях не отвисал. Я выживал все эти годы. Воевал. Боролся. Только не

надо мне втирать, что у всех ваших «Кулоны» до сего дня сохранились. Батарея сдохла, и все. На кой черт его с собой таскать?

— Ну, хорошо, — спокойно кивнул тот. — Допустим. Но как вы засекли маячок?

— При помощи радиостанции нашей машины. Да у вас же точно такие. Будто не знаете.

— Послушайте, а ведь майор ВДВ Николай Васнецов пришел на ваш передатчик тоже без «Кулона», — подал голос Николай. — Видимо, тоже его давно потерял. Во всяком случае, никакого прибора такого я у него никогда не видел. Так к чему эти вопросы?

Все уставились на него. Причем у артельщиков был недоуменный вид.

— Откуда ты знаешь, парень? — строго спросил генерал.

— Шесть лет назад. Или около семи. Ведь приходил? — Васнецов недобро смотрел на Святогора.

— Я спрашиваю, откуда ты знаешь? Действительно. Был такой. И с ним...

— Ермаков Дмитрий. Краповый берет. Верно? Так вот. Я сын майора Васнецова.

— Ну дела, — пробормотал Пересвет.

— Это так, — кивнул Святогор после минутной паузы. — Был такой. Тогда наше братство все еще формировалось. И тех условий, о которых с таким негодованием говорил Ахиллес, у нас по большей части не было. Мы встретили этих двоих, когда они вышли на поверхность. В те времена мы, получив сигнал от датчика в пещере, что кто-то пришел к тайнику, не могли быстро прийти на место. Мы тогда располагались дальше, чем сейчас, от этой горы. На базе охранения. Ермаков был тяжело ранен. А отец твой с группой наших разведчиков на МТЛБ подался на запад. Он говорил, что ему в столицу надо, брата разыскать. Больше ни о нем, ни о наших разведчиках мы ничего не слышали.

— А с Ермаковым что стало? — спросил Варяг.

— Мы его выходили. Он с нами остался. Потом он по нашему заданию внедрился в одну весьма странную, но интересную нам общину. Они на той стороне от гряды. Называются вандалами.

— Вандалы? — удивился Сквернослов.

— Да. Вы слышали о них? Мы планировали использовать их в борьбе с молохитами. Но вот вчера разведка доложила, что

вандалы сдуру напали на Вавилон и потерпели серьезное поражение. Теперь мы не знаем, что с Ермаковым. Жив он или нет. Связь с нашей агентурой потеряна. Есть сведения, что оставшиеся вандалы снялись с места и ушли куда-то на юг. Короче, мы потеряли серьезный потенциал в их лице.

— Твою мать, — тихо вздохнул Вячеслав. — Эх, Колян, говорил я, не за тех мы воевали.

— Как же так... — сокрушенно пробормотал Николай.

Он вдруг осознал, что его невероятное чутье, которым он стал гордиться, подвело его. Но разве в той ситуации был какой-то выбор?

— Да, сынки, — угрюмо кивнул Варяг, — вот что такое гражданская война.

— Эх, знал бы прикуп, был бы королем, — досадливо вздохнул Людоед. — Знаешь, генерал, этих ваших вандалов я в основном покрошил.

— Не бери все лавры себе, Илья, первым по ним огонь открыл я, — ухмыльнулся Васнецов. Он, конечно, понимал, что Крест хотел все взять на себя в этой ситуации. Но сам трусливо молчать не хотел.

— Да ладно. И мы в стороне не сидели тоже, — присоединился к нему Варяг.

— Это как понимать? — нахмурился Святогор.

— Мы были в Вавилоне на постое, — ответил Крест. — Именно тогда эти вандалы и напали на город. Что нам оставалось делать? Мы организовали оборону, поскольку вавилонские вояки в основном никуда не годились. Так что... форс-мажор получился.

Генерал потер массивный подбородок.

— Н-да. Ситуация.

— Погодите. Как это вы в Вавилоне на постое были? — Дитрих подозрительно оглядел гостей. — Вы туда на своем вездеходе приехали, и в Вавилоне не поднялась паника? Ведь все знают, что такие машины только у рейдеров. А рейдеров сам черт боится.

— Повезло нам на самом деле, — улыбнулся Варяг. — Попались нам по пути два идиота, которые, завидя вездеход, драпанули как зайцы. Ну, мы смекнули, что что-то тут не так. Когда увидели Вавилон, то машину заныкали в лесу и в город подались на лыжах. А уж там и про рейдеров услышали, и про молохитов, и про вандалов этих ваших, которые так не вовремя

напали. Кстати, а почему вы в своей войне с молохами сделали ставку на вандалов, а не на Вавилон, например?

— Вавилон? — Генерал демонстративно поморщился. — Им впору называться Содомом. У вандалов война и уничтожение остатков разрушившей мир цивилизации возведены в ранг религии. А что такое Вавилон? Сборище зажравшегося и изнежившегося в поисках удовлетворения своей алчности, похоти и прочих низменных инстинктов отребья. Мелочные людишки, живущие одним днем и сиюминутной слабостью. Да кто в здравом уме в нынешних условиях сделает на них ставку? Да, вандалы отморозки, но их боевой потенциал как никакой другой был бы полезен в атаке на Нижний Аркаим. И цель их была бы не столько победить, сколько разворошить это осиное гнездо. Уничтожить как можно больше молохов и самим в этой битве ослабеть.

— Пушечное мясо, — покачал головой Людоед.

— Именно. И жалеть их нам никакого резона не было. Но не использовать такую возможность мы тоже не могли. Зачем гибнуть нашим парням, когда можно стравить врагов человечества и противников здравого смысла, убив при этом одним выстрелом двух зайцев, а затем довершив уже своими силами истребление этих исчадий ада, что прячутся в горе?

— Нижний Аркаим? — Варяг достал из кармана спортивной крутки трубку и стал набивать ее табаком. Курительные принадлежности и ему, и Людоеду при обыске разрешили оставить. — А что, есть еще и Верхний Аркаим?

— Вы в нем находитесь, — кивнул Дитрих. — Это комплекс правительственных убежищ и запасной командный пункт. Которым, правда, никто так и не воспользовался. Вообще, по правде говоря, от нас до цитадели молохитов всего каких-нибудь двести метров. Раньше тоннель соединял оба объекта. Но потом, когда все вышло из-под контроля, его взорвали.

— Вышло из-под контроля? — Людоед посмотрел на генерала, затем на его соратников. — Так, товарищи, давайте все по порядку. А то сумбур какой-то получается.

— В этих горах долгие годы функционировал сверхсекретный комплекс. Некоторые его объекты с самого начала работали в режиме полной изоляции от внешнего мира, словно условия ядерной войны существовали всегда, — начал говорить Святогор. — И продолжали работать и после войны. Тут были десятки ученых. Спецназ из числа охраны. Сотрудники ФСО

и ФСБ, СВР и ГРУ. Некоторое количество чиновников и высших военных руководителей тут укрылось. Сам комплекс состоит из множества объектов. Самые крупные — это Нижний Аркаим и Верхний Аркаим. Про тот ход, через который вы проникли на объект, мало кто знал. На тот объект один главный ход. Это восточный тоннель. Еще второстепенный, это с нашего блока. И запасной, небольшой тоннель, ведущий с подножия горы. Он тщательно замаскирован, и мы только пару лет назад его нашли. Им вообще лет тридцать, наверное, не пользовались. Что касается выживания после ядерной войны, то тут, в Аркаиме, это было более чем возможно. Другое дело сроки. Здесь в подземельях есть гидропоника, оранжереи. Предусмотрены, еще во времена холодной войны, блоки, где в случае необходимости можно было развернуть небольшую животноводческую ферму. Атомная станция, природные источники воды. Производственная база для выпуска определенной продукции. В первую очередь, конечно, военного назначения. Например, тут было налажено мелкосерийное производство «Каштанов» и еще нескольких видов огнестрельного оружия и боеприпасов к ним. Производство взрывчатки. Уникальный комплекс по ремонту и обслуживанию передвижных систем ПВО и многоосных тягачей комплекса «Тополь». На этой рембазе, дающей фору иному машиностроительному предприятию, незадолго до войны было развернуто производство транспортных средств особого назначения. Этот ваш луноход был изготовлен здесь. Была выпущена небольшая партия в десять машин. Первые две — это испытательные прототипы. Они пропали. На полигоне были, когда все началось. Одну отправили вроде как на Луну. Семь остались в разной степени готовности и укомплектованности тут, в ангаре, и попали нам в руки. Впоследствии мы довели их до рабочего состояния и успешно используем. Две наши машины имеют только электрическую силовую установку и сконструированы сугубо под нее. Остальные идентичны вашей, с бета-гальваническим источником. Костюмы, кстати, тоже произвели здесь.

— А их для чего? — спросил Людоед. — Только не надо говорить, что они сугубо для молодчиков артели были сконструированы. Не поверю.

— Ну, в общем, верно. — Командир рейдеров кивнул. — Не для артели. И если ты думаешь, что на один именной тайник приходится один костюм, то ты ошибаешься. Такие костюмы

только в тайниках, что тут, по Уралу были. Это логично, ибо собирали их тут. Ну, вроде я слышал, что пара-тройка таких костюмов была отправлена в Москву. Для верховного главнокомандующего и еще для кого-то. Но подтверждения таким сведениям я не нашел, и мои товарищи тоже. Что касается самого снаряжения. Это, так сказать, костюм для атомной войны. И не только. В основе своей в его проектирование были вложены задачи по созданию универсального средства защиты от пси-оружия, загрязненности окружающего воздуха и от ручного стрелкового оружия. Возможность атомной войны отчего-то со счетов сбросили, и считалось, что в новой мировой войне основным средством массового поражения будет пси-оружие. Но началась такая карусель, сами знаете. Может, кто-то, не имеющий пси-оружия, но имеющий ядерное, из страха решил упредить и начал цепную реакцию всего этого безумия. Может, наоборот, начало применения пси-оружия свело с ума тех, кто мог применить ядерное, и они применили. Сейчас уже не разобраться.

— А что за пси-оружие? — спросил Варяг. — Телевизор за него сойдет? — Он явно шутил.

Рейдер улыбнулся.

— Едва ли. Хотя в этом есть доля здравого смысла. Ну а если серьезно... Ну, торсионные излучатели, например. — Святогор потер лоб, вспоминая. — У нас в советские времена один киевский НИИ изготовил, кажется. Способны дистанционно влиять на психику человека. Ну а из современных, на момент начала войны, это тот же ХАРП. Или наш проект «Ареал».

— Так ведь ХАРП на природу влияет. На ионосферу и все такое. Разве нет? — Яхонтов пыхнул трубкой.

— Да он на все влияет. И на общее психополе, и на магнитосферу. Ведь во время магнитных бурь из-за солнечной активности у психически больных начинались обострения, и это факт. Так что тут все взаимосвязано. И мы, и они готовили такое оружие для будущей возможной большой войны. И соответственно готовили средства защиты. Но нам тягаться с ними было трудно. Причина банальна. Деньги. Наш костюм просто опытный вариант. Недоведенный. Они вложили в подобный костюм куда больше средств и добились внушительных результатов. Тут были данные на этот счет от разведки. Ученые изучали эти данные. Нам бы такое финансирование. Понятно, конечно, что у них было неоправданно раздутое влияние доллара

в мире, и ясно, что полмира попало в экономическую кабалу к ним после двух мировых войн. А после развала СССР и весь остальной мир в эту кабалу запрягли. Но тем не менее их интересная такая система сдержек и противовесов не позволяла незаметно для общественности производить большие вливания в сверхсекретные проекты. Мы очень поздно поняли, где они черпали альтернативные средства. То, что спецслужбы их работали с мировым наркотрафиком, делая на этом огромные деньги, это было ясно давно, и наши в свое время тоже такой метод взяли на вооружение. Но вот, например, зачем нам надо было срочно производить луноход? И не один, а партию? Да потому что выяснилось, что американцы уже долгие годы отправляют туда тайком грузы.

— На Луну? Что за грузы?

— Да кто его знает? А хоть и ящики с болтами и гайками? Представьте, что они отправляют туда стройматериалы маленькими партиями. А потом прилетят люди и начнут быстро возводить базу на Луне. Фантастика? Да вовсе нет. Но то, где они брали на это деньги, просто гениально. Была в свое время такая истерия во всем мире. Всякие там летающие тарелки, инопланетяне, «Розуэльское дело», кинопленка со съемками вскрытия пришельцев, проект «Голубая книга» и тому подобная чепуха. Так вот, это была игра финансистов их черных закрытых проектов на банальной человеческой мнительности. Они просто играли с глупой общественностью. Подбрасывали утку, раздувая веру обывателей в НЛО и пришельцев, а потом с каменным лицом говорили, что это зонд, болотный газ или шаровая молния. И истерия еще больше возрастала. Люди думали, что своим отрицанием власти подтверждают, что что-то знают! И вот на этом они делали огромные деньги. Публикации, кассеты, диски, фотографии, фильмы. Это, оказывается, такой прибыльный бизнес — делать деньги на бессмертной человеческой мнительности и суевериях. Взять хотя бы их «Зону-пятьдесят один». Ну ведь, в конце концов, про нее только младенец грудной не знал. Но всюду говорили, что правительство США отрицает ее существование. Уже одно это бред. Однако только на одном бренде с названием «Зона-пятьдесят один» они сделали миллионы. Даже с их грузами на Луну. Вроде секретно все. Но то и дело астрономы или космонавты при наблюдениях Луны замечали какие-то пролетавшие тени. Фиксировали какие-то объекты. И опять истерия про НЛО в прессе. Люди все охотно

покупают, а ученые не придают этому значения уже потому, что об этом пишет бульварная пресса. Американцы понимали, что режим абсолютной секретности невозможен в принципе, и поэтому всегда вели искусную игру по оболваниванию и скрытию истины. Они просто прятали иголку истины в стоге из всякой абракадабры. Молодцы, что и говорить. То же самое было и с ХАРПом. Об этом так много писали и говорили, причем в большинстве люди и издания, далекие от науки, что в итоге все просто перестали воспринимать угрозу всерьез, а ХАРП чуть не стал культовым символом и сувениром эпохи. Да вот только вышло в итоге все так, как вышло...

— Действительно молодцы, — хмыкнул Людоед. — Деньги делали из ничего буквально. И вкладывали правильно. Ну а наши что, целую роту туда отправить решили? Десять луноходов не шутки. Тут для одного ракета с Останкинскую башню нужна, если не больше. А для десяти?

— Во-первых, планировалось отправить четыре. И только один для людей. Остальные роботизированные должны были быть. Управляемые дистанционно из ЦУПа. Еще два наши собирались продать Индии. И вроде как два или три — Китаю. Остальные для наземных испытаний и дальнейших разработок.

— То есть они, американцы, делали деньги на свои проекты на сказках про Санта-Клауса, а наши окупали свои сверхсекретные проекты, продавая секреты этих проектов третьим странам? — Варяг покачал головой. — Умно. Ничего не скажешь.

— А что оставалось делать? Выкручиваться как-то надо было. Те, кто покупал пятипалубные яхты, гнал нефть нескончаемым потоком за рубеж, тратился на футбольные клубы и всякие яйца Фаберже, не стали бы платить нашим ученым. Зачем? Зачем стараться вкладывать в нищую страну, когда можно просто уехать со своими деньгами в богатую? И если говорить о том, была ли совесть у тех, кто игнорировал беды своего народа, закрывая на них глаза, у тех, кто плевал на будущее своей страны, или у тех, кто довел мир до непоправимой катастрофы, я скажу сразу: конечно была. И у тех, кто кнопки в итоге нажимал. Была у них совесть. Но ведь совесть человека, как отпечатки пальцев. Штука индивидуальная. И у каждого своя.

— У тех, кто жал на кнопки, была совесть? — Сквернослов изобразил удивление. — Столько народу положить!

Людоед медленно повернул в его сторону голову и усмехнулся, закуривая сигарету. Сквернослов едва ли забыл про то, что один из таких «нажимателей» сидит рядом с ним.

— Конечно была, — кивнул Святогор. — Я же говорю, у каждого своя. Что такое, столько народу положить? Это цифры. Статистические данные. Графики и схемы. Предполагаемые потери. Приемлемые потери. Это ведь все официальные термины. Мерила цивилизованного общества. Другое дело, что за этими сухими и беспристрастными выкладками чьи-то реальные судьбы и жизни. Но это, еще раз повторю, совсем другое дело. Политики вершили судьбы вверенных им стран и народов, четко отделяя эти схемы и графики от людей реальных и для них живых и небезразличных. От своих семей. Родных и близких. Жен и детей. Даже от своих породистых собак. Генералы говорили о приемлемых потерях. Медицинских или невосполнимых, когда это не касалось их сыновей. Погибшие солдаты — это всего лишь табличка с надписью «Груз-двести». Гибель мирного населения — лишь побочный и неизбежный результат. Народ, толпа, люди — понятия абстрактные, если это не родная мама, дочь, отец, сын, сестра, брат... Это ведь чужие сестры, отцы, любимые. Фундамент мироустройства последнего этапа нашей цивилизации зиждился на рациональном прагматизме, построенном на расчете, цинизме, лицемерии и лжи. Но это по отношению к абстрактным людям. Своих же детей, родных и близких они так же любили, холили и лелеяли, как и всякий другой человек. Вот и все.

Жестоко это звучит? А кто говорил, что истина бела и чиста? Истина, друг мой, — это, как правило, боль и разочарование. Мы ведь тоже много лет назад собрались и организовали из членов нашей артели эдакое братство. Идеалисты по молодости были. Верили в человека и в человечность. Мечтали о возрождении. Надеялись, что преодолеем трудный период и начнем заново отстраивать свою страну. Но когда, год за годом, в этом райском уголке среди выжженного мира начали усиливаться противоречия между сотрудниками разных служб и влияющих на них тех или иных чиновников и прочей укрывшейся тут элиты, то постепенно стекла наших розовых очков стали трескаться. Лет десять назад все это переросло вообще в вооруженное противостояние тех, кто контролировал Нижний Аркаим, и тех, кто был в Верхнем. Все поделились на группировки. Это была эдакая гражданская война в подземелье. Те, кто был в Нижнем, решили бросить на противника свое биологическое оружие. Молохитов. Небольшую группу подготовили и... Молохиты решили, что для них все люди враги. В том числе и те, кто их создал. Потом и наша группа решила, что так дальше продолжать-

ся не может. В итоге с одной стороны — они, а с другой стороны мы уничтожили тут всех, кто так или иначе не мог внушать нам доверие. Кто был опасен для нас и уже был не в состоянии перековаться под наши идеалы. Потом, понимая, что молохи — это серьезная сила, мы взорвали тоннель и пустили по вентиляции в Нижний Аркаим боевой газ, решив умертвить там все живое. Но кто-то там вырубил вентиляцию, и наша затея до конца не удалась. Мы стали отправлять туда штурмовые группы, но они не вернулись. Более того, после вылазки нашей третьей штурмовой группы они, а мы полагаем, что там уже всем заправляли молохи, замуровались изнутри. Мы стали готовиться основательно к тому, что Нижний Аркаим надо вычистить и захватить. Но шесть лет назад один псих, вызвавшийся быть проводником для майора Васнецова, включил цикл разморозки большой партии молохов третьего поколения. Тех, кто долго не старился, но быстро рос, достигая репродуктивного возраста за год. В криокамерах их было, по нашим данным, около трехсот. Сколько их сейчас, трудно вообразить.

— Прошлой ночью их стало чуточку меньше, — пробормотал Людоед. — Как, впрочем, и моих патронов.

— Насчет боеприпасов не переживай. У нас тут этого добра на пару эшелонов. Поможем. — Святогор улыбнулся. — Ради такого святого дела, на которое вы пошли. И кстати, у меня вопрос насчет боеприпасов. Мы, естественно, тщательно обыскали все ваше имущество и машину. Ты, Ахиллес, отдаешь себе отчет, что за штуковина у вас в ящике лежит?

— Разумеется, — покачал головой Людоед. — Я работал с такими устройствами. Это ядерный заряд.

— А для чего он вам?

— Я его берег много лет. Думал, пригодится. Пригодился. Это теперь наш безотказный выключатель ХАРПа.

— Ну, насколько он безотказный, учитывая его возраст, скажут утром мои специалисты после тестов. И я, будучи убежден в вашей решимости выполнить эту миссию, хочу предложить вам еще парочку подобных устройств.

Варяг удивленно уставился на Святогора и вымолвил:

— У вас есть ядерное оружие?

Генерал сел наконец на свой стул и утвердительно кивнул:

— Есть. Но без носителей. Это не ракеты. Портативные заряды. Так что... вам нужно еще? — Он взглянул на Илью, ожидая ответа от него.

Крест сделал сильную затяжку и сосредоточенно смотрел на пепельницу, о чем-то усердно думая. Генерал терпеливо ждал. Людоед наконец раздавил окурок и отрицательно мотнул головой.

— Нет. Нам нужен только один заряд.

— Что?! — воскликнул Скверослов. — Крест, ты чего? Как это так? Зачем отказываться от такой удачи? Нам же еще пригодится!

— Славик, заткнись, когда старшие разговаривают, — раздраженно бросил Людоед.

— А я что, маленький, что ли? Ты чего городишь? — Он повернулся к Яхонтову. — Варяг! Варяг, ну скажи ты ему, что нужно еще взять!

Искатель пристально смотрел на Людоеда, задумчиво покусывая мундштук трубки. Затем вымолвил:

— Илья прав. Только один заряд.

— Мужики, да вы чего?! — не унимался Вячеслав.

— Все! — рявкнул Людоед. — Решили и на том тему закрыли! — Затем он обратился к генералу, желая повернуть разговор в другое русло: — Ты тут про идеологию вашу что-то упоминал. В чем замут?

— Идеалы братства превыше всего, — пожал плечами Святогор. — Все очень просто. Высшая ценность — братство. И на том стоим. Собираем тут все, что может иметь ценность для будущего возрождения. Литературу, диски, станки, чертежи, произведения искусства. Все накопленные знания прошлого и весь, удачный и не очень, опыт человечества. И вот эти бумаги, что вы оттуда вытянули, очень нам пригодятся. У истоков возрождения новой империи стоять должно братство, и государственное устройство будет основано на добродетельной и сильной власти братства.

— Власть может быть добродетельной? — усмехнулся Варяг.

— Разумеется, если власть не единоличное правление одного человека, а власть братства. И тогда весь народ, выращенный и воспитанный на этих идеалах, постепенно станет одним большим братством. Единая, монолитная и великая империя.

— Утопия, — вздохнул Яхонтов.

— Это ты так думаешь, — строго заметил Дитрих.

— Ну ладно, спорить не буду, — поморщился Варяг. — А что за история с рейдерами?

— Да все очень просто, — улыбнулся Святогор. — Мы структура секретная. Всегда так было. Потом, когда мы упрочили свои позиции тут, в Аркаиме, и стали собирать наших артельских коллег, то пришлось устраивать походы в близлежащие окрестности. То тут, то там возникали различные банды и группировки, которые могли угрожать если не нападением, то рассекречиванием нашей базы. Одних мы громили, других стравливали друг с другом. Третьих не трогали из-за их положительных качеств и действий, налаживая через внедренных туда наших агентов контроль над группировкой. Однако постепенно поползли слухи, что орудует какой-то загадочный отряд в Уральских горах и окрестностях. А те немногие свидетели, которым повезло выжить после нашей работы, твердили о странных роботах или еще о чем-то фантастическом и странных машинах. Тут хорошую службу нам сослужили костюмы и вездеходы. Вот тогда мы и помогли зародиться легенде о рейдерах. Иногда специально, разбивая караван наркоторговцев, людоедов, бандитов или рабовладельцев, позволяли кому-то уйти, чтоб тот продолжал эту легенду, наводя на всех ужас. Слово «рейдеры» — звучное, внушающее мистический страх. Не банальные вандалы или мародеры, а именно рейдеры. Что-то непонятное и грозное. На грани фантастической реальности и мистического, суеверного страха. И как итог, никто уже долгие годы не суется в наш район горной гряды. Никто даже не пытается пересечь Уральские горы ни здесь, ни на сотни километров вокруг. Потому как есть молохиты, а есть еще и рейдеры, которые, в отличие от тех, мобильны и хорошо вооружены. Но кто это, никому неведомо...

— А если кто сунется, убиваете? — спросил до сих пор молчавший и внимательно всех слушавший Васнецов.

— Зачем же? Если это отморозки, то кончаем их, конечно. Если по дурости полезли, то зависит от того, что они собой представляют. Либо вербуем, либо берем в вечный плен. Пленники живут тут хорошо, иные вольные с разрушенных городов позавидуют. Но заняты на работах. Однако сильно мы их не перегружаем.

— И тем не менее они пленники, пусть и в тепле и сытости, — покачал головой Яхонтов.

— Ну а что делать? Секретность блюсти надо. Я же говорил, вам сильно повезло, что среди вас наш человек, артельский, хоть и не в курсе наших дел. Но благодаря ему мы отнеслись к вам как к равным.

— Какая честь, — произнес Варяг с неприкрытым сарказмом. — А как насчет ХАРПа? Кто, если не мы?

— Ну и это, конечно, тоже. — Святогор кивнул, не обращая внимания на сарказм.

— Так вы нам поможете? — Крест пристально посмотрел на генерала.

— Я же сказал. Боеприпасы, какие надо. Техники осмотрят вашу...

— Это само собой. А как насчет усилить группу вашими людьми? Как насчет костюмов?

Святогор тяжело вздохнул и посмотрел мимо Ильи.

— Нет, — коротко сказал он.

— Здорово! — зло воскликнул Людоед. — И почему?

— Почему? У нас каждый человек на счету. И нас не так много, как кажется. Более того, на нас вся инфраструктура. У многих тут семьи, которые надо защищать и о которых надо заботиться. А еще и десятки пленных. У нас отточенный годами баланс. Я не могу жертвовать людьми. Даже если кто-то добровольно захочет к вам присоединиться, я им не позволю. Но сомневаюсь, что такие найдутся, ибо у нас братство превыше всего. То же касается и костюмов. Они есть не у каждого. Они именные. Их мало. Производство мы наладить не смогли. И они нам очень нужны в борьбе с молохитами и во многих других вопросах. Так что эти два пункта обсуждению не подлежат.

— Да чего будут стоить вся ваша борьба и все ваши идеалы, если планета погибнет?! — воскликнул Крест.

— Один раз уже погибла. Ничего. Сильнейшие, то есть мы с вами, выжили. Но вы тоже не забывайте, что вы, уничтожив ХАРП, дадите шанс не только нам или себе. Но всей нечисти в том числе. И молохитам, и бандитам, и всякому отребью. А молохи ждут своего часа. Они прячутся в своей норе и учатся. Они уже научились стрелять из автоматов. Они производят там себе пищу. Там у них резервный ядерный реактор, который еще работает на автономке и дает им электричество и тепло. И они все чаще устраивают вылазки по ночам на поверхность и все дольше находятся на улице, только для того, чтобы организм их привык к холоду. И тогда они ринутся в наш мир. Понимаете? Чего будет стоить ваша миссия, если в итоге победят худшие из людей или вообще не люди? Но мы реальная сила, способная противостоять здесь темным силам. Так давайте каждый заниматься своим делом!

— Реальная сила? Да вы просто позеры, — фыркнул Крест.

— Капитан! Не забывайтесь! — Генерал хлопнул кулаком по столу и поднялся. — Не надо испытывать мое терпение и великодушие! Я говорю в последний раз, что ни людей, ни костюмов мы вам не дадим! Но вы получите новую одежду, патроны и гранаты, сколько сможете увезти! Еду и медикаменты! Наши техники приведут в порядок вашу машину, которая уже на ладан дышит, о чем вы, подозреваю, даже не в курсе! Мы проверим вашу бомбу на предмет ее пригодности к использованию!

— Генерал, — тихо позвал Пересвет. — Генерал!

— Что?

— Один из них летчик. — Пересвет кивнул на Варяга.

— Кстати. — Святогор сразу успокоился и посмотрел на Яхонтова. Подумав минуту, он добавил: — На каких типах машин летали?

— МиГ-двадцать девять в основном. — Варяг непонимающе посмотрел сначала на Пересвета, а потом на генерала. — А что?

— И все?

— Ну, еще МиГ — двадцать один. С инструктором на Миг — тридцать один и на Су — тридцать четыре летал. «Кукурузник» или «цессну» какую с закрытыми глазами... А почему спрашиваете?

— И какой опыт?

— Ну, не ас, но умею.

— До сих пор?

Яхонтов нервно усмехнулся:

— Да это как на велосипеде... Раз научился, потом стоит только за баранку сесть.

— А что-нибудь большое осилите?

— Слышь, генерал, — нахмурился Людоед. — Ты не тяни кота за все достоинства. У вас что, самолет тут припрятан?

— Не тут. Под Екатеринбургом. В надежном месте. Сюда мы его, конечно, перетащить не можем. Но регулярно проведываем. — Святогор улыбнулся, сменив гнев на милость. — Иногда контрольный запуск двигателей производим. Поддерживаем в рабочем состоянии.

Варяг подавился дымом своей трубки и, заливаясь кашлем, пробормотал:

— Что за самолет?

— Ил-семьдесят шесть.

— Тю... — разочарованно вздохнул Крест. — Был бы Ту-сто шестьдесят, через три часа ХАРПа уже бы не стало.

5
КОНВОЙ

Смутное, еще не до конца сформировавшееся ощущение разочарования уже протоптало дорожку, чтобы поселиться в душе. Каждый раз убеждаться, что всюду и все, в общем-то, одинаково, — значит разочаровываться снова и снова. И Николай это чувствовал. И эта база, и эти люди исключением не стали. И тут вражда, амбиции, ненависть и какая-то политико-идеологическая подоплека, за которой не видно было ценности простых человеческих жизней. Вся действительность била по рукам, заставляя все время думать о целесообразности их миссии. И Васнецов чувствовал постоянное смятение оттого, что он был полон решимости уничтожить ХАРП и не сомневался в том, что это сделать необходимо. Но при этом он то и дело задавался вопросом — зачем? И теперь к прежним разочарованиям добавилось и разочарование в рейдерах. Он, когда еще только услышал о них, чувствовал, что они приблизились к какой-то великой тайне, и, столкнувшись с ними, облаченными в эти диковинные костюмы и обладающими луноходами, ощутил, что это какая-то великая и могучая сила. Возможно, так на него подействовало их облачение, из-за которого он стал их идеализировать, спроецировав образ отца. Но они оказались обычными людьми, причем, судя по реакции и поведению Варяга и Людоеда, не самыми лучшими из тех, кого они могли встретить на своем пути. Его чутье, на которое он последние дни всецело полагался, опять подвело? Просто он, наверное, еще не может контролировать свои способности, в наличии которых не желал сомневаться. Во всяком случае, рейдеры и не самые плохие из людей, что им попадались. Они ведь обещали помочь. Более того, готовы даровать им самый настоящий самолет. И теперь Варяг, сидя на своей койке, перебирал разложенную на столике внушительную кипу технической документации и учебных пособий, которые ему дали рейдеры. Вся эта литература касалась исключительно летного дела и самолета Ил-76, о котором сам Николай не имел ни малейшего представления.

Сквернослов нервно перелистывал страницы одного лежащего на тумбе журнала за другим, совсем не вникая в содержание. Что-то злило его, и резкое перелистывание страниц помогало ему либо держать себя в руках, либо переадресовать свою агрессию на бумагу.

— Ну где этот Крест опять? Его уже часа два нет! — воскликнул наконец он.

— Угомонись, — пробормотал Варяг, задумчиво глядя на очередную страницу изучаемой им технической литературы. — Дела у них артельские. Обсуждают, наверное. Есть о чем поговорить. Ложись спать. Когда еще будет такая постель и чистое белье...

— Варяг! — продолжал свои восклицания Вячеслав. — Почему вы от дополнительных бомб отказались, а?!

— Слушай, не мешай мне. Я занят, — зло пробубнил Яхонтов, пытаясь сосредоточиться.

— Колян, а ты чего молчишь?! — Сквернослов обратился к Васнецову.

— А что мне, как ты, орать? — равнодушно произнес лежавший на кровати Николай, задумчиво глядя в белый потолок.

В помещение кто-то вошел. Все, кроме Яхонтова, посмотрели в его сторону. Это был Людоед. Его спортивный костюм, который выдали рейдеры всем после задержания, сменился на новый черный мундир, точно такой, как у хозяев этого убежища.

— Поздравьте меня с обновкой, — ухмыльнулся он. — Морпеховский ПШ мне больше нравился, конечно. Но он уже свое отжил. Особенно после радушной встречи молохитов. А этот с иголочки совсем.

— Я надеюсь, ты не решил остаться со своими коллегами? В братство ихнее не обратился за такой щедрый подарок? — Варяг наконец посмотрел на него.

— Нет, конечно. Я с вами, не волнуйся, — вздохнул Крест, садясь на стул. Затем он приложил к губам палец и молча указал на висевший радиоприемник.

Яхонтов поднял бровь, покрутил ладонью возле уха и тоже кивнул на радио. Людоед в ответ молча качнул головой. Эти жесты, видимо, значили, что рейдеры постоянно прослушивают помещение.

— Ты почему от бомб отказался, что они предложили? — резко спросил Вячеслав.

Крест внимательно посмотрел на Сквернослова, затем хмыкнул, покачав головой, и ответил:

— По той же самой причине, по которой в группе не должно быть женщины.

— Я не понял?!

— Вот в этом твоя беда, Славик.

— Да ты толком объясни, черт тебя дери!

— Соблазн, — сказал Людоед. — Что такое соблазн в таком деле? Ну, у нас не одна атомная бомба, а две. Три. И что тогда? В пути встретим еще утырков разных типа людоедов, бандитов, молохитов, вандалов... И к каждому придет соблазн. Ведь так легко и просто избавиться от врага, превратив его в пепел. Не напрягаясь. Не тратя сил и патронов. Надо только отойти подальше и взорвать. Разве нет?

— А если для дела надо? Ну, мало ли какие обстоятельства?! А?! — Вячеслав не унимался и продолжал наседать на Людоеда.

— Для дела надо? — Илья медленно поднялся и сделал два шага к Сквернослову. — Для дела, говоришь, надо? — Он схватил Славика за ворот и заорал: — Ты забыл, в каком мире живешь?! Ты забыл, что этот мир сделало таким?! Соблазн, мать твою! Такие вот бомбы! Дурные головы!

— И ты! — Вячеслав оскалился, обличающе глядя в глаза Илье. — Ты! Ты ведь жал на кнопку! Ты и такие, как ты...

Получив головой в переносицу, Сквернослов рухнул на кровать и схватился руками за лицо.

— Сука...

— Да, — спокойно произнес Крест. — Я нажал на кнопку. Не первый. Но это уже роли не играет. Я нажал на кнопку. И именно поэтому я говорю, что больше никаких бомб. Я ведь знаю, каково это. Это ведь я чувствую, как вокруг меня, словно смерч, кружатся души невинных жертв всего того безумия, которое подвело меня к такому выбору. И я о своей ответственности не забывал ни на секунду. И это бремя мне нести, не тебе, сосунок. Именно поэтому я имею право говорить. Больше никаких бомб. Только одна, как неизбежное зло. И то на случай, если иного способа ликвидировать ХАРП не будет. Не во имя истребления, а ради жизни. Только одна бомба, и никакого выбора. Никакого соблазна. Никаких взрывов, ни в моей стране, ни в другой, быть больше не должно. Потому что все это — наша планета. И другой не будет и быть не может. И шанс у нас

только один. Поэтому не надо искушать судьбу. Оппенгеймер сказал уже после того, как ядерное оружие испытали на мирных людях: «Мы сделали работу за дьявола». И надо было видеть его глаза, которые сохранила кинохроника, чтобы понять, какую жуткую истину он осознал. Заигрались интеллигентные ученые. Разве только Нильс Бор и Клаус Фукс чувствовали ответственность и отдаленно понимали, к чему все идет, и хотели что-то сделать наперекор. Да тебе эти имена ничего не скажут. Но смысл, что заигрались люди. И в этом тот самый соблазн. И не надо испытывать себя такими соблазнами. И таких обстоятельств, в которых без ядерного оружия не обойтись, просто не может быть. Все, что противоречит этому утверждению, лишь следствие человеческой слабости и глупости. А слабым быть нельзя. И надо умнеть.

— Ты ему так нос сломать мог, — вздохнул Варяг.

— Я знаю, как бить. Не волнуйся. Но если по-другому разум в человеческую голову не вбить, то приходится так. — Он снова сел на стул. — Кстати, Варяг, поздравь меня. Я теперь полковник. Капитан первого ранга.

— Поздравляю. — Яхонтов улыбнулся. — За какие заслуги?

— За то, что выжил. За то, как подкорректировал за эти годы черный список, что в моем красном блокноте. За то, во что ввязался с вами.

— А чего не генерал? — спросил Николай.

— Тут уже есть генерал. Зачем еще один, хоть и на временном постое? Я и так своенравный очень. — Людоед устало оперся о стену и вздохнул. — Я спросил у них насчет администратора Вавилона. Знают ли они, что он в черном списке. Да и не могут они этого не знать. Блокноты с черным списком есть ведь у каждого.

— И что?

— Знают. Объяснили мне, почему его никто не убивает. Его в список кураторы наши тогда внесли не по политическим и идеологическим соображениям. И не из соображений правосудия. Просто тот, кто составлял список, имел к этому человеку личные счеты. Администратор, будучи весьма преуспевающим и зажиточным человеком в те времена, с легкостью увел у него жену. Вот и вся подоплека. Нет у нас веских оснований его убивать. Вот уж действительно, если красота спасет мир, то погубит мир брючный интерес... Ладно. Лирика все это. Сейчас надо отдохнуть хорошенько. Такого комфорта может уже не

предвидеться больше. Так что надо воспользоваться. Завтра выдвигаемся к Катину городу. Они формируют конвой. До самолета с нами пойдет группа на двух луноходах. Покажут место. У нас есть... — Он посмотрел на наручные часы и лениво улыбнулся. — Слушай, Варяг, это напоминает старые добрые времена, да? Когда наша жизнь во многом зависела от времени. Помнишь? Без часов никуда. Время, время, время. Рабочий день. Редкие выходные. Все куда-то спешат. Чего-то хотят успеть. Сам торопишь календарь, чтоб скорее отпуск настал. Думаешь: ух сколько дел за отпуск сделаю. А потом с ужасом замечаешь, что в отпуске время уходит, как вода сквозь пальцы. С дикой скоростью. И вот осталось пять дней. Два дня. И завтра на службу. И понимаешь, что столько не успел. И снова ждешь год. И снова время, время, время... Часы тикают. Жизнь проходит. А потом все кончилось. И у тех, кто выжил, времени стало бесконечно много. И часы не нужны. Не надо спешить. Только найди теплый ночлег и чем прокормиться. Найди оружие, и все. Время остановилось. Только ночь и сумеречный день. А в метро, когда я там жил, не было и этого. Но мы-то теперь понимаем, что фактор времени никуда не делся. Мало его. Очень мало. Верно?

Яхонтов задумчиво закивал головой:

— Н-да. Все так. Только ведь это для тех, кто сам себе предоставлен, времени нет. У нас в Надеждинске, например, существует трудовая повинность. Надо работать, чтобы выживать. День расписан по часам. Да и в конфедерации вашей тоже так. Но знаешь, для меня было наоборот. Выходные, отпуск тянулись так долго. Я всегда торопил время, чтоб поскорее вернуться на службу. На родной аэродром. К своему МиГу. С нетерпением ждал той минуты, когда взмою к облакам. В небо. — Он слегка запрокинул голову и мечтательно уставился в потолок. — Это не передать, Илья. Это такое счастье. Я очень любил свою службу. Ты не представляешь, что такое для летчика разлука с небом. Что такое видеть, как гниет на стоянке твой самолет.

— Да, Варяг, ты был одним из немногих, кому посчастливилось иметь работу по своему естеству. Это здорово, когда любишь свое ремесло. Тогда и жизнь полнее и дольше. Всегда завидовал летчикам и космонавтам... Н-да... Бедные Юра и Андрей... — Людоед вздохнул. — А ведь физики тоже свое ремесло любили. Все время тратили на познания тайн атома. Смастерили урановую бомбу. Потом плутониевую. Потом им вздумалось

поджечь дейтерий. Никак остановиться не могли... И Ферми сказал после первого взрыва: «Какая интересная физика». Что бы он сейчас ляпнул, интересно? Ну да ладно. Чего уж теперь... Ну что, Варяг. Теперь ты готов тряхнуть стариной и воспользоваться своим ремеслом?

— Слушай, Илья. Неужели правда? Неужели действительно самолет? — спросил взволнованно Яхонтов.

— Ну, вроде как правда. — Крест улыбнулся. — Мы беседовали на эту тему. Вроде никакого подвоха. У них и вертушка есть. Ка-пятьдесят. Где-то тут, в горе. В ангаре. Только с летчиками проблема. Было трое. Один вертушник. Но он покалеченный был. Разбился на Ми-двадцать четыре. Умер давно. Два военных пилота. Один слепой. Вспышкой взрыва его... Тоже давно умер. И еще один погиб десять лет назад в рейде. Техников у них хватает. А вот пилотов... Дефицит, что и говорить. Кто в первые дни не погиб, был растерзан толпой по разным причинам. Одних за то, что они якобы виновны во всем. Палачи будто бы. Других за то, что не успели разбомбить врага и предотвратить воздушные и ракетные удары. Короче, в связи с наличием вертолета нужны им летчики. Они так и сказали: если бы не ХАРП, то приняли бы тебя в братство.

— Зачем мне это? У них высшая ценность — идеалы братства. А для меня — мой городок Надеждинск. И эти два оболтуса. Отец их неизвестно где. Гусляков, который им отца замещал, погиб. Никого, кроме меня, у них не осталось.

— Чай не маленькие. Сами справимся, — недовольно проворчал Сквернослов.

— Да я ведь тебя не вербую, Варяг, — усмехнулся Людоед. — Чего ты, в самом деле. Лучше скажи, что думаешь о самолете. Осилишь?

Яхонтов вздохнул и почесал бороду.

— Слушай, я ведь на таком не летал никогда. Ну, летал, конечно. И в кабине во время полета был не раз. Но не управлял. Как это делается, видел. Но сам... И я за штурвалом столько лет уже не был...

— Не понял. — Людоед нахмурился. — Как же так, Варяг? А как же велосипед? Ты что им тогда говорил?

— Тогда говорил, а сейчас подумал. — Яхонтов вздохнул. — Вообще, я волнуюсь, как мальчишка перед первым свиданием. Да как лететь без компаса?

— Слушай, ну, гироскопы всякие там, горизонтомеры, или как там их... Да ты же летчик, Варяг, черт подери! — Крест развел руками.

— Ну ладно. Это решаемо. Можно и по расположению солнца, сверяя его с текущим временем суток. Правда, я не знаю, какая теперь разреженность атмосферы на высоте. Может быть помпаж, если двигателям воздуха хватать не будет. А это хреновая штука. Последние годы ведь деревья замерзшие, и кислород практически не производится в природе. Короче, лететь надо низко, чтоб не рисковать. А это дополнительный расход топлива.

— Да все нормально с кислородом. Деревья не сразу замерзли. Хвойные многие еще стоят живые. Да и люди с того дня уже атмосферу не травят и кислород не съедают так, как раньше, — махнул рукой Илья.

— Зато за один день изгадили и сожгли его так, что на тысячу лет хватит, — буркнул Вячеслав.

— Вот как? И кто только что хотел атомными бомбами дорогу прокладывать? А? — усмехнулся Людоед.

— Что у них с топливом, кстати? — Яхонтов взглянул на Илью.

— Говорят, есть. С чего им нам пустой самолет давать?

— И докуда дотянем? — Варяг достал из стопки документации атлас и стал его листать.

Людоед присел рядом.

— Они говорили, что на четыре тысячи километров хватить должно. До Аляски не дотянем, но сэкономим месяцы пути и всего остального. Вот, смотри. — Он ткнул пальцем в карту. — До Якутии долетим точно.

— И что потом? Прыгать, что ли?

— А сесть не судьба? — съязвил Людоед.

— Да куда тут садиться, Илья? Это же не дельтаплан! Это Ил-семьдесят шесть. Ты хоть представляешь, что за бандура?

— Видал на картинке, — мрачно пробормотал Крест и задумчиво уставился в карту. — Лена, — буркнул он после минутной паузы.

— И кто такая Лена? — Яхонтов взглянул на Людоеда и прищурился.

— Да река Лена. Вот. Ее не заметить трудно. На нее сядем. Лед крепкий в наше время даже на Лимпопо. А уж в Якутии... Ил-семьдесят шесть и в Арктику, и в Антарктику летал. А там

условия похожие. Лед да снег. Это тебе тоже не Шереметьево, не Пулково, не Чкаловск и не Елизово.

— А дальше как? — спросил Николай, внимательно слушавший этот разговор.

— Дальше как обычно. Луноходом. Или уже все забыли, что когда началась экспедиция, то о самолете никто и не помышлял?

— А что, луноход в этот Ил-семьдесят шесть поместится? — недовольно проворчал Сквернослов.

— В Ил-семьдесят шесть и вся Луна поместится, если киркой немного поработать, — засмеялся Людоед. — Ну что, Варяг Елисеевич, осилим? — Он обнял Яхонтова за плечо.

— Да не будь я, черт возьми, русский летчик, если не осилю. Наши люди на жестяном хренолете челюскинцев спасали. Да я что, хуже?

Варяг засмеялся, и Крест поддержал его смех. И вдруг, не сговариваясь, они дуэтом запели, раскачиваясь, как на хмельном банкете:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам Сталин дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Васнецов, глядя на это мальчишеское веселье двух взрослых мужиков, почувствовал изумление и непривычное чувство оптимизма. И еще его лик посетила такая редкая для него улыбка.

Сквернослов тоже смотрел на поющих Варяга и Людоеда, затем повернулся к Николаю и покрутил пальцем у виска.

* * *

Расставаться с комфортом было действительно грустно. После стольких лет житья в мрачных подвалах и сна на пропитанных старостью матрацах, под свербящими нос пыльными солдатскими одеялами и звериными шкурами, после долгих дней пути и сна в трясущемся по снежным барханам луноходе, когда

и мрачные подвалы вспоминались как уютное гнездышко, покидать светлую теплую комнату с большими мягкими кроватями и чистым бельем, пахнущим свежестью, было тоскливо. Может, именно поэтому рейдеры стали такими инертными? Их растлили комфорт и уют? Поразительной ухоженностью отличалась не только комната, в которой они провели почти сутки, но и остальные места в Верхнем Аркаиме, в коих им удалось побывать. И та столовая, где была беседа с генералом. И этот коридор, по которому они теперь шли. Освещение хорошее. Стены не обшарпанные. То и дело различные двери в хорошем состоянии. Когда некоторые из них открывались, то они не издавали скрипа, что было непривычно. И люди им встречались достаточно опрятно одетые.

Миновав коридор и большие железные двери, они оказались в большом ангаре, где кипела работа. Сверкали всполохи сварки в дальнем углу. Шумели инструменты. Тут было примерно пятнадцать человек, занятых ремонтом какого-то огромного вездехода. Он был раза в три больше лунохода и очень на него похож своими формами. Только гусеницы еще шире относительно корпуса, и цвета он был оранжевого.

— Что это? — спросил Варяг у провожавшего их Пересвета.

— Вездеход арктический. Его, кстати, те же люди и то же конструкторское бюро проектировали, что и луноход. Когда спор международный зашел о разделе арктического шельфа и претензии к нам на территории посыпались, стали срочно проектировать такую технику для освоения. Все никак с силовой установкой не справимся. Там вроде планировался мини-реактор.

Они двинулись дальше. За большим корпусом вездехода виднелись ряды полуразобранных снегоходов, над которыми тоже трудились ремонтники. В следующем ангаре тоже кипела работа. Двое мужчин и две женщины стояли у сваленных в гору книг и журналов и сортировали их. Одни складывали рядом с собой в аккуратные стопки, другие небрежно швыряли в кузов грузовой вагонетки, стоящей на уходящих в темный тоннель узких рельсах. В стороне стояли станки. Некоторые уже были смонтированы. Другие ремонтировались и собирались. В третьем ангаре стоял выкрашенный на манер зебры, в черно-белые полосы, вертолет Ка-50 с демонтированными лопастями винтов. Позади груда деталей от других вертолетов. Также в ангаре стояли два танка. Рабочие в перемазанных известью робах ма-

кали паклю на длинных палках в железную бочку и хлестали по танку, оставляя на нем большие белые разводы. Видимо, таким образом они наводили на машинах зимний камуфляж. Все бы ничего в этой картине, но рабочие эти, как оказалось, были в сковывающих ноги железных кандалах, цепи которых были прицеплены замками к гусеницам танка. И за ними присматривали четверо автоматчиков.

— Что это значит? — Яхонтов нахмурился.

— Это пленные. А что, работа несложная, творческая. — Пересвет усмехнулся.

— Это и есть те счастливчики, которым большинство вольных позавидует?

— Они в тепле. Хорошо питаются. Такое пропитание, как здесь, просто больше негде добыть. Им ничего тут не угрожает. Чем плохо?

— Они в кандалах! Им ничего не угрожает? А эти парни с автоматами для душевной беседы тут? Чему здесь завидовать? Вы же рабовладельцы!

— Послушай, Варяг, — теперь нахмурился Пересвет. — Я, конечно, понимаю твою позицию. Но не надо переходить границ.

— Да это вы тут все границы переходите...

— Ты не знаешь, что это за люди и почему тут очутились в таком качестве. Для большинства из них такая участь — проявление великодушия с нашей стороны. Так что оставим этот разговор.

— Что лучше — сытое рабство или голодная свобода, — хмыкнул Людоед. — Брось, Варяг, порядок вещей ты тут своим негодованием не изменишь.

В очередном ангаре стояли луноходы. У массивных железных ворот находилась их машина и еще две, с гудящими двигателями. Возле них стояла группа из десяти рейдеров в своем облачении. Только масок на лицах пока не было. Возглавлял отряд уже знакомый Дитрих с одной бровью.

— Значит, так, — начал говорить он. — Ваша машина готова. Список боеприпасов и снаряжения, которое запросил Ахиллес, мы погрузили. Также еда и медикаменты. Ваш ядерный заряд мы протестировали. Вероятность осечки была, по данным наших ученых, около сорока процентов. Большой риск. Но они сумели довести его до боевого состояния. Кое-какие блоки заменили на более надежные из наших запасов. Теперь

мы вам всем, в том числе и полковнику Ахиллесу, завяжем глаза. Вашу машину поведут на первом этапе мои люди. До определенного момента повязки снимать запрещается. С вами будут два рейдера, которые проследят...

— Может, кандалы еще нацепите? — зло процедил сквозь зубы Яхонтов.

— Перестаньте, Варяг. Это необходимая мера. О входе в наше убежище никто не должен знать. И о дороге к нему тоже. Если вы потом попадете к кому-нибудь в плен, то под пытками сможете выдать наше местоположение. Но если ваши глаза будут завязаны, то и выдавать вам нечего.

— Спасибо за заботу. — Яхонтов поморщился. — И давайте прелюдию затягивать не будем. Мне не терпится убраться отсюда.

* * *

Путешествовать с повязкой на глазах было унизительно. И пусть это временная и вынужденная мера, но ни у кого из группы не возникало желания общаться с двумя рейдерами, что сидели вместе с ними в пассажирском отсеке. Николай решил пропустить этот неприятный период, полный дискомфорта и досады, заняв все это время сном. Хотя, конечно, это вызвало некое эмоциональное напряжение. Каждый раз, перед тем как отойти ко сну, Васнецов нервничал от тяжких раздумий над тем, что ему приснится в этот раз. Как ни странно, сон был пустым и спокойным. А проснулся он оттого, что кто-то стянул с его глаз повязку. И от холода, который ворвался в открытую аппарель. Васнецов открыл глаза. Над ним склонился рейдер, который освободил его лицо от черной материи. Рейдер уже был облачен в свою пугающую маску. Он по-дружески похлопал проснувшегося Васнецова по плечу и вышел из лунохода. Николай осмотрелся. Варяг и Славик уже перебрались в переднюю кабину. На противоположном сиденье дремал Людоед. В кабине стало теснее из-за нескольких больших ящиков со всем тем имуществом, что загрузили люди из этого братства.

Аппарель закрылась, и луноход тронулся с места. Николай взглянул в перископ. Три машины двигались след в след. Впереди луноход рейдеров. И позади тоже. Странная процессия двигалась по холмистой заснеженной местности среди замерзших деревьев в утреннем полумраке.

Он сел на свое место и вздохнул. Затем поднял секцию сиденья справа от себя. Там были его вещи. Плюшевый мишка лежал на месте, на записной книжке дяди. Николай достал ее и стал перелистывать. Что же с ним стало? Выжил он или нет? Встретил его отец или нашел только останки родного брата?..

«...Оставаться тут нет никакого смысла. Я один. Весь бункер поделен давно на сектора, где все отгородились друг от друга. И живы они либо нет, я уже не знаю. У меня есть еще кое-какие припасы. Но надо делать что-то дальше. Либо добровольно умереть, как многие. Либо сойти с ума, как другие. Либо искать какой-то другой путь. А другой путь лежит за пределами «Субботнего вечера». Ребята с «Януса» сказали, что всю землю постепенно затягивают облака, которые и не собираются рассасываться. А что будет дальше? По их словам, я единственный на всей планете, с кем им удалось связаться. Неужели все настолько плохо? Неужели все кончено? Может, в метро кто-то остался в живых? Надо пробиться сквозь завал в подземку. Проход я почти расчистил. И мне кажется, что с другой стороны тоже кто-то пытался его расчистить. Но в последние недели с той стороны тишина. Ушли? Умерли? Не знаю. И не узнаю ничего и никогда, если так и останусь тут. Другого решения я не вижу. Найду этот тайник, про который говорил старший контролер, а дальше как судьба сложится. Этот дневник я оставлю тут. В бункере. Может, кто-то когда-то его найдет. Если будет кому найти. И будет кому читать. Надеюсь, что ты, читатель, не последний человек на Земле. Прощай, неизвестный мне читатель. Я ухожу в метро...»

Николай снова откинулся на спинку и вздохнул, прикрыв глаза.

— Прощай, дядя Володя. Будь проклята война.

Он вспомнил перепалку Людоеда и Сквернослова. Вспомнил, что Илья говорил о физиках. Да нет. Вина не только на них, тех, кто создал такое оружие. Вина на всех. В разной степени, но на всех. Одни создали оружие. Другие решили его применить. А третьи просто потворствовали этому своим бездействием и молчанием. Будь проклята эта война. Будь проклято это оружие.

Васнецов взглянул еще раз на Людоеда. Спит. Тогда он осторожно приблизился к его железному ящику. Замка нет. На-

верное, рейдеры во время обыска срезали его. Николай осторожно приоткрыл крышку. В ящике оружие. Патроны. Вещмешок. Маленькие коробки. И одна большая. Из какого-то тяжелого металла. Ее тяжесть можно оценить только по одной крышке, которую он приоткрыл. Весила она внушительно. Внутри какое-то оцинкованное устройство в глухом рифленом корпусе темного защитного цвета. В устройстве закрытая крышка с замком. Ключ лежал тут же. На дне ящика. Васнецов протянул к нему руку и коснулся устройства. Он отпрянул от жгучего холода этого предмета.

— Это она, — прошептал Николай с дрожью в голосе. — Бомба.

Он осторожно опустил на нее ладони и закрыл глаза. Дрожь прошла через все тело, когда в его воображение ворвалось осознание того, что скрыто в этом небольшом устройстве. Вот яркая вспышка на горизонте освещает все вокруг светом тысячи солнц. Вот поднимается клокочущее огненное облако, которое выталкивает в небо столб адского огня. У основания бурлит земля. Неукротимая сила ударной волны стеной из пыли, пепла и огня сносит занявшиеся от теплового излучения дымом деревья и дома. Перемалывает в своих сатанинских жерновах все живое и несется на тебя. Страшный грохот сотрясает землю. Огненное облако уже разогнало ровным кругом тучи и закипает в поднебесье...

Николай резко открыл глаза и, торопливо захлопнув крышку свинцовой коробки, отпрянул.

— Ну и как ощущения? — тихо спросил Людоед.

Васнецов обернулся. Крест не спал. Он внимательно наблюдал за ним и ухмылялся.

— Илья, извини... — пробормотал Васнецов.

Людоед поднялся и присел рядом. Николай уже думал, что сейчас последуют оплеуха и ругань. Но нет. Илья открыл свинцовую крышку.

— Вот об этом соблазне я и говорил. Эта малышка завораживает и возбуждает, да? Какая тут спрятана сила и энергия. И какой ужас. — Людоед задумчиво потер пальцем кончик носа. — Сначала физики нашли решение в кусках урана. Они смастерили устройство, где два куска одновременно выстреливались друг в друга. При столкновении возникало давление и начиналась реакция. Как итог — атомный взрыв. Потом они решили, что эффективнее будет получить из урана плутоний. Получили. Сделали плутониевую сферу. Инициировать в этом

случае реакцию надо было тротилом. Метод имплозии. Направленный внутрь взрыв. Тротиловые шашки, плотно окружавшие плутониевый шар, должны были взорваться одновременно. Получилось. И нет Хиросимы. Нет Нагасаки. На этом останавливаться не стали. Решили использовать взрыв плутониевого заряда для воспламенения дейтерия. Термоядерный синтез. С этим сложнее. Нужен жидкий дейтерий, но он может быть жидким только при минус двести с хвостиком градусов. Тогда умные головы придумали смешать дейтерий с литием. Получили твердое топливо для термоядерной бомбы. Дейтрит лития. Взорвали. Обрадовались. Вышло. Еще мощнее. Все это было на заре ядерной эры. А по какому принципу сделана эта крошка, я уже не знаю. Очень секретные технологии. Ясно, что все эти годы, от Хиросимы и до всеобщего конца, ученые на достигнутом не останавливались. Делали мощнее и компактнее. Легче и смертоноснее. И нет целого мира. Очень интересная физика. Мы сделали работу за дьявола.

Людоед вздохнул и, покопавшись в своем ящике, извлек оттуда сверток из мешковины. Внутри, завернутый в полиэтилен, лежал металлический цилиндр с резьбой и странными контактами на одном конце.

— Это предохранитель инициирующего заряда.

Илья извлек ключ и открыл крышку. Под ней скрывались шахта для вкручивания предохранителя, несколько тумблеров и три щели с ползунками.

— Так, блаженный, запоминай. Все очень просто. После того как вкрутишь детонатор, последует щелчок. Значит, он зафиксирован. В течение пятнадцати минут происходит химическая реакция вот этих контактов с контактами внутри устройства. Через пятнадцать минут предохранитель детонатора выкрутить уже нельзя. Он спаивается вследствие реакции. Так что есть пятнадцать минут подумать. Запомни, без предохранителя бомба не взорвется. Хоть стреляй из пушки по ней. Как только ты вкрутил предохранитель, то можно выбрать режим работы вот этим тумблером. Режим подрыва через установленное время. Режим подрыва высотомером. Режим подрыва глубиномером. Ударный режим. Ударный режим можно активировать только после того, как предохранитель прикипит. Вообще, ударный режим активировать нежелательно. Теперь. Если выбираем подрыв по времени, то толкаем этот ползунок. Тут шкала. Минимальное время — тридцать минут, максимальное —

двое суток. Вот на шкале, видишь? Если выбираем подрыв по высотомеру, например сбрасываем с самолета или минируем самолет, то сработает он только при понижении высоты. Если мы хотим выбрать работу на повышение высоты, допустим, запускаем заряд с земли, то тумблер ставим в положение «ноль». Оптимальная высота для работы по наземным целям — сто пятьдесят метров, учитывая мощность заряда. Подрыв на такой высоте дает предварительную ударную волну, это усиливает разрушения. Теперь глубина. Глубина работает только в воде и действует от давления. Заряд выдерживает до семидесяти метров. Глубже его раздавит и взрыва не произойдет. Но нам это не нужно. ХАРП ведь не в море. После того как ты приведешь и тумблер, и ползунок в нужные режимы, у тебя будет пятнадцать минут. После этого произойдет спайка, и программирование заряда будет необратимо. Но это только в том случае, если установлен предохранитель. Без него можешь щелкать сколько угодно. Ничего не случится. Есть экстренное разминирование. Сзади такая же крышка, но больше размером. Открываешь этим же ключом. Там пластина. Восемь болтов. Откручиваешь и извлекаешь колбу. Не ошибешься. Она там одна. Тогда взрыва не будет. Но дозу схлопочешь. Если заряд поставлен на удар, то при попытке разминировать таким образом произойдет взрыв. Третьим ползунком можно поставить заряд на неразминирование. Им надо набрать комбинацию из пяти цифр. Наводишь на нужную цифру и, после щелчка, на следующую. Комбинацию не скажу. Ни к чему это. Заряд можно подорвать по радиосигналу. Но для этого нужны другой предохранитель и специальный передатчик. Этого у меня нет. Все понял?

Николай с изумлением смотрел на Людоеда.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— На всякий случай. Варягу я уже объяснил, как это работает. Славику не хочу рассказывать. А ты запомни. И запомни еще раз. Надо тысячу раз подумать и постараться найти другой способ. Эта штука — сверхкрайняя мера. Понял?

Васнецов растерянно кивнул:

— Да...

На улице уже настал новый день. Погода была спокойная. Даже слабые порывы ветра отсутствовали. Окоченевший мир словно замер в ожидании. Будет приведен этот прибор в режим своего прямого назначения или нет? Неужели это опять случится?..

6
ЯМА

Варяг еще раз окинул взглядом то, что предстало перед их взором. Лесистая местность. Много хвойных. Много снега. Холмы. Поваленные и изувеченные морозом и еще бог знает чем деревья. Яхонтов хмурился все больше и больше, пока наконец не повернулся к Дитриху, который стоял позади, возле своей машины.

— Что все это значит, рейдер?

— Ты о чем? — Дитрих усмехнулся.

— Ты понял меня прекрасно, о чем я, — угрожающе произнес Варяг. — Ты сказал, что это то самое место. И как это понимать?

— Ну, вот видишь, тебе и в голову не может прийти, что тут самолет. Хорошо замаскирован, да? Видишь вот тот холм? Это ангар.

— И что дальше? Дальше-то что? Как взлетать? Тут кругом деревья и бурелом. Ты издеваешься, что ли?

— Да ты успокойся, Варяг. — Дитрих продолжал усмехаться. — Взлетку мы завалили деревьями сами. Еще когда обильные снегопады были. Согласись, бетонная полоса в лесу привлекает внимание. А теперь все так замаскировано, что даже ты, знающий, что тут самолет, засомневался.

— Слышь, гений, а как мы бревна эти растаскивать будем? И куда ваш второй вездеход поехал? — Людоед хлопнул Дитриха по закованной в бронепластины костюма спине.

Рейдер недовольно посмотрел на Илью.

— Они за БАТами поехали.

— За чем?

— За БАТами. Тут недалеко есть еще ангар. Вертолетный. Там мы спрятали две рабочие инженерные машины. БАТ-два называются. Слыхал?

— Даже видал. — Крест кивнул.

— Ну так вот. Мы их тут специально припрятали и в Аркаим гнать не стали. Чтоб полосу расчистить, когда надо будет. Сейчас пригонят, и поработаем. Думаю, часов за пять управимся. Так что без паники. Пошли в ангар. — Он обратился к своему товарищу, который сидел на пассажирском сиденье рейдерского лунохода и смотрел на них через открытую дверь: — Плутон, спрячьте машины и организуйте дозор.

Тот кивнул.

Дитрих и еще один боец, который в отличие от командира маску не снимал, двинулись к холму. Варяг и его товарищи следом.

— Я же сказал, что позеры, — тихо пробормотал Людоед, обращаясь к Яхонтову. — Можно было и без понтов этих объяснить.

Снег под ногами был плотный. Короткие лыжи едва продавливали в нем колею. Однако когда они обогнули холм, то стало заметно, что возле сваленных крест-накрест деревьев кто-то топтался. Следы проваливавшихся тут ног были немного припорошены снежной пылью во время одного из бесчисленных буранов.

Рейдеры насторожились. Они прекратили движение и стали неторопливо озираться. Яхонтов тоже принялся изучать следы. Опыта ему не занимать. Всякий в Надеждинске знал, что самые искусные следопыты — это искатели, в силу своего ремесла.

— Пришли на лыжах. Двое. Вот тут лыжи сняли. Тут их в снег втыкали, — сказал он, в очередной раз подтвердив то, что в Надеждинске знали давно, а именно свои способности читать следы.

— А следы ног дальше идут, — скептически заметил Дитрих, озадаченно глядя на снег.

— Да. — Варяг кивнул. — Следы ног одного человека. Вот он выдернул лыжи, но обуваться не стал в них. Отошел много дальше и уже потом... — Яхонтов неторопливо двинулся по следу и остановился метрах в тридцати. — Да. Вот тут он надел лыжи свои. А вторую пару положил рядом, пока надевал. Хотя нет. Скорее, бросил.

Яхонтов наклонился и смахнул рукавицами снежные гранулы с окрепшего наста, на котором остались следы.

— И куда второй делся? — пробормотал Сквернослов.

— Похоже, тут и остался, — ответил второй рейдер, заглянув под арку, которую образовывали два сваленных дерева. Он взял комок снега и швырнул в большую нору, скрывающуюся за аркой. Оттуда выскочила дюжина крыс и в панике бросилась в разные стороны.

Васнецов от неожиданности быстро сдернул с плеча свой автомат, но Крест одернул его и пошел к норе. Все последовали за ним.

Тут был просторный лаз, ведущий вниз. Это чем-то напомнило выходы из траншей на поверхность в родном городе Васнецова. Только тут, внутри, снег был разбросан и окрашен в красные тона. Всюду валялись обглоданные крысами человеческие кости с еще сохранившимися кое-где фрагментами плоти. Варяг прикинул, что произошло это несчастье примерно неделю назад.

— Это один другого грохнул, чтобы лыжи его подрезать, что ли? — хмыкнул Сквернослов, глядя на сию неприятную картину.

Людоед тихо засмеялся.

— Этот идиот на растяжку нашу напоролся, — заявил Дитрих.

— Растяжку? — Варяг взглянул на него.

— Да. Мы вход заминировали на всякий случай. И вот, пожалуйста. Полез, и его в клочья. А второй запаниковал и деру дал.

— Но лыжи прихватить в панике не забыл, — хмыкнул Варяг.

— Паника — такое дело, — загудели фильтры второго рейдера. — У нас, когда в казарме объявили, что на нас летит ядерная ракета и всем надо спуститься в убежище, контрактник один побежал в умывальник и стал бриться и зубы чистить. Мы его вчетвером оттащить не могли от раковины. Он орал, отбивался и плакал. И все кричал, что больше такой возможности у него не будет. Так и остался там.

Эти слова заставили всех задуматься и притихнуть. Наверное, каждый обратился к памяти, вытаскивая на свет божий то самое страшное воспоминание о самом страшном дне и о том, что он тогда почувствовал. Первым затянувшуюся тишину нарушил Людоед:

— Ты бы маску снял. Чего перед нами чиниться-то, а?

Рейдер медленно повернул голову и уставился своими матовыми черными стеклами на Илью. Затем потянул закованные в армированные перчатки руки к своей голове. Скинул тяжелый капюшон из плотной и теплой материи, покрытой сверху мелкоячеечной кольчугой. И, проведя нехитрую манипуляцию с шейным захватом маски, стянул ее. Очевидно, Людоед понял, что зря попросил рейдера показать лицо. Крест нахмурил брови, пряча под ними взгляд и маскируя эмоции, но было ясно, что он сконфужен. У рейдера была совершенно лысая голова.

Даже бровей у него не было. На голом черепе несколько рубцов от давно заживших язв. Большая часть левого уха отсутствует. От левого уголка рта тянулся багровый рубец почти до уха. Словно когда-то рот ему разорвали, а потом сшили. Были видны шрамы и от швов. Кожа на всей левой стороне лица была сильно стянута к этому шраму, неестественно растянув ноздрю и не давая полностью раскрыться веку левого глаза. Сам глаз был совершенно белый, с крохотным черным пятном, постоянно направленным в одну точку. Здоровым у него был только правый глаз.

Рейдер прижал шейную часть маски к горлу и зашевелил бледными сухими губами. Откуда-то из маски раздался голос:

— Ну что, доволен?

— Да нет, — пробормотал Илья. — Извини. Я не знал.

— Борей, надень маску. Тебе лицо студить нельзя, — сказал своему товарищу Дитрих. — И давайте уже войдем в ангар.

Рейдеры обезвредили еще две растяжки в глубине лаза и раскопали железную дверь с закругленными краями, прикрытую большим листом выбеленной мелом плотной резины. Открыв дверь, они шагнули в кромешную тьму. Варяг и Дитрих включили фонарики. Ангар был большим, что можно было понять и по размерам холма, и по тому, какой самолет тут должен находиться. Вдоль стен лучи фонарей выхватывали ряды бочек и каких-то ящиков. Вдоль задней стены находились два огромных топливозаправщика на базе КРАЗов и много гофрированных шлангов разного сечения.

— Вот он! — воскликнул Яхонтов, когда свет его фонаря скользнул по белоснежному корпусу самолета.

Варяг подошел ближе и стал рассматривать его, освещая фонарем.

— Ух ты! — Сквернослов подбежал к нему. — Ничего себе, громадина какая!

Ил-76 опирался корпусом на подстилку из толстых квадратных резиновых плиток, а крылья поддерживались стальными лесами, также обложенными сверху резиной.

— А это зачем? — спросил Людоед.

— Ну, шины ведь спускают со временем. Чтоб покрышки на шасси не слеживались под тяжестью самолета, — пояснил Дитрих.

Николай с благоговением рассматривал белый корпус этого гиганта и не мог поверить в то, что есть сила, способная не то

чтобы поднять это в воздух, но и вообще сдвинуть с места. Каких все-таки высот мог добиться человеческий разум в создании таких вот рукотворных чудес! Однако сомнения отпали быстро. Достаточно было вспомнить ядерное оружие, ракеты, молохитов, пси-излучение и, наконец, пресловутый ХАРП. Да. Человеческий разум способен был сотворить многое. Но что теперь с этим делать, этот самый разум не мог до конца разобраться...

— Сколько эти турбины сжигали кислорода и сколько надо было растениям его восстанавливать? — хмыкнул Людоед, глядя на двигатели самолета.

— Побочные действия прогресса, — вздохнул Варяг.

— Тогда прогресс ли это? — многозначительно заметил Крест и повернулся к Дитриху: — Тут что, аэродром был?

— Что-то вроде того. Резервный. Пара полос. Несколько ангаров. Генератор электрический. Но его свинтили, по-моему, еще до войны.

Висящая на груди Дитриха рация зашипела.

— Командир. Это Овод. Кажется, черновики.

— Черт, — выдавил рейдер. — Много?

— Три сто пятьдесят вторых. Километра два. Движутся в нашу сторону.

— Приготовьтесь. Если будут ехать мимо, себя не обнаруживать.

— Сомневаюсь, что мимо проедут. Они идут по следу наших машин.

— Тогда никого не оставлять. Самсон! Самсон, как слышно меня?

— Самсон на связи, командир, — ответил другой голос в рации.

— Ты Овода сейчас слышал?

— Да, командир. У нас тоже новости хреновые.

— Что такое?

— БАТы исчезли. И топливо для них тоже.

— То есть как?! — воскликнул Дитрих.

— Тайник с машинами обнаружен был. БАТы угнали. Судя по следам, где-то неделю назад или около того.

— Что за следы?

— МТЛБ. БМД. По одному. Лыжники. Еще колесные. Вроде две машины. Протектор характерный. Елочка. И цепью обмотаны колеса.

— По колесам судить можешь?

— Да, командир, — ответил Самсон. — Это БТР — сто пятьдесят два, скорее всего.

— Значит, это черновики. Только у них в этих краях такой антиквариат. Мать их, твари! Уже сюда добрались! Суки!

— Что еще за черновики? — нахмурившись, спросил Варяг.

— Банда местная. Революционно-анархическая группировка. Называются черновиками по фамилии их лидеров, братьев Черновых. Терроризируют в этой округе всех выживших, — пояснил Дитрих.

— Вот и полетали, — вздохнул Николай.

— Без вариантов, — кивнул Сквернослов.

— Погодите, не спешите с выводами, — сурово проговорил Яхонтов и снова обратился к рейдеру: — Где они обитают и куда могли утащить машины?

— В Екатеринбурге они обитают.

— Я думал, его вообще в труху превратили, учитывая, какие там производства и какая плотность населения, — заметил Людоед.

— Тремя ракетами ударили, конечно, — кивнул Дитрих. — Еще в окрестностях. Но по окраинам много выживших и беженцев обосновалось. Руины — притягательная вещь. Особенно там, где подвалы уцелели. Различные группировки. Самая сильная — это черновики. Вы что же, собрались идти туда? — Он скептически покачал головой.

— А разве вы нет? — ухмыльнулся Крест.

— Это глупо. Нас всего тут четырнадцать человек вместе с вами. А их сотни.

— Ах, ну да. Я и забыл, что вы боитесь мозоли натереть. Это ведь не караваны из засады громить и не рабов в кандалы одевать, — насмешливо произнес Людоед.

— Не забывайся, — резко ответил рейдер.

— Вы нам хоть дорогу укажите и расскажите, из кого эта банда состоит. Глядишь, и без вас справимся, — махнул рукой Варяг.

— Да черт с ним, с самолетом, — заявил Вячеслав. — Ну, мы ведь и в самом деле рассчитывали луноходом добраться. Так и поедем. А?

— Я тебя спрашивал? — зарычал на него Яхонтов.

Дитрих вздохнул и окинул всех взглядом, ведя лучом своего фонаря.

— Там в основном уголовники, что из зон бежали, когда все началось. Много дезертиров из числа солдат. Беспризорники бывшие. Маргиналы, короче. Ладно. Давайте выйдем наружу, разберемся с теми, кто сюда прет. А потом будем думать, как быть дальше.

* * *

Три стареньких БТР-152 тянулись друг за другом след в след. Приспущенные для лучшей проходимости на снегу колеса обмотаны цепями, которые улучшали сцепление. Корпуса их были небрежно выкрашены белой краской, через которую проступали рыжие пятна ржавчины. Передние люки десантных отделений были открыты, и из каждой машины торчал стрелок пулемета. Из головной машины высунулись двое. Один с биноклем, другой водил стволом автоматического гранатомета АГС-30. На этом бронетранспортере демонстративно развевался черный флаг с большим белым черепом в центре.

— Они что, рейдеров не боятся? — тихо спросил Варяг у Дитриха, осторожно выглядывая из сугроба. — Следы, по которым они идут, ведь от рейдерских вездеходов.

— Рейдеров все боятся. Эти, похоже, пьяные либо грибов своих накушались и страх потеряли. — Дитрих подтянул рацию. — Самсон, как слышно?

— Слышу хорошо.

— Где вы?

— На опушке. Противника видим.

— Хорошо. Овод. Доложи обстановку.

— Мы в позиции. Дистанция полста. Готовы работать.

— Отлично. Первую и третью коробку сжечь. Вторую обездвижить. Нам нужен язык. Работать по готовности.

— Есть.

Бронетранспортеры продолжали ползти по следам луноходов Дитриха и Варяга, которые стояли между крупными завалами деревьев. Вдруг где-то в стороне раздались хлопок и шелест летящего реактивного снаряда. Сразу раздался второй хлопок. Оба гранатометных выстрела поразили цели. Головная машина вспыхнула. Взрывом выбросило того, что был с биноклем. Черный флаг, объятый пламенем, полетел в сторону. Замыкающий БТР взорвался. С него послетали верхние люки. Корпус подпрыгнул и завалился набок. Защелкали выстрелы автоматов, бившие по колесам третьего броневика, водитель которого

резко вывернул руль вправо и, прибавив ход, пытался уйти от засады. Пули рвали резину задних колес. Бронетранспортер, ревя двигателем, зашипел компрессором подкачки шин, но это ему не помогло. Выстрел из подствольника оторвал ему заднее правое колесо, и броневик остановился. Из него высыпали люди в телогрейках и тулупах. Они бросились в разные стороны. Но тут захлестали выстрелы СВД и тихие щелчки «винтореза». Черновики падали один за другим, настигаемые меткими выстрелами рейдеров. Наконец воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском огня в двух подбитых машинах.

— Командир, больше никого не видим, — зашипела рация Дитриха.

— Понял. Выдвигаемся к ним осторожно. Кто-то мог затаиться. Ищем языка. Самсон, давайте тоже выдвигайтесь.

Дитрих и Борей осторожно двинулись вперед. Варяг и остальные следом. С опушки загудел третий луноход, медленно приближавшийся к месту бойни. Николай огляделся. Метрах в ста справа от них шли четыре рейдера, держа ручное оружие наготове. С такого расстояния они, в своей броне, мало чем отличались от обрубков деревьев.

Внезапно из открытых задних дверей второго бронетранспортера загрохотал пулемет. Все залегли в сугроб.

— Овод, вы целы там?

— Да, командир. В Плутона, ублюдок, попал. Но броню не пробил.

— Говорит Самсон. Не высовывайтесь. Сейчас его выкурю.

Луноход Самсона сделал крюк и зашел к броневику спереди. На ходу открылась аппарель, и, когда машина остановилась в пяти метрах от бронетранспортера, оттуда выскочил рейдер.

— Мужики, а водитель оттуда выбегал или нет? — прошептал Сквернослов. — Дверь-то водительская закрыта.

— Точно, — кивнул Варяг, — не думаю, что он, выскочив, закрыл ее за собой. Берите дверь на мушку.

— Овод, чего-то замолк пулеметчик. Отвлеките его на себя, — тихо сказал в рацию Дитрих.

Один из рейдеров группы Овода приподнялся и тут же залег. Снова заговорил пулемет черновика.

Рейдер из группы Самсона забрался на капот второго бронетранспортера. Затем на крышу кабины. В этот момент водительская дверь распахнулась и оттуда высунулся человек с автоматом.

— Вот и водила! — воскликнул Яхонтов и нажал на курок.

Его огонь поддержал Людоед. Пули залязгали по борту бронетранспортера, по двери и ударили по водителю. Он обмяк и вывалился наружу. Тем временем рейдер зашвырнул в открытый люк десантного отделения дымовую шашку и захлопнул крышку люка. Из броневика повалил густой желтый дым и немного погодя выскочил и пулеметчик. Рейдер спрыгнул с бронемашины и ударил его прикладом своего «винтореза» по затылку.

— За мной, — коротко скомандовал Дитрих и, поднявшись, двинулся в ту сторону.

Возле горящего головного бронетранспортера корчился тот самый человек, которого выбросило взрывом. Он сжимал руками левое бедро. Нога его была оторвана выше колена. Дитрих, не останавливаясь, выстрелил ему в голову.

— Так, внимание всем, — заговорил он в рацию. — Тела и машины осмотреть. Каждому сделать контрольный выстрел. Раненых добить. С трупов снять одежду. Собрать оружие и боеприпасы. Все, что нам пригодится. Посмотрите АГС в головной машине. Если есть целый боекомплект, то погрузите в вездеход группы Ахиллеса. Остальное заберем мы.

Они дошли до второго БТР-152. Пулеметчик лежал на снегу и кашлял, протирая все еще слезившиеся от дыма глаза. Рейдер, который выкурил его, стоял рядом, держа черновика на прицеле.

Не говоря ни слова, Дитрих нанес боевику ногой удар в живот.

— На меня смотреть! — рявкнул он.

— Не убивайте меня! — задрожал черновик. — Не убивайте, пожалуйста!

— Вы черновики? Да? — громко спросил Дитрих.

— Пожалуйста, не убивайте! — продолжал причитать пулеметчик.

— Отвечать на вопрос! — Снова удар в живот.

— Не убивайте!!! — Глаза боевика, красные от едкого дыма, наполнились ужасом перед лицом смерти.

— Так! Он ни хрена не понимает! Парни, отрежьте ему правое ухо для начала.

— Не-е-ет!!! — заорал черновик и, перевернувшись на живот, попытался заползти под бронемашину.

Рейдер схватил его за ноги и выволок обратно. Тот, что с «винторезом», ударил его прикладом по голове.

— Не надо... — зарыдал боевик, — не режьте, пожалуйста!

— Кто вы такие, я спрашиваю!!!

— Черновики...

— Вы тут были уже?

— Неделю назад... Один наш на мине тут подорвался...

— В километре отсюда, в той стороне, замаскированный ангар есть. Там было два БАТа. Вы их забрали?

— Д-два чего? — Черновик растерянно уставился на Дитриха.

Рейдер снова ударил его и закричал:

— Гусеничные инженерные машины, мразь! С плутами, лебедками, кранами и бульдозерными ножами! Зеленого цвета! Вы их забрали и все топливо к ним?!

— Нет! То есть! Да! Наши их забрали!

— Куда! Куда их дели?!

Черновик хотел что-то сказать, но вздрогнул от выстрела. Один из рейдеров добил лежащего неподалеку его раненого подельника.

— Господи, — промямлил боевик, — пожалуйста. Не убивайте меня. Я рядовой чернушник! Я ничего не сделал!

Дитрих протянул руку к Борею.

— Дай мне нож!

Рейдер вложил ему в руку внушительных размеров охотничий тесак.

— Не-е-ет!!! — Черновик снова попытался заползти под броневик.

Однако на него посыпались удары ногами.

— Отвечай!

— На вторую базу их угнали! А на днях старшие забрали в цитадель!

— Где эта цитадель?!

— Я не знаю!

Дитрих наклонился и, схватив черновика за ухо, прислонил лезвие ножа.

— Не надо! Я правда не знаю! — завизжал боевик. — Старший наш знает! Он на базе! Командир наш! А я только знаю, что цитадель в самом Свердловске!

— Где ваша база?!

— В Ганиной Яме! Это там! За Исетским озером!

— Сколько там ваших?!

— Сотня! Не больше! Теперь даже меньше!

— Какая техника?!

— Два танка! Но они не ходовые! Но с боекомплектом! Еще пять таких бэтээров! Но только два на ходу! И еще МТЛБ и БМД!

Дитрих отпустил его и поднялся.

— Ладно, недоносок, живи пока. — Затем он обратился к тому рейдеру, что выкурил этого черновика из бронемашины: — Свяжи его. Он нам пригодится еще.

Отойдя от броневика, Дитрих увлек за собой остальных.

— Борей, — тихо сказал он. — Заминируй вход в ангар. Как следует заминируй.

Борей кивнул и направился к вездеходу за минами.

— Ну так что дальше? — требовательным тоном спросил Варяг.

— Что дальше? Ты все еще горишь желанием отбить эти машины? Ты же слышал, что их угнали в город.

Яхонтов повернулся к своим товарищам. Сквернослов досадливо поморщился. Васнецов задумчиво смотрел на запуганного до смерти черновика. Людоед, поймав на себе взгляд Варяга, улыбнулся и кивнул.

— Конечно, — ответил после этого Яхонтов.

Дитрих вздохнул и покачал головой:

— Ну да черт с вами. Поможем. Нам и самим надо теперь что-то делать с этими уродами. Рано или поздно они доберутся до самолета.

* * *

Конвой из трех луноходов двигался по новому, продиктованному сложившимися обстоятельствами маршруту. Николаю сложно было оценить, насколько жестокость рейдеров являлась оправданной. Он понятия не имел, что собой представляют эти самые черновики, и не знал, как к ним относиться. Он жалел пленного, объятого паническим страхом во время допроса. Наверное, если бы его просто застрелили, то он не питал бы столько жалости. Но его унижали угрозами зверской расправы. И угрозы эти были весьма реальны. И они низвели человека до животного состояния. Васнецов вздохнул и уставился в смотровую щель на унылый холодный пейзаж. Мимо проплывали бесчисленные деревья, густо торчащие из снега и подступающие к узкой, редко используемой в последние годы дороге. Где-то среди зарослей виднелись покрытые снегом обломки. Похоже, это был большой самолет.

— Дитрих, — позвал Людоед, держа перед собой рацию, которую получил от рейдеров.

— Да, слушаю.

— Что там наш гость еще рассказал? Пока мы в пути, просвети, что это за черновики такие.

— Ну, я же говорил. Анархисты. По сути, организованная бандитская группировка. Из беспредельщиков. Даже воров в законе не признают. Мечтают о мировой анархии.

— А сейчас не анархия? — засмеялся Крест.

— У них несколько свои представления об анархии. Для них восстановление какой-либо государственности неприемлемо. Никаких законов, кроме их порядков. Самые злейшие враги для них — организованные общины бывших военных. Военных они называют золотопогонниками. Убивают без разговоров. Но к себе могут принять только бывших рядовых. И то даже не контрактников. Исключительно бывших срочников. Уголовников, но не из воров. Террористов разных, убийц, беспредельщиков, насильников.

— А где они броневики такие допотопные раздобыли?

— Да где-то в области тут был огромный склад консервации военной техники. Там полно старья. Еще когда проблемы с Китаем были, тут старую технику складировали. Дескать, для войны с китайцами достаточно бронетехники старого образца, для резервистов.

— И чего вы с ними, с черновиками этими, не покончили раньше?

— Да руки не доходили. И много их. Очень привлекательная у них идеология. Вседозволенность по отношению к другим. Вот и присоединяются к ним всякие. Конечно, внутри группировки у них жесткие порядки. Провинившегося могут даже съесть.

— Так они каннибалы?

— Не все. Те, кто не брезгует.

— А что за Ганина Яма? Так вроде база их зовется?

— Да, — ответил Дитрих. — Историческое место. Разве не знаешь?

— Что-то не припоминаю. — Крест мотнул головой, хоть собеседник, сидящий в другом вездеходе, его и не видел.

— Там шахта заброшенная и монастырский комплекс. В эту шахту люди Свердлова и Троцкого сбросили тела царской семьи после расстрела. Это еще в начале прошлого века было.

После революции. Потом там монастырский комплекс воздвигли в память о них, хотя с останками так и не определились, по-моему. Вроде вопрос так и остался открытым, Романовы это или нет.

— Так это там царя расстреляли? — подал голос сидевший за рулем Варяг.

Дитрих услышал его и ответил:

— Нет. Его и семью грохнули в Ипатьевском доме. Но дом этот еще по приказу Ельцина снесли. Это в самом городе. Черновики такие места вообще любят. Устраивают там какие-то шабаши и оргии.

— А враги у них вообще тут есть, которые хоть как-то противостоят? — задал следующий вопрос Людоед.

— Есть всякие группировки. Небольшие, сравнительно с черновиками. Посему и угрозы серьезной не представляют. Никто из них в союзе с этими выродками не состоит. Но и между собой враждуют. Ну, сам посуди. Есть казаки-монархисты...

— Как?

— Монархисты. Ну, царя почитают. Все мечтают отбить святыню у черновиков.

— Яму эту?

— Да. А есть еще национал-социалисты. Вроде много общего с казаками-монархистами, но они православную веру не признают. Считают ее сектой от иудаизма. Как и все христианство. Лояльны лишь к древнеславянским языческим богам. Есть муслимиат. Туда входят кавказцы из мусульманских народов и другие, кто ислам исповедует или принял. Почитают Коран. Некоторые практикуют многоженство. Но черновиков ненавидят, как слуг шайтана. Однако едва ли можно себе представить, что они будут сотрудничать с казаками и национал-социалистами. Еще есть «Новый коммунистический интернационал». Дружбу народов проповедуют и мировой коммунизм. Оттого не могут быть в союзе с монархистами или нацистами. Есть криминальные группировки под началом воров в законе. Эти черновиков ненавидят за беспредел и поругание воровского кодекса чести. Была еще «Восточная демократическая директория». Мечтали наладить контакт с выжившими американцами и пригласить их в Россию установить власть. Но этих давно побили все остальные, поскольку никакой другой группировке такой расклад был неприемлем. Ну и слабый был этот союз. Уж очень много там неприспособленных к войне псевдо-

интеллигентов было. Оттого, наверное, и надеялись на американский штык, поскольку сами не способны были защититься. Ну, еще несколько группировок. Менее одиозных. Вот и сам посуди, какое может быть организованное сопротивление черновикам, если друг другу только что глотки не грызут. Мир они между собой кое-как установили, но очень шаткий.

— Просто феодальная раздробленность какая-то, — разочарованно вздохнул Людоед. — А вот у нас, в конфедерации Дома Советов, все объединились. И казаки-монархисты, и русские национал-патриоты, и красные, и просто оставшиеся верными присяге и Родине военные и другие силовики. И ведь с кавказцами из батальона «Ирбис» в союзе были, и с безбашенными сталкерами. Как же так, Дитрих? Почему тут они не объединятся?

— А черт их знает. Может, нет сильного лидера, который мог бы повести их всех за собой и найти общие точки соприкосновения. А может, не так много ресурсов тут осталось, как в Москве.

— Ну а отчего черновики такие сильные и многочисленные?

— Так я же сказал. Идеология у них притягательная. Особенно для тех, кто вообще все ориентиры в этой жизни потерял. И по национальному признаку они людей не делят. Главное, чтобы ты не был заморочен на собственной национальной идентичности и с презрением относился к понятию «Родина». Патриотизм считается привилегией цепных псов, и только. Ненависть всех. Грабь, убивай и насилуй. Все, что от тебя требуется: будь верен чернушному братству и лидерам, братьям Черновым. Вот и все. Вот и идут к ним. Так как они сильнее. У них сытнее. И моральных требований к тебе никаких. А ведь мораль есть даже у криминальных группировок. Воровской кодекс. Не говоря уже о строгих полумонашеских правилах монархистов, железной дисциплине националистов, шариате мусульман или коммунистическом аскетизме красных...

Все это повествование навевало дикую тоску и обостряло чувство безысходности. Люди никак не могли прийти к чему-то общему и думать о выживании и возрождении. Люди и тут враждовали. Как знать, будь в Надеждинске много больше людей, то, наверное, и они тоже разбились бы на группировки и периодически стали бы объявлять друг другу войну.

Николай продолжал смотреть на мрачный пейзаж снаружи и сжимать кулаки от ощущения разочарования. Очень остро

захотелось остановить эту миссию. Объявить спасение остатков человечества преступной акцией и сделать все, чтобы ХАРП продолжал уничтожать оставшееся. Но самое обидное в таком случае, что все эти люди не узнают, что им что-то угрожало и он, Николай Васнецов, сознательно лишил их шанса на спасение. Они и погибнут все, не поняв, что произошло, и не ощутив чувства вины перед ним, Николаем, который хотел всех спасти, но обрек их в итоге на погибель из-за их неразумности...

— Правильно-правильно, — пробормотал внутренний голос. — Если саботируешь миссию, то погибнешь со всеми в общем котле. И в полной безвестности. Может, стоит подумать, как лучше поступить?

— Опять ты? — мысленно вздохнул Николай.

— Не я, а ты. Забыл? Ведь ты говоришь сейчас с самим собой...

Дальше дорогу перегородила колонна искореженных и сгоревших машин. Между деревьев лежал опрокинутый автобус. Конвой взял правее, объезжая нагромождение транспорта. Вереница грузовиков, легковушек и автобусов, казалось, никогда не иссякнет.

Деревья кончились, и справа разверзлась бездна огромной котловины.

— Господи! Илья, посмотри! Что это такое?! — воскликнул Васнецов.

— Ничего себе! — раздался возглас Сквернослова из передней кабины.

Людоед прильнул к смотровой щели и взглянул на огромный кратер, по неровному краю которого они сейчас ехали.

— Дитрих, — произнес он в рацию, — ты это видишь?

— Да. Вижу, конечно.

— И что это? Надеюсь, не то, что я думаю?

— Погоди. Спрошу у этого хмыря, — пробормотал Дитрих и после некоторой паузы ответил: — Нет, слава богу. Это Исетский карьер. Тут когда-то добывали что-то. Гранит или что-то в этом роде. Говорит, мы уже близко. Меньше десяти километров осталось по прямой.

Впереди замаячили какие-то строения. Все они были в плачевном состоянии. Обваленные крыши. Разбитые стены. Иные строения вообще представляли собой компактные груды запорошенных снегом обломков. Где-то в стороне стоял огромный

самосвал. Его размеры пугали, словно они прибыли в царство каких-то жутких великанов. Гигантский кузов был загружен с горкой. Колеса его давно были спущены, и на одном вообще отсутствовала резина. Чуть дальше были видны еще самосвалы и грузовики, но уже обычные. Не таких пугающих размеров. Опрокинутый экскаватор. Разобранные или сгоревшие останки рабочих бытовок. Дальше дорогу пересекала железная дорога. И похоже, не одна. На нескольких путях стояли длинные эшелоны грузовых вагонов, которые так и остались тут стоять с того рокового дня, когда весь этот промысел в карьере, как и многое другое в человеческой жизни, перестал иметь какое-либо значение.

Они долго объезжали заброшенные эшелоны с бесконечной вереницей вагонов. Затем снова руины каких-то строений. И снова лес. Конвой двигался по широкой просеке, которая, однако, довольно скоро кончилась новым пейзажем разрушенных строений. Чуть в стороне — несколько холмов и длинные элеваторы, тянущиеся к их вершинам. Снова много разбитой, сгоревшей или разобранной техники. Миновав этот участок, они выехали на непривычно ровное место, свободное и от техники, и от руин, и от какой-либо растительности.

— Так, тут не останавливаться, — послышался голос Дитриха в динамике рации. — Это бухта Исетского озера. Лед, конечно, крепкий, но кто его знает. Надо поскорее миновать это место.

* * *

Сумерки сгущались, возвещая об окончании очередного безликого и похожего на другие дня. Мало кто следил теперь за календарем. Это была роскошь и привилегия тех, кто не утратил еще признаки цивилизованности. Было немало и таких, кому числа и месяцы приносили боль, когда безликие даты обретали очертания событий давно минувшей эпохи. Больно было осознавать, что такого-то числа день рождения близкого человека, которого давно уже нет в живых, так как его или ее поглотил пожар ядерной войны или ее последствия. Больно было вспоминать, что было в этот день много лет назад. Поход в парк аттракционов? Прогулки по зоопарку? Визит в театр? Увлекательная и запоминающаяся поездка, от которой остались красочные яркие фотографии с позабытой гаммой цветов и непривычно ярким для нового времени солнечным светом? Теперь все это

вызывало лишь боль и бесконечное чувство страшной утраты. Николай только теперь запоздало начал понимать, почему даже в цивилизованном Надеждинске летоисчисление началось с нуля и был сейчас не две тысячи какой-то там год, а просто двадцатый. Двадцатый год после конца. Наверное, так легче. Понимал он теперь и то, отчего были такими напряженными и сосредоточенными лица людей, когда они проговаривали даты. Ведь даже если ты не хочешь думать о том, какой сегодня день, то обществу, старающемуся остаться цивилизованным, насколько это возможно, просто необходим календарь. Хотя бы для эффективной работы дающей пищу оранжереи. И люди, превозмогая боль, пользовались календарем и помнили даты, которые то и дело бередили старые раны воспоминаний. Все это навеяло Николаю аналогию с замкнутым кругом или ямой, в которую угодило человечество давным-давно. А мысли о яме, наверное, навеяны названием этого странного, все больше окружаемого сгущавшимися сумерками места. Ганина Яма.

— Что скажешь, Варяг? — Крест, как и Яхонтов и Дитрих, наблюдал в бинокль, укрывшись за снежной насыпью.

— Что-то не пойму. Вот комплекс монастырский. Вон храм, обложенный срубом. Значит, внешние посты там должны быть. И курган тот снежный, рядом возле которого два танка стоят, говорит о том, что это вход в шахту. Верно?

— Ну, верно, — проворчал Дитрих. — А что, собственно, тебя смущает?

— Да то, что никаких признаков наличия внешнего поста. Никакого патруля. Вообще мертвая тишина. Даже вояки на посту или курят, или болтают почем зря. А тут тишина, словно затаились. Дымка и света не видно. Ждали нас? Или они такие дисциплинированные? В этом я сильно сомневаюсь. Но эта тишина настораживает. Вам так не кажется, коллеги?

— Согласен, — кивнул Людоед.

— Ладно, — вздохнул Дитрих и включил рацию. — Парни, тащите эту овцу сюда.

— Есть, командир, — ответила рация.

Ждать пришлось минут двадцать. Машины они покинули на безопасном удалении от этого места и, оставив там охрану, отправились сюда уже на снегоступах, аккуратно и медленно продвигаясь, чтобы остаться незамеченными. Однако подозрительная тишина на базе черновиков могла говорить, что их все-таки заметили.

Когда рейдеры приволокли пленного, то у него был завязан рот. Дитрих достал охотничий нож и прислонил его острием к горлу черновика.

— Слушай, недоносок, сейчас я повязку сниму и пасть твою освобожу. Но имей в виду, если ты вздумаешь шуметь, свистеть, кричать и даже пердеть, в надежде предупредить своих соратничков, я воткну это тебе в глотку по самую рукоятку и потом буду проворачивать, пока рука не устанет. А когда устанет, меня сменят мои товарищи и будут проворачивать дальше. Понял, урод?

Черновик быстро заморгал глазами и засопел. Рейдеры сняли повязку.

— Мужики, я чуть не помер, — зашептал пленный. — У меня насморк...

— Заткнись, — рявкнул Дитрих. — Почему тишина такая на базе?

— А я почем знаю? — дрожащим голосом пробормотал черновик. — Нас с самого утра не было тут. Когда уезжали, то нормально было. Дрова вон там заготавливали. Пилили повалены-ные деревья. Зверя стреляли неподалеку. Шахту рыли.

— Какую еще шахту?

— Ну, эту. Нашу. Глубже она ведь завалена. А мы ее откапываем.

— Зачем?

Черновик вдруг замолчал, словно осознав, что сболтнул что-то лишнее.

— Я тебя, сука, спрашиваю, — угрожающе зарычал Дитрих.

— Там это... ну, мы жилища свои расширяли. Новые этажи подземные делали. И это... с метро соединиться хотели... Вот...

— Вы совсем, что ли, идиоты? Метро в городе. И до ближайшей станции километров десять. Вы как с ним собирались соединиться?

— Так ведь новую ветку рыли перед войной. Верхнеисетская станция, — пожал плечами пленный.

— Баран, верхнеисетская ветка тянулась к Новомосковскому тракту. А это на юге, за южным озером. Ну вы и дебилы. — Рейдер тихо рассмеялся.

— Значит, дебилы, — вздохнул черновик. И похоже было, что вздохнул он с облегчением, поскольку продолжения этой темы явно не желал.

— Погоди, приятель, — подал вдруг голос Людоед. — По-моему, он не такой тормоз, каким хочет казаться. Да? — Крест угрожающе улыбнулся и медленно стал доставать свою катану из ножен. — Знаешь, какая она острая?

— Эй, ты чего? — испуганно пробубнил пленный.

— Ну-ка подержите ему руку. Отсеку для начала кисть.

— Не надо, — простонал тот, прижимая к себе руки. — Пожалуйста, не надо...

— Говори, куда вы шахту рыли.

— Я не знаю.

Получив удар по лицу, пленный распластался на снегу и схватился ладонями за нос.

— Слушай, свинья. У нас мало времени. Поэтому считаю до ста. — Крест занес над ним свой меч. — Итак. Девяносто девять.

— В бункер, — выдохнул пленный. — Где-то рядом должен быть бункер. Он секретным тоннелем с метро городским соединен.

— Что за бункер?

— Старый. Законсервированный. Вроде при Сталине начали делать. Туда вся оборона территорий за Уралом замыкаться должна была в случае нападения американцев. Потом, при Хрущеве, стройку бросили. После него вроде возобновили. И вроде как к восьмидесятым закончили. Но после развала Союза забросили. Ну и золотишко вроде там искали. Которое большевики там спрятали, когда белые хотели царя вызволить и войско сюда шло. Ходили слухи, что там тонны церковных ценностей.

— Зачем вам сейчас золото?

— Да оно нам на хрен не нужно теперь. Нам бункер нужен и тоннель отсюда до города. Чтобы все под контролем держать.

— А ты откуда знаешь про этот бункер?

— Слыхал давно. Когда служил еще. Моя служба с такими стройками была связана. Я даже схему военную видел. Там еще тоннель шел в лес за озеро. Севернее карьера. Там секретный аэродром для тех, кто должен был быть в этом бункере. Я хреново схему эту помню. Давно было это. Но припоминаю, что бункер должен быть где-то тут. А аэродром вроде там... Ну... где мы БАТы ваши нашли. Вот...

— И как вы рыли? Чем?

— Лопатами да кирками, чем же еще.

— Небось рабы это делают? — Дитрих сурово посмотрел на пленного.

— Ну... — осекся он. — Послушайте, я ведь рядовой чернушник. Я главному как-то рассказал про эту схему, и все. Я тут ни при чем. Больше я ничего не знаю. Клянусь.

— А чего вы из самого метро не попробовали бункер найти? — спросил Крест.

— Так оно все обвалилось после атомных взрывов. Ну, почти все.

— Ладно, хрен с ним, с метро, — махнул рукой Дитрих. — А что в том храме, который обложен бревнами и мешками?

— Я же говорил. Обложенное здание — это пост внешний. А внутри машины наши стоят. А подальше, в монастыре бывшем, остальная техника и склад древесный. Монастырь тоже утеплен бревнами снаружи. Там второй пост. Два пулемета и снайпер. За монастырем мины.

— А что за курган рядом с этим храмом?

— Что такое курган? — Черновик непонимающе окинул всех взглядом.

— Холм, твою мать.

— А... Так это... Блиндаж деревянный вокруг шахты. И сам вход в шахту. Блиндаж мы сделали. А утепляли храм и монастырь еще до нас.

— Кто?

— Ну... монахи эти. Они тут так и остались, когда все началось. Точнее, пришли, когда радиации меньше стало. Ну и пытались тут божью обитель, дурачки, сделать. Всем страждущим помогать. На своих благих намерениях и погорели. Но убили их не мы. До нас еще. Клянусь...

— Как ваши могли знать о нашем приближении? Ведь у вас раций не было.

— Да хрен его знает. — Пленный нервно пожал плечами. — Может, заметил кто?

— Не могли они нас заметить. Они не профессионалы, а мы не пацаны из учебки, — буркнул Варяг.

— Не стоит недооценивать врага. Это всегда приводило к хреновым последствиям, — мотнул головой Крест.

— Ладно, парни. Тащите его обратно. Будет рыпаться, кончайте без лишних сантиментов, — сказал Дитрих своим людям и, проводив процессию из двух рейдеров и невольника взглядом, обратился к Людоеду.

— Ну и что делать решил?

Людоед пожал плечами и усмехнулся:

— Я, конечно, понимаю, что вам ближе человек из своих, артельских, но в нашей группе командиром является полковник Яхонтов.

— Ага. Пусть у Варяга за все голова болит и пусть он за все отвечает? — тихо засмеялся искатель. — Погонами ты со мной сравнялся теперь. Небось они тебе полкана дали специально, чтоб мой авторитет в группе пошатнуть и посадить на трон артельщика-ассасина.

Шутливый тон Варяга понял только Илья, поддержавший товарища тихим смехом.

— Да вы ненормальные оба, — проворчал Дитрих. — Чего делать-то будем, я спрашиваю?

— Зачищать по-тихому, — ответил Яхонтов. — Пробираемся к храму. Идут две группы. Мы заходим с левой руки. Ты со своими рейдерами с правой. Одновременно не идем. Держим постоянную связь. Пока движемся мы, вы держите на мушке храм, колокольню и курган с танками. Потом мы затаились и взяли все на мушку, идете вы. Классическая зачистка. Работаем «винтарями». Никакого шума. Исключение, если надо подбить танки. И все. И помните. Нам нужен кто-то из главных. Тот, кто знает, куда БАТы утащили.

* * *

Близлежащие деревья лениво поскрипывали на морозе, нарушая ночную напряженную тишину. Этот скрип был на руку сейчас, маскируя своими стонами повизгивание снега от скользящих по нему снегоступов. Николай и Крест преодолели еще дистанцию в двадцать шагов и затаились в сугробе. Метрах в десяти от них затаились Варяг и Вячеслав.

— Готов. Чисто, — послышался в рации, висящей на груди у Людоеда, голос Яхонтова.

— Идем, — ответил Дитрих. Прошло несколько минут, и он произнес: — Готов. Чисто.

— Идем, — произнес Варяг, и они снова неторопливо стали двигаться к храму.

Вскоре они достигли стены храма, обложенной для утепления бревенчатым срубом. Варяг и Сквернослов стояли с противоположной от Ильи и Николая стороны, у входа в здание. Сам вход был сверху защищен от снегопада большим навесом. Снег

был расчищен возле него. Перед входом была сделана баррикада из камней и мешков с песком для обороны. Дверь в храм была обита кусками ковров и паласов для утепления.

— У входа, — коротко сказал в рацию Варяг. — Пока чисто.

— Вижу вас, — ответил Дитрих. — Мы на подходе.

— Добро. — Яхонтов машинально кивнул. — Заходим.

Он поправил на лице прибор ночного видения и потянул за ручку двери. Та невыносимо громко заскрипела.

— Черт! — Варяг отпустил дверь и отпрянул от нее.

Ничего не произошло. Никто не поднял тревоги.

— Надо резко, — тихо сказал Людоед. — Цельтесь в дверь, я открываю.

Яхонтов встал на колено и направил ствол автомата на дверь.

— Славик, приготовь осколочную, — скомандовал он Сквернослову.

— Понял. — Вячеслав кивнул и, достав из подсумка гранату, просунул в кольцо указательный палец левой руки, предварительно сняв с нее перчатку.

Людоед резко рванул на себя дверь. Несколько секунд тянулись бесконечно. Казалось, вот-вот кто-то закричит внутри. Начнется стрельба, и эта гнетущая тишина нарушится наконец шумом боя. И станет все предельно ясно. Там враг, а тут свои, и надо принять бой. Но снова ничего не произошло.

— Кажется, чисто, — шепнул Варяг и озадаченно добавил: — Ничего не понимаю.

— Ладно. Заходим по очереди. Славик, убери гранату, — произнес Илья и первым метнулся внутрь.

Внутри царила кромешная тьма. Прибор ночного видения хоть и был куда удобнее того, с которым Николай бродил по московскому метрополитену, но все равно мало что позволял увидеть. Это было просторное помещение. Внутренние стены, видимо, давно демонтировали, и теперь тут стояли МТЛБ и БМД. Еще много различных частей от самых разных машин и ящики различных размеров. В другой стене большой прямоугольный пролом, где были сделаны ворота. У дальней стены много разных агрегатов и снова ящики. И кажется, там была ведущая наверх лестница.

Васнецов резко развернулся, услышав за спиной шорох. Его ПНВ снова выхватил в зеленоватом свете мистический силуэт, как тогда, в московском метро. Это были рейдеры. Они вошли

в храм. Фильтры масок были отключены, чтобы не создавать лишнего шума, и было слышно только их приглушенное дыхание.

— Ну что тут? — тихо спросил Дитрих.

— Кажется, никого, — пробормотал Варяг, водя стволом «винтореза» и целясь в темноту.

— Ладно. — Дитрих кивнул. — Вы тут пока осмотритесь. Мы наверх.

— Давай.

Рейдеры быстро исчезли из виду, и возникли только четыре неясных силуэта у дальней стены. Они принялись осторожно подниматься по лестнице. Варяг и Сквернослов стали двигаться вдоль МТЛБ и обходить его спереди. Николай и Крест пошли сзади. Обойдя машину, Людоед снял перчатку с ладони и приложил руку к выхлопной трубе МТЛБ.

— Что там? — шепнул Яхонтов.

— Не теплая. Но и не такая холодная, как должна быть при таком морозе, — тихо ответил Людоед. — Видимо, не так давно заводили. Но угаром уже не пахнет в этом гараже. Может, часполтора прошло. А может, меньше. Видимо, прогревали для легкого и быстрого запуска двигателя.

— Ладно, шут с ним, — махнул рукой Варяг.

— Тихо! — Вячеслав ткнул указательным пальцем вверх. — Слышите?

Наверху скрипели полы от осторожных, крадущихся движений.

— Это рейдеры. Чего панику разводишь. — Крест слегка толкнул Сквернослова.

— Ах да, — выдохнул Вячеслав. — Я и забыл. Ну и стремно же здесь, мужики.

— Обделалась, Фрося? — хихикнул Крест.

— Иди ты в...

— Заткнитесь оба, — рыкнул Варяг. — Вон, кажется, калитка в воротах есть. Я открываю.

Калитка заскрипела, как и дверь. Яхонтов с силой толкнул от себя и резко присел, приготовив оружие.

— Ну что? — спросил Людоед.

— Снег утоптан хорошо. Никого не видно. Шагах в тридцати, кажется, вход в блиндаж этот.

— Пошли туда, — кивнул Илья. — Тут ловить уже нечего. — Затем он проговорил в рацию: — Дитрих, что там у вас?

— Чисто, — послышался ответ. — Мы пулемет нашли у окна. Лишняя ноша пока ни к чему. Но мы его из строя выведем сейчас и спустимся.

— Добро. Мы двигаемся к яме. К блиндажу.

— Понял. Ждите нас там.

Варяг вышел на улицу. За ним, осторожно, Вячеслав. Следом Людоед. Замыкал Николай. Он уже занес ногу, чтобы переступить через порог, но вдруг резко обернулся. Что это было? Он готов был поклясться, что слышал какой-то глухой звук. И звук шел не с потолка, что можно было объяснить шагами рейдеров. А может, показалось? Может, психика подводит из-за этого затянувшегося напряжения и гробовой тишины, нарушаемой лишь треском деревьев в лесу вокруг этого места? Он подошел к МТЛБ и прислонился ухом к корпусу. Тишина. Только стук собственного сердца. И прерывистое дыхание. Васнецов не сразу понял, что это его дыхание. Он попытался не дышать, но сердце от этого стало биться еще сильнее. Николай сделал глубокий вдох и вдруг отчетливо услышал какой-то странный звук. Что-то глухо лязгнуло внутри. Или действительно показалось? Он стал гнать от себя мысли о том, что все это ему померещилось, и одновременно убеждать себя в том, что там, внутри машины, кто-то есть. Кто-то затаился и выдал себя неосторожным движением. А что, если и в БМД сидит некто? Там ведь пушка. Но и МТЛБ, хоть и без оружия, может причинить серьезные неприятности, если там действительно кто-то прячется.

— Колян, ты застрял там, что ли? — послышался голос Сквернослова.

Васнецов шагнул к двери.

— Славик, кажется, там кто-то...

Страшный грохот разорвал тишину, и все вокруг наполнилось жутким ревом. Казалось, никто не ожидал, что эта тишина нарушится именно так. Николай упал от неожиданности и, уже лежа, резко развернулся, глядя на ревущий двигателем МТЛБ, который сейчас был словно огромный фантастический зверь, разверзнувший пасть, чтобы поглотить его в мгновение ока.

— Атас, Колян! — заорал Сквернослов, хватая Васнецова и выволакивая его из храма.

Они успели отпрыгнуть от ворот в сторону как раз в тот момент, когда вездеход рванулся с места, снося ворота и превращая их в массу разлетающихся в разные стороны досок и брусьев. МТЛБ катил прямо, набирая скорость. Его словно не забо-

тили эти незваные гости, и казалось, что тот, кто управлял этой машиной, был одержим одной мыслью убраться отсюда как можно дальше и как можно быстрее.

— Мать вашу! — заорал Варяг, выбираясь из снега и отбрасывая от себя навалившиеся щепки, доски и обрывки того, чем были обиты ворота. — Славик, «Муху», быстро!!!

— Я уронил! — крикнул Сквернослов и стал быстро копошиться в снегу и обломках ворот.

— Быстрее! Уйдет же!

Раздался хлопок, и с верхнего этажа храма метнулся реактивный снаряд. Выстрел из гранатомета быстро достиг МТЛБ и врезался сверху в его приземистый корпус. Грянул взрыв. Машину объяло пламенем. Двигатель проурчал еще несколько секунд и заглох.

— Кто стрелял? — крикнул Вячеслав.

В кабине горящего МТЛБ открылся люк, и из него вывалился дымящийся человек. Он встал на колени и поковылял в сторону леса, схватившись обожженными и окровавленными руками за голову. Преодолев несколько метров, он вдруг замер и истошно заорал.

Людоед бросился в его сторону.

— Не стреляйте в него! Надо его взять! — крикнул он и, оказавшись уже на полпути к человеку, вдруг резко развернулся и нырнул в ближайший сугроб. Раздался еще один взрыв, и вопль человека из МТЛБ прекратился.

— Черт! Что это было?! — крикнул Варяг.

Крест выскочил из сугроба и побежал обратно к товарищам.

— Он себя гранатой подорвал! — Крест быстро выбрал удобную позицию и, присев, взял на мушку вход в блиндаж. — Славик, ты «Муху» нашел?

— Да, — прокряхтел Сквернослов, доставая из снега зеленую трубу одноразового гранатомета.

— Тогда живо бери на прицел те танки. Только не стреляй пока.

— Слушай, Крест, ты что-нибудь понимаешь? — проворчал Варяг, целясь «винторезом» и водя его стволом по сторонам.

— Ни черта, — коротко ответил Людоед.

Внутри храма раздалось лязганье металла. Васнецов направил ствол своего оружия в темную пасть снесенных ворот.

— Тихо, пацан, спокойно. — Из темноты показался Дитрих. — Там мои люди БМД проверяют. Может, и там кто затаился.

— Это вы лайбу подбили? — спросил Сквернослов у рейдера.

— Мы. Что оставалось делать? Почему вы сами мешкали?

— Да он нас всех чуть не переехал, — ответил Вячеслав.

— Как же вы так проворонили человека в МТЛБ?

— А у нас что, рентгеновское зрение, по-твоему? — Людоед повернул голову и бросил на рейдера недовольный взгляд. — Кто мог знать, что на таком холоде в машине сидит кто-то.

— Ладно, так или иначе, мы осиное гнездо разворошили, — проворчал Варяг. — Сейчас повыскакивают.

— Не видать что-то никого, — мотнул головой Вячеслав. — Ведь давно бы выскочили, так?

— Н-да, странное что-то, — вздохнул Людоед. — И придурок этот на МТЛБ. Он будто бежать собрался. Чего вдруг?

— А чего раньше не бежал? — возразил Дитрих.

— Может, корешей своих ждал, которых вы завалили на аэродроме. А тут увидел в смотровой прибор тени какие-то крадущиеся. Да черт его знает вообще. Что-то действительно странное тут. Пленный говорил, их тут около сотни. И что? Видели только одного, и то с ним хрен знает что творилось.

— Слушайте, а ведь действительно на взрывы так никто и не отреагировал, — сказал Яхонтов. — Они повымирали тут все, что ли?

Из храма показались остальные рейдеры.

— Ну что? — Дитрих уставился на них.

— БМД пустая. Нет там никого. Да она и не на ходу. Правый трак перебит, и, наверное, топливо слито.

— Ладно, давайте дальше. В блиндаж. И за танками следите. Мало ли что. — Людоед медленно двинулся к входу в подземелье.

Они все достигли двери. Вокруг снова воцарилась неестественная тишина. Теперь лишь к треску деревьев добавился и треск языков пламени из догорающего вездехода. Это немного осветило ближайшую местность и добавило и без того гнетущей обстановке причудливых и уродливых теней.

Оставив дозор из двух человек снаружи, рейдеры вошли первыми. Осторожно. Держа наготове оружие. Внутри были выложенные шлакоблоками до низкого потолка бойницы. Висела зажженная керосиновая лампа. За стенками амбразур опрокинутое кресло и стул. На полу лежал термос и разбросана горсть гильз. Чуть в стороне рожок от автомата, и в тени виднелся сам автомат. Они прошли дальше. На полу стали видны крупные темные пятна.

— Кажется, кровь, — тихо сказал один из рейдеров, светя фонарем.

Группа свернула за угол. Узкий бревенчатый проход с открытой дверью. За ней большое помещение, пол которого был застлан массивным длинным брусом. В полу зияло большое квадратное отверстие, в которое уходила лестница. Посветив туда фонарем, рейдеры двинулись вперед. В убежище царила полная тишина, тут даже треска деревьев слышно не было. Поэтому шипение рации Дитриха стало для всех полной неожиданностью и показалось нетипично громким.

— Командир. Это Борей.

— Да, Борей. Что у вас? — совсем тихо ответил Дитрих.

— Мы наблюдали вспышку в вашей стороне. У вас все в порядке?

— Да. Подбили одну коробочку. Сами все целы.

— Ясно. У нас тут что-то странное с пленным творится.

— Что такое?

— Припадок у него начался полчаса назад. Потом бредить начал и в жар его бросило. Причем сильный. И пятнами какими-то весь пошел. Сначала красными, а теперь они чернеют. И он совсем невменяемый стал.

— Понял. Постарайтесь симптомы продиагностировать и вколите после этого что-нибудь ему. Если что, сообщай.

— Понял, командир. Конец связи.

Широкая лестница спускалась в глубокую яму, диаметром около двух десятков метров, дна которой не было видно. В вертикальных стенах ямы были выдолблены большие ниши с дверями и деревянными подпорками. В двух нишах висели керосиновые лампы, дающие скудный свет. Вдоль стен спиралью вниз опускались деревянные пандусы, ведущие к двум нижним этажам земляного убежища. С потолка шахты свисали три лебедки, видимо для извлечения грунта при земляных работах внизу.

— Толково они тут все устроили, — хмыкнул Людоед. — Только если они глубже копают, куда девают грунт?

— С тыльной стороны храма целая гора, прямо ко второму этажу подступает, — ответил Дитрих.

— Ясно. Только вот неясно, куда все подевались.

— Кровь, — мрачно произнес Варяг, светя фонарем на пандус, по которому они теперь неторопливо двигались.

Дорога впереди действительно была обильно полита кровью. Причем свежей. Снова все чаще стали попадаться скопле-

ния валяющихся гильз. Еще один автоматный рожок. Пустой. Крест поднял одну гильзу и понюхал.

— Часа четыре назад стреляли, — констатировал он и швырнул гильзу в темноту шахты.

Звука ее падения они так и не услышали. Это, конечно, не значило, что шахта бездонная, пусть дна ее и не видно в этом мраке. Просто гильза могла упасть на что-то мягкое.

Достигнув первой двери, они обнаружили, что она лишь прикрыта. За ней было большое темное помещение. Свет фонаря выхватывал ряды двухъярусных коек и железные шкафчики возле них. Матрацы, одеяла, старые простыни, табуретки и одежда лежали на полу и некоторых койках в большом беспорядке. Людоед задержал свет фонаря на одной белой простыне. Варяг проследил по его лучу и, подойдя к койке, стал ее разглядывать.

— Мать твою, да это же блохи! — воскликнул он, резко отпрянув.

— Давайте-ка выходить отсюда, — проворчал Людоед, пятясь. — Нам еще блох не хватало.

Они вышли на пандус и двинулись к следующей двери.

— Командир! — послышалось из рации Дитриха. На сей раз голос Борея был взволнованным.

— Да. Я на связи, — ответил Дитрих.

— Это бубонная чума!

— Что? — Рейдер остановился и нахмурился.

— У пленного какая-то ураганная форма бубонной чумы!

— Ты уверен?

— Абсолютно, командир. Лихорадка, интоксикация, воспаление бубонов. Разница лишь в скоротечности. Уж очень быстро все у него развивалось. Подозреваю, что у него очень плохой иммунитет или вообще иммунодефицит и поэтому болезнь так быстро прогрессировала.

— У нас в аптечках есть противочумные препараты. Опробуй на нем.

— Не получится, командир. Мы его сожгли.

— Кого сожгли?!

— Пленного. Из огнемета.

— Зачем?

— Так чума ведь. И на кой черт он такой нам нужен?..

У Николая сжалось сердце. Он едва сдерживал в себе эмоции, давя в глубине души пробуждающуюся жалость, когда

пленника подвергали унизительным допросам рейдеры и потом Людоед. Но теперь Васнецов представил, как этого человека живьем жарят из огнемета, и стало не по себе. Пока не было ничего, существенно доказывающего то, что эти черновики для них являлись врагами. Пока только черновики подверглись нападению, а не наоборот. Но в любом случае проявить сочувствие не было бы зазорным для Николая даже по отношению к врагу. За теми лишь исключениями, когда он сам убивал врагов, зачастую зверски, особенно там, в Вавилоне. Но о тех жертвах он старался не думать, понимая, что жалость к тем, кого убил, может перерасти в уничтожающую жалость к самому себе.

— Так, ладно. Двигайте сюда быстро. Тут тоже странное что-то. Как понял меня?

— Понял, командир. Конец связи, — ответил Борей.

— Погодите, — задумчиво произнес Варяг. — Так у них тут... У них же тут чума...

— А мы могли ее подхватить? — Васнецов уставился на Людоеда и на Варяга.

— Запросто, — нахмурился Крест.

— Тише, мужики! — Стоящий ближе всех к краю пандуса Вячеслав повернулся и уставился в черную бездну шахты. — Вы слышите?

— Что там еще?

Илья подошел к нему и посветил вниз. Но свет фонаря растворился во мраке, так и не достигнув дна. Он выхватил лишь продолжающуюся спираль пандуса и поддерживающие деревянные конструкции.

Снизу доносился какой-то нарастающий звук. Причем это был целый конгломерат звуков. По мере того как он становился все громче, можно уже было распознать мириады слившихся воедино писков, визгов, скрежета и хруста. Шорох, помноженный в сотни тысяч или миллионы раз. Что-то еще, похожее на нарастающее шипение.

Все посветили вниз, и усиленный свет достал глубже, чем луч одного фонаря. Теперь было видно что-то противоестественное. Мгла внизу шахты шевелилась! Она словно бурлила и тянулась все выше и выше, к смотрящим на нее людям. Мгла поглощала спускающийся в бездну пандус и лестницу, растворяя их в себе, и надвигалась все ближе, сопровождая это нагнетаемым и становящимся все громче звуком, словно вонзающимся миллионом клыков в каждую клетку нервной системы.

— Господи, что это? — пробормотал Дитрих. Он достал фальшфейер и поджег его. Затем швырнул вниз.

Ярко освещенная область шахты стремительно понеслась на дно, и вдруг всем стало ясно, что растущая и шевеляшаяся масса не имеет конца.

— Живо все наверх! — заорал Людоед.

Все бросились по пандусу к выходу. Замешкался лишь Сквернослов.

— Славик! Ты чего?! — крикнул Николай.

— Сейчас! — Он снова достал из кармана гранату и, выдернув кольцо, швырнул ее вниз. Затем бросился следом за Васнецовым.

Раздался взрыв, а за ним чудовищный тысячеголосый визг.

Они выскочили на улицу, где их встретили два рейдера, оставленные снаружи.

— Что случилось? — недоумевающе спросили они, глядя на то, как судорожно закрывают за собой дверь те, кто в такой спешке вернулся из шахты.

— Снегом дверь закидывайте! — крикнул Дитрих.

Николай и Вячеслав вскарабкались на склоны сугробов по обе стороны от двери, руками и ногами принялись сталкивать большие массы снега. Людоед, Варяг и рейдеры подгребали все, что нападало, ногами, постепенно замуровывая вход.

По ту сторону двери раздались скрежет, треск и шорох.

— Черт, — выругался Дитрих. — Борей! Прием! Где вы?

— Через минуту будем, командир! Что случилось?!

— Приготовьте огнеметы и противочумные препараты для профилактики! Как понял меня?!

— Все понял, командир!

Отбежав к догорающему МТЛБ, все приготовили оружие. Треск двери становился все сильнее. В конце концов она просто превратилась в труху под натиском чудовищной черной массы. Тысячи огромных, многие до метра длиной, черных крыс в едином порыве устремились наружу. И подобно тому как живой организм состоит из миллионов клеток, эта лавина крыс составляла единый суперорганизм, одержимый одной лишь идеей. Одним инстинктом. ЖРАТЬ!

— Огонь! — заорал Дитрих.

Защелкали бесшумные автоматы, и только Людоед убрал ВСС за спину, сменив его на калашников, снаряженный надпиленными пулями. Тщетность стрельбы по бесчисленной ор-

де гигантских крыс стала понятна еще до того, как все истратили по одному рожку. Полетели осколочные гранаты. Взрывы разрывали тушки крыс. Рассеивали на какое-то мгновение толпу. Многие крысы кидались на своих погибших сородичей и в мгновение ока сжирали их, не оставляя даже костей, наводя на жуткие догадки о том, что стало с людьми в Ганиной Яме. И в мгновение ока беспорядочная толпа отвратительных существ снова превращалась в единый суперорганизм, неумолимо надвигающийся на людей.

Внезапно с двух сторон от тех, кто уже считал себя обреченными, выросли стены огня, ударившие по толпе крыс. Живая масса вспыхнула, освещая пространство вокруг и источая невыносимую вонь горящей живой плоти. Снова ударили огнеметы подоспевшей группы Борея. Полетели самодельные напалмовые гранаты. Яркие вспышки сжирали крыс так, как крысы хотели поглотить людей. Еще какие-то гранаты вспыхивали белыми яркими шарами и разбрасывали вокруг мириады светящихся неестественным светом гранул, которые, попадая на животных, мгновенно прожигали их тела, проникая внутрь, заставляя зверей биться в агонии, вертеться волчком, истошно верещать и вспыхивать яркими факелами. Так действовали рейдерские гранаты с белым фосфором.

— По машинам, быстро! — закричал Борей. — Долго мы их не удержим!

7
КАТИН ГОРОД

— Ну если у меня нет этих чумных блох, то отчего я так чешусь?! — воскликнул взволнованный Сквернослов, перегородив дорогу Дитриху.

— Это мнительность. От страха. Бывает. — Дитрих даже не взглянул на него, а лишь обошел и двинулся к своему вездеходу, перебирая на ладони стеклянные ампулы, тщательно разглядывая их в свете фар. — Монах! Вот эти просроченные. Ты когда ларчик проверял?

— Да с месяц, может, — развел руками рейдер, к которому подошел командир.

— А надо чаще. Хорошо хоть те препараты, что сейчас понадобились, свежие. На. Эти отдельно положи. Только не выкидывай. Сдадим в переработку фармацевтам нашим.

— Есть.

Дитрих подошел к двум рейдерам в стороне.

— Ну что, Борей, живая?

— Живая тварь, — раздался голос из маски Борея. Он толкнул ногой мешок, лежащий на снегу. — Затихла только. Боится без своих многочисленных родственников.

— Из мешка сбежать может, а в салон ее класть неохота что-то. — Дитрих потер подбородок. — Надо ящик сообразить какой-нибудь.

— Я тоже так думаю. Печенег уже пошел в машину за ящиком. Прострелим пару дыр, чтоб не задохнулась, и закрепим ящик на крыше. Думаю, не замерзнет.

— Да. Было бы обидно. — Старший рейдер кивнул.

— А на кой черт вам крыса эта? — Подошедший Варяг недоуменно развел руками.

— Как это? — Дитрих усмехнулся. — Для исследований. Очень интересное существо. Мы всяких крыс встречали. Но это настоящее открытие. Во-первых, численность. Крысы — существа во всех смыслах успешные, но то, как они смогли достичь такой популяции в голодную пору, вопрос. Размеры. Полуметровых мы давно встречали, и вроде вы говорили, что и у вас, в Надеждинске, такие есть. Но у этих размеры динозавров просто. Тоже интересно. Третье. Синхронность. Они ведут себя очень организованно. Коллективный разум просто. Как термиты, или муравьи, или что там еще такое. Пчелы... Ну и самое интересное — чума.

— Я так и думал, — вздохнул Яхонтов.

— А почему нет? Надо знать, классический это pestis или что-то новое?

— Чего материшься? — поморщился Варяг.

— Pestis — это «чума» по-латыни, а не то, что ты подумал. Бывает, что инкубационный период длится несколько часов. Тогда можно понять, что произошло с нашим пленным. Видимо, накануне их отъезда тоннель еще не прорыт был, но паратройка крыс сунулись на разведку в новое место и занесли заразу. А то, что потом на базу черновиков явилась такая армада, говорит о том, что тоннель они к бункеру все-таки прорыли. Значит, есть этот тоннель. Сами по себе крысы в таком количестве существовать не могут. Если это обычные крысы, за исключением их размеров. Следовательно, они пришли из города, где есть люди, а значит, и пища.

— Тогда что их вынудило на такую миграцию?

— Может, они от опустошенных ими мест двинулись в поисках новой пищи или...

— Или что-то другое заставило их убраться из свердловского метро, — встрял в разговор Людоед. — Ведь так?

— Очень может быть. — Дитрих кивнул.

— Я так понял, что вы все собрались вернуться в Аркаим и доставить туда эту пленную крысу? — Крест прищурился, и в его голосе слышался нескрываемый упрек.

— В общем-то, да. — Рейдер кивнул. — Это очень важно сейчас. Чума — серьезная угроза. И крысы эти — тоже.

— Важнее, чем самолет и ХАРП? — Людоед усмехнулся.

— В текущий момент — да.

— Да ты хоть понимаешь, что этот текущий момент отделяет всех от последней главы в истории этой планеты?

— Это лишь версия, но не истина в последней инстанции. — Теперь усмехнулся Дитрих. — Я и вам советую вернуться вместе с нами. Там решим, что делать дальше. Может, руководство пойдет на военную операцию в Екатеринбурге и захватит нашу технику либо столько пленных, что они за полчаса расчистят взлетку. Но сейчас соваться в город глупо и безнадежно.

— Это только для тех, кто живет в тепле и сытости, — презрительно поморщился Крест. — Когда все думки о свеженьких печенюшках, то о чем может идти речь? Вам просто неведомо, на что способны те, кому терять уже нечего. Валите в свою нору со своей новой подружкой.

— Откуда столько желчи, Ахиллес? — раздраженно спросил рейдер.

— Из желудка, чувак. Из желудка. От жратвы вашей сытной. Я все эти годы в теплицах не прятался. Ел что подвернется и жил где придется. И уж если берусь за что-то, то иду до конца. Как, впрочем, и большинство людей, что смогли выжить все эти годы!

Варяг похлопал Людоеда по плечу.

— Ладно, Илья, черт с ними. Сами управимся. Я вообще не люблю идти на дело, когда на шее висит обуза в виде ботаников каких-нибудь. Так что разошлись пути-дорожки.

Они двинулись к своему луноходу.

Дитрих, нахмурившись, смотрел им вслед.

— Командир, на самом деле нехорошо получается, — пробормотал Борей.

Старший рейдер повернулся к нему лицом.

— Ты знаешь правила. Этот экземпляр надо доставить в лабораторию. Причем срочно.

За его спиной захрустел снег от приближающихся шагов. Дитрих снова повернулся. К нему решительным шагом шел Васнецов.

— Я очень рад, что мой отец не остался с вами! — резко сказал он, остановившись в шаге от рейдера. — Я бы ему такого малодушия не простил. Да и не может он быть таким, как вы! Вы же забыли про честь и мужество, про долг и присягу! И вообще про то, что за пределами вашего мнимого рая есть настоящий мир!

Николай не ждал ответа или возражения. Сказав, что хотел, он развернулся и пошел за своими товарищами.

— Тут он нас сделал, командир, — хмыкнул Борей.

Сквернослов перегородил путь старшим товарищам.

— Мужики! Чешется все! — сказал он растерянно. — Гляньте, точно блох нет?

Вячеслав наклонил голову. Людоед посветил фонариком на его волосы. Затем на шею. И влепил подзатыльник.

— Какого хрена?! — воскликнул Сквернослов.

— Сказали же, нет у тебя ни блох, ни чумы! Возьми себя в руки! Это очень сильный препарат!

Вячеслав потер ладонью затылок и зло посмотрел на Людоеда.

— Я же по-человечески попросил.

— Как думаешь, Илья, зачем им эта крыса? — Варяг посмотрел в сторону собирающихся в обратный путь рейдеров.

— Наивный ты. Это же биологическое оружие. Она носитель чумы. Люди ведь еще живы. А значит, и войны еще будут. Пока ХАРП нас всех не рассудит.

* * *

Где-то на окраинах еще высились из грязного снега рваные линии домов, нижние этажи которых уцелели. Районы, где были преимущественно небольшие деревянные строения, выгорели полностью и теперь, покрытые снегом, больше напоминали холмистые поля. Спальные районы жилых многоэтажек имели особо мрачный вид. Каждый дом в той или иной степени подвергся сокрушительному удару волны взрыва. А некоторые и не одного. Многие дома были разрушены полностью и представ-

ляли собой нагромождения обломков, в которых были погребены жители. У иных зданий сорвало внешние стены, и теперь высились лишь серые скелеты. Одна высотка накренилась и уперлась в следующую, подобную ей. Некоторые кварталы повалились, как ряды домино. Практически на всех уцелевших зданиях или сохранившихся нижних этажах снесенных домов красноречивые следы сильных пожаров. Деревьев в редких после обильного строительства офисных зданий и супермаркетов скверах уже давно не было. Те, что не сгорели от взрыва, были, видимо, пущены позже на дрова выжившими. И скорее всего, ускорили смерть многих из тех, кто уцелел, из-за источаемого огнем радиоактивного смрада от облученных бревен. Среди рваных стен и пустых окон жутко завывал ветер, даже слабые порывы которого превращались в этом мертвом городе в жуткие стоны, будто весь ужас, что испытали те, кто оказался в тот далекий роковой день в зоне поражения, продолжал заставлять их стонать и причитать от обрушившегося на них Армагеддона. Признаками того, что в этом городе все-таки кто-то еще есть живой, были многочисленные следы на снегу. Ноги. Лыжи. Борозды гусеничных машин и уже знакомые следы колесных броневиков.

Луноход стоял в укрытии, которым являлся первый этаж обрушившегося здания с отсутствующей стеной в том месте, где машина смогла въехать в этот своеобразный гараж. Путники стояли на следующем этаже, спрятавшись за обломанной стеной, кусок которой свисал наружу на натянутых нервах ржавых арматур.

— Вот это удача, — пробормотал Людоед, глядя в бинокль. — Вижу один БАТ...

По укатанной дороге между серыми нагромождениями изувеченных зданий неторопливо ползла большая гусеничная машина с широкой кабиной, впереди которой нависал большой бульдозерный нож. К стреле крана с задней стороны машины был приделан лениво развевающийся от слабого ветра черный флаг с белым черепом. Сверху на машине сидели пять вооруженных человек в тулупах и самодельных одеждах из звериных шкур. У одного из них в руках был громкоговоритель.

— Слушайте, слушайте, слушайте! — орал он. — Черновое дело и наша черная революция непобедимы! Напоминаем вам, отбросам и вонючим недоноскам, что за укрывательство патриотов, золотопогонников и прочих контрреволюционеров смертная казнь через повешение! Если кому-то надоело быть

чмом и жить в руинах, как крысам, кому надоели тупые идеалы тупых монархистов, националистов, коммуняк и поборников глупых религий, тот может вступить в наше черновое дело! Долой совесть! Долой мораль! Долой стыд! У нас вы будете свободны от этих протухших гнилью химер! Мы — истинная власть на земле до скончания времен! Здоровые женщины принимаются без всяких условий и испытаний! Слушайте, слушайте, слушайте! Мы две недели назад предупреждали вас, недочеловеки поганые, что к сегодняшнему дню возле Бивеса и Бадхеда должны быть собраны дрова и сотня звериных шкур! Площадка только наполовину заполнена дровами и всего двадцать шкур! За ослушание и невыплату дани нашей власти вы получите карательную операцию! За то, что вчера какие-то ублюдки напали на наш патруль и убили одного нашего бойца, мы казним полсотни любых выродков из вашего числа! Слушайте, слушайте, слушайте! Попрятавшиеся по норам от страха твари! Вы все дерьмо! Вы не избежите нашего возмездия!!!

— А весело тут, — пробормотал Варяг, который также наблюдал за машиной в бинокль.

— Мужики, — прошептал Сквернослов, будто его на таком расстоянии могли услышать черновики, — так давайте перебьем их и машину заберем.

— Глупо, — мотнул головой Людоед.

— Это почему? — скривился Вячеслав.

— Во-первых, это всего один БАТ. А они где-то и второй держат. Во-вторых, они ведь и топливо забрали. Надо и его добыть. А у этого в баках неизвестно сколько горючего. Может и не хватить до аэродрома.

— А что, если присоединиться к ним? — подал голос Николай.

Варяг и Крест повернулись и уставились на него.

— Ты что имеешь в виду? — нахмурился Яхонтов.

— Они же сами сказали, что призывают вступать в их сообщество. Мы вступим и узнаем, где они держат обе машины и топливо. Перебьем их, и все.

— Шустрый какой, — усмехнулся Людоед и снова прильнул к своему биноклю. — О, кажись, старый знакомый.

Из переулка руин выполз БТР-152 и медленно двигался по следу БАТа. На нем также развевался флаг черновиков.

— У них, похоже, недостатка в топливе нет, — пробормотал Варяг.

— Еще бы, — кивнул Крест. — Ты видел, сколько вагонов и цистерн на сортировочной станции стоит? Тысячи. Тут все железнодорожные пути сходятся. Чудо, что ядерным ударом не пожгло все это.

— Наверное, основной целью Уралмаш был. Ну и густонаселенные районы, — ответил Варяг.

— Вполне может быть.

БТР остановился, когда БАТ скрылся за очередным поворотом среди развалин домов. К пулеметчику, торчащему из люка, присоединился еще один черновик. Он указал куда-то в сторону. Они какое-то время смотрели в том направлении. Затем второй черновик скрылся в машине. Открылась задняя дверь с запасным колесом, и оттуда выскочили человек и две овчарки. Черновик вытянул руку, и собаки кинулись в ту сторону. Из руин выскочил кто-то на лыжах. Он как мог быстро стал удаляться от собак, отталкиваясь палками.

— Черт, в нашу сторону удирает, — пробормотал Сквернослов.

— Ага, — согласился Людоед, глядя на него в бинокль. — Бедолага, даже шапку посеял. Кажись, казах или китаец.

Человек нарочно старался двигаться по неутоптанному снегу. Догоняющие его собаки проваливались и не могли достаточно быстро двигаться.

Пулеметчик на БТР взял его на мушку и спросил что-то у черновика, который спустил собак. Тот ответил что-то и мотнул головой. Видимо, рекомендовал не тратить патроны, уповая на то, что собаки все равно настигнут беглеца.

Уже возле здания, где притаились Варяг и компания, беглец налетел на какой-то обломок, скрытый снегом, и упал. Одна лыжа слетела. Собаки были уже близко. Поняв, что вновь встать на лыжи он не успеет, человек сорвал с ноги вторую и, вооружившись лыжными палками, кинулся как раз туда, где был припрятан луноход.

— Черт, ну вот этого нам не хватало, — проворчал Варяг, срывая с плеча «винторез».

Беглец нырнул в импровизированный гараж и, прижавшись к стене, с изумлением уставился на луноход. Затем медленно поднял голову, и лицо его перекосилось от ужаса, когда он увидел нависшую со второго этажа фигуру бородача с бесшумным автоматом.

Теперь в это убежище наконец ворвались и собаки. Двумя точными выстрелами Варяг заставил обеих взвизгнуть и упасть замертво в ногах у беглеца.

Тем временем БТР медленно полз к зданию. Когда он остановился метрах в двадцати, черновик, спустивший собак, снова вышел из задней десантной двери и пошел по следу своих питомцев. Обойдя полуразрушенное здание и увидев свежие следы лунохода, он осторожно посмотрел за угол, и когда его взгляд упал на спрятанную машину, возле которой лежали мертвые собаки, он с ужасом бросился назад.

— Рейдеры!!! — истошно завопил он. — Рейдеры здесь!!!

— Мать твою, — вздохнул Варяг и, найдя в стене удобное отверстие, сделал еще один выстрел.

Пуля попала черновику точно в голову, и с нее слетела видавшая виды ушанка. Черновик распластался на снегу.

Пулеметчик дал очередь по зданию и заорал внутрь броневика:

— Шухер!!! Засада!!! Живодера убили!!!

Водитель включил задний ход и стал выворачивать руль, пытаясь развернуться.

Людоед достал из кармана шинели гранату, выдернул кольцо и, поцеловав ее на прощание, метнул в сторону бронемашины. Граната влетела точно в прямоугольный люк, из которого торчал пулеметчик.

— А-а-а-а!!! — Черновик попытался выбраться на крышу и спрыгнуть с броневика, но взрыв опередил его, подбросив в воздух и заставив упасть вниз головой на капот машины.

Сомнений не было. Пулеметчик мертв. Из бронемашины повалил дым. Водительская дверь открылась, и оттуда выпал человек. Он прополз немного, затем поднялся на колени, держась за голову. Выплюнул кровь и стал мотать головой.

— Языка взять надо! — воскликнул Крест и спрыгнул прямо в окно.

Сквернослов и Николай последовали за ним. Людоед прыгнул не очень удачно, уйдя по пояс в сугроб. Он выругался и протянул Васнецову руку.

— Помоги!

Николай помог ему выбраться. Тем временем Вячеслав уже подбежал к черновику, держа наготове автомат. Водитель бронемашины, шатаясь, поднял голову и уставился на бегущего к нему человека.

— Не двигаться, падла! — крикнул Сквернослов и ударил его для убедительности ногой по лицу.

Черновик распластался на снегу. Подбежавший Людоед осмотрел его, затем зло глянул на Вячеслава.

— Молодец, дубина! Нечего сказать!

— Чего такое? — захлопал глазами Вячеслав.

— Ты его убил, вот чего! — ответил Крест.

— Как это?

— Ногой своей дурацкой! На кой черт его надо было бить?! Он и так чуть живой!

— Да я же один раз всего, — растерянно пробормотал Сквернослов, опустив автомат.

— Да иди ты! — Крест махнул рукой и полез в дымящий броневик. Через минуту он выбрался через заднюю дверь, кашляя и неся два автомата и пару рюкзаков с боеприпасами. — Тащите это в луноход, балбесы. Надо валить отсюда. Сейчас хмыри с БАТа дым увидят и вернутся.

— Блин, если дело так и дальше пойдет, то нам скоро понадобится еще один луноход. Чисто для стволов и патронов, — проворчал Сквернослов, взваливая на плечо мешки. Николай взял автоматы и пошел следом за Ильей.

Беглец сидел на снегу возле лунохода. Только теперь все обратили внимание, что за спиной у него вещмешок, пропитанный кровью, и на плече самодельный лук и колчан со стрелами с наконечниками из автоматных пуль. Возле него стоял Варяг, наведя на незнакомца ствол «винтаря».

— Эй, — позвал беглеца вошедший в убежище Крест. — Ты часом не китаец?

— Китаец, — растерянно пробормотал он.

— Ну, тогда нихао! — Людоед улыбнулся и приветливо поднял руку.

— Чего? — пробормотал китаец.

— Ты что, язык родной забыл? Я говорю, привет.

— А... здравствуйте. — Тот кивнул.

— Чего у тебя в мешке такое?

— Охотился я. Кабанчик там.

— Ясно. Тебя как звать?

— Дракон, — тихо произнес человек.

— Что, вот прямо так и зовут?

— Ну да... Я Фэн Сяолун... Маленький дракон... значит...

— Вот как? — Крест улыбнулся недобро. — А я Людоед.

Китаец как-то обреченно обмяк и испуганно посмотрел на него. Затем на Варяга.

— Товарищи, не ешьте меня, пожалуйста. У меня ребенок маленький и больной, и жена тоже больная!

— Да ты не тушуйся, Фэн. — Илья подмигнул ему. — Я драконов не ем. — Затем склонился над человеком и добавил: — У меня изжога от них страшная.

* * *

Сидя на своем привычном месте в луноходе, Николай продолжал морщиться от запаха крови, который источали мешок Фэн Сяолуна с тушей кабана и два собачьих трупа, лежавших на полу. Китаец настоял на том, что их надо забрать, поскольку собаки были ухоженные и сытые, а значит, и мясо их могло сгодиться в пищу.

— А я думал, что только корейцы собак едят, — усмехнулся Людоед, обращаясь к новому знакомому, морщинистому, но еще не старому низкорослому китайцу с длинными волосами, затянутыми в хвост, и жидкими, свисающими ниже подбородка усами.

— Собак нынче все едят. У вас что, проблем с едой никогда не было? — ответил Дракон, поглядывая через окошко в пассажирском отсеке в лобовое стекло. — Сейчас направо, — добавил он, обращаясь к сидящему за рулем Варягу.

— Хорошо по-русски говоришь. Давно тут? — спросил Яхонтов.

— С семи лет. С родителями приехали за полгода до войны.

— А жена твоя тоже китаянка?

— Нет. Башкирка.

— И много вас тут?

— Кого — нас? — не понял вопроса Сяолун.

— Ну, китайцев, — пояснил Варяг. — Мне думается, что за Уралом много вас должно быть.

— Э, нет, товарищ. Мор был страшный в Китае.

— Чего?

— Эпидемия. За несколько недель до войны началась. Внезапно. Какой-то опять атипичный птичий грипп и черт его знает что еще. Выкашивал, как чума в Средневековье Европу.

— Вот как? — хмыкнул Крест. — И с чего вдруг?

— А мне знать откуда? Кто-то из местных товарищей мне говорил, что это, скорее всего, этновирус. Болезнь била ведь

китайцев. Даже вьетнамцы, монголы и корейцы болели меньше. Среди европейцев, ну, русских, славян там и других, вообще единичные случаи, и то не все смертельные. А у нас как проклятие просто.

— Этновирус? — нахмурился Людоед. — Это что же получается, биологическое оружие, уничтожающее избирательный генетический вид?

— Типа того. — Китаец кивнул.

— И кто применил?

— А черт его знает! Я слышал, что такое разрабатывали и у вас, и в Америке, и у нас в Китае.

— Ну, сами по себе вы ведь ударить не могли. Зачем вам разрабатывать болезнь, которая только вас и поражает? — спросил Крест.

— А может, наоборот, они создали какое-то генетическое средство для защиты своей нации, но до ума не довели и получился обратный эффект, — предположил Варяг.

— Да кто же его знает теперь, — вздохнул Сяолун.

— А за кого Китай был, когда война началась? — Сквернослов повернулся и посмотрел сквозь окошко на нового знакомого.

— За себя, как водится, — усмехнулся Дракон. — Ну, врагто у нас общий получился. Вот и воевали против одних и тех же. Правда, никаких совместных действий не было. Наоборот. Вроде даже у наших с вашими стычка где-то на границе произошла. Но думаю, это недоразумение или провокация третьих сил была. Ну и когда все началось, то случались и погромы в ваших городах, где много моих соплеменников было. Хаос, одним словом.

— Н-да, — вздохнул Людоед. — А ты сам как выжил?

— Да как. — Фэн пожал плечами. — У вас ведь народ в основе своей такой... Посмотрит только косо, а коль худо людям, то даже чужаков к себе примут. У нас в общине и чеченец есть. Приютили русские. Эй... Теперь налево поверни...

— Хорошо. — Яхонтов кивнул. — Черт. Что тут было?

Разрушения в этом районе имели несколько другой вид, чем на окраине города. Все строения были снесены до основания и перемолоты в мелкие обломки, смешавшиеся друг с другом и расстилающиеся бескрайней пустыней из молотого и оплавленного железобетона. Даже сугробы были не в состоянии скрыть полностью следы такого разрушения. Варягу приходи-

лось вести машину осторожно, чтобы случайный обломок не попал в гусеницу и не вывел из строя ходовую часть.

— Это мы недалеко от одного из эпицентров. Уралмаш. Ракета, говорят, точно в центр всего комплекса попала. Давай сейчас правее.

Луноход стал забирать вправо, курсируя между торчащими из грязного и раздутого ветрами снега остовами сгоревших и искореженных машин. Видимо, тут была большая стоянка. Чуть дальше виднелись погнутые массивные трубы. Похоже, что тут был проложен прямо на улице трубопровод.

— И еще раз направо. Это улица Надеждинская пошла, — произнес китаец.

— Какая улица? — Николай удивленно уставился на него.

— Надеждинская. А что? Тут мы и живем. В конце только. Туда пошла улица Пехотинцев. А вот это — Надеждинская.

— Надо же, — тихо хмыкнул Яхонтов. — Надеждинская улица.

— Варяг, — позвал Илья.

— Чего.

— Видишь, стена высотки большая, наклонившаяся?

— Вижу. И что?

— Поезжай прямо рядом с ней.

— Зачем это? — удивился Варяг. — А ну как рухнет?

— Ну, до сих пор не рухнула. Даст бог, и нас минует.

— Да зачем тебе это?

— Я ее взорву и завалю следы на этом участке. Взрывчатки немного понадобится, если по уму заложить. А уж чему-чему, а этому нас хорошо учили. Только поезжай прямо и у стены на девяносто градусов поверни. Чтоб и разворот наш завалить. Эти придурки нас теперь искать ведь будут.

— Понял. Сейчас сделаю, — кивнул Варяг.

Стена большого многоэтажного жилого дома, который сам весь осыпался, каким-то чудом продолжала стоять, торча на шесть этажей вверх и на сотню метров в длину. При этом она была немного накренена, угрожающе нависая над дорогой, по которой они теперь ехали.

После того как луноход миновал опасный участок, Варяг остановил машину. Людоед принялся доставать из коробок, что погрузили сюда рейдеры, заряды взрывчатки.

— Я, пожалуй, впереди вашей машины на лыжах дальше пойду, — сказал Дракон. — А то дозор наш тревогу поднимет. Беда случиться может. А вы за мной потихоньку.

— Согласен, — кивнул Людоед и, прихватив автомат, взрывчатку и снегоступы, вышел через открывшуюся аппарель.

— Только зверей этих дохлых с собой прихвати, — буркнул Николай. — Воняет, мочи нет.

— Хорошо.

Китаец кивнул. Забрав свой вещмешок и взвалив на плечо связанных проволокой за лапы мертвых овчарок, он встал на лыжи и двинулся в сторону длинного ряда торчащих из снега крыш небольших автомобильных гаражей. Луноход медленно двинулся следом. Васнецов прильнул к перископу и смотрел назад.

Илье понадобилось для минирования совсем немного времени. Прошло минут пятнадцать, и вот быстро семенит от нависшей стены Людоед, глядя на наручные часы. Вот он быстро прячется за большим куском бетона, торчащим из сугроба, натягивая на лицо респиратор и защитные очки. Взрыв. Стена сначала медленно, затем все быстрее возобновила свое начатое давно, но замершее на годы падение; при этом крошилась в пыль и мелкие обломки, накрывая плотным, разносящимся во все стороны серым облаком дорогу и следы лунохода. Когда тяжелое облако пыли практически опустилось на снег, Людоед вылез из укрытия и, взглянув на творение своих рук, удовлетворенно кивнул. Затем двинулся вслед за луноходом.

— Горящие бэтээры. Рушащиеся дома. Трепещите, люди! Илья Крест пришел в город, — засмеялся Вячеслав.

Людоед решил не возвращаться в машину, а замыкать колонну, двигаясь позади машины и держа автомат наготове. Они пересекли Таватуйскую улицу, когда кончился длинный ряд присыпанных снегом разоренных гаражей. Бесконечные вереницы разрушенных зданий снова прерывались участками, где один или два нижних этажа устояли. На пересечении Надеждинской улицы и проспекта Седова китаец остановился и замахал руками куда-то в сторону массивного, обвалившегося, кубической формы здания. Из лунохода не было слышно, но казалось, что он перекрикивается с кем-то, кого не видно, несколько раз показав рукой на луноход. Наконец из развалин показались двое вооруженных, одетых в одежды из звериных шкур. Они подошли к Дракону и стали что-то ему говорить. Китаец вдруг скинул с плеча собак, сбросил свой вещмешок с тушей кабана и бросился вперед. Один из людей следом. Второй некоторое время смотрел им вслед.

— Что-то я не пойму, — пробормотал Варяг. — Что там случилось такое?

Оставшийся дозорный наконец повернулся и махнул рукой луноходу, призывая двигаться за ним, и, подняв брошенную ношу, побрел по следам Дракона и кинувшегося за ним своего напарника.

— Может, ловушка? Чего китаец побежал вдруг? — пробормотал Сквернослов.

— Я к Людоеду, — сказал Николай и, прихватив оружие, выбрался через шлюз.

Крест уже направлялся к дозорному. Васнецов стал догонять его.

— Чего стоите, э? Я же рука махаю! — крикнул дозорный с акцентом. Это был вооруженный снайперской винтовкой человек с черной бородой, растущей прямо от скул и скрывающей половину лица.

— Тебя как звать-то? — спросил подошедший Крест.

— Меня? Турпал. Турпо, короче, — ответил, прищурившись, человек.

— Нохча? — Теперь прищурился Людоед.

Дозорный поднял одну бровь.

— Ну. И что? У тебя проблемы с нохчами?

— Я просто спросил, — ухмыльнулся Крест. — Я Илья. Это Коля. — Он кивнул в сторону Васнецова и протянул Турпо руку. — Ну здорово, богатырь.

— Чего? — нахмурился человек, машинально ответив рукопожатием.

— Ну, Турпал — это же богатырь, по-вашему.

— А-а-а-а... Точно... — Он кивнул. — Пошли, короче. Тут, короче, недалеко.

— Что с Драконом вашим случилось? Чего он убежал?

— Китаец? Короче, беда у него. Дочка умерла, короче, — вздохнул Турпал.

— Эх, — сконфуженно выдохнул Людоед. — Беда...

— Беда. — Чеченец кивнул. — Ну, айда, да?

* * *

Обитель этой общины находилась в подвале длинного жилого дома, который весь давно обрушился. Лишь в некоторых местах было несколько уцелевших помещений первого этажа. На пересечении Надеждинской и широкой Технической ули-

цы, где на перекрестке навечно застыл трамвай, это здание стыковалось с еще одним длинным жилым домом, образуя букву Г. У обложенного самодельными дотами из мешков и обломков зданий входа в подвал стояло несколько вооруженных человек. Один из них был очень похож на Варяга. Наверное, потому он немного задержал взгляд на вышедшем из лунохода Яхонтове. Разве что постарше чуть, и волос у него был темнее, а борода почти седая.

— Вот, короче, Егор, это которые Дракон спасали.

Турпо показал на них и протянул свою винтовку и подсумок с боеприпасами одному из стоящих рядом с Егором людей.

— Вахту сдал, короче, — пробормотал он ему и спустился в подвал, из которого доносился женский и мужской плач. Родители оплакивали скончавшуюся дочь.

— Значит, вы убили несколько чернушников и взорвали их транспортер? — нахмурился Егор.

— Есть такое дело, — кивнул Варяг. — А что? Что-то не так?

— Накликали вы беду на всех. Они же взбесятся.

— Значит, надо было дать им растерзать вашего товарища? — усмехнулся Людоед.

— Я этого не сказал, — вздохнул он. — За Дракона спасибо, конечно. Только что нам теперь делать? Обычно чернушники в обитаемые районы не суются. Ловят людей на заготовках и охотах. Но сейчас такое дело. Вчера кто-то патруль их обстрелял. Теперь вы. Шаткое затишье нарушено. Война начнется.

— А она кончалась? — усмехнулся Сквернослов. — Может, пора разобраться с этими утырками? Или вы вечно думаете отсиживаться в своих норах и чувствовать, как вам ссыкотно от этих черновиков?

Егор медленно поднял руку с обрезом двустволки и наставил оружие на Вячеслава.

— Не надо так, сынок, — спокойно произнес он.

— Опусти оружие, земляк. — Людоед встал между ним и Сквернословом. — У нас общий враг. И мы можем нарушить баланс сил в этом городе не в пользу черновиков.

Тот задумчиво уставился на Илью. Затем наконец произнес:

— Ладно. Я Егор Демидов. Старшина этой общины. Давайте спрячем ваш вездеход и потолкуем обстоятельно.

Николай все это время стоял в стороне. Все последнее время он чувствовал себя совершенно отрешенно. И понимал от-

чего. В голове его пульсировала одна мысль. В этом городе есть метро. Да, оно в большей степени обрушилось, насколько они знали. Но оно есть. И эта мысль не давала ему покоя. Словно какой-то странный, иррациональный инстинкт звал его снова в подземелье.

8
ИНСТИНКТ

Местный быт напоминал подземелья Надеждинска. Но если там община ютилась в подвалах многих домов, соединенных сетью крытых траншей, то тут все население занимало только подвалы двух примыкающих друг к другу зданий. Был в этом подвале оборудован и гараж, в котором стоял пожарный «Урал», насос которого иногда использовали для прогона нагретой в котле воды парового отопления или для душевых кабин. Рядом с машиной, давно лишенной колес, оказалось достаточно места, чтобы поставить луноход.

Демидов пригласил гостей за стол, который, правда, пустовал. Он достал лишь бутылку самогона и несколько давно остывших картофелин в мундире.

— Эх, — вздохнул он. — Бедные дети. Рождаются мало. А если рождаются, то больные или уже мертвые.

Егор залпом осушил налитую железную кружку и проглотил картофелину. Затем подвинул бутыль и миску с закуской гостям.

— Если хотите... — прокряхтел он. — Чем богаты...

— Спасибо, — кивнул Варяг. — Но давай о деле.

В этот момент в небольшое помещение, где они расположились в свете трех горящих лучин, вошел Турпал и, усевшись за стол, налил себе самогону.

Крест повернул голову в его сторону.

— А разве Аллах не запрещает алкоголь? — спросил он.

— Слушай, ты кто, имам, что ли? Нет, он меня учить будет! Я замерз в дозоре, понял?! — И, выпив залпом, поморщился и пробормотал: — Мы все давно Аллаха прогневали, потому и живем так. Жалко китайца, короче...

— Вы чего от черновиков-то хотите? — спросил Егор.

— Они машины наши украли и топливо к ним, — ответил Варяг.

— Ну и что? У вас вон тарантас хороший какой. Вам мало этого? Прям как у рейдеров. — Демидов ухмыльнулся.

— Ты видел рейдеров? — осторожно спросил Людоед.

— Нет. Рассказывали следопыты. Они там вроде обитают, в горах где-то. Так... Байки всякие ходят... А чтоб сунуться на черновиков, это вы забудьте. Их много. У них оружие и техника.

— Ну а есть у вас в городе сильные группировки, которые с ними враждуют? — задал вопрос Варяг.

— Да есть. Всякие. Только они не такие сильные, как сами черновики. И между собой тоже не ладят. И не думайте, что вам кто-то из-за пары тракторов будет помогать и людей своих в бою насмерть класть.

— Разве только в тракторах этих дело? — поморщился Крест. — Неужели никто не хочет избавиться от ига черновиков? Те же коммунисты, монархисты или муслимиат?

Турпал, услышав последнее слово, пробормотал какое-то ругательство на родном языке.

— Ты чего? — Людоед уставился на него.

— Бараны они! Они меня выгнать сделали!

— За что это?

— Эй, там, короче, много татарин, дагестанец, ингуш, башкир и азербайджанец! А нохча им не понравился! Азер говорит, ты не настоящий правоверный! Говорит, короче, вы волку поклоняетесь, а Кораном прикрывались, чтоб сауды денег давали на газават. Я говорю, ты баран, оу! Дагестанец говорит, мой бабка жил Кизляр. Я говорю, и что? Я при чем? Я ходил твой Кизляр? Мне одиннадцать лет было, когда Шамиль Кизляр ходил. Никто в мой тейп не был там с оружием в руках. Я говорю, что ты хочешь, короче? Он говорит, уйди! У ингуша одного на плече татуха, понял. Баба голая, короче. Я говорю, ты какой правоверный, если у тебя татуировка? Это харам! Коран запрещает не только баба, даже бабочка рисовать. Я говорю, Аллах запрещает живых существ рисовать. Он смеется, короче, и говорит, что она уже мертвый, не живой. Аллах простит. Я говорю, ты баран, оу. Татарин говорит, из-за тебя, короче, мы не сможем с русским договариваться. Типа, короче, русские не будут с ними договариваться, если в муслимиат есть чеченец. Я ушел. А оказывается, русский может принять нохча к себе. И я тут, короче. А они говорили, русский не будет с ними говорить из-за чеченца. Бараны они! А русские, Егор, вон, приняли. Аллах велик!

— Велик, успокойся, — пробормотал Демидов.

— Брат, сколько время? — Турпал сразу остыл и словно забыл об этом разговоре.

Егор достал из-за пазухи карманные часы на цепочке и, открыв крышку, кивнул.

— Пора.

— О. Спасибо. — Чеченец встал из-за стола и пошел к двери. — Я у себя, короче, — сказал он и вышел.

— Пошел молиться? — спросил Варяг.

— Да, — ответил Демидов. — Он пять раз за день это делает.

— Странный он какой-то.

— Да нет. Просто напряжен вечно. Ну и характер такой. Он постоянно чувствует себя чужаком и думает, что его недолюбливают. Понять его можно. Хотя у нас это не так. У нас все равно, кто какой нации. Главное — человеком будь.

— А как он к вам попал?

— Он один долго жил. Потом однажды на него собаки дикие напали. Рвать начали. А наш дозор его отбил у собак. У меня тут против столбняка были лекарства. Просроченные, правда, но помогли. Оклемался. С тех пор с нами.

Егор снова налил себе самогону. Варяг пристально смотрел на то, как он делает залп своей кружкой и следом отправляет картофелину.

— Не волнуйтесь, — крякнул он, поняв этот взгляд. — Мне ведро надо, чтоб захмелеть. А уж на таком холоде и подавно.

В помещение вошла женщина. Одета она была в старое пальто и валенки. На плечах шерстяная шаль. Ее лицо было совершенно заплаканным и опухшим. Посмотрев на гостей, она вдруг упала на колени и, хлопая ладонями по полу, стала плакать и причитать.

— Спасибо вам! Спасибо вам! Если бы не вы, я бы и мужа сегодня потеряла! Спасибо вам! — рыдала она.

Людоед вскочил с табуретки и принялся аккуратно поднимать ее.

— Послушайте, не надо так, успокойтесь, — настойчиво говорил он.

Демидов также помогал ей подняться на ноги.

В помещение ворвался Фэн. Он схватил жену и крепко прижал к себе, успокаивая.

— Сулпан, родня, зачем ты так, — шептал он, гладя ее по голове.

— Доченька моя! — рыдала женщина, стуча кулаками по плечам супруга и мотая головой.

Вслед за Драконом вошли еще несколько женщин. Они осторожно взяли Сулпан под руки и увели. Китаец обессилен-

но опустился на пустующую табуретку и тяжело вздохнул. Молчание затянулось. Все понимали, какое горе постигло этого человека, но говорить что-либо было сейчас неловко, а слова утешения и сочувствия ничего не способны были сделать.

— Сколько ей было лет? — Первым тишину нарушил, как ни странно, молчаливый обычно Николай.

— Пять годиков всего, — едва сдерживая слезы, ответил китаец.

— А чем болела?

Фэн молчал, медленно качая головой, затем наконец произнес:

— Да там... Столько всего... Я и названий-то всех не знаю. И никто не знает. Разве может сейчас родиться здоровый ребенок?

Васнецов пристально взглянул на него и задал очередной вопрос:

— Тогда зачем вы ее родили?

— Ты что мелешь? — прошипел Сквернослов.

Китаец растерянно посмотрел на Николая.

— То есть как это? Как это — зачем? А зачем жить тогда? А продолжение рода?..

— Вы, зная, что нормальные дети не могут родиться, все равно пошли на это? — Васнецов стал говорить громче. — Вы породили новую жизнь, обрекая ее на страдания, и теперь, когда случилось неизбежное в этой ситуации, оплакиваете ее?

Егор наклонился через стол и тихо спросил у Варяга:

— У него с головой все нормально?

— Вообще-то, нет, — пробормотал Яхонтов, вперив в Васнецова недобрый взгляд. — Николай. Ты что несешь?

— Я говорю об ответственности! — огрызнулся Николай. — О чем думают люди?

— Погоди, но... — Фэн был совершенно обескуражен такой постановкой вопроса. — Погоди... Но... Но зачем жить тогда? Зачем мы все живем? Так после нас ничего не останется? Придет наш час, и мы умрем и ничего после себя не оставим? Никого после себя не оставим? Люди все вымрут, и все? Что же ты говоришь такое? Да мы... Но мы хотели ребенка. И ведь есть призрачная надежда и пусть крохотный, но шанс, что ребенок выживет. Что он будет жить. А зачем нам тогда жить в таком случае? Продержаться подольше и умереть? Это наш удел?

— Послушай, Дракон, извини за такой вопрос, конечно, — встрял в разговор Людоед. — У твоей дочери нет пятен на теле? Красных или черных, особенно в шейных областях?

Фэн Сяолун совсем не понимал, чего от него хотят, и растерянно смотрел на гостей.

— Погоди, ты что имеешь в виду? — спросил Егор.

— Чума, — ответил за Людоеда Варяг.

— Чума? — удивился Демидов. — Бывали случаи холеры и тифа. Даже эпидемии. Дизентерия и всякое такое. Но чума... Хотя были вспышки в самом начале. Еще до холодов. Но когда холода настали, и случаи чумы прекратились. С чего вы вдруг спросили?

— Ганину Яму знаешь? — взглянул на Егора Крест.

— Знаю, конечно. Там черновики окопались.

— Так вот. Нет там больше черновиков. Там огромные крысы. Носители чумы.

Егор какое-то время смотрел на Илью, вытаращив глаза, затем вскочил и схватил Дракона за руку.

— Пошли.

— Чего? Куда? — пробормотал китаец, вставая.

— Надо осмотреть ее.

— Что?!

— Надо, дружище, пойми! Пойдем!

Они вышли из помещения, оставив четверку путешественников одних.

Людоед, воспользовавшись моментом, схватил Николая за воротник.

— Ты что себе позволяешь, идиот! Забыл уже, как перед Ветром в Вавилоне извинялся?! Забыл про его сына?!

— Разве я не прав? — Васнецов пристально посмотрел в глаза Людоеду. — Разве я не прав?! Зачем плодить страдания и боль?! Зачем?!

— А зачем мы хотим уничтожить ХАРП?! Это надежда и тот самый призрачный шанс! Это борьба жизни против смерти! Это торжество жизни над смертью!

— Но торжествует смерть! — воскликнул Николай.

— Это лишь твое мироощущение! Это только то, что ты хочешь видеть! Ты просто слабак, так признай это! И значит, пусти себе пулю в лоб и успокойся! — рявкнул Крест и оттолкнул от себя Васнецова.

Варяг и Вячеслав ничего к этому не добавили. Они сидели молча, но Николай понимал, что и они осуждают его. Он и сам

терзался от того, что сказал, и не знал, где он прав, а где нет. Мысли его ходили хороводом вокруг странного ощущения, что его кто-то или что-то зовет. Он не понимал, кто, что, куда и зачем. Но чувствовал непреодолимую тягу пойти за этим странным зовом. Он так сильно ушел в себя, что даже не заметил, как вернулся Демидов.

— Нет ничего, — мотнул он головой, садясь. — Никаких пятен и других симптомов чумы.

— Что ж. И то хорошо, — вздохнул Людоед. — А про огромных крыс что можешь сказать?

— Были случаи в метро. Крысы очень большие на людей нападали. И в руинах возле эпицентров ядерных взрывов они попадались. Но надо отдать должное черновикам, они прогнали их из города. Последний раз люди с этими тварями месяц назад, или около того, сталкивались.

— А как они их прогнали? — удивился Варяг.

— Да вроде, говорят, химикатами какими-то. Они ведь на своей базе химическое оружие делают. Вот есть у нас один, тоже когда-то по подвалам маялся в одиночку, и его черновики выкуривали. Он их склад с провизией грабанул тогда, убив охрану. Они его выследили в одном подвале. Сунулись. Он стрелять начал. Еще двоих положил. Тогда они газ пустили.

— А как он выжил после этого? — спросил Крест.

— Да как, сорвал с себя майку, обоссал ее и на лицо намотал. Так и выжил. Ослеп только, но смог уйти.

Николай снова задавал себе циничный вопрос, зачем им в общине слепой. Какой от него прок? Но нашел в себе силы противопоставить этому простую идею гуманизма, которая, как правильно заметил Людоед, ведет их к уничтожению ХАРПа. Ему очень хотелось понять, что в разуме побуждает с таким рвением обращать свой взор на иррациональность рождения детей, которые, скорее всего, будут больными и долго не протянут, зачем спасать жизнь слепцу... Почему он думал об этом? Почему он не воспринимал это как должное? Как то, что всякий человек должен понимать из соображений человечности? Неужели он действительно все больше перестает быть человеком? Он чувствовал, как двоится его разум в противоречиях, и не в силах был собрать все свои внутренние «я» воедино, став при этом монолитом, каким были Варяг или Людоед, всегда знающие, чего хотят, и всегда имеющие четкую позицию. Хотя, может, они умело казались такими? Васнецов сейчас понимал одно. Он страдает такими противоречиями, когда оказывается

среди людей. Когда он был один или среди привычных уже попутчиков, то такого смятения не испытывал. Ни деления внутренних сущностей, ни разного восприятия окружающего. И снова навязчивая мысль уйти подальше, прямо сейчас, овладела им. Уйти. И тогда он не будет распаляться, взвешивая все за и против и ставя на разные чаши весов циничный рационализм и гуманность и человеколюбие. Странный зов с новой силой стал будоражить его...

— Где база черновиков? — пробормотал он, обращаясь к Егору.

— Да вроде где-то недалеко от Бивеса и Батхеда.

— А что это такое? — спросил Варяг.

Демидов засмеялся:

— Да памятник это. Основателям города. Графу Татищеву и немцу этому... Де Генину, кажется. Давно еще... Задолго до войны их «Бивес и Батхед» прозвали. Среди местных так и повелось называть. Памятник каким-то чудом уцелел, хотя недалеко подрыв был. Ну, вот где-то там они обитают. Вроде на станции метро «Площадь 1905 года». Место удобное. Рядом большой переход подземный. Банк с обширным подвалом. Большой магазин на площади. Тоже с подземельем неплохим. А на той стороне от плотины, где памятник, тоже рядом несколько банков. Вообще, банков там очень много было. Даже переулок неподалеку так и называется — Банковский. Но хорошие подвалы только у нескольких. Однако недостатка в убежищах нет. Взять ту же станцию метро. Она вроде не обвалилась. А дальше в ту сторону по проспекту, — Егор махнул куда-то рукой, — штаб округа был. Его начисто снесло вместе с памятником Жукову. Но вроде под землей под этим штабом бункер был. За него настоящая война была между черновиками и офицерским союзом. Но потом этот союз распался. Кто подался к коммунистам, кто — к белым, кто еще к кому.

— А далеко это? — Людоед покрутил кончик уса.

— Штаб или площадь Пятого года?

— Ну, площадь эта и плотина с памятником.

— Километров пять в ту сторону.

— Ясно. Подскажешь, с кем нам лучше связаться из других группировок?

— А чего не подсказать, подскажу. — Демидов кивнул. — С меня не убудет. Если вы думаете, что уговорите кого-то воевать, то скажу, что пустое это. Но дело ваше. Есть у белых катюша.

— Чего? — переспросил Варяг.

— Ну, система залпового огня. Типа катюши, что в войну фрицев гоняла.

— «Град», что ли? — ухмыльнулся Людоед.

— Ну да, «Град». Но проблема в том, что он без боекомплекта. А вот боеприпасы к «Граду» этому есть у красных. И они вечно воюют между собой. Одни хотят машину отбить, другие — снаряды. Вот и думайте, к кому вам лучше податься.

— Н-да. Это было бы смешно, если б не было печально, — вздохнул Варяг.

— Вот то-то и оно, — кивнул Демидов.

Людоед задумчиво покачал головой. Затем посмотрел на Васнецова пару секунд и снова обратился к Егору:

— А как черновики к себе вербуют?

— Ты что же, думаешь внедриться к ним и отбить свои машины? — Демидов усмехнулся, мотнув головой. — Забудь. Там крещение кровью.

— Как это?

— Ну, хочешь к ним вступить. Они ставят перед тобой несколько пленных. Желательно из разных группировок. И еще несколько пленных в стороне. Потом дают тебе пистолет, и ты должен расстрелять одних пленных, а других черновики отпускают на все четыре стороны, чтобы те всему городу рассказали, что ты кровь пролил. И тогда обратной дороги нет, понимаешь? Все будут рады расправиться с тобой. Повязан становишься кровью с черновиками.

— Хитрые ублюдки, — покачал головой Варяг.

— Ну да. Надо отдать должное. — Егор кивнул и снова налил себе самогону.

Людоед еще раз внимательно посмотрел на Васнецова, который отрешенно глядел в пустоту, и хлопнул Яхонтова по плечу.

— Варяг, третьи сутки на ногах. Отложим наши дела до утра?

— Дельная мысль, — согласился Варяг. — Не спамши мы не то что сделать что-то, но и придумать, что делать, не сможем.

* * *

Заночевать решили в луноходе. Николай лежал на сиденье, закрыв глаза, и надеялся уснуть, чтобы это навязчивое ощущение, что надо куда-то идти, покинуло его, уступив место обыкновенному сну. Да пусть даже кошмары приснятся. Лишь бы отделаться от этой нахлынувшей паранойи.

Сон так и не пришел. Николай, убедившись, что его товарищи спят, украдкой выбрался из лунохода и затем через узкую дверь пробрался на улицу, стараясь не разбудить задремавшего в кабине пожарной машины дозорного. Он преследовал только одну цель: чтобы холод внешнего мира отрезвил его, отбив охоту куда-то идти. Однако он почему-то при этом тепло оделся и взял с собой автомат. Зачем?

В разрушенном городе царил мрак, разделенный на черноту неба и едва различимую белизну снега, нарушаемую рваными темными пятнами остатков строений и торчащих из снега руин. Ветра не было, хотя Васнецов сейчас очень хотел подставить лицо ледяным порывам, и желательно, чтоб острые снежинки хлестали по лицу. Но нет. Все замерло и покрылось тишиной. Николай сделал шаг. Затем еще один, совершенно не отдавая себе отчета в том, зачем он это делает. В лесах Подмосковья он шел за мерцающим светом фонаря, чтоб узнать, кто это был. В Москве он шел в метро, надеясь спасти ту, что звала на помощь. Когда он бежал от товарищей и наткнулся на погребенный под снегом джип, то просто был пьян. В Вавилоне был зол и хотел поговорить с Лерой. Но зачем и куда он идет сейчас? Васнецов обогнул единственное, что осталось от стоявшего тут некогда здания, — островерхую пику угла дома. Прислонившись к ней спиной, он зачерпнул рукой снег и растер по лицу. Ничего не помогает. Надо идти. Но куда и зачем? Может, это опять та самая интуиция, которая помогла ему заметить нападение вандалов на Вавилон? Но она ведь еще никогда доселе не проявляла столь очевидно власть над разумом. Была не была.

Он решительным шагом двинулся в ту сторону, куда манил его этот странный зов. Он совершенно не думал о том, как будет возвращаться. Он был уверен, что найдет дорогу, и продолжал идти, краем глаза замечая по разные стороны от выбранной дороги островы разрушенных зданий. Затем пересек широкую пустошь, которая, наверное, была проспектом. Снова обломки и торчащие стены зданий. На одной из таких стен даже сохранилась табличка с названием улицы. Ольховская.

Где-то вдалеке разнеслось эхо одиночного выстрела, разорвавшего тишину. Практически сразу послышался нереально далекий вой собаки. Затем к ней присоединился лай целой стаи. Снова выстрел. Кому-то еще не спится в эту ночь. Звуки доносились издалека, и можно было пока не тревожиться. Васнецов шел дальше, скользя снегоступами и стараясь избегать облом-

ков и торчащих из снега арматур. Миновав еще ряд снесенных ударной волной зданий, он заметил темный силуэт дома, который, несмотря ни на что, устоял, дав рухнуть лишь двум из пяти подъездов. Васнецов остановился, глядя на это строение, нагнетая мысли о людях, которые тут жили. О том, что с ними стало. Он вдруг вспомнил рассказ Варяга в самом начале их путешествия. Двор. Мальчишки, играющие в мяч. Мать, зовущая с балкона дочь, которая прыгала во дворе со скакалкой. Дворовые псы, что загнали под машину рыжего кота. И вдруг все кончилось... Сам не зная зачем, он шагнул в зияющую чернотой пасть окна первого этажа. Оказавшись внутри и споткнувшись обо что-то, он включил фонарь. Препятствием ему послужил лежащий на боку холодильник с раскрытой дверью. В углу сорванный и разбитый умывальник. Сгоревшая плита у стены. Видимо, кухня. Ничего деревянного тут не осталось. Либо сгорело, а следы копоти на стенах и потолке говорили о том, что тут бушевал пожар когда-то, либо было унесено позже выжившими.

Николай двинулся дальше. В соседней комнате был обрушен потолок. Найдя дверной проем, он вышел из квартиры в подъезд. Стал медленно подниматься по лестнице. На площадке следующего этажа стояли обрезанная железная бочка со следами костра внутри и масса пустых консервных банок вокруг. Небольшое окно подъезда было обложено битым кирпичом, образуя бойницу, вокруг которой валялась уйма гильз. Еще выше лежали матрасы и снова пустые консервы. Кто-то тут обитал, видимо, еще до начала постоянных и сильных холодов. Стены подъезда тут были исписаны. В основном надписи были нацарапаны чем-то острым.

«Если ты можешь это прочитать, то тебе повезло вдвойне. Во-первых, ты выжил. Во-вторых, ты умеешь читать, а значит не одичал».

Это была единственная доступная для понимания надпись. Все остальное показалось Васнецову какой-то белибердой и набором кривых букв и цифр. В нескольких местах даже было начертано что-то вроде схемы или карты. Продолжая свое восхождение по лестнице, Николай взобрался на крышу. Тут уже дул слабый порывистый ветер. Далекий лай и выстрелы были здесь слышны отчетливей, хотя казалось, что они постепенно стихают. Васнецов стоял на крыше, медленно поворачивая голову, рассчитывая увидеть хоть какие-нибудь всполохи от этой далекой стрельбы, но ничего подобного его взор не уловил.

Тогда он подошел к краю, превозмогая боязнь высоты, с которой уже справился один раз там, в Вавилоне. Вид с высоты крыши девятиэтажного дома был еще более мрачным, открывая взгляду бесконечную даль нагромождений поверженных зданий. Он подошел еще ближе к краю и взглянул в сторону пройденного им пути. Только сейчас он отчетливо осознал, что обратную дорогу до убежища Демидова едва ли сможет отыскать, поскольку его следы терялись среди других следов и то и дело прерывались опрокинутыми панелями разрушенных зданий, с которых ветрами давно сдуло снег.

— Какого черта я вообще сюда приперся? — раздосадованно пробормотал Николай и, нервными движениями слепив снежный ком, швырнул его в сторону широкого проспекта, который не так давно пересек. — Черт подери...

Он стал спускаться вниз, прокручивая в голове всю пройденную сюда дорогу и вспоминая разные нюансы, которые помогут ему сориентироваться на обратном пути. Однако, достигнув того самого окна, через которое проник в это здание, он вдруг с новой силой ощутил этот странный зов, манящий идти дальше в неизвестность. Выйдя на улицу, он остановился, раздумывая, как же поступить дальше, и вдруг словно тот снежок, что он швырнул с крыши, вернулся к нему, ударившись о стену дома и брызнув фонтаном рыхлого снега. Николай резко припал к сугробу и затих. Что это было? Кто кинул? Он осторожно приподнял голову, чтобы осмотреть улицу, как вдруг из темноты вылетел очередной снежок и врезался ему прямо в шапку. Васнецов вжался в снег, даже не зная, бояться ему теперь или нет. Кто-то кидался в него снегом, что, в общем, было довольно безобидным баловством. Если за ним кто-то шел или кто-то сейчас его заметил, то, будь он настроен враждебно, не обнаруживал бы сейчас себя так беспечно, а попытался бы просто застрелить или напасть с ножом. Но он просто играючи кидался снегом, словно тот ком, что Николай кинул с крыши, попал в этого некто и тот решил, что это игра. Васнецов прополз немного и снова приподнял голову. Никого в этой ночной тьме видно не было. Он слепил ком и швырнул в ту сторону, откуда кидались в него. Никакого ответа не последовало, и тогда он поднялся. После чего ему в шапку снова ударился снег.

— Ну все, достал, — прорычал демонстративно громко Васнецов, передергивая затвор автомата.

— А так нечестно, — послышался насмешливый голос из темноты.

Николай почувствовал, как гора свалилась с плеч, когда он понял, чей это голос.

— Илья? Это ты? Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Этот вопрос следовало бы задать тебе, блаженный, — последовал ответ, и Васнецов наконец разглядел черный силуэт человека в военно-морской шинели, идущего к нему.

— Ты что, с самого начала за мной следил?

— Разумеется. Не надо быть гением и провидцем, чтобы понять, что тебя взбудоражило известие о наличии в этом городе метрополитена. А уж то, что тебя твой морлочий инстинкт потащит в это подземелье, и вовсе очевидно. — Крест подбрасывал на ладони очередной снежок, который неожиданно влепил Николаю в плечо. — В связи с этим Варяг просил дать тебе по шее за очередную выходку. Так что, когда он спросит, скажи ему, что я избил тебя до полусмерти.

— Так, значит, Варяг в курсе? — раздосадованно покачал головой Васнецов, стряхивая с себя снег.

— Конечно. Когда я предложил всем поспать и отложить дела до утра, я объяснил ему свои подозрения на твой счет и сказал, что эта прогулка может быть полезна в нашем деле. Поэтому мы все якобы очень быстро уснули. На самом деле дали тебе поскорее уйти.

— И чем эта прогулка может помочь? — поморщился Николай, осознав, как сильно его, что называется, развели товарищи.

— Пошли. По дороге объясню. — И Крест пошел дальше, удаляясь от убежища, где остались Вячеслав и Варяг.

— Погоди! — Васнецов засеменил вслед за ним. — Разве мы не идем обратно?

— Нет, конечно. Иначе какой во всем этом смысл?

— А куда мы идем?

— Туда, куда нас манит этот зов. И я очень сильно подозреваю, что это местное метро.

— Так ты тоже чувствуешь потребность идти туда? — удивился Николай.

— Разумеется, — кивнул Людоед. — И вот что интересно: это ощущаем только мы двое. На остальных это не действует. Остальные люди глухи к этому зову.

— Так что это может быть?

— Я думаю, что это тот самый «генератор чудес», про который я рассказывал. Помнишь? Припоминаю ощущения, что он

давал. Только этот, если, конечно, я не ошибаюсь в том, что это тот самый генератор, настроен иначе. Ну а если это «генератор чудес», то где ему быть, как не в метро? Это ведь наиболее вероятное место скопления огромной массы перепуганных людей в случае ядерного нападения. Но то, что никто из обычных людей не ощущает его воздействия, говорит о том, что его как-то перепрограммировали.

— А зачем?

— Чтобы изгнать из города и из подземелий этих огромных крыс. Прямо как флейта из сказки. Думаю, что черновики не химическим оружием от них избавились, а именно излучателем пси-волн. Следовательно, они им овладели. Нашли в метро, научились использовать и тому прочее. Вот мы по этому зову и вычислим и базу черновиков, и генератор их и в итоге до машин доберемся, если ты еще не решил отказаться от миссии по уничтожению ХАРПа. Тогда справимся и без тебя. — Крест усмехнулся.

— Это почему еще? Почему без меня?! — возмущенно воскликнул Николай.

— Не ори. Кто-нибудь услышит. Ночью слышимость лучше, чем днем.

— Так почему без меня? — повторил он вопрос уже тише.

— Потому что ты считаешь, что дети не должны рождаться, а слепым нет смысла жить и людям нет смысла за ними ухаживать, — ответил Людоед.

— Что? Погоди... Про детей я понял, а про слепого как ты угадал?

— Послушай, — перебил его Илья. — Мы, люди, живые существа, наделенные разумом и имеющие творческий потенциал и тягу к развитию и совершенствованию. Да, у нас еще странный инстинкт саморазрушения и дикие предпосылки к деградации, но это тот хаос, что правит миром, и та борьба, в которой рождаются победы над всеми препятствиями и над самими собой, в конце концов. Таковы правила игры, которая зовется жизнью. Или мы боремся всю жизнь. Или мы сдаемся, и тогда нам конец. А что до смерти, то она лишь очередной рубеж в перевоплощении, ибо один мудрый человек сказал, что жизнь — это лишь мгновение между двумя бесконечностями. Но сама суть жизни — это ее продолжение в новых поколениях. Это перенос знаний и информации во времени.

— Я не понимаю, — вздохнул Николай.

— Неудивительно, — хмыкнул Крест. — Видишь ли, человек насыщен мыслями. Эмоциями. Фантазиями. Рациональное мышление сродни математическим формулам, и мысли, что кратчайшее расстояние между двумя точками всего лишь прямая, а не дорога, вокруг которой могут расти, скажем, деревья или вдоль которой могут раскинуться деревушки с уютными дворами, могут привести к абсолютной деградации. Размышления, что калеки будут только обузой, а детей нельзя рожать в условиях, когда они с большой вероятностью могут родиться мертвыми или больными, уничтожат саму жизнь. Но суть жизни в том, чтобы быть. И жизнь человеком не кончается. Не будет человека? Что ж, сам виноват, ибо не думал он о последствиях того, что творит, и не хотел рожать детей. Но жизнь будет и без него. Проблема в том, что человеческое творение, именуемое ХАРПом, грозит уничтожить саму колыбель этой жизни и все проявления живого. Вот тут нам надо очень постараться, чтобы этого не произошло. Если жизнь не остановится на этом, то и мы бессмертны. Даже если умрем.

— Я все равно ничего не понимаю. — Васнецов мотнул головой.

— Ты слышал о городе Припять?

— Нет.

— А о Чернобыле?

— Да. Слышал, — кивнул Николай.

— Ну так вот. Я там был за несколько лет до войны. В Припяти. Это городок рядом с Чернобыльской станцией. Такой, вроде вашего Надеждинска. Был я там... ну, скажем, по долгу службы. Жутким местом мне он показался тогда. Мертвый, заброшенный город. Я ведь не знал, что скоро все города будут еще хуже. Разрушены, а не просто покинуты, и покрыты снегом. Но тогда мне Припять показалась самым страшным местом из тех, где я мог бы побывать. Но мнение изменилось довольно быстро. Я вошел в один заброшенный дом. На пятом этаже в пустой комнате из бетонного пола росла молодая березка. Видимо, зерно ветром занесло в трещину и оно пустило корни. И эти ее корни медленно, год за годом, пробивались сквозь непобедимый бетон и арматуру, опутывая мертвый камень своей живой паутиной корней. И тогда я осознал, что жизнь возьмет свое при малейшей возможности. Даже самый маленький, призрачный шанс она, в отличие от разумного человека, ни за что не упустит. И в этом сила и величие живой

природы. Только тогда я понял, что в этом мертвом городе щебечут птицы. Что в заброшенных окрестностях множество животных, даже редкие виды, которые воспользовались отсутствием людей, чтобы восстановить свою популяцию. И несмотря на трагедию, что постигла тогда жителей этого города, в этом буйстве живой природы на бетонных плитах, в этой рвущейся сквозь асфальт траве и цветущих одуванчиках был великий оптимизм торжества жизни над смертью. Во время Второй мировой войны в Северной Атлантике прекратилось рыболовство, ибо корабли там подвергались смертельной опасности нападения немецких подлодок. После войны выяснилось, что в тех краях небывалое количество рыбы. Она множилась тысячекратно, пока люди убивали друг друга, пуская на дно караваны судов. Это торжество жизни. Это намек на то, что люди могут уничтожить сами себя, но тогда природа возьмет свое. Она будет побеждать вопреки любым рациональным расчетам и логичности смерти. Именно поэтому рациональный расчет тут неуместен. Именно поэтому если есть возможность и желание иметь детей, то надо их рожать, стараясь уменьшить риски их болезней. И вкладывать в них не знающую рациональности и расчета любовь. Растить их, даря им знания и воспитывая в них одну простую мысль: надо не стараться победить природу, провозгласив себя, человека, царем этой самой природы, а искать пути гармонии с ней. И тогда человек обретет то самое бессмертие жизни, даже при всей неизбежности телесной смерти. Но все это, возможно, будет, если остановить ХАРП, который может уничтожить всю планету, не дав уже никаким проявлениям жизни никакого шанса. Теперь понимаешь?

— Кажется, да. Но странно слышать это от тебя, уж извини. Законченный циник и жесткий человек говорит такое... Даже в голове не укладывается.

Людоед усмехнулся, повернув голову и взглянув на Николая.

— А жизнь вообще полна парадоксов, в том-то и вся прелесть. Вот тебе самый простой парадокс. Мы, два существа, люто ненавидящие людей, хотим спасти этих самых людей и готовы пожертвовать ради этого и людьми, и собой. Разве нет? Парадокс? Парадокс! Так что умение контролировать свои эмоции еще не значит полностью их исключить из своего разума. Но если мыслить ты будешь без всякого отсутствия эмоций как признаков живого разума, то ты просто придешь к простому

умозаключению, что жизнь сама по себе иррациональна, а значит, ее не должно быть.

— Почему?

— Ну, все очень просто, если выстраивать логическую рациональную цепь. Следи за мыслью. Появилась Вселенная. Появилось Солнце. Появилась Земля. На Земле возникла жизнь. Она эволюционирует и развивается. Но Солнце когда-нибудь выработает весь свой водород и умрет. А без него и жизни быть не может. Особенно если оно взорвется, что весьма возможно. Значит, в жизни нет никакого смысла. Вот и все.

— Но разве это не истина?

— Истина? Истина в том, что мы состоим из миллионов клеток, которые состоят из химических элементов. А химические элементы рождаются в термоядерном котле звезд, и взрывы этих звезд, знаменующие их смерть, разбрасывают эти элементы по Вселенной, давая призрачный шанс собрать из этих кирпичиков фундамент новой жизни. Мы с тобой, говоря метафорически, звездная пыль. Мы детища звезд. Мы частички их. И это мысль, построенная на эмоциях и оптимизме. На вере. А вера, так или иначе, провозглашает жизнь. Так что пусть наше Солнце проживет отпущенный ему срок. Но быть может, если мы не проиграем нашу с тобой битву за жизнь на этой планете, сама жизнь к тому времени сможет вырваться за рамки нашего крохотного шарика и зацветет буйством жизни другая планета. Сотни планет. Вся Вселенная. И тогда будет полная победа. Будет полное торжество жизни над смертью. И в том будет и наша с тобой заслуга. И заслуга в том будет и Юрия, и Андрея. И павших бойцов-конфедератов, что отбивали атаки тех, кто хотел вас уничтожить. И будет в том победа твоего отца и твоей матери, что дали тебе жизнь. И поэтому должны быть дети, которые восстановят новую цивилизацию и будут помнить уроки прошлого. И которые смогут населить эту Вселенную жизнью. Ведь каждая нерожденная жизнь могла дать лекарства от неизлечимых болезней. Могла дать миру новые изобретения, которые будут пущены новыми лидерами, по плохому примеру их неудачливых предков, не на разрушительное оружие, а на новые космические корабли, на развитие технологий выращивания растений на Марсе. И потом еще более совершенные корабли, которые домчат до далеких звезд. И не будет этому конца. Так что если мы победим ХАРП, то впереди у нас будет целая вечность. Бесконечность открытий и новых знаний.

Огромная Вселенная. Впереди бессмертие, даже если мы с тобой умрем. Вот так.

— Но если мы умрем, что станет с нашим разумом? Наш разум — это наши души? Души бессмертны? — Николай даже не понимал, что сейчас он говорил уже не с точки зрения рационализма. В нем сейчас говорили вера в душу и надежда на ее бессмертие.

Людоед улыбнулся и покачал головой.

— Поживем — увидим. Помрем — узнаем. — Он похлопал Васнецова по плечу и, смеясь, добавил: — Ладно, лекция окончена. Пошли. Не забывай, что нам еще надо надрать кое-кому задницу и поубивать кучу негодяев.

9
ПАНДЕМОНИУМ

Огромная котловина, в которую были опрокинуты здания, фонарные столбы, трамваи и автобусы, легковушки и грузовики, тянулась, казалось, бесконечно. Они шли по краю, осторожно делая шаги, чтобы не попасть в сугроб, под которым пустота от провалившегося в метрополитен города. Николай брел за Людоедом и внимательно вглядывался в темноту, стараясь разобрать детали того, что сейчас покоилось на дне обрушенного свода метро. В голове роились воспоминания о московской подземке. Вспоминались тамошние видения. Потом отчего-то вспомнилась книга, про которую рассказывала Лера, где люди выжили после ядерной войны только в подземелье. В действительности все вышло иначе. И в Москве, и в Екатеринбурге метрополитен оказался ловушкой для людей. В столице их взорвали изнутри, а тут их завалили взрывами снаружи. Но где тогда могут обитать эти черновики, если до сих пор они видели только провалившиеся улицы и тротуары, дома и скверы, не оставившие ни шанса, ни пространства там, внизу. Уже появились сомнения, что зов тянул их в метро. Вот оно, разрушенное и заваленное. Но те странные ощущения не усилились, как ожидал Николай, в случае приближения к источнику.

Людоед вдруг остановился и присел на корточки, разглядывая снег.

— Чего там? — тихо спросил Васнецов, присев рядом.

— Следы. Свежие достаточно. Видишь? — Крест указал на вереницу отпечатков гусеничных траков.

— Ну. И что это?

— Отпечаток характерный. Это след гусениц танка Т — шестьдесят четыре.

— И что это значит? — Николай пожал плечами.

— Те машины, БАТ-два, сделаны на базе удлиненного танкового шасси. И за основу взята ходовая часть именно «шестьдесятчетверки». Смекаешь?

— А вдруг это танк? По следу ведь не понять, БАТ это или Т — шестьдесят четыре.

— Не понять. — Илья утвердительно кивнул. — Но это пока единственная зацепка. Да и шестьдесятчетверки достаточно редкие машины в отличие от Т — семьдесят два и всяких БМП, БМД и МТЛБ. Так что шансы велики.

— Надеюсь, что ты прав.

— Ладно, блаженный, двинули дальше.

— Крест, может, хватит уже меня так называть? — поморщился Николай.

— Да-да, больше не буду, блаженный. Пошли.

Они осторожно двинулись дальше, поглядывая на овраг справа и следы слева. Метров через сто Людоед резко развернулся и прижал указательный палец к губам. Затем присел и осторожно двинулся к обломку стены обвалившегося здания. Васнецов так же осторожно подкрался к нему.

— Тише, блаженный. Там бараны, — зашептал Крест.

— Какие бараны? — удивился Николай.

— Двуногие.

Всего в полусотне шагов от них стоял уже знакомый БТР-152, выкрашенный в белый цвет. На борту большими черными буквами было написано: «Умрите, свиньи!» Двери бронемашины украшали черные черепа. На крыше кабины сидели два человека, и по крохотным огонькам, то и дело становящимся ярче, было понятно, что эти двое курят. Красные угольки папирос озаряли тусклым светом лица вокруг рта, и можно было понять, что сидят на кабине два бородатых черновика.

— ...черт его знает, — усталым хриплым голосом договорил начатую фразу один из черновиков.

— Ну да. И чего нам ночью ловить тут? А ну как и нас перебьют, как команду Живодера? — проворчал второй.

— Его грохнули средь бела дня, между прочим. Ночью, наоборот, безопаснее. Для нас, во всяком случае. Эти же трухают ночью выходить.

— Ну не скажи. Помнишь, с месяц назад, бойню на проспекте Космонавтов? Ночью ведь было.

— Да. Только что от них осталось? Ладно. Подежурим ночь да спать днем будем. А остальные в зачистку пойдут, свиней этих искать.

— А я тоже в зачистку хотел пойти. Пострелять кого-нибудь.

— Ну иди, ежели отдыхать не хочешь. Кто тебя держит-то? Мне лично все эти замесы уже комом в горле стоят. Надоело.

— Да я бы пошел. Но говорят, что именно нам завтра в Ганину Яму двигать.

— Зачем?

— А ты не слышал? Гонцы оттуда не пришли в условленное время. Еще вчерась утром должны были быть. А нету. Если завтра не появятся, то на разведку попрем.

— Да что у них там случиться могло? Место тихое. Спокойное. В запое, наверное, уроды.

— Ну вот и узнаем. Если нас пошлют.

— Пошлют, и ладно. Я не против. В дороге покемарю. Хоть какое-то разнообразие. А то лет десять уже из города никуда не выходил. Да и вообще. Я бы там и остался жить, в яме-то.

— На фига? У нас же тут нормально на станции. Просторно. Уютно.

— А там тихо и спокойно. И леса кругом. Зверя стрелять далеко ходить не надо...

Внезапная вспышка взлетевшей осветительной ракеты озарила призрачный мир разрушенного Екатеринбурга.

— Черт, кто это сделал? — пробормотал один из черновиков.

Где-то совсем рядом, всего в паре сотен метров, раздались выстрелы.

Людоед подтолкнул Николая в плечо, призывая его спуститься по склону в провал метрополитена, и сам последовал за ним. Позади послышалось надрывное нытье стартера, который с большим трудом все-таки завел двигатель бронемашины.

Оказавшись внизу, Людоед стал торопливо осматривать обломки здания, которое тут обрушилось, увлекаемое оседающим в метро грунтом. Достаточно скоро он обнаружил лаз, образованный массивными бетонными плитами и пластами грунта. Лаз уходил вниз под небольшим углом и был достаточно узким. Чтобы двигаться по нему, пришлось снять вещмешки с боеприпасами и автоматы с плеч, таща их за собой.

— Куда мы вообще ползем? — недовольным голосом тихо пробормотал Николай.

— В метро, конечно, — ответил Крест, продолжая движение.

— А вдруг там тупик дальше?

— Мы ведь не знаем наверняка, правильно? Что тебе вообще не нравится?

— Узкое и замкнутое пространство, вот что. — Васнецов продолжал выражать недовольство.

— А вентиляционную трубу в Аркаиме помнишь? — хмыкнул Илья.

— Конечно помню. Потому и не нравится.

— Кончай ныть, — отрезал Людоед. — За каким чертом ты тогда пошел ночью непонятно куда?

— Да ладно. Мне что, и сказать ничего нельзя?

— Ты уже сказал. Я тебе ответил. Не отвлекайся.

Тупиком оказался обломок бетонной плиты, который они смогли опрокинуть, и впереди разверзлась черная бездна. Крест посветил фонарем. Метротоннель был тут обрушен частично. Из-под основного завала торчал вагон электрички, раздавленной огромной массой. Дальше свод осыпался, накрыв пол и рельсы слоем обломков разных размеров, пылью и грунтом. Сверху свисали обломки труб, кабелей и проросшие корни деревьев. Крест присел на обломок плиты и оперся спиной на сдавленный вагон.

— Привал, — вздохнул он.

Николай присел рядом, стягивая с лица марлевую повязку и перемещая с глаз на шапку прибор ночного видения.

— Знаешь, Илья, — пробормотал он. — Если бы там, в московском метро, на мне не было респиратора и ПНВ, то отец узнал бы меня. Он бы узнал меня... Если бы дочка того китайца не умерла, то я бы смог подарить ей этого плюшевого медведя...

Васнецов выронил предметы из рук и сильно прижал к лицу свои ладони. Он старался сдержать слезы и напрягся изо всех сил. Но вырвался стон, и слезы потекли, как вода из взорванной плотины.

— Господи, Людоед, как больно! — вскрикнул он. — Как же больно... Отец... Мама... Дядя Володя... Подружка Славика... Рана... Та семья в джипе... Сынишка Ветра... Вандалы, которых я убивал... Дочка китайца этого... Как же жалко всех! Почему ты говорил, что мы ненавидим людей? Мне ведь жаль их! Мне их жаль, Крест!

— А знаешь почему? Сказать тебе, почему тебе их жаль? Знаешь, почему ты только и делаешь, что жалеешь их?

— Почему? — всхлипнул Николай.

— Да потому что для тебя они обречены. Они уже все мертвы. И мертвые, и еще живые. Для тебя. Ты не одержим мыслью об их спасении. Ты все время сомневаешься. Ты думаешь иногда, что, может быть, ХАРП — это выход. А к жизни относишься только как к боли. И жалость эта к людям — лишь бледная тень твоей жалости к самому себе. Это твоя слабость и твой эгоизм. Ты мазохист и потому истязаешь себя, провоцируя боль. Разве можно сказать после этого, что ты любишь людей?

На Васнецова эти слова подействовали отрезвляюще, и он на удивление резко перестал плакать.

— Но это ведь не так...

— Тогда утри сопли, если это не так.

Васнецов вздохнул, ловя воздух дрожащими губами.

— Хотя, может, ты и прав, — тихо сказал он. — Знаешь, я всегда любил одиночество. Но сейчас мне так одиноко, что страшно.

— А ты не был никогда одинок. Это все мнимое. Ты жил в относительном уюте, среди своих. Не был ты одинок.

— А ты? — Он взглянул на Людоеда.

— Я? Знаешь, блаженный, одиночество — это когда умирает душа. Свою душу я сам убил. Даже не тогда, когда пустил ракеты и понял, скольких жизней это стоило. А когда взмахнул своим мечом. — Крест достал сигарету и закурил, пряча огонек в рукаве шинели.

— А как же Нордика?

— Нордика? — Людоед улыбнулся, покачав головой. — Она святая. Она надежный друг. Она хороший боец. Она умна. Конечно, я к ней неравнодушен. Она мне как сестра. Но это ведь не то, что надо ей.

— Любовь? — Николай тоже покачал головой. — Что это такое?

Крест вздохнул:

— Любовь — это когда ты не променял бы возможность держать в своей руке ее ладонь даже на тысячи ночей с роскошными блудницами.

— Но Нордика ведь ждет тебя. И будет ждать. Ты не хочешь иметь детей? Ты ведь говорил, что они должны рождаться...

— Я женат на радиации, — тихо засмеялся Крест, — в таких браках дети не рождаются. Все, хватит трепаться. Пошли. — Он раздавил окурок ботинком и поднялся.

— Мы идем дальше?

— Разумеется.

Двигались они осторожно. Сверху свисали фрагменты отделки тоннеля, куски породы и грунта. Причудливые изгибы корней деревьев путали поначалу своей кажущейся противоестественностью. Под ногами хрустели мелкие обломки, некоторые из них лязгали о рельсы путей. Когда они сделали еще около сотни шагов, до их слуха донесся какой-то вой. Путникам пришлось насторожиться и продолжать движение в готовности к любой неожиданности. Монотонные завывания усилились, и воображение уже начало свою любимую игру в невиданных и смертельно опасных монстров. Но разгадка оказалась насколько неожиданной, настолько и простой. Из свода тоннеля, где произошло большое обрушение грунта, торчала большая, ржавая местами до дыр водопроводная труба. Другой конец ее, видимо, выходил на поверхность, и малейший порыв ветра заставлял ее издавать жуткий вой.

Миновав ее, Николай и Людоед заметили, что следов разрушений становится меньше. Вскоре тоннель предстал без каких-либо признаков разрушений, и еще метров через сто их приборы ночного видения позволили разглядеть аккуратно выложенную стену из больших шлакоблоков и кирпичей, которая перегораживала дальнейший путь. В стене была одна дверь и несколько закрытых изнутри кирпичами узких бойниц метрах в двух от уровня пола. Людоед и Николай переглянулись...

* * *

Молодые черновики по кличке Шмон и Гопник сидели на деревянной платформе возле печки-буржуйки, труба которой тянулась к потолку и уходила в глубь подземного логова, где соединялась с другими трубами от иных печек и выводила дым на поверхность. Рядом с печной трубой была еще одна труба, имевшая, видимо, функции переговорного устройства, поскольку кончалась широким раструбом, в который было удобно кричать. Стробоскопу было под пятьдесят. Он лежал на топчане, укрывшись звериной шкурой, и пытался заснуть. Однако увлеченные игрой в карты, в свете пары керосиновых ламп, Шмон и Гопник постоянно выкрикивали в адрес друг друга ругатель-

ства и весьма эмоционально реагировали на успехи и поражения.

— Вот тебе еще дамка, козья твоя морда, — захихикал Шмон. — Давай еще пять папирос.

— А что я курить буду, рукопомойник ты хренов?! — раздосадованно воскликнул Гопник.

— Бамбук, лошара! — Шмон заржал. — А если хочешь, я тебе дам пару тяжек со своей мохнатой сигары!

— Базар фильтруй, овца! В дышло захотел?!

— Да завалите вы хлебала свои, щенки стремные, харэ базлать, — проворчал Стробоскоп.

— Пардон, Старый. Звиняй. Гопота долг не признает.

— Я сказал, фильтруй базар. Карточный долг святой. Но ты мне паришь. В твоей колоде у всех дам уголок загнутый.

— Это предъява? — нахмурился Шмон.

— Да! Ты букетик бунтишь! Ответь на предъяву!

— На, зырки разуй, фуцан! У шестерки и двух тузов тоже края гнутые. Сколько годков колоде вообще, соображаешь? Я как, по-твоему, их различаю? Вольтанулся совсем, что ли?

Стробоскоп поднялся с топчана и, выхватив у молодых подельников карты, швырнул их с платформы к двери.

— Ну на фига, Старый? — раздосадованно воскликнул Шмон.

— Я вам вьюны пообрываю сейчас, вязы выверну на хрен, — спокойно проговорил старший.

— Стробоскоп, да что ты взъелся? — развел руками Гопник.

— Едало захлопни. Это я для пацанов реальных Стробоскоп. А для вас, ушмырки, я Старый.

Он сделал вдох, чтобы разразиться следующей триадой обильно сдобренных маргинальным жаргоном слов, но тут раздался стук. В этом ничего странного не было бы. Но ведь стучали в дверь. В ту самую дверь, за которой была пустота метротоннеля, которая заканчивалась через несколько сот метров беспроглядной тьмы глухим обвалом, похоронившим когда-то электричку. И именно поэтому этой дверью уже долгие годы не пользовались. Лишь изредка выбрасывали в тоннель какой-нибудь хлам. Там никого не было, да и быть не должно. Но кто-то громко постучал в дверь. Черновики переглянулись, мгновенно замолкнув. Стук в дверь повторился, став еще настойчивей.

Стробоскоп осторожно спустился с платформы и подошел к деревянной двери, обитой поролоном и обтянутой плотной материей.

— Кто там? — настороженно произнес он.

Ответа не последовало. Тогда черновик взвел курок обреза, сделанного из старой охотничьей двустволки.

— Да кто в хату ломится, в натуре?! — крикнул Старый.

— Коновал, — послышался с той стороны голос, сдобренный разносящимся по пустому тоннелю эхом.

— Что? Какой еще Коновал? Откель взялся?

— С Ганиной Ямы я! Открой по-рыхлому!

— С Ганиной Ямы? Чего там делаешь?

— Я ни хрена там уже не делаю, братан, я к вам войти пытаюсь.

— Да нет, чего за дверью делаешь? Как туда попал вообще?

— Там кишка узкая с проспекта есть. По ней и сунулись.

— Сунулись? Ты не один? Кодла вас?

— Двое. Я и Пацифист.

— Я что-то погремух таких не слыхал. И никакого Коновала и Пацифиста не знаю. — Стробоскоп пожал плечами.

— А ты сам-то кто? — послышалось за дверью.

— Стробоскоп. Ну, еще Старым кличут. А что?

— Ну так, мил человек, я твою погремуху тоже впервой слышу. И что дальше? Али ты не чернушник, а из лохов подвальных?

— Следи за метлой, огрызок! Я в законе! — разозлился черновик.

— Ну так калитку отвори. Свои мы.

Стробоскоп жестом приказал молодым черновикам встать по обе стороны от двери и держать свои обрезы наготове. Затем отодвинул два массивных железных засова и толкнул дверь. Из темноты показался человек в черной шинели, военно-морской ушанке, с черными усами до подбородка и с автоматом на плече. За ним стоял молодой парень с темной щетиной на лице, в ватных штанах, высоких валенках, камуфлированном бушлате и серой распущенной ушанке, из-под которой торчала челка ровных темных волос, достающих прямо до больших задумчивых и усталых глаз. Усатый прикрывал глаза ладонью, облаченной в кожаную перчатку. Видимо, они долго находились в темноте, и даже несильный свет керосиновых ламп заставил его, а следом и его спутника прикрыться от света.

— Я Коновал, — проговорил усатый, переступая через порог. — Здорово.

— Ксива есть? — Стробоскоп прищурился.

— Ты гонишь? — Коновал засмеялся. — У черновиков отродясь ксив никаких не было!

Старый покачал головой, причмокнув.

— Ну, допустим. Вы какого из Ганиной Ямы приперлись?

— А тут что, никто не в курсе? — Усатый сделал удивленное лицо.

— В курсе чего?

— Беда там. Неужто, кроме нас, никто не дошел?

— Что за беда?

— Крысы напали. Огромные. Такая кодла, что земля тряслась. Из-под земли вышли. Пожрали всех.

Стробоскоп нахмурился и покачал головой.

— Вон оно как. А что через главный ход не пошли, а тут?

— Так замес наверху. Стреляют. Мы на каких-то уродов нарвались. Так и не поняли, свои это или нет. Полезли в провал, а там лаз в метро.

— Ладно. Складно все как-то у тебя получается. Я сейчас слубезников вызову. Пусть для начала разберутся, свои вы или засланные. Вы пока волыны сдайте. Короче, сами правила знаете, если свои.

Он повернулся и стал подниматься по ступенькам к переговорной трубе. Услышав сзади два характерных и очень знакомых звука, он резко обернулся. Черновик успел заметить, что Шмон и Гопник уже лежат на полу у двери, а усатый, назвавшийся Коновалом, взмахнул рукой и метнул Стробоскопу нож прямо в горло.

* * *

— Уж очень мы легко проникли в их логово, тебе не кажется? — пробормотал Николай, помогая Людоеду затащить тела под деревянный настил платформы.

— Да кто мог подумать, что враг вот так, внаглую, будет в дверь стучаться? — усмехнулся Крест. — Просто не ожидали они. Да и никто не думал, что оттуда кто-то прийти мог. Так, попок глупых тут держали для солидности. Вот и все. Да и не в логове мы еще, мне так думается.

— Глупый риск, — кряхтел Васнецов. — Ты же слышал, что у них ссора назревала. Надо было подождать, пока они сами друг друга завалят, и все.

— Вот это и было бы глупостью, — мотнул головой Крест. — Во-первых, я думаю, что перепалка так и осталась бы

словесной. Это своеобразная публика. За кровопускание в стаде ответ надо держать перед основными. А основные за такое на ремни пустить могут. Понимаешь? Тут главное, кто кого перещеголяет в витиеватых выражениях, насыщенных их местными жаргонизмами. Кто складнее и убедительнее говорить будет, того и правда. Они просто побоялись бы мочить друг друга. А во-вторых, если бы они стали друг друга убивать, да еще с применением огнестрельного оружия, то дальше кто-то услышал бы выстрелы, и сыграли бы тревогу. А это нам совсем не надо. Смекаешь?

— Понятно. — Николай кивнул, огорчившись тому, что сам до такого не додумался.

Разобравшись с телами, они пошли дальше. Они теперь двигались мимо множества деревянных и железных ящиков самых разных размеров. Ими было заставлено все пространство до свода тоннеля, и лишь двухметровой ширины проход позволял идти вперед. Еще через полсотни шагов перед ними предстало стоящее на рельсах шасси вагона, от которого остался лишь пол. Видимо, шасси играло роль транспорта для передвижения грузов по тоннелю. Вдоль стен расставлены железные бочки. Людоед принялся разглядывать их.

— Хлорпикрин, — пробормотал он, потирая нос.

— А что это?

— Жидкость такая гадкая. Боевое отравляющее вещество.

— Откуда оно у них? — изумился Васнецов.

— Да его сделать несложно. Нужны только пикриновая кислота и хлорная известь. Ну и некоторые познания в химии. Да и на военных складах его навалом было. Как химическое оружие, он устарел уже лет сто назад, а вот для учебных целей в армии его использовали до последнего.

— Слушай, Илья. Может, разольем пару бочек?

— Зачем? — Людоед удивленно взглянул на Николая.

— Ну как... Черновики все передохнут.

— Ну ты гуманист, — усмехнулся Крест, — еще говорил, что людей ему жалко. А как мы в живых останемся, ты подумал?

— У меня в рюкзаке пара противогазов. — Васнецов пожал плечами.

— Они фильтрующие, балбес. Фильтры тут бессильны. Тут изолирующие противогазы нужны. Да и не передохнут черновики. Большинство просто повыскакивают на улицу и вернуть-

ся не смогут. И то неизвестно, где их жилые блоки. Может, до них токсин до утра не дойдет. Плюс ко всему тут могут быть пленные, которых нам с тобой убивать незачем. Или ты решил пройти крещение кровью? — Илья снова усмехнулся.

— Да я как вариант. — Васнецов поморщился, в очередной раз почувствовав, как оконфузился.

Бочек с хлорпикрином тут было всего пять. Остальные оказались с бензином и соляркой. Еще несколько деревянных бочек с карбидом кальция. И несколько жестяных банок с краской. Николай открыл их. Большинство были засохшими. И только в таре с белой краской под толстой засохшей коркой была густая белая масса. Васнецов, сам не зная зачем, стал искать, во что набрать немного краски.

— Ты чего застрял? — тихо позвал ушедший вперед Людоед.

— Сейчас. Минуту, — шепотом ответил Николай, хватая лежащую в углу литровую пластиковую бутылку.

Перепачкав рукавицы, он все-таки набрал краску и положил бутыль в вещмешок. Затем принялся догонять товарища, задавая себе в уме вопрос, на кой ляд ему это вообще нужно.

«Пригодится», — ответил внутренний голос.

За небольшим поворотом Крест и Васнецов обнаружили решетчатую стену, в которой была закрытая с той стороны на навесной замок дверь. За этой преградой тоннель был застроен возведенными кирпичными стенами с железными и деревянными дверьми. Отсюда начиналось пусть скудное, но уже электрическое освещение. Разглядывая потолок, Людоед через некоторое время поднял руку и произнес:

— Вот и кабель «генератора чудес».

— А что с замком делать? — вздохнул Николай.

— Это пустяки. Замок простой. Открывается флажковым ключом. Отпереть его — пара минут.

Людоед достал из кармана что-то напоминающее отмычку и стал колдовать над замком, просунув руки через решетку.

— У тебя, я смотрю, в карманах все и на все случаи жизни есть, — покачал головой Васнецов.

— При моем образе жизни отмычка — предмет второй необходимости, после ножей, меча и огнестрельного оружия.

Замок щелкнул, и решетчатая дверь со скрипом отворилась. Они двинулись дальше. Людоед подходил к каждой двери и внимательно вслушивался в то, что происходило за ними. От-

крыл одну. Небольшое помещение с различной утварью. В другом большое количество разобранных армейских кроватей. В третьем кто-то храпел. Крест осторожно приоткрыл дверь. В маленькой каморке на раскладушке спал провонявший алкоголем и чесноком старик. Илья хмыкнул и прикрыл дверь. Направился к следующей. Открыл ее. Очередное помещение было больше предыдущих. Вдоль стен стояли железные шкафы и еще одна дверь. В темном углу железные клетки. Как для собак. Примечательным был и запах. Наиболее острый и особо неприятный по сравнению с тем, что было до этого. Пахло тут гнилью, гноем, испражнениями, хлором, какими-то медикаментами. Но больше всего ощущалась именно биологическая составляющая этого конгломерата запахов. Людоед включил фонарик и посветил на три стоящие в углу клетки. Две были пустыми. Но в одной было какое-то существо. Они приблизились. Нечто размером с овчарку лежало на полу, свернувшись калачиком. Рядом грязная миска с какой-то зловонной массой. Крест наклонился, приглядываясь к существу. Оно, почуяв чье-то присутствие, проснулось и распрямилось, встав на четвереньки. Николай отпрянул. Это было не животное. Небольшое, пугающе похожее на морлока существо в грязных, потерявших цвет лохмотьях, с длинными грязными волосами, с не стриженными и обгрызенными даже на ногах ногтями было человеческим ребенком лет пяти или шести от роду. Взглянув безумными большими глазами на незваных гостей, ребенок забил ладонями по полу и зарычал, мотая головой. Слипшиеся грязные полосы волос стали елозить по лицу, и он принялся ловить их зубами. Поймав одну прядь собственных волос, ребенок притих и стал яростно ее кусать, не спуская при этом глаз с людей.

— Что же это такое, Илья? — просипел шокированный увиденным Васнецов.

Людоед ничего не ответил. Он достал из-за пазухи пистолет с глушителем и какое-то время хмуро смотрел на это дитя, видимо раздумывая, убить его или нет. Увидев пистолет, ребенок сначала замер, а затем стал медленно пятиться назад.

— Илья. Не надо, — прошептал Васнецов.

— Это не для него, — зло прорычал Людоед и толкнул внутреннюю дверь.

Никого, кого стоило бы застрелить, тут не оказалось, и он убрал пистолет обратно.

Они оказались в еще большем помещении. Прямо у входа стояло три заполненных чем-то ведра. Людоед наклонился, светя в них фонарем, и практически сразу отскочил, сжимая кулаки. Лицо его перекосилось от ярости.

— Что это? — Васнецов вглядывался в ведра, держась на расстоянии от них.

— Там человеческие зародыши, — тихо проговорил Илья. — Мертвые недоношенные дети с разных сроков беременности. Перемотанные пуповинами и вперемешку с плацентами. Некоторые по частям. Ручки... Ножки... Черт подери, что это за дьявольское место...

Николай еще не видел Людоеда таким. Казалось, внутри него закипала ядерная реакция. Словно внутри этого человека взорвалась микроскопическая плутониевая бомба, поджигающая дейтерий. И сейчас грянет взрыв.

Крест обернулся и взглянул на стоящие вдоль стены столы. Их было шесть. На каждом лежала накрытая грязной, окровавленной простыней женщина. Их руки и ноги были привязаны к краям столов. Крест подошел к одной и, сняв с руки перчатку, стал искать пульс на ее шее.

— Мертва, — констатировал он и подошел к следующей. — Жива, — монотонно произнес он, нащупав пульс, и раздвинул ей веки на правом глазу. Посветил фонарем на зрачок. — Накачали наркотой, похоже.

Крест осмотрел всех. Из шести женщин три были мертвы и три в бессознательном состоянии.

— Илья, их освободить надо, — пробормотал Николай, брезгливо осматривая грязные простыни, забрызганные и перемазанные кровью и нечистотами пол и стены.

— С ними мы не уйдем, — отрезал Людоед.

— Но ведь нельзя их бросать на произвол судьбы! — воскликнул Васнецов.

Крест схватил его за ворот бушлата и буквально прорычал:

— С ними мы не уйдем!

В этом помещении тоже оказалась внутренняя дверь, ведущая еще куда-то. Единственная лампа не позволила разглядеть ее, слившуюся с фоном дальней стены. Но сейчас, когда она открылась, стало ясно, что эта дверь существует. В помещение вошел пожилой человек в грязном, как те простыни, халате. Длинные седые волосы свисали с висков, за ушами и с затылка. Вся остальная голова была совершенно лысая. Он смотрел на

какие-то бумаги, которые сжимал левой рукой, при этом правой рукой постоянно поправляя очки, держащиеся на ушах посредством резинок. Незнакомцев он заметил не сразу. Но когда обратил внимание на их присутствие, то, видимо, принял за своих.

— Живых в стойло и через пару недель можно на повторное оплодотворение. Хотя для развлекухи пойдут и через три дня. Ублюдков дохлых собакам отдайте. Трехмесячного уродыша дайте Маутли. Пусть хавает, — сказал он таким спокойным и добродушным голосом, что можно было подумать, будто он говорит о подопытных крысах. Но ведь и к тем у нормальных людей может быть больше сострадания.

Взрыв у Людоеда все-таки произошел. Но это скорее было не эмоциональное. Это сработал отточенный инстинкт убийцы. Просто для активации этого инстинкта нужен был повод, как нужна была инициация термоядерной реакции. Лучшего повода, чем дикие, не поддающиеся никакому пониманию опыты над людьми, наверное, не найти. Катана пулей выскочила из ножен, и Крест сделал всего два движения рукой. Первое движение в долю секунды разрезало кончиком меча этому старику горло. Следующее движение последовало незамедлительно, и меч вонзился человеку в халате прямо в сердце. Крест надавил на эфес и вогнал лезвие в тело жертвы по самую рукоять. Экспериментатор упал на колени и запрокинул голову. Из разреза хлынула кровь. Людоед уперся подошвой ботинка жертве в подбородок и, выдернув меч, толкнул черновика ногой, заставив распластаться на полу. Людоед вытер лезвие об рукав покойного и вернул катану в ножны. Затем снова извлек пистолет с глушителем.

— За мной, — тихо сказал он и вошел в следующую дверь.

— Слышь, Менгеле, я думаю, следующую партию кесарить надо, а то издохнут все. Ребяткам не друг друга ведь долбить. Им живые дырки нужны, — проговорила тучная женщина в белом халате, сидящая спиной к вошедшим. Сидела она за столом, на котором были разложены хирургические инструменты, какие-то бумаги и миска с похлебкой, которую она поедала. Услышав шаги Людоеда, она, видимо, приняла его за того старика.

Крест без колебаний выстрелил ей в затылок. Голова женщины нырнула в миску. Людоед схватил ее за волосы, приподнял и понюхал то, что она ела.

— Человечина, — констатировал он и сбросил ногой мертвое тело со стула. Затем посмотрел на Николая. — Ну что, блаженный, ты готов превратить это адское место в еще больший ад?

Шок и тошнота стали отступать, достаточно было посмотреть в источающие бездонную ненависть глаза Людоеда. Николай словно принял часть этой ненависти и ощутил желание пустить оружие в ход и устроить в этом логове черновиков настоящий карнавал смерти. Он ответил Людоеду ухмылкой. Склонился над убитой и срезал ножом прядь ее волос. Затем намотал на вилку, лежащую возле миски с человечиной. Извлек бутылку с белой краской и при помощи этой импровизированной кисточки написал на стене: «Ад уже здесь!»

10
МОЖЕТ, И МЕССИЯ

— А как она выглядит? — Вернувшийся вместе с Людоедом на склад в предыдущем помещении Николай взглянул на товарища.

— Черт, блаженный, как, по-твоему, может выглядеть алюминиевая пудра? Как алюминиевая пудра и выглядит.

— А ты уверен, что она тут есть?

Крест усмехнулся, открывая очередную коробку.

— А ты уверен, что ее тут нет? Здесь барахла всякого вагонами. Глянь, пустых дисков сколько. Все, что надо и что не надо, натаскали сюда.

— В самом деле. Откуда дисков столько?

— Их тут делали. В Екатеринбурге, в смысле. Ты, дружок, не отвлекайся. Нам пудру только осталось найти. Время идет.

— А без нее не обойтись?

— Она даст более высокую температуру. Краска, что ты набрал, пойдет на загуститель. Еще солидола добавим. Не то, конечно, но вариантов нет. Бензина и соляры тут в достатке. Патроны охотничьи в смесь выпотрошим. Порох на пиротехнический эффект, а свинцовые дробины на оплавленные осколки пойдут. Эффективно против живой силы.

Васнецов открыл очередной деревянный ящик и поморщился от странноватого запаха. Затем осторожно посветил внутрь фонарем.

— Смотри, Илья. Рулоны какие-то.

Николай аккуратно взял один сверток. То, что он определил на первый взгляд, оказалось верным. Это кожа. Только непонятно, какая кожа. На некоторых лоскутах были даже различные рисунки.

— Что-то я не пойму, что это.

Людоед подошел и стал разглядывать находку Николая. Затем снял перчатки и принялся ощупывать эти странные лоскуты.

— Это выделанная человеческая кожа, — спокойно подытожил он после минутного осмотра.

У Васнецова сдавило виски.

— Что? Человеческая? — Он сделал шаг назад от ящика.

— Ну да. На некоторых татуировки, что были у людей. Вот это женская кожа. Видишь узор? Такие незадолго до ядрены модно было у девок над задницей набивать. А вот распятие большое на фоне церковных куполов в облаках. Похоже, что коронованного вора в законе освежевали.

К своему удивлению, Николай уже не чувствовал рвотных позывов, бывших для него обычным делом в подобных ситуациях. Только появилась горькая липкая слюна во рту, которую очень хотелось выплюнуть, что он и сделал.

— Зачем им человеческая кожа? — выдавил наконец он.

— Ну, мало ли зачем. Может, они кошельки с сумками из них собираются делать. И рисунки всякие уже считай готовы. Да хоть и ремни, плетки или подбойку для одежды. Хотя кожа человека на это слабо годится. Ты еще не понял, что за существа эти самые черновики? Они-то применение найдут.

— Илья, их надо убить. Их всех надо уничтожить...

— Ну, насчет всех обещать не могу, но кое-кому мы сегодня пульс остановим. Особенно если ты соизволишь все-таки оказать мне помощь в поисках алюминиевой пудры.

* * *

Конечно, у него было и имя, и даже фамилия. И он их еще помнил. Но если бы кто-то сейчас, да и в любое другое время этого треклятого настоящего, окликнул его по имени, то он, наверное, в последнюю очередь подумал бы о том, что обращаются именно к нему. Обычно же его окликали Перфоратором или, сокращенно, Перфом. Он проснулся от хмельной головной боли и непреодолимого желания отлить изрядную долю того, что он выпил со своими подельниками накануне. Тридца-

типятилетний черновик медленно поднялся со своей шконяры, вдыхая затхлый, пропитанный потом и перегаром воздух помещения, которое они называли «купе». Это была огороженная кирпичными и деревянными стенами часть станции метро «Площадь 1905 года», где жила бригада из восьми человек, которыми он руководил. Все спали мертвецким сном, наполняя помещение храпом. Перфоратор осторожно поднялся, напрягая мутное после попойки зрение. Нащупал тумбу. Затем, со второго раза, нащупал самодельную бензиновую зажигалку и свечу. Зажег ее и, ступая босиком по невыносимо холодному полу, побрел к выходу. У двери на расстеленной на полу собачьей шкуре сидела девица. Она была на цепи, опоясывающей тугой петлей шею и застегнутой на вмурованном в пол железном кольце. Черновик хмельно усмехнулся, глядя на нее, и подумал, что может, вернувшись из туалета, заняться ею снова. Хотя после того, что они всей толпой учинили над ней накануне вечером, ее непременно надо сдать в мойку. Перфоратор фыркнул презрительно и сделал еще шаг в сторону двери, но тут вдруг до его пьяного рассудка дошло, что что-то с ней не так. То, что она не спала, а сидела на своей шкуре, это еще ничего. Но ведь руки у нее должны быть связаны за спиной. Он хоть и был пьян, но точно помнил, что они, закончив с ней, связали ей руки и снова посадили на цепь. Однако левой ладонью она зажимала себе рот, а ее правая рука была вытянута вперед. Причем если сама девица была совершенно голая, то эти руки отчего-то были в рукавах камуфлированного бушлата. Черновик тряхнул головой, и до него стало доходить, что это не ее руки. И что на него смотрят не только испуганные глаза рабыни, но и еще чей-то жуткий взгляд черных глаз и... глушитель пистолета.

Щелчок — и вошедшая в голову черновика пуля прекратила его существование и все эти мысли.

Людоед подхватил падающее тело и аккуратно, чтобы не создавать лишнего шума, положил его на пол, поставив рядом непотухшую свечу. Затем кинул девушке одежду, взятую с первой попавшейся табуретки, и тихо шепнул прятавшемуся за ее спиной Николаю:

— Помоги ей одеться. Я займусь остальным мясом.

Крест извлек из ботинка длинный и острый стальной прут, который прихватил в одном из предыдущих помещений, и направился к ближайшему спящему черновику.

Васнецов отпустил девушку и бросил взгляд на то, как Людоед, держа наготове одну руку у рта спящего человека, другой

резко вгоняет ему прут прямо в ухо. Тот чуть вздрогнул и продолжал лежать в принятой им во сне позе. Но уже мертвый.

— Я не хочу их одежду, — дрожащим голосом, потрескавшимися, окровавленными губами прошептала девушка.

— Другой нет. Одевайся, — ответил Николай, стараясь не смотреть на ее избитое, покрытое синяками и ссадинами худое голое тело. Он схватил ее за ноги и бесцеремонно стал натягивать на них ватные штаны черновика.

— Как странно, — нервно хихикнула она. — Впервые вижу мужиков, которые не пытаются меня раздеть, а, наоборот, заставляют одеться.

— Просто мы не люди, — угрюмо пробормотал Васнецов.

— А кто? — Она удивилась.

— Ангелы смерти. Ну не сиди ты сиднем. Одевайся.

— У меня болит все... осторожней... — всхлипнула девушка.

Людоед тихо и мгновенно умертвил каждого. Но последний черновик проснулся и уселся на кровати, глядя пьяными глазами в пол и лениво почесывая волосатую грудь. Он ничего подозрительного не успел заметить. Крест схватил его, сжимая ладонью рот, и сильно ударил другой рукой в область печени. Черновик обмяк и замычал.

— Блаженный, ну-ка дай ей нож, — сказал Илья, ехидно улыбаясь.

Николай без лишних слов протянул ей холодное оружие.

— Держи.

— Зачем? — Она испуганно взглянула на Васнецова.

— Отомсти. Накажи этого выродка, — ответил Николай, поняв замысел Людоеда.

— Нет. — Она замотала головой. — Я не могу... Нет...

— Зарежь этого упыря, — продолжал Васнецов. — Вспомни, что они с тобой делали.

— Зачем ты мне напоминаешь об этом?! — вскрикнула девица и заплакала.

Васнецов взглянул на Людоеда и, вздохнув, развел руками.

— Успокойся, сестренка, — произнес Крест. — Как тебя звать, кстати?

— Рита, — тихо ответила девушка.

— Рита. Скажи, Рита, ты прощаешь его?

Она бросила на последнего в этом помещении живого черновика презрительный взгляд и нервно кивнула.

— Да... — сдавленно ответила она.

— Слышь, урод, — проговорил Людоед на ухо бандиту. — Великодушная Маргарита тебя прощает.

Черновик что-то замычал и быстро заморгал.

— А я нет... — договорил Людоед и свернул ему шею. — Вот и все. Эту авгиеву конюшню, можно сказать, вычистили. Пора идти дальше.

Забившись в угол и сжавшись в комок, девушка тихо заплакала.

— Зачем вы вообще пришли? — простонала она.

— Тебя спасти. Уже немало, — ответил Людоед, вытирая от крови стальной прут.

— Зачем? — выдохнула она сквозь слезы.

— Тебе тут нравилось? — зло ухмыльнулся Николай, вспоминая так называемую кантину олигарха и тамошнюю проститутку, которая отказалась уходить с ними.

— Я просто жить не хочу...

— Вот как? — Крест присел рядом с ней, держа перед лицом девушки заточку. — Закрой глаза. Больно будет только секунду. И все.

— Нет! — Она отскочила от него, испуганно выпучив глаза.

— Вот так-то лучше. — Илья улыбнулся. — Не бойся, девочка. Ничего я тебе не сделаю. — Он убрал оружие и протянул в ее сторону руку. — Дай мне свою ладонь.

Она какое-то время колебалась, затем вложила свою дрожащую худую ладонь в его руку. Испуг на ее лице сменился выражением обыкновенной усталости. Она рухнула на колени и прижалась к Людоеду всем телом. Николай смотрел на все это, чувствуя, как в нем растет отвращение и раздражение от развернувшейся перед ним сентиментальной сцены.

— Ну все, деточка. Успокойся, — тихим баритоном проговорил Илья, гладя девушку по грязным, спутавшимся черным волосам.

— Тебе не противно меня обнимать? — прошептала она.

— Нет. Что ты.

— Но они...

— Это они. — Людоед не дал ей договорить. — А ты — это ты. Главное — останься сама собой. Они мертвы уже. А ты будешь жить. Верно?

— Возьми меня с собой, — всхлипнула она.

«Вот оно как! — Николай нахмурился. — Возьми! Не возьмите, а возьми». Ярость и обида закипали в нем от досады и ревности. Ведь они в равной степени участвовали в ее спасении.

Но она теперь чуть ли не отдаться готова Людоеду. Если Крест сейчас ответит ей утвердительно, то до конца своих дней Николай будет его презирать, ведь именно он, Людоед, говорил, что им в группе не нужна женщина. И что теперь? Каков его ответ?..

— Послушай, девочка, — начал говорить Крест. — Тебе с нами нельзя. Мы идем дальше. Я тебе сейчас дам оружие одного из этих жмуриков. Умеешь с автоматом обращаться?

Девушка медленно закивала.

— Вот и славно, — продолжал Крест. — Ты пойдешь в ту сторону. Бандитов там уже нет. Дойдешь до коричневой двери справа. За ней лаборатория...

— Я знаю, где у них лаборатория, — шепнула Рита.

— Чудно. Так вот. Там три женщины. Может, они уже в сознание пришли. Может, тебе удастся привести их в сознание. Заберешь их с собой, и пойдете дальше. Дойдешь до стены с дверью. За ней тоннель. Дойдешь до завала, где поезд засыпало. В завале есть лаз. Выберетесь наружу. В город. И уходи.

— Куда мне идти? — устало проговорила девушка.

— К людям. К нормальным людям. Их еще много и в этом городе, и во всем, что осталось от нашего мира.

— Я тебя больше не увижу?..

После этих ее слов Васнецова с еще большей силой передернуло от злости и отвращения.

— Поверь, девочка, я не самый достойный из нормальных людей. — Крест улыбнулся. — Мы с моим другом на складе, что возле лаборатории, смастерили что-то вроде напалма из подручных средств, что там были. Я просто тут взорвать хотел все. Сжечь к чертям. А друг мой, — он кивнул в сторону Николая, — решил проверить это помещение и нашел тебя. Если бы не он...

Она вдруг рванулась к Васнецову и, с силой притянув к себе, зарыдала, обнимая за шеи обоих своих спасителей.

— Ребята, спасибо вам! Спасибо вам огромное! Спасибо!

Теперь Николай ощущал растерянность. Что и говорить, Людоед лихо все повернул. Даже за свою злобу стало стыдно перед ним.

— Нам пора, — пробормотал Васнецов. — Мы теряем время.

* * *

В обустройстве станции и прилегающего подземелья, казалось, не было никакой системы. Склады не были собраны в определенном месте, а встречались постоянно и где попало. Так

же было и с жилыми помещениями. Различные посты тоже были разбросаны по подземелью без всякой логики. Очередным таким постом были десятки деревянных ящиков в тоннеле и столик с погашенной керосиновой лампой. На столике лежал автомат. Рядом, на ящике, расстелив старый матрац, дремал молодой черновик. Без лишних сантиментов и каких-то колебаний Людоед задушил его.

— Напоминает подводную лодку. Маленькую дизельную, — пробормотал Крест, запихивая тело жертвы в щель между ящиками. — Тоже длинная труба, где экипаж спит где придется и все припасы рассованы повсюду. Это хорошо. Нам легче продвигаться. Особенно с той стороны, откуда никто здесь угрозы никакой не ждет.

— Лучше скажи, что ты там за сцену лирическую устроил с этой девкой? — недовольно проворчал Николай.

— Каждый видит то, что хочет. У тебя с лирикой точно проблемы в голове. — Илья усмехнулся. — Я просто вдохнул в несчастную желание жить. Вот и все.

— А зачем? С твоим-то цинизмом это нелогично.

— Вхолостую работать не люблю. Мы ей жизнь спасли, а она жить не хочет. Неправильно это. А тебе, блаженный, надо не за чужим поведением следить, а с самим собой разобраться. То ты сопли распускаешь по поводу и без. То бесишься на пустом месте. Такие заскоки, знаешь ли... Я мог бы махнуть рукой на это дерьмо. Ну, с головой плохо у парня, подумаешь. У кого с ней в наше время нормально вообще. Но на кону стоит многое. На кону стоит все. И исход всего этого зависит и от тебя в том числе. Если тебя так будет швырять из стороны в сторону, то беда случится. Смекаешь?

Васнецов пристально посмотрел на товарища.

— А ты бы и вправду убил ее, когда она сказала, что жить не хочет? А, Крест?

Людоед зло улыбнулся.

— А ты, блаженный, как думаешь?

— Может, ты и меня убить смог бы, если бы решил, что я стал опасен для миссии? — прищурился Николай.

— Можешь не сомневаться.

Васнецов покачал головой, вспоминая измышления собственного внутреннего голоса. Этот убьет. И глазом не моргнет.

— Ну и что ты там себе думаешь? — Ухмылка Ильи словно говорила, что он читает все мысли Николая. Людоед положил руку ему на плечо и добавил: — Просто не давай мне повода, братишка. Вот и все.

* * *

Надзиратель тюремного блока в очередной раз ударил старой милицейской резиновой дубинкой по стальной решетке.

— Ну что ты вылупился, мразь! — рявкнул он на одного из шестерых пленных, которых держали тут специально для крещения кровью тех, кто решил примкнуть к черновикам.

Надзирателю по кличке Кукан было всего двадцать шесть лет. Он был черновиком во втором поколении, поскольку вступил в эту банду еще его отец.

Кукан любил заступать на охрану заключенных. Его излюбленным занятием в этой жизни было демонстрировать свое превосходство над теми, кто не мог ему ничем ответить. Другое дело — внешние посты или охота на людей. Там бывало страшно. Там могли убить. А тут он мог вдоволь наслаждаться своей властью и чувствовать себя сильнее других. Вот и сейчас он ходил вдоль клеток с пленными из различных городских группировок и орал на них матом, вещая унизительные для любого нормального человека вещи. Он наслаждался, видя, как они бесятся в клетках, не имея ни сил, ни возможности что-то ему ответить. Если кто-то начинал из клетки огрызаться, то на него выплескивалось ведро с фекалиями. Такого унижения никто не хотел, и все молча слушали, лишь позволяя себе скрежетать зубами и зло смотреть в ответ.

Кукан продолжал развлекаться, то и дело оглядываясь на своего более старшего напарника по кличке Шалый, который сидел в автомобильном кресле, спиной к темному тоннелю, ведущему в тупик, закинув ногу на ногу, и курил самокрутку, одобрительно кивая головой и смеясь.

— Ну, что молчите, парашники? — продолжал молодой надзиратель. — Может, кто сказать что в ответ хочет, а? Что, слабо, девочки? Имел я вас, козлы драные! Мам ваших имел, сучки вы гнойные!

— Если бы ты был мужчиной, то открыл бы мою клетку и разобрался со мной по-мужски, один на один, — прорычал пленник, напротив которого остановился Кукан.

— Чего? Чего ты вякнул? Ты сомневаешься, что я мужчина? — Черновик убрал дубинку в сторону и приспустил свои штаны. — На, урюк, смотри. Мужская штучка, а?

Он захохотал и принялся мочиться в клетку прямо на пленника.

— Падла! — воскликнул тот, отскочив в дальний угол и уворачиваясь от струи мочи.

— Глянь, Шалый, как я его!

Черновик, гогоча, обернулся и взглянул на своего подельника.

Тот больше не смеялся. На лице его был испуг. Он нервно сжимал зубами самокрутку, а за его спиной стоял молодой человек в камуфлированной одежде и прижимал к виску Шалого пистолет с глушителем. Из полумрака тоннеля показался еще один незнакомый человек. Он был в черной шинели и в руке держал странного вида меч.

— Когда ты перестанешь ссать, твой кореш умрет, — усмехаясь, сказал Людоед. — Цена его жизни — твоя моча.

Кукан рефлекторно потянулся к кобуре с пистолетом, но Крест быстро прислонил лезвие своего меча к шее бандита.

— Хочешь проверить, у кого из нас реакция лучше? Давай. Ты еще успеешь увидеть, как кровь из твоей артерии брызжет фонтаном, и почувствуешь, как холодное лезвие пробирается сквозь твою глотку. И тогда у тебя не останется ничего, кроме нервных рефлексов. А в этом случае ты не сможешь осознанно выхватить пистолет, снять его с предохранителя и выстрелить.

— Вы кто... Вам чего... — испуганно пробормотал Кукан.

— Ссы, падла, — зарычал Шалый. — Они же меня грохнут сейчас.

— Но... но я больше не могу... Не ссыться...

— А ты рукой подергай, — хмыкнул Николай, держащий у виска второго черновика пистолет.

— Я н-не могу, — всхлипнул молодой.

— Кончай с этим, — кивнул Людоед, и Васнецов тут же нажал на курок. — Отлично.

Крест кивнул и ударом ногой в живот Кукана заставил того отлететь к клетке. Пленник, что находился в ней, тут же накинулся на своего обидчика, просунув руки через решетку и схватив его за горло. Кукан хрипел и дергался меньше минуты. Он не был ни сильным физически, ни сильным духом. Он мог только кричать матом через стальные прутья. Когда же его схватили за горло, он уже был обречен.

— Может, теперь выпустишь нас? — произнес пленник, обращаясь к Людоеду, когда с Куканом уже все было кончено.

— Погоди-ка, — махнул рукой Людоед, с интересом разглядывая неровные фанерные таблички на каждой из клеток. Он качал головой и, как обычно, ухмылялся, читая надписи, сделанные углем на этих дощечках.

— Чего ждать-то? — недовольно бросил другой пленник. — Ключи у того, с дыркой в голове. Выпусти нас.

— Погоди, — повторил Крест. — Так вы из разных группировок? — Муслимиат, — прочитал он надпись на одной табличке. — Славянский союз. — Это уже другая надпись. — Новый Коминтерн... Националисты, коммунисты, белоказаки-монархисты... Слышь, Коля, вот так задачка. Что делать с ними?

— Эй! Что значит, что делать! Выпустите нас! — заорал еще один пленник.

— Потише. — Крест поморщился. — На ваш ор сейчас вся тусня местная сбежится. — Он подошел к двери, которая вела дальше в глубину логова черновиков, и задвинул железный засов. — Если я вас выпущу, то зачем? Чтобы вы снова вцепились друг другу в глотки, как это успешно делали раньше? Вы же ненавидите друг друга в силу исповедуемых вами разных идеологий. Не так, что ли?

— А ты сам-то чьих будешь?

— Я? — Людоед улыбнулся. — Я сам по себе. Но там, где я появляюсь, становится худо. Колян не даст соврать. Да, Колян?

— Точно, — хмыкнул Васнецов, вытирая окровавленный глушитель пистолета. — Всадник апокалипсиса. Только без коня.

— Вот то-то и оно, — кивнул Крест. — Слушайте меня, други. Слушайте внимательно. Слушайте и запоминайте. Времени у нас мало. Причем времени мало не только в данном конкретном случае. Часики тикают, и очень скоро всем на этой планете в последний раз улыбнется смерть. В последний, потому что после этого улыбаться уже будет некому. Жизни уже не будет. А значит, и смерти тоже. Но хорошо ли это? Или нет? Чего будут стоить все ваши идеалы и верования? К чему вы стремитесь? Вы, поделившие друг друга на красных и белых, верных и неверных, обрекаете все, что от нас осталось, лишь на то, что будет иметь только цвет разлагающейся плоти. Вы своей непримиримостью и отсутствием компромиссов и взаимопонимания обрекли остатки человечества на то, что поднимают головы и властвуют такие, как эти поганые черновики. Кому пле-

вать на вашу религию, и ваши ценности, и ваши политические ориентации. Черновики и подобные им твари уводят ваших женщин, ваших дочерей на позор. Они делают из вас мясо. Только ли вина черновиков в этом? Отнюдь. Вы в этом виноваты. Вы этому потворствуете. Забыли историю. Забыли прошлое. Не будем ходить далеко и вспоминать феодальную раздробленность на Руси. Обратимся к последним дням мира. Восток, Запад, третий мир, террористы, демократы, нефть. Нет, мир не должен быть окрашен в один цвет и зиждиться на одних и тех же ценностях, что и всюду. Наш мир пестрел обилием языков и культур, наций и религий. И в том могло быть его очарование. Могло, но не стало. Ведь всем надо было лезть со своим уставом в чужой монастырь. И к чему все это привело? Объяснять, я думаю, не надо? Но вы оказались невосприимчивы к урокам и продолжаете скалиться друг на друга. Что и говорить, черновики в этом смысле оказались умнее вас. Они оказались глобалистами. Потому они сильней и непобедимей. Люди разных наций и религий, разных слоев общества окрасились в один черновой цвет и стали силой, имеющей вас, как хотят. Я их ненавижу. Но они мне симпатичнее вас.

— Ты что несешь! — раздалось из одной клетки.

— Я просил не перебивать и слушать внимательно. Я сейчас плюну и пойду дальше. А вы сидите тут и ждите своего конца.

— Пусть договорит, — пробормотал другой узник.

— Вот вы, белые и красные. Чего не поделили? Вы все в семнадцатом году зависли? А ведь были, много десятилетий назад, люди, которые в этом вопросе переросли вас. А вы все враждуете, отказываясь от преемственности истории вашей страны и понимания того, что важнее судьба отечества и его народа. Пусть и руин отечества и остатков этого самого народа. Вам бы посмотреть в прошлое и признать славные победы и достижения вашей страны и под имперскими знаменами, и под красным знаменем Великой Отечественной. Ведь даже Сталин начал делать шаги, примиряющие историю, возрождая военную касту с ее имперскими регалиями и погонами, ослабив нажим на церковь, упразднив сатанинскую директиву своих предшественников об уничтожении религии. Это ведь еще тогда Советы обратились в славное прошлое нашей истории, снимая кино про великих полководцев и учреждая ордена в их честь. А вам все неймется. Да и времена сейчас такие, что не до разборок. Но вашего ума до этого дойти не хватает. Уже нет тех, кто убил вашего монар-

ха, дорогие монархисты. Но уроков из той бойни никто не извлек, и вам зачем-то нужна братоубийственная война сейчас. К чему поборникам религии браниться с теми, кто под коммунистическими знаменами проповедует всеобщее равенство, братство и социальную справедливость? Разве того же самого хотел почитаемый вами Иисус из Назарета? К чему вы, почитатели пророка Мухаммеда, враждуете с христианами? В вашей святой книге есть почтенный пророк Иса, но он и есть тот самый Иисус, и учение ислама его не отрицало никогда. К чему вам звать их неверными? Времена крестовых походов прошли, и не православные их, кстати, устраивали. Вы считаете своим долгом джихад, но знаете ли вы, что это такое? Вы знаете, что такое Великий джихад? Это противостояние и битва против дьявола в собственном сердце. Это противостояние соблазнам. Но, утоляя жажду убийств, якобы во имя Аллаха, вы разве не потворствуете этим самым соблазнам греха смертоубийства? Знаете ли вы, что, по вашей священной книге, джихад разрешает насилие лишь для самообороны и насилие это оговорено строгими правилами? Знаете ли вы, что сказал Мухаммед? При мщении за раны и обиды не причиняй вреда невоюющим в их домах! Не трогай женщин! Не причиняй вреда младенцам! Не уничтожай дома и средства к существованию тех, кто не воюет против вас! И самое главное — Коран запрещает использовать силу и джихад для обращения в веру. В религии не может быть принуждения. А вы, господа националисты? Вы превратили национальную идею и саму суть национализма в синоним нацизма. Но национализм — это любовь и служение своей нации и ее интересам. А вовсе не ненависть к народам другим. Но вам легче изливать ненависть к инородцам, нежели быть образцами духовности, силы и благородства вашей собственной нации. Не позволяйте одним племенам применять силу против вас. Не будьте слабыми. Но, будучи сильными, не обращайте эту силу против иных народов. Взаимоуважение наций и служение собственному народу и его благоденствию, а не унижению и грабежу народов других в свое время не позволило бы случиться в том числе и ядерной войне. Но вы этого никак не хотите понять. Так зачем, скажите, мне выпускать вас всех из клеток?

В помещении воцарилась гробовая тишина. Люди в клетках с одинаково недоуменными и в то же время задумчивыми лицами взирали на Людоеда. Просто ли он говорил или применил что-то гипнотическое, но Николай видел во взглядах этих

людей покорность, готовность подчиниться Людоеду. Они словно сочли его мессией. Новым пророком, посланным высшими силами для того, чтобы изменить безысходность этого мира и дать людям веру в то, что возможно движение к лучшему. Васнецов и сам почувствовал, что и на него, в том числе, подействовали слова его товарища, как магический жест всесильного волшебника. Николай в очередной раз поразился многогранности и эрудированности Ильи, силе его убеждения и какой-то монументальной харизме.

— Мы ведь сейчас все по одну сторону, — пробормотал наконец один из заключенных.

— Это сейчас. А когда выйдем из этого царства тьмы? Что будет потом?

Снова молчание. Затем другой голос:

— Потом, даст бог, видно будет. А пока мы с тобой. Так?

Пленник оглядел сокамерников. Те утвердительно закивали головами.

— Мы с тобой, брат.

— Да будет так, — вздохнул Людоед. — Но зарубите себе на носу: если начнете дурить и выяснять отношения, я патронов жалеть не буду. И даже если вы, все как один, в едином порыве, накинетесь на меня или моего товарища, то вам меня не одолеть. А будем действовать грамотно, значит выйдем отсюда живыми. Коля, погляди у твоего жмурика ключи в карманах.

Васнецов обыскал труп Шалого и нашел связку ключей. Затем принялся открывать клетки одну за другой. Освобождая пленников, он слышал, как они перешептывались:

— Откуда они взялись?..

— Чудеса какие-то...

— Да он же мессия!..

Людоед приветствовал каждого вышедшего из клетки рукопожатием.

— Так, братья. С освобождением пока поздравлять не буду. Нам надо из этого подземелья еще выбраться. Пройдите туда. — Он указал рукой в сторону, откуда они с Николаем пришли. — Там на полу мы сложили теплую одежду и оружие черновиков, которых замочили по дороге сюда. Берите, одевайтесь, и пощекочем этим уродам нервы.

Без лишних слов узники направились за одеждой и оружием. Людоед светил фонарем в их сторону, давая им возможность лучше сориентироваться в темноте и быстрее одеться.

— Илья, один из них тебя мессией назвал, — тихо произнес Николай, подойдя к товарищу.

— Вот тебе раз, — хмыкнул Крест. — Только в наше чудное лихое время такого монстра, как я, могут за полубога принять.

— Ты их околдовал, что ли? Гипнозом прошелся?

— Зачем именно так? Иногда достаточно силой разума взывать к разуму. Тоже, бывает, помогает. Правда, надолго ли?

— Так мы теперь все черновое отродье вырежем, Илья.

— Остынь, блаженный. До сих пор для нас была легкая прогулка по этому метро по той простой причине, что мы шли через малообитаемые помещения с той стороны, откуда враг прийти, по их мнению, не мог. Дальше будет очень трудно. И нам тут геноцид устраивать времени нет. Нам нужны БАТы. Нам надо к самолету. Нам нужен ХАРП. Помнишь?

— Конечно. — Николай вздохнул. — Может, стоит убедить их в том, что ты мессия?

— А зачем, Коля? — Крест усмехнулся. — Да и какой из меня мессия? Я же не умею превращать воду в вино. — Затем он тихо засмеялся, потирая пальцем кончик носа. — Хотя, с другой стороны, всякое дерьмо в напалм превратить могу запросто. Может, и мессия, сообразный нынешнему времени.

— Богохульник ты, — пошутил Васнецов.

— Ну, думаю, за это Бог простит. А вот за многое другое... А вообще, у меня есть стойкое чувство, что мессия — это ты, если серьезно.

— Я? — Николай удивился. — Это почему?

— Да потому что Бог тебя на руках носит. Вытаскивает тебя или моими, или Варяга руками, а то и сам. Значит, ты ему нужен.

— На кой?

— Ну, брат, пути Господни неисповедимы, — улыбнулся Крест.

— Да какой из меня мессия? У меня же дури в голове всякой...

Людоед уставился на Васнецова и произнес:

— Брат. У тебя дури в голове, как дерьма на свиноферме. Но уже одно то, что ты это стал осознавать, дает призрачную надежду на то, что из тебя выйдет толк.

Николай задумался над словами товарища, вспоминая весь пройденный путь и те ситуации, в которые он попадал. Только сейчас он отчетливо стал осознавать, что во множестве случаев

он оставался невредим благодаря чудесному вмешательству. Хотя это, может быть, лишь кажется после убедительных слов Ильи.

— Может, ты и прав. Может, и мессия, — вздохнул Николай, глядя на возвращающихся уже с оружием и теплой одеждой узников. — Только вот про дерьмо на свиноферме, это ты слишком...

— Слишком мягко, — кивнул Людоед.

11
АД УЖЕ ЗДЕСЬ

На хорошо освещенном перроне станции «Площадь 1905 года» царило оживление. Старые эскалаторы давно обили досками, поскольку они уже не могли выдерживать движения людей. Теперь по скрипучим деревянным ступенькам торопливо спускались исхудалые, бледные рабы с характерными клеймами на лбу: РАБ. Невольники тащили из приехавших после ночного рейда бронемашин трофеи и тела убитых врагов чернового движения, которые могли сгодиться в пищу тем, кто не брезговал человечиной, и для других нужд. За спинами рабов свистели сплетенные из человеческой кожи хлысты свирепых погонщиков.

— Живее, свиньи! Живее! На корм собакам пустим! — орали рабовладельцы.

На перроне столпилась бодрствующая ночью смена охраны станции. Им было любопытно, какие вести принесли вернувшиеся из рейда боевики.

Сверху на ступеньках эскалатора показался здоровенный черновик с окладистой седой бородой, которую стало видно, когда он стянул с мясистого лица респиратор. Вид у него был усталый. Он неторопливо спускался, замыкая процессию рабов и погонщиков, нарочито небрежно помахивая американским автоматом М-4.

Сама станция была отделена от остальных подземных помещений двумя стенами. За одной был питомник, где держали свиней и кроликов. Дальше были тюрьма и складские помещения с лабораторией. За другой стеной был личный вагон Якова Чернова, превращенный в бронированный дом. Жилища элитных черновиков, их семей и каморки их рабов. Оранжереи, где выращивали то, что могло вырасти в условиях подземелья.

Яков Чернов, тридцативосьмилетний главарь местной общины черновиков, с угловатым худым лицом, впалыми темными глазницами и тонкими черными усиками над вздернутой губой, вышел из своего логова в сопровождении четверых охранников. Увидев одного из лучших своих полководцев, он снял рукавицы и заткнул их за портупею.

— Вепрь, золотце, вернулся, — развел он руками и зевнул, приветствуя здоровяка с американским автоматом.

Вепрь подошел к нему и позволил себя по-отечески обнять главарю, который был гораздо моложе его самого.

— Привет, босс, — устало, но громко выдохнул он низким хриплым басом.

— Ну, рассказывай. Что там?

— Весь город на ушах стоит. Много отребья мы побили. Счету нет. Даже все трупы собрать не смогли. Несколько убежищ полностью выжгли. Но улов хороший. Правда, я видел там, в городе, кое-что.

— Что именно? — Чернов посмотрел на него сонными глазами.

— Следы. Следы особого вездехода. Яша, в городе рейдеры.

Чернов задумался, потом мотнул головой и нервно усмехнулся.

— Херня все это. Нет никаких рейдеров. Неужто ты в эти байки веришь?

— Но что это за следы? В легендах об этих монстрах именно такие следы и описываются.

— Ну, мало ли что. — Чернов пожал плечами. — Танк какой-нибудь. Вездеход.

— Я же знаю, какие у чего следы. Нет. Это другое. Очень широкие гусеницы.

— А помнишь, у красноперых когда-то был вездеход. «Витязь», или как он там назывался. Ну, мы их еще на фугасе подорвали. Помнишь? Там тоже широкие гусеницы.

— Ну, хрен его знает, — махнул рукой Вепрь. — Но мне это все равно не нравится.

— Да будет тебе. А потери у нас есть?

— Как же без потерь. — Вепрь невесело усмехнулся. — Двенадцать парней наших убито. Еще патруль Свирепого пропал. Но я думаю, что они живы. Застряли, может, где на окраине. У нас подбили один броневик. Но так. Мелочь. Ступицу с колесом выбило. Починить можно. Но мы его на месте бросили.

Я там оставил отряд на охранении. Это недалеко. У драмтеатра. Думаю сейчас взять БАТ, заправить свои коробочки и махнуть за машиной. Заодно Свирепого поищем. Ты не против?

— Нет. — Чернов мотнул головой. — Я не против. А какой улов?

— Тридцать пять ублюдков в плен взяли. Девять из них бабы. И вот еще... — Здоровяк опустил взгляд и нервно почесал бороду. — Борька Чахотка убит.

— Что?! — Яков вытаращил на Вепря свои желтые болезненные глаза. — Как?!

— Один ублюдок его в спину расстрелял из автомата. Как падла. Прямо в спину. Но мы тварь эту взяли живым. Я ведь знаю, что ты с Чахоткой еще со школы корешился. Ну вот...

Наверху наконец показались еще люди. Избитые, некоторые с огнестрельными ранами пленные, чьи руки были связаны веревками и ремнями из все той же человеческой кожи на запястьях, спотыкались и падали от обильных пинков и ударов прикладами оружия, которые безжалостно сыпали на них озлобленные и перевозбужденные бойцы Вепря.

Пленники покатились по ступенькам вниз. Один из них свернул себе шею. Женщин вели отдельно. На тех из них, что были помоложе, была разорвана одежда. Видимо, по дороге в свое логово черновики уже успели над ними надругаться.

— Так, баб в стойло сразу уводите! — крикнул встречавшим на перроне охранникам Чернов. — А этих мразей построить тут.

Женщины кричали, плакали, отбивались. Гогочущие боевики погнали их в недра своего логова, хлопая руками по ягодицам и иногда раздавая пинки. Пленных мужчин выстроили в одну шеренгу. На худом жилистом лице Чернова заиграли желваки. Он вперил кулаки в бока и стал медленно расхаживать.

— Ну что, чмошники, добро пожаловать к черновикам. Я есть Яков Чернов. Хозяин этого города. — Он повернулся к своему полководцу. — Вепрь, покажи мне эту гниду, что Борьку порешил.

Здоровяк подошел к строю пленных и врезал кулаком под дых одному из этих людей. Пленник упал. Это был высокий тридцатилетний крепыш с взъерошенными светлыми волосами и сильно избитым лицом. Он скорчился на полу, хватая ртом воздух.

Чернов склонился над ним.

— Ты, ублюдок, знаешь, кого ты убил подло в спину? — зарычал главарь черновиков. — Он мне как брат был.

— Жаль, что он не был твоей мамой, — простонал пленник.

— Ах ты сука. — Чернов нанес ему удар ногой в живот. — Смелый, да? Ну-ка поднимите это мясо!

Охранники схватили пленника и поставили перед главарем.

— Смелый, значит, да? Кусок дерьма!

— Очень... очень приятно познакомиться, — простонал пленник. — Я Славик Сквернослов. Я очень рад встрече с тобой, кусок дерьма. Потому что могу тебе от всей души и прямо... прямо в глаза сказать... чтоб ты шел на хер. Понял?..

Вепрь ударил его по лицу и обратился к Чернову:

— Давай я ему голову отрежу? Он своей словесной дристней нас еще в дороге притомил сильно.

— Убери этого скота в сторонку, — мотнул головой Яков. — За Борьку Чахотку это для него будет слишком легким выходом. Я после подумаю, как с ним расправиться. Он, сука, медленно умирать будет. Я этой гниде на брюхо крысу посажу, сверху ведро поставлю и буду греть это ведро паяльной лампой. Он, сука, узнает, с кем связался. Убери его в сторону.

— Оставьте парня. Он вообще не при делах, — подал голос стоявший среди пленников Варяг Яхонтов. — Недоразумение вышло. Это я твоего кореша грохнул.

Чернов усмехнулся и подошел к Варягу.

— Хочешь выгородить свою подружку? А? Вепрь, что скажешь?

— Врет. Я сам видел, как тот ублюдок полрожка в Борьку всадил.

— Врет, значит? Ну, врежь ему, раз врет.

Вепрь нанес Варягу удар лбом по переносице. Яхонтов упал, но стоявший рядом Демидов подхватил его.

— Короче, ублюдки рода человеческого, — стал громко говорить Чернов. — Вы почти все умрете. И прямо сейчас. Но! Те из вас, кто хочет присоединиться к нашему черновому движению, могут это сделать. И тогда вы сохраните себе жизнь. Однако вы должны пройти крещение кровью. Те из вас, кто захочет присоединиться к нам, должны будут прямо сейчас расстрелять остальных. И того мы примем на испытательный срок. Кто этот срок не пройдет, тот умрет или станет нашим рабом. Итак! Кто из вас, свиньи, хочет стать членом великого чернового братства?!

Наступила тишина. Наконец один из пленников, пугливо озираясь на собратьев по несчастью, медленно поднял связанные дрожащие руки.

— Я, — тихо сказал он.

— Шкура ты! — рявкнул стоявший рядом человек.

— Молчать! — истерично завопил Чернов. — Ты, выйди из строя, — обратился он к добровольцу. — Сейчас сможешь обидчику своему пулю в лоб пустить. Кто еще?

Строй ответил молчанием.

— Что, козлы, неужто больше никто жить не хочет? А?

Молча смотревший прямо перед собой Турпал мотнул головой и, вздохнув, произнес:

— Я, короче.

— Турпо, ты что, охренел? — Егор Демидов уставился на него. — Как ты можешь?

— Я все равно чужаком всегда был среди вас, — устало ответил чеченец.

— Что за хрень ты несешь? Каким чужаком? Мы же с тобой последним куском делились! Мы же все как одна семья были!

— Я делаю то, что угодно Аллаху, — мотнул головой Турпал и вышел из строя.

— Сволочь ты! — крикнул вслед ему Демидов.

— О, да у нас тут гордый горец! — усмехнулся Чернов, хлопая по плечу чеченца. — Правильный выбор, горец.

— Слышь, начальник, короче, дай мне первому казнить, короче. Устал я. А то, может, передумаю. Короче...

Главарь черновиков засмеялся:

— Ну ладно. Казни первым. Дайте ему пистолет.

Чернов отошел за спины своих охранников. Один из них протянул Турпалу пистолет ПМ. Турпо осмотрел его, затем вынул обойму и стал разглядывать.

— Ты что делаешь? — нахмурился стоявший рядом с пленниками Вепрь.

— Глупо выглядеть не хочу, короче. А то вы мне пустой железка дадите, я буду щелкать, как баран. Зачем?

— Давай не тяни, — отрезал Вепрь.

— Четыре патрона? Зачем четыре только?

— А тебе мешок, что ли, надо? — продолжал говорить здоровяк. — Убьешь четверых. Тот тоже убьет четверых. Из оставшихся устроим бои на выживание. Кого-то отпустим, кому фишка ляжет, чтоб они про ваше крещение рассказали. А то

вдруг слинять захотите. Ты давай не затягивай процедуру. Утомлять начинаешь.

— Ладно, — вздохнул Турпал, снаряжая пистолет и снимая его с предохранителя. — А руки развязать?

— Из пистолета стрелять можно и со связанными руками. Давай. Вали.

Он поднял пистолет и нацелился прямо в лицо Демидову.

— Прости, Егор. Я делаю то, что угодно Аллаху. Аллах акбар!!!

Он резко дернул руки в сторону и выстрел прямо в голову Вепрю.

Здоровяк успел только удивиться. И на его заливаемом кровью из дырки над переносицей лице так и застыло недоумение. Он еще падал, когда черновики опомнились и открыли огонь из автоматов по Турпалу. Некоторые пули, минуя его, попадали в других пленников. Первым из пленников опомнился Варяг и нырнул к полу; подхватывая тушу мертвого Вепря и закрываясь его телом, схватился за свисающий с плеча бандита автомат М-4. Многие пленники прянули в стороны. Другие кинулись на черновиков, пытаясь схватить их связанными руками за глотки или выдавить им глаза. Тот пленник, что первым решил примкнуть к бандитам, с криком «не стреляйте в меня!» бросился к черновикам, видимо надеясь, что для них он уже свой, но они и его встретили автоматными очередями.

Яков Чернов с перепуганным лицом, на полусогнутых ногах кинулся к дверям, за которыми было его убежище.

Тем временем Яхонтов сразил короткой очередью одного бандита и свалил тушу Вепря на лежащего на холодном полу Сквернослова.

— Славик! Нож достань у него и освободи мне руки! Прячься за трупом!

Кто-то из пленников все-таки сумел завладеть оружием врага и поддержал Варяга огнем.

Егор получил две пули в плечо, еще когда бандиты расстреливали взбунтовавшегося Турпо. Он упал рядом с мертвым товарищем, который дал им всем какой-никакой, но шанс ценой своей жизни.

— Зачем ты так, брат, — простонал он, глядя на изрешеченного пулями чеченца. — А я тебя не понял...

— Егор! Ползи к путям! Мужики, спрыгивайте с перрона! — крикнул Яхонтов.

Среди черновиков царила неразбериха. Однако они продолжали планомерно расстреливать пленных, число которых стремительно уменьшалось.

Сквернослов тем временем разрезал ножом Вепря веревку на руках у Яхонтова и у себя. Автомат Варяга опустел, и он, прячась за трупом чернушного полководца, стал шарить в его разгрузочном жилете в поисках боеприпасов. Славик тоже полез по карманам Вепря. Нащупав гранату, он не мешкая метнул ее в сторону врага.

— Ах, мать твою! — взвизгнул один из черновиков, рядом с которым упала граната.

Он бросился в сторону, но взрыв подхватил его и заставил перекувырнуться в воздухе. С нашпигованными осколками ногами, задницей и частью спины он рухнул прямо рядом со Сквернословом и стал орать от боли. Вячеслав протянул руки, схватил его за волосы и принялся бить его лицом об пол.

Варяг наконец нашел новый рожок и, снарядив им автомат, продолжил стрелять. Сверху на эскалаторе показались еще черновики.

— Ну все, Славик, — вздохнул Яхонтов, глядя на них. — Наша песня, кажется, спета. Найдешь еще гранату, оставь нам. В плен к этим чернодарасам я больше не попаду. Надеюсь, Коляну с Ильей повезло больше сегодня и они все-таки дойдут до хренова ХАРПа.

Сзади, со стороны слабо освещенной стены, расположенной с противоположной от резиденции Чернова стороны, раздался яростный вопль:

— Мочи уродов! Пленных не брать!

Варяг резко дернул стволом автомата в ту сторону, решив, что попал в тиски. Однако стрелять он не стал, поскольку увидел совсем не то, что ожидал. Из двери в стене высыпала группа вооруженных людей, ведомых не кем-нибудь, а самим Людоедом. И рядом с ним, беспорядочно поливая черновиков длинными очередями из автомата, бежал Васнецов. Люди, которых вел Крест, подбадривали себя воинственными воплями, разнообразие которых вводило в недоумение:

— Слава России! Смерть врагам!

— За веру, царя и Отечество!

— За Родину! За Сталина! Слава Коминтерну!

— Ассаламалекем, шайтановы дети! Аллах акбар!

— Да здравствует национал-большевизм!

— Так, быстро, прикрыть отход к рельсам! Раненых утаскивайте! — кричал Людоед.

Черновики, скопившиеся наверху, кинулись в атаку, сбегая по эскалаторам и ведя огонь. Однако с появлением отряда Людоеда сопротивление и отход к рельсам метро стали куда более организованными.

— Колян? — Сквернослов с удивлением уставился на подбежавшего к ним Васнецова. — Ты какого хрена тут делаешь?

— А какого хрена ты тут делаешь? — Васнецов был удивлен не меньше.

— О, брат, это долгая история.

— Ты в порядке?

— А по моей роже не видно, что по мне колонна танков проехалась? — Сквернослов усмехнулся.

— После потрындите! — рявкнул Варяг. — Быстро с перрона на рельсы! Я прикрою!

Николай потащил обессиленного побоями Сквернослова. Вскоре все обороняющиеся оказались на путях, прикрываемые площадкой перрона станции. Все, у кого было в руках оружие, заняли позиции и вели огонь по наступающим черновикам. На рельсах лежали стонущие раненые.

— Блаженный, не тормози, давай наш коктейль, живо! — крикнул Людоед.

Николай быстро сбросил с себя рюкзак и извлек из него одну из трех пластиковых пятилитровых бутылок со странной смесью внутри. Горловина бутылки была плотно закупорена полиэтиленовым свертком с пластитом, из которого торчал взрыватель от ручной гранаты. Людоед сильно взболтал бутылку и, выдернув кольцо взрывателя, метнул ее в сторону наступавших.

— Пригнуться! — заорал он.

Громыхнуло, яркая вспышка озарила станцию. Раздались дикие крики пораженных самодельным напалмом черновиков. Свинцовые дробины от охотничьих патронов, что добавил в смесь Илья, расплавились при взрыве и, разлетаясь в стороны, проникали глубоко в живую плоть неприятеля.

— Ништяк, — оскалился Крест, глядя на то, что сделала бутылка. — Отличный бульон мы с тобой, Колян, сварганили.

Взрывом поразило не меньше полутора десятков боевиков. Кто-то, еще живой, бился, объятый пламенем, на полу станции. Остальные бандиты после такого отпора больше не спе-

шили наступать и тоже заняли оборону. Тех из них, кто пытался метнуть гранату, отстреливали двое наиболее подготовленных стрелков Людоеда, которым он велел заниматься именно этим, не распыляя свое внимание на автоматчиков врага.

Сам Людоед стрелял одиночными из «винтореза», точно поражая головы черновиков.

— Варяг, что с луноходом? — спросил он между выстрелами.

— В смысле?

— Ну, раз вы в плен попали, значит до берлоги Демидова эти упыри добрались. А там машина наша. Я уже молчу про тот предмет, который в ней находится.

— Нет. — Яхонтов мотнул головой и дал короткую очередь. — Дозор Демидова, видя, что чернушники едут в сторону их обиталища, обстрелял бандитов и стал отходить дворами в другую сторону, уводя за собой. А мы выдвинулись на выручку. И попались. А черновики не поперли дальше. Недалеко кто-то еще стрелять начал. Там, кстати, мужики остались. Ну, Дракон этот китайский там. Я его попросил, если какое-то палево будет, чтоб он взорвал вход в гараж и завалил его, чтоб луноход никто не нашел.

— Ясно. Толково.

— Кстати, там, наверху, в вестибюле станции у них тоже гараж оборудован. БАТы наши там. Оба. И бочки с топливом. Я видел, когда нас сюда вели.

— Это очень хорошо...

— Колян, Колян, — позвал прислонившийся к стенке платформы Сквернослов.

— Чего?

— Урод этот, Чернов, туда побежал. Может, если взять его в заложники, то мы отсюда выйдем.

— Я понял тебя! — Возбужденный боем Николай выхватил очередную бутылку с самодельным напалмом из рюкзака и кинулся к той двери.

— Куда, куда, придурок! — заорал Варяг.

— Я вырежу ему печень и съем! — раздался ответный вопль Васнецова.

— Принеси мне его сердце! Я тоже его съем! — смеясь, крикнул вдогонку Крест.

Сквернослов хлопнул себя ладонью по лбу и вздохнул:

— Долбаные морлоки...

— Илья, что за бодяга?! — воскликнул Яхонтов. — Он же там пропадет.

— Этот?! — Крест продолжал смеяться. — Черта с два он пропадет. Заговоренный он да ломом подпоясанный.

— Я не шучу, черт тебя дери!

— Да ладно, сейчас еще пару чайников прострелю и пойду за ним.

* * *

Находящийся в боковом помещении тоннеля, рядом со своим вагоном, Яков Чернов дрожащей рукой схватился за микрофон старой полевой рации, антенна которой выходила на поверхность по трубам старых кабель-трасс метро.

— Ведьмак! Ведьмак! Ответь! Ведьмак! Как слышно меня, прием! Срочно ответь! — проверещал объятый ужасом Чернов.

Рация зашипела. Послышался строгий и недовольный голос:

— А что, б... позывной свой называть не надо, на... А, б...

— Ведьмак, я Башка! Срочно Льва Чернова позови, мать твою!

— Ты обурел, б... Базар фильтруй. Чего ради я босса будить буду, на...

— С тобой Яков говорит, парашник хренов! Яков Чернов! Позови брата к рации, падла!

— А, — протянул голос. — Ну жди.

— Быстрее, сука!

Со стороны вагона послышались выстрелы. Затем крики.

Рука Чернова, держащая микрофон рации, дрожала. Дрожала и его челюсть. Второй рукой он выдернул торчащие за портупейным ремнем рукавицы и стал запихивать одну из них в рот, яростно при этом жуя.

Со стороны вагона раздался взрыв, и в проеме, ведущем в тоннель, сверкнула вспышка. Затем донеслись страшные крики людей. Трудно было вообразить, что там взорвалось.

В рации послышался треск. Затем недовольный строгий голос:

— Лев Чернов на проводе.

Яков судорожно забубнил что-то в ответ, забыв вынуть изо рта рукавицу.

— Что за херня? — раздраженно рявкнул Лев.

Выдернув наконец варежку, младший Чернов заголосил:

— Лева! Это Яшка, твой младший брат!

— Я в курсе, что Яшка — мой младший брат. Какого хрена тебе надо среди ночи? Я спал, между прочим.

— Брат, помоги! На нас напали! Их тьма!

— Кто напал на вас? — В голосе все еще было недовольство от прерванного сна.

— Я не знаю... это... это... это рейдеры! Вепрь сказал, что рейдеры в городе! Они Вепря убили!

— Вы там что, придурки, грибов опять обожрались? Или пьяные в стельку? Какие, на хрен, еще рейдеры?

— Ничего мы не обожрались, мать твою!!! — истерично завопил Яков.

— Это, между прочим, и твоя мать тоже, сучонок. Ты хотел самостоятельности? Хотел от меня не зависеть? Хотел вотчину свою? Я тебе все это дал. Так какого хрена ты от меня теперь хочешь?

— Брат! Ну ты же сука, брат! У меня большая часть бойцов в городе на зачистке! Помоги! Пришли помощь!..

В вагоне раздавались одиночные выстрелы на добивание раненых...

— Ты что, не слышишь?! Нас мочат!

— Ладно, дебил, сейчас вышлю помощь. Только не ради тебя, козел. А ради пацанов, которых ты своим дерьмовым руководством подставил. Жди...

В тоннеле воцарилась тишина. Слышен был лишь бой, продолжающийся на станции. И слышно было, как кто-то тяжело дышит у входа в это помещение. Кто-то, кто слышал, наверное, и его разговор с братом. И скорее всего, это тот, кто только что взорвал какую-то гремучую смесь и потом делал контрольные выстрелы его раненым подельникам.

Яков Чернов осмотрел комнату и понял, что в панике забыл свое оружие. Он сжал колени, пытаясь унять страстное желание описаться, и снова запихал в рот рукавицу, медленно пятясь при этом к стене. В помещение наконец вошел молодой человек с почерневшим от копоти взрыва самодельного напалма лицом.

Николай Васнецов направил на Чернова автомат.

— Не грызи варежку, ушлепок. Она еще живым пригодится.

Яков раскрыл рот, и рукавица выпала.

— Пацан. Не убивай меня, пожалуйста, — сквозь слезы прошептал главарь.

Николай покачал головой.

— А я-то думал: что за черновики такие, ужас на весь Екатеринбург наводят? Что за сила такая? Что за монстр ими руководит? А ты, оказывается, не монстр никакой. Просто высерок.

— Я... Я виноват... Я знаю. Но я исправлюсь. Проси чего хочешь.

— Я хочу, чтоб ты подох.

— Не надо. Ну не надо, пацан. Я рабом твоим буду...

Васнецов поморщился.

— В твоей поганой голове не возникло даже мысли, что надо быть человеком. Даже сейчас ты готов стать рабом, но не человеком.

— Я буду! — Чернов встал на колени. — Я буду человеком! Только не убивай!

— У тебя был шанс. Бог дал тебе шанс стать человеком, когда ты родился. Но ты им не стал. Второго шанса не будет.

Николай нажал на спусковой крючок и выстрелил главарю бандитов в грудь. Затем в голову. После этого Васнецов взял в руку микрофон рации:

— Кто меня слышит, прием.

Рация снова зашипела.

— С кем я говорю? — послышался голос старшего Чернова.

— Это Лев? Лев Чернов?

— С кем я говорю, мать твою?

— Слушай, урод, я Николай Васнецов, и я только что прострелил башку твоему тупому брательнику.

Рация ответила тишиной. Лишь спустя минуту старший Чернов ответил:

— Я повешу тебя на твоих же кишках, мразь. Я отрежу головы всем, кто тебе дорог...

— Захлебнешься пыль глотать, — усмехнулся Николай и, отбросив микрофон, ударил прикладом автомата по рации.

Он уже выходил из помещения, когда услышал странный голос:

— Какая удивительная у вас карма, молодой человек.

Николай вскинул оружие и развернулся. В комнате никого не было. Только запертая глухая железная дверь, ведущая в еще одно помещение. Васнецов, держа оружие наготове, одной рукой опрокинул стол, на котором стояла рация. Оказывается, все это время под столом прятался жутковатого вида лысый старик с покрытым давно зарубцевавшимися язвами лысым черепом. Он медленно простер вперед худющие руки с кривыми, скрюченными и очень длинными пальцами и поднял безобразное щербатое лицо. Глазные яблоки его были совершенно белы.

— Ты еще кто?

— Я? Только не вздумайте меня убивать, молодой человек. — Старик улыбнулся страшной беззубой гримасой.

— Это почему? Мне патронов не жалко. А тебе и одного удара прикладом хватит.

— Не пытайтесь казаться страшным. Я чувствую вашу карму. Вы не головорез. Вы блаженный...

Васнецов испуганно отшатнулся.

— Ты кто такой, черт возьми?

— Я оператор пси-излучателя. Меня нельзя убивать. Больше никто с этим излучателем обращаться не умеет. Он там, в соседней комнате. Без меня он не будет нормально работать. А без него в город вернутся крысы. Огромные чумные крысы.

— Как же ты с ним обращаешься, если ты слепой?

— Так на ощупь. За столько-то лет я научился видеть ушами, руками, своим биополем... Меня ослепило в первый же день первой же ядерной вспышкой в этом городе.

— А какого черта ты служишь черновикам?

— Ну так излучатель-то у них. И, юноша, я им не служу. Я служу великому пси-полю! Я служу вселенскому разуму. — Он развел руками и запрокинул голову. — Люди для него менее заметны, чем для людей вши. Люди ничто. Если нет разума. Но высший разум вечен.

— Что за бред? — поморщился Васнецов.

Старик вдруг резко вытянул руку в его сторону и произнес:

— Опасайся ведьмы!

— Какой еще ведьмы?

Получив удар ногой в спину, Николай пролетел вперед, роняя оружие, и, ударившись о стену, упал.

— Меньше болтай, старый идиот, — огрызнулась ударившая Николая женщина, облаченная в серый камуфляж. Она достала из ножен, прикрепленных ремнями к бедру, внушительный тесак. — А тебя, щенок, я сейчас потрошить буду!

Николай посмотрел в ее сторону и засмеялся:

— Это ты, что ли, ведьма?

— Что смешного, недомерок? Я ведьма!

— Тук-тук, ведьма! — раздался за ее спиной голос Людоеда. — Инквизитор пришел!

Она обернулась и увидела перед своим лицом огромный ствол дробовика, выстрел которого тут же снес ей практически всю голову.

— Твою мать! — Васнецов презрительно стал стряхивать с себя то, чем забрызгал его этот роковой для ведьмы выстрел.

— Глянь, блаженный, какой штуковиной разжился! — воскликнул Людоед. — СПАС-двенадцать. Это, мать его, ручная гаубица!

— Я же говорил, что вы блаженный, — прокряхтел, улыбаясь, старик.

— Это еще что за чудо-юдо? — Илья взглянул на оператора.

— Чокнутый какой-то, — пожал плечами Николай, вставая и поднимая свой автомат.

Старик подполз на карачках к Людоеду и схватил его за сапог.

— Эй! — рявкнул Крест. — Охренел, что ли?

Он сделал шаг назад.

— У вас тоже, молодой человек, удивительная карма. Я прямо чувствую. Сила нечеловеческая. Только есть у вас ахиллесова пята. — Он улыбнулся. — Бойтесь женщины! Только женщина способна вас погубить!

— Иди в это самое, старый, — хмыкнул Крест, затем обратился к Николаю: — Может, грохнуть его?

— Не надо, — махнул рукой Васнецов. — Он не опасен для нас. Это он за «генератором чудес» следит. Убьем его, и крысы вернутся в город.

— Да-да, — кивнул старик. — А это плохо не только для черновиков. Для всех плохо. Когда я их прогнал, они сбились в огромную стаю. И такой стаей и вернутся. Эх. — Он вздохнул. — Что-то тут стало многолюдно в плане трупов. Пойду я отсюда.

Старик пополз к железной двери и, уткнувшись в нее лбом, чертыхнулся.

— Вечно забываю, — пробормотал он, нащупывая в кармане своего белого халата ключи. — Вы, молодые люди, поторопитесь. База Льва Чернова тут недалеко. Они занимают комплекс бункеров под бывшим штабом округа. Скоро тут будут.

Он нащупал дверной замок и, вставив в него ключ, открыл его. Затем толкнул дверь, обернулся и, уставившись на Николая своими слепыми глазами, снова показал безобразную улыбку и, кивая, проговорил:

— Ад уже здесь... Поторопитесь... Вам надо выжить. Надеюсь, вы его взорвете. Он очень мешает вселенскому разуму.

— Кого взорвем? Кто мешает? — недоумевающим тоном спросил Васнецов.

Старик заполз в темное помещение и оттуда донесся его голос:

— ХАРП, конечно, кто же еще.

И он захлопнул за собой дверь.

Нечасто посещающее Людоеда удивление застыло на его лице, когда он уставился на Васнецова.

— Что это за хрен? — спросил он.

Николай лишь пожал в ответ плечами.

В помещение вбежал один из освобожденных ими пленников.

— Вот вы где, — запыхавшись, проговорил он. — На перроне вроде чисто. Что тут?

— Ублюдки заперлись дальше в тоннеле, — ответил Людоед. — Боятся нос высунуть. Не пойму, как эти идиоты весь город столько времени в страхе держали. Или вы такие дурни, что не могли одолеть их?

— Ну что, выкурим их? — спросил боец, пропустив мимо ушей обидную фразу.

— Там рабы и женщины с ними. Погубим их. Да и сил у нас мало.

— Так неужели мы им женщин оставим и не освободим их?

— Сколько нас человек? — нахмурился Людоед. — И то половина раненых. Сами поляжем тут и их не спасем. Банда старшего Чернова сюда идет. Ловушка захлопнется, и все.

— Так что делать?

— Сейчас надо быстро уходить и поднимать весь город.

* * *

Над Екатеринбургом занялся мрачный серый рассвет. Десяток бронемашин и несколько танков в сопровождении сотен пеших черновиков тянулись к станции метро «Площадь 1905 года». Двигались они по бывшему проспекту Ленина от комплекса штаба округа.

— Весело, — совсем невесело пробормотал Людоед, глядя в бинокль. Они расположились на массивном холме, образованном развалинами здания городской администрации. — Так, Варяг. Всех раненых грузите на БАТы и валите в логово Демидова.

— А ты? — Яхонтов уставился на Илью.

— Я попробую связать их боем и немного задержать.

— Ты в своем уме?! Глянь, сколько их!

— Да вижу я, чего орешь. Гранатометы есть. Пару танков спалить точно успею.

— Один?!

— Ну если кто в подмогу останется, я не откажусь. Но ты с ранеными без вариантов уходишь и уводишь машины. Больше пилотов, способных водить самолет, я не знаю.

— Я тоже останусь, — заявил Николай.

Людоед взглянул на него и усмехнулся.

— В твоей дурости, блаженный, я не сомневался.

— Мы тоже останемся, — один за другим подали голос пленники, которых выпустили из клеток Васнецов и Крест.

— А кто группировки ваши поднимет? Кто клич по городу пустит?

Илья недовольно посмотрел на них. Он еще что-то хотел сказать, но в этот момент под его шинелью раздались треск и шипение. Людоед извлек из внутреннего кармана портативную рацию, которую получил от рейдеров в Аркаиме.

— Эй, Ахиллес, ты еще жив? — послышался голос.

— Жив, всем чертям назло. А с кем имею честь общаться?

— Не узнал, что ли? — зазвучал смех. — Это Дитрих.

— Дитрих? Не скажу, что рад тебя слышать. Как там ваши печенья? Как крыса поживает?

— Все издеваешься? Ты лучше скажи, это твои люди на развалинах администрации города прячутся?

— Если эта гора — развалины администрации города, то мои. А что?

— А я вас вижу, — засмеялся Дитрих.

Людоед осмотрелся.

— Ты где вообще?

— В Екатеринбурге, конечно, где же еще. Доставку пиццы и локального ада заказывал?

— Если честно, то нет. Что ты вообще в городе делаешь? Тут постреливают. А для ваших утонченных натур это опасно.

— Иди ты к лешему, Ахиллес. — Судя по голосу, Дитрих не обижался. — Кончай язвить. Уводи срочно людей за развалины и прячьтесь. Сейчас такой фейерверк будет, закачаешься.

Крест снова осмотрелся и, вытянув руку в сторону соседней горы обломков, спросил у местных:

— Что там было?

— Театр эстрады вроде, — ответили ему.

— Быстро все туда! Живо! — скомандовал он и снова обратился к рации: — С чего такая суета, Дитрих?

— Так эта толпа не по вашу душу тянется разве? Мы по радиоперехвату слышали, что сын майора Васнецова грохнул одного из лидеров черновиков, о чем сразу сообщил по рации его брату. Тот теперь намерен выпотрошить все живое в городе. Мы их малость успокоим сейчас. О... Я смотрю, вы БАТы вернули? Молодцы! Я же говорил, что вы и без нас справитесь!

— Да, но без вас скучно было.

— Теперь скучать не придется.

— Сколько вас в городе?

— Очень много. Совет санкционировал спецоперацию. Мы с ними связались, еще когда от Ганиной Ямы ехали. Пристыдили вы нас шибко. Из Аркаима нам навстречу вышла колонна, и вот мы здесь. Крыса все равно подохла. Еще поймаем. Не беда.

— Прям день чудес сегодня какой-то, — хмыкнул Людоед. — У меня раненых много. Поможешь?

— Помогу. Через пару минут запустим зеленую ракету. Грузи раненых на БАТы, и пусть везут в сторону ракеты. Мы встретим. Полевой медпункт с нами. А сейчас хавайтесь по норам. Будет жарко.

Крест посмотрел в сторону быстро удаляющихся людей и двух инженерных машин, двигающихся к укрытию, которое он им указал. Затем еще раз взглянул в бинокль в сторону надвигающейся армады черновиков.

— Дитрих, ты памятник видишь?

— Какой памятник?

— Отцам-основателям. Татищеву и Де Генину.

— А, Бивес и Батхед, как его тут называют. Да. Вижу. А что?

— Не зацепите. Он после ядерных ударов устоял. Так вы не сломайте.

— Вот чудак. Тут жизни человеческие в опасности, а он за памятник беспокоится.

— Это история этих самых человеческих жизней. Не будь ты варваром. Сохрани достояние.

— Хорошо. Попробую. Конец связи.

Людоед вздохнул и посмотрел на Васнецова, который не ушел вместе со всеми.

— Меня ждешь, блаженный? — подмигнув, спросил он. — Ну пошли.

* * *

Росло напряжение, как и гул приближающейся техники врага. Всему этому подпевал заунывным воем поднявшийся ветер, резво шныряющий между руин Екатеринбурга и безжалостно гоняющий снежную пыль. Люди притаились в укрытии, прислушиваясь к шуму моторов. Позади раздался звук рассекающей холодный воздух осветительной ракеты. Крест посмотрел в ее сторону.

— Варя, вот туда раненых сейчас повезешь. Рейдеры встретят.

— Хорошо. — Яхонтов кивнул.

Послышался еще один звук. Точнее, не один. Это был словно хор огромных плотоядных чудовищ, расположившихся где-то совсем далеко и возвещающих о приближающейся смерти. Эхо этого воя разнеслось над городом.

— Что это было? — пробормотал Сквернослов. — Коля, ты слышал?

— Да это все слышали, — тихо ответил Васнецов, напряженно вслушивающийся во все, что мог уловить его слух. И он уловил быстро приближающийся с неба шорох. — Что это было, в самом деле?

— Я, кажется, узнаю этот звук, — улыбнулся Варяг. — Это...

Земля содрогнулась, передавая вибрацию руинам зданий, заставляя многие обломки сдвинуться с места. Яркая вспышка озарила серость лишенного солнца рассвета, и над развалинами бывшей администрации города встала стена бушующего огня. Тучи плотного пламени бурлили, обдавая спрятавшихся людей волнами тепла. Они снова и снова поднимались над замершими руинами, в считаные секунды испаряя вокруг лед, снег и попавших в зону поражения черновиков.

— Ад уже здесь... — пробормотал Николай, глядя на завораживающее буйство рукотворной стихии огня.

Сквернослов схватил Людоеда за рукав.

— Илья! Это что? Они что, атомную бомбу кинули? — взволнованно заговорил Вячеслав.

— Успокойся. Была бы это атомная бомба, мы бы с тобой сейчас без самолета на Аляску летели.

Огненный ураган утих через несколько минут, и над местом поражения занялись клубы дыма пожарища.

— Ахиллес, вы там как? Целы? — снова заговорил голос Дитриха в рации.

— Целы, — ответил Илья.

— А вот черновики не очень. Накрыло их капитально. Кстати, памятник в зону поражения не попал. Можешь быть доволен.

— Я доволен. Что это было?

— Буратино, — послышался ответ рейдера.

— Буратино? А Чебурашки у вас нету? — усмехнулся Крест.

— Блин, Ахиллес, ну ты же военный человек. Ты ведь должен знать, что такое тяжелая огнеметная система «Буратино».

— Да знаю я, — засмеялся Людоед. — Спасибо тебе, Дитрих. Уважил.

— С тебя причитается.

— Буратино. — Варяг кивнул. — Вот именно это я и хотел сказать.

12
ПТИЦА

Дым еще клубился, стелясь над оплавленным камнем и стерилизованным огнем грунтом, освобожденным ото льда и снега. Бронетехника неприятеля, попавшая под удар огнеметной системы, была изувечена до неузнаваемости. О том, чтобы найти останки людей, на которых обрушился весь этот ад, не могло быть и речи. Если вчера черновики вели охоту на людей среди руин давно разрушенного города, то теперь все разрозненные еще день назад группировки и малые общины прочесывали Екатеринбург в поисках деморализованных черновиков. Всюду были слышны выстрелы. Одиночные. Короткие очереди. Иногда перестрелки. Новый день стал последним для черновиков. И всего-то надо было, чтобы между людьми прекратились распри, и тогда оковы падут и тирании беспринципных чудовищ в человеческом обличье придет конец.

Сидевший на крыше БАТа Николай поежился от холода и пересел поближе к двигателю. Обе машины ехали вслед за луноходом по занесенным снегом улицам города.

— Правильно Славик сказал, — усмехнулся Васнецов. — Трепещите, люди. В город пришел Людоед.

— Ты о чем? — Крест полулежал рядом и смотрел на развалины, как всегда готовый к любым неожиданностям.

— Я о том, что достаточно было тебе появиться в этом Катином городе, как все тут изменилось.

— Так сложились обстоятельства. Я тут ни при чем. — Илья пожал плечами.

— Да ладно скромничать-то.

— Ты лучше вот что скажи, Коля. О чем ты думал, когда, замочив Чернова-младшего, тут же напел об этом старшему по рации? — Людоед взглянул на Николая.

— Да ни о чем. Просто эмоции... А что не так?

— Дело в том, что если бы ты этого не сделал, то Чернов-старший действовал бы по-другому.

— А как бы он действовал?

— Ну, во-первых, он не отправил бы такую толпу на выручку. И сам бы не пошел в надежде схватить убийцу своего брата. А вышло так, что он поднял огромную армию и сам ее возглавил. И технику потащил. В итоге их всех накрыло залпом «Буратино».

— То есть я поступил правильно?

— Да нет, блаженный. Ты поступил, как всегда, по-идиотски. Просто, как всегда, это обернулось везением для нас. Н-да. Удивительная карма. — Людоед снова уставился на руины. — Что думаешь о том слепом старике?

— Да я не знаю. Странный сумасшедший старик. Жаль его.

— А ты в курсе, что после того, как рейдеры вычистили ту станцию метро, то никаких следов этого немощного там не нашли?

От этой новости Николай почувствовал еще больший холод.

— А генератор? Генератор чудес? — спросил он взволнованно.

— Его тоже. Кабель нашли в подземке, а генератора нет. И разве ты не чувствуешь, что тот странный зов пропал?

— Но так ведь и крысы вернутся.

— Не знаю, Коля. — Людоед пожал плечами.

Колонна обогнула большое полуразрушенное здание. Взору предстали лежащие на окрашенном в кровавый цвет снегу растерзанные тела.

— Что тут было? — поморщился Васнецов.

— Похоже, собаками их затравили. И кажется, это трупы черновиков. — Крест нахмурился.

У соседнего здания группа вооруженных людей ставила к стенке два десятка пленных.

— Какого черта, — пробормотал Николай.

— Эй! — Людоед поздно спохватился, Васнецов уже спрыгнул на ходу с машины в снег и бросился к людям. — Черт тебя подери...

— Стойте! Прекратите! — орал Николай, проваливаясь по колено в снег. — Остановитесь!

Вооруженные люди, облаченные в какие-то лохмотья, обернулись.

— Тебе чего, пацан? — спросил один из них, направив на него охотничью вертикалку.

— Вы что делаете?!

— А ты не видишь, что ли? Кончаем этих чернушных ублюдков. Все! Баста! Кончилось их время! Свобода!

Люди подхватили этот эйфорийный крик и стали свистеть и улюлюкать. Только пленные пугливо жались к стене и непонимающими глазами смотрели на Николая.

— Но так ведь нельзя! Они пленные! Они без оружия! Все! Вы победили! — Васнецов старался перекричать этих людей.

Сзади захрустел снег. Васнецов обернулся и взглянул на подошедшего Людоеда. Тот спокойно встал в сторонке и, скрестив руки на груди, молча взглянул на него, давая этим взглядом понять, что Николаю нечего ждать от него поддержки, а следует действовать своими умом и рассчитывать лишь на себя.

— А ты кто вообще такой? — Человек с вертикалкой нахмурился. — Тебе чего надо вообще?

— Я Николай Васнецов! — Он нахмурился в ответ и сделал шаг вперед.

Другой из расстрельной команды схватил первого за рукав и тихо пробормотал:

— Это же те двое, что резню устроили и Черновых кончили.

— Вот как? — Первый чуть успокоился и опустил оружие. — А чего кипишите? Чего падаль эту жалеете?

— Да просто не по-людски это, — развел руками Николай.

— А они по-людски поступали?! — воскликнул второй.

— Да, но то они. А вы их заменить решили?

— А ты что предлагаешь, блин? Амнистию объявить выродкам? Кормить их еще задарма? Или отпустить их на все четыре стороны, чтобы они новую банду сколотили и устроили нам реванш? А?!

— Нет, но...

— Ну вот и все!

— Слышь, земляк, — подал голос Людоед. Говорил он тихо, но тоном, не терпящим возражений. — Посмотри вокруг. Работы море. Океан работы. Каждая пара рук — это бесценный дар. Пусть трудятся на благо общества и трудом искупают свою вину перед вами всеми. Как тебе такой вариант?

Люди задумались. Второй снова дернул первого за рукав.

— Слушай, а неплохая мысль. И патронов тратить не надо. Пусть ишачат...

— Верно, — кивнул первый. — Слышали, уроды?! — крикнул он, обернувшись к пленным. — Труд делает свободным! Arbeit macht frei!!! Вкалывать, суки, будете, как проклятые!!!

— Пошли отсюда, — тихо сказал Николаю Илья, увлекая его за собой к остановившимся машинам.

Там уже ждал их вышедший из лунохода Варяг.

— Вы чего там? — спросил он.

— Да вот, на блаженного опять меланхолия напала, — усмехнулся Крест.

— А по-твоему, я не прав был?! — воскликнул Николай.

— Я этого не сказал. — Илья нахмурился.

— А что тогда?!

— Эти черновики ведь не тебя тиранили годами. Ты поставил бы себя на место местных. Я согласен, что расстреливать пленных скотство, но вот так уж сложилось. Ты прав, но лезешь на рожон зря.

— Ладно, поехали уже, — махнул рукой Варяг и двинулся в луноход.

— Как там Славик? — спросил его Васнецов.

— Спит, отлеживается. Рейдеры ему кучу уколов сделали и нос вправили. А так вроде кости целы.

Николай и Крест вернулись обратно на крышу БАТа. Обе машины вели люди Дитриха. Однако его самого путешественники пока не видели.

Колонна миновала еще пару кварталов. Частичные разрушения зданий говорили о том, что они все ближе к окраине Екатеринбурга. Мимо прошла пешая колонна вооруженных людей. Они шли строем, воодушевленные концом тирании черновиков. Над людьми развевались различные флаги. Такие Николай уже видел в Москве, на Доме Советов. Увидев сидящих на замыкающей машине Людоеда и Васнецова, люди радостно закричали и замахали руками, подбрасывая вверх шапки. Кто-то, несмотря на вопиющее расточительство, даже стрелял в воздух из своего оружия, приветствуя новых героев Екатеринбурга. Людоед поднялся на ноги и, держась левой рукой за стрелу крана, приложил правую руку к голове, салютуя людям воинским приветствием. Толпа еще более восторженно зашумела. Некоторые выходили из общей массы и отвечали Людоеду воинским приветствием. Видимо, бывшие военные.

Когда машины уже миновали колонну людей и крики позади стали стихать, Илья снова присел рядом с Васнецовым.

— Видал? — усмехнулся он, кивая в ту сторону. — Есть что-то хорошее в этом мире.

Николай покачал головой.

— Представляю. Пройдут годы. Человечество возродится. Город отстроят. Построят школы имени Людоеда. Улицы имени Людоеда. Собор Святого Людоеда. И нарекут этот город Людоедобургом.

Крест расхохотался так, как, наверное, еще не смеялся со времени их знакомства в Москве, в карантине у конфедератов.

Колонна машин выехала на перекресток и остановилась. Им перегородил путь другой луноход. Справа показалась странная машина. Это было что-то на шасси танка Т-72, только вместо башни у него был огромный контейнер.

— А вот и тот самый ТОС «Буратино», — хмыкнул Крест.

Машина проехала, и за ней следовал еще один луноход рейдеров. Следом тянулось пять МТЛБ, на каждом из которых сидели по пять рейдерских бойцов. Потом тянулись БМП и БМД. Половина из них тащила на буксире сто пятьдесят вторые БТРы, на крышах которых восседали вооруженные бойцы и держали под прицелом десантные отделения машин, на которых находились. Когда колонна прошла, из перегородившего дорогу лунохода вышел рейдер и, что-то сказав водителю, направился к БАТам. Луноход двинулся следом за колонной. Проходя мимо головной машины, в которой сидел Варяг, рейдер жестом указал, что надо ехать следом за колонной. Когда рейдер подошел к замыкающей машине и снял капюшон и маску, то стало ясно, что это Дитрих. Он натянул на голову вязаную черную шапку и, скомкав снежный ком, швырнул его в Людоеда, при этом ехидно улыбаясь.

— Что скалишься, морда арийская? — засмеялся в ответ Илья, уворачиваясь от снежка.

Дитрих залез на БАТ и уселся рядом. Колонна двинулась дальше.

— Молодцы мы, а? — Дитрих продолжал улыбаться.

— Вы молодцы? — наигранно оскорбляясь, воскликнул Людоед. — Это с какого недоразумения? А?! Это мы с Коляном все провернули.

— Да ладно, — усмехнулся рейдер. — Кто спорит-то? Молодцы вы, право слово. Но если бы мы не подоспели...

— Ну, хватит уже, — отмахнулся Илья, — главное — результат. А кто, что... Главное — дело благое сделали.

— Да уж, — презрительно фыркнул Николай.

— Чего это он? — Дитрих кивнул на Васнецова.

— У него стойкая идиосинкразия к реальной действительности, — усмехнулся Людоед.

— Давай по-русски, — поморщился рейдер.

— Короче, слушай, Дитрих, что я тебе скажу. Мы тут расправу над пленными предотвратили. Но это только цветочки, попомни мои слова.

— Что именно ты хочешь сказать, Ахиллес?

— Сам посуди. Сейчас они получили свободу. Черновики разгромлены. Остались кучки недобитков. Сейчас люди вздохнули полной грудью. Праздничная эйфория. Братания. Но очень и очень скоро эта блажь пройдет и действительность возьмет все в свои руки. А действительность всегда прозаичнее и мрачнее. Все эти люди, группировки, начнут делить город. Начнутся позабытые на время споры о том, чья идеология единственно правильная. И тогда они вцепятся друг другу в глотки мертвой хваткой. И снова будет бойня. Разве не понятно?

— Прав ты, что и говорить, — вздохнул Дитрих и покачал головой.

— Ну так займитесь этим вопросом. А то я смотрю, вы уже сваливаете из города.

— Мы не сваливаем, — возразил рейдер. — Это прошла одна колонна. У нас тут еще много подразделений, техники и полевой госпиталь остаются. А мы просто уводим «Буратино», который уже тут не нужен. И колонну бронетехники с пленными черновиками на аэродром тянем.

— Зачем пленных туда? — Васнецов повернул голову.

— А пусть работают. Бревна растаскивают. Два БАТа хорошо, но сотня рук в придачу еще лучше. Разве нет? Плюс у нас еще подразделение химиков и биозащиты у Ганиной Ямы. Две МТЛБ туда тянут хлорпикрин, что вы нашли в метро.

— А это еще зачем? — поинтересовался Людоед, закуривая.

В ответ Дитрих извлек из подсумка небольшой пузырек с прозрачной жидкостью.

— На. Держи. Может пригодиться. Сильнодействующее эфирное снотворное. Мы к Яме четыреста литров этого вещества привезли. Попробуем накрыть колонию крыс. Взять несколько образцов, а остальных напалмом. Стерилизуем там все. Хлорпикрин может пригодиться в этом деле.

— Ну ладно. — Людоед выпустил клуб дыма и снова затянулся. — Мы от темы ушли. Я говорю, возьмите город на контроль. Установите тут законность человеческую. Объедините людей. Помогите им с идеей. Займите их созидательным чем-нибудь. Ведь опять в братоубийственной мясорубке сойдутся.

— Мы это обсудим на совете. — Дитрих кивнул.

— Что? — Илья поморщился. — Да вы хреновы бюрократы! Сколько времени пройдет?! А этот праздничный угар свободы не сегодня, так завтра сменится желанием одних доминировать над другими и новой враждой! Тут нельзя тянуть!

— Ишь какой шустрый. С кондачка тут тоже нельзя наскоком. Как они нас воспримут? Одно иго свергли, другое пришло? Надо все грамотно обставить.

— Так и надо быстрее, пока они не забыли, кто их освободил от черновиков. Пока вы на виду как освободители. А то, знаешь, людская память на добро короткая. Сколько уроков истории было. Помогали, помогали, а те потом в учебниках истории писали, что это оккупация была.

— Ну а я про что? Правильный подход нужен.

— И быстрее, — продолжал наседать Илья. — Или так и будете до скончания времен в норе своей сидеть? Пора уже развернуть деятельность.

— Ну ладно, ладно. С аэродрома на связь выйду. Там ближе к базе и связь получше. Все доложу Святогору.

* * *

Когда БАТы въехали на территорию старого аэродрома, там уже кипела работа. Надо отдать должное рейдерам. Они быстро организовали выгрузку пленных черновиков из транспорта, и те уже, пугливо озираясь на своих конвоиров, многие из которых были в причудливых и пугающих костюмах, расчистили главные ворота ангара, в котором находился Ил-76. Работа кипела. Они продолжали голыми руками или волоком, на веревках, растаскивать бревна и сваленные деревья. Рейдеры в спецкостюмах стояли почти неподвижно, оцепив зону работ. Они лишь изредка, не спеша водили стволами своего оружия из стороны в сторону. А иногда целились в тех пленных, что имели неосторожность разглядывать их. Остальные бойцы братства, которые были одеты лишь в теплую военную одежду, сновали между пленными и постоянно кричали на них:

— Шевелитесь, собаки! Живее, твари! Кто не может работать, получит пулю в лоб! На хрен вы нам нужны немощные!

После заправки топливом БАТы также включились в работу. Николай и Людоед присели на бревно, которое лежало на снежном бархане в стороне от освобождаемой взлетной полосы. К ним быстрым шагом двигался Варяг.

— Ну, как настроение? — пробормотал он, подойдя и нервно щупая карманы своего бушлата.

— Да мы-то еще куда ни шло, — усмехнулся Крест. — А вот ты вообще комок нервов, я смотрю.

— А ты как думаешь, каково мне? — Он достал наконец трубку, которую искал, и, забивая ее табаком, оглянулся на ангар. — Такими темпами часа через три уже взлетать.

— Волнуешься?

— Еще бы. Дай огня.

Людоед поднялся и, достав из шинели зажигалку, помог Яхонтову прикурить.

— Брат, не мандражуй, — спокойно сказал Крест. — Все нормально будет.

— Неужто полетим? — спросил Яхонтов, выдыхая густой дым.

— Это мы у тебя спрашивать должны, Чкалов ты наш, — засмеялся Людоед.

Варяг задумался. Взглянул в глаза Людоеду. Затем посмотрел на задумчивого Николая.

— Полетим, — вдруг спокойно произнес он. — Не будь я, черт возьми, Варяг Елисеевич Яхонтов.

— Вот это правильно, — улыбнулся Крест.

— Ладно, парни, пойду займусь проверкой самолета. Смотрите на рейс не опоздайте. — Варяг подмигнул и пошел к ангару.

Работа на взлетной полосе продолжалась. Кто-то из пленных, видя, как справляются БАТы, оторвался от очередного бревна и обратился к ближайшему надзирателю:

— Может, поблажку нам дадите? Хоть на пять минут перекур! Сколько можно уже! Вон машины как работают!

Ответом быстро подошедшего к нему рейдера был удар прикладом автомата под ребра.

— Это машины, которые вы у нас украли, твари мерзкие! — заорал надзиратель на упавшего пленника. — Поблажки, сука, захотел?! А много поблажек вы давали своим невольникам?! Скольким вы клейма на лбу выжгли?! Сколько женщин у вас сгинуло?! А ну встать, мразь безродная!!!

Упавший черновик вскочил на ноги и внезапно вцепился руками рейдеру в горло. Однако надзиратель не растерялся и, ткнув бунтарю стволом автомата в живот, нажал на курок. Добив упавшего пленника выстрелом в голову, рейдер вдруг застрелил еще двух черновиков, находящихся поблизости. Все

невольники замерли, боязливо оглядываясь на массу вооруженных людей вокруг.

— Запомните, свиньи! — заорал казнивший пленного рейдер. — Если кто из вас, скотов, еще решит взбунтоваться, тот умрет! И еще умрут двое ближайших от него придурков! Так что смотрите друг за другом, если жить хотите! А сейчас за работу, падаль! За работу, сукины отродья!

Николай вздохнул, повесив голову.

— Быстрей бы убраться отсюда подальше.

— Осуждаешь? — хмыкнул Людоед.

— Не одобряю.

Стоявший шагах в двадцати облаченный в доспехи рейдер повернул голову.

— Скоро улетите и забудете об этом, — донеслось из его фильтров.

— Слушай, братан. Я вот в девятом классе однажды пришел в школу очень рано утром и запихал во все замки спички. Чем сорвал уроки, — заявил ему в ответ Илья.

— И что? — равнодушно спросил рейдер.

— До сих пор не забыл. Прикинь.

* * *

Огромные недра самолета внушали благоговейный трепет. Николай чувствовал себя так, словно оказался в утробе огромного живого существа. С той лишь разницей, что тут ничего ужасного не было. Рейдеры вытянули БАТами самолет из ангара и подкачали колеса шасси. Луноход уже был закреплен в грузовом отсеке. Теперь рейдеры зачем-то затаскивали в отсек и лишенный гусениц и оружия ржавый корпус БМП.

— Варяг! Зачем нам этот металлолом?! — крикнул Илья суетящемуся на погрузке Яхонтову.

— Потом узнаешь, — нервно отмахнулся искатель. — Так, Славик! Славик!

— Чего? — сонно отозвался сидящий в углу на мешке Сквернослов. Похоже, действие рейдерских препаратов еще не отпускало.

— Ты как?

— Как собака побитая.

— Иди в кабину. Оттуда спустишься в кабину штурмана. Там я матрас постелил. Отлеживайся. Но потом мне помощь твоя нужна будет. Все, иди!

— Ладно...

— Коля! Коля! Васнецов, черт тебя дери!

— Что такое!

— Иди помоги ему! И жди меня там, в кабине!

— Хорошо, — проворчал Николай и двинулся вслед за Славиком. Догнав его, он замедлил шаг, чтоб идти в такт хромающему Вячеславу.

— Слушай, Колян, спасибо, что вытащили нас. Я так и не поблагодарил, — произнес Сквернослов.

— Да не за что.

— Как вам это удалось? Просто чудеса какие-то.

— Пути Господни неисповедимы, — хмыкнул Николай. — А мои пути и мне иной раз неведомы...

Добравшись до кабины пилотов, Николай помог брату спуститься в штурманскую и стал с интересом разглядывать пугающую количеством табло, шкал и переключателей панель.

— Тут удобнее, чем в луноходе, — послышался снизу голос.

— Да, — кивнул Николай. — Отдыхай давай.

— Да сколько ж можно отдыхать, — прокряхтел Сквернослов. — Тем более я никогда не летал. И не думал, что доведется теперь. Не хочу самый смак пропустить. Ты только подумай, Колян. Эта хреновина должна подняться в воздух! Да эта птичка больше всего нашего Надеждинска!

Спустя какое-то время в кабину вошли Варяг и Людоед.

— Ну, момент истины, — вздохнул Яхонтов, садясь в кресло пилота. Он повесил на шею большие наушники и отогнул микрофон ближе к лицу. — Техконтроль! Как меня слышно?

— Хорошо слышу, Варяг, — донеслось откуда-то из динамика в кабине. — Питание в норме?

— Вроде да, — ответил Яхонтов.

— Вроде?

— В норме. Нормально все. — Варяг нервно дернул головой. — Давай еще раз пройдемся.

— Ладно. Наблюдаю.

— Закрываю рампу. — Яхонтов проделал манипуляцию с приборами. Послышался гул, ощутилась легкая дрожь корпуса.

— Есть, — ответил техконтроль. — Рампа закрылась без замечаний. Без рывков. Плотно.

— Хорошо. — Яхонтов вытер пот со лба. — Смотри на крылья.

— Наблюдаю.

— Предкрылки. — Варяг стал проводить новые манипуляции с приборами и штурвалом.

— Работают нормально, — ответил динамик.

— Так, хорошо. — Напряжение Яхонтова росло. — Теперь... Предкрылки на четырнадцать градусов.

— Есть, подтверждаю.

— На двадцать пять градусов.

— Точно работает.

— Отлично. Теперь закрылки.

— Механизация в норме.

— На пятнадцать градусов.

— Есть.

— На тридцать.

— Есть.

— Сорок три градуса.

— Есть. Подтверждаю.

— Тормозные щитки?

— Работают. Механизация крыла и гидравлика в идеальном состоянии. Мы за ним следили все эти годы, не сомневайся.

— Да-да, — буркнул Варяг. — Теперь хвостовое оперение.

— Все в норме.

— Хорошо. Какая температура воздуха?

— Минус сорок шесть. Допустимая для взлета.

— Ветер?

— Боковой. Порывистый. Четыре в секунду. Допустимо.

— Хорошо. — Варяг сделал глубокий вдох. — Так, Николай, сядь в кресло второго пилота.

Васнецов удивленно уставился на Яхонтова.

— Ты чего? Я же не умею...

— А тут и уметь нечего! — Яхонтов повысил голос. — Это как на велосипеде. Видишь табло? Спрошу скорость, назовешь цифру. Понял?

— Да, — растерянно ответил Николай, садясь в кресло.

— И пристегнись! Илья! Тоже сядь, вон кресло сзади. И пристегнись!

— Ладно. — Крест улыбнулся.

— Так! Техконтроль!

— На связи.

— Убрать людей и технику. Произвожу запуск внешних двигателей!

— Уже все убрано. Ждем.

Яхонтов снова стал колдовать над приборами. Послышался гул. Затем он стал медленно превращаться в свист. Затем в визг. И вдруг шум заполнил все вокруг.

— Запела ласточка, — улыбнулся Варяг.

— Охренеть! Здорово-то как! — раздался возглас Сквернослова снизу.

— Славик, заткнись, ты мне мешаешь! Внимание! Произвожу запуск внутренних двигателей!

Сквозь какофонию уже работающих турбин послышался гул, затем свист, затем визг и грохот двигателей усилился.

— Все нормально, Варяг, — произнес техконтроль через некоторое время. — Никаких нарушений не наблюдаем.

— Спасибо.

— Эй! Варяг! А чего мы не летим?! — послышался крик Вячеслава.

— Заткнись, говорю! Мешаешь!

Яхонтов еще какое-то время наблюдал за приборами. Чем-то щелкал. Удовлетворенно хмыкнул. Затем снова сделал глубокий вдох и медленно отвел от себя стойку штурвала, при этом плавно отпуская тормоза.

— Внимание! Режим взлетный!

— Удачи, ребята! Храни вас Бог! — послышался голос из динамика.

Затем знакомый голос Дитриха:

— Парни! Вся надежда на вас! Ждем вас в гости на обратном пути! С Богом!

Николай увидел, что все за окном пришло в движение. Сначала медленно поплыли унылые заснеженные леса. Бревна, убранные со взлетки. Собранные БАТами сугробы. Стоявшие вдоль полосы изможденные работой пленные черновики. Охранявшие их рейдеры и их машины. Скорость росла, и уже невозможно было различить детали. Огромная крылатая машина разгонялась, надрывно ревя двигателями, тянущими массивную тушу вперед по взлетной полосе. Секунды растягивались в минуты, и казалось, что этот шум и бесконечный разбег будут вечными.

— Мы взлетим когда-нибудь или так поедем? — снова донеслось из штурманской кабины.

— Заткнись!!! — заорал напряженный до предела Варяг. — Коля! Хватит по сторонам смотреть! Скорость!

— А... Двести!

— Мало!

— Двести десять!
— Мало!
— Как — мало?! Полоса вон кончится скоро!
— Заткнись!!! Скорость!!!

Ил-76 мчался под завороженными взорами людей, для которых эта картина была самой фантастической за последние годы, когда о сгинувшей цивилизации напоминали лишь руины городов и оружие, исправно делающее свою работу по уничтожению живых еще людей. Но здесь они видели самолет. И не обломки рухнувшей в тот роковой день от воздействия ядерного взрыва стальной птицы. А живой, рвущийся в полет самолет. В полет, от которого зависела судьба всех, кто еще оставался среди живых.

— Скорость!!!
— Двести тридцать пять!
— Отрыв!!!

Самолет взмыл над последними двумя десятками метров взлетной полосы. Николай почувствовал, как его желудок резко устремился вниз, и вжался в кресло. Так и должно быть?

— Высота!!!
— А где высота?!
— Да вот высота, черт тебя дери!!!
— Двадцать! Двадцать два!
— Убираю шасси!!!
— Мужики! Тут деревья! — заорал Сквернослов.
— Что — деревья!!! — заорал Варяг.
— Я вижу, как под нами проносятся деревья! Красота-то какая!
— Черт! Ты идиот, Славик! Заткнись! Коля! Скорость!
— Триста!
— Высота!
— Девяносто!
— Мало!
— А чего мало?!
— Заткнись! Скорость!
— Триста тридцать!
— Высота!
— Сто двадцать пять!
— Убираю механизацию!
— Чего убираешь?! Куда?!
— Не мешай, черт тебя дери!

Раздался гул гидравлики. Позади тихо смеялся Людоед.

— Скорость!

— Четыреста десять!

— Высота!

— Сто шестьдесят пять!

— Перевожу внутренние двигатели в номинальный режим!

— Чего? Ты кому это говоришь?!

— Я сейчас кому-то врежу!!! Не мешай!

Варяг стал прислушиваться к работе двигателей и внимательно смотреть за приборами. Пот с него лился ручьями.

— Перевожу внешние двигатели в номинальный режим, — чуть спокойней сказал он и зажмурился. Затем открыл рот и истошно завопил: — А-а-а!!!

— Что! Что такое! — Васнецов едва не выскочил из кресла, но ему помешали ремни. — Что случилось!

Из штурманской кабины вопил Сквернослов:

— Что, все?! Все, да?! Абзац?! Шандец нам всем?!

— Нет, братцы, мать вашу за ногу! Нет, черт бы вас всех подрал! Мы летим! Мы, мать вашу, летим, голодранцы вы хреновы! Мы летим!!! ЛЕ-Е-Е-ТИМ!!!

И тут он от восторга разразился такой матерщинной бранью, что даже Сквернослов был шокирован. Васнецов облегченно вздохнул и, обернувшись, взглянул на Людоеда. Тот сидел, откинувшись на спинку кресла, и тихо смеялся. Поймав на себе взгляд Николая, он прикрыл глаза и стал медленно стягивать с головы берет, вытирая им огромные капли пота на лице.

Гул двигателей стал ровнее. Он больше не оглушал после перехода в номинальный режим. Из штурманской кабины показалась голова Вячеслава.

— Твою мать, Варяг, старый ты пердун! Это мы так взлетали?! Как же мы садиться будем?!

Яхонтов расслабился, откинувшись на спинку своего кресла, и усталым, но довольным голосом произнес:

— Заткнись, Славик. Не мешай.

Огромная птица рвалась к серым тучам, венчающим небо многие годы. И быть может, впервые за эти долгие годы в небо стремилась рукотворная птица людей.

* * *

Николай как завороженный смотрел на приближающийся свинцовый свод облаков. Самолет стремительно рвался ввысь. Варяг не хотел набирать большую высоту из-за того, что не

было известно, насколько теперь разрежена атмосфера. Однако то, что облачный покров был достаточно низок, позволяло попытаться выбраться из этого вечного пасмурного полумрака в чистое небо, где можно было ориентироваться по солнцу. И вот высота полтора километра. Васнецов до сих пор толком и не осознал, что они в небе. Они летят. Летят на самолете. И происходит это не во сне. Не в фантазиях. А в их замерзшем мире. Через двадцать лет после того, как тысячи ядерных зарядов рвали землю, сносили города, испепеляли людей. Через двадцать лет после того, как ничего не осталось, кроме горсток выживших людей, самолет мчался ввысь. Словно гордая птица, рвущаяся из плена, из ледяной серой клетки, туда, где ее стихия и солнце. Все выше и выше.

Высота две тысячи метров. Казалось, скоро самолет врежется в неприступный серый клубящийся потолок и развалится от удара о твердь. Варяг выглядел совершенно спокойным. Нет, конечно, он был напряжен. Но по сравнению с тем, как он выглядел во время взлета, сейчас он был воплощением монументального спокойствия.

Две тысячи пятьсот метров. Скоро уже три километра будет. Облака все ближе. Дом и земля все дальше. Где-то внизу проносились замерзшие леса. Разрушенные города. Люди, доживающие свой век в мыслях о добыче еды и о том, что надо как-то согреться. Там, внизу, все скверно. А что за этим серым сводом?

Ил-76 влетел в облака. Вот они. Всего в метре. За герметичным корпусом. За толстым остеклением кабины. Те самые облака, которые все эти годы невозмутимо и презрительно взирали на них, выживших, со своей высоты, лишая солнечного света и тепла. Но теперь человек добрался до них и безжалостно таранит корпусом своей стальной птицы, рвущейся ввысь.

Николай испуганно заслонил лицо руками. Все в самолете зажмурились и отвернули лица. Облака кончились неожиданно, и самолет вынырнул из того мрачного мира в совершенно прозрачную ирреальность, прямо навстречу ослепительно-яркому диску солнца, которое, словно обрадованное встрече с людьми после многолетней разлуки, казалось, бросилось само им навстречу, спеша заключить путников в яркие объятия своих лучей.

Васнецов не помнил ничего, что было бы настолько чистым, как эта бесконечная пустота разверзнувшейся бездны не-

ба. Темно-синее в зените, все более светлое ближе к горизонту и розовато-желтое там, где чистое небо вступало в борьбу с неприступной цитаделью туч.

— Господи, красота-то какая, — вырвалось у Николая.

Варяг улыбнулся.

— Любуйтесь, друзья. Не скоро нам такое увидеть доведется. Нам ведь опять на грешную землю надо будет.

— Это не земля грешная, — подал голос поднявшийся из нижней кабины Вячеслав. — Это мы грешные.

Он уставился на горизонт, щурясь от непривычно яркого света.

Людоед развернул карту. Посмотрев на нее, он взглянул на часы и на солнце.

— Варяг, давай правее на сорок пять градусов, — сказал он наконец.

— Точно?

— Да. Точно. И держись этого курса. А то на Северный полюс улетим.

— Ты по часам сверялся?

— Да. И время местное. Я свои часы сверял с рейдерами. У них же в Аркаиме какие-то атомные или изотопные, или как их там, у которых погрешность в шесть секунд на миллион лет. Так что доверься мне. Меняй курс.

Самолет продолжал постепенно набирать высоту и при этом чуть кренился вправо, переходя на новый курс. Внизу медленно проплывал ковер непроницаемого облачного покрова. Отсюда он не казался таким мрачным, как снизу. С высоты пяти тысяч метров он выглядел как стелющаяся белоснежная пена. Белее, чем вечный снег там, внизу, в мрачном мире, из которого они вырвались на короткий срок. Ил-76 продолжал набирать высоту. Но все, что они видели вокруг, казалось, замерло, а самолет просто повис, гудя двигателями, на одном месте. Но так лишь казалось.

— Какая высота?! — Варяг вдруг напрягся.

— Семь семьсот, а что? — ответил Васнецов, вынужденный отвлечься от лицезрения всего этого великолепия. Он машинально назвал цифру с табло, даже не отдавая себе отчета в том, какая пропасть сейчас между ним и землей.

На панели что-то заморгало, и монотонный гул двигателей стал несколько иным.

— Что случилось? — спросил Людоед.

— Помпаж! Четвертый двигатель вырубился!

— А на трех нельзя? — спросил встревоженный Сквернослов.

— Нельзя на них нагрузку давать! Все захлебнутся! Воздуха тут мало им! Я снижаюсь!

Самолет снова стремительно рвался к облакам. Но на сей раз не для того, чтобы вырваться из сумеречного плена. А для того, чтобы нырнуть в него. Васнецов поморщился. Неужели опять эта серость? Так не хотелось возвращаться из этих радующих взор и душу чистоты и света в привычный опостылевший мир постъядерной зимы.

— Высота?

— Шесть пятьсот.

— Так. Пробую запустить.

Четвертый двигатель засвистел и присоединился к своим собратьям, снова составив с ними гудящий квартет.

Варяг облегченно вздохнул.

— Кажись, пронесло. Тут все работает как надо. Идем на этой высоте. — Он наконец снова улыбнулся. — Хорошо, что на этом самолете автоматика установлена. Я мог и не успеть сообразить. Автомат сам двигатель вырубил.

— А если бы не автомат? — спросил Николай.

— За несколько секунд температура газов в турбине возросла бы. Ну и сорвавшийся поток воздуха еще. Короче, двигатель мог разрушиться. Я бы просто мог не успеть среагировать. Странно вообще. На такой высоте и помпаж. — Яхонтов потер ладонью бороду. — Хотя чему удивляться после всего, что было. Атмосфера разрежена ближе к земле теперь. Тут главное — с перепугу не увеличивать тягу остальных двигателей, компенсируя потерю одного. Иначе помпаж накроет их всех. И привет. Если не взрыв двигателя, то в любом случае скорость постепенно упадет до критической. Скорость сваливания. И будем лететь, как рояль с двенадцатого этажа. Только дольше и трагичнее.

— Сплюнь, — нахмурился Вячеслав.

Николай слушал Варяга и все эти странные термины и чувствовал дискомфорт, оттого что не мог толком понять, о чем речь.

— Слушай, Варяг, расскажи про все это, — сказал он.

— Про что?

— Про то, как самолетом управлять. Про скорость сваливания и все остальное.

Яхонтов усмехнулся.

— Ишь ты. Ну ладно. Кому-то ведь свои знания передавать надо. Чай немолодой уже. Короче, слушай. На самом деле ничего сложного в этом нет, как может показаться на первый взгляд. Сложно все вот это барахло. — Взмахом руки он указал на бесчисленное количество приборов. — А вот взлететь и лететь — это как на велосипеде. Слушай, короче...

* * *

Николай слушал внимательно, то и дело поглядывая на элементы приборной панели, про которые упоминал Варяг. Но при этом он еще и умудрялся продолжать свое любование чистым небом.

— До захода солнца успеем? — спросил Людоед. — Не в темноте ведь садиться.

Варяг сверился с картой, часами и цифрой пройденного в полете расстояния.

— Должны успеть. Я увеличу тягу двигателей. Прибавлю скорости.

— А топлива хватит?

— Садиться будем на парах, — усмехнулся Яхонтов.

Солнце уже давно не светило в лицо. Оно было теперь где-то позади и снижалось к горизонту, отчего линия, разделяющая тучи и небо, окрашивалась в огненные багряные тона. Небесный зенит стал еще темнее, и наверху появились странные светящиеся точки. А чуть справа от курса самолета, на ладонь выше от горизонта, странный тусклый полумесяц.

— Это луна? — с замиранием сердца спросил Николай.

— Она самая. — Яхонтов кивнул.

— Ребята так на ней и не побывали. — Сквернослов вздохнул. — Бедные Андрей и Юра, земля им пухом.

— А это звезды? — Васнецов устремил взгляд на мерцающие точки в зените, которых становилось все больше.

— Звезды, — подтвердил Людоед. — Варя, мы так в ночь скоро влетим. Имей в виду.

— Я знаю. По моим прикидкам, будет вечер, когда садиться придется. Снег не даст быстро стемнеть. Да и посадочно-рулежные фары есть. Разгляжу, куда падать... Садиться, в смысле... — Яхонтов тихо хохотнул.

— Варяг! — воскликнул до этого момента спокойный Крест. — Посмотри! Посмотри слева! На восемь часов!

— Что там? — Искатель повернул голову в указанном направлении.

— Это же инверсионный след! Полосу видишь?!

— Где?

— Выше смотри! Это след от самолета! Разве нет?!

Варяг задумчиво уставился на белую полосу, горизонтально перечеркивающую треть неба. Полоса кончалась, если, конечно, она кончалась, уже за пределами видимости из кабины пилотов.

— Далеко и высоко, — пробормотал Яхонтов. — Как думаешь, сколько у нас было шансов после двадцатилетия деградации и разрухи взлететь и столкнуться со следами другого самолета? Один из миллиарда, не больше. Это не инверсионный след.

— И что это, по-твоему? — спросил Сквернослов.

Варяг пожал плечами.

— Наверное, перистое облако.

— Наверное? — ухмыльнулся Крест. — То есть ты не уверен?

— Ну, я видел давным-давно перистые облака. Еще когда на МиГе летал.

— И какие они?

— Они перистые. — Варяг снова пожал плечами.

— Это понятно. Похожа эта полоса на перистые облака?

— Вроде похожа. Я же говорю, давно видел. Сам посуди, Илья, откуда самолету взяться?

— А мы откуда взялись? — подал голос Николай.

— И то верно, — кивнул, соглашаясь, Вячеслав.

— Может, я схожу в кормовую кабину стрелка и посмотрю? — предложил Людоед.

— Поверь мне, Илья, с такого расстояния ты и в бинокль не различишь самолет, если он там есть, — ответил Варяг и включил радиопереговорное устройство. — Какие цифры на борту, кто помнит?

— Девятнадцать тысяч семьсот один, — сказал Крест. — А что?

— Ну, надо ведь как-то представиться, — ухмыльнулся Яхонтов и произнес в микрофон: — Внимание! Говорит грузовой борт девятнадцать тысяч семьсот один! Нахожусь на высоте шесть тысяч пятьсот метров! Всем, кто меня слышит, ответьте.

Он закончил говорить и включил громкую связь. В ответ слышалось монотонное, с редкими перепадами, шипение.

— Внимание! Говорит грузовой борт девятнадцать тысяч семьсот один! Нахожусь на высоте шесть тысяч пятьсот метров!

Всем, кто меня слышит, ответьте! — повторил Варяг. — Меня кто-нибудь слышит?

Монотонное шипение продолжалось еще около минуты, как вдруг шум из динамика стал усиливаться. Поначалу показалось, что это Варяг делает громкость выше, но это было не так. Шум становился все громче, и сквозь шуршание пустого эфира стала слышна какая-то басовитая пульсация. Динамик зарычал какофонией низких и шипящих звуков, и сквозь этот звуковой хаос прослушивалось нечто ужасное, произносящее пронзительным и долгим утробным рыком:

— ХХХА-А-АРРРРП!!!

— Вы слышали?! — заорал Николай. — Вы это слышали?!

— Что именно? — Варяг нахмурился.

— ХАРП! Оно сказало: ХАРП! — продолжал кричать Васнецов, но динамик стих и снова наполнился монотонным шипением безмолвного эфира.

— Черт, а я надеялся, что мне показалось, — пробормотал Сквернослов, нервно стуча себя кулаком по подбородку.

— Так. Ну-ка всем успокоиться, — резко и громко произнес Людоед. — Такие глюки бывают в радиоэфире. Скорее всего, это солнечная буря. Скажи, Варяг?

— Ага. — Яхонтов кивнул. Но тон его был совсем неубедителен. Он выключил переговорное устройство. — Иногда мы видим или слышим то, что либо хотим увидеть или услышать, либо, наоборот, очень не хотим этого. Так что закрыли тему. Там перистое облако. А тут просто хрип магнитной бури. Мы единственные люди в небе. Скоро снижаемся.

* * *

Как это ни оказалось печально для Николая, да, наверное, и для всех на борту, но возвращаться в серый разрушенный мир из сияющих чистотой и безмятежностью небес, покрытых бриллиантами звезд, пришлось раньше, чем он мог предположить. Сверившись с Людоедом, который помогал ориентироваться и держать верный курс, Варяг направил самолет к бесконечному ковру облаков. Однако это отвлекло Николая от тревожных раздумий по поводу странного и страшного возгласа в радиоэфире. Ведь он был абсолютно уверен, что это был именно возглас, а не просто помехи, вызванные солнечной активностью или чем-то там еще. Но теперь его взор был устремлен на приближающуюся пелену облаков, и тяжесть мыслей о том, что

надо возвращаться в сумрак, давила на сердце. Но возвращаться надо. Облака становились все ближе, и вот наконец вокруг замелькали первые, еще прозрачные хлопья. Самолет погружался в этот океан все глубже. Белизну вокруг еще пронизывали яркие золотые струны солнечных лучей. Но они становились все слабее и слабее.

И вот уже знакомая унылая серость. Пелена лишила самолет всякой видимости. Стало только заметно, как растет напряжение Варяга, а на его лбу снова выступает пот.

— Высота? — резким голосом спросил он у Васнецова.

— Две тысячи семьсот.

— А облака все не кончаются, — покачал головой Людоед.

— А если впереди гора? — с тревогой в голосе спросил Вячеслав. — Как мы узнаем? Ведь уже совсем низко, а облака не рассасываются. Как узнаем, что впереди гора?

— По характерному удару самолета об эту самую гору, — мрачно пошутил Варяг.

— Я серьезно, — поморщился Сквернослов.

— А я и не шучу. И все, не мешай.

— Начинается. — Славик вздохнул и полез обратно в кабину.

— Приготовься напрячь зрение! — крикнул ему Яхонтов. — Будешь нашей аэрофоторазведкой! И будь готов быстро выскочить из штурманской кабины! Если посадка будет неудачной, то там у тебя шансов выжить не будет!

— Спасибо, блин, утешил! — послышался снизу недовольный голос Сквернослова.

— Высота!

— Тысяча девятьсот!

— Твою мать! Да когда они кончатся!

— Тысяча пятьсот!

И разверзлась бездна. Самолет выскочил из облаков так неожиданно, что Николай даже вздрогнул.

Над представшей взору местностью уже сгущались вечерние сумерки. Даже после того рывка в несколько тысяч километров, что совершили они благодаря самолету, ничего нового в пейзаже, который им открылся, не было. Заснеженные леса. Завалы буреломов в тайге. Унылая серость.

— Блин, я думал, мы вылетим из облачности гораздо выше и видимость дальше будет, — проворчал Яхонтов. — Смотрите все по сторонам. Ищите реку. Топливо скоро закончится.

Ил-76 прекратил снижение, держась высоты в двенадцать сотен метров, прямо под давящим потолком туч. Варяг летел

некоторое время прямо, все больше хмурясь из-за отсутствия подходящего места для приземления. Времени оставалось все меньше. Темнело. Кончалось топливо, которое на такой высоте расходовалось в большем количестве.

— Попробуй левее, — послышался голос Сквернослова снизу.

Самолет стал медленно, будто нехотя, поворачиваться. Вскоре стало отчетливо видно, что густой таежный лес резко обрывался и дальше белела относительно ровная пустошь.

— Кажется, река. Только она, зараза, петляет сильно, — пробормотал Яхонтов.

— Летим вдоль нее. Должны быть и относительно ровные места, — предложил Людоед.

— Надеюсь, — кивнул летчик.

Он сбавил скорость, насколько это было возможно. Неизвестная пока река действительно стала ровнее уже через несколько десятков километров. Ровнее и шире. Однако надо было пролететь над ней некоторое расстояние, дабы убедиться, что этой импровизированной полосы хватит. Замерзшая речная гладь была покрыта снегом, но в широких и прямых ее участках в центре реки должно было быть меньше снега из-за ветров, которые на открытом пространстве чувствовали себя особенно вольготно и не давали скопиться глубоким сугробам.

— Вроде неплохое место, — пробормотал Яхонтов, вглядываясь в широкую белую ленту.

— Вертолет!!! — заорал Славик из штурманской кабины.

— Где?!

Людоед и Николай бросились к остеклению кабины. Даже Варяг привстал, расстегнув ремень безопасности.

— Справа! На берегу!

Первое, что подумали люди, — это то, что они увидят летящую или стоящую в целости винтокрылую машину. Но это было не так. На скорости и с такого расстояния было трудно определить, что произошло с вертушкой, но было ясно, что она торчит, уткнувшись носом в сугроб. Вертолет, видимо, влетел в деревья, ломая хвостовую балку и винт, рубя при этом деревья, ставшие для него ловушкой. Трудно сказать, когда это было, но машина уткнулась носом в сугроб, а не покрылась этим сугробом сверху. Значит, катастрофа произошла уже после наступления зимы.

— Ми — двадцать четыре, кажется, — произнес Людоед, глядя в бинокль.

— Так он разбитый, — разочарованно буркнул Варяг. — Ладно. Шут с ним. Готовимся к посадке.

Самолет начал снижение. Высота всего двести метров.

— Следы! — снова закричал Сквернослов.

— Какие? — спросил Илья.

— Похоже, от саней! Да! Прямо на реке! Под нами прямо! Колея очень широкая! И полозья нехилые! Большие саночки, наверное!

— Ну и что? Подумаешь, повозка Деда Мороза с оленями! — усмехнулся Людоед.

— А вот хрен ты угадал, морлочья душа! Следов животных нет, понял? Только следы саней! Они без всяких оленей ехали! И человеческих следов нет, если ты думаешь, что люди толкали! Снег ровный! Только колея!

— Так, может, это не сани, а вездеход? — предположил Николай.

— Да нет, блин! Гладкая неглубокая колея!

— И как они без тяги двигались? Тут ведь равнина, а не гора, с которой вандалы телегу с бомбой на Вавилон пускали!

— Аэросани, — произнес вмешавшийся в спор Яхонтов.

— Аэросани? — Людоед взглянул на пилота. — Так, может, у тех, кто на них тут разъезжает, есть авиационное топливо?

— Не факт. — Варяг нервно мотнул головой. — Не факт, что оно нам подойдет. Да и двигатель туда просто автомобильный можно приделать.

Он вдруг снизился, отчего Сквернослов внизу испуганно завопил, и тут же потянул рули высоты на взлет, резко увеличивая тягу двигателей. Затем набрал высоту пятьсот метров и пошел на разворот.

— Ты чего делаешь? — спросил Илья.

— Снег разгоняю, — коротко ответил Варяг.

Самолет лениво сделал долгий круг, и Яхонтов повторил процедуру, затем обратился к Людоеду:

— Илья, пойди в грузовой отсек. Рацию возьми. Отцепи крепление корпуса БМП, когда скажу. Потом пристегнись, чтоб не вывалиться. Я открою рампу и задеру нос, чтоб корпус выпал.

— Зачем это? — удивился Васнецов.

— Посмотрим, насколько глубоко в сугроб он уйдет. Надо иметь хоть какое-то представление о том, куда садиться.

Людоед ушел. Яхонтов снова стал одним сплошным напряжением, вцепившись в штурвал.

— Высота!

— Двести!

— Много, черт, проскочили. Иду на следующий круг.

И новый заход. Самолет гудел и снова, будто нехотя, делал очередной круг.

— Илья! Готов?!

— Да! — ответила рация.

— Открываю рампу!

Гул в самолете стал намного сильнее. Корпус завибрировал. Варяг по очереди разминал затекшие руки и еще сильнее сжимал дрожащий штурвал.

— Рампа открылась без замечаний! — доложил Людоед.

— Отцепляй!

— Отцепляю!

— Коля, высота!

— Восемьдесят пять!

— Отлично!

Варяг резко задрал нос самолета, и двигатели завыли, казалось, на пределе своей мощности.

— Корпус пошел! — послышалось из рации. — Корпус вывалился!

— Кто вывалился?! — закричал снизу Сквернослов, который не был в курсе происходящего.

— Славик, заткнись!

Варяг снова набрал высоту и пошел на очередной круг.

— Когда это кончится? — вздохнул Николай, адресуя вопрос самому себе.

Пока самолет в очередной раз делал петлю над выбранным местом, Людоед вернулся и пробрался в кабину штурмана.

— Заходим на посадку! Выпускаю шасси! Включаю огни!

— Мужики! БМП! БМП на реке прямо перед нами появился! — закричал Сквернослов.

— Заткнись, Славик! Это наш БМП!

— Наш? — Сквернослов высунулся из кабины. — А как он внизу оказался?

— Уйди к черту! Илья! Что видишь?!

— Судя по тому, сколько эта железка весит и с какой высоты упала, плотность снега тут приемлемая. Можно садиться. Корпус упал плашмя и ушел на треть примерно, — ответил Людоед, глядя на темный корпус БМП, освещаемый носовыми огнями самолета.

— Отлично!

— А если бы снег был мягкий и корпус утонул? — Васнецов уставился на Яхонтова. — Мы что, в следующий раз луноход сбрасывать стали бы?

— Заткнись, Николай, черт тебя дери! Мы бы тебя сбросили! Высота и скорость!

— Шестьдесят высота, двести десять скорость!

Самолет давно проскочил сброшенный корпус боевой машины, и белая гладь замерзшей реки стремительно приближалась из вечернего сумрака. С той минуты, как они увидели разбитый вертолет, совсем стемнело.

— Мать твою!

Руки Варяга, сжимающие штурвал, совсем побелели. Все уже ожидали, что вот-вот произойдет касание или, на худой конец, удар, но самолет вновь стал набирать высоту.

— Варя, в чем дело?! — воскликнул Крест.

— Я не могу его посадить!

— Как это?!

— Я габаритов не чую! Высоты не чую!

Он щелкнул на панели тумблером, снова пряча шасси в корпус.

— Я же сказал высоту! — возразил Васнецов.

— Ее чувствовать надо! И центровка изменилась, когда железку сбросили!

Гудящий лайнер опять стал делать круг.

Людоед полез в штурманскую кабину. Затем высунулся оттуда и, строго глядя на Яхонтова, произнес:

— Соберись, Яхонтов! Центровку компенсируешь! Не так много этот корпус весил для такого самолета! Ну же! Ветра нет! Штиль полный! Посадишь без проблем! Ну!!!

— Какого хрена ты туда полез?! Вылезай! Тебя размажет, если мы ударимся!

— Я сказал, соберись! Заходи на полосу!

— Ты что задумал?!

— Полоса у меня перед носом будет! Я тебе подскажу!

— Оттуда переднюю стойку не видно! Вылезай, убьет тебя при ударе!

— Заходи на посадку!!! — Людоед заорал так, что заглушил рев всех четырех двигателей.

Самолет снова стал снижаться. Корпус завибрировал, и Варяг пытался унять его дрожание.

— Всем пристегнуться! Коля, держи свой штурвал!

— Как?!

— Нежно, черт тебя дери!!! Просто придерживай его и говори мне высоту!

— Триста! — Николай боязливо обхватил штурвал руками.

— Твою мать! Не сопротивляйся его ходу! Ты так мне мешаешь! Просто держи! — закричал Варяг. — Высота!

— Четыреста! Мы что, опять взлетаем?!

— Не мешай! — дернул головой пилот. — Скорость!

— Триста сорок! Какого черта ты делаешь?!

— Убью, Васнецов! — зарычал Варяг и стал щелкать приборами. — Предкрылки... двадцать пять... закрылки... тридцать пять... нет... тридцать...

После этого самолет снова пошел на разворот.

— Опять круг?! — сокрушенно воскликнул Сквернослов, который сидел позади Николая. — Может, мы обратно полетим?! Так хоть поживем еще!

— Пасть закрой!

Из штурманской снова показался Людоед.

— Варяг! Если ты не начнешь наконец его сажать, то я взорву этот самолет к чертовой матери!

— Все, захожу!!! Скорость!!!

— Двести шестьдесят!

— Так! Закрылки... Закрылки... сорок три...

— Чего?!

— Руль держи как я! Выпускаю шасси!!!

Все почувствовали ритмичный стук.

— Что это? — крикнул Людоед.

— Это шасси! Гидравлика! Ничего страшного! Бывает! Входим в глиссаду!

— А что такое глиссада?! — воскликнул Сквернослов.

— Это мой кулак у твоей рожи, Славик!

Самолет сильно затрясло, и Николай почувствовал, как его желудок снова, как и при взлете, начал гулять по организму. Но если тогда его вжало в кресло, то сейчас он словно давил изнутри на уши и горло.

— Так! Так! На себя! На себя, Варяг! — раздался крик Людоеда.

— Делаю!!!

— Еще! Еще!!!

— Так?!

— Держи на этом уровне! Сейчас будет...

Все ощутили сильный толчок и жуткий воющий гул, который особо сильно раздражал заложенные уши. Николай не слетел с кресла благодаря ремням, но они так впились в тело, что казалось, сейчас раздавят его. Он тряхнул головой и, открыв рот, стал водить нижней челюстью из стороны в сторону. Вокруг мчащегося по замерзшей реке самолета разразилась настоящая снежная буря, которая еще больше усилилась, как только Варяг перевел внешние двигатели на реверс.

— Ни хрена не вижу! Мы сели, Людоед? — прорычал Яхонтов, вглядываясь в снежную пелену. — Илья! Илья!!!

— Мы сели, — крикнул наконец Людоед. — Теперь неплохо бы остановиться!

— Ага! Выпускаю спойлер! Скорость!

— Сто!

— Много!.. Много!.. Теперь!

— Шестьдесят! Пятьдесят!

— Выключаю реверс! Гашу двигатели!

Самолет еще какое-то время катился, быстро снижая скорость из-за сопротивления снега. Шум стал стихать, как и буря вокруг, пока наконец в кабине не воцарилась непривычная после долгих часов полета и такой нервной посадки тишина.

Первым ее нарушил Варяг.

— Мы это сделали, парни, — спокойно сказал он. — Мы за несколько часов совершили рывок, больший по расстоянию, чем то, что мы проделали на луноходе от Москвы. Мы это сделали.

— Ты это сделал, Варя. — Людоед вылез из штурманской кабины, растирая ладонью лоб, и улыбнулся. — Ты и Колян. Вы молодцы.

* * *

На улице уже было совсем темно, когда они наконец покинули самолет и выкатили из его недр отдыхавший все это время луноход. Закрыли двигатели красными заглушками. Рампу снова закрыли. Огни погасили, и во мраке самолет выглядел совсем нереальным. Варяг уселся на колесо шасси и вздохнул, закуривая.

— Жалко как-то с ним расставаться, — произнес он. Затем поднялся и погладил ладонью корпус. — Молодец, старичок.

Николай с грустью посмотрел на Варяга. Да, у каждого своя слабость. У летчика, конечно, самолет и небо. Трудно было во-

образить, что чувствовал расставшийся, казалось, навсегда с небом пилот, ставший по воле апокалипсиса искателем, рыщущим среди руин цивилизации и лишенным возможности даже лицезреть небо, когда он все-таки, вопреки всему, вспорхнул над облаками. Когда многотонная огромная стальная птица послушно пела своими двигателями, подчиняясь его воле и несясь над мрачным небом в высших сферах, где царили звезды и солнце, синее небо и свет. Наверное, и Людоед, и Вячеслав думали то же самое, глядя сейчас на Варяга.

— Ого. Это бомбардировщик? — раздался неожиданный голос из глубин темноты.

Людоед вскинул автомат и сразу опустился на одно колено, развернувшись в сторону голоса.

— Нет. Это транспортный самолет, — ответил Варяг в темноту, включив фонарь и шаря лучом света в поисках источника голоса. — Кто тут?

— А вы американцы? — снова послышался спокойный и даже добродушный голос с каким-то странным акцентом.

— Нет, — произнес Яхонтов. — Мы русские. А вот ты кто такой?

— Охотник я.

— Чего прячешься? Выйди, поговорим.

— Повезло вам, однако, — ответил голос, не меняя интонации.

— В смысле?

— Если бы вы были американцы, я бы вас пострелял. — Говоривший будто улыбался.

На свет наконец вышел низкорослый старик в добротной одежде из оленьих шкур, и в руках у него была старая снайперская винтовка.

— Дорообо.

Он улыбался, отчего его и без того узкие раскосые глаза сливались с мириадами морщин, покрывавших лицо, и терялись от поднимавшихся широких азиатских скул.

— Чего? — переспросил Сквернослов.

— Я, однако, поздоровался.

— А, ну привет. — Славик кивнул. — Ты чукча?

— Сам ты чукча. Охотник я, — ответил старик.

— Да это понятно, — улыбнулся Варяг. — Он не это имел в виду.

— А-а-а... Сох. Я якут. А вам не все равно?

— Ну а тебе не все равно, американцы мы или нет? — вставил слово Николай.

— Американцы бомбили. Родину защищать надо, однако. Меня Молот зовут. Охотник я. — Человек не переставал улыбаться. — Гляжу, летит. И как покакал! Упало что-то, потом сели. Вы мне зайца спугнули. Кушать к ужину нечего. Коренья только. А Туз коренья не ест. Ему мясо надо.

— Погоди-погоди, — поморщился Варяг. — Не торопись. Я ничего не понял. Ты Молот? Это твое имя?

— Да. Охотник я, — кивнул старик.

— А Туз кто такой?

— Волк. Ручной волк. Щенком еще взял. Тузик. Его медведь два дня тому ранил. Дома лежит. Без него охотиться трудно. Старый я совсем. А ему мясо надо, чтоб лечился. А вы зайца спугнули.

— Да дадим мы тебе мясо, — поморщился Людоед.

— Да я не про то. Сох. Шумит самолет сильно. Вы потише в следующий раз. Да? Куобах пугается. Ёлленэх давно не кормит.

Варяг вздохнул и потер лоб.

— А куобах кто такой?

— Заяц это. — Старик закивал головой.

— А оленах?

— Ёлленэх? Ты на ней стоишь.

— Река, что ли?

— Река — это орюсь.

— Так, все! — Людоеду, видимо, это надоело, и он подошел к старику и протянул ему руку. — Я Людоед. Мясо волку твоему мы дадим.

Якут неторопливо пожал руку Илье и пристально на него посмотрел.

— Людоед, говоришь? Мясо человеческое, что ли?

— Да нет. — Крест засмеялся. — Людоед — это типа прозвище мое шутливое.

— Глупое прозвище в наше время, — покачал головой старик. — Грохнуть могут, не спрося фамилии.

— Ладно. Переживу. Много вас тут?

— Кого — нас?

— Ну, людей.

— Я один и Туз. Но Туз не человек. Волк ручной.

— Это мы поняли. Эта река, кстати, Ёлленах, по-русски случайно не Лена называется?

— Лена. — Охотник будто обрадовался и закивал.

— А поселения есть поблизости?

— Там, за Улах-ан, два тирана. Один на одном берегу, другой на другом. Далеко туда. — Он махнул рукой в сторону, в которую был направлен нос самолета.

— А у них может быть авиационное топливо?

— Полно, — кивнул Молот и улыбнулся. — Пойдем ко мне. Все расскажу. Учутей?

— Чего?

— В гости, говорю, пойдем ко мне. Погреемся. Поужинаем. Все расскажу. Я давно один. Поговорить не с кем. Сыновья давно ушли.

— А куда они ушли? — поинтересовался Васнецов.

— В лучший мир, — ответил якут и продолжал улыбаться. Только теперь улыбался он грустно.

Варяг пригласил якута двинуться к его жилищу на их машине, и все стали грузиться в луноход. Николай не торопился, пропуская всех в машину. Он молча стоял и глядел то на самолет, то на своих товарищей, то на покрытую небольшим слоем снега ледяную гладь. Он не понимал почему, но его не покидало вдруг возникшее чувство тревоги. Васнецов пытался разобраться, что именно вызвало это чувство. Но почему-то вспоминал, что оно появилось сразу, как только он услышал название реки.

13
ДВА ТИРАНА

Ехать на луноходе пришлось совсем недолго. Молот жил под землей в лесу в паре километров от реки. Он вырыл глубокую в связи с промерзанием почвы берлогу и достаточно хорошо ее оборудовал. За внешней дверью, замаскированной под снег и находящейся под нависающим стволом могучего накренненного древесного ствола, был земляной коридор со ступеньками, ведущими вниз. Две утепленные двери встретили уже на глубине. За ними было жилище. Оно состояло из нескольких нор. В одной хранились его вещи. В другой жил ручной волк, который был действительно сильно ранен в стычке с медведем и встретил незнакомцев лишь злым взглядом, когда хозяин стал кормить его, а они из любопытства заглянули в нору. Убедившись, что это не разновидность какого-нибудь люпуса, а обычный волк, они расселись в центральной, самой большой

землянке. Пол был усыпан толстым слоем хвои, а поверх всюду застелен в несколько слоев паласами и коврами, между которых хозяин также сделал прослойки из хвои и опилок. В еще одной, небольшой пещере у якута оказалось рысье семейство. Самец, самка и четверо котят. Трудно представить, как уживались тут волк, рыси и человек. Но было ясно, что с такими домочадцами можно не бояться набегов крыс. Стены землянки были отделаны деревом и строительной плиткой. Каждое помещение имело свою утепленную дверь. Одна из нор вела ближе к поверхности и представляла собой холодильник для припасов. В другой были плантации грибов и еще чего-то, что могло здесь расти. В главной комнате стояла обложенная камнем железная печка, труба от которой уходила через главный коридор в ствол того покосившегося дерева. Освещал охотник свое жилище лучинами и сделанными из больших гильз масляными лампами на животном жире.

По приглашению радушного хозяина гости расселись за круглым столом. Вместо стульев были аккуратные деревянные пеньки. И только сам Молот сел в кресло. Причем кресло это выглядело несколько странным. Настолько странным, что Варяг не сводил с него глаз. Людоед принялся раскладывать на столе еду из их припасов. Было очевидно, что он уловил озабоченность Яхонтова, но пока не подавал виду. Только когда вечно улыбающийся охотник пошел в соседнее помещение за дровами для печи, Людоед наконец тихо произнес:

— Чего не так, Варя?

— Кресло. Это же катапульта от самолета, — ответил Яхонтов.

— Ну, похоже на то. И что? Тут есть чему удивляться?

Варяг подошел к креслу и стал его тщательно осматривать. Когда послышалось шуршание шагов хозяина, он вернулся на место.

— Это американское кресло. С военного самолета, разумеется, — подытожил он свое исследование.

— Ты уверен в этом? — Крест взглянул на искателя.

— Да конечно уверен. И наши, и штатовские катапульты я знаю. Я их машины изучал на каждом авиасалоне в Москве.

Молот растопил уже потухшую печь. Стало теплее, хотя и дыма прибавилось. Хозяин наконец уселся за стол. Вообще, он всем показался немного странным. Или, скорее, очень доверчивым. Он пригласил незнакомых людей к себе в дом. Людей

с оружием. Причем свою винтовку СВТ-40 с оптическим прицелом он оставил у кресла, когда уходил за дровами. Видимо, он был действительно рад встретить людей. А от тех, кто жил поблизости, наверное, был не в восторге, если жил один и рад был новым лицам.

— Ты из этого зайца хотел убить? — Сквернослов усмехнулся, кивнув на винтовку. — Ты вообще знаешь, что будет с зайцем, если в него из такой волыны попасть?

— А ты наших зайцев видел? — вопросом на вопрос ответил улыбающийся старик. — Охотник я. Отец мой охотник был. Дед охотник. Ты меня не учи. Ты наших зайцев-то видел? — Старик совсем не обижался.

— Что, тоже какие-нибудь саблезубые психокролики размером с мамонта, выведенные чокнутыми учеными как результат непорочного зачатия генетической центрифуги от святого духа ядерной войны? — почти скороговоркой выдал Илья.

Старик перестал улыбаться и жевать пищу. Он удивленно уставился на Людоеда, пытаясь понять, что тот сказал.

— Чего? — выдавил наконец он.

— Я говорю, мутанты?

— Мутанты? Сох. Просто большие стали. Раза в три больше. Зверь многий вымер. А кто остался, по-другому стал. Куобах большие. И меха много.

— Слушай, Молот, а почему ты нас за американцев принял? — обратился к нему Варяг.

— Но они тут были уже, — улыбнулся старик, откусывая кусок вяленого мяса.

— Американцы? — Лицо Людоеда стало вдруг каменным, а суровый взгляд намертво уцепился за старика. — Давно?

— Так. — Старик кивнул, пожимая плечами. — Давно. Еще когда все разбомбили. Еще Старшина самолета подбил. Там пилот прямо в кресле выпрыгнул. Я его нашел. Он уже эльген, а я кресло забрал себе.

— Что за Старшина? — спросил Варяг.

Старик задумался. Потом пожал плечами.

— Старшина Новой Республики. Он тиран. Я же говорил. Там, за Улах-ан, два тирана. Старшина и Титос Гау. Старшина на этом берегу Ёлленах. Титос Гау — на другом. Тоже тиран. Они воевать друг с другом много. Сейчас перемирие.

— Елки-палки, — вздохнул Варяг. — И тут война.

— Всюду, где много людей, война. Вот поэтому я один живу, — улыбнулся Молот.

— А Улах-ан — это что? — спросил Людоед.

— Это ну... водяные ворота как. Дамба там сделали. Далеко на север, когда река замерзла, воды много стало заливать тайгу. А тут немного выше. Берега круче. А туда опять ниже. — Он махнул рукой. — А где сейчас ниже, понтон делали. Чтоб большая машина ходила. Туда ракета попала. Они охотились за большой машиной. Люди дамба делать стали, чтоб вода не заливала тайгу севернее, а отворачивала там. — Он опять махнул рукой. — Теперь река идет так. Ровно-ровно. Потом обрыв и опять река ровно-ровно. И все замерзшее. Это и есть Улах-ан. Водные ворота.

— Я ни черта не понял, — нахмурился Варяг.

— Да что тут не понимать? — Охотник развел руками. — В тайга был большой машина. Три. Очень большой. Колес много. Они ракеты возили. А еще был часть. Те, кто понтон делали. Вертолетный полк и зенитчики. Там, где пилорама коммерческая была. Они про эти машины мало знали. Но должны были защищать их. Это военные. Пилорама, она мэру принадлежала. Он лес за границу отправлял. Много леса незаконно отправлял еще. Денег много было. А большие машины ракеты пускали.

— Большие машины. — Людоед хмыкнул. — Да это же «Тополь-М».

— А они разве тут базировались? — Яхонтов с сомнением посмотрел на Илью.

— А как ты думаешь, Варя, много народу знали, где они должны базироваться? Их маршрут и базирование совершенно секретные были.

— Слушай, Молот, а откуда ты все это знаешь? — Варяг уставился на якута.

— Так тут мой дом. Я тут жил. Отец мой жил. Дед жил. Все жили. А мой младший сын солдатом был у Старшины. А Старшина контрактник был. Он мне много рассказал. Сын мой. А потом туристы были. Много туристов. Богатые. Одни мужчины. Все крепкие. И у всех оружие. Одеты богато. Пятнистая одежда новая. Я охотился и видел их. И к ним приезжал полковник и мэр. Они тоже охотились и пили. А потом один из этих туристов уходил и встречался с солдатами. А форма у них не как у нууччалар. Не как у русских. И говорили они не по-русски. И не саха тыла, не по-якутски. Я подумал, странно. Может, контра-банданан дьарыктанар?

— Чего? — почти хором спросили все.

— Ну... контрабандисты. Но граница далеко на юге. И не китайцы они. Я следил. Я если слежу, меня никто не заметит. Охотник я. Отец охотник был. И дед охотник был. Я видел. Палатка. Антенна. Солдаты нерусские. У меня труба была. У сына тоже труба была. Он прятал от командиров. Я звоню сыну. Сказал, что странное в тайге. Солдаты не наши. Он никому не сказал. Только Старшине. А в тот день полковник сказал Старшине: возьми десять человек и грузовой машина. Едь на виллу мэра и грузи его вещи. А потом вези, куда мэр скажет. А Старшина позвонил ФСБ и про солдат странных рассказал, и про то, что полковник солдат как рабов использует. Те говорят, чего ты дикого тунгуса слушаешь. А с полковником потом разберемся. И вообще в прокуратуру звони военную. А я не тунгус. Я якут. Он поругался с ФСБ. И поехал на виллу мэра. А никто ничего не знает. На вилле только жена мэра. А у жены мэра, когда они приехали, истерика. Она кричит, что делать, как жить дальше, война, это конец. Старшина тут все и понял. Он ее связал и подвал закрыл. Ыт... Собака была, он убил ее. Обыскал дом и нашел два ружья охотничьих и пистолет. Забрал и тайга уехал. Пришел ко мне и говорит, я привез тебе твоего сына. Забирай. Но дай мне оружие. Солдаты его с ним были. Они его уважали очень. Я говорю, зачем оружие. Он говорит, кругом предатели. Война началась. И мы услышали, как бомбят. Вечером. Вечером все началось.

— Занятный какой цимес получается, — пробормотал Людоед, потирая подбородок. — Где-то в этих краях базировалось оружие возмездия. «Тополь-М». Было подразделение по наладке переправы. Были вертолетчики. Были зенитчики. Командир, я так понял, зенитчиков очень дружен с местным мэром и, видимо, имел контакт с иностранной разведкой. Перед началом всего кордебалета сюда прибыло подразделение диверсантов. И возможно, элементы так называемой пятой колонны. Предатели. И в итоге какой-то старшина оказывается в водовороте заговора и совершает побег вместе с вверенными ему бойцами. Но только для того, чтобы начать сопротивление врагу. Сюжетец, однако...

— Н-да. — Варяг покачал головой. — Действительно. А Старшина этот. Что с ним стало?

— Он Старшина Новой Республики. У него гвардия. У него власть. Он тиран.

— Так это он?

— А я как сказал? Он это.

— А почему тиран?

— Так диктатура байыаннай. Военная диктатура. Его вождем называют те, кто с ним. Все должны его авторитет признавать. А тут других уже и не осталось. Теперь только те, кто в Новой Республике и Старшину вождем называют. Или те, кто в Легионе Гау. Это враги Старшины. Ну а я сам по себе. Охотник я. Всегда так жил. Сына моего Гау убили. Старший сын на Камчатке был. В Вилюйчинске. А там рядом база лодок атомных. Бухта Авача. Их ракетой всех...

— А тут ядерные удары были?

— Тут? Сох. Нет. Далеко были. Тут простыми бомбами и ракетами. Но очень мощными тоже. Им надо было только большие машины убить и зенитчиков. Старшина потом на зенитчиков опять напал. Сказал, что взял командовать на себя. Там офицер какой-то сказал, что он крыша поехала. Он офицера расстрелял. И все согласились, что он теперь командир. Они самолета сбили. Даже два. А еще тут летали маленькие самолеты, в которых людей не было. Он их тоже сбил два.

— Вот даже как, — хмыкнул Варяг. — Ладно. А второй тиран?

— Титос Гау? Это сын полковника. Я потом узнал. Это его новое имя. Он был с теми богатыми охотниками. У него Легион избранных. Он так говорит. Новая высшая раса. У них много оружия американского. Каски. Форма. Они им помогали. Только Старшина со своими солдатами мешать начал. Он потом поймал полковника. Мэра. Его жену. Еще многих поймал. Он их всех в баржу закрыл и утопил в орюсь... в реке... Они всюду предателей ищут. Подозрительные очень. Они много потом воевать с Легион Гау. А сейчас перемирие временное. Сюда много беженцы приходили. С запада. С севера. С востока. С Байкала. С Владивостока. Потом даже с Камчатки. Тут атомных бомб не было. Не падало. Сюда много беженцев приходило. Были опять диверсанты. Немного. Старшина тогда устроил лагеря. Тогда еще теплее было. В лагеря беженцев сажали. Проверяли потом много. Потом отпускали. Но власть тут только у Старшины и у Гау. Много потом бежали к Титос. Обиделись на Старшину. А он работать заставлял. Много работать. Строить жилища. Укрепления. Фермы для скота. На поле работать. Дамбу делать, чтоб река на Гау пошла. Но потом снег. Замерзло все быстро. А Старшина все равно работать заставлял. И сейчас они работают. Там раньше были те, кто работать не хотел. Они дневники

всякие писали. Все говорили, что как все плохо случилось. Конец миру. Конец человеку. Много говорили, только бы не работать. Мне не нравятся такие. Зачем скулишь, если сам жив? Делай так, чтоб ничто не погибло, что может еще жить. Но они говорили, что они о высших материях думают. Какие такие высшие материи? Старшине они надоели. Он им тюрьма сделал с каторгой. Многие успели бежать. Они его тираном назвали. А Гау тоже работать заставляет. Но у него рабы есть. Хотя у Старшины политзаключенные тоже как рабы. Но Старшина говорит, что все люди равны, но есть паразиты, которых надо воспитывать и которых учить морали труда и созидания. А Гау говорит, что люди не равны. Есть высшие избранные. Есть недочеловеки и мутанты. Выживут сильнейшие, а остальные должны на них работать. Они селекцию проводят. Женщины у Гау работать не должны, если они полноценные. Они должны только рожать и ухаживать за домашним очагом и своими мужчинами. А Старшина говорит, что все должны работать. Только женщины на женских работах, а мужчины на мужских.

— У нас в Надеждинске тоже примерно так, — покачал головой Сквернослов. — Все работают. От каждого по способностям...

— Вот тебе и глухая тайга. Целых два тирана, — усмехнулся Людоед. — А ты говорил, что у них есть топливо. Так это?

— Да. У Гау оказалась вертолетная часть. А рядом пилорама коммерческая. А они, я потом узнал, делали у себя на лесозаготовке бетонные полосы и завозили туда много топлива для самолетов. Туда американцы должны были прилетать и делать аэродром как промежуточный. Там был старый аэродром. Разогнали часть давно. После Союза. А на том месте пилорама коммерческая сделать. И они там бетонная полоса длинней делать и топливо много завозить. Враги почему бомба не бросали тут атомная? Им аэродром нужен был целый и топливо. А у Старшины зенитки все. Он не пустил первые самолеты. А потом оказалось, что всем хана. Американцы не прилетели. А Старшина много вертолетов побил, которые Гау достались. А топливо у Гау много очень.

— Топливо. — Варяг нервно почесал бороду. — Мы можем самолет свой заправить.

— Ага, только дело за малым. Договориться с этим Гау, — усмехнулся Людоед. — Слушай, дед, а людей сколько там?

— А я не считал. Тысячи там. И тысячи там. Раньше больше было. Но холод. Воюют. Болезни. Сейчас меньше.

— Значит, вы в дружбе со Старшиной? — заговорил наконец Николай, единственный из их компании обратившийся к старику на «вы».

— Да, — охотник кивнул. — Гвардейцы меня знают. Старшина знает. Они меня не трогают. К себе звали. А я привык один. Охотник я. А тут моя земля. Люди Старшины признают мою землю. Но Гау не признают. Говорят, я мутант. Недочеловек. Но сюда мало ходят они. Раньше ходили. А потом нет. Зачем им один старый якут сахалар? Им Старшина надо эльген сделать. Убить.

— А почему вы не думаете, что мы шпионы Гау? — задал следующий вопрос Васнецов.

— Я знаю Гау. Они смотрят по-другому на других. Как на мусор. Они думают, они высшая раса, а другие мусор. Или неполноценные, или мутанты. Но я мутантов не видел. Это Гау сказки придумали и пугают всех. Что они, Гау, единственная сила, которая может бороться с мутантами. Нет, вы не Гау. Вы не думайте, что если я якут из тайги, то не соображаю. Я многое понимаю. Чутье у меня сильное. Охотник я. Сначала я подумал, что это те американцы прилетели, которых Гау ждут. А потом смотрю, вроде нет. — Он вдруг засмеялся. — Для нас, азиатов, вы, пучеглазые, конечно, все на одно лицо, но я вижу, что не американцы. Славяне.

Все засмеялись, приняв шутку старика.

Людоед достал папиросу и закурил, сжимая ее зубами.

— Ну, какие будут соображения по поводу наших дальнейших действий?

— Какие тут еще могут быть соображения? — нахмурился Сквернослов. — Садимся в нашу таратайку и едем дальше, как и ехали до того. Я больше не желаю ввязываться в какие-то разборки местного значения и уж тем более не желаю лететь. Натерпелся я этого самолета. Хватит. Да еще с таким психом за штурвалом.

— Тебе зубы говорить не мешают? — Варяг уставился на Вячеслава.

— Да иди ты, Варяг. Ты бы на себя со стороны посмотрел...

— Ну а ты, Славик, попробовал бы управлять самолетом, — встрял Людоед.

Николай задумчиво взглянул на низкий потолок землянки и прикрыл глаза. Он снова видел в своем воображении чистое голубое небо и яркое солнце. Зажигающиеся в зените звезды.

Ковер белых облаков внизу. Снова захотелось во что бы то ни стало вырваться из удушающего плена серого, занесенного снегом дня и безграничной власти свинцовых туч.

— Нам нужно топливо для самолета, — сказал он наконец.

— И как ты себе это представляешь? — Людоед с иронией посмотрел на Николая.

— Надо подумать. — Васнецов пожал плечами. — Ну, вспомни. Мы же еще прошлой ночью разворошили черновиков и привели их к поражению. Ты и я. Так неужели...

— Сбавь обороты, Коля. — Вячеслав был явно недоволен. — Там были рейдеры. Там была совокупность благоприятных факторов. А что тут?

— Да нет. Блаженный дело говорит, — вздохнул Людоед. — Подумать, конечно, надо. Ведь еще один рывок на самолете, и мы уже на Аляске.

— Сейчас мы много не надумаем, — возразил Варяг. — Надо поспать. Отдохнуть. Прошедшие сутки были очень напряженными.

— Согласен, — кивнул Людоед.

— Так давайте отложим до утра. Молот, не возражаешь, если мы у тебя на ночлег останемся?

— Сох, — улыбнулся старик. — Оставайтесь. Правда, тесно тут.

— Ничего, — махнул рукой Яхонтов. — Славик и Илья, оставайтесь тут на ночлег. А мы с Николаем в машине переночуем.

— Зачем вам на Аляску? — спросил вдруг охотник.

Варяг задумался на мгновение, затем улыбнулся и сказал:

— Они ведь к нам прилетали. И мы теперь их навестим. А то как-то невежливо получается.

* * *

— А тут совсем холодно, — поежился Варяг, подойдя к луноходу, припаркованному у жилища якута. — Представляю, каково на Аляске будет. Брр...

Он был прав. Морозы Надеждинска, Москвы или Урала не шли ни в какое сравнение с холодом, царившим в этой местности. Хотя, возможно, так лишь казалось, ведь от холодов пройденных территорий остались лишь воспоминания. А холод Якутии был здесь и сейчас.

— Ты спать хочешь? — Яхонтов посмотрел на Николая.

— А что? — Васнецов по этому вопросу понял, что спать им не придется. — Вообще-то, не очень.

— Ну, тогда давай потеплее оденемся. Смажь лыжи парафином.

— И куда пойдем?

— Осмотримся. На вертолет поглядим. Следы, которые Славик видел. Ты же любишь шляться по поводу и без. Вот и прогуляемся.

Поверх бушлатов они надели тулупы и водрузили на головы меховые шапки. На лица натянули дыхательные маски с большим стеклом, обшитые теплой тканью для защиты лица от холода.

До реки они дошли минут за пятнадцать. Лыжи легко скользили по снегу. Единственное неудобство в пути доставлял давящий на плечи тулуп. Вскоре показался и стоящий во мраке самолет. Варяг некоторое время смотрел на него, словно приветствуя старого друга, затем двинулся в ту сторону, откуда они зашли на посадку. Довольно долго они шли по неглубокому снегу, вдоль следа, оставленного самолетным шасси при посадке. Путь мог и казаться долгим из-за монотонности движений и неизменного пейзажа покрытой льдом и снегом речной глади и полос оставленного следа. Километра через три они наконец увидели чернеющий на пробивающейся сквозь ночную темноту белизне снега корпус от БМП, который они сбросили с Ил-76.

— Отлично. — Варяг остановился и тяжело дышал. — Значит, вот там, на том берегу, должен быть вертолет. Пошли.

— Варяг, послушай, — произнес, догоняя, Николай. Голоса обоих звучали, словно откуда-то из большой бочки, искажаемые масками.

— Чего?

— Что ты думаешь о том, что этот старик рассказал?

— Думаю, что нам опять замараться придется в крови.

— Ну а кто, по-твоему, лучше? Старшина или этот Гау?

— Старшина, конечно. Он ведь не предатель, если верить словам якута. Хотя с головой у этого Старшины, возможно, что-то случилось. Вообще, не просто тут судить. Ясно, что старик ему симпатизирует. Но топливо не у него, а у Гау.

— И как нам быть?

— Я думаю, надо завтра со Старшиной этим связаться. Посмотрим, что за фрукт. Может, получится у нас сотрудничество.

Николай хотел выразить сомнения на сей счет, но промолчал. Он, воодушевленный невероятным успехом в Екатеринбурге, где им удалось разгромить группировку черновиков, уверовал в то, что их миссия угодна самым высшим мистическим силам, которые покровительствуют ему. А это значило кон-

кретно для Николая, что можно было просто покончить с Гау и забрать его топливо. Однако здравый смысл постепенно вытеснял эту самоуверенность. Две противоборствующие стороны с тысячами людей. И Старшина так и не смог одолеть Гау. Так что может сделать четверка людей? Даже если и один Людоед стоил десятка. Васнецов вздохнул. Все-таки должно быть какое-то решение.

— Вот он. — Варяг указал лыжной палкой в сторону черноты прибрежного леса.

Хищный корпус Ми-24 торчал почти вертикально, раздвинув деревья, в которые он попал, и уткнувшись носом в сугроб. Яхонтов посветил фонариком. Остекление обеих кабин было разбито при ударе. На оставшихся осколках стекла по кромке фонаря были видны следы замерзшей крови. От лопастей винтокрылой машины мало что осталось. Рубя нещадно деревья, а было видно по характерным отметинам, что он влетел в эти заросли с еще вращающимся винтом, лопасти и сами разлетелись на куски. Хвостовая балка была согнута при ударе буквой Г. Левый двигатель был разворочен, и на корпусе виднелись следы огня. Звезды давно были закрашены, вместо них были черные круги с вписанным в них треугольником. Внутри треугольника был изображен глаз.

— Кажись, «Иглой» его срезали. И сдается мне, что он тут месяц, от силы два месяца лежит, — произнес Варяг, осматривая машину. — Все, что можно было тут снять, уже сняли. Тел экипажа тоже не видно. — Он посветил вокруг. — А вот и те следы, про которые Славик говорил. Да. Похоже, тут действительно аэросани были. Наверное, они и забрали отсюда все барахло и летчиков.

Дверь десантного отделения была сорвана при ударе, и они заглянули внутрь. Кабина была пуста, и только в углу беспорядочно валялись какие-то листки бумаги. Варяг достал несколько и, убедившись, что они абсолютно идентичные, отбросил лишнее, оставив только один и светя на него фонарем.

* * *

«Жители Новой Республики! Воины Легиона Старшины! К вам обращаемся мы, избранные великим Гау для эпической миссии созидания и возрождения под знаменами высшей расы сильнейших и лучших из тех, кто достоин победить в беспощадной борьбе за жизнь на этой планете! Великий и Мудрый Титос

Гау уважает ваше право на жизнь! Он уважает ваше право на личные свободы! Он уважает ваше право на жизненное пространство! Мы, преданные апостолы Гау, чтим ваши права, понимая решения Великого и Мудрого! Это говорим вам мы. Те, кого кровавая клика зарвавшегося выскочки называет вашими врагами. Мы не враги вам! Мы ваши друзья! Мы враги лишь для преступного и кровавого режима Старшины, угнетающего народ вашей Новой Республики. Кровавая клика Старшины боится пасть. Она боится потерять власть. Они вбивают в ваши умы, будто мы и наш Мудрый Титос Гау хотим вашего порабощения и истребления. Вашей кровью, вашими страданиями они вымостили фундамент своей власти! И вы послушно идете на смерть, воюя против ваших братьев — легионеров Гау, которые несут вам освобождение от старшинского ига. Которые несут вам сытость и достаток! Которые дадут вам культуру и цивилизацию. Вы воюете против тех, кто идет к вам, чтобы протянуть руку помощи!

Банда мутантов и античеловеков одурманила ваш разум образом врага! Какие перспективы вам светят под пятой кровавого людоеда Старшины? Пожизненное рабство, замаскированное под порочной идеей всеобщего равенства и нормами трудовой повинности? Или обретение свободы под знаменами зарождающейся Империи Гау? Не мы ваши враги! Ваши враги те, кто правит вами безраздельно! Ваши враги — старшинисты, преданные тирану бандиты и кровопийцы! Мы принесем вам свободу! Но вы должны желать эту свободу себе! Если вы люди, а не античеловеки и не мутанты, то вы должны желать себе лучшей доли! Помогите нам, и мы поможем вам! Если вы считаете, что вы не в силах свергнуть кровавый режим Старшины, то просто перейдите на другой берег реки и дойдите до первого попавшегося поста или патруля славных легионеров Гау! Идите с этой листовкой! Эта листовка — пропуск в лучший мир! Эта листовка — ваш билет к свободе!

ВИВА ГАУ!!!»

Под текстом листовки красовалась печать в виде все того же черного круга с треугольником и глазом.

Варяг закончил читать и усмехнулся:

— Типичная агитка.

— Наверное. — Николай задумался. — А может, все-таки мы решили не на тех ставить? Может, Гау лучше Старшины?

Яхонтов взглянул на Васнецова.

— Ты слышал рассказ старика? Гау лучше? Они изменники, и этим уже многое сказано, если не все...

— Старик — не беспристрастный свидетель. Гау убили его сына. А какая тому была истинная причина, мы ведь не знаем. Возможно, в старике говорила не объективность, а слепая ненависть к Гау?

Яхонтов покачал головой и взмахнул перед лицом Николая листовкой.

— Вот-вот, Коля. Вот на это и рассчитана данная бумажка. И как видно по твоей реакции, она работает. Ты уже засомневался и поверил написанному.

— Но это я. Человек, не имеющий никакого понятия ни о Старшине, ни о Гау, ни об их укладе и прочем. А как насчет тех, на кого она рассчитана? Ведь это непростительная роскошь — изводить хорошую бумагу на листовки, а затем подряжать на их распространение целый вертолет и тратить топливо, рискуя при этом и машиной, и людьми, способными вертолетом управлять. Значит, есть почва под этими словами. Значит, не пустой это треп, рассчитанный на идиотов.

Теперь задумался Варяг. Он молча глядел в эту листовку, затем скомкал ее и отшвырнул в сторону.

— Нельзя недооценивать силу и значимость информационной войны и пропаганды. Ты не знаешь, что это за сила. Уже давно нет телевидения и газет, Интернета и кинематографа. Но эти безобидные на первый взгляд вещи выворачивали мир наизнанку. Крошили государства на куски, заставляя единый некогда народ делиться на части и идти друг на друга войной. Я помню, как это работало. Я помню, как формировалось общественное мнение. Нет, это не простое расточительство. Тот, кто не боится тратить силы и ресурсы на пропаганду и агитацию, получает мощный козырь. Пропаганда — это тоже оружие массового поражения. Даже если они будут нести объекту своих усилий по промыванию мозгов совершенную чепуху, не имеющую ничего общего с действительностью, они имеют много шансов добиться успеха. Ведь так устроен человеческий разум. Даже гордого и сильного человека, принадлежащего к великому народу с великой и славной историей, можно убедить, что вся его история сплошной мрак и рабство под пятой бесконечно сменяющих друг друга тираний. Его можно убедить, что сам он никчемное быдло из числа множества нику-

дышных представителей народа, который на самом деле ни на что не способен, кроме беспробудного пьянства. В такой борьбе нельзя экономить на материальных ресурсах, которые можно бросить на оболванивание и одурачивание людей! Ведь сознание людей способно к изменению. Силой одной только пропаганды можно посеять в обществе хаос и незаметно подменить ценности людей фальшивыми и заставить их в эти фальшивые ценности верить. Так можно сломить любой народ. Любую нацию. Даже самую непокорную. И тогда последствия будут чудовищны. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в ненужную химеру. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов — все это способна породить пропаганда. И вот с таких бумажек она и начинается. Нет, Коля, эта бумажка еще больше меня убедила в том, что ставить надо именно на Старшину. Потому что я помню прошлое. Я помню нашу историю, Николай.

— А что, если ты ошибаешься?

— У нас не так много времени, чтобы изучать местный колорит, Коля.

— Так мы можем сэкономить это время, обратившись напрямую к Титосу Гау.

Яхонтов покачал головой:

— Если я не ошибаюсь, то слово «титос» означает какое-то звание в иерархии масонов.

— А кто такие масоны? — пожал плечами Васнецов.

Варяг ответил не сразу. Он подыскивал наиболее оптимальный ответ. Короткий и емкий одновременно.

— Масоны — это те, — произнес он наконец, — многие из которых занесены в черные списки артели ассасинов, мне так думается. То есть объекты, подлежащие уничтожению. Те, кого должны убивать Людоед и твой отец, между прочим.

— Но ты ведь и в этом не уверен. Так?

— А в чем ты уверен? — Варяг ухмыльнулся.

Ответа не последовало. Николай понял, что тут ему возразить нечего. В голове снова сумбур мыслей, сквозь которые пробивалась какая-то непонятная тревога. Попытки докопаться до причины этой тревоги никаких результатов не давали, что только усиливало хаотичное движение мыслей.

— Вот то-то же, — кивнул Яхонтов. — Ладно. Пошли обратно.

Они снова двинулись по реке, идя по собственному следу, оставленному на белом снегу. Васнецов продолжал думать о том, что вызывает это тревожное чувство, и ему захотелось быстрее пересечь эту замерзшую реку и оказаться на другом берегу. Он почему-то думал, что тогда его тревога если не исчезнет, то станет много меньше. Странно. Его ведь никогда не беспокоила родная река Ока, на берегу которой он жил. Никогда до того момента, как случилось то землетрясение, во время которого он и Вячеслав едва успели убраться с сокрушаемого стихией льда, спасая при этом старика-эколога. Наверное, тогда в душе зародился страх перед замерзшим водоемом, где под слоем льда ждут своего часа холодные воды. Такое объяснение Николай нашел убедительным и рациональным, и стало даже немного спокойней.

14
РЕЖИМ

В общем-то, можно было понять, отчего старик вежливо и деликатно, но все-таки отказался выступить в роли проводника и указать путникам дорогу до так называемой Новой Республики. До дамбы, где был резкий перепад уровня реки, от самолета было где-то километров двадцать пять. И уже от этих водных ворот нужно было проехать еще километров шесть. Конечно, ему не составило бы особого труда сесть в луноход и ехать с ними, указывая дорогу. Но обратный путь на лыжах для пожилого человека стал бы весьма затруднительным. На рассвете якут просто набросал обломком сухой ветки на снегу примерную схему и направление движения. И вот теперь, когда луноход достиг Улах-ана, Людоед попросил Варяга остановить машину. Он вышел из вездехода и встал на высоком отвесном и заснеженном берегу. Дамбу достроить не успели. Потом резко наступили холода, которые с тех пор не прекращались. Характерные ледяные наплывы, каскадом образующие почти вертикальную стену в десять-пятнадцать метров высотой, наглядно говорили о том, как быстро ледяной холод стал диктовать свои условия реке. Это был словно застывший водопад, у края которого теперь стоял и курил Илья Крест, задумчиво разглядывая лед.

— Н-да, Варяг, начни ты посадку позже и дальше того места, шваркнулись бы отсюда как миленькие, — задумчиво пробормотал он вышедшему из лунохода Яхонтову.

— Повезло, — пожал плечами Варяг. — Да тут километров двадцать пять. Еще и взлететь пять раз хватит.

— Ну да, — кивнул Людоед. Он был чем-то явно озабочен. И судя по всему, не тем, что они могли немного промахнуться и при посадке упасть с этого перепада уровня реки.

— Ну что, поехали, может, уже? — спросил Яхонтов.

Крест лишь кивнул. Он хотел уже щелчком пальцев отправить окурок на замерзшую реку, но отчего-то передумал. Ударом подошвы сапога он сделал лунку в снегу и, аккуратно положив туда докуренную сигарету, еще одним движением ноги зарыл ее.

— Поехали.

Дальше берег реки был совсем пологим. Река стала заметно уже. Хорошо виднелись близко подступающие к кромке деревья раскинувшегося с той стороны леса. Через пару километров берег стал снова подниматься. Постепенно и почти незаметно. На снегу виднелись следы. Кто-то проходил на лыжах. Вот следы снегохода. Оленья упряжка. Собачья упряжка. Гусеничный транспорт. На возвышенности дорогу пересекала цепочка столбов, стоящих примерно в тридцати метрах друг от друга. Они тянулись от берега до густого леса, начинавшегося в паре сотен метров слева. На каждом пятом столбе большой деревянный щит. Луноход остановился у ближайшего щита. На нем был изображен прямоугольник, закрашенный черной краской. По диагоналям прямоугольника были из угла в угол изображены белой краской перекрещенные мечи. Это чем-то напоминало Андреевский флаг. Ниже флага надпись: «Карантинная зона. Новая Республика. Остановись и жди пограничников. По нарушителям границы огонь открываем без предупреждения».

Ниже кто-то кривыми буквами дописал: «Не приходи с пустыми руками. Принеси голову Гау».

Людоед снова вышел из машины, несмотря на возражения Варяга и Николая. Он встал у столба и стал осматривать горизонт. Васнецов присоединился к нему.

Столбы находились на возвышенности, которая дальше шла практически плоской заснеженной равниной. Вдали виднелись деревья, вплотную подступающие к реке. Никаких признаков жизни видно не было, пока сразу в нескольких местах что-то не вынырнуло из снега. Николай вспомнил снежного червя, убившего капитана Гуслякова. Он вскинул автомат, но Людоед резким движением руки заставил его опустить оружие.

— Автоматы в снег! Руки в гору, живо! — закричали вооруженные люди в белых маскхалатах, вынырнувшие из сугробов с разных сторон. Стало теперь очевидно, что в снегу вдоль так называемой границы Новой Республики были оборудованы секреты для передовых пограничных дозоров. И скорее всего, эти секреты соединялись между собой прорытыми в толще снега ходами. Видимо, эти люди заметили луноход, еще когда он двигался от дамбы, спускаясь в низину. И понятно, что они притаились, ожидая незваных гостей.

— Блаженный, брось автомат, и без фокусов, — пробормотал Людоед.

— Но почему, Илья? — возмутился Васнецов.

— Мы не воевать с ними пришли. Выполняй.

Николай бросил оружие и поднял руки. Но в душе его были обида и протест. Он не ожидал от Людоеда такой податливости вооруженным незнакомцам. Они ведь прошли такие баталии, но почему он тут спасовал? Хотя... спасовал ли он? В памяти всплыл эпизод в гадовнике, обители мародеров, ненавидящих Москву. Тогда он еще не знал Людоеда. И так же он не понимал, почему Варяг велел ему и Славику сдать оружие пьяным бандитам. Но спустя лишь минуту Варяг покончил с ними, усыпив их бдительность своей покорностью. Может, в этом случае Людоед тоже задумал какой-то хитрый ход?

— На колени! На колени, быстро! Эй! Выйти из машины! Живо! Живо!!! — продолжали наперебой кричать пограничники Новой Республики.

Воспоминания о гадовнике и мародерах заставили Николая прикрыть глаза. Он опустился на колени, и весь этот ор вооруженных людей сейчас растворился в холоде и его мыслях о девушке Ране, которую он в этом гадовнике убил. Первая человеческая жизнь, которую он оборвал. Как же давно она не приходила к нему в его снах... Васнецов вздохнул и взглянул на Людоеда. Илья и тут держался с достоинством. Он не встал на колени, а преклонил лишь одно. И руки он вытянул не вверх, а, скорее, выражал некоторое недоумение враждебной встречей, разведя приподнятые руки в стороны.

— Ребята, успокойтесь! Мы не враги! Нам с вашим Старшиной поговорить надо, это очень важно! — как можно громче сказал, но все же не прокричал Крест.

Некоторые пограничники засмеялись.

— Чего? Вы слыхали, братва?! Он говорит, ему Старшина нужен! А-ха-ха-ха!!! Эти титорасы вообще оборзели в своей тупости!

Людоед нахмурился.

— У нас важная информация для вашего лидера! — сказал он более жестким тоном.

— Да ты скорее с Всевышним встретишься, чем с нашим Старшиной, титорас вонючий!

— Слушай, вот ты. — Илья кивнул на ближайшего бойца в светло-желтом тулупе и белой меховой шапке. — Мы нездешние и ваших тонкостей не знаем. Так что не надо нас этим словом называть с таким видом, будто нам все понятно.

— Заткнись, Гау вонючий! Нездешние они, видите ли. Конечно, вы нездешние, мать вашу! Вы с той стороны! Больше никто и нигде не выжил! Последние беженцы десять лет назад были! Так что не надо нам тут порожняки гнать! И каждая скотина Гау знает, как мы вас называем! Вы же, мать вашу, высшая раса и поклоняетесь этому упырю Титосу! Вот вы все и есть титорасы! Понял, гнида?!

— Я же говорил, что надо было идти к этому Гау, — еле слышно вздохнул Николай.

Со стороны рощи, что подступала к реке совсем близко, мчалась странного вида машина. Это был небольшой автобус, чьи окна заварили листовым железом, оставив узкие щели. Колеса давно были демонтированы, и вместо них были широко расставленные лыжи. Еще одна лыжа, короткая и широкая, выступала перед корпусом и, видимо, служила для руления машины. Движущей силой являлся большой толкающий винт, вращающийся позади корпуса машины. Это были аэросани. Но явно не те, что оставили след на реке возле места посадки самолета. Ведь там было две колеи. Эта же машина оставляла тройной след из-за подруливающей лыжи. На белом корпусе снова черный прямоугольник с перекрещенными мечами. Уже с выключенным мотором машина скользила по инерции какое-то время, и не успела она остановиться, как из нее высыпал десяток вооруженных людей. Какой-то унификации в их одежде не было. Однако одеяние не было неряшливым или обветшалым, и у всех до одного оно было теплым. За одеждой они следили. Единственное, что их всех объединяло, так это нарисованные или вышитые на всю спину перекрещенные мечи. Вместо знаков различия — красные повязки на левом рукаве у каждого. На

повязках были либо желтые звезды в разном количестве, либо снова мечи крест-накрест, либо щит и меч.

— Так! — командным голосом воскликнул тот, что был с изображением щита и меча на повязке. — Этих в вертокат! Держать по отдельности! Разговаривать не давать! Глаза завязать! Одного из их трактора тоже туда! Водителю ствол под ребра и тоже глаза завязать! Пусть ведет к отделу по командам! Стас, будешь его поводырем! Трое в ту машину! Быстрее!

* * *

Трудно было понять, как далеко их завезли. Гул мотора и толкающего аэросани винта свербил разум. Плотная материя не давала видеть, что происходит. Потом гул стих и его куда-то повели. Сначала под ногами хрустел снег и было холодно. Потом ступеньки вниз. Все равно холодно, хоть и меньше. Скрип досок, лязганье стальных дверей. Затхлая вонь сырости и плесени. Снова скрип досок. Потом хлопки его собственных шагов и еще нескольких пар ног, глухим эхом уносящиеся вперед. Где-то вдалеке снова лязгали стальные двери. Голоса в отдалении. Судя по звукам, это была сеть узких и длинных коридоров с каменными стенами. Чья-то рука дернула за плечо, заставив остановиться.

— Как оформим? — послышался хриплый недовольный голос.

— Диверсанты Гау. — Другой голос прямо над ухом.

— Мы не диверсанты Гау! — протестующе воскликнул Николай.

— Молчать! — Удар в живот, не сильный, но тем не менее болезненный из-за своей неожиданности. — Лицом к стене!

— Я же не вижу, где стена, — простонал Васнецов. Почему не слышно его товарищей? Они рядом или нет?

— Не разговаривать!

Снова раздраженный голос, и кто-то его толкнул. Васнецов уткнулся лицом в холодную, сырую шершавую стену.

Зазвенела связка ключей. Скрипнул замок, и снова лязгнула тяжелая металлическая дверь. Его затолкали в какое-то тесное помещение, и дверь захлопнулась. Скрип закрывающегося замка и удаляющиеся шаги. Николай осторожно снял повязку, но ничего не увидел. Даже попытки мобилизовать свои морлочьи способности различать в темноте некоторые детали ни к чему не привели. Лишь ощупав руками пространство вокруг,

он понял, что находится в крохотном помещении, которое даже помещением назвать было трудно. Что-то сырое и тесное. Метр на метр. Так почему не включается это зрение, которое помогло ему в Аркаиме при встрече с молохитами?

Снаружи послышались шаги. Снова где-то хлопнула дверь. Неразборчивый разговор двух мужчин. Чей-то кашель. Может, просто потому, что нет тут никаких морлоков или молохитов? Нет здесь люпусов и крыс. Нет чудовищных снежных червей. Здесь всюду люди. Именно человека боится человек больше всего. Вот она, разгадка. Они суровы. Они не проявляли жестокости, как вандалы или черновики. Они вели себя как профессионалы. Ведя в эту камеру, они не оскорбляли. Лишь окрикивали, когда это требовалось. Повязки. Лицом к стене. Они просто делали рутинную каждодневную работу, и в этой работе Николай не был личностью. Он был рабочим материалом, подобных ему прошло по этому коридору множество. Люди здесь были пугающе сосредоточенны. Николай вдруг понял, что, только имея дело с людьми, можно проиграть. Сколько он видел люпусов или морлоков? Они где-то там далеко. На крохотном уголке континента, что когда-то звали Европой. Морлоки так вообще лишь в московском метро. Снежный червь? Встретился лишь единожды. Молохиты? Ютятся в Нижнем Аркаиме и, скорее всего, обречены на вымирание из-за соседства с рейдерами. Легионы чумных крыс? Ганина Яма и Екатеринбург. Да и там люди нашли способ бороться с ними. Нет. Это все не страшно. Люди... Людей они видели и встречали всюду. Амазонки, терминаторы, людоеды олигарха, Вавилон и вандалы, рейдеры, черновики, разрозненные общины Екатеринбурга и, наконец, Легион Гау и Республика Старшины. Никто так не опасен, как человек. Много ли он встречал животных? А вот людей — массу. Человечество не уничтожено в ядерном апокалипсисе. Нет. Оно живет и продолжает войну. Вот он, секрет его страха. Даже одичавшие гадовцы-мародеры и беспринципные черновики не так страшны. Ими двигали какие-то недалекие мотивы. Страшнее те, кто наделен интеллектом. Кто уничтожает не со злобы, а потому что считает это своим долгом и работой. Он стал явственно ощущать страх перед теми, кто его так обыденно запер здесь. Может, страх человека перед человеком и не давал мобилизовать свои приобретенные возможности? Ведь он ощущал, что тут не просто люди, а сильные люди. Убежденные в своих идеалах и преданные своему делу. Может, это и хорошо, что

они такие, но только не в том случае, когда они без колебаний и сомнений объявили его, Николая, и его товарищей своими злейшими врагами. Что будет дальше? Проходило время в этом тесном мраке, а вопрос этот пульсировал в голове.

А дальше снова послышались шаги. Они приближались. Загремел замок двери, и она распахнулась, ослепив скудным светом коридора. Но за последний час или, точнее, уже гораздо больше с повязкой на глазах он отвык от света и ярким стал даже полумрак.

— Кто разрешил снять повязку? — громко и угрожающе произнес тот, кто открыл дверь. Он схватил Васнецова и стал снова надевать ему на глаза плотную черную материю...

* * *

Это было достаточно большое помещение. Серые бетонные стены и низкий потолок с темными разводами сырости. Лампа дневного света над столом и узкое окно слева под потолком, откуда пробивался и свет улицы. Значит, это не подземелье. Пол тоже был каменным. Все это Николай разглядел, когда среднего роста сорокалетний человек в военной форме без погон и с лицом мясника сорвал с него повязку. Васнецов сидел на стуле, и его руки за спинкой сковывали наручники. Лысеющий мужчина с лицом мясника уселся за большой деревянный стол и пристально посмотрел на Николая.

— Ну, — спокойно произнес мясник.

Васнецов взглянул на пожелтевший плакат, нарисованный тушью, за его спиной.

«Не болтай лишнего. Гау не дремлет. Болтун — находка для шпиона». Эта надпись красовалась над изображением бравого бойца в расстегнутой гимнастерке, который, судя по позе и выражению лица, о чем-то хвастливо рассказывал полуголой девице, соблазнительно лежащей на кушетке и внимательно его слушающей. Рядом с плакатом висел деревянный стенд со стальными крючками, на которых были развешаны сверкающие чистотой острой стали хирургические инструменты, чей вид заставлял страх делать режущие движения по нервам.

— Что — ну? — тихо ответил Николай.

— Говорить будем? — Выражение лица мясника не менялось.

— А я молчать и не пытался. Но мне ваши запретили разговаривать. — Он хотел развести руками, но запястья заболели.

— Здесь такого запрета не будет. — Человек в мундире покачал головой. — Здесь надо говорить. Говорить много и предельно подробно. — Он встал со своего стула. — И главное, честно.

— Так что я должен говорить?

— Правду.

— Это я понял... но...

— Ты со мной играть вздумал?! — заорал вдруг мясник и сделал шаг в сторону Николая.

Васнецов вздрогнул.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите...

— Значит, не хотим по-хорошему, да? — Человек снова стал говорить спокойно. — Хотим тратить мое время и нервы? Да? Только подумай хорошенько, что, пока ты будешь тратить мое время, у тебя будет очень быстро тратиться твое здоровье. — Он медленно повернул голову и кивнул на развешенные на стене хирургические инструменты. — Так что потери будут неравноценные. Оно тебе надо?

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите, — нервно проговорил Васнецов. Сейчас он с удовольствием оказался бы один на один с морлоками или ворошил бы гнездо молохитов. Но здесь он чувствовал себя совершенно подавленным. Ведь тут он имеет дело с человеком.

— А что с тобой будет, понимаешь? Мы ведь тут свой хлеб не зря едим. Грош нам цена, если бы мы думали, что все Гау идиоты, и охотно верили бы в их тупизну, глядя на то, как они искусно включают дурака. Гау не идиоты. Они умны. Они хитры. Иначе, будь они дураками, кем бы мы были в таком случае, если до сих пор не покончили с этими мразями?

— Вы считаете, что мы Гау? — Николай уставился на мясника.

Человек снова уселся за стол и засмеялся:

— Я не думаю, что вы Гау. Я это знаю.

— Но ведь это не так! — воскликнул Николай.

— Вот упрямый какой, — вздохнул мясник.

Он выдвинул ящик своего стола и извлек оттуда черный берет, у которого вместо кокарды красовался значок радиоактивности. У Васнецова похолодела спина. Это был берет Людоеда. Что с ним?

Тем временем человек извлек из берета то самое метательное лезвие.

— Это ведь твоего дружка по фамилии Крест. Верно? — спросил допрашивающий.

— Ну... — нехотя проговорил Васнецов.

— Вот видишь. Говорить правду совсем не трудно. — Мясник улыбнулся, но его улыбка была еще более неприятна, чем его крики. — Так вот, этот твой друг оказался более сговорчивым. Он признался, что вы диверсанты Гау.

— Но... Но этого не может быть. Вы лжете. Не мог он этого сказать, потому что мы не Гау. Мы вообще из Калужской области.

Мясник снова засмеялся:

— Послушай, парень, ну зачем упираться? Понимаю, молод... Сколько тебе, кстати?

— Двадцать три...

— Ага. Двадцать три. Понимаю. Когда случилась ядерная война, тебе всего три года от роду было. Ты и не помнишь ничего. И Гау тебя в оборот взяли несмышленого. Потому ты и упрямишься больше твоих товарищей. Они-то понимают, что этот ваш Титос — тварь и тиран. Они понимают, что выступили на стороне вселенского зла. А вот ты упрямишься. Тебе сызмальства внушили ложные идеалы. Но ведь ты неглупый парень. У вас же там, в диверсионной школе, все знают, что если попал к нам, в отдел профилактики и безопасности, то никуда от нас уже не денешься. А тебе еще жить да жить. Мы понимаем, что ты молод был и одурманили тебя сволочи эти. Но у нас ведь справедливое общество. Мы тебе шанс дадим. Человеком станешь. Перекуешься. Будешь гражданином Новой Республики. Только дурака валять перестань.

— Человеком стану? А я и есть человек. И никакой я не Гау. И врете вы все про моих товарищей!

Мясник достал из стола стеклянный графин с водой и граненый стакан. Неторопливо налил себе воды и стал медленно пить. Затем уставился на небольшое окно под потолком помещения. Вздохнул. Налил еще один стакан, подумал о чем-то и резко выплеснул его в лицо Николаю. В тот же миг он нанес рукой сильную пощечину по увлажнившемуся лицу.

— Шутки кончились, титорас! Отвечай! Ваша миссия! Координаты второй группы! Вы ведь отвлекали внимание пограничников! Где вторая группа! Цели! Имена! Координаты! Не молчи, скотина! — орал он и снова и снова раздавал жгучие пощечины. — Я же тебе сейчас скальпель под ногти вгонять буду, тварь!

Он нанес еще один удар. Стул опрокинулся вместе с Николаем. Заболело плечо. Васнецов зажмурился и ощутил удар ногой в живот. Было больно. Но еще больше было обидно. Обидно за весь пройденный путь. За гибель космонавтов. За тех конфедератов, что так самоотверженно их защищали. Было обидно, что он не повернул обратно в Москву, заняв себя в последние дни или месяцы этого мира поиском отца и дяди, чтобы встретить истинный финал рядом с ними. Было обидно, что Илье пришлось покинуть Нордику... Ради чего все это? Чтобы вот так попасть в какие-то застенки к мяснику и сгинуть тут, обрекая на гибель и все живое на планете?

— Лучше убей меня, сволочь, — прохрипел Николай. — Убей меня сразу. И вы все подпишете себе смертный приговор. Никто уже вас не спасет. Всем придет конец. И тебе, морда, и Старшине вашему, и этим Гау, и рейдерам, и старику-охотнику, и Лере с ее Иваном, и инвалиду, сыну Ветра. Вам всем конец. Я не желаю вас спасать. Убей меня. Я вас приговорил...

Мясник присел рядом и стал приговаривать:

— Вот так. Вот хорошо. Ты говори, сынок. Говори, не останавливайся. Давай-давай. Говори, сынок...

— Сынок? — простонал Васнецов. — Ты мне не отец, морда. Я сын офицера ВДВ.

Мясник снова нанес удар, и тут позади, у только что скрипнувшей двери, раздался громкий и строгий возглас:

— Что здесь происходит, черт подери!

Мясник резко развернулся и вытянулся по стойке «смирно».

— Товарищ комиссар-наблюдатель, — пробормотал он растерянно. — Я...

— Вы, я вижу, совсем потеряли всякий страх и чувство меры, гражданин следователь!

— Нет, но я...

— Немедленно поднимите задержанного!

Мясник бросился выполнять команду. Тем временем вошедший человек в темно-синем мундире с перекрещенными мечами на обшлагах тужурки продолжал строго отчитывать следователя:

— Что за титорасские методы вы тут практикуете! Или декларация Старшины о гуманном отношении с заключенными для вас пустой звук?! А ведь этот юноша даже не заключенный! Он задержанный до выяснения! Что вы тут устроили!

Следователь поднял уже Васнецова и снова стоял по стойке «смирно», нервно теребя руками полы своего длинного кителя.

— Товарищ комиссар-наблюдатель, — пробормотал он. — Но ведь его подельники уже признались. И он уже начал говорить. Это диверсанты Гау.

— Да я вижу, откуда берутся такие признания! Я не сомневаюсь, что побудь этот юноша с вами наедине еще пять минут, и он признался бы, что убил Кеннеди и поджег Рейхстаг!

— При всем уважении, товарищ комиссар-наблюдатель, но я...

— Но вы сейчас заткнетесь и выйдете вон из кабинета! Немедленно!

Мясник поморщился и стремительно направился на выход.

— Стоять! — скомандовал ему вошедший в темно-синем мундире, когда они поравнялись. — Ключ от наручников. Ну! — Он требовательно выставил перед следователем руку.

Мясник нервно порылся в карманах и, протягивая ключ, пробормотал:

— Я бы не рекомендовал вам...

— Я в ваших рекомендациях не нуждаюсь! — рявкнул комиссар, забирая ключ. — А теперь вон!

Следователь выскочил из кабинета и захлопнул за собой дверь.

Комиссар хмурился и качал головой, освобождая Николая от наручников.

— Я прошу прощения за излишнее рвение нашего сотрудника, — проговорил он спокойным голосом и отошел.

Васнецов принялся растирать запястья. Такой оборот событий вызвал в нем бурю эмоций, которые он еле пытался сдержать. Он уже почти смирился с тем, что их здесь по ложному подозрению уничтожат. Но вот появился этот спаситель в синем мундире, переделанном под нужды местных спецслужб из формы сотрудника МЧС.

— Как вас зовут? — спросил комиссар, присев на край стола.

Васнецов взглянул на него. Он был высок и подтянут. Заметно старше следователя-мясника. Лицо гладко выбритое и открытое, располагающее к откровенной беседе.

— Николай, — буркнул Васнецов.

— Тезка, значит. — Комиссар улыбнулся. — Я тоже Николай. Николай Андреевич. Старший комиссар-наблюдатель главного политического управления наблюдения и профилактики.

— Я бы сказал, что очень приятно, но это ни хрена не так, — продолжал ворчать Васнецов, глядя на него исподлобья.

— Понимаю. От общения с офицерами отдела профилактики и безопасности вообще мало приятных впечатлений. Но я, право, не думал, что некоторые сотрудники оного ведут себя подобным недостойным образом. Хотя, наверное, у вас там создают именно такое представление о наших органах безопасности.

— У нас? — Николай удивился. — Это где это у нас?

— В легионе.

— Какой, к чертям, легион... — Васнецов вдруг запнулся и понял суть происходящего. Это вызвало в нем непреодолимое желание расхохотаться, что он и сделал. — Черт бы вас побрал! — воскликнул он хохоча. — Черт бы вас всех побрал!

— Отчего вы смеетесь? — Комиссар пожал плечами.

— Зачем вы цирк этот разыгрываете? Да, я молод! Да, я вырос уже на пепелище мира! Но я не идиот! Я книжки читал и знаю этот прием, ясно вам?! Злой следователь, добрый следователь... Херня все это! Мы не Гау! И бросьте ваши потуги бесперспективные! Мы прилетели вчера из Екатеринбурга! На самолете прилетели! На СА-МО-ЛЕ-ТЕ! Ты когда последний раз видел самолет, дядя?! Я сын русского офицера! Среди нас еще два офицера! Моряк и летчик! Настоящие офицеры, которые до сих пор о присяге не забыли! И брат мой названый, которого мои родители приютили, когда все гаркнулось! Так какого хрена вы клеймите нас какими-то Гау?!

Николай сорвался на крик и готов был броситься на этого человека. Однако комиссар сохранял спокойствие и внешне никак не реагировал на этот эмоциональный взрыв.

— Следователь уверяет, что ваши товарищи сознались в принадлежности к Легиону Гау. Как вы это прокомментируете?

— Ваш следователь — козел! Это ложь наглая! Вы меня не сломали, а Варяга и Илью вообще никому не сломить! Они воины! Они не могли оговорить себя! Это брехня все!

— Ну ладно. А с какой целью вы прилетели?

— А вот подите вы к черту, товарищ тезка. Мы об этом скажем только вашему Старшине. Нам нужна помощь. Потому что мы взяли на себя ответственность за выживание всех оставшихся на земле. Вы себе не представляете, какая угроза над всеми нависла!

Комиссар улыбнулся и покачал головой.

— Ладно. Я доложу о вашей просьбе товарищу Старшине. — Он улыбнулся и, повернув голову в сторону двери, крикнул: — Конвой!

В кабинет вошел вооруженный вояка, которого в темноте запросто можно было бы принять за молохита. Огромного роста, с плечами, которые, наверное, были созданы, чтоб на них таскать гаубицу. Шея едва ли не шире круглой головы с покатым лбом.

— Слушаю, товарищ комиссар, — произнес он неестественным для своей внешности мягким голосом.

— Задержанного в коридор. Ждать меня. А пока пригласите сюда следователя Ежова.

— Есть. — Конвойный кивнул. — Задержанный, встать!

Николай поднялся.

— Руки за спину, смотреть в пол! На выход!

Васнецов повиновался. Он вышел в коридор. Там стояло еще несколько бойцов. Николай видел только ноги.

— Лицом к стене! — крикнул другой вояка.

Николай выполнил и краем глаза заметил, что лицом к стене стоят еще три человека. Он повернул голову. Это были его товарищи. Варяг, Людоед и Славик.

— Мужики, вы как? — тихо спросил он, обрадовавшись. — Мне сказали, что вы...

— Не разговаривать! — заорал кто-то прямо над ухом и ткнул его автоматом в спину. — Головой упереться в стену и смотреть на свои ноги!

* * *

Мясник-следователь Ежов вошел в свой кабинет.

— Ну что? — спросил он у комиссара.

— Он не глупый, как и его друзья, — пожал плечами комиссар. — Правда, излишне эмоциональный. Разговорить его легко. Только для этого надо быть не костоломом, а психологом.

Ежов тихо хохотнул:

— Да ладно тебе, Андреич.

— Плесни-ка мне воды. — Николай Андреевич перебил следователя и кивнул на графин. Ежов налил стакан и протянул комиссару.

— Холодная, зараза, — поморщился тот, отпив, и стал растирать горло. — Гланды болят неделю уже.

— Лечиться тебе надо, Андреич.

— Посмотрим...

— Ну, так что он рассказал тебе?

— Про самолет раскололся практически сразу. Я же говорю, подход нужен грамотный. Значит, не почудился пограничному дозору вчера летящий самолет. Очень интересно.

— Даже так, — хмыкнул следователь. — И куда их сейчас?

— Пока в карантин нашего управления.

— Ну ладно. А с чего вашему управлению этим делом заниматься? Это ведь наш хлеб. У вас задачи другие. Тут же рядовой случай, если не считать, конечно, самолет.

— Другие. — Комиссар кивнул. — Только Старшина это дело на личный контроль взял.

— Сам Старшина? Это почему? — Ежов удивился.

— Во-первых, самолет. Событие из ряда вон. Во-вторых, очень интересная у них машина. Ну и в-третьих, груз. То, что гвардейцы при досмотре там обнаружили и сразу доложили напрямую Старшине, минуя инстанции. Вот он и заинтересовался, что это за люди.

— Да титорасы это! Ежу понятно! — усмехнулся следователь.

— Ежу, говоришь, понятно? — Комиссар посмотрел на Ежова с пренебрежением. — Но если ты забыл, я тебе напомню, что Старшина не еж. И я, представь себе, тоже. Мы люди.

Следователь нервно кашлянул.

— Андреич, я не то имел в виду...

— Подумай сам. У Титоса есть великолепные диверсанты из числа легионеров. И есть тысяча способов проникнуть скрытно на территорию Новой Республики и приблизиться к нашему городу. Диверсанты Гау могли такое сделать. Другое дело, что бы это им дало? Группа должна быть маленькой для пущей скрытности, но малая группа не в состоянии произвести сколь-нибудь значимую акцию у нас. Если только у них нет чего-то особенного. Эти четверо могли нас уничтожить всех одним ударом. Однако они этого не сделали, а перли открыто, да еще и остановились на границе и не оказывали никакого сопротивления. Почему? Ответ очевиден. Они не Гау. Они издалека и о местных делах вообще понятия не имеют.

— Погоди, Андреич. А чем они нас могли...

— У них в машине ядерная бомба.

Ежов раскрыл рот и выпучил глаза.

— Что?..

— Ты не ослышался. Диверсионный ядерный заряд. Они могли пустить его в ход, скрытно подобравшись к городу. Но они этого не сделали. А ты знаешь Гау. На них не похоже.

— Нет, погоди, атомная бомба?!

— Слушай, дружище, не трепись об этом. — Комиссар наконец поставил стакан на стол. — Стульчик под тобой и так очень шаткий.

— То есть?

Николай Андреевич направился к выходу и, обернувшись у двери, произнес:

— Если я еще раз узнаю, что ты пытаешь задержанных, я заведу на тебя дело. А ты знаешь, как относятся в политуправлении к нарушителям старшинистической морали.

— Андреич, ты чего! — воскликнул Ежов. — Мы же не первый год знаем друг друга!

— Вот именно. И поэтому ты должен хорошо понимать, что я не шучу. Будь здоров.

И комиссар-наблюдатель вышел из кабинета.

15
СТАРШИНА

Это становилось уже дурной привычкой — находиться в карантине. На сей раз не было клетки, как у московских конфедератов. Не было уютной комнаты с музыкой из динамика, как у рейдеров. Был карцер со скрипучей кроватью. Холодный и сырой. С тусклым светом. Электричества едва хватало, чтоб хоть чуточку накалить вольфрамовую нить спрятанной в плафон из толстого мутного стекла лампочки. Но удручало не это. Удручало то, что в этом карантине их держали отдельно друг от друга. Николаю уже казалось, что он прошагал несколько километров, меряя шагами карцер из угла в угол. Останавливался. Тупо смотрел на паутины трещин в стене из крупных шлакоблоков. Снова мерил шагами. Поговорить с товарищами так и не удалось. Конвой воспрещал это делать, пока их сюда вели. Хотя, быть может, их разлучили сразу. Ведь глаза им снова завязали. Во всяком случае, они живы и здоровы. Уже это должно было радовать. Но настроение были подавленным. Даже снисходительное обращение комиссара не оставляло положительных впечатлений. Они ведь хотели добыть топливо и сократить время пути при помощи все того же самолета. Но теперь полу-

чалось, что им предстоит пробыть взаперти неопределенное время.

В голове Николая постоянно крутилась мысль, что, возможно, стоило идти к Гау. Он ругал себя за отсутствие инициативы в данном вопросе. Ругал товарищей за неправильное решение в выборе союзника. Ругал старого охотника за то, что он, судя по всему, ввел их в заблуждение своим рассказом о местной ситуации, основанным на его личной неприязни к Гау.

Васнецов наконец перестал ходить и улегся на кровать, которая заскрипела, напомнив о родной солдатской койке в родном и невероятно далеком подвале Надеждинска.

«Надо было ставить на Гау», — вздохнул он и прикрыл глаза. После этого прошло меньше минуты, и он погрузился в глубокий сон.

* * *

Огромная толпа, собранная в большом ангаре, продолжала истошно вопить. Мужчины, женщины, подростки. Много людей в униформе натовского образца. Ее нетрудно было узнать по характерным кевларовым шлемам, чем-то напоминающим германскую каску сталкера Армагена из Москвы, по защитным наколенникам и налокотникам. Те, кто разрабатывал амуницию для солдат НАТО, знали свое дело хорошо. Они заботились о защите и комфорте для своих солдат. Она отличалась от формы российских солдат обилием продуманных деталей и элементов. Чего греха таить, в российской армии закостенелое мышление засидевшихся в креслах чиновников и бюрократов было далеко от того, чтобы озаботиться о добротном обмундировании своих солдат. Бойцам не хватало качественной обуви. Им давали повседневную форму, которая в силу своего качества принимала плачевный вид после первой же стирки, а там, наверху, думали не об этом, а о том, подшил солдат белый подворотничок, который практически не имел никакого смысла, или нет. А все новое и качественное, что создавалось для армии, можно было найти лишь на рынке и в магазинах. Хотя в небольших количествах новая и по многим параметрам превосходившая западные образцы униформа все-таки доходила до некоторых подразделений российской армии. Так, во всяком случае, рассказывали на занятиях в новой эпохе. Эпохе после всеобщего конца. Тем не менее на занятиях с воспитуемыми в Надеждинске немало внимания уделяли униформе солдат

НАТО. Если поначалу после атомной войны ожидалось, что очень скоро придется с ними столкнуться на своей земле, то много позже, когда все покрылось снегом и тучами, эти уроки стали больше похожи лишь на дань прошлому. На занятиях говорили о достоинствах и недостатках униформы противника и о том, что наша армия выигрывает у них лишь не имеющими мировых аналогов тулупами, ушанками и валенками. Поначалу это могло звучать смешно. Но спустя некоторое время именно от тулупов, валенок и ушанок стала зависеть человеческая жизнь. Да и вообще выживание вида. И все прелести натовской повседневной одежды канули в прошлое. Он еще долго разглядывал всю эту нескончаемую массу людей, поражаясь синхронности их возбуждения и единому порыву, в котором они что-то монотонно вопили. Мужчины, женщины, подростки. Иногда старики или взрослые с грудничками на руках. Их взоры, отражающие бордовый с синим свет в ангаре, были устремлены к большой трибуне, на которой, однако, никого не было.

— Гау!!! Гау!!! Гау!!! Гау!!! — орала толпа, вскидывая руки с зажатыми кулаками над своими головами.

Если у кого-то на руках были маленькие дети, то они плакали от этого страшного шума и жуткой психосферы, окутавшей всех людей, как дым горящего здания окутывает всех находящихся в нем жильцов. Но детский плач тонул и терялся в сотнях глотках, скандирующих:

— Гау!!! Гау!!! Гау!!! Гау!!!

Васнецов только на минуту задумался над тем, что он вообще тут делает и как оказался здесь. Общий настрой толпы смахнул с него всякую способность мыслить и анализировать. И ему захотелось так же взмахивать руками и орать заветное «Гау!», погружая себя в иррациональный экстаз дикого восторга, и стать частью этой безликой толпы, создавшей своим эмоциональным состоянием что-то вроде коллективного разума... Или наоборот... Всеобщее бессознательное...

Но этого сделать ему не довелось. Он проснулся, почувствовав чье-то прикосновение. Миловидная женщина лет сорока, поставив поднос с едой на табурет, накрыла Васнецова старым солдатским одеялом, что и стало причиной его пробуждения.

— Извини. — Она по-доброму улыбнулась.

— Ты кто? — недовольным голосом спросил Николай.

— Не ты, а вы, — сказал кто-то строго. — Она тебе в матери годится.

Васнецов повернул голову. У входа стоял вооруженный охранник с обрезом охотничьего ружья.

— Никита, это невежливо — намекать на мой возраст, — тихо засмеялась женщина.

Николай снова взглянул на нее. О возрасте ей говорить не требовалось. Она выглядела очень хорошо. И дело не в красивых чертах лица и ухоженных вьющихся каштановых волосах, обрамляющих лицо и шею. Она буквально источала жизнь и оптимизм, даже несмотря на глубокую грусть в темно-карих глазах.

Охранник на замечание только недовольно шмыгнул носом.

— Тебя ведь Николаем зовут? — Женщина обратилась к Васнецову.

— Да. Николай.

— Ты поешь. Я еду принесла.

— Не хочу я есть, — проворчал Васнецов, усевшись на койке.

— Ты не брезгуй, — рявкнул Никита. — Это ваша жрачка. Из вездехода вашего. Свою провизию мы на вас тратить не собираемся.

— Никита, ну хватит уже. — Она нахмурилась. Затем снова обернулась к узнику. — Тебе, кстати, привет передавали.

— Кто? — оживился Васнецов.

— Друзья твои. Они вообще друг другу приветы передают, — улыбаясь, говорила женщина. — Я им всем еду принесла. Только все отказываются есть. Покушал только этот, в черном. С усами. Илья. Еще и поблагодарил.

— Ты ешь, ешь, — снова заговорил охранник. — И спать не заваливайся. Скоро вас сам товарищ Старшина примет.

— Какая честь, — брезгливо усмехнулся Николай, который все не мог отделаться от мысли, что надо было идти к Гау. И в голове пульсировали возгласы толпы, которые так его манили.

— Следи за языком, пацан. Тебе за Старшину тут любой голову открутит. Ладно, Лена, хватит с ним нянчиться. Пойдем.

— Пошли, — кивнула женщина, и они покинули карцер.

Николай вздохнул, медленно растирая ладонями лицо и пытаясь понять смысл своего сна. Затем он сорвал белое полотенце с подноса, обнажив железную миску с едой и кружку с компотом из сухофруктов. Есть все-таки хотелось.

* * *

Новая Республика представляла собой небольшой городок. Во всех поселениях, что им встречались, жизнь ушла под землю. Исключение составляли лишь кантина «Три свиньи» и Ва-

вилон. Но там все было обнесено общими стенами и сводом, представляя единый комплекс. А Новая Республика выглядела иначе. Можно было только представить, какой титанический труд проделали подданные Старшины, укрепляя старые здания дополнительными стенами из бревен, досок, шлакоблоков и бетонных плит. Помимо доработки старых зданий, они давно возвели и новые, послевоенные. В ход шло все. Даже речные баржи и блоки глины с тростником. Архитектура зданий была прямоугольно проста, но упор строители делали на непробиваемости стен и сохранении тепла. В единые комплексы были объединены лишь некоторые группы зданий, которые находились близко друг от друга. Иногда откуда-то из глубин строений доносились звуки работ или бодрые солдатские речевки: «Фашистам, натовцам и Гау у наших есть один ответ! Добро пожаловать, ублюдки, готовим вам свинцовый мы обед!»

Многие строения соединялись между собой тоннелями из железобетонных труб большого диаметра. Суровые условия ядерной зимы заставили граждан Новой Республики придумывать самые разнообразные ухищрения для отопления своих жилищ и сохранения в них тепла. Резиденция главы этого города-государства была в центре Новой Республики, в трехэтажном здании управления. Помимо обители самого Старшины, там был генеральный штаб республики и так называемый университет, место, где граждане республики могли получить какие-то дополнительные знания. В своей цитадели Старшина держал и всех имеющихся здесь ученых, которым были предоставлены жилые комнаты. Повсюду, снаружи и внутри зданий, виднелись различные агитационные плакаты. То идущий в штыковую атаку солдат, под которым значилась надпись: «Удави зверя Гау», то изображения каких-то местных героев с перечислением их заслуг и призывом следовать их примеру. То плакаты с жуткими иллюстрациями бесчеловечности и опасности Легиона Гау. То изображение какого-то усатого человека, держащего перед собой в руках маленького ребенка, и надпись: «Старшина подарил нам надежду! Подарим ему победу!» В помещениях много черных флагов с перекрещенными из угла в угол мечами. На сей раз им почему-то глаза не завязали, что давало возможность все это рассмотреть. И на попытку поговорить конвоировавшие четверку путешественников гвардейцы Старшины никак не реагировали.

— Мы куда вообще идем? — тихо спросил Николай у Варяга, когда они миновали усиленный блокпост из долговременных огневых точек и танка ПТ-76.

— К их лидеру. Он принять нас хочет, — ответил Яхонтов.

— Вот как...

— Почему у вас флаги черные? — Людоед обернулся к одному из гвардейцев. Черный цвет вызывал неприятные ассоциации с полотнищами черновиков.

— Это траур по всем, кто погиб в мировой войне, — мрачно ответил боец. — И вообще, это наш вариант Андреевского флага. Только траурный и боевой одновременно...

Пройдя мимо многочисленных постов охраны административного здания, они наконец поднялись на третий этаж, где их ждал комиссар-наблюдатель Николай Андреевич и еще один человек в мундире и голубом берете.

— Здравствуйте, — вежливо кивнул комиссар пришельцам. — Проходите. Охрана остается в коридоре.

— Я возражаю, — нахмурился человек в берете.

— Это приказ товарища Старшины, — тоном, не терпящим возражений, ответил комиссар.

И они вошли. Нет, это не было роскошными апартаментами погрязшего в роскоши среди всеобщего бедствия диктатора. Просторный кабинет. Отделанные досками стены. Большой стол. На столе настольная электрическая лампа, обрамленная зеленым абажуром, с одной стороны и керосиновая лампа — с другой. Подсвечник с огрызком свечи. Несколько старых блокнотов в центре стола и десяток карандашей в отполированном до блеска обрезке артиллерийской гильзы. Пепельница из такой же гильзы. Полевой телефон. Вдоль стен стеллажи с огромным количеством книг. Массивный сейф. Ряд стульев перед столом и один стул со стороны хозяина. Причем хозяйский стул был такой же, как и те, что для гостей. В углу вешалка с висящей на ней армейской шинелью и тулупом. Под потолком лампа дневного света. Окон в кабинете не было, поскольку он находился в глубине здания. В противоположной от входа стене еще одна дверь, справа от которой висела большая карта.

Вот из этой двери и вышел человек, как две капли воды похожий на того, что был нарисован на плакате держащим в руках ребенка.

— Встать! — скомандовал комиссар рассевшимся на стульях гостям.

Они поднялись. Однако человек в зеленом мундире без погон и нашивок небрежно махнул рукой.

— Садитесь, — тихо сказал он и расположился на хозяйском месте.

Ему было уже за пятьдесят. Невысокий, плотного телосложения. Темные волосы с обильной сединой. Густые черные усы. Густые брови, обрамляющие пристальный взгляд с прищуром.

— Здравствуйте, — размеренно проговорил он. — Меня зовут товарищ Старшина.

— А мы с Варягом полковники, — усмехнулся Людоед.

— Уверяю вас, здесь это не имеет значения, — спокойно ответил Старшина. — Все ваши звания, регалии, заслуги. Кто вам это присвоил, кто награждал, нет возможности проверить.

— Вы не любите офицеров? — поинтересовался Варяг.

— У нас тут много офицеров. — Хозяин пристально посмотрел ему в глаза. — Настоящих офицеров.

— Но заправляет всем старшина, — снова ухмыльнулся Людоед.

Комиссар недобро на него посмотрел, но промолчал, видимо выжидая реакции хозяина.

Хозяин никак не отреагировал. Только так же спокойно произнес:

— Сомневаюсь, что вы тут найдете того, кто этим недоволен.

— Недовольных вы, наверное, в лагерь посадили или расстреляли, — проворчал Николай.

— Коля, заткнись, — тихо проговорил Сквернослов.

— Отчего же. Пусть говорит. Зачем мне ваша неискренность. Не будет доверительной беседы, не будет и толка от нашей встречи. Но эту встречу ведь вы искали. Не я.

— А откуда у вас электричество? — Варяг взглянул на лампу, решив увести разговор в другое русло. Неприятности с местными властями им были совсем не нужны. — Я что-то ветряков у вас не заметил.

— Генераторы есть. В другом месте. Но они работают не на ветре, а в основном на воде, — ответил Старшина.

— На воде?

— Да. Вода есть-самая универсальная субстанция, известная человеку. Она дарит жизнь. Но может нести смерть. Тяжелая вода. Оксид дейтерия. Вообще, в воде скрыты колоссальные энергетические ресурсы. И я, и вы состоим из воды на три четверти. Наш мозг. Наше сердце. Даже бензин гореть не будет, если из него убрать всю воду.

— Но как? Как из воды можно получить электричество? У вас гидроэлектростанция?

— Слишком примитивно. — Старшина неторопливо покачал головой. — Водород. Пища мириадов солнц. Есть группа

ученых... — Он вдруг встал со стула и, повернувшись спиной к гостям, взглянул на карту. — Вы ведь не будете спорить, что самоистребившаяся цивилизация в основе своей зиждилась на потреблении. Грабила единственную планету, на которой ютилась. Пилила сук, на котором сидела. Однако иногда являлись миру светлые умы. И была группа ученых, которая в инициативном порядке разработала технологию получения экологически чистой энергии. Это оказалось более эффективной технологией, чем солнечные батареи. И даже более дешевой и простой, чем ветряные генераторы. Небольшая установка, питающаяся водой и синтезирующая водород. Система цикличная. Потом снова получается вода. КПД колоссальный, и при всем при этом технология удивительно простая в реализации. Но надо было быть очень наивными людьми, чтобы в мире, где правили те, кто сколачивал немыслимые богатства на нефти, на углеводородном сырье, пытаться протолкнуть эту технологию в быт всего человеческого общества. Началась травля этих людей. Кого-то даже убили. Еще до войны. Но потом цивилизация погибла. Начались миграции выживших. И вот эта группа, вернее, то, что от них осталось, оказалась у нас. И на нашу удачу, и на их счастье. — Он вернулся на свой стул. — Однако оставим это лирическое отступление. Технология засекречена, поскольку Гау тоже нужна дешевая электроэнергия. Так что давайте перейдем к самой сути.

Он выдвинул ящик стола и извлек оттуда две курительные трубки. Одну из них Николай узнал. Она принадлежала Варягу.

— Это ваше? — Он протянул трубку Яхонтову.

— Да. Но у меня еще при обыске табак изъяли, — ответил Варяг.

— Табак, значит. — Старшина хмыкнул и поставил на стол деревянную шкатулку. — Угоститесь моим пока, — сказал он и поднял трубку полевого телефона.

— Коменданта мне, — строго сказал Старшина. Через некоторое время в трубке послышался хрип, на который строгим голосом хозяин ответил: — Помощник? А где сам?.. Так... Это я понял... Значит, слушайте внимательно, у вас есть тридцать минут, чтобы его разыскать и передать ему мое распоряжение. Пусть вытрясет дух из бойцов, что изымали имущество у вчерашних задержанных. Через полчаса у меня в кабинете должно быть абсолютно все, что они изъяли. Даже если к кому-то прилипла ниточка от вещей задержанных, то они должны вернуть

и ее. Полчаса. Все. — Он положил трубку телефона и принялся забивать табаком курительную трубку. — Откуда вы?

— Мы из Калужской области, — ответил Варяг.

— Все четверо? — Он снова пристально взглянул на гостей.

— Я из Москвы, — мотнул головой Людоед.

— Вот, значит, как. Ну и как столица?

— Как и все остальное. В руинах. Но выжившие есть.

— Враждуют?

— Враждуют, — кивнул Крест.

— Логично. — Старшина закурил и, поднявшись, подошел к карте. — Калужская область, значит. Москва. А вот где мы. И как вас так угораздило?

— Давайте все по порядку расскажу, — вздохнул Варяг.

— Именно на это я и рассчитываю, — не оборачиваясь, произнес Старшина.

И Варяг начал рассказ. Он говорил о Надеждинске. Рассказал о неожиданном визите космонавтов. О землетрясении, белом медведе и чудовищном черве. Поведал о ХАРПе и решении Совета Надеждинска его уничтожить. Рассказал об экспедиции. О визите в Москву. О пси-волках. О конфедератах. Об их дальнейшем пути. Не забыл упомянуть о Вавилоне и рейдерах. О том, что происходит в Екатеринбурге, и, разумеется, о самолете. Старшина слушал внимательно и не перебивал. За время этого долгого рассказа он только один раз пыхнул трубкой, и она потом вовсе погасла. Наблюдавший за ним Николай вдруг понял, что диктатор курит больше не для удовольствия, как Варяг, а для других целей. Он чаще затягивался, когда вел разговор. Видимо, трубка помогала ему правильно вести этот разговор. В нужном ему русле. Каждая затяжка давала ему время обдумать очередное слово и каждую новую фразу. Обдумать очередной вопрос и правильно его сформулировать. Или ответить на вопрос именно так, как ему надо, а не иначе. Судя по всему, он был очень недоверчивым и подозрительным человеком.

Когда Яхонтов закончил свой долгий рассказ, прервавшийся лишь на минуту, когда в кабинет внесли пакет с вещами, которые прикарманили обыскивавшие четверку путников бойцы Новой Республики, Старшина снова закурил и через минуту размышлений произнес:

— Космонавты, значит. На Луну летели. — Он усмехнулся. — И это у вас, значит, луноход.

— А что вас смущает? — поинтересовался Варяг.

— Разве я сказал, что меня что-то смущает? Мне просто интересно, эти ваши космонавты, земля им пухом, случайно не рассказывали вам, как они собирались преодолеть пояс Ван Аллена, если собирались на Луну?

— Какой пояс?

— Радиационный пояс вокруг Земли. Пояс Ван Аллена. Жесткое космическое излучение там, где уже не предохраняет от него магнитное поле Земли, как на орбите. Как они собирались его преодолеть? Ведь не из свинца же был их корабль, верно?

— Погодите, но ведь всякие аппараты на Марс и еще бог знает куда отправляли.

— То аппараты. Там не было людей. Но, судя по вашему рассказу, на Луну летели люди.

— А как американцы туда летали еще черт-те когда? — вмешался в разговор Людоед.

— А они туда летали? — Старшина прищурился и усмехнулся.

— Погодите, вы хотите сказать, что...

— Я ничего не хочу сказать. Просто любопытствую. И этот ваш луноход... Такие аппараты — товар штучный. Особенно в стране с таким бюджетом и валовым внутренним продуктом, какой была наша родина перед войной. Но оказывается, что такими аппаратами укомплектованы еще и вооруженные формирования этих рейдеров. Не много ли луноходов делала страна, которая толком не могла свою армию содержать?

— Но разве их много? — возразил Варяг.

— Много. Для лунохода их много. Это ведь не Ка-пятьдесят, которых у нас по пальцам можно было пересчитать. Это не МиГ МФИ, который был у нас всего один. Это луноход. Машина не для этой планеты даже. Такие вещи на конвейере не делали.

— И что это, по-вашему? — нахмурился Яхонтов.

— Вы слышали о так называемых танках политбюро? — ответил Старшина после минутной паузы.

— Нет. И что это?

— Особые транспортные средства для передвижения и жизнедеятельности представителей высших эшелонов власти, партийных и военных лидеров, на случай глобальной и неограниченной ядерной войны. Их разработкой занимались еще, кажется, при Хрущеве.

— Не слышал, — ответил Варяг. — И что, вы думаете, что это и есть тот самый танк политбюро?

— Ну, думать можно все, что угодно. На деле может оказаться, что это действительно луноход и что они действительно летели на Луну. Да не долетели. Во всяком случае, сейчас это уже совсем не важно. Сейчас важно другое. — Старшина извлек из-за стола сверток материи для солдатских портянок и развернул его. В нем лежал предохранительный стержень от ядерного заряда Людоеда и флакон с эфиром, который дал Дитрих. — Это зелье — дело понятное. В быту бывает полезным. Но вот в своем рассказе вы, уважаемый гражданин Варяг, отчего-то не упомянули про ядерный заряд, который везете. Откуда он у вас?

— Это мой сувенир, — усмехнулся Людоед.

— Ваш? — Старшина пыхнул трубкой и поднял брови. — Я-то думал, что ядерное оружие России есть собственность министерства обороны страны.

— В былые времена — да. Только где сейчас это министерство? Квартиру я получить не успел. С пенсией тоже оказия вышла. Так ведь что-то в память о родном министерстве нужно было оставить. Вот я и прихватил. Ну а вообще, если серьезно, это наш ответ ихнему ХАРПу. Надеюсь, вы не думаете конфисковать у нас это оружие и использовать по своему усмотрению?

Старшина в очередной раз скрыл свою задумчивость за пеленой выпускаемого из трубки дыма.

— Я, откровенно говоря, рассчитывал не на это. Я рассчитывал на то, что с ядерным оружием давно покончено.

— Если хотите знать, то я тоже надеюсь, что она последняя, — ответил Илья.

Николай понимал, что он лукавит. По крайней мере рейдеры обладали ядерным оружием. И кто знает, где еще в мире были выжившие, сохранившие это рукотворное исчадие ада для каких-нибудь целей.

— ХАРП. — Старшина снова подошел к висящей на стене карте. — Аляска. А ведь была когда-то нашей территорией. Интересно, как бы все сложилось... Н-да. Наверное, после революции ее все равно аннексировали бы американцы. Но... Когда укрепился во власти собиратель имперских земель и вырезал всю старую большевистскую гвардию своими чистками, то он стал бы изыскивать способы вернуть Аляску... Война. Если бы эта территория была нашей... Танковые армады Красной армии блицкригом прошлись бы по континенту. Как это было в войне с японцами. Три недели — и все, мы в Мексике...

— Да вы маньяк, — вырвалось у Николая.

Комиссар устремил на него гневный взор, продолжая ожидать реакции Старшины. Тот медленно повернулся, показывая не предвещающую ничего хорошего улыбку.

— Обоснуйте, молодой человек.

— Что тут обосновывать? Дорвавшийся до власти унтер, выкормленный войной и кровью. Нет? Всюду плакаты. Угрозы. Ваши портреты. Да у вас культ личности и диктатура! Вы еще и мировым господством грезите!

— Однако как много вы успели понять за то малое время, что здесь находитесь, — усмехнулся Старшина.

— Все время, что я у вас нахожусь, я был в застенках ваших карательных органов. Как и мои товарищи...

— Колян, захлопни пасть, — зашипел Вячеслав.

— Ну уж нет! Он хотел откровенности!

— Разумеется. — Старшина кивнул. — Давайте откровенно. Диктатура? Конечно. Вы жаждали демократии? Вы знаете, кто придумал демократию? Древние греки. У них было тепло. Климат такой. И сытно. Они любили философствовать. Много философов у них было. Потому что им ни хрена не надо было делать. Им не надо было думать, как согревать свои жилища. Потому что у них было тепло. Им не надо было думать, как добыть еду. Потому что всем этим занимались их рабы. Они, быть может, не угнетали рабов своих, как это делали те черновики, про которых вы тут рассказывали. Рабы там, наверное, жили в сытости. Но они были рабами. Как и сытые рабы этих ваших рейдеров. И, придумав демократию, эти греки даже представить не могли, что не будет рабов, а будет всеобщее равенство. Равенство они видели для себя. Как и демократию. Посему суть демократии проста до боли. Демократия — для демократов. А для рабов — рабство. Кем бы вы родились при демократии? Рабом или элитой? Какая сложная дилемма, да? Все и всегда вы можете решить за себя сами? Боюсь, жизнь сама внесет свои коррективы. А у жизни злая ирония. Когда настал крах советской империи, люди кричали: нужны реформы. Нужна демократия и рыночная экономика. Старая система никуда не годится. Да, при новой экономике будет двадцать процентов безработных. Зато жить будем припеваючи. Как на Западе. Только им почему-то и в голову прийти не могло, что они окажутся среди этих двадцати процентов. Демократа спросили, понимает ли он, что его реформы приведут к смерти двадцати, а то и тридцати мил-

лионов людей в огромной стране. Он сказал: и что же, не проводить никаких реформ? Эти люди, значит, не вписались в новые реалии и условия жизни. Вот так легко и просто. Ведь он себя не видел среди этих миллионов. И близких своих не видел. Одну особу из штатовского госдепа спросили, понимает ли она, что экономические санкции против государства Ирак за десять лет привели к гибели десятков тысяч иракских детей. Она ответила, что это очень трудный, но нужный выбор. Ибо это путь демократии. Вот так вот запросто. Это ведь не ее дети. Те, кто развязал ядерную войну, надеялись на свои бункеры и запасы. Хрен с ними, с миллиардами людей. Главное в ядерной войне — это бункеры для элиты. Демократия — это выбор. Безусловно. Выбор между тем, раб ты или элита. Жертва или тот, кто этими жертвами устилает путь. Но разве ты делаешь этот выбор?

— А что, тирания лучше? Человек волен распоряжаться своей судьбой, когда над ним стоит тиран? — возразил Васнецов.

— Нет. Тирания не лучше. Но тирания тирании рознь. Вот вам пример: за годы опричного террора при тиране Иване Грозном было казнено людей в десять раз меньше, чем в то же время за одну Варфоломеевскую ночь в просвещенной Европе. Но Иван — тиран, а они там культурные и цивилизованные люди. А что было бы с гражданами Новой Республики, не будь этой самой Новой Республики и жесткого централизованного управления? Я работал. Мои соратники работали. И мы заставили работать и создать себе условия жизни всех, кто был здесь и пришел сюда. Неважно, кто этот человек. Чиновник краевой администрации, генерал, бизнесмен, солдат или рабочий. Все вкалывали. Были тут и те, кто пофилософствовать любил. Болтологией заниматься. Мы, дескать, люди другого склада. Нам другой вид деятельности предначертан. Мы интеллигенция. А кто сказал, что интеллигенция — это безделье? Я им показал, что им предначертано. Трудовые лагеря, вот что. И важно помнить, что там, за рекой, всего в тридцати километрах, обосновался враг. Кучка предателей. Со своей аморальной идеологией. И враг с нами цацкаться не будет. Война не окончена. Война продолжается.

Я тиран? Будь по-вашему. Тиран. Знаю, меня так многие называют. Да что там, пройдут годы. Возродится все, быть может. И тогда меня тираном назовут все. Ведь жизнь станет другой. Может, настанет весна. Природа проснется. Отстроятся

города. Будут жить в теплых квартирах люди и смотреть телевизор. Им не надо будет в борьбе и тяжком труде добывать еду. Они пойдут в ближайший супермаркет и все, что надо, там купят. Конечно, в их понимании я буду тиран. Ведь им не хочется думать о том, как мы жили. Как выживали. Какую цену нам приходилось платить, чтобы в труде и борьбе сделать возможным будущее благоденствие. И они будут чураться своей истории. Пугаться ее. Клеймить свое прошлое. И злого тирана Старшину. Ведь у них все будет по-другому. Легко и просто. Но от непонимания своего прошлого они впадут в невежество. Снова. И все тогда повторится. Скатятся в хаос и беспредел, в аморальность и безнравственность, где нет жесткой руки и львиного сердца, болеющего за вверенный ему в подданство народ. И тогда они возмечтают о диктатуре. О жесткой руке. О льве на троне. Ведь если баранами правит лев, то они станут львами. А если львами правит баран, то они обречены быть баранами. Ведь единственная свобода, которая по большому счету нужна человеку, — это свобода от ответственности и бремени принятия решений. Пусть государь думает, как сделать жизнь лучше. Пусть он заботится о народе. А если не справится, мы его свергнем и призовем тирана. А если справится, то потом, когда придут новые времена, мы назовем его тираном и отречемся от него. Это ведь так легко, пнуть мертвого льва.

Он принялся выбивать из трубки пепел, стуча по обрезанной гильзе-пепельнице.

— Излюбленная забава человечества — пляска на граблях. Одних и тех же граблях. Шекспир сказал, что весь мир театр. Я говорю, что он не прав. Мир — это цирк. Большая круглая арена. И люди бегут по этому кругу, как дрессированные верблюды. Все это уже было. Были лишения и жесткая рука. Был тяжкий труд, в котором строилось будущее. И будущее отстояли ценой неимоверных усилий и больших жертв. Но в будущем люди стали гадить на могилы своих трудившихся и сражавшихся отцов и посыпать свою голову пеплом. Может, потому мы и пришли к такому ужасу, который в итоге случился. Потому что не любим делать выводов и извлекать уроки. Ведь мы любим свободу. Свободу от принятия решений и бремени ответственности. Кто-то один сказал за нас, что там, в прошлом, все было плохо и неправильно. Значит, так оно и есть. Кто-то сказал, что надо пустить ракеты, и все нажали кнопки. Ну, пусть через много лет назовут меня тираном. Значит, будущее это будет.

И в том наша будет заслуга. А то, как они удержат наш дар, уже будет их забота, ответственность и решение. Но я держу все в жестких руках, чтобы новые люди в Новой Республике были воспитаны по-другому. Чтобы была преемственность. Чтобы помнили уроки. И знали, что жить они будут ценой наших жертв. А сейчас... Мы выжили, чтобы жить. А чтобы жить, надо выживать. Неужели в вашем Надеждинске все по-другому?

— У нас нет лагерей и тюрем. И наказания там только административные. И правит всем Совет, а не один человек. И не видим мы в каждом прибывшем врага. И...

— Ты просто не помнишь, Коля, что было в самом начале, — проворчал Варяг. — Нам в Надеждинске пришлось пройти все круги ада, чтобы все утряслось и превратилось в дружную трудолюбивую общину. Да, легче было в том, что у нас в основном слаженные подразделения военных.

— Тут тоже военные...

— И среди них предателей много, — перебил его Старшина. — Я ведь не с этого начинал. Я считал своим наипервейшим долгом сохранить людей и оказать возможное сопротивление врагу. Десант ведь был, и был он до войны. Перед самым началом. В огромной стране с никудышной системой контроля, с не оклемавшейся после развала и децентрализованной системой ПВО. С продажными должностными лицами, которые, подобно тем оборотням в погонах, что пропустили колонну груженных вооруженными бандитами КамАЗов к роддому... За тридцать сребреников... А тут командир подразделения и чиновник местной администрации были повязаны с вражеской агентурой. Они хорошие деньги поимели. Им было чем торговать. В этих краях курсировали машины «Тополь-М». Они их сдали. Продали безопасность страны и народа. Вероятность ответного удара. Нарушили равновесие, предохраняющее от мировой войны. Я не знаю, кто все заварил. Я не знаю, кто все это начал. Ведь, как я понял из вашего рассказа, перед войной мы тоже похулиганили. Верно, товарищ Крест? База противника в Северной Атлантике — ваша работа?

— Моя, — кивнул Людоед.

— Ну, ясно. Сразу скажу, упрекнуть мне вас не в чем. Во всяком случае, в этом вопросе.

— На том спасибо. — Илья улыбнулся.

— На здоровье. — Старшина открыл свой ларец с табаком.

— Угоститесь теперь моим. — Варяг протянул ему кисет со своим табаком, который вернули полчаса назад.

— Без обид, товарищ Яхонтов, но я курю только свой, проверенный табак, — ответил Старшина. Он набил трубку и снова закурил. Покачивая головой, разглядывал дым. — Непросто было поначалу. Но я не зря в былые времена много времени уделял солдатам. Даже взял на себя обязанность проводить с ними занятия по общественно-государственной подготовке. Офицерам было лень. У них других забот хватало. Армию ведь сокращали. Но не сокращали обязанности. В итоге то, что делали раньше десять человек, приходилось исполнять пятерым. Даже необученным. Да и кому охота возиться с бойцами. Что-то им объяснять. Выслушивать их. Быть им старшим братом. Не хотели офицеры этого делать. И я взял эту функцию на себя. И разумеется, я не читал им казенные бумажки, написанные теми, кто понятия не имел, чем живет боец. О чем думает и переживает. И они стали тянуться ко мне. Излишних поблажек по службе я не давал. Но относился к ним по-человечески и выслушивал. Помогал чем мог. И много с ними беседовал. Прививал то, что школа уже давно не прививала, а родители забывали. Любовь к Родине. Гордость за свою историю. Гордость за свою нацию. Кем бы он ни был. Русский, татарин, якут, дагестанец, чуваш, калмык. Ну и за кем солдаты пошли, когда все началось? За теми, кто слушать об их проблемах не хотел? Кто смотрел на них как на бесплатную рабочую силу? Или за мной? Многие хотели уйти. Добраться до дома. Я их понимаю. Но есть долг. Я поговорил с ними. Уговорил остаться на неделю. Покончить с окопавшимися врагами и предателями здесь. А потом я их не держу. Но идти им уже было некуда. Тут ядерных ударов не было. Глухая тайга кругом. А вот в их города и поселки пришла ядерная смерть. А я задолго до этого говорил солдатам, что война неизбежна. Политическая и экономическая ситуация во всем мире такова, что война — дело времени. И объяснял им, что надо делать в этих условиях. Провидцем оказался. — Он усмехнулся. — Авторитет мой от этого только вырос. И это был не дешевый авторитет, какой зарабатывают некоторые командиры, закрывая глаза на неуставные отношения в подразделении или пьянство подчиненных. Нормальный авторитет лидера. Старшины. Строгого, но справедливого. И дел потом у нас не убавлялось. От своих людей я узнал, что глава областного УВД собрал архив с дактилоскопическими картами военных. Каждый военный ведь должен был сдавать отпечатки пальцев. И материалы хранились в УВД. И этот мерзавец хотел эти ма-

териалы передать врагу. Ведь если эту зону оккупируют и кто-то из военных уйдет в подполье, то их легче будет вычислить. Мы перехватили и уничтожили и этого предателя. Архивы у меня. Потом подняли голову недобитки. Появился Гау.

Васнецов слушал его и вдруг ощутил болезненную пульсацию в висках. Он отчетливо вспомнил разбитый вагон, где он с ушибленной головой и Юра Алексеев с загнивающими от ран ногами грелись у костра, в который Николай подбрасывал письма. Там было письмо одного солдата из армии. Он хорошо помнил. Тот писал своей матери, что попал в хорошую часть, потому что у них хороший старшина. Только говорил этот старшина много о войне. Что она неизбежна...

— У нас было много времени на переосмысление произошедшего, — продолжал говорить Старшина. — Мир был обречен. Мир зашел в тупик. Неверная экономическая модель. Потребление невосполняемых ресурсов. Вражда и навязывание своих идеалов другим. Интеграция и глобализм. Все могло прийти к истинной тирании. Единоличному диктату группы авантюристов. Тайного мирового правительства. И тогда не было бы никакого спасения. Никакой альтернативы. Никакого выбора. Одна модель. Одно мнение. Один режим. Да, были бы у нас личные свободы. Хочешь черную одежду — иди и купи. Хочешь пеструю — иди и купи. Хочешь быть голубым... Да пожалуйста. Твоя задница. Хочешь смотреть дебильный сериал, умовыжигательное ток-шоу, словоблудов и обезьян, произошедших от человека, светские хроники публичных куриц и будни гламурных потаскух, смотри на здоровье. Мы сделаем для вас дешевые телевизоры. Мы сделаем для вас четыреста каналов. У вас есть выбор на этих каналах. Между дерьмом, блевотой, мочой и соплями. Выбирай. Вот твои свободы. Хочешь выбрать между слоном и ослом, выбирай. Это ведь свобода и демократия. Хочешь умирать — умри. Хочешь жить, попробуй. Хочешь сказать, что президент дурак, ну скажи. В этом ведь ключевое отличие тирании от свободы. Плохой тиран льет тебе на голову дерьмо, но ты молчи. Хороший демократ льет тебе на голову дерьмо, но ты теперь можешь открывать рот. А кто тебя будет слушать? Что это изменит? Ничего. У тебя иллюзия свободы и отсутствие тирании. Ведь вокруг демократия. Чего еще желать? Нет. Конечно, то, что я сейчас скажу, это чудовищный цинизм, но война принесла благо. Мир сейчас разрушен до основания и покрыт снегом. Это чистый белый лист. И с этого

чистого листа нам надо начинать все сначала. Опираясь на неудачный опыт прошлого. Помнить его уроки. Ведь последняя цивилизация, как, видимо, и те, что были до нее, не справилась с наипростейшей задачей вселенского разума — идти вперед и развиваться. Вместо этого, все бегали по замкнутому кругу цирковой арены, как дрессированные верблюды. И наступали на одни и те же грабли. Мы начали с самого начала. И в начале пути нужна жесткая рука, потому как надо бороться. И от нового воспитания людей и их анализа ошибок прошлого будет зависеть, возникнет в дальнейшем необходимость тирании или нет. Но если вам, молодой человек, что-то не нравится, то сейчас именно у вас есть такая честь и привилегия, как выбор. Вы не наш человек. Не гражданин Новой Республики. Если вы хотите идти к Гау, я вас не держу. И предателем вас никто не объявит. Кого вам предавать? Вы меня не знаете. Но вы не знаете и Гау. Не знаете, какое это зло...

— А если Гау добро, вы ведь все равно будете говорить, что он зло. Ведь так? Это ведь суть вашей пропаганды? — возразил Николай.

— Это суть любой пропаганды, — улыбнулся Старшина, выпустив очередной клуб дыма.

— Нам нужно топливо для самолета, а если я не ошибаюсь, оно есть у Гау, — вмешался в разговор Варяг.

— Конечно. У них его в избытке. Они ждали много самолетов. Но мы постарались, чтобы не дождались. И какие ваши предложения?

— Вы не считаете, что пора покончить с Гау раз и навсегда? Пора уже переключаться на другие задачи. Мы же вам много рассказали. Есть рейдеры на Урале. Есть Вавилон за Уралом. Есть конфедераты в Москве. Есть Надеждинск, в конце концов. Пора налаживать связи.

— Не спорю. Пора, — кивнул Старшина. — Для налаживания связей ох как пригодились бы ваш самолет и ваш вездеход.

— Это исключено. И вы это прекрасно понимаете, — нахмурился Людоед.

— Разумеется. Уничтожение ХАРПа сейчас приоритет номер один. Иначе все наши труды и жертвы напрасны. — Старшина уселся на стул и, закинув ногу на ногу, взглянул на доселе молчавшего комиссара. — Николай Андреевич, как думаешь, каким образом поступил бы Титос, узнав, что у Старшины появилась атомная бомба и он хочет покончить с Легионом Гау раз и навсегда?

— Трудно быть уверенным относительно того, что у этой твари в голове, — пожал плечами комиссар. — Но я могу сказать, как поступил бы на его месте я.

— Ну и?

— Отступать некуда. Некуда бежать. Они много труда вложили в свой гарнизон. Тут только один вариант. Бросить все силы. Всю свою свору, все оружие на Новую Республику. Массированное наступление. Быстро и молниеносно выдвинуться к границе врага. Тогда враг не решится применить бомбу. Иначе накроет и его. Враг тоже будет биться всеми силами. И это момент истины и единственный шанс. Либо Гау, либо Старшина.

Диктатор покачал головой и улыбнулся.

— Знаешь, Николай Андреевич, я ведь тоже поступил бы именно так.

— Послушайте, — еще больше нахмурился Людоед. — Эту бомбу применять нельзя. Она для ХАРПа.

— Это я понимаю, — махнул рукой Старшина. — В ядерном оружии важно его наличие, а не применение. Не все это, правда, понимали. Ну да ладно. Мне докладывали, что вы испрашивали возможность помыться и постирать свою одежду. Это так?

— Так, — кивнул Варяг.

— Сейчас у вас будет такая возможность. А нам с тобой, Николай Андреевич, надо кое-что обмозговать. Детально и обстоятельно.

16
СМЯТЕНИЕ

Огромный агрегат прачечной монотонно гудел, выпуская пар из прохудившихся прокладок и стыков старых шлангов. Они уже помылись и оделись в чистое, взятое из лунохода белье, поверх которого они надели спортивные костюмы, доставшиеся от рейдеров.

Теперь оставалось только сидеть на скрипучей деревянной скамейке в помещении прачечной и смотреть на эту большую стиральную машину.

— А хорошо тут. — Людоед откинулся на спинку скамейки и заложил руки за голову. — Бойлерная. Прачечная. Баня. Напомнило родную часть.

— Хорошо, говоришь? — Сквернослов усмехнулся. Он придерживал платком рану на лице, оставленную черновиками

на станции «Площадь 1905 года». Рана снова стала кровоточить после бани. — Попробуй это объяснить своему другу-морлоку, который вечно чем-то недоволен и едва нас до цугундера не довел своим языком на приеме у Старшины. Тоже мне, либераст.

— Да пошел ты, — угрюмо пробормотал Николай.

— Да, блаженный, отжег ты там, — ухмыльнулся Людоед.

— А вы все рукоплещете местному царьку? — Васнецов зло посмотрел на своих товарищей. — Все нормально, да?

— Знаешь, Коля, — вздохнул Людоед. — Есть человек. Он заболел. Ему операция нужна. Тяжело заболел. Помереть может. И вот ему сделали операцию. Больно. Неприятно. Он претерпел лишения и дискомфорт. Но его спасли. Выписали из больницы. Но сказали — это будет тебе уроком. Береги себя. Береги свое здоровье. Он послушал. Но он ведь теперь здоров. И через некоторое время перестал следить за собой. Снова стал пить и курить. Жрать все подряд. Главное, чтоб вкусно было. Или превышать скорость на машине. Или играть с огнем. И в итоге снова оказался на грани смерти. Что делать? Опять операция. Все вернулось на круги своя. А знаешь почему? Потому что он дебил.

— Какая операция? Какие врачи? Какая машина? Илья, оглянись! — воскликнул Васнецов. — Ничего больше нет!

— А я тебе о чем толкую, тормоз!

— Да не понимает он тебя, — засмеялся Вячеслав. — По-морлочьи ему объясни.

— Заткнись, Славик, — рявкнул Николай.

— Я понимаю твою проблему, блаженный. — Крест покачал головой. — Эта проблема не в местном режиме или личности Старшины. Просто нас встретили как врагов. Просто нас по камерам рассовали и мозги компостировали на допросах. Вот в чем проблема. Ты уязвлен. Ты мнишь себя мессией и спасителем человечества. И тебе вдруг не оказали должных почестей. Ай-ай-ай. Сволочи какие. А если бы тебя как своего, а еще лучше, как героя-полубога приняли, то тебе, наверное, и плевать было бы, кто и как здесь правит. Вот из таких, как ты, и возникают самые страшные тираны.

— Это не так! И между прочим, я себя мессией не считаю! Это ты сам меня так назвал! Забыл?!

— Назвал! И ты это принял! А теперь я говорю, что ты идиот! Так прими теперь и это!

— Да вы все просто боитесь! Боитесь этого Старшины! Варяг! Варяг, а ты что молчишь?!

Яхонтов устало посмотрел на Николая.

— Отвянь, — буркнул он. — Я думаю о самолете. Мне плевать.

— О самолете? Ну так подумай, что без топлива он не полетит! Надо было идти к Гау! Моя интуиция...

— Чушь, — перебил его Людоед.

В помещение вошла пожилая женщина. Следом — знакомая уже миловидная Лена. Та, что разбудила в карцере карантина Николая.

— Ребята, — улыбнувшись, произнесла она. — Сейчас Анна ваши вещи в сушку отправит. Пойдемте пока в нашу столовую. Я вас чаем угощу.

* * *

— Это все обман, что он был самым добрым царем. Это все неправда. Он правил огнем и мечом, — пробормотал Старшина слова из старой песни, вертя в руках предохранитель от ядерного заряда Людоеда. — Что думаешь об этом парне?

— Он идеологически вреден и просто опасен, — ответил комиссар.

— Ну будет тебе, Андреич. Мы же тут не на заседании политсовета. Говори как есть.

— Как есть? Юнец просто не в теме. Однако впечатлителен. Посему говорят в нем лишь его эмоции от первых впечатлений. А первые впечатления не из приятных.

— Ежов? — Старшина взглянул на комиссара.

— Ежов. — Комиссар кивнул. — И кстати, парень этот эгоцентричен весьма. В некоторой степени считает свое мнение эталонным.

— Раз он такой умный, я бы с удовольствием поменялся с ним местами. — Старшина ухмыльнулся.

— Во-первых, Старшой, тебя народ никуда не отпустит. Он просто не поймет твоего ухода. Во-вторых. Если этот пацан займет твое место, то тогда будет истинная тирания. Тирания деградации и упадка. Мы все потеряем. Народ расшатается.

— Народ... Народ не отпустит. И я тиран? Слуга народа и раб обстоятельств... Скажи мне, Андреич. Ты же профессиональный аналитик ФСБ. Психолог. Что на самом деле думает народ?

— Он думает, что за него думаешь ты.

— Тавтология какая-то.

— Но это так. Они верят в будущее. У них есть четкий образ врага. У них есть цели и задачи. Они не ноют о том, как все вокруг скверно. Как весь мир медным тазом накрылся. К суровым условиям привыкли, но в будущее с твоей подачи верят. В этом году уровень рождаемости превысил смертность. Это не просто показатель их веры. Это просто чудо в данных условиях. — Комиссар пристально посмотрел на Старшину. — А ты сам веришь? Или какой-то сопляк посеял в твоем сердце сомнения? Мне что-то твой настрой не нравится.

— Да я шутил, — поморщился Старшина. — Я хоть и устал очень, ни за что не дам какому-то глупцу уничтожить то, что мы смогли построить и отстоять с таким трудом и такой кровью. Это гнусно. Так ведь уже бывало в истории. Этот парень считает, что Титос лучше? Так пусть идет. Сделай так, чтоб он ушел к Гау.

— Думаю, это будет несложно. А его друзья?

— Они нам пока нужны тут. Да и миссия их должна быть доведена до удачного конца. ХАРП — серьезная угроза. Я ведь подозревал давным-давно. Еще в самом начале. Да что там... Статейку в «Красной звезде» про ХАРП читал когда-то. — Он усмехнулся. — Я, похоже, был единственным в части, кто читал приходящую в подразделение корреспонденцию. Другие только закуску на ней резали. Ну да ладно. Их надо уберечь. Хотя этот Крест весьма своенравный. Но мне кажется, что он понимает мои мотивы и суровые реалии нашей жизни и выживания. Человек взрослый. Судьбой испытанный. Да и другие. В облаках не витают уже. Розовых очков не носят. А парень этот явно никогда никаких ответственных решений не принимал и всю жизнь ведомым был. Заботой окружен. Он только во время их пути начал взрослеть, и то ему далеко до взросления. Толку от него никакого. Однако сейчас меня другой вопрос заботит. Провидение послало нам исторический шанс избавиться от Гау. — Он демонстративно приподнял предохранитель. — Что скажешь?

— Я согласен с тем, что это шанс. Другого может и не представиться.

— И что дальше?

— Я уже начал подготавливать почву. Утечку информации надо организовать. Титос должен знать. Мы взорвем весь его

сброд. Мы сметем их ядерным ударом. Одна бомба. Один взрыв. Одна десятая часа. И все. Нет их.

— Даже мысли допускать не хочется о применении этого оружия на территории моей страны. И уж тем более в краях, которые избежали ядерных ударов.

— Ну, это же блеф.

— Чтобы блеф удался, надо самому в него поверить. И быть готовым применить...

— А ты поверь, Старшой. Подумай о том, что рождаемость превысила смертность, потому что мы два года уже не ведем активных действий. Только мелкие стычки.

— Да. Но под угрозой ядерного удара они все ринутся на нас. Потери в обороне меньше, чем у атакующих. Но они будут у нас. И будут огромны. Стоит ли оно того? Да и выстоим ли вообще, когда они все, в надежде быть ближе к нам во избежание взрыва, возьмутся за оружие и бросят на нас всю технику?

— У нас уже произведено огромное количество взрывчатки. А они пойдут наикратчайшим путем из-за угрозы применения бомбы. А наикратчайший путь, как известно, — прямая. Они бросятся напрямик через реку. Там, в восьми километрах, дамба. Мы взорвем ее, и их слижет с реки.

— А там, за дамбой, самолет. Что с ним будет?

— До него более двух десятков километров. Лед, по моим расчетам, разрушится, помимо дамбы, еще на пару километров в сторону самолета. Он в безопасности.

— Но уровень воды подо льдом спадет.

— Его толщина позволит выдержать и стоящий самолет, и даже взлет его.

— Допустим. Как организовать утечку, чтоб она была убедительна? Одного юнца, ушедшего к Гау, будет недостаточно.

— Конечно, — кивнул комиссар. — Есть еще один человек. Человек известный. И не только у нас. Его знают и по ту сторону. Наслышаны о нем. Нам придется им пожертвовать. Но вообще, нам так или иначе с ним придется что-то делать. Среди людей давно уже роптания идут о его методах и перегибах. А таких ассоциаций с твоим правлением нам ведь не нужно. Он, конечно, полезен на своем месте. Да и имеющее место его скотство бывает полезно. Но он свой ресурс выработал. Он уже знает о бомбе. И он знает, что над ним нависает дамоклов меч нашего гуманного правосудия.

— Ежов? — Старшина взглянул на комиссара.

— Ежов. — Комиссар кивнул.

— Согласен, — вздохнул Старшина. — Но кем мы его заменим?

— Незаменимых людей не бывает.

— Да? — Старшина усмехнулся. — Тогда почему ты не хочешь заменить меня?

— Люблю тень. И у меня нет той харизмы. Ты — знамя народа. Ты их идол. Ты их символ побед и выживания. И мы уже говорили на эту тему. Все мысли о твоем уходе преждевременны, если принадлежат тебе. И преступны, если принадлежат любому другому.

— Это было несколько лет назад.

— Тем не менее время еще не пришло. Далеко не пришло. И постарайся, чтоб таким, каким я вижу тебя сейчас, никто тебя никогда не видел.

Брови Старшины опустились. Он сурово посмотрел на комиссара и медленно придвинул ближе к нему сверток ткани для солдатских портянок, где были замотаны предохранитель и флакон с эфиром.

— Вы свободны, товарищ комиссар-наблюдатель, — сказал он совершенно другим голосом.

Комиссар резко встал, взял сверток и вышел из кабинета.

— Знамя... Идол... Символ... — тихо прошептал Старшина. — А ведь когда все начиналось, я просто пытался быть человеком. И им и остаться до конца жизни...

* * *

Николай пытался сосредоточиться. Он взывал к своим приобретенным способностям, но вера в них угасала. Он не слышал ничего. Он чувствовал, что выход из этих помещений охраняют гвардейцы. Но чувствовал это, потому что знал об этом. А вот чего-то большего он уловить не мог. А казалось, достаточно лишь слегка сосредоточиться, и он телепатически услышит, о чем говорят Старшина и комиссар. Но что-то смущало его. Перед его разумом проплыл образ их разговора. Фразы этого разговора. Но внутренний голос твердил, что все это разыгравшееся воображение и ничего больше. Внутренний голос твердил, что все эти способности — пустые мечты и выдавание желаемого за действительное. Может, он не мог сосредоточиться от злости? Или его сбивал приятный терпкий вкус местного чая, неизвестного ему рецепта? Или плакаты в зале столовой банно-прачечного комбината? Эти плакаты отличались от черно-белых, нарисованных углем или тушью агиток с солдатами и Старши-

ной. Тут они были цветные. Молодые румяные женщины с розовощекими детьми. «Дети — это будущее. Новая жизнь, звено в цепи бессмертия. Роди ребенка!», «Святость семьи — основа выживания и возрождения!». И все в таком духе. Видимо, основным контингентом на комбинате были женщины, и эта агитация была рассчитана на них. Да нет. Все-таки его с толку сбивали не эти плакаты. Что-то другое... Он вдруг уставился на красивую женщину Лену. Когда он увидел ее в первый раз, она упомянула его товарищей. И акцентировала тогда внимание на Илье. Он в тот раз не придал этому значения. Но вот она сидит с ними за одним столом. И сидит рядом с Людоедом. Она смотрит на него, и у нее на белом лице румянец. Настоящий, а не нарисованный... Она смотрит на него и улыбается. О чем-то тихо говорит с ним. И Крест улыбается... Старик... Слепой старик... Васнецов вдруг увидел каким-то другим зрением ползущего по выложенному кафелем полу слепого старика. Сейчас он схватит Илью за ногу и начнет бормотать про ахиллесову пяту. Женщина!

— Крест! — воскликнул Николай, вскочив.

Все уставились на него с недоумением. И Илья не исключение.

— Чего? — спросил он.

— На пару слов можно тебя?

Они вышли в помещение, где стоял стиральный аппарат.

— Ты чего хотел, Коля? — произнес Людоед, прикрыв дверь.

— Илья, гони эту бабу! Гони ее прочь! О чем вы там воркуете? Гони к дьяволу!

Крест нахмурился.

— Тебя по голове били на допросе? — сказал он с издевкой.

— Не пори чепуху! Гони ее! Вспомни того старика в метро! В Екатеринбурге! Вспомни! Только женщина может тебя погубить! Это она! Она!

Людоед какое-то время смотрел в глаза Николаю, затем вдруг подобрел и тихо засмеялся.

— Коля, дружище, успокойся. Никто меня не погубит. Я бессмертен, как и все мировое зло.

— Да не паясничай ты! Послушай меня!

— Нет, блаженный, это ты меня послушай. Я никаких отношений ни с кем завязывать не собираюсь. А Лена просто умный, эрудированный и хороший собеседник. Она просто хороший человек.

— Что... Да ты... Ты поплыл, Илья. Ты же поплыл! Ты хоть понимаешь, что ты говоришь?! Это не Людоед! Это не Ахиллес! Это не тот великий морлок! Ты что за овцой стал?!

Николай вдруг вскрикнул от боли. Людоед схватил его за ухо.

— Тебе показать великого морлока и Людоеда? Будь уверен, мало тебе не покажется! — Он оттолкнул от себя Васнецова.

— Ребята, ну чего вы тут секретничаете? — В дверях появилась Лена. — Пойдем. Чай ведь стынет.

— Уже. — Илья улыбнулся и протиснулся в дверной проем, в котором она стояла.

Женщина одарила его улыбкой и как бы невзначай провела ладонью по его плечу. Николая от этого зрелища передернуло.

Когда Людоед вышел, она обратилась к Васнецову:

— Коленька, пойдем. Ты бледный весь какой-то. Наш чай хорошо бодрит.

Она продолжала улыбаться своей доброй и красивой улыбкой, и это бесило еще больше.

Васнецов подошел к ней и, пристально глядя в ее темно-карие глаза, зашипел:

— Держись от него подальше, сучка! У него есть женщина в Москве! И она его ждет!

Лена ничего не ответила. Она просто стала другой. Ее добрый огонек в глазах исчез. Остался холод. Улыбка пропала в сжатых губах, которые вдруг стали тонкими и бледными. Казалось, она хочет ударить Николая. Но женщина просто развернулась и ушла в столовую.

* * *

Пробуждение не оставило никакого следа от сновидения. Возможно, ничего и не снилось. Николай медленно поднялся и уселся на скрипучей кровати, разглядывая противоположную стену унылой камеры карантина, освещенную тусклой лампой. На сей раз он был рад оказаться в одиночной камере, в отрыве от своих товарищей. Он был зол на них. Зол за их непонимание. За их насмешки. Злился на Людоеда за его близорукость. За то, что он оказался слаб перед чарами этой стервы. Она, вернувшись в столовую, снова села рядом с Людоедом и мило с ним беседовала. Даже дотрагивалась. И ясно, что делала это теперь назло Николаю. Он в этом не сомневался и ненавидел ее. И злился на Людоеда... За то, что не оценил, как сильно Николай за него беспокоится. Вся эта злоба граничила с лютой ненавистью по отношению к ним, и он был очень рад, что не видел сейчас их, своих товарищей.

Васнецов растер лицо ладонями и снова прислушался. Его вроде бы разбудила еле слышимая сирена, прозвучавшая где-

то далеко снаружи. Да. Так и есть. Снова взвыла сирена и через минуту смолкла. Интересно, что там случилось...

Он поднялся и снова принялся мерить шагами помещение. Хотелось колотить кулаками стены. Хотелось орать о том, как он все это ненавидит, включая его глупых попутчиков. Хотелось кричать о том, что он делает всем большое одолжение, мечтая уничтожить ХАРП. Хотелось истошно вопить и звать мертвую девушку Рану, которая так подло, по-женски, его бросила и больше не приходила в его видения. Он бы уже сорвался на крик, до того Николай довел свое душевное состояние, как вдруг за дверью зазвенела связка ключей.

В помещение вошел тот огромный, похожий на молохита охранник и бросил на кровать теплую одежду Николая. Затем он вышел и его сменил уже знакомый комиссар-наблюдатель.

— Как спалось, молодой человек? — спросил он, пристально глядя на гостя-пленника.

— Хреново. Что там у вас воет снаружи? Сирена?

— Сирена, — кивнул Николай Андреевич. — Это иногда случается. Не стоит тревожиться. Но за беспокойство прошу извинить. А теперь одевайтесь потеплее.

— Это еще зачем? — настороженно пробормотал Васнецов.

— Придется вам некоторое время побыть на улице.

— Чего ради?

Комиссар вздохнул и присел на табурет рядом с кроватью. Извлек из кармана листок бумаги и протянул его Николаю.

Васнецов принял этот лист и, развернув, очень удивился. Это была листовка, подобная той, что они с Варягом нашли в разбитом вертолете. Агитка Гау. Зачем комиссар таскает с собой вражескую пропаганду?

— Что все это значит? — пробормотал Николай, чувствуя, что назревает что-то нехорошее.

— А значит это вот что, юноша. Эта бумага — ваш пропуск к другому миру. Вы ведь недовольны режимом Старшины. Недовольны нашим укладом. Вам тут все не нравится. Старшина вас не держит. У вас есть выбор. И выбор этот — Гау. Должен отметить, что это уникальная для вас возможность. Будь вы гражданином республики, вас пришлось бы судить трибуналом по законам нашего сурового времени. Но вы человек посторонний здесь. Для вас делается скидка. Вы можете уйти.

Николай опешил. И не столько из-за такого поворота событий, сколько из-за того, что в нарисованном воображением

разговоре комиссара и Старшины этот вопрос поднимался. Старшина хотел, чтобы Васнецов ушел.

— Но почему? — пробормотал он.

— Почему? А зачем вы нам тут нужны? Вы набросились с жесткой критикой на наш режим. На наш уклад жизни. На нашего лидера. И вам еще повезло, что вы в изоляции и о вашей позиции не знает народ Новой Республики. Уж поверьте, они за такое потребуют сурового наказания. И, учитывая вашу позицию, мы не собираемся тратить на вас наши ресурсы. Вы клеймите наш строй, и при этом мы должны обеспечивать вас едой, водой, теплом? Все это является достоянием нашего народа, который своим потом и своей кровью достиг тех условий жизни в постъядерной зиме, которые мы имеем. Мы не собираемся привлекать людей, у которых и без этого забот хватает, на вашу охрану. Посему вам лучше уйти. Может, в Легионе Гау вы найдете свое счастье. Это, конечно, не в наших интересах — пополнять ряды злейшего врага. Но для вас мы делаем исключение.

— А мои товарищи?

— А что ваши товарищи? Они не высказывают недовольства. Они пришли к нам с конкретным делом, а не нравоучениями. Их просьбу и проблему мы будем рассматривать и изыскивать пути для решения. Они остаются с нами.

— Мне надо с ними поговорить...

— Вы не будете с ними говорить. Это исключено. Они вообще до поры не будут знать о вашем уходе. Сейчас это ни к чему.

— Тогда я никуда не пойду! — резко заявил Николай.

— Вы очень непоследовательны, молодой человек. И боюсь, этот вопрос решен. Если не пойдете сами, применим силу. У нас ведь тирания. — Последнюю фразу он сдобрил насмешливой улыбкой.

— Послушайте! Я знаю Варяга и Славика с детства! Я не могу так просто уйти от них!

Комиссар покачал головой и, повернув голову к двери, крикнул:

— Конвой!

* * *

Снегоход был в своей стихии. Он уверенно ворчал двигателем и мчался в ночи между деревьев глухой заснеженной тайги. Позади гудел еще один снегоход. Роскошный кортеж получился. Николай слышал его, но не видел. Глаза у него были завяза-

ны. Всю дорогу, что он молча проклинал комиссара и Старшину за такое изгнание, его не покидала мысль, что, быть может, его просто везут на расстрел. Его проснувшийся внутренний голос твердил то же самое.

«Ну все, братец, отвоевался. Хлопнут тебя сейчас из-за твоей дурости, и пропадешь в безвестности», — насмехался внутренний голос.

Васнецов размышлял над тем, стоит ли выпрыгнуть из машины или нет. Он ничего не видел из-за чертовой повязки. В прыжке он мог разбиться о дерево или попасть под идущий следом снегоход. Но бежать от своих соглядатаев он хотел во что бы то ни стало. Однако события опередили его мысли. Вскоре машины замедлили ход и потом вообще остановились. Кто-то толкнул Николая в снег, и он упал.

«Вот и все, — пронеслась в голове режущая нервы мысль. — Все».

— Лежи и не рыпайся, — рявкнул голос.

— Неужели вот так просто отпустим? — послышался другой голос.

— Комиссар сказал.

— Но почему?

— Да не нашего ума это дело. Вот и все.

— А это не связано с тем переполохом, что вечером был?

— А что за переполох был?

— Ты что, тревогу не слышал?

— Я на дальнем в патруле был. С этой тарахтелкой разве что услышишь? Так что случилось-то?

— Говорят, Ежов сбежал.

— Что? Кто сбежал? — Спрашивавший был удивлен.

— Ежов.

— Ежов? Тот самый Ежов?

— Ну... — Отвечавший тихо засмеялся. — Других Ежовых у нас, слава богу, нет. Тот самый.

— Куда сбежал?

— А куда тут бежать? К титорасам, конечно.

— Но как же так? Он же такой пост занимал! Неужто он крыса?

— То, что он крыса, и так было ясно. Но я вот слыхал, что терпение у товарища Старшины лопнуло. Много гадостей сделал этот Ежов, и было велено его арестовать. Но он как-то понял, что песенка его спета, и деру дал.

— Вот сука... кто бы мог подумать...

— Я вот одного не могу понять. Ну, мы, простые люди, давно знали, что Ежов просто палач голимый. Отчего его Совет и Старшина терпели? Почему только сейчас его решили за глотку взять?..

— Погоди...

— Что там?

— Кажется, все. Наше дело сделано. Валим.

— Вижу. Поехали.

Двигатели снегоходов снова заурчали.

— Эй! Э-э-эй! — заорал Николай. — А как же я! Куда вы?!

Ответа не последовало. Ревя двигателями, солдаты умчались прочь, и Васнецов остался один на один с мраком повязки, ледяным холодом и завываниями порывов ветра. Разумеется. Он этого не учел. Они просто оставили его умирать на холоде. Зачем тратить патроны? Надо просто кинуть связанного человека в снег, и все. Холод ядерной зимы сделает все остальное, собирая свой урожай жертвенных людей-овец. Даже страшно не было. Было безумно обидно за такой финал. Было стыдно перед друзьями за свое поведение. Сейчас он надеялся лишь на одно. Чтобы с ними было все в порядке. Он этого очень хотел. Сейчас, перед лицом неминуемой смерти, он мысленно просил их о прощении и желал им надолго его пережить. А за себя было безумно обидно...

— Ко-о-ля... — разнесся шорох совсем рядом.

Он вздрогнул. Какой странный звук у этого очередного порыва ветра.

— Коля...

Это был шепот Раны, и ее ледяное дыхание и холодное прикосновение окутали его. Нет. Это всего лишь ветер. Или все-таки Рана? Чего ей надо? Если он сейчас умрет, то они встретятся на том свете, если все это, конечно, не глупые суеверия... А может, он уже умер? Да вроде нет. Он чувствовал свое тело. Связанные за спиной руки совсем затекли. Но он даже замерзать пока не начал. И вообще, если его хотели насмерть заморозить, то зачем комиссар велел ему тепло одеться? А это что за звук? Кто-то идет? Точно! Снег хрустит. Зверь? У каких зверей снег под ногами хрустит? Точно не у хищников. Хотя кто их знает, новых хищников... Да нет. Это не зверь. Этот хруст похож на человеческие шаги. Снегоступы. Точно. Это снегоступы. Шаги стали слышны совсем близко, и вдруг все затихло.

Николай напрягся, пытаясь расслышать еще что-нибудь. Кто-то шмыгнул носом. Сделал еще шаг.

— Ты, часом, не помер? — послышался голос.

— Нет, кажется, а что? — ответил Васнецов после паузы.

— Вставай тогда. Чего валяешься?

— А вы кто?

— Сейчас узнаешь.

Человек подошел и помог встать на ноги. Затем сорвал с Николая повязку. Была глубокая ночь, и человека было трудно разглядеть. Тем более что он светил в лицо фонарем. Только когда незнакомец направил луч света на следы снегоходов, Васнецов смог разглядеть, что это был кто-то в натовской униформе для арктических широт.

— Интересно как, — пробормотал он. — Тебя, значит, тупо выкинули?

— Вы легионер Гау? — спросил Васнецов.

— Я рейнджер периметра Гау. А ты что за ком с горы?

— Я Николай Васнецов. У меня ваша листовка, в нагрудном кармане. Это же пропуск.

Человек поморщился.

— Николай. Васнецов. Ну-ну.

— А вас как зовут?

— Я капрал Вейнард.

— А... — Васнецов замялся. — Вы что, не из России?

— Какая еще Россия? — Капрал еще больше поморщился. — Нет такой страны. И мы не носим в Легионе этих рабских славянских имен.

У Николая все похолодело от этих слов.

— Но почему...

— Ты глупых вопросов не задавай. — Вейнард извлек из его кармана листовку и, развернув, посветил на нее фонарем. — Ну да. Наша писулька. Однако ты второй за эту ночь. Плохо вам у Старшины, да?

— Они меня сами выгнали, — развел руками Николай.

— А вот это ты никому не говори. Любой ребенок Гау знает, что старшинисты так просто не отпустят. Да еще с листовкой. Тебя бы к стенке поставили.

— Да, но...

— Рот прикрой пока, — совершенно спокойно говорил капрал. — И слушай внимательно. Ты бежал. Тебя не привезли, а ты бежал. Никаких снегоходов не было. Ты бежал к Гау

и наткнулся на меня. Я тебя поймал. Ты все понял? Если в ТАЙПОЛе узнают, что старшинисты привезли тебя к границе с нашей листовкой и просто отпустили, то окажешься в пыточной. Не бывает так, чтобы они отпустили предателя, выкинув у границы. Запомни это. Запомнил?

— Да, — пробормотал Николай, растерянно тряся головой.

— Вот так-то лучше. Пошли.

Васнецов побрел по снежной глади, накрывающей замерзшую реку Лену, и думал теперь о том, что не просто так комиссар выгнал его из Новой Республики. Этот капрал Легиона Гау знал, что они его сюда привезут и оставят. Знал, когда и куда за ним прийти. И старшинисты знали, что его заберут здесь. Вейнард как-то связан с людьми Старшины. Все это была какая-то комбинация комиссара. Иначе почему капрал дал ему совет молчать о том, что на самом деле произошло? И как со всем этим связан Ежов? Неужели тот самый Ежов, что его допрашивал, мастер грязных дел во имя режима Старшины, бежал к Гау?

17
ЛЕГИОН

Теперь это был невероятно худой и длинный человек. Казалось, что даже его лицо кто-то вытянул. Возраст его определить вообще было сложно. А вот помещение похожее. Сырой потолок. Стол. Серые бетонные стены. Только вместо плаката про болтунов белое полотнище с черным кругом, в который был вписан треугольник с глазом. Николай почему-то ожидал увидеть именно такое помещение, в подобном которому его недавно допрашивал Ежов. И когда с него сняли повязку, надетую на глаза Васнецова капралом Вейнардом, он нисколько не удивился. Удивлялся он только внешности этого субъекта в мундире мышиного цвета, поверх которого был одет белый фартук. Худой держал в руках какой-то металлический измерительный прибор и странного вида лекало.

— Так-так, — прокряхтел он писклявым голосом. — Неплохо. Н-да. Неплохо.

— Что скажете, Гау-Дарвин? — раздался низкий хриплый голос позади.

Николай не мог повернуть голову, поскольку на нее был надет каркас из металлических хромированных трубок. Худой

что-то покрутил на этом каркасе, отчего заныли виски, и приложил лекало.

— Ну, что сказать, Гау-Гота, — снова прокряхтел он после своих манипуляций. — У него хороший череп. Правильный череп. Он не мутант. Хотя невежда и дикарь, что неудивительно, учитывая, что он пришел от этих варваров.

— Такой ли он невежда, если решил покинуть этот старшинистический свинарник и прийти к нам, свету новой цивилизации?

— Ну, я же сказал, что у него правильный череп. В таком черепе могут зародиться достойные мысли.

— Хорошо, Гау-Дарвин. Заканчивайте. Мне пора приступить к допросу. Скоро утро. Я сегодня совсем не спал. Сначала один беглец. Теперь другой. Мне бы радоваться, но я отдохнуть не могу.

— А я, Гау-Гота, больше не смею отнимать у вас время. Моя миссия завершена. Антропометрические параметры черепа обследуемого я записал в ваш протокол. Сейчас заберу инструмент и удалюсь.

Худой принялся откручивать винты на каркасе, и давление сжимающих голову трубок стало слабеть. Васнецов совершенно ничего не понимал. Вроде говорили они по-русски, но понять смысл всего этого он не мог. После встречи с капралом он не думал, что Гау такие по меньшей мере странные. Даже когда тот привел его к пограничному посту, где их ждали вездеход и еще два рейнджера, даже когда ему в стотысячный раз за это путешествие завязали глаза, все было понятно и логично. Но теперь он совершенно не понимал, что происходит.

Когда худой собрал свои инструменты и, сгорбившись, побрел короткими шагами больных ног к двери, Васнецов не выдержал и брякнул ему вслед:

— Слышь, дядя, а у тебя у самого череп правильный?

Тот резко обернулся и вытаращил на него свои бесцветные глаза с крохотными зрачками. Подбородок его задрожал, словно он вот-вот заплачет от этого вопроса.

— Ступайте, доктор, я сам поучу его хорошим манерам цивилизованного человека. Что взять с варвара из Новой Республики? Ступайте.

Худой наконец ушел.

Сзади раздался вздох. Человек, видимо, сидел и теперь поднялся. Послышался топот кованых сапог. Николай ожидал за-

трещины, но ее не последовало. Человек обошел его и опустился в кресло за столом. У него не было одного глаза. Вместо него повязка с эмблемой Гау, которая делала его круглое, морщинистое лицо шестидесятилетнего человека жутковатым.

— Ну, здравствуй, — сказал он, улыбнувшись дюжиной золотых зубов.

— Ну, здрасьте. — Васнецов машинально дернул плечами, но его руки снова сковывали наручники за спинкой стула. Снова заболели запястья.

— Ну, рассказывай.

— А что рассказывать?

— Что просили передать из центра? — тихим, заговорщицким тоном проговорил одноглазый.

Это было вообще неожиданно. Васнецов опешил, пристально глядя на Гау-Гота. И самый мучительный вопрос бился в его голове: как себя с ним вести?

— Простите, вы что имеете в виду? — осторожно проговорил Николай.

— Ну, как это? — Следователь изобразил удивление. — Тебя ведь из центра прислали. Типа перебежчик. Что они велели мне передать на словах? Какие инструкции?

«Он что, шпион Старшины?» — с изумлением подумал Васнецов.

Это было странным. Он стал судорожно искать подходящую модель своего поведения и пытаться разобраться в ситуации. Если учесть, что комиссар затеял какую-то сложную игру, в которую входили комбинации с побегом Ежова, изгнанием его, Николая, и еще чем-то, то вполне может быть, что тут его уже ждал подготовленный агент. Ведь похоже, что и капрал был агентом старшинистов. С другой стороны, если это так, то почему Николая не ввели в курс дела, ежели этот Гота ждет от него устных инструкций. А может, Ежова уже поймали Гау и допросили? И если Ежов знал, что Николая выкинут из республики, то он мог в качестве доказательства своей лояльности режиму Титоса заявить на допросе, что будет еще один перебежчик, который на самом деле агент Старшины. Нет. Все равно какая-то несуразица выходит. Его, Николая, просто выгнали. Швырнули к Гау. А значит, и вести он должен себя как человек, который стремился попасть к легионерам. И скорее всего, вопрос этого одноглазого следователя лишь уловка. Хитрый следовательский прием.

— Я хочу, чтобы меня допрашивал кто-то другой, — осторожно произнес Васнецов.

— Вот как? Отчего же? — Гау прищурился одним глазом.

— Я бежал от ига Старшины не для того, чтобы столкнуться с его лазутчиком здесь.

Следователь хмыкнул. Поднялся с кресла и подошел к пленнику.

— А тогда отчего ты не кричишь? Отчего не зовешь охрану, если перед тобой лазутчик ненавистного тебе Старшины? — ехидно проговорил он. — Ты не хочешь меня подставить? Не хочешь предать старшиниста?

Николай все понял. Это провокация. Грубая, глупая провокация. Рассчитанная на полных идиотов.

— На помощь! — заорал во все горло Николай. — Здесь шпион Старшины!!!

Следователь ударил его под дых. Васнецов обмяк на стуле и захрипел, хватая ртом воздух.

«Ну что, доволен, придурок, — забубнил внутренний голос. — Променял шило на мыло».

— Охрана! — заорал Гота на дверь.

Она приоткрылась.

— Слушаю, Гау-Гота! — отчеканил бодро кто-то.

— Давайте сюда этого! Живо!

— Есть!

Не прошло и минуты, как в помещение затолкали Ежова со связанными руками.

— Ты знаешь его?! — рявкнул Гота, указывая на Николая.

Ежов приглядывался некоторое время, затем быстро закивал.

— Да! Да, знаю! Это один из тех задержанных, про которых я уже рассказал!

— Та-а-ак! — Следователь занял позу «руки в боки» и надменно, сверху вниз, посмотрел на Васнецова. — Откуда у вас атомная бомба?

— Она всегда была у нас, сколько себя помню, — проворчал Николай.

— А вы откуда?!

— Из Москвы.

Он решил четко отвечать на вопросы. Ведь если Ежов предатель, то он уже все слил. Оставалось только морочить голову в мелких деталях, которых Ежов не знает.

— Какая у вас цель?!

— Взорвать ХАРП.

— Что такое ХАРП?

— Установка такая. На Аляске. Ее еще перед войной запустили. Она продолжает действовать.

— Зачем?!

— Это станция климатического воздействия. Глобальная. Она вышла из-под контроля и уничтожает планету. Всем придет конец. И зима из-за нее не кончается.

— А вы-то откуда про нее знаете? — усмехнулся Гота.

— Там, у выживших в Москве, связь есть со спутником. Уцелевший спутник в космосе. Данные с него. Поймите, вопрос стоит о выживании всех. И вас в том числе. И нас. Всех.

— А почему ты бежал от Старшины?

— Не мог он сбежать сам! — воскликнул Ежов. — Они под стражей были! Его заслали!

— Заткнись! — заорал Гота.

— Послушайте, как он мог прийти?! — не унимался Ежов. — У него была ваша листовка? Была? Где он ее взял?!

Следователь Гау снова усмехнулся.

— Ну, парень, откуда у тебя наша листовка?

— Из разбитого вертолета, — не задумываясь, ответил Васнецов. Задумываться тут было опасно. — Он на берегу реки лежит. Там было немного листовок.

— А когда мы их обыскивали, не было никаких листовок! — воскликнул Ежов.

Он предатель. В этом теперь Николай нисколько не сомневался.

— Твои болваны плохо обыскивают, старшинистическая мразь! — оскалился на него Васнецов. — Под стельки моих ботинок заглянуть забыли!

— Ладно, допустим, — махнул рукой одноглазый. — Зачем ты к нам пришел?

— Старшинисты нашу бомбу захватили. Они с ее помощью с вами покончить хотят. Мне помощь нужна ваша. Это и в ваших интересах. Надо вернуть бомбу. И заправить самолет.

— Самолет...

Следователь удовлетворенно хмыкнул. Видимо, показания Ежова сходились с тем, что сейчас говорил Николай. А это давало надежду, что ему поверят. Только вот что теперь делать дальше?

— Когда они хотят нанести по нам удар? — спросил Гау.

— Этого я не знаю.

— А как ты сбежал? Вас же охраняли.

— Из банно-прачечной. Нам дали возможность помыться и постираться. Вот и сбежал.

— Врет он все! — продолжал кричать Ежов.

— Врет? Он нам рассказал то же, что и ты. И про бомбу, и про самолет. Где он врет? — Гау уставился на перебежчика.

Тот не знал, что на это ответить.

— А вы знаете, кто этот человек? — продолжал скалиться Николай.

— Знаем, конечно. Это легендарный товарищ Ежов, — усмехнулся следователь, презрительно давя на слово «товарищ».

— Ну и кому вы поверите? Я перед вашими чист. Я в ваших краях всего два дня. А сколько он сгноил в застенках людей, которые были против Старшины и хотели уйти к вам? Кому вы поверите?

— Много ты знаешь для человека, который тут всего два дня.

— Да уже вошел в курс дела. Потому и решил бежать к вам.

— Ладно, — вздохнул одноглазый, озадаченно почесывая серые от седин волосы. — Короче, так, ведите этих двоих пока в камеры. — Он вдруг взглянул на часы. — Блин. Уже утро. Нет. Ведите их на профилактику. Пусть пока приобщаются. Только вместе их не держите. Грызться еще, чего доброго, начнут. А я отчет составлю лидеру.

— Есть! — щелкнули каблуками охранники.

* * *

Интересно, что такое профилактика? Звучит как-то недобро. Николай размышлял над своим положением и пытался понять, чего стоит ожидать дальше. Пока ничего хорошего он у этих Гау не увидел. Во всяком случае, чтобы думать, будто они лучше Старшины. Он уже успел понять, что слово «Гау» они применяют, обращаясь друг к другу. Видимо, это некий заменитель слова «господин» или «товарищ». Приветствуют они друг друга поднятием согнутой под прямым углом в локте руки со сжатым кулаком. Это тоже он успел заметить. Понял уже, что ТАЙПОЛ — это местная тайная полиция, сотрудником которой был одноглазый Гота. Но теперь его наблюдениям мешала повязка. Знал он, что дважды они выходили на улицу. Ледяной ветер бил по лицу, как всегда, без всякой жалости. Теперь

их снова завели в какое-то помещение, в глубине которого слышался непонятный гул. Однако, прислушавшись, Васнецов понял, что где-то рядом большая толпа людей. Охранники наконец сорвали с него повязку. Они шли по хорошо освещенному деревянному коридору. На стенах висели плакаты. Некоторые обличали режим Старшины. Другие призывали вступать в Легион. Третьи гласили, что только легионеры Гау способны защитить жизнь от мутантов и чумы старшинизма. Процессия свернула в боковой коридор, пройдя группу хорошо вооруженных охранников, проверивших у конвоиров пропуска. Все, кто носил форму, имели круглые черные нашивки с треугольником и глазом. У некоторых иностранное оружие. И если встречались и переделанные под нужды Гау российские образцы военной формы, то каски у всех были натовские. Впереди еще один пост. Васнецов стал понимать, что элитные легионеры носят исключительно иностранную форму. Видимо, положение обязывало и это являлось привилегией. Дальше снова плакаты, но уже другого содержания: «Женщины Гау освобождены от тяжелого труда! Миссия женщины — продолжение рода!», «Девушка Гау — выполни долг перед Легионом! Вступай в службу быта и размножения!», «Девушка Гау! Сегодня ты откажешь легионеру в ласке, и завтра ты не сможешь родить сильного воина, который мог бы защитить твою старость!», «Титос дает легионеру оружие и честь воина Легиона! Женщина! Ты должна дать легионеру ласку!», «Семья для сверхчеловека — анахронизм бесславного прошлого! Утвержденный генетической комиссией легионер обязан сеять свое семя в максимальное количество женщин и плодить сверхчеловечество!».

Николай обалдело смотрел на гордые, красивые и нежные лица взирающих с плакатов нарисованных дев, которые призывали дев настоящих, не нарисованных, становиться солдатскими игрушками для утех. Он вдруг стал понимать, в какое чудовищное место он попал. Это была обитель дьявола, который искушал самым беспроигрышным человеческим инстинктом. Солдаты Гау не предадут! Они будут стремиться в элиту и ни за что не предадут Легион! Ведь здесь все женщины им обязаны! Женщины здесь — предметы, инструменты влияния на массы. Он вдруг с ужасом осознал, что подсознательно завидует легионерам, которым доступны все местные девицы. Вот последний плакат об обязанностях элитного легионера. На нем голый (но в каске!), с идеальными формами и мышцами легионер, гордо

взирающий вдаль, а вокруг него кружком сидят обнаженные, блистающие великолепием совершенных тел девицы. Какой талантливый художник, однако, это все рисовал... Николай тряхнул головой. Было теперь понятно, почему с него сняли повязку. Искушение. Хочешь много женщин, забудь обо всем и вступи в Легион.

Шум толпы усиливался. За очередной дверью их ждал наполненный людьми огромный ангар. Николая посетило чувство дежавю. И вдруг он понял, что был в этом ангаре во сне. Вокруг огромная толпа. Много людей в форме натовского образца. Много женщин. Среди толпы виднелись и подростки. Были женщины с грудными детьми на руках. Толпа была взвинчена. Она чего-то ждала. Свет в ангаре был приглушенным. В бордовых с синим лучах глаза людей неестественно блестели. Ежова два охранника отвели в другой конец зала. Двое других остались с Николаем. Они стояли позади всей толпы. У входа. Толпа вдруг принялась скандировать:

— Гау! Гау! Гау! Гау! Ти-тос Гау! Ти-тос Гау!

Кто-то начал, и вся толпа подхватила как по команде. Их взоры устремились на трибуну, за которой висел бархатный занавес.

Васнецов разглядывал собравшихся женщин. Да. Было много молодых и красивых. Не обремененные тяжелым трудом, суровой необходимостью всех в их жестком постъядерном мире, они, похоже, были довольны своей участью. Неужели они не задумывались над тем, какой у них тут статус? Неужели им нравилось быть вещами? Предметами потребления! Подстилками легионеров! А как же чувства? Любовь? Кажется, одна девушка не разделяла общего восторга. Она спокойно стояла спиной к Николаю и медленно раскачивалась, опустив голову. Как хотелось взглянуть в ее лицо. Но она стояла спиной. Всего в пяти шагах от него. Он попытался двинуться в ее сторону, но тяжелая рука охранника тут же одернула его.

— Гау! Гау! Гау! Гау! Ти-тос Гау! Ти-тос Гау! — продолжала вопить толпа с еще большим нетерпением.

Напряжение толпы нарастало, и Николай это чувствовал. Он понял, что такое профилактика. Здесь, в психическом поле всеобщего экстаза, после возбуждающих и интригующих плакатов с девицами терялась всякая возможность мыслить. Хотелось стать частью этой толпы. Хотелось единения с их миром, в котором, если у тебя правильный череп, ты мог стать легионером, а если ты легионер, ты мог взять любую красотку...

— Чтче-е-ерт, — прорычал сквозь зубы Васнецов.

Он вдруг почувствовал, как потакающие искушению желания безвозвратно провалились в бездну и на их место встала твердая уверенность в том, что лучше всего убраться отсюда как можно скорее, вернуться к Старшине и убедить своих товарищей в том, что надо выжечь этот отвратительный Легион ядерным ударом единственной бомбы. Хрен с ним, с ХАРПом. Может статься, что ему хватит пары гранат. А тут все надо испарить миллионоградусным огнем ядерного заряда.

Грохот торжественного марша, вырвавшийся из спрятанных в стенах динамиков, заглушил толпу. Люди вдруг перестали орать и взмахивать руками. Все приняли строевую стойку. Только та девушка продолжала медленно качаться...

Марш стих, когда распахнулся бархатный занавес и на трибуне появился человек. И вдруг вся толпа буквально взорвалась истеричными воплями. У кого-то даже появились слезы. Но все испытывали восторг и истошно визжали, протягивая руки к этому человеку.

Он был уже не молод. Бледен. Невысок. Темноволос. Из-под массивных надбровных дуг смотрела пара немигающих глаз. Это Титос, и Николай в этом не сомневался.

Тиран медленно поднял руку, провел ею перед собой, и вся толпа мгновенно замолкла. Воцарилась гробовая тишина. Титос окинул всех пристальным взглядом, глядя надменно, поверх голов.

— Вчера я говорил с одним старцем, — начал он вещать тихо и хрипло.

Говорил он тихо, чтобы толпа прислушивалась. Это очевидно. Николай заметил, как они, открыв рты, выжидающе и преданно смотрели на своего лидера. Все, кроме той девушки... Казалось, что ее вообще тут нет. Что ее видит только Николай, как некий, воспринимаемый лишь его воображением фантом. Более того, он вдруг стал отчетливо слышать далекий, но нарастающий скрип качелей... Как давно он их не слышал...

— Славный старик, — продолжал размеренно и негромко говорить Титос. — Достойный экспонат нашего бесславного прошлого. Прошлого без будущего. Которое было для нас общим. Общим для нас. Прошлое, которое мы вынуждены были делить с недочеловеками и мразью. Старец спросил меня, отчего мы проклинаем свое прошлое? Отчего проклинаем ту страну и отреклись от своих имен? Отчего? — спросил он. Дети мои.

Неужели среди вас есть еще люди, для которых ответ не очевиден? Неужели вы не чувствуете своим сердцем истину? Неужели не несем мы печать позора, оставленную этими безмозглыми пращурами? Каждый из нас чувствует боль за прошлое. Огромная страна, опоясанная смрадом, выдыхаемым бездарным и неполноценным населением. Страна вечных рабов, из поколения в поколение сменяющих своих хозяев-угнетателей и с благоговением смотрящих на своих насильников. Страна, в которой они были мусором. Расходным материалом бесконечных войн и интриг власть имущих. Где им, недочеловекам, мнящим себя, по дикому недоразумению, великим народом, не принадлежало ничего. Это был их лес? Их реки? Их ресурсы? Их земля? Долго ли, безгранично ли они всем этим могли пользоваться? Всегда и все решала, всем распоряжалась группа сильных, пред которыми миллионы склоняли головы в покорности. Против которых тихо роптали, но которым громко рукоплескали. По прихоти которых шли на смерть, гробили здоровье непосильным трудом за гроши. Их жизнями распоряжались немногие, как один пастух распоряжается шерстью и мясом стада овец. У них забирали все. Здоровье, свободу, личное время, жизни. И они послушно все отдавали. А взамен получали сказки о какой-то великой истории, в которой они достигали великих побед, поливая их всходы обильными реками крови своих предков. Они, погрязшие в никчемности, невежестве и пьянстве, мнили себя иными. Непохожими на других. Твердили, что у них свой, особенный путь, и всю жизнь противостояли всему миру. Прогрессу. Свободе. Развитию. ВЫ!!! — заорал вдруг он, поразив контрастом между тихим, размеренным монологом и этим воплем. — Вы другие! Вы новые! Вы — первое поколение сверхлюдей! Первый шаг миллионокилометрового пути в бесконечность! Первый миг тысячелетней империи! Разве вы не хотите растереть каблуком кованых сапог легионера эту грязь, что была якобы вашей историей?! Разве вы хотите носить имена недочеловеков и рабов?! Я НЕ СЛЫШУ!!!

— Не-е-ет!!! — заорала толпа в один голос.

— Не-е-ет!!! — вторил толпе Титос. — Вы иные! Избранные! Анафема лжи и раболепию! Они мусор! Их история — помои! Даже сейчас те из них, кто выжил, подобно крысам, жаждут тирана, ибо неспособны они быть свободными! И преклоняются они в своем мазохистском безволии тирану Старшине! И так было всегда! От начала их времен, когда они, дикие вар-

вары, неспособны были ни к чему созидательному, неспособны были к стремлению получить свободу и демократию! Неспособны были к культуре! Они призвали княжить над ними заморских нордических разбойников! Тех, кто даже в своем тогдашнем варварстве превосходил этих рабов! Так к чему нам нужна их история и их имена!..

Титос неистовствовал. Он уже не говорил спокойно, а орал как одержимый, обильно жестикулируя и то и дело закидывая голову. Толпа, которую, казалось, невозможно взвинтить еще больше, продолжала заводиться. Васнецову было страшно. Он не чувствовал угрозы от людей, предпочитая думать, что он один может сам представлять для них угрозу, но он боялся абсурдности их мышления. Ему было страшно от их безумия. От их предательства своей крови и наследия предков. От того, как они растоптали своих родителей и свою родину. От того, что они все охотно превратились в дикую биомассу, слепо принимающую на веру все то безумие и чудовищное лицемерие, которое вещал им этот дьявол в человеческом обличье. Пугал их фанатизм. Их наркотический экстаз от всего того извращения, которое представляло их общество и их идеология. Но почему вся эта толпа слепо верит всему, что говорит этот безумец?..

Тем временем Титос взмахом руки снова заставил ликующую и визжащую толпу заткнуться.

— Мы знаем пример, — снова тихо заговорил он. — Каких-то тридцать километров, и там, — он вытянул руку, — за этой рекой, царство мрака и варварство. Псевдореспублика Старшины. Сборище рабов и мутантов. Недочеловеков недовымершей расы плебеев. У них еще живы предрассудки моногамности и архаичных семейных ценностей. Они не позволяют своим мужчинам сеять семя всюду, где возможно зарождение жизни. Они не позволяют принять женским организмам, предназначенным для плодоношения, в свои недра как можно больше генетического материала. Они сублимируют инстинкт к выживанию и возрождению жизни в каторжный физический труд. Мы можем лишь радоваться этому, ибо они недостойны продолжения рода. Их гены грязны, их семя порочно. НО ВЫ!!! — Он снова заорал и распростер над толпой руки. — Вы обязаны во имя будущего нести в мир совершенные чада! Плоды естественного отбора избранных! Новую расу! Вы зачинатели высшей расы! Вы — высшая раса!!! — еще громче стал орать Титос. — Высшая раса!!! — истерично завопил он. — ВЫСШАЯ РАСА!!!

Николай осматривал толпу. Это было страшное зрелище. Они орали как безумные, повторяя слова главного титораса. Они плакали, закатывали восторженные истерики. Некоторые легионеры вдруг набрасывались на ближайших женщин, и те охотно отдавались... Иные женщины кидались на легионеров и нервными, нетерпеливыми движениями срывали с них мундиры... Охранники, которые привели его, как-то странно дергались и плакали от счастья, раскрыв рты, из которых, кажется, текли слюни. Где-то в толпе в эпилептическом припадке дергался Ежов, на которого эта «профилактика» возымела действие. Только та странная шатающаяся девушка, которой, кажется, на самом деле тут не было, не принимала участия во всеобщем безумии. И он, Николай, был единственным тут вменяемым человеком. Что же это происходит?.. И почему все сильней и сильней скрипят несуществующие качели, звук которых слышит только он один?..

— Господи, — пробормотал Васнецов, осознав одну простую и жуткую вещь. — Да ведь он...

И Титос вздрогнул. Это было хорошо видно. Он вздрогнул и принялся судорожно водить взглядом по безумной толпе. Он уловил нарушение в общем психическом поле обезумевших человеческих существ. Он почувствовал присутствие совсем другого существа — Николая. Титос ощутил присутствие себе подобного!

И их взгляды встретились, словно убийственные лучи, направленные друг в друга, они погрузились в души двух отличных от остальных существ...

— МОРЛОК! — выдохнул Васнецов, заглянув в бездну взгляда Титоса.

В это мгновение время остановилось. Замерли сотни людей, собравшихся в этом ангаре. Запрокинувшая голову в предвкушении немыслимой оргии девушка застыла в своей позе, и повисли в воздухе ее взмывшие вверх волосы. Застыли безумцы, орущие, рвущие одежды, подбрасывающие непривычного вида каски, которые также зависли в воздухе. Наступила тишина. Зловещая и неестественная. И Николай смотрел в глаза Титосу, а Титос смотрел в глаза Николаю, и на лице этого чудовища на трибуне прорисовался ужас от осознания того, что здесь еще один морлок. Невосприимчивый к дурману его речей. Тот, кто равен ему был по силам, а значит, и способный его уничтожить. И Титос в своем страхе от такой неожиданности дал слабину.

И *блаженный* Николай смог прочитать в его черной, покрытой ядерной копотью душе *все*. Он увидел его прошлое. Он увидел, *что* сделал Титос в прошлом...

Шатающаяся девушка резко развернулась. Это было единственное движение в застывшем мире обезумевших людей. А ведь можно было догадаться. Это была она, Рана. На ее лице застыл ужас, она вытаращила на Николая глаза и, набрав полную грудь воздуха, закричала с невероятной силой сотен децибел:

— БЕГИ!!!

Кричала словно вся планета, и вопль этот был во сто крат сильнее того шума, который издавала до этого толпа и умноженный динамиками голос морлока на трибуне.

Васнецов рванулся к двери, и тут же все пришло в движение. Время снова начало свой естественный ход.

— Мутант!!! — завизжал Титос, вытянув руку в сторону Николая.

Одурманенные, как и вся толпа, охранники не сразу сообразили, что происходит. Николай уже мчался по коридору. Он буквально прорвался сквозь двух легионеров, охранявших подступы к залу профилактики, пока те вскидывали оружие, еще не до конца понимая, что происходит. Васнецов свернул в другой коридор. Краем глаза ловя так запавшие в память плакаты, он вспоминал обратный путь. «Девушка должна, женщина обязана...» Кажется, он бежал правильно. Позади уже слышались крики, щелчки затворов и топот кованых сапог.

— Черт! — воскликнул Васнецов, увидев, что дальше коридор перегородил легионер с иностранным пулеметом М-249 в руках.

— Ложись! — заорал легионер, и Васнецов распластался на полу.

М-249 затрещал, поливая преследователей Николая свинцовой смертью. Дав длинную очередь и убив пятерых Гау, он сорвал с плеча G-36 с оптическим прицелом и, всучив его недоумевающему Николаю, рявкнул:

— За мной! Быстро!

— Ты? Вейнард? — Васнецов только сейчас узнал его.

— Заткнись и беги за мной!

Они выскочили на улицу. В холод и предрассветную темноту. У входа, прислонившись к стене, сидели три неподвижных солдата Гау. Похоже, они были уже мертвы. И очевидно, по вине капрала. А еще их ждал снегоход.

— Садись!

Вейнард прыгнул за руль. Взревел двигатель, и снегоход рванулся вперед.

— Почему ты мне помогаешь?! — воскликнул Николай, перекрикивая двигатель и раздавшиеся позади звуки сирены и выстрелы.

Темноту разрубили лучи прожекторов, скользящих между строений и по снежной глади.

— Мне приказано присматривать за тобой и обеспечить твое бегство! Даже ценой собственной жизни! — ответил капрал.

Васнецов опешил.

— Мне не нужна такая цена! Зачем тебе жертвовать собой?!

— Заткнись! Мне виднее!

— Ты шпион старшинистов?

— Я легионер Гау, давно и добровольно сотрудничающий с разведкой Старшины!

— Но почему?!

— Почему?! Потому что давным-давно моя пятнадцатилетняя дочь пошла в службу быта и размножения! Никто ее не принуждал! Добровольно! Потому что тут так воспитывают! Потому что моя жена не желала знать других мужчин, кроме меня, своего законного мужа! И ее обвинили в симпатиях к псевдоморали Старшины! И ее отправили на принудительные работы в солдатский бордель! Но она предпочла смерть бесчестию! Потому что я настолько был убит горем и это так оглушило мой разум, что я стал невосприимчив к гипнозу этого ублюдка Титоса! — яростно орал Вейнард, ведя машину.

— Прости!

— А тебе не за что просить у меня прощения! Слушай! У них много топлива! Ведь это вам нужно?! Тут большие запасы в подземных резервуарах! Они делали аэродром подскока для оккупантов еще перед войной! И топлива собрали очень много! Сотни тонн! Даже больше! Я знаю! Я все знаю! Мне уже сказали про ХАРП! Мне сказали уже! Парень, сделай это! Во имя тех, кто еще жив! Во имя всех дочерей земли, что еще не стали жертвами нашего дикого времени! Заклинаю тебя!

— Да... — Сердце Николая сжалось от этих слов.

— Ты умеешь обращаться с этой машиной?!

— Да вроде ничего сложного! Видел как-то! А что?!

— Скоро я сойду, и дальше ты сам!

— Зачем?!

— Мне надо их задержать! Иначе мы от погони не уйдем!

— Но ты погибнешь!

— Я давно умер! С последним вздохом моей супруги! А тебе надо сделать то, что ты должен!

Он домчал до старой деревянной изгороди, торчащей из снега, и остановился. Выскочил из седла и приготовил свой пулемет.

— Вон река перед тобой! — крикнул Вейнард. — Все! Проваливай! На той стороне Старшина!

Позади слышался шум моторов и мелькали фары. Преследовать беглецов было нетрудно по четким следам на снегу.

Николай вдруг схватил капрала за руку.

— Прошу тебя! Уйдем вместе! Не надо!

— Убирайся! — рявкнул капрал.

— Я прошу! Хватит уже жертв! Можно ведь обойтись! Мы выжили, чтобы жить!

— Никто не выживет, если не выживешь ты! — Он ударил Николая прикладом пулемета. — Проваливай!!!

— Прощай, — простонал Васнецов и нажал на газ.

Снегоход помчался по равнине замерзшей реки. Сзади заговорил пулемет капрала. Завязался недолгий бой. Вейнард был обречен.

Снегоход мчался прочь от этой жуткой «свободы» Гау к понятной и, видимо, обоснованной в этом мире тирании Старшины. Николай оплакивал капрала, даже лица которого так и не сумел разглядеть. Слезы растекались по щекам, мгновенно превращаясь в лед, а он продолжал плакать.

— Почему, Господи? Почему так... Почему! Почему все так!!!

Недолгая фора, полученная ценой самопожертвования капрала, растворилась в шуме нагоняющих снегоходов Гау. Позади раздавались одиночные выстрелы. Поле замерзшей реки казалось бесконечным. Он понимал, что до Новой Республики ему не добраться. И это стало еще более очевидно, когда о корпус лязгнула пуля и двигатель снегохода завыл, словно от боли. Скорость падала. Все. Конец погоне...

Васнецов развернул машину боком и заглушил двигатель. Выскочил из седла и, укрывшись за снегоходом, приготовил G-36.

«А что, если среди преследователей есть такие, как Вейнард? Что тогда? Как быть? Что делать? Что? — забеспокоила его мысль. — Как быть...»

— Просто люди не должны убивать людей, — пробормотал он.

А преследователи были все ближе. Уже слепили глаза их фары.

— Люди не должны убивать людей! — повторил он громко и поднялся во весь рост. — Люди не должны убивать людей!!! — заорал Васнецов навстречу врагам. — Мы выжили, чтобы жить!!!

— Идиот! — воскликнул кто-то сзади и навалился на него, опрокидывая в снег. — Ты что делаешь!

И люди стали убивать людей. Как всегда.

Предупрежденная Вейнардом разведгруппа гвардейцев Старшины ждала Николая, чтобы прикрыть отход. Они открыли шквальный огонь из пулеметов по приближающемуся врагу. Кромсали их снегоходы и тела. Убивали.

— Вейнард, бедный Вейнард, я даже имени твоего настоящего не знаю, — бормотал Николай, уткнувшись лицом в снег.

— Ты чего там бубнишь? — спросил опрокинувший его в сугроб гвардеец.

— Я видел Титоса Гау. Я знаю, кто он, — тихо ответил Николай. — У него была частная строительная фирма. Только определенные предприятия могли проводить работы в московском метро. Но он смог попасть в этот список. Деньги могут все. Могли, вернее, все. Он купил кого надо и получил возможность работать в метро... Я знаю. Я прочел в его глазах... Это он... Его люди заложили фугасы... Он морлок... суперморлок... сука он...

18
ЛЕНА

— Ты, урюк пафосный! — Людоед был готов разорвать комиссара, но ему помешали два гвардейца. Один из них ткнул стволом карабина Илье в живот.

— Убери! — рявкнул Крест. — Я знаешь куда твою пушку тебе засуну?!

Гвардеец взглянул на Николая Андреевича.

— Оставьте, — поморщившись, махнул рукой комиссар, и охрана отошла в сторону. — Чего вы кипятитесь так, Илья?

— Вы чуть парня не угробили! Он там погибнуть мог! — присоединился к негодованию Ильи Варяг.

— Когда на кону стоят сотни, а то и тысячи жизней, можно ли заплатить цену в одну? — развел руками Андреич.

— Только если это не твоя собственная жизнь, да? — усмехнулся Крест.

— Если дело дойдет до того, что надо будет и мне пожертвовать собой, я это сделаю.

— Но ты постараешься, чтобы до этого дело не дошло. За счет чужих жизней. Так? — покачал головой Яхонтов.

Васнецов молча стоял в стороне и смотрел в дощатый пол. Он еще не пришел в себя до конца после того, что произошло ночью. После жуткого открытия личности Титоса Гау и экскурсии в потаенные уголки его души.

В кабинет наконец вошел Старшина, и гвардейцы вытянулись по стойке «смирно».

— Можете идти, — тихо сказал им Старшина и уселся на свое место за столом.

Охрана удалилась.

— Господа хорошие, вы так орете тут, что за рекой слышно, наверное, — проворчал лидер Новой Республики в адрес гостей. — Присаживайтесь уже. — Он принялся набивать свою трубку.

Все расселись за стол по другую сторону от Старшины.

— Послушайте, — начал говорить лидер, сделав первую затяжку. — Мы на кон поставили не только жизнь молодого человека. Мы все на кон поставили. Таково положение. Уж прошу простить, но посвятить в наши дела мы вас не могли. Вы бы просто постарались помешать нам. Не из-за вашей позиции в вопросе противостояния нас и Легиона. А просто чисто по-человечески, из-за страха потерять друга на чужой войне и ради чужих, не ваших идеалов. Сумбур получился бы. Так что еще тысячу раз прошу прощения, но так надо было. Это единственная возможность выкурить Легион практически в полном составе и спровоцировать их атаку на нас. А вообще акция превзошла все наши ожидания. Знали бы, какие у Васнецова способности, то...

— А в ваших ожиданиях какая судьба была уготована Вейнарду? — с болью в голосе проговорил Николай.

Старшина посмотрел на Васнецова, а потом устремил вопросительный взгляд на комиссара.

— Это наш агент, который занимался им, — пояснил Андреич.

— Ах вот оно что, — вздохнул лидер. — Он ведь погиб. Так?

— Да, — кивнул комиссар.

— Как его звали? — спросил Николай.

— Вейнард, — пожал плечами комиссар. — По нашей линии разведки он проходил как агент Крот.

— Вы даже имени его настоящего не знаете. А оно у него было. У него жизнь была.

— А может, Колян, если бы ты дурака не валял, а остался бы тут или не стал бы сразу бежать, то он жив сейчас был бы? — тихо произнес Вячеслав.

Васнецов замолк и повесил голову. Он ведь совершенно не думал о таком варианте. Но теперь выходило, что его действия стали причиной гибели капрала.

— Оставьте парня, — хмуро вздохнул Старшина. — Все это — следствие задуманной нами комбинации. Нам надо было убедить Гау в нависшей над ними смертельной опасности. И тут одним Ежовым дело бы не обошлось. Нами развернута в Легионе агентурная сеть. Не сомневаюсь, что такая сеть шпионов-легионеров есть и у нас. Но беда в том, что мы потеряли много агентов из-за способностей Титоса. Он способен не только воздействовать на умы людей, на их мировоззрение, но и чувствовать тех, кто не принимает его влияния. Все эти измерения черепа лишь видимая и ничего не значащая вершина айсберга. Это брошенная людям кость, потворствующая идее о высшей расе и опасности мутантов. Главное там — это гипноз Титоса. Однако все люди разные, и они по-разному воспринимают или не воспринимают его гипноз. Соответственно, остались в Легионе те, кто не подвержен выявлению. Погибший был из таких. Но как я понял из вашего повествования, молодой человек наделен схожими с главным Гау способностями. До вашего появления природа способностей их главаря нам была непонятна. Но теперь многое прояснилось. Все это, конечно, интересно и в высшей степени необычно. Я много слышал о пси-оружии и различных экспериментах. Но в другие времена и при других обстоятельствах не поверил бы, конечно. Но то в другие времена. Тогда и в возможность ядерной войны мало кому верилось. Титос должен был почувствовать подобного себе психоника. Причем он должен был понять, что этот психоник — враг. Враг, который оказался совсем рядом. Несмотря на их систему безопасности и прочее. Сможет ли он теперь заснуть, зная, что у нас есть психоник и атомная бомба? Нет. Нам уже доложили

агенты, что там идет мобилизация. Ускоренные приготовления. Но все произошло очень быстро. Я имею в виду случай с вами, молодой человек. Вы пробыли там очень немного времени и подняли настоящий переполох. Ваши способности мы недооценили. Несколько агентов присматривали за вами на всякий случай, а Вейнард должен был обеспечить ваш отход. Бегство. Он самый отчаянный из наших агентов. Ему нечего было терять...

— Кроме жизни, — буркнул Николай.

Старшина развел руками.

— Увы.

— А когда тут появился этот Титос? — спросил Николай.

— Да он постоянно тут бывал. Он сын предателя-полковника. У нас с ним личные счеты. У него ко мне — из-за отца. У меня к нему — из-за моей родины, которую они продали. В общем, он проводил тут немало времени. Но жил в Москве. У него был большой бизнес. Строительство и бензоколонки. Тут он появился года через три после ядерных ударов. Их люди уже сформировали свой Легион. Тогда все, правда, было несколько иначе. Но готовились они задолго до начала войны. Тайные склады с амуницией и оружием. Боеприпасы. Огромные запасы топлива. Подготовленные люди. Потом они все ждали своих благодетелей из-за кордона. Наводили тут в округе свои порядки. Да вот незадача. Старшина... — Лидер Новой Республики усмехнулся. — Поначалу мы были как партизаны. Тут все действительно напоминало оккупированную зону. Но пошли потоки беженцев. Наше число росло. Мало кто хотел идти к врагу. К тем, кто их предал. И мы стали давить эту погань. И задавили бы. Но появился Титос. Его эти негодяи знали хорошо. Он возглавил их. И он стал другим. У него появились эти способности. И все стало сложней. И нам тут пришлось создавать особое общество. Тоталитарное, если вам будет угодна такая формулировка. Просто в данных обстоятельствах не было иной альтернативы.

— Так он в метро морлоком стал? — Сквернослов уставился на Николая. — Что он там делал, если сам не закладывал фугасы?

— Я ведь не в метро оморлочился, — вздохнул Васнецов.

— Ты еще не оморлочился, — усмехнулся Людоед. — Это ты себе льстишь. Ну, или наговариваешь на себя.

— Погодите, — досадливо поморщился Варяг, — не о том сейчас речь. Теперь, когда они знают про бомбу... Что дальше?

— Они будут атаковать, — ответил Старшина. — Сегодня днем. Ночью это делать сложно. У многих машин уже давно нет фар. Да и ждать им уже нельзя. Промедление в данном случае для них смерти подобно. Массированная атака с применением всей техники. Момент истины. — Он обратился к Людоеду: — Крест, вы профессиональный диверсант. Мастер подрывного дела. Я просил вас проинспектировать закладку взрывчатки на дамбе. Что скажете?

— Скажу, что толковых минеров у вас мало. Проделанные во льду минные камеры изначально никуда не годились. Лед куда толще, чем думалось. Глубину закладки увеличили вдвое. По всей ширине заложено зарядов общей сложностью восемь тонн. Плюс проделаны пустые штольни на разрыв. Я не знаю качества и свойств производимого вами взрывчатого вещества. Но подозреваю, что оно ниже, чем у тротила. Однако уверен, что при синхронном подрыве будет однозначная подвижка основного массива льда на дамбе. А дальше давление воды сделает свое дело. Также по моей рекомендации все заряды соединены детонирующим шнуром от установки разминирования УР — семьдесят шесть. Хотя протестовали ваши. Дескать, все оставшиеся шнуры на это извел. Но тут мелочиться нельзя. Это подстраховка, поскольку в работоспособности электродетонатора и в состоянии кабеля я уверен быть не могу. Людей было задействовано много на работах. Заминировать реку за ночь — дело нешуточное. Во избежание утечки информации я рекомендовал коменданту временно ограничить свободу перемещения этих людей по вашей республике и внимательно за ними следить. Я понимаю, что в данной обстановке Легиону лучше ударить напрямик. Но если они узнают о минировании дамбы, то все впустую.

— А как вы общаетесь с вашей агентурой? — спросил Варяг.

— Импульсные передатчики. Спасибо Николаю Андреевичу. — Старшина кивнул на комиссара. — Фээсбэшные игрушки. Правда, годы сказываются и все больше проблем с источниками питания. Но еще работают. Они компактны и могут выглядеть как угодно. Найти или запеленговать их нельзя. Прямого сеанса нет. Есть кратковременный импульс.

— А ретрансляционные антенны замаскированы под деревья, — ухмыльнулся Крест. — Знаю такие штуки. Можете быть уверены, у Гау такие есть. Но, скорее всего, иностранного про-

изводства. Лет за десять до войны мы обнаружили передатчик, который сканировал выход из бухты, где стояли атомные подлодки. Фиксировал радиационный фон и по шуму — класс лодки. Сканер и сборщик информации в пне на берегу. Антенна в дереве рядом. Так что это не только фээсбэшные игрушки, уверяю вас.

— Увы, — вздохнул Старшина. — Но вернемся к ситуации. Илья, как оцениваете последствия взрыва дамбы?

Он развернул на столе самодельную схему местности с отмеченными высотами и территорией республики, Легиона и дамбы. Также там имелись свежие метки, одной из которых была стоянка самолета Ил-76.

— Значит, так. — Людоед хмуро взглянул на схему. — Оптимальный для нас вариант — прямой удар. Для них он тоже оптимальный из-за вероятности ядерной атаки. Вот кратчайший путь. Развернутым строем они едва ли будут атаковать. Это распыление сил и всего лишь пощечина для нас. В данной ситуации нужен концентрированный, мощный удар. Классическим клином или «свиньей». Они с ходу прорывают оборонительный рубеж Новой Республики и вливают в разрыв все свои силы. Начинается бойня. Но! Это в том случае, если они дойдут до рубежа. Следовательно, когда основная масса боевых сил Легиона будет на льду, то должен быть подрыв дамбы. Вот тут наикратчайший путь между вами и Легионом. Однако это не самое узкое место реки на отрезке в тридцать километров. При этом тут небольшая низина. От дамбы тут около семи километров. По моим прикидкам, волна воды после подрыва будет тут достигать от одного до трех метров. Как повезет. Но следует учесть, что, даже не убив легионеров волной, мы обречем их на смерть. Вода ледяная. Пять минут в такой воде — смертный приговор. Вот здесь пограничные рубежи ваши. Волна может достичь и их. Рекомендую передислоцировать их на склоны. Это буквально в пятидесяти метрах от постов. А там оставьте мобильные силы. Постреляют и по команде начнут отступать. Дайте им быстрый транспорт. Вот на этих высотках по берегу надо поставить артиллерийские и минометные батареи. Тут — пулеметные гнезда. Вам надо мобилизовать все резервы. Всю технику. Удар будет мощным. Но их нельзя пустить на берег. Помните, преждевременный подрыв дамбы уничтожит только двадцать процентов неприятельских сил. Или чуть больше. Остальные успеют отойти на свой берег. И тогда следующий

удар будет где угодно и более продуманный. Тут наш единственный шанс. Их надо запустить как можно глубже на реку и ближе к нам. Тогда, я думаю, можно гарантировать уничтожение семидесяти процентов неприятельских сил. При таком раскладе вам потом останется лишь зачистить их базу, и все.

— Стойте, стойте, стойте! — воскликнул Васнецов, который до сего момента лишь отрешенно слушал. — Двадцать процентов... семьдесят... Хватит! Неужели без этого никак нельзя?! Люди не должны убивать людей, как вы не понимаете! Илья! Вспомни Москву! Вавилон! Екатеринбург! Неужели тебе все это не осточертело?!

Людоед как-то странно посмотрел на него, затем вздохнул и произнес:

— Ладно. Предлагаю другой план. Развесим на берегу красочные транспаранты и встретим Гау оркестром и теплыми объятиями. То-то хорошо будет.

Старшина тихо засмеялся.

— Молодой человек, — проговорил он, пыхнув трубкой. — Что вы хотите конкретно?

— Я и Крест, вдвоем, можем достать Титоса. Мы убьем его, и все. Он не сможет больше влиять на умы людей. Илья! Мы ведь можем!

— Мы много чего можем, блаженный. Но мы не в силах изменить людей. По-твоему, со смертью Титоса они перестанут быть теми самыми людьми? Это ничего не даст. У них есть своя идея. У них есть свои взгляды на жизнь. Своя правда и свои устремления. Так ли уж важен тут этот морлок? Вон, Гитлер когда еще преставился, но дело его и поныне живо. Ты разве не помнишь Москву, о которой мне тут говорил? Да разве кто-то помнит сейчас про этого Гитлера? Но его суть жива в людях. Да, в каждом человеке живет Бог и дьявол. Но вот кого там больше... За это несет ответственность не один лишь Титос. Все люди. Каждый. А Титос лишь ветер, который раздувает огонь. Перестанет дуть ветер, и огонь не погаснет все равно. Затуши огонь, Коля. Затуши его холодными водами.

* * *

Где-то на улице гудели двигатели еще работоспособных машин. Приготовления к отражению атаки шли полным ходом. Николай еще раз окунул ложку в алюминиевую миску с чем-то отдаленно напоминающим кашу. Пища не пахла. Не имела

вкуса. Просто выглядела неприятно. Но Лена сказала, что этот концентрат весьма полезен. Особенно перед боем на холоде. Лена... Он украдкой взглянул в ее сторону. Она сидела в дальнем углу столовой рядом с Людоедом, который сосредоточенно водил точильным камнем по лезвию катаны.

Николай всегда был наделен хорошим слухом. Но с тех пор как он стал морлоком, он чувствовал, что слух этот стал еще острее. Да, несложно расслышать, о чем они тихо говорят...

— Великий воин предвкушает скорую битву, — улыбнувшись, произнесла она. — Уповаешь и молишься на войну?

— Не война делает воина благородным, а сохраненный им мир. Мир сохранить не удалось. А значит, и благородных воинов не существует.

— Ведь тебя ждет кто-то? — спросила вдруг Лена.

— Да. — Людоед медленно кивнул.

— Счастливая. — Лена отвернулась к непрозрачному окну из толстых стеклоблоков.

— Ну почему же она счастливая? Человек, которого она любит, ушел. Ушел в неизвестность. И вернется ли он когда-либо? — Он продолжал точить меч.

— Счастливая, потому что ей есть кого ждать. Пусть и придется ждать всю жизнь.

— Женщины не способны ждать. Это противоречит биологической сути, — угрюмо ответил Илья.

— Биологической? — Она с удивлением и каким-то разочарованием посмотрела на Илью. — А что насчет человеческой сути? Как насчет души? Сердца?

— Сердце гоняет кровь по организму. А душа — это лишь те мысли, с которыми человек не в силах совладать. Что же до человеческой сути, то очень скоро ты сможешь ее увидеть на берегу вашей реки.

— Только очень ожесточенный человек может говорить такие вещи.

— Да нет. — Людоед пожал плечами. — Я не ожесточенный. Я рассудительный.

— У тебя есть мысли, с которыми ты не в силах совладать?

— Уже лет двадцать как нет.

— Значит, и души нет?

— Разумеется.

— Ты это нарочно говоришь.

Илья усмехнулся.

— Тебе, конечно, виднее.

— Выходит, ты не любишь ту, которая тебя ждет. — Лена покачала головой.

— Она умна. Она сильна и бесстрашна. Она честна. Она последовательна. Я люблю такие качества.

— Качества? Это не любовь.

— Я знаю.

Лена задумчиво посмотрела на меч.

— Как звали ту, другую?

Людоед перестал водить камнем по лезвию и посмотрел на женщину, видимо удивившись ее проницательности.

— Лена, — ответил он, не сводя с собеседницы глаз.

Лена? Васнецов удивился. Какая еще Лена? Ее ведь звали Ирина. Ирина Листопад...

Женщина улыбнулась:

— Уж не имя ли тебя так отталкивает?

— Нет. — Он снова принялся точить меч.

Она провела ладонью по его руке и осторожно коснулась кончиками пальцев лезвия.

— Острый... Ты ее убил... Вот этим самым мечом... Я права?

Людоед не отреагировал никак. Хотя нет. У него дернулась губа. Николай это заметил. А вот женщине, сидящей сбоку, этого видно не было.

— Я права, — произнесла она утвердительно и вздохнула. — Вот кого ты любишь. И меч этот для тебя частичка любимой...

— Да нет. — Крест мотнул головой. — Все банальней и прозаичней. Он помогает мне экономить патроны, когда я херачу всяких ублюдков.

— Не выражайся, пожалуйста. — Лена поморщилась и даже как-то отстранилась.

— Пардон.

— Слушай, почему ты сегодня такой? Ты вчера другим был. Я тебя чем-то обидела?

— Вовсе нет. Просто самая большая глупость, которую может допустить хорошая женщина, — это влюбиться в меня.

Лена снова поморщилась, взглянула на Людоеда и как-то зло и раздраженно захохотала.

— Какие же вы, мужчины, все самоуверенные. Неужто ты подумал, что я влюбляюсь в тебя?

— Ну вот и славно, что нет, — хмыкнул Крест и вогнал меч в ножны. — Держи. — Он протянул точильный камень Лене. — Спасибо.

«А Крест все-таки молодец, — подумал Николай. — Послушался. Выставил барьер перед этой женщиной. И правильно. Все правильно».

— Блаженный! — рявкнул Крест. — Ты доел?! Тебя ведь жду, между прочим!

Николай поднял ложку и наклонил ее, глядя, как белесая масса лениво сползает по ложке, тянется вниз под непреодолимой силой гравитации и наконец шлепается обратно в миску.

— Я что-то есть больше не хочу, — вздохнул он.

— Ну так пошли. А то без нас всех убьют.

Людоед решительно двинулся к двери, словно хотел поскорее избавиться от общества Лены. Затем вдруг развернулся и, подойдя к поднявшейся женщине, схватил ее и прижал к себе.

— Лена, просто ты очень хорошая. С тобой нельзя так поступать. И Нордика такая. Потому и дистанция. Пойми. — Он поцеловал ее в лоб и вышел из столовой.

«Что он имел в виду? — думал Васнецов, бредя к выходу. — Как нельзя поступать? Использовать по назначению?»

Он бросил прощальный взгляд на Лену. Та недобро глядела на Николая и как-то странно, слишком трепетно прижимала к груди точильный камень, которым Людоед точил свой меч.

* * *

Безымянный день, как и другие. Солнце растворилось в постоянной пелене туч. Позабыто, какой сейчас год. Какое время года. Какой месяц и день. Это ведомо лишь чиновникам Новой Республики. Простым людям важнее понимать, какая сейчас эра... Постъядерная. И как всегда, будучи символами эпохи, порывы ледяного ветра гоняли без жалости и устали снежную пыль. Заставляли стонать деревья. Вздрагивать от холода людей. Тихая река была великолепна. Белая гладь тянулась во все стороны. Только едва была видна серая полоска горизонта. Лес на той стороне. Там Гау. Сквернослов осторожно потрогал свой пострадавший в черновом плену нос и высморкался в снег.

— По ходу порожняк, мужики, — заявил он. — А я ведь говорил, надо было взять бомбу у рейдеров. Рванули бы титораса. Да и теплее стало бы немного.

— Ага, — кивнул, ехидно улыбаясь, Варяг. — На пару миллионов градусов.

Они стояли на возвышенности километрах в четырех от дамбы. Она была справа. Слева уже через две тысячи метров

начинались позиции гвардии Новой Республики. Где-то далеко за дамбой стоял их самолет. Но он был теперь не одинок. Там находился резервный полк, который комиссар с недовольным видом называл «вольники». Насколько уже успел понять Васнецов, полк этот состоял преимущественно из казаков и никому они вообще не подчинялись. Только Старшине. И он велел им находиться у самолета на всякий случай. Однако если все пойдет по плану, то они должны были выступить на тот берег и ударить по территории Гау во фланг.

Помимо Варяга, Людоеда, Славика и Николая, тут находился комиссар Андреич. Рядом стоял танк ПТ-76, выкрашенный гашеной известью и с намалеванными на башне скрещенными мечами. Из люка механика-водителя торчала голова молодого танкиста, которого комиссар называл Петрухой. Из недр сугроба тянулся черный провод полевки и соединялся с металлическим ящиком, на котором был один-единственный рубильник. От ящика провод шел в танк, где был примотан к клеммам аккумулятора.

Петруха вдруг дернулся в своем люке и стал поправлять шлемофон на голове, прислушиваясь к наушникам головного убора. Затем приподнялся и закричал:

— Есть! Сигнал «Псы»! ПСЫ!

— Клюнули. — Комиссар ухмыльнулся и натянул свою шапку на самые брови. — Ну, товарищи и господа, момент истины.

— А у нас всю дорогу моменты истины, — хмыкнул Варяг и принялся быстро набивать трубку.

Людоед стоял в стороне и неподвижно наблюдал за рекой в бинокль. Васнецов подошел к нему. Он хотел спросить о чем-то, но Крест опередил его.

— Ее на самом деле звали Лена. Ирина Листопад — это ее псевдоним. Она думала, что я ее так не найду. Нашел... Ее звали Лена. Какая ирония, да? — Он протянул бинокль Николаю. — Взгляни.

Николай стал смотреть на реку уже вооруженным глазом. Где-то там, далеко, виднелась колышущаяся масса. Еще трудно было разобрать в этом призрачном движении технику и людей, но уже было ясно, что эта атака была чем-то гораздо большим, нежели атака разных банд на конфедерацию Москвы. Это куда масштабней, чем атака вандалов на Вавилон. И с этим движением нельзя сравнить движение армии Чернова-старшего, ко-

торый двигался за местью и был уничтожен залпом рейдерской установки с чудаковатым названием «Буратино».

Позади послышался гул мотора. Васнецов обернулся. Метрах в ста остановился вездеход, и люди стали монтировать какой-то прибор на треноге. Осмотрев в окуляры бинокля позиции гвардейцев, Николай заметил, что и там спешно устанавливали нечто подобное. В гуще боевых порядков гвардии, среди гаубиц и минометных гнезд остановился бронетранспортер. На крышу взобрался какой-то человек, сжимающий черное знамя с белыми мечами. Васнецов присмотрелся. Это был Старшина.

Странный ящик, что привезли на вездеходе, загудел и взвизгнул. Затем послышались хрип и шорох. Теперь было понятно, что это беспроводной динамик громкоговорителя. Такие установили всюду, где ждали боя люди. И было даже лестно, что и для небольшой группы, стоявшей особняком и несущей ответственность за подрыв дамбы, установили такой динамик.

— Друзья мои! — загремели хором динамики, вещая голос выступающего на броневике Старшины. — Граждане Новой Республики! Люди всех чинов и рангов! Наций, сословий и верований! Братья и сестры! В этот суровый час к вам обращаюсь я, друзья мои! Вы есть последний оплот человечности на нашей поруганной Родине! На лике нашей изуродованной планеты! Вы есть последняя надежда жизни на нашей земле! Звериный оскал титорасов не канул в Лету, как и подобает всякой нечисти! Не вбили мы еще зубы в поганую глотку бешеного зверя! Сегодня пробил час решающей битвы! Сегодня или никогда! Много лет назад мы столкнулись с вероломством и предательством! Цинизмом и бесчеловечностью! Ветер истории развеял пепел ядерного пожарища и обнажил две могучие силы на нашей земле! Силу света и возрождения! Цивилизации и стремления к будущему! Нас с вами! И темную силу! Безжалостную и беспринципную! Силу дьявольскую! Упивающуюся мракобесием! Иль забыли вы, кто предал всех нас! Кто уготовил нам участь рабов и прислуги для иноземных захватчиков?! Никто не забыл! И старшие помнят, и молодым поведано, что есть истина в нашей борьбе! Сегодня я взываю не только к вашему долгу перед своими товарищами и перед самими собой! Сегодня я взываю к великому наследию нашего прошлого! К великой истории! Мы, люди всех чинов и рангов, наций и религий, объ-

единенные одной единой родиной, во все времена были для ворога неприступной твердыней! И звали они нас всех с презрением и страхом, трепетом и уважением — РУССКИЕ! Посрамим ли мы наследие наших предков?! Неужто дрогнем перед зверем Гау, который отрекся от прошлого, от предков, от крови нации и имени своего?! Нет!!! Мы на своей земле! Это наш мир! Мы выжили, чтобы жить! И во веки веков было единой правдою слово нашего великого предка! Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!

На Руси родной, на Руси большой
Не бывать врагу!
Поднимайся, встань,
Мать родная, Русь.

Врагам на Русь не хаживать,
Полков на Русь не важивать!
Путей на Русь не видывать,
Полей Руси не таптывать!

Наше дело правое!!! МЫ ПОБЕДИМ!!!

После этих слов над позициями Новой Республики разнеслось протяжное «ура!».

Николай оторопел. Он взглянул на танкиста. Тот вытянулся из люка во весь рост и, задрав голову в экстазе, плакал. Комиссар тряс головой, зажмурившись, и улыбался.

Васнецов осознал, что Старшина только что сделал то, что той ночью делал в своем логове Титос Гау. Ведь происходило то же самое. Один человек взял в свой кулак умы всех людей, что его слушали... Но было одно существенное отличие. В этом влиянии чувствовалось что-то великое и светлое. Что-то правильное. Но ведь Старшина не морлок. Так, значит, чтобы поднимать из глубин человеческого сознания нечто возвышенное и благородное, вовсе не надо быть морлоком? Надо быть ЧЕЛОВЕКОМ!

И динамики вновь загремели. Оттуда полилась музыка. Невероятно громкая и торжественная. Заставляющая мурашки расходиться в такт по всему телу и пульсировать чаще сердце. И полилась из динамиков песня:

Вставайте, люди русские,
На славный бой, на смертный бой!
Вставайте, люди вольные,
За нашу землю честную!

Живым бойцам — почет и честь,
А мертвым — слава вечная!
За отчий дом, за русский край
Вставайте, люди русские!

Вставайте, люди русские,
На славный бой, на смертный бой!
Вставайте, люди вольные,
За нашу землю честную!

Казалось, было слышно, как сотни и тысячи бойцов подпевают этому гимну. Солдаты вопили из своих окопов, стоя за лафетами орудий, из танков и сжимая рукояти пулеметов. Николай наблюдал за происходящим в бинокль. А рядом послышался голос Людоеда:

— Ай да Старшина. Ай да сукин сын.

— Вы что себе позволяете! — огрызнулся вдруг Андреич.

Крест лишь покачал головой и улыбнулся:

— Комиссар, ты себе не представляешь, сколько уважения к этому человеку я вложил в сказанные мною слова...

* * *

Серая лавина мчалась по замерзшей реке к своей цели. Ведомые страхом перед всепожирающим ядерным огнем и жаждущие отмщения за угрозу и вызов, легионеры мчались тупоносым клином в расставленную Старшиной ловушку. Они оседлали все, что можно. Снарядили всю технику. Снегоходы, собачьи упряжки. Танки и БМП. Бронетранспортеры и аэросани. Ко многим бронированным машинам на буксире были прицеплены большие сани с десантом. Гау знали, что избежать ядерного удара они смогут, лишь достигнув берега Новой Республики. Там варвары Старшины не посмеют взорвать бомбу, ведь в противном случае уничтожены будут и они тоже.

— Внимание! — заорал командир минометного полка, расположившегося на переднем крае обороны. — Упреждение сорок! Пять выстрелов! Четыре осколочно-фугасными, пятый дымовыми! Интервал ноль! ОГОНЬ!

Стволы стодвадцатимиллиметровых минометов заухали, посылая в сторону наступающей армады первую смерть.

Когда последний миномет выплюнул пятую мину, командир полка снова заорал:

— Внимание! Отходим за вторую линию обороны и занимаем обозначенные позиции!

Снежный ковер, накрывающий ледяную гладь реки, стал взмывать вверх разрывами мин перед неумолимо приближающимся врагом. Было очевидно, что минометчики поторопились. Только две мины разорвались в гуще авангарда Легиона, разнеся снегоход и разметав нескольких вражеских солдат в клочья. Атакующие, не снижая темпа наступления, стали расходиться веером, но дым от дымовых снарядов начал заволакивать пространство вокруг них, мешая маневру и создавая в передовых порядках сумятицу. БМП, попав в дым, столкнулась с Т-62, и у нее сорвало гусеницу. БТР-80 проехал по телеге с десантом, которую тянул МТЛБ с водруженной на корпусе ЗУ-23. Движение авангарда замедлилось, но идущие позади войска еще держали темп. В итоге плотность вражеской техники и солдат сжималась.

Над берегом республики разнеслись раскаты грома. Это заговорили гаубицы Д-30, бьющие точно в дымовое облако. Взмывали огненные облака над стелящимся дымом. Подбросило обломки аэросаней и БМП-3. Поначалу все это походило просто на избиение Гау, но вот небо поперек реки перечеркнули дымные шлейфы реактивных снарядов установки залпового огня. Земля и накрывающий ее снег содрогнулись. Где-то среди позиций обороняющихся дробью ударили снаряды от залпа установки «Град».

Отдельные единицы техники Гау вырвались из дымного плена и снова устремились к берегу Новой Республики.

— Крест! — закричал комиссар. — Ну что!

— Еще минуту, — спокойно ответил Людоед, глядя в мощный морской бинокль. — Они еще слишком растянуты...

— Но они ударили «Градом»! У наших потери!

— Если поспешить, то будет еще хуже...

— Вертолеты, — мрачно проговорил Варяг, который также наблюдал в свой бинокль.

Тройка Ми-24 с характерными знаками Легиона неслась из облаков в сторону обороняющихся. Над авангардом своих войск они быстро рассеялись и стали маневрировать. Один из них дал короткий залп НУРами по второй линии обороны. Где-то сзади, в нескольких сотнях метров, загрохотала барабанной дробью «Шилка», замаскированная в снежном бархане. Корпус Ми-24 качнулся в сторону, уворачиваясь от трассеров. Другой вертолет, находящийся дальше и выше, дал залп по обнаружившей себя ЗСУ гвардейцев. Снова грохот взрывов. Уже совсем

близко. От позиций гаубиц взмыла ракета «Иглы» по стреляющему вертолету. Тот выпустил несколько тепловых ловушек. Ракета прошла мимо. Однако снова заговорила «Шилка», которую поразить вертолеты пока не сумели. В отдалении, среди деревьев, заговорили скорострельные пушки другой ЗСУ. Это была «Тунгуска». У ближайшего вертолета перебило хвост, и он, закрутившись в воздухе, стал стремительно падать вниз. Еще один вертолет, попав под огонь «Тунгуски», завертелся на месте, разметая осколки пилонов, остекления кабины и куски корпуса, после чего взорвался в воздухе. Третий Ми-24 стал убираться восвояси. Тем временем армада сухопутных войск неумолимо приближалась, несмотря на огонь гаубиц.

— Пора, — произнес Людоед, убирая бинокль. Он подошел к пульту и дернул рычаг, повернув голову в сторону дамбы. Ничего не произошло.

— Что за... — Он еще раз дернул рубильником, но так необходимого сейчас взрыва не последовало.

— Эта ваша чертова полевка! — заорал Людоед на комиссара.

— Ее проверяли на токопроводимость! — крикнул в ответ Андреич. — Все было в норме!

— Да гнилая она, — пробормотал Варяг. — Ясное дело. Где-то просто перестал ток проходить.

— Но несколько часов назад проходил!

— Может, обрыв? — высказал свое предположение Сквернослов.

— Это саботаж! — закричал комиссар.

— Ну вас к черту, — огрызнулся Крест. — Эй! В танке!

— Чего, товарищ Крест? — отозвался Петруха.

— Господи, сейчас бой. В бою забудь про слова «товарищ», «комиссар», «полковник» и тому подобное. К черту строевой устав в бою, — проворчал Варяг, выбивая трубку о корпус танка. — Драгоценное время терять только. Говори «командир», «друг», «брат», Вася», «Петя»... У тебя снаряды там есть?

— Есть, конечно. А что?

— Не попасть отсюда, Варяг! Я уже об этом подумал! — воскликнул Людоед. — Слышь, Петруха, заводи агрегат и вылазь оттуда!

— Зачем?..

— Делай, что я сказал, салага!..

Николай наблюдал за вертолетом, не обращая внимания на грохот разрывов и приближающийся гул наступления. Верто-

лет вновь показался вдалеке. Летел он низко и держал курс в ту сторону, где на реке стоял самолет. «Только не туда, — думал Васнецов. — Только не самолет».

Между тяжелой бронетехникой Легиона и противотанковой батареей республики завязалась артиллерийская дуэль. ПТУРов сохранилось очень мало, и в сложившихся обстоятельствах наиболее эффективным оружием была классическая артиллерия, неприхотливая и долговечная. Николай бросил туда лишь мимолетный взгляд. Но после этого был готов поклясться, что видел в бинокль, как Старшина подносит снаряды. Очевидно, в свой бинокль это заметил и комиссар, потому что тихо выругался.

ПТ-76 никак не хотел заводиться. Стартер ныл, но ему не хватало мощности.

— Аккумулятор сел! — закричал танкист.

— Какого хрена! Так быстро?! — заорал Людоед.

— Так ведь холодно! И провода эти ваши подсоединены!

— Может, потому и детонатор не сработал?! — крикнул Варяг, дернув рубильник еще раз.

— Да ему три вольта надо! А у меня тут пять-шесть еще выдает! — ответил разгоряченный Петруха.

— Ломы! Два лома есть?! — Крест схватил танкиста за грудки.

— Есть!

— Доставай! Живо!!!

Вертолет пролетел над дамбой, и из леса на него обрушился огонь крупнокалиберных пулеметов запасного полка, скрытого в зарослях. Ми-24 дал залп НУРами и стал уходить на разворот. Однако за ним уже тянулся дымный шлейф. Нет. До самолета ему еще далеко. Отогнали. Надолго ли?..

Илья кинул один стальной лом Варягу.

— Варя! Делай как я! Вставляй его в гусеницу! В направляющие! Вот так! На счет «три» навались на него всем телом! Петруха! На счет «три» выжми главный фрикцион!

— Чего?!

— Сцепление! Твою мать!

— Я понял!

— И-и-и р-р-раз, два, три!!!

Внутри боевой машины что-то лязгнуло, но танк не завелся, несмотря на то что и Крест и Яхонтов, каждый со своей стороны, навалились на ломы и заставили ведущую звездочку чуть прокрутиться.

— Падла! Я сказал, сцепление выжми!
— А я что сделал?! — отчаянно закричал танкист.
— На счет «три»! Паузу не делай! Варя! Давай еще раз!..

Наступление неумолимо подкатывалось к берегу Новой Республики. Вертолет, несмотря на повреждения, сделал новый заход, но на сей раз ударил оставшимися НУРами издалека; в ста метрах разорвался снаряд; один из ближайших танков Гау разорвало сдетонировавшим от попадания кумулятивного снаряда боезапасом; пехота противника спешилась и бежала к берегу; заклекотали пулеметы; теперь дымовые снаряды пускали легионеры, чтобы прикрыть движение пеших солдат...

— И-и-и р-р-раз, два, три!!!
Танк снова лязгнул, и вдруг выхлопная труба жутко чихнула, выпуская горький черный дым. Двигатель заревел. Варяг снова бросился к пульту детонатора и стал дергать рубильник. Дамба не взрывалась.
— Варя, оставь! Я сам все сделаю! Салага! Вылезай из танка и вырви провод этот на хрен!
Людоед бросился к Николаю и вдруг схватил его за плечи. Николай опешил. Он был весь поглощен наблюдением за вертолетом и приближающимися войсками Гау. Что хотел сейчас от него Илья?
— Николай блаженный! Бог тебя на руках носит! Помни об этом! — воскликнул Крест, улыбаясь как-то странно, и с силой затолкал Васнецову за пазуху какой-то сверток.
После этого Людоед прыгнул в освободившийся люк механика-водителя, и ПТ-76, рванувшись с места, устремился вниз по склону. К реке.
Васнецов, недоумевая, извлек сверток, что сунул ему Крест. Это была старая ткань для солдатских портянок. Он развернул ее и увидел там предохранитель ядерного заряда и флакон с эфиром, что дал им в Екатеринбурге Дитрих. Васнецов уставился на несущийся уже по реке танк, ведомый Людоедом. ПТ-76 мчался наискосок все ближе к центру реки и в сторону дамбы. И только теперь Васнецов понял, что произошло. И понял, что вот-вот произойдет. Он только теперь осознал природу своей тревоги, когда они впервые ступили на эту землю. А точнее, на замерзшую реку. Это же было предчувствие. До него лишь сейчас дошло предупреждение того странного старика

в екатеринбургском метро. Блаженный понял, что грешил не на ту женщину. Не миловидная и добрая Лена способна погубить Людоеда. Его вообще никто не способен погубить, хоть старик и говорил, что это будет женщина... Нет. Это река. Река с женским именем. Река Лена.

— СТО-О-ОЙ!!! — заорал Николай во все горло и бросился по колее, что оставил танк в снегу, за ним. — Стой, Илья! Ахиллес! Остановись! Назад!

Комиссар, наблюдавший за тем, как вся их затея выходит из-под контроля, пустил из сигнального пистолета зеленую ракету. С тыла послышался шум. В движение пришел весь резерв, который был призван столкнуть Легион Гау, если тот начнет штурм берега. Схватка в нескольких километрах от них становилась все яростнее. Бой — ожесточеннее. Выстрелы из всего, что стреляло, все чаще...

— Людоед, стой! Ты же погибнешь! — продолжал голосить Васнецов, мчась к реке.

Варяг нагнал его и повалил в сугроб.

— Коля, ты ничего не сделаешь!

— Но он же погибнет!!!

— Он знает, что делает!

— Нет! Он не ведает! Она убьет его!

Танк был очень далеко. Его было еле видно. Он встал в километре от дамбы. Словно коршун, на него спикировал тот самый вертолет. НУРов у него не осталось, и он дал очередь из пулемета. Мимо. Вертушка пошла на второй заход. Позади послышался гул мотора. Комиссар махал рукой экипажу выдвинувшейся вперед «Шилки» и указывал в сторону покушавшегося на Илью вертолета. Снова барабанная дробь счетверенных стволов ЗСУ. Вертолет уцелел. Танк не двигался. Видимо, Людоед перебирался из места водителя в башню...

Пехота Гау, что была на снегоходах, уже взбиралась по склону берега республики. Обороняющиеся выкатили сваренные из гнутых стальных прутьев шары диаметром в три метра. Прутья были обмотаны большим количеством пропитанной смолой пакли. Обороняющиеся подожгли шары и стали сталкивать их вниз, на наступавших. Огненные снаряды мчались на легионеров, наматывая замешкавшихся людей на свой пылающий каркас. Через определенный промежуток времени шары стали взрываться огненным облаком. Видимо, в центре была смонтирована взрывчатка с напалмом.

Танк наконец выстрелил. В какофонии боя этого выстрела слышно не было, но было видно, как вспыхнуло пламя, вырвавшееся из ствола. Потом стало видно взрыв на дамбе. Но это был лишь взрыв снаряда. Подрыва заложенных тонн взрывчатки не произошло. Вертолет снова зашел на атаку танка. Снова загрохотала «Шилка», и вражеский Ми-24 наконец получил свою порцию смерти. Снаряды разворотили ротор винта, и вертолет, объятый пламенем, рухнул неподалеку от танка. Второй выстрел ПТ-76. Снова взрыв на дамбе, и вдруг... Там словно разверзлась огненная пасть, огромная буря огня стала стремительно растягиваться в разные стороны от места попадания. Началась детонация. Донесся зловещий гул разрывающейся массы взрывчатого вещества.

— Все, Илья! Ты попал! Илья, ты попал! Убирайся оттуда! — вопил что есть силы Николай.

Но танк стоял неподвижно. Ведь Людоеду надо было еще перебраться из башни на место водителя...

Ледяная масса пришла в движение и загрохотала. Замерзшая дамба стала оседать и ползти в сторону ПТ-76. Сначала все происходило как-то медленно, и лед нехотя уступал свои многолетние позиции. Но вдруг огромные ледяные массы стало рвать на части, и затаившаяся в ожидании свободы вода хлынула с невероятной скоростью. Танк все еще стоял. Ледяная гладь за дамбой тоже стала рушиться, и огромные плоские айсберги устремились вперед, увлекаемые гигантским валом воды. ПТ-76 наконец рванулся с места, круто развернувшись и взяв направление к берегу.

— Быстрее! Давай! Давай! — орали уже вместе Николай и Варяг.

Легион Гау увидел несущуюся на них массу. В рядах наступавших началась паника. Легионеры уже не атаковали, а просто бежали на берег. Многие бросали оружие и скидывали бронежилеты, чтобы легче было бежать. Многие поднимали руки и тоже бежали, демонстрируя гвардейцам Старшины свою готовность сдаться, лишь бы уберечься от надвигающегося цунами. Выдвинувшийся на передний край резерв Новой Республики принялся методично расстреливать объятых ужасом легионеров, невзирая на то, есть у них оружие или нет, подняли они руки или нет. Легионеры все равно продолжали бежать на склон. Навстречу своей смерти...

Николай перестал кричать. Он с ужасом смотрел, как крохотный танк исчез в огромной волне, которая оказалась больше, чем они рассчитывали. Попав в буруны, танк закрутило,

и он исчез в бушующих водах. Спустя пару секунд он вдруг вынырнул каким-то невесомым поплавком, но в него ударилась огромная ледяная глыба и накрыла собой.

— Не-е-ет!!! — закричал от страшной правды и невыносимой боли Васнецов. Он бросился вперед. К бушующим водам. Однако Варяг снова нагнал его и потащил назад.

— Коля! Вода сейчас тут будет! Быстрее наверх!

Освободившаяся река ударила по армии Гау, перемалывая в водяных жерновах всю их технику и людей. Те из наступавших, кто уже был на берегу и понимал, что пощады им не будет, как ни моли они гвардейцев, кинулись в последнюю атаку, и на склоне берега началась немыслимая свалка рукопашной бойни...

Николай рыдал, увлекаемый Варягом наверх по склону. Сзади уже бурлила вода. Она становилась все ближе. Пятьдесят метров. Двадцать. Десять. Похоже, она достигла того уровня, выше которого ей не подняться, и мчалась дальше вперед, продолжая пожирать Легион Гау...

Васнецов вдруг оттолкнул с невероятной силой Варяга и, развернувшись, принялся стрелять из автомата по воде.

— НЕНАВИЖУ! НЕ-НА-ВИ-ЖУ-У-У!!!

— Куда патроны тратишь, дурак! — закричал подбежавший Петруха.

Магазин опустел, а Николай продолжал кричать и дергать за спусковой крючок. Танкист и Яхонтов повалили его снова в снег.

— Коля! Возьми себя в руки! — воскликнул Варяг. — Я тебя прошу, Коля!

— Что! — К ним подбежал Сквернослов. — Что такое! Что с Ильей! Варяг, что с Ильей?

Яхонтов повернул голову и взглянул на Вячеслава полными слез глазами.

— Славик, Ильи больше нет... Нет его...

После этих слов Николай перестал биться в агонии и кричать. Он замер и просто стал нечеловечески выть...

19
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Впереди, среди деревьев, снова раздался выстрел.

— Все целы?! — крикнул атаман пригнувшимся бойцам.

— Да, — послышался ответ после недолгой паузы.

— Атаман! Неужто целый полк мордой в снег зароется из-за одного снайпера?!

— Молчи, есаул. — Командир недовольно дернул головой. — Победа уже наша. Псов потопили. Предлагаешь мне в такой момент людей класть под пули этого недобитка?

Он угрюмо посмотрел в сторону реки. До бывшей дамбы было почти десять километров, но лед на реке обрушился и ушел вместе с бушующей водой дальше, туда, где были основные силы неприятеля. Теперь здесь зияла пропасть на всю ширину реки.

— Так что делать? — снова послышался голос есаула.

— Выманить надо урода. Давай два отделения. Перебираться от дерева к дереву и достать его.

— Так и он маневрирует. Позиции меняет.

— Ничего. Он один.

Очевидно, из всего перебитого вольниками отряда Гау, что выдвинулся в сторону самолета, остался один снайпер. Он уже ранил двух бойцов, и рисковать из-за такой мелочи атаман не хотел, но и стоять на месте было нельзя. Надо двигаться в лагерь Гау и зачистить его.

Грянул еще выстрел. Но по звуку сразу было понятно, что стреляли из другого оружия. Из другого места. И в другую сторону. Снайпер Гау ответил своим выстрелом.

— Что это еще такое, — пробормотал атаман.

Снова выстрел неизвестного. Кто-то затеял дуэль с легионером.

— Похоже, кто-то гада того выкуривает, — громко зашептал стоящий за деревом урядник. — Он рядом совсем.

— Эй! — крикнул есаул. — Кто там еще!

Вместо ответа последовал выстрел.

— Отвечай! Гранатами закидаем!

— Не нада граната! Гвардейца! Охотник я! — послышался возглас. — Молот!

— Мы не гвардейцы! Мы вольники! — крикнул урядник.

— А-а, так это тот старый якут. Отшельник, — улыбнулся есаул. — Знакомый господина Старшины.

— Ты в кого стреляешь?! — крикнул атаман.

— Охотник я. Охочусь. Снайпера Гау эльген.

— Чего? — Атаман непонимающе посмотрел на есаула.

— Он говорит, что снайпера того убил, — пояснил подчиненный.

— Эй, Молот, ты уверен, что убил его?

— Хе, я бы да не был уверен. Охотник я. Всегда им был. Отец охотник. Дед охотник. Две тысячи шагов я хагдан глаз попаду, из попа пуля вылетит. Тирии не попортит.

— Чего он сказал?

— Что медведя в глаз завалит. И шкуру не испортит.

— Спасибо за помощь!

— Ай, не за что. Можно я его уотунан эстэр сэп себе возьму?

— Чего?

— Он оружие снайпера забрать хочет.

— А-а. Конечно!

Со стороны реки послышался рокот. Атаман посмотрел в ту сторону. По краю ледяного обрыва, за которым еще бурлила разминавшаяся после многолетней спячки река, мчался снегоход. Седок явно куда-то торопился и не стал отъезжать на безопасное расстояние от обрыва, а ехал буквально на краю смерти. Трудно было разобрать, кто это. Человек в теплом камуфлированном костюме с автоматом за спиной.

— Это еще что...

Следом мчался целый кортеж из четырех снегоходов.

— Кажется, это погоня, — пробормотал есаул.

— Так! Вольники! По коням! На Легион! — закричал во все горло атаман.

По коням, это громко сказано. Транспортом вольников было несколько снегоходов, переделанных под четырехместный вариант, собачьи упряжки и два уазика, поставленные умельцами Новой Республики на гусеничный ход.

А Николай тем временем пересек реку по краю ледяного разрыва и устремился в логово врага, быстро отрываясь от преследовавших его товарищей...

* * *

— Несите это тоже в вертолет.

Невысокий человек с пугающим пронзительным пристальным взглядом указал на железный ящик, закрытый замком. В ящике были бумаги и документы, которые он трепетно хранил уже много лет.

— Да, Титос.

Два солдата поклонились ему и, взяв ящик за ручки на торцах, с трудом вынесли его из комнаты. Титос продолжал натягивать теплый комбинезон. Путь предстоял неблизкий и сложный. Вертолет-салон Ми-8, который когда-то принадлежал главе местной администрации и потом содержался на особом

хранении Легиона, должен был пролететь на юг, точнее, в ту сторону, где должен быть юг, как можно дальше, пока хватит топлива. А что потом... Просто надо добраться до любого возможного поселения. Важно найти людей. А там он со своими способностями точно не пропадет. Одурманит. Окрутит. Охмурит...

На улице послышалась стрельба. Похоже, стреляли его люди. Ответных выстрелов не было. Значит, это не массированное нападение. Да и сложно будет старшинистам напасть. Теперь между ними ожившая река Лена. Большой крюк надо делать. Наверное, небольшой отряд давно вышел к позициям Легиона, думая, что тут не осталось войск и все бросились атаковать тот берег... Все-таки как легко и красиво они провели его. Его! С его способностями!

Раздался душераздирающий вопль. Стрельба усилилась. Да что там происходит?

И вдруг его виски завибрировали. Не запульсировали. Не заболели. А буквально завибрировали. И с мозгом стало твориться что-то... Кто-то словно запустил в голову пальцы-щупальца и выдавливал его мозг... И в ушах раздался пронзительный скрип...

— Черт... Это же мутант! — пробормотал Титос. — Тот самый мутант... Он пришел. Пришел за мной... Он ищет меня. Как же он силен... Похоже, он и сам не подозревает, насколько он силен. Главное, чтоб он не понял, насколько он силен. Но я могу выставить блок против его воздействия. Но тогда он сразу поймет, где меня искать. А пока я простой человек, он меня не сможет найти. Но как же болит голова от его силы...

Стрельба резко прекратилась. Хотя, может, он ее не слышал, потому что вошел в измененное состояние сознания? Или его ввел мутант в это состояние? Он очень силен... Нет... Надо что-то делать...

И Титос выставил психоблок. Иначе просто боль сведет с ума. Теперь, наверное, мутант знает, где он. Но и Титос его почувствовал. Откуда здесь мог взяться этот мутант? Здесь же не было этих чертовых излучателей... Ах да... Они же издалека. Из Москвы. Да. А вот там... Дьявол! У него такая же кровь! Неужели это... ОН?!

* * *

...Толпа в большом зале одного из комплексов правительственных убежищ зашумела. Тут собрались только те, кто так или иначе был связан с ним. Было очень сложно эти первые годы.

От его ближайших сподвижников мало кто остался. Да, они сделали свое дело с минированием метро, но ведь никто не знал, что это были за мины. И он сам не знал, что это были ядерные заряды. Заказчик ничего не сказал. Более того, заказчик рекомендовал ему и его группе укрыться в метро в условленный час. Наверное, хотели избавиться от исполнителей такого страшного задания. Он думал, что будет просто серия терактов, которые спровоцируют социальные и политические волнения в стране. А потом центробежные силы просто развалят эту страну на части, как когда-то развалили Союз. Он думал, что сможет хорошо нагреть руки на этом развале. Ведь развал Союза обогатил многих людей. Раскрыл гигантские перспективы перед избранными. Но случилась ядерная война. Черт возьми, да если бы он знал, что грядет на самом деле! А может, вообще никто не знал, что грядет? В том числе и те, кто все это задумал?

В метро им удалось выжить каким-то чудом. И пришлось уничтожить всех своих соратников, ведь они думали, что он все знал и провел их. И они хотели его просто прикончить. Потом он сколотил новую группу из тех выживших, кто принимал его взгляды. Благо было чем их купить. Он давно заготовил в убежище много оружия и припасов. Было с чем противостоять внешним. Тому быдлу, которому не было места в элитных убежищах и кто приговорил тех, кто выжил в метро после ударов. Но вот теперь его люди снова бунтовали против него. Они ждали от него решений и действий. У них появился враг. Да нет, у них была масса врагов и в метро, и тем более на поверхности. Но это был новый враг. Какое-то чудовище. Он буквально выпотрошил вчера их колонию в «Метро-2». Из сорока человек там выжили лишь трое, которые и рассказали все.

Он еще раз окинул взглядом толпу. Сейчас особо чувствовалось, что они со временем все больше теряли человеческий облик. Как в прямом, так и в переносном смысле. Он замечал, что многие забывали, кем были до войны, и даже иногда старых знакомых и родных не узнавали. Все больше превращаясь в одержимых носителей инстинкта еды, размножения и выживания, но сейчас страх обнажал в этих уже недолюдях их жуткие метаморфозы, делая их более явными. Он и сам иногда чувствовал, что с ним что-то происходит. У него были подозрения, что причиной тому определенная совокупность факторов. Во-первых, сама истина с ее невыносимой психопатичностью.

Истина свершившейся ядерной войны, в которую невозможно было поверить еще пару лет назад. Человеческий разум был расшатан шоком и депрессией. И на него особо сильно мог воздействовать другой фактор — установки пси-оружия, которые были призваны угомонить паникующую толпу во всем метро. Но, черт возьми, они работали ни хрена не так! В этом проклятом государстве все и всегда работает не так!

— Ну что! Где все обещанное тобой благоденствие?! Ты говорил, мы захватим все незараженные и уцелевшие участки метро. Ты говорил, что мы покончим с внешним быдлом или заставим их работать на нас. Говорил, что выведешь нас на поверхность и мы получим свой мир. И что теперь? Ничего не изменилось! Мы дохнем! И теперь нас еще истребляют, как крыс! Теперь еще какой-то амбал ходит по метро безнаказанно и валит нас штабелями! Что ты молчишь!

Он ненавидел их. Эту преданную ему толпу. Ненавидел и презирал. Да они мусор. Неужели они думали, что его заботит их будущее? Они просто работали на него. Исполняли его волю. Воевали во имя его целей. Добывали и таскали еду. Неужели они и вправду думали, что он, их лидер, озабочен их будущим? Да на кой черт они с их будущим ему нужны? Есть простой закон эволюции видов — выживай за счет других. Будь сильней, хитрей, умней. И имей клыки острее, чем у других. Как же они тупы. Как они противны и тупы. Какая мерзость. Какое невежество. Вот они стоят, кричат. Чего они кричат? Они изменят что-то своим криком? Для себя я все решил. Если станет слишком жарко, то надо прорываться на поверхность и пытаться добраться до Якутии. Далеко. Трудно. Но там отец. Там его люди. Там должна быть база. Хорошо бы еще найти тех уродов, с которыми он договаривался о минировании. Вот бы им кишки выпустить за такой развод... Да, впрочем, уже стало жарко. Он еще не знал толком, что за урод бродит по метро и валит всех подряд, но по состоянию вот этого мерзкого и вопящего стада понимал, что стало жарко и очень скоро пора сваливать. Тут, в этом метро, да и во всей Москве, нечего ловить. Ничего не выгорит. Выгорело уже все...

И тут погас свет. Вот почему он погас? Только недавно генератор проверяли. И тут на тебе. Погасли сразу все лампы. Шум толпы с наступлением мрака вдруг стал походить на рычание диких животных. Он стал щупать рукой стену в поисках двери, за которой было помещение с его вещами, в том числе и фона-

рем. Рука коснулась холодной стали двери. И в этот момент он понял, что видит нечеткий черно-белый силуэт двери. Даже трещину в бетонной стене. Он обернулся. Вот и толпа. Эти чертовы людишки. Нет... Они выглядели сейчас иначе. Какие-то бесформенные, злые, безумные, черные... Словно и не люди вовсе... Хотя какая, к черту, разница, люди они или нет... Почему я вижу в темноте? Стоп... Тут кто-то лишний. В помещении кто-то лишний. Не такой, как эти. Он только что тут появился. Через минуту, как свет погас... Это он погасил свет... Он где-то кабель перерезал... Черт, да что со мной? Я чувствую угрозу и вижу в темноте... мутно и абстрактно, но вижу... ВОТ ОН!

Огромная фигура стояла у двери, за которой был тоннель метро. Он незаметно вошел и стоял у двери, оглядывая помещение. Он тоже видел, но, должно быть, благодаря своей жуткой маске. Между ними сейчас находящаяся в смятении толпа. Они не понимали, почему погас свет. Некоторые, похоже, тоже осознали, что видят в темноте. Еще что-то происходило с этими людишками... А этот, у двери, огромный и невозмутимый, медленно поднял на уровень пояса свое оружие.

«На пол!» — пронеслась спасительная мысль.

И амбал открыл огонь по толпе. Да. Стало совсем жарко. Надо выбираться из метро, из Москвы... Надо в Якутию. К отцу...

Как давно это было? Лет семнадцать уже прошло... Или больше?

* * *

Титос сел на пол и медленно притянул к себе автомат. Черт подери, он чувствовал, что этот мутант имеет какое-то отношение к тому монстру в метро. Но нет, это не он. Однако похоже, что у них одна кровь. Они родственники. Черт подери, этот мир продолжал оставаться тесным даже после вымирания десятков видов животных и гибели нескольких миллиардов человек. Как же тесен мир... черт подери...

На улице была слышна интенсивная перестрелка. Характерные пересвистывания говорили о том, что на их базу пришли вольники. Чертовы вольники. Они еще хуже гвардейцев Старшины... Но хуже другое. Мутант где-то совсем рядом. Он уже где-то за стеной. Он чувствует его... Титос стал водить стволом оружия, пытаясь понять, где этот родственник амбала. Раздалась глухая автоматная очередь, и прошившие деревянную стену пули попали ему в бедро, правую руку и плечо. Титос рас-

пластался на полу, выронив оружие и морщась от боли. Раздался удар в стену, и из нее показалось лезвие большого пожарного топора. Еще удар. Лезвие показалось в другом месте. Мутант бил по стене и наконец вынес целый кусок. Титос немного пришел в себя и попытался дотянуться уцелевшей рукой до своего автомата, но на него уже смотрел ствол оружия вошедшего в комнату молодого человека. Тот сжимал в левой руке АК-74, а в правой — тот самый топор.

— Я слышал твои мысли, ублюдок, — произнес ухмыляющийся Васнецов. — Большой тебе привет от моего дяди Володи.

— Погоди, — вздохнул Титос. — Нажать на курок ты всегда успеешь. Выслушай сначала.

— На меня твои штучки не действуют.

— Я знаю. Я и не пытаюсь. Просто хочу спросить тебя, за что ты борешься... Мир спасти? Ну ладно... допустим... а что дальше? Ты спасешь мир и бросишь его на произвол судьбы и поругание черни? Как всегда? Ты не задумывался над тем, что имеешь уникальную возможность взять ответственность за весь этот мир на себя? Подумай... Мы с тобой существа новой формации. Рывок в эволюции! В наших головах великое чудо природы — человеческий мозг. Мозг со всеми его скрытыми резервами. Те, другие, они лишь мясо. И мозг их работает на десять процентов от задуманного природой. Но природа ничего не делает зря! Она предвидела, что придут лихие времена и мир должны унаследовать сверхлюди с неограниченными возможностями разума! Сверхлюди! Ты! Я! Потенциал нашего мозга работает в полную силу! Те, глупые, алчные, погрязшие в страстях и невежестве, мир не удержали. И что они заслужили? Спасение? Пусть так. Но спасем их мы. Сверхлюди! И будем повелевать миром! Мы будем наставлять неразумных! Учить их! Владычествовать над ними! Мы это заслужили! Это ведь началась наша эпоха! Мы с тобой можем править миром!

— Значит, глупые, алчные и погрязшие в страстях? А ты? Предатель! Террорист! Кого ты обвиняешь?

— Я... я не знал, что это за бомбы, пойми. Меня обманули. Вот такие вот сволочи обманули.

— Да какая разница? Ты знал, что это бомбы. Пусть ты думал, что это простые бомбы. Но бомбы. Ты минировал метро, в котором постоянно проносились составы, полные людей. Твоих соотечественников. Ты предал свою страну.

— Послушай... послушай, как тебя зовут...

Мутант вызывающе ухмыльнулся.

— Блаженный Николай Николаевич Васнецов.

— Блин... — Титос поморщился от боли в ранах. — А как-нибудь попроще и покороче?

Васнецов помрачнел и задумался. Затем сказал:

— Людоед.

— Слушай... Людоед... Страну, говоришь, предал? А что мне эта страна? А? Ты молодой, не помнишь ни черта. Вот отец мой. Служить начинал еще в Западной группе... в Германии... была такая страна... а потом его со всей этой армией собственные правители заставили бежать оттуда... вывод войск это называлось... ни квартиры, ни денег, ничего... в казарме жил. С солдатней. И семья его. В грязной, вонючей казарме. Эта страна сказала солдатне, что их в армии унижают. Что у них, оказывается, есть права какие-то. И они стали посылать офицеров на хрен. Бардак... А страна требовала от офицеров, чтоб они солдатню в узде держали. Чтоб какая-то дисциплина была... ну не издевательство это? А потом этих бездомных и бесправных нищих вояк с их тупым долгом перед паршивой родиной кинула на войну. Вот ночью он вагоны с водкой разгружал, чтоб хоть как-то семью прокормить... Чтоб сыну в школу новые учебники купить, потому что в старых все, оказывается, неправильно... С ночи, значит, разгружал вагоны, а утром на войну. На технике, у которой поразворовывали рации и оптику... С ни хрена не умеющими, не желающими делать солдатами... Без медикаментов. С черствым хлебом и замасленными банками тушенки. С устаревшими автоматами. Эта родина отправила их умирать, воюя с теми, кому она исправно втихаря продавала оружие, боеприпасы и позиции собственных войск. И все так в этой стране. Потому что народ такой. Стадо баранов. Кого я предал? Если до того предали всех нас?

— Ты попутал, Титос. Ты попутал режим и родину. Попутал злобу и совесть. Честь и мерзость. Попутал шлюху с подворотни с родной матерью. И вот такие предавали и продавали позиции. Такие продавали рации и оптику. Такие кидали народ и делали из него быдло и стадо баранов. Такие, как ты, у которых нет ничего, кроме собственной шкуры. Но хочется больше. Хочется все. Так вот, такие скоты вроде тебя и виноваты во всем. Потому что ты титорас.

— Глупец... какой же ты глупец... ты еще просто очень молод. Максимализм юношеский... ты не прав кругом... Послушай...

— Наслушался уже, — отрезал Николай. — И вообще, веришь, нет, мне насрать на все твои доводы. Из-за тебя погиб мой друг. Вот и все...

И Васнецов занес топор.

* * *

— Короче, получится порядка четырехсот пленных. Что с такой оравой делать, ума не приложу. — Комиссар перелистнул страницу блокнота.

— Не вздумай. — Старшина нахмурился. — Я тебя предупреждаю.

Рука у него была перебинтованная. Во время боя Старшина получил легкое ранение.

— Да я и не думал ничего такого... Слушай, вот на кой черт ты полез на передовую?

— Потому что я Старшина, а не профессор социологии, — резко ответил лидер Новой Республики. — С пленными надо работать тщательно и обстоятельно. Заблудших много. Да и правила обращения с пленными никто не отменял.

— Но если бы это были солдаты иностранной армии. А это ведь предатели.

— Я тебе еще раз повторяю! — Старшина повысил голос. — Что там с вертолетом? Кто-то бежать пытался?

— Да. Пассажирский Ми-восемь. Его сбили, и он в реку упал.

— Титос был там?

— Не знаю. Вертолет затонул, а сейчас река опять льдом покрывается. Мороз сильный. Течение чуть ослабло, и сразу прихватило.

В кабинет ввалились Яхонтов и Сквернослов. Они устало опустились на стулья.

— Ну что? — Старшина взглянул на них. — Догнали его?

— Догонишь тут, — вздохнул Варяг. — Сейчас сам все расскажет.

И в кабинет вошел Васнецов. Он был перепачкан чужой кровью и тащил окровавленный вещмешок.

— Когда мы шли к вам... — проговорил он, обращаясь к Старшине, и сделал паузу. Было больно думать о том, что когда они шли сюда, то их было четверо. Илья был с ними. — Так вот... На пограничном столбе табличка была. «Не приходи с пустыми руками. Принеси голову Гау». — Он швырнул мешок к столу. — Вот. Получите и распишитесь.

Комиссар недобро посмотрел на Николая и, осторожно приблизившись к мешку, раскрыл его.

— Твою мать! — отпрянул он. — Что это?!

— Его голова, — спокойно ответил Васнецов.

— Старый мерзавец совсем голову потерял, значит, — вздохнул Старшина, презрительно глядя на мешок.

— Почему прекратили поиски Ильи? — резко спросил Николай, подойдя к столу.

— Потому что они потеряли смысл. Стемнело уже. Река снова замерзла. И вода ушла километров на сто. В некоторых местах большие разливы получились, где пойма. Как его искать? — развел руками комиссар.

— А вдруг...

— Да поймите, молодой человек, — вздохнул Старшина. — Вода ледяная.

— Но Варяг сказал, что это был плавающий танк, — подал голос Сквернослов. — Правильно я говорю?

— Совершенно верно, — кивнул Варяг.

— Так вы сами видели, как его льдиной огромной ударило, — ответил комиссар.

— Ну и что? — сказал Яхонтов. — Вы хоть танк нашли?

— Нет. — Комиссар мотнул головой. — Говорят же вам, район поиска огромный. Это безнадежное дело. Ну, смиритесь... Мы потеряли в бою почти триста человек. А тут из-за одного такие поиски.

Николай нервно расстегнул ворот бушлата и сорвал с себя шарф. Ему словно вдруг стало не хватать воздуха.

— Он один, — прохрипел Васнецов. — Он один стоит десять, сто, тысячу... Он один стоит все те жизни, что остались на этой земле. Все те жизни, что он хотел спасти... Он один... Ищите его...

Старшина протянул комиссару свою трубку.

— Андреич, набей табачку, мне неудобно одной рукой. — Затем он поднялся и подошел к Николаю. Положил здоровую руку ему на плечо. — Мы скорбим вместе с вами. Но люди устали очень. И замерзли. Нет смысла дальше продолжать. Река замерзла. Он может быть подо льдом. Район поиска очень большой. Он погиб как герой. И он станет героем Новой Республики.

— Мы даже похоронить его не можем...

— Его могилой стала река.

— Река... Лена... проклятый чернушный слепой старик... И правильно говорил Ветер. Лучший герой — мертвый герой... — Васнецов прикрыл лицо ладонью и тихо заплакал.

* * *

Была уже глубокая ночь. Мимо проносились наплывы свежего льда, сковавшие Лену в цепкие объятия. Николай понимал, что скоро кончится топливо, а он уже далеко от цитадели Старшины, однако душа рвалась искать друга, но вокруг были тишина и пустота. Как он ни пытался мобилизовать свои приобретенные способности, ничего не выходило. Он сейчас был не морлок. Не псионик. Простой осиротевший человек, который не хотел признавать потерю друга. Он остановил снегоход. Изо льда на полкорпуса торчал опрокинутый на бок танк. Нет... Это Т-72. Это не то, что нужно. Николай заглушил снегоход и подошел к танку. Обошел вокруг. Во льду виднелись вмерзшие трупы легионеров, собак, что тянули упряжки. Даже оленей. Вон еще что-то на полкорпуса торчит... БМП...

Васнецов аккуратно извлек из кармана пачку папирос, которые взял в вещах Людоеда. Прикурил. Сделал затяжку и зашелся кашлем. Какая гадость...

— Зачем ты куришь? — спросила Рана. — Это же вредно.

— Вредно. — Николай горько усмехнулся. — Илья ведь не от сигарет погиб.

— Ну, все равно... — Она пожала плечами.

— Почему он, Рана? Почему не я? Он ведь лучше бы справился с миссией.

— Не я ведь решаю. Но я ставлю на тебя. Ты сможешь... А он сделал мне больно...

— Сделал тебе больно? А я тебя вообще убил. И что?

— Ты убил одну несчастную девушку... Теперь-то ты убил много больше людей... Но он... он сделал больно всей земле. Он запустил ракеты по собственной планете, на которой жил. Зачем так?

— А какой был выбор? Может, если бы он этого не сделал, то еще больше ракет было бы запущено... — Васнецов подошел к ней совсем близко. — Рана, я хочу обнять тебя.

Девушка улыбнулась.

— Ты не можешь, Коля. Я ведь мертва. Меня нет здесь, и это не сон. Ты не можешь.

— Но я хочу, — упрямо повторил Васнецов.

— Только после того, как ты сделаешь то, что должен. После этого ты сможешь, когда освободишь меня.

— А я смогу освободить тебя?

— Конечно, золотой. Потерпи. Уже скоро...

— Хорошо. Я сделаю то, что должен. Но только ради того, чтобы обнять тебя. По-настоящему, а не во сне. — И он повернулся и пошел к снегоходу.

* * *

Варяг и Славик уже ждали его возле большого здания, где находились луноход и их новые апартаменты. Николай знал, в комнате четыре кровати. Но одна будет пуста. Васнецов поморщился от запаха алкоголя, исходившего от его товарищей.

— Вы что, пили? — строгим голосом спросил он.

— Помянули Илью, — всхлипнул Сквернослов. — Мы-то с ним не ладили особо. Но такой золотой мужик был... Больно, Колян...

— И мне больно. Но я не пьян.

— Ладно, будет тебе, — вздохнул Яхонтов. — Пойдем спать. Старшина сказал, что они заправят самолет к утру. Завтра вылетать.

Они зашли внутрь, а Николай остался. Он почувствовал на своей спине чей-то пристальный взгляд. Повернувшись, Васнецов понял, что не ошибся. Это была Лена. Она подошла к нему. Странно. У нее совсем не заплаканные глаза. И лицо спокойное. Только бледное. Без румянца. Вот у него, Николая, наверняка заплаканное лицо. У Варяга и Славика тоже заплаканные лица. А у нее нет. Она не горевала по Илье?

— Ты мне и ему говорил, чтобы мы держались друг от друга подальше, — спокойно сказала Лена. — А теперь он мертв.

Сказав это, она влепила ему пощечину и ушла.

Николай сел в сугроб и стал растирать разгоревшуюся от удара щеку.

— Странные вы существа, бабы, — пробормотал он. Затем повернул голову и крикнул: — Если любишь его, то иди и найди! Нет трупа, значит есть надежда! А вы все его похоронили! И ты сказала, что он мертв! И эти двое уже помянули... пропили! А я не верю! Не верю! Может, он где-то живой! Далеко! Один! Замерзший! Не верю я!!! Найди его, если любишь!!! А нам лететь надо! Нам этот чертов мир для вас спасать надо!!!

Он зачерпнул ладонями снег и, прижав к лицу, снова зарыдал.

— Это же, мать его, плавающий танк, с-с-сука!

* * *

Он уже бывал в этом городе. Однажды. Хотя какой, к черту, город. Чадящие едким дымом руины. Плач среди обломков, словно плакали сами камни. Чьи-то окрики и стоны боли. Снующие в дыму тени потерянных и оглушенных шоком людей. Чистилище. Город после ядерного удара. Он неторопливым шагом прошел, наверное, целый квартал. Обломки хрустели под ногами. Хлюпала грязь. Перемешанная вода из разбитых трубопроводов, сточные воды канализационных труб, кровь и бетонная пыль. Асфальт еще не остыл после вспышки. Он испарял своим теплом влагу из всей этой жижи.

— Андрей! Макаров Андрей! — позвал Николай.

Человек, сидящий на обломке стены дома, обернулся.

— А, Колька, рад тебя видеть, — устало улыбнулся он. — Ну, в смысле, не очень рад. Ты, значит, погиб?

— Да нет пока. Еще жив.

— Это хорошо. Рад за тебя. — Космонавт вздохнул.

— Ну, как ты тут?

— Да как обычно. Ничего нового.

— Нашел дочку свою?

— Нет. — Андрей мотнул головой. — Так и не нашел. И Юру так и не встретил.

— А жена?

— Не узнает меня. Смотрит в пустоту. Больно ее видеть.

— Сочувствую, — вздохнул Васнецов. — Послушай... Ты... Ты Илью тут не встречал?

— Илью? Креста? Как! И он?!

— Ну... я даже не знаю... или просто поверить не могу...

— Блин, жалко-то как. Нет. Я его тут не встречал.

— Правда? — Николай даже отчего-то обрадовался.

— Так ведь это ровным счетом ничего не значит. Эх, Коля... Так вас трое теперь...

— Да. — Васнецов кивнул, огорченный последними словами Андрея.

— Ну да ничего. Варяг — мужик тертый. Да и вы со Славиком тоже молодчики. Управитесь. Вы ведь еще не передумали?

— Нет, конечно.

— Вот и славно. Не зря же мы все жизни свои положили. Как там трактор наш? Бегает еще?

— Бегает, — улыбнулся Васнецов.

— Вот и хорошо. — Андрей задрал голову. — А тут совсем нет неба... Скверно-то как...

Николай посмотрел на небо. Его действительно не было. Были серые, белые и черные разводы дыма и пара. И пепла... Даже затянутое тучами небо его реального мира казалось приветливее по сравнению с этим. Он опустил голову и хотел что-то сказать, но вдруг увидел в дымящихся руинах одного из зданий ползущего на четвереньках старика. Это же тот самый слепой смотритель «генератора чудес»! Сейчас он ответит!..

Васнецов вскочил и бросился к нему.

— Пока, Коля! Удачи тебе! Заходи в гости! Только не торопись сюда! — крикнул вдогонку Макаров.

— Ладно! — отмахнулся Николай.

Черт, где он! Куда запропастился этот старик?! Он же только что тут был!

Васнецов принялся метаться среди развалин. В дыму пожарищ. Расталкивал бродящих, потерянных мертвецов, и это происходило бесконечно долго. Он бы, наверное, так и бегал в поисках того старика, но вдруг понял, что находится уже за пределами города. На пустынной дороге, идущей к близкому горизонту, на котором рос густой темный лес. Справа и слева от дороги непролазные топи, а на пути, метрах в ста от него, стояли два рейдера. Может, это амбал и оборотень? Дядя и отец? Неужели и они мертвы?

Николай обернулся. Город почему-то был далеко, хотя он только что вышел из него, сметенного безудержной силой ядерного взрыва и укутанного дымом и болью людей. Васнецов направился к двум стражам, охраняющим дорогу.

— Кто вы? — спросил он.

— Стражники чистилища, — одновременно ответили они громовым басом своих фильтров.

— Вы старика тут слепого, ползающего не видели?

— А знаешь, сколько тут ползающих и слепых? — с какой-то иронией спросил тот, что слева.

— Если ты хочешь пройти по этой дороге и выйти из чистилища, то должен ответить на два вопроса, — прогремел тот, что справа.

— Первый вопрос, — медленно произнес левый. — Нашел ли ты радость в жизни?

Николай опешил. Что за вопрос? Хотя... Мудрый, конечно, вопрос, если он адресован тому, кто закончил свой жизненный путь и должен отчитаться за него пред высшими силами. А какая радость была у него в жизни? Только боль, одиночество, отчаяние и непонимание того, зачем он живет. Сплошное нытье и апатия. Какая тут радость...

— Нет, — развел он руками.

— Уходи! — рявкнул правый.

— А второй вопрос какой?

— Ты не смог ответить на первый! Зачем тебе второй!

— Но я ответил!

— Это не ответ, а констатация! Уходи обратно в город!

— Ну скажите, что за второй вопрос! — негодовал Николай. — Вам что, трудно?

— Хорошо, — смягчился левый. — Была ли твоя жизнь для кого-то радостью?

Шикарный вопрос, нечего сказать. Васнецов задумался. Для кого его жизнь стала радостью? Кому он принес радость? Он убил Рану, он не спас ту девушку в метро, он не смог уговорить несчастную девочку-проститутку избежать смерти, он доставил неприятности Лере из Вавилона и зверски убил многих вандалов. Он не уберег Юру Алексеева. Он обидел Ветра, говоря о его сыне, инвалиде. А рабыня Рита живет благодаря ему, и мучают ее все время воспоминания о жутком плене... Они принесли надежду выжившим в Екатеринбурге?.. Но то заслуга Ильи Людоеда. А его друзья... Он принес им радость? Они постоянно получали головную боль от его выходок... Лена его ненавидит из-за того, что он встал между ней и Ильей... Капрал Вейнард погиб, спасая его... Нет. На этот вопрос он тоже не даст утвердительного ответа.

— Я, пожалуй, действительно пойду, — вздохнул Николай.

— Погоди! — рявкнул правый. — Так ты еще живой! Эй! Живым тут не место!

— Ах, какая жалость, — ухмыльнулся Николай. Затем снова стал серьезным и спросил: — А хоть кто-нибудь смог ответить на эти два вопроса как надо?

— Нет! Никто! Убирайся!

— Постойте! — раздался крик. По дороге со стороны леса шла Рана.

Стражники расступились, пропуская ее к Николаю.

Она улыбалась.

— Здравствуй, Коля, — сказала она, подойдя к нему.

— Привет, — улыбнулся и он.

— А ты спишь, значит, и обнять меня можешь. — Она продолжала улыбаться.

— Во сне неинтересно. Я подожду, когда смогу сделать это по-настоящему, — мотнул он головой.

Похоже, Рана огорчилась.

— Ладно, — вздохнула она. — Тогда посмотри туда. — И она вытянула изуродованную руку ему за спину.

Николай обернулся.

Сожженного города не было. Местность вообще была другая. Долина, окруженная горной грядой. В центре долины было что-то рукотворное. Трудно было разглядеть с такого расстояния. Вверх от этого уходил красный столб энергии, по которому мерцанием расходились яркие волны к облакам. А там, наверху, часть энергии растворялась в тучах, окрашивая их в кровавый свет, а другая часть спускалась к земле, расходясь бесконечным количеством лучей. Получался огромный купол прозрачной энергии, в котором иногда плясали разовые молнии. Купол очерчивал ровный круг, в центре которого находился тот странный комплекс, и вся земля под куполом была черна и выжжена. Изъедена эрозией и выпарена, иссушена. Купол гудел электрическим эхом, и дико пахло озоном...

— ХАРП! — громко выдохнул Николай, поняв, что видит перед собой.

— Да. Это он, — мрачно произнесла Рана, кивнув.

Николай неторопливо, с каким-то благоговейным чувством подошел к этой мерцающей прозрачной энергетической пленке, гигантской полусферой накрывающей комплекс и приличную область изуродованной земли вокруг него.

— Если бы это был не сон, то мы уже у цели!

Он протянул руку к энергетическому полю и почувствовал покалывание в кончиках пальцев. Покалывание становилось все сильнее и превратилось в режущую боль. Тогда он отдернул руку. Внутри купола вдруг заплясали красные молнии, которые стали безжалостно хлестать изъеденную эрозией землю, выбрасывая куски грунта. Брызги сухой земли от ударов стали превращаться в каких-то жутких взъерошенных существ, по сравнению с которыми чудовищные пси-волки были лишь милашками, сродни плюшевому медведю.

— Что это за твари?

— Псы-стражи!

Огромная стая столпилась у энергетического поля, свирепо глядя на него пылающими огнем глазами, и принялась яростно рычать:

— Ха-а-ар-р-рп!!! ХА-А-АР-Р-РП!!!

Позади стаи вдруг появились тени. Что-то бесформенное и колышущееся, как горячий воздух. Огромные человеческие тени, неестественно размахивающие руками...

— Души погибших! — простонала Рана. — ХАРП не отпускает их! Он делает из них армию тьмы!

Николай взглянул на девушку. Та упала на колени и, зажав руки между ног, вдруг стала вопить и вздрагивать:

— Мама! МА-А-МА-А!!!

— Мама! — кричала маленькая девочка, прыгающая на скакалке и проваливающаяся в снег.

— Ты нашел радость в жизни, Кеволеч?! — заорал стражник-рейдер, склонившись над ним.

Все вокруг завертелось, и было трудно разобрать что-то. Люди. Лица. Все что-то говорили, кричали, плакали. Старик хватал за ногу и бормотал про карму. И тут вся земля задрожала и все загрохотало. Он снова обернулся к ХАРПу. На месте изуродованной почвы под куполом разверзлась огромная пасть с мириадами клыков, бесконечными рядами уходящих в бездну.

Пасть издала страшный рык:

— ХА-А-АР-Р-РП!!!

И вся почва, завибрировав, поползла в зубастую бездну. Васнецов подхватил кричащую Рану и бросился прочь. Но землю стало все быстрее затягивать в глотку чудовища.

Николай стал бежать быстрее, бережно держа кричащую Рану на руках.

А навстречу неслись псы-стражи.

— Будьте вы прокляты, — выдохнул он и, бережно опустив девушку на вибрирующую землю, обнял ее, накрывая собой, и стал пристально смотреть на приближающуюся стаю чудовищ, сотворенных из обломков щебня, пыли, гранита и вулканического шлака.

— Не бойся... Главное — не бояться... Все это чепуха... Все это игры разума... Не бойся... — приговаривал он, гладя ее по голове.

Самый крупный пес-страж, несущийся впереди стаи, вдруг рассыпался в прах, наткнувшись на какое-то препятствие. Пре-

пятствием оказалась человеческая рука, сжимающая катану. Рука буквально вынырнула из снега, пронзив мечом чудовище. Теперь вынырнул и сам Людоед. Псы-стражи бросились на него, но он стал так орудовать мечом, что казалось, будь тут миллион псов, они все будут обречены.

— Илья!!! — закричал Николай.

— Блаженный! Дальше без меня! Не ждите и не ищите! Времени мало! Без меня дальше! Вы справитесь! — орал он, разметая наседающую стаю...

* * *

— Фффу-у-уххх! — выдохнул он, вскочив с койки и усевшись на ее краю. Николай какое-то время еще держался за бешено бьющееся сердце. — Ну и сон... — прошептал он.

Может, и гибель Людоеда лишь приснилась? Он нащупал на стене выключатель и включил свет. На своих койках мирно спали Варяг и Сквернослов.

Одна койка была аккуратно заправлена, и на ней лежал трогательно крохотный букет подснежников. Они тут и цветы выращивают? Это ведь Лена принесла. Больше некому. Он подошел к кровати и, бережно взяв букет, поднес его к лицу. Вдохнул слабый аромат и положил на место. Как хотелось думать, что Илья просто где-то бродит, как всегда было, когда они останавливались на постой. Но нет... Все теперь иначе.

Васнецов постоял задумчиво у пустующей койки и, подойдя к тумбочке возле кровати Варяга, посмотрел на его часы. Половина пятого утра. Он выключил свет и вышел из комнаты. Пройдя по коридору, Николай миновал пост охраны. Два пожилых гвардейца играли в шахматы и не препятствовали ему выйти. Он оказался в просторном гараже, где стоял их луноход. Еще группа охранников. Двое дремали. Один чистил оружие. Еще один читал книгу. Возле них, на стене, появился новый плакат. Оставалось только удивляться, когда они успели. На плакате был изображен Илья Крест. В черной шинели и каске: «Я Людоед, посоли себя сам». Одной рукой он целился из автомата, а другой сжимал катану.

И надпись: «Пронеси свой крест ради жизни на земле. Живым бойцам почет и честь. А мертвым слава вечная!»

— Мертвым уже ничего не надо, — вздохнул Николай и направился к двери, ведущей на улицу.

— Парень, тулуп накинь и далеко не отходи. Там за пятьдесят мороза, — произнес, протягивая тулуп, читающий книгу гвардеец.

— Спасибо.

Васнецов вышел на улицу и сел в сугроб. Мороз действительно был сильный, но отсутствие ветра и влажности делало его терпимым, хоть и ненадолго.

Николай снова достал папиросы Ильи и закурил. Прокашлялся.

— ХАРП, ХАРП, — бормотал он. — Хрен ты меня напугаешь, тварь. Я тебя уделаю. Бесись там себе. Недолго тебе осталось.

Словно в ответ на эти слова стал доноситься гул буквально отовсюду. Он становился все сильнее, и задрожала земля. Затрещали стены позади. Эхо трескающегося льда донеслось со стороны реки.

Из гаража выскочили охранники.

— Что за чертовщина! — крикнул один из них.

— Землетрясение, — абсолютно спокойным голосом произнес Николай и поднялся на ноги. Его лицо исказилось от кривой ухмылки. — Бесишься, ХАРП. Злишься. Значит, боишься. А если боишься, значит ты уязвим...

На улице появился Варяг. Подземные толчки стали утихать.

— Связь с охраной самолета есть?! — крикнул Яхонтов гвардейцам.

— Да...

— Что там?!

— Сейчас. — Охранник забежал внутрь. — Таймыр! Я звезда! Ответь! Таймыр! Я звезда! Ответь!.. Да, у нас тоже тряхнуло! Что у вас?! Как ледовый покров?! Понял тебя, прием...

— Ну что там?!

— Да все нормально вроде. Лед немного похрустел, и все. Трещин и провалов у самолета не видно. Самолет на месте. Его еще вечером техническая группа осмотрела, насколько могла. И топливом залит.

— Хорошо, спасибо. — Яхонтов вытер ладонью лоб. — Коля, давай собираться. Тянуть нет смысла. И нельзя.

— Согласен, — кивнул Николай.

Войдя обратно в гараж, Васнецов увидел, что Славик уже копошится возле лунохода.

— Колян, — позвал он негромко.

— Чего? — Николай подошел к нему.

— Слушай, помнишь Аркаим? Как эти головастики зубастые Илью утащили. Помнишь? Ты еще кинулся дверь открывать и спас его.

— Ну, — вздохнул Васнецов.

— Ты же что-то почувствовал тогда? Ну, он типа позвал тебя как-то. По-морлочьи? А?

— Да я не знаю, Славик. Просто я понимал, что он за дверью и надо ее открыть. Хоть попытаться его спасти.

— А сейчас... Ты не чувствуешь? Ну, все эти морлочьи штучки, типа как зов в Катином городе или эта фигня с Титосом?

— Славик, ты думаешь, я могу контролировать эти способности? Как включить или выключить фонарик? Оно само както... Какая-то сила сама решает... Понимаешь... И я не чувствую сейчас ничего. Боль утраты и сопротивление разума... Не хочу верить в его гибель, и все... Но теперь сделаю все, что он не успел, на нашем пути...

20
593

Несколько МТЛБ продолжали укатывать снег на льду, удаляясь все ближе к пропасти. Они таскали за собой массивные бетонные плиты, трамбующие неглубокий сугроб в центре реки. Еще было темно. Отряды гвардейцев ходили вдоль импровизированной взлетной полосы и устанавливали факелы. Вскоре к суете на реке присоединился гул приближающегося кортежа из нескольких БМП, сопровождаемых собачьими упряжками и снегоходами вольников.

Это прибыл Старшина. Он покинул БМП и направился к самолету. Рядом шел вездесущий старший комиссар-наблюдатель.

— У вас, я полагаю, проблемы теперь возникнут, — усмехнулся Николай, встречая его перед носом самолета.

— Что вы имеете в виду? — спокойно спросил Старшина.

— Врага больше нет. Сплачивать народ нечем. Кризис политический назревает. Кризис власти.

— А давайте вы останетесь на моем месте. Будете управлять республикой и попробуете построить справедливое обще-

ство, с вашей точки зрения. А я полечу вместо вас на Аляску, — усмехнулся лидер.

Николай нахмурился.

— У меня свои счеты с ХАРПом. Это моя, и только моя миссия.

— Ну вот и славно. Местное управление — это тоже моя миссия, в свою очередь. Так давайте каждый займется своим делом, и не следует вам лезть в вопросы политики, в которых вы, уж не обижайтесь, слабо смыслите.

Васнецов ничего не ответил.

— Так-то лучше, — продолжал говорить Старшина. — Наша идея зиждется не на постоянном поиске и противостоянии врагу. Наша цель — выживание и будущее. В этом вопросе мы, конечно, рассчитываем на вашу миссию. Теперь, когда Гау нет, мы будем изыскивать пути связаться с другими общинами. В первую очередь с теми, о ком вы нам поведали. Это будет сложно. Но это необходимо. Однако я к вам вот по какому вопросу... Вы потеряли одного человека. Сильного воина. До того вы потеряли еще двоих. Я бросил клич в среде гвардейцев и вольников. Есть много добровольцев, готовых присоединиться к вам. Что скажете?

Васнецов вздохнул:

— Илью никто не заменит. Впрочем, как и Макарова и Алексеева. Никто...

— Да этот вопрос с Яхонтовым решать надо. Чего у него спрашивать? Молод и зелен... — тихо сказал комиссар.

— А вы стар и бледен, — огрызнулся Васнецов. — Много вы повидали!

— Тише, — поморщился Старшина.

К ним подошел Варяг.

— Товарищ Яхонтов, — обратился к нему лидер. — Мы хотим предложить вам людей в помощь. У нас есть семьдесят добровольцев...

— Они так готовы исполнить любую вашу волю или хотят сбежать от вас? — усмехнулся Николай.

— Как он меня достал! — фыркнул комиссар и отвернулся.

— Меня, если честно, тоже, — кивнул Старшина. — И тем не менее, Варяг Елисеевич, что скажете? Молодой человек сказал, что ваших товарищей заменить некем. И не нужно.

Яхонтов задумался. Он смотрел какое-то время на укатанный снег, затем мотнул головой.

— Он прав. Новые люди. Сложно все это. Я понимаю, что подспорье. Но... Мы управимся. Мы сможем. Я знаю это наверняка.

Старшина покачал головой.

— Вы хоть понимаете, что впереди у вас враждебная территория? Чужая страна...

— Враждебная территория? — Яхонтов улыбнулся. — А по какой мы шли до этого? Да, мы шли по своей земле, но что нас ждало каждый раз? Отчего мы потеряли трех товарищей? Что может быть враждебнее этого Гау или черновиков? Чумных крыс или всяких разбойников да вандалов? Только сам ХАРП... Но для него у нас есть веский аргумент. Нет, Старшина. Нам никто не нужен в нашей миссии. Только мы сами и вера в победу. А что до враждебности... Тут люди и там люди, если кто-то там, конечно, выжил. А люди всюду одинаковые. Просто говорят на разных языках.

— Ну а как быть с языковым барьером? — спросил комиссар, обернувшись.

— Ну, я ведь не прапор с продсклада. Я офицер. Летчик-истребитель. Языку нас учили.

— Вы знаете английский?

— Объясниться, думаю, смогу, ежели что, — кивнул Варяг.

— Неужели вы настолько уверены в своих силах, что не желаете брать с собой обученных бойцов?

— Мы уверены, что делаем богоугодное дело, — пожал плечами Яхонтов.

— Знаете, мой опыт подсказывает, что чаще те, кто делает богоугодное дело, оказываются распятыми. А добиваются результатов, как правило, те, кто потворствует козням Сатаны. Впрочем, будь по-вашему. Мне остается лишь пожелать вам удачи.

«Богоугодное дело? — подумал Николай. — Мы всю дорогу убиваем. Всю дорогу убивают нас. Какому богу это угодно?»

— Прощайте. Удачи вам, — сухо сказал Старшина и протянул им здоровую руку.

* * *

Прожектора самолета Ил-76 разбивали утреннюю темноту, которая еще не уступила свой пост мрачному рассвету. Стальная птица монотонно гудела в предвкушении запуска двигателей. По обе стороны от самолета вперед убегали вереницы

горящих факелов. Где-то далеко впереди взмыла красная сигнальная ракета. Значит, полоса очищена от техники и людей. Она свободна. Можно взлетать.

Николай сидел уже на своем привычном месте. Варяг на своем. Сквернослов снова полез в штурманскую кабину. Позади пустовало кресло. Проверявший механизацию Яхонтов обернулся и какое-то время смотрел на него. Там ведь сидел во время полета до Якутии Илья.

— Не хватает его, — вздохнул Варяг и вернулся к приборам.

Загудели внешние двигатели.

— Порядок! — послышалось из рации.

— Порядок, — пробормотал Яхонтов.

Засвистели внутренние двигатели.

Снова послышался голос из рации, возвестивший о том, что люди снаружи никаких проблем с пуском двигателей не наблюдают. Дав турбинам прогреться, Варяг стал медленно увеличивать тягу и отпускать тормоза. Ил-76 медленно пополз вперед. Пришли в движение факелы, тянущиеся навстречу. Они двигались все быстрей и быстрей, исчезая под крыльями в бушующих вихрях воздуха и снега. Однако взлет давался тут трудней, чем по расчищенной бетонной полосе севернее Екатеринбурга. Васнецов обратил внимание, как медленно растет скорость. Заметно медленней, чем во время их первого взлета. Хоть и утрамбованный, снег все-таки мешал. Сопротивлялся движению огромной летающей машины.

— Скорость, — буркнул Варяг.

— Сто шестьдесят, — ответил Васнецов.

— Н-да. Туго идет.

Факелы становились реже. Самолет пробежал по замерзшей реке уже приличное расстояние, но подъемной силы пока так и не возникло. Зато появилась какая-то странная вибрация корпуса, и в руках пилота задрожал штурвал.

— Это еще что? — нахмурился он.

Внезапно зашипела рация.

— Эй! Варяг! Лед! Лед со стороны пропасти рушится вам навстречу! Землетрясение опять! Взлетайте скорей!

— Ч-черт! — рявкнул Яхонтов. — Этого нам только не хватало!

Он вдруг резко потянул штурвал на себя. Двигатели заныли.

Николай смотрел за его действиями и вдруг вспомнил, что в предыдущем полете рассказывал ему Варяг о премудростях самолетовождения. И что-то интуитивное заставило его закричать:

— Варяг! Ты что делаешь! Штурвал от себя! Скорость двести всего!

— Не лезь! — заорал Яхонтов.

— От себя штурвал наполовину! Критический угол атаки будет! Варяг!

Яхонтов повернул на миг голову, бросил на Николая странный взгляд и все-таки послушался, отводя от себя ручку штурвала. Самолет вздрогнул, и снова стала расти скорость.

— Двести десять!

Огромные плиты льда отламывались и падали вниз, на свежий лед, покрывший реку, чей уровень до дамбы снизился на несколько метров после подрыва. Пропасть росла и приближалась к несущемуся самолету. Опрокидывались и проваливались факелы... Разверзлась бездна. Варяг снова потянул штурвал на себя, понимая, что сейчас опоры для самолета не будет. Стальная птица нырнула в пустоту и снижалась к молодому тонкому льду. Внизу проносились обломки льда старого... Ил-76 пролетел над ними, и шасси коснулось поверхности уже там, где обломков не было. Они были унесены бушующей рекой еще вчера, и, видимо, один из них тогда и ударил танк Людоеда... Позади балансирующего на грани взлета и катастрофы самолета стали подниматься фонтаны воды из ломающегося колесами молодого неокрепшего льда.

— Давай, давай, давай, ну же!!! — рычал Варяг в адрес самолета.

— Двести тридцать!

— Отрыв!

На этот раз самолет был легче. Не было пустого корпуса БМП. Варяг почему-то решил не грузить его или попросту забыл об этом. И вместо четырех человек в кабине было только трое... Ил-76 взмыл над Леной и стал набирать высоту.

— Славик! Ты там как?! Что-то тебя вообще слышно не было! — крикнул Яхонтов.

— Нормально, — угрюмо отозвался Сквернослов.

Находящиеся в самолете люди не знали, как ликовала толпа на берегах реки, видя, что самолет все-таки взлетел, несмотря на козни стихии. Он все-таки полетел!

Гвардейцы и вольники Новой Республики, ставшие свидетелями такого невероятного взлета самолета, который едва не нырнул в ледяные воды реки, неистово орали и подбрасывали вверх шапки. Старшина смотрел вслед взлетающей стальной птице в бинокль и улыбался...

Казалось, что рассвет зависел только от взлета самолета. С каждой минутой становилось все светлее и светлее. И при этом Ил-76 был все дальше от той роковой дамбы и все выше от земли. Уже можно было разглядеть замерзшие разливы взорванной реки. Можно было узреть, как стала меняться местность по мере удаления от обжитых берегов Новой Республики и теперь уже бывшего Легиона. Самолет рвался все выше, и теперь можно было видеть только то, что на горизонте. Смотреть вниз мог только находящийся в штурманской кабине Сквернослов. Уже когда Ил-76 достиг облаков и ворвался в их гущу, стремясь взобраться в чистоту неба, Вячеслав поднялся из кабины штурмана и задумчиво посмотрел сначала на Варяга, затем на Николая.

— Ты чего такой? — поинтересовался Васнецов, взглянув на него.

Славик медлил с ответом и морщился. Затем пожал плечами и вздохнул.

— Да так, ничего. Усталость, наверное.

Он окончательно выбрался из штурманской кабины и повесил бинокль, который держал в руках, на спинку кресла, в котором еще не так давно сидел Людоед.

— Я пойду к луноходу.

— Зачем?

— Да так... Посплю...

Самолет взмыл над облаками, снова оказавшись над белоснежным ковром облаков и в чистом небе. Но теперь все это великолепие не радовало, как в первый раз. Раздражал яркий солнечный свет. Раздражали чистота и пустота. Монотонность пейзажа. И больше не было мыслей о том, что будет обидно расстаться со всей этой красотой. Были только неуходящая горечь утраты и мысль о том, что надо поскорее покончить с ХАРПом. И ощущение усталости, о которой говорил Сквернослов.

* * *

После того как Варяг, сверившись с картой, положением солнца и часами, выровнял курс, Николай понял, что можно расслабиться и поспать. Ни прошедшая ночь после гибели Лю-

доеда, ни предшествовавшая ей ночь в логове Гау возможности отдохнуть не дали. Погружаясь в сон, Васнецов предвкушал полными фатализма чувствами, что вот уже он уснет и снова окажется в чистилище. Увидит Андрея и стражей. Рану и проклятый ХАРП. Но всего этого он не увидел. Ему приснился лишь Илья. Но как и где, при каких обстоятельствах и говорил он с ним или нет, Васнецов вспомнить не мог, после того как его разбудил какой-то шум. Казалось, он проспал мгновение, но, судя по часам, прошло уже полтора часа.

Шумела рация. Яхонтов так и не выключил ее после взлета. Но тогда в динамиках была тишина после последних слов гвардейцев, провожавших самолет и обеспечивающих его взлет. Однако сейчас динамики шумели и хрипели. Словно чей-то голос пытался пробиться в кабину экипажа. Но голос так и не пробивался, и они продолжали шуметь, шипеть, скрипеть, хрипеть и всем этим угнетать сознание.

— Что это такое? — пробормотал Васнецов.

Яхонтов пожал плечами.

— Понятия не имею. — Он хмуро вслушивался в какофонию звуков, но, как и Николай, ничего не мог разобрать. — Похоже, чей-то сигнал поймали.

С каждой минутой помех в эфире становилось все больше и беспорядочный набор режущих звуков все громче. Варяг чертыхнулся и выключил радиосвязь.

— Зачем? — вздохнул Николай.

— Да на кой черт... Все равно не разобрать ничего. Да и вообще... Оно нам надо? Подержи лучше штурвал. Я с курсом сверюсь.

Яхонтов снова стал колдовать над картой, часами и призывать на помощь солнце, которое своим расположением в данное время должно было подсказать курс.

— Ага, сбились, — проворчал он и, снова приняв управление, слегка накренил самолет и повернул направо.

После того как курс был выровнен, в кабину вошел Сквернослов.

— Вы чего тут делаете? Я со скамейки упал.

— А ты сядь и пристегнись, — проворчал Варяг.

Славик уселся в кресло позади Николая.

— Слушай, братишка, как это ты Варягу не дал нас угробить? — спросил он. — Ну, вроде он же летчик. А ты как догадался, что он сильно штурвал задрал на себя?

— Ну не знаю, — развел руками Васнецов. — Он же мне в тот раз объяснял, что к чему в управлении самолетом.

— Так это он же объяснял, — усмехнулся Славик. — И он же в итоге и опарафинился.

— Сейчас кто-то схлопочет по зубам, — проворчал Яхонтов. — Подумаешь, эка невидаль... Летчик допустил ошибку, а дилетант его поправил. Всяко бывает.

* * *

Николай снова спал, и на этот раз ему вообще ничего не снилось. Ни чистилища, ни рейдеров с их вопросами. Ни каменных псов и жутких теней. Ничего. И разбудил его на сей раз не шум динамиков, а Варяг.

— Хватит дрыхнуть, Коля. Штурвал держи. Мне с курсом свериться надо.

— Опять, — вздохнул Николай.

Как выяснилось, самолет снова отклонился от маршрута. Но незначительно. Варяг после изучения карт и часов с положением солнца взял штурвал и поправил направление полета.

— Мы над Чукоткой уже, — произнес Варяг с волнением. — Ребятки, вы только себе представьте. Позади вся Евразия! Мы таки пересекли всю Россию!

— Вообще-то, нет, — проворчал Славик. — Такое как-то в голове, если честно, не укладывается.

— Не укладывается, — кивнул Варяг. — Но ты еще вдобавок представь. Вот скоро мыс Дежнева будет. Потом Берингов пролив. Меньше ста километров в узком месте, и все, Аляска!

— Мне думается не о том, как близко Америка, а о том, как далеко наш дом, — пробормотал Сквернослов.

— Вся планета, что под нами, и есть наш дом, Славик, — вздохнул Николай. — И кроме нас, ей не на кого надеяться.

Наступило молчание. Эти простые и такие очевидные слова, что просто никому в голову не приходили, заставили всех задуматься, произведя неизгладимое впечатление даже на Николая, который их произнес.

Самолет стал снижаться и погружаться в облака.

— Ты чего делаешь? — спросил Васнецов у Варяга.

— Пойдем под облаками пока. Легче будет ориентироваться. Мыс Дежнева. Потом пролив. В центре пролива два острова. Большой Диомид и Малый Диомид. Самые лучшие ориентиры сейчас.

Ил-76 занырнул под облака.

Впереди была видна поверхность сужающейся холмистой, покрытой снегом земли, которая затем резко расширялась молотообразным выступом мыса Дежнева. А дальше ровная арктическая гладь, убеленная льдом и снегом.

В кабине завыла сирена. Все уставились на мигающий на панели красный огонек. Раньше такого не было.

— Это еще что? — поинтересовался Сквернослов.

Варяг не отвечал какое-то время, глядя на приборную панель, пытаясь понять, что происходит.

— Твою мать! — закричал вдруг он.

— В чем дело? — Николай уставился на него.

Яхонтов дернул рычаг и стал резко накренять нос самолета вниз, ложась при этом на правое крыло.

— Да в чем дело, Варяг?!

— Нас радар облучил какой-то! Они ракету запустили!

— Что?! Ракету?! Кто?!

— А я почем знаю?!

Варяг продолжал пикировать, насколько это позволяли возможности самолета. Скорость заметно возросла, и стальная птица пересекла мыс. Внизу уже был пролив.

— Какую ракету?!

— Зенитную!

— А уклониться нельзя?! — крикнул Вячеслав.

— Был бы это мой истребитель, еще вопрос, можно или нет! А этот чемодан неповоротливый!

— Твою мать! А у нас и парашютов нет! — сокрушался Сквернослов.

— А на хрена они нам, Славик! — орал Варяг, борясь с управлением. — В Арктике, да еще во время ядерной зимы прыгать?! Оставить все снаряжение, машину, оружие и треклятую бомбу в самолете?! На хрена нам такое спасение?!

Самолет ревел и весь трясся, словно от ужаса перед приближающейся ракетой. Яхонтов дернул какой-то рычаг.

— Ты зачем рампу открываешь?! — Васнецов уставился на летчика.

— Ракета, может, маломощная! Тогда есть шанс сесть на брюхо и после поражения! Но гидравлику всю может побить! Тогда, даже если сядем, луноход не достанем!

— А он сейчас не вывалится?!

— Он закреплен надежно!..

Слева возле крыла сверкнула вспышка и раздался грохот. Затем удар дроби в борт. Самолет содрогнулся и завыл, резко кренясь на левое крыло. Варяг дернул головой и посмотрел на иллюминатор. Внешний двигатель вообще исчез, словно его и не было. Внутренний дымил густым черным дымом. Из пробоины в крыле пылью разлеталось длинным шлейфом топливо.

— Попали, суки!

Казалось, самолет вот-вот перевернется.

— Коля! Выруби на хрен правый внутренний двигатель! На внешнем тягу уменьши! Я вырубаю подачу топлива на левые двигатели! Один вообще снесло к чертям!

Это немного помогло. Самолет стал выравниваться, но его при этом стало так трясти, что казалось, он сейчас может рассыпаться.

— Что за твари, долбить вашу мать! — орал Сквернослов. — На кой хер они это сделали, пидоры! Ну, суки! Ну, мать их, суки!

— Мы падаем, Варяг?! — заорал Васнецов, глядя то на приближающийся снежный мир, грозящий ударить всей своей твердью по самолету, то на побледневшего Яхонтова, с которого теперь ручьями струился пот. — Мы падаем?!

— Еще как еб...

* * *

Ветер уныло гонял снежную пыль по бескрайней арктической пустыне, заставляя мелкие гранулы перекатываться по снежным барханам, взлетать, биться друг об друга и создавать новые барханы. Все это длилось годами, и ничего другого эта местность не знала. Но сегодня в эту унылую рутинную работу северного ветра вторгся рев поверженного дракона. Из пелены забравшейся повыше вьюги огромным чудовищем вынырнул самолет. Он дымил и орал в агонии. А внутри кричали люди.

Ил-76 стремительно приближался к замерзшей поверхности Берингова пролива. Вдруг он задрал нос и коснулся мощным брюхом вершин снежных барханов. Ветер отступил в сторону, давая разметать снег этому чудовищу.

Самолет распахал снег, поднимая настоящее белое цунами, расходящееся в разные стороны от бортов. Левое крыло оторвалось и, взмыв вверх, ударилось о хвост, который занесло. Самолет еще двигался по инерции, стеная и гудя, треща корпусом и лязгая конструкцией, затем остановился, собрав перед покореженным носом приличный снежный вал. Снова воцарилась

тишина, нарушаемая лишь арктическим ветром. Через несколько минут, на протяжении которых была слышна лишь глухая возня внутри самолета, что-то загудело, забряцало и из открытой рампы выскочил луноход. Отъехав на безопасное расстояние от поверженного Ил-76, баки которого еще могли взорваться, луноход остановился. Из него вышли трое.

— Черт, ну зараза. — Николай зачерпнул снег и стал растирать его по лицу. — Ну и ну, — бормотал он.

Варяг дрожащими руками стал набивать трубку.

— Ну все! Поехали! — закричал Сквернослов, передергивая затвор автомата.

— Ты чего удумал? — выдохнул Яхонтов.

— Давай вернемся на этот мыс... на Чукотку или куда там... Найдем скотов этих и вышибем им мозги к такой-то матери!

— Угомонись, Славик...

— Хрена лысого! Нет, Варяг, скажи, это нормально?! — Он вытянул руку в сторону самолета. — Это нормально, а?!

— Нет...

— Ну так давай вернемся и кончим ублюдков этих!

— Угомонись, говорю... — бормотал Яхонтов, тяжело дыша и жадно затягиваясь трубкой. — Мы их месяц искать будем. На кой черт они нам нужны.

— А наказать?!

— В другой раз...

— В какой другой?! Другого раза, может, и не будет! Мы что, так это оставим?! Поехали!!!

Васнецов вдруг выхватил у брата автомат и со всей дури влепил Славику пощечину. Сквернослов упал в сугроб и, схватившись за щеку, недоумевающе уставился на Николая.

— Ты чего... морлочья твоя душа... совсем озверел? — пробормотал он.

— Остыл?! — рявкнул Николай. — Остыл?! А теперь туда смотри! Там Аляска! До нее меньше ста километров! А от тех уродов, что ракету запустили, мы, может, уже в двух сотнях! Мы живы, и это главное! Так что собери в один кулак свою волю, в другой свой разум и заставь наконец собственное очко перестать судорожно пульсировать! Нам в ту сторону! Америка там!

Варяг выпустил густой дым и, запрокинув голову, тихо засмеялся.

— Не-е-ет, — выдохнул он, украдкой глядя на Николая. — Илья жив. Он просто перевоплотился...

— Кто это был вообще... — проворчал Сквернослов, поднимаясь.

— Да черт их знает, Славик. Сейчас это не главное. Понимаю, обидно. Но не это сейчас важно. Пойми, — уже чуть спокойней произнес Васнецов.

* * *

— Спасибо тебе за все, старина. — Варяг прикрыл глаза и, прислонившись лбом к носу самолета, медленно поглаживал рукой его изувеченный борт. — Прости, что чемоданом неповоротливым обозвал. Спасибо, что помог. Спасибо, что погибнуть не дал. Спасибо, что столько ждал и столько вынес...

— Что он там делает? — недовольно проворчал Сквернослов из кабины лунохода.

Вячеслав все еще дулся на брата, хотя Николай буквально пять минут назад извинился.

— Он же летчик. А это самолет. Быть может, последний в его жизни. Понять-то можно...

— Прощай, — вздохнул Варяг и решительно двинулся к луноходу.

Приняв его, машина двинулась вперед, в сторону Аляски, оставив позади погибший самолет и где-то там, еще на Азиатском континенте, загадочных зенитчиков, что прервали его полет. А еще позади оставались погибшие друзья и общины, что встречались им по пути. Странные и жуткие существа, порожденные человеческим безумием. Свежая кровь и занесенный снегом пепел людей. Позади оставался дом. Родина.

А что ждет их впереди, кроме, естественно, проклятого ХАРПа?.. Пока только неизвестность. Хотя... Кое-что уже виднелось на горизонте. Над снежной пустыней вдалеке слегка возвышалось почти плоское плато. Остров Большой Диомид. Или, как он еще назывался, остров Ратманова.

— Эскимосы его называли Имаклик. Окруженный водой, значит, — произнес Варяг.

— А ты откуда знаешь? — спросил Сквернослов, который вел машину вперед.

— В атласе прочитал туристическом, который рейдеры дали.

Николай сидел, как всегда, в пассажирском отсеке. Он с тоской смотрел на большой железный ящик, в котором томилась атомная бомба, в окружении всех вещей Людоеда. Вон на противоположном сиденье лежит и одна из черных шинелей Ильи.

А вот сам Илья... Стало совсем пусто и одиноко в пассажирском отсеке лунохода. А уж на душе как...

Васнецов прикрыл глаза, но слезы все-таки потекли по щекам.

Ехали долго, а остров все так и маячил впереди на горизонте, никак не желая приближаться. В конце концов они все-таки достигли его и стали медленно заползать на берег. Стало немного спокойней от осознания того, что под ними все-таки твердь, а не лед, скрывающий под собой глубоководную бездну. Теперь бесконечным казался пустынный остров, по которому они двигались.

— Холм видишь? — произнес Варяг, обращаясь к Сквернослову. — Давай туда.

Луноход взобрался на холм и остановился. Варяг вылез из вездехода. Забрался в отсек к Николаю и стал что-то искать под сиденьем. Затем извлек оттуда стальной телескопический шест и какой-то сверток.

— А теперь он что делает? — вздохнул Сквернослов, глядя из кабины, как Яхонтов раскладывает шест и скрепляет его сегменты болтами.

Теперь эта железяка стала длиной около трех метров. Варяг развернул сверток, и там оказался российский государственный флаг. Николай и Вячеслав вышли из вездехода и помогли ему водрузить знамя, как можно глубже втыкая флагшток в твердый снег. Ветер подхватил полотнище, и триколор заколыхался над головами, гордо хлопая материей о воздух. Они отошли от него и молчаливо смотрели, как он развевается. Варяг вытянулся и отдал воинское приветствие.

— Все, ребята. Граница. Дальше чужой мир.

— Нам и в своем-то было неуютно, — вздохнул Сквернослов.

— Н-да, — покачал головой Яхонтов и обернулся, глядя в сторону другой страны.

Васнецов понял, что что-то не так. Варяг вытаращил глаза и слегка открыл рот. Николай проследил за его взглядом. Совсем рядом виднелся Малый Диомид. Остров, который принадлежал Североамериканским Соединенным Штатам с тех самых пор, как Аляску продали российские владыки. Он был заметно меньше и так же пустынен. Но вот белизну двух островов и заснеженного ледяного покрова пролива нарушало что-то противоестественное и черное.

Вдоль замерзшего пролива будто спина исполинского морского животного с большим трапециевидным плавником торчала из снега.

— Варяг, это же подводная лодка! — воскликнул Сквернослов.

— Вижу, — с напряжением в голосе тихо пробормотал Яхонтов. — Так, берите оружие и лыжи. Луноход пока тут оставим. Гранатометы прихватите. Живо.

* * *

На черном корпусе узкой и длинной рубки белел номер. 593. Они подошли совсем близко, водя стволами автоматов по сторонам.

— Варяг, чья она? — прошептал Николай.

— На нашу не похожа, — мотнул головой Яхонтов. — У наших рубки шире. И рули на корпусе, а не на рубке. На рубках только у Вани Вашингтона, кажется, рули. Но там должен быть горб. А эта не горбатая.

— У кого? — непонимающе переспросил Вячеслав. — Что еще за горб?

— Да ладно. Забудь.

— Значит, американосовская... — Вячеслав подошел совсем близко и пнул по корпусу.

Следов вокруг лодки никаких не было. Очевидно, она тут очень давно и так же давно покинута. Варяг взобрался на тело морского левиафана и стал бродить вокруг рубки в поисках двери. Нашел.

— Помогите открыть, — позвал он.

Из открывшегося люка-двери выпорхнул запах спертого воздуха и запустения. Варяг тут же включил дозиметр, приказав Николаю и Славику отойти от лодки.

— Норма! — махнул он рукой спустя несколько минут.

Они вернулись на корпус.

— Так, парни, ждите тут. Я гляну, что там. Может, вахтенный журнал найду.

— Может, не надо лезть туда? — поежился Николай.

— Да она мертвая. Внутри холод, как снаружи. Там нет ничего живого. Все. Я пошел.

Яхонтов включил фонарь и исчез в недрах субмарины.

Николай тоже включил фонарь и осветил узкое пространство за дверью. Один люк вел вниз, куда и ушел Варяг. Вверх тянулась вертикальная лестница.

— Эта на мостик ведет. Славик, давай поднимемся.

— Давай, — пожал плечами Сквернослов.

Они взобрались наверх и, распахнув люк, расположились на капитанском мостике. Николай осмотрелся, подставляя лицо ледяному ветру и поднимая воротник бушлата. Представил себя на какой-то миг капитаном бороздящей океан субмарины. Вот, наверное, было здорово. Романтика. Чувство ответственности и ощущение подчиненной ему силы. Но... Вот приходит приказ из штаба. Применить ядерное оружие по заданным целям. Без объяснения причин. Просто применить, и все. И нет больше никакой гордости и романтики. Ничего больше нет... И сразу расхотелось представлять себя капитаном этой машины смерти.

— Как думаешь, Колян, почему ее бросили? — спросил Вячеслав.

— Не знаю. Может, уже смысла в ней не было? Кругом лед. Надо было уходить на континент.

— Н-да... Интересно, а тут ракеты еще есть? Был бы с нами Крест, так он и шмальнуть ими смог бы по ХАРПу, и сказочке конец.

Варяга уже не было очень долго, и его товарищи стали беспокоиться. Однако вскоре зловещая тишина, царившая внизу, нарушилась металлическим постукиванием. Постукивание было все громче... Потому что ближе... И стало ясно, что это Варяг карабкается по вертикальной лестнице.

— Черт! А мы уже думали, край тебе, и хотели эту посудину гранатами закидать, — усмехнулся Сквернослов, облегченно вздохнув.

— Ума у тебя как не было, так и нет, — пробормотал Яхонтов, взобравшись на мостик и отдышавшись.

— Ну, что там? — спросил Николай, выжидающе глядя на старшего товарища.

— Короче, как и следовало ожидать, лодка давно заброшена. Реактор заглушен. Но, что примечательно, все ядерное оружие, все торпеды на месте. Лодка в войне не участвовала.

— Как так? — удивился Славик.

— А вот, — Яхонтов извлек из-за пазухи большую книгу, — вахтенный журнал или что-то в этом роде. Я немного понимаю, что написано. Разговорный английский мне, конечно, легче понять, чем писанину, но и тут кое-что разобрал. Короче. Писал, как я понял, капитан. Когда вся бодяга началась, он

решил не выполнять приказ командования и не применять оружия.

— Даже так, — усмехнулся Скверносло в.

— Да вот, представь себе. Именно так. Экипаж лодки разделился на две части. Одни за капитана и против войны. Другие наоборот. Хотели ударить по... гад дэм коммиз энд факинг барбарианс... Тьфу, блин... Язык сломаешь.

— А что это значит? — спросил Николай.

— Форменная идиотия и ощущение собственного превосходства. Ну да не суть. Короче, побились они крепко. Жертвы были. И капитан предложил высадиться на берег и провести футбольный матч между враждующими сторонами. Кто победит, того решение и будет окончательным. Даже если победит фракция милитаристов, то он применит оружие, подчинившись их воле.

— И что? — Славик снова усмехнулся.

— Сыграли.

— И кто победил?

— Те, кто хотел воевать.

— Я что-то не понял, — развел руками Васнецов. — Но ведь оружие все равно на месте.

— Именно, — кивнул Варяг.

— А почему?

— Те, кто был против насилия и проиграл в матче, поняв свое поражение, перестреляли тех, кто хотел выполнить приказ командования.

Васнецов поежился. Такого поворота он вообще не ожидал. Как-то странно было себе представить, как выигравшие люди кричат от радости за победу и предвкушают применение оружия... Выполнение своей работы... Того, чему их учили... Но те, кто, казалось бы, должен был быть гуманным из-за своего решения не применять ядерное оружие, просто убили их, нарушив договор... Как все странно...

— Выходит, — пробормотал он, — чтобы остановить насилие, надо насилие применить?

— Вопрос на целое тысячелетие, — вздохнул Яхонтов.

— Значит, они оружие так и не применили, а вот наш Людоед... — покачал головой Скверносло в.

— Славик, у них во много раз было больше атомных подлодок. У них во много раз было больше стратегических бомбардировщиков. У них масса авианосцев, самолеты с которых могли

нести ядерные бомбы. У них куча баллистических ракет. Когда мы договаривались их обоюдно сокращать, то мы свои резали, а они складировали...

— И у них ХАРП, — мрачно добавил Николай. — То, что сделал Людоед, не идет ни в какое сравнение... Если бы каждый капитан поступил как этот... то и Людоеду не пришлось бы, наверное...

— Ладно, — вздохнул Сквернослов. — Поехали дальше. У них ведь еще остался ХАРП.

* * *

Луноход продолжил движение, оставив позади заброшенную лодку с номером 593, которая так и чернела на белизне ледяной пустыни, оттого что постоянный ветер, хозяйничающий здесь, не давал субмарине обрасти снегом. Луноход взобрался на берег Малого Диомида, который еще назывался островом Крузенштерна или, по-эскимосски, Ингалик. Противоположный.

Машина упорно пересекала торчащую из замерзшего пролива плоскую глыбу, пока Варяг не приказал остановиться. Перед машиной из снега виднелась какая-то трубка, припорошенная снегом. Они вышли и осторожно приблизились к ней. Теперь было ясно, что это нечто наподобие флагштока, что установил Яхонтов на предыдущем острове. Его повалило ветром и занесло снегом. Путники раскопали его. На нем, разумеется, был американский звездно-полосатый флаг.

Вячеслав поморщился.

Однако Варяг стал водружать его на место.

— Ты зачем это делаешь? — фыркнул Сквернослов. — Брось.

— Помог бы лучше, — проворчал Яхонтов.

— Вот еще! Да его сжечь надо!

— Чего ради?

— Они же враги! — Вячеслав уже негодовал.

— Кто и кому враги? Простые люди враги? Простые люди, которые тоже любили свою страну, как и мы? Которые тоже любили свой флаг? Которые так же любили своих детей? Я наш флаг *для* и *от* имени простых людей ставил. Не политиков. И их флаг тоже. Просто ради тех, кто еще жив. Понимаешь? Война окончена! Все! Мир!

— Но... Блин, но это же Америка! Это их чертов флаг!

— А еще это флаг страны Луи Армстронга и Дина Рида! Марка Твена и... И черт возьми, Славик, было же и в Америке много чего хорошего!

— Что, например?! А?!

Варяг задумался. Потом развел руками.

— Например, Симпсоны, — сказал он, успокоившись.

Николай молча воткнул флагшток в снег и тряхнул его, заставив американское знамя так же колыхаться на ветру.

— Славик, мы не воевать с ними идем. Война действительно окончена. Остался только ХАРП.

21
ALASKA

— Это она? — Вячеслав пристально смотрел вперед, на пустынный, покрытый снегом холмистый мир впереди.

Оставалась какая-то пара-тройка сотен метров. Он остановил луноход и нервно теребил пальцами руль штурвального типа.

— Это она, — кивнул Варяг. — Аляска.

— Неужели дошли, братцы, — вздохнул Сквернослов. — Неужто мы здесь? Андрей... Юра... — Он еще раз вздохнул. На сей раз очень тяжело. — Илья... Не зря они пожертвовали собой... А мы дошли. Дошли, мать ее...

— Да нет, Славик. Впереди еще десяток сотен километров. До ХАРПа еще очень далеко. И черт его знает, что там еще впереди.

Сквернослов взглянул на сидящего справа от него Яхонтова. Затем повернул голову и посмотрел на Николая, который наблюдал в перископ замерзший мир североамериканского континента.

— Варяг, мы ведь дойдем? Все вместе... Мы ведь больше не понесем потерь? — с тоской и одновременно с надеждой в голосе проговорил Вячеслав.

Яхонтов задумчиво смотрел вперед, жуя кончик соломенного уса. Хмурился и едва заметно покачивал головой, о чем-то сосредоточенно размышляя.

— Поехали, — произнес он наконец. — Вперед.

И машина двинулась дальше. Вскарабкалась на пологий берег. Начинался словно совершенно другой мир. Да, такой же холодный и покрытый снегом. Шлифуемый ледяными ветрами и забывший о солнечной ласке. И все-таки этот мир был дру-

гой. Чужбина. Мысль о том, что тут едва ли можно встретить дружелюбно настроенных людей, леденила душу. Даже там, где была своя страна когда-то и жили те, кто остался из соотечественников, — даже там всюду была смерть. Угроза. Враги. А что здесь? В мире, где даже язык другой... И логично было желание того, чтобы им не встретились на пути люди. Пусть не будет постоя. Пусть негде будет помыться. Пополнить припасы. Пообщаться с кем-то. Пусть. Лишь бы больше никого не встречать. Только не людей.

Вездеход двигался уже по ровной поверхности. Вокруг не было ничего. Никаких ориентиров. Ни зданий или их остатков. Ни деревьев. Ни гор. Ничего. Пустота. Словно они дошли до края земли. До края мира. И, переступив этот край, оказались в бесконечной вечности, где нет ни времени, ни расстояний, ни жизни, ни смерти. Не к чему больше стремиться. Некуда дальше идти. Одна лишь вечность и пустота. Бездна. Страшно и одиноко. Именно поэтому Николай ощутил радость оттого, что где-то в неясной пелене возмущаемого ветром снега он разглядел торчащий из сугроба предмет. Он, данный предмет, вносил в гнетущее однообразие что-то мирское. Реальное. Делающее этот потусторонний мир обычным. Был в этом нарушающем белую гладь предмете какой-то элемент хаоса. Того самого, о котором говорил Илья. Нашим миром правит хаос. Он первопричина и реальность. А мир идеальный, симметричный и четко выстроенный — он потусторонний. Загробный. Наверное, так... Хотя кто его знает...

— Варяг, посмотри слева. Похоже на крыло самолета. — Николай нарушил затянувшуюся тишину.

— Где? — Яхонтов повернул голову.

— Слева... Хотя... Ты так не увидишь. Я в перископ-то его еле разглядел.

— Ладно. Славик, ну-ка давай поворачивай в ту сторону.

— Зачем? — проворчал Сквернослов. — Ну вот на кой черт, а? Нам надо к ХАРПу или всякий хлам по пути разглядывать да неприятности искать? Сами же зенитчиков тех ловить не желали!

— Всякий хлам по пути о многом рассказать может. Но это по пути. А не обратно топать, как ты предлагал. Так что давай. Мы ведь искатели как-никак.

— Значит, мы все-таки искатели? — усмехнулся Вячеслав. — А я-то думал, что ты у нас один такой.

— Да нет. — Варяг вздохнул. — И вы уже тоже. Заслужили это почетное звание.

Николай не ошибся. Это действительно было крылом небольшого самолета. Варяг, покинувший луноход, как только они достигли этого обломка, долго бродил вокруг, ковыряясь в снегу и кутаясь одновременно в свой тулуп от ледяного ветра. Затем он наконец вернулся в машину. Его борода и усы покрылись льдом, и он принялся дышать на ладони, создавая перед лицом тепло.

— Чего это было? Самолет? — Сквернослов взглянул на старшего товарища.

— Да. — Варяг часто заикивал головой, еще не согревшись. — «Гольфстрим», наверное.

— Что?

— «Гольфстрим». Ну, были такие самолеты. Бизнес-класса. Маленькие. Это вроде от него крыло.

— Его сбили, что ли?

— Нет. Не похоже. Скорее, он тут стоял просто. Потом набок завалился, и крыло торчит. Если мне память не изменяет...

Варяг не договорил и стал изучать карты, полученные от рейдеров в Аркаиме.

— Ну да, — пробормотал он позже. — Так и есть. Тут у них аэродром был вроде. На побережье.

— Точно, — пробормотал Сквернослов, глядя в лобовое стекло куда-то в сторону. — Посмотри.

Ветер сменил направление, и в тумане гоняемой вьюгой снежной взвеси стал смутно очерчиваться силуэт чего-то похожего на другой самолет. Но размеры его, если это действительно была крылатая машина, казались нереально огромными.

— Вроде далеко. — Васнецов повернул в ту сторону перископ. — Но тогда каких он размеров?

— Черт, да это не может быть то, что я подумал, — мотнул головой Яхонтов, вглядываясь в даль.

— А что ты подумал? — Вячеслав уставился на него.

— Поехали. Поехали туда.

Луноход покрыл расстояние еще в несколько сотен метров, и сомнения рассеялись. Серый самолет-гигант стоял в снегу, зарывшись носом в сугроб, очевидно из-за поломки носовой стойки шасси. Его киль торчал высоко, и ветер с трудом, но все-таки заставлял вертикальное хвостовое перо колыхаться. Там, где должны были быть крылья, но, видимо, давно слились

со слоем снега, торчали из сугроба лопасти двойных винтов четырех двигателей. По два на крыло. Знак на хвосте красноречиво говорил о принадлежности самолета. Огромная красная звезда.

— Я что-то не понял. Это русский самолет? — Сквернослов снова уставился на Варяга.

— Не может быть, — выдохнул Яхонтов. — Это же «Медведь».

— Чего? — поморщился Славик. — Ты о чем сейчас?

— Это Ту — девяносто пять. Стратегический бомбардировщик. Давай ближе подкати.

Луноход остановился у корпуса самолета. Варяг снова выбрался наружу. На сей раз Николай последовал за ним. Так холодно, как сейчас на Аляске, казалось, еще не было ему никогда. И увеличивал этот холод во сто крат пронзительный ветер. Хвостовое перо заурчало, снова сдвинувшись с места. Самолет, словно огромный умирающий дракон, издавал предсмертные стоны. Варяг поковырялся в снегу в районе сочленения корпуса с правым крылом. Крыло было неглубоко. Сантиметрах в сорока под снегом. И кромка крыла была обложена вертикально стоящими толстыми досками. Покопавшись еще, Яхонтов обнаружил занесенный снегом лаз.

— Пошли поглядим, — воскликнул Варяг, перекрикивая ветер. Он включил фонарь и стал спускаться вниз. Васнецов последовал за ним.

Поначалу было совершенно непонятно, зачем кромки крыла обложили досками, плотно подогнанными друг к другу. Но когда Варяг и Николай оказались внизу, пройдя по старому лазу, стало все предельно ясно. Кто-то давным-давно оборудовал здесь жилище. Крыло было крышей. Доски — стенами. Вопрос, где эти люди взяли доски, отпадал сам собой, если тут был аэродром. Вероятно, разобрали какое-то местное строение. А вот вопрос, почему в качестве жилища не использовали это самое строение, оставался без ответа.

Внутри давно покинутого жилища стояли ящики, игравшие, видимо, роль мебели. Три лежбища из парашютов, набитых соломой и мхом. Обгоревшая бочка, приспособленная под печку. Опустошенные консервы и куски зеленого пластика от упаковок сухпайка пилотов.

— Трое? — Варяг почесал бороду. — Экипаж вроде человек семь, если тут, конечно, жили они. Судя по сухпаям, это они

и были. Я вот не пойму, откуда они тут взялись. Ближе всего, по-моему, была авиабаза «Украинка», где такие драконы базировались. Но она в Приамурье где-то. Тоже свет не ближний. Хотя, может, это с Северного флота через полюс... — Он скорее говорил сам с собой, чем с Николаем. — Да нет, — буркнул Яхонтов. — Все-таки с «Украинки». Наверное, патрулировал район в тот день, когда все началось. Полетел работать по целям, а на обратную дорогу топлива не хватило. Или поломка, или еще что. Сел тут, а аэродром для таких самолетов не приспособлен. Носовую стойку сломал. Посадка жесткая была, но уцелели.

— Может, это не стратег, а противолодочник? — предположил Васнецов.

Варяг уставился на Николая.

— Соображаешь, однако. Я как-то об этом даже и не подумал. Если это морской, то другое дело. — Яхонтов углубился в недра убежища и зашел под фюзеляж. — О! Тут трап в кабину. Коля. Жди. Я сейчас. — И Варяг исчез во тьме вместе со светом своего фонаря.

— Здорово, — пробормотал Николай. — А я тут в темноте и без фонарика... Отлично придумал...

В корпусе самолета вскоре послышались глухие стуки. Шаги Варяга. Скрип и скрежет металла, который он отодвигал, чтобы пройти куда-то. Словно редкие урчания исполинского голодного зверя из его жаждущей пищи утробы. Через некоторое время к этим звукам добавился шорох из лаза, ведущего на поверхность. Затем свет фонаря.

— Эй, — тихо позвал голос. — Мужики. Вы где?

Это был Вячеслав.

— Я тут, — отозвался Николай. — А Варяг в самолет полез.

— А чего он туда полез? — Сквернослов наконец вошел в это брошенное убежище и усмехнулся. — Думает, полетит?

— Не знаю. — Васнецов устало пожал плечами.

Наверху что-то загрохотало. Потом снова глухие шаги.

— Братишка, а ты чего смурной такой? Чего случилось?

— Да ничего нового, — отмахнулся Николай. — Просто погано на душе. Может, оттого, что меня больше блаженным никто не называет.

— Хочешь, я назову? — Вячеслав присел на соседний ящик.

— Не надо. Ты не Людоед.

— Н-да. — Сквернослов вздохнул и покачал головой. — Слушай. Я вот тут подумал... Он же не хотел в Америку. Я вот

уверен в этом отчего-то. Илья в любом случае с нами не пошел бы.

— Почему так считаешь? — Васнецов уставился на Сквернослова.

— Ну как. Он же ракеты пускал. Это у нас он герой. И то далеко не для всех. А тут? Как бы он в глаза смотрел людям? Да и своим присутствием нас бы под удар ставил.

— Да как бы тут узнали, что он их города сжигал? Да и по ним ли ракеты пускал? Кто знает, какие цели там, в головках, были запрограммированы?

— Приоритетные, Коля. Приоритетные цели. Да и все тайное рано или поздно становится явным. Как-нибудь да и узнали бы. По глазам его прочитали бы. Ты вспомни метро московское и Титоса этого. Какая чудная встреча вышла... Как все наружу всплыло...

— Ну ладно. Допустим. Пусть он не хотел идти в Америку. Пусть бы он развернулся на Чукотке и пошел бы обратно к своей Нордике или Лене из Новой Республики. Но пусть бы он жив был...

— Эх... Да ведь он же сам знал, на что шел. Он ведь всегда смерть искал, да только она его боялась. Вспомни Нижний Аркаим. Когда он остался молохов задержать. Вспомни Екатеринбург. Как он хотел прикрыть наш отход и связать боем отряд старшего Чернова. Это же самоубийство верное. Если бы не рейдеры, он бы еще там погиб.

— Мы все умрем, вопрос лишь в том, как встретим свою смерть. Упавши на колени иль гордо будем ей в глаза смотреть, — пробормотал Николай, и наступила гнетущая тишина.

Оба молодых человека смотрели задумчиво перед собой, пока из темноты не вынырнул луч фонаря Варяга.

— Коля, это все-таки стратег, — произнес искатель. — О, и Славик уже тут. Ты чего машину бросил?

— Да нет тут никого на сто верст, — пожал плечами Вячеслав. — Чего ты про стратега говорил?

— Это стратегический ракетоносец. Там в брюхе барабанная установка револьверного типа. Там шесть ракет Х — пятьдесят пять было. Ни одной на месте нет. Отстрелялся «Медведь».

— Может, растащили? — предположил Вячеслав.

— Нет. Бомболюк закрыт, и его заклинило при ударе во время посадки. А дыр в корпусе нет таких, чтобы ракеты вытащить. Значит, он уже пустой садился. Брякнулись здорово. Нос

разворочен. Кабина в хлам. Там нога оторванная. Крови много засохшей. Бинты, аптечки разбросаны. Кстати, стропами парашютными разжился. — Он показал моток белой веревки. — И вот это нашел. Не могу понять... — Яхонтов разжал ладонь и посветил фонарем на какие-то небольшие капсулы в руке. — Вроде тоже из аптечки...

Он вдруг нахмурился, что-то вспоминая, и через несколько секунд отбросил капсулы и принялся шарить освободившейся рукой за пазухой тулупа.

— Твою мать, — озабоченно пробормотал он.

— Ты чего, Варяг? — Николай уставился на старшего товарища.

— Это, кажется, противорадиационные препараты были, — торопливо проговорил Варяг и извлек наконец дозиметр.

Еще через полминуты он крикнул:

— Валите отсюда! Живо!

* * *

Николай бросил в перископ прощальный взгляд на удаляющийся, исчезающий постепенно в метели огромный самолет с красной звездой на хвосте.

— Ну, если в двенадцать раз выше нормы, то чего панику было поднимать? — Вячеслав недовольно посмотрел на Варяга, который теперь вел двигающийся дальше луноход.

— А зачем нам хапать лишний раз все эти радионуклиды? Хватило и Кирова нам.

— Но там зашкаливало. А тут только в двенадцать раз выше нормы. Подумаешь.

— Когда причиндалы отвалятся, тогда и подумаешь, — резко ответил Варяг.

— Тогда чего ты веревку эту не выкинул, если она из радиоактивного самолета?

— Это парашютные стропы, кулема ты необученная. — Яхонтов продолжал говорить с агрессией в голосе. — Я бухту снаружи повесил, на корпусе. Если и фонит, то нам не страшно.

— Не один ли хрен? Веревка, стропы, — пожал плечами Сквернослов. — Зачем они?

— А ты забыл, что мы нашу веревку похерили в аркаимской вентиляционной трубе, когда молохи всполошились? А?

— И что?

— А то. Мой опыт искателя не позволяет мне идти в рейд без самых необходимых вещей. А веревка — очень необходимая вещь в походе. Может и пригодиться.

— Почему они там жили? И почему самолет радиоактивен? — спросил Николай.

— Почему они там жили, это уже, наверное, никто не узнает. А радиация... Самолет, скорее всего, через облако радиоактивное прошел. В самом начале он, видимо, вообще фонил пострашному. Может, потому они в итоге и ушли оттуда. Но прожили они после этого очень мало, я думаю.

— Слушай, Варяг. Вот Илья тогда запустил ракеты. Этот самолет тоже все ракеты выпустил. А лодка ихняя оружие не применила...

— Коля, ты к чему вообще клонишь? Одна лодка не выпустила ракеты. Дальше что? Вспомни метро в Москве. Вспомни дневник дядьки своего. Вспомни все наши города, стертые с лица земли. Они что, сами по себе взорвались? Не строй иллюзий. Лодок и стратегических бомбардировщиков у них больше было. И били они — будь здоров. Да и не по нам одним.

Дальше ехали практически молча. Уже начинало темнеть. Местность давно стала холмистой, но до сих пор никаких деревьев или следов разрушенной цивилизации им так и не попалось. Холмы становились все выше. И ветер все не стихал.

— Слушай, Варяг, тут, похоже, вообще жизни никакой нет. Даже следов звериных нет, — произнес Сквернослов.

— Может, это и хорошо, — буркнул Яхонтов. — Но я тебе вот что скажу. В этих краях выжить трудно. А следы могло и замести. Если такая погода, как сейчас, тут преобладает, то это дело получаса. Животные, скорее всего, подались в горы. Там и укрыться есть где, и пищу найти легче, и ветра не такие сильные. Ну и само собой, люди подались за ними по тем же причинам. Или... Может, наоборот. Люди подались в горы, а звери последовали за ними...

Они двигались еще час, пока наконец ночная мгла не поглотила мир окончательно.

— Все. Привал, — вздохнул Варяг.

— Так, может, ты отдохнешь, а дальше я поведу? Чего время терять? — спросил Сквернослов.

— Буря какая, посмотри. Еще шваркнемся в какую-нибудь расщелину. В ПНВ их не так хорошо видно. А фарами светить не хочется. Если кто-то попадется нам на пути, желательно

нам их заметить первыми. — Варяг остановил машину и добавил: — Все. Ночлег. Пошли в заднюю кабину. Перекусим — и спать.

* * *

— Черт. Это мясо, кажется, пропало, — буркнул жующий вареный картофель Яхонтов, ковыряясь в вещмешке с провиантом. — У нас припасов не так много, как хотелось бы.

Сквернослов отпил из кружки кипятка и ухмыльнулся.

— Конечно. Мы на каждом постое только свое и ели. К местной жрачке не притрагивались почти нигде.

— Ну и правильно делали. Откуда знать, чем там накормят.

— А печенья у рейдеров вкусные были. И чай тоже. — Вячеслав вздохнул и, сделав еще глоток горячей воды, уставился в потолок.

Николай молча посмотрел на своих товарищей. Не говоря ни слова, отодвинул от себя опустевшую миску и, повернувшись лицом к стенке, укрылся второй оставшейся шинелью Людоеда. Сон настиг его практически сразу...

А снаружи бушевал ураган. Ледяной ветер бесновался, не зная пощады и усталости, ударяясь в корпус крохотного луноход, затерявшегося на бескрайней белой пустоши, накрытой ночной мглой, которую прессовали свинцовые тучи ядерной зимы... Еще одна ночь этого мира...

* * *

Он промок до нитки. И это было самое страшное. Ледяная вода и сильный мороз скоро прикончат его. Мокрая одежда ускоряла процесс замерзания тела в двадцать раз. Одежду надо сбросить. Раздеться догола в этот страшный мороз. А потом... Потом голышом упасть на снег... Побарахтаться в нем... Снег поможет телу просохнуть... Надо растирать снег по телу... Теперь надо приседать... Отжиматься... А теперь надо срочно развести костер... Голым оставаться нельзя... И надо быстрее просушить одежду... Олень! Надо убить его... Вспороть брюхо... Вывалить кишки и прочее и залезть в тело мертвого оленя... погреться... А потом его жир можно пустить на растопку... А чем огонь-то разжечь?.. Автомат! Надо открутить у ствола пламегаситель! Нужно хвою набрать и раскопать сухую траву... а еще олений мех... Огонь — это спасение. Огонь — это жизнь!..

— Ты чего бормочешь там? — сонно проворчал Сквернослов.

— А... что... — икнул проснувшийся Николай, вытирая ладонью со щеки вытекшую во сне слюну.

— Ты чего там считаешь?

— Я считаю? — Васнецов не понимал.

— Ну да... Ты что-то считал во сне...

— Я, кажется, отжимался... Наверное, это и считал...

— Отжимался? А она симпатичная хоть была?

— Кто?

— Да ладно. — Вячеслав тихо засмеялся. — Проехали.

— Что за херню ты опять городишь, Славик? Я во сне, кажется, в прорубь упал и отжимался, чтоб согреться.

— Ну ладно-ладно... Чего заводишься.

Варяг, находившийся уже в водительской кабине, обернулся и посмотрел через внутреннее окно на них.

— Что, гаврики, проснулись уже? Гляньте на улицу. Вы такого еще не видали...

Как оказалось, уже давно рассвело. Буря утихла. Ветра теперь совсем не было. И с серого неба падал почти черный снег. Невероятно крупные хлопья. Не снежинки, а именно безобразные хлопья. И все пространство вокруг почернело, покрывшись этими жуткими хлопьями. Только в некоторых местах еще белел залежавшийся снег. Но и он быстро исчезал под падающей с неба грязью.

— Что это такое, Варяг? — Васнецов посмотрел на старшего товарища.

— Вулканический пепел. Где-то в этих краях извержение произошло ночью. Или вечером. Теперь сыпет. На улицу лучше не выходить. Вдохнешь такую снежинку, и ее микрокристаллы тебе все легкие изрежут. А если в респираторе, то фильтры моментом забьются.

— Н-да, — покачал головой Сквернослов. — Дружелюбно нас Аляска встретила. Нечего сказать.

— А ты чего ждал? — хмыкнул Варяг. — Хлеб-соль и баньку с бабами?

— Было бы неплохо... И можно без хлеба.

Яхонтов вернулся к приборам на панели.

— Хочу попробовать связаться с тем космическим кораблем. Может, какие новые данные передаст, и про вулкан, может, чего узнаем.

— А ты знаешь, как с кораблем связаться? — спросил Николай.

— Понятия не имею. — Варяг включил рацию. — Антенны-то я выдвинуть смог. А вот что дальше делать? Ладно. Проедем еще немного. Надеюсь, подальше от вулкана, может, и связь будет. Тут, наверное, пепельное облако мешает.

И луноход снова двинулся в путь. Ехали они долго, однако пепел продолжал сыпаться с неба. Уже казалось, что они колесят по кругу. Рация равномерно шипела и потрескивала, говоря о том, что надеяться им не на что. Но через несколько часов бесплодных мытарств рация вдруг на миг взвизгнула.

— Это что?! — воскликнул Вячеслав. — Это оно?

— Нет. — Варяг остановил луноход и озадаченно почесал бороду. — Связи с орбитой нет. Это что-то земное.

Он повозился немного с настройкой. Рация все шумела и трещала, но теперь казалось, что за этим треском и шипением есть что-то еще. И точно так же, как из-за падающего пепла не видно облаков, так из-за радиопомех невозможно разобрать, что же там кроется. Яхонтов направил машину на ближайший высокий холм.

Как только луноход оказался на вершине, рация снова взвизгнула и стала гудеть, будто какой-то звук пытался разорвать шипение и треск, мешающие вещанию. Варяг снова стал возиться с настройкой, и вдруг шипение и треск резко отступили и из динамика полилась музыка. Все раскрыли рты, вслушиваясь в медленную и красивую мелодию, под которую хотелось томно раскачиваться и, прикрыв глаза, улыбаться. И теперь к музыке присоединился голос. Странный. Хриплый. Но удивительно добрый. Он пел что-то на английском языке, и чувствовалось, что поющий упивался своей песней, получая радость от того, о чем поет. И он будто улыбался каждому произнесенному слову...

I see trees of green, red roses too.
I see them bloom for me and you.
And I think to myself what a wonderful world...

Яхонтов обернулся к своим товарищам, и на лице его была улыбка.

— Хлопцы, это же Луи Армстронг, — прошептал он, боясь нарушить это пение.

I see skies of blue and clouds of white,
The bright blessed day, the dark sacred night,
And I think to myself what a wonderful world.

— Тот, который на Луне первый побывал? — прошептал в ответ Сквернослов.

— Не... — Яхонтов медленно мотнул головой. — То был Нил Армстронг. А это Луи... Великий чернокожий американский певец. Какая песня чудесная, да?

The colors of the rainbow so pretty in the sky
Are also on the faces of people going by.
I see friends shaking hands saying how do you do.
They're really saying I love you.

I hear babies cry, I watch them grow.
They'll learn much more than I'll never know.
And I think to myself what a wonderful world...
Yes I think to myself what a wonderful world.

Песня стихла и умолкла. Затем из динамика послышался другой голос и без мелодии. Голос был старческий и какой-то обреченный... Совсем не тот жизнерадостный Луи Армстронг... Голос человека, живущего в мрачном настоящем:

— This is the radio of Hope City. We hope that you have survived. This concludes our today's broadcast. God bless.

И наступила тишина. Все сидели молча, пытаясь прийти в себя от произошедшего. От того контраста между такой красивой песней, вселяющей надежду и желание жить, хоть и наполненной непонятными словами, и странным обреченным голосом в конце.

— Варяг, скажи, о чем пел этот Армстронг? — выдавил наконец Васнецов.

— Он пел о том, какой замечательный мир, в котором мы живем... — Затем вздохнул и покачал головой: — Жили, вернее.

— А потом, в конце, что там говорили?

— Похоже, они ищут выживших. Братцы, вы хоть понимаете, что это значит? Тут есть жизнь! Люди! И нормальные вроде люди! Ведь такая песня!..

— Варяг! — перебил его нахмурившийся Сквернослов. — Эти нормальные люди сделали атомную бомбу и ХАРП! И применили все это, между прочим!

Варяг молчал какое-то время. Затем обернулся и одарил Вячеслава снисходительной улыбкой.

— Только не те, чья душа умела так петь. Не все так скверно, Славик... Едем дальше...

И луноход снова тронулся с места.

22
HOSPITALITY

Пепельное облако перестало посыпать их грязью ближе к вечеру. День прошел незамеченным из-за мрака, вызванного извержением. К счастью, сам вулкан остался где-то в стороне, и они так его и не увидели. Окажись он на пути, это вызвало бы проблемы с поиском объездной дороги. Впрочем, связаться с орбитой тоже не удалось, и радио более не преподносило сюрпризов, как было с песней Луи Армстронга.

Варяг вышел из лунохода и очистил перископ и стекла от пепла. Затем снова замерил радиацию. Норма. После этого он достал пятилитровую пластиковую бутылку с водой. Вылил воду в чайник из набора космонавтов. Остаток разлил по флягам и отрезал горловину. Набрал снег и растопил его у обогревателя. Вынес обрезок бутылки на улицу и швырнул в нее почерневшие от пепла стропы, которые все это время висели на левом пенале, в котором была спрятана одна из двух антенн. Надел резиновые перчатки до локтей и, насыпав в воду порошка, стал стирать. Все стропы там не помещались, и он стирал их по очереди, несколько раз заменив воду. Аппарель была открыта, проветривая салон. Тихо гудел компрессор, нагнетающий в баллон уличный воздух. Укутавшийся тулупом Сквернослов смотрел на занятого стиркой Яхонтова и ухмылялся:

— А носки мне не постираешь, а, Варяг?

— Я тебя их сейчас сожрать заставлю, придурок, — беззлобно ответил искатель, не прекращая работу.

Вскоре он закончил стирку. Замерил дозиметром снова побелевшие стропы.

— Норма, — удовлетворенно хмыкнул Варяг.

Он вылил воду из обрезка бутылки и отшвырнул ее в сторону. Сложил стропы внутри пассажирского отсека лунохода и, закурив трубку, о чем-то задумался. Видимо, решив, что мусорить нехорошо даже в таком мире, он побрел за выброшенной бутылкой и подобрал ее. Она валялась метрах в двадцати, ука-

тившись по склону. Подобрав бутылку, Яхонтов направился к луноходу и вдруг остановился. Медленно повернул голову налево. Из снежного бархана в вечерних сумерках выглядывал человек. Весь закупоренный в ладно сшитую одежду из оленьих шкур с таким же капюшоном. Лицо скрыто шерстяным шарфом. На глазах плотные лыжные очки. На поясе у него висели три небольших окровавленных капкана. За спиной рюкзак, чем-то наполненный. В руке что-то вроде ручного гарпуна со стальной стрелой.

— Nice truck, — сказал вдруг человек, кивнув на луноход. — Hi. How are you?

— Ноу бэд. — Варяг ответил, тщательно произнося слова и пристально глядя на незнакомца.

Услышав разговор, Сквернослов высунулся из лунохода.

— Колян! Смотри! Абориген! Первый пиндос, которого мы встретили тут! — воскликнул он.

Незнакомец теперь уставился на Сквернослова, явно удивленный его речью.

— What's the language... Where are you from? You are Canadians? Mexicans?

— Ноу, ви а рашшенз, — оскалился Вячеслав.

— Fuck!!! — заорал вдруг человек и, вскинув гарпун, дернул курок.

Варяг успел отскочить, и стрела вонзилась в снег рядом с его ногой.

— Коля! Дай калаш! Я его упакую сейчас свинцом! — воскликнул Сквернослов, выскакивая из лунохода. — Я первый завалю янкеса! — вопил он с каким-то диким азартом.

Незнакомец дернулся в сторону, но его лыжи перекрестились и он рухнул лицом в сугроб.

— Идиот! Скотина тупорылая! — заорал Яхонтов.

Николай отчего-то сразу понял, что кричит он это не в адрес американца, который его чуть не убил, а в адрес Сквернослова.

— Shit! Shit! Shit! Fucking shit! — вскрикивал американец, понимая, что попал в переплет, и решив, что живым из него не выпутаться. — Don't shoot! Please! Don't kill me!

— Изи мэн! Джаст релакс! Ви донт шут ю! Энд... Мать твою, Коля, убери, на хрен, автомат! — кричал Варяг, подойдя к лежащему незнакомцу.

— Но он чуть тебя не убил!

— Это Славик меня чуть не убил! Идиота кусок! Кто тебя за язык тянул, Сквернослов!

— Да я... блин... а что я сказал такого?

— Please! Please! — причитал перепуганный американец.

— Донт ворри! Ви донт шут! Ви гоинг фром пис!

— Чего Варяг говорит? — Николай уставился на оконфузившегося Вячеслава.

— Он говорит, что они твари, а он не шут и пришел писать. Блин, Коля, какого хрена ты у меня спрашиваешь? Я по-чухонски не шпрехаю. — Вячеслав был раздражен и обижен. Виноватым он себя не считал.

Американец вроде успокоился и слегка приподнял голову. Видимо, слова Варяга все-таки на него подействовали.

— Russians... You are troops landed? Landing force?

— Э-э-э... Чего? — Яхонтов все-таки не все понимал из того, что говорил незнакомец. — У тебя у самого акцент какой-то...

— Он нас трупами обозвал, он сказал, что мы трупы, — предположил Славик.

— А ты пасть захлопни! — рявкнул на него Варяг. Затем обратился к незнакомцу: — Вотс ю нэйм амэрикан?

— I am not American... not Yankee... I am Aleutian... Joshua... I am hunter. My name Joshua... Don't kill me please... I not the military man and not the policeman... I simple hunter...

Варяг осторожно стянул с него очки. Это был уже далеко не молодой человек. Тип лица его напоминал старого якута Молота.

— Тэл ми, Джошуа. Ю а... как это... ю а хеард а Хоуп-Сити? Где это? Вер ит из?

— Hope city? It is far. There. — Он махнул куда-то рукой. И было похоже, что указал он в сторону ХАРПа.

— А ты не оттуда? Ю лив ин Хоуп-Сити?

— No. I there was not for a long time. Also did not live there. I the single. The hunter.

Варяг стал напряженно морщить лоб, пытаясь разобрать, что он сказал.

— А где ХАРП, мазафакер хренов?! — крикнул Вячеслав.

— Уйди отсюда! — рявкнул на него Яхонтов.

— Спроси его! — зло крикнул Сквернослов.

— What does he speak? — пробормотал Джошуа.

— ХАРП, — ответил Варяг.

— What?

— Э-э... как его... Эйч эй эй ар пи. Аврора программ.

Алеут как-то странно посмотрел на Яхонтова. Даже вытаращил глаза. Затем вдруг резко вскочил, оттолкнув Варяга и ловко встав на лыжи, и помчался со склона вниз, к выступающей в долине большой скале, окруженной хвойными деревьями.

— Fuck you! — заорал он на прощание. — Go to hell, bloody bastards!!!

— Черт, ну не козел, а? — досадливо воскликнул Яхонтов, отряхиваясь.

— Коля! Чего стоишь?! — заорал Вячеслав. — Стреляй падлу! Ну же! Уйдет! Уйдет, гад! Нам что его, ловить потом по следу?!

— Не сметь! — Варяг выхватил у Николая автомат. Впрочем, Васнецов и не собирался стрелять. — Он ничего дурного нам не сделал! А ты, Славик, просто идиот!

— Это почему?

— По кочану! Что ты лезешь?! Твой номер шестой, сиди и не отсвечивай!

— Ах так?!

— Да, так!

— Чего лаетесь?! — Теперь повысил голос до сих пор молчавший Николай. — Чего не поделили? Славик, ведь Варяг прав... Нельзя так...

— Да что ты? — Вячеслав поморщился. — Это не твою страну, случайно, они выжгли? Это не твоя мать умерла от радиоактивного дождя?

— Хватит, Славик!

— Нет, не хватит! Там, на своей земле, мы все так охотно применяли оружие! Стреляли! Убивали! Своих, по сути, убивали!

— Кто кому там свой был? — нахмурился Яхонтов. — Черновики? Гау? Бандиты всякие и каннибалы?

— Погоди! Дай договорю! Значит, там мы валили всех направо и налево. А тут мы ведем себя как добропорядочные гости? Да пока мы будем находиться в сомнениях и думать, хороший это человек или нет, то положат нас, как кроликов! Пока думать будешь, что он там говорит на своем языке, нас всех на куски порвут! И все! Конец миссии!

— А ты предлагаешь валить всех подряд? Так? И чего тогда достигнет наша миссия?! А если он не враг?!

— Бежит — значит враг, — зло прорычал Сквернослов.

— Он просто боится...

— Значит, враг! — повысил голос Вячеслав.

— Да что он нам сделает один? — пробормотал Николай.

— А толпу соберет? А?

— Он сказал, что он одиночка, — отмахнулся Варяг.

— А я сказал, что я Дед Мороз! Поверишь?

— Да на чем он нас догонять будет? — поморщился Васнецов, которому категоричность брата порядком уже надоела. — На лыжах за луноходом?

Со стороны той скалы и окружавших ее деревьев послышался собачий лай. Все взглянули туда. У подножия большого холма, на вершине которого они находились, из рощи мчалась прочь от них собачья упряжка.

— Вот тебе и лыжи, — проворчал Сквернослов.

— Он и на собаках запарится за нами идти, — снова махнул рукой Варяг. — Ладно. Поехали. А то так можно стоять и спорить до скончания времен.

* * *

Метель снова началась, как только стемнело. Словно отоспавшаяся в предыдущие сутки, буря обрушилась на луноход, да, похоже, и на всю Аляску, а может, и на весь мир, с новой силой. Казалось, что новая буря была во сто крат сильней предыдущей. Они пересекли относительно невысокий горный хребет. Впереди были еще более высокие горы и густые хвойные леса, которые делали движение более сложным. Радио ничего не ловило, кроме шума и треска. Варяг решил устроить очередной привал и остаться на ночлег в ложбине между двумя буреломами. Машину видно не было со стороны, и деревья, уже поваленные, не угрожали упасть на нее. После скромного ужина Варяг и Вячеслав довольно быстро уснули. Николай еще долго думал о том охотнике Джошуа, которого они так напугали. Чем-то эта встреча напомнила ему встречу с якутом на роковой реке Лене. Многое напоминает, кроме развязки. Разность языков и восприятия друг друга сделали свое дело. А ведь, по сути, такой же простой человек. Может, даже хороший человек. Ведь изначально он был настроен весьма дружелюбно. Как он там теперь в этой буре?..

* * *

...Костер удалось разжечь при помощи трех выстрелов из автомата со снятым пламегасителем. Физические упражнения пришлось продолжать, пока одежда не стала подсыхать. Даже

свежая оленья шкура, пропахшая кровью и животным, не давала возможности просто присесть и отдохнуть. Силы угасали, но надо было двигаться. К вечеру запах крови убитого оленя привлек семейную пару волков. Он не стал их убивать. В автомате были еще патроны. Он швырнул в их сторону останки убитого зверя, оставив себе самое лучшее мясо, которым уже успел насытиться. Волки жадно съели часть, а другую утащили. Видимо, волчатам. Однако ночью они вернулись. Ну конечно. Они ведь хищники. Есть останки павшего животного, конечно, вкусно, но неинтересно. Непривычно для хищников, привыкших в тяжком труде добывать себе еду. Куда больше их интересовал человек. Ведь этого требовало их хищническое естество — рвать живую плоть агонизирующего, обреченного человека. Но они боялись костра. Он подбросил в огонь дров и снова снял с себя уже высохшую одежду. Принялся растирать по телу свежий пепел. Затем оделся и стал втирать в одежду эту самую золу. Это помогло отбить от тела запах крови и оленьей шкуры.

— Как же я воняю, — усмехнулся он, глядя на светящиеся в темноте две пары волчьих глаз. — Проваливайте, идиоты! Я не хочу вас убивать! Я и оленя-то не хотел убивать, но пришлось, чтобы выжить! Идите к щенкам своим!.. Хотя... Вы ведь тоже хотите выжить... И чтоб щенки ваши выжили... Только не ту добычу вы себе нашли... Я сам хищник...

И он прицелился...

* * *

Когда Васнецов проснулся, его товарищи еще спали. В смотровые щели пробивался слабый свет. Значит, рассвело. Шума бури уже не было слышно. Значит, утихла.

Николай еще лежал какое-то время, глядя в потолок и смутно понимая, что очередной увиденный сон был продолжением сна предыдущего. Подумал о том, что он значит, но так ни к чему и не пришел. Затем поднялся и взглянул в перископ. Серая пелена делала наблюдение невозможным. Перископ залеплен снегом. Васнецов взял автомат и, задержав ненадолго взгляд на пламегасителе, оделся и стал выбираться через шлюз. Оказалось, что большая половина лунохода занесена снегом, и ему пришлось изрядно повозиться. Наконец он вскарабкался на крышу и расчистил полусферу перископа. Сел на крышу передохнуть. Отчего-то вспомнилась ночь в подмосковном лесу, когда он побрел в лес и наткнулся на

сталкеров... Как же все это давно было... И как далеко отсюда...

Вдруг какая-то бело-желтая куча в стороне зашевелилась. Метрах в тридцати от лунохода на спине лежал огромный белый медведь. Валялся он задом к Николаю. Лениво раздвинув лапы, он приподнял голову и с недоумением посмотрел своими черными глазками на человека.

— Вот черт, — пробормотал Николай и передернул затвор автомата.

Медведь неуклюже завалился на бок и встал на лапы. Зарычал.

— Ага. Голодный, — усмехнулся Васнецов. — Понимаю. Только ты не ту добычу себе выбрал. Я тоже хищник. Я человек. А мы пострашнее будем. Так что вали отсюда. Я не хочу тебя убивать.

Однако белый урсус двинулся на Николая.

— Вот дурья башка. Не понимаешь по-русски, значит? Ладно. По-английски я не умею. Попробуем на универсальном международном языке.

Он вскинул автомат и сделал одиночный выстрел. Пуля вонзилась в снег перед носом у медведя, и тот, вздрогнув, бросился бежать в сторону.

— Вот то-то же, — удовлетворенно кивнул Васнецов.

В луноходе послышалась возня. Затем из снега показалась голова Сквернослова. Следом Варяг.

— Что случилось?

— Да вот, гости незваные.

Николай кивнул в сторону медведя. Тот стоял неподалеку, ворчал недовольно и, то и дело поднимая голову, нюхал воздух.

— Черт, ну и намело, — проворчал Варяг, взобравшись на крышу и осматриваясь.

— Медведь обратно бежит. — Сквернослов поднял свое оружие.

Зверь действительно мчался обратно к луноходу, низко пригнув голову.

— Жрать хочет, — кивнул Николай и прицелился.

— Впустую не лепи. Бей в голову. Патроны не трать, — предложил Славик.

— Жалко мишку. Отпугну только...

— Жалко у пчелки. А у него когти и клыки. Он порвет, и ему начхать на твои симпатии к нему. Бей, не отвяжется ведь.

Варяг поднял лежавший все время их пути без дела арбалет, который подарили ему язычники во время возвращения из последнего рейда.

— Варяг, может, не стоит? — вздохнул Николай.

Медведь резко побежал в сторону, словно почуяв угрозу. Он отошел на прежнее расстояние и стал снова нюхать воздух.

— Ладно, — кивнул Яхонтов. — Откопайте дверь, и едем дальше. Я его на мушке пока подержу.

Все время, что Николай и Вячеслав освобождали от снега водительскую дверь, медведь держался на почтительном расстоянии, но, судя по всему, идея о том, чтобы напасть на людей, его не покидала. Наконец все заняли свои места в машине, и о присутствии большого хищника можно было не беспокоиться. Яхонтов сел на место водителя и завел луноход. Машина гудела, но не хотела выбираться из сугроба. Только через десять минут раскачиваний машины и протестующего завывания трансмиссии, сдабриваемого руганью Варяга, луноход все-таки выбрался из своей белой западни и двинулся дальше.

* * *

Еще один день безмолвия и пустоты. Хотя эта пустота была относительной. Теперь они двигались среди гор и холмов, поросших хвойными лесами. Однако никаких следов человеческого присутствия им так и не попадалось. Ближе к вечеру, примерно в то же время суток, когда они случайно поймали по радио сигнал с песней Луи Армстронга, Варяг вскарабкался на вершину одной из гор и снова стал слушать радиоэфир, остановив машину. Погода была спокойной, и радио оправдало ожидания путников.

— Attention survived people of the earth! Tells radio the Hope City. We've survived. We're alive. We hope that we not one civilized people on this planet. We are on the bank of Lake Louise, — говорил все тот же немолодой обреченный голос. — This lake on Alaska. The United States of America.

Варяг схватил атлас и стал его судорожно листать.

— If you want to come beware of the danger on your way, — продолжал голос.

— Озеро Льюис... Озеро Льюис... — бормотал Варяг, ища что-то в атласе.

— Humanimals! They are cannibals. Ruthless creatures. Generation of nuclear war. Fiends! Once they were humans, but not anymore. They are everywhere!..

— Так. Вот Аляска. Вот тут ХАРП... Да. Он тут. А где этот город? — Яхонтов почесал бороду.

Голос продолжал что-то говорить, старательно подбирая слова, которые тем не менее оставались неведомы Николаю и Славику.

— Лейк-Луиз! Хоуп-Сити! — воскликнул Варяг. — Нашел! Нашел, черт возьми!

— All civilized people should unite! We have survived to live!

И снова полились из динамика та чарующая мелодия и голос Луи Армстронга, умиляющегося от воспеваемого им прекрасного мира.

— Да это же... всего в ста километрах от ХАРПа! Даже чуть меньше!

— Вот как? — нахмурился Вячеслав. — Так, может, они его охраняют? Чего они говорят вообще?

— Что они цивилизованные люди. И призывают объединяться выживших. А еще вокруг них орудуют какие-то хюманималы. Людоеды и дикари.

— Дикари. — Сквернослов усмехнулся. — Ну конечно. У них все дикари. Сначала были индейцы на своей земле дикарями. Потом негры рабами-дикарями. Потом для них были дикарями япошки, которых они приласкали атомной бомбой. Потом вьетнамцы, корейцы, сербы, иракцы, иранцы, русские. Все, короче, кругом дикари, а они одни возлюбленные Иисуса Христа и Богом избранные, чтоб нести дикарям свет демократии через пепелища городов. Короче, Варяг. Идут они в жопу со своим радиошоу. На кой черт ты ищешь их на карте? Зачем это вообще нам надо?

— Славик. — Варяг вздохнул и пристально посмотрел на Сквернослова. — Ты знаешь, как переводится Хоуп-Сити?

— Нет. А какое это имеет значение? — раздраженно поморщился Вячеслав.

— Большое. Это Город Надежды. Надеждинск. Понимаешь?

Николай вздрогнул, услышав название родного города, и уставился на Яхонтова. Однако на Сквернослова это не произвело никакого впечатления.

— Варяг, ты, часом, не заболел? А? Какой еще Надеждинск? Надеждинск там! — Он махнул рукой. — Недалеко от выжженной Калуги! Южнее разгромленной Москвы! Какой, на хрен, Надеждинск!

Песня стихла, и обреченный голос закончил эфир словами:

— This is the radio of Hope City. We hope that you have survived. This concludes our today's broadcast. God bless.

И снова воцарилась тишина. Варяг хмурился от своих мыслей. Сквернослов — от мыслей Варяга. А Николай был взволнован. Что-то судьбоносное было в этом Хоуп-Сити. Американском Надеждинске. Что-то символичное. И словно все было так, как давно кем-то задумано. Словно они, подчиняясь чьему-то замыслу, совершенно не случайно наткнулись на этот радиосигнал. Разве мыслимо это, пройти половину Северного полушария и услышать голос города-побратима поневоле, с той же обреченностью, какая царила в подвалах Надеждинска? Нет. Это не случайно. Это судьба. Как судьба свела его, Николая, со сталкерами. С Людоедом. С дневником дяди и со следами отца...

— Попробуй связаться с ними, Варяг, — предложил он.

— Ладно. Попробую. — Яхонтов пощелкал чем-то на панели и стал говорить: — Атентон! Итс войс фром сорвайд... сурвайвед... блин... — Он дернул головой, поморщившись от собственного произношения. — Хоуп-Сити, ансвер. Ю хиер ми? Плиз, Хоуп-Сити. Ансвер. Кэн ю хиер ми?

Никакого ответа не последовало. Варяг повторил свой монолог, затем пощелкал еще на панели и повторил в третий раз. Тишина.

— То ли мощности передатчику не хватает, то ли еще что. Прием ловит, а исходящий не проходит. Или я не до конца разобрался в этом приборе.

— Неужто это сложнее, чем управлять самолетом? — спросил Васнецов.

— Еще бы.

Николай оглянулся на Сквернослова, желая понять, отчего тот затих. Славик сидел молча и пристально смотрел в потолок.

— Мужики, мне очень совестно прерывать вашу милую беседу, но неужели вы, мать вашу, не чувствуете, что у нас на крыше кто-то есть? — тихо проговорил он.

Николай тут же прильнул к перископу. Он осторожно стал вращать его в поисках того, о чем говорил Сквернослов. На крыше действительно кто-то был. И движение полусферы перископа побеспокоило его, поскольку стало отчетливо ощущаться шевеление кого-то весьма большого и тяжелого.

Вячеслав недоуменно смотрел на то, как лицо Николая расплылось в улыбке.

— Колян, ты чего скалишься? Уж не Нордику ли ты опять на крыше увидел?

— Да это мишка. — Васнецов продолжал улыбаться, глядя в смотровой прибор.

— Кто? — удивился Варяг.

— Ну, белый медведь.

— Тот самый? Это сколько же мы его на себе протащили?

— Не знаю, тот или не тот. Но он разлегся на крыше луноxода. — Васнецов пожал плечами.

Славик взял автомат и стал колотить прикладом по потолку.

— Исчезни, падла! Слазь! — закричал он. — Кто за проезд платить будет, сучье отродье!

Стало слышно, как медведь недовольно рычит, и почувствовалось, как он ерзает.

— Сейчас я его стряхну, — ухмыльнулся Варяг и, убрав внешние антенны обратно в пеналы, завел двигатель машины. — Парни, держитесь!

Луноход сначала медленно стал съезжать с вершины горы, затем, набирая скорость, помчался вниз по склону, к раскинувшемуся у подножия лесу.

Казалось, так быстро луноход еще никогда не ехал.

— Ну что? — спросил Вячеслав.

— Держится! — воскликнул Николай, глядя в перископ. Он был восхищен настойчивостью зверя.

— Вот же урод.

Машина буквально влетела в лес. Деревья тут стояли достаточно редко, и Варягу не составляло особого труда лавировать. Но он старался, чтобы еловый лапник хлестал по корпусу. Несколько ударов ветками по морде медведя заставили его наконец покинуть машину.

— Все. Слетел, — кивнул Николай.

— Ариведерчи, — усмехнулся Вячеслав. — Нам будет тебя не хватать, говнюк.

Проехав через лес, машина снова стала карабкаться на гору. На сей раз она была значительно выше и круче предыдущей. Ползли к вершине долго, но объезд ее сулил быть еще более долгим. С одной стороны — неприятного вида ущелье, плотно заросшее деревьями. С другой — скалистые образования. Вершина горы встретила их уже сумерками. Сумерками и выходом массивного пласта породы слева от машины.

— Господи, что это, — выдохнул Варяг, глядя вперед.

Там, за огромной долиной, ощетинившейся полумертвым лесом, высилась массивная горная гряда, на которую уже наступала ночь. Но вершины этой гряды и тучи за ней мерцали странным красноватым свечением.

— Да это же... Вспомните фотографии из космоса! Большое красное свечение в облаках в районе ХАРПа! Это, как его... — Николай, затряс руками, вспоминая слово.

— Ионизация, — помог ему Сквернослов.

— Точно! Ионизация! — Он просунул руку во внутреннее окно и стал трясти за плечо Варяга. — Это ХАРП! Мы уже близко!

— Н-да. Похоже, что уже скоро, — кивнул он и снова стал колдовать с радиопередатчиком. Эфир молчал, и Яхонтов повторил попытку связаться с Хоуп-Сити.

— Хоуп-Сити, ансвер. Ю хиер ми? Плиз, Хоуп-Сити. Ансвер. Кэн ю хиер ми?

И снова безрезультатно.

Яхонтов взял автомат и обратился к Николаю.

— Медведя нет? Посмотри.

— Нету, — мотнул головой Васнецов, осмотревшись при помощи перископа. — А ты что, на улицу собрался?

— Да. Хочу осмотреть антенны. Этот зверюга мог их повредить в тот раз.

— Открой аппарель. Мы тоже выйдем, — предложил Вячеслав.

— Ладно. — Яхонтов нажал на кнопку и выскочил из лунохода.

Он и Сквернослов принялись осматривать антенны. Васнецов встал впереди машины и пристально смотрел на горящий багровым сиянием горизонт. Чем темнее становилось небо, тем ярче светилось это зловещее свидетельство работоспособности ХАРПа.

— Недолго тебе осталось, сволочь, — пробормотал Николай. — Погоди. Доберусь я до тебя.

Варяг тем временем спрыгнул с крыши. Славик последовал за ним.

— Вроде нормально все, — сказал Яхонтов. — Ну что. Ужин и ночевка?

— Ну да, — кивнул Сквернослов. — Только вот что-то дни стали проноситься быстро. Так и жизнь вся пройдет.

— Типун тебе на язык, — проворчал Варяг.

— А тут разве не должно быть полярного дня или ночи? — поинтересовался Вячеслав.

— Должно. Но это вроде севернее. Мы сильно на юг Аляски ушли. Вроде как... Вообще, я не знаю, в каких мы сейчас широтах. Главное, есть ориентиры. Горы эти...

— И сияние ХАРПа, — добавил Николай. — Теперь не заблудимся.

* * *

Прошедшая ночь оказалась спокойной. Буря не повторилась. С рассветом все вышли из лунохода справить нужду перед продолжением своего похода. И ничто не предвещало беды...

Первым к луноходу повернулся Варяг. Он тут же вскинул автомат и присел на одно колено.

— Снять оружие с предохранителей, живо, — тихо скомандовал он.

— Что случилось? — спросил Николай и тут же понял, что встревожило Яхонтова.

В гусеницу машины, в район маховика, был вставлен камень. Он не мог сам туда попасть. И уж точно не медведь его туда засунул. Васнецов забежал к другому борту машины. Там та же картина. Кто-то заблокировал гусеницы и ждал, когда экипаж покинет свою машину.

— Коля, вынь камни, быстро. Славик, не смотри в ту сторону, куда я. Смотри в другую. Они рядом. Я чую.

— Как думаешь, кто это? — спросил Сквернослов тихо.

— Не знаю. Но поступили они очень негостеприимно.

— А что, при случае отблагодарим ублюдков?

Николай с трудом вынул первый камень, и тут до его слуха донесся свист рассекаемого воздуха. Затем крик Вячеслава.

Васнецов резко развернулся. Славик лежал на снегу, и из его правого бедра торчало копье.

Варяг дал очередь в сторону торчащей в стороне от машины скалы. Снова свист. Яхонтов перекувырнулся, и в то место, где он был мгновение назад, вонзилось три копья.

— Твою мать! — орал Сквернослов.

Николай подбежал к нему и попытался затащить в машину, но Вячеслав оттолкнул его.

— Пусти! Стреляй лучше!

— Где они?!

— Повсюду! — воскликнул Варяг и метнул куда-то гранату. Она, как назло, не взорвалась. — Черт, зараза! Коля! У нас по одному рожку! Давай боеприпасы доставай!

Васнецов нырнул в открытую аппарель, и тут же рядом о корпус лязгнуло очередное копье. И все вокруг наполнилось дикими воплями и рыками. От скалы, из сугробов, из ближайшего бурелома на склоне выскочили какие-то странные существа. Ну конечно, это были люди. Они были плотно завернуты в разные, грубо выделанные звериные шкуры. На лицах респираторы. На глазах плотно прилегающие очки с круглыми стеклами. Головы также обмотаны шкурами. Руки обмотаны шкурами. Ноги обмотаны шкурами. Они походили на зверей. Они и не говорили ничего. Только неистово вопили, рычали и улюлюкали, идя в яростную атаку, взмахивая копьями. Вот кто-то из них метнул свое примитивное оружие, и Варяг упал ничком. Попали!

— Суки! — Васнецов дернул крышку ящика Ильи. Бомба! Вставить предохранитель! Повернуть до щелчка! Все на хрен тут взорвать! Нет... пу-ле-мет!!!

Раненый Славик огрызался автоматными выстрелами и матерился. Варяг тоже был жив и стрелял.

— Коля! Где ты, черт тебя дери!

— Черт, черт, черт, — бормотал Васнецов. — Как же это работает... Вот, кажется, Илья делал так... Какой же он тяжелый! Как отец его таскает в метро?!

— Патроны, Коля!!!

Васнецов схватил мешок с рожками для калашникова, снаряженными надкусанными пулями, и швырнул его товарищам.

— Чего возишься! Помоги огнем, падла!

Какой тяжелый...

Стволы закрутились и изрыгнули наконец ураган смерти. Николай подал тело вперед, поскольку чувствовал, что теряет равновесие от стрельбы. Запрыгала сбоку пожираемая жадным на боеприпасы оружием лента... Две ближайшие «шкуры» развоpотило в клочья. Остальные залегли в снег. Кто-то решил попытать счастья и метнул в Николая копье. Счастье ему не улыбнулось. Пули снесли ему полбашки, а копье скользнуло по плечу бушлата Васнецова. Николай наконец не выдержал и упал, увлекаемый тяжестью оружия. Сзади хруст шагов. Васнецов развернулся, срывая с плеча автомат, и наотмашь свернул нападавшему челюсть прикладом. Варяг уже поменял рожок

и дал короткую очередь в ближайшего вскочившего врага. Надкусанные пули разорвали его торс, смешав ребра и кишки со звериной шкурой, в которую тот был замотан.

Еще один зашел в тыл. Он сделал выпад копьем. Николай увернулся и краем глаза заметил, как задралась звериная шкура у того на руке, оголив запястье. Васнецов тут же впился врагу в голое запястье и разорвал ему вены. Враг заревел от боли и выронил копье. Васнецов подхватил его и вонзил «шкуре» в горло. Затем снова взялся за автомат, чувствуя, как противоестественный азарт кровопролития заполняет его разум, как это было в Вавилоне. Его лицо перекосилось от злобной звериной ухмылки. Он швырнул автомат и схватился снова за пулемет. Теперь он не казался тяжелым. Ярость, триумф ненависти в душе наделили его силой, и снова закрутились стволы. Он двигался вперед, к отброшенному автомату, поливая нападавших свинцом и своей яростью. Он упивался тем, как брызжет кровь из неприятельских «шкур», как они отлетают под градом пуль и кубарем катятся вниз по склону. Лента кончилась. Он бросил пулемет в снег, который зашипел от разогретого оружия. Снова поднял автомат и стал убивать теперь и из него. Очевидно, эти полулюди совсем не ожидали, что их потенциальная добыча обладает такой огневой мощью. Те, кто еще мог стоять на ногах, стремительно отступали, мчась по склону вниз, в ту сторону, откуда вчера приехал луноход. Больше никто не атаковал и не метал копий. Николай встал на склоне и стал одиночными выстрелами останавливать бегущих врагов пулей в спину. Попал. Еще попал. Третий. А вот тут мимо. Жаль патрона. Опять мимо. Они все дальше, и попасть сложнее. Он развернулся и пошел к своим товарищам. Вокруг лежали трупы врагов. Кто-то стонал. Васнецов подошел и прислонил дуло автомата к голове раненого. Патроны беречь надо. Он поднял лежащее копье и вонзил раненому в сердце.

— Эй! Не добивай! Погоди! Допросить надо! — крикнул Варяг.

— Ты как?

— Да я в порядке. Тулуп проткнули да жирок поскребли на боку. У Славки рана похуже...

— Херня, — простонал Сквернослов и заорал, когда Варяг выдернул торчащее из его бедра копье. — Живодер, мать твою!!!

— Тихо, братишка. Терпи. Бог терпел и нам велел. Коля! Смотри, чтоб ублюдки не вернулись. Я жгут ему сейчас наложу!

— Хорошо...

В стороне, у скалы, еще кто-то стонал и дергал рукой. Николай двинулся к нему и вдруг заметил, что из-за уступа на него смотрит белый медведь. Тот самый. Он смотрел то на раненого в шкуре, то на Васнецова. Видимо, желая взять добычу и опасаясь второго, понимая, какую угрозу тот может для него представлять.

Васнецов сделал два шага назад и качнул стволом автомата.

— Забирай, — сказал он медведю.

Белый урсус осторожно подошел к раненому, не сводя глаз с Николая, раскрыл пасть и, схватив челюстями раненого за голову, потащил его за скалу, пока обреченный человек в шкуре дергал ногами и мычал от ужаса.

Варяг наложил жгут, обработал рану и, взглянув на часы, послюнявил химический карандаш и написал на ноге Вячеслава время. Затем осмотрелся.

— А что, раненых больше не осталось?

— Такой пулемет и надкусанные пули шансов не дают, — проворчал Николай, чувствуя опустошение после недавнего всплеска адреналина.

Яхонтов подошел к ближайшему трупу и сорвал с него респиратор и очки.

Глаза у того были открыты. Огромные белые глазные яблоки с крохотными черными точками зрачков. На худом, вытянутом лице совершенно белая кожа с чернотой вокруг глаз. Почти черные губы изуродованного цингой рта.

— Господи, что за отродье... Слышь, Славик. Мы тут, кажется, Мэрилина Мэнсона грохнули. Вот незадача...

— Кого? — простонал Вячеслав.

— Да ладно. Шучу. Коля, помоги загрузить Славика в машину. И оружие подбери. Валить надо поскорее. Этот медведь... Не знаю, ел он раньше человечину или нет, но сейчас он ее опробует. Потом вообще от нас не отвяжется.

— Да вон у него сколько пищи валяется.

— Эта пища никуда уже не убежит, и он это понимает. А находиться рядом с каннибалами я не хочу. Будь то медведи или люди.

— Думаешь, на нас напали людоеды?

— Да, Коля. Они самые. Уж поверь. У всех людоедов в любой точке земного шара черты одни и те же.

— Гостеприимное местечко, эта Аляска, — простонал Вячеслав.

23
THE LAST HOPE

— По сути, они полные лохи, — произнес Варяг, отмачивая бинт с засохшей кровью на ноге у Вячеслава.

— Почему? — спросил Николай.

— Они замотаны в шкуры. Причем так, что явно проводят в них все свое время. Это значит, что у них путевого жилища нет. Примитивное. В такой одежде им тяжело драться и даже копья свои метать. Неудобно.

— Моя ляжка говорит о том, что копья они как раз метать могут, — проворчал Сквернослов.

— Да это, скорее, повезло...

— Кому повезло? — протестующе воскликнул Вячеслав.

— Ну им, конечно. Явно не тебе, — ухмыльнулся Варяг. — В общем, дикие они. Я так ни одного внятного слова и не услышал. Все орали, как неандертальцы какие-нибудь. Оружия нет. Тактика примитивная. Бежать толпой и ором давить на психику. Вездеход-то они заблокировать камнями догадались, но выход наш из машины прошляпили. Видимо, система дозоров тоже не отлажена. Ну и уроды они полные. Скорее всего, они все относительно молодые. Потому как при их образе жизни едва ли можно дотянуть до тридцатника. Бледные, худые и недоедающие. Цинга. Мышечной массы вообще нет у большинства.

— Они как морлоки, — тихо произнес Николай.

— Немудрено. Когда признаки цивилизации и общества исчезают, большинство таковыми и становятся.

Варяг размотал повязку и осмотрел рану. Нахмурился, покусывая ус.

— Чего там, а? — нервно спросил Вячеслав.

— Да ничего, — вздохнул Яхонтов.

— В смысле? Плохо все, да?

Варяг не отвечал, хмуро глядя на рану.

— Ну чего ты молчишь?!

— Не паникуй, — тихо проворчал искатель и стал осматривать содержимое большой брезентовой сумки с красным крестом. — Не то... Не то... Черт... Пенициллин... Херня... Мало... Не то...

— Я не хочу, как Юра. Слышишь? Варяг! Коля! Я не хочу так, как Юра, черт вас подери! — воскликнул Сквернослов.

Яхонтов поднял с пола кабины обрезок пластиковой бутылки и протянул его Николаю.

— Сполосни горячей водой и вот этого порошка туда добавь, когда мыть будешь.

Васнецов сделал, как велел ему Варяг. Тщательно промыл емкость и вернул ее Варягу, который прокалывал шприцем рану Вячеслава.

— Хорошо, — кивнул Яхонтов и обратился к Сквернослову: — Слушай, Славик. Дела серьезные. Тебе медпомощь нужна. У нас тут с лекарствами трудности.

— Какая медпомощь, Варяг?! — вскрикнул Вячеслав. — Какая, к чертям, тут помощь?! Горы, елки, палки, медведи, уроды какие-то с копьями! Кто мне поможет? Ну, скажи как есть? Хана мне, да?!

— Нет. И не ори. Легче тебе от этого не станет. Я сейчас приготовлю тебе отвар. Будешь пить. Захочешь писать, поссышь в эту бутылку.

— Зачем?!

— Надо. Потом половину мочи надо влить в рану. Другую половину тебе надо будет выпить.

— Что?! Ты в своем уме?! Я должен буду пить это дерьмо?!

— Не дерьмо, дурак, а мочу. Твою собственную. Это твоя отработанная кровь. Чего боишься?

— Да зачем это, Варяг?!

— Чтоб гангрены не было. Вот зачем.

— Черт... Черт! Твою мать! — Вячеслав зажмурился и яростно стал бить себя кулаком по голове. — Мать твою! Как же я попал! Черт!!!

— Славик, успокойся! Это поможет! — Яхонтов схватил его за руки. — Успокойся! Помнишь Малашенко-старшего? Искатель из моей бригады. Помнишь? Ты с его сыном вместе учился. Так вот, несколько лет назад он в рейде нарвался на какое-то ржавое железо. Вспорол себе ногу. Серьезная и грязная рана получилась. Так он вообще без всяких лекарств своей мочой излечился, пока мы обратно шли. Не паникуй.

— Да иди ты к черту! — Сквернослов вдруг заплакал. — Идите вы все к черту!

У Николая сжалось сердце. Он вдруг ясно осознал, что может теперь потерять еще и своего брата. Пусть неродного. Не от общих родителей. Но настоящего брата. Пока Варяг пытался его успокоить, Васнецов стал прибирать все оружие и прятать

его подальше от Вячеслава. В его ушах сейчас гремел тот роковой выстрел, которым Юра Алексеев прервал собственную жизнь...

* * *

Яхонтов выжимал из лунохода все, что мог. Теперь не просто надо было спешить к ХАРПу, чтобы его уничтожить и спасти абстрактное и далекое человечество. Сейчас надо было спасать Вячеслава. Одного человека. Своего. Близкого. Родного. И единственной надеждой был призрачный Хоуп-Сити.

— Колян, — тихо позвал лежащий в пассажирском отсеке Вячеслав. — Ты зачем убрал оружие? Где мой автомат?

— Зачем он тебе? — нахмурился Васнецов.

— А если нападут? Отдай мне мой автомат, Коля. Слышь? Отдай.

В тоне Сквернослова было что-то нехорошее. Что-то параноидальное. Нет, ему оружие явно не для обороны нужно.

— Если нападут, мы и вдвоем сможем отбиться. Ни к чему тебе...

— Вот как? Вот, значит, как, братишка? Ты меня уже списал, да? Я уже, по-твоему, оружие в руках держать не могу? Дай мне его. Не будь падлой.

— Заткнись...

Машина пересекла очередную долину, лавируя между деревьями. Снова подъем в гору.

— Давай... Давай... Давай, детка, быстрее... — бормотал Варяг, явно недовольный скоростью подъема.

— Черт, — прорычал Сквернослов.

— Что такое? — Васнецов подскочил к нему.

— Мне от этого отвара ссать хочется! — крикнул Вячеслав.

— Это хорошо! — ответил Яхонтов из передней кабины. — Только потерпи до вершины. Если сейчас остановлюсь, потом скорость долго набирать будем.

— Быстрее, — простонал Славик.

— Потерпи!

Вездеход карабкался по склону вверх, а гора казалась все круче и выше. Варяг, управлявший машиной, теперь был напряжен, наверное, еще больше, чем при первом взлете Ил-76. Вскоре стало ясно, что вершины вообще не видно. Облачность была настолько низкой, что пик терялся в тучах. Либо местность, в которой они сейчас находились, была настолько высо-

ко. Видимость стала практически нулевой из-за облачности, в которую наконец въехал луноход. Но и уклон практически исчез, и машина теперь ехала по почти ровной поверхности. Яхонтов остановился.

— Давай, Славик! — крикнул он.

Вячеслав медленно взял обрезок бутылки и зло посмотрел на Николая.

— Уйди, — рыкнул он.

— Ты чего? — Васнецов развел руками.

— Я так не могу. Варяг! Скажи ему, чтоб вышел!

— Ладно. Коля, выходи.

Николай нехотя взял автомат и выбрался через шлюз на улицу. Там уже находился Яхонтов, который тут же полез в пассажирский отсек.

Они действительно были высоко. Дышать было трудно. Холод резал ноздри и проникал под одежду. Ветер гнал нескончаемые тучи, которые обтекали вершину и находящийся на ней луноход. И конечно, Николая.

Васнецов попытался укрыться от не знающего здесь преград ветра за корпусом лунохода, но ветер настигал всюду. К счастью, ждать пришлось недолго. Варяг вышел из лунохода и направился в водительскую кабину, хлопнув Николая по спине.

— Лезь обратно. Едем дальше.

Спуск был еще медленней. Торопиться было нельзя, пока они не покинут эту окружавшую горный массив облачность. Приходилось тщательно подбирать путь, чтобы не попасть на чрезмерно крутой участок или во избежание столкновения с породой.

В кабине сильно пахло мочой. Вячеслав отвернулся к стене и укрылся одеялом. Он не желал никого видеть и явно не горел желанием, чтоб видели его.

Николай вздохнул, бросив на него взгляд. Они рано обрадовались, увидев красноватое зарево над горами.

До ХАРПа еще далеко, а над ними уже нависла угроза очередной потери. Что, если они не дойдут? Сгинут один за другим... Что тогда? Тогда никто и ничто не остановит гибель Земли. И сгинут все. В том числе и конфедераты, которые дрались ради того, чтобы эта миссия удалась. И рейдеры, которые пожертвовали самолет и в конце концов помогли разбить черновиков, дабы этот самолет смог улететь. И люди Новой Республики. А ведь они все ждут благополучного исхода миссии. Да что там... Вся планета с надеждой смотрела сейчас на них...

* * *

Очередной вечер на Аляске. Луноход остановился у разверзшегося впереди ущелья. Варяг быстро выбрался из машины, пока еще в сумерках можно было что-то вокруг разглядеть. Он стоял перед луноходом, в паре десятков метров от обрыва, и смотрел в бинокль. За ущельем были невысокие сопки, покрытые лесом, а дальше долина, за которой был еще один хребет.

— Черт, как это объехать теперь, — проворчал Яхонтов.

Он посмотрел по сторонам. Справа склон достаточно плавно уходил вниз, и, возможно, там можно было спуститься. Варяг так и решил поступить.

Теперь о том, чтобы переждать ночь, не могло быть и речи. Надо было как можно скорее выйти на поселение, чтобы спасти Вячеслава. Луноход теперь двигался с зажженными фарами и был виден далеко в ночи. Они достигли долины к полуночи, и Варяг сразу добавил скорости. Еще примерно через час проснулся Сквернослов, и Яхонтов остановил машину, чтобы перебраться в пассажирский отсек и сделать перевязку.

— Ну что там? — тихо спросил подавленный Вячеслав, когда Варяг в очередной раз осматривал рану.

— Преждевременно делать пока какие-то выводы. Но хуже не стало, и это уже хорошо.

— А есть куда хуже?

— Конечно есть. Ты ведь еще жив, — невесело пошутил Яхонтов.

— Спасибо, блин.

Варяг закончил перевязку и выбрался через шлюз. Николай снова прильнул к перископу. Ночной визир показывал только черноту леса и зеленоватые стволы хвойных деревьев. Ничего подозрительного видно не было. Но вот Варяг отчего-то так и не появился в водительской кабине. Может, до ветру подался? Васнецов стал крутить перископом и вдруг увидел, как от кормовой части машины на белом снегу, который в визоре был светло-зеленым, какие-то две черные тени тащат безжизненное тело. Варяг!

Николай отпрянул от перископа и тяжело задышал от волнения.

— Колян, что случилось? — пробормотал Сквернослов.

— Ничего, — дернул головой Васнецов. — Сиди спокойно. Я сейчас.

— Да что случилось-то?!

— Ничего, говорю!

Он схватил автомат и языческий меч Варяга. Подсумок с гранатами. Немного подумав, он заменил свой калашников на «винторез». Затем схватил плюшевого медведя.

Сквернослов с недоумением смотрел на это и молчал.

Николай понял, что Варяг попался на выходе из шлюза. Значит, надо быть хитрее. Он закрыл за собой внутренний люк и открыл наружный. Холод ударил в лицо. Все вокруг было в темно-кровавых тонах. Ночь здесь не была совершенно черной из-за сияния ХАРПа в облаках. Вон в нескольких десятках шагов кто-то тащит тело Варяга. Жив он или нет?

— Земля... — тихо прошипел он с ненавистью. — Слушай меня внимательно. Если еще кто-то из моих друзей погибнет, я приговорю тебя. Я взорву бомбу прямо здесь и сожгу этот проклятый лес, и уже никто не уничтожит ХАРП. И пусть он тебя насилует, пока ты не сдохнешь.

Он осторожно стал высовывать голову плюшевого медведя в наружный люк. Не успела голова высунуться, как кто-то слева от люка обрушил на нее удар дубиной. Медвежонок выпал на улицу. Тут же возникла черная тень и схватила медвежонка, недоуменно вертя его в руках. Справа возник еще один неизвестный. Он что-то пробубнил непонятное, и они разом уставились на чернеющий перед ними шлюзовой люк. На них уже смотрел ствол «винтореза». Первый щелчок, и тот, кто ударил медвежонка, упал ничком с простреленной головой. Второй неизвестный вскрикнул, и еще один щелчок вогнал ему пулю в горло. Однако те, кто тащил Варяга, услышали вскрик своего подельника и, оставив тело, бросились к луноходу. Справа, среди деревьев, послышался интенсивный скрип снега. Там был еще кто-то. И далеко не один.

Васнецов вынырнул из шлюза и, упав в снег рядом с двумя убитыми им нападавшими, тут же развернулся в сторону машины. Там еще кто-то мог быть, а те двое пока достаточно далеко... Так и есть. От правого борта машины на него бросилась еще одна тень с копьем в руках. Николай выставил перед собой меч, и нападавший напоролся на его лезвие животом. Васнецов отпустил «винтарь» и, схватившись двумя руками за рукоять меча, провернул его в брюхе хрипящего в предсмертной агонии врага, затем выдернул меч и, развернувшись, метнул его в бегущую к нему пару тех, кто схватил Яхонтова. Ему повезло: провертевшись в воздухе, холодное оружие язычников вонзилось

в грудь как раз тому из них, у кого в руках был автомат Варяга. Николай тут же припал к снегу, схватил свой автомат и прыгнул в сторону. Вовремя. Мимо просвистела стрела, пущенная, видимо, из лука или арбалета.

Васнецов наконец убил четвертого выстрелом «винтаря» и стал перебежками двигаться к лежащему в снегу Варягу. Со стороны леса раздались злобные вопли.

— Черт, опять эти психи в шкурах, — проворчал он, поняв наконец, с кем имеет дело.

Мимо просвистели стрелы. Да. Эти на более высокой ступени. Не с копьями примитивными. С луками на сей раз. Он откатился за поваленное дерево и достал из висящей через плечо сумки пару гранат. Осторожно выглянул. В ствол дерева вонзилось полдюжины стрел, ударилась пара копий. В ответ полетели гранаты, и Николай опустил взгляд, чтобы не смотреть на вспышку. Взрыв. Еще один. Теперь над опушкой стали разноситься не вопли, источающие угрозу, а визги боли и страха. Кажется, среди криков были даже женские. Васнецов сделал еще несколько выстрелов и наконец достиг тела Варяга. Обхватил его тело одной рукой, а другой, держа оружие, потащил товарища к машине.

— До чего же ты тяжелый, дядя Варяг, — проворчал он.

Из леса бежала уже вторая волна нападавших. В ногу ударилось копье. Николай упал и тут же со страхом подумал, что с ним будет то же, что и со Славиком, и тоже придется пить собственную мочу. Но нет. Копье не ранило его. Только больно ударило и сбило с ног. Он бросил в настигающего врага еще две гранаты. Со стороны лунохода послышалось лязганье. Что это? Неужели они уже у машины и ломятся в нее? Он посмотрел в сторону лунохода. Внезапно в открытом люке шлюза что-то засвистело и затем возникла яркая вспышка. И тут же громогласно возвестил о себе пулемет Людоеда.

— Славик, — улыбнулся Васнецов.

Пули вздымали снег и потрошили бегущих за Николаем врагов.

— Коля! Давай сюда! Я прикрою! Я разнесу к херам всю Америку за то, что мне собственные ссаки теперь пить приходится, падлы! Ты живой?!

— Да! — крикнул в ответ Васнецов и, схватив Варяга, снова потащил его. Однако Яхонтов вдруг дернулся, вывернулся и схватил Николая за горло.

— Варяг, это я, — захрипел Васнецов, вырываясь.

— Черт, Коля, как же меня по башке-то жахнули, мрази... — проворчал он.

— Ты живой, слава богу. Бежим!

Они настигли трупы тех двоих, что напали на Варяга. Яхонтов схватил свой автомат и выдернул меч из мертвого тела. Пулемет перестал грохотать, и его сменили звуки калашникова. Видимо, у шестиствольки кончились патроны. Варяг и Николай настигли машину и припали в сугроб, целясь во врагов.

— Варяг, ты живой?! — послышался из шлюза крик стреляющего Сквернослова.

— Не дождешься, матюгальник, — огрызнулся Яхонтов и тоже стал стрелять.

— А чего ты с ними не любезничаешь? Чего не говоришь им, что мы пришли с писом? А?

— Это не те, с кем стоит любезничать.

— Да что ты? — засмеялся Вячеслав.

— Заткнись!

Внезапно со стороны леса послышались выстрелы.

— Черт! — воскликнул Николай. — У них огнестрельное оружие?!

— Кажется, стреляют не по нам, — мотнул головой Варяг. — Звук не такой. Славик, а ну кончай палить!

Стрельба в лесу была интенсивной. Но стреляли действительно не в сторону лунохода. Лес заполнился криками «шкурников», и слышались шумы моторов снегоходов. Однако света фар видно не было. Среди деревьев метались паникующие дикари. Вот группа «шкур» побежала через опушку, и за ними выскочил снегоход. Черный с красными отсветами от зловещего сияния в ночном небе. На нем двое. Водитель и вооруженный седок. Настигли одного варвара, и седок вонзил ему в спину топор. Второго сбил с ног ударом приклада. Еще двоих сбил с ног. Старался, видимо, экономить патроны. Однако следом ехал еще один снегоход, и его седок добивал сбитых с ног «шкурников» обоюдоострым топором с длинной рукояткой.

Бойня в лесу и на его окраинах продолжалась минут пятнадцать. Потом вдруг все резко стихло. В том числе и шум моторов. Однако, судя по тому, как внезапно смолкли снегоходы, они не уехали. Он были заглушены. И люди на них были рядом. Наблюдали.

— Хэй! Гайс! — крикнул Варяг. — Ху ар ю?!

— Тьфу, блин, — проворчал Сквернослов. — А еще меня матюгальником называет.

Ответа из леса не последовало.

— Хэй! — снова закричал Яхонтов, затем поморщился от боли в голове. — Аре ю листсен ту ми? Ви аре френдс! Ви гоинг фром пис!

— Угу. Коронная фраза, — усмехнулся Вячеслав.

— Славик, может, заткнешься, а?

— Да они по твоему рязанскому акценту уже вкурили, что на их землю Иваны пришли, — проворчал в ответ Сквернослов.

Ответа из леса так и не последовало.

— Ладно, парни, — вздохнул Варяг, потирая затылок. — Чую, валить надо отсюда. И поскорее.

В лесу снова загудели моторы, и звук снегоходов стал удаляться.

— Хорошо хоть они на нас нападать не стали, — вздохнул Николай.

— А может, удобного случая ждут? Сейчас-то мы во всеоружии и готовности, — пожал плечами Сквернослов.

— Может, и так, — проворчал Варяг.

— А как они без фар по лесу катаются? — поинтересовался Вячеслав.

— Да у них, похоже, ПНВ.

— Что, у всех?

— Наверное. Ладно. Едем дальше.

Николай вдруг вспомнил о плюшевом мишке, нашел его среди первых двух убитых, подобрал, отряхнул и полез в луноход, думая при этом о том, что надо будет этому мишке непременно сказать спасибо за то, что выручил в такой момент. Но сказать это надо будет тогда, когда никто не услышит и не увидит.

* * *

Рассвет встретил вьюгой. Они пересекали новую горную гряду при почти нулевой видимости. Двигаться в таких условиях было рискованно, но на предложение Вячеслава переждать бурю, стоя на месте, Варяг ответил отказом. Надо было торопиться. И в первую очередь ради самого Вячеслава. Рана в его бедре все еще продолжала вызывать тревогу у Яхонтова...

И рано или поздно это должно было произойти. Снег под левой гусеницей вдруг провалился куда-то, и машина, проскользив пару метров, завалилась в небольшую расщелину. Это

произошло настолько неожиданно, что все поняли, что же на самом деле произошло, только когда машина уже лежала на боку и все осыпалось внутри на левый борт.

Сквернослов стонал, сильно ударившись больной ногой. Варяг в передней кабине взорвался громогласной бранью. Николай морщился и потирал ушибленные лоб и плечо.

Расщелина оказалась небольшой, но, как назло, достаточной по размеру, чтобы луноход полностью лег в нее. Они выбрались на улицу и смотрели на машину, проделавшую такой фантастический путь и теперь угодившую в коварную ловушку. Вьюга раскачивала тела и трепала одежду. Но больше всего холодила мысль о том, что машину они потеряли и дальше придется двигаться пешком.

— Как же нам ее вытащить? А, Варяг? — спросил Сквернослов. — Может, лебедкой?

— Ее тут зацепить не за что, — проворчал Яхонтов. — Черт. Это ж надо. Тут, похоже, карстовые карры под снегом. Или что-то вроде того.

— А я говорил, давай переждем.

— Мы можем ждать. А твоя нога — нет, Славик. Ладно. Что толку смотреть на него. Давайте собирайте оружие, боеприпасы, провиант и медикаменты. Оденьтесь теплее. Палатки захватите. Все пакуйте в большие мешки.

И они стали собирать все самое необходимое в дорогу. Пулемет Людоеда пришлось оставить. Патроны на него все равно были на исходе. И от такой ноши надо было отказаться. Также Варяг велел оставить бомбу в луноходе.

— Почему? — возмущенно произнес Николай.

— Во-первых, она тяжелая. Лишняя ноша. Во-вторых, нам сейчас в первую очередь надо добраться до этого Хоуп-Сити. Договориться о лечении Славика. Это будет непросто, учитывая, что мы русские. А уж представить, как они отреагируют на то, что к ним пришли русские с атомной бомбой, я вообще не берусь. Так что пусть пока тут лежит.

— А как мы ее потом найдем?

— Найдем. Я маячок глонассовский в машине включил. У меня ведь рация осталась, которую рейдеры дали. На сто километров ловит. Найдем. Маячок в луноходе еще лет десять работать будет от бета-гальванического элемента этого. Все, закрыли вопрос. Короче, так. Мешки с нашим барахлом я волоком тащу...

— Может, лучше на лыжи мешок поставить? Легче тащить будет, — предложил Вячеслав.

— Ни в коем случае, — мотнул головой Яхонтов. — Именно волоком. Я иду впереди. Коля следом. Ты, Коля, тащишь мешок поменьше и сани. В санях Славик будет сидеть. Заодно смотреть назад и прикрывать тыл с автоматом. Только не стреляй чуть что. Предупреди нас сначала. Привяжешься к саням. Если Коля вдруг провалится, тут же переворачивайся и вгрызайся в снег. Если я провалюсь, никто ко мне не бежит ни в коем случае, пока не позову.

Сказав все это, Варяг принялся вязать веревки из строп, которые взял с бомбардировщика. При этом он на буксирных веревках зачем-то делал через равные промежутки петли.

На подготовку к движению в пешем порядке у них ушло примерно полтора часа. Затем они наконец выступили.

Это не шло ни в какое сравнение с тем путешествием, которое они проделали в уютной теплой машине, предназначенной не то для Луны, не то для жизнедеятельности высшего руководства в условиях ядерной зимы. Теперь они ощутили в полной мере, что такое путешествие в этом заледенелом мире, где хозяйничали вьюга и мороз. Снег практически мгновенно покрывал стекла очков, и их то и дело приходилось протирать рукавицей. Теперь, после тысяч километров, намотанных на гусеницы лунохода, каждая сотня метров давалась с таким трудом, ценой таких физических усилий и такого количества сожженных калорий в организме, что казалось, им не хватит ни пищи, ни сил, для того чтобы продержаться в дороге на ногах хотя бы один день. Они прошли час. Прошли два. Вьюга не кончалась. И все трое думали сейчас с тоской о том, какое расстояние покрыл бы луноход за это время. Но луноход теперь лежал там, позади. Он и так сделал многое для них. Для всей земли и выживших людей. И не стоило бранить его за то, что он так вот оставил своих пассажиров наедине со стихией, заставив двигаться пешком. Теперь Васнецову думалось, что сделка удалась. Враждебный мир не дал погибнуть его друзьям. Но о луноходе ведь речи не было. И они лишились его. Теперь ближайшее будущее и вся их миссия виделись совсем неопределенными. А о вероятной гибели в таких условиях думать вообще не хотелось. Николай в очередной раз протер стекла очков и поднял голову, чтобы взглянуть на идущего впереди Варяга, за которым тянулись веревка из строп с петлями и при-

вязанный к ней большой мешок со всем необходимым. И сколько так идти? Куда идти?

И тут под ногами Варяга разверзлась бездна. Сугроб ушел из-под его снегоступов и рухнул вниз, увлекая за собой искателя. Веревка тут же натянулась, и петли врезались в снег, а привязанный на конце мешок уперся в сугроб и остановил падение.

Васнецов бросился было к краю пропасти, но обернувшийся Сквернослов вовремя спохватился и натянул веревку, которая соединяла его и Николая. Васнецов упал.

— Коля! Стой! Он же сказал ни в коем случае не приближаться!

— Но он погибнет!

— Или все мы! Погоди! Он скажет, что делать!

Варяг, руками упираясь в стену льда и снега, остановил раскачивания и огляделся. Внимательно рассмотрел стену, на которой висел. Убедившись, что сверху будет не опасно приблизиться к его мешку, он крикнул:

— Коля! Слышишь?!

— Да! Варяг, ты как там?!

— Нормально! Осторожно подползи к моему мешку и возьмись за него руками!

Васнецов пополз, с трудом увлекая за собой сани и вещи. Всего три метра. Вот и мешок. Он сбросил с ладоней рукавицы и впился в него мгновенно посиневшими от холода пальцами.

— Сделал!

— Хорошо! Если его потянет вниз и ты почувствуешь, что не можешь удержать, то отпускай!

— А как же ты?!

— За меня не беспокойся! Тут невысоко!

Яхонтов лгал. Под ним была ледяная расщелина глубиной в полсотни метров. Если при падении он каким-то чудом не разобьется, то потом погибнет медленной смертью в ледяной яме, из которой не выбраться никак. Варяг неторопливо снял рукавицы и убрал их за пазуху. Затем достал из кармана тулупа кусок стропы и стал делать большую петлю, привязывая ее к первой от него петле на буксировочной веревке. Сделав это, он стянул с ног снегоступы и закинул их наверх. Терять такую вещь не хотелось. Затем он просунул одну ногу в большую петлю и подтянулся, держась за веревку. Теперь второй ногой можно достать до петли на буксировочных стропах. И следующая петля. И следующая. Он наконец поднялся до края, с которого упал.

Тут будет труднее. Он дотянулся до своих снегоступов, лежащих на краю, и отбросил их дальше, в сторону Николая. Затем он стал подтягиваться на врезавшейся в снег веревке и скользить подошвами по ледяной стенке. С большим трудом, но он вскарабкался на край и принялся перекатываться в сторону мешка. Затем остановился и, распластавшись на снегу, стал смотреть вверх, удовлетворенно улыбаясь.

— Ну, Славик, а ты говорил, зачем нам стропы. Если б не моя предусмотрительность... Эх... Учись, салага, пока я жив... Слышь? Славик! Эй! — Яхонтов приподнялся.

— Варяг, ты говорил не стрелять почем зря. Вот я и не стреляю, — мрачно проговорил Сквернослов.

В снежных вихрях, возмущаемых непрекращающейся метелью, стояли темные фигуры вооруженных людей. Всего десять человек. Они были не в шкурах, а в добротных арктических комбинезонах. У них были не копья и луки, а автоматы и винтовки. И они целились в трех чужеземцев, едва не сгинувших в ледяной пропасти.

— И что делать теперь? — вздохнул Сквернослов, через плечо глядя на Варяга.

— To rise! Rise up! — заорали они все разом и наперебой противоречивые команды. — Not to move! Don't move! Stand up! To lay down arms! I told not to move and lay down arms, fucking bastards! Drop your weapon! Drop your weapon now! Hands up! Drop your fucking weapon now! Don't fucking move, understood?!

— Эй! Гайс! Донт шут! Ви а френдс! Ви гоинг фром пис! — закричал Варяг, поднимая руки.

— Миру мир, пису пис, — проворчал Сквернослов.

— Shut up! Don't fucking move!

— Варяг, чего они кричат? — раздраженно спросил Вячеслав.

— Ну, типа, здрасьте вам, очень рады видеть и добро пожаловать... Блин, Славик, ну неужели непонятно, что они кричат?!

— I said, shut are fuck up, bastards!!! — заорал один из них, сделав шаг вперед и угрожающе тряся автоматом М-4.

— Варяг, у меня две гранаты за пазухой, — прошептал Николай.

— Не смей, Коля. Они наша последняя надежда, — тихо ответил Яхонтов, затем громче обратился к американцам: — Ви ар френдс. Ви нид хелп. Ви серчинг фром Хоуп-Сити! Ви нид медик!

— Hope City? — Вышедший вперед усмехнулся. Это не было видно на скрытом под маской лице, но было слышно по интонации. — What a wonderful world, — добавил он слова из песни Луи Армстронга. — You're looking for Hope City? You've found it. — Сказав это, он сделал еще два шага и ударил Варяга по лицу прикладом. — Welcome.

Варяг схватился руками за скулу.

— И эти ублюдки — наша последняя надежда? — поморщился Сквернослов, глядя на Варяга.

— Да, — проворчал Яхонтов. — Эти люди — наша последняя надежда.

24
DIALOGUE

Когда Сквернослов сказал: «Чувствую себя как на родине», он, конечно, имел в виду повязку. Здесь, как и множество раз дома, в России, им тоже завязали глаза. Во всяком случае, это могло быть и хорошим знаком. Значит, их убивать не собираются. Во всяком случае, не сейчас.

Теперь повязки с них сняли. Разумеется, после того как затолкали в помещение, ограничивающее свободу. Так делали всегда и везде.

Это был мрачный, сырой и холодный подвал. Там тянулись клетки по всей длине прохода, в концах которого горели над дверями две лампы. Одна с одного конца, вторая с другого. Всего здесь было десять клеток-камер, и все пустовали, кроме той, в которую заперли трех чужеземцев. Еще одна клетка была занавешена темной плотной и грязной материей. В подвале было очень сыро. Воняло каким-то животным и испражнениями. Возможно, этот запах был обусловлен наличием в каждой клетке унитаза.

Пятеро вооруженных автоматами в добротной теплой одежде вышли из тесной для такого количества людей камеры и закрыли решетку. Все бородатые, на манер искателей Надеждинска. В частности, Варяга. Все, кроме одного, вышли по коридору через правую дверь. Тот, что задержался, чуть отодвинул материю, которая висела на клетке напротив. Затем кашлянул и тоже направился к выходу.

— Хэй! — крикнул ему вдогонку Яхонтов. — Вы нид э толк ту а йоур чиф!

— Fuck off, — угрюмо ответил американец, не оборачиваясь, и ушел.

— Ну, Варяг, и что нам теперь делать? — проворчал Сквернослов.

— Я думаю. — Яхонтов потер скулу. — Уроды, блин. Врезали туда же, куда и амазонки. Хотя не так сильно...

— Что тут думать, влипли мы. Вон клетки какие добротные. Нехилый каземат они отгрохали. С унитазами даже. Цивилизованные, мать их, люди.

— Угомонись, Славик. Это, похоже, подвал местного полицейского участка.

— И что? Нам от этого легче стать должно? — усмехнулся Славик.

— Легче не легче, но явно, что мы в каком-то городе, если это подвал полицейского управления.

— А где мы, как думаешь? — спросил Николай.

— Ну... Везли нас на снегоходах... Так?

— Судя по звуку, именно так. — Васнецов кивнул.

— Нас везли в ту сторону, куда направлялись и мы, а если я правильно определил направление ветра и он не менялся всю дорогу, это именно то направление... Значит, мы где-то в районе Лейк-Луиз. Озеро — то самое. Везли нас примерно час. И по моим прикидкам до него был день пути пешком. А на снегоходах час-полтора. Значит, мы в том самом Хоуп-Сити.

— И что нам, радоваться теперь? — взмахнул Вячеслав руками. — Все отобрали. В клетки посадили. На хер послали. Вот здорово-то как! Последняя надежда, ядрить ее в качель!

— Да уймись ты! Нас не просто так они живьем взяли. Наверняка их главный с нами потолкует. Попробуем договориться.

— И что ты им предложишь? Чего ради они вообще нас слушать будут?

— Они ведь сами предлагали по радио объединяться всем выжившим.

— Да может, это не они! С чего ты взял? — продолжал негодовать Славик.

— Нашивку у этого последнего видел на комбинезоне? — спросил Варяг.

— Нет. Что за нашивка?

— Полицейская. Или рейнджерская, не помню, как это у них называется. Хоуп-Сити полис депт.

— Слушай, Варяг, тебе не кажется, что это те самые люди, что ночью в лесу «шкурников» громили? — тихо произнес Николай.

— Кажется. Они следили, наверное, за нами. Все это время.

— Значит, они и про луноход знают. А там бомба. — Васнецов покачал головой.

— Да я вот уже думал об этом, — вздохнул Варяг. — Когда мы ушли от лунохода, его почти замело вместе с ямой, в которую он попал. Если они сразу его не нашли, то теперь и не найдут.

— Но твой передатчик у них.

— Да. Но он глонассовский. Это русский стандарт. Они в нем не смыслят. У них другая система. Если, конечно, среди них нет специалиста... Но это должен быть какой-нибудь технарь-церэушник или инженер из военной разведки. Да как бы ни было, нам с ними договариваться надо. Славку надо лечить...

Из левой двери показался человек. Николай с изумлением взглянул на него. Кожа человека была темно-коричневой, что было для него диковинным откровением. Он, конечно, знал, что бывают люди и с другим цветом кожи, но видел такого сейчас впервые. Похоже, Славика он тоже заинтересовал. Ведь за свою жизнь, и особенно за долгий путь от Надеждинска до Аляски, они видели всякое, но не таких людей.

Чернокожий был одет в шубу из белого меха с высоким воротником. В руках он держал мешочек с какими-то крошками и аппетитно их поедал, с интересом взирая на пленников. Затем повернул голову в сторону двери, из которой появился, и крикнул:

— Hey! C. J.! Check dis out bro, da real Russian bear!

— Wait, — послышался в ответ голос, приглушенный расстоянием и стенами. — Hold on.

— Глянь, Коля, — усмехнулся Сквернослов, кивая на чернокожего. — Настоящий живой негр.

Человек перестал жевать. Медленно повернул голову и, уставившись на Славика, нахмурился.

— What? — выдавил он.

— Что — вот? — кивнул ему Вячеслав.

— What? — повторил чернокожий, взвизгнув. — What your said, mother fucker?! You called me nigger, bastard?! White asshole!

— Черт! Славик! Ты идиот! Нельзя при них произносить слово «негр»! — воскликнул Варяг и тут же осекся, уставившись на чернокожего.

— What?! — завизжал тот. — Alright, mother fuckers! — Он смял пакетик с крошками и швырнул его на пол. Затем выхватил из кармана пистолет. — You a smelly skunk!!! I'm gonna kick your ass!!! I'm gonna kill you now!!!

Он стал выплясывать перед клеткой и орать угрозы, размахивая пистолетом. Из-под материи, висевшей на клетке, что напротив, показалась грязная костлявая рука и, схватив брошенный пакетик, снова скрылась за шторой. А чернокожий продолжал неистовствовать. Он явно не собирался применять оружие, видимо, за это ему от кого-то будет очень плохо. Но нагнать страху на пленников пытался изо всех сил. В коридор влетел еще один чернокожий и стал что-то кричать первому. Первый закричал на него в ответ, и они теперь вдвоем стали вопить на пленников. Тогда из другой двери показался один из тех рослых бородатых мужиков, что привели их в подвал.

— What the fuck is going on here? — заорал он на чернокожих. — Tomas! C. J.! What the fuck?!

— These fucking Russians bastards called me nigger! You can believe it?! — ответил первый.

— They foreigners! They don't have brothers and they don't know what nigga means! — кричал на них бородач, обильно жестикулируя. — Be cleaned from here! Out!

— Fuck you men! — завопил на него второй.

— Last time I warn!

— I said fuck you! White asshole! Am gonna fuck you! And fuck your momma, and fuck your sister!

— Fuck yourself, stupid idiot!!! — Бородатый сорвал с плеча автомат и щелкнул затвором.

— Enough!!! — раздался в конце коридора чей-то бас.

Трое споривших людей тут же притихли. К ним неторопливо вышагивал пожилой чернокожий человек в теплой егерской униформе. Волосы его были седыми и непривычно смотрелись на темной голове. Его большие глаза буквально источали ум и авторитет. Он остановился в двух шагах от споривших троицы, и его брови поднялись, собрав лоб в гармошку. Он вопросительно смотрел на своих соплеменников.

— Mister Rayman, ser, — пробормотал первый чернокожий, которого, судя по всему, звали Томас. — Whis people...

— I said enough, — строго сказал Рэймен, перебив Томаса. — Go out. Now.

И все трое торопливо стали уходить. Чернокожие бросили на пленников злобные взгляды, но охранник с автоматом толкнул их ладонями в спины, заставив уходить быстрее, и вышел вслед за ними.

Пожилой Рэймен вздохнул и внимательно посмотрел на пленников. Покачал головой, о чем-то задумавшись, и вдруг улыбнулся.

— Stravstvoite... — выдавил он. — Mi ne delay wam vreda...

Варяг удивленно уставился на этого человека. Похоже, тот попытался произнести что-то по-русски.

— Ну здравствуйте, — улыбнулся в ответ Яхонтов. — Вы говорите по-русски? Ю спик рашшен?

— No. — Тот развел руками. — A little. Pair of words has learnt on a phrase book.

— Ай андэстэнд, — кивнул Варяг и указал рукой на Славика. — Ви нид э медик. Нид хэлп.

— O. K. — Рэймен кивнул. — I will think that it is possible to make. And now I ask me to forgive.

Сказав последнюю фразу, он снова кивнул, опять улыбнулся и ушел.

— Вроде не все так плохо, — пробормотал Варяг, взглянув на своих товарищей. — Этот, похоже, важная шишка здесь. И помощь обещал. Так что волноваться нечего.

— Волноваться, говоришь, нечего? — усмехнулся Вячеслав. — А чего мы тогда в клетке? Чего те два гуталина пистолетом размахивали и орали?

— А орали они по твоей милости, Славик. Запомни раз и навсегда, нельзя при чернокожих произносить слово «негр». Понял? Это для них страшное оскорбление.

— А как их называть? Откуда я знал?!

— Славик! Ты меня понял?!

— Да понял я, понял.

— Hey Russians! — В коридоре снова показался бородач, который выпроваживал беснующихся Томаса и Си Джея. — Of what you thought? Why them so called?

Он остановился у клетки и, разведя руками с растопыренными ладонями, вопросительно посмотрел на Варяга.

— Что он хочет? — спросил Николай.

— В рыло, — буркнул Сквернослов.

— Славик, заткнись, — рыкнул на него Яхонтов. — Он все о том же. Дескать, зачем двух достойных людей нехорошо обозвали. Ну не хотели мы. Так получилось, — сказал он американцу. — Ай эм сори. Форс-мажор... или как это по-вашему сказать...

— А-а-а, — протянул досадливо американец и, раздраженно махнув рукой, удалился как раз в тот момент, когда за его спиной возник еще один человек.

— Блин, не тюрьма, а проходной двор какой-то, — проворчал Сквернослов, глядя на него.

Новый человек тоже был далеко не молодым. Лет шестьдесят. Его жилистое лицо будто выточили из камня, при этом грубовато исполнив широкий разрез рта с тонкими губами. На голове большая залысина, обрамленная коротко стриженными седыми волосами. Больше всего поражали глаза этого человека. Постоянно навыкате. Взгляд жутковатый, словно этот человек однажды заглянул по ту сторону чего-то ужасного и это врезалось в его разум на всю жизнь, и блеклые тени увиденного преследовали его постоянно. Николай с интересом смотрел на этого человека. Что он мог увидеть когда-то? Неужели он мог увидеть больше, чем он, Николай, видел в Надеждинске, в московском метро или гадовнике, в кантине олигарха или Котельниче? Мог ли этот человек видеть то же, что видел Николай там, где должен был быть Киров? Нет. Никто не повидал столько, сколько он повидал в Уральских горах и Ганиной Яме, на станции метро «Площадь 1905 года» в Екатеринбурге и в логове Легиона Гау... Тогда отчего у него такие глаза? Может, так кажется из-за того, что у него практически не было бровей, а кожа на их месте все время нахмуренно стянута?

Васнецов заметил, что Варяг внимательно смотрит на одежду этого странного человека. На незнакомце было что-то вроде видавшего виды пилотского комбинезона с еще оставшимися какими-то нашивками на рукавах и прямоугольной нашивкой на груди с надписью «J. Tibbets».

Яхонтов медленно поднялся и, подойдя к клетке, тихо спросил:

— Ю а пайлот?

Незнакомец поднял одну бровь.

— Yes, — коротко ответил он.

— Ага. Понятно. Коллега, значит, — пробубнил сам себе Яхонтов. — Эир форсе? — задал следующий вопрос Варяг.

— Yes, — монотонно повторил человек.

Варяг пристально посмотрел на нашивки и вдруг вздохнул тяжело. Что-то нехорошее он увидел в этих нашивках. Незнакомец опустил голову и, проследив за взглядом Яхонтова, посмотрел на свой рукав. Затем поджал губы и закивал головой.

— B — Fifty two. Nuclear bomber, — хрипло сказал он.

— Что? — прищурился Вячеслав. — Что-что он сказал?

— Он летчик. Пилот стратегического ядерного бомбардировщика Б — пятьдесят два, — мрачно произнес Варяг.

Больше вопросов можно было не задавать. Теперь стало предельно ясно, отчего у этого человека такой взгляд. Он кидал бомбы, пускал ракеты... Все оружие, которое он применял тогда, было ядерное. И сколько городов мог выжечь один такой бомбардировщик? Из курса военной подготовки на занятиях в родном Надеждинске Васнецов помнил, что Б-52 самый большой стратегический бомбардировщик. Ему не уступал только легендарный Ту-160, но их были единицы, а американских монстров — сотни. Да. Это был самый грозный самолет в эпоху всеобщего самоубийства цивилизации. Значит, он даже больше того «Медведя», которого они нашли в самом начале своего путешествия по Аляске. Значит, и ядерной смерти он брал на борт больше. И применил все. И теперь этот человек, всю жизнь, наверное, думающий о миллионах тех, кого убил, пришел поглазеть на тех, кто, несмотря на его усердный труд, все-таки выжил. Любопытно, конечно... Вот они какие... русские, которые спаслись от его бомб...

Николай вспомнил Людоеда. И впервые почувствовал облегчение оттого, что его тут не было. Какие муки мог испытать Илья здесь, среди тех, кто выжил после обрушившихся на них ракет, среди которых были и те, что он запустил! Каким бы злым и бессердечным циником ни казался Крест, для него это было бы очень и очень непросто.

Вячеслав медленно поднялся с деревянных нар, поморщился, ступив на больную ногу, подошел к решетке и улыбнулся.

Незнакомец понял эту улыбку и сделал шаг назад как раз тогда, когда Сквернослов резко выставил обе руки через решетку, попытавшись схватить этого человека.

— Тварь! — заорал Сквернослов, изо всех сил пытаясь дотянуться до летчика Тиббетса. Но тщетно. — Иди сюда, мразь!

Человек встал на безопасном расстоянии и продолжал смотреть без злобы или раскаяния. Просто смотрел своими, словно стеклянными, глазами без всяких эмоций.

— Славик, прекрати!

Варяг схватил Сквернослова и попытался оттащить от решетки, но в Вячеславе сейчас бушевала такая буря ярости, что Яхонтов просто ничего не смог сделать.

— Тварь! Падаль! Убью, сволочь! Палач! Мразь! — кричал Вячеслав.

— What now! — В коридоре снова появился бородач.

— Nothing. It is my fault. Forgive me, — пробормотал летчик и, махнув охраннику рукой, быстро удалился.

— As all it has bothered me. Madness, — проворчал охранник сам себе и снова исчез за дверью.

Славик обмяк и медленно опустился на пол, резко обессилев.

— Варяг, зачем мы здесь? — просипел он, плача. — Черт подери, найди мне хоть одну причину, почему мы должны находиться среди гадов этих. Я же их ненавижу. А этот. Он же палил мою страну. Он выжег мой мир... Только не говори, что мы здесь из-за меня и моей травмы. Не говори мне этого...

— Тогда мне нечего сказать, — вздохнул Яхонтов. Он помог раненому товарищу лечь на нары и сам сел в углу, откинувшись спиной на стену.

Наконец воцарилась тишина, и больше никто не тревожил их своим присутствием. За ширмой в клетке напротив кто-то тихо чавкал, поедая крошки из пакетика, брошенного Томасом. Где-то в дальнем углу изредка падали с потолка капли воды. Снаружи, за приоткрытой дверью коридора, были слышны мужские голоса. Видимо, группа людей сидела за столом и что-то живо обсуждала. С другого конца коридора слышался далекий удушливый кашель.

— Варяг, — тихо и лениво проговорил Николай.

— Чего? — так же лениво ответил задумчиво смотрящий в заплесневелый потолок Яхонтов.

— Тебе его голос знакомым не показался?

— Чей?

— Летчика этого...

— Не знаю. И где мы могли его слышать?

— По радио. Это... Радио Хоуп-Сити. Мне кажется, что это он там говорил. Значит, мы действительно в Хоуп-Сити. А от-

сюда до ХАРПа сто километров. Даже меньше. Все, Варяг. Мы дошли. Осталось поднести бомбу. — Васнецов прикрыл глаза. — Только как теперь это сделать?

— Вот сейчас подойдет к клетке Людоед, бряцая пулеметом, — тихо, почти плача, проговорил Сквернослов. — И скажет: мужики, какого вы хера валяетесь на нарах? Осталось-то с гулькин хрен. Пошли, скажет, разнесем все к чертям и заживем спокойно... Наконец-то... Дошли... Представляете, что чувствовали Юра и Андрей, когда через пятнадцать лет оказались дома? А дома нет. Пусто. А потом собственная дочь родного отца... раз — и в голову. А потом я какого-то хрена полез на эту дуру... А потом ее Илья застрелил... А потом зверюга какая-то Юру порвала... А потом и Людоед сгинул... Какого хрена, мужики! Все из-за этого пидора на своем бомбардировщике! Из-за него и тех, кто все это развязал! Какого хрена мы здесь делаем! Какого! Что космонавты чувствовали, когда дошли?!

— Славик, успокойся, — нахмурился Николай.

— А знаешь, что я сейчас чувствую, понимая, что дошел?! — продолжал Сквернослов. — Я чувствую, что у меня нога адски болит! Что я жрать хочу! И что я мочой воняю! Это нормально?! Так должны жить люди?!

— Да что с тобой такое, Славик? Ну, успокойся ты...

— Знаете, я всю жизнь думал, что жить можно. Даже в таких условиях, — не прекращал говорить Вячеслав. — Ну, подумаешь, ядерная зима. Мы ведь живы. А значит, и жить можно. Главное, чтоб цель была в этой жизни. И тогда она будет прекрасна даже в вонючем затхлом подвале. И цель была. Работа по хозяйству. Жрать что добыть. Сходить на ферму и с девчонками какими-нибудь замутить. В картишки поиграть с Эмилем на щелбаны. Жизнь прекрасна, когда есть смысл и цель. Но все эти цели такая херня, я вам скажу... Вон, космонавты... Отчего они погибли? Да потому что цели своей достигли. Сделали то, к чему стремились. А там разочарование. И все. И жизнь всякий смысл потеряла. Это... это как с девкой. Увидел смазливую деваху. Понравилась. Стал обхаживать. Добиваться. Строить из себя самого достойного для нее. Бегаешь за ней. Ухаживаешь. Впечатление производишь. А цель-то одна. В койку. Ну, завалил. Ну, отшлепал. И все. И скучной вдруг она стала. Неинтересной. И не самой красивой. И ходишь весь в расстроенных чувствах... Разочарование... И засматриваешься на другую, чтоб тоска не съела... Но это хорошо, когда есть другие. А жизнь-то

одна. Другой жизни не будет. И что теперь? Ну, дошли мы. Ну, договоримся с этими местными аборигенами. Взорвем ХАРП. А что дальше? Все? Сгинем, как космонавты, от разочарования жизнью? Ведь с уничтожением ХАРПа рая не настанет. И люди рвать друг друга не перестанут. Мы ничего не изменим. Может, только хуже сделаем...

— Это еще почему? — вздохнул Николай.

— Да потому что мы людей спасем. Помешаем приведению вынесенного им приговора в исполнение. И мы героями для них не будем. И спасителями они нас не примут. Люди обычно распинают спасителей своих, понимаешь ты это? И нас распнут. Бить будут. Стволами тыкать. Мы своей миссией, может, сейчас идем наперекор предначертанному. Наилучшему из вариантов.

— Не людей мы спасаем, Славка. Саму жизнь на планете, — вздохнул Варяг.

— А что дала этой планете жизнь? Грязь, шахты, скважины, ядерные взрывы, копоть фабричных труб, мусор. Вон Луна. Нет там никакой жизни, и Луна крутилась себе безмятежно в космосе, и ничего ей не угрожало, пока человек земное тяготение не преодолел. И тут же началось. Испытания надо проводить. Базы строить. А может, и воевать за Луну на самой Луне. Жизнь — это вирус, поражающий Вселенную.

— У нас будет цель и после ХАРПа, — проворчал Варяг. — Домой вернуться. В Надеждинск.

— Если будет кому возвращаться. И если будет куда, — зло оскалился Вячеслав. — Ты хоть понимаешь, сколько кругом снега и льда навалено? А если все это начнет таять? Куда возвращаться? Некуда будет возвращаться. Весь мир превратится в эти... мангровые болота, мать их...

— Странно все это от тебя слышать, Славик, — покачал головой Васнецов. — Обычно все это упаднические эмоциональное дерьмо исходит от меня. — Он горько усмехнулся. — А тут ты... Все время жизнерадостный... Неунывающий... И вот тебе раз...

— Просто он ранен, — сказал Яхонтов. — Рана воспалена. Его организм испытывает стресс. Отсюда и депрессивный настрой.

— Да иди ты, Варяг. Я все, что сказал, сказал разумом своим, а не болящей ногой. Надоело все это. Просто надоело. Хотя нога, конечно, ноет.

Славик обернулся на тихие шаги. К камере медленно подошел человек с раскладным стулом в руках. Он был пожилой. Невысокий. Худой и сгорбившийся. Из вытянутого лица с впалыми щеками торчал большой крючковатый нос между близко посаженных крохотных глаз за толстыми стеклами круглых очков.

— Да-да, чувак. Нога у меня болит, — сказал ему Сквернослов и натянул на лицо фальшивую доброжелательную улыбку. — Ай нид э медик. Слышь, ты, щербатый педик. Дерьма ты кусок. Чмо треклятое.

Вячеслав говорил это, продолжая приветливо улыбаться. Незнакомец стоял у клетки и слушал внимательно, видимо пытаясь понять, что ему говорит пленник.

— Ты высерок, — продолжал Сквернослов. — Ушлепок, дурной шмары отродье. И все вы говнюки и пендосы. Уроды вы все недобитые. Чтоб вы все подохли самым постыдным образом, мрази и твари. А мы пришли с писом. И этим писом вас всех попишем, урюк ты убогий.

Незнакомец смотрел на него, подняв брови. Затем поднес кулак к своему лицу и тихо кашлянул в него.

— Э-э-э... — пробормотал он. — Я Боб Лазар. Я ваш переводчик, — сказал незнакомец по-русски и почти без акцента. — Медики скоро придут. Мистер Рэймен распорядился.

Сквернослов замолк и резко сел на нары.

— Опа... — выдохнул он сконфуженно. — А что же сразу не сказали, что по-русски понимаете. Неловко как-то вышло. Вы это... Я тут борщанул малость... У меня рана воспалена. Организм в стрессе. Вот и гоню что ни попадя...

Лазар как-то застенчиво повесил голову и улыбнулся.

— Да ничего. Все о'кей. Я, может... просто соскучился по родной речи. Особенно по родной отборной брани... Так давно не слышал. Не думал, что когда-нибудь услышу. Мне сказали, что один из вас по-английски говорит. Но очень ужасно говорит. Не все понятно, что он говорит. И явно он не все понимает, что ему говорят.

— Так вы русский? — спросил Яхонтов.

— Да. То есть нет. — Боб сначала кивнул, а потом мотнул головой. — Ну, я эмигрант. Роберт Самуилович Лазарович. Задолго до войны эмигрировал. После развала Союза. С родителями эмигрировал. — Он поставил стул у клетки и уселся на него.

— Понятно, — кивнул Варяг.

— Я должен вот что сказать. — Лазар кашлянул в кулак и сгорбился, скрестив пальцы ладоней перед собой. — Я понимаю причину ваших... э-э-э... резких фраз в адрес наш. Вас как зовут?

— Слава.

Сквернослов был несколько сконфужен тем, что человек, которого он с таким умилительным выражением лица поливал последними словами, оказывается, все понимал.

— Слава. Вяче... Слав? — Он словно вспоминал это слово.

— Просто Слава, — поморщился Сквернослов.

— Понимаю. Вы озлоблены. Вы у нас в плену. Да и чего уж там... Мы же воевали друг с другом. Поэтому обоюдная ненависть и неприязнь, она, как бы это сказать... само собой... разумеется... И не просто воевали. Я должен сразу предупредить. Тут очень многие настроены крайне враждебно. Вплоть до требований казни. Вы же... это... — Лазар поправил очки и снова кашлянул в кулак. — Вы же нас разбомбили.

— Ага, а вы в это время сидели с доброй миной на лице и смотрели сериал «Друзья». Да? — скривился Варяг.

— Э-э-э... Что, простите? — Он в который раз поправил очки. — Но разве не вы начали?

— Мы?! — Вячеслав вскочил и тут же сел обратно на нары, скривившись от боли. — Да это ваших рук дело!

— Сейчас это существенно? — произнес Николай, скрестив руки на груди. — Каждый думает, что начал кто угодно, но не они. Это же безумие — применить ядерное оружие. А кто считает себя безумцем?

— Верно, конечно, — кашлянул Лазар. — Но я, если честно, не знаю, кто начал. Но у нас говорят, что это либо вы, либо китайцы. Или северокорейцы. Или Иран... Или...

— Да, да, — огрызнулся Славик, — все кругом дикие безумные варвары, а вы эти... гад блэсс амэрика.

— Ну будет вам, — вздохнул переводчик. — Я вовсе не о том... И вообще, если хотите знать мое мнение, то оно это к лучшему, что случилось...

Все, кто был в клетке, переглянулись. Этот человек, конечно, и так показался странноватым. Но после этих слов он казался вообще полным параноиком.

— Вы это о чем? — спросил наконец Варяг.

— О чем я? О'кей. Сами посудите. К чему наш мир катился? — Он стал говорить тише и даже оглянулся. — Война была двадцать лет назад. Так? И всему пришел конец. Так? Ну, почти всему. Так? А если бы войны не было? Возьмем за отправную точку то роковое лето. Через пять, максимум семь лет во всем мире повсеместно стали бы внедряться персональные электронные чипы. Они бы вживлялись всем. И были бы неизвлекаемые. Если ты взрослый, то обязан как законопослушный гражданин пройти процедуру имплантации. Но если ты не согласен с процедурой, значит... Значит, ты не законопослушный гражданин. Значит, тебе есть чего бояться. Значит, ты не чист перед законом. И более того... Может, ты террорист! А новорожденных детей даже не стали бы спрашивать. Вживили бы пожизненно. И ты на крючке. Раньше, бывало, зайдешь в Интернет, гуглу включишь и любое место на земле можешь увидеть со спутниковой фотографии. А тут еще веселее... Конечно, базы данных по чипам были бы засекречены. Свобода частной жизни и все такое, но разве нельзя было скачать базы данных банковских клиентов? Все можно достать. Было... Н-да... Было... И вот, поехала твоя жена на конференцию куда-нибудь в Квебек. А ты глянь по спутнику. А она на пляжах Майами. И что она там делает? Да она там с мускулистым мулатом... Гы-ы-ыг... — Лазар как-то нервно засмеялся. — Но это так. Бытовые, житейские дела. А вот представьте, что вы журналист. Или честный коп. И разнюхали что-то про какие-то махинации гигантов оружейных корпораций. Ну, к примеру. Или про пристрастие сенатора от вашего округа к несовершеннолетним мальчикам из Таиланда. Или про секретные тюрьмы ЦРУ... Конечно, вас в покое не оставят. Вы в бега ударились... А они по спутнику на ваш чип ракету навели... Где бы вы ни находились...

— Вы, простите, с чего это все взяли? — Яхонтов смотрел на него, как на полного безумца.

— Я... — Он оглянулся и кашлянул в кулак. — Я в Силиконовой долине работал...

— Силиконовая долина? Они там что, титьки бабам делали? — тихо пробормотал Сквернослов.

— Да нет, — засмеялся Варяг, — там высокие технологии и все такое. Так что, Роберт, с чего вы это все взяли?

— Я знаю об этих разработках не понаслышке. Вы знаете... В этих чипах все. Ваши биометрические данные. Вся ваша кре-

дитная история. Медицинская страховка... Все ваши штрафы за неправильную парковку. Социальный статус и происхождение. Сексуальные предпочтения и данные о том, сочувствуете вы арабам или нет... Сколько раз в день вы произносите слово «Аллах» и как вы относитесь к президенту и его политике... За кого вы, черт побери, голосовали... Потому что голосование должно было стать электронным повсеместно! Вы чипом должны были голосовать и расплачиваться! Этот чип — ваше все! И вы под полным контролем! Знаете, в Англии хотели провести эксперимент по вживлению этих чипов в отдельно взятом графстве. Задолго до войны еще. И все, конечно, воспротивились... И знаете... Произошло несчастье. Две маленькие девочки пропали. Все графство с ног сбилось, пытаясь их найти. И нашли потом. Два изуродованных каким-то маньяком тельца. И люди, которые вчера воспротивились эксперименту, сегодня побежали толпой вживлять чипы своим детям. Они бы сделали из людей толпу посредством страха... Главное — кинуть нужный фетиш! Изнасилованные и расчлененные крохи! Маленькая нищая страна, производящая оружие массового поражения... крупномасштабный теракт... да что угодно, лишь бы вы обгадились и умоляли власти ограничить ваши свободы ради безопасности!

— А как же... — Варяг поморщился, ища нужные слова. — Ну а если бы сделали эти планы достоянием общественности?

— Да, ну и что? Это же демократия. Говори что хочешь. Кто-то тебя послушает. Кто-то посмеется. Но ничего не изменится. Знаете, чем тирания от демократии отличается? Тирания боится правды и запрещает ее говорить. А при демократии на правду просто наплевать. И вот если бы не случилось ядерной войны, которая похоронила цивилизацию, за эти прошедшие два десятка лет мы получили бы глобальный мир всеобщей демократии, где все население земли, поголовно имплантированное чипами, стало бы пружинками и винтиками огромного механизма власти. Самой демократической и гуманной власти. Самой либеральной и единственно правильной власти. Только мы бы все стали батарейками высокотехнологичной суперкорпорации этой самой власти. Весь мир, покрытый паутиной, к нитям которой мы все прилеплены. А в центре сидит огромный паук... неоконы! Вы бы хотели жить в таком мире? К дьяволу такой мир! И вот поэтому если вы начали эту войну, то тогда спасибо вам!

— Роберт, да вы в своем уме?! — воскликнул Яхонтов.

— А какой был выбор? — Лазар уставился на Варяга и вдруг схватился руками за прутья клетки. — Господа, я не сумасшедший! Я... Ну мы бы превратились все в зомби. Посредством телевизора, мобильных телефонов, онлайновых игр и Интернета... Да какими люди стали на закате цивилизации? Вы разве не замечали? Вы видели, какие ролики люди выкладывали в Интернете, снятые своими телефонами? Ну, вот эти два парня молодые не помнят, но вы, уважаемый! Разве не видели, что все эти высокие технологии делают с людьми? Однажды я был в рабочей поездке в Нью-Йорке. Там пробки, знаете ли. Я решил проехать на Манхэттен в метро. На станции стою. Люди стоят. Всякие люди. Разных цветов кожи и возрастов. И какой-то бродяга упал на рельсы. Или столкнули его, чтоб не приставал, выпрашивая мелочь. И вы знаете, какая реакция была у людей? Они все подоставали свои телефоны и стали снимать на видео, что будет. Это ведь совсем не интересно, спуститься на пути и достать этого бедолагу, у которого нога в шпалах застряла. Куда интереснее смотреть, как он в ужасе пытается освободиться и как потом электричка размажет его по рельсам. А к вечеру этот ролик был на YouTube и собрал несколько тысяч просмотров за час... И какой-то канал круглую сумму заплатил за ролик с самым лучшим разрешением и ракурсом... Вот оно как...

— Вот оно как, значит. — Варяг вдруг улыбнулся. — А сколько мегапикселей было на камере вашего телефона?

— Что? Что, простите? — Он поправил очки и кашлянул в кулак.

— Я спрашиваю, сколько мегапикселей было на камере вашего телефона, Роберт. — Варяг улыбался, но очень зло.

— У меня... у меня был не телефон... у меня был... Pocket P. C. — Лазар отодвинулся от клетки, убрав руки с решетки.

— А-а-а. Дорогая игрушка для успешных людей. Там много мегапикселей на камере, да? Так почему вы его не спасли?

— Да, но... но ведь было много людей, кто стоял ближе к нему... И... и я с детства боюсь железнодорожных путей... У меня фобия... Мы же беженцы... Мы из Союза бежали, когда межнациональные войны начались. И как быть в таких условиях людям моей национальности? Нас же все время во всех бедах винят... Толпу народа... всех, кто к местному этносу не принадлежал, выгнали из дома, погнали по шпалам в Россию... У меня с детства боязнь железных дорог. Мы когда через гор-

ный тоннель проходили, поезд ехал... те, кто нас прогнал, наверное, его пустили... Я не мог его спасти... Я не мог, понимаете? И чего, из-за одного... Миллиарды ведь погибли...

— Но вы только что говорили, что это хорошо. Не так ли?

— Нет, но... нет худа без добра... Если бы всех людей зачиповали, то, чтобы потом обрести человечеству свободу, надо было устроить глобальную революцию и войну, которая бы отбросила людей в каменный век и сделала бы невозможными высокотехнологичные средства тотального контроля. И в итоге мы получили войну. Но *до* всеобщего закабаления... Как превентивную меру. И теперь если ты умен и силен, то свободен. А иначе было бы не так. Умный ты, сильный или нет... Чипы всех уравняли бы...

— В итоге всех уравняла атомная бомба, — покачал головой Яхонтов. — Роберт, вы сумасшедший.

Лазар слишком далеко отошел от клетки пленников, подавленный их непониманием, и чересчур близко оказался от клетки, занавешенной плотной материей. Ткань вдруг дернулась, и оттуда показалась рука, которая схватила переводчика за плечо. И раздался из клетки рык...

— Господи Иисусе! — заорал Роберт и бросился обратно к пленникам.

Материя упала, и все увидели, как за решеткой беснуется жуткого вида человеческое существо. Обросшее грязными, слипшимися волосами. Бледное и невообразимо худое. С крохотными зрачками на налитых кровью белках глаз. Горло опоясывал стальной ошейник, от которого отходила цепь к кольцу в стене. Одна нога ниже колена отсутствовала, и культя была перемотана старыми грязными бинтами с засохшей кровью. Николай поднялся со своих нар и с изумлением уставился на это существо. Это был морлок, подобный тем, с которыми он столкнулся в московском метро. Только он был грязный, но кожа не была перепачкана въевшейся в поры сажей. И глаза не были черны как смоль, а наоборот. И было ясно, что это один из тех дикарей, с кем они недавно дважды столкнулись.

— Что это? — воскликнул Варяг.

— Это... Это хуманимал... — боязливо пробормотал Лазар, прижимаясь к клетке пленников и глядя на то, как это существо рычит, скрипит гнилыми редкими зубами и тянет к нему костлявые руки. — Его пару месяцев назад поймали... Посадили на цепь... За ногу... Но ногу он отгрыз себе. Правда, часть

зубов при этом потерял. Тогда цепь надели на шею. Шею он себе перегрызть не может. Когда он видит нормальных людей, он бесится. Поэтому тряпку повесили...

Хуманимал продолжал дергаться и тянуть руки, словно не понимая, что ни цепь, ни клетка не дадут ему добраться до Лазара. Он свирепо вращал своими безумными звериными глазами, пока его взгляд не встретился с взглядом Николая, подошедшего к своей решетке. Зверочеловек тут же затих, и на его лице появилось что-то вроде страха. Он что-то забормотал.

«Боится, — пронеслась мысль в голове Николая. — Он меня боится!»

Стоявший на одной ноге хуманимал опустился на четвереньки и попятился в глубину своей клетки. Добрался до унитаза, зачерпнул оттуда рукой воду и попил из ладони, не сводя безумных глаз с Васнецова. За дверью коридора послышались громкие голоса и шаги.

— Послушайте. — Роберт снова схватился за прутья. — Послушайте, — шептал он, — я на вашей стороне. Вы единственные люди за столько лет, с кем я могу говорить по-русски. И еще... У нас тут две фракции... Моргана Рэймена, он приходил сюда. Бывший егерь... Рейнджер здешний... У него большой авторитет... Он тоже за вас... И с ним неплохая команда. Церэушник Хорнет и бывший пилот Джон Тиббетс. Но есть и другая фракция. Окружного судьи Эдварда Линча. У него тоже авторитет и сильная команда. Но они против вас. Верьте людям Рэймена... — И он замолчал.

В коридоре показались люди с носилками и несколько охранников. Как только охранники заметили, что материя упала с клетки хуманимала, поднялась бранная ругань. Они что-то кричали зверочеловеку и что-то спрашивали у Роберта, а тот сбивчиво отвечал. Охранники стали занавешивать клетку сорванной материей, и хуманимал вдруг завыл, почти как собака. Люди с носилками открыли клетку и стали грузить недоумевающего Вячеслава.

— Эй, куда вы его?! — крикнул Варяг.

— Не беспокойтесь, — сказал ему Лазар. — Это санитары. Они его в наш госпиталь отнесут. Помогут ему. Это распоряжение Рэймена.

Вячеслава стали выносить. Он, лежа на носилках, тоскливо посмотрел на своих товарищей, словно хотел спрыгнуть с носилок и вернуться в клетку.

— Славик, не волнуйся. Все хорошо будет, — махнул ему рукой Варяг.

Наконец все стали уходить. Санитары с раненым другом. Охранники, что-то между собой обсуждающие. Лазар, боязливо поглядывающий на занавес, из-за которого доносились завывания.

— Судья Линч, — пробормотал Яхонтов. — Одно это уже симптоматично как-то. Но то, что на нашей стороне чернокожий рейнджер, сотрудник ЦРУ и пилот ядерного бомбардировщика, который нас бомбил, вообще шокирует... И куда этот мир только катится?

25
DEMOCRACY

Николай открыл глаза и уставился в потолок. Все тот же темный, сырой, покрытый грибком и плесенью потолок тюрьмы в подвале местного полицейского управления. Бывшего, разумеется. На сей раз Николай спал чутко из-за холода в подвале и проснулся, видимо, по причине шумной возни заточенного за плотной материей на клетке хуманимала, который сейчас бряцал своей цепью, ограничивающей его и без того небольшую свободу в клетке.

— Уймись, — проворчал Васнецов в сторону висящей материи.

Хуманимал тут же притих, и стало слышно только его сопение. Спящий Варяг перевернулся на другой бок и захрапел.

— Черт, — вздохнул Николай. — Уж лучше бы цепь гремела, чем этот храп.

Он поднялся на ноги и прошелся по камере из угла в угол, разминая конечности и разгоняя по остывшему телу кровь.

«Что же мне снилось?» — думал Васнецов, прохаживаясь по камере. Он уже давно заметил, что все его сны что-то обозначали. Давали пищу для размышлений или недостающие штрихи к окружающей реальности. Сновидения были для него важны, и он больше не боялся их, как это было в самом начале их путешествия. Но последний сон он никак вспомнить не мог, видимо, из-за того, что прерван он был посторонними звуками проклятого хуманимала. И мешало сильное беспокойство за Славика, которого унесли на носилках и так и не вернули. Так что

же все-таки приснилось? Может, продолжение той эпопеи с согреванием при помощи туши оленя? Что вообще тот сон означал? Почему он был в воде и где согревался? И одежда в том сне, которую он сушил на разведенном в лесу костре, была явно не его... Правда, он толком не мог вспомнить, что это за одежда. Но точно он такую никогда не носил. Что означал тот сон и что приснилось сейчас? Чертов хуманимал... Помешал, зараза...

Николай прилег на нары и прикрыл глаза. Стал прислушиваться. Всплеск воды. Дикарь снова зачерпнул воду из унитаза и с жадностью выпил. Храп Варяга. Где-то монотонно капает с потолка. Разговоры вдалеке и щелчки. Видимо, кто-то в карты играл. Черт возьми, да эти американцы такие же люди, как и мы. Не сильно-то мы и отличаемся. Тоже завязывают глаза чужакам. Тоже живут в какой-то надежде. У них есть свои подобия морлоков. Они тоже играют в карты и стараются выжить. А собственно, кого мы тут ожидали увидеть? Они так же любят своих детей. Носят одежду. Едят. Пьют. Ругаются, обижаются, спорят. Они такие же люди. Просто говорят на другом, непонятном языке. Вот ведь в чем проблема. Люди говорили на разных языках и не понимали друг друга. Мы разные, но одни и те же. Другой цвет кожи? Пустяки... Прелесть мира в его разнообразии... Но все считали себя правыми, а других нет. И война... Война... Война...

Кто-то тихо постучал ключом по решетке. Васнецов открыл глаза и поднял голову.

— Privet, — улыбнулся стоящий у клетки пожилой мистер Рэймен. — Nado razgovarivat.

Акцент его был ужасен, но попытку говорить с пришельцами на их языке следовало расценивать как примирительный жест. Видимо, оттого он сейчас не воспользовался переводчиком. Он явно хочет расположить к себе незваных гостей. Рэймен открыл камеру ключом и жестом пригласил идти за ним.

— Варяг, — позвал Николай.

— Чего, — сонно пробормотал Яхонтов.

— Подъем, Варяг.

— А по шее не хочешь, салага?

— Вставай, говорю, пришли за нами.

Яхонтов поднялся и взглянул на чернокожего Рэймена.

— А, понятно, — буркнул Яхонтов, растирая шею. — Давно пора.

Они вышли из камеры, и оказалось, что у входа в этот подвал стоят два бородатых автоматчика в комбинезонах. Оружие они держали наготове.

Яхонтов вопросительно уставился на Рэймена.

— Doveray no proveray, — улыбнулся тот, разведя руками.

— Это да, — буркнул Варяг. — Это само собой.

И они наконец покинули тюремный блок, оставив заключенного хуманимала в одиночестве.

Выйдя из коридора, они оказались перед лестницей, ведущей к закрытой двери. Однако повели их не к ней, а под лестницу. Там была решетчатая дверь. За ней стол с рассыпанными на нем игральными картами, несколько деревянных ящиков вместо табуретов и кресло. Еще одна решетчатая дверь. Небольшой коридор и железная дверь. Она сильно заскрипела, когда ее стали открывать. И тут Николай даже раскрыл рот. За дверью была прорытая в земле траншея, накрытая сверху бревнами, бетонными блоками и железом. В точности как это было в родном Надеждинске. Пройдя по земляному коридору и несколько раз свернув за угол, они стали слышать звуки жизни. Позже появились и источники. Вдоль коридора были вырыты пещеры. На многих были двери. Иные были просто занавешены шкурами зверей. Это были жилища людей. Электричества в них не было. Освещался только коридор различными лампами. Из некоторых землянок доносились кашель, бормотания, плач, стоны и еще черт знает что. У многих жилищ вход был открыт, видимо, чтобы туда проникал свет из коридора. Николай украдкой бросал туда взгляды. Вот кто-то лежит на подстилке из соломы и тряпья. Непонятно, мужчина или женщина. Непонятен и возраст. Одет в лохмотья и просто лежит. Вот в другой землянке большая кастрюля, наполненная парящей горячей водой. Женщина купает в кастрюле младенца... С двумя головами?! Да. У ребенка вторая голова торчала между левым плечом и подбородком. Маленькая недоразвитая голова с закрытыми глазами и жутковатым шрамом на месте уха. Еще одна землянка. Пожилой человек и трое ребятишек сидят на дощатом полу и едят из одной миски руками куски какого-то мяса. В еще одном жилище в углу храпела женщина, а рядом сидел диковатого вида лохматый и невероятно худой подросток и отгрызал себе отросшие на босых ногах ногти. Собственные ногти он не сплевывал, а жевал и проглатывал. Н-да... Ассоциации с Надеждинском как-то улетучились сразу. Люди в этих зем-

лянках совсем не были похожи на тех, кто их пленил. Одеты во что попало, зачастую просто обмотаны тряпьем и шкурами. Немытые. Смердящие грязными телами. Убогие, горбатые, худые, сморщенные. Не обращающие практически никакого внимания на бредущих под конвоем по коридору чужаков.

— Варяг, что все это значит? — пробормотал Васнецов.

— Я так полагаю, что это низшие слои местного общества. Наименее успешные. Или беженцы, которым местные не горели желанием предоставить свои комфортные жилища, — спокойно ответил Яхонтов.

Бедный район, или, как его вполголоса окрестил Варяг, «район трущоб», закончился. Снова массивная дверь. Дальше опять коридор, вырытый в земле. Однако более ухоженный. Стены выложены кирпичом или камнем на глиняном растворе. Больше электрического освещения. Кое-где на стенах украшения из старых дорожных знаков, указателей и наружных рекламных щитов. Тут люди жили не в землянках, а в подвалах зданий, которые были соединены крытыми траншеями. Ассоциации с Надеждинском снова стали возвращаться. Люди тут попадались реже, потому что их жилища не примыкали к центральному ходу, а были обособлены. Но те жители, что встретились, были одеты более добротно, пусть в старые, но тем не менее опрятные одежды. И у этих людей хватало сил и времени бросать на пришельцев злобные взгляды. Видимо, весть о том, что в плен к местному ополчению попали русские, разнеслась среди жителей Хоуп-Сити и те наверняка были бы рады уничтожить незваных гостей, еще и, наверное, повинных в уничтожении этой сверхдержавы, но вооруженный конвой одним своим видом сбивал с одержимых местью людей пыл. Однако встречались люди, которые смотрели без злобы, но с любопытством. Правда, таких было меньше.

Они свернули за угол. Наткнулись на пост охраны. Коридор тут был шире. Дальше большая двухстворчатая дверь. За ней большое и хорошо освещенное помещение с низким потолком. Войдя в него, Николай наконец увидел то, что заставило его улыбнуться.

— Я тебе еще раз объясняю, морда твоя гуталиновая, вот карты. Я раскладываю их в три стопки. Ты выбери себе одну. А мне покажешь, в которой стопке она лежит. И так три раза. Я тебе еще раз говорю, белоснежный ты черт, одну и ту же кар-

ту ты выбираешь три раза. Понял? Лазар, да объясни ты ему нормально! Переведи!

Сквернослов сидел в кресле-каталке за большим столом. Нога у него была забинтована. Рядом сидели те два чернокожих, которые бесились перед их клеткой, сыпля угрозами. Сейчас они были спокойны и дружелюбны.

— Вы хотите, чтоб я и морду гуталиновую перевел? И черта белоснежного? — вздохнул сидящий в углу и листающий какую-то потрепанную книгу Роберт. — Эх, молодой человек. Если бы они понимали, что вы сейчас им наговорили... Я же объяснял вам полчаса назад, для них это больная тема.

— Это я уже вкурил, дядя Мойша, — ухмыльнулся Сквернослов. — Только мы тут при чем? Мы русские. На нас за такие слова можно не обижаться. Мы рабов себе в страну из Африки в трюмах не гоняли. У нас страна такая, что при любом режиме из своего народа рабов делали. Правильно я говорю, дядя Варяг? — Он взглянул на вошедших товарищей.

— Дурак ты, — коротко отозвался Яхонтов. — Как нога?

— Они что-то там поколдовали. Теперь не острая боль, а глухая пульсирующая.

— Значит, дело к поправке идет, — кивнул Варяг.

Тем временем Лазар объяснил Томасу, чего от него хочет Вячеслав.

В ответ тот быстро закивал головой.

— I understood. Motherfucker. — Томас улыбнулся, демонстрируя золотые фиксы.

Сквернослов принялся снова раскладывать свои карты в три стопки по семь карт в каждой. Чернокожий ткнул пальцем в правую стопку.

— There.

Славик сложил три стопки вместе, положив указанную в середину. Затем, не тасуя, снова разложил в три стопки. И снова указанную положил в середину. И третий раз. Снова сложив их вместе, после того как Томас в последний раз указал на стопку, где лежит заветная карта, Вячеслав стал разбрасывать их на столе рубашкой вверх. Когда он сбросил веером двадцать одну карту, то вытянул одну из них и показал американцу.

— Вот она. — Сквернослов победно улыбался.

— Motherfucker!!! — воскликнул Томас и, выхватив из руки карту, стал трясти ее перед лицом Си Джея, что-то торопливо и эмоционально говоря.

— Чего это он? — Вячеслав обратился к Лазару.

— Ну, он удивлен тем, что вы отгадали загаданную им карту. Не понимает, как вы это сделали.

— Старый фокус, — пробормотал Николай. — Она всегда будет одиннадцатой.

— Колян, ну вот на кой черт ты это говоришь, а? — разозлился Сквернослов.

Он выхватил из рук Томаса карту и наконец взглянул на изображенную на ней девицу.

— Н-да, смачная чикса, — покачал он головой, улыбаясь. — Я бы на твоем месте тоже ее выбрал.

Оба чернокожих разразились хохотом.

— Ага, вот это вы без перевода понимаете, уродцы похотливые, — усмехнулся Славик.

— Давно сидишь тут? — поинтересовался Николай.

— Так у меня часов нет. Но штук сорок фокусов показал. Ни черта не знают, балбесы.

Рэймен, задержавшийся на входе и общающийся с охраной, наконец вошел и предложил Варягу и Николаю присесть на стулья.

В помещение вошел Джон Тиббетс, уже знакомый им по своему не совсем удачному посещению тюремного блока. Увидев его, Вячеслав помрачнел и сжал кулаки, отчего зажатая в ладони карта с красоткой, избранной Томасом, помялась.

— Славик, спокойно, — предупредительно произнес Варяг.

— Все нормально, — проворчал Сквернослов.

Си Джей прищурился и ухмыльнулся, пристально глядя на реакцию Славика. Выглядел он уже не так дружелюбно, как полминуты назад.

Тиббетс снова смотрел на пришельцев каким-то потусторонним взглядом, садясь за стол.

— Чего ж ты глаза таращишь, чушкарь, — тихо прорычал Вячеслав.

— Славик! — рявкнул Яхонтов.

— Да молчу я. Молчу.

Появился еще один человек.

Выглядел он еще старше Тиббетса. Совершенно седой. Морщинистый. С большой и слегка вздернутой верхней губой. Однако с весьма живым, пытливым и несколько ироничным взглядом.

— Donald Hornet, — произнес он бодрым хриплым голосом. Затем улыбнулся и добавил: — С.I.A.

— Тот самый церэушник, значит, — кивнул Варяг и протянул ему руку. — Корнал Яхонтов.

— Кого ты корнал, Яхонтов? — пробубнил, взглянув на него, Сквернослов.

— Это полковник по-ихнему, балда, — ответил Варяг.

— А думаешь, стоит им говорить, что ты военный?

— С этими тремя, я думаю, надо играть в открытую. Тем более что жетон мой, что на связке ключей был, у них теперь. Да и еще кое-что...

— Ну-ну, — вздохнул Вячеслав и протянул Хорнету руку. — Я Славик. Приветствую тебя, проклятая клешня империализма.

— Spasibo. I am, nemnogo ponimay po-russki, — проговорил церэушник, продолжая хитро улыбаться.

— Ах ты черт. Везет же мне на вас, — дернул головой Вячеслав.

— Николай, — представился Васнецов, протянув руку Дональду.

— Nick? — Хорнет подмигнул Николаю, пожав его руку.

Тем временем Рэймен что-то тихо сказал двум чернокожим, которых Сквернослов развлекал карточными фокусами. Те поднялись и стали выходить.

— I like you, dude! — весело произнес Томас, хлопнув на прощание Славика по плечу.

— Господа, вы присаживайтесь, — заговорил Лазар. — Сейчас будет весьма обстоятельная беседа. А я буду, соответственно, переводить. Сейчас придут оппоненты наших друзей. Я попрошу вас быть сдержанными и осторожными. Господину Рэймену было непросто добиться принятия решения об оказании медицинской помощи вашему раненому другу. И сейчас на повестке будет вопрос о том, чтобы изменить ваш статус пленников на более благоприятный для вас.

— Понятно. — Варяг потер бороду, садясь на стул. Николай присел рядом.

Американцы сели с другой стороны стола. В помещение вошли еще трое. Невысокий, с одутловатым лицом и сверкающей в свете ламп лысиной человек в меховой безрукавке поверх плотного серого свитера. Следом худющий высокий, сгорбившийся человек с длинными черными волосами и в больших

очках. Выглядел он достаточно молодо. Казалось, что ему меньше сорока. Хотя наверняка это впечатление обманчиво. Просто этого человека молодила некоторая женоподобность внешности. Замыкала шествие рыжеволосая толстая женщина в годах, с каким-то злым выражением лица, враждебность которого подчеркивали сильно опущенные уголки маленького рта.

— Господа, прошу вашего внимания. — Лазар кашлянул в кулак и поправил очки. — Окружной судья Эдвард Линч, канадский журналист Филипп Даладье и Мадлен Раковски... э-э-э, бывшая спортсменка по фигурному катанию.

— Некислую фигуру она себе накатала, — тихо усмехнулся Сквернослов, явно удивленный тем, что в нынешние времена можно быть настолько толстой. — Со жратвой тут проблем, смотрю, нет.

— Славик, заткнись уже наконец, или я попрошу увести тебя отсюда, — процедил сквозь зубы Яхонтов.

— Сорвалось, — пробубнил недовольно Сквернослов.

Вновь вошедшие расселись вдоль дальнего края стола. Женщина бросила ненавидящий взгляд на русских.

Лазар придвинулся ближе и тихо проговорил:

— Господа, я постараюсь перевести вам все...

* * *

— И все же, Морган, стоит ли тратить наше время на этих людей? — недовольно проговорил лысый окружной судья, обращаясь к Рэймену.

— Вы куда-то торопитесь? Вам есть чем занять ваше время? — Чернокожий рейнджер улыбался.

— Оставьте ваш сарказм. Меньше всего мне хочется сидеть в обществе этих русских и выслушивать ваши доводы в пользу сохранения им жизни.

— Чертовы варвары, — фыркнула Мадлен.

— Надо признать, справедливости ради, что как варвары поступим мы, если огульно будем обвинять этих людей во всех наших бедах, — покачал головой Дональд Хорнет.

— А кого нам обвинять?! — взвизгнула Раковски. — Кого, черт вас подери?! Они напали на нас! Они разрушили наш мир! Посягнули на нашу свободу! На наш образ жизни!

Дональд надул щеки и демонстративно сделал громкий и долгий выдох.

— Не паясничайте! — Мадлен от этого рассвирепела еще больше. — Вы тоже виноваты! Вы прошляпили их приготовления! Вы недооценили их угрозу! Вы же офицер ЦРУ, будьте вы прокляты! Они еще за несколько лет до войны бомбили Джорджию, а вы палец о палец не ударили, чтобы противостоять этому дикому медведю!

— О господи, — вздохнул Рэймен и прикрыл лицо ладонью. — Миссис Раковски, — устало проговорил он, — я уже не один раз объяснял вам, что они бомбили не штат Джорджия, где жила ваша бабушка, а бывшую советскую провинцию, которая на нашем языке тоже называется Джорджия. И это не в нашей стране, а в тысячах миль отсюда, на границе с их страной.

— Но они бомбили ее! Как варвары! Зачем?!

— Черт возьми, я не знаю зачем! — рявкнул Морган. — Это было в другой жизни, в другую эпоху, в другом мире! Я не знаю, зачем они ее бомбили! Равно как не знаю, зачем мы бомбили Ирак или сербов! Не знаю!

— Но это разные вещи, — развел руками Линч. — И вы не смеете так говорить. — Судья пригрозил пальцем. — Вы, Морган, известный в свое время смутьян. Вы же армию бросили из-за своей неприязни к нашему, американскому обществу. А теперь ваши симпатии к этим большевикам наводят на мысль, что вы изменник.

— Эдвард, ты всегда был тупицей, — покачал головой Рэймен. — Я любил Америку больше, чем все вы, горе-патриоты, носящиеся с идеей особой мировой миссии нашей страны. Да, я любил и люблю свою страну. Даже несмотря на то, что мой дед подвергался побоям просто за цвет кожи и сгинул в какой-то канаве с петлей на шее. Даже после того, что моему отцу не давали учиться из-за того, что он чернокожий, но зато отправили во Вьетнам. И когда он отказался убивать вьетконговцев, заявив, что ему в них не за что стрелять, ведь они не называют его ниггером, то оказался за решеткой. Но я любил и люблю Америку за то, что нашлись люди, которые вышли на улицу и заставили власти смягчить приговор. За то, что нашлись в этой стране сила и воля изменить отношение общества к таким, как я. За то, что в конце концов президентом этой страны смог стать чернокожий. Просто за то, что я здесь родился. А для вас, Эдвард, и для таких, как вы, наша страна, ее потенциал и ее народ были лишь инструментом. Кулаком, которым вы би-

ли всех, кто был, по вашему мнению, в чем-то не прав. Кто был не похож на вас. Кто смел не прислушиваться к вашему, зачастую порочному и лживому, мнению. И понял это я давно. Когда был там. В городе Фалуджа. Нам говорили, что они делают оружие массового поражения. Но они там умирали от голода из-за наших многолетних санкций. Они там едва справлялись с производством хлеба, и у них не было элементарных лекарств, чтобы лечить своих больных. А нам говорили, что такое со своим народом сделал их диктатор. Нам говорили, что мы принесли им свободу, но я видел, что с нашим приходом там распоясались анархия и смерть. Нам говорили, что мы избавили их от тирана, но я видел, что мы убили не меньше, чем тот тиран, по которому многие из них тосковали. И после того, как я видел, что творят многие парни, носящие такую же форму, что и я, в этой чужой стране, я решил, что мне не место в армии Соединенных Штатов. Я не мог и не хотел быть частью ничем не мотивированных убийств мирных жителей, издевательств над пленными и незаконно арестованными и банальных изнасилований. Вы, Эдвард, были в Ираке? А я вот там был. Так что не учите меня жизни и не пытайтесь меня в чем-то уличить.

— Большая ошибка, что вы были избраны членом совета Хоуп-Сити, — брезгливо заметила Мадлен.

— Я был избран людьми этого города. Если вам что-то не нравится, то выступите перед народом. И скажите народу, что он не прав. — Морган ухмыльнулся.

— Да, Мадлен. — Дональд улыбнулся. — Он был избран. Да и он в этом городе давно был представителем власти и занимался природоохранной деятельностью. А вот вы, мэм, взялись тут невесть откуда и просто вовремя подставили задницу окружному судье.

— Как вы смеете! — Линч стукнул кулаком по столу.

Раковски позеленела от злости. Хорнет победно улыбнулся. Тихим басом засмеялся Тиббетс.

— Вы аморальные люди, — зашипела Мадлен. — А вы, Дональд! Вы! Вы!

— Я офицер ЦРУ. — Хорнет подмигнул ей.

— А может, КГБ?! — оскалился Линч. — Вы тоже неблагонадежный и нелояльный тип, который будет сейчас твердить о разочаровании своей страной и о непризнании нашей великой божественной миссии?!

— Божественной миссии? — Дональд усмехнулся. — У вас есть подписанная Богом директива, регламентирующая все аспекты этой самой особой миссии нашей страны? Когда у обезьяны нет других доводов, она начинает кидать какашки. А вы — кричать о божественной миссии.

— Вы богохульник!

— Я здравомыслящий человек. Если Бог и есть, ну или был, до того как мы его сожгли всем земным ядерным потенциалом, то он хватается за голову каждый раз, когда вы и вам подобные кричат о том, что делаете то, что угодно Богу. Те, кто сжег Джордано Бруно и Жанну д'Арк, тоже говорили, что делают то, что угодно Богу. Я вырос в страхе перед красной угрозой. Мне с пеленок внушили, что со дня на день красные атакуют ядерными бомбами и начнут свое вторжение в мою страну героев и родину свободы. И тогда я начал свой путь в Лэнгли и стал сотрудником сверхмогущественной секретной службы. И я знал, что пришел туда, чтобы бороться с красной угрозой и противостоять коммунизму. И в России пал коммунизм. Мы сделали все, чтобы они там сами сбросили свой строй и развалили свой советский блок. И что я увидел потом? Ничего не изменилось. Мы продолжали свою подрывную работу с утроенной силой. Оказывается, дело было не в коммунистах. Дело в самой России и русских. Оказывается, это мы первыми стали угрожать им атомной бомбой. Оказывается, мы должны бороться не с диктаторскими режимами, а делать все для вымирания и деградации не покорных нам народов. А мой дед с этими ребятами братался когда-то на Эльбе, когда они вместе покончили с нацистами. Да дело не в одной только России. Мы занимались саботажем и политическими убийствами. Переворотами и поддержкой террористов. Ради демократии и нашей свободы? Мы же поддерживали и порой приводили к власти настоящих диктаторов и тиранов взамен тех, кого избирали по закону там, в их странах. Но если тиран и диктатор, преступник и террорист лоялен нам и слушается наших резидентов, то он вовсе не плохой парень? Сукин сын — не сукин сын, если он наш сукин сын? Это то, что нужно было мне ради ощущения безопасности и свободы моей страны и моих соотечественников? Вовсе нет. Порой мы сами несли угрозу безопасности наших людей, но их безопасность меркла перед какой-то странной формулировкой о национальной безопасности. Так какой нации эта безопасность, если своих людей мы ставим под удар

и своими действиями сеем зерна ненависти к нашей стране среди народов мира? А потом мы все дружно удивлялись, отчего они там все ненавидят Америку! Просто они завидуют, что у нас есть демократия, а у них нет? Тогда надо принести им демократию. И полетели бомбардировщики. Верно, Джон?

Тиббетс молча кивнул.

— Можете сомневаться, но я не меньше Рэймена люблю свою страну, — продолжал Хорнет. — Но моя страна — это не интересы корпораций и властной элиты из закрытых клубов и обществ, объединенных капиталом и идеей накопления денег и власти. Моя страна — это ее просторы, ее люди, простые люди. Это возможность говорить о том, что мне нравится и что нет. Это, черт вас дери, Элвис, которого я могу слушать, и «додж», который я мог купить. Мне что, угрожал какой-то Иван, который у себя в Сибири ходил на работу и смотрел по вечерам соккер? А я вот всем этим Иванам угрожал, потому что делал работу, нужную не моему народу, а угодную элите неоконсерваторов. А простые люди каждый в своей стране и со своим укладом жизни угрожали друг другу? Бросьте вы. Все это политика. Политики угрожали своим народам и народам своих оппонентов. Политики и еще раз политики. Власть имущие по всему миру. Они решали все и за всех. И у нас в том числе. И они решили похоронить наш мир. И они его похоронили. И сейчас в наших руках, в руках тех, кто выжил и не расстался с рассудком и совестью, по-настоящему богоугодная миссия. Зафиксировать мир. Констатировать его. Протянуть друг другу руку для дружеского рукопожатия, как это было давным-давно на Эльбе, когда мы вместе боролись с Гитлером. Как это было на орбите, когда мы совершили совместный полет, соединив наш «Аполлон» с их «Союзом». Вот что действительно нужно Богу, так это то, чтобы люди в созданном им мире жили без вражды. Сообща.

— Откуда вам знать, что угодно Богу, — поморщился Линч. — Не берите на себя смелость говорить за него.

— Я же говорил, что весь этот разговор бесперспективен. У них свои стандарты и своя правда, — заявил вдруг Тиббетс. — Дональд, Морган, мы попусту тратим время. Пусть думают что хотят. Мы наложим вето на любое их решение касательно русских и сами выслушаем их.

— Это нарушение устава нашей общины! — воскликнул Эдвард. Он так нервничал, что постоянно чесал свою лысину.

Причем так яростно, что оставлял на ней багровые полосы. — Вы, Джон, как можете вообще такое предлагать! Вы же летчик боевой! Как они отнесутся к вам, если узнают...

— Они уже знают, — перебил его Тиббетс. — И по крайней мере один из них отнесся ко мне враждебно. Но это понятно. Я пилот ядерного стратегического бомбардировщика. Черт вас возьми, Эдвард, да как ко мне должны отнестись русские, если часть моего уцелевшего экипажа погибла от рук своих же, американских граждан, которые винили нас во всем, что случилось!

В разговор вмешался наконец все это время молчавший канадец Даладье.

— Господа, вы вот представьте, что вы оказались в России. Вы думаете, что там, так же как вы сейчас, кто-то вступился бы за вас? — сказал он.

— Мы не исключаем, что нас прикончили бы, считая, как вы тут считаете на их счет, что это мы первыми начали, — ответил Рэймен. — Но если бы мы оказались в России и нас русские убили бы за то, что мы американцы, то это лишь значило бы, что нам не повезло. Не повезло встретить таких людей, как я, Дональд или Джон. Это значило бы, что мы, к своему несчастью, повстречали таких, как вы, Эдвард, Мадлен, Филипп. Вот и все.

— А мистер Тиббетс? Что бы с ним стало в России? — ухмыльнулся бывший журналист.

— Меня бы разорвали на куски, узнав правду обо мне, — кивнул пилот. — И я бы это понял. Мне сложно сказать, раскаиваюсь я или нет. Я солдат, и была война, и я выполнял приказ. Но раскаиваться должны те, кто этот приказ мне отдал. Однако я сожалею, что человечество дошло до того, что такие приказы стали отдавать. Но будь я в России, было бы логичным, что я подвергся бы казни. Равно как и мы разорвали бы здесь того русского, который отправил в наши дома ядерные боеголовки...

После того как Лазар перевел эти слова, Николай вздрогнул, подумав о Людоеде...

— А вот этот человек — русский военный летчик, судя по документам и жетону, которые мы нашли в его вещах! — воскликнул, указывая пальцем на Варяга, Линч, приподнявшись со своего стула.

— Я это знаю, — кивнул Тиббетс. — И я знаю, что он летчик-истребитель. Истребитель, понимаете? Он служил пилотом оружия оборонительного. Я пилот наступательного оружия. Стратегического бомбардировщика. Он мой враг и противник. Не ваш. Не вам он угрожал в той войне, а мне, пилоту термоядерного монстра. Но я лучше объявлю этого человека своим братом, нежели позволю вам, глупцам, решать, жить ему или умереть только за то, что он русский.

— Вы предатель, ренегат, изменник, — брезгливо бросила Раковски. — Вы поддерживаете чужаков, идете против своей страны, своих сограждан...

— Канадец мне не согражданин, — шутливым тоном произнес Дональд.

Однако Даладье его шутки не понял. Он нахмурился и показал Хорнету средний палец.

— Варяг, — шепнул тихо Сквернослов. — Ты что, таскаешь с собой свои документы?

— Ну да, — кивнул Яхонтов.

— На кой черт?

— Я же искатель. Если сгину где, чтобы труп мой безымянным не был.

— А в Америку ты их за каким чертом потащил?

— Облажался, что тут скажешь, — хмыкнул Варяг. — Бывает с каждым.

Николай, как и его друзья, внимательно следил за этой странной прелюдией к их разговору с американцами и так же внимательно слушал все, что доносил тихим голосом до их слуха Боб Лазар.

— Роберт, ну что это за балаган такой, я не понимаю? — прошептал наконец он.

— Это прения. Ну... как вам сказать... Это называется — система сдержек и противовесов...

— То есть так и должно быть? Люди должны спорить до хрипоты? Как же единая цель и консолидация? Ну это же бред.

— Почему бред? — Лазар выпучил глаза. — Это демократия.

— Демократия хороша, когда у власти есть хорошие парни, идущие наперекор плохим парням, — сказал Варяг.

— А разве бывает по-другому? — удивился Роберт.

— Конечно бывает. Отчего тогда, по-вашему, случилась ядерная война? — ухмыльнулся Яхонтов.

26
THE LAST IVAN

Дальнейший разговор превратился в неприятную взгляду и слуху перепалку. Лазар потерял темп и уже не мог переводить. Да в общем-то, в переводе уже отпал смысл. Судя по преобладанию в репликах так любимого американцами и весьма эмоционального слова fuck, шла банальная ругань. Рэймен обильно жестикулировал, что-то пытаясь объяснить Линчу. Тот в ответ морщился, мотал головой, постоянно чесал лысину и то и дело вытягивал перед собой руку, указывая пальцем то на Моргана, то на пленников. Мадлен периодически что-то повизгивала и делала страшное лицо. Тиббетс таращил на нее свои жуткие глаза. Дональд кидал какие-то фразы с озорным выражением лица, и Даладье, как правило, отвечал на эти фразы молча, выставляя перед собой средний палец.

Все это выглядело странно и непривычно. Абсурдно и бессмысленно. Хотя, вероятно, различные точки зрения должны приводить к золотой середине истины. Но как ее найти, когда никто не собирается уступать и считает своим долгом выражение противоположного мнения любому мнению оппонента? И сколько этому суждено длиться?

— Джентльмены. — Варяг постучал кулаком по столу. — Джентльмены. Может, все-таки наконец перейдем к делу?

— А вы не суйтесь! — рявкнул Линч. — Мы еще ничего насчет вас не решили!

— Да вы и не решите никогда. Может, все-таки для начала нас выслушаете? — Яхонтов развел руками.

— В самом деле, Эдвард, — пробормотал Даладье. — Мы так до скончания времен спорить можем.

— Да-да, — ухмыльнулся Хорнет. — Пусть говорят. Линчевать их мы всегда успеем.

— Вот этих вот намеков только не надо! — Линч погрозил Дональду пальцем.

— Кто за то, чтобы выслушать русских? — спросил Рэймен и поднял руку.

Следом подняли руки Хорнет и Тиббетс. Даладье тоже присоединился. Мадлен вопросительно уставилась на Эдварда и как-то виновато проголосовала «за». Видимо, тоже устала от спора. Поднял руку и Лазар.

— Боб, а ты куда лезешь? Ты же сам русский, — проворчал бывший окружной судья.

— Я еврей, — возразил Роберт, — и американский гражданин, между прочим.

— Но я все равно против, — дернул головой Линч. — Нечего их слушать.

— И ты в меньшинстве, — улыбнулся Морган. — Итак, решено. Господа. — Он повернулся к Варягу. — Мы, право, некоторое и весьма длительное время назад ожидали тут появления русских. Но в значительно большем числе и более вооруженных. На вооруженный десант вы не похожи, даже если учесть, что вы все, что осталось от ваших сил вторжения. Что касается банальной эмиграции, то это в наше время просто нелепо. И я не думаю, что у вас там, в России, все намного хуже, чем у нас. Так что вас привело к нам?

Получив произнесенный Робертом перевод сказанного, Варяг некоторое время задумчиво чесал бороду, затем начал говорить:

— Дело вот в чем. Уже давно миновала та страшная война на нашей планете. Цивилизация уничтожена. Выжили горстки людей, немалая доля которых свой человеческий облик потеряла. О том, что произошло двадцать лет назад, можно долго говорить. Можно спорить и сокрушаться. Но все это — свершившийся факт. И факт, свершившийся очень давно. Забывать об этом, конечно, не следует. Но надо понимать, что это все в прошлом. Надо помнить это как суровый урок, но о былой вражде пора уже позабыть.

— Bull shit, — фыркнул Линч.

— Я прошу не перебивать меня и выслушать до конца, — нахмурился Яхонтов.

— Вы уполномочены заключить мирный договор? — спросил Рэймен.

— Только признать свою полную капитуляцию! — воскликнул Линч.

— В минувшей войне капитулировало все человечество. Весь мир проиграл, ибо победителей в такой войне быть не может в принципе, — мотнул головой Варяг.

— Так вы уполномочены заключить мирный договор? — повторил вопрос Морган.

— Да нет таких полномочий, я думаю, ни у кого в сложившейся после катастрофы ситуации. Нет институтов государст-

ва и власти. А следовательно, и официальных послов и делегаций быть не может. Есть горстки выживших на ограниченных пространствах. Как здесь у вас. Но и вы, я думаю, не представляете здесь все Соединенные Штаты. Так?

— Отчасти, — уклончиво ответил Рэймен. — Мы мало знаем о том, что происходит на остальной территории США и Канады.

— Ну, вот видите. Так и мы. Мы люди доброй воли, а не представители государства.

— Однако если мы конкретно с вами заключим мир и пожмем друг другу руки, то это будет мало что значить. Будет лишь несколько человек, которые заключили между собой мир. И только. Я не думаю, что вы проделали такой путь только ради того, чтобы помириться с первыми попавшимися американцами. Верно?

— Верно.

Варяг кивнул и задумался. Как начать говорить о самом главном, он, может, и представлял себе раньше, но не сейчас.

— Послушайте, вы знаете, что у вас за той грядой находится, в сторону Канады?

Американцы замерли и притихли, в недоумении глядя на незваных гостей.

— Shit, — тихо выдавил из себя Линч после минутной паузы.

Ухмылка исчезла с лица Хорнета, и все озорство во взгляде пропало. Рэймен задумчиво уставился в стол, едва заметно покачав головой. Тиббетс вздохнул. Даладье хлопнул кулаком в ладонь. Одна Мадлен ни черта не понимала и, часто моргая, смотрела на своих соплеменников.

— Вот, значит, как, — проворчал наконец Рэймен. — Я так полагаю, вы знаете, о чем говорите. Верно?

— Я же говорил вам! — воскликнул вдруг Даладье. — Я много лет назад вам говорил! Она до добра не доведет!

— Тише! — зло зашипела Мадлен. — Вы что, забыли, что об этом упоминать нельзя?! Вы забыли, что нельзя произносить ее... Мы же все обет дали...

— Да подите вы, мэм, — нахмурился Филипп. — Я не давал никаких клятв никаким мифическим монстрам-стражам...

— Вы в своем уме? Что вы говорите! Нельзя так! — с ужасом в голосе воскликнула Раковски.

— Прекратите истерику, Мадлен! Я еще до войны говорил об угрозе, которую она несет!

— Она защитила нас от ракетных ударов! — прикрикнул на него Линч. — И некоторые приграничные районы Канады, между прочим!

— Погодите, господа, погодите, — повысил голос Морган. — Всем известно, что только две силы питают интерес к долине. Это хуманималы, которых влечет туда какой-то инстинкт. И стражи. И теперь еще и русские. Почему?

— Среди наших вещей, которые вы изъяли, был бумажный пакет с фотографиями, — произнес Варяг. — Вы смотрели их?

— Разумеется, — кивнул Рэймен. — Вы хотите сказать, что там изображен H.A.A.R.P.?

— Господи. — Мадлен прикрыла глаза ладонью.

— Именно, — кивнул Яхонтов.

— Откуда у вас эти фотографии?

— С орбитальной станции.

— Что? — Морган сделал удивленное лицо и заразил недоумением остальных.

Варяг принялся обстоятельно рассказывать о космонавтах и их миссии. Однако Николай заметил, что кое-какие детали он все-таки умалчивает, но для полноты картины и понимания причин визита русских на Аляску они роли никакой не играли.

Американцы слушали рассказ молча и внимательно. Однако было заметно, что Даладье довольно сильно нервничает. Нервничает также и Боб Лазар, который даже стал сбиваться и запаздывать с переводом. Мадлен, как обычно, ничего не понимала и озиралась на своих соплеменников, ища в их взглядах хоть какое-то объяснение происходящему. Правильно расставив акценты в своем повествовании, несколько раз повторив об угрозе всему живому и самой планете, которую несет ХАРП, Яхонтов закончил свой долгий монолог.

Американцы еще какое-то время переваривали услышанное, затем Линч вдруг захохотал.

— Да они же диверсанты! Самые обыкновенные диверсанты! Они пришли, чтобы убедить нас отказаться от нашего последнего козыря! Вы что, не понимаете?!

— Вовсе нет! — воскликнул Даладье. — Эта установка действительно опасна! Я же статью об этом писал, когда приехал в Хоуп-Сити! Вспомните, Хорнет, вы же меня за это обещали в Гуантанамо упечь!

— Чего? — поморщился Дональд. — Что за чепуха? Вовсе не из-за этого...

— Правильно! Вы сами не знали за что. Вам просто сверху большое начальство приказало припугнуть любопытного журналиста из Канады...

— Филипп, ты глупец! Дурак! — рычал на него Линч. — Ты разве не понимаешь, зачем это все?! Ты слышал о «Последнем Иване»?

— Что еще за «Последний Иван»?

— Это гигантская ядерная субмарина, которая долгие годы может таиться под водой на немыслимой глубине. Ее невозможно найти. Она вмещает в себя орды русских солдат. Она несет двести боеголовок. Она может ломать многометровый лед и стрелять прямо с Северного полюса в любую точку земли. Эта лодка сделана для того, чтобы за русскими оставался последний выстрел в ядерной войне! И теперь они хотят убедить нас избавиться от проекта «Аврора», чтобы «Последний Иван» сделал свой последний залп, и тогда эти варвары унаследуют себе планету!

— О господи, какой бред, — засмеялся Хорнет. — Не существует таких лодок.

— Бред?! Не существует?! — взвизгнул Линч. — Куда ваше ведомство тратило деньги налогоплательщиков, а?! Вы все также перед войной заявляли, что у России больше нет сил и средств, чтобы нанести равноценный ответный удар в ядерном конфликте, а вышло...

И он резко замолчал.

Казалось, что еще больше выпучить глаза Тиббетс не может, но он это сделал, уставившись на бывшего окружного судью. Хорнет ухмыльнулся и покачал головой. У Рэймена поднялись брови, собрав лоб в гармошку.

— Что это значит, Эдвард? — спросил он.

— Вы о чем? — буркнул судья Линч, сменив вдруг тон.

— Я об ответном ударе русских. Не вы ли во всех своих проповедях твердили от начала нашей новой эры, что первыми напали они? Так какой может быть *ответный* удар у нападавших?

— Послушайте, Морган, вы какого дьявола к словам цепляетесь? Я это к слову сказал. К тому, что они там, в ЦРУ, недооценили их потенциал, пожирая немыслимый бюджет. Я мелкий чиновник, откуда могу знать о том, кто начал, а?

— А о «Последнем Иване»? — усмехнулся Хорнет.

— Да черт вас побери, Дональд! Вы сейчас сидите и делаете веселую мину, а где-нибудь в тысяче миль отсюда подо льдом

ждет своего триумфального часа огромный титановый левиафан, заряженный последней на этой планете дозой ядерной смерти. И в чреве этого зверя сидят обросшие и обезумевшие пьяные русские матросы, которые ждут, что вот-вот падет наш последний щит на пути их вероломства и варварства! И все!!!

— Ну ты и сука, Линч, — прорычал сквозь зубы Славик.

Лазар решил не переводить это, да и похоже, бывший судья его не услышал.

— Так. Если я правильно понял, то вы хотите уничтожить ХАРП? — обратился Рэймен к Яхонтову.

— Ну, это единственный шанс у выживших и у всей планеты, — кивнул Варяг.

— Вот! — Даладье вскочил со стула. — Вот тут я согласен с русскими! Это надо было сделать давно!

— Вы забыли, Филипп, что «Аврора» дает нам электричество, — пробормотал Дональд, который теперь был совсем не весел.

— Вы изменник! — рявкнул на своего недавнего союзника Линч. — И вообще, ХАРП — собственность правительства Соединенных Штатов! Какого дьявола вы вмешиваетесь, Филипп?

— Какого еще правительства? — досадливо поморщился Тиббетс.

— Речь идет обо всем божьем мире! — отмахнулся Даладье. — Я верю в то, что ХАРП угрожает планете, потому что знал это давно! Пока все боялись коллайдера, вы запустили ХАРП!

— Да они коллайдером мир пугали, чтобы про ХАРП все забыли, — проворчал Тиббетс. — Коллайдер ведь тоже наш, просто построили мы его в Европе.

— Какая чушь! — Бывший окружной судья поморщился и провел рукой по лысине.

— Господа! Вы что делаете! — воскликнула дрожащим голосом Мадлен. — Вы разве забыли, что вы говорите о том, о чем нам нельзя говорить?!

— О чем вы говорите? — Дональд Хорнет сделал наигранно удивленное лицо.

— Я говорю о том, что вы говорите о вещах, о которых говорить нельзя! Вы что, забыли табу?!

— Нет, определенно эта дамочка меня когда-нибудь с ума сведет, — вздохнул Хорнет, откинувшись на спинку стула.

— Не смейте называть меня дамочкой! Мачист проклятый!

— Вы что, в суд на меня подадите за дискриминацию? — ухмыльнулся Дональд.

— Прекратите, — досадливо поморщился Рэймен.

— Вы хоть понимаете, что можете своей болтовней и упоминанием запретных тем вызвать гнев *стражей*? — зашипела Раковски.

Дональд в ответ вскинул трагично руки и выдохнул:

— Зачем вы упоминаете тех, кого упоминать нельзя?

— Что еще за стражи? — поинтересовался Варяг.

— Они вам не по зубам! — Мадлен скорчила свирепую гримасу и с каким-то садистским возбуждением взглянула на Яхонтова. — Это наши боевые киборги!

Дональд засмеялся.

— Пе́рестаньте молоть чепуху, миссис Раковски. Это придуманная ими же сказка для запугивания суеверных и невежественных людей.

— А встретиться и поговорить с этими стражами можно? — спросил Яхонтов.

Веселость пропала с лица Хорнета, после того как Лазар перевел этот вопрос.

— Вы не совсем понимаете, о чем идет речь. Они не станут слушать не то что вас, но и нас.

— Давайте все-таки каждый выскажется по поводу установки в долине, — поднял руку Рэймен и окинул всех взглядом. — Мнение русских на сей счет предельно ясно. Они целенаправленно шли сюда, чтобы с ней покончить. А что скажут члены совета Хоуп-Сити?

— ХАРП надо уничтожить. И я давно об этом говорил, — решительно заявил Даладье.

— Согласен, — кивнул Тиббетс. — Уничтожить.

— Нельзя делать поспешные выводы, — мотнул головой Дональд. — ХАРП дает нам электричество. ХАРП — причина того, что есть братство стражей, а они своим присутствием в горах наносят урон хуманималам. Его уничтожение подорвет сложившийся порядок вещей в Хоуп-Сити и ввергнет нашу общину в хаос.

— Я согласен, что здесь с выводами торопиться нельзя. — Морган вздохнул, скрестив пальцы рук. — Фотографии и рассказ — это малодоказательно на самом деле.

— А вам какое доказательство надо? Гибель Земли? — горько усмехнулся Филипп.

— Вы свое слово уже сказали, господин Даладье, — дернул его за рукав Линч. — Послушайте, этот вопрос даже возникать не должен. ХАРП — наш последний щит перед угрозой этих варваров. Это наша последняя цитадель! Это единственное, что может остановить «Последнего Ивана».

— Эта долина сакральна! Как у вас могла возникнуть мысль, чтобы допустить к святыне этих безбожных коммунистов?! — вторила Линчу Мадлен.

— Итак, подведем итоги, — усмехнулся бывший окружной судья, потирая руки. — ХАРП неприкосновенен. Четверо против двух.

— Мое и Моргана мнение не совсем созвучно с вашим, дорогой Эдвард, — улыбнулся Хорнет. — Мы считаем, что этот вопрос стоит дополнительной проработки и сбора информации.

— Как, интересно, вы будете ее собирать?! — рявкнул Линч.

— А вот это уже второй вопрос. — Морган снова поднял руку. — Кто за то, чтобы дать возможность русским отправиться к стражникам и попытаться наладить с ними контакт?

— Я «за» и пойду с ними, — поднял руку Даладье.

— Да? — Судья удивленно на него уставился.

— Я тоже пойду с ними, — кивнул Тиббетс.

— Это большой риск, — развел руками Хорнет.

— Почему? — усмехнулся Варяг. — Уж не потому ли, что вы запуганные и суеверные невежественные люди?

Дональд поднял одну бровь, глядя на Яхонтова, затем махнул рукой.

— Ну, пусть идут. В конце концов, им рисковать. Я не против.

— Согласен, — кивнул Рэймен.

— А что, если им вскроют череп стражи, то никто тут плакать не будет, — ухмыльнулся Линч, — а вот вы, Филипп и Джон, идете на верную смерть напрасно.

— Значит, большинство не возражает против попытки русских установить контакт со стражниками? — произнес Рэймен.

— Я еще не голосовала! — воскликнула Мадлен.

— И?

— Я против! Нельзя беспокоить стражей! Нельзя нарушать табу! Они беду накликают на всех нас.

— Ясно. Что ж. Ваше мнение учтено, но голоса не в вашу пользу.

— Да чушь это все собачья! Что мы решаем, если со статусом русских не определились?! Я настаиваю, что они диверсанты и враги! Они нам тут не нужны, тем более живые! — Линч зло посмотрел на пленников.

— Понятно, — хмыкнул Морган. — Я, в свою очередь, считаю, что они не враги и не пленники. Они гости. Они не представляют угрозы для нас. Они шли в открытую. Они сами шли на контакт. Их всего трое. Я не считаю их врагами. Я считаю, что они равные нам и нам надо объединяться, так же как и всем цивилизованным выжившим.

— Согласен с Морганом, — поднял руку Хорнет.

— И я согласен, — кивнул Тиббетс. — Довольно вражды.

— А я считаю, что после той войны, которая была, никакого примирения быть не может, — отмахнулся Даладье. — Но я всегда был принципиально против смертной казни.

— Только это не должно распространяться на безбожников и дикарей! — снова взвизгнула Мадлен. — Они заслуживают виселицы как военные преступники!

— Ну что ж. — Линч потер руки. — Три на три. Мнения разделились поровну. А это значит, что прежний статус остается неизменным.

— Вето, — поднял руку Тиббетс. — Мы наложим вето. Если решения по этому вопросу принять не удалось, то статус их неизменен, но вето позволяет нам перевести этих людей в нашу зону ответственности. Свободы передвижения по Хоуп-Сити у них не будет. Но в нашем комплексе они могут передвигаться без особых препятствий и ограничений.

— Вы глупцы! На кой черт вам это надо?! Они же загрызут вас, пока вы спать будете!

— Не порите чепухи, — поморщился Морган, обращаясь к бывшему судье. — Я поддерживаю вето.

— Вето, — кивнул Хорнет. — Я с ними с удовольствием пропустил бы стакан виски и поболтал о былом. Они мне не враги. Да, собственно, и не были никогда. И если мы все тогда пошли на поводу у политиков, то все эти политики давно сгинули. А мы живы, и пусть так и будет.

— Оставьте ваш высокопарный бред! — воскликнул Линч.

И снова началась жуткая перепалка с руганью и обильной жестикуляцией. В помещение вошли охранники и вывели Варяга и Николая. Следом они покатили кресло, в котором сидел хмурый Сквернослов.

* * *

Очевидно, что Морган Рэймен еще до собрания решил перевести пленников, поскольку сейчас они шли не в обратном направлении к тюрьме в подвале бывшего полицейского управления. Они двигались новыми коридорами и траншеями. Прошли две массивные железные двери с постами охраны, мимо подсобок и складов, мимо землянок, откуда воняло свинофермой, мимо очередных трущоб.

Николай угрюмо смотрел себе под ноги, ощущая облегчение оттого, что они покинули этот не имеющий никакого смысла спор совета Хоуп-Сити. Споры. Кривлянья. Крики. Нервы. Для чего они это делают? Чтобы просто занять себя? Наверное, так. Работами они, скорее всего, себя не утруждают. Для этого есть убогие из трущоб, которые, наверное, отрабатывают свое пребывание в городе умершей надежды и лезут из кожи вон. Кладут все силы. Ничего не имеют и ни о чем уже не мечтают. Только подышать подольше. Встретить новый день, который в этих подземельях и от ночи-то не отличается. Просто просуществовать лишний день, час... миг... Какой глупой и бездарной была вся эта затея с походом на Аляску. Надо было так же доживать свой век в своих родных подвалах, а не слушать весь этот бред и не морщиться от отвращения перед непониманием людей... И не губить товарищей в походе...

Новый подвал был очень просторным. Однако потолок был так же низок, как и всюду. В стенах много дверей. Свет тусклый. Горела всего одна из шести люминесцентных ламп. И та изредка начинала моргать. В дальнем конце помещения было расставлено много стульев и пластиковых ящиков для бутылок, которые, видимо, тоже играли роль табуреток. Среди стульев, в инвалидном кресле дремал ребенок.

Охранники завели пленных гостей в одну из дверей и удалились, закрыв ее за собой.

Это была небольшая комната. Три грубоватые дощатые кровати с расстеленными шкурами зверей. Диодные светильники под потолком.

— Уже не клетка. И то хорошо. Теплее здесь, — хмыкнул Варяг, осмотревшись.

— Зато там параша была. — Сквернослов откинулся на спинку своего кресла.

— Ага, которая воняла, — поморщился Яхонтов.

Николай вздохнул.

— Что же нам дальше-то делать теперь, а? Будем дальше прозябать здесь? А эти идиоты все спорят... Делают вид, что они тут что-то значат. Что их решения что-то значат. Что они вообще способны принимать какие-то решения. А на деле все зависит от каких-то стражей? Что делать, Варяг?

— Ну, во-первых, не паниковать. Я этим людям, конечно, не доверяю. Равно как и они нам. Однако хорошо то, что есть тут хоть немного дружелюбно настроенные люди. Теперь нам главное — дойти до этих стражей.

— И что? Стражи пропустят нас к ХАРПу? — Васнецов скептически покачал головой.

— Я и не думал, что пропустят. Но возможно, мы сможем оценить обстановку там. Разведать. Понять, как легче дойти до этой долины и покончить наконец с установкой. А эти американцы, что вызывались идти с нами, скорее всего, пойдут для того, чтобы держать нас под контролем. Этого тоже забывать нельзя. Я думаю, когда они прекратят горлопанством заниматься на своем совете, то придут сюда. Тут и обсудим.

— Ладно. — Николай без всякого энтузиазма кивнул, махнув рукой, и подошел к двери.

— Ты куда?

— Посмотрю, насколько сильно их охранники нас опекают.

* * *

Охранники сидели на стульях за большим деревянным ящиком и играли в покер, ставя на кон папиросы. Они лишь бросили на Николая взгляд и не мешали ему выйти из комнаты. В дальнем конце центрального зала стулья и пластиковые ящики уже не пустовали. На них рассаживались дети, и седой горбатый старик с черной повязкой на глазах что-то им говорил. Васнецов неторопливо двинулся к ним. Ребенком в инвалидной коляске оказалась девочка лет десяти в мешковатой одежде. Одна ее нога почти вдвое короче другой. На голову повязан пестрый шелковый платок, из-под которого выбивались

редкие и совершенно белые волосы. Она повернула голову, почувствовав приближение Николая, и уставилась на него белыми глазными яблоками без зрачков. От этого взгляда у Васнецова похолодела спина.

— Hi, — произнесла тоненьким голоском девочка и улыбнулась.

Николай перестал приближаться к детям и остановился, рассматривая их с дистанции нескольких шагов. Всего их было около двух десятков, и большая их часть несла на себе печать врожденных уродств. Невероятно широко расставленные большие, полуприкрытые глаза, не излучающие и малой толики сознания и разума. Застывшая на лице улыбка непропорционально большого беззубого рта. Крохотные руки с недоразвитыми пальцами. Заячьи губы и какая-то чешуя на лице...

Это было ужасное зрелище, которое весьма кстати дополнял уродливый старик с завязанными слепыми глазами. Николай попятился. Седая девочка с белыми глазами перестала улыбаться. Она лишь вздохнула и грустно произнесла:

— Bye.

Васнецов сделал несколько шагов, пятясь назад, и наткнулся спиной на что-то. Обернувшись, он увидел, что дорогу ему перегородил высокий бородатый рейнджер. Тот ухмыльнулся и толкнул Николая легонько в плечо. Затем вытянул руку, указывая пальцем на детей, и что-то заговорил.

Васнецов не понимал ни слова. Но вдруг где-то в сознании он стал улавливать тот смысл, который хотел донести до его разума своим монологом этот американец. И, не зная языка, он вдруг стал понимать все...

— Что, страшно на это смотреть, русский? А ты смотри! Смотри внимательно! Это вы сделали! Это из-за вас эти дети такие!

— Дети, — пробормотал Николай. — Дети такие... Из-за нас такие дети...

Васнецов мотал головой, принимая из глубин своего сознания понимание того, что говорил на своем языке американец.

— Дети, значит...

Николай вдруг пристально посмотрел рейнджеру прямо в глаза. Ухмылка стерлась с лица охранника от этого взгляда.

— Детей, значит, жалко?! — воскликнул Васнецов и толкнул рейнджера в ответ ладонью по плечу. — А ты думаешь, что на моей родине досталась детям лучшая доля? И с кого мне те-

перь спросить? С тебя, американец? А может, ты считаешь, что есть где-то на земле места, где Бог миловал детей и они не рождаются уродами? И кто их сделал такими, а? Детей тебе жалко стало?! А раньше вы все, бараны, о чем думали, вашу мать!!! О чем вы, суки, раньше-то думали все, и ваши, и наши, и все на земле!!! Когда свою планету бурами наизнанку выворачивали, о чем думали?! Когда насиловали ее скважинами нефтяными да газовыми, о чем думали!!! Когда вытряхивали из планеты все недра так, словно последний день на ней живете, о чем думали!!! Когда в моря и реки отходы сливали без зазрения совести!!! О чем вы думали, когда ковали ракеты и танки!!! Когда планировали войны и спецоперации, вы все, твари, о чем думали!!! Вы думали о том, какими дети у вас родятся, когда вокруг них копоть и смрад?! Вы думали о детях, когда гены свои поражали табаком и спиртом, наркотой и скотством?! А вы думали о том, что если при всем при этом вы не выскребете своих детей в канализацию на докторском столе и они все-таки родятся, то какими вы их вырастите?! Подобными вам?! А какую землю вы им оставите после того погрома, который учинили с ее природой!!! Думали?! А теперь детей жалко стало, свинья!!! Опомнились, да?!

Из комнаты выскочил Варяг. Он миновал недоуменно глядящих на разбушевавшегося Николая охранников и схватил его за плечи.

— Ты чего опять натворил?! — воскликнул он.

— Чего я натворил?! Я?! Это вы все что натворили?! Это мой мир! Вы мне его таким оставили в наследство! Только мне повезло родиться чуть раньше, и я не стал уродом с двумя головами! Вот ты в рейдах своих много нормальных детей видел?! А? Да большинство такие же! Новое поколение ядерной зимы! А наш век закончится, и что им делать без нас, если мы этот мир спасем, а?!

— Да что на тебя нашло? Что за бес вселился?

— Людоед! Людоед вселился! Отвали! — Васнецов оттолкнул Яхонтова и направился обратно в комнату.

— Черта с два Людоед стал бы себя так вести, — проворчал Варяг, идя следом.

— А я веду себя именно так.

Он вернулся в комнату и завалился на кровать, зарывшись в звериную шкуру.

27
GREAT INQUISITOR

Топот армейских ботинок слышался повсюду. Они бежали, подгоняемые воем сирены. Из двери душевой выскочил раздетый и мокрый метис Сантана.

— Командир, что случилось?! — крикнул он, прыгая на одной ноге, натягивая на вторую тапку и придерживая промокшее полотенце, обмотанное вокруг бедер.

Бегущий, как и все, майор Джон Тиббетс бросил на него мимолетный взгляд и притормозил.

— Лейтенант! Ты почему в душе во время смены?! — рявкнул он.

— Так мы с четвертым звеном же играли! Я вспотел и провонял, как чертов скунс! Что случилось, командир?!

— Тревога, ты что, не слышишь?! Бегом в самолет!!!

Пронзительные повизгивания сирены вдруг сменились непрерывным нарастающим воем. Многие из бегущих стали останавливаться и смотреть на ревущие динамики, надеясь, что это какая-то ошибка.

— Красный код!!! — завопил кто-то.

Этот вопль вывел многих из ступора, и они бросились еще быстрее по своим штатным местам.

— Санта Мария, да что же это! — в ужасе закричал Сантана и бросился за своим комбинезоном.

На улице царила нездоровая суета. Сирена выла над аэродромом, усиливаемая эхом и большими громкоговорителями.

— Внимание! Это не учебная тревога! Повторяю! Это не учебная тревога! — кричал до хрипоты из громкоговорителя голос дежурного диспетчера.

Уже стемнело. Всюду горели огни. В стороне трещали лопасти взлетающих вертолетов. Со стоянки срывались электрокары, везущие экипажи самолетов к дальним стоянкам. Если звучит сигнал «Красный код», значит в небо должно подняться все, что летает. Но такого на памяти Джона Тиббетса еще не было. Слева взревели форсажем двигатели очередной пары Ф-22, рвущихся в небо.

Майор подбежал к электрокару с номером его самолета. Его экипаж уже рассаживался.

— А где Сантана, сэр? — крикнул Макмиллан, чьи рыжие волосы были подстрижены под ирокез.

— Подождите меня! — кричал выскочивший из здания лейтенант Сантана, на ходу застегивая свой комбинезон и рискуя упасть, наступив на болтающиеся незавязанные шнурки своих ботинок.

Капитан Логан усмехнулся своей белозубой улыбкой на загорелом лице.

— Мучачос! Мы без тебя войну проиграем! Быстрее!

— Какая еще война, кэп?! — Сантана запрыгнул на сиденье электромобиля.

— Ты свою мексиканскую задницу быстрее двигать не мог? — проворчал Макмиллан. — В норматив не укладываемся.

— А это что, тренировка? — с надеждой в голосе спросил самый молодой член экипажа, лейтенант Колман.

— Поехали! — Тиббетс запрыгнул на подножку и хлопнул по спине сидящего за рулем капрала.

— А ты, ирландский придурок, запомни наконец, — беззлобно просопел в адрес Макмиллана Сантана. — Я не мексиканец. Я пуэрториканец.

— Не один ли хрен, поедатели бобов?! — засмеялся Макмиллан. — Я не ирландец, а шотландец, идиот. Ты сомбреро и пончо забыл надеть!

— Иди к дьяволу! Надень лучше свою юбку, или что вы там носите! — кричал пуэрториканец, завязывая свои шнурки.

— Это килт называется, дурак!

— Заткнитесь! — рявкнул на них Тиббетс.

И они заткнулись. И майор Джон Тиббетс пожалел, что заставил их замолчать. В заглушаемом сиреной и ревущими двигателями ровного строя огромных летающих монстров Б-52 безмолвии отчетливей стал проступать страх перед тем, что значила вся эта суета и тревога. Не разряжая свое нервное напряжение хоть и дружеской, но перебранкой, его подчиненные вдруг резко осунулись, и было видно, что плечи их дрожат больше не от движения электромобиля, а от озноба, вызванного пугающим волнением.

Вот уже впереди и родная громада стратегического бомбардировщика. Он был на боевом дежурстве. Он был заправлен топливом и провизией. И он был битком набит термоядерными ракетами. Тиббетс вдруг подумал о том, какими по счету они должны взлетать в штатном расписании. Но если Соединенные Штаты подверглись массированному ядерному удару, то они могут не успеть вырулить даже на взлетную полосу. Им ведь

взлетать далеко не первым. Эта мысль пугала. И даже больше пугало не то, что они могли не взлететь и оказаться в будущем огне мегатонного взрыва или в сатанинских жерновах ударной волны. Пугало то, что такое вообще может произойти. Но ведь может, раз есть такой самолет, и для чего-то ведь сделали то чудовищное оружие, которое сейчас покоилось в чреве летающего великана... Значит, такое может произойти... И это было самое страшное.

Электромобиль остановился у трапа.

— Майор, сэр! — воскликнул сидящий за рулем капрал. — Врежьте как следует этим медведям, сэр!

Спрыгнувший с подножки Тиббетс посмотрел на этого покрытого веснушками сопляка. Если все, что сейчас происходит, не банальная тренировка, максимально приближенная к реальности, если это не какая-то глупая ошибка, если это не очередная паника, вызванная атаками террористов, то жить этому парню осталось максимум минут тридцать. И все. Потом он испарится, как и все тут.

— Еще увидимся, сынок, — кивнул ему Джон, старательно прогоняя от себя самые худшие опасения.

Капрал проводил их взглядом и, включив заднюю скорость, вздохнул:

— Это вряд ли, сэр...

Экипаж занял свои места. Командир Тиббетс пристегнул ремни.

— Экипаж! Доложить о готовности!

Подчиненные, соблюдая очередность, стали докладывать, что каждый из них к вылету готов. Загудели турбины.

— База! Говорит «Великий инквизитор»! Запрашиваю текущий статус!

— «Великий инквизитор»! Говорит база! Текущий статус неизменен! Вы седьмые! — ответил динамик. — Взлет в форсированном режиме.

— Понял вас!

— В форсированном режиме? — Сидевший справа Логан уставился на Тиббетса. — Джон, что за ерунда? Они в своем уме? Что там происходит вообще? На учения уже совсем не похоже! Опять какие-то арабы самолеты захватили и атакуют небоскребы?

— Погоди, Стив, — поморщился Тиббетс. — База! Говорит «Великий инквизитор»! Подтвердите код угрозы!

— Код угрозы красный!

— Понял вас, код угрозы красный! Запрашиваю вводную!

— Вводная отправлена!

— Понял вас! Мак! Мак!

— Да, сэр!

— Вводную получил?!

— Да, сэр! Только что! Ноль шесть двенадцать, «Виолончель»! Альфа, зулу, зулу, танго, чарли!

— Ноль шесть двенадцать... «Виолончель»... — пробормотал Тиббетс, судорожно доставая из кармана кодовый блокнот. — Логан, наша очередь. Давай на полосу и на взлет. Так... Так... — Он сорвал упаковку блокнота и быстро перебирал страницы. — Ноль шесть... двенадцать... ноль шесть... двенадцать... виолончель... виолон... Твою мать!!! Мак, ты не ошибся?!

— Никак нет, сэр!

— Повтори вводную!!!

— Ноль шесть двенадцать! «Виолончель»! Альфа, зулу, зулу, танго, чарли!

— Начинаем разгон, Стив! — Тиббетс быстро убрал блокнот и схватился за свой штурвал.

— Джон, что это? — спросил Логан. — Джон. Майор! Что за вводная!

— Атаковать по умолчанию заданные цели, — как-то вдруг спокойно ответил командир.

— Постойте, сэр, — послышался голос Макмиллана. — Так у нас же ядерные ракеты в толстушку заправлены. Как мы будем атаковать?

— Вот этими самыми ракетами и будем атаковать. Ты что, еще ничего не понял?

Однако Тиббетс отдавал себе отчет в том, что он и сам не до конца осознал, какую команду только что получил.

— Внимание, «Великий инквизитор», говорит база, — загремел динамик, — коридор чист. Начинайте отрыв. Занимаете пятый эшелон. При достижении контрольной точки номер три отключаете все сигнальные огни.

— Понял вас, база, я «Великий инквизитор». Начинаю взлет. Эшелон пять, чекпойнт три.

— Удачи, «Великий инквизитор». Боже, благослови Америку.

— А какие у нас цели, сэр? — послышался дрожащий голос Колмана.

— Восточная Россия.

— Господи Иисусе! Нет! Только не это! — завопил молодой лейтенант. — Только не с русскими!

— А не один ли черт кого бомбить? — проворчал Макмиллан.

— Да у них же ракет хватит все планеты от Меркурия до Плутона перепахать!

— У нас тоже, — строго произнес Тиббетс.

— И что, сэр, нам легче стать должно от этого?! Да если нас не собьют какие-нибудь МиГи, то уж садиться нам точно будет некуда уже! Это же конец, сэр!

Тиббетс расстегнул свои ремни и резко повернулся, глядя в сторону Колмана.

— Лейтенант! А ну соедини свою голову со своей жопой и возьми все это в руки! Мне здесь нужен четко выполняющий все команды солдат, а не сопливый хиппи! Или ты приведешь себя сейчас же в порядок, или я выкину тебя из самолета к дьяволу!!! Ты понял меня, сынок?!

— Сэр! Так точно, сэр! — сквозь слезы ответил Колман. — А моя малышка в Гонолулу сейчас... — совсем тихо добавил он.

— Ну так, может, на Гавайи они ракеты тратить не будут, — буркнул Сантана. — А вот у меня мама в Лас-Вегасе сейчас. А там тоже авиабаза. Я маму с прошлого Дня благодарения не видел...

— А в Гонолулу что?! — воскликнул Колман. — Там же Пёрл-Харбор! Военно-морская база! Они нанесут туда удар! Господи, да есть на этой планете хоть одно место, которое теперь не будут бомбить?!

— Ватикан, — усмехнулся Макмиллан. — Или Антарктида. Пингвинам повезло, они из-за нашей глупости сорвали джекпот. Через пару часов вся планета, или что там от нее останется, будет принадлежать им. И папе римскому. А твоя малышка пусть скажет русским ракетам алоха.

— Как ты можешь шутить сейчас, свинья? — Колман совсем расплакался.

— А мне что. Я со своей стервой расстался еще месяц назад. Мне горевать не о ком. Если ей в задницу влетит какой-нибудь русский «Тополь» на десяток мегатонн, я даже рад буду.

— А как насчет всех остальных? Как насчет остального мира? — спросил Стив Логан. — Тебе их не жалко?

— Это ублюдочный мир, сэр, если в нем додумались все-таки начать ядерную войну. Сэр...

— Слушай, Мак, — произнес Тиббетс.

— Да, командир.

— Сделай запрос на подтверждение вводной по закрытой частоте. Может, это какая-то нелепая ошибка. Если они на нас напали, то чудо, что мы успели взлететь. А маячок базы до сих пор работает. Значит, она на месте. Значит, удара не было.

— Есть, сэр. Делаю запрос на подтверждение. — Он стал работать за своим пультом. — Дьявол. Что такое.

— В чем дело, Мак?

— У меня помехи странные какие-то. Как от... Твою мать, Колман! Это что, сотовый?! Выключи немедленно! У меня помехи из-за него!

— Моя малышка в Гонолулу, — бормотал Колман, дрожащей рукой набирая заветный набор цифр на телефоне. — Я должен ей позвонить.

— Убери сотовый! — заорал Макмиллан, отстегиваясь от своего кресла. — Это запрещено! Это цифровая связь! Сигнал битый будет!

— Я ее больше не увижу никогда! Я должен ей сказать, что люблю ее! В последний раз сказать! Я люблю ее!

— Долбаные хай-тек-технологии, — проворчал Сантана. — У этого прибора связи защита от русских постановщиков помех, а от простого сотового в кабине он не защищен.

— Дай сюда! — заорал Макмиллан, набросившись на молодого лейтенанта.

— Джессика! Нет! Верни! Это наша последняя нить! Джессика! Отдай!

— Я должен отправить запрос! Может, вводная не подтвердится, и мы вздохнем спокойно!

— Отдай! — Колман вцепился в Макмиллана. — Все кончено! Я должен ей сказать!

— Стив. — Тиббетс обратился к Логану. — Я держу управление. Выруби Колмана и надень на него наручники. Он опасен.

— Да, Джон. — Логан отстегнул ремни и встал со своего кресла.

Сзади послышались возня и сдавленные крики Колмана. Тиббетс сжал штурвал до боли в запястьях и зажмурился. Было больно осознавать, что это все-таки началось. Что миссия, для

которой он служил, все-таки потребовала своего выполнения. Было больно за Колмана и за то, что кто-то разбил его любовь и миллионы жизней. Миллионы Колманов сегодня расстанутся со своими Джессиками навсегда. Миллионы не успеют сказать друг другу главные слова. Было настолько больно, что захотелось плакать. Но он командир, и это недопустимо. Он опустил светофильтр своего шлема и зажмурился, надеясь, что его слезные протоки навеки спрессуются, не дав кому-то возможность увидеть его слабость от осознания конца цивилизации. И вдруг его лицо ощутило тепло, а глаза даже через черное стекло забрала и закрытые веки ощутили яркий свет. Спустя полминуты он открыл глаза. Слева в черноте ночи далеко на горизонте поднимался в заоблачную высь бурлящий гигантский огненный шар.

Логан бросился в пилотскую кабину и, раскрыв рот, смотрел на кипящий термоядерный гриб.

— Господи Иисусе, Джон, это все-таки случилось! Это случилось, Джон, черт бы их всех побрал!

— Стив... Стивен, — прохрипел командир. — Ты мне нужен. Ты мне нужен, Стив. Помни, что у нас есть долг. Так давай делать нашу работу...

Логан обрушился в свое кресло и стал растирать ладонями лицо.

— Боже, Джон... Мы же люди... Так почему мы должны делать работу дьявола...

— А мы сегодня выиграли у четвертого звена... шесть — ноль... — послышался дрожащий голос Сантаны. — Лучше бы я был футболистом...

— Я так понял, запрашивать подтверждение уже не нужно. — Сидящий на полу возле распластанного и скованного наручниками Колмана Макмиллан усмехнулся. — Да теперь и не у кого, наверное... Виолончелисты гребаные...

Война длилась примерно семь часов. Наш самолет был в воздухе двенадцать часов. Мы летели над опустевшим миром. И души наши были опустошены не меньше. Нас не сбили МиГи. Нас не поразила ваша ПВО. И мы летели обратно с опустевшей барабанной установкой, в которой еще вчера покоились ракеты, о применении которых всего каких-нибудь двадцать часов назад никто в здравом уме и помыслить не мог. Мы сделали эту дьявольскую работу. Никто не мог говорить. Только Колман плакал. Плакал, бредил и звал Джессику. Уже рас-

свело. Небо перестало быть голубым. Оно было каким-то грязно-оранжевым, с багряными мазками. Будто какой-то художник хотел нарисовать маслом на холсте ад, но не мог представить, как этот ад выглядит, и тогда просто размазал крупными мазками краску. Где была суша, всюду на горизонте виднелись гигантские столбы черного дыма. По этим столбам можно было понять, что еще вчера это был город. Порт. Атомная станция. Военная база. Промышленные объекты. Человечество методично громило в течение семи часов все, что само создавало веками. Стелились огромные площади огня в подожженных ядерными ударами лесах. А в радиоэфире был только треск. Нам казалось, что выжили только мы. Не было больше телешоу и радиопередач. Не было Интернета и кругосветных турне с фотоаппаратами. Только дым и пепел. Когда мы увидели другой самолет в небе, то на какой-то миг нам почудилось, что все это был страшный сон. Никто никого не бомбил, и наши ракеты на месте. Но когда мы сблизились, то увидели, что это русский «Медведь». Ту-95. Такой же убийца городов, как и наш Б-52. Мы летели встречными курсами. Ни у нас, ни у них не возникло мысли пойти на таран. Правда, Макмиллан говорил, что это был бы лучший выход и для нас, и для них. Мы просто пролетели в миле друг от друга. Каждый из нас сделал свою дьявольскую работу. Мы смотрели на них, а они наверняка смотрели на нас. Логан пытался с ними связаться, но ничего не удалось. Эфир трещал и скрипел. Так и разминулись. Садились мы на юге Канады, на каком-то богом забытом аэродроме, который кое-как нашли среди чадящих руин вчерашнего мира. Он был совсем не рассчитан на такой самолет, и посадка оказалась очень жесткой. Сантана переломал себе все кости. Он умер часов через пять после посадки, в муках. Сильные травмы были и у Колмана. Но он не стал ждать, когда смерть придет за ним, и сам пустил себе пулю в лоб. В первом же американском городке, до которого мы добрались, на нас набросилась обезумевшая толпа выживших. Они винили военных во всем. А уж тем более летчиков-стратегов. Мы были элитой ВВС, а стали козлами отпущения. Мои ребята погибли от рук тех, кого защищали. Я остался один и решил пробираться на Аляску. Когда-то я здесь жил, в Анкоридже. Но этого города уже не было. И вот я здесь. В Хоуп-Сити.

Тиббетс вздохнул, закончив свой рассказ. Лазар закончил переводить.

Николай продолжал лежать, зарытый в звериную шкуру, но он больше не спал. Однако не подавал виду. Он не шевелился и лишь слегка приоткрыл глаза, глядя сквозь взъерошенную шерсть звериной шкуры на Тиббетса, Варяга и Лазара, сидящих на соседней койке. Рядом на табурете сидел Рэймен. Вячеслав лежал на своей койке, заложив руки за голову, и смотрел на спину Тиббетса.

— Н-да, брат, — вздохнул Варяг, попыхивая трубкой. — Не завидую тебе. Не представляю, как с этим жить. Я вот, помню, по молодости завидовал другим летчикам. Кто на Су — двадцать семь летал. Тяжелый многоцелевой. А у меня легкий МиГ — двадцать девять. Я и бомберам завидовал. Особенно тем, что на Ту — сто шестьдесят. Особенно когда они на патрулирование заступать стали. Но потом как-то охладел. Да и в самолет свой просто влюбился.

— Быть истребителем — благородное ремесло, — кивнул Тиббетс. — Ты не бомбишь мосты и школы. Не утюжишь колонны беженцев и больницы. И не швыряешь ядерные заряды. Ты охотишься на других истребителей. И ты охотишься на таких, как я. Ты защищаешь небо, а не испепеляешь землю. Ты дерешься, а не громишь всех с недосягаемой высоты. И иногда дерешься на равных. Ты истребитель, а значит благородный воин, Варяг, а не великий инквизитор...

— Слышь, Варяг, — ухмыльнулся Вячеслав. — Видел бы тебя сейчас наш генерал Басов... Брататься с врагом! Да как вы могли! Да это измена Родине и присяге! — Сквернослов стал подрожать громовому голосу Басова.

— А нам что, глотки друг другу грызть? — Яхонтов обернулся.

— Не знаю. — Вячеслав равнодушно пожал плечами.

— Послушайте, мистер Яхонтов, — вмешался в разговор Рэймен. — А каков все-таки был ваш план? Вы же не планировали с самого начала встретить тут американцев и просить их помочь с уничтожением «Авроры»? Мне кажется, что есть у вас в рукаве какой-то козырь, о котором вы не хотели говорить при Линче и его фракции. Но это ведь не «Последний Иван», верно? — Он улыбнулся.

— Но вы же против уничтожения ХАРПа, Морган. Разве я не правильно вас понял на совете? — Яхонтов развел руками.

— Знаете, я политик поневоле. Но я выучил одну простую истину. Не всегда надо говорить то, что думаешь. Не всегда на-

до предлагать то, чего хочешь. Я ведь когда поступил на егерскую службу, то занимался экологическим мониторингом нашей местности. Меня беспокоил ХАРП давно.

— Так, значит, вы...

— Я считаю, что от этой установки надо избавиться. Строго говоря, ее нельзя было и запускать. Неизвестно, что послужило началом войны. Но за некоторое время до апокалипсиса ХАРП был запущен на полную мощность. У нас тут были проблемы с некоторыми видами связи. Сильнейшая ионизация. Головные боли. Несколько ничем не мотивированных самоубийств. Это ведь весьма необычно для маленького городка...

— Но ведь сейчас он силен как никогда. И уж всяко мощнее, чем двадцать лет назад. Почему сейчас вы умудряетесь отправлять радиосигналы? Почему сейчас нет головных болей, о которых вы говорите?

— Конечно, «Аврора» сейчас на пике своего могущества. Но характер излучения иной. Я не знаю тонкостей работы установки, но мы подозреваем, что работа ХАРПа не статична. Она эволюционирует. Она подстраивается под какие-то неведомые нам и меняющиеся цели. Либо на его работу влияют фазы солнечной активности. И более того. Теперь Хоуп-Сити в мертвой зоне. Есть определенная внутренняя зона вокруг ХАРПа, в которой его работа нулевая, но высоко в атмосфере и далее на больших расстояниях он делает свое дело. И конечно, вносит полный хаос в магнитное поле. У нас тут нет двух компасов, которые могли бы показывать одно и то же направление.

— Кстати, — добавил от себя Лазар. — Я могу подтвердить, что в большей степени догадки Моргана верны. Я как ученый немного понимаю суть процесса, который был запущен. И понимаю, что он вышел из-под контроля. Причем давно. Едва ли я смогу объяснить вам что-то на понятном языке. Тут язык формул и сложной терминологии. Но в общем все опасения верны.

— А как же вы электричество от него получаете?

— Тут есть два высоких пика, — сказал Рэймен. — На обоих были горнолыжные базы. На одном сейчас стоит наша главная радиоантенна, при помощи которой мы шлем свои послания. На другом тоже антенна, но переделанная под прием электричества из ионизированной атмосферы. ХАРП вырабатывает колоссальные потоки энергии. Но получаем мы мизерную долю из-за несовершенства технологии и технической базы. Мы

сделали лишь крохотный шаг в постижении утерянных секретов Николы Теслы. И за это отдельное спасибо Лазару.

Роберт улыбнулся, переводя эту фразу.

— А вы не пробовали найти альтернативный источник электроэнергии? — спросил Яхонтов.

— Это очень сложно. Но я работаю над этим, хотя сколько-нибудь заметного успеха не добился. Меня не сильно в этом вопросе поддерживают, — ответил Лазар.

— Почему?

— Потому что источник энергии уже есть. К чему искать другой?

— Но этот источник опасен.

— А разве когда-то было по-другому? Об этом ведь можно просто не думать. Разве было заметно какое-то рвение, когда весь мир сидел на углеводородах? Человеческий разум так устроен. Сегодня и сейчас хорошо, а завтра будет завтра. Наслаждаемся текущим моментом, если нашли источник этого наслаждения, и все. Все знали, что нефть иссякнет, но разве кто-то торопился найти ей альтернативу? Она ведь на тот момент еще не иссякла...

— Значит, если ХАРП уничтожить, то...

— То наша община скатится в дикость и сильную нестабильность...

— Но получит стимул искать другой источник энергии, верно?..

— Да. Как всегда. — Роберт кивнул.

— А почему вы сами не уничтожили ХАРП раньше?

— Все наши опасения и догадки получили весомое подтверждение только с вашим приходом. Это ведь не просто, проделать такой путь, какой проделали вы. И только потому, что ХАРП занес над миром свой дамоклов меч. Значит, все действительно серьезно. Вторая причина кроется в том, что приблизиться к установке невозможно. Там гибнет все живое. Это все равно что оказаться в микроволновой печи. И так в радиусе десяти миль от антенного поля, — ответил Рэймен.

— Откуда такая информация, если стражники никого не пускают в долину?

— Хуманимала в клетке помните? Он рассказал. Хуманималы рвутся в долину. Зачем, мы пока выяснить не можем. Стражи их убивают. Но бывали редкие случаи, когда хуманималы проникали в долину и потом им удавалось уйти от

стражей. Единицы за все эти годы. Большая удача, что мы его поймали.

— Но как он рассказал? Он же не говорит? — удивился Яхонтов.

— Это хуманимал в первом поколении. То есть это деградировавший человек, а не ребенок хуманимала. А у них где-то в подкорке сохранились функции родной речи. Можно гипнозом заставить их говорить. Речь несвязная и фрагментарная, но многое удается понять.

— Вот как. Ну, какая еще причина?

— И третья причина. — Рэймен кивнул. — Эти самые стражи. И вот эта третья причина заставляет меня снова задать вам вопрос. Какой у вас козырь в рукаве?

Варяг уставился в пол. Надо было что-то решать. Надо было решать сейчас. И Яхонтов решил.

— Ядерная бомба.

Николаю было интересно украдкой наблюдать за реакцией американцев. Рэймен еще как-то держался. Лазар перекосился от ужаса. А Тиббетс вообще, казалось, впал в транс.

— Nuclear bomb, — пробормотал он с трепетом.

— Послушайте, мистер Яхонтов, — вздохнул Рэймен, подбирая тщательно слова. — Вы хоть понимаете, что будет, если люди узнают о том, что русские притащили в Америку ядерную бомбу и собираются ее взорвать? Линч и его мнение победят однозначно.

— Я понимаю, — кивнул Варяг. — Я понимаю это. Даже если мы выживем при уничтожении ХАРПа, нам смертный приговор обеспечен. Однако речь идет не о нас.

— Но такое самопожертвование...

Николай не выдержал и отбросил звериную шкуру. Он резко сел на койке и зло посмотрел на американцев.

— А может, уже пора людям научиться принимать правильные и ответственные решения?! А?! Нам все равно всем конец, если этого не сделать! Или так и продолжим в первую очередь думать о собственной шкуре, а уже потом обо всем окружающем мире и его участи?!

— Колян, ты не спал, что ли? — хмыкнул Сквернослов.

— А может, хватит спать?! Мы проспали весь наш мир, и теперь нельзя проспать все, что осталось! А вы, американцы, чего боитесь?! Не вам рисковать! Не вам собою жертвовать! Мы это сделаем! Мы! Только не мешайте нам, черт возьми!

— Это очень сложно, — вздохнул Рэймен. — Даже рьяные противники ХАРПа не позволят русским применять здесь ядерное оружие.

— Погоди, Морган. — Тиббетс приподнял ладонь. — Какова мощность бомбы?

— Шестьдесят четыре килотонны, — ответил Варяг.

— А где она? Она в той машине, которую видели наши рейнджеры в лесу во время стычки с хуманималами?

— Так там были ваши люди? Да. Она в той машине.

— А где машина?

— Завалена снегом. Она в расщелину провалилась. Неглубоко. Я могу найти это место.

— Так. — Тиббетс потер подбородок. — Предположим, что мы в долине. Предположим, ближе чем на десять миль к установке не подойти. Мощности заряда может не хватить. И с большой вероятностью может не хватить.

— Что ты задумал, Джон? — спросил Морган. — Ты уже знаешь, как убедить людей позволить русским взрывать бомбу? Ты знаешь, как договориться со стражами и попасть в долину с этой бомбой?

— Видишь ли, дорогой Морган, гораздо меньше людей будет противиться тому, чтобы бомбу взорвал американец. И эффективность взрыва возрастет значительно, если взорвать ее на высоте нескольких сот футов. И тогда предварительная и основная ударная волны сметут антенное поле излучателя.

— Джон, что ты задумал? — Рэймен вопросительно уставился на Тиббетса.

— А ты разве забыл? У меня ведь тоже есть козырь в рукаве.

— Что?

— Не зря я, выходит, в свое время починил и сберег этот «Пайпер Чероки». — И Тиббетс впервые улыбнулся. Только улыбка эта была какая-то пугающая.

— Да, но его скорость, Джон. Очень мало шансов успеть убраться...

— Да их почти нет. Я и не буду пытаться.

— Джон! — Рэймен нахмурился.

— Нет, дорогой Морган. Это достойный конец для последнего «Великого инквизитора». И так я хоть как-то смогу искупить свою вину перед всем человечеством. Это судьба, дорогой Морган. Я столько термоядерного огня обрушил на других, что будет справедливо и мне погибнуть в этом огне...

— Джентльмены. — Варяг развел руками. — Я что-то не понял. Что такое этот ваш «Пайпер Чероки»?

— Это самолет, — ответил Тиббетс.

28
WOUND

От блокпоста до ангара, расположенного на вершине плоского холма, тянулся стальной трос, проходивший через отверстия в контрольных столбах, сделанных из железнодорожных рельсов. В бушующую метель, когда, вытянув руку, человек мог просто не увидеть собственную ладонь, этот трос был единственным, что удерживало переходящих из городских подвалов к ангару и обратно людей от смерти. Раньше была натянута веревка. Однажды отряд дозорных пошел менять старую смену в ангаре. Была сильная вьюга, и они шли, держась за эту веревку, опустив головы от бьющего в лица снега. Надо было пройти около ста метров. Больше этих людей никто не видел. Потом, когда вьюга стихла, начались поиски. Оказалось, что всего в нескольких шагах от ангара веревку кто-то перерезал и протянул ее в другую сторону по склону холма. Раскопали заметенный снегом конец веревки и дальше нашли замерзшие сгустки крови и несколько свежих гильз. И все. Кто подстроил эту западню, в которую, ведомые путеводной нитью, шли люди, никто до сих пор не знал. А минуло уже почти десять лет. Людям Хоуп-Сити стоило большого труда вбить эти обрезки рельсов в промерзшую землю и пропустить стальной трос, но с тех пор больше ни один дозор не пропал.

Вот и сейчас мела метель. Стихия то вполголоса ворчала, то орала, как исполинское и голодное чудовище, водя хороводы снега вокруг старого ангара на окраине Хоуп-Сити. В ангар от внешнего блокпоста, где кончался трос, вела длинная траншея. Внутри тоже был оборудован пост. Поскольку здесь была зона ответственности фракции Рэймена, то тут дежурили его люди. Снаружи утепленного ангара слышались завывания ветра. Внутри стоял самолет. Тот самый «Пайпер Чероки». Совсем крохотный по сравнению с великанами Ил-76 и Ту-95, которые встретились им на пути. Он больше походил на легковой автомобиль своими габаритами и красивыми обводами. Белый. Элегантный. С острым носом, от которого расходились, подобно усам, лопасти винта поршневого двигателя. Варяг

медленно ходил вокруг него и улыбался, поглаживая ладонью холодные крылья и корпус, трогая лопасти винта.

— Роберт, спросите Джона, как давно он на нем летал?

Тиббетс задумчиво смотрел в потолок, сидя в старом автомобильном кресле, расположенном у стены, и курил сигару.

— Год назад, — перевел Лазар ответ пилота. — Он мог бы делать это чаще, но топливо в огромном дефиците. Оно больше нужно для снегоходов. А полеты на самолете расцениваются не более чем забава.

— Красивая машина.

Яхонтов продолжал улыбаться. Самолет имел лыжные шасси и был установлен на постамент из вращающихся стальных барабанов, которые облегчали выкатывание самолета из ангара. Николай взглянул на висящую у ворот ручную лебедку. Видимо, с ее помощью надо выводить самолет из укрытия.

— Замечательный аппарат, да, Коля? — Яхонтов взглянул на Васнецова. — Мирный. Не созданный для того, чтобы убивать.

— Однако мы и его готовы превратить в ядерный бомбардировщик, — усмехнулся мрачно Николай.

— Но ведь это для всеобщего блага. Разве нет?

— Конечно. Всеобщее благо, — с сомнением в голосе кивнул Васнецов. — А им трудно управлять?

— Да что ты. Это как на велосипеде, — махнул рукой Варяг.

— То же самое ты говорил про Ил — семьдесят шесть.

— Да это ни в какое сравнение не идет. Тут вообще все просто. Крейсерская скорость низкая. Значит, разгон большой не нужен. Главное — набрать скорость отрыва, а она на нем невысока. И пташка сама начнет рваться в небо. Помнишь, что я тебе говорил про физику взлета? — Яхонтов подмигнул и улыбнулся. — Его даже ты сможешь в небо поднять без чьей-либо помощи.

— Да, — хмыкнул Николай. — Конечно. Только ведь я не умею ездить на велосипеде. Не довелось. — Он потер ладонью лоб и украдкой взглянул на Тиббетса, затем снова обратился к Варягу: — Слушай, так чего мы ждем? Нам осталось вернуться к луноходу, забрать бомбу, и все. Уже сегодня можно покончить наконец с ХАРПом. Зачем нам идти к этим стражам?

— Ишь ты, шустрый какой. — Яхонтов покачал головой. — Во-первых, вариант со сбросом бомбы с самолета — это билет

в один конец. У них тут есть старый парашют, и у меня есть стропы, чтобы заменить на нем порванные. Но даже если сбросить бомбу с парашютом, очень трудно уйти на таком тихоходном самолете от взрыва. Так что если есть хоть призрачный шанс договориться со стражами... убедить их в том, что они охраняют вселенское зло и потакают гибели планеты, то этот шанс надо использовать, и тогда, быть может, никому не придется жертвовать собой.

— Но как же десятимильная зона вокруг антенного поля? — развел руками Николай.

— Мы же толком ничего не знаем, что там происходит. И в конце концов, может, есть чертов выключатель у стражей. Мы должны испробовать все возможности и оставить применение ядерного оружия на самый крайний и безвыходный случай. Разве мало этих бомб в свое время сотрясали землю? Да и пожертвовать из своих запасов топливо для самолета люди не очень-то хотят. Даже те, кто за уничтожение ХАРПа.

— Даже перед лицом всеобщей гибели? — удивился Николай.

Варяг развел руками.

— Так уж люди устроены.

— Вот уж действительно. — Васнецов покачал головой. — Люди... Знаешь, оглядываясь на весь наш путь, я вдруг начинаю понимать, что проще было, когда мы имело дело с псиволками, морлоками и молохитами... а вот люди... Роберт!

— Да, юноша. Что вы хотите? — Лазар, присевший на какой-то ящик, взглянул на Васнецова.

— А что, хуманималы на этот ангар не нападают?

— Что вы. Нет, конечно. Они очень боятся открытых пространств. А этот холм не имеет никакой растительности и никаких свойств рельефа, которые могли быть укрытиями. Все на пять миль вокруг пустошью заполнено... или как это правильно сказать... В общем, боятся они открытой местности. Это, может, у них рефлекс такой еще с ядерной войны. При ядерном ударе на открытом пространстве верная смерть. На город со стороны леса они пытались напасть неоднократно. А вот сюда ни разу.

— А кто тогда похитил дозорных ваших много лет назад?

— Так ведь никто не знает. Давно это было. Никаких следов не нашли.

— Ясно. Варяг, ну что?

— Скоро выдвигаемся, — кивнул Яхонтов. — Утром завтра. Надо выспаться. Да и в город надо вернуться дотемна.

Было видно, что ему не очень хочется расставаться с самолетом. Влюбленный в небо летчик всегда им остается. Даже когда неба этого нет и мир укутан в белый саван мертвеца...

* * *

Николаю не спалось. Завтрашний день тревожил его. Точнее сказать, грядущее утро, когда они отправятся к горному хребту, отделяющему долину Лейк-Луиз от зловещей, мерцающей в черном небе всполохами ионизации долины ХАРПа.

Слова спящего сейчас Варяга его не убедили. Николай не ждал ничего хорошего от похода к стражам и по-прежнему считал, что надо воспользоваться самолетом Тиббетса и бомбой Людоеда. Само Провидение послало им этот самолет и пилота, готового на отчаянный шаг. Так зачем искушать судьбу? Быть может, на всей земле осталось всего два летчика — Варяг и Джон. Так пусть Тиббетс летит и бросает бомбу. Ему не привыкать. Тем более что он сам возжелал себе такую долю.

Николай окинул взглядом спящих товарищей и, поднявшись с койки, вышел из комнаты. Охранник сидел за столом и спал. Он лишь приоткрыл мутные глаза, и веки его снова захлопнулись.

— Везде спят на посту, — тихо проворчал Васнецов и направился к стульям, на которых днем сидели уродливые дети.

— Что теперь, — вздохнул он, обращаясь в никуда, сев на старый стул и откинувшись на спинку. — Что теперь? Слушать они меня все равно не будут. Ко мне только Людоед прислушивался. Да и тот виду не подавал. Просто пользовался моим чутьем, как люди пользовались компасом... Чертовы компасы... Они заработают, интересно? Неужели все изменится через день-другой? Неужели все?.. Черт возьми, да уже сегодня могло быть все кончено, если бы мы с утра отправились за бомбой...

Он взглянул на пол. Между стульев и ящиков валялась забытая кем-то тряпичная кукла. Полинявшая, жалкая, с пуговицами вместо глаз и в сделанном из каких-то металлических деталей респираторе. Он поднял куклу. Тяжесть стального респиратора заставляла набитую соломой тряпичную голову запрокидываться. Васнецов вспомнил тех детей, и мороз пробежал по коже...

— Я все понимаю, Господи, — вздохнул он. — Я понимаю все... Но не могу понять, за что детей... За что их так, Господи? В чем они провинились? Зачем?..

— При чем здесь я? — запульсировал в мыслях чей-то голос. Можно было подумать, что это все тот же ехидный внутренний голос его второго «я», но ведь откликнулся он сейчас на обращение к Всевышнему...

— Кто ты? — мысленно спросил Васнецов, перекладывая куклу из одной руки в другую.

— А с кем ты сейчас пытался говорить? Кому задавал вопрос?

— Понятно... Это ты, мое второе «я»... Очень самоуверенно с твоей стороны брать на себя роль Бога.

— А я брал? Ты задавал вопрос, вероятно рассчитывая услышать ответ. Так почему ты считаешь, что ответил тебе не Он?

— Не морочь мне голову...

— Ты сам ее себе морочишь сомнениями. Ты как себе представляешь Бога? Седой старик в белом халате, сидящий на облаке? — Голос насмехался.

— Ну уж всяко не говорящий червяк в мозгах.

— Говорящего червяка в свой мозг поселил ты, если говоришь, что у тебя в мозгах говорящий червяк. Ты не думал о том, что Бог — это частичка каждого из живущих? Не думал, что в каждом человеке есть Бог?

— И как тогда люди смогли такое допустить?

— Да потому что они не думали, что Бог есть в них. И естественно, не находили его.

— Так может, его там и не было, раз уж не находили? Почему Он не заявил о себе в людях, когда они дошли до черты?

— Тебе даны руки, чтоб ты мог держать вилку и ложку, а зубы, чтоб ты мог пережевывать пищу. Или кто-то должен пережевывать ее за тебя и вложить тебе эту пищу в рот? Так ведь может статься, что он в итоге и сам проглотит твою пищу, а ты умрешь от голода. И разум вам был дан на то, чтобы вы сами в себе божью суть нашли и хорошее взрастили, а не ждали, что оно само придет. А вы? Так почему с Бога спрашиваешь теперь за детей? Разве Бог такое с ними сотворил? Разве не люди? Разве не люди повинны? А почему вы вечно виноватых ищете на стороне, а на себя оглянуться не желаете? Даже в Писании утверждаете, что это Бог людей из рая выгнал. Какая наглость, однако. Нет, конечно, там написано, что во всем виноваты эти

трое... гад ползучий и голые баба с мужиком... да только подтекст-то каков... Изгнал их Бог. Не миловал. Не простил. Изгнал. А дело было совсем не так.

— А как же?

— Никто не изгонял людей из рая. Люди и поныне живут в раю.

— Вот как? — Николая даже перекосило, и он дернулся на стуле от одной этой мысли.

— Именно так, — ответил ему внутренний голос. — Все именно так. Просто это люди изгнали Бога из рая. И жили в раю без Бога. И таким теперь стал этот ваш рай, из которого вы изгнали Бога. Нет, тебя конкретно я не виню. Ты маленький еще был. Но если Бог есть в каждом человеке, то не стоило ли задать вопрос о детях каждому человеку? Почему не уберегли детей и не оставили им ничего в наследство, кроме мук, холода и голода? Ничего, кроме болезней и смерти. И даже игрушки вон какие... А ты обращаешься непонятно к кому и оплакиваешь детей. Ты всех спроси. Ты всем этот вопрос задай. За что их? В чем они виноваты, дети эти?

Васнецов пристально посмотрел на эту куклу, затем положил ее на соседний стул.

— Вам тоже не спится, Николай?

Он и не заметил в своих размышлениях, как подошел Лазар и присел на один из стульев.

— Совершенно, — кивнул Васнецов. — Наверное, есть такая степень усталости, когда не можешь даже спать. И не физическая это вовсе усталость... Послушайте, Роберт. — Он вдруг пристально посмотрел в загороженные толстыми стеклами очков глаза переводчика. — А вы ведь не хотите, чтобы мы уничтожили ХАРП!

Лазар вздрогнул испуганно, снял очки и, повесив голову, стал сильно тереть стекла.

— Что вы такое говорите, молодой человек, — пробормотал он себе под нос.

— Я же вижу. — Николай усмехнулся. — Если хотите знать, я сам на распутье.

Лазар перестал тереть очки и замер. Затем поднял глаза и, снова вооружив их линзами, кашлянул.

— Почему?

— Я сам понять не могу. — Васнецов пожал плечами. — Но вы, наверное, понимаете обоснование лучше. Так объясните мне.

— Послушайте. Ну... А зачем? Человеческая раса выродилась еще до катастрофы, а война лишь констатировала вырождение. Вы же сами видели, какие дети рождаются. Я старый и далеко не здоровый человек. Мы не остатки человечества. Мы его останки. Надо спокойно дожить свои дни. Уж если мы вписали последнюю главу в историю земли, так надо поставить точку и не разводить кляксы на полях, понимаете? Мы все в умиротворении ждем конца. Мы умиротворены после того хаоса, который был. И уничтожение ХАРПа приведет к новому хаосу. Который лишь отсрочит смерть и продлит агонию. Ну хватит уже потрясений и неясности. Все. Пора уходить на покой. Пора закрыть занавес, понимаете? А потом... Пройдут миллионы лет. Солнце станет горячее и больше. На спутнике Юпитера — Европе начнут таять льды глобального океана, начнется парниковый эффект. Возникнет жизнь. И быть может, появится там цивилизация. И полетят они в космос. Отправят свои зонды. И будут гадать, была на Земле жизнь или нет? Примерно как мы еще пару десятков лет назад гадали так о Марсе. Сфотографируют их зонды нашу пустынную планету с большими песчаными каналами, бывшими некогда реками Колорадо, Амазонкой, Нилом, Волгой, Миссисипи, и будут думать, а может, там когда-то была вода? Сфотографируют их зонды остатки египетских пирамид и будут думать, а может, они рукотворные? Но потом решат, что это всего лишь игра света и тени на скалах... А потом устроят в своем, уже загаженном ростом и развитием собственной цивилизации мире ядерную войну, и все. Нет... Жизнь — это зараза, ибо ведет она к разуму. Желание уничтожить ХАРП лишь инстинкт самосохранения. Подобно инстинкту волка, попавшего в капкан и отгрызающего себе лапу, чтобы освободиться и выжить. Без лапы он не выживет. Но инстинкт делает свое дело. Инстинкты сродни инстинктам жрать и размножаться. Обычные животные инстинкты. И мы все всего лишь животные с животными инстинктами. Весь ужас в том, что мы наделены разумом. А способный мыслить зверь приходит к страшным умозаключениям, как мы видим. Разум — это болезнь, поразившая саму жизнь... Вы понимаете?

— Конечно. — И Николай улыбнулся. Широко и открыто. И глаза так добро заблестели. — Я понял, что вы, Роберт, наделенное разумом животное. А вот я — ЧЕЛОВЕК.

И Васнецов рванулся вперед и, схватив Лазара рукой за волосы на затылке, резко притянул к себе, шипя прямо в лицо:

— И поэтому вашему ХАРПу очень скоро придет полный шандец!

Лазар дернулся и, вырвавшись, вскочил со стула и сделал шаг назад.

— Вы что же, обманули меня?!

— Отчего же, нет. — Васнецов, продолжая улыбаться, пошел к своему жилищу. — Я действительно сомневался. Но теперь понял, что мои сомнения сделают меня похожим на амебу. А я человек. Но вам просто советую разобраться со своей совестью.

— Послушайте, Николай... Вы же...

— Не очкуй, Лазарчук, — усмехнулся, не оборачиваясь, Васнецов. — Я тебя не сдам. У меня есть поважнее дела.

* * *

— Блин, хреново-то как, — ворчал недовольно Сквернослов. — Я всю дорогу был в деле, и теперь мне тупо сидеть в этом кресле, пока вы будете ходить к стражам?

— А ты как хотел? — Николай взглянул на него. Он так и не спал ночью и просто лежал на койке до утра, пока не проснулись товарищи и не вышел куда-то Варяг.

— Я хотел быть в деле до конца, — вздохнул Вячеслав.

— А разве ты сошел с дистанций? Вовсе нет. Просто ты ранен и идти тебе нельзя. Забыл, как вы меня хотели оставить в Москве, когда я пулю снайпера словил?

Васнецов запустил ладонь за пазуху и нащупал висящую на шее пулю, которую извлекли из него врачи конфедератов.

— Но ведь не оставили же.

— Так и тебя никто не оставляет. Мы же вернемся. Да и чего сокрушаться тебе? Ты жив. Ты дошел. Ты под боком у ХАРПа.

— Ну да... конечно... — Вячеслав кивнул, но слова Николая его совсем не грели.

В комнату вошел Варяг. Он был отчего-то мрачен.

— Что случилось? — спросил у него Сквернослов.

— Нам оружия не дадут, — проворчал Яхонтов.

— В каком смысле? — нахмурился Николай.

— Да в прямом. Идет Тиббетс. Идет Даладье. Идет Лазар. Идут эти двое... Си Джей и Томас. Они люди Рэймена. Все будут при оружии. А мы с тобой нет. Так совет решил.

— А в чем дело?

— Да неужели не понятно? Не доверяют они нам. Боятся нас. — Варяг вздохнул. — Неплохо, значит, мы повоевали в свое время, если до сих пор боятся. Ладно. Одевайся, Коля. Пора.

Васнецов принялся натягивать на себя теплую одежду.

— Как там погода?

— Скверная, как всегда. Идем на снегоходах. Много шума было из-за топлива. Путь неблизкий. Жадничают. Группа Линча хотела даже составить протокол какой-то. Что, дескать, Россия нефть должна будет за то, что из-за нас они горючее для снегоходов будут тратить. Рэймен свои запасы безвозмездно предоставил. Значит, уже для самолета топлива меньше. А нам еще к луноходу надо будет... может быть... за бомбой... — Яхонтов достал из-за пазухи внушительный армейский нож в чехле и протянул его Николаю.

— На вот. Под одеждой спрячь. Хоть что-то.

— Откуда это? — удивился Васнецов, принимая оружие.

— Хорнет дал. Причем сделал это негласно. Тайно от других и вопреки решению совета.

— Церэушник? А почему? Он же вроде не горит желанием покончить с ХАРПом.

— Он хитрый. Мне кажется, он что-то там себе замышляет и хочет нас использовать. Не могу понять, как именно, но это та еще лиса. Ну что, ты готов?

Николай осмотрел себя. Теплый комбинезон поверх свитера с горлом и бушлата да ватных штанов. Валенки. Ушанка. Марлевая повязка и очки с утепленным поролоном бугром для носа. Находиться в такой одежде в помещении было невыносимо жарко.

— Вроде готов, — кивнул он.

— Ну, тогда пошли.

— Ни пуха вам, — грустно вздохнул Скверослов.

— К черту, — махнул ему рукой Варяг.

Они вышли во внешнее помещение. В стороне стояло много любопытных людей, которые с интересом смотрели на русских гостей. Толпу огораживала вооруженная охрана. Тут же был тепло одетый Лазар. Он с каким-то напряжением посмотрел на Николая, но тот предпочел сделать вид, что ночного разговора не было.

— Ні, — снова пропела улыбающаяся девочка в инвалидном кресле. Она обращалась именно к Николаю.

Он взглянул на нее, и сердце защемило. Девочка сжимала ту самую тряпичную игрушку в респираторе.

— Привет, — вздохнул он. — Как зовут-то тебя?

— Tiebya... zovut... privet... — повторила она, улыбаясь.

— Это Табита, — пробормотал Лазар. — Она... Ее тут святой считают. Она... Мы ее чаще не по имени называем. Ее чаще Боунди зовут.

— А что это означает? — Николай посмотрел на переводчика.

— Ну, это... от слова этого... Wound... Рана значит по-русски.

— Рана. — Николая даже качнуло. — Рана... — повторил он.

— Woundy, — кивнула девочка и протянула к Васнецову руку. — Nikolay. — Затем схватила своей худой бледной ладошкой его за рукавицу и притянула к себе. — Savior! — громко шепнула она.

— Она что, ясновидящая? — спросил Варяг у Лазара.

— Многие считают, что да, хотя кто ее знает, — пожал плечами Роберт.

— А что за слово последнее она сказала? — Николай взглянул на Яхонтова.

— Спаситель.

* * *

Кортеж из четырех снегоходов мчался по заснеженной пустыне замерзшего озера. Это уже было что-то. Это снова было привычное уже и успокаивающее душу движение. Это не застой и трата времени впустую. Это действие. Это сокращение пути и времени до того момента, когда все на этой земле получат второй шанс. Вьюга заслонила маячившую впереди гряду невысоких пологих гор, за которой находилась конечная точка их невероятного маршрута. Через бушующую снежную взвесь кое-где проглядывали всполохи красноватого сияния над горной грядой, которой из-за вьюги сейчас не было видно. Однако Николай не смотрел. Он опустил голову, поскольку снег нещадно бил в стекло очков, и он просто устал оттого, что веки рефлекторно вздрагивали. Он сидел на ревущем снегоходе, позади Томаса. Варяг был пассажиром снегохода Си Джея. Лазар сидел позади Тиббетса. Даладье ехал на своей машине один. Кортеж миновал четырехмильное пространство озера, отделяющее берег Хоуп-Сити от противоположного побережья,

и мчался по заснеженной тундре. Когда-то это был равнинный край больших и малых озер, где кое-где выдавались холмы на небольшую высоту, покрытые лишайниками и мхами, невысокими кустарниками и излюбленным лакомством северных оленей — мухоморами. Теперь это была снежная пустыня, как и всюду на земле. Неизменность окружающего пейзажа заставляла думать, что они не продвинулись ни на дюйм в своем движении к цитадели стражей, и только рев двигателей и подпрыгивание на неровностях ландшафта снегоходов успокаивали, напоминая, что они движутся, и довольно быстро. Вьюга ревела и била путников наполненными снежной взвесью порывами ледяного ветра, но они тем не менее неумолимо приближались к гряде невысоких гор...

Сорок миль были бесконечно долгими, и когда снегоходы остановились на возвышенности, стало легче от возможности размяться. Тиббетс смотрел в бинокль на возвышавшиеся впереди горы. Вьюга здесь поутихла, и был лишь порывистый сильный ветер, который гонял снежную пыль в паре футов над окрепшим настом. Джон медленно водил головой из стороны в сторону, пока наконец не остановил на чем-то свой взгляд.

— Go! — воскликнул вдруг он, и путники снова оседлали свои транспортные средства.

На этот раз скорость была не такой высокой. Они карабкались вверх по склону. Впереди ехал Тиббетс, который и остановился первым у большой выступающей из снега скалы. На поверхности скалы были четко видны выдолбленные изображения большого черепа и скрещенных за ним костей.

— Skull and bones. Sign on Guards, — мрачно проворчал Томас.

Тиббетс развернул белый флаг и поднял над головой. Все замерли, и Васнецов с запозданием понял почему. Выше по склону, метрах в сорока от них, медленной поступью двигались на сближение пять фигур. Они были облачены в панцирные костюмы, выкрашенные белой эмалью, которая местами стерлась, выпуская наружу блеск вороненой стали. У четверых к поясному кронштейну крепились четырехствольные пулеметы с барабанным расположением стволов. Лица скрывали дыхательные маски с панорамным темным стеклом и идущими к массивному ранцу за спиной гофрированными трубками. Снизу того же ранца тянулись к пулемету лента патронов и кабель, питающий мотор пулемета. У пятого не было ранца, и маска

была простая, с круглыми фильтрами под скулами. В правой руке он сжимал пистолет-пулемет МР-5, а левую руку держал поднятой. У всех на левом бедре лямками крепились огромные ножи.

— Варяг, это же рейдеры! — сдавленно воскликнул Николай.

— Похожи. Даже очень. Видать, и у них делали такие костюмы, — кивнул Яхонтов.

Стражи остановились шагах в тридцати. Пятый продолжал держать поднятой руку.

— Мы пришли к вам с очень важной информацией! — крикнул Тиббетс. — Речь идет о большой опасности, которую несет нам всем долина, что вы охраняете! Это очень важно и срочно!

Лазар переводил его слова, а сам при этом пятился за скалу.

Пятый страж вдруг резко опустил руку и воскликнул через свои, уродовавшие речь фильтры:

— Fire!!!

Четверо остальных внезапно открыли огонь на поражение. Это было настолько неожиданно, что какие-то секунды никто из прибывшей делегации не мог понять, что произошло. Никто, кроме Лазара, тут же занырнувшего в снег за скалой.

Николай краем глаза заметил, что первым пал Тиббетс. Из его груди брызнул фонтан крови. Очередь из пулемета другого стража вспорола стоящего прямо перед Васнецовым Томаса, и его отбросило на Николая. Они рухнули за свой снегоход. Николай почувствовал, как его руку обожгло прошедшей по коже пулей. Томас был уже мертв, и Васнецов стал судорожно водить взглядом в поисках его автомата, упавшего куда-то в снег.

У скалы захрипели длинными очередями М-16 Си Джея и Филиппа. Си Джей что-то истошно вопил. Что с Варягом? Где этот чертов автомат?

Снег хрустел под широкими накладками на армированной обуви стража, убившего Томаса. Тот медленно шел к снегоходу, щедро распыляя пули вправо от себя. Огненным шаром вспыхнул изрешеченный снегоход Даладье. Стражи наступали. Убийца Томаса навис громадной бронированной фигурой над телом чернокожего и прижавшимся к снегоходу, зарывшимся в сугроб Николаем. Страж стоял вполоборота и не видел, что один из двух людей, в кого он стрелял до этого, еще жив и достает из одежды большой армейский нож.

«Куда, куда бить, — думал Васнецов, сжимая дрожащей рукой, с которой он скинул рукавицу, рукоять ножа. — Кругом броня». И вдруг его внимание привлекла вздрагивающая пулеметная лента, тянущаяся от ранца. Николай вскочил и вонзил со всей силы лезвие ножа в ленту между поступающих в смертоносное оружие врага патронов. Пулемет заклинило, прижав поступающей лентой нож, и оружие протестующе загудело. Стволы перестали вращаться. Васнецов выдернул одну из гофрированных трубок из ранца, но хуже от этого стражу не стало. Он дернул левой рукой назад, ударив Николая локтем. Васнецов был не против упасть. Ведь, стоя на ногах, он был хорошей мишенью. Оказавшись снова за корпусом снегохода, он сорвал с крепления канистру с дополнительным топливом и судорожно стал открывать горловину. Страж выдернул нож и уронил его в снег перед собой. Поднял голову и бросил взгляд, скрытый черным стеклом на безликой маске, в сторону Николая. В бронированного монстра уже летел выплеснувшийся из канистры бензин. Топливо попало на разогретый пулемет и бронепластины стража. Разогретые стволы воспламенили горючее, и страж загорелся. Он зарычал что-то в своей маске и повалился в сугроб. Страж быстро потушил оружие, но корпус бронекостюма еще горел. Николай схватил гофрированную трубку, которую оторвал до этого, и стал выливать остальное содержимое канистры в нее. Затем дернул трубку к огню на броне, и пламя стремительно помчалось прямо в маску. Страж заорал, схватившись руками в армированных перчатках за маску, пытаясь ее снять. Ему это удалось. Лицо стража горело, и вонзившийся чуть ниже затылка нож Николая положил конец его мукам.

Пятый страж с МР-5 обратил внимание на то, что с его подельником что-то произошло, как раз в тот момент, когда Николай лег, укрывшись за бронированным телом убитого им врага, и приподнял тяжелый, теперь уже трофейный пулемет. Другой пулеметчик добивал раненого Си Джея. Закрутились стволы. Загрохотали выстрелы. Пулемет сильно вибрировал в руках Николая. Пули взрывали снег метающейся змейкой беспорядочной очереди и прошили ноги командира стражей. Затем врезались в корпус того, кто только что добил Си Джея. Не все пули прошили броню, но те, что достигли плоти врага, сделали свое дело и убили его. Раненый командир стражей дал очередь из МР-5 в сторону Васнецова, но попал в мертвое тело

своего собрата и по пулемету. Кто-то метнул из-за скалы гранату. Она разорвалась у лежащего пятого стража, оторвав ему голову. Осколки посекли ранец еще одного пулеметчика и, видимо, повредили источник питания, потому-то пулемет его прекратил свою адскую работу. Тот стал отходить назад, в надежде воспользоваться МР-5 мертвого командира. Четвертый пулеметчик продолжал стрелять куда-то за скалу. Метнулась в сторону фигура Варяга. Он, видимо, пытался отвлечь стрелка. Тот лишь повернул голову, но стрелял в прежнем направлении. Даладье метнул из-за скалы очередную гранату, но она упала далеко от пулеметчика и не причинила вреда. Теперь Варяг уже мчался непосредственно на врага. Неповоротливый страж в тяжелой броне стал разворачивать оружие, но не успел. Яхонтов врезался в массивную тушу и повалил его в снег. Ударил кулаком по маске, но, видимо, зря. Он замотал рукой, корчась от боли, затем нащупал ею в области шеи врага уязвимое место и, вонзив туда свой нож, начал делать пилящие движения. Из-за скалы выскочил Даладье с М-16. Николай попытался добить последнего стража из пулемета, но тот заклинило. Страж у мертвого командира уже поднял МР-5 и открыл огонь по Филиппу. Тот кубарем полетел в снег. Васнецов наконец увидел лежащий в стороне автомат Томаса и бросился к нему. Кувырнулся в снегу. Нажал на курок. Автомат не стрелял. Черт, да где тут предохранитель! Николай проклинал все на свете за то, что у него в руках был не привычный калашников, а какая-то американская херня. Он прижался к скале и стал разглядывать незнакомое оружие. Очередная порция пуль ударила по камню совсем рядом. Вот предохранитель, кажется... Николай попробовал выстрелить. Получилось. Он отпрыгнул от скалы, нырнул в сугроб и, перекатившись, снова оказался за трупом первого убитого стража. Тем временем Варяг дал очередь из автомата Филиппа по последнему живому врагу. Пули забряцали по броне, но не причинили вреда. Страж только завалился на бок от ударов. Тогда Яхонтов стремительно метнулся в его сторону, воспользовавшись заминкой, и с размаху врезал прикладом врага по голове. И еще раз... И еще... Страж дергался на снегу, и Варяг уже привычным движением разрезал ему горло. Все... Пятеро стражей мертвы. Мертв Томас. Мертв Си Джей. Мертв Джон Тиббетс, последний «Великий инквизитор». Раненый Даладье стонет в снегу. Варяг жив. Слава богу, Варяг жив. Лазар... Лазар!

Васнецов зашел за скалу. Роберт прятался под эмблемой стражей, выбитой в камне. Николай осмотрелся, затем вдруг ударил ногой Лазара, заставив его распластаться на снегу, и наставил на лицо старика ствол М-16.

— Ну что! Пора опустить занавес и поставить точку, а?! — рявкнул он.

— Вы что, молодой человек! Вы чего?! — испуганно забормотал переводчик.

— Они ждали нас! Они нас ждали! Они знали, что нас будет немного! И они даже не стали нас слушать! Их предупредили! Что все это значит?! Отвечай, скотина!

— С ними нельзя договориться! Нельзя, понимаете?! Они зачипованные! У них чипы!

— Какие еще, на хрен, чипы?!

— Те самые! Я рассказывал!

— Не долби мне мозги своими сказками! Они что, хочешь сказать, киборги?!

— Нет! Но у них чипы! Это частная армия! Охранная корпорация! Они выполняли грязную работу и задания спецслужб по всему миру в те времена! Фирмой владели люди из Пентагона, АНБ и правительства! Они все состояли в закрытом клубе!

— При чем тут это?!

— Я же работал над этими чипами! Те, кого поставили охранять ХАРП на случай ядерной войны, были зачипованы! Тут целая сеть подземных бункеров! У них электричество от установки! У них склады с провизией, оружием, топливом, медикаментами и боеприпасами! Всего этого там на миллион лет! Но они не имеют к этим ресурсам единовременного доступа! Только порционно! Автономные системы выдают порции необходимого только тем, у кого есть специальные чипы! На мертвых стражах чипы перестают функционировать! Не будет ХАРПа, и все системы перестанут работать. И стражи останутся ни с чем!

— Почему! Почему ты, мразь, не сказал об этом раньше?! Почему!!! Почему мы теряем драгоценное время! За что погибли Джон, Томас и Си Джей?!

— Линч! Линч хотел, чтобы стражи вас убили, и делу конец!

— Ты работаешь на Линча?! Сука!

— Нет! Хорнет тоже хотел, чтобы стражи атаковали!

— Что?! Почему?! Он же за нас!

— Он за себя! Ему нужен конфликт со стражами! Он давно хотел прибрать к рукам все эти бункеры со складами! Он думает, что, воюя со стражами, сможет взять пленных и воспользо-

ваться их чипами! Или что я смогу восстановить работу чипов с мертвых стражей! Стражи сильны! Но они не расстаются со своими костюмами! Поэтому у них одна тактика, которая хороша против хуманималов! Но с людьми им биться сложнее! Хорнет думает, что одолеет их!

— Твари! Вы все мелочные твари! — заорал, хрипя, Николай. — Вы хоть отдаете себе отчет в том, что уже завтра этих складов, стражей, хуманималов и всех вас может не быть, а?! Надо ХАРП уничтожить, а вы, твари, тут замышляете войну из-за ящиков с консервами, гниды!

— Коля! — Варяг подбежал к Васнецову и схватил его за руку. — Коля, надо уходить. Их тут наверняка скоро станет много больше. Филипп ранен серьезно.

— Варяг, ты хоть понимаешь, что нас на куски теперь порвут эти идиоты в Хоуп-Сити? Ушли русские и американцы, а вернулись только русские и полумертвый канадец! Да еще начали войну со стражами! Нас там убьют!

— Коля! Там Славик! Нам надо вернуться! И Филиппа спасти! У нас выхода другого нет! Там самолет!

— Черт... Черт! Черт! Твою мать! Лазар, я тебе мозги вышибу!

— Коля, оставь его, черт подери! — заорал Яхонтов.

Порывы ветра резко прекратились, и явственно слышался вибрирующий гул, наполняющий воздух. Гудели пятнадцать гектаров излучателей ХАРПа, находящегося совсем близко. Там, за этой вершиной, в долине... Рваную линию гор очерчивало красноватое сияние, поднимающееся в облака и окрашивающее их в кровавый цвет. И за ближайшей вершиной чудовищным басом завыла сирена.

Николай зажмурился до боли в глазах, гоня от себя отчаяние. Он думал сейчас только о маленькой девочке Воунди-Табите. Она ведь ждет, что он спасет ее и всех людей. И другого выхода нет. Надо возвращаться.

— Они тревогу подняли! — крикнул Варяг. — Валим отсюда, живо! Лазар, какого хрена лежишь?! Вставай!

29
WAR

Ехать обратно по собственным следам было непросто. Они были почти полностью заметены метелью и проглядывали в снегу лишь местами. Варяг придерживал на своем снегоходе

раненого Филиппа. Лазар тянул на буксире большое брезентовое полотно, которое имелось в инвентаре снегоходов, чтобы накрывать их в дальних рейдах от непогоды. В брезент были завернуты тела Си Джея, Томаса и Тиббетса. Замыкал Николай, у которого уже был опыт вождения такого транспорта после Якутии. Двигатель его машины как-то неприятно хрипел. Видимо, шальная пуля что-то повредила в двигателе, однако тем не менее работал. Они мчались обратно в Хоуп-Сити. Это было обидно. Это было больно. Ведь Николай уже чувствовал дыхание проклятого ХАРПа. Он слышал его монотонное урчание. Он чувствовал запах озона. Ему только надо было протянуть руку. Но нет. Обратно. Бежать. Еще ни разу за свое путешествие им не приходилось бежать обратно. Они неумолимо шли к своей цели, и вот сейчас, когда она почти достигнута, они бегут, понеся потери. А как быть дальше? Трудно что-то планировать и предполагать, когда не знаешь, как теперь встретят люди в Хоуп-Сити. А встретить могут очень плохо...

Ледяной ветер дул в спину, нанося удары тяжелыми порывами. Казалось, что стражи настигают их, и Васнецов то и дело оглядывался. Но их никто не преследовал. Это было даже как-то странно. Оглянувшись в очередной раз и не обнаружив ни тени намека на преследование, он снова стал смотреть вперед и увидел, что Варяг замедлил ход и остановился. Затем выскочил из седла и стал разглядывать снег, бродя вокруг своего снегохода. Остановился и Лазар, боязливо оглядываясь на Николая. Васнецов притормозил рядом с Варягом.

— Что случилось?! — воскликнул он, перекрикивая ветер.

— Что-то странное! — Яхонтов продолжал рассматривать снег. Под наметенным слоем едва проглядывали следы снегоходов. — Шесть следов!

— Шесть?! — Николай удивился. — Как это?! У нас ведь четыре этих тарахтелки было!

— Вот именно! А следов шесть! Но я думаю, что два следа от одной машины! Вот! Посмотри! След в обратную сторону! И совсем недавно! Он ехал за нами, а потом повернул назад!

— А кто это был?!

— Да хрен его знает! Наверное, кто-то из Хоуп-Сити! Следил за нами! — Варяг развел руками.

— Так! — Васнецов выскочил из седла и, схватив Лазара за меховой воротник его шубы, с силой швырнул его в снег. — Кто шпионил за нами!!! — заорал Васнецов, срывая с плеча автомат. — Отвечай, живо!!!

— Наверное, кто-то из людей Линча по его указке! — крикнул Роберт. — Прекратите так со мной обращаться!

— Почему ты нас не предупредил, скотина!

— Я сказал, прекратите! Откуда я знал! Я сам только сейчас узнал, что был еще кто-то! Я просто предполагаю, что это человек Линча!

— Коля! Хватит уже наезжать на Боба! — окрикнул Варяг. — Надо торопиться!

— Ах, какие мы нежные! — Васнецов фыркнул и, отвернувшись, чтобы не смотреть на то, как Яхонтов помогает Лазару встать и отряхнуться, побрел к своему снегоходу.

И вдруг он ощутил тишину. Абсолютную тишину. И тишина эта настала только для того, чтобы вдруг он услышал нарастающий гул. Николай поднял взгляд и, взглянув на горизонт, остолбенел. Отовсюду на них мчалась черная масса каких-то жутких тварей. Они рычали «ха-а-а-арп» и издавали звуки перетираемых камней. Он вспомнил их. Он их уже видел во сне. Жуткие кремниевые псы — стражи ХАРПа. Он огляделся. Они неслись со всех сторон, сужая кольцо вокруг трех живых и трех мертвых людей. Николай оскалился в недоброй улыбке, поднимая автомат.

— Ну, наконец-то. А я уже волноваться начал. Сейчас вы нюхнете моего гнева.

Он бормотал браваду, старясь унять волнение и страх. Хотя какой страх? В данный момент он просто не знал, что это. Главное, что он услышал, как скрипят качели. Они скрипели все громче, а твари были все ближе.

— Мужики. Валите. Прорывайтесь через их строй. А я ими займусь, — пробормотал Васнецов, медленно прижимая к плечу приклад автомата и пристально глядя в прицел. — Срал я на ваши рычания, уроды.

И он нажал на курок. Автомат как-то медленно задергался в руках, послушно ложась в направлении стрельбы после каждой выпущенной пули. И странное дело. Он видел, как эти пули вылетают и мчатся в кремниевых псов-стражей. А те рассыпаются от первого же попадания, как пепельные кучки от порыва ветра. Выстрелы звучали глухо, как издалека. Зато хорошо скрипели качели, которых тут и в помине не было. Как бы медленно ни вылетали пули и как бы лениво ни ухал автомат, рожок очень скоро опустел. Николай набрал полные легкие ледяного воздуха и, заорав так, как кричат исполинские

непобедимые чудовища из самых жутких кошмаров, бросился навстречу приближающейся массе. Приклад М-16 обрушился на голову первой твари. Монстр рассыпался в прах. Следующий... И еще... Он размахивал оружием, как секирой, и отправлял этих тварей одну за другой обратно в ад, ведь он сейчас защищает свой мир. Рай, из которого они изгнали когда-то Бога... Он казался себе сейчас этим самым Богом, вернувшимся в покинутый рай, чтобы навести порядок, а эта нескончаемая стая жутких тварей ничего не может ему сделать, и ему надо только изящно размахивать автоматом и сносить им безобразные каменные головы... Что за скотина набросилась со спины? Николай рухнул в снег и, резко развернувшись, нанес удар ногой. Варяг отлетел.

— Коля! Ты сдурел, что ли?! — заорал Яхонтов.

— Варяг! Бегите! Только я смогу с ними справиться! — закричал Васнецов, вскакивая.

— С кем справиться? Ты с ума совсем сошел?!

Васнецов стал судорожно дергать головой, оглядываясь. Никаких кремниевых псов вокруг не было. Снежная пустошь и ветер, гоняющий белую пыль.

— Черт, как же это?! — воскликнул он.

— Коля, что с тобой! Ты куда целый рожок выпустил?!

— Но я же видел!

— Видел кого?!

И снова качели. Они скрипели, отдаваясь пульсацией в голове. Скрип становился все громче и все чаще, пока не слился в пронзительный визг циркулярной пилы, разрывающий разум. Он задрожал и, упав на колени, схватился за голову, издавая жуткие вопли, желая перекричать этот визг и слышать только собственный крик.

— Да что с тобой, Коля?!

— Хха-а-ар-р-ррп... — орал Васнецов, мотая головой и вытряхивая из себя этот скрип. — Ччче-ер-р-рттт! Это он!!! Это он со мной делает!!! Сссу-у-укка!

— Он же сумасшедший! — воскликнул подбежавший Лазар.

Николай промычал что-то и вдруг уставился на Лазара. А он не такой худой. На его мясе можно неделю продержаться... Черт! Он снова тряхнул головой. Вскочил и с размаху врезал Роберту по лицу.

— Варяг, да сделайте с ним что-нибудь! — воскликнул Роберт, в очередной раз упав в снег.

Следующий удар нанес Яхонтов. Васнецов отлетел в сугроб и, распластавшись на снегу, уставился в затянутое тучами небо, прижимая к больной скуле снежный ком.

— Спасибо, — вздохнул он, почувствовав, что скрип исчез. — Теперь легче.

— Коля, да что за дьявол в тебя вселился!

— Надо же, а думал, наоборот, — проворчал Васнецов, поднимаясь. — Торопиться надо, Варяг... Он обратить меня может...

— Чего?! Кто?!

— ХАРП. Он боится. Он чувствует. Я уверен.

— Молодой человек! ХАРП — это сложный технический комплекс! Это груда железа! Он не может думать и чувствовать! — воскликнул Лазар.

— А люди могут? — Николай усмехнулся.

— Вы о чем?!

— Я о ядерной зиме, черт тебя дери. Поехали уже... Пока я с катушек не съехал... Тебя, Лазарчук, первого в таком случае сожру. У Варяга мускулы. Он жесткий... И... и невкусный...

— Fucking sick asshole, — проворчал тихо Лазар.

* * *

Всю дальнейшую дорогу он размышлял о том, что с ним произошло. Он как-то совсем не учел, что, возможно, ХАРП действительно каким-то образом влияет на мозг. На разум. Только как? Едва ли ХАРП был чем-то мыслящим и действовал осознанно, если только его излучением кто-то не управлял, воздействуя на мировое психополе или делая это локально. Он вспомнил о «генераторах чудес». Вспомнил тот зов, что затащил его и Людоеда в метро Екатеринбурга. Вспомнил проект «Ареал», о котором они вычитали в старых записях Нижнего Аркаима. Все больше думая об этом и сопоставляя какие-то моменты из своих воспоминаний и текущих ощущений, он все четче осознавал то, что все в этом мире взаимосвязано. Что есть это вселенское психополе или мировой разум, о котором что-то говорил тот слепой старик, напророчивший гибель Ильи. Есть что-то непостижимое, необъятное и в то же время такое близкое... Совсем рядом. Вокруг каждого живого существа. В разуме каждого человека. И как чудовищно и противоестественно в таком случае убивать. Воевать. Ненавидеть. Считать, что мож-

но думать о себе, а беды и чаяния других тебя не касаются. Нет. Так не бывает. Просто люди не тратили свое время на постижение истины и тайн мироздания. Не озадачивались эволюцией своего разума. Не рвались вперед все вместе. Люди силой выясняли между собой отношения по всяким надуманным и нелепым поводам. И теперь ему все это расхлебывать. И всем тем детям от этого страдать. Но проклятый джинн, которого люди когда-то выпустили из волшебной лампы своего разума, не хочет сдаваться. Да. Очень тяжело исправить то, что сотворено необдуманно. Еще сложней исправить последствия действий спланированных. Люди очень хорошо подготовили свою смерть. Смерть пока у людей получалась лучше всего. Но оттачивать искусство жизни они почему-то не додумались. Глупые, несчастные существа. Видимо, очень рано им открылись тайны атомной энергии, пси-полей, генной инженерии и всего того, что стало монолитной надгробной плитой цивилизации... А что до остатков этой цивилизации, так вот они. Они уже ждут. Давно, видимо, ждут. Нетерпение заставило их выскочить из сугроба и орать проклятия на своем языке, красноречие свое дополняя направленными на них стволами огнестрельного оружия. А может, наброситься на них, как он набросился на воображаемых псов? Нет... Глупо...

Рейнджеры своими криками и угрозами применения оружия заставили их спешиться и бросить оружие. Повалили на снег и связали. Тот, кто следил за ними, видимо, поведал своим, что русские дали бой стражам и из-за этого погибли трое американцев. Собственно, то, что нужно было Линчу. Иначе отчего этим рейнджерам Хоуп-Сити быть сейчас такими враждебными?

— Филиппу помогите! Ему медик нужен! — орал Варяг, которого сдерживали пять человек.

Силу применили даже в отношении Лазара.

— Окажите помощь Филиппу! Ребят по-людски похороните! — продолжал кричать Яхонтов.

Николай отрешенно слушал его. Смиренно принял веревку на своих запястьях, связываемых за спиной. Он понимал, что сейчас сопротивляться нет смысла. Сейчас их убивать не станут. Это было бы слишком просто. А им ведь нужно шоу. Значит, его час еще не пробил. А когда пробьет, он покажет им это самое шоу.

* * *

И снова та же самая камера. Их снова грубо сюда затолкали. Чуть позже приволокли в камеру и Вячеслава, бросив его на нары. Сквернослов кряхтел и морщился, растирая больную ногу.

— Опять вместе, а это главное. — Он улыбнулся сквозь гримасу боли. — Пусть даже и в клетке. Я слышал, что погиб кто-то из группы, что к стражам пошла. Я немного их болтовню стал понимать. Очень за вас боялся. Слава богу, вы в порядке.

— Н-да, надолго ли? — хмыкнул Яхонтов.

— А что. — Славик хихикнул. — Небось опять Колян все облажал, да?

Васнецов лишь бросил на него злой взгляд и подошел к решетчатой двери. Просунул руки через прутья и скрестил пальцы, задумчиво глядя на висящее на клетке напротив грязное полотно. Интересно, тот хуманимал еще там?

За пределами тюремного блока слышались шум и крики. Что там происходило, трудно было вообразить. Что стало с Лазаром, тоже непонятно. Его связали, как и их, но отвели в другое место. И самое главное, что теперь будет с ними?

— Чувствую, буча нехилая тут назревает, — сказал Вячеслав, обращаясь к Яхонтову.

— Что ты имеешь в виду? — спросил тот.

— За мной пришли незадолго до вашего возвращения. Я так понял, что Рэймен запретил своим бойцам отдавать меня людям Линча. Там до стрельбы дошло. Они, люди Линча, подстрелили кого-то в подвале. Меня когда выволакивали из нашей конуры, я много крови видел на полу, и тело какое-то лежало. А до того пальба была. Жутко было, они там детей всех перепугали, а те выли. Плакали. Кричали.

— Дети, — прошептал Николай, прислонившись лбом к решетке. — Дети... Дети... Дети... Опять никто о них не думает...

И вдруг он заметил, что на него через приоткрытый угол материи смотрит безумный жуткий глаз хуманимала. Дикарь отодвинул материю и украдкой смотрел на человека, лежа на полу своей клетки.

Васнецов уселся на пол, чтобы быть примерно на одном уровне с ним, и улыбнулся хуманималу.

— Привет.

Тот моргнул.

— У тебя есть имя?

Хуманимал снова непонимающе моргнул.

Конечно, он не поймет. Пусть это одичавшее существо и не воспринимается людьми как человек. Возможно, он человеком и не является. Но он американец в прошлом. И он не поймет русского языка. Но есть сила мысли. А разум человеческий вне рамок, границ и языковых барьеров, как и язык жестов, мимики и живых эмоций, если общаться не посредством речи, которая тысячелетиями не менялась, лишь обрастая новыми словами, а посредством универсального языка мирового разума... Хотя откуда у этого существа разум?

Хуманимал медленно отодвинул рукой занавесь еще больше и теперь смотрел на Николая двумя глазами. Их взгляды встретились в одной точке, словно вне осязаемого пространства. В каком-то потустороннем мире. И Васнецов понял, что не ошибся...

* * *

— Джуниор, детка, ну хватит уже играть. Спать давно пора.

Мама потрепала его по русым волосам. Джуниор тем не менее продолжал жужжать губами и водить взад-вперед одной рукой большую игрушечную пожарную машину, другой придерживая фигурку супермена Росомахи, заставлять ее прыгать вокруг машины. Обе игрушки подарили ему вчера в его шестой день рождения.

— Мам. А папа не придет сегодня? — спросил мальчик, не отрываясь от игры.

— Нет, детка. У него ночная смена. Он завтра придет. Давай спать.

— Мам, ну, — заныл ребенок. — Ну ведь каникулы. Мне ведь не надо утром вставать.

— Ну и что? — Мать улыбнулась. — Ты еще маленький. А маленьким детям надо всегда ложиться спать в одно и то же время.

— Скорей бы взрослым стать, — вздохнул Джуниор. — Тогда я смогу играть сколько захочу.

Мама засмеялась:

— Когда ты станешь взрослым, то играть уже не будешь. У тебя будут взрослые дела и заботы.

— Точно! Я стану спасать мир! Я когда вырасту, то стану Росомахой!

— Глупенький. — Она продолжала смеяться. — Ты же хотел стать пожарным, как папа.

— А я вот подумал, лучше быть Росомахой. Он сильный. Он все может. Значит, и пожар потушить может. И людей из огня спасти, верно? Так, может, лучше стать не просто пожарным, а Росомахой пожарным?

Мать залилась звонким смехом, который так любил Джуниор.

— Очень правильный ход мыслей, детка! А ты помнишь, в прошлом году ты хотел стать Халком?

— Мам. — Мальчик поморщился. — Он зеленый какой-то. Он меняется. А вот Росомаха не меняется. У него только вот здесь титановые когти вырастают... ккккх!!! — Он растопырил пальцы ладоней.

— Ой, боюсь, — произнесла играючи мама и подняла руки.

— Мам, не бойся. Росомаха не причинит вреда. Он добрый. Он даже когда злится, все равно добрый.

— Детка, — вздохнула, улыбаясь, мать и обняла сына. — Я люблю тебя, Джуниор.

— Я тоже люблю тебя, мам, — прошептал он, щурясь от удовольствия и думая, как же все-таки здорово пахнут мамины русые волосы. Такие же русые, как у него. Только длинные, до плеч. — Мам...

— Что, сынок?

— Мам, а почему когда Халк становится большим и зеленым, то на нем рвется вся одежда, а трусы остаются? Лучше быть Росомахой. Если я стану Халком, то мне придется много работать, чтобы все время покупать одежду. Ведь она рвется, когда он злится и становится большим и зеленым. А вот трусы почему-то остаются. Они у него особенные?

Мать снова залилась звонким смехом.

— Ну ты даешь, сынок!

— А чего смешного, — обиженно буркнул Джуниор. — Это же серьезный вопрос, мам. Мне непонятно, почему так?

— Детка, это сложный вопрос, — улыбнулась она. — Давай ты сейчас отправишься спать, а я подумаю и завтра тебе отвечу. О'кей?

— Ладно, — досадливо протянул Джуниор.

Мать что-то еще хотела ему сказать, но притихла, вслушиваясь в какой-то звук, доносящийся с улицы.

Там пронзительно выла сирена. Потом мимо дома по улице, похоже, промчалась полицейская машина и что-то кричали из ее громкоговорителя. Мать взяла с журнального столика пульт от телевизора и включила его. По всем каналам была одна и та же статичная картинка с мрачной и не предвещающей ничего хорошего надписью «Экстренный бюллетень».

— Внимание! Прослушайте экстренное сообщение управления гражданской обороны округа! Атомная тревога! Атомная тревога! Наша нация подверглась ядерному нападению!

— Атомная тревога! — радостно воскликнул Джуниор, хлопая в ладоши и предвкушая необыкновенные приключения. Он даже подпрыгнул несколько раз. Но азарт покинул его, когда он взглянул на лицо матери. На лице ее застыл ужас...

Они спустились в подвал. Он прижимал к себе игрушечного Росомаху и чувствовал страх. Потому что боялась мама. Он слабо понимал, что происходит там, за пределами их дома. Но если мама боится, значит что-то плохое. Еще страшнее стало, когда мама спохватилась и побежала обратно в дом. Джуниор зажмурился и сел на пол, заставляя себя думать, что все это такая взрослая игра. Мать вернулась быстро. Она принесла в большой корзине продукты из кухни и большую бутылку с питьевой водой. Потом она кругами ходила вокруг сына, о чем-то сосредоточенно думая. Видимо вспомнив, что еще нужно взять с собой в укрытие, она снова бросилась к лестнице, ведущей наверх из подвала.

Именно в этот момент последовал ядерный удар.

Вспышки они не видели, поскольку в подвале не было окон. Только моргнули лампы и погасли совсем. Но они слышали гул, который все нарастал. И дрожь земли, превратившаяся в оглушительный барабанный бой. А потом они оказались в коробке, которую тряс в руках злой великан. Весь мир содрогнулся, и все полетело со своих мест. То, что казалось раньше твердью, превратилось в сплошную адскую вибрацию. Все предметы, казавшиеся совсем безопасными, превратились в смертоносные снаряды, слетающие с привычных мест и сметающие все на своем пути. Разум Джуниора сжался в крохотный, но невероятно тяжелый комок, который он не в силах был удержать. Вся пыль, спрятавшаяся в щелях и прочих потаенных уголках подвала, превратилась в сплошной вихрь, наполнив-

ший помещение. А потом все затихло. Мальчик слышал, как мать зовет его, боясь, что он погиб от удара о стену или был зашиблен одним из взбесившихся предметов с сорванных со своих мест стеллажей.

Он слушал ее и хотел ответить, но не мог этого сделать от стыда и страха. И просто молчал, прижимая к себе дрожащими руками игрушечного супергероя Росомаху. Ему было невыносимо стыдно. Стыдно за то, что он обгадился от страха, когда все вокруг завертелось в чудовищном вихре от сотрясающейся земли. Он ведь мечтал вырасти и стать супергероем. Но супергерои не гадили в штаны даже в детстве. Он знал это из комиксов. А он обгадился. Значит, теперь ему не быть уже Росомахой. И соседские мальчики будут потешаться над ним. Он даже както не задумался, что все соседские мальчишки уже превратились в кровавый фарш и перемолотые кости... в обуглившиеся трупы или просто в пепел и пыль...

В конце концов перепуганная мать все-таки нащупала в кромешной тьме своего сына, зажавшегося в какой-то угол. Она не стала его ругать за молчание. Она ощупала его, судорожно водя руками, и прижала к себе, очень обрадовавшись, что с ним все в порядке. Оказывается, даже в такой ситуации можно радоваться. Особенно если родное чадо живое и невредимое... Но это была последняя радость...

Потом были долгие дни в подвале, пока не стала кончаться еда и вода. И догорали последние свечи. И стало невыносимо вонять из того дальнего угла, где они вынуждены были сделать отхожее место. И уже исчезла всякая надежда на то, что вернется со своей смены отец...

Все эти дни Джуниор продолжал обнимать игрушечного Росомаху, все надеясь, что и он сам вот-вот превратится в супермена. Ведь так всегда бывало в комиксах. В экстремальных ситуациях рождались супергерои. И он настолько сильно верил в то, что теперь и ему суждено стать одним из них, что каждый новый день разочарования лишь убеждал его в том, что если этого не произошло сегодня, то непременно случится завтра. Он обязательно станет суперменом, который спасет себя, маму и всех, кто в этом нуждался теперь. Но этого не происходило. И в конце концов случился крах веры, как некий эрзац смерти. Ведь смерть — это, наверное, тогда, когда все, во что ты верил, оказывается пустотой и ничем, как и надежда на то, что отец остался жив.

Мать долго пыталась разобрать завал и выбраться через дверь, ведущую на задний двор их дома. Внешний мир встретил их ужасающей картиной. Дом был сметен, как, впрочем, и все строения вокруг, на которые обрушилась ударная волна. Всюду смрад и копоть от пожарищ. Холодно оттого, что по небу ветер гонял рваные клочья сажи и пепла, дыма и отравленных облаков. И через все это солнце выглядело тусклым зловещим красным оком Сатаны. Они долго бродили среди руин в поисках пищи и воды. Но все было тщетно. Магазины, как и все вокруг, перемолото в труху, а продукты из них уже растащили мародеры, крысы и собаки. Они долго искали выживших, но когда увидели живых людей, то решили, что это еще опасней, чем быть среди мертвых руин.

По захламленной останками людей, машин и обломками домов улице бежала группа молодых парней. Следом, как мог в таких условиях, быстро ехал армейский «хаммер». Из люка на крыше торчал солдат в противогазе и каске и поливал этих парней свинцом из крупнокалиберного пулемета, убивая одного за другим. Мысль связаться с военными отпала не только после этой сцены, но и после того, как они заметили на переднем обвесе другой такой машины, стоящей у большого костра, гирлянду из отрубленных человеческих кистей.

Все желание найти выживших отпало, и они стали, наоборот, прятаться от них. А выжившие были. Страшное человеческое существо. Он был совсем обугливщийся. Сидел на чьем-то трупе перед оплавленной детской коляской и бормотал что-то, выпуская из язв на шее кровавые пузыри, при этом медленно раскачиваясь. И от его движений с тела этого человека отваливались куски плоти, отслаивающейся от костей. Они видели большого добермана с вытекшими глазами, который тащил в зубах человеческую руку. Группа молодчиков, похожих на тех, которых расстреливал солдат из «хаммера», только вооруженных, осматривала свежие трупы людей. Обчищали им карманы. Срывали золотые украшения и выбивали золотые зубы. В квартале от того места на покосившемся светофорном столбе кто-то повесил полицейского...

Всюду было зло, смерть и разрушения. Но нигде не было еды. И питьевой воды. Джуниор уже падал в голодные обмороки, когда его мать решила пойти на отчаянный шаг, чтобы спасти своего ребенка. Она вспорола себе осколком стекла руку и поила сына своей кровью. Она готова была на все ради него, даже

отдать всю свою кровь, ведь он и был шесть лет назад единым целым с ней. Одна плоть и кровь. Так он продержался еще день, но мать увядала на глазах. Несмотря на то, что она наложила тугую повязку, кровь не сворачивалась и текла. К тому же и ей нужна была пища. Чуть позже Джуниор заметил, что порывами ветра с мамы сдувает клочья ее красивых русых волос, которые еще недавно так сказочно пахли... Они наткнулись на банду подонков с наступлением нового рассвета. Джуниор спрятался в железном остове перевернутой и сгоревшей машины. И он видел что-то невообразимо страшное и не укладывающееся в голове... Он видел, как семеро мразей насилуют его мать. Святое божество. Самое дорогое, что может быть в его жизни... Он не знал, что делать. Он был не в силах что-либо сделать. Он просто смотрел на это и свернул игрушечному Росомахе голову. Он не превратился в супергероя. Он не спас никого, даже мать. Супергероев вообще не бывает. А вот злодеи, даже суперзлодеи, и даже самое отвратительное, что может получиться из суперзлодея, почему-то бывают... Разве это справедливо?

Когда довольные собой ублюдки ушли, он, рыдающий и изгрызший ногти до крови, подполз к лежащей истерзанной матери. Он плакал и звал ее, а она не откликалась. Она умерла... Святое божество. Самое дорогое, что может быть в его жизни...

Он лежал на ней и все звал ее, продолжая надеяться на чудо. Отгонял крыс и собак и возвращался к маме. Ложился к ней и старался уловить запах ее волос, словно это могло вернуть ее к жизни. Но пахло от нее теперь только грязью и кровью. А потом голод снова стал скрести по его телу когтями. И он в полубреду размотал повязку на руке матери и стал пить ее кровь. Он и сам не заметил, как откусил кусок ее плоти возле раны и съел. Он был возле матери, пока его не отогнал жуткий трупный запах, так непохожий на запах ее волос. И она уже была не похожа на то святое божество. Самое дорогое, что может быть в его жизни... Он шел в никуда, маленький обезумевший мальчик, которому всего было шесть лет... Который мечтал быть пожарным, как отец... Или Росомахой... Как Росомаха... Добрый супергерой...

В каком-то разрушенном доме он обнаружил уцелевший унитаз, в горловине которого была вода. И он с жадностью пил ее, навалившись всем своим маленьким тельцем на этот самый унитаз. Трещина в этом предмете туалета была достаточной, чтобы от веса шестилетнего худого мальчугана откололся ку-

сок. И когда какой-то человек схватил Джуниора и стал раздевать, мальчик узнал одного из тех, кто покусился на святое божество... Он просто вонзил этой мрази осколок унитаза в шею и, подождав, когда тот перестанет дергаться в агонии, хватаясь за вспоротое горло, стал пить его кровь и объедать шею. Он теперь знал, как добыть еду...

* * *

— Какой ужас... — Николай покачал головой, глядя в безумные глаза хуманимала. — Какой же ты испытал ужас... Джуниор...

Хуманимал вздрогнул и раскрыл рот.

— Джуниор... — повторил Васнецов. — Ведь так тебя называла мама...

И это существо заплакало. Слезы потекли по безобразным грязным скулам. Хуманимал завыл, хлопая себя ладонями по лбу. Затем заорал яростно и задернул штору. Он кричал, как раненый зверь, и метался по своей клетке, прыгая на одной ноге и ковыляя культей второй ноги, скрытый черной грязной материей от чужих глаз и человека, вторгшегося в его воспоминания. А потом стали раздаваться звуки, красноречиво говорящие о том, что он разбивает унитаз в своей камере.

— Колян, ты что с этом обмороком сделал? Загипнотизировал? — усмехнулся Вячеслав.

— Побольше почтения! — рыкнул Васнецов, резко обернувшись.

— Чего? Колян, ты чего?! К кому почтение?!

— С ними можно установить контакт!

— С кем? — нахмурился Варяг.

— Да с хуманималами. И... Черт возьми, и с морлоками! А люди их просто убивают! Это неправильно!

— Коля, ты вообще дурак?! — крикнул Вячеслав. — Они же людей жрут!

— Они тоже люди! Просто у них все забрали, в отличие от нас! Они все потеряли! Абсолютно все! Мы неправильно поступаем! Мы уничтожаем все, что нам непонятно, и все, чего мы боимся! А это неправильно! Надо донести до людей информацию, что можно установить контакт с морлоками и хуманималами!

— Это ведь не тебе, придурок чертов, они ногу палкой проткнули! — Сквернослов совершенно вышел из себя. — А ты

вспомни ту девочку, за которой ты поперся в метро, там, в Москве. Что они с ней сделали?! А за каким хреном батя твой, или кто там на самом деле, лазит в подземке, выкашивает их пулеметом?!

— Да люди сами виноваты...

— Я в чем виноват, сука?! Девчонка та в чем виновата?!

— Заткнитесь! — заорал Варяг и вскочил со своего места. — Тихо, лошары! Заткнитесь и слушайте!

Они притихли. Только хуманимал негромко плакал в своей клетке. Это ясно слышалось. Единственный человеческий звук, который он издавал. Плач обессилевшего, отчаявшегося человека. Плач потери и тоски. Одиночества и боли...

Но после того как Варяг оборвал спор Николая и Вячеслава, кроме этого плача слышалось и другое. Выстрелы. Одиночные, очередями, кашляющий грохот дробовиков. Где-то среди подвалов Хоуп-Сити, совсем рядом с тюрьмой, шла перестрелка. Пальба сопровождалась криками и отборной бранью.

— Стражи пришли? — Васнецов взглянул на Яхонтова.

— Да непохоже. Стреляют из охотничьих ружей, винчестеров и М-шестнадцать. Пулеметов и МР-пять я не слышу. И ругань идет.

— Ты можешь разобрать, что они кричат?..

— А я говорил вам, что буча будет! — махнул рукой Вячеслав.

— Н-да. Похоже на то. Это местные разборки. — Варяг почесал бороду. — Плохи дела наши, братцы.

— А в чем дело? — Вячеслав насторожился.

— Сам подумай. Пока у них просто противостояние, мы в плену у Линча были предметом его торга с Хорнетом и Рэйменом. Но если все вылилось в гражданскую войну, то нас просто могут прикончить. Избавиться от нас, пока сюда не пришли другие.

— А в чем наша важность?

— Да я понятия не имею. Либо мы предмет манипулирования общественным сознанием. Либо все дело в бомбе. Кому она достанется.

— А им она зачем?

— Ядерная монополия — это абсолютная власть. Погодика... Совсем близко разговаривают двое...

Перестрелка продолжалась. И тем не менее было отчетливо слышно, как за правой дверью коридора разговаривают на повышенных тонах двое мужчин.

— О чем они треплются, а, Варяг? — спросил Славик.

— Погоди... Кажется, один предлагает экономить патроны и убить их ножом. Другой говорит, что в этом случае патронов много не надо, а ножом убивать их опасно, потому что один из них... что-то не пойму... медведь... да. Один из них медведь. И с ножом их можно не одолеть. Ведь они убили... пять стражей... Твою мать, да это же про нас говорят!

Два бородача вошли наконец в коридор. У одного в руках автомат М-16. У второго мачете. Это были люди Линча, из тех, что связали их по возвращении в Хоуп-Сити. Сомнений не было. Они шли, чтобы казнить пленников. И явно очень торопились.

Васнецов держался за прутья решетки и пристально смотрел на приближающихся палачей, которые продолжали спорить о выборе орудия убийства. Это было похоже на самую нелепую развязку их миссии, которую только можно было себе вообразить. Он отчаянно рисовал в голове четкую картинку того, как их снова спасает Людоед. Но это невозможно. Это более чем невозможно. Нет сейчас в мире никого, кто мог бы спасти их. А люди Хорнета и Рэймена сюда явно не успеют. Да и неизвестно, что последует после спасения такими людьми. Новый плен?..

Нет, черт возьми, так не должно быть. Так просто не может быть. Их не могут вот так просто взять и убить сейчас... Хотя нет. Могут. Вот именно такое и может произойти. Именно это и происходит постоянно. Просто не с ними. С другими. Но теперь дошла очередь и до них... И нет спасения...

Васнецов вдруг понял, что все, что он сейчас видит, не имеет цветовой гаммы. Что все, что видят его глаза, лишь в черно-белом цвете и с сильным контрастом. А голоса палачей вибрируют скрипом качелей. Он понял, что есть шанс...

Джуниор! Джуниор!!!

Палачи встали напротив клетки. Позади них висела грязная черная материя... Тот, что с автоматом, снял оружие с предохранителя. Второй что-то ему говорил, показывая мачете. Черная грязная материя рванулась в сторону, и автоматчику в шею воткнулся острый обломок унитаза. Другой рукой хуманимал выдернул из рук палача М-16 и швырнул его, как копье, в клетку Николая. Второй палач завопил и вонзил мачете хуманималу в живот, проворачивая широкое лезвие и наматывая на него кишки жертвы.

— Джуниор! Нет!!! — заорал Васнецов, схватив брошенный ему автомат. Он ведь уже снят с предохранителя...

Длинная очередь из автомата вспорола палачу спину и бок. И когда он уже падал, две пули попали ему прямо в лицо. Тот, кому проткнул шею Джуниор, уже умер. Мертв был и сам хуманимал...

— Коля! Ты американца убил! — воскликнул Вячеслав. — Вот теперь нам пи...

Раздался взрыв. Совсем рядом. Послышался звук падающей стальной решетки и падающих обломков камней. Две короткие автоматные очереди.

Из дыма и пыли, которые заволокли коридор после взрыва, показался Боб Лазар. Он гремел ключами и торопливо открывал замок клетки.

— Господа! Этот город сошел с ума! — воскликнул он, распахнув клетку.

— Вы на свободе, Роберт? — спросил выскочивший из камеры Варяг, сразу подобравший окровавленный мачете.

— Да. Большой совет настоял, что я все-таки свой для них.

— А что теперь происходит?

— Война, господа. Гражданская война. Начались беспорядки, когда выяснилось, что по приказу Линча Филиппу Даладье в нашем госпитале ввели воздух в вену посредством шприца.

— Что?! — Варяг не верил своим ушам. — Они убили Филиппа?! Зачем?!

— Вы жизнь ему спасли, и он на вашу сторону встал! И постоянно твердил, что надо уничтожить ХАРП раньше, чем стражи пришлют сюда экспедицию. И все твердил, что ему надо выступить перед общественностью и рассказать важную информацию о Линче и его связи со стражами. Вот ему и заткнули рот. Господа, поторопитесь, надо бежать!

В коридоре показались два вооруженных человека, которые махнули Роберту руками. Тот кивнул и побежал к другому концу коридора, путь от двери которого вел в убежище Рэймена.

— За мной, господа. Люди Хорнета хотят освободить вас, но вам лучше быть у людей Рэймена. Рэймен хочет уничтожить ХАРП, а Хорнету ХАРП нужен будет какое-то время после войны со стражами и захвата их горного комплекса. Без

ХАРПа комплекс не будет функционировать, и все, что спрятано там, в недрах, станет недосягаемым! А там столько всего! Если бы сейчас вся американская армия восстала из мертвых, то ее можно было там всю вооружить и накормить! Хорнет не против взорвать ХАРП, но уже после того, как он захватит все, что там есть! А это долго! Ведь сначала война со стражами! А еще Хорнету нужен я, чтобы восстановить работу чипов от мертвых стражей и разблокировать системы комплекса... Я ведь работал над этим! А Рэймен хочет поскорее покончить с ХАРПом! Он считает, что если мы доберемся до складов комплекса, то будет только хуже, ведь там столько оружия, что полмира можно поработить! Но Хорнет не будет воевать с Рэйменом. Просто их люди друг на друга руки не поднимут, ведь они обоих признают авторитетами! Если Хорнет захочет покончить с Рэйменом, то ему надо будет сначала провести информационную обработку людей... Мозги промыть... А это время. А времени мало. Пара дней — и сюда прибудет карательная экспедиция стражей! А если ХАРП уничтожить уже сейчас, они, стражи, останутся ни с чем. Но и Хорнет ничего не получит!..

— Черт возьми! — воскликнул бегущий следом Варяг, который помогал плюс ко всему двигаться Вячеславу. — А на чьей вы стороне в этой ситуации?

— Да я просто вам помочь хочу, — пожал плечами Лазар. — Сам не знаю зачем... Да и с Рэйменом мы добрые друзья...

Николай задержался у клетки хуманимала и посмотрел на его труп. Глаза Джуниора были открыты и смотрели в потолок. Странное дело. Сейчас это был не безумный дикий взгляд плотоядного зверя. Теперь это был спокойный и умиротворенный взгляд человека, который выполнил предначертанное.

«Прости, Джуниор, — мысленно обратился к нему Николай. — Я знаю, ты хотел стать супергероем, спасшим мир. Ты им стал. Ведь благодаря тебе мы живы. А если мы живы, значит у этого мира есть шанс на спасение...»

Васнецов протянул руку в клетку и осторожно закрыл глаза мертвому Джуниору.

— Прощай, Росомаха...

И Николай бросился догонять своих товарищей.

30
H.A.A.R.P.

Группа вооруженных рейнджеров выскочила из уже знакомого большого подвала, в котором за ними по-прежнему была закреплена комната. В дальнем конце снова сидели дети на своих местах. Они были напуганы. Их успокаивали женщины и старик с повязкой на глазах. Все посты по дороге в зону ответственности Рэймена были усилены. Уже каждый человек знал, что в Хоуп-Сити начались вооруженные столкновения между сторонниками Линча и Хорнета. Рэймен держал пока нейтралитет, хотя не делал секрета из того, что любой боевик Линча будет на его территории арестован, а вот солдаты Хорнета имеют относительную свободу передвижения по данной территории. Симпатии чернокожего лидера были очевидны и никого, собственно, не удивляли.

Варяг помог Вячеславу зайти в комнату. Следом шел Николай. Лазар крикнул: «Я скоро!» — и побежал в апартаменты Рэймена. Не отошедший от шока после экскурса в воспоминания хуманимала, который погиб, спасая их, Васнецов не заметил, как возле него возникла коляска с Табитой. Девочка схватила его за руку и радостно воскликнула:

— Nicolay! Nicky! Savior!

Она прикрыла веки, и казалось, что вот она сейчас распахнет очи и у нее будут здоровые глаза...

— Да... Привет, Воунди...

Васнецов улыбнулся и почувствовал, как подкатывают слезы, настолько трогательной была эта девочка в своей радости оттого, что он жив и он здесь.

— Privet!

Ему стало больно. Так больно, что ноги подкосились. Он присел перед ней и пристально посмотрел в ее слепые глаза. Но казалось, что она видела без них гораздо лучше зрячих людей. Николай почувствовал пустоту и одиночество. Он вспомнил Славика и его погибшую во время землетрясения Аленку с улицы Советской. Славик порвал с ней, потому что боялся рождения ребенка, который мог быть уродливым... И вот сейчас Николай вдруг понял, что он бы на его месте не стал бояться. Как бы он сейчас хотел, чтобы рядом с ним была спутница. Супруга. И очень хотел, чтобы она подарила ему ребенка. Страшно? Конечно страшно. Но это жизнь. И дети... Вот что самое глав-

ное. Вот ради чего стоит спасти этот мир. Взрослые... Да черт с ними. Они убивают друг друга... Но дети... Даже такие... И пусть бы у него был ребенок. И пусть бы он стал по вине людей таким, как Табита... Родился бы с массой изъянов... Как у Артема-Ветра из Вавилона... Как у китайца Дракона из Екатеринбурга... Это больно. Это мучительно больно. Но жизнь не может топтаться на месте и вымирать, потому что человек боится и не хочет испытывать боль, брать на себя ответственность и мучиться с больным ребенком... Нет. Жизнь должна продолжаться. И дети должны рождаться. Дети — это и есть сама жизнь. И либо они будут рождаться, несмотря ни на что, либо люди вымрут, и их место займут другие. Те, кто думает о детях. Даже крысы думают о своих крысятах. Даже волки любят своих волчат. А если на это неспособны люди, то пусть будут крысы и волки... Со своими детками... Жизнь должна продолжаться...

Какая-то женщина подбежала к Табите и стала увозить ее к основной группе детей, что-то приговаривая. Табита махала Николаю ладошкой и улыбалась.

Он тоже махнул ей рукой, не будучи уверенным, увидит она это или почувствует, и улыбнулся. Войдя в комнату, он увидел, что на лице Варяга странная ухмылка и он смотрит в низкий потолок. А вот Сквернослов совсем угрюмый и смотрит на Варяга с каким-то укором.

— Вы чего тут? — спросил Николай.

— А ты этого старого дурака послушай. Совсем борода из ума выжил, — громко проворчал Славик.

— Варяг, чего такое?

Яхонтов повернул голову и как-то снисходительно улыбнулся.

— Неужели не понятно, Коля?

— Что? Что именно не понятно?

— А то, что больше летчиков в обозримом мире нет. Только я.

— И что?

— Как что? — Варяг тихо засмеялся. — От судьбы не уйдешь. Мне лететь.

— Нет, Колян, ты слыхал? — воскликнул Сквернослов. — Дядька, видно, много раз по голове получал. Вот и аукнулось! Симптом налицо!

— Тише ты, Славик, — досадливо поморщился Варяг. — Я ведь так врежу на прощание...

— Погоди, Варяг. — Васнецов развел руками. — Но ведь это же билет в один конец. Все так решили, что это миссия самоубийцы!

— А я разве спорю?

— Но ведь ты погибнешь! Самолет тихоходный! Шансов уйти от взрыва нет!

— А кто просчитывал шансы? Это так, навскидку. Ну а если даже и нет... Не о шансах того, кто сбросит бомбу, речь. Мы говорим о втором шансе для всего человечества. Для всей земли. Мы ведь за этим шансом сюда шли. Да и не второй это шанс. Первый и единственный. Второго шанса уж точно не будет. А вот этот единственный... Мы за ценой не постоим. На это жизни свои положили ребята из конфедерации. Гвардейцы Старшины. Андрей и Юра. Ильюшка Крест... Судьба просит нового поступка... И я на него пойду...

— Варяг, нет!

— Угомонись, Коля. Я стареющий одинокий мужчина. Я пожил свое. А вот у вас, ребятки, должно быть будущее. Оно не будет легким и безоблачным. Но я знаю, что вы справитесь и пройдете свой путь достойно. Главное, чтобы у вас этот путь был. И для этого надо полететь и сбросить бомбу.

— А по-другому никак?! — крикнул Вячеслав.

Николай с изумлением заметил, что Славик плачет.

— По-другому? Ты посмотри на людей. Если бы они думали об этом... Но они сейчас заняты взаимным истреблением. Все на волоске повисло. Я сам не в восторге именно от такого решения. И дело не в том, что я не хочу умирать. Это даже как-то дико, умирать в ядерном взрыве, — и это через двадцать-то лет после ядерной войны. Меня гложет, что мне придется привести в действие эту адскую машину. Что никакие другие варианты сами люди, которых спасать надо, задействовать не дадут. Из-за глупости своей, жадности, злобы, недальновидности... Просто нам не надо спрашивать у людей, какой вариант для них предпочтительнее. Они утопят все в болоте своей низости. В спорах ненужных. Надо просто ухватиться за ту возможность, которая есть, и сделать свое дело. Если ты тонешь, то, видя ядовитую змею, ухватишься даже за нее, чтобы не пойти на дно. И сказать по чести, я более не желаю видеть братоубийства. Как они мочат друг друга. Я не желаю видеть, как они схватятся со стражами и кто одержит верх. Я видел столько крови, что иногда мне даже странно, что весь наш мир серо-белый, а не

багряно-красный. И ведь ничего не изменится. Люди, получив этот свой шанс, продолжат воевать. Это правильно Славик сказал. Сейчас людей снег и холод заставляют по норам сидеть в основном. А потом? Потом начнутся походы завоевательные. Нет уж. Хватит с меня. Да и вам советую постараться не ввязываться. Это их война. Не наша. Это не Москва. Это не Вавилон. Это не Новая Республика. Пусть сами разбираются. Вам выжить надо. И нелегкий путь домой...

В комнату вошли Лазар и Рэймен.

— Рад, что вы в порядке, — кивнул Морган. — Однако мы оплакиваем наших братьев. Си Джея. Томаса. Джона Тиббетса. И какое это было варварство со стороны Линча — добить несчастного Филиппа Даладье. Мистер Лазар поведал мне о том, как все было там, на рубеже стражей. Я знаю, что вины вашей в том нет, что произошло. Напротив. Вы спасали наших людей. Это благородно.

Васнецов взглянул на переводчика. Что он мог видеть, прячась за тем камнем? Джон и Томас уже были мертвы, когда только остальные спохватились. И ведь Лазар знал, что так, скорее всего, и будет, иначе не спрятался бы заблаговременно за камнем. Однако он рассказал какую-то приукрашенную историю и добавил им уважения Рэймена.

— Что у вас сейчас творится? — спросил Варяг.

— Гражданская война. Я бы сказал, что мы не знали ее со времен Авраама Линкольна, но это не так, конечно. Как только в одночасье не стало институтов власти после массированного ядерного удара, эта самая война началась. И вот она через столько лет докатилась до нашего Хоуп-Сити. Это скверно...

— Еще бы. Ну а каков теперь расклад?

— Дональд борется за власть без Линча. Соответственно, за свою единоличную власть. Или за власть совета, в котором будут лояльные ему люди вроде меня. Должен признаться, что Хорнет давно вынашивал такие планы. И конфликт имел место быть в латентной фазе. Но ваше появление стало тем недостающим звеном его плана, которого не хватало для воплощения.

— Здорово, — поморщился Яхонтов. — Так, значит, мы спровоцировали у вас гражданскую войну? Он что, ждал нас?

— Я ведь не это сказал. Так обыграл ваше появление здесь Дональд. Ему нужен был удобный повод. Любой. Им оказались вы. Не вы виноваты в том, что сейчас происходит. Это логиче-

ское продолжение многолетнего политического противоборства. На данный момент обе группировки сильны. Сейчас они занимают разные районы убежищ города. Может случиться так, что Линч продержится до прихода сюда стражей. Тогда будет совсем плохо. Особенно вам.

— И это положит конец нашим надеждам на избавление от ХАРПа, — покачал головой Варяг.

— Совершенно верно, — ответил Рэймен.

— Ну а каков ваш план?

— На самом деле я не желаю потворствовать кровопролитию и ввязываться в начавшуюся гражданскую войну в городе. Это мерзко. Но может статься так, что мне и моим людям придется это сделать. Ведь если придут стражи, то в городе не должно быть их союзников. Иначе нам всем конец, кроме горстки приспешников Линча, которые связаны со стражами. Однако это наши, внутренние дела. А вот что касается ХАРПа... Обстановка очень сложная, и медлить нельзя. Джон был готов сделать этот шаг в преисподнюю, который покончит с ХАРПом. Но Джон, к несчастью, мертв. А вы летчик. Я не знаю, что у вас на уме. Но хочу сказать, что другого выхода, кроме применения вашей бомбы на нашем самолете, не вижу. В сложившейся ситуации уже нет места терзаниям по поводу того, кто взорвет на территории Америки эту бомбу, русский или американец. Сейчас все будущее мира на волоске повисло.

— Если вы, дорогой Морган, пришли уговаривать меня сделать это, то напрасно. — Варяг улыбнулся. — Я уже и так понял, что, кроме меня, здесь некому пойти на такой шаг, и я готов поступить именно так. Я полечу на вашем самолете и взорву нашу бомбу.

Рэймен вздохнул и повесил голову.

— Я мог бы сказать, что рад такому вашему решению. Но едва ли это будет уместно. Вы же понимаете, чем это грозит?

— Конечно. — Яхонтов кивнул.

— И я скажу вам честно, — продолжал Морган. — Я не могу обещать вам славу и вечную память. Не могу обещать вам добрую память...

— Не для этого все, — махнул рукой Варяг. — Для того, чтобы у этих парней было будущее.

— А ты нас спросил, а?! — рявкнул Вячеслав.

— Да зачем мне у вас спрашивать? — Яхонтов усмехнулся. — Я и так знаю, что скажете. — Затем он повернулся снова

к Моргану: — Послушайте, мистер Рэймен. У меня к вам одна лишь просьба.

— Да. Я слушаю вас.

— О парнях моих позаботьтесь. Хотя бы пока они здесь. Защитите их. Дайте им подлечиться и спокойно уйти. Им нелегкий путь домой предстоит.

— Я даю вам слово, что все, что лично от меня зависит для защиты их жизней, я сделаю. И если надо будет, то защищу их ценой своей жизни.

Варяг задумчиво покачал головой.

— Знаете, — сказал наконец он, — для меня большая честь встретить такого человека, как вы.

— Как и для меня честь быть вашим другом, — кивнул Морган, улыбнувшись.

— Ну что ж. Дело наше не терпит отлагательств. Мне надо отправиться за бомбой. Вы знаете, где нас ваши люди арестовали в первый раз? Какое расстояние отсюда до того места?

— Разумеется. Около двадцати миль, — ответил Рэймен.

— Около двадцати миль. — Яхонтов задумчиво почесал бороду. — Дайте мне снегоход и оружие.

— Конечно. Однако вынужден сказать, что сложно будет с сопровождением. В данной обстановке мне нужны люди на своих местах. И сейчас жесткая экономия горючего. Максимум могу выделить двух человек...

— Я один пойду, — категорично заявил Варяг.

— Ты чего? — нахмурился Николай.

— Тише, Коля, — поморщился Яхонтов.

— Вы уверены? — Рэймен с сомнением посмотрел на искателя.

— Конечно уверен. Двадцать миль — это не много для меня. Только верните мне мой передатчик.

— Хорошо. — Морган поднялся. — Я пойду отдам соответствующие распоряжения.

Он и Лазар удалились.

— Варяг, да ты совсем, я смотрю, рехнулся, — строго произнес Николай.

— Полегче, парень. — Яхонтов показал ему кулак.

— Погоди, но как это ты один пойдешь? Я с тобой иду.

— Нет, Коля. Пойду один. Быстрее будет.

— Да ты хоть понимаешь, как это опасно?

— Я в рейды на сотни километров ходил. В одиночные причем тоже. А двадцать миль — это легкая и короткая прогулка.

— Но это было там! В России! А тут совсем другой мир!

— Коля, у нас у всех один мир...

— Но почему я не могу с тобой пойти?

— Да потому что тебе со Славкой надо остаться. Он ранен и еще слаб. Тут черт знает что происходит у них. Ты хоть какое-то подспорье для него. Тем более с твоими-то способностями...

— Да с какими способностями?!

— Все, я сказал! — отрезал Варяг. Затем чуть мягче добавил: — Не дрейфь. Я мигом обернусь.

Васнецов удрученно вздохнул и повесил голову. Он был недоволен таким решением. Не говоря уже о том, что Варяг вызвался сам взорвать бомбу, и это было равносильно смертному приговору для него. Но как ни старался Николай придумать другое решение, ничего у него не получалось. Ничего, кроме подрыва ХАРПа ядерным зарядом, он сейчас не видел. А это означало смерть подрывника.

— Послушай, Варяг... Там, в луноходе, под сиденьем... Там плюшевый медведь... и дневник дяди... Привези их...

— Конечно. — Яхонтов улыбнулся и вздохнул. — Не вопрос.

Дверь приоткрылась, и показалось лицо Роберта.

— Варяг, пойдемте, — сказал он.

— Иду...

И Яхонтов вышел.

Николай поднялся со своей койки и стал медленно расхаживать по комнате.

— Чего мельтешишь, — проворчал Сквернослов.

— Не знаю, Славик. Все как-то неправильно...

— Ты вообще в своей жизни много правильного видел? Черт подери... Ну неужели мы и Варяга теперь потеряем, а?

— Я не знаю... Мне никакие идеи в голову не идут...

— Вот в том-то и дело! Но это ведь не значит, что он там поджариться должен?

— Не значит... Но его не отговоришь... Ты же знаешь Варяга...

— Баран упрямый, — зло процедил Вячеслав. — Коля, ну сядь ты уже наконец! В глазах рябит!

Васнецов сел на койку, уронив голову на ладони и тяжело вздохнув.

Голова пульсировала от бесплодных попыток его разум найти альтернативное решение главной проблемы. Он улег на звериную шкуру и прикрыл глаза ладонью. Вспомнилась ги бель капитана Гуслякова. Космонавтов Андрея Макарова и Юры Алексеева. Людоеда... Он проматывал в голове стычку со снежным червем. Убийство дочерью отца. Самоубийство Юры. Отчаянный поступок Ильи. Неужели теперь и Варяг?..

Он и не заметил, как в своих размышлениях оказался в ка-ком-то лесу и брел вдоль берега замерзшей реки. Лед почему-то был совсем свежий и невероятно скользкий. Идти приходилось по кромке, где был снег. Уже светало, и он услышал странный гул в небе. Поднял голову. В облака рвался огромный самолет... Самолет... Самолет?

— Пропади он пропадом, этот мир, если, спасая его, надо заплатить такую цену, — услышал Николай сквозь сон бормотания Сквернослова. — У нас никого не осталось, Коля, кроме Варяга. Тогда зачем нам этот мир и без него тоже?

— Самолет... — пробормотал Николай, выходя из полудремы. — Самолет...

— Да, Коля. Самолет. И только Варяг может им управлять.

— Только Варяг может им управлять, — повторил как заклинание Васнецов и вспомнил, как помогал Варягу вести Ил-76. Вспомнил все, что тот рассказал ему об управлении самолетом. О том, что это легко, как на велосипеде...

Николай поднялся и сел на край койки как раз в тот момент, когда в комнату вошли Лазар и Хорнет.

— А этот какого хрена приперся? — зло проворчал Сквернослов.

— Погоди, Славик...

— Господа. — Лазар, по своему обыкновению, кашлянул в кулак и поправил очки. — Дональд Хорнет испросил разрешения у Моргана переговорить с вами. Морган рассчитывает на вашу последовательность и преданность вашей цели. Однако надеется на вашу терпимость, дипломатичность и дальновидность в данном диалоге с господином Хорнетом.

— Ну что ж. Мы готовы выслушать Дональда. — Николай кивнул.

— Мистер Васнецов. Мистер Сквернослов. Сожалею, что здесь нет вашего старшего товарища. Однако Морган сказал мне, что вы, мистер Васнецов, уполномочены говорить от его имени.

— Ишь ты, — хмыкнул Славик.

— Я представляю себе причину его отсутствия. — Дональд покачал головой. — Я ведь знаю, какова ваша цель. Но спешу прийти к вам с деловым предложением. Мистер Рэймен мой старый друг, и наше единство — дело времени, так как в вопросе выживания нашей общины Хоуп-Сити не может быть противоречий и нет места торгу. Однако Линч и его банда поставили выживание общины под удар. И должен напомнить вам, что Линч — ваш злейший враг здесь.

— Мы этого и не забывали, — кивнул Николай.

— Хорошо. Я предлагаю вам присоединиться к нам. К моей фракции. Вместе мы положим конец заговору Линча и защитим город от стражей. А наша победа над стражами даст нам неограниченные возможности и ресурсы. И, опираясь на эти ресурсы, мы сможем наконец заняться возрождением человеческой цивилизации.

— Немыслимое количество оружия и боеприпасов. Вот ваша опора в построении цивилизации? Огнем и мечом, значит?

— Разве есть выбор? Мир еще полон враждебных элементов...

— Ну конечно. — Васнецов улыбнулся. — Люди ведь еще не все вымерли.

— Вы не понимаете. Дело ведь не только в людях. Есть еще хуманималы...

— Я понимаю. Есть масса живых существ. И конечно, нужно оружие для возрождения цивилизации. Ну какая же цивилизация может вырасти, если она растет не на костях? Только нужно ли возрождение той цивилизации? Может, надо создать новую?

— Отчего нет. С учетом старых ошибок. Конечно. В свое время мы можем обсудить и это. Но сейчас нам надо выжить в предстоящей схватке. И только объединив усилия...

— В свое время? — Николай нахмурился. — Нет ни у нас, ни у вас этого времени. Я понимаю вашу цель. Наше согласие на сотрудничество автоматически снимает с повестки дня вопрос о ХАРПе. Ведь так?

— Не снимает вопрос, а переносит его. Вы поймите, ХАРП на данном этапе очень нужен. Общество не готово...

— Какой этап тогда вы ждете? Может, уже через день будет поздно. Может, стало поздно неделю назад.

— Послушайте. Подумайте о перспективах. Мы начнем наше шествие здесь, из крохотного мира Хоуп-Сити. Мы возродим нашу страну. Потом мы поможем вам возродить вашу страну. И покончим с ХАРПом мы уже после того, как возьмем под контроль все ресурсы стражей.

— Они нам помогут Россию возродить, ты слыхал?! — воскликнул Сквернослов. — Чтоб она их колонией стала!

— Славик. Погоди...

— Зачем колонией? Мы с вашей страной объединимся.

— Против кого?! — зарычал Вячеслав. — Против кого мы объединимся?! Все! Все люди должны объединиться. И не против кого-то, а жизни ради! И не под одним властелином, а каждый со своими традициями, но объединенные общей целью созидания и развития, а не войны!

— Но это же утопия, — развел руками Хорнет.

— Лучше жить в антиутопии? — усмехнулся Сквернослов.

— Реальность. Реальность, господа. — Дональд невесело улыбнулся.

— А что потом? — Вячеслав привстал на своей койке. — Вы возродите цивилизацию, и кончится все тем, что вы вживите всем идентификационные чипы?

— Не надо передергивать, молодой человек. Нельзя строить сразу все планы и заглядывать так далеко в будущее. Сейчас главное — выжить.

— Ну что ж, — сказал вдруг Николай, поднявшись с койки. — В ваших словах есть резон. Но наши сомнения и вы поймите правильно. Хотя, возможно, при определенном стечении обстоятельств ваш план не лишен смысла и нам было бы лучше воспользоваться вашим предложением. Но нам надо подумать.

— Подумать? — Дональд прищурился и покачал головой. — Вы же тянете время.

— Время — это как раз то, чего у нас нет. Какой нам резон его тянуть? Но мы не можем принять окончательное решение без нашего старшего товарища.

— Он ведь за бомбой отправился? — усмехнулся Хорнет. — Я же знаю о бомбе.

Николай бросил недобрый взгляд на Роберта и ответил:

— С чего вы взяли, что он отправился за ней?

— Это же очевидно. Послушайте. Я бы мог отправить на перехват вашего товарища своих людей. Но я этого не сделал. Я не хочу с вами враждовать...

— Это тоже очевидно. Вам каждый человек нужен здесь и при оружии, в ожидании решающей схватки, — теперь усмехнулся Николай.

— И ваша бомба могла бы нам помочь. Мы бы могли спасти много жизней наших людей, ударив по стражам. И в борьбе со стражами нам нужны вы. Вы их не испугались и одолели, там, во время вашей неудачной встречи с ними. А у нас многие испытывают к ним мистический страх. Вы же массу людей вдохновить сможете...

— Резонно. Но это мы можем решить только втроем.

— Я надеюсь, опрометчивых решений вы не примете? Когда мне ждать результата?

— Не раньше возвращения нашего друга.

— Да. Но когда он...

— Вам ведь оперативно сообщат о том, когда он вернется? — усмехнулся Николай, бросив на Лазара мимолетный взгляд.

— Вы очень проницательный молодой человек, — покачал головой улыбающийся Хорнет. — Вы бы заняли достойное место в нашем обществе. И я был бы этому безмерно рад.

— Благодарю вас.

— Ну что ж. Надеюсь, до скорой встречи.

Хорнет кивнул и вышел. Лазар последовал за ним.

— Коля, что ты, на хрен, задумал? — недовольно произнес Вячеслав.

— Как он и сказал. Я тяну время. А он не хочет конфликта с нами. Подозреваю, что он хочет наладить через нас контакт с сильными группировками в России.

— Зачем?

— Обезопасить себя с востока и заручиться определенными союзническими обязательствами. Похоже, у него далеко идущие планы. И не только на этом континенте.

— Ты... это у него мысли прочел?.. — тихо спросил Вячеслав, пристально глядя на Васнецова.

— Нет. Зачем же. Просто он человек, и этим все сказано.

Николай снова улегся на свою койку и прикрыл ладонью глаза. Он думал о том, сколько он пробыл в полудреме и сколь-

ко уже отсутствовал Варяг. Конечно, путь неблизкий в современных условиях. И Яхонтов еще, скорее всего, на пути к луноходу. Но очень хотелось, чтобы он поскорее вернулся. С другой стороны, чем скорее он вернется, тем меньше ему жить... Вот ведь дилемма...

* * *

Спал он на удивление спокойным и крепким сном. Сны оставили его, дав насладиться тишиной, одиночеством и пустотой. Да и что еще ему могло присниться? Он понял главное. Он понял, почему он шел по кромке реки со свежим льдом от того места, где согревался у костра, обтирался пеплом и прогонял волков, привлеченных убитым оленем. Он понял, что все это значило. Понял, почему в небо рвался самолет и он, задрав голову, смотрел на него и улыбался. Он понял, кто это был. Ему стало легче от этого. И, испытав это самое облегчение, он спал спокойным сном, без сновидений и тревог. Проснувшись, он на какое-то мгновение почувствовал, что беспокойство возвращается к нему, однако, поняв, что Варяг здесь, с ними, Васнецов окончательно успокоился.

Яхонтов ковырялся в каком-то черном предмете, из которого лилась музыка. Пел Луи Армстронг свою трогательную песню о прекрасном мире. Николай вспомнил, что это. Это магнитофон. Вспомнилась Лера, которая чинила их и торговала ими в Вавилоне...

— Я тебя разбудил? — тихо спросил Варяг, обернувшись.

В дальнем углу безмятежно сопел спящий Вячеслав. Он был еще слаб после ранения и спал много и часто.

— Да нет. Я сам. Как съездил?

— Ты знаешь, как ни странно, спокойно и без приключений. Я же говорил, что одному мне будет легче.

— Ты взял, что я просил?

— Да. Вон, рядом с тобой лежит.

Николай взглянул на дневник и плюшевого медведя. Они лежали у него в ногах.

— Бомбу забрал?

— Ну конечно, — усмехнулся Яхонтов. — За каким чертом я тогда туда вообще перся?

— И где она?

— В самолете уже. Все, в принципе, готово. На рассвете полечу. Сейчас вьюга стихает. Как раз погода впору будет. — Он

уселся на свою койку и сделал звук магнитофона чуть тише. — Я вот подумал, на что потратить последние часы своей жизни? — Варяг невесело улыбнулся. — На сон их тратить глупо перед смертью. Вот попросил у Рэймена магнитофон. Решил музыку послушать. Как у нас говорят: помирать, так с музыкой. Морган так и не понял смысла этой русской поговорки. — Яхонтов негромко засмеялся. — Но магнитофон дал. Это Тиббетса магнитофон.

Николай тяжело вздохнул. Он посмотрел на Яхонтова. Тот прислонился спиной к стене, сидя на своей койке, и смотрел в потолок, улыбаясь. Когда Луи Армстронг перестал петь, зазвучала другая музыка. Варяг взглянул на коробку от диска. На этикетке ровным почерком от руки был написан список композиций, хранящихся на диске.

— Бетховен. Седьмая симфония. Алегретто, — тихо произнес Яхонтов. — Красиво.

— Красиво, — задумчиво повторил Николай, вслушиваясь в мелодию.

Странно было как-то все это для слуха. Не хруст снега или треск горящих в печке дров. Не завывания вьюги и автоматная стрельба. Просто музыка. И странно было сознавать, что создана она человеком. Им написана. Им исполнена. Им записана на этот диск. В мелодии было столько гармонии, смысла и законченности, что казалось, она создана, как и все, к чему ни притрагивалась рука человека, некой высшей силой. Но это не так. Даже если эта сила просто вела волей композитора, то это уже значит, что в человеке есть то, ради чего ему стоит дать этот самый шанс. Но только жизнь Варяга — чрезмерно дорогая цена... Впрочем, разве можно оценивать жизни людей? Ведь отданы были во имя спасения людей жизни многих. И не только Андрей, Юра и Илья, если, конечно, он... Отчего же Варяг решил пойти на такой отчаянный поступок? Отчего он смиренно приготовился к смерти и улыбается сейчас, предвкушая ее? Его ведь не глушили души миллионов испепеленных существ, как это было с Тиббетсом или Людоедом... Хотя не особо что-то было заметно, чтобы Илья как-то сокрушался по этому поводу...

— Реквием... — мрачно вдруг произнес Варяг, когда зазвучала следующая композиция. — Моцарт... Реквием... Как в тему... Только не по человечеству бы этому реквиему звучать. Знаешь, Коля, о чем я подумал...

— О чем?

— О шедеврах. О музыке. О произведениях искусства. О том наследии, которое лучшая половина человеческого естества творила и накапливала веками для грядущих поколений. Пройдут еще годы, и уже не останется никаких магнитофонов, MP3-плееров. Дисков, кассет, пластинок, нотных тетрадей, картин, книг. Все это не вечно, но если раньше люди множили и распространяли в своем обществе все это, то теперь такой возможности нет. И все. Все пропадет. Бесценное наследие былого исчезнет. Лучшее, что было в людях, пропадет. Останутся лишь обыденные вещи. Мысли о жрачке, случке, спячке. И убийства ради достижения этих трех вещей... Вот мне за это обидно больше, чем за вымирание людей. За Бетховена обидно. За Моцарта. За многих других. За все, что они творили. Они вот старались, запуская в вечность свои творения, чтобы те сопровождали будущие поколения людей. А эти поколения все профукали. Обидно, Коля. — Он извлек из внутреннего кармана своего бушлата сверток портяночной ткани. Развернул его. Там был тот самый предохранитель атомной бомбы. — И теперь еще вдобавок придется снова взрывать... Выпускать чудовищного джинна из глубин атома...

Он повертел в руках предохранитель, вздохнул, затем обратил внимание на стеклянный флакон в складках свертка.

— А это что такое? — произнес Яхонтов.

Васнецов узнал пузырек с прозрачной жидкостью. Он вспомнил, как они ехали на инженерной машине БАТ-2 среди руин Екатеринбурга. Он, Крест и Дитрих. Рейдер отдал тогда этот пузырек Илье. «Может пригодиться», — сказал тогда он.

Николай прикрыл глаза, сосредоточенно думая о сильнодействующем эфирном снотворном, что было в пузырьке. И реквием Моцарта стал острее врезаться в его разум.

— Может пригодиться... — тихо прошептал он.

— Чего? — Варяг взглянул на него.

— Я говорю, это Ильи. Понятия не имею, что это, но это Ильи.

— Понятно, — кивнул Яхонтов, кладя пузырек в протянутую Николаем ладонь.

Варяг потерял всякий интерес к этому предмету. Впрочем, интереса и не было. Просто этот флакон лежал рядом с предохранителем ядерного заряда, и теперь, узнав, что эти предметы

никоим образом не связаны, кроме того факта, что оба принадлежали погибшему Людоеду, он тут же о нем забыл. А вот Николай, напротив, думал теперь только об этой склянке. Вернее, о ее содержимом. И думать ему помогала музыка.

WONDERFUL WORLD

Варяг не собирался спать. Он хотел остаток жизни провести с музыкой, которой был лишен долгие годы. Он еще сидел какое-то время, размышляя вслух о судьбе человечества и, видимо, ища тем самым для себя самого обоснование того, что это человечество стоит принесения в жертву его спасителя. Потом он вдруг стал чесать свою бороду и бормотать о том, что, возможно, ее стоит побрить перед смертью.

— А нет... — добавил он устало после долгих раздумий. — Не буду. Этот мир прекрасен и с бородой...

Данная фраза была последней, которую Николай услышал от Варяга. Тот сразу сник, и Васнецов понял, что он уснул. Усталость после похода к луноходу за бомбой сделала свое дело. И Яхонтов поддался ей. Даже несмотря на то, что спать перед смертью глупо...

Из динамиков снова запел Луи Армстронг о прекрасном мире. Видно, что-то намудрил с магнитофоном Варяг и зациклил некоторые композиции на диске.

Николай какое-то время разглядывал магнитофон, пытаясь понять, как тут можно изменить громкость звука. Нашел кнопки с плюсом и минусом и решил, что это то, что нужно. Так и оказалось. Когда он нажал плюс, звук чуть прибавился. Николай нажал еще несколько раз, постепенно увеличивая звук и наблюдая за реакцией товарищей. Реакции не было. Спали они крепко. Васнецов порылся в вещмешке и извлек оттуда респиратор. Надел на лицо. Затем осторожно открыл пузырек Дитриха и капнул на воротник бушлата Яхонтова. Капля эфира выдохнется минут за десять. Но часть будет вдыхать и Варяг. Он наверняка пару часов не сможет проснуться. Затем Васнецов капнул эфир и возле лица Вячеслава. После этого он присел на койку рядом с братом и осторожно положил ему руку на плечо. Вздохнул, слушая музыку и вспоминая прожитые годы, где его постоянным и неустанным спутником был Славик. Названый брат. Да нет же... Самый настоящий брат. Такой брат,

который должен быть непременно. Веселый. Добрый. Старший. Баламут...

Он не помнил, как в их семье появился перепуганный внезапным Армагеддоном девятилетний сирота из детского дома. Но так вышло, что когда осиротел весь мир, то сам Славик обрел семью. И пусть совсем не надолго, но полноценную. С отцом, матерью и младшим братиком. Но вскоре не стало матери, а отец стал уходить в далекие рейды. И остались они вдвоем, и было так всегда...

Он сейчас снова остро ощутил боль оттого, что забыл в своем подвале фотографию отца. И больно было, что он совсем не помнил мать. Он помнил только те жуткие похороны в противогазах. Он думал о матери, вслушиваясь в голос Луи Армстронга и вспоминая шествие людей, идущих закапывать тех, кто умер от черного дождя. Мрачные люди в противогазах идут среди деревьев, усыпанных почерневшими и скрученными листьями. Идут и молчат. Только шипят их маски от дыхания или слез. И тянут они трупы к погребальной яме. А этот человек поет о прекрасном мире...

Он и не заметил, как в его сознании поселилось жуткое откровение. Откуда-то он внезапно стал знать, что умерла не просто его мать. Она ждала ребенка. Она была беременна младшим братом Николая. Или нет... сестрой... Да! Сестрой. Васнецов почувствовал, как ком подкатывает к горлу. Да. Мать потеряла ребенка из-за страшного стресса и вскоре умерла сама, попав под радиоактивные осадки. Но перед этим родители приютили Славика. Хоть какое-то утешение. Какой бы была его сестра в том случае, если бы родилась на свет? Такой, как Рана? Такой, как Табита? Ему повезло родиться до ядерных ударов. Но всем, кто пришел в этот мир после дня, перечеркнувшего историю всей планеты на ДО и ПОСЛЕ, предстояло пройти страшный отбор в дьявольской лотерее. Одна нога короче другой? Две головы? Отсутствие глаз? Несвертываемость крови? Масса вариантов. Но только один мизерный шанс родиться нормальным... Но ведь настанут времена, когда все изменится? Когда дети будут смеяться и бегать друг за другом, купаясь в лучах теплого солнца под чистым небом. И будут кататься на качелях, и их скрип не будет пугать... Качели... Черт возьми, довольно ждать. Чем раньше сделать дело, тем скорее...

Аллилуйя всем будущим детям!

Вот и пришло к концу наше долгое путешествие. И я знаю, что я сделал правильный выбор. Если не верить в то, что все не напрасно, то для чего тогда все это нужно было? Я верю, что все не зря. И несмотря ни на что, я верю в человека. Верю в Бога в человеке. Я верю в вас.

Жив ли мой дядя, начавший писать этот дневник? Жив ли мой отец, отправившийся искать его, своего брата? Мне уже никогда не узнать. Но я знаю одно. Если они погибли, то очень скоро я их встречу. Но если они живы, то у них будет шанс жить и дальше, сколько на роду написано, а не ХАРПом предписано. Мой дядя не знал, каким будет человек будущего, в чьи руки попадут эти строки. Тем более он не мог себе представить, что этим человеком буду я, Николай Васнецов. Сын его брата. Но я дописываю этот блокнот с полной уверенностью в том, что мои строки, обращенные к будущим поколениям, найдут своего читателя, ибо эти поколения будут непременно. Будут солнце и весна. Будет жизнь. Будут дети. И не приведи вас господь забыть о том, что натворили ваши предки. Не забывайте этого! Пусть вам будет страшно! Но только так вы поймете ценность жизни вашей. Ценность вашего хрупкого мира и единственной планеты. Одной на всех. Она одна, как мать. Она дает вам жизнь. Она любит вас. Так помните об этом. Вы, новые поколения будущего, не станьте неразумными великовозрастными чадами, утопающими в своих низменных страстях и комплексах. Не станьте теми, кто убивал себе подобных и воевал с природой, мня себя ее венцом и повелителем, беря от планеты все и не отдавая ничего взамен. Рано или поздно придется платить по счетам. Наша цивилизация заплатила страшную цену. Так пусть такая цена с лихвой окупится вашим разумом, способным понять, что у вас всего одна жизнь. Один мир. Одна планета. И посему всего один шанс. ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ! ПОМНИ ОБ ЭТОМ, ЧЕЛОВЕК!

Я заканчиваю свое короткое обращение к тебе, читатель. Знай. То, что я сделал, я сделал ради тебя. Ради всех вас. Ныне живущих и еще не родившихся. Ради тех, кто погиб уже или стоит на краю гибели. Ради человека и волка, крысы и медведя. Ради той искорки жизни, которая однажды вспыхнула на этой планете и не должна погаснуть только из-за того, что появился в этом мире человек. Заклинаю тебя: ПОМНИ ВОЙНУ!

29.06.20...г. Николай Николаевич «Блаженный» Васнецов

* * *

Он вложил химический карандаш между страниц дневника и бережно положил его на койку Варяга.

— Прощай, Варяг. Прощай, братишка. Не обижайтесь.

* * *

Он знал, что Табита не спит. Часовой спал на своем месте, сгорбившись за столом, а вот девочка сидела в кресле и гладила жутковатую куклу по голове. Часовой забормотал что-то. Поднял голову. Но Николай тут же прижал к его лицу кусок материи, пропитанной эфиром. Дело сделано. Человек закатил глаза и распластался на своем стуле, рискуя упасть. Васнецов осторожно подхватил его и уложил на стол.

— Nicolay? — прошептала Табита.

— Да. Это я.

Девочка улыбнулась и протянула худые ручки.

— Nicolay. Nicky. Savior.

— Да. Я спасу вас. — Он осторожно взял ее ладошки в свои.

— Save us...

— У меня для тебя есть кое-что.

— What?

И Васнецов вложил в ее руки плюшевого медведя. Того самого. Одинокого и покинутого. Найденного в разбитом поезде. И Людоед дал иголку с ниткой, чтоб пришить бедолаге лапку...

— Это мишка. Он теперь твой.

— Mishka? Russian Mishka?

— Да. Рашшен Мишка. — Коля улыбнулся.

Девочка прижала плюшевого медведя к себе, нежно обнимая, и дрожащим, едва не плачущим голосом прошептала:

— Love you, Russian Mishka. Love you, Nickolay...

Поцеловав медвежонка в пропитанный каплей эфира нос, она тут же уснула. Пусть спит. Просто прощания он не вынес бы. А проснется она уже спасенной...

* * *

Он шел в темноте, держась за трос. Была ночь. Где-то вдали мерцало красное зарево ХАРПа. Николай очень надеялся, что мерцает оно последнюю ночь. Завтра мир станет другим. Без этого убийцы, созданного человеком для самоубийства. Точ-

нее, для контрольного выстрела после свершившегося много лет назад самоубийства. Подъем на холм был непростым. Ведь он не взял снегоступы. Он просто не подумал, что в том деле, которое он задумал, они ему понадобятся. Ну да ничего. Идти не так много. Можно и потерпеть неудобства, связанные с проваливающимися в снег ногами. Он брел, тяжело дыша и глядя вперед. Впереди пост. Там человека два. В ангаре еще двое. Эфира должно хватить. Но вот сложно усыпить сразу двоих. Непросто. Но, черт возьми... На кону сейчас стоит абсолютно все! Надо постараться. Надо во что бы то ни стало сделать это.

Он огляделся. Во мраке на склонах холма по обе стороны от натянутого троса проглядывали странные призрачные силуэты. Нет времени разбираться, есть там кто-то или нет. Может, это просто видения, одни из тех, что сопровождали его весь этот нелегкий путь. А может, это действительно выстроились десятки людей или нелюдей и молча взирают, как он восходит на холм, к своему главному поступку.

— Подождите. Уже скоро, — бормотал он, обращаясь ни к кому конкретно и ко всем сразу. — Скоро. Скоро.

Он шел. Падал. Поднимался. Снова шел. Слышал только свое тяжелое дыхание и старался сосредоточиться на путеводном стальном тросе. А в голове звучала музыка Бетховена, которую он слышал, когда уходил из комнаты. Каждый шаг давался все труднее, но, вместо отчаяния, Николай чувствовал лишь нарастающую ярость. Чем больше у него на пути будет помех, тем с большим удовольствием и остервенением он разнесет их в пух и прах. Надо идти. Надо рваться вперед. Надо достичь цели. Он сделал так много. И осталось всего ничего. Но, черт возьми, как же тяжело даются эти ничтожные метры...

Внутри блокпоста, сделанного из сосновых бревен, находись двое. Это были люди Рэймена. Они узнали его, несмотря на респиратор. Что-то между собой заговорили. Николай понял только уже знакомую фразу «Last Ivan». После этого они устало засмеялись. Николай тоже засмеялся, подойдя к ним близко, и прижал к их лицам свои одетые в рукавицы ладони. Их секундное недоумение сменилось гневом. Один обмяк довольно быстро. Второй успел оттолкнуть Васнецова и уже с трудом поднимал свой автомат. Николай снова подошел к нему близко и без особого труда вырвал у него оружие. Охранник закатил глаза и, прислонившись к стене, сполз по ней на дощатый, покрытый шкурами пол, теряя сознание. Николай оста-

вил автомат и двинулся в лаз, ведущий к ангару. Всего десяток метров...

В ангаре еще двое. Один спит в автомобильном кресле. Другой колдует у печки. Он взглянул на Николая и что-то сказал, не отрываясь от своего занятия.

Васнецов не ответил, капая на рукавицу свежую каплю эфира. Последнюю каплю.

Американец повторил вопрос и снова повернул голову. С изумлением заметил, что русский быстро движется к нему.

— What the fuck? — только и успел сказать он.

Николай резко зажал ему рот рукавицей. Тот дернулся несколько раз и потерял сознание. Зато очнулся тот, что спал. Он вскочил с кресла и повторил последнюю фразу своего друга, но громче и злее. Схватился за оружие в тот момент, когда Николай бросился к нему. Васнецов сбил американца с ног и также прижал к его лицу рукавицу. Они возились и катались по полу почти минуту, пока наконец охранник не затих. Николай обессиленно перевернулся на спину и уставился в потолок мутнеющим взглядом. Глаза слипались, и веки категорически не хотели разжиматься. Они весили словно тонну. Сознание утопало в какой-то апатии. Он понял, что либо вдохнул эфир, либо капля его, попавшая на руку, впиталась через поры в кровь и делает свое дело. Это означало провал того, что он задумал. Полный провал. Больше никто не позволит ему сделать то, что он задумал, когда он очнется. И эфира больше не было. Вот сейчас он провалится в забытье и проворонит последний шанс... Единственный шанс... Второго шанса не будет...

Из последних сил он нащупал у лежащего рядом в бессознательном состоянии американца нож на поясном ремне. Извлек его из ножен и вонзил себе в ногу, слыша, как залаяла привязанная к самолету сторожевая собака.

Острая боль с трудом вернула его в чувство. Николай зарычал, отбрасывая окровавленный нож, и поднялся на ноги, не обращая внимания на кровотечение. Шатаясь, побрел к самолету. Там по-прежнему захлебывалась лаем собака. Затем он вернулся к распластанным на полу телам. С трудом затащил их на кресло и закидал имевшимися здесь звериными шкурами. Ведь когда он уйдет, закрыть ангар будет некому, и они без теплых шкур могут замерзнуть до своего пробуждения.

Ну... Самолет... Он доковылял до него, морщась от боли, и встал на четвереньки, ловя своим взглядом взгляд сторожевого пса.

— Заткнись, — зашипел он. — Ради всего святого, замолкни. Я не боюсь тебя. Не мешай мне. Или я тебя убью. Но я не хочу тебя убивать. Я вообще больше не хочу никого убивать.

Шипение и пристальный взгляд Николая подействовали на собаку удручающе. Пес заскулил и заполз под самолет.

— Так-то лучше.

Васнецов отвязал веревку и потащил упирающегося и испытывающего страх зверя к двери. Привязал к ручке. Постоял, сжимая рану в ноге.

— Не пускай сюда никого, пока я не уйду, — сказал он псу и направился к самолету.

Он открыл дверь кабины. За пилотским креслом на полу лежала бомба. Та самая, так непохожая на бомбу. Стальной ящик рифленого железа, окрашенного в защитный цвет. Странно, что тут всего два охранника. Хотя, с другой стороны, зачем больше? Ангар далеко от поселения. На холме. Сюда некому да и незачем соваться. Основные силы вооруженных людей нужны не здесь...

К бомбе ремнями пристегнут какой-то мешок. От него эластичный шнур зацеплен карабином за ножку пассажирского кресла. Может, это парашют, о котором говорил Варяг? Неважно. Главное, что ОНА здесь.

Он положил ладонь на корпус бомбы. Холодная. Как всегда. Но скрывающая адское пламя в своих недрах. Этот холод отрезвлял больше, чем боль в ноге. Он погладил ее с какой-то благоговейной нежностью и вдруг поцеловал в ледяной безжизненный корпус.

— Внучка Ферми и Оппенгеймера... Любимая девочка Людоеда... Послушай меня, родная. Не подведи, слышишь? — зашептал он. — На тебя теперь вся надежда. Твои сестры уничтожали мир. А тебе его спасти надо. Давай сделаем это. Не подведи, детка. Не подведи всех нас.

Ему казалось, что холодное молчание бомбы стало для него положительным ответом.

Николай открыл ворота ангара, подняв большую створку к потолку при помощи лебедки. Перед ним разверзлась бездна ледяной ночи, где в темноте проглядывалось красноватое свечение, отраженное в бесконечных тучах.

— Сейчас... Уже скоро... — бормотал Васнецов, шатаясь.

Метрах в сорока перед ангаром с двух сторон торчали стальные столбы и между ними натянута массивная цепь. Она пере-

гораживала путь самолету, и Васнецов не сразу понял, для чего она. Осмотрев ее и с облегчением почувствовав, что кровотечение ослабло на морозе, он вернулся к самолету и стал цеплять вторую лебедку к лыжному шасси. Затем потянул от нее трос к цепи. Накинул крюк. Снова заковылял к самолету и стал крутить лебедку. Вот зачем цепь.

Пришлось повозиться минут пятнадцать. Самолет с трудом, но все же выполз из своего более-менее теплого логова на жгучий холод ночной Аляски. Поколебавшись какое-то время, он все же решил вернуться в ангар и закрыть воротину. Но тогда из ангара к самолету не выйти. Надо будет идти в обход. Это неприемлемо. Особенно с такой ногой.

Николай подкатил железную бочку, и опустившаяся воротина уперлась в нее. Осталась небольшая щель. Но так все же меньше холода будет проникать внутрь. Васнецов выполз через щель, убрал лебедку. Отстрелил из автомата навесной замок, держащий перегородившую дорогу цепь. Убрал эту цепь с дороги и наконец оказался в кабине самолета. Обернулся, взглянув на лежащую в безмятежном спокойствии ядерную бомбу.

— Ну, деточка. Полетели?

Он совсем недолго изучал приборную панель. Единицы измерения на шкалах приборов были в незнакомой ему системе. Но он ощущал полную уверенность, что справится. Главное — найти зажигание. Вот оно...

Поршневой двигатель чихнул, заурчал. Пришли в движение лопасти, и вдруг самолет взревел и винт завертелся с такой скоростью, что рисовал перед взором пилота прозрачную пелену. Стальная птица задрожала, предвкушая скорый полет.

— Резвый какой, — усмехнулся Николай. — Ну, покажи, на что ты способен.

Он дал двигателю прогреться некоторое время, затем стал прибавлять обороты двигателя. Самолет качнулся.

— Черт... Закрылки... Как там Варяг рассказывал... Закрылки... Кажется, вот эта ручка... Нет? Вот эта... — Он обернулся и взглянул на крыло. — Точно. Закрылки выпущены. Ну... Поехали...

Самолет тронулся с места. Сначала нехотя. Затем его скольжение лыжами по снегу стало стремительно нарастать. С этой стороны холма уклон был практически незаметен. Но по обе стороны от взлетно-посадочной полосы холм круто уходил вниз. Самолет стало вести влево, но Васнецов сумел выровнять

его на прежний курс, то и дело поглядывая на прибор, показывающий скорость.

— Черт... Какая у него скорость взлета? Когда тянуть штурвал?

Ответ пришел скоро. Николай почувствовал, как самолет уже сам пытается оторваться от снежного покрова. Прав был Варяг. Такая машина сама будет рваться в небо. И он потянул штурвал. «Пайпер Чероки» взмыл над замерзшим миром.

— Я сделал это... Я сделал это!!! — заорал Николай. — Я сам смог это сделать!

Самолет набирал высоту. Однако ХАРП находился в противоположной стороне от направления полета. Набрав приемлемую высоту и выровняв машину, надо разворачиваться. Васнецов осторожно командовал послушной машиной. Но когда дошла очередь до разворота, он вдруг ощутил холод в спине и боль в висках. И скрип... Нет. Это не самолет скрипит. Это качели. Ну что опять...

Он повернул голову. Рядом сидела красивая девушка. Нет. Не красивая. Сказочно красивая. С золотистыми волосами, которые волнами развевались вокруг ее лица, и в ажурном белом платье. И не холодно же ей...

— Ты, на хрен, кто еще такая, — пробормотал Васнецов, чувствуя, что какая-то сила заволакивает его сознание.

— Коля, ты хорошо подумал? Ты уверен, что сделал правильный выбор? — пропела она чарующим голосом и на родном для него языке.

— А тебе что? Какое дело? — бормотал он.

— Ты же Землю последнего шанса лишаешь.

— Что? Я лишаю Землю последнего шанса?

— Конечно. Ты выпустишь людей из их нор. Ты дашь им возможность возродить стертое с лица земли и продолжить их вечную войну. И добить планету. Но на самом деле они должны исчезнуть. Их цивилизация не первая. Но все, кто не справился с развитием разума, а уповал лишь на развитие технологий, власти и силы, стирались из истории, и начиналось все сначала. И каждый раз был возможен, пока жива Земля. А ты хочешь оставить Землю снова наедине с ее убийцами. Одумайся. Что ты хочешь сделать? Взорвать атомную бомбу. Опять. Опять!

— Да кто ты такая?! Ты чертово порождение ХАРПа или сам ХАРП?

— Я? Я судьба твоя.

— Ну да. Конечно. Судьба. — Николай усмехнулся. — Просто я нецелованный пацан в рассвете сил. Вот мне смазливые бабы и мерещатся постоянно. Ты лишь плод моего воображения, порожденный разумом, протестующим против того, чтобы я помер девственником.

И он засмеялся...

— Только плевать мне на это, — продолжал Васнецов. — Сейчас меня на это не купишь. Раньше — может быть. Но не сейчас.

— Ты не о том думаешь, Коля. Ты о Земле подумай. Оставь все как есть. Дай завершить стерилизацию планеты от людей. Дай Земле шанс.

— Нет, сладенькая. Идешь ты к чертовой бабушке. Земля — это люди. А я верю в людей. Сволочи они, конечно. Но, черт возьми, я верю в Бога в людях. В каждом. Только бы им Его отыскать в себе. Они поймут. Они все поймут. И встанут на правильный путь. И дети... Ведь никто сволочью не рождается...

— В людей веришь? — В голосе девицы слышался отчаянный протест. — В тех, кто себе подобных в Москве вешал или отрезал им головы? В тех, кто под Москвой грабил беженцев? В каннибалов с их малолетними проститутками? В вандалов, что детей за ноги и об стену головой? В черновиков, что Риту толпой насиловали и людей в рабство угоняли, ставя им клейма на лоб? В гвардейцев и легионеров, истреблявших друг друга? В местных ковбоев, мечтающих только об одном — завладеть огромным арсеналом оружия стражей? Ты в них веришь?!

Черт возьми. А она права. Она чертовски права. И как я мог забыть обо всем том, что видел по пути сюда. Как я мог сбросить со счетов всю эту мерзость, порождаемую людьми. Ведь даже пси-волки и молохиты — это всего лишь порождения людей. Чертовы люди. Нет, она права. Надо избавиться от них и дать простор хуманималам и морлокам. Они уже не люди, и тем лучше для них. И нерациональное паломничество хуманималов к ХАРПу — явление, непонятное лишь людям. Но для них все понятно. Они идут к своему спасителю, призванному уничтожить людей и дать им шанс построить свой мир. И он, быть может, станет лучше. Ведь Джуниор... он оказался всего лишь изуродованным людьми маленьким мальчиком, ставшим ди-

ким хуманималом, но не лишенным благородства. Он спас меня, чтобы я спас Землю и... И кого? Людей или хуманималов? Нет. Она все-таки права. Надо убраться подальше от людей и от ХАРПа. Надо разбить эту бомбу и лишить людей последнего призрачного шанса... Шанс людей — в атомной бомбе... Какая гнусная ирония...

Он так и не развернул самолет и летел прямо. Впереди горная гряда. Он задрал ревущий мотором нос вверх и утонул в облаках...

* * *

Чистое небо разверзлось черной бездной внезапно. Оно было усыпано мириадами сверкающих бесценными бриллиантами звезд. И он увидел полную Луну. Ту самую, которой так и не достигли Андрей, Юра и тот безвестный индус, что летел с ними. Он смотрел на нее как завороженный, вдруг ощутив, что ее печальный лик до боли напоминает ему Рану.

Луна... Звезды... А может, все-таки дать людям опомниться и выжить? Еще, может, не поздно? Они смогут возродиться? Ведь еще не истлели последние книги, таящие в себе великие знания цивилизации. Еще звучит где-то музыка гениальных композиторов, что так вдохновляет людей и пробуждает в них прекрасные чувства... И они поумнеют. Отстроятся. И полетят в один прекрасный день к этим звездам и на Луну. И ослабят свой нажим на родную планету. Только... Что тогда? Они распространят свою мерзость во всей Вселенной? И потом кому-то придется переться уже не на Аляску, а в другую галактику, чтобы все это спасти? Что делать, черт возьми? Рана... Ну где ты... Подскажи.

И печальный лик Луны заговорил с ним голосом Раны:

— Самое волнующее и беспокойное чувство охватывает человека, когда он с другим человеком. Когда они общаются, будь то язык жестов, тела, интимной близости и просто слов. Когда вдруг люди начинают осознавать, что при всей их непохожести... будь то разность полов, наций, религий... они вдруг находят общие черты, интересы, увлечения, мысли... чувства... И тогда ты понимаешь, что все едины... Люди всех наций и религий... Граждане всех стран... Все едины в своем разнообразии. Как разные цвета создают великолепие радуги. Как разные буквы создают слова, а слова — строки поэмы, захватывающей книги или письма к любимому человеку. Как семь

разных нот создают чудесную симфонию, которая будоражит чувства и разум таких неодинаковых людей... И в этом сила человека. Его надежда на будущее. Его шанс на бессмертие в единстве жизни на одной, единой живой планете — жизни, которую создают разные растения и животные, люди и насекомые... Живой океан. Мы все — атомы. Из атомов рождаемся и в них превращаемся. И эти атомы снова превращаются. Или в камень, или в живую плоть. В воду и воздух. И мы бессмертны в своем преображении, если только возможна сама жизнь. Так ответь себе, надо спасти жизнь и дать ей шанс или пусть ХАРП воспользуется своим шансом все окончательно уничтожить?..

Все бело, и ровный белый свет льется отовсюду. Рана стоит перед ним и ждет ответа. А за ее спиной — тысячи людей. Вон Андрей. С ним Ульяна-Пчелка и еще какая-то женщина. Он все-таки нашел дочь и жена признала его? Вон Гусляков. Вон... Кто это? Да это же Джуниор... Он в человеческом облике. Двадцатишестилетний парень с русыми волосами и доброй улыбкой... И рядом его мать и не вернувшийся с той смены отец... Туранчокс со своей девицей. Смотрят на Колю с надеждой... Молоденькая каннибалка из кантины олигарха. Вон Юра... Участковый Дыбецкий со своей семьей. Убитые Варягом мародеры из гадовника. Турпо и Вейнард. Тысячи... Тысячи людей... Вандалы, бандиты, черновики, конфедераты, гвардейцы, вавилонцы, Томас и Си Джей... Тиббетс и Даладье... Они тут все вместе. Все, чьими жизнями был устлан их путь к ХАРПу. А может, там, где-то в этой толпе, его мать и Илья Крест? Они стоят и смотрят на него. И ждут. Ждут его решения. А значит, и ждут живые. Просто живые еще не знают, какая опасность нависла над ними. Не все еще знают. А мертвые уже давно все поняли. Они извлекли урок, потому что мертвые. Так неужели лишь смерть должна стать уроком для жизни? Смерть... Всего одна. Самопожертвование...

И Николай улыбнулся:

— Очень скоро, Рана, я наконец смогу обнять тебя и быть с тобой. И никуда я уже тебя не отпущу.

Была ли девица на соседнем сиденье явлением самого ХАРПа или просто разыгравшимся воображением блаженного, уже не важно.

Он развернулся и побежал навстречу бегущему в его сторону огромному черному на белом фоне кремниевому псу-стражу.

Они неслись навстречу друг другу. Пес, чтобы добить жизнь. А Николай... Он ведь морлок. А морлок бросился в пасть вожаку люпусов, чтобы сжать ему челюсти руками и дать своим соплеменникам покончить с тварью. Он пожертвовал собой ради остальных...

* * *

Самолет завалился на правое крыло и стал резко разворачиваться. Только когда перед ним возникло красное сияние ХАРПа, он снова выровнялся и устремился вперед. Он принял решение. И все теперь решали минуты. Только бы хватило топлива и только бы не подвела любимая девочка Людоеда...

Атомная бомба.

РЕКВИЕМ

Ночь надежно держала в своих объятиях долину, и только всполохи энергии установки часто разрывали ночную мглу, поднимаясь вверх и окрашивая облака в красный светящийся цвет. Год за годом день сменял ночь и ночь приходила вовремя на смену унылому сумрачному дню. Но сегодня все было по-другому. Сегодня в долине вспыхнуло солнце. Ярчайшая вспышка белого раскаленного света мгновенно обрела размеры огромного шара, и грохочущий, кипящий невероятной температурой удар обрушился на пятнадцать гектаров антенн-излучателей, плавя их за доли секунды и испаряя прямо в ненасытную пасть освобожденной ядерной энергии. Страшный удар обрушился на землю, и всесокрушающая волна вздыбила свинцовые тучи, разгоняя их от себя ровным кругом. Врезавшаяся в землю ударная волна забурлила и со сверхзвуковой скоростью устремилась в разные стороны, взламывая корку иссушенного излучением ХАРПа грунта, огромные массы снега, погибшие в этой адской долине деревья. Нестерпимый жар ударил по окутавшему все холоду и погнал его прочь гигантской стеной клубящейся пыли и водяного пара. За предварительной ударной волной следовала не менее мощная, вторая, подгоняющая клубящийся ад и срывающая деревья с их законных мест. Но как только волна стала давать слабину, в образованную ею пустоту тут же хлынул окружающий воздух, увлекая за собой обратно к эпицентру камни, пар, пыль, обломки деревьев и пепел. И в центре всего этого клокотал и переливался яркими огнями ад-

ского пламени гриб, вздымающий в очищенное от туч ночное небо исполинскую огненную шапку.

Через двадцать лет после атомной войны в долине ХАРПа грянул запоздавший на долгие годы ядерный взрыв...

* * *

Тучи были где-то там, на горизонте. И это было непривычно. Утреннее небо был синим, похожим на разлитую на белом листе ватмана жидко разведенную водой гуашь. Местами оно было покрыто мазками небольших и с неясными очертаниями облаков. Серых и черных от свежего пепла.

Ветер дул на север, и можно было не опасаться, что радиоактивные осадки от ночного взрыва выпадут в этом крохотном уголке сохранившегося человеческого общества. Горная гряда загораживала восходящее солнце, но вот-вот оно поднимется выше и засияет всем своим позабытым людьми великолепием. И настанет долгожданный настоящий день...

А люди были в растерянности... Они стояли и в недоумении смотрели на небо... Все, кроме двоих...

Вячеслав Сквернослов стоял на коленях в снегу и прижимал ко лбу сжатые кулаки. Он плакал. Он никогда раньше так не плакал. Но сегодня он потерял своего младшего брата. Самого близкого и родного человека.

Варяг стоял рядом и, положив руку на плечо Вячеслава, опустошенным взглядом смотрел в снег. Как могло так выйти, что не он, единственный оставшийся летчик, повел самолет в бездну, а сделал это несмышленый юнец, который даже велосипед водить не умел. Он не понимал, почему ему, стареющему одинокому мужчине придется теперь жить, а молодой, начинающий жизнь Колька Васнецов испарился вместе с ХАРПом...

Рэймен вздохнул и с сочувствием посмотрел на своих убитых горем гостей. Сегодня ведь праздник избавления для всех людей. Но у этих двоих страшное горе, и это самое обидное. Обидно, что людям так и не удалось найти другого решения.

— Stupid idiots! — орал направляющийся к ним решительным шагом Хорнет. — Vi dobilis svoego! Fucking assholes!

Рэймен перегородил ему путь и остановил его.

— Зачем ты кричишь, Дональд. Теперь ничего не изменить. Но ты пойми, что они спасли нас всех. Точнее, он спас. Тот парень. Николай.

— Ты хоть понимаешь, что будет теперь? Нам нужен был ХАРП!

— Это ты так думаешь или это внушил тебе сам ХАРП? — Морган усмехнулся.

— Да иди ты...

Варяг растер ладонью по своему лицу скупые слезы.

— Пошел ты на хрен, Дональд. Пошел-ка ты на хрен...

— Мистер Хорнет, сэр. — К Дональду подбежал один из его ополченцев.

— Да, — рявкнул тот в ответ.

— Можно вас на минутку?

Они отошли в сторону.

— В чем дело? — Хорнет продолжал хмуриться.

— В этой суматохе мы взяли Линча и Раковски. Что делать с ними теперь?

Дональд хмыкнул.

— Линча я судить хотел. Но после того как русские уничтожили ХАРП, у Линча прибавится сочувствующих, считающих, что мы позволили русским нанести по Америке очередной ядерный удар и лишить нас электричества. Сделай так, чтоб он был застрелен при попытке к бегству. И по-тихому. Без него его фракция распадется.

— А Мадлен Раковски?

— Живая она бесполезна, но при этом ее надо кормить. Ты будешь делиться с ней своей едой?

— Сэр, но я...

— Вот и делай выбор, — перебил его Дональд.

— Я понял, сэр. А русские? Что с ними будет?

— Рэймен их опекает. — Хорнет задумался. — Вообще, дайте им оружие и самый передовой рубеж. Стражи будут скоро здесь. Если русские погибнут как герои, защищая Хоуп-Сити, это будет неплохо. Русские герои в Америке... Это символично и удобно для торга с Россией. Тем более они пока единственные, кто в стычке со стражами вышел победителем. Это вдохновит наших солдат.

— А если они и в этот раз выживут?

— Если выживут... Что ж, живые русские герои облегчат нам контакт с Россией. Тоже неплохо.

Дональд стал уходить обратно в город, но ополченец снова окликнул его:

— Сэр, а зачем нам вообще контакт с этой Россией?

Хорнет остановился и, обернувшись, взглянул на своего бойца.

— Знаешь, Майкл, почему мы с тобой все еще имеем возможность ходить по этой планете и вот так разговаривать?

— Почему, сэр?

— Потому что ни Америка, ни Россия не израсходовали в ту войну и половины своего ядерного арсенала. Они нам нужны. Во всяком случае, на данном этапе.

ЭПИЛОГА НЕ БУДЕТ

Берингов пролив трещал по швам. Огромные блины льдин толкались и рычали недовольно, расплескивая вокруг холодные темные волны. Впервые за столько лет шумело море. Оно проснулось. Прошло всего полтора месяца после уничтожения ХАРПа, но планета уже просыпалась после долгой спячки в плену у льда и смертельно опасной установки. Планета зевала и потягивалась, ощущая свободу и строя планы на будущее. От ее зевоты дули пронзительные порывы ветра, подгоняющие ворчащий и взламывающийся лед. По небу плыли тучи, но они теперь не были связаны в свое многолетнее мрачное единство. То и дело в них виднелись большие просветы, через которые проглядывала синева неба и подмигивало планете яркое солнце.

— И что нам теперь, по льдинам перепрыгивать до самой Чукотки? — недовольно проворчал Сквернослов.

— Дурной? Искать будем другой путь, — ответил Варяг, поправляя на плече автомат.

— Какой другой? Это самое короткое расстояние до России.

— Самый короткий путь не самый простой и достижимый. Будем искать. На юг пойдем.

На вершине ближайшей сопки показался белый медведь с желтоватым отливом шерсти. Он увидел людей и стал издали наблюдать за ними, нюхая воздух.

— Глянь, Славик, это не наш старый знакомый, что на крыше лунохода катался?

— Да пойди ж ты разбери. Эти медведи все на одно лицо.

— Да нет. Он это. Цвета такого шкура у него. Как грязный. — Варяг улыбнулся.

Медведь издал громкий рык, и рядом с ним возникла крупная белоснежная самка.

— Точно он. Узнал нас, — засмеялся Яхонтов.

Вячеслав сдернул с плеча автомат и приготовил его к стрельбе.

— Славик, не надо. Они же сидят там и просто наблюдают.

— Ага, наблюдают, когда мы спиной к ним повернемся.

Возникший с той стороны сопки белый комок промчался между взрослых хищников и попытался вырваться вперед, но мамаша сгребла его лапой и усадила перед собой. Медвежонок почесал ухо, покрутился на месте. Зевнул и уставился на людей. Отец семейства снова издал рык.

— Ты только посмотри, Слава, у них детеныш. Здоровый. Ты понимаешь?

— Что я должен понимать? — мрачно проговорил Сквернослов.

— Жизнь продолжается. Вот что.

— Н-да. Продолжается. Скажи это нашему Николаю блаженному.

Варяг вздохнул:

— Да... Коля, Коля... Но ты пойми, ради этого все и было. Ради жизни.

— Ну ладно. — Вячеслав лишь поморщился в ответ. — Я рад за этих зверушек. Нам-то что теперь делать?

— Как что. Искать дорогу домой. Мы же как-никак искатели. Непросто, конечно. Но пока мы будем искать эту самую дорогу, нам будет чем заняться и на этом континенте. Идем?

— Идем, — кивнул Сквернослов, бросая прощальный взгляд на семейство белых медведей.

И они направились на юг. Теперь два компаса, у Варяга и Вячеслава, показывали одно и то же направление. И скорее всего, все компасы теперь показывали один север, а значит, один юг, восток и запад.

А Берингов пролив продолжал трещать по швам. И огромные блины льдин все толкались и рычали недовольно, расплескивая вокруг холодные темные волны. Сейчас ведь было лето...

* * *

Генерал Басов снова прислонил бинокль к лицу, глядя единственным глазом на подступающее к Надеждинску буйство зелени, растущей с такой скоростью, словно пыталось наверстать все упущенные годы, которые царствовала на планете

ядерная зима. Он стоял на втором этаже полуразрушенного здания на окраине города. Подвал и первый этаж были давно затоплены. Здесь, с восточной стороны Надеждинска, было одно из немногих мест, где к городу можно было подобраться без помощи плота или лодки. По суше. А значит, сюда могли подойти и звери. Новые люпусы. Страшная напасть, обрушившаяся на их город с внезапно наступившей весной. И хотя сейчас по календарю была глубокая осень, лето никак не уступало своих позиций. Зелень не желала желтеть, и растительность рвалась из почвы и болота с поразительным упорством.

Со дня, когда в тучах появился первый просвет, открывший взору синее небо, прошло почти полгода. Это были очень непростые полгода. Очень быстро стал таять снег, и начались проливные дожди. За считаные дни были затоплены обжитые подвалы города. Весь привычный уклад жизни был снова разрушен, как и двадцать лет назад ядерной войной. Но в этот раз очнувшейся природой. Ока вышла из берегов. Это было беспорядочное бегство людей из подвалов на верхние этажи еще стоявших зданий Надеждинска. Тогда еще держались холода, а здания долгие годы были не приспособлены для сохранения тепла и согревания людей. И люди гибли. Потом стало тепло. Но не стало легче. Начались эпидемии. И люди гибли...

Казалось, что природа, очнувшись, была неприятно удивлена тем, что люди еще живы. Казалось, что в планах природы и самой жизни людей уже нет. И беды обрушились на людей с невероятной силой. Наводнения, болезни, ураганы... Даже когда снега и лед растаяли, стало труднее с питьевой водой. Раньше ее добывали из снега, который был повсюду. Но теперь в тепле плодились болезнетворные бактерии. Пару месяцев назад уровень воды вокруг стал резко падать. Казалось, что станет легче. Нет. Снова не стало легче. Если до этого можно было передвигаться на лодках, то теперь всюду были топи и болота. Лишь редкие участки были проходимы для человека. Но по болотам могли передвигаться эти твари. Новые люпусы, что пришли с севера. Их широкие лапы, с помощью которых они раньше с легкостью передвигались по снегу, позволяли им проходить и топи. Эти звери отличались от старых видоизмененных волков-одиночек. Эти были стайные. Они обладали жутким свойством сводить с ума. Зомбировать. Пока еще Надеждинск окружала вода, было легко справляться с их натиском. Они не плавали. Ядерная зима, в которой они родились, не знала водо-

емов, в которых они могли плавать. Но рано или поздно могли сработать инстинкт и умение их предков, обычных волков. Или рано или поздно воды сойдут. Ведь уровень воды падал. После того как три группы искателей погибли, больше не было даже той тонкой связи с окружающим миром. Надеждинск жил в осаде, в которой уже не было никакой надежды. Резкое изменение климата и отступление ядерной зимы принесли множество смертей в город. Не холод. Не снежные черви, которые вымерли из-за резко изменившихся условий. Не землетрясения, которые прекратились с приходом весны. Сама весна и пробуждение жизни несли людям смерть. Даже большая община язычников, что пришла в Надеждинск, ища спасения от перемен, не могла пополнить те потери, которые понес город.

Генерал понимал, что они обречены. Но он не хотел думать о поражении. Если им осталась неделя, то прожить ее надо в борьбе. И смерть в борьбе и с оружием в руках никакое не поражение. Он смотрел на окружающий топкий лес и одну из немногих троп, по которой новые люпусы могли подойти вплотную к городу, и думал не о том, что смерть неизбежна. Он думал о том, что надо искать выход. То, что случилось вчера, навело его на мысль о том, что этот выход может быть. Вчера вернулась группа охотников, которых уже три дня считали погибшей. Никто не мог долго находиться в лесу. Но они вернулись без потерь. И это люди, которые заблудились и оказались в ловушке и были окружены стаей новых люпусов. Как такое могло быть? Эти звери не оставляли жертвам никаких шансов...

— Ну что ты молчишь, Малашенко? — проворчал Басов, не отрываясь от бинокля.

— А сколько можно рассказывать? — вздохнул молодой командир охотников, убирая со лба прядь соломенных волос. — Все равно никто нам не верит. И вся община смеется над нашей историей.

— Я не вижу ничего смешного. И я стараюсь понять, как вы спаслись. И почему, черт возьми, вы не взяли с собой компас?

— Ты же знаешь, что компасам до сих пор многие не доверяют. Уж за столько лет привыкли, что...

— Я знаю про других. Но ты командир группы. Это была твоя обязанность.

— Я забыл, генерал. — Малашенко повесил голову.

— Ладно. Про твою забывчивость в таком важном деле мы после поговорим. Кто спугнул этих тварей, ведь они ни черта не боятся?

— Ну... Они обложили нас. Все. Плотным кольцом. И нас уже плющить начало. Они воют по-своему. Мозги уже накрывает. Мы из последних сил разума сообразили сбиться в кучу и гранаты приготовили, чтобы себя взорвать и им не достаться. В глазах плывет. И тут такой звук... Ну, как сирена воздушная. Рев такой жуткий. И мы понимаем, что это живое существо. И вроде резко отпускать начало. Все поднять голову боятся. Этого рева боятся. А я поднял голову и посмотрел. И смотрю, драпают люпусы. Никогда такого не видел. Уши прижали. Хвосты поджали и тикают кто куда. Я ошалел просто. И вижу, утес на берегу реки. А на самом краю утеса, прям как памятник, огромный зверь. Гигантский люпус стоит. И... и на нем... — Малашенко замолчал.

— Ну. Ну же. — Басов нахмурил единственный глаз.

— Дьявол верхом на люпусе. В черной накидке, с капюшоном на голове. И пулемет в руках держит. Ну просто дьявольски все это выглядит.

— Дьявол с пулеметом верхом на гигантском люпусе, — хмыкнул стоявший в стороне Эмиль Казанов, который тоже наблюдал в бинокль. — А пулемет какой?

— Слушайте, ну вот на кой черт мне все это рассказывать, если мне не верит никто? Вот и Эмиль стебется! — взорвался Малашенко.

— Тише! — повысил голос Басов. — Ты уверен в том, что ты рассказываешь?

— Я говорю то, что видел.

— Видел или привиделось? Это ведь разные вещи.

— Да откуда мне знать? Но факт в том, что эта хрень спасла нас. Вольно или невольно, но спасла. И вообще, если всякую чертовщину отбросить, то думается мне, что это баба была.

— Какая баба?

— Верхом на люпусе. Баба это.

— Почему так считаешь?

— Да по комплекции сужу. Конечно, из-за плаща трудно судить. Но из-под капюшона волосы золотистые свисали. Да и... люпус тот большой, конечно. Но не лошадь ведь. С мужиком на хребте трудно ему пришлось бы.

— Может, все-таки галлюцинация была? — продолжал Басов.

— А твари отчего тогда разбежались?

— Блин. Кажется, теперь и у меня галлюцинация, — подал голос Эмиль.

— Что такое? — Басов повернулся в его сторону.

— Либо в кустах люпус мне мозги полощет, либо я вижу Эрнеста Гевару.

— Кого? — поморщился генерал.

— Че Гевару.

— Где?!

— Вон. Туда смотри. Правее чуть...

Басов снова прильнул к своему биноклю.

— Ага. Вижу. Человек идет. Невероятно. Он же оттуда, где все кишит люпусами. Может, зомби? Далековато, как ты его разглядел вообще?

— У меня же два глаза, — усмехнулся Казанов.

— Очень смешно, твою мать, — резко ответил Басов. — Гляди-ка. Остановился. Рукой нам машет?!

— Он же не может нас видеть, — пробормотал Эмиль.

Он действительно помахал рукой и продолжил свой путь к Надеждинску. Усталый, прихрамывающий, но с решительной улыбкой. Хромовые ботинки с высоким берцем целеустремленно подминали свежую траву, а деревянный посох давал ему уверенность в твердости грунта впереди и помогал справиться с хромотой. Он в черном мундире и при оружии. Кобура и меч на портупее. Автомат на плече. Из-под черного берета свисают давно не стриженные черные волосы, с сединой на висках и в челке. Лицо соскучилось по бритве. Он шел вперед. Только еще один раз остановился у развесистого клена уже недалеко от скрытого зарослями полуразрушенного дома, где стояли посты ополчения и ждал сам генерал Басов. Стал разглядывать низко свисающие листья.

— Что он там увидел? — спросил генерал.

— Он, кажется, гусеницу разглядывает, — ответил Эмиль, наблюдая в бинокль.

— Гусеницу? Зачем?

— Не знаю. На ботаника не похож вроде.

— Ботаники растения изучают. А гусениц — энтомологи, — поправил Малашенко.

— Не умничай, капитан.

— Товарищ генерал, — послышался голос стрелка передового поста, что был у дальнего окна. — Что делать с ним? Он вооружен.

— Ничего пока. Оружие висит стволом вниз. Сейчас побеседуем. Но на мушке его держите.

Человек в черном улыбнулся греющемуся на кленовом листе тутовому шелкопряду и пошел дальше. Он приблизился наконец к дому и, подняв голову, козырнул генералу.

— Я вас приветствую, — сказал незнакомец. — Вы генерал Басов?

— Откуда вы знаете? — строго спросил Басов, глядя на него сверху вниз.

— А у вас внешность узнаваемая. Уж простите за дерзость. — Незнакомец улыбался.

Генерал нахмурился:

— Допустим. Вы кто?

— Ну, коль уж вы генерал авиации без авиации, то я, извольте, адмирал без флота.

Малашенко высунулся из окна.

— Послушайте, адмирал, вы в лесу не видели большого люпуса с бабой верхом на нем?

— Весьма эротичное зрелище, — усмехнулся незнакомец. — Я, собственно, пришел сюда с парой дел. Первое — это попросить вас не стрелять, когда сюда придут этот самый люпус и его наездница. Они друзья.

— Откуда нам знать, что они друзья? — ответил Басов.

— Ну так ведь ваши молодчики живы благодаря им. Это ли не показатель?

— Допустим. Какое еще дело?

— Я уполномочен доставить вам послание от Старшины Сибирской республики. От Вавилонии и Уральского братства. От конфедерации Москвы. На повестке дня вопрос о возрождении Российской державы. Приглашаю к сему процессу присоединиться. Вот только помогу вам со зверьками, что докучают вам, разобраться, и начнем.

Басов покачал головой. Вон оно как. Они, значит, тут погибают в осаде и болотах. А там какие-то республики, конфедерации и прочее государственность возрождают. Не все так плохо, значит?

Тем временем незнакомец огляделся. Развел руками, указывая на бурную растительность вокруг, и произнес:

— А ведь им удалось, а! Плохо ли стало, хорошо ли, вопрос другой. Но они это сделали!

— Кто? Что сделали?

— Варяг Яхонтов. Андрей Макаров. Юра Алексеев. Славка Сквернослов. Колька Васнецов. Они сделали это. ХАРПа больше нет!

Басов вытаращил на него свой единственный глаз.

— Кто вы?!

Незнакомец почесал бороду, изображая застенчивую улыбку.

— Вы только не пугайтесь. Но друзья обычно называют меня... ЛЮДОЕД...

* * *

ЧЕЛОВЕК! ПОМНИ!
У ТЕБЯ ОДИН МИР!
ОДНА ПЛАНЕТА!
ОДНА ЖИЗНЬ!
А ЗНАЧИТ, ВСЕГО ОДИН ШАНС!
ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ!

26.10.2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

КОГДА ЗАВИДУЮТ МЕРТВЫМ

Пролог после эпилога 7
1. Снег 8
2. Пришельцы 19
3. Всеми забытые 28
4. Новый день 41
5. Варяг 63
6. Решение 75
7. В путь 97
8. Граница сумасшествия 107
9. Зона поражения 125
10. Москва 141
11. Признаки жизни 154
12. Метрополитен 169
13. Плен? 191
14. Квинтэссенция войны 206
15. Сон разума 224
16. Возвращение 242
17. Листопад 254
18. Амазонки 270
19. Ахиллес и Пентиселея 281
20. Диссонанс 293
21. Записная книжка 304
22. День икс 319
23. Пикник на снегу 331
24. Артель 345
25. Голоса мертвых 360
26. Небо 380
27. Генератор чудес 392
28. Царство рентген 406
29. Письма 431
30. Вавилон 444
31. У тебя его глаза 472
32. Триумф ненависти 488
33. Недра 507

Книга вторая

АД УЖЕ ЗДЕСЬ

1. Урал ... 527
2. Эхо былого ... 553
3. Колыбель ... 567
4. Братство ... 586
5. Конвой ... 604
6. Яма ... 619
7. Катин город ... 649
8. Инстинкт ... 664
9. Пандемониум ... 680
10. Может, и мессия ... 694
11. Ад уже здесь ... 708
12. Птица ... 726
13. Два тирана ... 755
14. Режим ... 769
15. Старшина ... 783
16. Смятение ... 801
17. Легион ... 814
18. Лена ... 829
19. Преемственность ... 849
20. 593 ... 869
21. Alaska ... 886
22. Hospitality ... 898
23. The Last Hope ... 914
24. Dialogue ... 927
25. Democracy ... 944
26. The Last Ivan ... 958
27. Great Inquisitor ... 971
28. Wound ... 984
29. War ... 999
30. H.A.A.R.P. ... 1017

Литературно-художественное издание

СУРЕН ЦОРМУДЯН

ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Елена Терскова, Валентина Гончар
Верстка Ирины Варламовой

Подписано в печать 06.11.2012.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Тираж 3 000 экз.
Усл. печ. л. 55,44. Заказ № 6263.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в филиале «Тульская типография» ОАО «Издательство «Высшая школа».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел: (812) 324-61-49, 388-94-38, 327-04-56, 321-66-58, факс: (812) 321-66-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Сайты в интернете:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

PFAN1234101R

Сурен ЦОРМУДЯН родился в 1978 году во Владивостоке. Всю жизнь провел в военных гарнизонах от Дальнего Востока до Калининградской области. Сам прослужил в Вооруженных силах России более двенадцати лет в звании главного старшины. Имеет диплом психолога. В 2007 году увлекся писательской деятельностью и какое-то время был сетевым автором, публиковал свои работы в Интернете. В конце 2009 года был замечен издателями. Написал две книги для популярной серии «Метро-2033», одна из которых («Странник») завоевала бронзовую премию серии по итогам 2010 года. Изданы также романы «Второго шанса не будет» и «Отражение во мгле». Оба произведения настолько полюбились читателям, что их лично озвучил основатель студии «LostFilm».

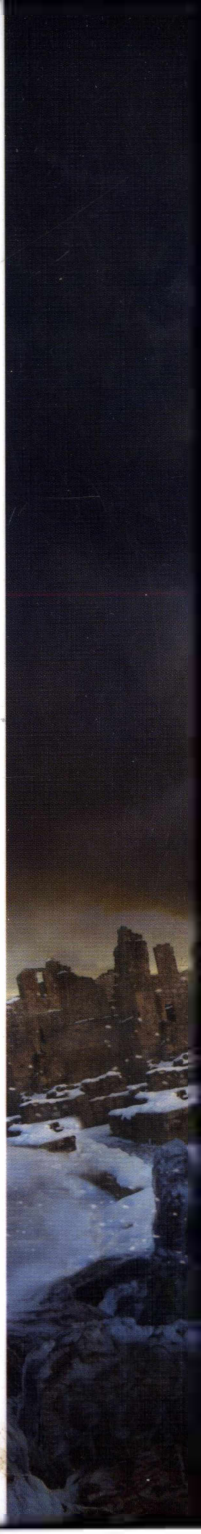

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-05256-7

9 785389 052567 01

www.azbooka.ru